

ДЕАНИА
РЭЙБОРН

ДЕАНИА
РЭЙБОРН

И
С
Т
О
Р
И
Ч
Е
С
К
И
Й

Д
Е
Т
Е
К
Т
И
В

ТАЙНЫ
ВЕРОНИКИ СПИДВЕЛЛ

Annotation

Деанна Рэйборн (Deanna Raybourn) - американская писательница, автор исторических детективов. Деанна родилась 17 июня 1968 года в американском городе Форт-Уэрт. Окончила Техасский университет в Сан-Антонио по специальности "английский язык и история" с акцентом на изучение жизни и творчества Вильяма Шекспира. Преподавала английский язык в средней школе Сан-Антонио, прежде чем заняться написанием книг. "Секс, ложь и потрясающее описание одежды" - так описал один из читателей дебютный роман Деанны "Silent in the Grave", опубликованный в декабре 2007 года. Романы Рэйборн были номинированы на многие награды, в том числе пять премий «RITA», две «RT Reviewers' Choice awards», «The Agatha», две «Dilys Winns», «Last Laugh», и три награды «du Mauriers». По её книгам о леди Джулии Грей в Великобритании к выходу готовится сериал. Деанна с мужем и дочерью живет в Вирджинии.

Содержание:

1. Интригующее начало (Перевод: Татьяна Артюхова)
2. Опасное предприятие (Перевод: Татьяна Артюхова)
3. Зловещее Проклятие (Перевод: Инна Толок)
4. Опасное сотрудничество (Перевод: Инна Толок)
5. Убийственная связь (Перевод: Инна Толок)

-
- [Деанна Рэйборн](#)
 -
 - [Глава первая](#)

- [Глава вторая](#)
- [Глава третья](#)
- [Глава четвертая](#)
- [Глава пятая](#)
- [Глава шестая](#)
- [Глава седьмая](#)
- [Глава восьмая](#)
- [Глава девятая](#)
- [Глава десятая](#)
- [Глава одиннадцатая](#)
- [Глава двенадцатая](#)
- [Глава тринадцатая](#)
- [Глава четырнадцатая](#)
- [Глава пятнадцатая](#)
- [Глава шестнадцатая](#)
- [Глава семнадцатая](#)
- [Глава восемнадцатая](#)
- [Глава девятнадцатая](#)
- [Глава двадцатая](#)
- [Глава двадцать первая](#)
- [Глава двадцать вторая](#)
- [Глава двадцать третья](#)
- [Глава двадцать четвертая](#)
- [Глава двадцать пятая](#)
- [Глава двадцать шестая](#)
- [Глава двадцать седьмая](#)
- [Глава двадцать восьмая](#)
- [Глава двадцать девятая](#)
- [Благодарности](#)
- [Деанна Рэйборн](#)
 -
 -
 -
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)

- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)
- [Глава 21](#)
- [Глава 22](#)
- [Глава 23](#)
- [Глава 24](#)
- [Глава 25](#)
- [Глава 26](#)
- [Глава 27](#)
- [Глава 28](#)
- [Глава 29](#)
- [Благодарности](#)
- [Деанна Рэйборн](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)

- [Глава 15](#)
 - [Глава 16](#)
 - [Глава 17](#)
 - [Глава 18](#)
 - [Глава 19](#)
 - [Глава 20](#)
- [Деанна Рэйборн](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
 - [Глава 15](#)
 - [Глава 16](#)
 - [Глава 17](#)
 - [Глава 18](#)
 - [Глава 19](#)
 - [Глава 20](#)
 - [Глава 21](#)
 - [Авторские замечания](#)
- [Рэйборн Диана](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)

- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)
- [Глава 21](#)
- [Глава 22](#)
- [Глава 23](#)
- [Глава 24](#)
- [Глава 25](#)
- [АВТОРСКИЕ ЗАМЕЧАНИЯ](#)

- [notes](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)

Деанна Рэйборн

Вероника Спидвелл. Интригующее начало

Посвящается Пэм, за все

Глава первая

Июнь 1887 г.

Я смотрела в открытую могилу и мечтала выдавить из себя хоть одну слезинку. Бурные рыдания – это, конечно, проявление невероятно дурного вкуса, но мисс Нелл Харботтл была моим опекуном с самого детства, и пара слезинок стала бы проявлением должного уважения. Викарий пробормотал подобающие молитвы приятным, бархатным голосом, слегка запинаясь на каждом «с». Я впервые заметила эту особенность, и оставалось надеяться, что тетя Нелл не будет этим задета. Она была крайне требовательна в некоторых вещах, и хорошая дикция входила в их число. Со вздохом я положила в карман сухой платок. Смерть тети Нелл не оказалась ни внезапной, ни неожиданной, и наши отношения можно было назвать в лучшем случае чуть теплыми. То, что с ее смертью я окончательно рассталась с детством, не сильно меня беспокоило, когда я стояла на тихом церковном погосте в Литтл-Байфилде. Напротив, я с некоторым смущением ощутила, как во мне растет чувство некой эйфории.

И как будто в ответ на мое настроение подул легкий ветерок, и в нем закружились два бледных крылышка с черными краями и пятнышками. «*Pieris brassicae*», – пробормотала я себе под нос. Капустница обыкновенная, встречается на каждом шагу, но от этого не менее красивая. Она упорхнула на поиски молодой капусты или вкусных настурций, свободная как ветер. Я прекрасно знала, как она себя чувствует. Тетя Нелл была последним обязательством, связывавшим меня с Англией; теперь я стала совершенно свободной и могла идти по миру своим собственным путем.

Викарий завершил молитвы и подал мне знак. Я шагнула вперед и взяла горсть земли, не снимая перчаток. Это была хорошая земля: темная, мягкая, рассыпчатая.

– Какая бессмысленная трата, – пробормотала я. – Для сада она была бы полезней.

«Но это же и есть сад, – вдруг осознала я, обведя взглядом надгробия, выстроившиеся в плотные аккуратные ряды. – Сад мертвых, и его обитатели посажены в землю, чтобы мирно покоиться здесь до тех пор, пока труба Господа не призовет их восстать. По крайней мере, так им

обещал викарий. Лично мне все это казалось очень сомнительным мероприятием. Вот, например, не будут ли вновь восставшие ужасно грязными?» Стряхнув с себя странные мысли, я шагнула вперед и бросила землю. В глухом стуке о крышку гроба мне послышалась некая завершенность; я отряхнула перчатки.

Кто-то деликатно тронул меня за локоть.

– Моя дорогая мисс Спидвелл, – сказал викарий, мягко увлекая меня за собой, – мы с миссис Клаттерторп были бы счастливы, если бы вы зашли к нам немного подкрепить свои силы.

Он ласково улыбнулся.

– Знаю, вы не хотели устраивать ничего официального, но, может быть, просто чашечку чая, чтобы согреться? Ветер сегодня свежий.

Меня не особенно радовала идея пить чай с викарием и его скучной женой, но согласиться оказалось проще, чем придумать предлог для отказа.

Викарий повел меня через ворота церковной ограды по тропинке, ведущей к массивному и неуклюжему зданию ректории. Викарий говорил не умолкая, его слова журчали, как вода; он явно выполнял какие-то указания, преподанные ему в семинарии, например: «Успокоительные беседы с людьми, только что потерявшими близких». Я улыбнулась ему вежливой полуулыбкой, означавшей, что я слушаю, и вновь погрузилась в свои мысли. Но о чем бы я ни задумывалась, меня все время отвлекало странное чувство, будто за нами наблюдают. Я оглянулась назад и заметила в воротах человека, высокого, с красивой, прямой осанкой, которую джентльмен приобретает благодаря или многим поколениям с аристократическим воспитанием, или усердным наказаниям в лучших школах. В его усах, пышных, длинных и закрученных на концах в элегантные колечки, было что-то иностранное, и даже издавек я заметила тонкие следы старых шрамов, пересекавших его левую щеку. «Значит, немец, – решила я, – или австриец. Такие шрамы могли быть только у тевтонов, ведь именно у них есть кровожадная привычка тыкать друг в друга саблями ради спортивного интереса. Но что за дело могло быть у аристократа с континента, заставившее его рыскать у церковного погоста в такой ничем не примечательной деревушке, как Литтл-Байфилд?»

Я повернулась к викарию, чтобы задать ему этот вопрос, но краем глаза уловила некое движение и поняла, что наш посетитель ускользнул. Я перестала думать о нем и вскоре уже сидела в душной гостиной в доме викария, с чашкой чая и тарелкой сэндвичей. Занятая утомительными сборами вещей в нашем коттедже, я не успела даже подумать о еде в часы, следовавшие за смертью тети Нелл. Я усердно принялась за сэндвичи и

пирог; у викария была прекрасная кухарка.

Жена викария слегка приподняла брови, удивляясь моему непомерному аппетиту.

– Я рада, что вы в состоянии немного подкрепить свои силы, мисс Спидвелл.

Я ничего не ответила. Мой рот был занят тортом «Виктория», но даже если б и не был, кажется, в такой ситуации не существовало вежливого ответа. Викарий с женой обменялись многозначительными взглядами; викарий откашлялся.

– Моя дорогая мисс Спидвелл, мы с миссис Клаттерторп, конечно, живо заинтересованы в благополучии всех жителей нашей деревни, а так как вы и ваша тетя переехали сюда относительно недавно, мы готовы предоставить вам любую возможную помощь и поддержку в эти трудные времена.

Я сделала глоток чая, с удовлетворением отметив, что он обжигающе горяч и достаточно крепок. Я ненавидела слабость любого рода, и прежде всего – в своем чае. Но то, что викарий подчеркнул наш «недавний» переезд в деревню, задело меня. Тетя Нелл и правда переехала в маленький коттедж в Литтл-Байфилд только после смерти тети Люси, около трех лет назад, но английские деревни вообще живут крайне замкнуто. Неважно, сколько носков она связала для бедняков или сколько монет собрала на ремонт церковной крыши, тетя Нелл всегда была бы здесь новичком, даже если прожила бы среди этих людей полвека. Я ощутила, как во мне зашевелился бунтарский дух, и решила, что теперь, после ухода тети Нелл, нет никакой необходимости его сдерживать.

– Она не была моей тетей.

Викарий моргнул.

– Прошу прощения?

– Мисс Нелл Харботтл не была моей тетей. Она так называла себя из соображений удобства, но мы не были родней. Мисс Харботтл и ее сестра, мисс Люси Харботтл, взяли меня к себе и вырастили. Если точнее, я была незаконнорожденной сиротой-подкидышем.

Жена викария выпрямилась на своем стуле.

– Дорогая, вы так открыто говорите о подобных вещах.

– А что, не следует? – спросила я как можно более вежливо. – Нет ничего постыдного в том, что я сирота, и даже в том, что мои родители не были женаты – по крайней мере, ничего, чего бы мне следовало стыдиться. Просто так уж мне привелось родиться, вот и все.

Еще один обмен многозначительными взглядами между викарием и

его женой, но я сделала вид, что не заметила этого. Я осознавала, что мои суждения о подобных материях крайне необычны. Пока я росла, мы постоянно переезжали с места на место, и в каждой деревушке, какой бы милой и тихой она ни была, находился тот, кто начинал сплетничать и осуждать. Факт, что моя фамилия отличалась от фамилии моих опекунов, всегда вызывал подозрения, и очень скоро я начинала слышать перешептывания о том, что грехи отцов отражаются на детях, иногда из уст самой тети Нелл. Тетя Люси всегда меня защищала. Ее никогда не покидала теплая привязанность ко мне, но что касается тети Нелл, то ее характер испортился, а нервы расшатались из-за постоянных переездов. Она настороженно смотрела на то, как я росла, и со временем эта настороженность стала отдаленно напоминать неприязнь. Пока за мной присматривала тетя Люси, тетя Нелл редко осмеливалась облекать свои чувства в слова, но я понимала, что ее просто выводят из себя мое прекрасное душевное состояние и отменное здоровье. Думаю, она сочла бы более правильным, если бы у меня был горб или лицо в рытвинах, что выдавало бы во мне продукт греха. Я понимала: причина ее возмущения в том, что она оказалась отвергнутой, будто носила особую печать, и становилась объектом сплетен у того самого христианского люда, к которому она так страстно желала себя причислить, такого как, к примеру, Клаттерторпы.

– Боюсь, мы не имели удовольствия быть знакомы с сестрой мисс Харботтл, – начал викарий.

Я восприняла это предложение как просьбу рассказать подробнее и быстро проглотила кусок пирога, чтобы ее выполнить.

– Мисс Люси Харботтл умерла около трех лет назад в Кенте... Ой, нет, я ошиблась, – я в задумчивости постучала пальцем по лбу, – это было в Ланкашире, уже после Кента.

– В самом деле? Кажется, вы жили во многих местах, – заметила жена викария, и только по слегка поджатым губам можно было догадаться, что менять дома почти так же часто, как ботинки, не казалось ей признаком хорошего вкуса.

Я пожала плечами.

– Мои опекуны не любили подолгу жить на одном месте. Мы часто переезжали, и мне посчастливилось пожить почти во всех уголках этой страны.

Ее губы сжались еще сильнее.

– Я не могу этого понять, – решительно произнесла миссис Клаттерторп. – Это неправильно: срывать ребенка с места таким

бесцеремонным образом. Нужно обеспечить постоянный дом тому, кого растишь.

У миссис Клаттерторп не было собственных детей, и она имела склонность к подобным заявлениям. Она также очень любила раздавать указания о том, как детей следует воспитывать, кормить, одевать и обучать грамоте. Ее муж, вероятно, уже научился игнорировать подобные высказывания, но я, будучи относительно новым человеком в деревне, пока еще к этому не привыкла.

Я посмотрела на жену викария так же отстраненно, как могла бы рассматривать раздавленную гусеницу.

– Правда? Я нахожу это довольно обыкновенным и очень полезным делом, – сказала я наконец.

– Полезным? – Викарий в удивлении приподнял брови.

– Я научилась общаться с очень разными людьми при разнообразных обстоятельствах, не нуждаться ни в ком для развлечения и ни от кого не ждать поддержки. Я обрела уверенность в себе и независимость и могу положиться на эти качества в нынешней ситуации.

Его брови вернулись на место.

– Да, вы как раз и подвели нас к самой сути этой беседы, – сказал он с видимым облегчением.

Прежде чем он успел продолжить, жена привычно перебила его.

– Дорогая, вы, без сомнения, сочтете нас излишне навязчивыми, – начала она, наградив меня взглядом, позволяющим мне именно так и поступить, – но нас с викарием крайне беспокоит ваше благополучие.

Я проглотила последний кусок пирога и стряхнула с пальцев крошки.

– Вы действуете из лучших побуждений, миссис Клаттерторп, я в этом не сомневаюсь. Но смею вас уверить: я сама могу прекрасно позаботиться о своем благополучии.

Мистер Клаттерторп казался немного обескураженным, но его супругу было не так легко смутить. Она сухо мне улыбнулась.

– Не сомневаюсь, что вы так считаете. Но юные леди, – сказала она с легким ударением на слове «юные», означавшим, что в действительности она подразумевала нечто совсем иное, – не всегда понимают, что для них будет лучше. Вы должны позволить нам руководить вами, отдав должное нашим годам и житейской мудрости.

Я взглянула на мистера Клаттерторпа, но не нашла у него поддержки. Он так внимательно изучал сэндвич с рыбным паштетом, будто это была самая интересная вещь на свете. Я его не виню. Мне кажется, что самым простым путем к спокойной жизни для него была капитуляция перед женой

при всякой возможности.

– Как я уже сказала, миссис Клаттерторп, я уже все устроила сама.

Викарий радостно поднял глаза от сэндвича.

– А, так, значит, вы устроены? Ты слышала, Марджори? Нам не нужно больше беспокоиться о мисс Спидвелл, – закончил он, повернувшись к жене с веселой улыбкой.

Она сжала губы.

– Что бы там ни устроила мисс Спидвелл, я уверена, она быстро все отменит, как только узнает о моем разговоре с мистером Бриттеном сегодня утром, – сказала она с удовлетворением.

– Мистер Бриттен – это фермер с крепким хозяйством, очень преуспевающий, – продолжала она. – И с тех пор, как умерла бедная миссис Бриттен, он очень нуждается в жене для себя и матери для своих малышей. Вы станете матерью шестерых!

Я наклонила голову и смотрела на жену викария в задумчивости, размышляя над ответом. Наконец я решила сказать правду без всяких прикрас.

– Миссис Клаттерторп, мне сложно представить себе более печальную участь, чем быть матерью шестерых детей. Пожалуй, хуже может быть только чума, да и то, убеждена, несколько безобразных бубонов и вероятная смерть были бы для меня предпочтительнее материнства.

На секунду она стала белой как полотно, затем ее щеки запылали. Викарий вынул платок и закашлялся, но, когда я предложила ему помощь, отказался, добродушно отмахнувшись.

К миссис Клаттерторп вернулось самообладание, но она с такой силой вцепилась в подлокотники своего стула, что под тонкой кожей проступили все костяшки пальцев.

– Я слышала, что вы любите пошутить. Вероятно, вас очень забавляет смущение благовоспитанной публики.

Я всплеснула руками и постаралась придать лицу нужное выражение.

– Нет-нет, что вы, миссис Клаттерторп, я никого не хочу смущать. Это как-то само происходит. У меня есть ужасная привычка: говорить то, что думаю, – а от такого сложно избавиться, так что теперь вы сами видите, что предложение выйти замуж за этого мистера Бриттена совершенно никуда не годится.

– Это не мое предложение никуда не годится, – холодно отчеканила она. – До сих пор я игнорировала слухи, долетавшие до моих ушей, относительно вашего поведения за границей, но раз вы сами настаиваете на честности, давайте поговорим начистоту.

Я улыбнулась ей с испепеляющей вежливостью и ответила самым ласковым голосом:

– Какие слухи, миссис Клаттерторп?

Краска, уже почти сошедшая, снова залила ее лицо; оно даже покрылось пятнами. Она метнула взгляд на мужа, но он поспешно наклонился, занявшись пуговицами на своих ботинках, чтобы спрятать глаза.

– Приличная женщина не должна говорить о подобных вещах, – ответила она, явно наслаждаясь возможностью заняться именно этим.

– Но вы сами затронули их в разговоре, – вежливо напомнила я. – Так что давайте поговорим открыто. Что за слухи?

– Ну что ж, прекрасно, – с вызовом сказала она. – Мне достоверно известно, что во время своего путешествия на Сицилию вы аморально вели себя с неким американцем.

Она осмотрела меня с ног до головы; в ее глазах читалось осуждение.

– О да, мисс Спидвелл, мы наслышаны о вашем нескромном поведении. Вам очень повезло, что мистер Бриттен готов закрыть глаза на подобные недостатки в своей будущей жене.

Моя улыбка больше напоминала волчий оскал.

– А кто же ему о них рассказал? Не отвечайте, думаю, я и сама догадалась.

Я поднялась и взяла перчатки. Викарий вскочил на ноги, но я жестом остановила его.

– Благодарю вас за вашу доброту во время тетиной болезни. Мы больше не увидимся. Уже сегодня вечером я отправляюсь в следующее путешествие.

Он заговорщически кивнул.

– Опять бабочки?

– А что же еще?

Он пожал мне руку, но, прежде чем я успела спастись бегством, миссис Клаттерторп вскочила на ноги и бросилась в новую атаку.

– Вы глупая и разнузданная особа, – решительно заявила она. – Вы не можете вот так, в одиночку, отправиться в большой мир и отказаться от перспективы прекрасно выйти замуж за человека, который готов сквозь пальцы смотреть на несмыаемый позор совершенных вами беззаконий.

– Я определенно намерена сама быть хозяйкой собственной судьбы, миссис Клаттерторп, но понимаю, каким странным это может казаться вам. Не ваша вина, что вы абсолютно лишены воображения. Я бы списала это на ваше образование.

Миссис Клаттерторп застыла с открытым ртом, беззвучно шевеля губами.

Я прошла мимо нее, но в прихожей обернулась.

— Да, кстати, и можете сказать своим источникам, что на Сицилии был не американец, а швед. Американец был в Коста-Рике.

Глава вторая

Шагая по тропинке к коттеджу «Королек», я вдруг осознала, какой легкой стала моя поступь. Нужно быть благодарной Клаттерторпам, – подумала я. Я чувствовала себя немного вяло после долгих мрачных месяцев, когда уходила тетя Нелл, но визит к викарию очень меня взбодрил. Мой характер всегда проявлялся в полной мере, когда кто-то пытался мне помешать; бедные тетя Нелл и тетя Люси узнали это на собственном горьком опыте. Я была упрямым, своенравным ребенком и, повзрослев, начала осознавать, чего стоило этим двум старым девам приспособиться к нему и найти для него место в своей жизни. Именно поэтому, став старше, я прилагала все усилия, чтобы обуздать свое упрямство и быть с ними веселой и спокойной. И по этой же причине мне пришлось в конце концов спасаться бегством: при каждом удобном случае я меняла Англию на тропический климат, где могла предаваться своей страсти к лепидоптерологии. Во время первой же экспедиции по изучению бабочек, которую я предприняла в возрасте восемнадцати лет (тогда я месяц прожила в Швейцарии), я обнаружила, что мужчины могут быть почти так же интересны, как мотыльки.

Совершенно неудивительно, что я испытывала по отношению к ним такое любопытство. Ведь я выросла в доме, населенном исключительно женщинами.

Дружба с противоположным полом активно не поощрялась, и единственными мужчинами, кто хоть изредка показывался в наших дверях, были те, кто олицетворял собой важные профессии: врачи и викарии в выцветших черных плащах, с мрачным выражением лица. Деревенские мальчишки и кузнецы в кожаных фартуках были строго за пределами моего общения, и когда прекрасный экземпляр этого пола предоставил себя для более близкого изучения, я поступила так, как поступил бы всякий хороший студент-биолог. Первый поцелуй мне обеспечил пастух в лесу неподалеку от Женевы. Я наняла его проводником на альпийский луг, где можно было бы с пользой применить мой сачок для ловли бабочек. И пока я нацеливалась на *Polyommatus damon*, он нацелился на меня, и вскоре поцелуи показались мне даже лучшим развлечением, чем бабочки. По крайней мере, на один вечер. Этот опыт принес мне огромное удовольствие, но я ясно осознавала, с какими проблемами могу столкнуться, если не буду в достаточной степени осторожна. Вернувшись в

Англию, я досконально изучила устройство своего организма и, вооружившись необходимыми знаниями и предосторожностями, а также экземпляром крайне информативного «Искусства любви» Овидия, в полной мере насладились новым исследованием бабочек и еще более – незаконными удовольствиями.

Со временем я выработала ряд правил, от которых никогда не отступала. Хотя я и позволяла себе легкие увлечения во время путешествий, но никогда не пыталась вступать в отношения в Англии или с англичанами, не допускала свободы в обращении с женатыми или обрученными джентльменами и ни с кем не поддерживала переписку по возвращении домой. Моими трофеями становились холостые иностранцы, привлекавшие меня своим обаянием, красивой внешностью, а также обходительностью. Это были курортные романы, легкие и недолговечные, как пух на одуванчиках, но от этого приносящие не меньшее удовольствие. Я безмерно наслаждалась ими в путешествиях и каждый раз возвращалась в Англию отдохнувшей, насытившейся и в прекрасном расположении духа. Я была бы счастлива рекомендовать такие занятия любой девице из круга моих знакомств, но достаточно хорошо понимала всю тщетность подобных предложений. То, что для меня было лишь полезными для здоровья упражнениями и милым флиртом, считалось ужаснейшим грехом для дам наподобие миссис Клаттерторп, а мир был полон Клаттерторпами.

Наклонившись, чтобы сорвать веточку ракутника, я подумала, что скоро все это останется в прошлом. Его лепестки пылали ярко-желтым цветом, напоминая о том, что скоро наступит долгое солнечное лето, которое я проведу не в Англии, – осознала я со смешанным чувством. Всякий раз перед началом нового путешествия я ощущала прилив ностальгии, острой, как игла. Эта поездка должна занести меня на другой конец земного шара, на край Тихого океана, и, вероятно, на долгое время. Я провела долгие холодные весенние месяцы у постели тети Нелл, накладывая горчичники и читая вслух духоподъемные романы, и все это время мечтала только о жарких, душных джунглях на острове, где над головой порхают бабочки размером с ладонь.

Мечты хорошо отвлекали меня от вечного недовольства тети Нелл. Она была то раздражительной, то мрачной, негодовала на то, что умирает, и испытывала отвращение, оттого что не может сделать это быстрее. Доктор прописал ей большие дозы морфина, и она редко бывала в ясном сознании. Много раз я замечала, что она смотрит на меня, губы приоткрыты, будто собирается заговорить. Но не успевала я вопросительно приподнять бровь, как она вновь закрывала рот и отсылала меня. Так продолжалось до тех

пор, пока ее совершенно неожиданно не настиг последний приступ; тогда она пыталась заговорить, но поняла, что уже не может. Лишившись речи, она пробовала писать, но ее руки были очень слабы, непослушны после удара, который и сковал ее язык; она так и умерла с чем-то недосказанным.

– Скорее всего, она хотела напомнить мне, что нужно заплатить молочнику, – сказала я, вставив веточку ракитника в петлицу. Но я оплачивала счета за молоко так же быстро и эффективно, как вообще все, что я делала в последние месяцы. Все дела с доктором, мясником и пекарем уже были улажены. Я оплатила аренду коттеджа до конца квартала на Иванов день. Большая часть мебели была вывезена и продана, осталось лишь несколько предметов, бывших в коттедже изначально: пара стульев, кухонный стол, страшно вытертый ковер да жалкий натюрморт, будто бы написанный человеком, не выносившим фрукты. Все имущество Харболлтов и последние из бережно собранных мною бабочек были проданы, чтобы спонсировать мою следующую экспедицию.

Все, что мне оставалось сделать, – это взять свой небольшой саквояж и оставить ключ от дома под половиком. При условии, конечно, что я смогу найти ключ. Народ в деревне удивительно свободно относился к таким вещам, как ключи, и к тому, чтобы дожидаться приглашения, – отметила я, остановившись у порога. Дверь коттеджа была приоткрыта, и я почти не сомневалась в том, что одна из деревенских матрон воспользовалась моим отсутствием, чтобы заглянуть ко мне со сладким или мясным пирогом мне на ужин. Тетя Нелл не была настолько популярна, чтобы собрать на свои похороны обитателей Литтл-Байфилда, но подходящая незамужняя девица могла привлечь к себе их всем скопом, с бисквитами и утешениями или, того хуже, непристроенными сыновьями. «Невестка с хорошими навыками сиделки стала бы огромной удачей для любой старой вдовы», – с содроганием подумала я. Я распахнула дверь, готовясь исполнить свой долг и предложить чая, но приветствие замерло у меня на губах. Гостиная была совершенно разгромлена, ковер – усыпан обломками плетеного кресла. Единственная картина (посредственный натюрморт) была изрезана, а рама – разбита в щепки; подушки при оконного диванчика вспороты, и пух из них до сих пор лениво кружил по комнате.

Когда мой взгляд упал на оседавшие на пол перья, я осознала, что, кто бы все это ни сотворил, он был здесь всего несколько минут назад. И тут же из кухни послышался скрип. Я была не одна.

Мысли так быстро пронеслись в моей голове, что я не успела все как следует обдумать. За моей спиной была открытая дверь. Я вошла бесшумно. Чтобы сбежать, мне достаточно было повернуться на каблуках и

выскользнуть на улицу тем же путем, что и пришла. Но вместо этого моя рука будто по собственной воле потянулась к стойке для зонтиков и вытащила оттуда меч– трость, приобретенный мною в Италии.

Сердце забилося в предвкушении. Меч-трость был серьезной вещью, сделан из хорошего, крепкого дерева. Я нажала на кнопку, чтобы приоткрыть футляр, и клинок высвободился с легким сопротивлением. Само лезвие притупилось, ведь уже несколько лет никто не натачивал его и не смазывал маслом, но мне приятно было смотреть на опасно блестящее острие. «Лучше колоть, а не рубить», – напомнила я себе, двигаясь в сторону кухни.

Шум и звон в ней подсказывали мне, что грабитель еще не улизнул, более того, не догадывался о моем присутствии. У меня было преимущество внезапности, и, вооружившись им, а также моим клинком, я распахнула дверь и издала крик, который, в моем представлении, должен был напоминать боевой клич маори.

В тот же миг я осознала свою ошибку. Мужчина был огромный, и только тогда я сообразила, что пренебрегла существенной предосторожностью: соразмерить свои силы с силами противника до того, как бросаться в атаку. В высоту он был гораздо больше шести футов, а плечи имел такие широкие, что они перегородили бы любой дверной проем. Он был в твидовой кепке, низко опущенной на глаза и почти полностью скрывавшей лицо, но я различила огненно-рыжую бороду и недовольную гримасу от внезапного вторжения.

К моему удивлению, он не воспользовался преимуществом своей комплекции, чтобы одолеть меня; а вместо этого опрокинул длинный сосновый стол, чтобы преградить мне путь. Самым осторожным в этом случае было бы просто дать ему уйти, но я не видела особого обаяния в осторожности. При виде разгромленного дома во мне вскипел гнев, и, не успев принять взвешенного решения, я перескочила через стол и бросилась за ним по садовой дорожке. Он превосходил меня размерами, но у меня было преимущество на местности; в отличие от него, я знала здесь каждый уголок. Он бежал по мощеной дорожке к краю сада, туда, где проходила большая дорога, а я резко свернула налево, решив срезать путь через живую изгородь. Я нырнула в густые заросли и, запыхавшись, вынырнула с противоположной стороны как раз в тот момент, когда он пробежал мимо. Я успела рывком ухватить его за рукав.

Он вздрогнул, глаза его широко раскрылись от удивления и смущения. Мгновение он колебался, и я подняла свой меч-трость.

– Что вы делали в коттедже «Королек»? – воскликнула я.

Он метнул взгляд в конец дороги, где его ждал экипаж, и, кажется, на что-то решился. Я вновь взмахнула мечом, но он просто подался вперед, отвел клинок в сторону одной мощной рукой, а другой крепко схватил меня за запястье. Он резко вывернул мне руку, и я, вскрикнув, выронила трость.

Он потащил меня к экипажу. Я упиралась изо всех сил, но совершенно без толку. Моя худенькая фигурка, хоть и достаточно спортивная и гибкая для ловли бабочек, не представляла сколько-нибудь ощутимого препятствия для преступных намерений этого типа. Я наклонила голову и вцепилась зубами в самую мясистую часть его ладони, у основания большого пальца. Он взвыл от боли и ярости и начал трясти рукой, но меня при этом не выпустил. Другой рукой он схватил меня за горло и сжимал тем сильнее, чем глубже я вонзалась в него зубами, словно терьер в крысу.

– Сейчас же отпусти ее! – послышался голос позади нас.

Я взглянула через плечо и увидела джентльмена с континента, которого заметила утром в воротах. Он был старше, чем мне тогда показалось; с такого расстояния я различила морщинки вокруг глаз и глубокие складки на обеих щеках, а на левой – многочисленные шрамы от дуэлей. Но перед этим негодяем джентльмен не стал обнажать шпагу. Вместо этого он держал в руке револьвер, целясь прямо в мерзавца.

– Пусть проваливает к чертям! – прорычал тот и грубо толкнул меня прямо в руки джентльмена. Мой спаситель бросил револьвер, чтобы меня подхватить, и осторожно вновь поставил на ноги.

– Мисс Спидвелл, вы в порядке? – спросил он с большим беспокойством.

Я лишь простонала от нетерпения, так как грабитель уже добрался до конца дороги и вскочил в поджидавший его экипаж. Лошади сорвались с места, и повозка понеслась так, будто сами адские псы гнались за ней.

– Он сейчас уйдет!

– Думаю, это к лучшему, – мягко ответил мой герой, убирая револьвер.

Я повернулась к нему и тут заметила, что его бровь обильно кровоточит.

– Вы ранены, – сказала я, кивком указав ему на голову.

Он прижал к ране палец и слегка улыбнулся.

– Пожалуй, я уже староват, чтобы продираться через изгородь. – Он горестно усмехнулся. – Но, думаю, это не столь тяжелая рана, как мне доводилось получать прежде, – добавил он, и мой взгляд упал на шрамы на его щеке.

– И все же ее стоит обработать.

Я вытащила из кармана носовой платок (не смешной тонкий лоскуток,

из тех, что носят модные дамы, а нормальных размеров квадрат из прочного батиста), прижала к его брови и, улыбнувшись, добавила:

– Никак не могла ожидать подобных приключений в такой деревушке, как Литтл-Байфилд. Спасибо вам за то, что вы так вовремя вмешались, сэр. Я была готова прокусить ему руку до кости, но рада, что необходимость в этом отпала. Он был не очень-то приятен на вкус, – добавила я с гримасой отвращения.

– Мисс Вероника Спидвелл, – пробормотал он, и из-за его среднеевропейского акцента это прозвучало немного хрипло.

– Да, это я. Мне кажется, у вас передо мной преимущество, – ответила я ему.

– Простите меня за столь неофициальное знакомство, – сказал он, протянув мне свою визитку. – Я барон Максимилиан фон Штауффенбах.

Карточка была из плотной бумаги и как будто дышала благосостоянием и хорошим вкусом; я провела пальцем по выпуклым линиям герба. Барон щелкнул каблуками и элегантно поклонился.

* * *

– Прошу прощения, что не приглашаю вас присесть, – извинилась я, когда мы вернулись в дом и зашли в кухню, – и даже чашечки чая не предложу: как видите, недавно мой дом подвергся разбойному нападению.

Взгляд барона из-под тонких седых бровей стал суровым, когда он обвел глазами разгромленную комнату.

– Пропало ли что-нибудь важное?

Я подошла к полке, где обычно гордо стояла жестяная шкатулка для шитья в форме свиньи. Она упала на пол и закатилась в угол. Неудивительно, что взломщик не обратил на нее внимания. Тетя Люси твердо верила, что деньги нужно хранить на самом видном месте, аргументируя это тем, что большинство воров – мужчины, а мужчине никогда не придет в голову искать ценности в таком простом и уютном предмете, как шкатулка для шитья. Я опустилась на четвереньки, чтобы поднять ее. По традиции в ней хранилось все благосостояние Харботтлов: несколько банкнот и какое-то количество монет разного достоинства. Я потрясла ее, и она зазвенела, но не так весело, как до похорон.

– Нет, это единственная ценность в доме, и, кажется, ее не тронули. Странно, что он не открыл ее: может быть, просто не заметил в спешке. Кухню он просто вверх дном перевернул. Придется возиться здесь целую

вечность, чтобы все убрать, – с досадой отметила я.

С минуту барон молчал, будто сосредоточенно что-то обдумывая, а потом встрепенулся, пробормотав про себя: «Да, иначе никак».

– Прошу прощения, барон?

– Ничего, дитя, – ласково ответил он. – Не хочу вас пугать, дорогая, но, думаю, сейчас мне следует говорить открыто. Вероятно, ваша жизнь в опасности.

– В опасности?! Уверяю вас, это не так. Здесь совершенно нечего красть, а этот вор уж точно не вернется после того, как мы припугнули его клинком и револьвером, – заметила я, но сомнения барона было не так легко развеять.

Он сжал мою руку, и я поразились силе этих нежных, элегантных пальцев.

– Я не шучу. Я прочитал в газете заметку о смерти вашего опекуна и сразу отправился сюда, но обнаружил, что они меня уже опередили. Я практически опоздал.

Он резко умолк, будто сообщил больше, чем намеревался, но я уже ухватила за его слова.

– Вы сказали «они». Думаете, у грабителя есть друзья с преступными намерениями по отношению ко мне?

Он покачал головой.

– Вы видели экипаж. Какой разбойник будет разъезжать на собственной карете?! Дитя мое, я ничего не могу объяснить. Могу только сказать, что вам нужно срочно покинуть это место, сейчас же. Вы прогнали его, но он вернется, и не один.

– Вы его знаете?

Его пальцы сжали мою руку с еще большим отчаянием.

– Нет, не знаю, но могу предположить. И ваша жизнь сейчас, возможно, зависит от того, сумею ли я убедить вас, что я не сумасшедший и говорю правду. Но как же мне вас убедить? Вы должны поверить! Я барон фон Штауффенбах, – беспомощно повторил он голосом, глухим от переживания. – Милое дитя, прошу вас, если вы не согласитесь отправиться со мной в Лондон, по крайней мере, позвольте мне посадить вас на поезд. Вы вправе отправиться в любой уголок земного шара, расходы я возьму на себя. Но я должен убедиться, что вы в безопасности.

Я всегда придерживалась принципа, что нужно прислушиваться к своей интуиции; так я поступила и на этот раз. Явное отчаяние этого джентльмена выглядело очень убедительно, но принять решение мне помогла его готовность позволить мне самой выбрать, куда я хочу

отправиться. Да... в этот момент должны были появиться дрожь предчувствия, холодок предвидения того, что это решение – уехать вместе с бароном – окажется самым важным в моей жизни. Но ничего такого не было. Я испытывала лишь легкое удивление его взволнованностью и естественный душевный подъем, который я чувствую в начале всякого большого путешествия. Но сильнее всего этого было чувство холодного удовлетворения тем, что я сэкономлю на билете до Лондона. Позднее меня очень забавляла мысль, что в тот день моя жизнь изменилась из-за мелкой монетки.

Он указал на входную дверь:

– Мой экипаж ждет снаружи, и я полностью к вашим услугам.

– А что будет в Лондоне?

Он покачал головой:

– Мне придется все продумать в пути. Такого я не предвидел.

Он снова начал что-то бормотать, на этот раз по-немецки, и тогда я накрыла его руку своей.

– Я поеду.

Кажется, он помолодел на много лет.

– Слава богу!

Я немного отстранилась.

– Мне только нужно взять вещи.

Барон протестующе помотал головой.

– Милое дитя, мы не можем мешкать. Время для нас сейчас важнее всего.

Я ободряющее похлопала его по плечу.

– Дорогой барон, все уже собрано.

Глава третья

Я была верна своему слову и спустя десять минут после того, как пообещала барону отправиться вместе с ним, уже сидела в его экипаже, а мой саквояж и сачок лежали на сиденье рядом со мной. К остаткам богатства Харботтлов я приложила записку для хозяина дома и сочла этот вопрос закрытым. Я рассудила, что этой суммы будет достаточно, чтобы возместить нанесенный ущерб. Я забрала только собственные скромные сбережения, аккуратно спрятанные в потайном кармане жакета, сменила траурный наряд на костюм своей собственной модели, и барон с любопытством меня осмотрел.

– Вы совсем не такая, как я ожидал, – осмелился он наконец произнести, но голос его был добрым, а глаза излучали теплоту.

Я кивнула.

– Я редко соответствую чьим-либо ожиданиям. Я много раз пыталась, уверяю вас. Меня вырастили в убеждении, что я должна совершать добрые дела и вести себя правильно, благопристойно, но я все равно постоянно творю что-то неожиданное. Что-то во мне всегда выдает, кем я являюсь в действительности.

– И кто же вы, дитя?

– Женщина в поисках приключений, – ответила я серьезно.

Барон смерил меня взглядом с головы до ног.

– И эти приспособления вам в этом помогают?

Я была очень горда своим костюмом. Прямые сапоги на шнуровке, достигающие почти до колен и защищающие, таким образом, нижнюю часть ног от колючек и веток во время охоты на бабочек. Я придала своему корсету более спортивную форму с помощью легких стальных косточек, которые в случае необходимости могли быть использованы в качестве оружия. На мне были облегающие брюки, заправленные в сапоги, а поверх них – узкая юбка со сложной конструкцией пуговиц, позволяющей поднять юбку до колена или полностью снять ее, чтобы скакать на лошади. Вдобавок у меня был подходящий жакет с целой системой потайных карманов; в один из них я спрятала свой талисман, с которым никогда не расставалась, – крошечную мышку из серого вельвета по имени Честер, последнее напоминание о детстве.

Единственным ювелирным изделием на мне был компас с крышкой, приколотый к жакету, – подарок от тети Люси в честь моей первой

экспедиции. «Так ты всегда найдешь путь домой, девочка моя», – сказала она с блестящими от сдерживаемых слез глазами. От тети Нелл на мне ничего не было, кроме требования к безупречно белому воротничку. Этот любопытный костюм был сшит из практичной темно-серой шерсти, но я позволила себе несколько малополезных дополнений. Серая шерсть была отделана завитками щегольского черного шелка, а шляпа представляла собой верх совершенства. С широкими полями и удобной глубокой тульей, она была изготовлена из черной соломы и обернута длинным шелковым черным тюлем, который можно было опустить на лицо в случае, если вокруг окажется рой пчел. Сбоку я приколола букетик алых шелковых роз – всплеск яркого цвета, перед которым я не смогла устоять. Но даже от них была польза в поле, где они становились приманкой для изящных экземпляров с влажными крыльями.

Шляпа была придумана по вдохновению, и я отдельно пояснила это барону.

– Понимаете, мода на узкие поля вынудила женщин помимо шляпы носить еще и зонтик от солнца, но это означает, что у них всегда заняты руки. С этой шляпой я полностью защищена от атмосферных явлений, а руки ничем не обременены. Могу опустить вуаль, чтобы скрыть лицо, а шляпная булавка специальной конструкции вполне может служить оружием.

Я засмеялась.

– Барон, не нужно смотреть так взволнованно, я не собираюсь ею воспользоваться.

– Даже когда обнаружите взломщика в своем доме?

Я сложила руки на коленях.

– Да, кстати, об этом. Вы сказали, что считаете, будто моя жизнь в опасности, но вынуждена заявить: я думаю, что вы ошибаетесь. Нет, этот тип был обычным проходимцем в поисках легкой наживы. Несомненно, он, как и вы, прочитал в газетах о кончине бедной тети Нелл и понял, что коттедж будет пуст во время похорон. Это довольно распространенный случай. Парень был просто взломщиком, который воспользовался подходящим моментом, и я застала его врасплох, вернувшись немного раньше, чем он ожидал. Когда я погналась за ним, он взволновался от мысли о том, что кто-то видел его преступление, и попытался запугать меня, притворившись, что хочет меня похитить. Вот и все.

Взгляд барона изобразил страдание.

– Но если вы на самом деле не верите, что ваша жизнь в опасности, почему же вы согласились уехать со мной?

Я ответила подчеркнуто терпеливо:

– Потому что вы уезжали из Литтл-Байфилда. Я в любом случае собиралась покинуть его сегодня же, но вы очень благородно предложили мне сэкономить на билете до Лондона. Я перед вами в долгу.

Барон щелкнул языком и пробормотал проклятье по-немецки.

– А я-то думал, что убедил вас. Дитя мое, что я должен сказать, чтобы вы поверили, что вас поджидает ужасная опасность?

– Все это, без сомнения, не может быть так ужасно. Думаю, вы просто очень голодны. Я убедилась, что все кажется более мрачным, когда человек голоден или устал.

Я потянулась к саквяжу и расстегнула ремни.

– У меня есть немного яблок и сыра. К сожалению, хлеба нет, но и этого нам хватит до тех пор, пока не остановимся перекусить.

Я предложила ему яблоко и кусок запотевшего чеддера, барон взял их и повертел в руках.

– Яблоко уже стало мягким, но оно из сада в Литтл-Байфилде и очень сладкое, обещаю, – добавила я.

Барон покачал головой.

– Мне не нужна еда, дорогая.

– А спиртное?

Я стала копаться в сумке в поисках фляжки и торжественно извлекла ее на свет.

– Немного какой-то жидкости, которую я раздобыла в Южной Америке. Прекрасно помогает успокоить нервы.

Он отдал мне еду, а фляжку взял и, сделав большой глоток, сильно закашлялся.

– Приятная вещь, – выдавил он.

Я оценивающе посмотрела на него.

– Рада сообщить, что у вас заметно порозовели щеки. Знаете, вы выглядели очень бледным. У вас проблемы со здоровьем?

– Сердце, – ответил он, возвращая мне фляжку. – Иногда дыхание, мне тяжело делать вдох. Иногда что-то болит в груди. Но я еще не завершил все дела.

– Дела? – я аккуратно уложила фляжку на место и завернула еду в чистое полотенце. – Какого рода дела?

– Позаботиться о вашей безопасности, – мягко ответил он, и именно доброта в его голосе особенно привлекла мое внимание. Я стала всматриваться в него, останавливая взгляд на запоминающихся чертах: аристократические брови, аккуратной формы губы под пышными усами,

изящные руки, свободно лежащие на коленях, внимательные глаза, устремленные на меня.

– У вас ее глаза, – пробормотал он наконец. – Глаза вашей матери.

Мое сердце подскочило так сильно, что я чуть не задохнулась. С минуту я была неспособна говорить, а когда смогла, мой обычно низкий и спокойный голос стал вдруг очень высоким и торопливым:

– Вы были знакомы с моей матерью?! Как это удивительно. Признаюсь, я ничего о ней не знаю.

После некоторого колебания он сказал просто:

– Она была самым прекрасным созданием из всех, кого я когда-либо встречал.

Я криво усмехнулась:

– Тогда, значит, я ни капельки на нее не похожа.

Как я и ожидала, барон выразил бурный протест.

– Наверное, нет на свете другой такой хорошенькой женщины, которая бы совершенно этого не замечала, – решительно заявил он. Он взял меня за подбородок и покрутил мое лицо во все стороны, внимательно его рассматривая. – Вы похожи как близнецы. Это даже жутко – я будто снова смотрю на нее: те же губы, скулы и, конечно, глаза. Ни до, ни после я не встречал людей с таким цветом глаз.

– Тетя Нелл обычно говорила, что непорядочно иметь фиолетовые глаза. Это такой же явный признак дурной натуры, как рыжие волосы или горбатая спина. А деревенские дети всегда дразнили меня злым эльфом и говорили, что меня подменили в детстве.

– Дети бывают очень глупыми, – сердито сказал барон.

– И скучными. Именно поэтому я не питаю никакого желания становиться матерью шестерых, – добавила я.

Он приподнял брови:

– Шестерых? Откуда такое удивительное число?

– Сегодня утром мне поступило удивительное предложение, но давайте не будем об этом. Конечно, я не хочу становиться оплачиваемой сиделкой, но и невесткой – тоже не хочу. Я уже достаточно ухаживала за пожилыми дамами, – в задумчивости добавила я.

– Но они были добры к вам? – спросил он, и его голос дрогнул от волнения. – Эти леди Харботтл? Они хорошо с вами обходились?

– О да. Меня кормили и одевали, и, кажется, я ни в чем не нуждалась. Каждый сезон мне покупали новое платье, и всегда было что почитать. Конечно, только благодаря тому, что мы брали книги в библиотеке. Мы так часто переезжали, что я не могла позволить себе иметь собственные книги.

Тетя Люси всегда покупала подписку в местную библиотеку, как только мы обживались на новом месте. Когда я стала старше, у меня появились свои интересы. Я много путешествовала, повидала почти весь свет, а когда понадобилась тетушкам, вернулась и ухаживала за ними. Это была довольно приятная жизнь.

– Вас утомляли все эти переезды?

Я улыбнулась.

– Честно сказать, ребенком я это просто ненавидела. Мне казалось, что мы срывались с места именно тогда, когда я успевала собрать хорошую коллекцию: яиц, лягушек, жуков. Мне всегда приходилось бросать то, что я люблю. Тетушками двигали их собственные капризы. Однажды мы целый год прожили в Лайме, а в следующий раз нам пришлось переезжать четыре раза за двенадцать месяцев. Я привыкла воспринимать это как данность, как и все дети. И это приучило меня легко относиться к любым поездкам.

Я прищурилась.

– Вы сказали, что знали их. Не припомню, чтобы я встречалась с их друзьями. Они жили очень замкнуто. И я ничего не знала о матери, даже ее имени. Что вы можете мне рассказать?

Барон открыл рот, будто собираясь что-то сказать, потом резко закрыл его и покачал головой.

– На данный момент – ничего, дитя мое. Это не моя тайна. Мне нужно получить позволение, перед тем как вам все рассказать, но обещаю: я его получу и, когда наступит подходящий момент, все вам поведаю.

Я вздохнула. Сказать по правде, я была очень расстроена упрямством барона, но в его голосе звучали стальные нотки, говорившие, что он не изменит своей позиции в этом вопросе.

– Предполагаю, что этим мне и придется пока довольствоваться.

Барон сразу заметно расслабился, но только его лицо приняло успокоенное выражение, как его омрачила новая тень.

– Сейчас самое важное – убедиться, что вы в безопасности.

– Вы постоянно твердите о моей безопасности, но я ума не приложу, почему?! Уверяю вас, я самое неинтересное лицо во всей Англии. Невозможно представить, чтобы кто-то хотел мне навредить.

Я задумалась о том, что это было не вполне правдой. Последняя статья, написанная мной в «Британский журнал по лепидоптерологии», вызвала серьезные споры, но так как я всегда публиковала работы и осуществляла все сделки, связанные с бабочками, указывая лишь первый инициал и фамилию, никакой злой умысел не мог быть направлен против меня лично. Как бы я ни пыталась доказать тетушкам, что публикации в

научных журналах – это подходящее занятие для ученого, они столь же непреклонно заявляли, что выполнять заказы коллекционеров – занятие, слишком напоминающее торговлю, а потому неприемлемое для леди. В конце концов они, хоть и неохотно, согласились на то, что я буду продолжать свои исследования и публикации под псевдонимом: «В. Спидвелл».

К тому же меня никогда не беспокоило и даже, напротив, казалось занятным получать письма, начинавшиеся приветствием: «Дорогой мистер Спидвелл...». Конечно, я не раз выхватывала интересные экземпляры прямо из-под носа у менее усердных охотников, потому что была неутомима в своих поисках, но мысль о том, что кто-то из лепидоптерологов устроил против меня заговор, не вызывала ничего, кроме смеха.

Некое подобие улыбки тронуло губы барона.

– Буду молиться Господу, чтобы вы оказались правы и все несчастья, которых я так опасюсь, прошли стороной. Но до тех пор, пока я не буду полностью в этом уверен, вы позволите мне сопровождать вас?

Я внимательно посмотрела на него, выдержав его взволнованный, пристальный взгляд, и кивнула:

– Да.

– Ваше доверие совершенно неожиданно для меня, но очень лестно, – сказал барон.

– Я очень доверяю интуиции, барон. А моя интуиция говорит мне, что вы такой мужчина, на которого я могу положиться.

Я не стала добавлять, что он единственный в моей жизни ключ к информации о моей матери. И я не собиралась позволить ему исчезнуть до тех пор, пока он не расскажет мне все, что знает о моих предках.

– Ваши бы слова да Богу в уши, – сказал он, и меня поразило, что всякий раз, как барон упоминал Бога, он делал это совершенно не легкомысленно. Какое бы дело ни было со мной связано, оно волновало барона до глубины души.

Тогда я подалась вперед, решив испытать удачу, пока представился подходящий случай.

– Можно задать вам один вопрос, барон? Обещаю больше ни о чем вас не спрашивать до поры до времени, пока вы сами не сочтете это возможным.

– Хорошо.

Я спросила прямо, надеясь, что именно такая манера ему понравится:

– Вы – мой отец?

Его доброе лицо отобразило глубокую печаль, но он не отвел взгляда.

– Нет, дитя мое, я бы сам этого очень желал, но это не так.

Острая и неожиданная боль кольнула мне сердце. Я думала, что мне безразличен ответ, но оказалось, я была неправа.

– Тогда мы просто будем друзьями, – сказала я и торжественно протянула ему руку. Другой мужчина мог бы рассмеяться. Но барон пожал мне руку, а затем нагнулся и галантно поцеловал ее.

– Будем друзьями, – согласился он. – И я сделаю все, что в моих силах, чтобы обеспечить вам возможность узнать то, что вы так хотите знать.

– Благодарю вас, барон.

Я жестом указала на его бровь.

– У вас снова идет кровь. Это не очень хорошее предзнаменование, правда? Путешествие, начавшееся с кровопролития, предвещает недоброе, как говорили древние.

Я хотела пошутить, но барон даже не улыбнулся. И мне сразу тоже стало невесело.

* * *

Поездка до Лондона была настолько лишена событий, что навевала скуку, и я начала даже сожалеть, что мы не поехали на поезде. По настоянию барона мы из предосторожности плутали по проселочным дорогам, чтобы скрыться от моих потенциальных преследователей, а потому наш путь занял в два раза больше времени. Он также отверг все мои предложения остановиться где-то на ужин, купив вместо этого по баснословной цене несколько неаппетитных сэндвичей в придорожном трактире. Я с неохотой принялась за свой, а барон продолжал продумывать план. Он предложил и сам же отверг с десятков разных вариантов, потом безнадежно махнул рукой и тоже приступил к трапезе.

– Что-нибудь придумаем, – заверил он меня. – Но бесполезно размышлять о подобных вещах во время еды: от этого портится пищеварение. Так что давайте поговорим о чем-нибудь другом. Скажите мне, раз вы не намерены становиться гувернанткой или компаньоном, какого рода приключения вас привлекают?

Я вытерла рот и начала объяснения.

– Я ученый, занимаюсь естественной историей, разными направлениями. Подписана на все основные журналы по научным исследованиям и изобретениям. Как вы можете заключить по моему сачку,

лепидоптерология – моя любимая сфера. Я зарабатываю ловлей бабочек, выполняю заказы коллекционеров, у которых нет возможности или желания охотиться за новыми экземплярами самостоятельно, – добавила я.

Но барон меня не слушал. По его лицу пробежало изумление, он откинулся на спинку сиденья, так и не прикоснувшись к своему тоскливому сэндвичу.

– Ну конечно, – пробормотал он, – Стокер!

– Прошу прощения?

Барон пришел в себя.

– Мой старый и очень хороший друг, Стокер. Это как раз тот человек, который сможет нам сейчас помочь. С ним вы будете в безопасности, дитя мое.

Я нахмурилась.

– Барон, я понимаю, что чересчур бездумно приняла ваше предложение подвезти меня до Лондона и очень легко согласилась выполнить вашу просьбу, но сейчас, мне кажется, я не готова просто так пожить у вашего мистера Стокера. Вы должны мне что-то о нем рассказать.

– Стокер – сложный малый, но я не знаю более честного человека. Он у меня в долгу, и его совесть не позволит отказать мне, если я обращусь к нему за помощью. Я мог бы доверить Стокеру самое дорогое, что есть у меня в этом мире.

– Вы доверили бы ему свою жизнь? – предположила я.

– Нет, дитя мое, я доверил бы ему вашу.

Глава четвертая

Было уже очень поздно, когда мы добрались до Лондона, или, пожалуй, очень рано, потому что, когда я проснулась, уже занимался рассвет и бледный перламутрово-серый свет заливал город.

– Осталось совсем немного, – пообещал барон и выпрямил спину. Последние несколько часов его плечи были опущены от усталости; мне удалось немного вздремнуть, положив голову на дорожную сумку, но барон все время следил за дорогой позади нас. Как только мы въехали в город, я поднялась, протерла глаза, пощипала себя за щеки и поправила шляпку. Прежде я бывала в Лондоне только проездом, по пути в другие страны, и все, что я видела, – это душные вокзалы и непривлекательные кебы. Мрачное величие раскинувшейся передо мной столицы очаровало меня.

– Вы любите город, – сказал барон с веселым огоньком в глазах. – Я думал, натуралист должен отдавать предпочтение сельской местности.

– Я люблю и то и другое, – ответила я затаив дыхание. – Но каждый приезд в Лондон – это начало какой-то новой истории.

Я наконец оторвала взгляд от вида за окном и улыбнулась барону.

– Я вот думаю, нужно ли научно разделить свою жизнь на два периода: «до Б. Ш.» и «после Б. Ш.», то есть до барона Штауффенбаха и после него? Ну что, барон, вы приготовили мне большое приключение? – поддразнила я его.

Но барон не ответил. Карета остановилась, и он велел мне выходить; сам он взял мой саквояж, а мне остался сачок. Мои познания в географии Лондона были крайне туманны, и я смогла определить только, что мы находимся где-то к востоку от Тауэра, на северном берегу Темзы. Мы оказались в самом центре района доков, среди складов и дешевого жилья, населенного довольно грязными людьми, которые выглядели (и пахли) соответствующе. Над головой кружили чайки, высматривая себе пищу, а воздух был наполнен тяжелым, жирным запахом жареной рыбы.

– Мастерская Стокера на соседней улице, – сказал барон, взяв меня под локоть и ведя по разбитой мостовой. – Не самый благополучный район, но я счел неразумным останавливать экипаж прямо перед его дверью.

Он свернул в узкий проход, который вывел нас на другую улицу. Барон остановился у ничем не примечательной двери в конце еще более непримечательной стены. Она выглядела точно так же, как тысячи других дверей в Лондоне, а само здание казалось чем-то вроде склада: простая

крепкая постройка с покато́й крышей.

– Он здесь живет?

Барон кивнул.

– Здесь ему удобно работать.

Он резко постучал раз, потом еще раз, но ответа не последовало, и я начала уже сомневаться, не суждено ли нашему приключению закончиться, едва начавшись.

К моему изумлению, барон достал из кармана внушительную связку ключей и, минуту поколебавшись, выбрал один из них. Он отпер дверь, вошел и жестом велел мне следовать за ним. Затем он осторожно запер за нами дверь, а ключи положил обратно в карман. Мы оказались в своеобразной передней, и по множеству пустых коробок, разбросанных по полу, я поняла, что прежде это был магазин с примыкающим к нему сзади складом. Барон пригласил меня пройти, и мы вошли в складские помещения – ряд больших комнат, каждая из которых была грязнее и холоднее предыдущей и завалена всяческим мусором. Все окна выходили на южную сторону, из чего следовало, что этот склад был построен прямо над рекой. Сырой запах воды остро ощущался в воздухе, и даже полы были холодными и влажными. Наконец мы добрались до главного помещения, огромного пространства наподобие пещеры, и тут я с трудом подавила крик.

– Барон, вы привели меня в преисподнюю, – прошептала я с ужасом и восторгом одновременно, потому что это место напомнило мне картины, рожденные больным воображением Данте. Комната освещалась лишь жутковатым малиновым заревом из огромного очага, и в этом неровном свете я различила бесконечные крюки и полки, нагруженные каждая все более страшными и отвратительными предметами, чем предыдущая. Из сумрака выглядывали части скелетов: длинные, закругленные на концах бедренные кости и ухмыляющиеся остромордые черепа с жуткими клыками. Невообразимые вещи плавали в банках с омерзительной желтой жидкостью, а шкуры различных животных, прибитые к стенам, выглядели так, будто их только что содрали с кого-то живьем. Большой железный котел, достаточно вместительный, чтобы сварить в нем человека, стоял у одной из стен, будто в ожидании очередного подношения.

Но ничто не могло сравниться в своей отвратительности со зрелищем, которое предстало нам в самом центре комнаты. Там стояло огромное существо, куски грубой плоти облепляли стальной скелет, морщинистая кожа местами закрывала его, но остальное безвольно и безжизненно свисало на пол, будто наспех снятая одежда. Под ним стоял человек,

наполовину обнаженный, с блестящим от пота и испещренным черными пятнами телом: от сажи и копоти, смешанных с бесчисленными татуировками, покрывавшими его спину и руки. Он был одет в старомодные бриджи, заправленные в высокие сапоги, и повязан кожаным фартуком со множеством карманов для инструментов, которые казались настоящими орудиями пыток. Он сражался со шкурой животного, и мускулы его спины и плеч были напряжены до предела, а ругательства поминутно срывались с его уст.

Я почувствовала, что улыбаюсь. Это не преисподняя и не логово чудовища. Полки вдоль стены уставлены ящиками Уорда[1], в которых содержались сотни, нет, тысячи образцов – самый настоящий музей естественной истории, спрятанный в мрачном складе на северном берегу Темзы. Мне очень захотелось сразу же приняться за изучение всего вокруг, но все же в первую очередь мое внимание привлекал этот мужчина.

– Стокер! – позвал барон.

Мужчина обернулся, все еще держа в руках шкуру животного, и его лицо немного осветилось языками пламени. До этого он наполовину был скрыт в тени, а сейчас постепенно выступил на свет. Левый глаз его был закрыт черной кожаной повязкой, тонкие белые шрамы пересекали бровь и скулу, спускались к шее, терялись в густой черной бороде, вились вокруг ключицы и всего обнаженного торса. Но я заметила, что раны задели только кожу, а все мускулы под ними в полной сохранности, и вся фигура мужчины излучала жизненную силу, энергию и необузданную мощь. Он выглядел точь-в-точь как падший бог, работающий в своей мастерской.

– Гефест в кузнице, – пробормотала я, оживив свои познания в мифологии.

Барон метнул на меня быстрый оценивающий взгляд.

– Что, дорогая моя?

– Ничего, – сразу ответила я, потому что мужчина отложил инструменты и направился к нам. Потом он заметил меня и приостановился, потянувшись к рубашке. К моему сожалению, он надел ее, закрыв свою впечатляющую фигуру, и повернулся к барону.

– Какого дьявола, Макс...

Барон жестом прервал его.

– Отдаюсь на твою милость, Стокер. Эта юная леди – мисс Вероника Спидвелл. Я вынужден просить тебя о помощи: нужно, чтобы она пожила у тебя. Пока не могу ничего объяснить, но мне необходимо оставить ее с тобой.

Мистер Стокер посмотрел на меня испепеляющим взглядом, изучив

все, от сачка для ловли бабочек до аккуратно приколотой шляпки, и покачал головой.

– Да черта с два.

– Стокер, я знаю, как ты дорожишь своим уединением, и я не стал бы тебя просить, но у меня просто нет выбора, – тихо, но решительно настаивал на своем барон.

Если бы у меня имелось хоть немного такта, я должна была бы чувствовать себя глубоко оскорбленной этой ситуацией. Но на самом деле я просто заскучала. Я почти не сомневалась, что барон одержит верх, и мне страстно хотелось взглянуть, что таилось в коллекции, собранной мистером Стокером. Я подошла к ближайшей полке и стала рассматривать один экземпляр, плавающий в банке. Это была маленькая премилая лягушка с огромными глазами и слегка удивленным взглядом.

Я слышала, как они тихо спорили за моей спиной, аристократические интонации барона смешивались с ругательствами Стокера. Я вытянула руку, и он резко окрикнул меня:

– Не трогайте! Я чуть не целый год убил на то, чтоб раздобыть эту проклятую лягушку, и найти ей замену практически невозможно.

Если он надеялся, что его резкость меня испугает, значит, следовало с самого начала показать, что это не так. Я взяла банку в руки и повернулась к ним с милой улыбкой.

– В таком случае вам следует лучше заботиться о ее сохранности. Герметизация в банке нарушена и защитный раствор испорчен. Кроме того, кажется, что экземпляр очень плохо закреплен. Жаль, очень жаль, ведь это такая милая маленькая *Phyllomedusa tomopterna*.

Его мускулы напряглись.

– Как ясно написано на этикетке, это *Phyllomedusa tarsius*.

– Да, я вижу, что написано на этикетке, но это неверно, что можно определить по окраске задних лапок. У этой они ярко-оранжевые, с выраженными тигриными полосками. А у *tarsius* лапки зеленые. Я, право, очень удивлена, что вы этого не увидели. Мне казалось, что такой неутомимый коллекционер должен был заметить эту разницу. Но, может быть, у вас просто не было возможности изучить ее более тщательно.

Мистер Стокер слушал меня с открытым от изумления ртом, но быстро опомнился.

– Уверяю вас, мисс Спидвелл, я прекрасно знаком с этим конкретным экземпляром, потому что сам раздобыл его в джунглях Амазонки.

Я пришла в восторг. Конечно, его манеры были просто ужасны, а отношение к гигиене – сомнительное, судя по состоянию его рук, но всякий

человек, побывавший на Амазонке, заслуживал того, чтобы с ним побеседовали.

Очевидно, мистер Стокер не разделял моего интереса к этому разговору, потому что он вновь повернулся к барону в последней попытке его переубедить.

– Мне некогда присматривать за твоими девицами, Макс. К следующему месяцу я должен закончить этого чертова слона – иначе лорд Розморран мне не заплатит.

– Дорогой друг, я бы не просил, если бы не было острейшей необходимости.

Мистер Стокер ничего не ответил, и барон, почувствовав, что побеждает, надавил еще:

– Прошу тебя об одной-единственной услуге, в память о тех опасностях, что мы пережили вместе.

Мистер Стокер залился краской.

– Это очень изощренная форма шантажа, Макс, – напоминать людям об их долгах. Хорошо, будь я проклят, но я всегда был человеком слова. Я все выполню, оставлю леди здесь до тех пор, пока ты ее не заберешь.

Барон похлопал друга по плечу.

– Этим ты отдашь свой долг сполна.

– Не могу понять, каким образом, – возразил мистер Стокер. – Властные девицы вовсе не в твоем вкусе.

Я прилежно пропустила оскорбление мимо ушей и вернула филломедузу на место. Барон сразу же собрался уходить, попрощавшись со мной как истинный тевтонец: склонившись над моей рукой и лихо щелкнув каблуками.

Он задержал мою руку в своей и внимательно посмотрел на меня.

– Дитя мое, оставляю вас под надежной защитой, более надежной, чем мог бы обеспечить сам. Вскоре я пришлю весточку.

– Да, постарайтесь поскорее, – ответила я с некоторым раздражением, сверкнув глазами на мистера Стокера. Но тот вместо ответа лишь презрительно скривил губы.

Барон как будто колебался.

– Вы должны понять, если бы это было в моей власти, я бы все вам рассказал...

Я жестом прервала его.

– Я немного узнала вас во время нашего путешествия. Вижу, что вы человек чести, барон. Мне совершенно ясно, что вы связаны жесткими обязательствами. И я должна их уважать.

– Вы их уважаете, но вам это не нравится, – добавил он, и я заметила огонек в его глазах.

– Очевидно, вы тоже немного узнали меня в пути, – заметила я. – Ну что ж, давайте попрощаемся на немецкий манер. Auf Wiedersehen, барон.

Он во второй раз щелкнул каблуками и пожал мне ру^{ку}.

– Храни вас Господь, мисс Спидвелл.

Он ушел, и мистер Стокер проводил его до двери; вернувшись минуту спустя, он обнаружил, что я снова изучаю его экспонаты.

– Барон не говорил мне, что вы таксидермист, когда предложил остановиться у вас, – вежливо заметила я.

Он вернулся к слону и взялся за инструменты.

– Я натуралист, – поправил он. – Таксидермия – лишь часть моей работы.

Он не предложил мне ни присесть, ни поесть, но я и сама не собиралась церемониться. Я обнаружила изъеденный молью диван, заваленный грудой шкур, и немного отодвинула их в сторону, ровно настолько, чтобы примоститься на краешке. Я присела осторожно, потому что заметила, что у дивана не хватает одной ножки, и вместо этого он опирается на стопку истлевающих томов «Описания Египта».

– Сейчас очень поздно или же очень рано, но вы все еще работаете.

Он долго ничего не отвечал, и я подумала, уж не решил ли он изводить меня молчанием. Но он просто проверял клей, а когда начал его наносить, то бросил через плечо:

– Я еще не ложился. Как я понял со слов Макса, вы провели всю ночь в дороге. Если хотите поспать, скидывайте шкуры и располагайтесь на диване.

Я только вздохнула от такой негостеприимности, но усталость взяла верх над гордостью, и я начала снимать шкуры. Вдруг что-то в этой куче зарычало, и я отскочила, чуть не опрокинув при этом коробку окаменелых яиц.

– Ради бога, смотрите, куда наступаете! – взревел мистер Стокер. – Это всего лишь Гексли. Он вас не тронет.

Я скинула шкуры и обнаружила бульдога, коренастого и плотного, который смотрел на меня с важностью генерала. Я достала из своей сумки кусочек сыра и протянула ему, а он радостно подвинулся, разрешая мне занять часть дивана. Я свернулась калачиком рядом с ним; мне было до странности приятно ощущать, как его теплая, покрытая черной шерстью спина прижимается к моему животу. Почти мгновенно я уснула.

Глава пятая

Я проснулась через несколько часов; мне было холодно, и все тело затекло. Огонь в камине погас, но мистер Стокер опять работал без рубашки, демонстрируя прекрасную мускулатуру и интригующую коллекцию татуировок. Некоторое время я сквозь опущенные ресницы наблюдала за тем, как он трудится, туго натягивая кусок слоновьей кожи на мягкую набивку каркаса. Я поняла, что для этого нужно большое мастерство, потому что иногда ему приходилось применять всю свою силу и напрягать все мускулы, чтобы придать тяжелой коже правильное положение; а иногда он почти уговаривал ее, а его пальцы становились ловкими, как у музыканта. Его речь тоже менялась: когда он потел и натягивал, то чертыхался, как матрос, а когда уговаривал, то обольстительно шептал, упрашивая зверюгу уступить ему. Тогда он казался моложе, не таким властным, и я вдруг поняла, что он, вероятно, всего на несколько лет старше меня, но что-то ожесточило его. Только когда он улыбался от удовольствия во время работы, его рот принимал более мягкие очертания – единственный признак доброты. Шрамы лишь подчеркивали его смелость, ведь животное, напавшее на него (кем бы оно ни было), лишило его глаза и чуть не отняло жизнь. Мне хотелось услышать эту историю, но я понимала, что спрашивать не стоит. Он не выглядел как человек, склонный к откровениям, а подобная история неизбежно оказалась бы очень личной.

Поэтому я громко зевнула и потянулась, давая ему время снова надеть свою рубашку до того, как я встану. Гексли лизнул мне руку, и я дала ему еще сыра и весело потрепала его за ушами.

– Бога ради, он не комнатная собачонка! – зарычал его хозяин. Но Гексли только перекатился на спину, подставив мне свой живот. Я хорошенько почесала его, а затем встала и подошла к слону.

– Вы хорошо продвинулись. Я долго спала?

– Часа четыре.

– Впечатляюще! Вы так много успели сделать за такое короткое время, – заметила я.

– Это по-прежнему чертовски медленно, – пожаловался он и указал на остальную тушу зверя. – Сложность в том, чтобы сохранить этот отдел, не делая стежков. Зажимы не держат так крепко, как мне бы того хотелось.

– А как думаете транспортировать экспонат, когда он будет закончен?

Вы же не собираетесь везти его по улицам Лондона? Его нужно будет собирать уже на месте.

Он закатил глаза.

— Да, я об этом подумал. Я все-таки немного соображаю, что бы вы там ни говорили про филломедузу.

Сейчас он работал над задней частью животного и обошел меня, чтобы посмотреть на полностью отсутствующую переднюю половину.

— Невозможно смонтировать целого слона в один заход. Сама шкура весит больше тонны. Нужно все собирать по частям, и никто еще не сумел сделать это правильно. По крайней мере, пока. Это просто еще один эксперимент, шанс усовершенствовать процедуру до того, как приниматься за дело всерьез.

— Для покровителя? Мне кажется, вы говорили о лорде.

Он кивнул.

— Граф Розморран, дилетант и эксцентрик, но богат как Крез. Он приобрел огромного самца слона (кости и шкуру) в Восточной Африке. Раньше я монтировал по его прихоти других крупных млекопитающих, и он разрешил мне попрактиковаться на этом экземпляре поменьше, попытаться найти более совершенный способ изготовления чучела, прежде чем он позволит мне прикоснуться к главному трофею.

— И он вам за это платит? — спросила я, с сомнением взглянув на незаконченную заднюю часть слона.

Он скривился.

— Думаете, я стал бы это делать ради забавы?

Я многозначительно посмотрела на коллекцию экспонатов. Он тяжело вздохнул.

— Эти не стоят даже опилок, которыми набиты. Они сделаны по старой технологии и уже рассыпаются на части. Большинство их я приобрел за бесценок, просто чтобы разобрать и понять, в чем их несовершенство. Прежде чем вводить какое-то новшество, нужно сначала понять старые ошибки.

Я ткнула в слона пальцем.

— А этот — тоже ошибка?

— Пока что да. Я хотел собрать его на его собственном скелете, но от этого не будет толка. Нужно сделать две отдельные экспозиции. Одна — кости, укрепленные на искусственном каркасе. А другая будет представлять собой животное в натуральную величину; оно должно выглядеть очень естественно благодаря тому, что шкура будет правильно натянута на основу, слепленную так, чтобы имитировать плоть. Вся сложность в его

чертовски огромных размерах.

Мне даже понравилось, что он не стал извиняться за грубое выражение.

– Он должен быть собран воедино по частям, но я пока не могу придумать, как этого добиться, чтобы он не выглядел при этом как чудище Франкенштейна. И если не найду подходящего способа, он будет смотреться просто комично.

Я снова заметила черные полосы у него на руках – клей вперемешку с сажей, неизбежные признаки его профессии. Волосы были неухоженными: свисали ниже плеч старомодными спутанными черными локонами, с синим отливом в лучах утреннего света. Борода густая и нестриженная, а повязка на глазу и тонкое золотое кольцо в ухе окончательно придавали ему вид обедневшего пирата.

Я подошла к той части животного, на которую он указывал, и всмотрелась в стежки.

– Вам нужна еще одна пара рук, – решительно заявила я. – Скажите мне, где держать, чтобы не испортить складки на шкуре.

Он колебался, и я нетерпеливо фыркнула.

– Мистер Стокер, предлагаю вам свою помощь. Мне скучно, и вполне вероятно, в последующие часы станет еще скучнее. Мы не знаем, как долго барон собирается держать нас тут вместе, но мы, по крайней мере, можем провести это время с некоторой пользой. Вам нужны дополнительные руки – они у меня есть. А теперь скажите, как мне их применить.

Казалось, он хочет возразить, но в конце концов Стокер просто показал место, и я стала крепко держать шкуру, пока он сшивал.

– Держите крепче, – прикрикнул он. – Сильней! Котенок и то справился бы лучше вас!

Я сжала сильнее, и он хмыкнул – как я уже поняла, это была наивысшая похвала, на которую я могла рассчитывать. Мы работали несколько часов, и наконец я почувствовала, что просто умираю от голода и жажды. Может быть, он ощутил, что моя энергия угасает, а может быть, и сам наконец-то немного устал. Во всяком случае, он принес буханку хлеба и сомнительного вида окорок и стал отрезать ломти складным ножом. Я достала из своей сумки несколько мягких яблок, и мы поели в абсолютной тишине.

Когда мы закончили, он извлек из коробки сигарету, поджег в очаге кусок скрученной бумаги и прикурил; набрал полные легкие ядовито-крепкого табачного дыма и выпустил его наружу с долгим выдохом.

Он поймал мой взгляд и ухмыльнулся.

– Где мои манеры?! Не желаете ли закурить? – спросил он, протягивая мне сигарету.

Я холодно посмотрела на него.

– Нет, спасибо. У меня есть свои.

С этими словами я подошла к своей сумке, вытащила пачку тонких сигарилл и прикурила одну из них так же, как это делал он: от очага, с помощью скрученной бумажки. Он смотрел на меня с изумлением до тех пор, пока я не выпустила идеально ровное колечко дыма, а потом завистливо хохотнул.

– Где вы этому научились?

– В Коста-Рике, – ответила я. – А в ваших сигаретах просто адский табак.

– Хороший табак сейчас дорог, а я бедняк, – с легкостью ответил он.

Мы курили в тишине, и мой взгляд невольно скользил по шрамам, исчезающим за глазной повязкой.

– Не надо меня жалеть, – сказал он повелительно. Воздух вокруг него явственно накалился от гнева, но я посмотрела на него холодно.

– Не понимаю, почему я должна вас жалеть. У вас две нормальные руки, две работающие ноги и сильная спина. Кажется, мозг у вас лучше, чем у большинства окружающих, и, насколько могу судить, ваше зрение не ослаблено. Ума не приложу, по какой причине мне следует вас жалеть.

– Вы не были бы первой, – заметил он хмуро.

Я улыбнулась.

– Боюсь, вам придется приложить гораздо больше усилий для того, чтобы заслужить мою симпатию. Я много путешествовала по миру и встречала мужчин, у которых было в два раза меньше работающих конечностей, чем у вас, и вдвое больше вежливости. Если я за что-то вас и пожалею, так только за то, что вы так решительно стараетесь быть неприятным.

В ответ я услышала лишь некое рычание, но я уже сочла разговор оконченным. Я встала, аккуратно потушила окурок о подошву сапога и отряхнула руки.

– Если мы будем продолжать со слонем, мне нужен фартук. У меня в сумке всего одно сменное платье, и оно шелковое.

С этими словами я подошла к сваленной в кучу одежде и с трудом отыскала там нечто, достаточно длинное и чистое для моих целей. Я аккуратно повязала ткань вокруг талии и вернулась к работе, проверив по дороге клей в горшке у очага. Я подняла шпатель и посмотрела на янтарные волокна, точь-в-точь как сахарные нити.

– А он достаточно теплый?

– Нужно еще немного подогреть, – отозвался он, и я услышала, что голос его стал немного мягче, чем прежде. Он показал мне, как подвинуть клей поближе к огню, чтобы размягчить, и как правильно наносить его на шкуру разными шпателями, а сам шил огромными иглами, делая маленькие, точные стежки, которым позавидовала бы любая швея.

Так мы провели много времени, погружившись каждый в свое занятие, и спокойно работали до тех пор, пока в дверях не послышался шум и в комнату не заглянул мальчишка.

Это был чумазый ребенок лет десяти, но в его глазах читались ум и – при взгляде на меня – любопытство.

– Почта, мистер С., – сказал он, протягивая единственный тонкий конверт. Стокер взглянул на письмо и велел мальчишке бросить его в огонь.

– Но вы должны сперва прочесть его, – возмутилась я.

Он дернул своим большим плечом.

– Зачем? Я достаточно хорошо знаю, что там сказано, могу даже процитировать наизусть: «С глубочайшим сожалением вынуждены сообщить, что Ваша заявка на участие совместно с Королевским музеем естественной истории в предстоящей экспедиции в Перу отклонена». Продолжать? Я их все знаю слово в слово. Если хотите, могу положить их на музыку: нечто печальное и заунывное для дуэта гобоя и фагота.

Он изображал безразличие, но в его голосе явно слышались нотки горечи.

– Но сейчас может быть другой ответ, – логично заметила я.

– О господи, все вы, охотники за бабочками, одинаковые: всегда стремитесь к лучшему и искренне верите, что найдете его!

Я намазала клеем разошедшийся шов.

– Именно. Понимаете, мистер Стокер, сложно что-то найти, если не искать хорошенько. Мне казалось, исследователь должен лучше разбираться в этом вопросе.

Он грубо фыркнул, а мальчик переводил округлившиеся от изумления глаза с одного на другого. Мистер Стокер обернулся к нему.

– Монета в жестянке, Баджер.

Мальчик подошел к полке, где среди неровной стопки книг была зажата помятая банка из-под сладостей. Он вытащил из банки единственную монетку, такую мелкую, что она практически ничего не стоила, и поблагодарил мистера Стокера. В ответ тот только хмыкнул. Парнишка попрощался со мной, тронув свой козырек, и одарил такой ясной улыбкой, что она сразу осветила его чумазую физиономию. Я улыбнулась

ему в ответ, а он нагнулся, чтобы почесать Гексли за ухом.

– Баджер! – грубый окрик заставил мальчишку резко выпрямиться.

– Да, мистер Стокер?

– У меня несварение от того окорока, что ты вчера принес. Забирай его обратно и скажи этому чертову мяснику, что он просто преступник, если смеет выдавать такой товар за хорошее мясо.

Мальчик бросился к окороку и завернул его в кусок мешковины так аккуратно, будто пеленал младенца.

– Я скажу ему, мистер С., – пообещал он и умчался прочь, прижимая к себе окорок как ценный груз.

Мистер Стокер продолжил работать молча, но его молчание было тяжело выносить, и я обрадовалась, когда он прервался, чтобы заварить нам по чашке скверного чая. Свой он пил из банки, в которой когда-то хранились консервированные персики, но мне досталась настоящая фарфоровая чашка, правда, треснутая и с отколотой ручкой. Я держала ее очень аккуратно, наблюдая, как он размешивает в своей банке огромное количество сахара обратной стороной кисточки.

– Сахар, если хотите, – он кисточкой указал на банку, но я вежливо отказалась. Он склонился над чаем, а я стала его рассматривать: сильные руки с широкими ладонями, огрубевшими и покрытыми шрамами, благородные брови, гордый нос. Наконец я покачала головой, и мистер Стокер, который, казалось, заметил мой испытующий взгляд, многозначительно посмотрел на меня.

– Только не говорите, что вы во мне разочаровались! – предположил он.

– Да, это правда, – спокойно ответила я. – Но, вероятно, не по той причине, о которой вы думаете.

– Знаю, вы считаете меня мужланом, грубым и плохо воспитанным.

Я пожала плечами.

– Ну, это мы уже давно выяснили. Ваши ужасные манеры меня не удивляют. Удивляет то, что вы лжец.

Он вздрогнул, его лицо залила краска гнева. Но он быстро взял себя в руки и ответил, стараясь изобразить беззаботность.

– Лжец... Должно быть, вы очень умны, раз сумели меня разоблачить.

– Не особенно. Я видела, с какой жадностью вы поглощали окорок, а также то, что в течение последующих нескольких часов вы работали совершенно спокойно: не кашляли, не сглатывали и не посещали отхожего места во дворе, что было бы признаком несварения. Напротив, вы работали с большим воодушевлением и энергией, как человек, находящийся в

сознании и полном здравии.

Краска отлила у него от лица, и он отвел взгляд.

– Да, черт возьми, я соврал мальчишке.

– Сколько человек он пытается прокормить на свой скромный заработок?

– Семь: шестерых братьев и сестер и больную мать, – тихо сказал он.

– И мальчик слишком горд, чтобы брать милостыню, как я понимаю.

– Именно, – признал он.

– А вы слишком умны, чтобы ее предлагать. Подозреваю, что у вас договор с мясником, чтобы он не принимал всерьез те сообщения, что вы передаете ему с мальчишкой.

Он поколебался, а потом выпалил:

– Да, черт возьми, он также получил от меня распоряжение отдавать им все потроха и кости, которые у него остаются, и записывать их на мой счет.

– Думаю, вы с трудом оплачиваете этот счет.

Ответом мне было гордое фыркание.

– Я сам с этим разберусь.

– У вас это не очень хорошо выходит, – заметила я. – Вы питаетесь какими-то отбросами, предпочитая тратить деньги на дешевый табак, сахар и (если я не слишком заблуждаюсь насчет аромата, исходящего от вашей персоны) отвратительный джин. При этом, мистер Стокер, вы обладаете честолубием и замечательными навыками. Я большему научилась за несколько часов наблюдений за вами, чем за годы чтения книг и журналов. Вам бы следовало быть профессором в университете или полевым исследователем.

Его губы скривились в зарослях спутанной бороды.

– Вы сами видели, каковы мои перспективы. Мне не раз отказали.

Я взмахнула рукой.

– Вам отказало второсортное заведение, которым управляют шарлатаны и дураки. Всем известно, что директор получил свою должность только потому, что его тетя – любовница председателя совета директоров.

Он подавился чаем и кашлял так сильно, что мне пришлось встать и похлопать его по спине. Он вытер рот рукой и посмотрел на меня с большим любопытством.

– Мисс Спидвелл, я пешком прошел вдоль всей Амазонки, общался с туземцами, в меня дважды стреляли. Я чуть не умер в зыбучих песках от укуса змеи, отравленных стрел и одного особенно дикого ягуара. И до

настоящего момента ничто меня так не удивляло, как вы.

– Я приму это за лучший комплимент, мистер Стокер.

Он наклонил голову и внимательно посмотрел на меня.

– Откуда вы знаете Макса?

– Барона? Я его не знаю, он просто сам вдруг появился.

Я не знала, что именно поведал ему барон, а потому свела свое объяснение к основным фактам.

– Я хоронила свою попечительницу, мисс Нелл Харботтл, а барон пришел выразить мне свои соболезнования. И был так добр, что предложил довезти меня до Лондона.

– И вы отправились с ним? Вот так просто?

Кажется, он совсем забыл про чай. Тот успел остыть и покрыться пленкой, пока мистер Стокер слушал мой любопытный рассказ.

– Это казалось разумным решением, – нашла я подходящий ответ. – По соседству был замечен грабитель, и барон убедил себя, что я в опасности.

– Да, он так и сказал: вопрос жизни и смерти, – подтвердил мистер Стокер, подражая интонациям барона.

Я могла бы рассказать ему всю историю целиком, но мне не понравился его тон. Пусть вломившийся ко мне в дом незнакомец пока останется секретом, о котором знает только барон.

Я пожала плечами.

– Это все фантазии пожилого джентльмена. Несомненно, многим дамам было бы невыносимо оставаться в одиночестве, в уединенном сельском доме, особенно когда по округе расхаживает преступник, но меня такая перспектива не пугала. Я могла бы остаться в коттедже «Королек», но в любом случае намеревалась вскоре оттуда уехать. Отправившись с бароном, я сэкономила на билете до Лондона. Мне всегда приходится думать о деньгах, – закончила я и уставилась на дно чашки.

Он оцетинился.

– Во всяком случае, вам не придется тратить их под моей крышей. Макс вручил вас под мою защиту. А значит, моя обязанность – давать вам кров и пищу до его возвращения, – сказал он мне очень рассерженно.

– Право слово, мистер Стокер, в этом нет никакой необходимости, я сама могу за себя платить, – попыталась возразить я.

– У меня остались лишь жалкие искры гордости, мисс Спидвелл. И прошу вас, позвольте мне ими согреться, – сказал он.

Он говорил обыденным тоном, но подсознательно я чувствовала, что этот человек слишком низко пал в этом мире, и мне не хотелось ранить его еще больше.

– Тогда я просто должна поблагодарить вас за гостеприимство, мистер Стокер. Но и вы должны уважительно отнестись к моей гордости. Мне бы хотелось быть хоть в чем-то вам полезной, пока я здесь. Может быть, я могла бы немного убрать комнату, – предложила я с надеждой, взглянув на хаос вокруг нас.

– Троньте тут хоть волосок на голове ленивца, и я вас пристрелю, – мрачно сказал он. – Но вы можете продолжать помогать мне со слоном. Адова уйма работы для одного человека.

Я не стала обращать внимания на грубость. За последние несколько часов я уже к ней привыкла, и, если говорить начистоту, подобные слова добавляли разговору остроты, приятной для человека, столько времени проводившего под женское щебетание.

– Удивительно, что вы вообще приняли за это задание без толкового ассистента, – подумала я вслух.

– У меня нет средств для того, чтобы нанять ассистента, – напомнил он.

– И недостаточно благоразумия для того, чтобы отказаться от этого предложения, – добавила я.

Он снова вздрогнул, но я предупреждающе подняла руку, чтобы остановить тираду, явно готовую вырваться из его уст.

– Это не было критикой, мистер Стокер. Нет ничего плохого в том, что человеку не чуждо честолюбие. По правде говоря, я даже считаю его необходимым качеством в наше время. Джентльмен не может в полной мере положиться на то, что его благородное происхождение сможет всю жизнь содержать его. Иногда обстоятельства требуют того, чтобы он сам прокладывал себе путь в жизни, и я могу только приветствовать такой энтузиазм.

Он прищурился.

– Почему вы говорите «джентльмен»?

– Потому что мне совершенно очевидно, что вы человек, на которого обрушились многие превратности судьбы. Коснулись ли они только вас или пострадала вся ваша семья, я не могу сказать. Но знаю, что вы были рождены не для того, чтобы пить чай из жестянки из-под персиков и носить залатанные сапоги. – Я многозначительно посмотрела на его ноги. – Я заметила, что ваши сапоги от Джона Лобба. Они старые, поношенные и аккуратно залатанные, но прекрасного качества и баснословно дорогие. Это говорит о том, что их хозяин не тот, кем кажется.

Он слушал меня, открыв рот от изумления.

– Но как, черт возьми, как вы могли это узнать?!

– Я была знакома с одним очаровательным молодым бельгийцем, который всегда заказывал всю обувь исключительно в этом заведении. Он рассказал мне обо всех важных признаках обуви джентльмена. Но, боюсь, вы сами выдали свое происхождение, мистер Стокер: тем, как вы произносите гласные. Вы обращаетесь с ними аккуратно, как может только джентльмен, обученный этому с колыбели. Хотя ваши выражения до крайности красочны, но ваше произношение безупречно.

На это он сказал лишь очередную грубость, а я только улыбнулась, потупив глаза в чашку. Потом он замолчал, потягивая чай, и наступила на удивление успокаивающая тишина, которую я все же нарушила.

– А почему бы вам самому не отправиться в экспедицию, мистер Стокер?

Он зло усмехнулся.

– Мне кажется, мы уже обсудили состояние моих финансов, мисс Спидвелл. И вы достаточно знакомы с данной темой, чтобы самой знать ответ на этот вопрос.

Я покачала головой.

– Думаю, это вполне ожидаемо, но вы просто растеряли всю свою решимость.

– Простите?

– Поверьте, я вам очень сочувствую и вполне вас понимаю, мистер Стокер. Все невзгоды, с которыми вы столкнулись в своих экспедициях, в состоянии умерить пыл любого исследователя. Но ведь мы ученые, не правда ли? И можем отличить базовые металлы от драгоценных. Некоторые вещи при испытаниях очищаются и становятся крепче, а другие – разрушаются.

Он заскрипел зубами в ответ на такое выражение жалости.

– Уверяю вас, ваше сочувствие совершенно неуместно. Я не терял решимости, невыносимая вы женщина. Я делаю все, что могу, исходя из того, что имею.

Я опять покачала головой.

– Думаю, нет. Вы доверились Королевскому музею естественной истории, институции, которой, как мы оба знаем, правят невежество и алчность. И все же, как мне кажется, вы собрали все их отказы с тем же усердием, что и ваши трагически погибающие экспонаты. Скажите, сколько раз они вам отказывали?

– Раз двадцать, – проворчал он.

– О боже, мистер Стокер! Мне не хотелось бы добавлять к списку ваших недостатков еще и упрямство, но, боюсь, придется. Почему вы так

настойчиво просите у них помощи, хотя все должно было быть наоборот?

Он открыл рот, чтобы ответить на оскорбление, но последняя фраза, видимо, показалась ему слишком загадочной, и он приказал:

– Объясните.

Я улыбнулась.

– Думала, вы и не спросите.

Глава шестая

Я пустилась в разъяснения (хотя менее снисходительные слушатели могли бы назвать это лекцией).

– Королевский музей естественной истории полностью зависит от исследователей, которые собирают для него экспонаты, наносят на карту новые неисследованные территории и привозят новые биологические виды. Вы именно такой человек, но они не хотят иметь с вами дело, без сомнения, потому, что им знаком ваш беспокойный нрав и отталкивающие манеры. Но тем не менее вы являетесь очень даровитым ученым. Достаточно бегло взглянуть на это помещение, чтобы понять, что вы собрали очень содержательную и информативную коллекцию, в каком бы поврежденном состоянии она ни была. Она просто великолепна, мистер Стокер. И если бы вы организовали собственную экспедицию на своих условиях, у музея не осталось бы иного выбора, кроме как самому прийти к вам и просить добытые вами образцы. Просто вы запрягли карету впереди лошади, вот и все, – объяснила я ему.

Он потряс головой, будто желая освободить ее от непонятных мыслей.

– Однажды я курил опиум. Это приблизительно как слушать вас, только более обыденно.

Я в задумчивости потерла лоб.

– Я тоже однажды его курила. Не могу сказать, что мне понравился аромат. Он пах цветами и порохом, что довольно приятно, но было там что-то еще, какой-то животный запах... Пожалуй, потная лошадь.

Но он вернул меня к нашей главной теме.

– Ну и как же, скажите, мисс Спидвелл, человек без сбережений и с сомнительными перспективами может спонсировать подобную экспедицию?

Я даже фыркнула от нетерпения.

– Право, мистер Стокер, полное отсутствие у вас воображения меня просто изумляет. Вы должны найти себе спонсоров. Богатые люди всегда стремятся потратить деньги так, чтобы можно было похвалиться перед друзьями. Поэтому вам необязательно искать особенных богачей. Можете дать объявление и принимать небольшие пожертвования от преуспевающих предпринимателей и прочих энергичных деятелей. Пообещайте им написать их имена на табличках или назвать в их честь новые виды. Людям нравится, когда то, в чем они совершенно не разбираются, называют в их

честь. И ваша экспедиция необязательно должна быть дорогостоящей. Ваше мастерство в подготовке и хранении образцов очевидно. А вы в состоянии сами их добывать?

Он кивнул в сторону особо свирепого вида чучела гиены.

– Прямо в сердце с двух сотен ярдов.

– Ну вот видите! Значит, вам нужны только несколько местных проводников и носильщиков, которые несли бы ваши трофеи и ящики для экспонатов.

Впервые за это время он улыбнулся, слабо, но совершенно отчетливо.

– Мисс Спидвелл, экспедиции устроены немного сложнее.

Я махнула рукой.

– И совершенно напрасно. Экспедиции становятся непомерно дорогостоящими потому, что это способ самолюбования. Большинство руководителей этих предприятий – дилетанты, джентльмены-ученые, которые непременно должны путешествовать в роскоши, и они берут с собой много столового серебра и льняного белья, чтобы всегда чувствовать себя как в лондонском отеле. А вы человек изобретательный. Неужели вам ничего не известно о бесстрашных дамах-путешественницах? Об Изабелле Берд[2] и Марианне Норт[3]? Они путешествуют по всему миру с вещами, которые помещаются в дорожную сумку. Я убеждена, что и вы в состоянии отправиться в путь с одной сумкой. Я вот намереваюсь это сделать.

Я указала на свой саквояж.

– За исключением сачка, все остальное, что мне нужно в этом мире, помещается в этой сумке, в том числе вторая шляпа и объемная банка розового кольдкрема. Не говорите мне, что вы неспособны путешествовать с таким количеством вещей. Я искренне верю, что мужчины могут быть такими же рациональными и благоразумными, как и женщины, если приложат определенные усилия.

Он покачал головой.

– Мисс Спидвелл, я даже не знаю, как отреагировать на такую оригинальную мысль. Вы очень высокого мнения о собственном поле.

Я поджала губы.

– Не обо всем. Как пол мы недостаточно образованны и инфантильны, вплоть до совершенного неразумия. Но те из нас, кто получил возможность учиться и занят полезным делом, доказывают, что все традиционные представления о женской хрупкости и беспомощности – абсолютная чепуха.

– Для столь небольшого человека у вас весьма широкие взгляды.

– Позволю себе заметить, что такие взгляды были бы широкими и для

человека вашей комплекции, – парировала я.

– И где вы сформировали подобные взгляды? Вы учились в необычайно прогрессивной школе или ваша гувернантка оказалась радикалом?

– Я никогда не ходила в школу, и гувернантки у меня тоже не было. Моими наставниками были книги. Все, что я хотела узнать, я находила в них.

– Всегда существует предел в самообразовании, – заметил он.

– Практически нет, как я выяснила. Я рассеяла все предрассудки сторонников формального образования.

– Но они вас ни на что и не вдохновили. Хороший учитель может изменить все течение жизни, – задумчиво добавил он.

– Может быть. Но зато я обладаю полной интеллектуальной свободой. Я изучала только те предметы, что были мне интересны (иногда до стадии одержимости), и проводила совсем немного времени с тем, что совершенно меня не интересовало.

– С чем, например?

– С музыкой и шитьем. Я поразительно далека от традиционных женских занятий.

Он покачал головой.

– Я не слишком удивлен. – Но его голос при этом был мягким, и я не восприняла эти слова как оскорбление. На самом деле они были даже сродни комплименту.

– И должна признаться, что после Джейн Остин и «Наставлений» Фордайса у меня сформировалась глубокая неприязнь к клирикам. И к их женам, – добавила я, вспомнив о миссис Клаттерторп.

– Ну, в этом я могу с вами согласиться. Скажите, часто ли вы встречаете людей, разделяющих ваши взгляды?

– Поразительно редко, – призналась я. – Однажды я изложила свои соображения викарию из Гэмпшира, и от этой беседы его чуть удар не хватил. После этого я лишилась места в цветочном комитете.

– Какая трагедия! – заметил он с уже известной мне издевкой в голосе.

– Вы даже не представляете! В деревне положение человека зависит от участия в различных комитетах и общественной работе. Меня перенаправили в госпиталь для выздоравливающих пациентов, и, надо признать, я обрадовалась этой перемене. Мужчины там не были и вполтину так скучны, как дамы, которые занимаются цветами, уверяю вас. Я очень расстроилась, когда спустя месяц лишилась и этого места.

Он ухмыльнулся.

– По какой причине?

Я слегка передернула плечами.

– Потому что я ампутировала палец на ноге без разрешения.

– Вы шутите?

– Я никогда не шучу, если речь идет о гангрене, мистер Стокер. Я читала пациенту, когда он пожаловался на определенный дискомфорт в данной конечности. Я осмотрела его и с прискорбием убедилась, что бедняга страдал от гангрены. Нужно было срочно ампутировать палец, иначе сепсис распространился бы дальше, и парень мог умереть.

– И, вероятно, в госпитале для выздоравливающих не было никого более компетентного в ампутации конечностей, ну, например, настоящего врача?

– Конечно, был, – терпеливо объяснила я. – Но он в тот момент обедал.

– И вы не могли подождать час до его возвращения?

– С сепсисом не шутят, мистер Стокер. Всем было известно, что воскресные обеды доктора сопровождалось обильными возлияниями ирландского виски. Вполне вероятно, по возвращении он не был бы в состоянии удалить даже заусенец. И вот я спросила Арчи, хочет ли он, чтобы я взяла дело в свои руки, и он ответил, что был бы рад, если бы я стала его врачом, так что между собой мы прекрасно договорились.

– Но почему же против вас не выдвинули обвинения? – спросил он. – Практиковать медицину без соответствующей лицензии совершенно незаконно.

Я поморщилась.

– Право, мистер Стокер, я думала, что вам должно быть знакомо понятие «действие, предпринятое в чрезвычайных обстоятельствах». Доктор и сам признал, что все было выполнено очень аккуратно. К тому же, если бы началось расследование, он подвергся бы дисциплинарным взысканиям из-за того, что находился в состоянии опьянения. Я согласилась просто тихо уйти, а он согласился забыть об этой истории, и это было самое разумное решение для нас обоих в данных обстоятельствах.

Я расправила юбку.

– Но мы отвлеклись. Вы так ничего и не ответили мне о том, может ли, по вашему мнению, человек путешествовать налегке, со всем необходимым для комфортной жизни.

Он с подозрением прищурился.

– Если таким образом вы напрашиваетесь на приглашение, то можете не надеяться, что я возьму вас с собой, если отправлюсь в экспедицию. Мне не нужны лепидоптероологи-любители.

– Я не любитель, – резко ответила я. – Я добывала образцы для самых известных коллекционеров в нашей стране и за границей.

– В самом деле? И каковы же ваши расценки? Скажите как профессионал профессионалу, – грубовато спросил он.

– Три фунта за экземпляр средней величины. И, естественно, я беру больше за специальные заказы.

– Три фунта! Вы что, сначала покрываете эти чертовы экземпляры золотом? Да это же настоящий грабёж!

– Это стандартная цена за качественные образцы, а мои – самые лучшие, – парировала я. – И не бойтесь, мистер Стокер, если бы я хотела отправиться в настоящую экспедицию, я выбрала бы руководителя более уравновешенного и инициативного, чем вы. К тому же я хорошо знакома с узостью и неоригинальностью мышления мужчин-исследователей, и я никогда не хотела бы работать под их началом. Мне вполне достаточно личной экипировки. Все свои путешествия я предпринимала по собственной инициативе. Я еду туда, куда сама захочу.

К моему удивлению, он не принял мой укол за оскорбление.

– И куда вы намереваетесь отправиться сейчас, мисс Спидвелл?

Я в задумчивости потерла лоб.

– У меня в планах был Малайский архипелаг. Думаю, хорошо было бы найти там кого-то из рода *гиполимнас*. Особенно прекрасна *болина*, и я уверена, что без труда найду на нее покупателей. Пожалуй, мне даже придется отбиваться от них зонтиком, если моя задумка увенчается успехом.

Труды предыдущей ночи и этого дня, кажется, наконец утомили его окончательно, потому что он широко зевнул.

– Вам нужно отдохнуть, – сказала я, будучи почти уверена, что он откажется из чистого упрямства. – Знаю, вы работали над слоном почти беспрерывно, и отдых позволит вам вернуться к делу со свежими силами. А я буду счастлива провести время за чтением, если вы позволите мне воспользоваться вашей библиотекой, – добавила я и кивнула в сторону полка, прогибающихся под весом внушительных томов.

Он открыл было рот (явно для того, чтобы возразить), но я строго забрала у него из рук банку с чаем.

– Вы правда выглядите совершенно разбитым.

Если бы я была чуть более стеснительной, он, без сомнения, просто выругался бы и сразу вернулся бы к работе. Но я вела себя решительно, и он позволил забрать свою банку и закинул ноги на диван. Почти в тот же миг, как его тело заняло горизонтальное положение, усталость одолела его,

и он уснул. Гексли возмущенно вздохнул, потому что его хозяин был гораздо больше меня, и с ним было трудно делить диван. Он ретировался под него и снова захрапел, а я стала исследовать мастерскую.

Я подошла к полке с экспонатами, чтобы рассмотреть ящики Уорда, очень изящно сработанные, на каждом красовались маленькие металлические таблички с вырезанными на них буквами «Р. Т.-В.». Я водила по ним кончиком пальца, и тут у меня возникло подозрение.

– Р. Т.-В., – пробормотала я. – Ревелсток Темплтон-Вейн. Вот это интересный поворот.

Я постаралась припомнить все, что знала о прославленном исследователе и натуралисте, но фактов было очень мало, к тому же я находилась на другом конце света, когда его история заполонила английские газеты. Звезда среди натуралистов, он зарекомендовал себя как блестящий ученый благодаря серии статей, в которых пересматривал противоречащие друг другу взгляды Дарвина и Гексли на естественный отбор. Но все рухнуло в провальной экспедиции в... Куда же? Я напрягла память, но не могла припомнить до тех пор, пока в уме не всплыло краткое упоминание мистера Стокера об Амазонке. Да, это она и была. Он возглавил единственную экспедицию в Южную Америку, и именно это путешествие стало свидетелем того, как вся его карьера разбилась о рифы бесчестия. До меня долетали только обрывки сведений о его провале, но слухов ходило множество, а сам он на долгие годы исчез из научного сообщества.

Но вот передо мной были его ящики Уорда, сосланные в заброшенный склад на берегу Темзы. Его имя также наводило на определенные мысли. Не требовалось особого воображения, чтобы вывести Стокера из Ревелстока. «Вот так некогда сверкающая комета, чей свет сиял так ослепительно, упокоилась сейчас во тьме и бедности», – размышляла я, обводя взглядом обветшалую комнату.

Я провела пальцем по одному из ящиков, и он оказался черным. Я встрепелась. Неразумно было сидеть без дела, когда вокруг столько грязи. Как ученый я против беспорядка и давно уже обнаружила, что ничто так не мешает мыслительному процессу, как хаос. Пока мистер Стокер дремал, я подмела пол, выбросила мусор на задний двор, который я обнаружила за мастерской. Я вычистила золу из очага и аккуратно собрала ее в ведро, оставив толстый слой под решеткой. Ее я отполировала и заложила новую топку. Огонь весело затрещал, а я стала рыться в скудных запасах провизии в надежде приготовить суп. Я почистила большой котелок, наполнила его водой и поставила закипать в надежде, что хотя бы

в недавнем прошлом в нем не хранилось ничего отвратительного. Я нашла говяжью кость, еще недавно очень приличную, и бросила ее в котелок, добавив несколько дряблых морковок вместе с ботвой и луковицу с молодыми зелеными ростками. На заднем дворе я обнаружила пробивающуюся ароматную травку, хоть и чахлую, мелко порезала ее и также добавила в котелок. Соли были огромные запасы (вероятно, он использовал ее во многих препаратах), и я решила, что он не станет возражать, если я немного позаимствую для супа. Я бросила ее в воду вместе с раскрошенными остатками хлеба от предыдущей трапезы, чтобы похлебка загустела. Пока она кипела, я нашла ложки и почистила их золой, натерев до блеска.

После этого я продолжила убирать мастерскую: вытерла пыль с коробок и ящиков, выровняла книги на полках и счистила с липких рабочих столов въевшуюся грязь. Бесконечные кипы газет, как я с интересом обнаружила, служили ему материалом для рисования: почти на всех полях виднелись маленькие рисунки – лица и корабли, растения или животные. Я осознала, что он был талантливым художником: в нескольких линиях карандашом или углем он изображал самую суть предмета. Я сделала немало набросков и рисунков своих бабочек и могла отличить истинный талант с первого взгляда. Техника была грубой и неаккуратной, но талантом он намного меня превосходил.

Я сложила газеты в аккуратные стопки, не разбирая их, но проглядывая заголовки, чтобы хоть приблизительно понять, что я пропустила за годы странствий по миру. Часто мелькали ирландский вопрос[4] и восстание махдистов в Судане[5]. Регулярно появлялись пруссаки, но в этом не было ничего удивительного. Пруссак постоянно замыслили что-то низкое. А на западе Соединенных Штатов впечатляло количество вооруженных стычек. Но и это, вообще-то, не было новостью. По моему опыту, американцы очень дружелюбны, но при этом обожают свое огнестрельное оружие. Я отложила газеты в сторону и перешла к полкам с бутылками, содержащими химические препараты. У него была их целая коллекция: масса ядовитых, все легковоспламеняющиеся, а несколько могло вызвать сильные ожоги при контакте с открытой кожей. Во многих бутылках хранились различные консервирующие растворы, а одна этикетка просто рассыпалась у меня в руках, когда я до нее дотронулась. Я решила установить содержимое опытным путем, и когда понюхала раствор, в нос мне ударил резкий, отталкивающий запах формальдегида. Я отодвинула бутылочку подальше от края и продолжала уборку до тех пор, пока не придала всему помещению некое подобие порядка. С удивлением я

обнаружила сборник романтической поэзии, примостившийся под горшочком с клеем, и уже собиралась устроиться поудобнее и почитать, как вдруг за спиной услышала гневный возглас:

– Черт побери, я же просил ничего здесь не трогать!

Мистер Стокер проснулся и, морщась, сидел на диване, разрабатывая одеревеневшие во сне мышцы.

– Я ничего не передвигала, – заверила я его. – Просто поровнее сложила книги и корреспонденцию, чтобы ничего не падало, и приготовила еду. Я бы поменяла консервирующую жидкость в некоторых из этих устрашающих банок, но, кажется, это не просто этиловый спирт, и я побоялась навредить экспонатам, изменив раствор.

– Ну хоть на это у вас ума хватило, – ворчливо признал он. – Раствор моего собственного изобретения.

– И не очень эффективный, – сказала я ему, указав на банки с новорожденными поросятами, плавающими в пенистой желтой жидкости.

– Это были первые попытки, их цель – обнаружить недостатки моей формулы, – едко ответил он. – И если ваше величество будет так любезно посмотреть образцы на *этой* полке, думаю, вы признаете, что раствор прозрачен, как ирландский хрусталь.

Я выполнила его просьбу и одобрительно кивнула.

– Отличная работа. Может быть, лучшие заспиртованные образцы, которые я когда-либо видела. Вы используете обыкновенный формальдегид? Нет, конечно, вы мне не скажете. Не нужно даже было спрашивать. Я бы очень хотела посмотреть, как вы монтируете свои образцы. Я научилась только правильно засушивать бабочек, но монтировать чешуекрылых несравненно проще, чем млекопитающих.

Он с любопытством, но не очень дружелюбно посмотрел на меня.

– Как получилось, что вы интересуетесь бабочками? Это обычная сфера деятельности для дамы-натуралиста, но я очень удивлен, что вы не занимаетесь чем-то зубастым.

– Хм... – Я рассматривала очередного новорожденного поросенка, восхищаясь завитком его маленького розового хвостика. – Это впечатляет. Кажется, что он вот-вот завизжит.

Этот образец, один из лучших, до такой степени был похож на живого, что мне все время казалось, будто он вот-вот пошевелится. Как и мои бабочки, он производил впечатление просто замершего на минуту посреди какого-то своего занятия и собирающегося двигаться дальше. В нем виделось спокойствие и ожидание – качества, которые должны быть свойственны любому хорошему препарату.

Я очнулась от своих мыслей.

– На чем мы остановились? А, да, бабочки. Они давали мне возможность убежать подальше от деревень, где я росла. Девочкам не положено бесцельно бродить по полям. Это признак эксцентричности. А потому я купила себе сачок и морилку, и тогда все стало выглядеть благопристойно.

Его губы тронула тень улыбки.

– Это я могу понять. Меня всегда считали странным из-за того, что мои карманы вечно были набиты банками с головастиками, да к тому же я препарировал кроликов, вместо того чтобы их есть.

Я улыбнулась при мысли о том, как он мальчиком ходил с карманами, полными головастиков, но он неожиданно устал от разговора. С резкостью, которую я замечала у него и раньше, он холодно посмотрел на меня и поднял банку с клеем.

– Мне пора возвращаться к слону. Я и так уже потратил уйму времени.

Он снова принялся за толстокожее создание, оставив меня в компании Гексли. Я не возражала.

– С затворниками тяжело ладить, – пробормотала я собаке.

Мистер Стокер был не первым мужчиной в моей жизни, который чувствовал себя неуютно в компании женщин, и точно не последним. Может быть, он страдал от патологической нелюбви к женщинам в целом, но с уверенностью, появившейся с опытом, я считала причиной всех этих укусов и грубостей разбитое в ранней юности сердце. «Некоторые люди так и не могут оправиться от давних потерь», – подумала я.

Я разлила себе и Гексли по мискам суп, намеренно проигнорировав мистера Стокера, раз он был занят слоном. Над мисками клубился густой пар и разливался аромат, вкусный и манящий, и мы с Гексли с удовольствием принялись за еду, а мистер Стокер в конце концов отложил лопатку с клеем и подошел к котелку.

– Ну и что это такое? – спросил он.

– Еда для собаки, – спокойно ответила я.

Он раздраженно посмотрел на меня и налил себе порцию. Свободных мисок больше не осталось, и ему пришлось есть из треснутой фарфоровой чаши, которая явно была частью его рабочего инвентаря.

– Удивительно, что вы ничем не отравились, – заметила я.

Он отправил в рот сразу полную ложку похлебки.

– Я был бы рад отпустить какое-нибудь колкое замечание по поводу отравления вашей стряпней, но не получится. Это прекрасно. Не припомню, когда я последний раз ел горячую еду.

Он съел три миски, каждую следующую все медленнее и спокойнее. Наконец он выскреб последнюю ложку и вздохнул с сытым видом.

– Вы плохо о себе заботитесь, – сказала я. Это было просто наблюдение, а не обвинение, и, кажется, он так это и воспринял.

Он пожал плечами.

– Слишком много работы, слишком мало времени и слишком мало денег. Вы были правы насчет моих привычек. Я сплю, когда придется, и что-то перехватываю из еды, когда вспоминаю об этом, просто, чтобы поддерживать свои силы. Ну и джин, конечно, – добавил он с утомленным видом заядлого пьяницы.

Я ничего не ответила, подошла к своей сумке и достала фляжку.

– Вот. Я привезла это из своих путешествий. Мне кажется, это очень укрепляет.

Он взял фляжку у меня из рук, сделал большой глоток и сразу закашлялся так, что чуть не задохнулся.

– Господи, что у вас там, черт возьми?!

– В Южной Америке есть такой напиток, называется кашаса, это что-то вроде рома, но его делают из сока сахарного тростника, а не из патоки.

– Я с ним знаком, – сказал он с сожалением в голосе, – чуть ли не год потратил на эту дрянь в Бразилии. Но это совершенно на нее непохоже.

Я намеренно оставила без ответа это упоминание о его прошлом. Если он с таким усердием старался скрыть свое настоящее имя, я была не вправе его разоблачать. По крайней мере, пока.

– Когда я охотилась на бабочек в Венесуэле, я останавливалась на постой у одного джентльмена, владельца обширных полей сахарного тростника в Бразилии. На его вкус, кашаса была чересчур банальной, и он решил дистиллировать ее дважды. В результате получился этот агуардиенте, гораздо более крепкий напиток.

Он сделал второй глоток, на этот раз гораздо более скромный, и рукавом вытер горлышко фляжки с изяществом лорда. Потом вдруг резко заморгал.

– Кажется, я ослеп. И мне это совершенно не по душе.

Я завинтила фляжку и вернула ее на место. Он приподнял глазную повязку, и, к своему изумлению, я поняла, что этот глаз такой же целый и невредимый, как и второй, только веко пересекает тонкий белый шрам. Я заметила также, что его глаза синего цвета, не яркоголубые, как бабочка «морфо», а темно-синие, как *Limenitis arthemis astyanax*, «ленточник Артемида», в красную крапинку, на которого я успешно охотилась в Америке. В отличие от легкомысленного «морфо», «ленточники» были

очень серьезными бабочками.

– Вы видите этим глазом, – сказала я почти обвиняющим тоном.

Он кивнул и стал тереть глаза костяшками пальцев.

– Хотите – верьте, хотите – нет: не хуже, чем вторым. Но он быстро устает, и тогда мое зрение становится мутным. А потом в глазах начинает двоиться, и мне ничего не остается, как только закрывать этот глаз повязкой, чтобы он отдохнул.

– Но таким образом вы утомляете второй, – заметила я.

Он вернул повязку на место и потряс головой, будто пытаясь ее прочистить.

– Ну, тут уж ничего не поделать, ведь нужно заканчивать этого проклятого слона.

В этот момент у двери послышалось шебуршение.

– Мистер С., я принес вечерние газеты, – весело сообщил Баджер, – и ваши сладости.

Он вручил газеты и кулек мятных леденцов мистеру Стокеру, который сразу с жадностью накинудся на них. Я повернулась к мальчику.

– Как хорошо, что ты пришел. У меня есть миска супа, которая пропадет, если ты ее не съешь, а если я отдам ее псу, ему точно станет плохо. Ты не против?

Я вылила суп в чашу мистера Стокера и вытерла ложку. Баджер не стал мыть ни руки, ни лицо, а сразу принялся за еду. Он чавкал так же радостно, как Гексли, и прикончил свою порцию за несколько минут. Мистер Стокер в это время просматривал газеты. Вдруг он выпрямился, и каждый мускул его тела напрягся так сильно, что я поняла: случилось что-то очень плохое.

– Что такое? – спросила я.

Он не ответил, но так сильно вцепился в газету, что костяшки побелели. Я встала за его спиной и стала читать через его плечо.

– Нет-нет! – воскликнула я с ужасом. – Этого не может быть!

Заголовок был сенсационным, но мое внимание привлекли детали истории. Немецкий джентльмен, опознанный как барон фон Штауффенбах, был найден мертвым в своем кабинете. Вся комната была перерыта; полиция сочла эту смерть подозрительной. Никаких зацепок для опознания личности преступника обнаружено не было. Заканчивалась заметка тем, что дознание будет производиться через два дня.

– Этого не может быть, – повторила я.

– Но это так, – решительно возразил мистер Стокер. – Должно быть, его убили вскоре после того, как он вернулся домой.

– Убит? – Баджер поднял голову от миски с супом. – А кого убили?

Я посмотрела на мистера Стокера, но казалось, что он не в состоянии ответить, ужас застыл на его лице. Я заметила, что газета дрожит в его руках. Он явно был во власти сильных эмоций и не реагировал на происходящее вокруг.

– Друга, – ответила я мальчику. – Наверное, тебе лучше уйти, Баджер.

Он вылизал последние капли супа и послушно поднялся. В этот момент мистер Стокер будто очнулся: он отложил газету и встал.

– Не торопись, приятель. Мне нужно отправить телеграммы.

Хоть он и стряхнул с себя оцепенение, но двигался так, будто был не в себе, резко и с отчаянием. Он вырвал клочок бумаги из научного журнала и что-то написал на полях.

– Отправишь эту телеграмму в двенадцати экземплярах, по одному в каждое из этих двенадцати отделений. Отправь их и дождись ответов, слышишь? Почти все ответы будут отрицательными, их можешь выбросить. Но один ответ будет положительный, эту телеграмму принесешь мне.

Он нацарапал еще одно послание и тоже отдал мальчику.

– А эту телеграмму отправишь в Корнуолл, ее посыльный должен отдать лично в руки получателю и больше никому, – распорядился он. Затем стал шарить по банкам и коробкам, наскреб пригоршню монет и отдал их Баджеру. – Получишь больше, когда вернешься.

Мальчик убрал монеты в карман и побежал к двери, отсалютовав на ходу.

– Можете положиться на меня, мистер С.

Затем повисло гнетущее молчание, нарушаемое только потрескиванием дров в камине и похрапыванием Гексли. Я чувствовала себя беспомощной перед яростью мистера Стокера, а он явно был очень зол: губы сжаты, краска залила лицо, кулаки сжимались и разжимались, пока он взад-вперед ходил по комнате. Конечно, он имел право злиться, и ужасу и скорби тоже было место в такой трагедии. Но, глядя на него, я поняла, что еще одно чувство заставляло его метаться по мастерской, как лев в клетке, – страх.

Тем временем он перестал мерить шагами комнату и взялся за другое дело: вытащил старый гладстоновский саквояж[6] и начал упаковывать вещи. Он рылся в сундуках и на полках, вытаскивал разнообразные вещи и бросал их в сумку, в том числе сборник романтической поэзии и пачку огромных алых носовых платков. После минутного колебания он вернулся к одному из ящиков. Сморщившись от отвращения, он сунул туда руку; я не

видела, что именно он достал, но он положил этот предмет в карман брюк и с силой задвинул ящик. Я подошла к нему и протянула руку.

– Мистер Стокер, вы были так любезны, приютив меня, но сейчас я явно мешаю вам, в момент глубокой личной скорби. Теперь мне пора вас покинуть. Спасибо вам.

Он повернулся ко мне, и его гнев обжег меня, будто плеткой.

– Покинуть? Ну нет, дорогуша. Теперь мы с вами связаны, по крайней мере, до тех пор, пока все это не закончится.

Ужаснувшись, но сочувствуя его сильным переживаниям, я постаралась запастись терпением.

– Мистер Стокер, я все понимаю, это вполне естественно, что вас так расстроила смерть близкого друга, и я выражаю вам свои глубочайшие соболезнования. Но мне явно уже пора, и здесь у меня дел не осталось. Мне нужно отправляться.

– Вы что, действительно не понимаете? – В его голосе послышалось искреннее недоверие. – Сейчас *вы* и есть мое дело.

– Я?! Но это же невозможно!

Он запихнул в рассыпающийся на глазах саквояж пыльный черный костюм и туго затянул ремни.

– Подумайте хорошенько, мисс Спидвелл.

– Еще раз, мистер Стокер, я соболезную вашей потере, но я вынуждена настаивать...

Он схватил меня за запястье. Он требовал, а не уговаривал, и силу его эмоций я ощутила по тому, как он сжимал мою руку.

– Мой лучший друг и учитель мертв, и, насколько я могу судить, *вы* тому причиной. До тех пор, пока я не выясню подробностей, вы ни на дюйм от меня не отойдете.

– Будьте благоразумны, мистер Стокер! Как такое может быть, чтобы я стала причиной смерти бедного джентльмена? Я была здесь, с вами, с той самой минуты, как он меня здесь оставил, и до того момента, как его убили. Вы сами это понимаете.

– Единственное, что я понимаю, – это то, что он привез вас сюда, убежденный, что вам угрожает смертельная опасность, и это было последним, что он успел сделать в жизни.

– Я с вами не поеду, – сказала я, высвободив запястье и скрестив руки на груди.

– Думаю, поедете. Макс просил меня охранять вас (если потребуется, то ценой собственной жизни), и я не собираюсь его подводить. Кто бы ни убил его, но он опережает нас по меньшей мере на двенадцать часов.

Мы должны отправляться сразу же, как Баджер вернется с ответами на телеграммы. Я планирую уехать с вами из Лондона и добраться до моих друзей, которые обеспечат нам своеобразное укрытие до тех пор, пока не завершится расследование и мы не получим ответы. Пока что я не знаю, жертва вы или преступница, но поверьте мне на слово: я это непременно выясню.

– В таком случае почему бы просто не пойти к властям?.. – предложила я.

– Нет! У нас нет такой возможности! – взорвался он, и его черты снова исказились от ярости.

Я ответила терпеливо, как няньки разговаривают с маленькими мальчиками или умалишенными:

– Я понимаю, что вы расстроены, мистер Стокер...

– Не думаю, что понимаете, – резко оборвал он. – Но вы поймете. А теперь садитесь и ждите возвращения Баджера.

Он толкнул меня на диван, и мне пришлось сесть.

– Мистер Стокер, – начала я, снова вставая.

Он навис надо мной, заставив снова сесть, и крепко прижал к дивану мои плечи.

– Если вы думаете, что я не свяжу вас по рукам и ногам, как свинью на вертеле, то прошу вас, *прошу*, поверьте!

Я замолчала и подчинилась; сумка стояла на полу у меня в ногах, на ней – сачок. Он снова стал мерить шагами комнату, а я сидела, скрестив руки на груди, и считала его шаги. Очевидно, сейчас с ним невозможно спорить, настолько он захвачен своими чувствами, и я решила подождать более благоприятного момента. «Ты сама мечтала о новом приключении», – напомнила я себе. И, может быть, это как раз начало одного из них, подумала я, потому что не верила, что мистер Стокер действительно может быть для меня физически опасен, каким бы буйным ни был его нрав. Я доверяла своим инстинктам, прекрасным от природы и проверенным годами путешествий среди подозрительного люда. Не все бывают довольны, когда кто-то рыщет по их владениям в погоне за бабочками, а мои вылазки часто приводили меня к крайне неучтивым личностям. Я вспомнила одного главаря банды на Корсике. Мне удалось тогда уклониться от его намерений убить меня или на мне жениться, и мы расстались в прекрасных отношениях. К тому же он благородно обучил меня нескольким приемам самозащиты. Я была совершенно убеждена, что смогу добиться подобного успеха и с мистером Стокером. Очевидно, у него было очень мало опыта в обращении с женщинами. Он даже не подумал

отобрать у меня шляпную булавку.

Так что пока я решила с ним сотрудничать; мистер Стокер принялся копаться в разных коробочках и банках, собирая там все оставшиеся монеты, которые и составляли его скромное состояние. Затем он потряс какие-то книги, и из страниц выпало несколько банкнот минимального достоинства. Он убрал деньги в карман, потом потушил лампы и огонь в очаге, оставив только одну тонкую свечу, чтобы рассеивать мрак, достал нож и убрал его в кожаный чехол на шнуре, который надел на шею и спрятал под рубашку. Тут я могла бы начать возражать, но снова ощутила интуитивную уверенность в том, что как бы зол и разъярен он ни был, даже будучи вооруженным, он не направит свою ярость против меня.

Я начала считать его шаги и досчитала до шестисот восьмидесяти двух, когда вернулся Баджер, размахивая двумя телеграммами.

– Получил, мистер С.!

Баджер вручил бумаги мистеру Стокеру, и тот быстро прочитал их.

– Хорошая работа, – сказал он и ссыпал мальчику еще одну горсть монет. – Ты хороший парень, я знаю, что всегда могу на тебя рассчитывать.

– Да, сэр, мистер С.! И я позабочусь о Гексли, не бойтесь.

Мальчик выманил бульдога из-под дивана и привязал кусок веревки к его ошейнику вместо поводка. Мистер Стокер взял неуклюжую шляпу с низкой тульей, надвинул ее себе чуть ли не на глаза и поднял свою сумку. Затем повернулся и нетерпеливо махнул мне рукой:

– Ну идемте же.

Я остановилась на минутку, чтобы почесать бульдога за ухом перед уходом. Мистер Стокер должен был наконец понять, что я не пленница и иду по собственной воле.

Глава седьмая

Мистер Стокер предпочел не делиться со мной подробностями того, куда мы направляемся, и я поняла, что лучше не спрашивать. Хотя я и говорила о его потере, но понимала, что он еще по-настоящему не горюет о бароне. Это придет позже, после осознания неизбежности смерти, которое наступит в результате долгих минут тихого созерцания. Тогда и только тогда это станет для него реальным. А пока мистеру Стокеру нужно было действовать, его гнали страх и ярость, он без остановки двигался вперед и безжалостно тянул меня за собой. Я хотела показать ему, что следую за ним спокойно и добровольно, поэтому демонстративно взяла сумку и сачок и вышла вслед за ним на улицу, где уже наступала ночь. Он шел быстро, немного вразвалочку, как человек, который провел много времени в седле или в море. Он крепко держал меня под локоть, но беспокоиться ему не стоило: я и не думала о побеге. Загадка безвременной смерти барона крайне волновала меня, и про нее нельзя было просто так забыть. И если, как предполагал мистер Стокер, я действительно могла хоть что-то сделать, чтобы пролить свет на это событие, моим долгом было именно так и поступить, осознала я. Мне также пришло в голову, что, потеряв барона, я лишилась единственной нити, связывавшей меня с матерью. Найдя ответы на вопросы, касающиеся его смерти, я могла также найти ответы относительно своего рождения, но верхом неприличия было бы признаться мистеру Стокеру в столь эгоистичном мотиве в минуту его глубокой скорби.

Я послушно спешила за ним, сворачивая с одной улицы на другую, подчиняясь движениям его руки, пока наконец мы не достигли мерцающей громадины Паддингтонского вокзала. Глядя на широкие арки и впечатляющие металлические конструкции, радость и гордость мистера Брюнеля[7], я убедилась, что архитекторы, несмотря на репутацию скучных людей, на самом деле обладают живейшим воображением.

Но мистер Стокер не смотрел на это чудо современной инженерной мысли. Вместо этого он нырнул в темный угол и погрузился в изучение расписания, то и дело поглядывая на часы и что-то подсчитывая.

– Мы явно шли кружным путем, – заметила я, почти не сомневаясь, что он ничего мне не ответит.

– Это было необходимо. Требовалось убедиться, что никто за нами не следит.

Я хотела попросить его объяснить мне это подробнее, но он кивнул в сторону касс.

– У нас есть четверть часа до отправления поезда. Идем.

Я не двинулась с места, и он повернулся, нахмурившись. Я опередила его.

– Вы можете купить билеты, а я тем временем загляну в дамскую комнату.

Он открыл рот, без сомнения, чтобы выругаться, но я подняла руку в предупреждающем жесте.

– Я не намерена сбегать от вас, хотя сейчас вы убедились, как абсурдна мысль похищать даму в общественном месте.

Я кивнула в сторону дородной фигуры бобби, патрулировавшего станцию. К моему изумлению, мистер Стокер углубился в изучение расписания и надвинул шляпу поглубже на глаза, чтобы скрыть лицо.

Очевидно, он не хотел привлекать к себе внимание констебля, и я решила воспользоваться этим преимуществом.

– Вот мое самое ценное имущество – сачок, – сказала я. – Это основная вещь в моей профессии и нежно любимый мною инструмент. Я отдаю его вам как залог того, что мы встретимся с вами на платформе до отправления поезда.

Он издал какой-то приглушенный звук, но я уже вручила ему сачок и быстро ушла, предоставив ему позаботиться о билетах. Уборная находилась на некотором расстоянии, после прилавка с книгами и лавки со сладостями. Когда я проходила мимо буфета, на меня повеяло манящим запахом ростбифа, и у меня в животе немного заурчало от голода. Я быстро выполнила свою задачу и вышла с вымытыми руками и приведенной в порядок юбкой. Я на ходу расправляла манжеты и вдруг поняла, что какой-то господин рядом идет со мной в ногу. Мне были знакомы подобные трюки, и я по опыту знала, что обычно ледяного высокомерного взгляда достаточно для того, чтобы остудить пыл.

Но, повернувшись, чтобы одарить его самым испепеляющим взглядом, я застыла в нерешительности. Этот господин мне незнаком – в этом я была совершенно уверена. Но он смотрел на меня так, как Моисей, вероятно, взирал на Землю обетованную. Я колебалась не более секунды, но он сумел воспользоваться этим моментом: взял меня под локоть и завернул за табачную лавку.

– Сэр! – возмутилась я, и он сразу отпустил мою руку.

– Вы должны извинить мою бесцеремонность, мисс Спидвелл, – сказал он и быстро огляделся. Толпа пассажиров текла мимо нас, и никто

не обращал на нас внимания; он посмотрел мне в глаза, и в его взгляде, блуждавшем по моему лицу, я заметила некую алчность.

– Тысяча извинений. Я совсем не хотел пугать вас, – продолжил он низким, проникновенным, хорошо поставленным голосом. Вероятно, ему было немного за сорок, он был хорошо одет, и от него доносился легкий пряный аромат. Его черные волосы еще не тронула седина, но у меня закралось сомнение, не прибегает ли он к помощи черной краски, чтобы выглядеть моложе.

Но нет. В уголках глаз пролегло несколько морщинок, и его подбородок, пожалуй, был немного мягче, чем во времена ранней молодости, но его губы складывались в такую очаровательную улыбку, что я поняла: этот мужчина сохранит свою привлекательность до глубокой старости.

– Мы в неравном положении, сэр, – холодно ответила я.

– И вновь я могу лишь просить вас меня простить, – сказал он, но я заметила, что он не исправил этого упущения.

Он вновь внимательно окинул меня взглядом с головы до пят.

– С вами все в порядке? У меня дыхание перехватывает, как только подумаю о том, что вы могли быть замешаны в эту ужасную историю с убийством.

– Что вам об этом известно? – спросила я.

Он покачал лощеной головой.

– Я знаю лишь, что этот доблестный старик не заслуживал такой ужасной смерти. Но вы здесь и невредимы, и сейчас важно только это. Как умно вы отделались от этого грубияна, – добавил он, без сомнения, имея в виду мистера Стокера.

– Смерть барона не имеет ко мне никакого отношения, – резко ответила я. Несмотря на мнение мистера Стокера, утверждавшего обратное, я не могла допустить, что хоть как-то связана с этим омерзительным действием, и возмутилась, оттого что и этот джентльмен предположил нечто подобное.

– Сэр, вы говорите загадками, – сообщила я ему.

Он развел руками и снова очаровательно мне улыбнулся.

– Ну конечно! Ведь я чуть с ума не сошел от радости, после того как столько часов волновался за вас. Но теперь вы в безопасности. Я пришел, чтобы о вас позаботиться. Барон собирался вручить вас под мою защиту. Вот для чего он привез вас в Лондон, – просто сказал он.

Я всмотрелась в его лицо: красивые, ровные черты, добродушное выражение – и быстро произвела подсчеты. Возможно, хоть и

маловероятно, что этот мужчина – мой отец, в случае если он очень неблагоразумно вел себя в молодости. Мне померещилось что-то очень знакомое в его телосложении, и я задумалась: вдруг это действительно так? Тогда его скрытность становилась вполне объяснимой. Конечно, ни один джентльмен не стал бы говорить о подобных вещах в суматохе лондонского вокзала.

Но что-то в его улыбке мне не понравилось. Хоть он и расточал ее умело, с привычным очарованием, его глаз она не касалась. И хотя он выражал радость и облегчение, оттого что нашел меня, но не переставал озираться по сторонам, а его рука тянулась к воротничку. Эта рука у воротничка была минутным жестом, но для меня этого оказалось достаточно. Он произносил свои реплики гладко, они были хорошо отрепетированы, но его выдавало это подсознательное движение.

– Если вам известно мое имя, – сказала я спокойно, – то вы должны знать, что я натуралист.

– У нас будет еще очень много времени для того, чтобы лучше узнать друг друга, – пообещал он. – Но сейчас нам нужно идти.

Он взял меня под локоть, но я не обратила внимания на это приглашение.

– Как жаль, что вы не занимаетесь естественной историей, – сказала я. – Если бы вы читали работы Дюшена или Дарвина по физиогномике, то были бы лучшим лжецом.

Его зрачки расширились, рот приоткрылся, а щеки сразу залила краска гнева.

– Ну вот! – победно воскликнула я. – Теперь все в порядке! Ваше выражение лица полностью соответствует вашим чувствам, в отличие от предыдущего, когда вы лгали. Тогда вас выдали глаза. Кажется, следует прояснить: мне не нравится ситуация, когда меня хочет похитить мужчина, скормливая мне одну ложь за другой, – добавила я.

Мой собеседник мгновенно признал свою вину.

– Кажется, я снова должен извиниться перед вами, мисс Спидвелл, – просто сказал он. – Я излишне торопился, напугал вас и никогда себе этого не прощу.

Он вытащил из кармана пальто визитницу. Это была кричащая вещица, золотая и с такими огромными драгоценными камнями по углам, что я сразу предположила, что они не настоящие. Он достал карточку и протянул ее мне. В отличие от карточки барона, эта была из тонкого картона, и качество бумаги выдавало попытку сэкономить.

– Эдмунд де Клэр, – вслух прочитала я. Под его именем карандашом

был написан его лондонский адрес: отель «Императрица Индии» – респектабельное, но не модное место. Он приподнял шляпу и театрально поклонился.

– К вашим услугам, мисс Спидвелл.

– С какой целью, мистер де Клэр? – спросила я.

– С целью помогать вам в эти труднейшие для вас дни. Я понимаю ваше смущение, – с нажимом сказал он. – Молодая леди, одна в целом мире, ни друзей, ни семьи, неоткуда ждать помощи. Но я здесь, я готов и хочу предложить вам свои услуги и занять место защитника, которое столь безвременно покинул барон.

Нужно отдать ему должное, речь была хороша. И женщина, не получившая уроков самозащиты от корсиканского бандита, вероятно, поддалась бы на его уговоры. Но я была крепким орешком.

– Как это мило с вашей стороны, мистер де Клэр, – сказала я, одарив его улыбкой, которая ни за что не обманула бы господ Дюшена и Дарвина. – Но мне нужно сделать одно дело до того, как я полностью отдам себя на ваше попечение.

Он изо всех сил постарался подавить раздражение, но его выдало легкое подергивание в уголках губ.

– Милое дитя, нам нельзя тратить время! – сказал он и придвинулся ко мне так, что мои ноздри заполнил исходящий от него пряный запах. – Кругом опасность.

– Опасность?

– Со всех сторон, – решительно сказал он. – Не хочу вас пугать, мисс Спидвелл, но человек, с которым вы сейчас оказались, – совершенно неподобающее лицо для того, чтобы заботиться о даме. Вообще-то, мне следует предупредить вас, что именно от него и исходит самая страшная опасность.

– В самом деле?! Что же он совершил? – спросила я, широко раскрыв глаза. Мне показалось, что я физически ощущаю его раздражение.

– Вещи, о которых я не могу позволить себе говорить в вашем присутствии, – заявил он. – Но с ним вы не в безопасности, что бы вы ни думали. Ну так что, пойдете вы со мной?

Я потеряла лоб, размышляя.

– Хорошо, – сказала я наконец.

Маска заботливости на секунду слетела с него, и я ясно увидела выражение триумфа в его глазах.

– Счастлив это слышать, – ответил он, и теперь я не сомневалась, что он говорит искренне. Какие бы ни были у него на меня планы, он явно

отчаянно желал разделить нас с мистером Стокером.

И тут мой взгляд упал на плакат в буфете, изображающий сэндвичи с окороком, и мне на ум сразу пришла сценка, которую мистер Стокер разыграл с мальчиком-посыльным, желая отдать ему остатки окорока. Хитроумный план сам возник в голове, и я не преминула им воспользоваться.

– Сэр, прошу вас, мне нужна еще минутка. Оказывается, мне снова необходимо посетить дамскую комнату, – обратилась я к мистеру де Клэру, скромно опустив ресницы. – Небольшое расстройство желудка, – пробормотала я.

– Конечно-конечно, – ответил он, на этот раз гораздо мягче. Было ясно, что теперь, когда я сдалась, ничто не могло его сильно беспокоить.

– Не будете ли вы столь любезны раздобыть для меня в буфете немного имбирного пива, а я пока подожду здесь? Мои тети всегда говорили, что нет лучшего лекарства при проблемах с пищеварением.

Ликование, которое он изо всех сил пытался скрыть, слегка померкло. Он совсем не хотел выпускать меня из виду, но я не оставила ему выбора. Моя история о несварении желудка была до боли банальной, но леди не могла признаться в подобных вещах джентльмену без острой необходимости. Все правила поведения и этикета диктовали ему единственный ответ, и он меня не разочаровал.

– Конечно, – повторил он. – Я сейчас же пойду в буфет и буду дожидаться вас у дамской комнаты. Не уходите оттуда без меня.

Я заверила его, что так и поступлю, но в ту же секунду, как он повернулся ко мне спиной и направился в сторону буфета, я бросилась бежать и смешалась с толпой пассажиров. Я перепрыгивала через ступеньки, не обращая внимания на изумленные взгляды и возмущенные возгласы тех, кого я толкнула, пробираясь к платформе. Я увидела мистера Стокера: он метался из стороны в сторону, как разъяренный тигр, высматривая меня. На рельсах позади него поезд выпустил огромные клубы черного дыма и тронулся.

– Черт побери, вы почти вовремя! – взорвался он при виде меня. – Проклятье, где вы пропадали?!

Я холодно ему улыбнулась.

– Небольшие проблемы со шляпкой, но сейчас все в полном порядке, – заверила я его и незаметно убрала в карман карточку мистера де Клэра.

Мистер Стокер схватил меня за руку и подтолкнул вперед, посадив в вагон движущегося поезда. Он вскочил туда вслед за мной, и, обернувшись и посмотрев поверх его плеча, я увидела, как на платформу выскочил

мистер де Клэр, с лицом, пылающим от гнева и осознания сорванных планов. Я улыбнулась ему, но сдержалась и не стала махать. Это было бы уже неприлично.

Мы нашли пустое купе, мистер Стокер крепко запер дверь, а я сразу удобно там расположилась. Теперь, когда у меня было время обдумать свое поведение, мне показалось очень интересным то, что инстинктивно я выбрала компанию мистера Стокера, вместо того чтобы воспользоваться случаем ускользнуть от него. Делом одной минуты было бы обратиться за помощью к проходящему мимо полисмену или принять предложение поддержки от мистера де Клэра.

Но к чему бы это привело? Моему подсознанию сразу было ясно то, что я только сейчас сумела осмыслить логически: если бы я прибегла к помощи властей, нашему приключению пришел бы конец. Стремительное бегство из Лондона закончилось бы, даже не начавшись. Очевидно, мистер Стокер боялся узнавания по причинам, о которых я пока ничего не знала. Его настойчивое желание действовать в одиночку, без сомнения, было продиктовано веской причиной, которую я страстно желала узнать. Я также помнила о безусловном доверии к нему барона, которое возникло благодаря долгому знакомству с этим человеком. Конечно, я была в состоянии сама о себе позаботиться, но мне показалось, что мудрее будет следовать курсу, избранному для меня бароном. Вероятно, он знал мистера де Клэра и все же предпочел оставить меня у мистера Стокера.

Но почему же тогда мне не хочется делиться с мистером Стокером историей о встрече с де Клэром на вокзале? Наверное, мне следовало рассказать обо всем начистоту, но меня раздражало то, что мистер Стокер настаивал на строжайшей секретности. Он даже не рассказал мне, куда мы направляемся, и, пока он упорно хранил многое в тайне, я сочла себя вправе тоже иметь свои секреты. К тому же, подумала я, если мистер Стокер окажется неудовлетворительным спутником для приключений, у меня теперь есть возможность от него избавиться. Я могла позволить себе доверять ему до тех пор, пока он не подаст мне повода этого не делать, — эта мысль меня очень успокаивала.

Глава восьмая

– Эх, знала бы я, что нам предстоит долгая поездка на поезде, взяла бы с собой больше еды, – размышляла я вслух, копаясь в сумке. – И вам не стоило тратиться на первый класс, я прекрасно чувствовала бы себя и в третьем. Кстати, в некоторых отдаленных регионах Восточной Европы нет этого разделения вагонов на классы.

Мистер Стокер вглядывался в городские огни за окном с решительной напряженностью, но заметно расслабился, как только столица осталась позади.

– В третьем классе не бывает уединения, – напомнил он мне.

– А нам нужно уединение?

Он не ответил, и между нами повисла тишина, тяжелая и неприятная, и я подумала, что сойду с ума, если она будет тянуться в течение всей поездки. Он до сих пор так и не сказал мне, куда мы направляемся, и эта неопределенность нервировала. Мое раздражение требовало какого-то выхода, а по опыту я знала, что мужчин можно разговорить, если нажать на верный рычаг. С мистером Стокером, по моему предположению, гнев должен был сыграть нужную роль, и я решила немного разжечь его темперамент, надеясь, что это поможет мне выяснить его слабые места и выгодно их использовать.

– Должна признать, мистер Стокер, это уже что-то. Мне казалось, что вы совершенно безынициативны, но теперь я с радостью убедилась, что была неправа. Думаю, у вас есть все шансы добиться большого успеха в жизни, если продолжите в том же духе. Конечно, может показаться, что вам стоило бы направить свою энергию на что-то более полезное и безопасное, чем преступное похищение, но для начала и это неплохо.

Я мило ему улыбнулась, а он хмуро посмотрел на меня со своего сиденья напротив. Я была совершенно удовлетворена тем, как быстро он разозлился, и сразу запомнила это на будущее.

– Я все никак не могу понять, вы самая храбрая женщина, которую я только встречал в жизни, или самая глупая, – сказал он язвительно. – Вы должны быть напуганы до смерти, дрожать от страха и рыдать на полу, а вместо этого вы меня оскорбляете.

– Ну что вы! Это был искренний комплимент, – заверила я его. – Ваше поведение продемонстрировало мне храбрый дух и изобретательный ум – два качества, которые объединяют всех исследователей. А что касается

вашего замечания, почему я должна быть напугана? Мне придает уверенности чистая совесть, мистер Стокер. Знаю, что не имею никакого отношения к несчастью, постигшему барона, и думаю, что и вы это понимаете. Скорее всего, это временное помутнение рассудка, минутный каприз. Благоразумие должно к вам со временем вернуться, и тогда все станет по-другому. А пока, думаю, лучшей стратегией для меня будет спокойное согласие; так ведут себя с лунатиками или сумасшедшими.

– Думаете, я сошел с ума?

– Вы только что меня похитили, – заметила я резонно. – Знаю, само по себе это нельзя считать сумасшествием, но вы не можете отрицать, что это выглядит немного странно.

Я не потрудилась объяснять, что это не вполне можно назвать настоящим похищением, ведь очевидно, что я нахожусь здесь по собственной воле. Я могла бы сбежать от него уже раз десять, но мне показалось невежливым ему на это указывать как раз тогда, когда он решил, что так мастерски меня здесь удерживает.

Я ожидала какой-нибудь лекции, но он сказал все, что намеревался, и вновь воцарилось напряженное молчание. На этот раз я не старалась его нарушить. Шли часы, и багровый закат сменился ночной тьмой. Появились звезды, сперва бледные, а потом ярко мерцающие, и над деревьями поднялся восковой серп луны; а мы все ехали дальше на запад. Наконец мистера Стокера сморил сон, а я стала размышлять о мистере де Клэре. Очевидно, ему было что мне рассказать, но, к несчастью для него, я получила на этот счет очень точные указания от своего корсиканского друга. Закоренелый преступник, он рассказал мне, как важно всегда доверять своей интуиции, вне зависимости от того, что подсказывает разум. Я так и поступила на Паддингтонском вокзале, принимая решение, следовать ли мне за мистером де Клэром, и только сейчас, под монотонный стук колес, я сумела это обдумать: почему, повинаясь инстинкту, я предпочла компанию мистера Стокера обществу мистера де Клэра. В тот момент я не успела этого осознать, но сейчас, глядя на мирно похрапывающего мистера Стокера, поняла, что даже если барон действительно отправил мистера де Клэра забрать меня у мистера Стокера, как сверток или посылку, тот принял все меры предосторожности, прежде чем подойти ко мне. Он не пытался заговорить со мной, пока мы с мистером Стокером были вместе, а улучил момент, когда мы разделились, и только тогда появился. Если бы он действительно был посланником барона, для него не представляло бы затруднения присутствие мистера Стокера и он должен был встретиться с нами обоими.

Разве что... я посмотрела на своего спящего спутника: творец создал его в суровом настроении, не одарив никакой мягкостью. Орлиный нос (с таким носом Александр свысока взирал на завоеванный мир) и острые линии скул и бровей добавляли внешности величия. Решительный подбородок был скрыт бородой, а верхняя губа, по крайней мере, видимая ее часть, казалась тонкой и строгой. И только мягкий изгиб нижней губы выдавал в нем чувствительную натуру. Эта нижняя губа рассказывала истории, о которых лгали все остальные черты лица, и я задумалась, чему же верить. Все эти признаки, собранные вместе, могли означать, что их владелец – либо герой, либо негодяй, или мученик, или тиран, и если мистер де Клэр считал, что он мой похититель, для него казалось вполне разумным дожждаться, пока мистер Стокер отойдет от меня. Может быть, он считал, что спасает меня от какой-то ужасной опасности, грозящей мне в лице мистера Стокера? От этой мысли мне стало не по себе. Но я вновь вспомнила уроки, полученные на Корсике, и упрямо покачала головой. Я не хотела, не могла поверить, что мистер Стокер был моей погибелью.

И лишь гораздо позже я поняла, какую хорошую службу сослужил мне мой корсиканский друг.

* * *

Мы сделали пересадку в Тонтоне, а затем в Эксетере и наконец высадились на станции Тавискомб Магна. Мы были единственными пассажирами, сошедшими там, и я не удивилась, что на платформе нас никто не ждал. Мистер Стокер нетерпеливо махнул рукой.

– Ночью здесь холодно. У вас есть плащ? Надевайте.

Я достала из сумки длинный полосатый плащ, надела его и застегнула на все пуговицы. А он вместо плаща накинул на плечи старый несвежий сюртук, и мы двинулись по дороге, освещенной луной. Я улыбнулась.

– Что, черт возьми, смешного? – спросил он.

– Вы. Надеюсь, мы не наткнемся на каких-нибудь суеверных крестьян. Они примут вас за призрак косматого разбойника с большой дороги.

Он пробормотал какое-то ругательство и двинулся вниз по узкой тропинке, ведущей от деревни в поля. Единственным освещением нам была луна, и идти иногда бывало трудно: дорога оказалась неровной и ухабистой. Какое-то время мы шли, не обмениваясь ни словом, но, когда луна поднялась и светила прямо у нас над головами, я споткнулась, и он успел протянуть руку и поддержать меня.

– Спасибо.

Немного поколебавшись, он сказал:

– Думаю, мы можем ненадолго остановиться, если вам нужен отдых.

– Вовсе нет, – решительно ответила я. – Ходьба – прекрасное упражнение для того, чтобы оставаться в тепле. Как только остановимся, мы замерзнем. Но вы можете сказать мне, куда мы направляемся, просто для того, чтобы скоротать время.

– Мы идем к моим друзьям. Их лагерь здесь неподалеку.

– Лагерь? Они что, цыгане?

– Нет. Они члены бродячего представления.

Я снова оступилась, и он опять выругался:

– Смотрите себе под ноги, женщина!

– Вы меня удивили, – сказала я в свое оправдание. – Бродячее представление – я заинтригована. Что за бродячее представление?

– Скоро увидите.

Он опять замолчал с угрюмым видом, но я молчать не собиралась.

– Мистер Стокер, я понимаю, вы очень злитесь на меня, и думаю, если бы ситуация была обратной, я бы относилась к вам с таким же беспричинным подозрением. Но хотелось бы обратить ваше внимание на то, что для жертвы похищения я прекрасно с вами сотрудничала, и самое меньшее, что вы можете сделать для меня в ответ, – поддержать вежливую беседу.

Тогда он остановился и посмотрел мне прямо в глаза. Его лицо в лунном свете пересекали резкие тени.

– Жертва? Насколько мне известно, именно вы заказали убийство барона!

Я сочувственно взглянула на него.

– Знаю, вы считаете это возможным, но вы же ученый. Вас же учили не строить гипотез до того, пока не проанализируете все данные, не правда ли? А значит, вы в равной степени можете верить тому, что я невиновна. Барон сам вверил меня вашему попечительству. Разве вы сами не говорили мне, что он поручил вам защищать меня «даже ценой собственной жизни»?

Он долго ничего не отвечал, по лицу было видно, что в нем борются разные чувства.

– Да, это так, – пробурчал он наконец. – И да, я готов допустить: очень вероятно, что вы в этой истории не злодей, а невинный участник. Но вы – единственная, кто может помочь мне выяснить, что произошло с Максом.

В его голосе мне слышались нотки, которые в устах другого человека можно было бы назвать мольбой.

– Я это понимаю и, верите вы мне или нет, глубоко сожалею, что с ним случилось такое несчастье. Я общалась с ним только в пути до Лондона, но уверена, что он был добрым человеком и действительно хотел мне помочь. Хотя думаю, что, если бы он увидел вас сейчас, то мог бы усомниться в правильности своего решения верить меня вашей заботе.

Он открыл было рот, но потом резко закрыл его, не в состоянии вымолвить ни слова. Моя стрела попала точно в цель.

– Я приму к сведению ваше утверждение, что вы – лишь невольная участница этого дела, – произнес он ледяным от гнева тоном, – но вы должны понять, что я буду испытывать подозрения на ваш счет до тех пор, пока не уверюсь в обратном.

– Если вы готовы в этом убеждаться, мне этого вполне достаточно. И вы должны позволить мне помочь вам в поиске того, кто совершил это ужасное преступление.

– Даже не думайте, – категорично заявил он.

Я постаралась запастись терпением.

– Мистер Стокер, понимаю, вы боитесь, что я каким-то образом поверну ситуацию под выгодным для себя углом, но, честное слово, у меня есть не менее серьезный мотив для того, чтобы раскрыть тайну убийства барона, чем у вас. В конце концов, сэр, вас не считают соучастником этого преступления.

К моему изумлению, он немного расслабился и не то чтобы улыбнулся, но почти.

– Вы практически выдали себя сейчас. Вы чертовски хорошо стараетесь это скрыть, но сдается мне, вашего слова мне недостаточно.

– Я не привыкла к тому, чтобы во мне сомневались, мистер Стокер. Многие люди считали меня странной и неженственной, но мое слово всегда было ничуть не хуже мужского. Мне кажется унижительным, что единственное средство защиты, которым я располагаю, – это попытка урезонить вас.

– Вы предпочли бы дуэль на пистолетах?

– Если это вас убедит, – решительно ответила я. – Но, если честно, я предпочла бы шпаги.

Может быть, преследование взломщика в моем коттедже и не принесло результатов, но оно точно вновь пробудило во мне любовь к холодному оружию.

Он внимательно посмотрел на меня.

– Кажется, вы говорите серьезно. Вы были бы счастливы выпустить в меня пулю прямо здесь и сейчас.

– Или самой принять пулю, если это очистит мое имя.

Он покачал головой.

– От лунного света у вас помутилось в голове, мисс Спидвелл. Я не собираюсь давать вам оружие и тем более выходить с вами на дуэль.

Я решила не сообщать ему о том, как смертельно опасна может быть шляпная булавка в ловких руках. Мы продолжили путь, но я ощутила, что в его отношении ко мне стало чуть меньше холодности, чем прежде.

– А что вы скажете друзьям? – вдруг спросила я. – Они захотят узнать, почему мы к ним пришли.

– Вы будете моей молодой женой, чья семья не одобряет нашего союза. Я скажу, что мы боимся вашего коварного опекуна, который пытался лишить вас состояния, и что нам необходимо укрытие до тех пор, пока не вернем себе все ваши деньги.

– Это сюжет из бульварных романов. Никто этому не поверит. К тому же мы с вами вряд ли сможем притворяться счастливой парой, соединенной священными узами брака. Совершенно очевидно, что мы друг другу не подходим.

Он ничего не ответил. Вместо этого резко повернулся на каблуках и встал прямо передо мной. Как будто я на полном ходу столкнулась со скалой, подумала я, наткнувшись на него в темноте, – я выронила сумку и сачок и выставила вперед обе руки, чтобы не упасть.

Сунув руку в карман брюк, он достал какую-то вещь, и я вспомнила, что еще в поезде он вынул это из саквояжа. Я даже не успела понять, что он делает, а он взял мою левую руку и снял с нее перчатку. Затем надел мне на палец что-то холодное.

– Что это?

– Обручальное кольцо, – ответил он.

Я уставилась на тонкую золотую полоску у себя на пальце. Кольцо было немного погнуто и поцарапано, как будто его швырнули в минуту гнева.

– Как так вышло, что у вас в запасе есть обручальное кольцо, мистер Стокер? Вы что, имеете обыкновение похищать молодых женщин и выдавать их за своих жен?

– Не ваше дело, – отрезал он. – Теперь будете откликаться на имя «миссис Стокер», пока мы будем у моих друзей. Можете обращаться ко мне «Стокер» или «муж», мне неважно.

– Может быть, лучше Люцифер? – пробормотала я себе под нос.

Он не отреагировал на мое замечание и спросил:

– Какое у вас имя в крещении?

– Можете звать меня миссис Стокер, – посоветовала я, гордо вздернув подбородок. Он грубо рассмеялся.

– Ни один мой знакомый не поверит, что я могу так формально обращаться к женщине, на которой женат. Какое имя вам дано при крещении?

– Вероника, – ответила я наконец.

Он уставился на меня.

– То есть как растение вероника семейства подорожниковых, известное также как «спидвелл»? Вы шутите!

– Вовсе нет, – ответила я с возмущением. – Моя тетя Люси увлекалась садоводством.

– И поэтому сделала из вашего имени своего рода ботаническую шутку?

– Вероника – очень полезное растение, – заметила я. – Ее называют также синюшкой или козьей мордой, и это самый популярный представитель семейства подорожниковых. Ее очень хорошо заваривать при простуде.

– Боже, пожалуй, вы должны быть ей благодарны за то, что она не назвала вас козьей мордой! А попроще имени у вас нет? Как вас звали, например, другие дети или сердечный друг?

– Я не играла с другими детьми, а мои сердечные друзья, как вы сами только что грубо выразились, – не вашего ума дело.

Он приподнял бровь.

– Друзья? Во множественном числе? Вы темная лошадка, не правда ли?

Я ничего не ответила, и он вздохнул.

– Ну хорошо. Пока мы будем здесь, вы будете для меня моей милой Вероникой.

Он сунул мою руку себе под локоть и прижал ее, пожалуй, слишком крепко для того, чтобы это показалось приятным.

– А теперь улыбайтесь и смотрите на меня с обожанием. Мы на месте.

Тишину нарушали лишь шорох ночных существ и редкие трели соловья. Лагерь – пестрое собрание шатров, телег и цыганских кибиток – дремал. То тут, то там в темноте мелькали огни, будто светлячки, и только по одному шатру можно было понять, что кто-то не спит. Это был большой шатер в красно – золотую полоску, у входа в который на легком ветру покачивались китайские фонарики. Мистер Стокер крепко держал меня под локоть, пока мы шли через лагерь. Каждый шатер или фургон был раскрашен в свой цвет, но мы двигались очень быстро, и я не успевала их

рассмотреть. Наконец мы добрались до большого шатра и остановились перед ним, так что я успела прочитать плакат, растянутый над входом, выведенный изящными буквами с вензелями: «Бродячий цирк уродств профессора Пигопагуса».

Мы пришли.

Глава девятая

Я не успела ни о чем спросить, потому что мистер Стокер уже дернул за ленту с колокольчиками, висевшую у порога, и позвонил. Изнутри доносилась музыка: странные, будто потусторонние звуки, полные грусти и томления, – ее было почти физически больно слушать, такой острой казалась эта тоска. Послышался голос:

– Стокер, ну наконец-то,ходи!

Мистер Стокер приподнял полог и жестом велел мне следовать за ним. Я шагнула внутрь, и передо мной открылась сцена прямоком из какого-то странного сна. Стены шатра были завешаны ярким шелком и множеством китайских фонариков, пол – устлан слоем тонких турецких ковров. Но мое внимание привлек не необычный интерьер. Шатер был полон людей, и ни один из них не походил ни на кого из тех, с кем я встречалась прежде. Там была женщина, невообразимо толстая, она сидела на стуле размером с три сдвинутых вместе кресла. В руках она держала тарелку пирожных с кремом и была полностью ими поглощена, управляясь с ними при этом с определенным изяществом. Рядом с ней стоял мужчина с головой льва, черты лица которого скрывали густые волосы не менее четырех дюймов в длину; одет он был в военную форму с потрясающим набором наград и медалей на груди. Его рука покоилась на спинке инвалидного кресла, в котором дремала невероятно старая дама. Далее стоял самый большой мужчина из всех, что мне доводилось встречать; мистер Стокер казался мне высоким со своими шестью футами роста, а этот имел не менее семи и такое нагромождение мускулов во всем теле, какое я видела лишь на карикатурах. Дальше вплотную стояли два стула без подлокотников, и я скоро поняла, почему они расположены именно так. Два джентльмена, сидевших на них, были соединены в области ребер и располагались рядом, как корешки книг: касаясь друг друга спиной и плечами. У одного из братьев в руках был аккордеон – источник странной музыки, а другой держал только тонкую сигарету в мундштуке в фут длиной, которой он замахал, когда мы вошли.

– Дорогу, дорогу новобрачным! – закричал он, театрально размахивая мундштуком.

Мистер Стокер прошел и встал перед ним, подтолкнув и меня вперед.

– Добрый вечер, профессор, – сказал он. – Сколько лет...

– Почти два года с тех пор, как ты нас покинул, – ответил вкрадчиво

профессор.

На лице мистера Стокера дрогнул мускул, и тогда я поняла: он опасается того, какой прием окажут ему друзья.

– Понимаю, я тогда уехал немного неожиданно, – начал он, но профессор жестом прервал его.

– И все же блудный сын всегда возвращается; разве не так нас учит Библия? И получает справедливую награду. Кажется, я припоминаю что-то о том, что каждый человек обретает именно то, что заслужил, – заметил он с тонкой улыбкой, которая совсем не касалась глаз. Он поднял голову и посмотрел на меня оценивающе и с любопытством. Мистер Стокер заговорил:

– Позвольте представить вам мою жену, Веронику Стокер. Вероника, это профессор Пигопагус.

К чести мистера Стокера, он не споткнулся ни на моем имени, ни на слове «жена». Он пристально смотрел на меня, и у меня появилось странное ощущение, что мое поведение в ближайшие несколько минут окажется решающим для наших дальнейших отношений.

Я шагнула вперед и протянула руку.

– Приятно познакомиться, профессор.

Профессор сжал мою руку и вскрикнул от восторга.

– Дети, взгляните, Стокер привел к нам жену! Дорогая, мы рады принять вас в нашу маленькую семью уродцев, – сказал он, но в его голосе не было искреннего тепла. Он держал мою руку в своей, под тонкой кожей явно ощущались кости. Он продолжил свою речь:

– В нашем бродячем цирке больше участников, чем собралось сейчас, но вы должны понять: уже очень поздно, и остальные ушли отдыхать. Им нужно больше сна, чем нам, – добавил он, скривив губы. – Позвольте представить вам остальных.

Он театральным жестом обвел присутствующих.

– Во-первых, моя дорогая мадам дю Лэ. Мадам. Мадам! – Он резко похлопал в ладоши. Старая женщина в инвалидном кресле вздрогнула, подняла голову и прислонила к уху латунный слуховой рожок.

– Что? Почему вы меня беспокоите? – с возмущением спросила она. Укутанная в ворох шалей и дорожных пледов, она посмотрела на присутствующих выцветшими, подернутыми старческой пленкой глазами.

– Моя дорогая мадам, хочу вам представить нашу гостью, миссис Стокер. Стокер вернулся и привел с собой жену.

Ему пришлось трижды повторять ей эти слова, и, когда она наконец поняла, о чем речь, ее старое, морщинистое лицо нахмурилось еще

сильнее.

– Стокер! – воскликнула она. – Никогда его не любила. Скверный чертенок.

– О, но я уверен, что его жена покажется вам очаровательной, – решительно сказал профессор, сложив губы в улыбке. Я подошла, чтобы пожать ей руку, но она уже снова уснула. Профессор покровительственно взмахнул рукой. – Нужно быть снисходительной, дорогая. Ей сто пятьдесят три года. Она была кормилицей Наполеона.

Я услышала, как за моей спиной Стокер сухо добавил:

– А еще за полпенса она покажет вам грудь, которую он сосал.

Я ничего не успела ответить, и профессор продолжил знакомство, жестом указав на невообразимо толстую женщину.

– Это наша дорогая Тилли, самая толстая и самая хорошенькая женщина в стране. – Он послал ей воздушный поцелуй, а она жеманно улыбнулась. У нее действительно были красивые черты лица и очаровательные ямочки. Она помахала мне пальцами, измазанными кремом, и я улыбнулась в ответ.

– Рядом с ней – ее муж, Леопольд, лорд Львиное Лицо. На самом деле он не лорд, – добавил профессор, понизив голос, – но, опять же, нужно быть снисходительными.

Джентльмен кивнул, это был элегантный, почти королевский жест, учитывая обстоятельства.

– Добро пожаловать в нашу маленькую семью, миссис Стокер.

К моему удивлению, его голос оказался мелодичным, глубоким и звучным.

– Спасибо, мистер...

– Пожалуйста, зовите меня Леопольд. Мы здесь обходимся без церемоний, – вежливо сказал он.

Профессор заговорил снова.

– Это Колоссо, – сообщил он мне, указав пальцем на огромного мужчину, который протянул руку, чтобы пожать мою. Его ладонь была более чем в два раза больше моей, и я ощутила себя ребенком, когда он осторожно коснулся моих пальцев.

– Добро пожаловать, – сказал он глухим голосом, с явным итальянским акцентом. Он приветствовал меня достаточно сердечно, но на Стокера бросил взгляд, полный неприкрытой ненависти.

Не успела я задуматься о возможной причине такого отношения, как послышалась новая мелодия, сложная и манящая, уговаривающая и соблазняющая, и в голове сразу начали роиться неподобающие мысли.

Колокольчики на пологе шатра мягко зазвенели, и внутрь проскользнула женщина. На ней был длинный шелковый халат с восточными мотивами, когда она двигалась, рукава доставали до пола; на ногах – миниатюрные домашние туфли из позолоченной кожи, с завернутыми вверх носами. Волосы черные, как у меня, но заплетены в сложные ряды крошечных косичек, достававших до туго перетянутой талии. Глаза темные, непроницаемые, движения изящные. В этот момент я почувствовала себя англичанкой до мозга костей и осознала практичность своего наряда, подходящего для любой ситуации.

– Саломея, – ласково произнес профессор.

Тут я заметила, что лицо мистера Стокера неожиданно приобрело темно-красный оттенок, и испугалась, что его сейчас хватит удар. Я быстро шагнула вперед и протянула руку.

– Вероника Стокер, – строго сказала я.

Улыбка коснулась уголков ее губ. Она серьезно пожала мне руку.

– Да, я слышала, что Стокер к нам вернулся. С женой, – добавила она. Это было сделано мастерски. В одном предложении ей удалось выразить любопытство и недоверие, но так элегантно, что было совершенно очевидно: она считает это событие потрясающей шуткой.

Мистер Стокер крепко сжал мою руку в своей.

– Саломея, – только и сказал он.

Она подалась вперед и поцеловала меня в обе щеки, оставив после себя шлейф мускусного аромата. Он напомнил мне запах увядающих цветов, перезревших, чувственных и дурманящих.

– Добро пожаловать, дорогая.

Менее умная женщина поцеловала бы и мистера Стокера, но она этого не сделала. Она только бросила на него пристальный взгляд, будто подумав о такой возможности и отвергнув ее. Затем ослепительно улыбнулась и ушла, грациозно пригнувшись при выходе из шатра. Стокер стоял весь в испарине.

– Наша главная танцовщица, – объяснил профессор. – А теперь познакомьтесь с моим братом Отто.

Он махнул рукой в сторону мужчины, с которым был соединен, и из его инструмента вновь полилась та мягкая и тоскующая мелодия, которую он исполнял, когда мы пришли. Затем Отто прервал свою музыку, вежливо наклонил голову в знак приветствия и заиграл приятную вещь Шопена.

Я поклонилась в ответ.

– Как поживаете, Отто?

Профессор нетерпеливо взмахнул рукой.

– Не обращайтесь на него внимания, дорогая. Он просто надоедливый парень. Всегда молчит и общается только при помощи своей музыки. Со временем вы научитесь ее трактовать.

Он повернулся к мистеру Стокеру, который вытер платком пот со лба и, казалось, наконец пришел в себя.

– Итак, из твоей срочной телеграммы я понял, что ты хочешь вернуться в наш цирк. Когда ты прибыл к нам в прошлый раз, эти воспоминания от путешествия по Амазонке были еще свежи, – сказал он, слегка махнув головой в сторону шрамов мистера Стокера и его повязки на глазу. – Я помню эту историю. Тебе тогда посчастливилось остаться в живых, – вкрадчиво сказал профессор. – Я всегда считал, что у тебя девять жизней. Интересно, сколько их осталось сейчас?

Стокер напряженно сглотнул, но ответил намеренно будничным тоном:

– По моим подсчетам, эта – последняя.

Губы профессора от такой бравады расплзлись в широкой ухмылке.

– Тогда лучше ее побережь. Ты помнишь правила. Я держу только тех, кто может заработать себе на хлеб. Если не работаешь, то не ешь и, вероятнее всего, не останешься с нами. В последний раз, когда ты был у нас, меня вполне удовлетворяла твоя работа иллюзиониста.

Я с изумлением уставилась на мистера Стокера, но он только кивнул в знак согласия. Он явно ожидал этого предложения.

– С этим проблем не будет.

– Но в этот раз я прошу немного больше, – сообщил ему профессор. – Мне нужен человек на замену Ризолло. Он покинул нас несколько недель назад, с тех пор публики собирается гораздо меньше, чем должно было.

Стокер колебался лишь мгновение.

– Хорошо.

Профессор прищурился, и я впервые заметила жестокость в линии его губ.

– Ты уверен? Ведь сейчас твое зрение, вероятно, повреждено.

– Я справлюсь с номером. Господи, я же сам учил Ризолло.

– Ты прав, ты прав. Конечно, я не могу позволить тебе использовать для этого номера никого из постоянной труппы, – добавил он вкрадчиво, но с угрозой в голосе. – Это слишком опасно.

– Хорошо, – ответил Стокер, будто выплюнув это слово. Его пальцы крепко переплелись с моими.

Профессор погладил подбородок.

– Думаю, преданная жена будет счастлива стать твоей напарницей.

Он пристально посмотрел на меня своим непроницаемым взглядом, и

я выпрямилась во весь рост. Я не вполне понимала его инсинуации, но знала, что в любом случае должна быть на стороне Стокера.

– Буду счастлива сделать все, о чем меня попросит муж, – сказала я решительно.

Лицо профессора засияло от восторга.

– Приятно слышать подобные слова, – обратился он ко мне. – Что касается проживания, бывший фургон Ризолло будет в вашем с женой полном распоряжении.

Я открыла рот, чтобы возразить, но Стокер сжал мою руку с такой силой, что казалось, сейчас затрещат кости, и я выругалась про себя за собственную глупость. Конечно, мы должны будем жить вместе. Так всегда и поступают женатые люди, строго напомнила я себе.

– Спасибо, профессор, – сказал Стокер.

Профессор повернулся ко мне с чарующей улыбкой.

– А теперь, я уверен, вы с женой хотели бы удалиться. Вы проделали долгий путь.

Слова были любезными, но в голосе слышался приказ. Кажется, это вполне устраивало Стокера. Он кивнул головой и подтолкнул меня к выходу из шатра, пока я старалась со всеми вежливо распрощаться.

– Жаль, что мы не посидели здесь дольше. Я так мечтала о пирожном с кремом, – разочарованно сказала я. – Мы уже довольно долго совсем ничего не ели.

– До завтрака всего несколько часов. Придется продержаться до того момента, – заметил он с возмущением.

– Стокер! – Мы оглянулись на голос, раздавшийся у нас за спиной. Это был Колоссо, бесшумно ступавший за нами в тишине лагеря. Я почувствовала, как мистер Стокер рядом со мной напрягся, и, повинуясь инстинкту, которого сам мог не осознавать, он сделал шаг вперед, отгородив таким образом меня собой от этого огромного парня.

– Колоссо, – холодно отозвался он.

Мужчина подошел еще ближе, и мне показалось, что я наблюдаю за движением горы. Он двигался медленно, с непоколебимой решимостью и остановился только тогда, когда подошел вплотную, заставив этим Стокера запрокинуть голову, чтобы посмотреть ему в глаза.

– Помнишь, что я обещал тебе в прошлый раз? – спросил Колоссо.

Каким-то образом, даже с выгнутой под неестественным углом шеей, глядя на это чистое проявление силы, мистер Стокер сумел произнести скучающим тоном:

– Что-то вроде того, что ты вынешь из меня все кости и будешь играть

на них марш.

Колоссо прищурился.

– Думаешь, я об этом забыл?

– Вполне может быть. Кажется, воздух здесь слишком разреженный, – ответил мистер Стокер.

Я прыснула от смеха, глядя, как лицо великана наливается яростью.

– Быть врагом Колоссо – это не шутка. – Он резко наклонился, заставив мистера Стокера еще сильнее откинуться назад. – Скоро придет расплата.

– Если только не хочешь, чтобы я задохнулся от дурного запаха у тебя изо рта, пожалуйста, отойди и пропусти меня, – сказал мистер Стокер решительно.

Тогда Колоссо улыбнулся – отвратительное явление, потому что уголки его рта уходили вниз в этом странном оскале, а несколько зубов оказались полностью разрушены. Он ткнул мистера Стокера в грудь своим огромным пальцем.

– Расплата придет, и очень скоро.

Он развернулся и ушел, тихо скользя в темноте с бесшумностью, до крайности раздражающей в таком огромном человеке.

– Что это, черт возьми, было? – спросила я.

Мистер Стокер взял меня под локоть и потянул вперед.

– Ничего. Но давайте пойдем, пока он не передумал и не решил съесть мою печень с хлебом на завтрак, хорошо?

Он больше не проронил ни слова, пока мы не добрались до пустующего фургона. Он стоял на краю лагеря и выглядел немного заброшенным, темным и негостеприимным. Мистер Стокер быстро зажег лампы и жестом велел мне идти первой вверх по узкой лесенке в маленький вагончик с низким потолком. Но внутри он был обустроен так же удобно, как корабельная каюта, что меня приятно удивило. Мебели было мало, но вся – чистая и аккуратная. Откидывающийся столик привинчен к одной стене, и пара маленьких удобных кресел придвинута к небольшому очагу, который давно уже не зажигали. У задней стены расположилась широкая кровать, и, к своему облегчению я поняла, что она застелена почти чистыми простынями, но с интересом отметила, что кровать здесь одна.

Я услышала, как мистер Стокер застонал у меня за спиной.

– Будь я проклят, – пробормотал он.

Я решила, что он только что заметил количество спальных мест, и повернулась к нему с простодушной улыбкой:

– Если стесняетесь, можете спать на креслах.

Он взглянул на кресла с прямыми спинками.

– Я не спал на нормальной кровати уже полгода. От ночи на этих креслах меня совсем скрутит.

– Ну, тогда у нас нет других вариантов, – весело сказала я. – Придется спать в одной постели.

На его лице читалось сомнение.

– Мисс Спидвелл...

Я с возмущением прервала его взмахом руки.

– Миссис Стокер, но вы можете называть меня Вероникой. Если не хотите, чтобы наш маскарад раскрылся, вы должны приучиться называть меня этим именем, даже когда мы одни.

– Хорошо, Вероника. – Он колебался, подыскивая слова, произнося каждое медленно и осторожно. – Полагаю, я немного поторопился с приездом сюда.

Я так тяжело воспринял новости о смерти Макса и испугался возможных последствий, – начал он. – Должен признаться, я не обдумал это предприятие во всех подробностях, хотя и должен был. Теперь я понимаю, что поставил тебя в невыносимое положение. Знаю, ты путешествовала в одиночестве, но это совсем другая ситуация для дамы. Вся эта шарада может пагубно сказаться на твоей репутации.

Я хмыкнула совершенно не по-женски.

– И это только что пришло вам в голову? Дорогой мистер Стокер, я вышла за рамки приличий уже в тот момент, когда согласилась вверить себя под защиту барона. Вы же не думаете, что благовоспитанное общество может одобрить подобное поведение? Или то, что я много часов провела в доме у мужчины без всякого сопровождения?

– Я об этом не подумал, – сконфуженно ответил он.

– Тогда хорошо, что вас не часто просят позаботиться о молодых девушках в тяжелых жизненных обстоятельствах, – язвительно заметила я. – Но вы не должны себя винить в данной ситуации. Осмелюсь предположить, что я знаю жизнь лучше вас.

Он беспомощно открывал рот, как рыба, выброшенная на сушу, и никак не мог подобрать слова.

– Ты ведь не хочешь сказать, что...

– Именно это я и хочу сказать. Женские особи нашего биологического вида не менее мужских склонны к физической страсти, и у них на то больше причин, потому что они ответственны за размножение. Но я устала, и сейчас слишком поздно для того, чтобы разворачивать серьезную дискуссию о разногласиях между Дарвином и Уоллесом, вам не кажется?

Я открыла окно фургона, чтобы впустить внутрь немного свежего холодного воздуха, тяжелого от аромата жимолости и шиповника.

– Это прекрасно, – сказала я, набрав полные легкие воздуха.

– Это чертовски холодно, – возразил он, но меня было не переубедить. Я строго взглянула на него.

– Мистер Стокер, во время сна я согласна мириться только с одним неудобством. Можете спать со мной на кровати с открытыми окнами или на креслах – с закрытыми. Мне абсолютно все равно.

Я расстегнула верхнюю пуговицу своего плаща, и он сразу потянулся тушить лампу. Подождав, пока глаза привыкнут к темноте, я сняла плащ, жакет, блузку и юбку, аккуратно сложила их, а сверху пристроила шляпу. Чулки я скрутила в узел и положила под шляпу, а корсет убрала вниз, чтобы не ранить нежных чувств мистера Стокера. Я проскользнула под одеяло в одной сорочке, из вежливости подвинувшись к дальнему краю кровати. Все это время я ощущала, как он тихо дышит рядом в темноте, слушая шелест снимаемой одежды.

Он не стал снова зажигать лампу. Разделся в темноте, как и я, и лег в кровать. Матрас опасно прогнулся, толкнув меня прямо к нему.

– О господи, – пробормотал он, опять отодвинув меня к стенке.

Но я с изумлением обнаружила, что мое лицо утыкается в его ступни. Он счел более приличным лечь головой в противоположную сторону. Это немного меня разочаровало, потому что, несмотря на все недостатки внешности, он мог бы быть потрясающе привлекательным мужчиной, но даже мысли о том, чтобы вступить с ним в физический контакт, были нарушением всех моих правил. Ведь он был англичанином, а я никогда не заводила отношений с англичанами.

К сожалению, мой мозг оказался на этот счет совершенно иного мнения, и множество интересных мыслей о мистере Стокере и его природе не давало мне уснуть. Какое-то время я развлекала себя размышлением о его мускулатуре и интригующих татуировках, но так как это не позволяло мне расслабиться, я принялась думать на другие темы. Кажется, мистер Стокер тоже не мог успокоиться: он несколько раз ворочался с боку на бок, сотрясая этими движениями весь фургон.

– Почему вы не спали в кровати шесть месяцев? – спросила я.

– Потому что я продал ее, чтобы платить за еду, – пробормотал он сонным голосом.

– Дурацкая экономия, – заметила я. – Человек не может работать в полную силу, когда он лишен нормального отдыха.

– Но он не может нормально отдыхать, если его кровать увезли

судебные приставы, потому что он не работал, – парировал Стокер.

– Это верно. Значит, вы не получите вознаграждения от лорда Розморрана, раз не успели доделать слона?

Он застонал.

– Да будь все проклято, я даже не успел об этом подумать!

– Сожалею, что пришлось указать вам на это. Может быть, он войдет в положение, если все ему объяснить.

Он горько рассмеялся.

– Что объяснить? Что мой наставник умер, и я вынужден был похитить его убийцу?

– Тише, тише. Я не убийца. Более того, думаю, что и вы это знаете.

– Мне пришло в голову, что ты могла как-то выскользнуть из моей мастерской, пока я спал, и повернуть это дело. Почему ты так уверена, что я считаю тебя невиновной?

– Только невообразимо глупый человек может поставить себя в такое уязвимое положение: находиться рядом с женщиной, которую он считает способной на хладнокровное убийство, – резонно заметила я и дотронулась кончиком пальца до его лодыжки. Он подскочил, опять сотрясая весь фургон. Бог весть что могли подумать об этом остальные жители лагеря, наверное, они относили эту тряску фургона к рьяному исполнению супружеского долга.

Он глубоко вздохнул.

– Прекрасно: ты не убивала Макса. Но это не означает, что с тебя можно снять все подозрения.

Теперь была моя очередь вздохнуть.

– От вашей смены настроений и у дервиша голова закружится. То вы хотите быть рациональным, а то вдруг убеждаете себя, что я преступница. Но я понимаю ваши сомнения. Вы не знаете меня достаточно, чтобы понять: я именно такая, какой кажусь. Я лепидоптеролог, питаю слабость к красивым мужчинам, а в остальном живу совершенно непримечательной жизнью. То, кем я кажусь, – именно то, кем я и являюсь. У меня нет защитного окраса, мистер Стокер. Вы должны поверить, что я говорю искренне, – я сделаю все, что в моих силах, чтобы очистить свое имя.

Он снова застонал.

– Именно этого я и боюсь.

Мы немного помолчали; вдалеке слышалось уханье совы.

– Мне очень жаль барона.

Он что-то пробурчал.

– Засыпай, Вероника. А если будешь храпеть, я привяжу к твоей шее

колокольчик и вышвырну на улицу, как надоедливую кошку.

– Я не буду храпеть, – пообещала я, но он ничего не ответил: его уже сморил сон; вскоре заснула и я.

Глава десятая

Я проснулась от резкого запаха грязи, ударявшего в нос. Не требовалось богатого воображения, чтобы определить его источник. Я открыла глаза и обнаружила, что мистер Стокер спит на боку, отвернувшись от меня, а его ступни покоятся на моей подушке, всего в дюйме от моего носа.

Я сильно ущипнула его за палец, взревев от возмущения.

– Черт возьми, за что? – спросил он, тут же проснувшись и резко сев в кровати. Простыни соскользнули с него, и я намеренно позволила себе изучить его обнаженный торс, проследив путь от якоря на бицепсе до двух переплетенных змей на другом предплечье и внимательно изучив все, что между ними. Картина была восхитительная – прекрасная компенсация за вонючие ноги, сунутые мне под нос. Конечно, я не могла использовать его в своих интересах в полной мере, но имела право хотя бы поглазеть на всю эту красоту.

– Ваши ноги на моей подушке, – сообщила я ему. – Будьте так любезны убрать их, я хочу встать и заняться утренними процедурами.

– Я иду с тобой, – сказал он, отбрасывая покрывало, и я обнаружила, что он спал в брюках. Я села, не пытаясь прикрыться простыней, прекрасно осознавая, что моя сорочка кажется почти прозрачной в ярком утреннем свете. Он покраснел до кончика бороды и резко отвернулся.

– Нет, не идете. Я долго терпела ваше своевольное обращение, но именно здесь провожу черту, мистер Стокер. Я никогда прежде не мылась в присутствии мужчины и не собираюсь начинать это сегодня. У всякой дамы должна быть возможность спокойно привести себя в порядок. А теперь я возьму только то, что мне нужно для утреннего туалета, а все остальное имущество оставляю вам как свидетельство моей доброй воли. В противном случае я заверещу на весь лагерь и расскажу всем и каждому, что вы похитили меня.

– Они ни за что тебе не поверят, – сказал он, но в его голосе слышалось сомнение, и я не преминула воспользоваться своим преимуществом.

– Но они могут удивиться. И после этого инцидента профессор может решить, что от вас слишком много неудобств, и выставить нас вон. Куда вы тогда отправитесь? Вы говорили, это ваше единственное убежище.

Он уронил голову на руки.

– Почему непременно нужно спорить с утра пораньше? Я ведь даже еще не выпил чая! Как много слов...

Воспользовавшись его вялостью, я ловко перескочила через него и собрала вещи: взяла зубную щетку, мыло, полотенце, еще несколько разных вещей и одежду. Я демонстративно оставила в комнате все остальные вещи и сумку и, завернувшись в покрывало, вышла из фургона в розовый утренний свет. Казалось невероятным, что с момента моего приезда в Лондон с бароном прошло так мало времени. И настолько же невероятным казалось то, что этот добрый пожилой джентльмен теперь мертв, – хмуро подумала я.

Гадалка любезно показала мне, где можно совершить все утренние процедуры (в лагере существовал специальный шатер для мытья, и он был милосердно пуст), и, сделав все необходимое, я вернулась в фургон через двадцать минут с двумя чашками чая. Но мистер Стокер, все еще вымотанный после непрерывной работы над чучелом слона, снова уснул.

– Плохой из вас похититель, – мягко сказала я. Я могла бы собрать все свои вещи и к моменту его пробуждения быть уже на полпути к Кардиффу. Вместо этого я принялась за чай и книжку. Я достала из сумки свой любимый роман и была уже на середине третьей главы, когда он проснулся.

Я указала ему на чашку с чаем.

– Он уже остыл, но вам все равно следует его выпить. Он крепкий и в нем много сахара – все так, как вы любите.

Он взял чашку и сразу сделал большой глоток, а потом покосился на мою книжку.

– Что читаешь?

– «Невероятные приключения Аркадии Браун, леди-детектива. Дело номер один», – ответила я.

Он хмыкнул.

– Дешевая литература? Весь этот вздор о твоих научных взглядах, а для развлечения выбираешь это?

– Аркадия Браун – невероятно современная женщина, умная, бесстрашная и не отступает ни перед чем, – сказала я, бросив на него сердитый взгляд поверх книги. – Ее мир не ограничен условностями общества или предписаниями, касающимися ее пола. Она сама создает себе приключения и пускается в них, преодолевая все трудности, вместе со своим верным другом Гарвином. Уже несколько лет она вдохновляет меня.

Он пожал плечами.

– Она кажется смертельно скучной.

– Скучной?! Дорогой мистер Стокер, совершенно очевидно, что вы

еще не имели ни с чем не сравнимого удовольствия прочитать хоть одно из ее дел, иначе бы вы знали, как далеко от истины это замечание. Достаточно пойти за ней хотя бы в одном из ее расследований, хоть раз прочитать ее возглас «Excelsior!», когда она берет свой зонт от солнца и бросается в бой, чтобы разоблачить преступника, узнать хоть немного о верности и преданности Гарвина...

Он выставил вперед руку.

– Нет, спасибо. Я все же считаю, что любой ум, способный понять тонкую разницу между половым и социально обусловленным естественным отбором, не должен получать удовольствие от такого дешевого развлечения.

Я смирив его строгим взглядом.

– У меня разнообразные интересы. Они включают естественную историю, женщин-детективов и хорошую гигиену, – сказала я, многозначительно поведя бровью и имея в виду его ноги.

– Что, черт побери, это значит? – спросил он.

– Это значит, что если и в следующий раз, когда вы заявитесь в постель, от вас будет разить как со скотного двора, я сама отдраю вас розовым мылом своей собственной крепкой рукой, – пригрозила я.

Этого было достаточно. Он сразу подскочил, бормоча ругательства и собирая все необходимое для того, чтобы хорошенько помыться. Тем временем я решила немного убрать комнату, чтобы в ней стало уютно и удобно жить. У меня множество недостатков, которые я готова признать, но неряшливость уж точно не была одним из них. Даже в самой примитивной хижине на юге Тихого океана я приложила все усилия для того, чтобы добиться некоего подобия порядка – не из неуместной хозяйственности, а просто потому, что когда-то обнаружила, что мне гораздо лучше думается, если вокруг чистота и порядок.

Покончив с уборкой, я решила нанести визит профессору, или, точнее, профессору и Отто. Ведь ни с одним из них невозможно поговорить с глазу на глаз, подумала я. Я не могла даже вообразить, каково это – за всю жизнь не иметь ни минуты одиночества. Они совершенно были лишены удовольствий уединенной жизни, и от этой мысли мне стало не по себе; я приблизилась к шатру и позвонила в колокольчик, чтобы сообщить о своем приходе.

– Войдите! – я услышала уже знакомую мелодию, которую Отто играл предыдущей ночью, когда мы вошли.

– А, это же наша дорогая миссис Стокер! Надеюсь, вы нашли в фургоне все необходимое для себя?

У профессора на коленях лежал дорожный секретер, заваленный бухгалтерскими и счетными книгами, и я сразу заметила, что красных чернил везде гораздо больше, чем черных. Отто с закрытыми глазами наигрывал мелодию на своем аккордеоне.

– Да, благодарю. Я только хотела узнать, не уделите ли вы мне минутку, чтобы обсудить номер, с которым мы со Стокером будем выступать, – начала я.

Профессор улыбнулся мне загадочной улыбкой.

– Ну конечно! Он будет выступать вместо Ризолло, нашего метателя ножей.

– Метателя ножей?! – спросила я, и мой голос вдруг сорвался на писк.

– Да, именно. Стокер еще ребенком освоил это искусство. Смею надеяться, что сейчас он с легкостью все вспомнит, – беззаботно заметил профессор.

– Плохо же мне придется, если нет, – пробормотала я.

Он откинул голову назад и громко рассмеялся.

– Как очаровательно вы дополняете нашу маленькую семью. Неужели вы не знали, что ваш муж – эксперт в метательном искусстве?

– Нет, ничего не знала, – признала я. – Мы не так давно знакомы. Можно даже сказать, что нам еще очень многое предстоит узнать друг о друге.

«И это абсолютная правда», – с облегчением подумала я. Мне также удалось скромно опустить голову, как это, наверное, должна была сделать приличная молодая жена.

Профессор похлопал меня по руке.

– Не тревожьтесь, дорогая. Стокер – один из лучших, кого я встречал. Он оттачивал свои навыки в Южной Америке и там же добавил несколько новых к своему прежнему репертуару, – сказал он, теперь уже прямо-таки с кошачьей улыбкой. – Он один из самых опасных людей, кого я знаю.

Он придал своему лицу нарочито грустное выражение.

– Во всяком случае, *был* до печального инцидента, как вы понимаете. Надеюсь, потеря глаза не повлияла на его меткость. Его шрамы были еще свежи, когда мы виделись с ним в последний раз. Скажите, левый глаз еще как-то видит или он его совсем лишился?

Он подался вперед, будто с жадностью ожидая услышать что-то неприятное о мистере Стокере. Весь этот разговор показался мне странным. Меня не покидало ощущение, что мы фехтуем, но при этом только один из нас вооружен. Его неприязнь к мистеру Стокеру, казалось, можно было пощупать, и мне опять вспомнились суровый Колоссо и его

угрозы накануне ночью.

Я решила, что лучше ответить начистоту.

– Он прекрасно видит, но иногда устает, и тогда зрение ухудшается.

Тонкие серебряные брови сдвинулись, будто бы от беспокойства, которое, как я чувствовала, было лишь напускным.

– Ну ладно, мы должны предполагать худшее, но надеяться на лучшее, не правда ли? Таков мой девиз.

– Да, это очень верно, – вяло заметила я.

– Дорогая, вы так бледны. Неужели вы боитесь выступить ассистентом у мужа? Но я правда не могу позволить ему взять никого из моих актеров: вдруг он окажется не столь метким, как сам заявляет? – заметил он. – Но не сомневайтесь: любовь направит его руку! Он не заденет и волоса на голове своей любимой, – закончил он с театральным взмахом руки.

Я кисло улыбнулась в ответ.

– Любовь. Да, конечно. Нужно верить, что его любовь защитит меня.

Профессор кивнул.

– Ах, дорогая, как вам повезло! Ни мне, ни Отто не досталось этой участи.

Отто встрепенулся и сыграл отрывок из зауспокойного песнопения.

– Хватит! – прервал его профессор. – Извините, моя дорогая. У Отто странное чувство юмора.

– Вовсе нет, – ответила я.

– Но нам очень нравится слушать истории любви других людей, – с напускной вежливостью продолжил профессор. – Как вы познакомились с нашим дорогим Стокером?

Я оказалась не готова к такому вопросу, но всегда была уверена, что уж если приходится врать, то лучше не придумывать ничего сложного и стараться не очень отходить от истины.

– Нас познакомил общий друг. Он решил, что мы сойдемся на почве интереса к естественной истории.

– О да! Достижения Стокера в этой сфере мне хорошо знакомы, – заметил он, скривив губы.

– В самом деле?

Профессор махнул рукой.

– Он продемонстрировал нам множество своих умений, когда был здесь в прошлый раз.

Я ждала, что он скажет что-то еще, но он замолчал, и мелодия Отто сменилась чем-то очень задумчивым.

– Мне очень нравится ваша музыка, – искренне сказала я ему. Отто

поднял на меня глаза. Выражение его лица не изменилось, но он начал играть странную мелодию, которой приветствовал меня вначале, но на этот раз вплетал в нее какие-то дополнительные мотивы в духе Моцарта.

– Как это вычурно, – сухо заметил профессор.

– Какая прекрасная мелодия. Как жаль, что я далека от музыки. Что это за произведение?

Профессор пожал плечами.

– Все – его собственного сочинения; а это мелодия, описывающая, на его взгляд, ваш образ.

– Мой образ? Как это необычно.

– Ничего необычного. Отто сочиняет такие небольшие мелодии для всех, кто путешествует с нами. Это его способ общения с окружающими.

– Тогда спасибо вам, Отто, – сказала я. Он не ответил, а лишь начал эту мелодию сначала, на этот раз исполняя ее в духе военного марша.

– Это значит, он хочет, чтобы вы ушли. Здесь нет ничего личного, что вы! – попытался уверить меня профессор с дежурной улыбкой на лице. – Просто он быстро устает и не любит моей болтовни. Если вы уйдете, мне не с кем будет говорить, и он сможет подремать. Временами мне кажется, что я сросся с комнатной собачкой.

Я уже встала, но тут на мое запястье легла ухоженная рука профессора.

– Дорогая, примите искренние пожелания успеха в сегодняшнем дебюте вашего небольшого представления. Будьте добры напомнить мужу о том, что я говорил вам прошлой ночью. Если он не справится, ему придется нас покинуть. Я не могу держать здесь рты, которые не могут содержать себя сами.

Он говорил это почти ласково, но я ясно различила злобный блеск в глубине его глаз.

Я вскинула голову.

– Тогда обещаю вам, что он справится. И я сделаю все, от меня зависящее, чтобы ему помочь.

– Слова преданной жены, – заметил профессор, отпуская мою руку.

И я ушла под звуки мелодии Отто, доносившиеся до меня из-под опущенного полога шатра.

* * *

Только я вернулась в фургон и решила продолжить свои приключения вместе с Аркадией Браун, как ко мне ворвался Стокер: весь в мыльной

пене, вода лилась с него ручьями, с волос тоже капало, а сам он был обмотан купальной простыней, будто тогой. Мокрый и запыхавшийся, он уставился на меня с изумлением, и я поняла, что всю дорогу от умывального шатра он пробежал.

– Вы похожи на не сильно могущественного римского императора, – заметила я. – Возвращайтесь и закончите умывание.

– Нам срочно нужно кое-что обсудить. Мне только что пришло в голову...

– Вам только что пришло в голову, что я на свободе и могу сбежать. Да, знаю. Похититель из вас никудышный, мистер Стокер. Не советую вам заниматься преступными похищениями профессионально.

Он сердито посмотрел на меня.

– Будь снисходительна. Это все же мое первое похищение.

Он поплотнее завернулся в простыню, а я отложила книгу.

– Я устала от этого глупого притворства: будто вы держите меня тут насильно. Давайте наконец развеем эти иллюзии.

– Никаких иллюзий, – ответил он немного обиженно. – Я буду держать тебя здесь до тех пор, пока не выясню результаты расследования и не узнаю правду о том, что случилось с Максом.

– Ничего подобного. Я могла сто раз заколоть вас во сне шляпной булавкой. Могла запереть дверь фургона и поджечь его. Могла отравить ваш чай. Могла придумать с десяток других способов избавиться от вас и воплотить их еще до рассвета. Так что давайте не будем притворяться, что вы держите меня здесь насильно или что я нахожусь здесь по какой-то иной причине, кроме неудержимого любопытства.

Его ноздри раздулись, как у быка, и, когда он навис надо мной, крепко сжимая простыню, мне показалось, что он стал еще больше. Но когда он заговорил, голос его был довольно спокойным.

– Что значит «любопытства»?

– Это значит, что мы так были заняты своим бегством, что не успели хорошенько поразмыслить о смерти барона. Убийство всегда несет с собой хаос.

Но наше дело – применить упорядоченность и строгие методы для решения этой проблемы. Мы же ученые, – напомнила я ему.

– Я – ученый, а ты – дилетант, – поправил он меня с надменностью, на которую только способен человек в простыне.

– Буду счастлива в любой момент помериться с вами своей профессиональной компетентностью, мой дорогой мистер Стокер. Но это не с меня вода капает на ковер. А теперь, пожалуйста, идите и закончите

мыться, а когда вернетесь, мы продолжим общение в более привычной манере и будем готовиться к представлению, про которое вы не сочли нужным рассказать мне подробнее, но в котором моя жизнь, оказывается, подвергается смертельной опасности, – добавила я, прищурившись, а затем продолжила: – Профессор совершенно ясно высказался о том, что, если у нас не будет номера, нам не дадут здесь места, а я готова согласиться с вами, что этот бродячий цирк – прекрасный вариант для того, чтобы спокойно обдумать все случившееся. Так что первая задача для нас – сделать номер, который бы удовлетворил профессора и публику. Но сперва закончите умывание, – повторила я. – И вам нужно сбрить эту страшную бороду. Сейчас вы похожи на неодомащенного яка.

Он дернул подбородком.

– Она мне нравится, – упрямо сказал он.

– Нет, не нравится. Вы ее вечно дергаете и чешете. Вы отрастили ее, потому что были слишком заняты работой, чтобы бриться, но сейчас у вас нет этого оправдания. К тому же, если кто-то решит нас выследить, это станет дополнительной маскировкой, ведь без этих зарослей вас будет не узнать.

Он на минуту задумался.

– Хорошо, я пойду и побреюсь. А когда вернусь, мы будем репетировать наш номер.

– Прекрасная мысль. Нужно ли мне самой как-то к нему готовиться?

Он ехидно улыбнулся.

– Да. Нарисуй мишень у себя на груди. Я же буду бросать в тебя ножи. Не хотелось бы промахнуться.

Глава одиннадцатая

Второй раз мистер Стокер пришел уже в надлежащем виде, хоть и с мокрыми и нерасчесанными волосами, но источая прекрасный аромат мыла и чистого мужского тела. Но он ничего не сделал с бородой, и я сразу его об этом спросила.

– Я как раз собирался этим заняться, когда Леопольд предложил побрить меня позже. Сама понимаешь, у него в этом деле большой опыт.

– А казалось бы, уж в чем у Леопольда не может быть опыта, так это в бритье.

– Ну, значит, тебе казалось что-то не то. Он принимает себя таким, какой есть, но время от времени бреет себе все лицо.

Я замолчала, впечатленная грандиозностью этой задачи.

– И только тогда он может нормально рассмотреть его в зеркале. Сложно себе представить.

– Да, что поделаться, лица меняются, – тихо заметил он. Я не стала смотреть на его шрамы, но поняла, что он думал именно о них, потому что взгляд его стал отстраненным и страдальческим. Но я не успела ни о чем его спросить, потому что он заметил, что я держу в руках.

– Боже милосердный, что ты там шьешь? Это что, моя рубашка?!

– Да, это она, и, вынуждена заметить, в ужасном состоянии. Но по крайней мере, ткань хорошая и выдержит правильную штопку. К сожалению, штопка – не в числе моих достоинств, – заметила я, рассматривая рубашку. Я как-то умудрилась пришить ее к собственной юбке и потянулась за ножницами, чтобы отпороть. Мистер Стокер не выдержал. Он схватил рубашку и резко дернул, так что все нитки сразу с треском полопались.

– Но это же рубашка из моей сумки. Где рубашка, которая была на мне?

– Сушится на веревке, там же, где и ваши гольфы. Все было очень грязным и ужасно пахло. Я их выстирала и повесила сушиться на улице, чтобы мне не пришлось их больше нюхать. Сегодня прекрасный солнечный денек, одежда должна высохнуть быстро. А эту я нашла в вашей сумке и подумала, что вы могли бы надеть ее сегодня. Но она требовала штопки, и я решила сделать вам этот небольшой подарок; я же предполагала, как вы будете злиться, когда поймете, что я выстирала ваши вещи.

Я кивнула в сторону другой его одежды.

– Костюм у вас ужасно поношенный. Я почистила его щеткой, но кажется, вы сильно прибавили в весе с тех пор, как купили его. Хорошо бы расставить его по швам.

Он пригвоздил меня разъяренным взглядом.

– Ты назвала меня сейчас толстым?! И навела порядок в фургоне?!

– Я не давала вашей фигуре никакой оценки, но раз уж вы спрашиваете, то мне на ум приходит «Падший ангел» Кабанеля.

Он нахмурился.

– Я о таком не слышал.

– Как?! Вам непременно нужно его посмотреть. Мне кажется, это его лучшая работа. Немного мрачновата, но, уверена, вы увидите сходство, – сказала я с милой улыбкой. Люцифер на картине Кабанеля действительно очень мрачный, в написанных маслом глазах – слезы гнева от осознания своего падения. Но в остальном... При воспоминании о его длинном рельефном бедре и прекрасной мускулистой груди у меня по спине побежали мурашки. – И да, я немного тут прибралась.

Я в самом деле сделала очень много: передвинула кресла, взбила подушки, вычистила очаг, заложила новые дрова и поставила несколько веточек дикого гиацинта в кувшин на столе. Стекла сверкали, а медные ручки фургона блестели. Я была очень довольна результатом своих усилий.

Он скривил губы.

– Ты прекрасная жена, как я вижу.

– Просто возмутительно! Все это я сделала не ради вас, невыносимый вы человек, а исключительно для себя. Люблю, когда меня окружают чистота и порядок. И как ученый могу лишь сказать, что ваша любовь к грязи крайне прискорбна.

Он все еще рассматривал свою рубашку.

– Это же не Туринская плащаница[8], мистер Стокер, никаких религиозных тайн в ней не скрывается, это просто рубашка.

– Это символ твоего вмешательства, – упрямо сказал он. – Когда мы уезжали из Лондона, я и представить себе не мог, что ты столь энергична.

– А могли бы и понять, – заметила я. – Я примерно то же самое сделала и в вашей мастерской и поступила бы так же и в Букингемском дворце, если бы решила, что мне там почему-то неудобно. Мне лучше думается, когда я двигаюсь и все вещи вокруг меня в порядке.

– И о чем же тебе нужно думать? – спросил он.

– Эта история с бароном, – начала я, но не смогла закончить. Послышался стук в дверь фургона. Она была не заперта, гость просто тихо постучал в дверной косяк, перед тем как войти.

– Доброе утро, – сказала Саломея. Казалось, ее что-то позабавило, и я задумалась, много ли она могла услышать из нашей беседы.

Мистер Стокер, все еще полуобнаженный, быстро просунул руки в рукава незашитой рубашки.

– Доброе утро, – ответила я. – Прошу простить моего мужа. Сегодня с утра он что-то очень уж стеснителен. Не хотите ли войти?

– Нет, спасибо, – ответила она, остановившись в дверях. – Я только хотела сама пригласить вас к себе.

– К себе? Как это мило с вашей стороны!

У мистера Стокера вырвался какой-то сдавленный взглас.

– Вовсе нет, – спокойно возразила она. – Я вдруг поняла, что у вас с собой одна маленькая сумочка и, вероятно, нет подходящего костюма для вечернего представления. Заходите позже в мой шатер, я хочу убедиться, что вы готовы к выступлению, – она внимательно осмотрела меня с головы до пят пристальным взглядом своих черных глаз.

Я тепло поблагодарила ее и предложила перекусить, но она решительно отказалась. Потом она ушла, и я ощутила, что в комнате повис ее мускусный запах. Я широко открыла окна, чтобы впустить немного свежего воздуха и прогнать этот тяжелый дух.

Мистер Стокер посмотрел мне в глаза.

– Ей что-то нужно, – сказал он, голос звучал глухо, а краска снова прилила к лицу.

– Конечно, – согласилась я. – Несомненно, она хочет посплетничать о вас.

Он сердито заморгал.

– Что ты имеешь в виду?

Я отодвинула его, чтобы пройти к окну, и перекинула занавески наружу для проветривания.

– Очевидно, этой даме очень любопытно побольше узнать о вашей жене, и я не могу ее винить. Очевидно, у вас с ней была довольно значимая связь, притом исключительно плотского характера, если не ошибаюсь.

Он закашлялся.

– Как ты смогла об этом догадаться?

Я посмотрела на него с сожалением.

– Для ученого-натуралиста у вас слишком скромные представления о физиогномике высших приматов. Напомните мне достать вам книгу Дарвина на эту тему, – добавила я, вспомнив, какую пользу принесли мне эти знания при общении с мистером де Клэром.

– Я читал эту чертову книгу, – вскинулся мистер Стокер. – Просто не

знал, что ты исследуешь меня как экспонат.

– Не вас, – поправила я, – я исследовала ее.

Он все никак не мог правильно надеть рубашку, так взволновали его мои наблюдения. Я одернула ее, и она наконец села нормально.

– Так-то лучше. Я пойду, одевайтесь спокойно. А потом нам нужно будет подготовиться к представлению.

* * *

Все утро мистер Стокер натачивал набор кинжалов, оставшихся от Ризолло, и тренировал свою меткость, бросая их в деревянный ящик. Я на это не смотрела.

Разобравшись с ножами, он занялся своим костюмом. Он действительно сильно увеличился в размерах с тех пор, как в последний раз надевал его, но, к счастью, в швах был запас ткани для того, чтобы его расставить. В талии он почти не изменился, но прекрасно развил мускулатуру на спине и бедрах. Он позвал меня, чтобы я заколола булавками те места, куда сам он не дотягивался.

– Теперь, будучи заштопанной, рубашка смотрится гораздо лучше, но, должна сказать, в спине она вам все же узковата. Может быть, не стоит метать в ней ножи. Мне кажется, из-за резких движений она просто треснет по швам. У вас есть шейный платок?

Он порылся в кармане и извлек оттуда печальный лоскуток черного шелка.

– У меня промокашки симпатичнее, чем эта тряпочка. Но не волнуйтесь, я этим займусь.

– Помогите мне выбраться из этого сюртука, – сказал он повелительно. – Я чувствую себя так, будто меня обвила анаконда.

– О боже, ну зачем так ныть?! Давайте, просто осторожнее с булавками.

Но было уже поздно. Он резким движением стал снимать с себя сюртук, и не меньше полдюжины булавок впились ему в плечо, заставив его взвыть от ярости.

– Снимай скорей!

– Господи, Андроклу[9] и то было легче сладить со львом. Хорошо, хорошо, замрите! – приказала я. Он открыл рот, явно в попытке сказать еще что-то гневное, но я уже подошла к нему вплотную, рассматривая плечо, и ему пришлось замолчать.

– Так, теперь садитесь в кресло, и тогда я пойму, что нужно делать.

Он послушно сел, и я наклонилась над ним, оценивая проблему.

– Булавки впились на всю длину, мне видны только головки. Сидите и не двигайтесь, я быстро все выну.

Он ничего не ответил, и я извлекла из его плеча с десяток булавок. На конце каждой из них дрожала капля крови. Я осторожно высвободила его из сюртука, спасая от остальных булавок. Жилет я тоже сняла и, как и ожидала, увидела кровавые следы на его рубашке.

– Пожалуйста, снимите рубашку. Нужно сделать кое-что еще.

Я порылась в сумке в поисках аптечки и вытащила нужный пузырек.

– Масло календулы. Ужасно старомодно, но тетя Люси всегда на него полагалась, – объяснила я. – Оно предотвратит любое возможное заражение от этих грязных булавок.

Он снял рубашку и снова очень осторожно сел – без сомнения, потому, что его брюки тоже были по всей длине заколоты булавками. Я сбрызнула маслом носовой платок и аккуратно смазала им места уколов и несколько царапин. Пока я его обрабатывала, он развлекался тем, что рассматривал пузырьки в моей аптечке, изучая разные масла и настойки. Он ничего не сказал, но выглядел задумчивым.

– Думаю, это должно вам казаться сущим пустяком после всего, что вы пережили, – заметила я, кивнув на его шрамы.

Он слегка пожал плечами.

– Да, но должен признаться, твои процедуры гораздо приятнее. По крайней мере, твои снадобья лучше пахнут. Кажется, бразильский парень, который латал мне раны, в свои припарки клал навоз.

– Прижмите, – скомандовала я. Он прижал носовой платок к одной из ранок, а я нагнулась, чтобы лучше изучить его шрамы. Один из них пересекал его плечо и достигал татуировки с головой китайского дракона у него на спине.

– Впечатляюще, – пробормотала я. – Может, его припарки и были примитивны, но рану он зашил очень качественно. Возможно, вы помните, какого размера иглой он пользовался? Я бы сказала, что это игла для вышивания, а не для штопки, но хотелось бы в этом убедиться.

Стокер кисло взглянул на меня.

– Кажется, это была игла дикобраза. Ты закончила свое исследование?

Я выпрямилась и отряхнула юбку.

– Прошу прощения, но вы первым затронули эту тему. Можно больше не прижимать платок. Подозреваю, кровь уже свернулась, если, конечно, у вас нет какого-нибудь редкого заболевания.

Он вернул мне испачканный кровью носовой платок, и я убрала его в карман вместе с маслом календулы.

– Все готово. Я выйду, а вы попробуйте снять брюки, только аккуратно. Или, пожалуй, я оставлю масло календулы здесь.

Улыбнувшись, я протянула ему платок и масло и вышла из фургона.

* * *

Шатер Саломеи выглядел точно так, как я его себе представляла: воплощение чувственности, весь в складках шелка, густо пропитанный благовониями.

Но я не ожидала, что посреди комнаты будут сохнуть чулки, а по углам – копиться горы грязных носовых платков и несвежих сорочек. На оттоманке – золоченая картонная коробка конфет, по дивану разбросаны недоеденные сладости: здесь – кусочек кокоса, там – огрызок засахаренной дольки. Она жестом предложила мне сесть, я расчистила себе местечко на диване и примостилась рядом со стопкой пожелтевших от времени модных журналов. «Неудивительно, что она питает слабость к мистеру Стокеру, – мрачно подумала я. – В бытовом плане они удивительно похожи».

Она принялась копаться в сундуках.

– И как вам бродячая жизнь? – спросила она. – Думаю, очень непривычно.

– Почему вы так думаете?

Она томно пожала плечиком.

– Новых людей в этом деле видно сразу.

– Как интересно, – ответила я.

Она подняла голову и насмешливо взглянула на меня.

– Сразу можно было предположить, что языком вы масла не собьете. Вы не из тех женщин, у кого душа нараспашку, в которых кипят страсти! – воскликнула она, широко раскинув руки в жесте, который показался бы излишне вычурным даже Саре Бернар.

Меня позабавили ее умозаключения, но я решила, что сейчас не стоит ей на это указывать. За время своих путешествий я поняла, что обычно люди не могут устоять перед соблазном учить жизни тех, кто кажется им в чем-то менее сведущим, и мне пришлось в голову, что я могу воспользоваться этим и побольше разузнать о моем так называемом муже и его нынешнем плачевном положении.

Саломея явно играла роль страстной любовницы, жалеющей тихоню-

жену, и я подумала, что несложно будет воспользоваться ее самоуверенностью.

– О, прошу вас, не говорите о страсти, – пробормотала я. – В такие моменты я совсем теряюсь.

Секунду я сомневалась, не слишком ли очевидным было мое притворство, но сразу же поняла, что все в порядке. Саломея вновь окинула меня насмешливым взглядом и даже скривила губы. Представление было впечатляющее.

– Это оттого, что у вас холодная кровь. Удивительно, как Стокер мог жениться на такой женщине, – выпалила она. – Какой мужчина, сколько в нем огня! Когда он полон энергии, он как бык: сильный, гордый, такой чувственный!

Ее глаза заблестели от приятных воспоминаний, а я подавила зевок. Она была так предсказуема, удивительно, что Стокер не устал от ее сцен за пару недель. Но я опустила глаза и только скромно на нее посматривала.

– Вы знаете его уже так давно, – смиренно заметила я. – Наверное, вы понимаете его гораздо лучше, я не могу и надеяться, что когда-нибудь сравняюсь с вами в этом.

– Да, это правда, – согласилась она и с выражением полного триумфа на лице вновь принялась рыться в своих сундуках.

– Тогда вы должны знать, какую обиду затаил на него Колоссо, – рискнула я прощупать почву, с опаской наблюдая, проглотит ли она наживку.

Саломея не устояла перед возможностью блеснуть передо мной своими знаниями. Она выпрямилась и хлопнула себя по бедру.

– Ну конечно, я знаю! Это все из-за Малышки Элис.

– Малышки Элис?

Она закатила глаза.

– О господи, ваш муж хоть что-то вам рассказывает?

Вздохнув, она продолжила:

– Стокер пришел в цирк еще ребенком. Он путешествовал с нами полгода, учился метать ножи и показывать другие фокусы. Потом он надолго покинул нас, но всегда возвращался, чтобы повидаться с нами, особенно со мной, – добавила она, сладострастно улыбнувшись. – В последний раз он был здесь четыре года назад. До этого мы очень долго с ним не виделись, и когда он наконец приехал, то был совсем другим, мы не могли его узнать: весь в шрамах после несчастия в Бразилии, и было непонятно, сохранит ли он глаз. Его дух был сломлен. Он даже не захотел встретиться со мной, – сказала она, надув губы. – Держался обособленно,

жонглировал булавами и натягивал веревки шатров только для того, чтобы прокормиться. Ни с кем не разговаривал, кроме Малышки Элис.

– А кто она такая?

Саломея пренебрежительно махнула рукой, как богиня, смахивающая блоху.

– Никто, урод, родилась без ног ниже колен. Профессор наряжал ее в детские платьица и сажал в коляску, она была у нас «Малышкой Элис, взрослым младенцем». Но Элис это не нравилось, и она жаловалась Стокеру. Однажды, когда он ловил рыбу в реке, ему в голову пришла одна мысль. Работа заняла несколько месяцев, но наконец он сделал для нее хвост, как у рыбы, серебряный, с зеленым и розовым. С ним она смогла плавать и стала свободной, как русалка.

– Просто потрясающе. И все получилось?

– Конечно, получилось! У Стокера удивительно искусные руки, – сказала она мечтательно. Она отвлеклась, несомненно, захваченная непристойными воспоминаниями, и сейчас я прекрасно понимала ее чувства.

Я откашлялась, чтобы вернуть ее к теме нашей беседы.

– Это должно было совершенно изменить жизнь Малышки Элис, – предположила я.

– Могло бы. Но профессор не хотел об этом слышать. Элис приносила слишком много денег, чтобы отпустить ее.

– И что случилось потом?

Она пожала плечами.

– Стокер помог ей уйти. Она нашла место в другом цирке, зарабатывала пятьдесят фунтов в неделю, и даже мистер Барнум хотел ее заполучить. Но профессор не забыл. Он теряет много денег с тех пор, как она ушла, и винит в этом Стокера.

Она вернулась к своим сундукам, а я задумалась об этой истории.

– Это не объясняет обиды Колоссо.

– Он любил Малышку Элис, – сказала она скучающим голосом. Очевидно, любовные истории других людей интересовали ее гораздо меньше, чем собственные, и она не стала продолжать этот разговор. Но мне этого было достаточно. Теперь я знала причину злости и профессора, и Колоссо и только удивлялась, почему Стокер решил прийти именно сюда, где его буквально окружали враги.

Саломея выпрямилась с грудой одежды в руках и начала складывать все эти наряды мне на колени – милую гору разноцветных тряпочек.

– Вот синий костюм, к вашим глазам больше подошел бы фиолетовый,

но и синий неплохо. И яркие нотки для шлейфа. А, вот же он! Вишневый, – сказала она, вынырнув с чем-то ярким из тафты в руках. – Примерьте!

Она затолкала меня за ширму и стала совать мне одежду.

– Как вам этот зеленый? Нет? Ну, может быть, зеленый и правда не ваш цвет.

Зеленый совершенно точно не был моим цветом, но я изо всех сил боролась с выданным мне костюмом и не могла ответить. Синий наряд больше всего напоминал длинный лиф и прикрывал только самое основное, да и то с трудом. Он соединялся между ног, очевидно, ради приличия, но оставлял совершенно обнаженные бедра, а горловина была с таким огромным вырезом, что полностью оголяла плечи.

Саломея все еще разбиралась в костюмах.

– Алый?

– Думаю, синий вполне подходит, – сказала я, выныривая из-за ширмы. Она кивнула, раскрыв глаза от изумления.

– Да, хорошо сидит. Декольте прекрасное, – согласилась она, заглядывая мне в вырез костюма. Она медленно обошла вокруг меня, рассмотрев с головы до пят, и выражение ее лица становилось все более кислым.

– Вы эффектная женщина, – сказала она наконец, прищурившись. – Скажите мне правду: что вы делаете со Стокером?

Я изобразила жеманную улыбку молодой жены и захлопала ресницами в жалкой попытке предстать чувствительной особой:

– Я просто люблю его.

В ответ она фыркнула.

– Нет, не любите. Тогда бы вы расспрашивали меня о нем, о том, насколько близко я с ним знакома.

А я знакома с ним очень близко, – добавила она с мечтательным выражением лица.

– Прошлые любовные дела Стокера меня совершенно не интересуют, – сказала я ей.

– Вот потому мне и ясно, что вы его не любите! – закричала она, ударяя себя в грудь. – Сердцу женщины не может быть покоя, если она ничего об этом не разузнает.

В мои планы не входило спорить с ней, а потому я просто неопределенно улыбнулась и погладила голубую накидку из тафты. Она была украшена серебряными блестками, а по низу расшита голубым и серебряным стеклярусом.

– Как мило. Вам шили ее в Лондоне?

Вдруг она схватила меня за руку.

– Не нужно притворяться. Я знаю, как больно вам представлять его со мной. Можете спросить меня о чем угодно, абсолютно обо всем. У меня не будет от вас секретов, ведь мы обе женщины. А женщины должны поддерживать друг друга в отношении мужчин. Давайте откроем друг другу свои секреты.

В ее глазах блеснуло сильное чувство, а от пальцев точно должны были остаться следы на моей руке. Я осторожно высвободилась и похлопала ее по плечу.

– Вы расстроены. Принести вам чая?

Она запустила пальцы себе в волосы, будто желая их вырвать.

– Я расстроена потому, что вы не хотите становиться моим другом. Вы отвергаете меня.

Она вдруг показалась мне такой несчастной, что я поспешила ее подбодрить.

– Вовсе нет. Я буду счастлива стать вашим другом. Но, думаю, если мы хотим стать друзьями, нам нужно перестать врать друг другу. Например, ваше имя ведь не Саломея, правда?

С минуту она колебалась, а потом громко рассмеялась, отбросила свой восточный колорит и напыщенные выражения, и в ее речь сразу ворвалось произношение жителя Чилтерн-Хилс.

– Нет, я Салли.

– А откуда ты родом, Салли?

– Из Данстэбла, – слегка угрюмо ответила она. – А как ты это поняла?

Я кивнула в сторону ее туалетного столика.

– Там лежит письмо, адресованное Салли Барнс из бродячего цирка. И, прости за замечание, но ты немного переигрывала с экзотикой.

– Это моя роль в цирке. Я Саломея, восточная принцесса, которую злой рок заставил зарабатывать себе на жизнь выступлениями и танцами.

– И много одежды тебе приходится снимать во время танца?

Она с горечью взглянула на меня и стала грызть ноготь.

– До панталон и сорочки. Все это прозрачное и в восточном стиле.

– Ну, надеюсь, профессор хотя бы платит тебе за это достаточно, – заметила я.

– Платит! – она фыркнула. – Да он уже месяц ничего мне не платит. По-моему, весь его цирк на последнем издыхании. Скоро мы все останемся ни с чем.

– Мне жаль.

Я начала снимать с себя костюм, но она покачала головой.

– Оставь его себе. Тебе же нужно в чем-то выступать, а я в синем смотрюсь слишком бледной. А тебе идет, – сказала она, нахмурившись.

Потом опять прищурилась.

– А ты правда совсем не ревнуешь из-за того, что я была со Стокером?

– Я ревную его к тебе не больше, чем к его брюкам, – весело ответила я.

Она засомневалась, не звучит ли это как оскорбление, но, к ее чести, решила все-таки не обижаться и только покачала головой.

– Если бы он был моим мужем, я бы захотела перегрызть глотку каждой женщине, с которой он был до меня.

– Тогда, пожалуй, хорошо, что ты не замужем, – заметила я. – Могу прислать тебе несколько книг о движении свободной любви. Думаю, это на многое откроет тебе глаза.

Она снова внимательно меня оглядела.

– Вы темная лошадка, дамочка. С такой внешностью можно было бы играть на сцене и зарабатывать денег столько, что и не сосчитать. Можно было заполучить себе герцога или этого пузатого принца Уэльского. Почему же тогда Стокер? – снова спросила она.

– Я же сказала, – мягко ответила я, – я его просто обожаю. Это была любовь с первого взгляда.

Она надтреснуто засмеялась.

– Ты врешь еще хуже, чем я. Я выясню, зачем он с тобой связался, дорогуша. В этом лагере не бывает тайн. Уж, во всяком случае, не от меня.

– Сочту это предупреждением.

Глава двенадцатая

Несмотря на обмен колкостями, Саломея настояла на том, чтобы отдать мне не только синий костюм, но и темно-розовую накидку в том же духе, чтобы носить ее поверх костюма, и пару чулок телесного цвета. Кроме того, она накрасила меня так, как считала нужным: густо напудрила мне лицо рисовой пудрой и от души намазала брови и губы. Она явно имела большой опыт в этом деле, и, выйдя из ее шатра, я чувствовала себя совершенно другим человеком.

– Во имя всего святого, что с тобой случилось? – спросил мистер Стокер. Он уставился на глубокий вырез моего костюма, его зрачки расширились и казались особенно черными на фоне темно-голубых глаз.

Если мой наряд и макияж и показались ему удивительными, они все же не шли ни в какое сравнение с изменениями в его собственной внешности. Леопольд сотворил с ним настоящее чудо, сбрав устрашающую бороду и усы, открыв решительный подбородок, так прекрасно сочетающийся с гордым носом и высокими скулами. Как я и предполагала, за бородой скрывалась также восхитительная нижняя губа, которая теперь стала прекрасно видна. Тонкий бледный шрам пересекал его щеку, спускался к подбородку и терялся под воротником. Он проходил почти параллельно яремной вене, в опасной близости от смертельного участка, и я восхитилась тем, как близко он был к смерти, но все же смог вырваться из ее лап. Это многое говорило о характере человека, и уже не в первый раз я ощутила, что мужчина, которого я знаю, – лишь бледная тень того, каким он был прежде. Весь вопрос в том, оказался ли ущерб непоправимым? Жизнь сломила его, но может ли он возродиться?

Я кивнула в сторону свежевыбритого подбородка.

– Как вы изменились!

Он вздрогнул и поднял глаза от моего декольте.

– Ты тоже.

– Саломея, – коротко ответила я. – Все это немного слишком, можете даже и не говорить. Но я подумала, что это может стать дополнительной маскировкой, если мы столкнемся с убийцей барона. Мистер Стокер, вы слушаете? У вас совсем отсутствующий взгляд, – я несколько раз щелкнула пальцами прямо у него перед носом, и тогда он кивнул.

– Да, я все слышал.

– Хорошо. Наверное, лучше не снимать всю эту мишуру до

выступления. Ну и где ваши ножи? Если уж мне предстоит в этом участвовать, нужно немного потренироваться, чтобы убедиться, что у меня не сдадут нервы перед заплатившей за вход толпой.

Тогда он наконец собрался с мыслями и достал ножи, но все же продолжал бросать взгляды на мое декольте, пока мы шли к специальной площадке, которую он оборудовал для своих упражнений. Накидка закрывала мне ноги, но я сбросила ее, когда мы пришли, и Стокер издал какой-то приглушенный звук.

– С вами все в порядке? – спросила я.

– Конечно, – ответил он внезапно охрипшим голосом. Мне оставалось только надеяться, что мои голые ноги будут не сильно отвлекать его от дела, но как только он принялся за работу, то, кажется, вообще забыл о моем существовании. Он двигался иначе, фигура была полна решимости – он был полностью занят своим делом, таким я видела его, только когда он трудился над чучелом слона.

Он поставил меня перед большой круглой мишенью и развел мои руки в стороны, будто я птица, широко взмахивающая крыльями. Коротко кивнув, он закрепил мои запястья мягкими кожаными ремнями.

– Это больше для видимости. Ты легко сможешь высвободиться, если захочешь, просто эти ремни сделают номер более опасным в глазах публики. Они также служат тебе напоминанием не двигаться. Если у тебя сдадут нервы и ты дернешься в неподходящий момент, можешь получить серьезную рану.

Он наклонился, чтобы закрепить мне ноги, разведя мои щиколотки в разные стороны. Даже сквозь чулки я ощущала тепло его рук, и по моей спине пробегала прекрасная легкая дрожь, пока он копался с завязками.

Затем он отошел шагов на десять-двенадцать и разложил перед собой ножи с аккуратностью хирурга. Через секунду он повернулся ко мне спиной, слегка зажав в ладони один из ножей. Он держал его за лезвие.

– Хочешь знать, когда я буду бросать его, или пусть это будет неожиданностью?

– Давайте уже начинать, – сказала я и крепко сжала зубы, почувствовав, как они стучат. Я вдруг поняла, как рада ремням, потому что осознала, что у меня все-таки могут сдать нервы, а уж колени и вовсе отказывались слушаться. Глаза я закрывать не стала. Я просто ждала, заставляя себя дышать медленно и спокойно, прямо как послушный ягненок, ожидающий заклания.

Вдруг он замер и опустил руки.

– Знаешь, можно уже перестать молиться. Это очень отвлекает.

– Ой, как забавно, я даже не осознавала, что молюсь. Странно, ведь я совсем не религиозна.

– Мне подождать, пока ты пропоешь все гимны, или хочешь сразу перейти к тому, чтобы предать свою душу в руки Господа? Давай, я подожду.

– Я готова, – строго ответила я.

Он снова занял позицию для метания ножей, и на этот раз я даже не успела поволноваться. Я услышала свист у уха и сильный удар и только потом поняла, что у моей головы дрожит лезвие ножа, буквально в волоске от лица.

– Хм, пожалуй, чересчур близко, нужно подправить траекторию, – прокомментировал он свой бросок.

– Прекрасное замечание.

Следующее лезвие вонзилось с другой стороны от моей головы, но чуть дальше, а то, которое вошло в дерево прямо у меня над головой, было вообще рассчитано идеально. Он воткнул с дюжину ножей по периметру моего тела, и большинство из них попало именно туда, куда он их посылал. Затем он развязал ремни и подал мне руку. Я сделала шаг вперед и поняла, как сильно дрожат у меня колени.

Он крепко обхватил меня, не дав мне упасть. Моя голова уткнулась ему в плечо, и я услышала, как под моим ухом медленно и уверенно бьется его сердце. Это было очень умиротворяющее ощущение, но я быстро справилась со своей слабостью и отодвинулась от него.

– Я уже крепко стою на ногах, уверяю вас, – сказала я ему.

Его лицо оставалось непроницаемым.

– Постарайся избежать этого вечером. Мы не можем себе этого позволить.

Он подошел к мишени, выдернул ножи и решительно удалился. Я не удивилась его неожиданной грубости. Мы волей судьбы оказались вместе в сложных обстоятельствах, и, несмотря на то что он пытался вести себя как обычно, я понимала: он постоянно осознает тот факт, что каждый раз, как он бросает нож, моя судьба оказывается полностью в его руках.

Потом я вспомнила о бароне и его словах, что он доверяет мою жизнь мистеру Стокеру, и задумалась, мог ли он предположить, как эти слова буквально воплотятся в жизнь.

Несколько часов спустя лагерь ожил в ожидании вечернего представления, и я поняла, что просто не могу найти себе места. Я знала, что это не нервы, потому что я никогда не отличалась особой нервностью, но все же решила, что глоток из фляжки с агуардиенте будет нелишним. Я

все еще пила, когда услышала, что аккордеон Отто начал все громче играть соблазнительную мелодию, зазывая горожан на представление. Я слышала, как профессор повторяет давно заученную речь, очаровывая и привлекая местный народ, соблазняя его отдавать деньги, заглядывая в разные шатры. Он восхвалял геркулесову мощь Колоссо, настоящего мифологического героя, и заливался соловьем о размерах и красоте Тилли, самой толстой женщины в мире. Мускулатура Колоссо, несомненно, производила впечатление, но его длинная одежда телесного цвета непонятного происхождения и мохнатая львиная шкура на плечах немного не соответствовали его олимпийской внешности. А Тилли, хоть и правда огромная, была не особо интересна, хоть профессор и уверял, что она тяжелее вола. Только мадам дю Лэ полностью соответствовала ожиданиям, радостно поднимая блузу за лишнюю монету и демонстрируя публике свои древние соски.

Зрелище было не из приятных, и я выпила еще немного, чтобы забыть о нем. Как раз в этот момент появился мистер Стокер в перешитом черном костюме (хоть все швы и были по-прежнему опасно натянуты) и в белой рубашке с расстегнутым воротом.

– Вам нужен *галтукс*, – решительно сказала я.

– Что?

– *Галскут*. Ой, опять неправильно. Ну, знаете, такая штука, одежда, ее повязывают на шею, – услужливо объяснила я.

– Галстук?

– Да, именно! А вы умный человек, – заметила я и помахала перед ним лоскутком алого шелка. – Саломея дала мне этот бесполезный шарф. Мне кажется, алый как раз подойдет, как думаете? Он прекрасно скроет кровь, если вы промахнетесь.

Он уставился на меня, и постепенно к нему пришло понимание.

– Боже милостивый, да ты пьяна как сапожник!

– Что вы, никакой *инкокситации*. Ну право, мистер Стокер, как вы могли такое предположить, как вам это в голову-то пришло?! Мои тети состояли в обществе трезвости.

Он забрал у меня фляжку с агуардиенте и сам сделал большой глоток.

– Ты хоть что-нибудь ела?

– Да-да. Волосатый мужчина, ну такой, как лев, он что-то принес мне поесть.

Я широко ему улыбалась. По какой-то необъяснимой причине я чувствовала себя вполне счастливо и совершенно расслабленно, оттого что позволю ему метать в меня ножи, и я решила ему об этом сообщить.

– Знаешь, Стокер, я даже довольна тем, что ты будешь швырять в меня ножи. Я совершенно уверена в твоих *способностях*.

– *Способностях*? О да, они у меня замечательные, – ответил он. – Так, стой здесь. У меня есть четверть часа на то, чтобы привести тебя в сознание, и, уверен, тебе это не понравится. Стой, не двигайся.

Он куда-то исчез, но скоро вернулся, а я все не могла найти свои туфли. Саломея отдала мне пару сатиновых туфель без задника на высоких каблуках, расшитых блестящими камушками. Я качалась из стороны в сторону, когда шла на них, но, кажется, как раз в этом и была задумка.

– Мистер Стокер, я что-то не могу найти свои туфли.

– Они у тебя на ногах, глупая женщина. А теперь слушай внимательно. Сначала нужно выпить этот кофе. Он черный, как черт, и адски крепкий. Выпей все целиком.

Я сделала, как он велел, поморщившись от ужасного вкуса.

– Умница-девочка. Теперь убери волосы назад, – приказал он и поставил на стол передо мной миску с водой.

Я попробовала, но локоны все время выбивались у меня из пальцев. Пробормотав ругательство, он встал позади меня и одним движением собрал мои волосы. Не предупредив меня о том, что будет дальше, он нагнул мне голову вниз, продержал мое лицо в холодной воде не менее десяти секунд, а затем резко поднял. Еще дважды он повторил эту процедуру, пока я наконец не высвободилась, тяжело дыша и с гораздо более ясным сознанием, чем пять минут назад.

– Я думаю, хватит, мистер Стокер. Я уже пришла в себя, – заверила я его. Но он не сразу меня отпустил. Несомненно, он хотел убедиться, насколько хорошо я собой владею. Он просто стоял позади меня, по-прежнему крепко сжимая мои волосы. Я слегка повернула голову и сразу пожалела об этом, потому что комната у меня перед глазами сразу закачалась.

– Мистер Стокер!

Он быстро отступил назад, отдернув руки, будто обжегшись. Потом кинул мне полотенце, и я вытерла лицо и руки.

– Спасибо. У меня немного кружится голова, но, уверена, это тоже скоро пройдет.

– Хорошо, – строго сказал он. – Потому что следующий шаг был – бить тебя по лицу, и я сомневаюсь, что ты сказала бы мне за это спасибо. Можешь встать?

Я медленно и очень осторожно поднялась.

– Да, все в порядке.

Он хмыкнул.

– Не очень похоже, но надеюсь, мы и так справимся. Буду тебя поддерживать по дороге. Я думал, что ты будешь прохаживаться по кругу, пока я буду показывать фокусы, но теперь так не получится. Придется первым делом привязать тебя ремнями, поэтому просто стой и таинственно улыбайся, как будто это все часть нашей задумки. И, что бы ты ни делала, главное – не говори ни слова, понятно?

– Да, конечно. – Я широко ему улыбнулась, а он снова выругался, потом взял меня за руку и вывел из фургона. Как только мы вышли, он быстро повязал себе алый шейный платок и крепко обхватил меня за талию, благодаря чему я смогла крепко держаться на ногах всю дорогу до шатра, где должно было состояться наше выступление. Он провел меня через задний вход, и было слышно, как перед шатром профессор объясняет, что великому Ризолло пришлось уехать, но вместо него им выпала честь пригласить самого учителя Ризолло, величайшего из всех великих, потрясающего Стокера и его красавицу ассистентку. Я хихикнула, но мистер Стокер предостерегающе поднял руку.

Он ничего не сказал, но я поняла его предупреждение даже по движению руки и прикусила язык, подавив новый смешок, который уже рвался наружу. После этого все стало происходить очень быстро. Толпа повалила внутрь, толкаясь и перешептываясь, и вот уже под очередные восхваления профессора мы шли в середину шатра под редкие аплодисменты. Я махала и улыбалась, а мистер Стокер хмурился, что прекрасно подходило его роли загадочного иллюзиониста. Он затянул ремни на моих руках и ногах, а я послала ему воздушный поцелуй, и, кажется, это немного отвлекло его от дела, но только на секунду. Он повернулся к публике, но не стал обращаться к ней с речью. Все замерли в ожидании, но он так ничего и не сказал. Молчание тянулось, напряжение уже начало становиться мучительным, и только когда зрители оказались на пике волнения и возбуждения, он заговорил. Это было сделано прекрасно. Все лишились дара речи, все глаза смотрели на него, пока он медленно двигался перед публикой. В тот момент я осознала, какой экзотической фигурой он должен казаться этому простому деревенскому люду. Он был большим, как хороший фермер, но двигался с естественным изяществом, которому мог бы позавидовать любой представитель семейства кошачьих. Было что-то хищное в том, как он крался перед толпой людей, требуя внимания и уважения, а они с благоговением смотрели на то, как он извлекает предметы будто бы из воздуха. Он доставал шелковые платки и бархатные розы, пригоршню золотых монет, а из-за уха какого-то

мальчишки – механическую птичку, которая била крыльями, когда он держал ее на ладони. Все стояли будто зачарованные как силой его личности, так и самими трюками.

Он привлек их внимание к набору ножей и устроил целое представление, попросив местного кузнеца проверить мои ремни и остроту лезвий. Парень признал, что все в полном порядке, и тогда мистер Стокер отошел к исходной позиции, поигрывая первым ножом. В толпе воцарилась полная тишина, казалось, нервы всех собравшихся натянуты в ожидании как тетива. А он снова играл с ними, оттягивая неизбежное до тех пор, пока не счел, что они полностью готовы. Потом движением, которому позавидовала бы и кобра, он запустил нож, и секундой позже тот вонзился в дерево рядом с моей головой. Толпа взорвалась криками, а он повторил это еще одиннадцать раз подряд, пока наконец вокруг меня не дрожали все лезвия. Публика зааплодировала, Стокер поклонился. Но он пока не собирался меня высвобождать, а потому я просто улыбалась и слегка наклоняла голову при звуке аплодисментов. Одного из мальчишек отправили по рядам со шляпой, и, когда он шел, монеты так и сыпались в нее дождем.

Наконец Стокер повернулся ко мне и молча вынул ножи из мишени. Потом начал развязывать ремни.

– Ты сможешь сама пойти? – мягко спросил он, касаясь губами моего уха.

– Вряд ли, – призналась я.

– Ладно, неважно.

Он развязал ремни и совершенно непочтительно сгреб меня в охапку и перекинул меня себе через плечо, как мешок с овсом, не переставая при этом махать публике. Толпа взорвалась смехом, а я с трудом подавила желание лягнуть его, когда он выходил из шатра.

– Это было так уж необходимо? – спросила я его спину.

– Абсолютно. Ты сказала, что не можешь идти, а мне что-то не хотелось надрывать себе спину только потому, что ты неумеренна с выпивкой. Это самый простой способ переносить тяжелые грузы.

Тогда я все-таки лягнула его, но промахнулась, нога рассекла воздух, а он просто покрепче сжал мое бедро своей теплой рукой.

– Мистер Стокер, это совершенно недопустимо! – сказала я больше ради приличия, а не из-за того, что действительно оскорбилась. Я поняла, что все это вызывает у меня очень бодрящие чувства. Но мы уже достигли фургона, и там он поставил меня на ноги.

– Спасибо, что подбросили, – от всей души поблагодарила я.

Он наклонился ко мне, и я поняла, что уже взошла луна, чуть более полная, чем накануне ночью, и залила все вокруг романтичным серебристым светом. Его темные волосы были взлохмачены, в свете луны его серьга сверкала, что придавало ему таинственный вид. Вдали я услышала звуки аккордеона Отто – эту мелодию я никогда не слышала, она была полна желания, обещания и настойчивости. Даже розы распустились, источая в ночной воздух свой тяжелый аромат, от которого кружилась голова. Казалось, что весь мир вступил в заговор, чтобы создать настолько романтическую обстановку, которая уместна только под пером поэта.

Мистер Стокер посмотрел мне в глаза, потом его взгляд скользнул к моим губам и вернулся назад. Его губы приоткрылись, медленно, очень медленно, и он заговорил.

– Мы не можем это повторять, Вероника, – сказал он непривычно хриплым голосом.

Он сделал еще шаг ко мне, и для меня ночь вдруг наполнилась им одним. Я вдыхала его чистый мужской запах и ощущала даже тепло его тела – так близко мы стояли.

– Да, мы не должны так поступать, – согласилась я. – Такая близость очень опасна.

Он изменился в лице, в нем боролись противоположные чувства, с которыми он не мог в полной мере совладать.

– Да, очень опасна, – сказал он, придвинувшись еще ближе почти непроизвольно, его тело явно влекло ко мне вопреки всякой логике. И тут я поняла, что он уже находится в опасной близости, достаточной, чтобы совершить то, о чем мы оба пожалеем, и, вероятно, в тот же самый миг.

Я холодно улыбнулась.

– И прежде всего, – добавила я, немного отступая назад, – ваш костюм этого второй раз не выдержит.

– Мой костюм? – Он отдернул голову, будто я окатила его холодной водой. Когда он снова взглянул на меня, вся мечтательность из его глаз исчезла.

– Из-за вашей демонстрации мужественности разошелся шов на брюках. Не думаю, что они выдержат еще один подобный номер.

Я развернулась на каблуках и вошла в фургон собственными ногами, с такой уверенностью и осознанностью, какой, кажется, у меня не бывало никогда в жизни.

Глава тринадцатая

Проснувшись на следующее утро, я обнаружила, что мистер Стокер уже встал и оделся и сует мне под нос чашку чая.

– У тебя есть пять минут на то, чтобы одеться, мы отправляемся, – холодно сказал он.

Выглянув наружу, я поняла, что это не было фигурой речи. В лагере шла бурная деятельность: все шатры разобраны и сложены, и к каждому фургону подводили огромных тягловых лошадей. Стокер убирал все, что могло упасть, в шкаф, и проверял, хорошо ли закреплена мебель. Потом он вручил мне мою сумку и вышел, не сказав ни слова. Я наспех выпила чай, немного обжегшись, потому что он оказался крепким и горячим, и быстро оделась. У меня был большой опыт употребления агуардиенте, и мой организм быстро после этого восстанавливался, так что я чувствовала себя почти хорошо после событий прошлого вечера и даже насвистывала какую-то мелодию, пока упаковывала свои вещи в сумку. Убрав ее в шкаф, я вышла из фургона.

– Доброе утро, миссус, – окликнули меня. Я повернула голову и увидела, что к фургону подходит конюх с парой лошадей. Залатанные брюки, лицо наполовину скрыто под кепи.

– Доброе утро. Это для нас?

– Да, конечно, и лучше лошадей вы в этом заведении не найдете, – заверил он меня. Он остановился и дал мне с ними поздороваться, удерживая животных, пока я гладила их бархатные носы.

– Я придержал их специально для вашего фургона, миссус.

Он поднял голову, и я увидела, что это на удивление миловидный парень, с теплыми карими глазами, в которых плясали веселые огоньки. Рот тоже излучал веселье, казалось, что его губы сами собой все время растягиваются в улыбке.

– Как это мило.

Он пожал плечами.

– Только смелая дама позволит мужчине бросать в нее ножи.

– Смелая или совсем безрассудная. Тебе решать.

Улыбка стала еще шире, и я заметила ямочки у него на щеках. За эти два дня я видела в лагере и других конюхов: скрюченных стариков с такой грубой кожей, что подошла бы и для сапог. Как они, должно быть, ненавидели этого блестящего молодого человека!

– Я Морнадей, – представился он, протянув мне руку. Я пожала ее и ощутила в пальцах легкое, приятное покалывание от прикосновения к этой теплой, мягкой ладони. Одна из лошадей дернула мордой и всхрапнула.

– Всему свое время, красotka, – успокаивающе сказал он ей. А потом слегка мне поклонился.

– Надо бы уже запрячь этих дамочек. До встречи, миссус. – Это прозвучало как обещание.

Я пошла за булочкой и еще одной чашкой чая, а когда вернулась, мистер Стокер уже сидел на узкой скамеечке за лошадьми. Он не предложил мне руки, и я сама забралась наверх и села рядом с ним.

– Доброе утро, – вежливо сказала я. – Куда мы направляемся?

– Десять миль вниз по дороге. Деревня называется Баттерлей.

– Всего десять миль? Как забавно. Я думала, мы поедем гораздо дальше.

– Лошади могут осилить четырнадцать, но неразумно гнать их так далеко каждый раз.

Он подобрал поводья, и по какому-то невидимому сигналу все фургоны начали двигаться вперед. Профессор и Отто ехали в странном экипаже: потрепанном ландо в форме створки ракушки, обшитом старым бархатом. Это было очень эффектно, и профессор самодовольно помахал нам, когда они миновали наш фургон, направляясь в голову процессии по дороге к Баттерлею.

Я повернулась к мистеру Стокеру, но его взгляд был прикован к дороге, и он ничего мне не сказал. Я подумала, что накануне ночью, наверное, ущемила его гордость. Будь то лунный свет или эйфория оттого, что он справился с номером и сумел меня не покалечить, но в любом случае та искра интереса ко мне, которую я в нем заметила, была минутным помутнением сознания, и более рациональный мужчина, несомненно, просто пожал бы мне руку и поблагодарил за проявленную твердость. Мистер Стокер вместо этого считал себя в высшей степени оскорбленным, и если бы нам не пришлось сидеть рядом в пути, то я бы оставила его спокойно обижаться. Но я не была готова всю дорогу выносить его ледяное молчание, а потому завязала разговор, надеясь, что он не будет сильно этому сопротивляться или, по крайней мере, быстро сдастся.

– Профессор путешествует со вкусом, – заметила я.

– Он считает это хорошей бесплатной рекламой, – ответил мистер Стокер, слегка оттаивая. – Все крестьяне от мала до велика, мимо кого по дороге проедет такая процессия, будут смотреть на нас во все глаза, а потом

непременно растрезвонят по деревне. Поэтому не забывай кивать и улыбаться. Чем больше денег мы для него заработаем, тем более гостеприимным он с нами будет.

Он покосился на меня.

– Ты хорошо справилась вчера. Я был почти уверен, что ты лишишься чувств.

– Не пойму, с чего бы это, – парировала я. – Я не склонна к нервическим припадкам и не знаю, почему вы могли подумать обратное. Я крепка как лев, мистер Стокер. Крепка как лев.

Он издал странный звук наподобие ржавой гармоники, а потом по теплу и свету, вдруг разлившимся по его лицу, я поняла, что он смеется. Я сильно ткнула его в ребра.

– Я не люблю, когда надо мной смеются.

– Ой, дорогая Вероника, уверяю тебя, я смеюсь не над тобой, а над собой за то, что на секунду посмел в тебе усомниться, – оправдывался он.

Меня это не вполне убедило, но раз уж он расслабился настолько, чтобы смеяться, я не стала копаться в причинах. Вместо этого я огляделась по сторонам, глубоко вдыхая нежный июньский воздух. Все вокруг было свежим и зеленым, деревья распускали клейкие листочки, а на живых изгородях под лучами теплого солнышка вылезали почки. Вся природа была будто только что умыта, а в воздухе чувствовался острый запах сырой земли, только что вспаханной, но еще не засеянной. Осознание какой-то хрупкости всего окружающего вдруг пронзило мне сердце, и когда в деревьях начала нежно щебетать птичка, я ощутила, что меня переполняют эмоции. У меня не было слов, чтобы описать эти чувства; ведь я не поэт, как и мистер Стокер. Но, кажется, он что-то такое уловил, потому что отпустил поводья, глубоко вдохнул этот чарующий воздух и заговорил:

– Я наблюдал с пригорка острым взором,
Насколько был спокоен мир, в котором
Цветы, взойдя в своем природном лоне,
Еще стояли в вежливом поклоне
В прогалине лесной зеленогривой,
Пленяя красотой негорделивой[10],

– процитировал он стихотворение. Затем взглянул на меня немного застенчиво. – Это Китс[11].

– Знаю, – ответила я. – Но меня удивляет ваш выбор. Мне казалось, вы

должны предпочитать осень.

– Да, в чем-то ты права, я действительно люблю «пору плодоношенья и дождей», но я могу найти вдохновение в любом времени года. Хотя я и мечтаю отдохнуть от этого мира, но какая-то часть меня так сильно привязана к этому острову, что я никак не могу от него оторваться. Всем красотам, что мне довелось повидать, горам, морям и бескрайнему горизонту, простершемуся куда только хватает глаз, я предпочту весеннее утро в Англии.

Я потеряла дар речи от чувств, поднявшихся во мне после его слов, – ужасная жажда чего-то сложно определимого, чего прежде я никогда не знала и чего, как я боялась себе признаться, могла и вовсе никогда не найти. Но сейчас меня до глубины души пронзила любовь к моей стране, я ощутила такую нежную к ней привязанность, что с трудом могла дышать, и отвернулась.

– Вероника, ты всхлипываешь? – спросил он с подозрением в голосе.

– Не смещите меня, – резко ответила я. – Я не всхлипываю. Это было бы признаком невероятной чувствительности, а мне чувствительность несвойственна.

Я наклонила голову, чтобы изучить компас.

– Западо-юго-запад.

Его губы тронуло подобие улыбки.

– Мы движемся в правильном направлении, Вероника. Нам достаточно просто идти за хвостом лошади, которая тащится перед нами.

– Я люблю знать, куда направляюсь, – ответила я. – А теперь давайте обсудим вопрос денег. Какая сумма обеспечит нам расположение профессора?

Мы занялись обсуждением финансов, и Стокер объяснил мне, что денег, собираемых в качестве платы за вход, достаточно, чтобы цирк продолжал существовать, но недостаточно для того, чтобы платить артистам. Предполагалось, что каждым номером можно заработать дополнительную сумму или пуская по рядам шляпу, или продавая открытки, фотографии актеров, которые они должны были печатать из собственных средств. Некоторые казались совершенно отвратительными, например, такие, на которых запечатлены болезненно худые профессор и Отто, обнаженные до пояса и демонстрирующие широкую полосу сухожилий и мышц, которая их связывала. Другие были слегка непристойными (не нужно обладать богатым воображением, чтобы понять, что среди них я имею в виду и Саломею).

– К сожалению, не очень-то весело смотреть на открытку с

изображением иллюзиониста, – уныло заметил мистер Стокер. – И у нас нет времени выпустить другие, на которых ты привязана к мишени, а вокруг тебя воткнута дюжина лезвий.

– Может, это и к лучшему, – ответила я. – Такие открытки только сообщат о нашем присутствии здесь, а ведь мы стараемся вести себя максимально скрытно.

Он насмешливо поднял бровь.

– Да, но мы как-то своеобразно подошли к этому вопросу, правда? Присоединились к бродячему цирку. Наверное, я был не в своем уме.

– Наоборот, – живо возразила я. – Мне кажется, вас посетил приступ вдохновения. Мы будем похищенными письмами, скрытыми на самом видном месте, как в рассказе мистера По[12].

– Мне бы твой оптимизм.

Его голос был непривычно мягким, и я резко к нему обернулась.

– Что с вами случилось? Мы сейчас согласились по какому-то вопросу. Более того, я сказала вам нечто вежливое, а вы не ругались на меня уже целых пять минут. У вас жар? Вы бредите?

Я положила руку ему на лоб, но он резко стряхнул ее.

– Так-то лучше, – отметила я с удовлетворением.

– Всегда находиться в состоянии вражды очень утомительно, – признался он. – Особенно при таком близком общении.

– Согласна.

– Я не говорю, что больше это чувство ко мне не вернется, – предостерегающе заметил он. – Но пока я чувствую себя гораздо увереннее, чем в последние несколько дней. У нас есть кров, еда и вообще место, где можно укрыться, хоть и не надолго, но достаточно для того, чтобы я смог выяснить результаты расследования.

– Как вам это удастся? Думаю, вы отдали какие-то распоряжения перед тем, как уехать из Лондона.

Он колебался, но потом все же решил немного мне довериться, может быть, под влиянием наших нынешних теплых отношений.

– Да, отдал. У меня есть друзья, которые перешлют мне газеты после оглашения приговора.

– Друзья? Почему же мы тогда не попросили пристанища у них, а отправились в бродячий цирк?

– Потому что сейчас мои друзья не в Лондоне. – Я ждала, что он продолжит, но его лицо вновь приобрело обычное замкнутое выражение.

– Тогда как же ваши друзья сами будут получать газеты?

– Естественно, их посылают из Лондона. А они, в свою очередь, будут

пересылать их мне до востребования в ближайшее почтовое отделение с задержкой всего лишь в один день.

Я открыла рот, но он не дал мне заговорить.

– Да, я был достаточно осторожен для того, чтобы попросить присылать их на вымышленное имя.

Я чуть не рассказала ему о том, как столкнулась с мистером де Клэром на Паддингтонском вокзале, но пока не стала. Кажется, он уже достаточно оттаял для того, чтобы делиться со мной обрывками информации, и я решила, что это прекрасный знак, и мы достигли определенного прогресса в этих странных деловых отношениях, неожиданно нас объединивших. Но я знала также, что мой клочок информации может оказаться или ничего не стоящим, или невероятно ценным, и я не собиралась высовываться до тех пор, пока не выясню значимости тех карт, что попали мне в руки.

Вернувшись к нашему разговору, я одобрительно кивнула.

– Кажется, вы все продумали, только забыли о самой важной детали: я – ваш союзник, – напомнила я ему. – И клянусь, я вас не брошу до тех пор, пока мы не выясним правды о том, что случилось с бароном.

Тогда он красочно выругался и бранился до тех пор, пока птицы не перестали петь от изумления. Но мне это было неважно. Я пропустила его вспыльчивость мимо ушей и заметила, что просто улыбаюсь, двигаясь по проселочной дороге в сторону Баттерлея. Я знала, что нам нужно разработать стратегию и определить план действий. Но, покинув Лондон, мы хоть и оказались в безопасности, но полностью закрыли для себя возможность как-то серьезно вмешиваться в ход событий. Мы были скованы законами географии, но в это теплое утро поздней весны я решила, что это не самое плачевное положение. Последние дни, столь густо наполненные событиями, и экзотическая обстановка бродячего цирка в совокупности оказали на меня очень странное влияние. Я чувствовала себя совершенно расслабленно впервые с тех пор, как мне пришлось вернуться в Англию, чтобы ухаживать за тетей Нелл.

Прежде я не осознавала того, сколько сил у меня забрали эти холодные, тоскливые месяцы. Комнаты умирающих и припарки – не в этом мое предназначение, я сделана из сурового теста странствий. Мой темперамент не подходит для выхаживания больных, и скука Литтл-Байфилда выкачала из меня всю природную живость. И сейчас, в этом новом приключении, я ощутила, что снова возрождаюсь к жизни. Я была бабочкой, только что вылупившейся из кокона, с влажными крыльями, полной надежд и ожиданий. Я довольно часто становилась свидетелем этого процесса во время своих экспедиций и решила для себя, что никогда

не буду ловить в сачок столь нежную красоту. Я оставляла их сидеть на ветках, впервые расправлять свои мягкие крылышки на солнце, чтобы его лучи согрели и напитали их и сделали достаточно сильными для полета. И для моего полета еще будет достаточно времени, решила я.

А пока я вполне была довольна тем, что сидела на своей ветке и приходила в себя. К тому же, подумала я, судя по тому, что нам известно, убийца барона уже задержан. Может быть, он уже и сейчас сидит в тюрьме и ожидает правосудия. И если дела обстоят именно так, то нам не будет никакого прока от нашего плана. Нет, гораздо лучше еще несколько дней спокойно попутешествовать с бродячим цирком и позволить полиции проделать всю необходимую работу. В каком-нибудь городке будет нетрудно раздобыть газету и посмотреть, какие новые подробности стали известны. Если злоумышленник схвачен, нам с мистером Стокером будет нечего бояться, мы сможем вернуться в Лондон, а оттуда отправиться каждый своим путем. Удовлетворенная этими размышлениями, я закрыла глаза и подставила лицо солнцу. Если бы я знала, что это последний перед долгим перерывом момент, когда можно по-настоящему насладиться тишиной, я постаралась бы получить от него еще больше удовольствия.

Жилет я тоже сняла и, как и ожидала, увидела кровавые следы на его рубашке.

Поездка прошла приятно, к полудню мы уже удобно расположились в речной долине, и все фургоны и шатры были вновь установлены так же, как на прошлой стоянке. Несколько конюхов, которых я прежде не встречала, распрягали лошадей и отводили их в импровизированный загон в стороне от лагеря. Вскоре разожгли огни, чтобы готовить еду, появились столы и стулья, и лагерь вновь наполнился привычной атмосферой приятной занятости.

Мое прекрасное настроение не коснулось мистера Стокера: он сделался угрюмым и, кажется, не собирался выходить из этого состояния. Мы громко ссорились из-за того, стоит ли оставлять открытыми окна фургона, и мне подумалось, что эта перебранка – просто хороший повод для него покричать, а не высказать свое истинное отношение к открытым окнам. А я кричала на него в ответ, потому что меня забавлял сам процесс, и в конце концов запустила в него своей фляжкой с агуардиенте и сказала, что он может хоть заспиртоваться в этой жидкости, если она хоть немного улучшит его настроение. Я оставила его дуться в фургоне, а сама взяла сачок и отправилась на поиски любой крылатой добычи, которую можно найти на лугу у реки. Я редко по-настоящему охотилась в Англии, ведь мои клиенты предпочитали более экзотические виды, но поиски бабочек

позволяли мне поддерживать себя в хорошей форме, и я подготовилась к этой небольшой экспедиции так же тщательно, как и к любой другой. Я достала минуции (тонкие энтомологические булавки без головок, которые используют для монтировки) и заткнула их себе за манжеты. Этот хитрый прием, который я когда-то узнала, позволял мне всегда держать их при себе и не носить с собой коробку. Кроме того, это могло охладить стремление нежеланных ухажеров взять меня за руку, что нередко случалось во время моих путешествий. Я положила маленькую банку для простых экземпляров себе в карман, для экзотических понадобилось бы что-то специальное.

Пышные красные розы у меня на шляпе были специально сделаны по заказу и подбиты пробкой, которая могла стать прекрасным местом для хранения интересных экземпляров. Любую действительно редкую находку можно обездвигить одним уколом в торакс, а затем приколоть к розам, так, чтобы ее было не видно и не возникла опасность повредить ее в банке или коробке. Это была техника моего собственного изобретения, и я не видела, чтобы кто-либо пользовался чем-то подобным, кроме одного эксцентричного бельгийца, встретившегося однажды на моем пути где-то на лугу среди Скалистых гор: на его пробковом шлеме подрагивало целое облако углокрыльниц (*Polygonia gracilis*). Выглядел он, конечно, как сумасшедший, и в тот момент я поняла, что как женщина могу использовать этот прием в более выгодном для меня свете. Сегодня, как всегда, мою экипировку дополнял компас, вещь, необходимая каждому исследователю. Я взяла сачок и направилась строго на север.

Выйдя из фургона, я сразу буквально налетела на привлекательного конюха, Морнадея. Он протянул ко мне руки, полные фруктов.

– Грушу, миссус? – предложил он, слегка поклонившись. – Я рвал фрукты для лошадей. Они очень любят доброе отношение. Груши только слегка зеленоватые. Хотите попробовать?

Я поблагодарила его и взяла грушу, больше из вежливости, чем из желания ее съесть. Откусив кусок, я с удивлением обнаружила, что она уже совсем спелая: сок брызнул из ее белоснежной мякоти и потек у меня по рукам.

– Какая хорошая вам попалась, – хихикнув, заметил он и достал полосатый носовой платок, который я с благодарностью взяла, сама смеясь оттого, что сок течет у меня по подбородку.

– Так-то лучше, – сказал он, а затем посмотрел на мой сачок. – Вот что, миссус, если вы за бабочками, то я тут видел одну синюю, наверное, она «морфо» называется, вот прямо вниз по этой тропинке. Я покажу, если хотите.

Взяв меня под руку, он повел меня куда-то довольно далеко вдоль берега реки, через влажный луг, к какой-то уединенной рощице, всю дорогу что-то напевая. У него был приятный тенор, и песенка «Однажды ранним утром» в его исполнении вполне была достойна сцены. Когда мы наконец добрались до поляны, я выжидательно на него взглянула.

– Как это мило – проводить меня сюда. Так значит, «морфо»?

Он широко улыбнулся.

– Она была ярко-синей, с такими черными капельками внизу, на конце крыльев, – быстро проговорил он.

– Боюсь, Морнадей, что это не «морфо». Ты сейчас описал мне *Papilio Ulysses*, «парусник Улисса», распространенного в Австралии. Вряд ли его можно встретить в Девоншире. Из чего я делаю вывод, что ты не видел в этой рощице «парусника Улисса».

Он открыл было рот, но я жестом остановила его.

– Но и «морфо» ты здесь тоже не видел, друг мой. Ареал обитания «морфо» строго ограничен Центральной и Южной Америкой.

Пока он стоял с открытым ртом, я прочитала ему небольшую лекцию о различиях между двумя самыми распространенными видами бабочек «морфо», «менелай» (*menelaus*) и «пелеида» (*peleides*), и «парусником Улисса» (*Papilio Ulysses*). Для верности я подробнейшим образом рассказала все о личинках и взрослых особях, ежесекундно наслаждаясь полным непониманием в его глазах. Спустя примерно полчаса я наконец сжалась над ним и завершила свою мысль.

– Из чего со всей очевидностью следует вопрос, Морнадей. Зачем ты выдумал предлог, чтобы пообщаться со мной наедине?

Он немного поколебался, потом улыбнулся, а когда заговорил, его речь показалась мне гораздо культурнее, чем до этого. Произношение стало мягче, словарный запас – не такой ограниченный, а прежнее смущение уступило место более решительному нраву.

– Прошу прощения, миссис Стокер. Мне следовало сразу догадаться, что опытного лепидоптеролога не обманешь таким способом.

– Но как ты узнал, что я специалист? Я вполне могла оказаться просто любителем.

Он выразительно взглянул на сачок.

– Мой отец был коллекционером. Я с первого взгляда могу узнать дорогой энтомологический сачок.

– Но это все равно не объясняет того, зачем ты меня сюда привел.

Он подошел ближе, и я увидела в его глазах золотые и янтарные пятнышки.

– А разве мужчине нужен повод, если интересующая его дама так привлекательна?

Он говорил тихим и немного хриплым голосом, и ему нужно было стоять очень близко, чтобы я могла его услышать. Думаю, он делал это намеренно. Я покачала головой.

– Нет, Морнадей, так не пойдет. Ты видел мистера Стокера: он солидный мужчина и может метать ножи с завидной точностью. Ты бы не осмелился привести меня сюда просто ради легкого флирта.

Он будто колебался, но потом резко подался вперед и схватил меня за руку.

– Я привел вас сюда, потому что боюсь за вас.

– Боишься за меня? Дорогой мой, но по какой же причине?

Его лицо вдруг приняло серьезное выражение, от флирта не осталось и следа. В его голосе послышались искренность и прямота, почти как у пастора.

– Ну вы же сами сказали. Мистер Стокер – солидный мужчина и умеет метать ножи. И ваша с ним ссора звучала очень опасно.

– Если ты действительно ее слышал, то мог бы понять, что я нападала не меньше, чем защищалась. Будь спокоен, мой дорогой ухажер. Могу тебя уверить, что с ним я в абсолютной безопасности. Он скорее отрежет себе руку, чем позволит волоску упасть с моей головы.

– Почему вы так в этом уверены? Как я понял, вы с ним знакомы совсем недолго. А недостаток знаний может быть опасен.

Я вздохнула.

– Конечно, ты прав. Часто люди очень сильно ошибаются в оценке других людей, если хорошенько об этом не поразмыслят. Но это касается обычных людей, Морнадей. А я не обычный человек. Я путешествовала по всему свету и заводила обширные знакомства везде, от Южной Америки до швейцарских Альп. У меня большой опыт в том, чтобы быстро понять цену человека, с которым общаюсь. И могу уверить тебя: я вполне довольна тем, что нахожусь под его защитой.

Его пристальный взгляд не смягчился.

– Странная это жизнь для леди, в бродячем цирке. Вы уверены, что он не заставляет вас здесь находиться? Вы выбрали эту жизнь по доброй воле?

– Ровно в той степени, в какой вообще мы можем что-либо выбирать, – заверила я его.

– А давно вы знакомы? – спросил он.

– Достаточно давно, – строго ответила я. И это допрос, а не соблазнение, – подумала я с раздражением. Я, конечно, не собиралась

поддаваться на его уговоры, но было немного обидно, что никаких уговоров я и не услышала.

– Я ценю твое беспокойство, но, думаю, разговор на этом окончен.

Он сдвинул тонкие брови.

– Простите меня, если я был неучтив. Но я хочу, чтобы вы знали: можете положиться на меня всегда, когда вам нужен будет друг. Не забывайте об этом.

Я улыбнулась.

– Это правда очень мило. А теперь, если ты подашь мне сачок, то я, пожалуй, отправлюсь дальше. Кажется, я выследила «буроглазку», порхающую за этим ручьем, и намерена ее заполучить.

* * *

Освеженная любимым занятием, я вернулась с луга примерно через час с двумя милыми пленницами в банке. В них не было ничего особенного, и уж точно не стоило их убивать, но все же они выглядели очень приятно. Я хотела выпустить их на свободу в целости и сохранности через несколько часов.

Когда я пришла, мистер Стокер расхаживал взад– вперед перед фургоном.

– Смотрите, какие очаровательные! – сказала я, размахивая банкой. – Я видела чудесную «буроглазку», но она от меня ускользнула, и пришлось довольствоваться этими двумя. Это просто *Vanessa atalanta*, но она правда кажется мне очень милой. А это *Gonepteryx rhamni*, хотя мне больше по душе название «крушинница», а вам?

– И где же, во имя всего святого, ты пропадала?! – спросил он.

– На лугу, это же очевидно.

Он крепко ухватил меня под локоть и втащил по ступенькам фургона, а там довольно грубо усадил в одно из кресел и сам сел прямо напротив меня.

– Больше ты так делать не будешь, – строго проговорил он. – Я тут чуть с ума не сошел. В следующий раз, когда захочешь куда-то уйти, ты сначала должна сказать мне об этом.

Секунду я поразмыслила над его словами, а потом покачала головой.

– Нет, я так не думаю, – вежливо ответила я.

– Что это, черт возьми, за ответ: «я так не думаю»?! Это был приказ.

Я подавила смешок, потому что смеяться в такой ситуации было бы

очень грубо, к тому же я не сомневалась, что это еще больше разозлило бы его. А потому ответила намеренно спокойным голосом:

– Мне жаль, что вы так волновались, мистер Стокер, но я в состоянии сама следить за собой на лугу. Я пошла туда охотиться на бабочек. Вы же помните, что я лепидоптеролог?

– Да, – прорычал он сквозь стиснутые зубы. – Но ты не должна повсюду разгуливать одна. Это небезопасно.

– Вы говорите глупости! Нашли тоже мне опасное место! Что может быть безопаснее луга? Вы знаете, кого можно встретить на лугу? Коров! На лугу пасутся коровы. Там бывают коровы, полевые цветы и бабочки.

Он уронил голову на руки.

– Такой невыносимой женщины я еще в жизни не встречал, – сказал он приглушенным голосом.

– Правда? Не могу понять, почему я такая невыносимая. Ведь я совершенно рациональна и очень логична.

– Вот именно поэтому и невыносимая. – Он поднял голову. – Ну хорошо. Я взываю к твоей рациональности. Если я не буду знать, что ты ушла и куда отправилась, как я пойму, что ты попала в беду?

– В какую беду? На лугу? Это только если коровы решат на меня напасть. Но у меня богатый опыт общения с коровами. Они почти никогда не нападают без повода.

– Да забудь ты об этих проклятых коровах! – сказал он, явно прилагая усилия, чтобы не дать воли своему темпераменту. – Барон погиб, хладнокровно убит, или ты не помнишь об этом?

– Конечно, помню. Но это не имеет никакого отношения к тому, куда я хожу ловить бабочек.

– Имеет, и прямое! – прорычал он.

– О боже, какой же вы упрямец! Неудивительно, что ни одна женщина не хочет с вами жить.

Как только эти слова сорвались у меня с языка, я сразу захотела взять их обратно. Его взгляд упал на тонкое золотое кольцо на моей левой руке, он молча поднялся и вышел из фургона, громко хлопнув дверью.

Я стянула кольцо с пальца и поднесла к свету. Его носили недолго, как я поняла, потому что золото все еще было блестящим, а края не стерлись, но один раз его сильно повредили. Внутри оказалась выгравирована надпись, и я придвинулась к окну, чтобы прочитать ее. «К. М. от Р. Т.-В. Сент. 1882 г.». Я не знала, кто такая К. М., но не надо обладать богатым воображением, чтобы догадаться, что нежным женихом был Ревелсток Тепмлтон-Вейн и что в сентябре 1882 года он женился. Вопрос в том, куда

она делась?

Я вновь взглянула на надпись. Никаких поэтических строчек, и я почему-то подумала, что это странно. Мужчина, который любит романтических поэтов, должен был покрыть стихами всю поверхность кольца. Но здесь имелись только инициалы, холодно вырезанные в золоте, ничего больше. Я снова надела кольцо на палец и взяла книгу, решив вновь погрузиться в приключения Аркадии Браун, леди-детектива, но мои мысли были далеко. К тому же у меня начиналась сильная головная боль, и я ощущала себя так, будто собирается гроза. Но облаков на небе видно не было, и я не стала обращать внимания на свои предчувствия. Я просто сунула руку в карман, вытащила маленькую бархатную мышку и зажала ее в ладони, ожидая, что же будет дальше.

Глава четырнадцатая

Мистер Стокер продолжал обижаться на меня весь оставшийся день, и я не видела его до того момента, когда нам уже пора было выступать. Но не могу сказать, что я его и не слышала. Незадолго до начала нашего выступления я шла к шатру, пробираясь туда в тени позади фургонов, куда почти не доходили зрители. Там нужно идти очень осторожно, потому что веревки и колышки от шатров сложно разглядеть в темноте, а потому я медленно продвигалась вперед, как вдруг в чьем-то разговоре прозвучало мое имя. Говорила Саломея, и я почти сразу поняла, с кем.

– Почему ты женился на Веронике? Она ждет ребенка?

В ее голосе слышалась издевка, а ответ прозвучал грубо и резко.

– О боже, конечно, нет!

Он сразу сам пожалел об этом, ведь мы должны были изображать преданно любящих друг друга людей, и попытался исправить ситуацию.

– Я имею в виду, что для этого еще очень рано. Я хотел бы какое-то время провести с женой вдвоем и не делить ее внимание и любовь с ребенком.

Саломея засмеялась бархатным, соблазнительным смехом, и я почему-то почувствовала, как близко она сейчас стоит к нему в темноте шатра.

– Стокер, почему ты думаешь, что можешь меня надуть после всего, что у нас с тобой было? Скажи правду: ты действительно предпочитаешь ее мне?

Я услышала шорох ткани и громкое мужское дыхание.

– Это совершенно неприличный вопрос в нынешних обстоятельствах, тебе не кажется? Ты не должна... я же женатый мужчина, Саломея.

– Женатый? А мне так не кажется.

За этим последовали еще большее шуршание одежды и очередной стон.

– Пусти, Саломея. Я верен Веронике, – выдавил он.

– Я этому не верю, – пробормотала она. – Скажи: чем она тебе нравится, почему ты на ней женился?

За этим последовали минуты тишины, нарушаемой только шорохом вещей, а потом вдруг раздались возмущенный окрик Стокера и смех Саломеи, на этот раз резкий и неприятный.

– Думаешь, можешь просто оттолкнуть меня и забыть? Ради нее?

Потом она вскрикнула:

– Отпусти мою руку, ты делаешь мне больно.

– А будет еще больнее, если ты не прекратишь свои грязные выходки со мной или с Вероникой. Даже близко к ней не подходи, ты меня слышишь?

– Что-то поздно ты решил сыграть роль мужа-заступника, тебе не кажется? Почему ты это сделал? Скажи мне, почему ты на ней женился.

– Я знаю, что говорю, Саломея. А если думаешь, что я не всерьез, то просто дай мне шанс тебе это доказать. Оставь ее в покое и меня – тоже.

Наверное, сразу после этого он ушел, потому что я слышала, как она бормочет проклятья. Тут она повернула за угол, и мы с ней столкнулись. Увидев меня, она изобразила крайнее удивление.

– О, Вероника, я не знала, что ты здесь!

– Почему-то мне кажется, что знала.

Она с одобрением посмотрела на меня и пожала плечами.

– Я была его первой женщиной. Ты должна понять, почему я хочу побольше разузнать о тебе. Мы такие разные. – Она подошла ближе. – Как вы познакомились? О чем вы разговариваете?

Я потерла лоб.

– Интересные вопросы. Но ты лучше спроси Стокера, если хочешь услышать ответы. А, да, я забыла. Его ты уже спрашивала.

Она откинула волосы назад и ушла, покачивая бедрами. Из темноты я увидела, как к ней осторожно приблизилась какая-то фигура, и с удивлением узнала симпатичного конюха, Морнадея. Я подумала, что, без особого усердия попытав счастья со мной и ничего не добившись, он в итоге решил держать курс в более надежные воды. Я пожелала ему удачи, но мне подумалось, что это уже чересчур: делить с ней внимание двух мужчин.

Я добралась до нашего шатра и увидела, что мистер Стокер мечется взад-вперед у заднего входа.

– Ну наконец-то! Где ты опять пропадала, черт возьми?

– Я подслушивала, – ответила я нарочито нежно.

Он замер и уставился на меня.

– Что?

Я поднялась на цыпочки и стала решительно тереть его лицо носовым платком.

– У вас помада на губах.

Он очень галантно вспыхнул.

– А, да, это...

– Это не мое дело, но вы выглядели совершенно нелепо.

Действительно очень нелепо. Если хотите обмениваться любезностями с Саломеей, то прошу вас быть чуть более осмотрительным. Ведь, чтобы кто-то поверил в наш маскарад, мы должны изображать, что довольны семейной жизнью, разве нет?

Он выхватил платок у меня из рук.

– Дай сюда! Ты уже протерла во мне дырку.

Я не очень похоже изобразила раскаяние.

– Ой, прошу прощения. Просто такой яркий цвет очень сложно смыть.

Он сам потер еще немного.

– Так лучше?

– Да. Но есть еще следы на воротнике. И, наверное, стоит заняться верхней пуговицей на брюках.

Он выругался, но я широко ему улыбнулась.

– Кажется, сегодня там полный шатер зрителей.

– Вероника, по поводу Саломеи...

Я положила руку на его рукав.

– Правда, мистер Стокер, не нужно беспокоиться. Уверяю вас, я совершенно из-за нее не переживаю. Если после представления вы решите нанести ей визит, буду только рада. Я просто не буду запираť дверь фургона, и вы спокойно войдете в любое время. Только, пожалуйста, ложитесь в кровать тихонько, хорошо? Я очень устала сегодня и не хочу просыпаться посреди ночи.

Он слушал меня с открытым ртом, а потом решительно закрыл его, крепко схватил меня за запястье и буквально потащил к шатру.

Я улыбнулась тому, как легко мне удалось вывести его из себя, но не собиралась останавливаться. Я даже еще не вошла во вкус.

Мы стояли за пологом шатра, слушая, как он наполняется людьми, и тонкая ткань, отделявшая нас от них, создавала некую видимость приватности.

– Кажется, они в возбуждении. Почти как вы в объятиях прекрасной Саломеи.

В его глазах сверкнула ярость.

– Довольно! – прорычал он. – Клянусь дьяволом, Вероника, если ты продолжишь издеваться надо мной, я не ручаюсь за свои поступки.

– Да ладно вам, мистер Стокер. Вам придется постараться получше, если хотите, чтобы я действительно вас испугалась. Пудели, бывало, казались мне гораздо страшнее.

– Боже, ну и язычок у тебя, – вскинулся он. – Но я боюсь тебя не больше, чем ты – меня. Уверен, что лаешь ты лучше, чем кусаешь.

– Откуда вы знаете, мистер Стокер? Ведь я еще никогда вас не кусала.

Я подалась вперед и щелкнула зубами перед самым его носом. Он наклонился ко мне, и мои губы раскрылись сами собой. Мои пальцы вцепились в его рубашку, и я слышала, как под моими ладонями тяжело бьется его сердце. Он сжал руки в кулаки и опустил вниз, будто каждой клеточкой своего тела борясь с желанием дотронуться до меня. Его губы почти касались моих, но он не придвинулся ближе. Он не закончил начатого. Он просто стоял, совершенно неподвижный, как чучела у него в мастерской, пойманные в какой-то напряженный момент, который будет теперь тянуться вечность.

Я услышала какой-то странный шум и поняла, что это моя собственная кровь стучит в ушах от возбуждения. Тогда я осознала, как серьезно ошиблась в своих расчетах. Я хотела просто поиграть с ним, но вместо этого сама дошла до пика волнения. Каким бы приятным интрижкам я ни предавалась в прошлом, эти пьески были каплями в море по сравнению с силой волны, исходящей от этого мужчины. И осознание этого грозило до основания разрушить мое хладнокровие, которого я была не готова, просто не могла лишиться. Хуже того, мои попытки поддеть его вспыльчивый нрав разбудили в нем что-то совсем иное, и мое поведение сразу показалось мне жалким и глупым.

Я резко отступила назад и опустила руки.

– Как это невежливо с моей стороны, – сказала я ему, заставляя голос звучать спокойно и весело. – Пожалуйста, простите меня.

Он не ответил на извинение.

– Нам пора, – бросил он и вошел в шатер, даже не обернувшись, чтобы проверить, иду ли я следом.

На протяжении всего представления с мистером Стокером что-то было не так. Говорил он будто через силу, трюки показывал как-то небрежно, и толпа была беспокойна. Сегодня мое внимание не было притуплено алкоголем, и я заметила, как едко пахнет в шатре: странный смешанный запах пота и опилок, сквозь который пробивается острый дух возбуждения. Я увидела жадные глаза и румяные щеки зрителей, деревенского люда, жаждущего безобидного развлечения. Я слышала их бормотание, шепот и радостные возгласы, когда Стокер взялся за ножи. Он затянул ремни, крепко схватив меня за ноги, без капли нежности. Он, очевидно, все еще был расстроен сценой, разыгравшейся между нами по ту сторону шатра, но я не могла понять причину. Ведь я дала ему карт-бланш на визиты к Саломее, а в ответ получила лишь возмущение и его буйный нрав во всей красе. Я подумала, что никогда мне не понять мужчин, даже если займусь

ими так же усердно, как лепидоптерологией. Но для начала мне понадобится сачок побольше, решила я и улыбнулась про себя.

Он явно был сам не свой, но и обо мне можно было сказать то же самое. Я чувствовала, как на меня наваливается слабость и кости болят так, как бывает при высокой температуре. Я попыталась ободриться, заставила себя улыбаться толпе и изображать из себя преданную ассистентку, но только и мечтала о постели и спасительном сне.

Он закончил с ремнями и пригласил местного парня, на этот раз аптекаря, убедиться, насколько они крепки. Тот подтвердил, что все честно, и мистер Стокер поднял первый нож. Он держал его в руке чуть дольше, чем обычно, и когда нож просвистел в воздухе, я почувствовала, что он разрезал волосок у меня на голове. Толпа ахнула. Мистер Стокер побледнел, но второй клинок пустил уже без промаха, точно туда, куда намеревался. Я слегка кивнула ему, чтобы подбодрить, и от этого движения резкая боль, как молния, пронзила мне голову.

– Не сейчас, – пробормотала я сквозь стиснутые зубы. Но тело не желало меня слушаться, и я поняла, что сейчас упаду в обморок: перед глазами начало темнеть. Колени подогнулись, и тело повисло на кожаных ремнях как раз в тот момент, когда нож вылетел из руки мистера Стокера. Я открыла рот, чтобы предупредить его, но, конечно, было уже поздно. Вместо тупого стука ножа о дерево я услышала мягкий шепот клинка, входящего в тело, и испуганный крик толпы и провалилась в пустоту.

* * *

Мой обморок длился всего несколько секунд, и, очнувшись, я поняла, что все еще вишу на ремнях, а клинок по-прежнему прочно сидит у меня в руке.

Мистер Стокер уже подбежал ко мне и смотрел на меня с невыразимым ужасом.

– О господи, Вероника, лучше бы ты оставалась без сознания. Тебе не понравится то, что сейчас будет.

Из меня вырвался истерический смешок.

– Ну и вам – тоже, – заметила я.

Он сорвал с себя шейный платок и завязал на моей руке, туго затянув выше покачивающегося лезвия. Было очень больно, и я застонала, отчего его руки стали немного дрожать.

Но он быстро собрался и заговорил со спокойной уверенностью.

– Сейчас нужно вытащить нож. Когда он выйдет из руки, пойдет кровь, много крови. Постарайся не двигаться и не задерживай дыхание: от этого будет только больнее.

Я подчинилась, и он кивнул, пристально глядя мне в глаза. В нем не было неуверенности. Он схватился за нож и вынул его медленным, уверенным движением. Сразу хлынула кровь – красная полоса побежала по блестящему синему бархату моего костюма. Я слышала, как завизжала женщина, сама я даже не пошевелилась. Охая, толпа наседала на нас. Они не собирались уходить, наоборот, подходили все ближе, а Стокер кричал на них.

– Назад, будь вы прокляты! Ей нужен воздух. Назад, я сказал, иначе я вас всех разорву на куски!

Он высвободил меня из ремней и подхватил, прежде чем я сползла на землю. Я кивнула в сторону жгута у себя на руке.

– Слишком туго, – пробормотала я. – Больно.

– Лучше так, чем потерять много крови, – ответил он. Он поднял меня на руки, ласково, будто нес младенца, и встал. Он протолкнулся к выходу из шатра, пинаясь и ругаясь, а потом быстро донес меня до нашего фургона. Там он перевернул все вверх дном в поисках иголки, ниток и других необходимых ему вещей.

– Необязательно устраивать такой беспорядок, – сонно заметила я. – Мне же придется потом за вами убирать.

– Заткнись, – прорычал он. – Я не могу найти иголки. Почему, черт возьми, я не могу найти иголки?!

– Они у вас в руках, – с готовностью ответила я.

В этот момент колокольчики на двери зазвенели, и Леопольд просунул голову в фургон.

– Я пришел помочь. Саломея несет горячую воду, а Тилли кипятит чай. Я попросил сделать его очень сладким и добавить бренди. Чем я могу помочь?

Мистер Стокер продел нитку в иголку, и я заметила, как сильно он сжал губы.

– Может быть, вы зашьете рану? – с надеждой спросила я Леопольда. – Кажется, мистер Стокер немного расстроен.

– Я сам зашью, – не согласился мистер Стокер. – Лежи смирно.

Я снова потеряла сознание, провалившись в черноту, но боль не давала мне полностью отключиться. Я открыла глаза и увидела его с иглой в руке; испугавшись, я попыталась вырваться, и тогда он попросил Леопольда держать меня, пока он работает. К тому моменту я уже начала бредить, и

мне запомнились лишь обрывки этой ночи: ужасная головная боль, поднимавшаяся все выше температура и мистер Стокер, насильно разжимающий мне зубы и вливающий в рот противное, но знакомое лекарство.

Но были и приятные воспоминания: холодный компресс на лбу и успокаивающее бормотание, когда я стонала и металась по постели. В какой-то момент мне показалось, что я на борту корабля, корабль плывет в открытом море, берега не видно, и мы качаемся на черных, страшных волнах моей боли, от которой никак не спастись. Я хотела в них утонуть, прыгнуть за борт и погрузиться на дно, но каждый раз, когда я делала шаг навстречу бушующим волнам, что-то звало меня обратно: ощущение, что у меня остались какие-то незаконченные дела. В конце концов я уснула, и море тоже наконец успокоилось.

Когда я пробудилась, голова все еще болела, но гораздо слабее, была лишь тянущая боль, а не острый нож в висках. Я пошевелилась и удивилась, почему моя рука онемела и болит, но потом увидела, что она забинтована, чисто и аккуратно, будто профессиональной медсестрой, и на меня волной накатили воспоминания о том, что случилось. В фургоне стоял полумрак, и я с облегчением выдохнула. Значит, припадок был коротким.

– Ты была без сознания два дня, – сообщил мне мистер Стокер. Я взглянула на маленькое кресло, на котором он примостился. Его глаза ввалились от усталости, вокруг них залегли серые тени.

– Ужасно выглядите, – заметила я.

– Ну, я все-таки выгляжу лучше, чем ты. Сможешь съесть супа? Там есть немного, на плите, а тебе нужно чем-то подкрепиться.

Я кивнула, он сразу засуетился и уже через минуту подошел ко мне с помятой оловянной кружкой и ложкой. Из кружки поднимался ароматный пар, и мой живот одобритительно заурчал.

– Это хороший знак.

Нежно, как мать-гусыня, он кормил меня с ложечки супом, пока кружка не опустела.

– Еще? – с надеждой спросила я.

– Пока хватит. Пусть эта порция уляжется, и, если она не попросится обратно, через час я дам тебе еще.

Я повернула голову к подоконнику и увидела, что моя банка пуста.

– А где мои бабочки? Vanessa и Gonepteryx? – спросила я.

– Я их отпустил. Они совсем поникли, и мне стало их жалко. Полежи спокойно.

Он потрогал мне лоб, а затем взял за руку. Пальцами измерив мне

пульс на запястье, он откинулся назад с выражением удовлетворенности на лице.

– И давно у тебя малярия? – спросил он тоном светской беседы. Он, очевидно, был очень доволен тем, что поставил диагноз, и за это действительно заслуживал правды.

– Три года. А давно вы стали врачом? – Мне тоже хотелось немного правды.

Он улыбнулся мне очень приятной улыбкой, которая так ему шла, несмотря на усталость.

– Немного больше, чем три года назад. И, строго говоря, я не врач, я хирург. Как ты это поняла?

Я указала на его правую руку.

– Ваши татуировки. Змея, обвивающая посох Асклепия. Ни один человек, далекий от медицины, не стал бы мучиться ради такого изображения. А если прибавить сюда якорь на другой руке и китайского дракона на спине, я бы сказала, что когда-то вы были еще и моряком.

– Помощником хирурга на корабле военно-морского флота «Луна». В основном мы ходили в тропических морях, но я бывал почти во всех уголках света.

– Так вот почему вы распознали симптомы малярии.

– Я заметил пузырек с настойкой Варбурга, когда ты искала для меня масло календулы. Ну и горькая же штука. Чаще всего используется при тропических лихорадках, а самая распространенная тропическая лихорадка – малярия. Я пытался распознать в тебе ее симптомы с тех пор, как увидел этот пузырек.

– Ну, она не возвращалась почти целый год. Я очень надеялась, что распрощалась с ней. Настойку хранила просто на всякий случай.

– Жаль, что ты не приняла других мер предосторожности, – многозначительно заметил он.

– Не сказала вам, – догадалась я. – Все очень просто: не хотела, чтобы вы из-за меня волновались. Я хотела общения на равных.

– А тебе никогда не приходило в голову, что можно начать общаться на равных со мной? Вероника, как ты можешь ожидать откровенности, если сама не откровенна?

Я закрыла рот, пораженная правдивостью его слов, а затем кивнула.

– Прямо в цель, мистер Стокер. Хорошо, будем теперь обмениваться откровениями, честная сделка.

– Отлично. Что ты хочешь знать?

– Почему вы скрываете свое настоящее имя? – спросила я.

Он замер, лицо сделалось непроницаемым, похожим на мрамор под резцом скульптора и таким же бледным. Он долго молчал, потом глубоко вздохнул, и мне показалось, будто он сдался.

– Как ты узнала?

– Инициалы на ящиках Уорда в вашей мастерской. Не так много на свете ученых-натуралистов с инициалами Р. Т.-В. Пожалуй, только Ревелсток Темплтон-Вейн. Эти ящики привезены из экспедиции, правда?

– Если ты знаешь мое имя, то знаешь и ответ на этот вопрос.

Его голос был сдавленным и холодным. Наш обмен откровениями явно пошел не так, как он себе это представлял, но я подумала, что надо еще немного попытать счастья.

– Экспедиции Темплтон-Вейна в Амазонию: 1882 и 1883 годы. С целью каталогизации дикой природы в дождевых лесах Амазонии, – процитировала я по памяти.

– Как это солидно звучит в твоём представлении! – с издевкой заметил он. – Так писали газеты и научные журналы. На самом деле мы выслеживали ягуаров. Сама видишь, одного я нашел, – добавил он, указав на шрам, пересекавший его лицо.

Я попыталась зайти с другой стороны.

– Почему вы больше не пользуетесь именем Темплтон-Вейн?

Его улыбка больше напоминала оскал.

– Если ты знаешь, кто такой Темплтон-Вейн, ты, без сомнения, знаешь и ответ на этот вопрос.

Я разгладила простыни, прогоняя нахлынувшие воспоминания.

– В то время я сама была в экспедиции, на Яве. Думаю, вам понятно, почему до меня не в полной мере доходили новости из других частей света.

Он в изумлении приподнял брови.

– Ява? Боже мой. Ты там была? Во время извержения Кракатау[13]?

– Да. Мне хватило ума уехать подальше оттуда, на Суматру, но, как оказалось, это было недостаточно далеко. Мне пришлось... непросто.

– Могу себе представить.

– Нет, – логично заметила я, – не можете. Никто не может. Я бы точно не смогла. Такой ужас невозможно вообразить даже самым впечатлительным из нас. Любопытно, что именно тогда я поняла истинность слов Аристотеля: «В природе всегда есть что-то поразительное» – если правильно истолковать слово «поразительное»: как нечто, что поражает и пугает. Я никогда не казалась себе такой маленькой, а мир не представляла таким огромным и поразительным, как в те часы, когда под моими ногами разверзалась земля.

Я на минуту прервала свой рассказ, а потом завершила его с бодростью, которую не испытывала, просто не могла испытывать при воспоминании о том времени.

– Новости из дома поступали плохо. Я увидела английскую газету только месяцы спустя. Я только слышала, что ваша экспедиция была неуспешной и вы на некоторое время пропали в джунглях.

– Это все, что ты слышала? – спросил он, и в его глазах промелькнул живой интерес.

– Говорю вам, я знала ваше имя и слышала о том, что вы организовали экспедицию на Амазонку, которая обернулась провалом. Но помимо этого я ничего не знаю.

– Да, это объясняет, почему ты осталась со мной, даже когда узнала, кто я такой. Любой другой сбежал бы так быстро, будто за ним гонится дюжина чертей.

Я недоверчиво улыбнулась.

– Да неужели? Что же такое ужасное в вас может быть?

– В действительности, – сказал он, не улыбаясь в ответ, – все совершенно ужасно. Я погубил свой брак, свою честь и чуть не лишился этого чертова глаза. Газеты называли меня мерзавцем, негодяем и чудовищем и напечатали не меньше сотни историй о том, какое зло я совершил.

Я пожала плечами.

– Ну вы же знаете, что пишут в газетах. Они всегда ошибаются.

Его глаза показались мне темными и бездонными, как полуночное море.

– Да, ошибаются. В данном случае они не рассказали и половины.

Глава пятнадцатая

После этого патетического заявления я с минуту молчала, а затем покачала головой.

– Не могу в это поверить. Хотелось бы услышать правду из ваших уст. Он заговорил медленно, и казалось, будто его слова – это льдины.

– Правда – это суровое зеркало, а я не расположен сейчас смотреть на свое отражение.

– Я вполне могу это понять, но вам должно стать от этого легче. Помните историю Плутарха о спартанском мальчике и лисенке?

– О спартанском мальчике и лисенке?

– Ну да. Как мальчишка украл лисенка, но спартанские законы были очень суровы в отношении краж. Он спрятал зверька под плащом, боясь, что кто-то узнает о его проступке, и молчал до тех пор, пока тот не выгрыз ему все внутренности.

– И мораль этой истории?.. – едко спросил он.

– Очень проста. Правда – как тот лисенок. Если вы будете в молчании переносить те страдания, что она вам доставляет, она может нанести вам непоправимый ущерб и даже убить вас.

Он открыл рот, и я ждала очередной гневной тирады. Но ее не было. Вместо этого он посмотрел на меня долгим оценивающим взглядом, и мне на ум пришло Китсово описание Кортеса, глядящего на Тихий океан «орлиным взором». У него тоже был орлиный взор, острый и пронизывающий до глубины.

– Я знаю. Но не сейчас. Пока еще рано.

На большее я не могла и надеяться. Этого было более чем достаточно – пока.

Мысль о Китсе пробудила во мне одно воспоминание, и я вдруг улыбнулась.

– Что такое?

– Я вспомнила, что Китс был студентом-медиком. Так что меня больше не удивляет, что он так тебе нравится. У вас с ним много общего, Стокер, – я впервые отбросила формальности и обратилась к нему по имени. Кажется, мы уже достигли такой степени близости.

Он устало мне улыбнулся.

– У нас и правда много общего, но только я не болен чахоткой, – заметил он.

– Всеми свое время.

* * *

Следующие несколько дней были очень приятными. Я ходила гулять, чтобы восстановить силы, а Тилли старалась меня «откормить». Она постоянно посылала мне пироги, ветчину и всякую всячину, и через три дня я уже чувствовала себя почти здоровой.

Но чем ближе я была к выздоровлению, тем более измученным казался Стокер. Я еще не раз пыталась вытянуть из него правду, но он все больше отдалялся, так что мне в конце концов пришлось самой разузнавать о его проблемах за его спиной. Первый ключ к отгадке я получила, когда мы отдыхали у себя в фургоне. Он курил свои ужасные сигареты, сидя на ступеньках, а Саломея читала мне вслух одно из дел Аркадии Браун. Слушать ее было истинным мучением: она запинаясь буквально через слово, но под такое медленное бормотание мне легче думалось о чем-то своем. Вынырнув из задумчивости, я поняла, что к нам приближается Леопольд с деревянным ящиком в руках. Остановившись на ступеньках, он обменялся со Стокером несколькими фразами. До меня долетали лишь обрывки их разговора, но мне было очевидно, что Леопольду тяжело выполнять данное ему поручение – это подтверждалось множеством искренних извинений.

Он оставил ящик на ступеньках и поспешил уйти под мрачным взглядом Стокера. Я ждала, что он сейчас откроет коробку, но он не стал. Минуту спустя он потушил сигарету, поднялся, отодвинув коробку в сторону, и пошел вслед за Леопольдом в направлении профессорского шатра: плечи напряжены, руки сами сжимаются в кулаки.

– Саломея, – прервала я чтение, – будь так любезна, принеси мне этот ящик.

Она отложила книгу и выполнила мою просьбу. Ящик был из полированного дерева, около двух футов в длину. Я поднесла руку к защелке, но Саломея взглянула на меня с осуждением.

– Это же не твое.

– Но он не заперт, – возразила я. – К тому же, если он не хотел, чтобы я туда заглядывала, не стоило так просто бросать ящик на ступеньках.

Ей оказалось нечего возразить, да ей и самой было любопытно, так что она больше ничего не сказала, а я снова потянулась к защелке. Она легко поддавалась.

– Интересно, – сказала я, заглянув в коробку. Я вытащила оттуда предмет, каких не видела с тех пор, как путешествовала по Южной Америке.

Саломея уставилась на него.

– Это же хлыст.

– Точнее, кнут, как у гаучо – ковбоев, – пояснила я, заметив непонимание на ее лице. – Им погоняют домашний скот, чаще всего коров и лошадей.

Я пробежалась пальцами по кнуту. Прекрасный экземпляр, почти произведение искусства. Он предназначался для устрашения, а не наказания и потому не был таким длинным и грубым, как хлыст кучера. Но всякий, кто видел, что он может сделать с человеком, не стал бы сомневаться в том, какую боль он может причинить. Рукоятка была около полутора футов в длину, покрыта сыромятной кожей. С нее свисал лишь один ремень, тоже из сыромятной кожи, дюйма в два шириной и в восемнадцать – длиной. Он не сужался к концу, потому что был предназначен не для того, чтобы рассекать кожу до крови, а для того, чтобы причинять жгучую боль. Я слегка взмахнула им и услышала резкий щелчок.

– Но у Стокера нет никакого скота, – заметила Саломея. – Зачем ему это?

– Действительно зачем? – хмуро откликнулась я.

Я убрала кнут на место и распрощалась с Саломеей.

Потушила лампу до возвращения Стокера, а когда он вошел, повернулась к стене и сделала вид, что сплю. Стокер долго лежал без сна в темноте, и наконец я не выдержала.

– Хороший кнут, – начала я.

Он издал странный звук, что-то среднее между стоном и раздраженным вздохом.

– Не надо, Вероника.

– Мне ничего не нужно объяснять, я все знаю, – сказала я.

– Ни черта ты не знаешь, – сонно возразил он.

– Думаешь, я блефую, надеясь вытянуть из тебя правду?

– Да, именно так я и думаю. Спи.

– Ну и прекрасно. Не буду тебе объяснять, что я знакома с такими кнутами со времен экспедиции по Южной Америке. И нет никакого смысла говорить тебе, что я прекрасно понимаю: профессор не разрешит нам остаться, если ты не будешь зарабатывать деньги для цирка. Теперь у тебя нет мишени, чтобы метать ножи, и ты вынужден соглашаться на все, что он

сам тебе предложит, даже на такую мучительную вещь, как бой на кнутах за деньги на глазах у толпы зевак.

Он долго молчал.

– Ну вот и хорошо, что ты не стала обо всем этом рассказывать. Это было бы ужасно скучно.

– Ну и, наверное, тебе так же скучно слушать, что я вычислила, с кем он собирается отправить тебя на ринг, – с Колоссо.

Он молчал, и я продолжила:

– Не сомневаюсь, что ты умеешь обращаться с кнутом, но Колоссо на голову выше тебя и на центнер тяжелее. Кнут – это только видимость равного боя. Я права?

– Да, – вздохнул он.

– Когда будет бой?

– Завтра вечером.

– Отлично. Ни за что его не пропущу.

И, надо отдать ему должное, Стокер засмеялся.

* * *

Чтобы скорее восстановить свои силы на свежем воздухе и немного укрепить себя ходьбой, а также чтобы отвлечь Стокера от мрачных мыслей, на следующий день я настояла на том, что нам нужно прогуляться. Я вручила Стокеру корзинку с сэндвичами, а сама взяла сачок. Мы прошли через деревню, и он смог заскочить на почту, чтобы проверить, не прислали ли ему друзья из Корнуолла лондонских газет. Он вышел через минуту с пустыми руками, но с чувством глубокого удовлетворения на лице, и я увидела, что из его кармана выглядывает уголок какого-то небольшого свертка.

– Пойдем, – сказал он, взяв меня под руку. – Я знаю местечко, где нас трудно будет подслушать.

Мы прошли довольно далеко за деревню, миновав несколько больших ферм и уродливую норманнскую церковь, пересекли церковный двор и вошли в рощицу позади него. Я остановилась подождать, пока Стокер закроет за нами калитку.

– Колокольчики! – воскликнула я. – Как нам повезло, что они еще цветут, сейчас для них уже не время. Бывает ли на свете что-то очаровательнее?

Река из колокольчиков будто текла среди деревьев, покрывала землю

ковром и наполняла воздух сладким, тонким ароматом.

Я расстелила плед на залитой солнцем полянке, села и стала наблюдать за милой маленькой *Hipparchia janira*, «бархатницей», которая медленно порхала среди молочая и нивяника. Стокер достал нож и стал чистить яблоки, снимая с них кожуру одним движением.

– Хороший навык для таксидермиста, – заметила я, с удовольствием откусив кусок. – Нужно много мастерства, чтобы снимать шкуру одной неповрежденной полосой.

– Не слишком подходящее наблюдение для леди, – отозвался он.

– Ну, быть леди невыносимо скучно, ты не замечал?

Он пожал плечами.

– Ты вроде бы вполне довольна.

– Как ты сам сказал, я не вполне леди.

– Вполне, когда это тебе на руку. Тебе повезло: в нашем мире эти дамские штучки дают тебе достаточно защитного окраса, чтобы скрывать, кто ты на самом деле.

Я в задумчивости потерла лоб.

– А кто я на самом деле?

– Не знаю, будь я проклят, – ответил он. – Стараюсь это понять с тех пор, как ты переступила мой порог, но ты столь же неуловима, как и твои бабочки.

– Я – открытая книга, – заверила я его.

Он недоверчиво хмыкнул, потянулся к свертку, который получил на почте, и достал оттуда газету и письмо – несомненно, записку от друзей.

Пока он читал, я прислонилась к дереву и наматывала себе на палец яблочную кожуру. Воздух на этой ароматной поляне был прямо-таки отравляющим, и во мне проснулись инстинкты, которым я редко давала волю, по крайней мере, в Англии. Я не собиралась им подчиняться; это строго запрещали те правила, которые я сама для себя составила и о которых часто и строго напоминала себе. Но было приятно хотя бы помечтать.

– А этот конюх, Морнадей, очень красивый, правда? – высказала я свои мысли вслух.

Он уставился на меня поверх газеты.

– Тысяча чертей, – пробормотал он, – Вероника, я понимаю, что ты привыкла давать волю своим чувствам с большой степенью свободы, но нельзя же просто бродить по деревне и соблазнять кого попало. Мы же пытаемся изображать счастливую семейную пару.

– Пф-ф-ф. Нам не вполне это удавалось уже тогда, когда ты позволил

Саломее... Ладно, может быть, лучше забыть об этом инциденте, – сказала я, приподняв бровь. – И не бойся, я не позволю себе вольничать с Морнадеем. Я удовлетворяю свои основные инстинкты только за границей. Если бы мы не были в Англии, Морнадей бы мне подошел. Он очень привлекательный парень, и у него нежные руки.

Стокер отказался поддерживать этот разговор. Он продолжал читать газету, нарочито шумно переворачивая страницы.

– Чересчур нежные, – сказала я, выпрямившись.

– Что? – Он внимательно читал и уже совсем меня не слушал.

– Для конюха у Морнадея слишком нежная кожа. Я заметила это уже тогда, когда он пожал мне руку при знакомстве. У него очень гладкие ладони, без единой мозоли. Ты видел хоть раз в жизни человека, который работает с лошадьми, с мягкими руками?

– Нет, у них кожа как у сапог, – ответил он, внимательно читая.

– Тогда в какие игры он играет, работая конюхом? Он сказал мне, что это его профессия, но он явно лжет.

– У нас есть проблемы посерьезнее, чем мягкость рук Морнадея, – сухо заметил он и передал мне газету. – Читай.

Я пробежала глазами статью, и на меня накатила холодная волна ужаса. Я перечитала все сначала, на этот раз медленно, но факты от этого не изменились. Вердикт на дознании был таков: убийство неизвестным или неизвестными. Этого мы ожидали. Мы знали, что барон убит, и было бы странно надеяться, что власти уже нашли преступника. Но то, что было написано в статье дальше, показалось мне настоящей катастрофой. После изложения вердикта (и того факта, что в завещании барон выразил желание быть тихо похороненным, без каких-либо официальных церемоний) автор заметки, как видно, с наслаждением, сообщал, что по данному вопросу столичная полиция разыскивает distinguished Ревелстока Темплтон-Вейна, младшего сына лорда Темплтон-Вейна, в надежде, что тот сможет помочь им в расследовании убийства барона фон Штауффенбаха.

– Стокер, неужели они имеют в виду...

– Да, – угрюмо ответил он.

И он, конечно, был прав. Существовало только одно разумное объяснение написанному в статье: я путешествую с мужчиной, которого подозревают в убийстве.

Я бегло просмотрела окончание статьи, но это ничем мне не помогло.

– Как ты думаешь, почему они вообще связали тебя с бароном?

От волнения он взъерошил себе волосы.

– Я арендовал у него склад. И, наверное, в его бухгалтерских книгах

сохранилась запись об этом.

– То есть барон был владельцем того склада, где ты живешь?

Он кивнул, и я продолжила рассуждать вслух.

– Наверное, полиция это обнаружила, когда просматривала его бумаги.

Они, должно быть, пришли туда и поняли, что ты исчез.

Он застонал, и я поняла, что я на правильном пути.

– И, конечно, им могло показаться подозрительным, что ты исчез примерно в то же время, когда убили барона. А когда был вынесен вердикт «убит неизвестным или неизвестными», они сразу занялись тобой как самым подходящим кандидатом. В статье приводится только твое имя, но я уверена, что появятся и фотография, и описание примет, это просто вопрос времени.

Он поднял голову с ужасно несчастным выражением лица.

– Почему, ну почему я не подумал об этом, когда уезжал из Лондона?!

– Не хочу тебя обижать в трудную минуту, – с сомнением начала я, – но почему же ты сам не обратился в полицию, как только узнал, что барон убит? Мне это кажется самым разумным поведением, разве не так?

– Не было смысла, – коротко ответил он.

– Тогда ты не ответил на мой вопрос, но сейчас я все-таки очень хочу услышать ответ.

Он замолчал, и я поняла: он размышляет, можно ли мне доверять.

– Потому что в глазах приличного общества и, без сомнения, Скотланд-Ярда я уже и так убийца.

Я уставилась на него, и он горько усмехнулся.

– Ну и ну, наконец-то мне удалось лишить тебя дара речи. Пожалуй, за это надо выпить.

Он достал из корзины мою фляжку с агуардиенте и сделал большой глоток. Потом он протянул ее мне, и я тоже жадно отпила из нее.

Потом внимательно посмотрела на него.

– И почему же они думают, что ты убийца?

– Потому что так и есть, – ответил он с каменным лицом.

Я долго не могла вымолвить ни слова.

– Наверное, мне стоит поблагодарить тебя за такую откровенность. И исключительно из любопытства: не скажешь ли, кого именно ты убил?

Я сразу подумала о кольце на моем пальце, которое когда-то красовалось на руке его жены. Он говорил мне, что его брак рухнул во время злосчастной экспедиции. Уж не она ли стала жертвой его буйного нрава? Я не могла в это поверить.

– Человека, который этого заслуживал. И я бы сделал это снова. Вот

все, что тебе нужно знать, – просто ответил он.

Я поняла, что это значит: не жену – но все же не могла перестать перебирать в уме другие варианты. Может быть, у нее был любовник, которому Стокер таким образом отомстил? Или какое-то деловое соглашение пошло совершенно непредвиденным путем? Жуткие карточные долги? Он тем временем продолжал:

– Полиция в этой стране не может меня тронуть, но мое имя им хорошо известно. Мне стыдно в этом признаться, но первое, о чем я подумал, когда узнал о смерти Макса, – не что я потерял друга, а что они с большой вероятностью именно меня назначат главным подозреваемым. И, очевидно, я оказался прав, – добавил он, кивнув на статью.

– Их можно понять, – мягко заметила я. – Ты просто мечта любого полицейского, ты же понимаешь? Ты связан с бароном деловыми отношениями и узами дружбы, а твое имя подпорчено дурной репутацией. В такой ситуации несложно придумать для тебя какой-нибудь мотив убийства. Лень полицейских – вот что может погубить тебя.

Я собиралась продолжать примерно в том же духе, но поняла, что он смотрит на меня во все глаза с выражением искреннего недоумения.

– Стокер, ты выглядишь как рыба, выброшенная на берег. Что с тобой такое?

– Я только что признался тебе в том, что я убийца. Я лишил человека жизни, а тебе даже нечего мне на это сказать?

– Ты не хочешь развивать эту тему, а я не хочу тебя заставлять. Чего ты от меня ждешь? Что я буду тянуть из тебя признания клещами, как больной зуб? К тому же я и сама не вполне чиста в деле сокрытия информации.

Он прищурился.

– Что ты имеешь в виду?

Поспешно, но со свойственной мне четкостью я поведала о встрече с мистером де Клэром на Паддингтонском вокзале. Пока он слушал, на его лице отражалось лишь бесстрастное внимание.

– Это все? – холодно спросил он, когда я закончила.

– Да. Наверное, я сейчас должна чувствовать себя виноватой, но что-то у меня не получается. Ты хранил свои секреты, я – свои.

– Но из-за моих секретов тебя не повесят за убийство, которого ты не совершала! – возразил он, заливаясь краской гнева.

– Ой, только не начинай все сначала, – запротестовала я. – Знаешь, мы можем очень хорошо работать вместе, но только если нам удастся доверять друг другу. Я поняла это с первых минут в твоей мастерской, когда увидела эту твою милую маленькую *Phyllomedusa tomopterna*.

– Это все-таки tarsius, но с генетической мутацией, – поправил он меня. – А теперь замолчи и дай мне подумать.

– Ну уж нет. С этой минуты мы будем работать вместе, сообща, чтобы по-настоящему раскрыть это убийство, призвать преступника к ответу и очистить твое имя от всяких подозрений, – строго сказала я. – При расследовании убийства нужны порядок и четкая методология, так же как при научном исследовании.

Я пристально посмотрела на него.

– А может быть, именно поэтому ты и не преуспел в этой сфере. Ты излишне импульсивен и недостаточно дисциплинирован. Ой, только не надувайся, а то тебя удар хватит. Это же просто констатация факта.

Он уже почти взорвался, но все-таки закрыл рот и крепко сжал зубы, так что, когда он заговорил, слова еле-еле просачивались сквозь них.

– У нас точно ничего не получится, если ты не перестанешь злить меня без всякого повода.

– Ну не без всякого повода. Это же ты воткнул в меня нож, – попробовала защититься я.

– Это был несчастный случай. Но будь уверена, черт возьми, что в следующий раз я с радостью сделаю это специально.

– Это только слова. Ты можешь рвать и метать, но мы оба знаем, что следующего раза не будет. Я видела твое лицо, Стокер. Ты был до ужаса напуган моим ранением и поспешил мне на помощь, не тратя ни секунды. Я, кстати, начинаю думать, что скорость – это одно из твоих положительных качеств, несмотря даже на то, какие осложнения она нам с тобой принесла.

В ответ на это он что-то прошипел, но я намеренно даже не обратила внимания.

– Итак, если взять за образец прекрасный пример Аркадии Браун, леди-детектива, мы должны продвигаться вперед упорядоченно и рационально. Нашим позывным должно быть слово «методичность», а в таком случае, я считаю, нам надо сосредоточиться прежде всего на личности самого барона. В конце концов, начать расследование с жертвы – самый разумный вариант, правда?

– Каких качеств? – спросил он вдруг так неожиданно, что я даже смутилась.

– Что, прости?

– Ты сказала, что у меня есть положительные качества. Какие?

– Ты ставишь меня в неловкое положение, Стокер, это невежливо, – строго заметила я.

– Прекрасно. Значит, мы установили, что я не вежливый. А какой?
Я потеряла лоб, напряженно думая.

– В тебе много энтузиазма, я этим восхищаюсь. У тебя пытливый ум, что прекрасно для ученого. И ты, если не учитывать последний неудачный инцидент, очень хорош в метании ножей и различных фокусах. Так вот, барон...

– И это все? Весь список целиком? Я полон энтузиазма и любопытства и могу достать кролика из шляпы?

– Правда можешь? А я не видела, но должно быть очень забавно.

Я мило улыбнулась, чтобы показать ему, что говорю искренне, но он вместо ответа только выпятил губу.

– Так вот что ты, оказывается, обо мне думаешь, – сказал он таинственным голосом из своих выступлений. – Но это же описание семилетнего ребенка!

Я пожала плечами.

– Кто-то взрослеет раньше, кто-то – позже. Ты в этом не виноват.

– Но мне больше тридцати лет. Я руководил, не просто участвовал, а руководил экспедициями в Амазонию и на Галапагосы, открыл сорок два вида животных, которые не имели названия и были до меня вообще никому в мире неизвестны, участвовал в морских сражениях. А тыставляешь меня тупоумным ребенком, который вечно задает вопросы и показывает фокусы с монетками.

– Я не хотела задеть твои чувства, – начала я, но он только махнул рукой.

– Никогда не знаешь, каким тебя видят окружающие, – заметил он. – Но спасибо за это интересное описание, оно на многое пролило свет.

– Просто эти твои качества проявились в общении со мной, – заметила я. – Ты должен признать, что в последнее время твои отрицательные качества гораздо чаще выходили на первый план, чем положительные. За исключением профессионального медицинского ухода за мной после несчастного случая, в котором ты был по меньшей мере частично виноват, в остальное время ты был упрямым, нетерпеливым, раздражительным, импульсивным, подозрительным, а часто просто грубым.

– Слава богу, я не из чувствительных, – весело заметил он, – а то подумал бы, что не нравлюсь тебе.

– Ты мне нравишься, несмотря на все эти качества, – заверила я его. – Мне не нравятся люди, с которыми легко ладить, и гораздо приятнее в компании ежа, чем белки.

– А как же иголки? – спросил он, и у меня закралось смутное

ощущение, что он надо мной смеется.

– Иголки меня не пугают, – ответила я решительно, – даже твои.

– Я это учту, – серьезно заметил он.

Глава шестнадцатая

Я чуть не рассказала Стокеру и об ограблении коттеджа «Королек», но меня остановила его реакция на историю о мистере де Клэре, и я не решилась нарушать его покой дважды за день. Эта история может подождать, к тому же я утешала себя мыслью о том, какой прекрасный повод для ярости дам Стокеру, когда наконец обо всем расскажу – ведь он явно всегда наслаждается этим процессом. К тому же ему нужно было готовиться к бою на кнутах, и я подумала, что дополнительные заботы не прибавят ему шансов выиграть. Он заставил меня пообещать, что я сразу же лягу в кровать и не буду больше тратить свои пока слабые силы.

Я дала это обещание потому, что знаю по опыту: проще сказать мужчине то, что он хочет услышать, а потом поступать так, как считаешь нужным, чем пытаться переубедить его при помощи логики. Когда он ушел, я досчитала до ста и выскользнула из фургона. Толпа уже собиралась, как и каждый вечер, но я сразу заметила перемены. В воздухе витало что-то новое, слышался гул нетерпеливого ожидания. У меня внутри все сжалось, когда я поняла: это жажда крови. Они пришли посмотреть на что-то необычное, ведь профессор приложил все усилия, чтобы сообщить об этом людям. Не меньше десятка монтировщиков и акробатов, задействованных в этом, повсюду раздавали листовки, и я взяла одну на ходу. Сначала я бросила на нее беглый взгляд, но потом перечитала внимательнее и оцепенела от ужаса.

Я со всех ног бросилась в маленький шатер, где Стокер готовился к выступлению. Когда я вошла, он с выражением покорности на лице снимал пиджак и жилет. Я сунула листок ему под нос.

– Ты это видел?

– Вероника, ты дала мне слово, что будешь отдыхать, – сказал он грозно.

– Я соврала, и мы можем обсудить это во всех подробностях, если тебе будет угодно, но позже. Ты это видел? – повторила я свой вопрос.

Он не взял листок.

– Да, видел.

– А ты знал, что профессор собирается использовать твое настоящее имя в афише?

– Нет. – Его голос звучал резко. – Я знал, что он был зол на меня после одной истории, которая произошла несколько лет назад, но думал, это

осталось в прошлом.

– Ты имеешь в виду, когда ушла Малышка Элис, которая твоими усилиями стала русалкой?

– А ты времени зря не теряла, – заметил он, взяв кнут.

– Эту историю мне рассказала Саломея. Я знаю, что он винил тебя в уходе этой девушки.

– Да, но я не ожидал, что профессор будет хранить обиду так долго.

Я посмотрела на размытые буквы.

«Бой века. Обвиняемый в убийстве Темплтон-Вейн скрестит свой кнут с самым большим человеком на земле!»

В жизни не видела более безвкусной попытки создать сенсацию. Я скомкала листок и выбросила его.

– Стокер, он же сдал тебя. Теперь это только вопрос времени – скоро кто-то из толпы поймет, что именно тебя разыскивает Скотланд-Ярд.

– Да, я понимаю, – спокойно ответил он. – Это означает, что мы должны сбежать отсюда сразу после окончания боя.

– Нет! Нужно бежать сейчас! Какой смысл оставаться?

Он окинул меня долгим оценивающим взглядом.

– Что тебе по душе? Гордость? Долг? В конце концов, я правда должен ему за последние несколько дней нашей жизни здесь. Он был так любезен, что выставил мне счет. Если я его не отработаю, он может пустить по нашему следу судебных приставов. А нам и так достаточно людей, которые меня разыскивают.

Он стал перебрасывать кнут из руки в руку, как бы взвешивая.

– Это я виновата, – начала я.

Он повернулся ко мне и взял меня за плечи.

– Нет, не ты. Это мой выбор – участвовать в этом бою.

– А ты уверен? Ну, то есть... для такого рода поединка нужен определенный склад характера, мне кажется.

Он посмотрел на меня почти с жалостью и когда улыбнулся, то напомнил мне бога мести.

– Дорогая Вероника, удивительно, что ты все еще этого не поняла: каждый человек способен на жестокость. Просто не всякому выдается случай ее применить.

Он ласково подтолкнул меня к выходу.

– А теперь возвращайся в наш фургон и собирай вещи. Мы уйдем сразу, как только все закончится.

Естественно, я снова его не послушалась. Я обошла главный шатер, добралась до входа и проскользнула мимо Морнадея, который дежурил там

вместе с другими мужчинами. Он кивнул мне, и я вошла внутрь, стараясь держаться позади напиральной со всех сторон толпы. В воздухе пахло табаком и потом, и шум стоял неопишуемый. Я взглянула на человека рядом со мной и узнала в нем одного из монтировщиков. Основное занятие этих мужчин – натягивать и закреплять веревки, на которых держатся все многочисленные шатры. Они разбивали, а затем сворачивали лагерь, но в остальное время профессор давал им различные странные поручения. Мой сосед был полностью погружен в свое занятие, и я со страхом осознала, что он держит в руках кнут. Он нагнулся над ним так, чтобы кнут никто не заметил, но я стояла совсем близко и прекрасно видела, чем он занимается. Он отвинтил какую-то крышечку в рукоятке, и оказалось, что внутри она полая. Он аккуратно наполнил ее железными гирьками, набив между ними куски мешковины, чтобы не гремели. Затем завинтил ручку обратно, и кнут снова стал выглядеть таким же, как прежде, только теперь был гораздо тяжелее, как я поняла. Я залилась краской гнева, потому что знала, кому предназначался этот кнут. Мужчины кричали, делая ставки на исход поединка, и я не удивилась, услышав, что симпатии в основном были на стороне Колоссо.

Это был не мужчина, а настоящий зверь, и, когда он вошел в шатер, от гула голосов, кажется, задрожала земля. Обнаженный по пояс, он выставил на обозрение публике впечатляющие мускулы; его тело было намазано маслом. Гладко выбрит, за исключением густых усов, воцеленных и закрученных на концах, что только придавало его виду жестокости. Он оскалил в улыбку рот, полный коричневых поломанных зубов, и поднял руки, вызывая бурные овации толпы.

И вдруг все зрители замолчали. Вышел Стокер, тоже обнаженный по пояс, чтобы противник не мог схватить его за рубашку. Для своих габаритов он был в прекрасной физической форме, но по сравнению с Колоссо казался худым и легким как перышко. В этот момент мне стоило бы начать молиться, но я была слишком увлечена предстоящим боем. Сам профессор снизошел до того, чтобы представить участников; он сидел у края ринга, очерченного мелом, на мягком стуле, рядом с ним Отто играл бодрую мелодию. Утоптанная земля внутри ринга была посыпана песком для того, чтобы быстрее впитывалась кровь. Когда я это осознала, у меня на секунду потемнело в глазах, но я удержалась на ногах, вонзив ногти себе в ладони, чтобы не потерять сознание.

Профессор сказал краткую речь, его глаза искрились злорадством. Имя Колоссо вызвало одобрителыне возгласы в толпе, и он принял это проявление обожания с театральным поклоном. Но когда профессор

произнес имя Стокера, поднялся громкий шепот, и я услышала, как несколько смельчаков пробормотали «убийца».

Профессор объяснил правила боя. У обоих участников есть кнут. Бить любым другим оружием, а также руками не разрешается. Запрещено также драться ногами или удерживать противника в захвате. Проигравшим считается тот, кто первым покинет ринг.

Мелодия Отто напоминала уже звон фанфар.

– А теперь, – профессор возвысил голос, – давайте начнем этот поединок, это состязание в силе и ловкости.

Стокер уже держал в руках свой кнут, а Колоссо повернулся, чтобы забрать свой из рук того самого монтировщика. Кнут Стокера был самым обыкновенным, а вот у кнута Колоссо было теперь огромное преимущество; осознав это, я начала напряженно озираться, размышляя, как лучше предупредить Стокера об опасности.

Профессор подал сигнал взмахом руки, и мужчины двинулись вперед. Кнуты они держали в правой руке, но, к моему ужасу, они к тому же сцепились левыми руками. При такой близости Стокеру будет никак не избежать ударов Колоссо, которые станут во много раз сильнее из-за железа в рукоятке кнута. Я открыла рот, чтобы криком предупредить Стокера, но передумала. В этой толпе, полностью захваченной жадой крови, нас могли просто разорвать на куски от разочарования. Я только сделала шаг вперед и затаила дыхание, а противники уже взмахнули правыми руками. Сама того не осознавая, я нащупала в кармане Честера и стала гладить его маленькую плюшевую головку. Но даже это не принесло мне ни малейшего облегчения.

Стокер ударил первым, и этот звук, этот резкий щелчок кнута, казалось, навечно врезался мне в память. Было что-то первобытное в этом ударе плети о человеческую плоть; Колоссо отшатнулся, но кнут уже задел его щеку.

Он быстро пришел в себя, улыбнулся Стокеру и сплюнул на землю полный рот крови. Стокер кружил по арене, надеясь, что Колоссо потеряет равновесие: прекрасная тактика с таким массивным противником. Но он ничего не мог поделать с силой ударов Колоссо, которые сыпались на него один за другим с ужасным звуком, оставляя красные следы у него на груди.

Только тогда я поняла, что Колоссо просто играет со Стокером. Первые удары не должны были причинить вред, они просто показывали Стокеру, что ему никак не защититься от противника и что следующие удары принесут с собой боль, которой тот прежде никогда не испытывал.

– Заканчивай быстрее, – пробормотала я, понимая всю тщетность

такой просьбы. Невыносимо было думать, что если чуда не произойдет, то сейчас Стокер получит серьезные увечья, может быть, даже будет убит, а я стою рядом и совершенно ничего не могу сделать.

Но чудо произошло. Колоссо ударил его рукояткой кнута, всего один раз, по щеке, но этого удара было достаточно. Стокер откинул голову назад, все еще сжимая руку Колоссо в своей; по его лицу потекла кровь. Я увидела, как он трясет головой, будто силясь что-то понять, и его взгляд впился в оружие противника. По силе удара он понял, что этот кнут весит гораздо больше, чем должен был. И осознание того, что Колоссо добился преимущества таким нечестным путем, подействовало на Стокера как красная тряпка на быка.

Всем известны неистовая ярость викингов в бою, неуправляемое бешенство кельтов с боевой раскраской на лице, и, не сомневаюсь, это должны были быть устрашающие зрелища. Но никакая открытая ярость не сравнится с тем ледяным спокойствием, с которым Стокер расправился с Колоссо. Ни одно из его движений не пропало впустую. Каждое было четко взвешено и просчитано, как во время настоящего сражения, и каждое должно было причинять наибольшую боль.

Сначала он отбросил свой легкий кнут; затем так быстро, что я еле успела заметить его движение, схватил оружие Колоссо, намотав кожаную плетть на свою широкую ладонь. Ему хватило легкого взмаха руки, чтобы выдернуть у Колоссо рукоятку кнута. Он подбросил его в воздух и поймал в полете. Тяжелая рукоять прекрасно поместилась у него в ладони, и он сразу разбил ею подбородок великана в двух местах. Надо было быть хирургом, чтобы точно знать, куда бить, и прирожденным борцом, чтобы так наносить удары, но не осталось никакого сомнения, что Стокер раздробил ему подбородок: я услышала резкий хруст костей и крик от невыносимой боли. Колоссо упал на колени, а Стокер опустил свой кнут в последний раз – резким ударом за ухом он лишил противника чувств. Медленным, продуманным движением он поднял огромное тело Колоссо над головой – его руки дрожали от напряжения. Дойдя до края ринга, он из последних сил сбросил его за меловую черту.

Толпа в ярости загудела, обозленная на то, что бой был таким коротким и что почти все проиграли – только несколько человек поставили на Стокера. Не обращая никакого внимания на их недовольство, он бросил кнут на распростертое тело Колоссо и демонстративно отряхнул руки, одарив профессора долгим, полным ненависти взглядом. Повернувшись на каблуках, он двинулся к выходу, и толпа расступалась перед ним, как Красное море перед Моисеем, никто не осмелился встать у него на пути.

Я бросилась за ним и догнала его на полпути к фургону. Рубашку и сюртук он нес в руках, даже не делая попыток одеться. Все его тело горело, будто у него был жар, и, когда он повернулся на звук моих шагов, я поняла, что за холодной отстраненностью, которую он демонстрировал в шатре, скрывалась ярость такой силы, что он практически не мог с ней справиться.

Он открыл рот, но не мог произнести ни слова.

– Я знаю, – просто сказала я. – Жаль, что ты не проломил ему череп.

Он сумел слегка улыбнуться, и я повела его к фургону. Там я сунула ему в руки фляжку с агуардиенте. Он дрожал, как лошадь после долгой скачки.

– Пей, – приказала я. Он послушался, и после двух больших глотков я убрала фляжку обратно и быстро помогла ему одеться, только сначала вытерла кровь с его щеки. К счастью, рана была небольшая, хоть я и подозревала, что синяк будет очень эффектный.

– Я забыл, – сказал он, когда смог наконец заговорить.

– Что? – спросила я, запихивая вещи в наши сумки.

– Забыл это чувство, когда тебе хочется разорвать человека на куски. Такого гнева я не испытывал уже много лет. Он полностью лишает сил.

Это походило на правду. Герой поединка на кнутах весь был покрыт испариной, даже волосы его потемнели от пота, а рубашка сразу намокла. Его руки все еще дрожали, и мне совершенно не нравился цвет его лица.

– Но мы не можем здесь оставаться, – предупредила я. – Теперь точно не можем, ведь твое имя стало известно. Каждый человек в этом шатре знает, кто ты такой. Нам придется пройти пешком довольно много до какой-нибудь далекой железнодорожной станции. Как думаешь, справишься?

Он лучезарно улыбнулся.

– Дорогая моя Вероника, если будет нужно, я полечу.

Глава семнадцатая

Стокер оказался верен своему слову. Всю ночь, пока мы шли, он поддерживал меня, все еще слабую после недавнего приступа малярии. Он позволил мне опереться на его руку, когда я выбилась из сил, и помогал перебираться через ручьи и изгороди. Ускользнуть из цирка было несложно. Мы отошли подальше от проезжих дорог и запоздалых гуляк, спустились к реке и пошли вниз по течению к городку под названием Клактон. Мы могли бы сесть на поезд и в Баттерлее, но, как я и сказала Стокеру, всякий, кто захотел бы нас выследить, прежде всего предположил бы, что мы поедem именно по этому маршруту. Стокер позаимствовал несколько потрепанных плащей у невнимательных путешественников, и мы, закутавшись в них поверх собственной одежды, сели в Грейкотте в вагон третьего класса и ехали так вплоть до Олд-Эштона. Стокер не вынимал из кармана своей глазной повязки, а я ухитрилась втиснуть свою броскую шляпу с цветами в саквояж. Раз мы хотели слиться с остальными пассажирами, нам нужно было по возможности скрыть все свои приметные черты. В Эштоне мы тщательно умылись, вымыли руки, избавились от ветхой одежды в общественных уборных и вышли оттуда уже более респектабельными людьми, чем старались казаться до этого. С аппетитом позавтракав в местном трактире, мы как раз успели сесть на следующий поезд. Стокер занялся подсчетом своих скромных сбережений, намереваясь купить кулек леденцов и билеты, на этот раз уже в первый класс, чтобы сбить с толку наших возможных преследователей и чтобы обеспечить нам некоторую приватность.

Когда мы наконец остались одни, я с любопытством уставилась на Стокера.

– Ты самый сложный и противоречивый мужчина из всех, кого я знаю, – сказала я ему.

Он развернул леденец и сунул его в рот, а затем спросил:

– Это комплимент или осуждение?

– Не то и не другое. Это просто констатация факта. Ты выжил после ужасного нападения ягуара и провел, как я представляю, долгое и полное испытаний время на военном корабле. Ты добровольно согласился на крайне болезненную и опасную процедуру нанесения татуировки, и не раз. И ты пошел на поединок на кнутах с таким устрашающим человеком, что, казалось, он готов вцепиться в тебя железной хваткой. И все это с

поразительным смирением и стойкостью. Но когда портновская булавка впиалась тебе в плечо, ты ревел как раненый лев.

Он размышлял над моими словами, перекатывая леденец во рту.

– Иногда можно спокойно показать свою ранимость, лечь на спину и подставить свой мягкий мохнатый живот. Но иногда нужно переносить боль без единого стога, когда она настолько всепоглощающая, что, если дать слабину хоть на минуту, она тебя просто уничтожит.

– Думаю, это в равной степени относится как к эмоциональной, психологической боли, так и к физической, – заметила я. – Тогда нужно просто сосредоточиться на том, что предстоит сделать, потому что если остановиться и посмотреть правде в глаза...

– То уже не найдешь в себе сил идти вперед, – закончил он, с хрустом раскусив леденец своими крепкими белыми зубами.

– Как сказала бы Аркадия Браун: «Excelsior! Только вперед, только вверх».

Я ожидала, что он снова будет презрительно отзываться о моей любви к дешевой литературе, но он только одобрительно наклонил голову.

– Да, Excelsior, – тихо согласился он.

– У тебя снова кровоточит рана на щеке, – сказала я ему. Он достал носовой платок, и я поняла, как предусмотрительно с его стороны было запастись именно красными платками. Кажется, он всегда вытирал кровь именно такими.

– Будет обидно, если останется шрам. Этот подонок ударил меня по хорошей щеке.

– Не понимаю, о чем ты, – решительно возразила я. – Мне обе стороны кажутся одинаково привлекательными.

Он замер, лицо стало непроницаемым.

– Вероника, – начал он, но я остановила его взмахом руки.

– Не бойся нападения с моей стороны. Это замечание – не попытка тебя соблазнить, просто мое наблюдение. Ты думаешь, что эти шрамы отталкивающие, и для женщины с бедным воображением это вполне может так и быть. Но для всякой женщины, которая ценит смелость и доблесть, они кажутся гораздо привлекательнее, чем любой идеальный профиль и гладкие щеки.

Кажется, на минуту он лишился дара речи, а я воспользовалась моментом, чтобы закончить разговор на более спокойной ноте.

– А теперь, Стокер, мне нужно поспать. Советую и тебе поступить так же.

Я закрыла глаза, но чувствовала, что он изучающе смотрит на меня.

Вскоре я уснула.

* * *

Я проснулась при подъезде к Лондону. Я чувствовала себя освеженной, хоть тело немного и затекло. Стокер еще похрапывал, но я разбудила его, ткнув в бок.

– Черт побери, что такое?! – возопил он с благодарностью медведя, разбуженного от зимней спячки.

– Мы почти добрались до Лондона. Куда отправимся? В твою мастерскую мы возвратиться не можем, ведь это самая очевидная связь между тобой и бароном. Думаю, не нужно ли нам найти этого мистера де Клэра. Он, конечно, загадочная фигура, но явно знает что-то об этом деле и, вероятно, сможет предложить нам помощь.

Стокер заморгал, а потом стал с силой тереть глаза. Он с хрустом зевнул и потянулся. Окончательно проснувшись, он заговорил строгим голосом:

– Послушай, Вероника. Я знаю, ты хочешь сама копаться в этом деле, но не думаю, что могу позволить тебе этим заниматься. Ты же помнишь, Макс доверил мне охранять тебя, и сейчас нет никакой необходимости подвергать тебя излишней опасности. Мы не знаем, что за тип этот де Клэр. Давай я провожу тебя к тебе домой, в деревню, а сам постараюсь его найти.

– Хочешь шляться по Лондону, когда столичная полиция сбивается с ног, чтобы найти тебя?! Черта с два!

Он вздохнул.

– Согласен, это не идеальный план, но, по крайней мере, ты будешь в безопасности в своем коттедже.

– Это не мой коттедж, – напомнила я ему. – Я оттуда съехала и не сомневаюсь, что его уже сдали кому-то другому. К тому же не думаю, что там мне будет лучше, чем с тобой.

Время пришло, и, глубоко вздохнув, я погрузилась в рассказ о том, при каких обстоятельствах познакомилась с бароном.

Когда я закончила, мускул подрагивал у него на подбородке, а заговорил он сквозь крепко сжатые зубы.

– Почему же тебе не пришло в голову рассказать мне об этом раньше?

– Раньше у нас не было привычки обмениваться друг с другом секретами, – напомнила я ему. – К тому же этот вор вломился в коттедж просто в надежде пожить, но ушел ни с чем.

– Неужели? – спросил он, запустив себе пальцы в волосы. – Как ты не видишь связи?

– Я думаю, что тип, забравшийся в мой дом, просто хотел стащить то, что плохо лежит. Такое часто происходит во время похорон.

– И что он взял?

– Ничего! Он сразу сбежал, а я погналась за ним через сад. Он схватил меня за руку, как будто намереваясь похитить, но я не думаю, что это был его первоначальный план. Барон помог мне вырваться из его рук, а когда тот снова пустился наутек, барон, очевидно, уже слишком устал. Он все повторял, что я в опасности и что сразу же должна ехать с ним в Лондон.

– А в Лондоне он сказал мне, что это вопрос жизни и смерти и что я должен защищать тебя даже ценой собственной жизни, – закончил Стокер.

– Ну да, это звучало излишне мелодраматично, – признала я и замолчала. – Почему мне кажется, что ты изо всех сил сдерживаешься, чтобы не встряхнуть меня?

– Максимилиан фон Штауффенбах не сказал ничего мелодраматичного ни разу за всю свою жизнь. Он был совершенным прагматиком. Если он сказал, что это вопрос жизни и смерти, значит, так оно и было, – от гнева он будто выплевывал каждое слово.

– И ты думаешь, что мой вор – это тот же самый человек, что вломился в кабинет барона и убил его?

– Я не верю в совпадения, – сказал он. – А теперь расскажи мне все сначала еще раз.

Я сделала то, о чем он просил. Начала с похорон и чая у Клаттерторпов и закончила тем моментом, когда оказалась на пороге его мастерской. Он качал головой, снова запустив пальцы в свои и без того взъерошенные волосы. Теперь он стал напоминать мне какого-то косматого греческого бога после изнурительного дня войны с троянцами.

– Господи, почему же он ничего не рассказал мне?! – пробормотал он. Затем он поднял голову, его лицо было серьезным. – Мне нужно было расспросить его получше. А я позволил ему оставить тебя там без всяких объяснений, просто пообещал заботиться о тебе, и все. Почему же он ничего не рассказал?

Я разгладила юбку.

– Он, конечно, собирался это сделать когда-то позже.

– Да, именно, – сказал он, и на его лице вдруг отразилось понимание. – Он собирался мне рассказать потом, потому что не видел никакой угрозы для себя, только для тебя. Не он должен был стать жертвой этого убийства, а ты!

Я заморгала от неожиданности.

– Но это же абсурд. Правда, Стокер. Мне кажется, сейчас ты ничего не соображаешь.

– Нет, я прекрасно соображаю, уверяю тебя, – холодно сказал он. – И если ты дашь себе труд хоть на минуту задуматься о том, что я говорю, ты и сама все поймешь. Макс вернулся в Лондон не один, Вероника. Он привез тебя. Он привел тебя не к себе домой, а ко мне, в то место, где никому не пришло бы в голову тебя искать. Господи, женщина, да он даже сказал тебе, что ты в опасности! Почему же тебе так сложно поверить в то, что кто-то убил Макса, чтобы добраться до тебя?

– Потому что я не представляю никакого интереса, – ответила я.

– Но кто-то хотел до тебя добраться, – продолжал он. – Ты была им так нужна, что они вломились в твой дом. Потом они проследили твой путь до Лондона и убили Макса. – Его голос немного смягчился. – Вероника, кто может желать твоей смерти?

– Никто! Мы знакомы всего несколько дней, но держу пари, ты знаешь меня лучше, чем кто бы то ни было из ныне живущих. Я такая, какой ты меня видишь. Здесь нет никаких секретов, Стокер, – сказала я почти с сожалением. – Я бы даже хотела сейчас сорвать маску и поведать тебе какую-нибудь великую тайну, которая объясняла бы то, что случилось с бароном, но я не могу. Я незамужняя девица, всю жизнь переезжавшая из одной маленькой английской деревушки в другую. Пишу статьи по естественной истории, коллекционирую бабочек и завожу безобидные любовные интрижки с неженатыми иностранцами. Я никого не знаю, да и сама я никто. Может быть, они просто с кем-то меня спутали? – с надеждой предположила я.

– Никакой путаницы не было, – ответил он и сжал губы. – Кто-то желает тебе зла так сильно, что готов даже убить старого человека, который встал у них на пути. Ты что-то знаешь.

– Я ничего не знаю, – продолжала упорствовать я. Но даже мне было сложно отрицать: что бы ни приключилось с бароном, это имело отношение и ко мне, во всяком случае, косвенное. – Он сказал, что был знаком с моей матерью, – сказала я Стокеру. Слабая попытка примирения, но большего я предложить ему не могла.

– А кем была твоя мать?

Я развела руками.

– Понятия не имею. Но если мы с тобой хотим докопаться до сути этого дела, то должны перестать делать вид, что не доверяем друг другу.

Он закатил глаза.

– Знаешь, на что это похоже? Как конокрад учит фермера запирать дверь конюшни. Итак, я пришел к какому-то выводу. Ты настаиваешь, что ничего не знаешь. Я тебе не верю. Есть вероятность, что мы оба правы.

– Продолжай.

– Вероятно, ты что-то знаешь, но сама об этом не догадываешься.

Он повернул голову, и я заметила, как в свете ламп переливаются его волосы. При таком освещении к их угольной черноте прибавлялся иссиня-черный отблеск, и казалось, что они сверкают изнутри. Как обидно, что такие волосы достались мужчине, с завистью подумала я. Модная леди отдала бы не меньше пятидесяти фунтов за такой парик.

– Вероника! – он помахал рукой у меня перед лицом. – Слушай внимательно, когда я говорю. В облаках будешь витать потом.

– Прекрасно. Признаю, я тоже была не слишком разговорчивой. Но с этим покончено. Спрашивай меня о чем хочешь. Я скажу тебе все, что ты захочешь узнать. Но в ответ прошу того же.

Он открыл рот, но не успел еще возразить, а я уже поспешно продолжала:

– Обещаю спрашивать только о том, что может касаться расследования. Можешь продолжать хранить свои секреты. Договорились?

Я протянула руку и после некоторой внутренней борьбы он пожал ее.

– Договорились. И в доказательство твоей искренности давай с тебя и начнем. Этот человек не пытался тебя найти после смерти твоей первой опекуни, мисс Люси Харботтл. Только когда ее сестра тоже умерла и ты осталась совсем одна, он озабочился тем, чтобы найти тебя. Отсюда вытекает очевидный вопрос: что изменилось со смертью Нелл Харботтл?

Я ненадолго задумалась.

– Ну разве что я осталась совершенно одна на всем свете. Я собиралась покинуть коттедж «Королек» и снова отправиться путешествовать. Но он не мог об этом знать. Я никому не рассказывала об этом, кроме викария, да и то уже буквально за несколько минут до прибытия барона.

– Значит, дело не в этом, – продолжил он. – Что у тебя с наследством? Тетя Нелл оставила тебе какие-то деньги?

Я подавила смехок.

– Немного. Несколько банкнот и монет в коробке с деньгами на хозяйство, но я их там и оставила, чтобы компенсировать владельцу причиненный ущерб.

– Банковские счета? Вложения? Драгоценности?

Я качала головой на каждое предположение.

– Единственный счет был открыт на нас обоих, и текущий баланс на нем – шестнадцать шиллингов. У меня есть немного собственных денег на путешествия, но они на отдельном счете. Вложений никаких не было, и тетя Нелл не носила никаких украшений, кроме крестика, с которым ее и похоронили. Она никогда его не снимала на моей памяти, и мне показалось неправильным хоронить ее без него.

В его глазах засверкало любопытство – так может смотреть хитрый зверек.

– Он был дорогой?

Я пожала плечами.

– Нет, конечно.

Стокер шумно вздохнул.

– Что же еще? Что могло привести туда их обоих?

Он задал этот вопрос, скорее, самому себе, а потому я сидела молча и не мешала ему думать.

Несколько минут он молчал, что-то обдумывая, а потом снова стал сыпать вопросами.

– Как жили твои тетки? Если в банке у них не было денег, откуда они брали средства, чтобы вести хозяйство? У них были друзья? Они с кем-то состояли в переписке? Имели ли они странные привычки?

Я подняла руку, чтобы остановить его.

– Задавай по одному вопросу, ведь нужно подходить к этому разумно. Во-первых, деньги. Я не знаю, откуда они приходили. Раз в квартал на счет поступала определенная сумма. Тетя Нелл не распространялась о них подробно, но дала мне понять, что это часть фамильного наследства. И пока ты сам не спросил – нет, я не знаю ничего о ее семье, только то, что и она, и тетя Люси родились и выросли в Лондоне. Тетя Люси сказала однажды, что, кроме них, никого не осталось, так что, думаю, эти деньги – ежегодное содержание, которое должно было выплачиваться им при жизни. Что касается друзей и переписки, могу тебе с уверенностью сказать, что у них не было ни того, ни другого. Им хватало общества друг друга, и они крайне редко выходили в свет. Они ходили в церковь и время от времени участвовали в различных комитетах, но не поступались привычным жизненным укладом ради того, чтобы завести друзей. И когда мы уезжали из какой-либо деревни, они никогда потом не переписывались с бывшими соседями. Что там еще?

– Странные привычки, – напомнил он. – Что угодно, что в то время поражало тебя или казалось любопытным.

– Единственная привычка, которую я могу припомнить, – это то, что

непременно каждое утро им требовалась свежая газета и обязательно «Таймс». Они хотели быть в курсе мировых событий. Тетя Нелл была очень серьезной, всегда погружена в шитье или чтение Библии. Единственным подарком, который она сделала мне за всю жизнь, был девиз для моей комнаты: «Плата за грех – смерть», – сказала я с некоторым содроганием.

– Боже мой! – ответил он.

– Вот именно. Но тетя Люси это сполна компенсировала. Она была милой и доброй, прекрасно ухаживала за садом. Не любила моих путешествий, но понимала их. Мой первый сачок – это ее подарок, а в память о моей первой экспедиции она подарила мне компас, – сказала я, дотронувшись до маленького прибора, приколотого к жилету. Закрыв глаза, я все еще могла ее себе представить: облако пушистых белых волос на голове, добрые руки сжимают мою ладонь. «Так ты всегда найдешь путь домой, девочка моя», – сказала она мне тогда, и в ее глазах стояли слезы.

Казалось, Стокер впал в забытие, но потом медленно вернулся к реальности, будто курильщик опиума, вынырнувший из его паров.

– Кажется, я все понял. Твои тетки скрывались, потому что совершили преступление.

– Стокер, ты меня поражаешь. Поверить не могу, что твое воображение так далеко тебя завело. Ты готов предположить, что эти две безобидные старые женщины были преступницами!

– Сама подумай, – упорствовал он. – Это же единственное разумное объяснение. У них есть деньги, достаточно, чтобы жить с комфортом, но они не раскрывают их происхождения. Не заводят друзей и ни с кем не общаются. Переезжают с места на место. Все отлично сходится, – закончил он, откинувшись назад с удовлетворенным видом.

– Я могу выдумать еще дюжину объяснений ничуть не хуже твоего, и ни в одном из них две милые старушки не будут выглядеть преступницами, – парировала я.

– Назови мне хоть одно.

Я открыла было рот, но сразу и закрыла.

– Ну хорошо, сейчас мне ничего не приходит в голову. Но я обязательно придумаю что-то не менее замысловатое, чем твое объяснение. Ты мне лучше скажи, Стокер, раз ты так уверен в их виновности, какое именно преступление они совершили?

В моем голосе звучал неприкрытый сарказм, но Стокер ответил, явно наслаждаясь своим триумфом.

– Похищение!

– Что, прости?

– Я думаю, что они похитили тебя, Вероника. Ты же им не родственница. Как ты к ним попала? Думаю, они тебя украли. Наверное, у тебя была невнимательная нянька или очень молодая мать. Тебя оставили спать в коляске, в парке или в зеленой деревушке, а когда ты оказалась без присмотра, сестры Харботтл подкрались и утащили тебя.

– Стокер, хоть на словах ты этого и не признаешь, но твои вкусы в литературе явно тяготеют к сентиментальности и абсурду. Сестры Харботтл никуда меня не утащили. Я – подкидыш.

– Ага, и куда же именно тебя подкинули?

– О господи! Я не знаю! Я их об этом не спрашивала, и сами они мне не рассказывали. Они вообще не любили говорить о своем прошлом. Мы не обсуждали подобные вещи.

– А что же обсуждали?

Я шумно вздохнула.

– Говорю же тебе: садоводство с тетей Люси, шитье и грехи с тетей Нелл. Они ничем больше не интересовались, и только об этом велись все разговоры. Кроме того, тетя Нелл присматривала за кухней; тетя Люси обучила меня основам сестринского дела. По вечерам я читала им вслух. Вот и все.

– Звучит очень тоскливо, – заметил он.

– Конечно, тоскливо, но я не знала другой жизни, и эта казалась мне вполне сносной. По крайней мере, до тех пор, пока я не открыла для себя охоту на бабочек и свободу, которую давало мне это занятие. Когда мне исполнилось восемнадцать, я отправилась в свою первую экспедицию, в Швейцарию, в поисках альпийских бабочек. Собранные образцы я продала коллекционерам и заработала этим достаточно денег, чтобы оплатить свою следующую экспедицию, на этот раз более дальнюю, и в следующие несколько лет моя жизнь развивалась именно по такому сценарию. Теткам это не нравилось, но это были мои деньги, и они никак не могли мне помешать. Я путешествовала, ненадолго возвращалась домой, а потом мне пришлось ухаживать за тетей Люси и позже за тетей Нелл.

– Расскажи мне о смерти тети Нелл.

Я вздохнула.

– Серия апоплексических ударов. Первый случился несколько месяцев назад, вскоре после Рождества. Приступ был очень сильным, после него она почти полностью лишилась способности двигаться и говорить. Доктор написал мне в Коста-Рику, и я быстро вернулась домой. Я увидела перед собой совсем не ту женщину, которую знала всю жизнь. Доктор давал ей морфин в больших дозах, чтобы она не мучилась и не волновалась. Через

несколько месяцев после первого удара случился второй, более сильный, чем первый, и, когда она пришла в себя, мы поняли, что она полностью утратила речь. Она пыталась писать, но и это ей оказалось не под силу, и доктор сказал, что гуманнее будет держать ее до конца под действием морфина. Признаюсь, когда она умерла, я почувствовала облегчение. Невыносимо было видеть ее такой. Всегда целеустремленная, полная энергии – и что с ней стало?..

– Да, понимаю, – мягко сказал он. Я не ожидала этого внезапного проявления сочувствия, а потому поспешно продолжила:

– Ну вот, даже ты видишь, что эта линия расследования ни к чему нас не приведет. Прошное барона должно быть гораздо более перспективным источником информации. Давай начнем с этого несчастного джентльмена. У него были враги?

Стокер покачал головой.

– По крайней мере, я о них ничего не знаю.

– Он был иностранцем. Знаешь, откуда он родом?

– Из Кобурга. Какое-то время он учился в Брюсселе, а затем поступил в университет в Бонне.

– Прекрасно. А когда он переехал в эту страну?

– В начале сороковых. Он был другом детства принца Альберта. Когда принц-консорт женился на королеве Виктории, поначалу он с трудом здесь осваивался и попросил Макса приехать и поселиться в Англии. Макса ничто не связывало с Германией. Его родители к тому времени уже умерли, а братьев и сестер у него не было, и поэтому он приехал.

– Они часто виделись с принцем?

– Не очень. Королева оказалась требовательной женой, – добавил Стокер с тенью улыбки. – Но, когда она была готова им делиться, двое мужчин отправлялись вместе на ужин или на верховую прогулку. Но чаще они только переписывались. Думаю, принца просто грело ощущение, что кто-то из его соотечественников живет неподалеку.

– Несомненно, – задумчиво ответила я. – Но какие бы ни были отношения у барона с принцем, Альберт умер уже несколько десятилетий назад, и, насколько нам известно, барон все это время жил в безопасности. Если и существовал какой-то повод желать ему зла из-за его дружбы с принцем, преступление должно было совершиться уже очень давно.

– Согласен. Значит, если в его дружбе с принцем не было мотива для убийства, нам нужно обратиться к его недавнему прошлому.

– Как ты с ним познакомился? – спросила я.

– Когда я учился в университете, он приходил к нам читать лекции как

приглашенный профессор. У нас нашлись общие интересы, и он был так добр, что стал мне наставником в те времена, когда у меня совсем не было друзей. А позже, гораздо позже, он спас меня, – просто сказал Стокер.

– Это тот самый долг, о котором вы говорили, когда он оставил меня с тобой? Именно поэтому ты чувствовал, что обязан меня защищать?

Он кивнул, и я подумала, что он больше ничего не прибавит, но потом он заговорил, и каждое слово давалось ему так тяжело, будто он выкапывал их из-под земли.

– Я был ранен в Бразилии, и для меня настали очень темные времена. Я о них не говорю и даже не позволяю себе о них думать. Но я погрузился на такое дно, куда только может опуститься живой человек. И я никак не мог оттуда вынырнуть. Я был удовлетворен тем, что живу и умираю там. Мои раны затянулись, но тело было в лучшем состоянии, чем все остальное, – сказал он, горько усмехнувшись. – Макс проделал путь через полмира, чтобы привезти меня домой. Если бы он не взялся меня оттуда вытащить, я бы так и остался там гнить в тюрьме, которую я сам для себя создал, слишком погруженный в отчаяние, чтобы найти в себе силы для спасения. Макс нашел меня там, вернул мне человеческий облик и привез обратно в Англию.

Я не знала, что сказать, а он продолжал, и его голос казался каким-то отсутствующим, будто он разговаривал во сне.

– Но в то время я не мог оценить его поступок. Он хотел, чтобы я жил вместе с ним в Лондоне, но я все еще был очень зол и погружен в свою горе. А потому я уехал от него и присоединился к бродячему цирку, бросил лучшего друга в своей жизни. И он отпустил меня, по крайней мере, на время. Потом он снова нашел меня и предложил вернуться в Лондон. И к тому моменту я уже был готов принять протянутую руку. Я согласился взять этот склад себе для мастерской, снова начал работать, но по-прежнему сопротивлялся его попыткам вернуть меня полностью к жизни. Мне казалось, что я, однажды сбившись с пути культурной человеческой жизни, никогда уже не смогу его найти. Но Макс все не сдавался. Он не переставал верить, что однажды я смогу вытащить себя из этой бездны, в которую скатился.

Он замолчал и горько рассмеялся.

– И, кстати, вот что забавно. Знаешь, на чем специализировался Макс? На реставрации. Ничего в жизни он так не любил, как находить старые картины, поврежденные от времени, неаккуратного обращения или во время войны, и возрождать их к жизни. Жаль, что со мной он не успел закончить.

Внезапно он отвернулся, и я вдруг поняла, что он, должно быть, переживает гибель барона гораздо тяжелее, чем мне казалось.

– Ты говорил, что он владеет... владел, – с грустью поправила я себя, – тем зданием, в котором ты живешь.

– Да, я его снял за мизерную плату, когда ушел из бродячего цирка. Мне нужно было место... где я бы мог работать в одиночестве

Его взгляд затуманился, и я догадалась, что воспоминания, которые он изо всех сил старался не пускать к себе в сознание, прорвались и затапливают его.

– И давно это было?

– Два года назад.

– И ты так и жил там все два года?

– Да. Макс был невероятно щедрым. Он заходил ко мне раз в месяц, чтобы лично забрать деньги за аренду, и всегда вел меня куда-то на ужин. Кажется, он это делал больше для того, чтобы убедиться, что я хоть время от времени нормально питаюсь, а не чтобы получить деньги.

– Он был хорошим другом, – мягко заметила я.

Стокер ничего не ответил, только кивнул. Я непроизвольно взяла его за руку, и он с силой сжал мою руку в своей, прежде чем отпустить.

– У тебя есть еще вопросы?

– Знаешь ли ты еще кого-нибудь, с кем он близко общался?

– Нет. Он был со многими знаком, но всегда держался на расстоянии. Макс предпочитал одиночество обществу других людей. Он был совершенно счастлив один, со своими книгами, музыкой и экспонатами. Он также состоял в обширной переписке. У него имелись друзья по всему земному шару, но ни с кем из них он не был близок. Пожалуй, я знал его лучше остальных.

– А его слуги? Они проживали с ним постоянно?

– Только его экономка, миссис Лэтам, она проработала у него больше двадцати лет. Она заботилась обо всем хозяйстве с помощью череды довольно бестолковых горничных, из них ни одна не проживала с ними постоянно. В прошлом году миссис Лэтам сломала ногу, но Макс не стал никого нанимать вместо нее. Он даже оплатил все ее счета за лечение. И она не могла этого забыть. Бедная старая наседка наверняка готова была умереть за него, если бы столкнулась с преступником, который убил ее хозяина.

– Хорошо, что ей не представилась такая возможность, – здраво заметила я. – Раз этот подлец не остановился перед убийством барона, он наверняка и ее бы прикончил. А что она получила после смерти барона?

Он пожал плечами.

– Небольшое содержание. Мы однажды говорили об этом с Максом, и он сказал, что намеревается передать все свое состояние (довольно скромное) в разные музеи. Ничего особенного для слуг, что могло бы толкнуть их на убийство.

– Да, но даже если бы у них и был мотив, это все равно не объяснило бы обыска в кабинете, – высказала я вслух свои мысли.

– Ну разве что они старались замести следы.

– Какое у тебя зверское воображение, – с восхищением заметила я.

– Вероника, я провел не один день, погружившись по локоть в кровь мертвых животных. И это было еще самое безобидное мое занятие.

Его губы сложились в некое подобие улыбки, и я почувствовала, что улыбаюсь ему в ответ. Это был удивительный момент, я ощутила непрочную связь между нами, какая-то преграда рухнула. Он вдруг подался вперед и взял меня за руку, и когда он заговорил, в его голосе не осталось привычной резкости, всегда служившей ему защитой. Голос был низкий, в глазах читалась мольба.

– Позволь мне пойти в полицию. Что бы ни случилось, по крайней мере, ты будешь в безопасности.

Я ощутила острый прилив гнева.

– Это невозможно. Они, может быть, обеспечат мне некое подобие охраны, если поверят в нашу историю. Но, скорее всего, они нам не поверят. И что станет с тобой в таком случае? Если мы решимся на это, но потерпим неудачу, тебе грозит петля.

– Вероника... – начал он.

– Я не стану рисковать твоей жизнью!

Он поймал мой взгляд, и мне отчаянно захотелось отвернуться. Но я сдержалась, и наконец он отпустил мою руку.

– Ну хорошо. Я боялся, что ты будешь упорствовать, а потому договорился со своими корнуоллскими друзьями. В нашем распоряжении в Лондоне есть одно местечко, но мы должны быть крайне осторожны. В доме сейчас живет почти вся прислуга, мы не должны попадаться ей на глаза.

– В каком доме?

– Бишопс-Фолли. Он принадлежит лорду Розморрану, моему клиенту, владельцу этого чертова слона. В Мэрилебон, не слишком фешенебельном районе, что нам сейчас только на руку. Сам дом очень внушительных размеров, но на территории поместья есть еще одно строение, Бельведер. Оно было построено в качестве бального зала, но Розморран до отказа

забил его трофеями из своих путешествий. Если нам повезет, то все может получиться.

– Отлично. Попробуем положиться на лорда Розморрана и будем надеяться на лучшее, – ответила я.

Стокер взглянул на меня так, будто хотел еще что-то добавить, но вместо этого просто отвернулся и стал смотреть в окно на пробегающие мимо виды, не сказав больше ни слова.

Глава восемнадцатая

Примерно через полчаса мы прибыли на вокзал и, сойдя с поезда, сразу оказались в суете утреннего Лондона, среди толпы людей, спешащих по делам. Меня так и тянуло ускорить шаг, особенно когда я заметила вышагивающего неподалеку бобби, но Стокер взял меня под локоть, чтобы умерить мою прыть. Он очень верно заметил, что если мы ускорим шаг без всякой видимой причины, это может только привлечь лишнее внимание, а потому мы шли не спеша и, как мне показалось, лишь спустя несколько часов добрались до места назначения. Высокая кирпичная стена отделяла нас от того, что уже представлялось мне землей обетованной, но Стокер даже и не подумал зайти в главные ворота. Вместо этого он повел меня к маленькой калитке, в которую могли пройти только пешеходы.

– А почему мы входим таким путем?

– Потому что у главного входа всегда толпится народ: слуги, торговцы, члены семьи – и всем видно, что происходит у ворот. А этой калиткой вообще никто не пользуется. И друзья оставили мне от нее ключи.

Кирпичная стена была густо увита плющом, и Стокер стал шарить рукой в этом зеленом ковре в поисках нужного кирпича.

– Как это мило со стороны лорда Розморрана, – заметила я.

– Я говорил не о лорде Розморране, – ответил он, отодвигая один из кирпичей и вставляя ключ в открывшееся за ним отверстие.

Не успела я спросить, кого же он имел в виду, как калитка распахнулась, и с той стороны показалась хрупкая фигурка, закутанная в черный плащ.

– Корделия! – воскликнул Стокер.

Дама слабо улыбнулась и поманила нас внутрь.

– Здравствуй, Стокер. Оставь себе ключ, – велела она. – Он тебе понадобится, чтобы входить и выходить.

Стокер сделал, как она просила, и мы проскользнули внутрь, а дама заперла за нами калитку.

– Корделия, я думал, что ты в Корнуолле. Что ты здесь делаешь? – спросил Стокер. Он выглядел не очень довольным, но, кажется, даму это совершенно не расстроило.

Она повернулась ко мне; в ее взгляде читались прямота и гостеприимство. Вид у меня, наверное, был тот еще: утомленная с дороги, в пыльном костюме – но она обратилась ко мне с такой вежливостью, будто

я была графиней.

– Вы, должно быть, мисс Спидвелл. Я леди Корделия Боклерк. Мой брат – лорд Розморран, а это его дом, Бишопс-Фолли.

Мы пожали друг другу руки с такой вежливостью, будто вели светскую беседу за чашкой чая, а Стокер изнемогал от нетерпения. После соблюдения всех формальностей она повернулась к нему.

– Я была в Корнуолле, но решила, что тебе от меня будет больше пользы, если буду рядом. Я только что вернулась.

Стокер начал было говорить, но леди Корделия покачала головой.

– Не здесь. Пойдем.

Она повернулась, и мы пошли за ней. В этой части имение Розморранов казалось более запущенным, но от этого не менее красивым: густые заросли деревьев, узкие тропинки. Она повела нас сначала по одной, потом по другой, и так мы петляли, пока не добрались до самого сердца имения. Тут и там были разбросаны такие фантастические строения, каких я в жизни не видела: Парфенон в миниатюре, маленькая готическая часовня и даже китайская пагода. Она миновала их все, не останавливаясь, но, когда мы добрались до пруда, на противоположном берегу которого виднелись небольшой дом и мельница, сбавила шаг.

– Это же...

– Точная копия деревни Марии-Антуанетты[14]? Да, мой прапрадед был немного эксцентричен: для развлечения коллекционировал уменьшенные копии различных строений. Сейчас почти все они разрушаются на глазах. Но, к счастью, Бельведер – совсем другой случай. Он огромный и в гораздо лучшем состоянии, но не стоит ожидать никакой роскоши, – предупредила она.

– Не бойтесь, леди Корделия, – ответила я. – Где я только не жила: и на склоне вулкана на Сицилии, и на острове в Андаманском море.

Она улыбнулась.

– У Бельведера есть одно преимущество: там нас никто не побеспокоит.

Еще один поворот тропинки, и я замерла в восторге и удивлении. Здание было гораздо больше, чем я его себе представляла, но очаровал меня не его размер, а то, что оно представляло собой полное смешение всех архитектурных стилей. Что-то среднее между Шамборским замком[15], замком Говард[16] и его тезкой в Вене, этот Бельведер был настоящим царством стен из песчаника, тут и там украшенных кружевными башнями и увенчанных маленьким элегантным куполом. Почему-то он производил впечатление очень гармоничной конструкции, хотя при более

внимательном рассмотрении становилось понятно, что о нем не очень хорошо заботятся. Одна из башен немного покосилась, а окна заслоняли заросли плюща, обвивавшего оконные рамы.

Я поняла, что леди Корделия ждет моей реакции.

– Впечатляюще, – честно сказала я ей.

Она улыбнулась.

– Может быть, вы будете менее благосклонны после того, как увидите его внутри.

Она уже собралась войти, но в тот момент, когда ее рука коснулась дверной ручки, позади нас послышался шорох, хруст шагов по гравии, и мы все втроем быстро обернулись.

Перед нами стояла служанка, судя по скромному шелковому платью и изящной кружевной наклее – камеристка хозяйки. Она перевела взгляд со Стокера на меня, затем на леди Корделию: в ее глазах читалось жадное любопытство. В руках она держала туфлю из тафты.

– Прошу прощения, миледи, я только что обнаружила, что одна из ваших туфель порвалась. Если вы собираетесь надевать их сегодня вечером, то я должна ее сейчас починить, но мне еще нужно разобрать чемоданы. С чего прикажете начать?

Даже мне было очевидно, что этот вопрос – лишь повод пошпионить за госпожой. Должно быть, она почуяла какую-то тайну и пошла за нами, чтобы выяснить, в чем дело. Но, кажется, это непрошеное вторжение не потревожило леди Корделию; она только слегка наклонила голову.

– Попроси миссис Баскомб выделить тебе одну из горничных, которая поможет тебе разобрать вещи, Сидони, – приказала она. – Когда с этим будет покончено, у тебя останется еще масса времени, чтобы починить туфлю. И, пожалуйста, скажи на кухне, что мне нужен холодный ланч, а ужинать я буду не дома.

Камеристка была хорошо обучена. Она не стала задавать вопросов, сделала небольшой реверанс и отправилась выполнять поручения госпожи, но в ее глазах читалось любопытство, а на Стокера она смотрела с очевидной теплотой. Уходя, она бросила на него еще один взгляд через плечо, но если леди Корделия что-нибудь и заметила, то не подала виду. Что касается Стокера, он, очевидно, чувствовал себя крайне неудобно и сразу прошел внутрь здания, как только открылась дверь.

Я последовала за ним и в первые минуты, пока мои глаза не привыкли к темноте, не могла разглядеть ничего, кроме страшных фигур, притаившихся во мраке. Из-за плюща на стенах в комнату проникал лишь слабый мутный свет, но леди Корделия зажгла несколько ламп, и

помещение сразу наполнилось светом и теплом. Я прошла в самый центр Бельведера. За дверью оказалась настоящая волшебная страна, своеобразный рай, о котором я и помыслить не могла. Назвать его комнатой можно, только если дать этому слову новое определение; она была больше и величественнее, чем любая прежде виденная мною комната. Потолок был настолько высокий, что я с трудом могла различить его в вышине. Над головой – не меньше шестидесяти футов: чередующиеся деревянные панели и фрески с огромными световыми окнами, над всем этим возвышался купол, украшенный росписью с изображением девяти муз.

По периметру комнаты тянулись две галереи, одна над другой, соединяющиеся множеством лестниц, каждая из которых была сделана в своем стиле. По стенам галерей тянулись книжные шкафы и витрины, все сплошь уставленные разнообразными экспонатами. На первом этаже в витринах, застекленных шкафчиках и на постаментах, казалось, были представлены все сокровища этого мира. Искусство, природа, разнообразные артефакты – все было здесь собрано как дань уважения достижениям человека и вселенной. Коллекция ящериц с любопытством всматривалась в египетский саркофаг, а рисунок Леонардо сторожил маску инуитов, населяющих полярные области. Статуя обнаженного мускулистого Гермеса в крылатых сандалиях парила мимо пары гнездящихся додо. Прямо за ним коллекция огненных кораллов, расставленных с поразительной точностью, казалась пылающими декорациями к черепашьему панцирю, выставленному футом в четырех от них. И это были только те сокровища, которые я успела охватить беглым взглядом. Остальная необъятная часть помещения простиралась перед нами, наполненная тысячами и тысячами подобных удивительных экспонатов.

Я повернулась к Стокеру, и он неожиданно мне улыбнулся.

– Пойдем дальше.

Я пошла за леди Корделией, которая двинулась через главный зал, показывая на трофеи своего брата, один удивительнее другого.

– Это из Помпей, – сказала она, указав на лежащую фигуру. Это была собака, свернувшаяся в клубок перед лицом смерти; я в изумлении уставилась на леди Корделию.

– О, не удивляйтесь, мисс Спидвелл, уверяю вас, это не подлинная вещица, а гипсовый слепок, он был заказан моим дедом во время его большого турне. Это беда всех мужчин из рода Боклерков. Они все тянут в дом, как сороки. Как только видят что-то симпатичное, сразу велят это запаковать и везут домой, как бы непрактично это ни было.

Она вздохнула.

– В результате они битком набили оба дома, этот и загородное поместье в Корнуолле. Я много раз предлагала его светлости открыть все эти сокровища для публики, брать плату за вход и позволить людям любоваться этими коллекциями. Мне представляется несправедливым оставлять эти вещи истлевать здесь, где их видит всего несколько человек.

Я медленно повернулась, пытаюсь осмотреть все необъятное пространство помещения и его сокровища.

– Да, это благородный порыв.

На ее лице отразилась тоска.

– И все это падет на плечи моего племянника. Здесь столько работы, что непонятно даже, с чего начинать.

Она кивнула в сторону нижней из двух галерей.

– Там довольно уютно. Камин и пара диванов; есть даже походная кровать, когда-то принадлежавшая герцогу Веллингтону. Думаю, нам нужно приготовить чай и устроить военный совет, – решительно заявила она.

Я пошла за ней вверх по ступеням, обернувшись, чтобы посмотреть на Стокера. Он пробормотал: «Я сам во всем виноват», – а я улыбнулась при мысли, что его и правда окружили чересчур независимые женщины.

Несмотря на свое высокое положение, леди Корделия сама развела огонь в камине и занялась чаем, а я смогла понаблюдать за ней в свое удовольствие. Она была выше меня и очень стройной, хотя я подозревала, что причиной тому скорее ее искусство, нежели природные склонности. Цвет лица как у свежей английской розы, приятный бледно-розовый оттенок на белоснежной щеке, а волосы медные, с красивыми завитками на висках. В юности она, несомненно, была чудо как хороша, а сейчас (полагаю, ближе к тридцати) она оставалась по-настоящему красива той привлекательностью, источник которой – в изящном строении и безмятежности. Она двигалась тихо и спокойно, и именно это спокойствие так меня покоряло. Я сама стремилась к такому хладнокровию, но поняла, что невозможно сочетать в себе полную бесстрастность с пылким стремлением. Можно быть элегантным или увлеченным, но и тем и другим – вряд ли.

Если она и поняла, что я ее изучаю, ее это не обидело, и вскоре мы все уютно устроились с коробкой песочного печенья. Она протянула мне чашку с чаем и улыбнулась:

– Свадебный сервиз Наполеона, – сказала она.

– У Стокера совсем другие представления о гостеприимстве, –

заметила я.

Она посмотрела на него, и они оба улыбнулись. Их дружба явно длилась очень долго, судя по тому, как хорошо было им вместе и как легко они находили общий язык.

Он опустил чашку.

– Леди К., – начал он.

– Не вздумай меня ругать, – мягко остановила она его. – Я читала газеты, перед тем как отослать их. Я не могла оставаться в стороне и не пытаться помочь. Знаю, что сейчас ты в очень тяжелом положении.

– Ну, тогда тебе тем более следовало оставаться в Корнуолле, – возразил он. – Если дела пойдут совсем плохо, ты могла бы, по крайней мере, убедить власти в том, что ничего не знала о нашем убежище. А теперь...

– А теперь я смогу оказать тебе и мисс Спидвелл необходимую помощь, – закончила она. Ее гладкие брови слегка нахмурились. – Как неудачно, что Сидони тебя видела. Она ужасная сплетница, но, если я объясню ей всю серьезность ситуации, она будет держать язык за зубами. Ты же знаешь, как она к тебе относится.

Я потеряла лоб.

– И как же она к тебе относится? – мило спросила я Стокера.

Он залился краской, а ответила мне леди Корделия.

– Моя камеристка питает слабость к Стокеру. Она почему-то решила, что он настоящий корсар, и никак не может его забыть. Французы часто бывают очень внушаемы, – добавила она. Я поняла, что мне начинает нравиться леди Корделия.

Она повернулась к Стокеру.

– Ты должен знать, что я ни на минуту не усомнилась в твоей невинности, – тихо сказала она.

– Да благословит тебя Бог.

В ее улыбке сквозила грусть.

– Я знаю, как любил тебя барон. Ты никогда не отплатил бы за такие чувства насилием.

– Леди Корделия, вы тоже были знакомы с бароном? – вмешалась я.

Она кивнула.

– Через брата. Его светлость коллекционирует... ну, пожалуй, все на свете, как вы сами видите, – сказала она, жестом обведя все богатства Бельведера. – А барон был большим ценителем искусства. Мой брат познакомился с ним лет десять назад. Они участвовали в аукционе, и оба нацелились заполучить картину с попугайчиками-неразлучниками, которая,

по слухам, принадлежала Екатерине Великой. Они ожесточенно за нее сражались, но в конце концов их обоих обошел кто-то третий. Тогда они отправились утешать друг друга за бутылкой великолепного портвейна.

– Бывало, дружба завязывалась и на менее серьезных основаниях, – заметила я.

Она улыбнулась.

– Конечно. В любом случае они стали хорошими друзьями. Именно через барона мы и познакомились со Стокером. Мы были глубоко опечалены смертью барона, – добавила она с грустью.

– А как вы об этом узнали? – спросила я.

– Вероника, – в голосе Стокера послышалась угроза, – на что ты намекаешь?

– Ни на что. Я просто хотела узнать о реакции его светлости.

Это была не ложь, но и не вся правда. Мне действительно было любопытно, как отреагировал граф на смерть своего друга, но, кроме того, мне пришло в голову, что семья Боклерк – связующее звено между Стокером и бароном. Может быть, они знали больше, чем следовало.

Стокер угадал, о чем я подумала, и решительно рассеял все мои сомнения.

– Предположить, что его светлость и леди Корделия могут убить Макса, – это примерно как предположить, что королева в обнаженном виде может проехать по Трафальгарской площади, – сурово отчеканил он.

К ее чести, леди Корделия не выглядела обиженной и движением руки остановила мои поспешные извинения.

– Пожалуйста, не беспокойтесь. Это совершенно естественные сомнения, и, если бы у вас их не возникло, я усомнилась бы в вашем уме. Но как часто это бывает, мисс Спидвелл, истина совершенно прозаична. Барон был из тех друзей, кто приходит на ужин два-три раза в год. Время от времени они с братом вместе обедали или посещали лекции по искусству, но не более. Мы не знаем никого из его друзей, кроме Стокера, и у нас не было никакой причины желать ему зла. Даю вам слово.

Конечно, ее слово могло бы оказаться ложью, но я бы вверила и собственную жизнь человеку с такими мягкими, бесхитростными бровями. Леди Корделия была редким созданием: в ней совсем не чувствовалось злости. Она напоминала мне однажды виденную мною на Сицилии статую Мадонны, умиротворенной, выше всех земных дел, милостиво снисходящей к смертным людям.

Она продолжила:

– Если говорить о моем брате, то проще всего описать Амброуза

такими словами: он рассеянный и забывчивый. Конечно, это не его вина, но он почти все время проводит со своей коллекцией и не замечает окружающего мира. Именно поэтому я управляю делами поместья: веду его расходные книги, слежу за прислугой, даже присматриваю за воспитанием его детей после смерти графини.

Должно быть, вид у меня был удивленный, потому что она замолчала, а когда снова заговорила, в ее голосе послышалась теплота.

– Я очень люблю брата, мисс Спидвелл, но не могу закрывать глаза на его недостатки. Для убийства он совершенно не годится: не готов к страшной действительности этого мира, не смог даже заставить себя поговорить со мной о смерти барона. В том, чтобы быть женщиной, есть свои преимущества, – вдруг добавила она, скривив свой милый ротик. – Мужчины предпочитают не обсуждать с нами неблагоприятные материи.

– А неблагоприятные материи обычно самые интересные, – заметила я.

– Именно.

Она вдруг улыбнулась, и ее лицо будто осветила радуга после бури.

– Но у нас есть более важные вопросы для обсуждения, чем мой брат. Возможно ли доказать, что ты не находился в доме барона в ночь убийства? – спросила она Стокера.

– Ну... – ответил он, теребя воротник, – дело в том, что я был не один.

– Чудесно! – начала она, но, не успев даже договорить, поймала взгляд Стокера, устремленный на меня, и вздохнула. – Если вы провели этот вечер вместе без всякого сопровождения, боюсь, репутации мисс Спидвелл был нанесен такой урон, что ее не станут считать даже надежным свидетелем.

– Да уж, и это еще наименьшее из зол, – сказала я, неопределенно махнув рукой. Я описала (по возможности кратко и деликатно, но четко) свои прошлые любовные похождения.

– Так что, сами понимаете, – закончила я, – королевский адвокат просто сочтет меня распутной и отвергнет любое предложенное мной алиби. Также, полагаю, то, что я уехала из Литтл-Байфилда в компании джентльмена, с которым только что познакомилась, и провела с ним ночь с глазу на глаз в экипаже, тоже не добавит веса моим показаниям.

Подтверждая мнение, что истинная леди никогда не выдает своих эмоций, леди Корделия просто кивнула.

– Может быть, что-то еще? – доброжелательно спросила она.

Стокер закрыл лицо руками.

– Последние несколько дней мы жили в бродячем цирке, притворяясь мужем и женой, – приглушенно сообщил он.

Леди Корделия вздохнула.

– Не знаю даже, как ты мог бы еще сильнее ухудшить свое положение, разве только если бы тебя нашли над телом с камнем в руках.

Стокер вздрогнул и открыл лицо.

– Так вот чем его убили? Камнем? В газетах не было подробностей.

Сочувствие леди Корделии было почти осязаемым.

– Я отправляла тебе только те заметки, где не было деталей. Подумала, что для тебя будет не так болезненно узнать всю правду от друга, а не из статьи, написанной любителем сенсаций. – Они обменялись понимающими взглядами. – Но я расскажу все, что тебе нужно знать. Что касается орудия убийства, следователи постановили, что это была какая-то тяжелая окаменелость, кажется, ракушка.

– Аммонит, – быстро сказал он, – окаменелая раковина. Я знаю, какая. Она всегда лежала у него на письменном столе. Так что же это было? Случайное убийство?

Она пожала плечами.

– Следствие постановило только, что это убийство, совершенное неизвестным или неизвестными. Были видны следы краткой борьбы; как только экономка, миссис Лэтам, пришла проверить, что происходит, преступник сбежал.

– Ее ранили?

– Ее грубо толкнули, она упала и ударилась головой. Теперь она ничего не помнит, только темноту и топот ног. Но она поправится. Сейчас она уехала в Брайтон, к сестре, – сказала леди Корделия немного рассеянно.

Она замолчала, потом вдруг оживилась и бодро продолжила:

– Думаю, лучше нам пока не сообщать его светлости, что вы здесь. Он вернулся со мной из Корнуолла и заперся у себя в кабинете: воюет с какой-то особенно трудной статьей, которую пишет в «Джорнал оф Антиквити». Он будет не рад, если ему помешают. Будем надеяться, что к тому моменту, как он закончит, и ваше дело разрешится. А пока вы должны оставаться здесь, в Бельведере.

– Вы уверены, что мы не помешаем его светлости? – спросила я.

– Дорогая мисс Спидвелл, когда брат погружен в статью, можно зайти к нему в кабинет обнаженной и прилечь поспать на столе, он этого и не заметит. Но, конечно, нельзя рассчитывать, что мы будем скрывать вас от него вечно. Просто нужно найти подходящий момент для того, чтобы все ему рассказать. А теперь мне нужен ваш шарф или перчатка – какой-то предмет одежды, чтобы я могла познакомить с вашим запахом собаку.

Я сняла с шеи красный шелковый платок и отдала ей.

– Это как раз то, что нужно. Если увидите носящееся по дорожкам существо, похожее на огромного медведя, – это Бетти. Когда она узнает ваш запах, она вам не навредит.

– Бетти?

– Сокращенное от Бетани, – сообщил Стокер, – кавказская овчарка его светлости. В ней двести фунтов, если долго не ест.

– О боже, – пробормотала я.

Стокер повернулся к леди Корделии:

– А как с садовниками? И детьми?

– Детей сейчас нет, – ответила она. – Семья покойной графини каждую весну забирает их к себе на несколько недель – только младших, конечно. Хьюго и Каспер в школе. А садовники – если будете ходить только по тропинке, ведущей по аллее к калитке, вас никто не увидит. Сейчас садовники заняты устройством фигурных газонов за кухонным флигелем, а это очень кропотливая работа.

Она указала на маленькую дверцу в панельной стене.

– Для многих графов на протяжении веков это место было своего рода святилищем, прибежищем, где можно отдохнуть от семьи. Его обустроили с комфортом. Там вы найдете все необходимые удобства, умывальник и... хм... другие водные устройства. В шкафчике эпохи Медичи над камином есть несколько кусочков пирога, чай и еще кое-какая еда. Пожалуйста, не стесняйтесь, позже я принесу еще продукты. А пока отдыхайте и осматривайте коллекции. Думаю, они вам очень понравятся, мисс Спидвелл, а Стокер давно мечтает в них покопаться.

– Ты обо всем позаботилась, – тихо заметил Стокер.

На ее щеках от комплимента проступил еле заметный румянец.

– Я старалась.

Она поднялась и поманила меня за собой.

– Мисс Спидвелл, можно вас на минуту?

Я прошла за ней к двери, где нас не мог услышать Стокер.

– Мисс Спидвелл, я не вправе этого говорить, а вы можете не отвечать, но я бы хотела, чтобы вы изо всех сил постарались найти ему занятие.

– Боюсь, я не вполне вас понимаю, миледи, – начала я.

Она в задумчивости посмотрела на меня.

– Тогда позвольте говорить с вами открыто. Надеюсь, вы любым способом не дадите ему скучать.

Скука – демон, заставляющий его пить. А если он поддастся, то погибнет. И мы, его друзья, не должны это допустить.

Я кивнула.

– Я сделаю все, что в моих силах, леди Корделия.

Она пожала мне руку и выскользнула на улицу, изящная, как лань.

Я вернулась в наш укромный уголок и изучающе посмотрела на Стокера.

– Ты слышал, что предлагает леди Корделия? Скрываться здесь в безопасности до тех пор, пока полиция не отыщет преступника.

– Да, я слышал, – спокойно ответил он.

– И ты согласен, что это было бы самым логичным, благоразумным решением?

– Да.

– Но ты ведь понимаешь, что я собираюсь поступить ровно наоборот?

Его губы медленно растянулись в улыбке.

– Естественно. С чего начнем?

Я улыбнулась ему в ответ.

– С начала, конечно.

Глава девятнадцатая

За чашкой чая с печеньем мы разработали план.

– Давай выдвинем рабочую гипотезу, с которой мы оба готовы согласиться, – начала я.

– Проблема в том, что у нас чертовски мало фактов, вокруг которых можно строить гипотезы, – проворчал он.

Я махнула рукой.

– Это неважно. Нам нужно сосредоточить все внимание на имеющихся фактах. Барон был убит в собственном кабинете, но не кем-то из нас, – строго добавила я. – Далее мы можем сделать вывод, что это было убийство в порыве гнева, а не результат некоего страшного заговора.

– И как же мы сделаем этот вывод?

– По отсутствию оружия. Убийца использовал пресс-папье, которое ты идентифицировал как ammonit, принадлежавший барону и покоившийся на его столе. Прекрасное подручное орудие убийства для беспечного преступника, который не принес с собой оружия.

– Или для умного преступника, который предпочел воспользоваться предметом, принадлежащим жертве, а не тем оружием, которое следствие сможет как-то связать с ним, – заметил Стокер.

Я нахмурилась.

– Мне больше нравится моя теория.

– Я не сомневался, что так и будет, – милостиво допустил он. – Продолжай.

– В любом случае мужчина... Мы же оба согласны, что это мужчина?

Он кивнул.

– Макс был высокого роста. Думаю, женщине потребовалась бы невиданная сила, чтобы достичь с помощью этого ammonita подобного результата.

Его лицо передернулось от отвращения, и я поспешила продолжить.

– Итак, наш мужчина – либо человек с горячим темпераментом, который поссорился с бароном и схватил первое, что попало ему под руку, или же расчетливый тип с изобретательным умом, который все это тщательно продумал.

– Не зная точно, который из них, будет сложно его вычислить, – усмехнулся Стокер.

– Почему?

Он пожал плечами.

– Выслеживание – то, чем я торгую, этот навык я приобрел еще мальчиком и усовершенствовал с возрастом. Для этого надо четко понимать, кто твоя жертва. Я могу следовать за ягуаром сорок миль через джунгли и ни разу не упустить его из виду, но здесь.

Я заметила, каким усталым он выглядит, и поняла, чего стоили ему последние несколько дней. Он пережил потерю дорогого друга, одного из немногих, кто был у него в этом мире. Он держал в руках мою жизнь, а еще на каждом углу его подстерегали призраки прошлого.

Я вспомнила, что сказала перед уходом леди Корделия, но решительно полезла в сумку и достала фляжку с агуардиенте. Налив в его чашку приличную порцию, я протянула ее ему.

Он пил медленно, и его лицо постепенно приобретало нормальный цвет. Я как будто видела, как по его телу разливается тепло, разгоняя холодную кровь, которая так медленно текла у него в жилах.

– Так, – сказала я командным тоном, – теперь давай попробуем еще раз. Если бы тебе нужно было выследить убийцу барона, с чего бы ты начал?

– С кабинета барона, – не задумываясь, ответил он. – Мы точно знаем, что преступник был в этом месте.

– Но ведь полиция, конечно...

– Полиция – это всего-навсего люди, которых туда отправляют, разношерстная компания, состоящая из сыновей уважаемых торговцев, бродяг, лжецов и клерков. Некоторые из них ничуть не лучше тех отбросов, что они ловят.

– У тебя нет повода думать о них хорошо, – заметила я.

– Никакого, – подтвердил он с горечью.

Его губы сжались в тонкую плотную линию.

– Если они отправили туда негодяя, который совершает ночной обход только для того, чтобы собрать деньги с проституток и поглумиться над ними, то убийца спокойно мог оставить на месте преступления портфель, набитый своими визитными карточками, и они все равно бы его не нашли. Если отправили одного из лучших, он, конечно, тщательно обыскал место преступления, но все равно мог что-то и упустить.

– Отлично. Тогда начнем с дома барона. Твоя задача – напасть на след этого конкретного леопарда, – с удовольствием начала я.

– А что будешь делать ты? – спросил он.

– Постараюсь выяснить, что было там нужно этому типу.

– Что нужно?

– Да. Он явно пришел к барону за чем-то. Но что это было: спорная собственность, личная вражда, дама?

Он медленно покачал головой.

– Нет, у Макса не было ни одной романтической истории за все те годы, что я его знал. По крайней мере, он ни о ком мне не рассказывал. Мне всегда казалось, что его не интересуют любовные вопросы.

– Правда? У меня сложилось противоположное мнение. Думаю, он был страстно влюблен в мою мать.

– Почему?

– Понятия не имею. Просто по пути в Лондон он упомянул, что я очень на нее похожа. И что-то в его манере, в том, как мягко он говорил о ней, навело меня на эту мысль. Это было очень трогательно.

Он откинулся в кресле, приоткрыв от изумления рот.

– Если бы я сейчас решил задушить тебя чехлом для чайника, меня сложно было бы осудить, – сказал он, еле сдерживая эмоции.

– А почему тебе хочется меня задушить?

– Да потому, глупая, несносная женщина, что ты все время скрывала от меня возможный мотив убийства!

– Какой мотив? Я просто сказала, что он был привязан к моей матери.

– А я говорю тебе, что у него не было никаких привязанностей. И если он любил ее, тогда это единственная любовь в его жизни, за которую, вероятно, он был готов умереть.

– Глупости, – упрямо сказала я. – Он совершенно ничего мне о ней не сказал, кроме того, что я очень на нее похожа и что он все мне объяснит, когда представится удобный случай.

– Но случай ему так и не представился, – заметил Стокер. – Тебе страшно не повезло. Мне жаль.

Я пожала плечами.

– По крайней мере, теперь я знаю чуть больше, чем раньше. Барон был с ней знаком, это уже кое-что.

– Конечно.

– И как же мы собираемся попасть в дом к барону? Бедная раненая экономка уехала в Брайтон, – напомнила я ему.

– Еще одно очко в пользу твоей теории и против того, что у убийцы холодный, изворотливый ум, – сказал он. – Ему помешали, пока он обыскивал кабинет. Более опытный злодей просто убил бы миссис Лэтам тоже и продолжил свое дело. А вместо этого он толкнул ее и сбежал.

– Когда он обыскивал кабинет, – задумчиво повторила я.

Он поднял на меня глаза.

– Как твой коттедж.
– Тот же самый тип?
– Может быть. Но что же он искал?
– Как раз это мы и должны выяснить. Полагаю, последствия взлома еще не устранили.

Он улыбнулся невероятно очаровательной, но дьявольской улыбкой и постучал по карману кончиками пальцев.

– В этом нет необходимости. У меня есть ключ.
– Тогда нам нужно только дождаться ночи, – сказала я. – А чем займемся сейчас?

Его глаза засверкали, но он ничего не успел ответить, так как вошла леди Корделия с корзинкой в руках.

– Я принесла вам еды, достаточно на сегодняшний вечер и завтрашнее утро. Я решила, что лучше мне приходить сюда не так часто: это может выглядеть подозрительно.

Я заглянула в корзинку и увидела головку сыра, жареную курицу, холодную картошку, куски мясного пирога, буханку хлеба и немного говядины. Там были масло, джем и даже банка чатни[17], подоткнутая со всех сторон свежими яблоками.

– Благослови вас Бог, леди Корделия. Мы будем пировать как короли.
Она посмотрела на Стокера, но он отвел взгляд, и она в задумчивости потерла лоб.

– По твоему виноватому взгляду можно заключить, что вы собираетесь проигнорировать мой совет и куда-то отправиться.

Стокер выглядел смущенным, но меня не так просто было сбить с толку.

– Да, собираемся.
– Конечно, в дом к барону?
– Все верно, – ответила я, желая, чтобы Стокер молчал. Я ясно чувствовала, что он хочет извиниться за наш план, а может быть, даже готов от него отказаться, а я не могла позволить этому случиться.

– Ну конечно. Я должна была сразу догадаться. Ни одно создание с душой и сердцем не сможет спокойно сидеть и просто ждать развития событий. Все наше существо восстает против этого, – призналась она. Я любезно кивнула, довольная тем, что она поняла мою точку зрения.

Она вздохнула.
– В таком случае вот револьвер, – сказала она, протягивая мне маленькое оружие, идеально подходящее для женской руки. – Уходите обязательно после одиннадцати, так как до этого времени Бетани

выпускают на вечерний обход поместья.

Затем она ушла, и я осознала, что за время ее визита Стокер не проронил ни слова.

– Что тебя тревожит, Стокер? Или просто отнялся язык?

Он в задумчивости скреб подбородок, глядя на револьвер.

– Я просто думал, какой огромной ошибкой было знакомить тебя с леди К. Если вы обе возьметесь за дело, то сможете устроить и государственный переворот.

Я улыбнулась и убрала револьвер в карман.

– Не все сразу, дорогой Стокер, не все сразу.

* * *

Спустя несколько часов, после холодного ужина из запасов леди Корделии и нескольких партий в вист для двух игроков, за время которых я выписала Стокеру немало долговых расписок, мы отправились в путь. Я немного призадумалась над выбором шляпы и в конце концов решила не брать свою любимую, с розами, а надеть другую, ничуть не хуже, но гораздо меньшего размера и не так бросающуюся в глаза; она была украшена скромным букетиком фиалок.

Стокер в замешательстве смотрел на мой саквояж.

– Сколько всего у тебя туда помещается? Это же настоящая пещера Аладдина!

Я поднесла к свету шляпную булавку, любясь тонкостью и силой стали.

– Умение собирать сумку зависит только от понимания того, что такое правильная организация пространства, – сказала я ему и приколотла булавку на место, аккуратно пришивив ею шляпу к своему скромному узлу Психеи. Он с опаской посмотрел на торчащий наружу конец, но я заметила, что и сам он заткнул кинжал за голенище сапога в дополнение к тому, который он всегда носил за пазухой.

– Господи, сколько же опасностей ты там ожидаешь? – спросила я.

Он задул свечу.

– По моему опыту, самая страшная опасность как раз та, которой не ожидаешь.

Несколько минут мы молча подождали, пока глаза привыкнут к темноте, стоя совсем близко друг к другу. Я услышала, как он дышит, почувствовала его медленное, ровное дыхание, и сама себе улыбнулась. Он

был почти неестественно спокоен, и именно этого я ждала от товарища по приключению. По моему сигналу мы двинулись к двери и выскользнули в темноту ночи. Он взял меня за руку и повел через парк Бишопс-Фолли, пробираясь в обратном направлении по той дорожке, по которой мы пришли сюда утром. Я думала, он выпустит мою руку, когда мы выйдем из поместья, но он продолжал крепко сжимать ее, даже когда мы вышли за калитку на темные улицы.

Он выбирал боковые дорожки и тихие скверы, а не ярко освещенные и оживленные центральные улицы, наводненные модными экипажами. Мы пересекали тихие площади и ныряли в районы, погруженные в густые тени. Пока высшее общество направлялось по своим делам по широким улицам, которые мы обходили, на тенистых аллеях нам встречались создания, добывающие себе пропитание только собственной изобретательностью: проститутки и попрошайки, воры и прочие мерзавцы, несущие груз собственного падения. Один раз мы услышали решительный шаг констебля, совершающего обход; Стокер потянул меня за собой в угол какого-то торгового двора, прижал спиной к кирпичной стене и крепко обнял. Я закинула ногу ему на талию, обвила руками его шею и запустила пальцы ему в волосы, а он прижался лицом к моей шее, невольно пощекотав мне ухо. Бобби направил на нас фонарик, который выхватил из тьмы ногу, одетую в чулок, и мое бедро, которое крепко сжимал Стокер. Полицейский хохотнул, без сомнения, приняв нас за падшую горничную и ее изнывающего от страсти избранника, и пошел дальше. С минуту мы еще выжидали, крепко прижавшись друг к другу и слушая удаляющиеся шаги.

Стокер немного отодвинулся, и я даже в ночной темноте увидела, как блестят его глаза.

– Ушел, – сказал он хрипло.

Но его рука все еще сжимала мое бедро, а мои руки по-прежнему были у него в волосах.

– Значит, теперь нам нужно отпустить друг друга, – спокойно заключила я.

Он отшатнулся и стал приглаживать волосы, пока я расправляла юбку.

– Я должен извиниться, – начал он.

Я отмахнулась.

– Даже не думай. Такая быстрая реакция в сложной ситуации достойна всяческих похвал, – сказала я.

Он с любопытством покосился на меня, но не сказал больше ни слова.

Рука в руке, мы двинулись дальше. После ничем не примечательного пути через Гайд-парк (там мы ненароком спугнули парочку мужчин,

расположившихся под деревом, и услышали громкие проклятия в свой адрес) мы вышли на Курзон-стрит. Спустя еще несколько минут мы оказались на улице, где раньше жил барон, тихой и очень респектабельной; Стокер с уверенностью подвел меня к нужному дому, и мы вошли внутрь через дверь для торговцев.

В пустых домах всегда очень тихо, но здесь мне показалась, что тишина еще заметнее. Будто здесь ничего никогда не двигали и никто не ходил по этим гулким коридорам. Стокер отпустил мою руку, когда мы вошли, но как только стали подниматься по лестнице наверх, я потянулась и сама взяла его за руку: мне вдруг стало совершенно необходимо почувствовать его тепло. Шторы были опущены только в передней части жилища, и дом наполняли тени, как будто самим своим присутствием мы взбаламутили то, что замерло лишь ненадолго.

– Как думаешь, здесь может быть призрак барона? – прошептала я.

Он обернулся и чуть не снес огромную слоновью ногу, служившую подставкой для тростей.

– Призрак? Что за глупости!

– Это не глупости. Некоторые из величайших научных умов нашего времени верят в духов.

Он сжал мою руку чуть сильнее, чем требовалось.

– Сейчас не время обсуждать психические странности Альфреда Рассела Уоллеса, – ехидно заметил он. Его рука вдруг стала холодной, и я поняла, что для него мысли о призраке барона могут быть далеко не научными. Если старик действительно как-то здесь присутствовал, то явление его призрака расстроило бы Стокера гораздо больше, чем меня. Я в ответ пожала ему руку и слегка потянула его назад.

– Что ты делаешь?

– Хочу войти в кабинет первой. Если его призрак действительно здесь, тебе неприятно будет его видеть. Я его прогоню.

– Как? Уколом шляпной булавки?

– Можешь не прикрываться сарказмом, Стокер. Уверена, я что-нибудь придумаю. А пока, пожалуйста, только после меня.

Он пробормотал какую-то грубость, но я сделала так, как сказала. Я открыла дверь, на которую он указал, и замерла на минуту, чтобы понять, что ощущаю.

– Ну как? – ехидно спросил он. – Парят там куски эктоплазмы или можно спокойно заходить?

Я шагнула вперед и в задумчивости сказала:

– Можно заходить.

Стокер сразу почувствовал перемену моего настроения и положил мне руку на плечо.

– Что такое?

Я принюхивалась.

– Не знаю. Что-то тут есть. Не пойму, где. И это точно не привидение. Как думаешь, можно рискнуть и зажечь свет?

Он отошел, и слышались звуки открываемых и закрываемых ящичков, затем чирканье спички, после чего затеплился бледный огонек. Он зажег свечу.

– Мы не можем зажечь ничего более яркого. Но окно выходит в маленький сад, обнесенный высокой стеной. Так что это относительно безопасно.

Он глубоко вздохнул, наверное, собираясь с силами, и двинулся к письменному столу.

– Что ты ищешь?

Он хмурился, глядя на кипу бумаг и книг, опрокинутую чернильницу, разбросанные перья.

– Что-нибудь необычное. Но проблема в том, что у Макса всегда все было в идеальном порядке. Так что теперь здесь все необычно.

Я оставила его заниматься своим делом, а сама стала осматривать комнату в поисках источника слабого запаха, который ударил мне в нос сразу, как только я открыла дверь. Я обнюхивала стулья и коврики, к величайшему изумлению Стокера.

– Ты выглядишь как сумасшедшая ищейка. Что ты такое делаешь, скажи на милость?! – спросил он, сосредоточенно насупившись и переходя к книжным полкам.

Я ничего не ответила и так низко наклонилась к коврику, что его шелковые кисточки защекотали мне нос. Эврика! Я пошарила в ворсе ковра и вытащила наконец то, что искала: маленькое, слегка изогнутое зернышко зеленовато-коричневого цвета. Сначала мне показалось, что на нем полоски, но когда я поднесла его к пламени свечи, поняла, что оно просто сморщенное. Я еще раз принюхалась и ощутила сильный запах, похожий на анис.

– Стокер, у барона была привычка жевать семена тмина?

– Тмин? Нет, он его вообще терпеть не мог.

– Откуда ты знаешь?

Он долго ничего не отвечал, пробегая пальцами по книгам, корешок за корешком. Я ждала, и он наконец ответил, остановившись на толстом томе в зеленом кожаном переплете.

– Он ненавидел печенье с тмином. А что?

Я вытащила платок, аккуратно завернула в него зернышко и убрала его обратно в карман.

– Думаю, это наш ключ.

Он хмыкнул.

– Тминное зернышко? Ну, может быть. Но сомневаюсь, что оно может оказаться важнее, чем это, – сказал он, постукивая пальцем по зеленой книге.

– Что там у тебя?

Он аккуратно достал ее с полки.

– Единственная книга на итальянском во всем кабинете.

– А это важно? – спросила я, пытаюсь поверх его плеча рассмотреть книгу, которую он положил на стол.

– Только если знать, что Макс не читал по-итальянски.

Он осторожно открыл книгу, и первые несколько страниц нам казалось, что сейчас нас постигнет разочарование. Это было какое-то исследование о моллюсках с цветными гравюрами, невероятно скучное, но Стокер начал быстро перелистывать страницы, и нам наконец открылся секрет этого фолианта – полость, аккуратно вырезанная в большой книге, а в ней – какой-то сверток, перевязанный сиреневой шелковой ленточкой.

Я с жадностью протянула к нему руку, но не успела еще забрать пакет, как где-то послышался звук разбитого стекла.

В тот же миг Стокер погасил свечу голыми пальцами, а я выхватила сверток из книги и сунула его себе в карман. Губы Стокера коснулись моего уха.

– Это на кухне. Кажется, кому-то пришла в голову та же идея, что и нам, но у него нет ключа.

– Вор? – спросила я.

Я почувствовала, что он отрицательно качает головой.

– Вор не наделал бы столько шума. Этот явно движется сюда.

От этой мысли мне должно было стать страшно, но вместо этого я почувствовала, как во мне растет возбуждение. Я потянулась рукой к шляпной булавке, но рука Стокера перехватила мою.

– Спокойно. Не нужно искать себе трудностей, пока они сами тебя не найдут. Давай пройдем через другую дверь в столовую, сделаем круг и выйдем тем же путем, каким и вошли. Посмотрим, кто кого перехитрит.

Я кивнула, он быстро повел меня через вторую дверь и осторожно закрыл ее как раз в тот момент, когда тяжелые шаги загрохотали по коридору в направлении кабинета. Мы выскользнули в коридор, но когда

уже казалось, что сейчас мы благополучно доберемся до лестницы, случился провал. В спешке Стокер споткнулся о слоновью ногу и перевернул ее вместе со всеми тростями. Их громкий стук о полированный паркет разнесся по всему дому, оглушительный, как пушечный залп.

– Беги, – приказал мне Стокер, толкнув меня вперед.

Мы помчались вниз по лестнице, через кухню, где у нас под ногами хрустели осколки разбитого стекла. За нами слышались шаги, и краем глаза я увидела большую черную тень, темнее самой ночи, которая уже почти настигла нас. Стокер распахнул дверь на улицу, и как раз в тот момент, когда я собиралась выскочить, чья-то рука крепко сдавила мое плечо. Я стряхнула ее, одновременно, не глядя, ударив ногой назад.

Послышалось сдавленное проклятие, когда моя нога столкнулась с чем-то мягким, и этой секундной задержки оказалось достаточно. Я дотянулась до руки Стокера, и он практически выдернул меня наружу. Но наш преследователь быстро пришел в себя. Мы только выбежали на улицу, а его тяжелая рука уже снова легла на мое плечо.

Стокер тянул меня за одну руку, преследователь – за другую, и я вскрикнула, когда рука злодея сжалась на моей недавно зажившей ране. То ли Стокер услышал меня, то ли просто почувствовал, что я затормозила, потому что он остановился и повернулся, сжимая руку в кулаке, но не успел он еще ударить противника, как прогремел выстрел. Я услышала свист пули, пролетевшей совсем рядом со мной и отколовшей кусочек камня на фасаде дома барона. Злодей понял предупреждение. Он сразу отпустил мою руку и убежал, растворившись во мраке улицы. Вторая фигура отделилась от стены дома напротив и бросилась вдогонку; оба они быстро исчезли в ночи.

Стокер не выпустил моей руки.

– Ты в порядке?

– Кажется, да, – соврала я. Недавно зашитая рана ужасно болела, но я не видела смысла напрасно беспокоить Стокера, пока мы не окажемся в безопасности.

– Идем, – приказал он. Он потащил меня на угол, где нанял экипаж и назвал извозчику адрес не очень далеко от Бишопс-Фолли. Это было неосмотрительно, но избавляло нас от целого часа ходьбы, и в благодарность мне хотелось расцеловать его.

– Ты разглядела этого типа? – спросил он, понизив голос, чтобы извозчик не мог нас услышать.

– Нет. А ты?

– Тоже нет.

– Но я знаю, кто это, – решительно сказала я.

Стокер отпрянул.

– Черт, откуда? Кто же это?

– Не до конца уверена, но думаю, что это мой навязчивый друг с Паддингтонского вокзала, мистер де Клэр.

– Почему ты так думаешь?

– Когда мы говорили с ним на вокзале, я почувствовала странный запах, как будто каких-то пряностей, и подумала, что это что-то вроде туалетной воды, но когда нашла семечко в кабинете барона, я узнала этот запах.

– Тмин, – догадался он.

– Да, именно. Думаю, мистер де Клэр предпринял еще одну попытку привлечь мое внимание.

– Или... – медленно начал он.

– Что? – спросила я в нетерпении.

– Или он дежурил на противоположной стороне улицы, надеясь, что мы там появимся.

Я уставилась на него.

– Думаешь, мистер де Клэр и был нашим спасителем? И это он стрелял и прогнал взломщика?

– Может быть.

– Тогда как зернышко оказалось в кабинете до нашего прихода?

– Очевидно, мистер де Клэр был как-то связан с Максом. Может быть, все обстоит именно так, как сказал тебе мистер де Клэр, и они были заодно. Ты должна признать, такое объяснение тоже не противоречит никаким фактам.

Я в задумчивости кусала нижнюю губу.

– Может, ты и прав, – признала я. – Возможно, мистер де Клэр говорил мне правду на вокзале: что он действительно заботился о моем благополучии – и совершенно ни в чем не виноват. Но независимо от того, кем он был: нашим преследователем или спасителем, – почему не заявил о себе открыто?

– У него совсем не было возможности, – резонно заметил Стокер. – Я не успел даже вытащить нож. Мы сбежали от взломщика сразу, как его услышали, а человеку на той стороне улицы явно было важнее догнать преступника, чем побеседовать с нами.

– То есть мистер де Клэр или стоял на противоположной стороне улицы и избавил нас от общения со взломщиком, или сам и был взломщиком, – подытожила я. – Но с какой целью кто-то вообще решил

вломиться в кабинет барона?

– Может быть, он искал это? – предположил Стокер, показав пальцем на мой карман, где был спрятан похищенный из дома барона сверток. – Если это мистер де Клэр, то, вероятно, барон собирался отдать ему эти документы в случае опасности, и, предположительно, мистер де Клэр знал о существовании этого пакета, но не знал, что именно в нем содержится. И когда Макс умер, у этого джентльмена не осталось иного выбора, кроме как самому организовать поиски в кабинете. А это зернышко тмина он мог там обронить в любой момент. А возможно, он искал там тебя.

Я ничего не ответила, и Стокер продолжал, воодушевившись своей идеей.

– Да, мне очень нравится эта мысль. Вдруг мистер де Клэр что-то о тебе знает, что-то очень важное?

– Что, например?

– Да все что угодно. Тетки говорили тебе, что ты подкидыш, но вдруг моя теория о похищении верна? Может быть, твои родители живы и пытаются тебя разыскать вот уже четверть века?

– Я же тебе говорила, мои тети были не способны ни на что подобное, – напомнила я ему довольно холодно.

– Ну хорошо, – уступил он. – Вероятно, ты действительно сирота, но, например, тебе что-то оставили, что-то ценное, вроде наследства. Немного денег или какие-то драгоценности. У Макса были документы, подтверждающие твое право на это наследство, но он умер, а у мистера де Клэра нет никакой зацепки, где искать бумаги или тебя. Так что ему не оставалось ничего другого, как пробраться к Максиму в дом и поискать этот сверток, а затем сторожить на улице в надежде, что и ты там появишься.

– Эта история пришла сюда прямоком из романов миссис Радклиф[18], Стокер. Я ждала от тебя большего.

– Очень логичная гипотеза, – возразил он. – А теперь замолчи и прекрати перебивать меня, пока я излагаю такие интересные вещи. Где я остановился?

– На том, как мистер де Клэр каждую ночь стоит на страже и ждет, когда я появлюсь.

– И вот сегодня ты наконец появилась. Но он не успел даже подойти к тебе, потому что на нас напал убийца, вломившийся в дом вслед за нами. Стоявший на страже мистер де Клэр спугнул его выстрелом и пустился за ним в погоню.

– Значит, тебе нравится мистер де Клэр в роли спасителя, а мне – в роли злодея. Думаю, время покажет, кто из нас прав. Только, надеюсь, когда

нам откроется правда, мы поймем, что за нее стоило истекать кровью, – сухо заметила я.

– Почему ты это говоришь?

– Потому что думаю, что пришло время тебя предупредить: кажется, у меня разошлись швы.

Он красочно выругался и нащупал мое плечо, забравшись пальцами мне под жакет. Затем вынул руку и вытянул ее, чтобы рассмотреть в мутном свете уличных фонарей. Она была темной, с влажным блеском.

– Твой рукав весь пропитался кровью. Ты чувствуешь слабость?

– Нет, что ты, – соврала я, проваливаясь в темноту.

Глава двадцатая

Придя в себя, я обнаружила, что лежу на диване в нашей комнате в Бельведере. Как ему удалось дотащить меня от экипажа через весь огромный сад, не привлекая к нам лишнего внимания, я не могла даже представить.

– Все очень просто, – сообщил он мне. – Я сказал извозчику, что ты пьяна.

Он усадил меня и снял с меня жакет. За ним последовала блузка, и я осталась в одном лифе. Я фыркнула.

– Что? – спросил он.

– Я представила себе лицо бедной леди Корделии, если бы она нас сейчас увидела. Кажется, мы и правда слишком часто волею судьбы оказываемся вместе в разной степени обнаженности.

Он протянул мне мою фляжку с агуардиенте.

– Выпей и угомонись. Мне придется промыть рану, прежде чем я пойму, что ты сделала с моей ювелирной работой.

Следующие несколько минут были не из приятных, но он делал свое дело быстро, аккуратно и, как я уже раньше замечала, невероятно деликатно. Оказалось, что разошлась всего пара стежков, и он снова сшил разошедшиеся края раны, немного волнуясь.

– Почему, черт возьми, я трачу на тебя свои бесценные усилия, если ты постоянно рвешься в какую-нибудь передрагу?! – ворчал он.

Это замечание прозвучало так ужасающе несправедливо, что было не найти достойного ответа, а потому я и пропустила его мимо ушей. Меня сильно занимали мысли о событиях прошедшей ночи.

– Как ты думаешь, человек, который стрелял, будь то мистер де Клэр или кто-то другой, желал нам добра? Или он охотился на убийцу барона, а мы просто, сами того не ведая, помогли ему напасть на след преступника?

– Не знаю, да и не хочу знать, – пробормотал он, аккуратно пряча конец шелковой нитки.

– Теперь точно останется шрам, – предупредил он меня. – И не смей никому говорить, что это моя работа. Я всегда славился незаметными швами, это ты все испортила.

Я осмотрела полоску тонких, аккуратных стежков и пожала плечами, только немного поморщившись.

– Буду считать его почетным знаком, приятным напоминанием о

наших совместных приключениях, когда впаду в старческий маразм, и никто не поверит, что однажды я гонялась за убийцей.

Он открыл рот, чтобы что-то сказать, но передумал и принялся мыть инструменты, а я накинула шаль. Я не стала одеваться, и Стокер замочил мою блузку в подсобном помещении, о котором упоминала леди Корделия. Он вернулся и сел рядом со мной, когда закончил. Сверток лежал у меня на коленях, и я теребила сиреневую шелковую ленту.

– Почему ты не решаешься его открыть? – спросил он.

– Пытаюсь продлить волнительный момент предвкушения, – весело сказала я. – Но не думаю, что ты в состоянии меня понять.

– Понять тебя не так уж сложно, – ответил он. – Пока ты не открыла этот сверток, все кажется возможным. Там может быть скрыт абсолютно любой секрет: «письма из ларца»[19], или просто счета барона, или подтверждение того, что твоя мать была русской принцессой.

– Да, все верно. – Я слабо улыбнулась.

Он порывлся у меня в сумке и вернулся с двумя тонкими сигариллами. Он зажег их от камина и протянул одну мне.

– Тогда давай насладимся этим моментом ожидания в полной мере, – предложил он.

– Спасибо, что не закурил свои ужасные сигареты, – сказала я ему, вдыхая сладкий запах.

В ответ он только хмыкнул, и какое-то время мы сидели в дружеском молчании.

– Иногда лучше не знать, – вдруг сказал он и посмотрел мне в глаза, – и чтобы секреты так и оставались секретами.

– Если не ошибаюсь, в тебе говорит опыт.

– Да.

Он посмотрел на свои руки: в пальцах была зажата тонкая сигарилла, и вверх поднимались завитки голубоватого дыма. Он молчал, а мне не хватило духу его расспрашивать.

– Мы ведь даже не уверены, что в этом свертке есть какая-то информация обо мне, – заметила я. – Это вообще может быть что угодно.

– Конечно, – ответил он.

Нагнувшись, Стокер выбросил свой окурок в камин, потом и мой.

– Ну что ж, как сказала бы Аркадия Браун, *excelsior!* – воскликнул он, иронично приподняв бровь.

Казалось, ленточка не хочет, чтобы ее развязывали. Сначала она будто сопротивлялась, но потом поддалась под моими настойчивыми пальцами. Мне на колени выпала пачка бумаг: письма, газетные вырезки – и я взяла

одну наугад. Она была из американской газеты, фотография с короткой заметкой.

Я прочла ее вслух, неожиданно хриплым голосом. «Знаменитая ирландская актриса Лили Эшборн начинает турне по Америке», – говорилось в заголовке. Я прочитала все до конца (это было краткое описание ее шумного успеха на английской сцене), а потом стала рассматривать фотографию. Затем молча протянула ее Стокеру, а он высказался коротко и по делу:

– Черт побери!

– Эта вырезка от 1860 года. Я родилась в шестьдесят втором, двадцать первого июня, если быть точной. Наверное, это моя мать. Как думаешь? – спросила я глухо.

Его губы тронула улыбка.

– Вы с ней похожи даже больше, чем близнецы, – заверил он меня.

Я вновь взглянула на благородное, решительное лицо, волну черных волос, любопытные глаза с вызовом во взгляде.

– В ней чувствуется некая дерзость, – сказала я.

– Что неудивительно, – согласился он. – Обычно актрисам не свойственна сдержанность.

Я взяла в руки другую бумагу.

– Кажется, это письмо барону. Оно начинается со слов «Дорогой Макс!».

– А что дальше?

Я пробежала глазами письмо, отметив про себя витиеватый, неразборчивый почерк, сиреневые чернила, жирно подчеркнутые отдельные слова.

– Оно от Лили. И... о господи.

Он протянул руку, и я отдала ему письмо.

«Дорогой Макс, не могу выразить, как я тебе **благодарна** за твою доброту ко мне и малышке. Мне было **так плохо**, когда ты приехал к нам, но твои уверения меня очень приободрили. Ты знаешь, он не хочет получать от меня писем. **Вся моя надежда** только на тебя. Ты **должен** заставить его осознать свой долг передо мной и нашим ребенком. Я с содроганием думаю о том, что с нами станется, если он полностью выбросит нас из своей жизни. Не думай, что меня волнуют деньги или что-то подобное. Мне нужен он, Макс. Я знаю, он любил меня, и я верю, что он **все еще** меня любит в глубине своего прекрасного сердца. Если бы он приехал ко мне, посмотрел на нашего ребенка, я знаю, он нашел бы в себе силы выступить против семьи. Но если он все же решится на тот брак, я не

знаю, что буду делать. Он **не может** на ней жениться, Макс, он не должен. Тогда я погибну, и этот груз он будет носить в себе всю жизнь».

Он остановился.

– Письмо датировано 20 февраля 1863 года.

– Мне было восемь месяцев, – подсчитала я.

– Твой отец не исполнял своего долга ни по отношению к тебе, ни по отношению к твоей матери.

– А Макс действовал как посредник, утешая мою мать и напоминая отцу о его обязательствах, даже когда тот собирался жениться на другой женщине. Интересно, состоялась ли та свадьба.

Стокер уже держал в руках другую вырезку. Прочитав ее, он побледнел.

– Думаю, да.

– Что это?

– Некролог твоей матери, – сказал он извиняющимся тоном. – Датирован 20 марта 1863 года.

– Всего месяц спустя после того письма Макс, где она говорила, что не знает, что будет делать, если мой отец женится на другой женщине.

Я взяла у него из рук вырезку.

– Стокер, неужели она...

Он покачал головой.

– Не могу себе этого представить. Судя по тому, на каком кладбище она была похоронена, – сказал он и прочитал вслух: – Богоматери Всемилостивой, в Дублине.

Я вздрогнула от удивления.

– Она была католичкой.

Он серьезно кивнул.

– Судя по всему. Здесь упоминается священник, присутствовавший на отпевании, отец Берк. Смотри, а это его некролог. Он умер шесть лет спустя после смерти твоей матери и, согласно этой заметке, был приходским священником в Греймаунте, в Дублине. Вероника, он ни за что не позволил бы похоронить ее в святой земле, если бы она наложила на себя руки.

– И все-таки, – настаивала я, – очень много совпадений. Или же она так сильно хотела умереть. Возможно ли такое?

Он пожал плечами.

– Я и не такое видел.

– Значит, моя мать была ирландской актрисой и католичкой. Думаю, Эшборн – это ее сценическое имя. Интересно, можно ли как-то выяснить ее

настоящее имя, найдя, например, свидетельство о смерти?

– В этом нет необходимости, – сказал он, протягивая мне очередную вырезку. – Ее настоящее имя было Мэри-Кэтрин де Клэр.

– Де Клэр?!

Я взяла листок. Еще одна статья о ее триумфальном турне по Америке в 1860 году, но в этой подробно описывалось и ее прошлое.

– Она сбежала из дома, – сообщила я Стокеру.

– Родилась в уважаемой ирландской семье; они отреклись от нее, когда она стала выступать. А вот фотография ее с братом, – сказала я, указав пальцем. – Эдмунд де Клэр, пятнадцать лет.

Стокер всмотрелся в фотографию.

– Этот тот же человек, что подошел к тебе на вокзале?

Я кивнула, и он вернул мне листок. Фотография была сделана за несколько лет до того, как Мэри-Кэтрин де Клэр сменила имя и взошла на сцену. На ней было милое девичье платье, она стояла позади стула, на котором сидел ее брат, серьезный, во взрослом костюме, но такой же тонкокостный и с теми же изящными чертами, что и сестра.

– Почему он ничего мне не сказал? – пробормотала я.

Стокер пожал плечами.

– Может быть, ему казалось, что это слишком личное признание для такого многолюдного места, как вокзал.

– Может быть.

Я стала читать дальше, все больше узнавая о своей матери. Она прославилась как талантливая исполнительница трагических ролей, получила всеобщее признание после ролей Джульетты и Офелии. Но наибольшую известность приобрела ее Федра в английской постановке «Федры» Расина. В статье была ее фотография в белоснежном одеянии: она рассматривает бутылочку с ядом, решая свою судьбу. Я подняла глаза.

– Думаю, ты заметил, что все ее лучшие роли – с самоубийствами?

– Это ничего не доказывает, – в его голосе слышалось недоверие.

– Наверное, нет, – признала я и стала копаться в других бумагах: там были некрологи, заметки о ее спектаклях и две фотографии.

– Господи, – выдохнула я, – Стокер, смотри.

Я передала ему фотографию Лили Эшборн с младенцем на руках. Он прочитал:

– «Я с малышкой. Декабрь 1862 г.». Тебе здесь шесть месяцев.

Я была пухлым младенцем; для фотографии меня ровно усадили маме на колени. Наверное, я двигалась, потому что мое лицо немного смазалось с краю. Но лицо Лили было идеально неподвижно, момент, остановленный

навек; так бабочку-птицекрылку во всей красе пришили к куску картона. С тех пор прошло почти двадцать пять лет, но красота Лили Эшборн останется нетронутой до тех пор, пока не разрушится эта фотография. Я присмотрелась внимательнее и увидела, что сжимаю в пухлой ручке маленького бархатного мышонка. Честер.

Не говоря ни слова, Стокер протянул мне один из своих красных носовых платков, чтобы я могла вытереть слезы. Я посмотрела на вторую фотографию. На ней снова оказалась я, и она была сделана тогда же: на мне то же белое платье с вышивкой – но Лили на ней не было. На сей раз меня держали две дамы с застывшими в напряжении лицами. Лили, конечно, умела естественно держать себя перед камерой, и так же легко она, наверное, чувствовала бы себя, позируя портретисту. Но эти две женщины не привыкли к тому, чтобы их фотографировали. Острые подбородки, сжатые губы, на лице беспокойство. Но я все равно их узнала.

– Это же тетя Нелл и тетя Люси! – воскликнула я. – Сестры Харботтл. Я всегда думала, что они забрали меня из сиротского приюта, но, очевидно, они были знакомы с моей матерью.

Я перевернула снимок. Тем же витиеватым почерком, теми же сиреневыми чернилами на нем было написано: «Малышка с Элли и Нэн».

– Не понимаю, кто такие Элли и Нэн?

Мы вместе стали копаться в документах, и наконец Стокер торжествующе вытащил какой-то листок.

– Вот оно. В этой статье о ее американском турне говорится, что мисс Эшборн будет путешествовать со своей костюмершей Нэн Вильямс и горничной Элли Вильямс, сестрами.

Я откинулась на подушки, напряженно пытаюсь в этом разобраться.

– Глупости какие-то! Зачем Нэн и Элли Вильямс вздумалось менять себе имена на Люси и Нелл Харботтл, а мне давать имя Вероника Спидвелл? Ты заметил: ни одного указания на то, как звала меня моя мать, только «малышка». Что все это значит?

Он продолжал перелистывать бумаги, но больше ничего обнаружить не смог.

Наконец мы сдались, собрали документы в строго хронологическом порядке и снова перевязали лентой. Я разлила нам еще агуардиенте, мы молча пили, и нам было так спокойно вместе, как может быть братьям по оружию, а мысли наши все крутились вокруг этих бумаг.

– Возможно, – сказал Стокер, вытягивая вперед обутые в сапоги ноги, – твой отец очень многим рисковал из-за твоего рождения.

– Что это значит?

– Помнишь письмо твоей матери Максу? Она утверждает, что ей не нужны деньги твоего отца. Значит, они у него имелись в наличии. И он отказывался ради семьи признать твое рождение. Какими бы ни были его отношения с твоей матерью, они уже закончились, когда тебе было несколько месяцев, вероятно, из-за помолвки с другой женщиной.

– А Лили была безутешна, – продолжила я его мысль. – Хотя и косвенно, но все же в этом письме она даже угрожала ему самоубийством. А может быть, в общении с моим отцом она выражалась прямее? А ему нужно было думать о семье, деньгах, репутации. Должно быть, он как минимум происходил из семьи зажиточных купцов.

Стокер покачал головой.

– Я бы добавил к деньгам благородное происхождение: не меньше чем мелкопоместный дворянин.

– Ты правда так думаешь?

Его красивые губы тронула презрительная усмешка.

– Если я что и могу унюхать, так это вонь мне подобных, когда они пытаются прикрыть свое лицемерие. К тому же она была известной красавицей, успешной актрисой, такая женщина не стала бы обращать внимание на бедняка без имени. Нет, чтобы ее заинтересовать, нужен был мужчина с громким именем, со связями...

– В твоих устах она выглядит чересчур корыстной, – воспротивилась я.

– На этом строятся многие романы, – просто ответил он. – Это обмен благами. Он принес в этот союз деньги, она – конечно, красоту.

– Не думаю. Она упоминала в письме к барону, что они любили друг друга.

– Возможно. Но вначале, чтобы она заметила его среди всех остальных толпящихся перед сценой и за кулисами Джонни, он должен был обладать чем-то особенным. Он был или очень-очень богат, или очень красив.

– И очень-очень жесток, – добавила я. – Только вообрази: соблазнить Лили Эшборн, первую красавицу того времени, а затем так хладнокровно бросить ее, когда у нее родился ребенок. Конечно, она чувствовала себя опустошенной.

В голосе Стокера слышалось напряжение.

– Знаешь, может быть, и он тоже. Если она была права, то и он любил ее, по крайней мере, какое-то время. Вероятно, семья заставила его жениться на другой женщине.

– И тогда он порвал с Лили и отказался от собственного ребенка без единого слова? Не очень это похоже на любящего человека.

– Иногда чем сильнее у мужчины чувства, тем меньше он способен им

следовать, – хрипло сказал он, – или о них говорить.

Я допила свою порцию агуардиенте.

– Я не стану будить твоих демонов, Стокер.

Он пожал плечами и подлил себе из фляжки.

– Это мои самые близкие товарищи вот уже пять лет. Мы старые друзья с моими демонами.

Я посмотрела на связку документов, все еще лежащую у меня на коленях.

– Кажется, у меня теперь появились свои демоны.

– Правда?

Я кивнула.

– Да, потому что все в этой связке указывает на то, что, вполне возможно, мой отец убил мою мать.

– Вероника...

– Нет, пожалуйста, выслушай меня. Он хотел уйти от нее и от меня. Но она не готова была молчать и написала письмо Максу, может быть, не одно. Наверное, даже угрожала. Она была широко известна. Газеты раструбили бы эту историю до небес, если бы им только позволили сунуть туда нос. Мы знаем, что ему нужно было оберегать жену, защищать свое имя. Также нам известно, что моя мать умерла так внезапно, ей было немногим за двадцать, что это не могло быть самоубийство, потому что ее похоронили на христианском кладбище. Скажешь, это совершенно невозможный вариант, что ее убил мой отец?

Стокер внимательно посмотрел на меня.

– Это возможно, – сказал он наконец.

– А ты можешь хотя бы притвориться, что не согласен со мной? Мне сейчас очень нужен адвокат дьявола.

Он потянулся ко мне, будто желая взять меня за руку, но передумал.

– Ты меня много чем поражала, но никогда – как человек, который отступает перед лицом сложностей. Только не говори, что я ошибался.

– Конечно, нет, – ответила я, расправляя плечи.

– Ужасно предполагать, что твой отец мог быть способен на такое. Но есть еще кое-что, что заставляет нас думать о нем нехорошо: если твои тетки сменили имя и уехали из Ирландии, значит, они его очень боялись.

– И это многое проясняет, – подумав, согласилась я. – Мы так часто переезжали, когда я была ребенком, и я никогда не могла найти этому разумного объяснения. Например, я могла уйти в поле в погоне за своими бабочками, а когда возвращалась, вещи были уже наполовину собраны, и мы срочно отправлялись в путь.

– Наверное, тебе сложно было завести друзей.
– Как было бы хорошо, если бы мы с тобой встретились еще детьми, – вдруг сказала я.

– Ну уж нет. Ты бы затащила меня в ближайшие кусты и совратила еще до того, как у меня начала расти борода.

Я улыбнулась ему, и он почти улыбнулся мне в ответ.

– Думаю, теперь мне нужно поспать, – сказала я ему.

Он поднялся и потянул меня за ноги так, чтобы я удобнее устроилась на диване. Он подоткнул вокруг меня одеяло и наклонился, чтобы посильнее разжечь огонь. Закончив с этим, он взял другое одеяло и соорудил из него себе лежбище на ковре; фляжку с агуардиенте он тоже забрал себе.

– Но ведь есть походная кровать Веллингтона, – напомнила я ему.

– Хочу быть поближе к огню.

– Ради соблюдения приличий ты должен спать, по крайней мере, на другом этаже Бельведера, – усмехнулась я.

– А мне наплевать. Я буду рядом с тобой, во всяком случае, до тех пор, пока не закончится вся эта заварушка.

– Леди Корделия подумает...

– К черту то, что подумает леди К.

Он тяжело опустился на одеяло, снял сапоги, подушки не взял, а просто закинул руки за голову и закрыл глаза, предварительно приложившись к фляжке.

– Мне нравится Корделия, но будь я проклят, если стану хоть что-то делать только для того, чтобы она не подумала чего-нибудь плохого.

Я улыбнулась в темноту. Последовало недолгое молчание.

– Вероника!

– Да, Стокер?

– Я знаю, ты прочна как каучук, но все, что ты узнала сегодня, может обрушиться на тебя своей тяжестью как кирпичная стена. Поверь мне.

Я подумала о тех секретах, что он в себе носил, обо всей терзавшей его боли, о которой он даже не мог заставить себя рассказать.

– И что же мне делать, когда это случится?

– Не держи это в себе. Кто-то напомнил мне историю о спартанском мальчике и лисенке, тот, кто сам должен прислушаться к этому совету.

После этого он замолчал, и вскоре его дыхание стало глубоким и ровным: он уснул. А я лежала без сна еще очень долго и думала обо всем, что нам в тот день открылось.

Глава двадцать первая

Проснувшись на следующее утро, я обнаружила, что Стокер уже встал и куда-то ушел, а фляжка из– под агуардиенте совершенно пуста. Наверное, ночью ему не спалось, и тогда он ее прикончил. Но меня это не расстроило.

«Возьми ее, – пробормотала я, вспомнив сэра Филипа Сидни. – Твоя нужда сильнее моей»[20]. Я наполнила фляжку обычным виски, взяв бутылку в буфете. Он не был и вполтину так же крепок, как агуардиенте, но я решила, что на худой конец и это сгодится; Стокер все не появлялся. Маленькая комнатка для умывания пустовала, а значит, он уже привел себя в порядок. Тогда я последовала его примеру, с радостью обнаружив, что хоть моя рука и онемела, но признаков воспаления не видно. Какие бы он ни совершил ошибки, он точно был талантливым врачом. Я не без труда оделась и открыла дверь навстречу июньскому утру, достаточно ослепительному, чтобы улучшить любое хмурое настроение. Вокруг Бельведера повсюду росли цветы, облака ранних роз только распускали свои лепестки, наполняя воздух прекрасным ароматом. Я стояла на ступеньке, вдыхая полные легкие воздуха, лучшего из того, что можно найти в Лондоне.

Вдруг я услышала какой-то шум, в кустах захрустели ветки. Не успела я спрятаться в Бельведере, как на меня набросился зверь. Массивное создание, все сплошь состоящее из крепких мускулов и шерсти, встало на задние лапы, сбilo меня на землю и уселось прямо у меня на груди. Влажный длинный язык лизнул меня в щеку, и меня обдало горячим дыханием с сильным запахом сырого мяса. Я возблагодарила небеса за свою пышную прическу, которая приняла на себя всю силу удара этого чудовища и смягчила мне падение. И, конечно, спасла меня от очень неприятного ушиба головы.

– Бетти! Я сказал, Бетти, ко мне!

Пробравшийся сквозь кусты мужчина резко остановился.

– Моя дорогая леди, мне невероятно жаль! Бетти! Бетани, прекрати немедленно!

Он крепко схватил собаку за ошейник, и она наконец слезла с меня, уселась рядом и стала с интересом меня рассматривать.

Мужчина подошел, чтобы помочь мне встать, и я увидела, что это джентльмен, одетый в загородный костюм из грубого твида. Я схватилась за его руку и медленно поднялась.

– Еще раз прошу прощения. Искренне надеюсь, что Бетани не причинила вам вреда. Она еще щенок и пока что плохо слушается команд.

– Она очаровательна, – сказала я почти искренне и потрогала затылок. – Кажется, основной удар приняла на себя прическа.

Я проверила шпильки – все были на месте, а затем отряхнула юбку, немного поморщившись от резкой боли в руке.

– Вы ранены, – сказал он. – Нужно определить, насколько это серьезно.

– Все в порядке, – заверила я его. – Я ранена, но собака тут ни при чем, уверяю вас, милорд. Вы ведь лорд Розморран?

Он заморгал, как будто пытаюсь что-то припомнить.

– Розморран? Ах да, это я. Простите, мы встречались?

– Боюсь, что нет. Меня зовут Вероника Спидвелл, я тут проездом.

– Проездом? Как оригинально. У нас тут иногда бродят странные личности, но женщин еще не бывало, по крайней мере, таких: с хорошим произношением, способных определить лорда с пяти шагов. А вы здесь проезжаете по какой-то особой причине?

– Это я виноват, милорд, – раздался голос позади него. Лорд Розморран обернулся, а Бет снова вскочила и стала прыгать на Стокера.

– Сидеть, сидеть, нелепое создание, – приказал Стокер, но ласковый тон противоречил команде. Так что Бет не обратила внимания на слова, встала на задние лапы, а передние положила Стокеру на плечи. Хоть в нем и было добрых шесть футов роста, но она оказалась выше него на несколько дюймов; он потрепал ее за уши, а она облизала ему все лицо.

– Стокер! Рад тебя видеть. Как поживает мой слон?

– Не очень хорошо, – сказал Стокер, его голос звучал приглушенно под грузом Бетти. Я заметила, что он вернул себе глазную повязку и говорил грубоватым голосом. Так он выглядел как настоящий разбойник – несомненно, виной тому было похмелье после агуардиенте.

– Стокер скрывается от лондонской полиции, – вступила я в разговор.

– В самом деле? Что же ей от него нужно?

Лорд Розморран оказался столь же невозмутимым, как и его сестра, и я решила рассказать ему правду.

– Это связано с убийством барона фон Штауффенбаха.

– А, да. Ужасное дело. Страшный позор. Он был хорошим человеком, этот барон, одним из лучших. Одолжил у меня Фукидида. Думаю, теперь уже не удастся его вернуть, – произнес он в некоторой задумчивости. Он замолчал и стоял с отсутствующим видом, но вскоре вернулся к реальности.

– И какое же отношение, по мнению полиции, Стокер имеет к этому убийству?

– Они думают, что, вероятно, он и убил барона, но это, естественно, неправда. Я ручаюсь, – заверила я его.

– Никто никогда не поверит, что это он, – решительно ответил лорд Розморран, и в тот момент я поняла, что он мне нравится. Он оказался моложе, чем я ожидала, едва ли старше сорока, как мне показалось; в его внешнем виде проступало что-то немного неряшливое, как у многих ученых, вечно погруженных в свои мысли, но манеры его были прекрасные, а лицо – неожиданно привлекательное. У него были такие же добрые темные глаза, как и у сестры, и складки в уголках рта, говорящие о хорошем характере.

– Но у полиции, к сожалению, другое мнение по этому вопросу, по крайней мере, пока, – сказал ему Стокер, с усилием столкнув с себя собаку. Она тихо зарычала, будто бы рассердилась, но уселась у его ног, а он положил ей руку на голову.

– И я бы очень хотел доказать им, что они неправы. А пока я позволил себе укрыться в Бельведере без вашего разрешения, это совершенно непорядочно, и я не заслуживаю прощения.

Я заметила, как он аккуратно обошел молчанием участие леди Корделии в том, что нам было предоставлено здесь укрытие; он бросил на меня быстрый взгляд, предупреждая, что и мне не следует ничего говорить, но его светлость уже начал отвечать:

– Да-да, но если мисс... простите, я забыл ваше имя. – Лорд Розморран посмотрел на меня.

– Спидвелл.

– Спидвелл. Как растение «вероника»? Очаровательно. Так вот, если мисс Спидвелл может подтвердить твое алиби, то тебе, несомненно, ничто не угрожает.

– Вполне вероятно, что полицию не удовлетворят мои заверения, – сказала я.

– О, да? Это печально. Но, конечно, в конце концов все будет хорошо, – заключил он, приободрившись от собственной банальности. – И, пожалуйста, живите здесь столько, сколько понадобится. Вас здесь никто не побеспокоит. А теперь давайте пойдем в Бельведер. Мне в голову пришла прекрасная идея по поводу хобота нашего слона, Стокер.

Я поразилась тому, как быстро его светлость согласился дать прибежище в своем имении человеку, скрывающемуся от полиции; а он тем временем совершенно беззаботно вел нас через свои многочисленные

коллекции и бросал через плечо вопросы, на которые не ждал ответов.

– Вам здесь удобно? Должен сказать, мне неприятно представлять, что я ночью среди этого царства смерти и увядания. Конечно, никто ни разу не встречал привидений в этой части Бишопс-Фолли, но никогда нельзя знать наверняка. Вы здесь не видели привидений? Нет, конечно, нет. Надеюсь, вы вдоволь покопались в старых коллекциях. Мисс Спидвелл, может быть, вы хотели бы изучить здесь что-то подробнее, пока мы беседуем со Стокером?

Стокер ответил за меня:

– Мисс Спидвелл – лепидоптеролог.

– А, лепидоптеролог? Почему же вы мне сразу не сказали? Вам нужен отдел бабочек, – воскликнул он и сразу резко изменил курс, как это делают пчелы в полете. Протиснувшись по узкому проходу между очередными экспонатами, он добрался до массивного шкафа, сделанного специально так, чтобы ровно помещаться между двумя большими колоннами этого зала. Он был надежно заперт, но ключ находился неподалеку – свисал на шнурке с бараньего рога. Его светлость открыл шкаф и отошел в сторону.

– Небольшая коллекция, – сообщил он.

Он еще что-то говорил, но я его уже не слушала. Я увидела ее краем глаза, манящую, сверкающую где-то на своем месте. Я сделала несколько шагов на ватных ногах, совершенно не обращая внимания на хозяина дома. Должно быть, они со Стокером завязали какой-то разговор, потому что я слышала их голоса, то громкие, то тихие, но я ничего вокруг себя не видела, кроме нее.

Я остановилась всего в дюйме от стекла и протянула руку. Послышался тихий стон, и я осознала, что он вырвался у меня.

– Мисс Спидвелл, с вами все в порядке?

– *Trogonoptera brookiana*, – благоговейно произнесла я, – «птицекрыл Брука».

Его светлость подошел ко мне.

– А, да. Милая, правда?

Она была потрясающей: семь дюймов в размахе крыльев, переливающихся на свету. Крылья чернее ночи, а по краям изумрудно – зеленые полосы такой красоты, что даже у королевы не имелось столь прекрасного драгоценного камня. Аккуратная красная головка завершала картину, из нее вверх торчали два черных усика, будто специально изящно закрученных на концах. Зеленые полосы заканчивались точками, как перья у птиц, по яркому цвету шли изящные черные капилляры, будто кто-то нарисовал их там чернилами и тончайшей кистью. Именно за этой удивительной бабочкой меня занесло на Суматру, несмотря на

беспокойство вулкана Кракатау. Такое маленькое и хрупкое создание изменило всю мою жизнь, подумала я.

Я с благоговением смотрела на эту увековеченную красоту, а его светлость продолжал:

– Представляете, с Суматры. Альфред Рассел Уоллес.

– Да, он открыл ее и дал ей название в 1855 году, – сказала я.

– Да, кажется, мой отец приобрел ее у него в 1860-м или около того.

Я медленно повернулась и посмотрела на него.

– Вы говорите, именно этот экземпляр...

– Прибыл с Суматры с Уоллесом, да. Уоллес привез несколько штук домой, и одну из них купил мой отец. Серьезный мужчина, правда?

Он говорил вежливо и беззаботно, но, посмотрев на Стокера, я увидела: он-то осознает всю значимость этого экземпляра. Граф Розморран был добрым человеком и, вероятно, увлекающимся ученым, но он ни в малейшей степени не понимал редкости своих коллекций. Я вновь повернулась к бабочке и даже вздрогнула, когда заметила, что она одна из сотен пришпиленных образцов. Их монтировали при помощи континентальных булавок; я тоже предпочитаю пользоваться именно такими, потому что длинная булавка позволяет снабдить образец более подробной подписью. Впрочем, экземпляр, который привлек мое внимание на этот раз, был печально безымянен.

– *Lysaena dispar*, – сказала я немного сдавленным голосом, – «червонец непарный». Эти бабочки вымерли около тридцати лет назад.

– Да что вы говорите? – удивился его светлость. – Боюсь, многие ярлыки отвалились, а я не большой в этом специалист. А вам нравятся бабочки, не правда ли, мисс Спидвелл?

Стокер заметил, как я застыла, не зная, что ответить, и пожалел меня.

– Мисс Спидвелл – профессиональный лепидоптеролог, – напомнил он графу.

Его светлость слегка приподнял брови.

– А, да, теперь я припоминаю, что вы уже что-то об этом говорили. А что, это очень интересно: леди–ученый. – В его голосе слышалось искреннее изумление. – Никогда не знаешь, что еще может прийти людям в голову.

– Дамы, интересующиеся наукой, существовали еще со времен Мэри Шелли[21], – послышался у нас за спиной немного строгий голос. Мы все обернулись и увидели леди Корделию; по ее лицу невозможно было понять, что она думает. И только резковатый тон выдавал некоторое раздражение, но оно смягчалось искренней любовью к брату, ясно читавшейся во

взгляде.

– Я вижу, ты обнаружил моих гостей, Амброуз.

– Твоих гостей? Но они мне ничего не сказали. Мисс Спидвелл сообщила, что они здесь проездом.

– Мисс Спидвелл, без сомнения, решила оградить меня от возможных неприятностей, ведь я предоставила убежище человеку, который скрывается от правосудия, – сказала она с прежней теплотой в голосе. – Но на самом деле они со Стокером здесь по моему приглашению.

– А теперь и по моему, – добавил ее брат. – Знаешь, Корделия, мисс Спидвелл неплохо разбирается в бабочках. Это может нам очень пригодиться. Мы целую вечность говорим о том, что кто-то должен составить каталог этих красавиц, – сказал он, кивнув на коллекцию бабочек.

Леди Корделия наклонила голову.

– Было бы действительно очень мило со стороны мисс Спидвелл проконсультировать нас по этому вопросу, но, боюсь, Амброуз, сейчас ее волнуют более насущные проблемы. Понимаешь, Стокера...

– Разыскивает полиция, считая, что он может помочь им в расследовании, – с негодованием закончил он. – Я знаю. Проклятые нахалы, простите за грубость, мисс Спидвелл.

– Ну что вы. Я совершенно согласна. Действительно нахалы. Но полиция будет разыскивать его до тех пор, пока не найдет. Они убеждены в том, что он замешан в убийстве барона.

– Вы нашли что-нибудь у него в доме? – спросила леди Корделия.

Я открыла было рот, но не успела сказать и слова, как Стокер меня опередил.

– Ничего существенного, – коротко сказал он.

Она расстроено прищелкнула языком.

– Как жаль... я очень надеялась, что вы там обнаружите что-то, что укажет на настоящего преступника или, по крайней мере, поможет понять мотив убийства.

Стокер ничего на это не ответил, а его светлость, если и удивился тому, что мы были в доме убитого, не стал ничего спрашивать.

– Ну что ж, – энергично сказала леди Корделия, – раз секрет вашего пребывания здесь раскрыт, можете теперь перенести свои вещи в гостевые комнаты в главном особняке. Там много свободного места.

Стокер протестующе поднял руку.

– Это очень мило с вашей стороны, миледи, но нам с мисс Спидвелл будет спокойнее оставаться здесь.

– Конечно, конечно, – благосклонно уступила она.

– Если позволит его светлость, – быстро вставила я.

Граф кивнул; его явно совершенно не интересовали все эти приземленные материи. Подробно обсудив со Стокером своего огромного слона, он откланялся и вернулся к себе в кабинет, а леди Корделия занялась домашними делами. Я повернулась к Стокеру:

– Почему ты так поступил?

– Что?

– Почему ты солгал леди Корделии о том, что мы нашли у барона в кабинете?

Он нахмурился.

– Пока об этом рано говорить. Мы сами еще не поняли, что к чему. Все, что мы пока обнаружили, – что ты дочь актрисы...

– Незаконнорожденная, – добавила я.

– Я как джентльмен не стал на это указывать, но да, к тому же незаконная. Мы знаем также, что барон каким-то образом играл роль посредника в этом союзе. Кроме того, нам известно, что твоя мать по какой-то причине умерла. Может быть, погибла от руки твоего отца, а может быть, и нет. Но после ее смерти ты осталась на попечении сестер Харботтл, которые были так напуганы, что поменяли тебе имя и постоянно переезжали с места на место.

Он в задумчивости потер лоб.

– А не думаешь ли ты, что они могли убить твою мать, чтобы оставить тебя себе?

Я прищурилась, придав лицу самое суровое выражение.

– Не будь дураком. Эти милые старые женщины... Да как ты мог подумать?! И вообще, я не верю, что знание барона о моем рождении могло стать мотивом для убийства. Ведь это все древняя история: все произошло четверть века назад.

– А убийство Макса – только что, – заметил он.

– Да, конечно. Но думать, что это грязное дело как-то связано с моим рождением, можно только с ужасной натяжкой. Ведь ты и сам это видишь.

– А как же твой дядя?

– А что мой дядя? – спросила я.

– Тебе не кажется хоть немного странным такое совпадение, что он выходит на сцену именно сейчас, когда Макс убит? Твое рождение должно быть как-то связано со смертью Макса.

– Должно? Какая опасная гипотеза, – сказала я. – Этому может быть с дюжину других, не менее правдоподобных объяснений.

Он повернулся и уставился на меня хитрым взглядом.

– А хочешь, мы об этом поспорим?

– Поспорим?

– Спорим, что существует связь между твоим рождением и смертью Макса, а еще я готов поспорить, что и твой дядя как-то в этом замешан.

– Отлично, – сказала я и протянула руку. – На гинею.

– Гинею?! Сжался, я бедный человек, – вскричал он, постучав себя по карману.

– На гинею, – повторила я.

Он пожал мою руку с притворной любезностью.

– Хорошо, гинея. И когда выиграю, я хочу получить милую блестящую новенькую монету. Старую и тусклую не возьму.

– Стокер, они совершенно равноценны.

– Меня не интересует ее цена. Я повешу ее на цепочку от часов и буду с гордостью носить.

– С тобой даже у самого смиренного святого лопнет терпение, – сказала я ему. – Но ты – моя единственная надежда распутать этот странный клубок. Как думаешь, куда нам теперь нужно отправиться?

Он почесал в затылке.

– В кондитерскую.

– Чтобы что-то выяснить о том тминном зернышке, которое мы нашли у барона? Но ведь в кондитерской не продается тмин.

– Нет, в кондитерскую, потому что у меня закончились мятные леденцы, – сказал он, выворачивая карманы.

– Поздравляю. Не думала, что ты можешь удивить меня еще сильнее, Стокер, но ты продолжаешь поражать меня своими способностями в поглощении сладкого. Удивительно, что у тебя во рту есть хотя бы парочка зубов.

Он показал мне свои крепкие белые зубы и громко постучал ими друг о друга

– Молитвами святой Аполлонии.

Я взяла его под руку, осторожно, стараясь не потревожить своей раны.

– Ну что ж, идем. Леденцы так леденцы, но, когда мы их купим, будем держать военный совет и решим, что делать дальше.

Глава двадцать вторая

Стокер оказался большим знатоком сладостей. Помимо мятных леденцов он выбрал себе также круглые конфеты «бычий глаз», кислые карамельки и брусок мятной пастилы. Когда он распихивал их по карманам, у него было лицо самого счастливого человека в мире.

Не сговариваясь, мы повернули на юг, к реке, и после продолжительной прогулки добрались до набережной. День по-прежнему был прекрасным, и по волнам Темзы сновали прогулочные лодки, их паруса надувал легкий летний бриз.

– Здесь легко забыть о том, что совсем рядом шумит огромный город, – заметила я.

– Хм, – согласился Стокер; рот у него был явно склеен одной из тех ужасных сладостей, которые он только что купил.

Я обернулась, чтобы что-то ему сказать, но как раз в этот момент услышала шум быстро приближающихся шагов. Почувствовав опасность, Стокер схватил меня за руку, но было поздно. Они уже напали. Какая-то шайка разбойников явно решила нас похитить. Я лягалась, царапалась и сыпала проклятиями, когда мою голову запихивали в мешок. Не знаю, что делал Стокер, но я слышала звуки борьбы и слова, от которых у меня кровь стыла в жилах.

– Нам нужна только она; если он продолжит драться, делай что положено, – скомандовал низкий голос. Я замерла и напрягла слух, чтобы услышать еще что-нибудь. Меня держали довольно крепко, но одна из рук была прижата к голове и тоже оказалась засунута в мешок. Пошевелив пальцами, я дотянулась до шляпной булавки и осторожно вытащила ее. У меня был всего один шанс, и, сжав булавку покрепче, я вонзила ее в руку, державшую мешок.

Послышался крик от боли и неожиданности, а затем меня бесцеремонно подняли в воздух и закинули на чье-то крепкое плечо.

Потом я услышала удар и тихий стон: несомненно, это был Стокер. Я только надеялась, что ему хватило ума перестать сопротивляться и уступить бандитам. Не могу сказать, сколько человек понадобилось, чтобы удержать его, но я слышала топот многих ног, сначала по мостовой, потом по дереву; глухой скрип настила и легкий плеск волн, и поняла, что мы подошли к реке. Минутное замешательство – кажется, мой похититель с трудом удерживал равновесие, а потом весь мир начал покачиваться. Мы

были в лодке; тот факт, что они напали на нас средь бела дня, говорил о степени их отчаяния.

Меня грубо посадили, кажется, на какую-то скамью, и мой обидчик положил тяжелую руку мне на плечо.

– Не двигайся, – приказал он. Он не стал меня связывать, и я решила подчиниться, ожидая, что будет дальше.

Я услышала грубый рев заводимого мотора, и по тому, как резко поднялся нос лодки, я заключила, что она небольшая – от каждого движения бандитов она начинала качаться из стороны в сторону. Послышались команды, некоторая суета, и вот наша лодка уже в пути.

Я напрягла слух, чтобы понять, здесь ли Стокер, но не услышала ничего, кроме торопливого перешептывания наших похитителей.

Долгое время ко мне никто не подходил, все явно хотели лишь одного – поскорее отплыть как можно дальше от места преступления, но если они надеялись, что я начну их расспрашивать о чем-то или просить отпустить нас, то их должно было постигнуть страшное разочарование. Я сидела совершенно спокойно, держа руки в карманах, и ждала, что будет дальше.

Ждать пришлось чрезвычайно долго. Я развлекалась тем, что тихонько себе под нос читала по памяти стихи, не Китса; мне показалось, что Байрон гораздо лучше подходит для похищения. Наконец, примерно через час, судя по тому, что я за это время вспомнила всего «Гяура», мне с головы сняли мешок, и я оказалась лицом к лицу со своим похитителем, моргая от ослепительного полуполуденного света.

– Добрый день, мистер де Клэр, – вежливо сказала я. – Я подозревала, что это вы меня похитили, но не хотела портить вам весь драматизм момента.

Мистер де Клэр сокрушенно покачал головой.

– Мисс Спидвелл, вы даже не представляете, как мне жаль, что я вынужден был прибегнуть к таким мерам. Но, боюсь, вы сами меня вынудили.

Воспользовавшись случаем, я попыталась оглядеться и оценить ситуацию. Погода испортилась, солнце скрылось за тяжелыми серыми тучами. Как я и предполагала, наша лодка была небольшой: прогулочная яхта с изящными пропорциями, но очень маленькой мощностью – но сейчас она красиво и быстро бежала под парусом. Мотор тоже продолжал работать, лодка стремительно рассекала волны, отчего было понятно, что мистер де Клэр прикладывает все усилия, чтобы поскорей увезти нас подальше от Лондона. Я не была знатоком Темзы и ее окрестностей, но тут мне на глаза попало нечто, что заставляло сильнее биться сердце любой

англичанки. Мне хватило быстрого взгляда на длинный элегантный фасад, чтобы понять, что мы добрались до Королевского военно-морского колледжа в Гринвиче.

Определив наше местоположение, я стала внимательно осматривать лодку. На палубе совершенно неподвижно на спине лежал Стокер, вытянувшись во весь свой немалый рост. Его голова была все еще в мешке, но грудь спокойно поднималась и опускалась, и я не заметила никаких внешних повреждений.

– Хорошо хоть, что вы пока никого не убили, – вежливо заметила я. Я снова посмотрела на Стокера, потому что его дыхание стало странно меняться. Его грудь начала непонятно дергаться, и весь он выглядел так, будто с ним сейчас случится припадок. Я посмотрела на него в напряжении, но потом обратила внимание и на других пассажиров нашей лодки.

Помимо мистера де Клэра тут было еще четверо мужчин, из рабочего класса, судя по одежде. Один из них – невероятно высокий, трое остальных – на вид ничем не примечательны, одеты в удобную простую одежду, с незапоминающимися чертами лица. Я подумала, что даже их жены, наверное, не особо утруждают себя тем, чтобы их различать. Но высокий тип привлек мое внимание, особенно когда повернулся, и я смогла разглядеть его лицо.

– Вы! – воскликнула я.

Мистер де Клэр слегка улыбнулся.

– Да, вы уже виделись с Тихим Джоном. Сожалею, что он устроил такой беспорядок в вашем коттедже. Иногда он бывает прискорбно ни на что не способен, – добавил он, бросив на своего подельника презрительный взгляд. Тихий Джон просто продолжал стоять на палубе, упираясь в дно своими большими, обутыми в сапоги ножищами, с ничего не выражающим лицом.

– Видите? – Мистер де Клэр повернулся ко мне. – Ни на что не способен. Ему приходится очень четко объяснять, что нужно делать, а когда вы неожиданно вернулись в коттедж, он оказался в совершенно непонятной ситуации.

– Он пытался меня похитить, – заметила я ледяным тоном. – Точно так же, как вы сейчас.

– Похищение – это слишком сильное слово, – возразил он. – Вы не связаны и не ранены. Я всего-навсего предпринял необходимые действия для того, чтобы обеспечить нам спокойную беседу. Это вы не оставили мне выбора. Мне о многом нужно поговорить с вами, мисс Спидвелл.

Я задумалась, следует ли признаться, что я знаю, кем была моя мать, и что он приходится мне дядей. Но не успела я ничего решить, как наше внимание привлекла распростертая на палубе фигура Стокера.

У него начался припадок, ноги дергались, а руки, сжатые в кулаки, выбивали дробь по палубе. Мистер де Клэр подал знак Тихому Джону, и тот снял мешок с головы Стокера. Его глаза закатились, а в углах рта выступила пена.

– Он нам не нужен, и от него одни сложности, – сказал мистер де Клэр с отвращением на лице. Он бросил взгляд на Тихого Джона. – Нужно наконец освободить мисс Спидвелл от этого типа. Бросайте его за борт.

Если прежде я хоть немного сомневалась в том, насколько он жесток, то сейчас мне все стало ясно. Не колеблясь ни секунды, Тихий Джон поднял Стокера, будто тот был не тяжелее пушинки, и сбросил его в воду. Послышался громкий всплеск, и я вскочила на ноги.

– Успокойтесь, мисс Спидвелл, – велел мне мистер де Клэр. – Я не знаю, каким образом ему удавалось так долго удерживать вас в плену, но теперь вам нечего бояться. Его больше нет, и вы под нашей защитой.

Он сделал ко мне шаг, но я правильно выбрала момент и вытащила руку из кармана, выставив вперед маленький револьвер, который мне дала леди Корделия.

– Назад, – скомандовала я.

Мистер де Клэр остановился, в изумлении подняв руки вверх.

– Это лишнее, дорогая моя. Опустите револьвер, и давайте поговорим.

– Я уже достаточно с вами наговорила, – сказала я.

Он сделал знак Тихому Джону, который начал осторожно приближаться ко мне. Я вздохнула. У меня не было никакого желания стрелять в этого типа, несмотря на то, как он поступил со Стокером. Я подняла вторую руку и вытащила шляпную булавку. Ветер подхватил мою шляпку с фиалками и сорвал ее с головы как раз в тот момент, когда Тихий Джон протянул руку к моему револьверу. Я сделала вид, что позволю ему забрать оружие, подпустив таким образом ближе к себе, и когда его пальцы сомкнулись на моем запястье, я изо всех сил воткнула булавку в его руку и давила до тех пор, пока она не наткнулась на кость.

Он закричал, как раненый зверь, и отшатнулся, а я уже стояла одной ногой на борту лодки. Отсалютовав дяде, я спрыгнула вниз, и зловонные зеленые воды Темзы сомкнулись у меня над головой.

Река была гораздо холоднее, чем я думала, от неожиданности у меня перехватило дыхание. Я начала выплывать к поверхности, по крайней мере, пыталась, но юбка, отяжелевшая от воды, тащила меня вниз. Тогда я

поняла, что не рассчитала свои силы в холодной воде, да еще и в одежде. Я уже начала размышлять о возможной смерти, когда почувствовала, что кто-то крепко обхватил меня за талию. Вода была слишком мутная, чтобы что-то в ней разглядеть, но я знала эту руку. Она крепко держала меня, прижимая к сильному мужскому телу, и я поняла, что могу расслабиться. Он легко и спокойно поднял нас к поверхности. Я взглянула наверх и увидела, что мы всплыли как раз за кормой лодки.

Стокер, полный сил и с ясным сознанием, приложил палец к губам, а потом приподнял меня повыше, чтобы я смогла получше отдышаться. Прямо над нами стоял Эдмунд де Клэр со своими приспешниками, напряженно всматриваясь в воду, к счастью, с противоположной стороны. Стокер указал на ступени военно-морского колледжа на некотором расстоянии от нас и поднял вверх три пальца. Я сделала вдох, а он поднял два пальца. Я постаралась набрать в легкие как можно больше драгоценного воздуха, и он снова потянул меня под воду. С полным спокойствием он тянул меня по направлению к ступенькам колледжа. Я мечтала поскорей там оказаться, с болью понимая при этом, насколько мал наш шанс на успех. Это было делом буквально нескольких секунд – скоро мистер де Клэр поймет, что мы могли уйти от него только в одном направлении.

Мы не преодолели и половины пути, как я ощутила жжение в груди: в моих легких совсем не осталось воздуха. Я слегка толкнула Стокера, он понял и поднял меня к поверхности. Отплевываясь, я оглянулась назад и поняла, что недооценила своего дядю. Он уже заметил нас и отдавал команды своим людям разворачивать лодку и начинать преследование. Испортившаяся погода прогнала с реки все прогулочные лодочки. В отдалении виднелось лишь несколько катеров, но, кажется, до них невозможно было докричаться.

– Ничего не выйдет, – пробормотала я Стокеру. – У тебя ничего не выйдет, если будешь тащить меня. Плыви. Они не причинят мне вреда, но если он снова доберется до тебя, то точно убьет.

В ответ я услышала совершенно непечатное выражение, и у меня потеплело на сердце, когда я поняла, как он оскорбился из-за предположения, что может бросить меня одну. Он дал мне еще немного времени для очередного вдоха и вновь утащил нас обоих под воду, на этот раз он греб изо всех сил: ногами и одной свободной рукой, ведя нас через холодную зеленую воду, будто сын Посейдона. От таких усилий он быстро выдохся, потому что в следующий раз мы поднялись из-за него: ему не хватило дыхания. Я оглянулась и увидела, что лодка Эдмунда де Клэра

стремительно приближается, и вновь повернулась к Стокеру с надеждой уговорить его плыть без меня.

Но не успела я даже подобрать для этого слов, как маленькая быстрая яхта, изящная и ловкая, как дельфин, приблизившись, оказалась как раз между нами и Эдмундом де Клэром. Протянутая с борта рука предложила Стокеру помощь. Мы выбрались на палубу; с нас лились потоки отвратительной речной воды, и мы никак не могли отдышаться, а Морнадей повернулся к рулевому.

– Обратно, вверх по реке, Толли. И побыстрее.

Лодка проворно двинулась с места, проскочив прямо перед носом лодки Эдмунда де Клэра. Я успела увидеть, что его красивое лицо искажено гневом и он приказывает своим людям скорее разворачивать лодку и плыть вниз по реке. Как бы сильно он ни хотел поговорить со мной, еще сильнее он хотел не привлекать к себе ничьего внимания, и я была очень благодарна нашему спасителю, но и сильно заинтригована тем, как развиваются события.

Морнадей принес одеяла и фляжку хорошего ирландского виски и предложил нам все это. Он кивнул в сторону военно-морского колледжа, когда мы проплывали мимо, обратив наше внимание на флаги, уже вывешенные там в честь празднования юбилея королевы.

– Весь Лондон соберется, чтобы посмотреть на ее торжественный выезд, – заметил Морнадей. – Дебелая немецкая домохозяйка, не очень умная и совсем не разбирающаяся в жизни, и все-таки весь мир готов почтительно замереть, отдавая дань ее долголетию.

Весь его просторечный говор куда-то исчез, так же как и его обычный веселый тон. Этот Морнадей был более серьезным человеком, внимательным и полностью сосредоточенным на текущем деле.

– Вы республиканец? – вежливо спросила я.

Он улыбнулся, показав свои красивые зубы.

– Я англичанин и служу прежде всего своей стране, а потом уже королеве. Меня волнует только состояние Англии.

– И в каком статусе вы служите Англии? – спросил его Стокер.

– В качестве полицейского. Инспектор Морнадей к вашим услугам, – сказал он, отвесив нам поклон. Он произнес это так, будто был простым городовым, но я сразу поняла, что он занимает более высокое положение.

– Вы расследуете убийство барона? – спросила я.

– Неофициально, но да. Я изо всех сил старался уберечь вас от опасности, хотя вы постоянно мешали мне в этом деле, – сухо добавил он.

– Но в чем может быть опасность для меня в связи со смертью барона?

– Не могу вам сказать.

Он жестом остановил мою возмущенную тираду.

– Вам совершенно ни к чему спорить со мной. Я рискую даже больше чем своим положением в Скотланд-Ярде, просто находясь сейчас здесь с вами.

– Но почему ваша позиция в Скотланд-Ярде должна пошатнуться от того, что вы нам помогаете?

– Потому что он скрывает местоположение человека, которого разыскивает полиция для дачи показаний в расследовании, – ответил за него Стокер.

Морнадей кивнул с серьезным видом.

– Именно так. Мой долг – доставить вас к начальству и позволить им допросить вас. Но я решил, что важнее другое.

– Что важнее? – спросила я.

– Ваша безопасность. Я верю, что хоть мистер Стокер, конечно, и не является вашим мужем, но все– таки он лучше всех способен сейчас заботиться о вашем благополучии.

– Очень благородно с вашей стороны, учитывая, что вы уже дважды спасали нас, – кисло заметила я.

Он снова улыбнулся.

– Да, это я погнался за мистером де Клэром у дома барона. И если бы я умел лучше стрелять почти в полной темноте, вся эта история могла бы закончиться уже тогда, – с сожалением заметил он.

Я не смотрела на Стокера, но прекрасно представляла себе самодовольное выражение его лица, ведь он оказался прав в отношении жестокости мистера де Клэра. И как я могла усомниться в его правоте?! Я ощутила острую боль в груди от этой мысли, а еще оттого, что вскоре мне придется расстаться с гинеей, если наш спор со Стокером решится в его пользу. А Морнадей продолжал:

– У меня были все основания полагать, что мистер Стокер сумеет прекрасно освободиться и без моего вмешательства. Но, учитывая его семейную историю, я не был уверен, что он обойдется при этом без лишнего кровопролития, а мне бы очень хотелось этого избежать.

– Что за семейная история? – спросила я.

– Думаю, мистер Стокер сумеет лучше вам об этом рассказать.

Стокер сидел рядом со мной на скамье не шевелясь, руки бессильно лежали у него на коленях. Когда он заговорил, голос его был ровным, почти скучающим, но это полное отсутствие эмоций холодило мне кровь больше, чем все его вспышки гнева.

– Морнадей, когда это дело так или иначе закончится, я найду вас. И нам будет о чем поговорить.

Для постороннего слушателя это могло звучать просто как планы на будущее, но я поняла, что это угроза; понял это и Морнадей.

Улыбка Морнадея сделалась лишь немного кислее, но я заметила, как побелели его губы; и все же ему удалось сохранить дружественный тон.

– Буду ждать с нетерпением. Но если выйдет по– моему, нам с вами вряд ли удастся встретиться. Я хочу, чтобы вы уехали из страны, мистер Стокер, и забрали с собой мисс Спидвелл.

– Вы знаете ее имя? – Стокер перевел взгляд с Морнадея на меня. – Ты говорила ему, что мы на самом деле не женаты?

– Нет, не говорила, – ответила я. – Совершенно не представляю, как он узнал мое имя.

– У меня свои методы, – вкрадчиво сказал Морнадей. – Итак, мисс Спидвелл, я планирую однажды стать старшим инспектором. Но этого не произойдет, если на моей репутации будет пятно. И я не хочу, чтобы вы были тому причиной.

– Почему тогда вы нам помогаете? – спросила я, крепче заворачиваясь в одеяло. Немного согревшись, я поняла, какой жуткий запах от меня исходил, а от Стокера – и того хуже. Темза – опаснейшее место, подумала я, нам обоим очень повезет, если мы не подцепим после такого плавания никакой ужасной болезни.

Ответ Морнадея оказался для меня неожиданным.

– Потому что полиция не всегда бывает права. Мой начальник считает мистера Стокера убийцей барона, а вас подозревает в пособничестве. Но я уверен, что он неправ. А мне очень нравятся ситуации, в которых он оказывается неправ.

Его губы скривились в улыбке.

– К сожалению, очень неразумно указывать своему начальнику на ошибки. А потому я привык просто обходить его, устраивая собственное расследование и уводя у него подозреваемых прямо из-под носа. Я последовал за вами в бродячий цирк по собственному почину, наблюдал там за вами и составил мнение, что никто из вас не виновен в смерти барона.

– Вы подкупили профессора, чтобы он нанял вас конюхом?

– Да, я сочинил для него историю о несчастной любви и рухнувших надеждах и убедил его в том, что мистер Стокер увел у меня невесту. На него это произвело большое впечатление. Подозреваю, что в душе он романтик, к тому же с радостью готов был поверить любым наветам на

мистера Стокера. Он даже сам рассказывал мне, какой вы злодей.

– И вы обещали ему еще больше денег, если он разузнает о нас что-то важное. И Саломею вы просили о том же, – сказала я обвиняющим тоном.

Морнадей прищелкнул языком.

– Да-да, все верно. Я заплатил им обоим, чтобы они постарались что-нибудь разузнать. И мне это стоило совсем недорого, – заметил он, многозначительно посмотрев на Стокера. – Обещание нескольких монет профессору, еще нескольких – Саломее, и вот они уже готовы на все, лишь бы раздобыть какие-нибудь сведения. Профессор все еще хранит обиду из-за какой-то вашей старой размолвки, а Саломея будет зубами держаться за любую возможность прибыли. Она за пятак и мать продаст.

Он еще раз взглянул на Стокера.

– Вам правда следует осторожнее выбирать друзей, старина.

– Не беспокойтесь, – так же холодно ответил тот. – Вам не грозит оказаться одним из них.

– Но если вы не считаете нас виновными в убийстве барона, то как же тогда эта информация попала в газеты? – спросила я.

Морнадей поморщился.

– Расследование почти не продвигалось, и начальник согласился дать мне небольшой отпуск. Я не сказал ему, что на самом деле пытаюсь проверить одну идею, и потому, когда его терпение лопнуло, ничто не помешало ему объявить в розыск человека, которого он сам считал наиболее вероятным подозреваемым. А я последовал за вами в Лондон и вновь напал на ваш след у дома барона, когда вы туда вломились.

Я услышала осуждение в его голосе.

– У нас были на то причины, – заметила я холодно.

– Конечно, были. Уверен, вы пришли туда, возомнив себя детективами-любителями и желая самостоятельно раскрыть убийство барона, чтобы очистить мистера Стокера от обвинений в убийстве, которого он не совершал.

– А как вышло, что вы сегодня оказались в нужном месте в нужное время, как раз чтобы суметь спасти нас? – спросил Стокер.

Морнадей снова улыбнулся.

– У меня есть связи среди лодочников. Своевременно подкупив нужных людей, я выяснил, что мистер де Клэр собирается нанять лодку и что он специально искал что-то легкое и быстрое. Логично было предположить, что он собирается похитить мисс Спидвелл, и совсем несложное дело – найти для себя еще более быстрое судно. После этого мне оставалось только внимательно следить за ним и держаться на

некотором расстоянии, чтобы, когда потребуется, вмешаться.

Он строго посмотрел на нас.

– Но все это уже позади. Вы должны поверить мне и скорее покинуть Лондон. Начальник начал что-то подозревать из-за моих частых отлучек. Я не смогу все время прикрывать ваш тыл, а эти негодяи от вас так просто не отстанут.

Он подал знак рулевому, и тот повел катер к причалу, у которого виднелось множество судов, а дальше – линия складов.

– Это вест-индские доки. Думаю, вы сумеете найти там экипаж. Дальше везти я вас не могу и не вправе больше ничего вам рассказывать. Прошу вас, уезжайте, если вам дорога ваша жизнь, куда угодно из Англии.

– Как насчет Ирландии? – нарочно спросила я.

Он тихо выругался.

– Если думаете, что знаете что-то об Ирландии, забудьте это немедленно. Я уже говорил вам, что не имею права ничего рассказывать, но да, мистер де Клэр и его друзья – ирландцы, и, если хотите прожить достаточно долго, чтобы еще хоть раз отпраздновать свой день рождения, вам нужно держаться от них подальше.

Он взволнованно посмотрел на Стокера.

– Вы должны как-то убедить ее. Вывезите ее из страны для ее собственной безопасности.

Стокер пожал плечами.

– Я даже не могу уговорить ее просто сидеть дома. Почему вы думаете, что я смогу заставить ее уехать из страны?

Я накрыла своей рукой руку Стокера успокаивающим жестом.

– Не расстраивай мистера Морнадея, Стокер. Видишь, он и так уже удручен нашим поведением. А ведь мы ему многим обязаны.

Лодка плавно подошла к небольшому причалу, и Морнадей помог нам выйти на берег, а затем показал самый быстрый путь до главной дороги.

Я протянула ему руку.

– Благодарю вас за доброту. Если нам доведется увидаться снова, надеюсь, это произойдет при совершенно иных обстоятельствах, – сказала я ему.

Он отдал честь, и маленькая лодка стала удаляться от нас так же быстро, как до этого появилась, ловко обошла большой корабль и устремилась вверх по реке.

Стокер повернулся ко мне с откровенным недоверием на лице.

– Но ты же не собираешься уезжать из страны?

Это был даже не вопрос, а утверждение, и я с удовлетворением

вздохнула, осознав, что он наконец-то начал меня понимать.

– Конечно, нет. Но зачем заставлять мистера Морнадея волноваться? Ведь он такой милый.

– Милый! – Стокер фыркнул. – Он подкупил людей, которых я когда-то считал своими друзьями, чтобы раздобыть у них сведения о нас, и этот поступок не может остаться безнаказанным.

– Об этом подумаем в дождливый день, – пообещала я ему. – А пока мы должны вернуться в Бишопс-Фолли, переодеться в сухое и заняться насущными проблемами. Нам есть о чем поговорить.

Глава двадцать третья

Вопреки беспечному уверению Морнадея, что мы с легкостью найдем кеб, нам пришлось довольно долго идти пешком, прежде чем нам попался пустой экипаж и извозчик, который готов был взять двух совершенно грязных пассажиров. Стокер назвал ему адрес Бишопс-Фолли, и мы уселись поближе друг к другу – просто чтобы согреться, а не из каких-то эмоциональных порывов.

Вскоре Стокер начал улыбаться.

– Что тебя так развеселило? – спросила я.

– Ты. Я почти не верил, что ты сможешь понять мой сигнал.

– Эти твои театральные попытки изобразить азбуку Морзе стуком кулаков о палубу? Удивительно, что их не распознал каждый лодочник на Темзе.

Он закатил глаза.

– Прости, что не нашел средства поизящнее, чтобы сообщить тебе о своих планах, но мне пришлось импровизировать. Меня раньше не похищали. В следующий раз я придумаю что-нибудь получше.

Я приснула, не слишком красиво для дамы.

– Но мы ведь справились, несмотря ни на что. И для первого раза у тебя очень хорошо получилось.

Он прищурился.

– Вероника, а тебя уже похищали прежде?

Я неопределенно махнула рукой, припомнив своего несдержанного корсиканского приятеля и несколько других довольно деликатных историй в Сараваке и Мексике.

– О, сто раз.

Он открыл было рот, чтобы ответить, но передумал, и до Бишопс-Фолли мы ехали в скучном молчании.

Добравшись до Бельведера, я с удивлением осознала, как быстро он стал мне казаться своего рода домом – временным, не своим, но все же домом. Я затопила камин в нашем укромном уголке и поставила чайник на огонь, а Стокер, порывшись в ящиках, раздобыл моток тонкой бечевки. Один конец он завязал на запястье у кариатиды, а другой – на бивне нарвала, устроив нам таким образом очень оригинальную бельевую веревку. Я первая пошла в комнату с необходимыми удобствами, чтобы помыться и постирать одежду, и еще развешивала свои вещи на просушку,

когда Стокер вышел после своих процедур, вытирая волосы полотенцем, с рубашкой, расстегнутой на груди.

– Все мои сладости остались на дне Темзы, – проворчал он.

Я поискала на полке с продуктами и нашла немного медовых леденцов. Все они склеились в один комок, но Стокер радостно взялся отдирать их друг от друга, и, когда наконец сумел положить первую конфету в рот, он закрыл глаза и вздохнул от неописуемого блаженства.

А я тем временем составляла список всего, чего лишилась. «Шляпная булавка, шляпка с фиалками, револьвер леди Корделии, все пропало», – стонала я. А вот маленький бархатный мышонок пережил мое подводное плавание. Я положила его в теплое незаметное местечко у камина, пока Стокер развешивал свои вещи. Я не считала Честера детской игрушкой; он просто был чем-то вроде талисмана, но Стокер, конечно, начал бы над этим подшучивать, а мне сейчас совсем этого не хотелось.

Я очень расстроилась, выяснив, что мой компас насквозь промок, и решила просушить его. Ворча, я трясла и поворачивала его и так и сяк, надеясь, что стрелка начнет двигаться.

– Проклятье. Кажется, вода попала внутрь, и он сломался, – пробормотала я.

Стокер подошел ко мне и посмотрел мне через плечо.

– Дай я попробую. Мне нравится чинить всякие механизмы, – сказал он, забирая у меня компас. – Откуда он у тебя?

– От тети Люси. Она сказала, что с ним я всегда найду дорогу домой, и с тех пор я везде ходила только с ним.

Он поворачивал его, рассматривая со всех сторон.

– Дорогая штучка и тяжелая для такого размера.

– Да, тетя Люси была такой: если у нее оставалось всего несколько пенсов, она предпочитала купить на них цветы, а не хлеб. А тетя Нелл была ее противоположностью, абсолютно практичной во всем. Она не одобряла склонности к транжирству у тети Люси. Вообще-то, она и компас этот терпеть не могла, наверное, именно потому, что он такой дорогой.

– Терпеть не могла? – спросил он, но голос у него был отсутствующим, а все внимание – приковано к вещице у него в руке.

– Да, он висел у меня на цепочке, когда я первый раз зашла к ней в комнату после ее апоплексического удара. Она увидела его и так разъярилась, что доктору пришлось сделать ей инъекцию морфина, чтобы она успокоилась. С тех пор я при ней его не носила, чтобы не расстраивать ее.

– Интересно, – пробормотал он. Он поднес компас к уху и сильно

потряс.

– Стокер! Что ты делаешь? Ты же его ломаешь!

Тогда он приблизил его к моему уху.

– Слушай.

Он еще раз потряс его, и тогда я услышала слабый, но совершенно отчетливый стук.

– Что же это...

Я взяла компас и провела большим пальцем по боковой стороне. И впервые заметила тонкий шов по краю. Из-за событий сегодняшнего дня он слегка разошелся, и одна часть оказалась немного выше, чем все остальное. Я попыталась подцепить его ногтем.

– Нужно что-то потоньше, – пробормотала я. Стокер вынул нож из чехла, который он снял с себя, когда переодевался.

– Попробуй этим.

Я просунула идеально заточенный край лезвия в шов и слегка надавила. Компас открылся так неожиданно, что я чуть его не выронила. К задней стенке компаса был прикреплен ключ. Я подцепила его ножом.

– Тетки оставили тебе что-нибудь с замком? Сундучок? Чемоданчик?

– Нет, ничего. Только это – совершенно безымянный ключ, – сказала я с разочарованием.

– Не совсем безымянный, – возразил он, покрутив его в руке. По всей длине ключа было выгравировано несколько букв.

– «ЛОБОКСТ», – прочитала я вслух. – Но что это значит? Звучит как неприличное слово.

– Очень сомневаюсь, что твои тетки оставили бы тебе ключ с вариациями слова «лобок» на нем. Может быть, это фамилия? Ты никогда не слышала о ком-то из их знакомых с такой фамилией?

– Лобокст? Нет, что за странное предположение. Не бывает людей с фамилией Лобокст.

– Да, навряд ли, – согласился он. – Тогда, может быть, это анаграмма.

Мы взяли карандаши и бумагу и принялись за работу, но вскоре сдались, поняв, что это никуда нас не приводит.

– У меня получился только «стол», – заметила я. – Понятнее не стало.

– Это точно. Кому придет в голову запирасть что-то важное в столе? Может быть, это все-таки иностранная фамилия.

– Если смотреть очень внимательно, начинает чудиться что-то фламандское.

– Нет, – просто ответил он. – У нас и так уже замешаны ирландцы благодаря нашему злодею де Клэру. Еще и фламандцы – это уже слишком!

– Что-то ты очень раздражительный. Господи, я знаю, почему! Мы уже сто лет ничего не ели, да и чайник давно выкипел.

На этот раз была очередь Стокера организовывать нам еду, и мы пообедали холодной говядиной с горчицей и хлебом и выпили чаю.

– А теперь давай вспомним все сначала, – сказала я, – все, что нам известно.

– Твоя мать была ирландской актрисой, изменившей имя ради карьеры, – энергично начал он.

– Подожди минутку. Может быть, здесь мы что-то найдем. Ее фамилия до того, как она поменяла ее, была де Клэр. Мы что-нибудь знаем о де Клэрах?

Он пожал плечами.

– Старый род, упоминается уже в Книге Страшного суда[22], так же как и Темплтон-Вейны. Какой-то король выслал их в Ирландию, и с тех пор они там живут.

Я покачала головой.

– Не понимаю. Если она была де Клэр, значит, и она, и мой двуличный дядя – из знати. Какие возражения могли быть у семьи моего отца против их свадьбы?

– Ее профессия. Актрисы добились большего уважения к себе начиная со времен Реставрации, но семья вроде моей ни секунды не будет сомневаться в том, что такой брак невозможен. К тому же де Клэры уже много веков живут в Ирландии, размножаясь как кролики. Несомненно, там уже десятки побочных веток, представители которых сильно опустились в социальной иерархии. Может быть, по рождению она была ничуть не лучше, чем дочь купца или фермера.

В его глазах сверкнула хитрая искорка.

– Тебе нужно спросить об этом дядю. Даже рад буду еще раз с ним повидаться: я задолжал ему хорошую взбучку.

Я строго посмотрела на него, и он пожал плечами.

– Ну или ты можешь попробовать найти других родственников. Может быть, у нее есть еще братья и сестры или даже твои бабушка с дедушкой до сих пор живы.

– Исключено. Я не поеду в Ирландию.

– Почему?

– Ты бывал в Ирландии? Ужасный климат. Сплошные туманы.

– А чем тебе не нравится туман?

Я посмотрела на него с таким же презрением, с каким взидала впервые в жизни на турецкий унитаз.

– Чересчур мрачно. Бабочки любят солнце. Ирландия – для людей-молей.

– Ты лепидоптеролог, – сказал он обвиняющим тоном, – и не должна с презрением относиться к моли.

– Я имею право на некоторые предпочтения, – ответила я и вернулась к основному вопросу. – И вообще, не вижу особого смысла отправляться в Ирландию, если Ирландия сама к нам пришла. Мой дядя и все его приспешники – ирландцы.

Я замолчала, вспомнив о странной пряности, которой пах мой дядя.

– Как думаешь, почему он жуёт тминные зерна? Не пойму, что это может означать.

– Что у него проблемы с пищеварением, – не задумываясь, ответил Стокер. – Семена тмина – ветрогонное средство. Я иногда прописывал их пациентам с излишним газообразованием.

– Хочешь сказать...

– Да, – сразу ответил он, не дав мне закончить предложение.

– Какая жалость, – пробормотала я. Я боялась встретиться с ним глазами, чтобы не рассмеяться; меня очень позабавила мысль о похитителе, страдающем метеоризмом. Я чопорно поджала губы.

– Итак, у нас есть мать, дядя и всякие бандиты из Ирландии, где я родилась. Мы предполагаем, что мать оставила меня на попечении сестер Харботтл, а они решили, что им нужно покинуть Ирландию. Но почему? Кто в такой ситуации может угрожать ребенку?

Наши глаза встретились, и мы сказали в один голос:

– Отец.

– Мне бы не хотелось в это верить, но, может быть, ты и прав. Все это выглядит очень логично, – заметила я. – Можно предположить, что мой отец тоже был ирландцем, возможно, более благородного происхождения, чем мать, и, вероятно, из консервативного семейства. После моего рождения он женится на другой женщине, а не на моей матери. Лили Эшборн умирает, может быть, и от его руки. И кто после этого связывает его с прошлым? Ребенок. Ему нужно как-то закрыть для себя эту дверь. Боясь его, сестры Харботтл покидают Ирландию и постоянно переезжают с места на место, чтобы избавиться от него и возможных угроз с его стороны.

Я перевела дух.

– И что потом?

Стокер сразу же подхватил мою мысль.

– Он не может найти тебя. Может быть, за эти годы он и подбирался

близко или пустил своих людей по твоему следу. Вероятно, какие-то зацепки у него имелись. Возможно, сестры Харботтл не всегда были настолько внимательны, как следовало.

– Барон знал их фальшивые имена, и нам известно, что он был как-то связан с моим отцом, – добавила я. – Мой отец мог выяснить что-то о нас через барона. Прежде барон не представлял, где мы живем, но, когда умерла тетя Нелл, я поместила заметку в лондонскую газету. Я сомневалась, что у них где-то были друзья или связи, но хотела убедиться, что у них не осталось никаких долгов. И таким образом барон сумел нас найти.

Мы помолчали с минуту, пытаясь сделать свои выводы.

– Мне пришла в голову еще одна причина, по которой они не смогли быть вместе, – вдруг сказал Стокер. – Может быть, твоя мать была из очень уважаемой и богатой семьи. Но в Ирландии даже с помощью денег иногда нельзя соединить мостом разные берега реки.

– Религия, – догадалась я.

Он коротко кивнул.

– Именно. Из газет мы знаем, что твоя мать была практикующей католичкой. А что если твой отец был протестантом? Эти разногласия преодолеть непросто.

В этом он был совершенно прав. Во время своих путешествий я пропустила какие-то самые сенсационные публикации, но просмотр газет у Стокера в мастерской восполнил мне некоторые пробелы. Только два года прошло с тех пор, как ирландцы заминировали Тауэр и Вестминстерский дворец, а незадолго до этого были убийства в Феникс-парке: нападение террористов на министра по делам Ирландии и его помощника. Министра не защитило и то, что он был членом могущественного клана Кавендишей. Даже королевская семья была в опасности. Несколько лет назад ирландский злоумышленник чуть не убил в Австралии родного сына королевы. И это всего несколько последних событий в истории многовекового конфликта.

Я вздохнула.

– Несложно поверить, что протестант из хорошей семьи не осмелился жениться на актрисе-католичке. Каждого из них родная семья сочла бы предателем. Они оба оказались бы в опасности, большей или меньшей, в зависимости от того, как их семьи относились к гомрулю[23].

Я уронила голову на руки.

– Боже мой, какая ужасная неразбериха.

– Может быть, мы еще не все знаем, – добавил он.

Я подняла голову и посмотрела ему прямо в глаза.

– Сегодня меня похитили, чуть не утопили, а я воткнула шляпную булавку в руку человеку. Я непотопляема, Стокер. Говори, что там еще.

– Мне пришло в голову, что твой отец может быть заодно с твоим дядей, – прямо сказал он. – А если все именно так, то он, возможно, виновен и в смерти Макса.

Я вздрогнула.

– Это невозможно.

– Как ты можешь это утверждать? – резонно возразил он. – Ты же ничего о нем не знаешь.

– Зато я знаю, что совершенно нелогично думать, с одной стороны, что мой отец может быть замешан в смерти Лили Эшборн, а с другой – что он плетет интриги вместе с ее братом!

Он пожал плечами.

– Нелогично, но не невозможно. К тому же у нас нет никаких доказательств, что твой отец имеет к ее смерти хоть какое-то отношение. Насколько нам известно, его вынудили жениться на другой, и он страдал от того, что ему пришлось отказаться от Лили.

– Ну что ты говоришь?! – я стукнула ладонями по столу и вскочила с места.

В очередной раз он, к своей чести, ничего не сказал, молча смотрел, как я хожу взад-вперед, и ждал, когда пройдет мое негодование. Я издала вздох нетерпения и вновь опустилась в кресло.

– Не дуйся, – предупредил меня Стокер, – а то на лице останутся угрюмые морщины.

– Я не дуюсь, а думаю.

Через несколько минут я сдалась.

– Ну хорошо, ты можешь оказаться прав. Может быть, мой отец злодей, а может быть, и нет. Может быть, он был как-то причастен к смерти моей матери, а может быть, и не был. Также он мог быть связан или не связан со смертью барона. В результате всех этих рассуждений мы только еще больше замутили воду, Стокер.

– Знаю. – Он потер виски. – Мы же ученые. Наше призвание – рассуждать критически, а в этом деле мы постоянно ведем себя совсем иначе.

Я с удивлением посмотрела на него.

– Ты только что признал, что я ученый, а не дилетант, который бегаёт за милыми крылатыми созданиями.

– Да, ты бегаешь за милыми крылатыми созданиями, – возразил он, – и не любишь бедную пушистую моль.

– Не смейся меня. Может быть, я и не люблю все виды моли, но некоторые из них – просто отличные. Например, *Hyalophora cecropica*...

Он жестом прервал меня.

– Ты не должна передо мной оправдываться. Ты права: все мы имеем право на некоторые предпочтения. Мне было бы гораздо приятнее работать с львицей, чем со стервятником. Мы – простые смертные, Вероника, и созданы так, что всегда предпочтем красоту уродству.

Его губы скривились от последних слов, и я задумалась, не говорит ли он сейчас и о своей испорченной красоте, не чувствует ли себя от этого как-то неполноценно.

Вдруг я снова вскочила с места, на этот раз с торжеством на лице.

– Я знаю, что означает надпись на ключе.

– Что? – спросил он.

– Куда бы ты пошел для хранения разных ценностей?

– В банк, – сразу ответил он.

– А в каком мы сейчас городе?

– В Лондоне.

На его лице проступило понимание.

– ЛОБ – ЛОНдонский Банк.

– Именно.

– А ОКСТ?

В его глазах засверкал огонек, и он улыбнулся.

– Отделение на ОКсфорд-СТрит.

Я победно воздела над головой сжатые в кулаки руки.

– Да! Я знаю, что это правильно. Я просто знаю это.

– Вероника, – мягко спросил он, – что ты надеешься там найти?

– Доказательство того, что мой отец не причинял вреда моей матери, – ответила я. – Или доказательство обратного. Что-нибудь, что угодно, за что можно зацепиться и узнать наверняка, что так и было.

Он испытующе посмотрел на меня, затем одобрительно кивнул.

– Это я могу понять.

– Что имел в виду Морнадей, когда говорил о твоей семейной истории? – спросила я.

Он смотрел себе на руки, думая, что мне ответить.

– Давай просто скажем, что инспектор Морнадей знает о таких вещах, которые его совершенно не касаются, о том, что должно было быть погребено уже много лет назад.

– Не стоило и мне совать нос.

Он слабо мне улыбнулся.

– Дело не в том, что тебе не положено знать, а в том, как тяжело мне рассказывать.

Я ничего не сказала, и вскоре он продолжил.

– Я не близок со своей семьей. Вот почему я пользуюсь не тем именем, которое дал мне лорд Темплтон-Вейн, а только его вариацией, – сказал он, скривив губы. – Я не разговариваю с ними, а они – со мной. Так лучше для всех. Старые грехи забыть невозможно, но можно спрятать подальше.

У меня на языке вертелась тысяча вопросов, но я не задала ни одного. Вместо этого я просто сменила тему.

– Ты спорил со мной на гинею о том, что мое рождение как-то связано со смертью барона. Если мы узнаем все, что можно, о моем отце, то тогда, если ты прав, у нас в руках появится гораздо больше зацепок, чтобы найти убийцу барона.

– Да, правда, – сказал он безучастно.

– Инспектор Морнадей был так добр выступить нашим союзником. Он помог нам выиграть время, может быть, даже достаточное для того, чтобы доказать твою невиновность.

Стокер испытующе посмотрел на меня.

– Ты правда настолько наивна? В его действиях нет ни капли доброты.

– Да, признаю, он, конечно, и сам выиграет в профессиональном плане, если сможет успешно завершить это дело, – согласилась я.

Он подавил смешок.

– Морнадеем больше движет либидо, чем амбиции. Ого, это был удар в цель. У тебя сразу запылали щеки.

Он налил себе еще одну чашку чая и плеснул в него виски. Меня возмутили его тон и то, с какой легкостью он осудил Морнадея. Этот человек спас нас, и не раз, а дважды, и не требовалось богатого воображения, чтобы понять, как Стокеру не понравилось его вторжение. Но мне были неприятны такие проявления мужской гордости, и я решила его проучить.

Я подняла подбородок.

– Да ничего подобного, – возразила я. – Если инспектор Морнадей надеется на некую плотскую награду в конце этого дела, то его надежды возникли не на пустом месте.

Стокер поперхнулся чаем.

– Что?!

– Ты меня слышал. Он красивый мужчина, – сказала я, получая удовольствие от разговора, – достаточно красивый, чтобы нарушить правило о том, что я не вступаю в связь с англичанами. У него очень

выразительные глаза и приятные манеры. И, кажется, я уже упоминала о его нежных руках.

Стокер красочно выругался и отставил чашку.

– Куда ты идешь? – мило спросила я.

– На улицу.

– Не забудь, что не нужно уходить далеко. Я обещала леди Корделии, что сегодня мы поужинаем с ней и его светлостью.

Вместо ответа он захлопнул за собой дверь. Я улыбнулась и налила себе еще чашечку чая.

Глава двадцать четвертая

После возвращения Стокер по-прежнему пребывал... в таком скверном настроении, что я даже пожалела Боклерков за необходимость общаться с ним во время ужина. За весь вечер он сказал с десяток слов: похвалил леди Корделию за ягненка, а лорда Розморрана – за приобретение прекрасной шкуры гималайского медведя. Так что мне и Боклеркам пришлось самим нести знамя цивилизованного общества, с чем мы, конечно, неплохо справились.

Мы остановились на теме путешествий, и лорд Розморран был рад услышать, что я посещала Швейцарию: эта страна представляла для него особый интерес.

– И как вам показалась Швейцария, мисс Спидвелл? – спросил он, принявшись за аккуратные рыбные рулетики.

– Там очень приятно, если не обращать внимания на количество больных с зобом, – ответила я.

За этим последовало крайне увлекательное обсуждение эффективности китайских методов лечения зоба, Ихэтуаньского восстания[24], опиумной зависимости, преступности в Ист-Энде[25] и сложностей в поисках кухарки, которая могла бы готовить действительно хорошее бланманже[26].

Во время этой нескончаемой беседы я выяснила также, что леди Корделия была членом клуба «Ипполита», созданного для того, чтобы чествовать достижения замечательных женщин. Я уже давно интересовалась этим заведением: известно было, что оно состоит исключительно из удивительно умных и образованных членов. Шутники из не самых почетных слоев общества окрестили его «Клубом любопытных», намекая на то, что его участницы постоянно суют свой нос туда, куда женщинам совершенно не положено, но члены клуба отнеслись к этому названию как к знаку почета. Что касается леди Корделии, то она была номинирована туда за статью о гиперцелых числах: она страстно увлекалась математикой. Я сама с трудом умножала за пределами десятка, а потому была крайне поражена и повернулась к лорду Розморрану, желая разделить с ним свое восхищение.

– А, да, Корделия и ее цифры. Очень полезный навык для ведения расходных книг, – ласково заметил он.

Я обернулась к леди Корделии, которая молча резала баранину на

мелкие кусочки. Редкостный шовинизм – свести ее выдающиеся интеллектуальные способности к колонкам в бухгалтерской книге, но по ее спокойному взгляду я поняла, что леди Корделия уже давно привыкла к этому добродушному пренебрежению, и глубоко вздохнула. Она заговорщицки мне улыбнулась, и я поняла, что она мне и правда очень нравится.

Со своей стороны, лорд Розморран был не прочь похвастаться своим новым сокровищем – чучелом евразийского филина, которое он приобрел на аукционе.

– Принадлежал Вольтеру. Или не Вольтеру... – засомневался он и полез в карман за карточкой с описанием экспоната. – Ну, неважно. Сейчас он мой, а остальное не имеет значения. Я назову его Тацитом.

Он ткнул меня локтем в бок.

– Вы заметили шутку? Неплоха, правда? Назвать чучело филина Тацитом.

Он все еще посмеивался, когда мы собрались уходить. Стокер немного замешкался, обсуждая с его светлостью новое приобретение. А леди Корделия тем временем провела меня в утреннюю гостиную, чтобы познакомить со своими попугайчиками-неразлучниками, Кратетом и Гиппархией. В их распоряжении была огромная клетка из кованого железа, не менее десяти футов в длину, но они сидели рядышком, на одной жердочке, совершенно соответствуя своему названию.

Я это и сказала леди Корделии, а она ответила своей доброй улыбкой Мадонны.

– Они преданы друг другу, – сказала она. Одетая, как обычно, во все черное, произнося эти слова, она крутила на пальце кольцо. Это был траурный перстень с прядью волос цвета спелых яблок.

Заметив мой взгляд, она распрямила плечи и спрятала руки в складках юбки.

– Как идет ваше расследование, мисс Спидвелл?

– Мы продвинулись вперед, – сообщила я. – Именно сегодня произошли важные события, во время которых, прошу прощения, я потеряла ваш револьвер. Позвольте мне возместить вам убытки.

Она покачала головой.

– Не беспокойтесь. Надеюсь только, что он вам пригодился.

– Да, очень.

– Хорошо, – ответила она. – Скажите мне, если вам понадобится еще какое-то огнестрельное оружие. У его светлости прекрасная коллекция.

– Ради бога, не нужно ее в этом поощрять, – сказал повелительным

тоном Стокер, как раз догнавший нас.

– Я не поощряю, – заметила она спокойно, – а подстрекаю.

Она повернулась ко мне:

– Мисс Спидвелл, ваше расследование может помочь всем нам. Надеюсь, вы знаете об этом.

Я подумала о том, что ее прекрасный математический ум тратится только на счета от мясника и подсчет столовых приборов, и с жаром пожала ей руку.

– Я приложу все усилия, чтобы не разочаровать вас, леди Корделия.

* * *

Когда мы со Стокером вернулись в свое убежище в Бельведере, я налила нам по доброй порции виски, но, когда попыталась вновь заговорить о последних событиях нашего расследования, он жестом остановил меня.

– Нет.

– Нет?

– Не сегодня. Ты сама говорила, что за сегодня мы уже побывали жертвами похищения, преодолели вплавь чуть не пол-Темзы, получили какие-то таинственные предостережения от Морнадея, и не знаю, как у тебя, но лично у меня голова просто раскалывается. Я сейчас выпью это и пойду спать, и просплю не меньше двенадцати часов. Завтра у нас будет целый день на то, чтобы бесконечно перебрасываться теориями, как теннисными мячиками. А до тех пор я хочу побыть один.

С этими словами он взял свой стакан и удалился на диван, где устроился с некоторым неудобством: длинные ноги наполовину свисали с подлокотника.

– Хорошо, – с готовностью согласилась я, – давай не будем говорить об убийстве и всех вопросах, с ним связанных.

Мы немного помолчали, вполне дружественно. Стокер читал зоологический журнал, а я размышляла о собственной физиологии. Я ощущала в себе настойчивую биологическую потребность, которую поначалу списала на возбуждение от наших недавних приключений. И резонно заметила, что стремление к физической близости сродни стремлению к выживанию, а мы совсем недавно с трудом избежали смертельной опасности.

Но затем я с грустью вспомнила, как много времени прошло с моей

последней любовной интрижки, и начала по пальцам отсчитывать месяцы с моего последнего путешествия – результат оказался плачевным. Сказать, что я немного тосковала по приятной мужской компании, было бы почти преступным преуменьшением проблемы. Честно говоря, меня бросало в дрожь от сильного желания, и по опыту я знала, что мои потребности будут становиться лишь сильнее до тех пор, пока я не смогу их удовлетворить. И хотя Стокеру, может быть, и не хватало изящества, но я была уверена: он мог бы с большой пользой применить в этом деле свои восхитительно ловкие руки и сильное тело. Кроме того, его преимущество состояло в близости.

Чрезмерной близости... Но он – мой соотечественник, а значит, совершенно не подходит мне в этом плане, подумала я со смешанным чувством разочарования и облегчения. Я не отказалась бы от того, чтобы достичь высшей точки телесного удовлетворения (как я знала по опыту, от этого появляется блеск в глазах, приятный цвет кожи и легкость походки), но не могла даже помыслить о том, чтобы использовать Стокера для достижения этой цели. Кувыркаться в постели с мужчиной – одно дело, но смотреть ему в глаза на следующее утро поверх масленки и чашек с чаем – совсем другое.

Потом я задумалась, как же он сам справляется со своими физиологическими потребностями. Я видела, как легко откликалось его тело (даже против его воли) на старания Саломеи. И во время наших кратких объятий в тени улицы он показал всю страстность своей натуры, хоть и строго держал себя в руках. Я мучилась этим вопросом какое-то время, пока наконец любопытство не одержало надо мной верх.

– Стокер, – начала я, – кажется, я не скрывала того факта, что в своих путешествиях за границу предаюсь регулярным и полезным для здоровья упражнениям интимного свойства. Думаю, мне нужно довольно срочно организовать очередное такое путешествие, иначе мне грозят проблемы со здоровьем. Уже слишком долго ничего не было. – Я окинула взглядом его всего, с растрепанных волос до поношенных сапог, и продолжила: – А у тебя когда было в последний раз?

Он с возмущением посмотрел на меня.

– Это, черт побери, не твое дело!

Я пожала плечами.

– Почему? Мы оба – ученые. Не понимаю, почему мы не можем открыто говорить на темы физиологии.

Меня часто посещают подобные мысли, и мне просто стало интересно, как с этим справляешься ты. Вдруг ты знаешь какой-нибудь эффективный

метод, чтобы избавиться от этих позывов?

Он поднял руки над головой, будто защищаясь от нападения.

– Прекрати сейчас же, прошу тебя.

Я прищурилась.

– Ты что же, совсем не хочешь поговорить об этом?

– Да, совершенно не хочу.

Я посмотрела на него с осуждением.

– Ой, да ладно тебе, Стокер, не изображай из себя скромника. Ну скажи, давно у тебя это было?

К моему изумлению, он покраснел.

– Довольно давно... Вообще-то, несколько лет назад, – выдавил он и замолчал.

– Как удивительно, – пробормотала я.

– Правда? Джентльмен должен уметь ограничивать себя рамками приличия, – холодно напомнил он.

– Любопытно: во всем остальном ты изо всех сил стараешься доказать, что не заслуживаешь своего титула. Откуда же такая щепетильность именно в этой сфере?

– Ничего любопытного, если учесть. – он вдруг оборвал себя.

– Что учесть? – мягко надала я.

Он долго молчал, а когда заговорил, в его словах слышались небывалые серьезность и весомость, с которыми не поспоришь.

– У меня есть особые причины, – сказал он. – И я должен просить тебя их уважать.

Поколебавшись, он продолжил хриплым голосом.

– Я не всегда вел себя как джентльмен, это правда. Но теперь я ступил на новый путь. Я больше не считаю, что тратить свою жизнь на шлюх и трактирных девок – подходящее для меня занятие.

Я чуть не рассмеялась, но он смотрел на меня так открыто, что я не стала, вместо этого села и сказала:

– Шлюхи и трактирные девки? Что за странная компания?

– А Бразилия – вообще странное место.

– Бразилия? Ты не был с женщиной со времен Бразилии? Стокер, но это же было много лет назад.

– И что? – спросил он.

– Тебе срочно необходимы постельные упражнения. Просто нездорово сдерживаться так долго.

– Ничего я не сдерживаю, – резко ответил он.

– Правда? Тогда возвращаемся к моему первому вопросу. Ты,

очевидно, мужчина с сильными страстями, но при этом живешь как монах. Может быть, самостоятельная разрядка? Ты когда-нибудь занимаешься...

– Ни слова больше! – взорвался он. – Не могу поверить, что ты спрашиваешь меня о подобных вещах. Я не намерен больше это обсуждать.

Я состроила гримасу.

– Что ж, прекрасно.

Теперь пришла его очередь удивляться.

– Правда? Ты отступаешь? Вот так просто?

– Боже, Стокер. А чего ты ждал? Я задала тебе искренний вопрос, и ты сказал ровно то, чем тебе казалось допустимо поделиться. Кроме того, я выяснила, что, хочешь ты того сам или нет, ты – настоящий джентльмен и, подозреваю, романтик.

Он фыркнул.

– Романтик?

– Конечно. Иначе бы ты свободно пользовался услугами множества профессиональных женщин легкого поведения в Лондоне. Я как прагматик не всегда могу понять романтиков, но уважаю их позицию.

– Ну хорошо, – сказал он не очень уверенно.

– Да-да, спокойной ночи, Стокер.

Удалившись за шикарную коромандельскую ширму[27], я легла на узкую походную кровать, когда-то принадлежавшую герцогу Веллингтону. Она была скромных размеров, но снабжена хорошей периной. Я устроилась удобнее, размышляя о том, с каким все-таки любопытным человеком свела меня судьба. Я слышала, как он перелистывает страницы журнала и вздыхает, меняя положение. Наконец он погасил лампу; мы лежали в темноте, разделенные ширмой. Ощущение было странное, но приятное.

Меня привлекали его быстрота ума и решительное желание жить по собственным законам. Я поняла, что эти черты у нас общие. Мы были будто двумя изгнанниками из далекой страны, заброшенными к чужеземцам, чьи обычаи мы не могли до конца понять. На самом деле мы говорили на одном языке, несмотря на все столкновения. Он не вполне доверял мне, это точно. А я способна была довести его до полного безумия. Но я знала также: что бы его ни мучило, я нужна ему – и было бы предательством повернуться спиной к человеку собственной породы. Я редко встречала людей, подобных нам, и по себе знала, как тяжело быть непохожим на других.

Лежа в темноте, я решила собрать все ключи, имеющиеся у нас на настоящий момент, и расположить их в идеальном порядке, чтобы утром представить их Стокеру вместе с блистательным решением, как это делала

обычно Аркадия Браун, леди-детектив. Но только я принялась перебирать все события в уме, как услышала голос Стокера.

– Холодная вода.

– Что, прости?

Он порывисто вздохнул.

– Попробуй холодную воду. Купаться, не пить. Лучше всего плавание, если получится. Оно точно прогонит все мысли подобного рода.

– Спасибо, Стокер. Я возьму это на заметку.

В ответ он только хмыкнул. Улыбнувшись в темноте, я погрузилась в блаженство гусиного пуха и льняных простыней и уснула как младенец.

Проснувшись, я поняла, что уже утро, хоть свет за окном был мутным и серым. Погода испортилась, и нам предстоял мрачный день; дождь барабанил по крыше. Я встала, умылась и оделась, а потом позавтракала сыром и холодным свиным рулетом. Стокер все еще спал, раскинувшись на диване, и я позволила себе немного полюбоваться сильным, привлекательным мужчиной, застигнутым в самый уязвимый момент – во время сна. Я бы с радостью сыграла роль Дианы для этого Эндимиона[28], но в свете нашей вчерашней дискуссии предпочла целомудренно держать свои руки при себе и принялась рассматривать моллюсков, чучела птиц, а заодно и всякую живопись. Я изучала разнообразные коллекции и просматривала книги и, к своему восторгу, обнаружила частный перевод труда Марии Сибиллы Мериан[29] *Der Raupen wunderbare Verwandlung und sonderbare Blumennahrung*. Только я радостно примостилась в кресле с первым томом «Удивительной трансформации гусениц», как у меня появилось странное чувство, что я тут не одна. Из-за облезлого чучела белой цапли, стоящей на одной ноге, за мной наблюдала пара любопытных черных глаз.

– Ты кто?

– Я могу спросить тебя о том же, – холодно ответила я.

Из-за птицы вышла девочка лет шести. На нарядном воскресном платьице поблескивали полоски, подозрительно напоминающие патоку, а ленточка в волосах сбилась набекрень, будто ее хозяйка только что продиралась через заросли кустов.

– Я Роза, – скромно ответила она.

– Нет, – камеристка леди Корделии, Сидони, появилась будто из-под земли и взяла ребенка за руку, – это леди Роуз. Ее отец – лорд Розморран.

Девочка пристально посмотрела на меня.

– А ты кто? – снова спросила она с величием, которой позавидовала бы любая императрица. Обычно мне не очень нравятся дети,

но эта девочка могла бы мне понравиться, подумала я.

– Я взрослый человек, который может не разговаривать с детьми.

Не успела она мне ответить, как появился Стокер.

– Доброе утро, леди Роуз. – Он отвесил ей учтивый поклон.

– Стокер! – радостно вскрикнула девочка. Она бросилась к нему, чтобы обнять, но Сидони остановила ее, положив ей руку на плечо.

– Леди Роуз, у вас манеры как у дикарки. Поздоровайтесь с мистером Стокером как полагается.

Сама она ему кивнула, продолжая сверлить его взглядом даже из-под опущенных ресниц.

– Мистер Стокер, рада вновь видеть вас. Надеюсь, у вас все хорошо?

– Даже очень, – серьезно сказал он и повернулся к девочке. – А как поживает малышка Роуз?

– Терпимо.

Терпимо! Это была не девочка, а какая-то солидная дама в обличье ребенка. Она указала на меня изящным взмахом руки и спросила:

– Ты знаком с этой дамой?

– Несомненно, – сказал он.

– У нее интересные глаза. Никогда не видела глаз такого цвета. Что это за цвет?

– Это цвет крыльев белобровой плюмажной котинги, *Iodopleura isabellae*, из Южной Америки, – ответил он, ни на минуту не задумавшись, и я испытующе посмотрела на него.

– Белобровая плюмажная котинга? Боюсь, мне незнакома эта птица, – тихо проговорила я.

– Я просто обратил на это внимание, вот и все, – поспешно ответил он и слегка покраснел. И если его замечание ничего не сказала Сидони, то цвет его лица что-то ей подсказал. Она посмотрела на меня с откровенным любопытством, а Стокер снова повернулся к девочке.

– Мисс Спидвелл – мой друг, а еще друг твоего отца и твоей тети Корделии, – со значением добавил он.

Упоминание леди Корделии сыграло свою роль. Девочка сразу присела в быстром реверансе. Я поклонилась в ответ. Тут как раз появилась ее тетя.

– Так вот ты где! Роуз, ты снова ворует патоку в кухне?

– Нет, – ответила девочка, с невинным видом широко раскрыв глаза.

Наклонившись, леди Корделия провела пальцем по щеке племянницы, а затем облизнула его.

– Патока. Сидони, отведи леди Роуз в ее комнату. Я скоро приду.

Сидони повела девочку в дом, но та изо всех сил упиралась до тех пор,

пока Стокер не протянул ей леденец за спиной у леди Корделии. Сидони, уходя, бросила на Стокера влюбленный взгляд.

– Надеюсь, моя племянница не сильно вас побеспокоила, – сказала мне леди Корделия. – Они с братом неожиданно прибыли вчера вечером, и мы временно остались без гувернантки.

– Ну что вы, – ответила я почти искренне. Леди Роуз действительно могла оказаться очень занятным собеседником.

– Она успела только обнаружить, что у мисс Спидвелл начисто отсутствует материнский инстинкт, – добродушно заметил Стокер.

Леди Корделия посмотрела на меня понимающе.

– И не только у мисс Спидвелл.

Я бы страстно желала подробнее развить эту тему, но леди Корделия действительно очень спешила.

– Простите, но мне нужно присматривать за детьми. По утверждению кухарки, Роуз выпила целую банку патоки, и ей, без сомнения, очень скоро должно стать нехорошо, а малыш Артур все утро пытается оседлать Бетани.

– А его светлость разве не проводит время со своими детьми? – спросила я. – В конце концов, сегодня воскресенье.

Ее тон был нарочито спокойным.

– Воскресенье у Амброуза – день уединения. Он избегает любого общения и проводит время у себя в комнатах, за чтением.

– Какое счастье, – заметила я, – для него.

Леди Корделия кивнула нам и вышла, а я с издевкой повернулась к Стокеру.

– Ух, коварные мужчины!

– В чем я виноват? – удивился он.

– Пока ни в чем, но ты единственный представитель своего пола, оказавшийся у меня под рукой, которого можно немного помучить. Получай тумаки за своих собратьев.

Он устроился в кресле напротив.

– А, понятно. Считаешь, что его светлость должен быть нянькой у собственных детей?

– Думаю, он должен больше участвовать в формировании их сознания, характера, а также в прививании им дисциплины. Почему этим должна заниматься бедная леди Корделия, выпасать их, как стадо упрямых овец? Леди Роуз – милое дитя и развита не по годам, но ее воспитание не должно полностью ложиться на плечи ее тетки.

– Ты застала Боклерков не в лучшем состоянии, – сказал он мне. –

Леди К. всегда приходится непросто, если гувернантка подает в отставку.

– А чья это забота – нанимать гувернанток? Не сомневаюсь, что леди Корделии. Кто ведет хозяйство, управляет слугами, следит за образованием детей, занимается счетами? Леди Корделия. Кажется, его светлость без зазрения совести пользуется ее добротой.

Стокер запрокинул голову и рассмеялся.

– Если ты так думаешь, то не знаешь леди Корделию. Поверь мне, если бы она хотела, чтобы дела обстояли иначе, она бы этого добилась. Да, на ней лежит ответственность за все важные сферы жизни и здесь, в Бишопс-Фолли, и в корнуоллском имении. Как ты и сказала, она следит за воспитанием детей, хозяйством, счетами и, осмелюсь сказать, даже за самим лордом Розморраном. Но ее это вполне устраивает.

Я с возмущением фыркнула.

– Можешь этому верить, если это тебя утешит. Но я все же буду утверждать, что все это мешает ей в достижении ее истинных целей.

– Каких именно?

– Пока не знаю. Знаю только, что с ней мне не так скучно, как с другими дамами из моего окружения.

Он в задумчивости посмотрел на меня.

– Кажется, ты хочешь завести нового друга.

– Может быть. Очень приятно встретить еще одну умную и здравомыслящую женщину. Поверь мне, это не очень частое явление.

– И в этом ты винишь мой пол, – подытожил он.

– Ну а как иначе? Ведь именно мужчины угнетали женщин и не позволяли им получить хорошего образования; женщины были так погружены в домашние дела и младенцев, что у них не было сил даже голову поднять. Вы ставите нас на пьедесталы, укутываете в вату и кудахчете о том, что мы слишком хрупки и драгоценны для любой умственной работы, но при этом совершенно никого не волнует, что женщины в Йоркшире сами копают себе могилу, трудясь в угольных шахтах. А девушка на фабрике, которая буквально задыхается и умирает раньше времени от дурного воздуха? А жены, так изможденные постоянными родами, что умирают в тридцать лет? Нет, мой дорогой Стокер, твой пол держал бразды правления чересчур долго. И, осмелюсь предположить, вы не готовы сдавать свои позиции без борьбы.

Он протестующе поднял руки.

– Это не про меня. Я говорю: освободите женщин, пусть они идут куда хотят: зарабатывают деньги, пишут законы, голосуют. Не думаю, что они будут в этом хуже, чем все их лорды и повелители.

Я прищурилась:

– Ты не шутишь?

– Не шучу. Я был знаком со многими женщинами и убедился, что они такие же двуличные и порочные, как и мужчины. Если они способны равняться с нами в коварстве, то почему не могут и в лучших качествах? Не бывает мужских добродетелей, Вероника, так же как и специально женских. Мы все – просто люди, но многие плохо справляются и с этим званием.

– Да, в некоторых из нас удивительно мало добродетели, – сказала я, многозначительно посмотрев на него. – Вот, например, эта горничная, Сидони – мне кажется, она не прочь ступить с тобой на путь греха.

В ответ он проямлил что-то про то, что я сошла с ума, и я с удивлением приподняла бровь.

– Не может быть, чтобы ты совсем не понимал, как действуешь на эту девушку. Когда ты поблизости, она смотрит на тебя как загипнотизированная. Даже леди Корделия говорила об этом.

– Да, что-то такое я замечал, – ворчливо признался он.

Тогда мне пришло в голову, что экстравагантный внешний вид Стокера: серьга в ухе, растрепанные локоны, грубая речь – не выражает его собственных вкусов, а является лишь защитным окрасом, который он использует для того, чтобы как-то оградить себя от нападений ненасытных дам. Конечно, с другой стороны, все это привлекает женщин совсем иного рода, таких, кого непросто испугать дикой красотой. Для тех из нас, кто предпочитает в мужчинах некоторую грубость, его внешность – воплощение всех детских мечтаний о пиратах и непутевых негодях. Я могла бы просветить его на тему того, почему опасно разгуливать по городу с видом разбойника с большой дороги, но не рисковала: мне становилось страшно от мысли, что он станет выглядеть как пастор.

– Тебе повезло, что леди Корделия держит эту девицу в строгих рамках. Она для тебя хороший друг. Но мне удивительно, что она сама не питает к тебе слабости.

– У нас не такие отношения, – строго сказал он. – Леди Корделия была и всегда останется для меня просто другом.

– Она очень привлекательна, – отметила я задумчиво. – И у тебя есть определенные чары. Удивительно, что у вас никогда не было даже мимолетного флирта, хотя бы... какой-то искры.

Поколебавшись, он выпрямился в кресле и огляделся по сторонам, чтобы убедиться, что нас никто не подслушивает.

– В леди Корделии сочетается все, что восхищает меня в женщинах.

Она добра, терпелива, совершенно не эгоистична. Да, я восхищаюсь всеми этими добродетелями, но неизменно остаюсь к ним холоден. Для меня лучше порочная женщина, но с горячей кровью, а не с ледяной водой в жилах в любое время дня и ночи.

На секунду его взгляд задержался на мне, глубокий, полный невысказанных чувств. Но он быстро отвернулся и стал рассматривать египетский эмалированный сосуд, просто оставленный кем-то на столе.

– Да, но почему она никогда не интересовалась тобой? Несмотря на вызывающую внешность, ты же из хорошей семьи, с титулом. Это не такая уж неравная партия для дочери графа, она могла бы иметь на тебя виды.

– Мы – друзья и навсегда только ими и останемся, – упрямо повторил он.

Он вновь замолчал, и я могла бы уже вернуться к своей книге, но не стала.

– Стокер, как думаешь, что мы там найдем завтра?

– Не знаю, – медленно ответил он. – Знаю только: что бы это ни было, какие бы ужасные тайны ни скрывались в этом банке, ты спокойно встретишь их лицом к лицу. Ты удивительно храбрый человек, Вероника. Это тебе поможет.

– Я рада, что ты будешь там со мной завтра, что бы ни случилось.

– Можешь на меня рассчитывать, – откликнулся он, и на этот раз я не увидела обычной насмешки на его лице и поняла, что он сказал серьезно.

Глава двадцать пятая

Мы провели это дождливое воскресенье в Бельведере: ели сэндвичи, которые прислала леди Корделия, и рассматривали коллекции. Меня очень обрадовало то, как Стокер смеялся над репродукцией «Падшего ангела» Кабанеля (несомненно, оценив сходство), и мы весело спорили о том, как лорду следовало бы правильно организовать свою блистательную, но совершенно бессистемную коллекцию. Я предлагала хронологический порядок, а Стокер ратовал за тематический подход. Пока он занимался чем-то другим, мне удалось найти цветную гравюру белобровой плюмажной котинги. В остальном ничем не примечательная птица, но именно фиолетовые перышки у нее были настолько красивы, что я долго ее рассматривала, в задумчивости проводя пальцем по каждому перу.

Мы рано легли спать и, кажется, оба спали очень плохо, потому что встали и собрались в путь гораздо раньше, чем это было необходимо. Из соображений безопасности Стокер положил сверток, который мы забрали из кабинета барона, себе в карман. Он вернул заднюю крышку компаса на место и возился с ним до тех пор, пока он снова не заработал, и я опять приколола его к корсажу. У меня было странное чувство, что мы наконец отправляемся в завершающий этап наших приключений, и я покидала Бельведер со смешанным чувством волнения и грусти. Что бы ни случилось, наше странное время вместе могло уже скоро закончиться, и я поняла, что мне будет его не хватать.

Мы не заметили никаких признаков преследования, пока шли к Оксфорд-стрит, но на всякий случай все же направились круглым путем. Я получила возможность подробно изучить лондонские улочки, переулки и парки, и хотя я всегда предпочитала сельскую местность и глушь, но в большом городе было что-то притягательное. В честь юбилея королевы повсюду развесили флаги, на улицах развернулась такая деятельность, которой, казалось, город никогда прежде не знал. Все было наполнено ожиданием, ведь до торжественной королевской процессии оставались считанные дни, и высокопоставленные лица прибывали со всех концов земного шара, чтобы поздравить королеву. Ее портреты мелькали на множестве праздничных плакатов, флагов, афиш и даже чайных полотенец: ее величество королева Виктория, императрица.

Я рассматривала такой стакан для полоскания рта в витрине какого-то магазина рядом с банком, пока мы ждали его открытия.

– А она и правда не очень привлекательная женщина, – заметила я, повернувшись к Стокеру. – Глаза навывкате и подбородка нет.

– Ганноверское влияние, – коротко заметил он. – Нужны очень сильные гены, чтобы победить немецкую наследственность.

– Хм... может быть, здоровая порция французской крови... – начала я, но не успела еще закончить свою мысль, как загремели двери банка.

– Ты готова? – спросил Стокер.

Я коротко кивнула и двинулась вперед, уверенная, что он будет следовать за мной по пятам, как верный пес. Здание, в которое мы вошли, не было главным корпусом Лондонского банка; он находился на Треднидлстрит уже более двух сотен лет. Это отделение открылось в период Регентства; здание было спроектировано с элегантно строгостью, подобающей этому заведению. Но в какой-то момент кому-то показалось, что это очень простой стиль для банка, и идеально симметричный фасад был украшен рядами орнаментов в неоготическом стиле, с кульминацией в виде башни с часами, которые как раз били, когда мы приблизились. Войдя, я сразу попросила встречи с управляющим, и буквально через несколько минут нас уже проводили к нему в кабинет. Это был болезненно худой человек с большими оттопыренными ушами; я подумала, что этими ушами он улавливает секреты всех своих клиентов.

Я протянула ему ключ.

– Этот ключ подходит к чему-то, что оставила у вас на хранение мисс Харботтл. Я пришла для того, чтобы забрать то, что у вас хранится.

На настороженном лице не отразилось никаких эмоций. Управляющий не взял ключ, а посмотрел на меня долгим оценивающим взглядом.

– Мне было велено отдать содержимое ящика только мисс Веронике Спидвелл.

– Это я и есть.

Тонкая улыбка тронула его губы.

– Поймите меня правильно, мисс Спидвелл, я обязан соблюдать осторожность. Мисс Харботтл настаивала на том, что вы должны подтвердить свою личность.

– Какое вам нужно доказательство?

Улыбка стала шире, печальные глаза отчетливо блеснули.

– Она сказала, что я не должен отдавать вам ящик до тех пор, пока вы не познакомите меня с Честером.

– Кто такой, черт возьми, этот Честер? – спросил Стокер.

Я жестом остановила его дальнейшие расспросы. Опустив руку в карман, я достала оттуда маленькую серую бархатную мышку.

– Позвольте представить вам Честера.

Управляющий поклонился.

– Именно так мне его и описывали. В таком случае я сейчас принесу ящик.

Стокер все еще молчал в изумлении, а управляющий уже вернулся с простым прямоугольным ящичком.

– Ваш ключ подходит к этому замку, мисс Спидвелл. Ящик тоже принадлежит вам, но можете просто забрать содержимое. Могу оставить вас одних на четверть часа, потом должны прийти мои первые клиенты.

Он тихо удалился, а я вставила ключ в замок. Он довольно легко повернулся, и ящик открылся. Внутри оказалась связка бумаг, похожая на ту, что мы нашли в кабинете у барона. Эта была обернута в лист писчей бумаги и перевязана черной лентой. Печать из черного сургуча показывала, что пакет ни разу не вскрывали с тех пор, как он был отдан в банк на хранение.

Я подняла глаза на Стокера.

– Что если здесь доказательство того, что мой отец убил мою мать? – спросила я. – Что тогда?

– Тогда и решим, что нам с этим делать, – уверенно ответил он.

Я сломала печать. Внутри оказалась стопка бумаг, но они были непохожи на те, что мы добыли в кабинете у барона. У него хранились в основном вырезки из газет, письма и фотографии. А здесь – официальные документы; их солидность была заметна с первого взгляда.

– Мое свидетельство о рождении, – выдохнула я. – Здесь записано, что девочка родилась в Ирландии 21 июня 1862 года. Это моя дата рождения. Мать – Лили Эшборн... – и вдруг я замолчала, слова застряли у меня в горле.

– А отец? – спросил Стокер.

Я не могла говорить, просто вручила ему документ.

– Да, вот дата и имя матери, все, как ты сказала, а отец... – Он чуть не выронил бумагу и посмотрел на меня. – Этого не может быть.

Я сглотнула.

– Но это так.

– «Мать – Лили Эшборн», – медленно прочитал он.

Я подняла руку.

– Не надо, – я хотела его остановить, но он не слушал меня.

– «Отец – его высочество Альберт Эдуард, принц Уэльский».

Я не думала, что собираюсь садиться, но вдруг обнаружила себя в кресле, Стокер стоял на коленях передо мной.

– Незаконнорожденная дочь принца Уэльского, – выдавила я из себя наконец и сама не узнала своего голоса.

– Господи Иисусе! – воскликнул Стокер, и по его тону я поняла, что на этот раз он не богохульствовал.

– Что там еще? – спросила я.

Его лицо было бледным, взгляд – застывшим, когда он вручил мне второй документ.

– Не незаконнорожденная.

– Это невозможно, – сказала я. Но все же дрожащими пальцами я взяла у него документ и прочитала сама эту простую линию из гласных и согласных, которые, соединившись вместе, в мгновение ока перевернули все мои представления о мире.

Брачный сертификат. Вот оно все передо мной: имена жениха и невесты, дата, подпись священника.

– Но, конечно, это второй брак, – возразила я. – Он не мог быть настоящим.

– Мог и есть, – упрямо сказал Стокер. – А это значит, Морнадей прав: ты в опасности, Вероника, в ужасной опасности.

За время нашего знакомства я уже много раз была благодарна Стокеру за то, что он находился рядом в трудную минуту, но в тот день это оказалось важным как никогда раньше. Я была просто парализована, неспособна рассуждать, а в это время Стокер убрал документы себе в карман, поднял меня на ноги и вытянул из банка к мутному дневному свету. Город был все таким же: запахи лошадей и угля висели в воздухе; суета торговцев и нянек, толкающих перед собой детские коляски; шум модных экипажей, теснящих рыночные повозки, все так же звенел у меня в ушах. Но при этом все изменилось.

Он провел меня через Оксфорд-стрит к Гайд-парку. Мы миновали книжный магазин, и ему в голову вдруг пришла какая-то идея.

– Иди в парк, – приказал он, – и, ради бога, обойди стороной Мраморную арку. Там находится полицейский пост, а нам не хватало только привлекать внимание полиции. Не смотри по сторонам, просто иди вперед. Когда окажешься в парке, сверни налево, на первую тропинку, садись на первую же скамейку и жди меня. Я постараюсь побыстрее.

Я настолько ничего не понимала в тот момент, что даже не спросила его, что он намеревается делать. Просто шла туда, куда он велел, и чуть не попала под колеса, переходя шумную улицу перед входом в парк: я просто забыла посмотреть по сторонам. В моих ушах все еще звенела ругань извозчика, когда я нашла нужную скамейку. Я заставляла себя сидеть

спокойно, вспоминая названия всех бабочек, которых мне удалось поймать за эти годы, и уже добралась до *Euchloe cardamines*, когда появился Стокер, прижимая что-то к груди под одеждой.

– Зачем ты заходил в книжный?

– Потому что нам нужно это, – сказал он, доставая тонкую книгу с зеленой детской обложкой: «Краткая история Британской королевской семьи с замечаниями об отношениях с Европой». Я предпочел бы Дебретта, но он чертовски толстый, его так просто не спрячешь под плащом.

– Ты украл ее?

– У меня не было с собой денег. Не ворчи, я отправлю им сумму, соответствующую стоимости книги, как только появится возможность, но сейчас нам она нужнее, чем книготорговцу, я уверен.

Он быстро пролистывал страницы, пока не наткнулся на то, что искал.

– «ЕКВ принц Уэльский Альберт Эдуард. Дата рождения...» – Он стал читать про себя и наконец издал торжествующий возглас.

– Вот оно! «Брак с ЕКВ принцессой Александрой Датской, 10 марта 1863 г.».

Он откинулся на спинку скамьи, положив книгу себе на колени.

– Через десять дней после этого умерла моя мать, – заметила я бесцветным голосом.

– Все сходится, – согласился он и достал остальные документы из кармана плаща. – Вот официальное заверение священника, подписанное и подтвержденное свидетелями. Он совершал церемонию во время свадьбы твоих родителей, свидетельствовал твое рождение и смерть твоей матери. Именно его некролог мы нашли среди документов в кабинете барона.

– Только он один и мог подтвердить все эти события, – сказала я.

– Не совсем. – Он указал на имена свидетелей в брачном сертификате: «Барон Максимилиан фон Штауффенбах и Нэн Вильямс, незамужняя». Это твоя тетя Люси. Она, конечно, рассказала все своей сестре, которая была известна тебе как Нелл Харботтл. После смерти барона и тети Нелл не осталось больше никаких свидетелей того брака или твоего рождения.

– Кроме меня.

– Кроме тебя. – Он аккуратно положил бумаги на место, а книгу спрятал под плащом. – Ты ведь понимаешь, что это значит, Вероника?

– Не произноси этого вслух, – предупредила я.

– Брак принца Уэльского и принцессы Александры – незаконный. А значит, их дети, все до единого, – незаконнорожденные. Ты единственный законнорожденный ребенок принца Уэльского.

Я взяла у него книгу и провела пальцем по списку наследников принца и принцессы Уэльской. Альберт Виктор, младше меня всего на два года. Георг, Луиза, Виктория, Мод и бедный маленький малыш по имени Александр, проживший всего день. Пятеро живых детей, все с титулами принцев и принцесс, – мои сводные братья и сестры, и все до единого незаконнорожденные, потому что их родители поженились за десять дней до смерти моей матери.

– Это невозможно, – яростно возразила я. – Этого просто не может быть.

– Но у нас есть документы. И у нас есть ты, – возразил он.

– Но не может быть, чтобы брак моих родителей оказался законным.

– Могут быть некоторые сложности с тем, что наследник престола женился без согласия правящего монарха, – признал он.

Я ухватилась за эту возможность.

– И если дело обстояло именно так, то все проблемы сразу исчезают.

– Нет, не исчезают, – терпеливо сказал он. – Даже если брак твоих родителей не будет признан и ты окажешься незаконнорожденной, за этим все равно неминуемо последует такой скандал, который может нанести непоправимый ущерб монархии в целом. Принцу Уэльскому всегда удавалось избегать наказаний за свои похождения, но это уже чересчур, Вероника. Обо всех его прежних связях свет судачил не больше недели, потому что специальным людям, ответственным за это, удавалось быстро замести все следы. Но брачный сертификат и взрослую дочь так просто под ковер не спрячешь. Неважно, был этот брак законным или нет. Факт в том, что принц женился на принцессе Александре, зная, что женат на твоей матери. Он сознательно пошел на двоеженство.

Он помолчал, чтобы я могла осмыслить эту информацию. Когда я кивнула, он продолжил, все так же терпеливо ведя меня сквозь трясину, в которой мы завязли.

– Принцесса Уэльская – дочь датского короля, не забывай об этом. Как думаешь, что скажет ее отец, когда ее честь будет так жестоко растоптана? Если Дания ее поддержит (и почти точно поддержит), Германия и Австрия не преминут выступить против них. Они мечтают о войне с Данией еще со времен конфликта в связи с датским престолонаследованием. А думаешь, если Германская и Австрийская империи создадут коалицию, Россия сумеет остаться в стороне? А если ввяжутся русские, то подтянется и Османская империя, потом – Греция и Швеция. Один-единственный факт – законность твоего рождения – станет первой фишкой в череде событий, из-за которых пошатнутся престолы, Вероника. И многие люди дорого

заплатят за то, чтобы предотвратить все это.

– Или дорого поплатятся, – сказала я, подумав о бароне, принявшем смерть в собственном доме от руки какого-то негодяя. Кто это был? Мой дядя? Мой отец? Представив себе элегантного принца Уэльского, я отказалась от этой мысли: не могла поверить, что этот бонвиван британской королевской семьи опустился до того, чтобы хладнокровно приказать убить человека.

– Но как нам удастся выяснить правду? Мы же не можем просто показать эти документы юристу и спросить его мнение.

– Именно так мы и поступим, – сказал он с мрачной решительностью на лице. Он вырвал страницы о принце Уэльском из «Краткой истории» и сунул их в карман, а затем поднялся и взял меня под руку.

– Куда мы идем?

– На Чансери-лейн. Нам нужен «Линкольнс– Инн»[30].

Как бы ни была я выбита из колеи событиями этого утра, но все же не могла не поспорить с таким планом.

– Стокер, мы не можем просто заявиться в «Линкольнс-Инн» и пообщаться с барристером без предварительной договоренности.

– С этим можем.

– У тебя есть знакомый барристер? Тогда почему же, скажи на милость, мы до сих пор мучились всеми этими вопросами, не проконсультировавшись у профессионала?

– Потому что я поклялся, что больше никогда в жизни не стану с ним разговаривать.

– И все-таки ты думаешь, что он поможет нам в таком серьезном вопросе?

– Поможет.

– Почему ты так в этом уверен?

– Он – мой брат.

* * *

Наконец мы добрались до Судебных иннов, рабочей резиденции сэра Руперта Темплтон-Вейна. Стокер прошел внутрь, не обращая внимания на возражения клерков, и вошел в частный кабинет брата без стука. Джентльмен за письменным столом, должно быть, был удивлен, но быстро совладал со своими эмоциями и поднялся, чтобы поприветствовать нас. Я сразу заметила, как братья похожи. Высокий рост, изящные скулы, но сэр

Руперт был только бледной копией брата. Стокер – это портрет, написанный маслом, а его брат – акварель: золотисто-каштановые волосы и орехового цвета глаза против черных локонов и темно-синих глаз Стокера. Цвет лица у сэра Руперта был теплее, в нем не было кельтской бледности кожи, как у Стокера, но черты лица у них были похожи, а еще, глядя на сэра Руперта, я заметила холодную беспощадность тонких губ, и поняла, что если кто-то окажется настолько глупым, чтобы стать его врагом, то врага он получит безжалостного.

– Ревелсток, – сказал он, спокойно приветствуя брата. – Но ты, кажется, предпочитаешь называться Стокером, не так ли?

– Как вижу, тебя посвятили в рыцари, – сказал брат вместо ответа. – Должно быть, его светлость очень этим гордится.

Сэр Руперт слегка улыбнулся.

– Ну что ж, знаю, что только чрезвычайные обстоятельства могли привести тебя ко мне, а потому должен заключить, что тебе нужна моя помощь. Учитывая наше последнее расставание, я также могу сделать вывод, что ты все равно не обратился бы ко мне, если бы речь не шла о жизни и смерти.

– Ваше последнее расставание? – спросила я Стокера.

– Я сломал ему нос, – ответил он со своей обычной краткостью.

Сэр Руперт осторожно коснулся этой части тела.

– Он так и не выправился полностью. Я посещал лучших врачей с Харли-стрит, но до сих пор остался небольшой бугорок. Видите? – спросил он меня, повернувшись в профиль.

– Он только добавляет решительности и без того красивому лицу, – честно ответила я.

– Как это мило с вашей стороны. Стокер, ты собираешься познакомить меня со своей спутницей, чтобы я мог должным образом поздороваться с ней? Или ты пришел, чтобы сообщить мне, что это моя новая невестка? В таком случае могу тебя уверить, что этот выбор гораздо лучше предыдущего.

Я чувствовала, как Стокер задрожал в ярости от такой бестактности брата. А тот просто играл с ним, несомненно, получая большое удовольствие от возможности подразнить льва, но я была совершенно не в том настроении, чтобы терпеть эти мальчишеские братские выходки.

– Сэр Руперт, я Вероника Спидвелл и я не жена вашего брата. Честно говоря, я не вполне уверена в том, кто я такая.

Элегантные брови взлетели вверх.

– Мисс Спидвелл, вы заинтриговали меня. Пожалуйста, продолжайте.

Я многозначительно посмотрела на стулья напротив его письменного стола, и он сразу покраснел.

– Простите меня. Я веду себя просто непростительно. Прошу вас, располагайтесь, мисс Спидвелл. Я распоряжусь принести нам чай. Стокер, садись, мне никогда не нравилась твоя манера нависать надо мной.

Мы послушались его указаний, и буквально через несколько минут появился клерк с подносом: прекрасный французский фарфор, изящные сладости.

– Я питаю слабость к кондитерскому искусству, – признался он, протягивая мне тарелку с небольшими кексами. Я жестом отказалась.

– Спасибо, но нет.

– Бога ради, Рип, мы пришли сюда не затем, чтобы выпить чая. Нам нужна помощь!

Ноздри сэра Руперта слегка раздулись.

– Мне никогда не нравилось это имя, и ты это знаешь. Не вижу причины отказываться от культурных манер только потому, что ты оказался в затруднительном положении.

– Затруднительное положение? Ты слышала это? – обратился ко мне Стокер, запуская пальцы себе в волосы.

– Ну, честно говоря, мы же сами еще не объяснили, в чем дело, – заметила я, протянув руку за бумагами. Стокер достал их из своего кармана, а я положила их на краешек стола вне досягаемости сэра Руперта.

– Прежде всего мне нужно ваше слово как джентльмена, христианина или профессионала своего дела – все равно кого: поклянитесь тем, что вам дорого. Вот что вы должны нам обещать: все, что мы покажем вам сегодня, никогда не покинет стен этого кабинета. Вы не будете говорить об этом, писать об этом, подавать сигналы дымом, или знаками семафора, или любыми другими средствами кому бы то ни было о содержании того, что мы вам расскажем.

Слегка игривая манера сэра Руперта вмиг слетела с него, и он наклонился ко мне.

– Моя дорогая мисс Спидвелл, – сказал он совершенно серьезно, – отношения у нас с братом чуть менее сердечные, чем у Каина с Авелем, но даю вам слово: я никогда не обманывал доверия, оказанного мне – и вы не станете исключением. Клянусь всем, что есть у меня святого, и единственным, что есть святого у Стокера, – могилой нашей матери.

Я взглянула на Стокера, но его лицо оставалось непроницаемым.

– Покажи ему, – сказал он неожиданно хриплым голосом.

– Сэр Руперт, нужно сначала сказать, что я сирота, по крайней мере,

так я всегда думала.

Я вкратце изложила ему то, как росла у сестер Харботтл, как обнаружила затем, что я – дочь актрисы Лили Эшборн, привела также несколько известных нам фактов о том, что ее возлюбленный женился на другой, а она вскоре умерла.

Потом я замолчала, не вполне уверенная в том, что следует сказать дальше.

– Но теперь у нас со Стокером оказались также документы, проливающие свет на личность моего отца.

Я молча протянула ему бумаги. Он быстро просмотрел их профессиональным взглядом, покачивая одной рукой с чашкой чая. Дойдя до брачного сертификата, он выронил чашку со страшным шумом и вскочил на ноги.

– Вы представляете, что это означает? – спросил он и быстро повернулся к Стокеру. – Я знал, что ты меня ненавидишь, но не думал, что настолько, чтобы пытаться погубить мою карьеру!

Стокер поднял руку.

– Потише, а не то тебя услышат служащие.

– Тише?! Ты хочешь, чтобы я вел себя тихо после того, как ты навлек на меня столько бед?

– Сэр Руперт, – мягко сказала я, – пожалуйста, успокойтесь. Никому не следует знать даже о том, что мы приходили к вам за советом. Я обещаю, что никому об этом не скажу, и Стокер тоже обещает, правда, Стокер? – наредила я.

Он помедлил чуть дольше, чем мне бы того хотелось, но наконец коротко кивнул.

– Обещаю.

Немного прибодрившись, сэр Руперт снова взял в руки бумаги.

– Не могу в это поверить, – выдохнул он, глядя на них как на святыню. – Принц Уэльский женат на актрисе, отец ее ребенка, законного ребенка.

– Да, – сказала я, стараясь вернуть его к реальности. – Вы обратились как раз к самой сути вопроса. Вот на что я хочу получить ответ. Я законнорожденная?

Он долго не отвечал, задумался, нахмурил брови. Потом встал, пошел к книжным шкафам и взял увесистый том в темном кожаном переплете. Он искал что-то в этой книге, а потом в семи других и, пока читал, плотно сдвинув брови, успел допить весь чай и разделаться с пирожными. Наконец он откинулся на спинку кресла и сделал заявление.

– Я не знаю, – признался он.

Стокер зло посмотрел на него.

– Черт возьми, Руперт, я пришел к тебе раз в жизни за помощью...

Брат жестом остановил его.

– Уверяю тебя, я не пытаюсь создать вам дополнительные трудности.

Но сложность в том, что здесь много противоречивых компонентов.

Он повернулся ко мне.

– Во-первых, согласно Акту о королевских браках 1772 года, не признаются браки членов королевских семей, на которые правящий монарх не дал специального разрешения. А так как ее величество почти наверняка не давала согласия на этот брак, то он – ничто, фикция. Более того, священник, проводивший это венчание, и мисс Лили Эшборн совершили серьезные преступления, согласившись на него.

Я вдруг ощутила небывалую легкость, и от облегчения у меня закружилась голова.

– Так, значит, проблема решена?

Сэр Руперт остановил меня.

– Не торопитесь, мисс Спидвелл. Боюсь, тут есть дополнительные сложности. Акт о престолонаследии от 1701 года запрещает любому лицу в линии престолонаследия вступать в брак с католиком.

– Еще один аргумент в пользу того, что брак моих родителей был недействительным. Это хорошие новости, – заметила я.

– Можно так подумать. Но мисс Эшборн была католичкой, и ее в католической церкви венчал пастор с хорошей репутацией. Этот брак может не признаваться англиканской церковью или законодательством этой страны, но он является законным в глазах католической церкви.

– Это не имеет никакого значения, – возразила я.

– Нет, боюсь, что имеет, и большое, – ответил он. – Когда король Георг IV был принцем-регентом, он женился на Марии Фицгерберт, католичке, по обряду ее церкви. И сам папа Римский признал этот брак действительным.

– Но это было чуть не сто лет назад и не вызвало никаких проблем.

– Да, потому что миссис Фицгерберт не пыталась использовать этот факт в своих интересах, а также не подарила принцу детей. Никто не соперничал за престол, и это не вызвало кризиса в престолонаследии. А это, – сказал он, постучав пальцем по моим бумагам, – совсем другая история.

Я невесело усмехнулась.

– Вы меня не знаете, сэр Руперт, но прошу вас поверить: я совершенно

не собираюсь претендовать на английский престол.

– Дело не в том, на что вы собираетесь претендовать, мисс Спидвелл, – мягко сказал он. – Дело в том, что вы собой олицетворяете. В глазах любого католика вы являетесь законной наследницей престола. В их понимании, принц Уэльский совершил двоеженство. Значит, канонически его дети от принцессы Александры – бастарды, которые не могут наследовать трон. Таким образом, вы остаетесь единственным законнорожденным ребенком наследника престола в сердцах всех католических подданных в империи ее величества. Этого достаточно, чтобы начать восстание, особенно в одном конкретном месте, – многозначительно добавил он.

– В Ирландии, – подхватил Стокер. – А ее мать была ирландкой. Христос с апостолами, – выругался он, – сепаратисты и мечтать не могли о лучшем подарке: законная католическая альтернатива всей британской королевской семье, да еще и с ирландской кровью в жилах!

Сэр Руперт посмотрел на меня с напряжением.

– Мисс Спидвелл, нравится вам это или нет, но эти документы доказывают вот что: сейчас вы – самый опасный человек во всей Британской империи.

Глава двадцать шестая

Сделав это заявление, сэр Руперт снова откинулся в кресле. Мы в изумлении довольно долго молчали, а потом он смачно выругался (таких грубостей я никогда не слышала даже из уст Стокера, но здесь, по крайней мере, за этим промахом последовало извинение) и достал из письменного стола бутылку. Щедро разлив прекрасный виски по хрустальным стаканам, он вручил их нам, оставив себе двойную порцию.

Он выпил все залпом, и Стокер посмотрел на него с чувством, напоминающим восхищение.

– Смотри, поосторожнее. Мужчинам Темплтон-Вейнам в этом деле всегда непросто остановиться.

Сэр Руперт вытер рот чистым носовым платком и покачал головой, взглянув на младшего брата.

– Нет. Это мать любила выпить. В этом она всегда давала отцу фору.

Стокер вздрогнул.

– Это неправда.

– Конечно, правда. Всегда хранила лучший отцовский односолодовый виски во флакончике для духов у себя на туалетном столике. Для этого она подкупала дворецкого.

Стокер смотрел на него с раскрытым ртом, и сэр Руперт продолжил уже мягче:

– Тебе многое еще предстоит узнать о своей семье.

– Что я меньше всего на свете хочу обсуждать с тобой, так это семейство Темплтон-Вейн, – холодно заметил Стокер.

Сэр Руперт облокотился подбородком на сцепленные руки.

– Однажды ты все-таки откажешься от этого детского сопротивления, Ревелсток. Но в свете тяжелого положения мисс Спидвелл, думаю, сейчас нам следует заключить перемирие.

На лице Стокера боролись разнообразные эмоции, но он ответил таким же спокойным голосом, как и брат:

– Согласен. Учитывая то, что ты нам рассказал, несложно сделать вывод, в чьих это интересах – избавиться от угрозы, которую она собой представляет.

Сэр Руперт кивнул.

– Конечно. И, во-первых, я...

Стокер поднялся.

– Не ты, а мы, – сказал он, взяв меня под локоть, чтобы и я встала.

Сэр Руперт машинально вскочил вслед за мной.

– Но это невозможно, вы одни не справитесь!

– Должны справиться и справимся, – ответил Стокер. – Я благодарен тебе, Руперт, правда. Ты так порядочно поступил сегодня, и для разнообразия я буду рад расстаться с тобой без кровопролития. Но дальше тебе идти не нужно.

Он многозначительно посмотрел на фотографию в небольшой рамке, стоявшую на столе сэра Руперта. С нее на нас смотрели строгая красивая женщина с маленьким ртом и изящными руками и трое детей.

– Вы женаты, – сказала я, вдруг осознав, почему Стокер не хочет дальше вовлекать брата в эту историю. – У вас дети. Вы же заявили, что я самый опасный человек во всей империи, – продолжила я с легкостью, которой не ощущала. – Я не хочу, чтобы эта опасность затронула вас или вашу семью.

Я протянула ему руку.

– Спасибо за помощь, сэр Руперт. Я никогда этого не забуду. И если когда-то смогу оказать вам ответную услугу, то буду счастлива это сделать.

Он сердечно ответил на рукопожатие.

– В таком случае да поможет вам Бог, мисс Спидвелл. – Он слегка улыбнулся и выпустил мою руку. Братья просто кивнули друг другу, не пожимая рук, и мы направились к выходу. В последний момент Стокер вернулся и положил «Краткую историю» на стол сэру Руперту.

– И еще кое-что, старина. Я украл это в «Вибберлис», маленьком книжном на Оксфорд-стрит. Тут не хватает нескольких страниц. Позаботься о том, чтобы за нее заплатили, ладно?

Сэр Руперт коротко рассмеялся, будто залаял, и на этом мы его оставили, вынырнув из здания на Чансери-лейн, которая как раз начала заполняться солиситорами, барристерами и разными клерками, спешащими на ланч.

Стокер взял меня за руку.

– Опустив вуаль. Мне не нравятся эти толпы на улице. Нам нужно место, чтобы спокойно подумать.

Я опустила на лицо шелковую вуаль.

– Я знаю одно местечко, где никому не придет в голову нас искать.

Через час мы были уже в лондонском Тауэре и слушали приветственное слово йомена. За вход мы заплатили, собрав по карманам последние монеты. Почти все деньги ушли на рыбу с картошкой, жирную и ароматную, которую мы съели прямо с газеты; правда, Стокер все причитал, что приличные дамы не едят на улице.

– И с каких пор тебя волнуют все эти банальности? – спросила я.

– Меня-то не волнуют, но это привлечет к тебе лишнее внимание, – напомнил он.

Я пожала плечами и с удовольствием доела хрустящую корочку.

– Это было божественно, – заключила я, когда мы выбросили жирные газеты и встали в длинную очередь на вход в Тауэр. Выслушав заученную речь йомена, я прикинула наши возможности и направилась к приземистой громадине башни святого Фомы; Стокер неотступно следовал за мной по пятам. Когда мы поднялись наверх, то увидели ползущие по небу серые тучи и холодный туман, поднимающийся с реки.

Стокер посмотрел на меня в недоумении.

– Какого дьявола мы здесь делаем?

– Я никогда не была в лондонском Тауэре, – просто ответила я. – Может быть, это мой последний шанс.

– Вероника... – начал он, но я только отмахнулась.

– Я не собираюсь изображать из себя мученицу, Стокер. И не подумаю позволить этим негодьям разделаться со мной. Но согласись: грех в такой ситуации не воспользоваться случаем и не испробовать что-то новое в жизни.

Он тяжело вздохнул.

– Ну хорошо. Но почему именно здесь? Тут чертовски холодно.

– Ты сам ответил на свой вопрос. Вряд ли кто-то будет следить здесь за нами и решится подслушивать, а мне прохладный ветер полезен: в голове проясняется. Так что постоим здесь, подставив лица ветру, и постараемся придумать план.

Он посмотрел поверх башенной стены на зеленые бурлящие воды Темзы под нами.

– Вон Ворота предателей, – заметила я. – Только подумай обо всех Тюдорах, прошедших этим путем навстречу своей судьбе: Анна Болейн, Екатерина Говард, графиня Солсбери, бедная маленькая леди Джейн Грей. Не очень-то приятные ощущения.

– Да, правда, монархия всегда была готова пойти на кровопролитие, лишь бы сохранить свои власть и влияние, – сухо заметил он и опустил голову. – Прости, что сморозил такую глупость. Я дурак.

– Не извиняйся. Ты ведь прав. В истории нашей страны много жестоких историй о предателях, самозванцах и даже о тех, кто никому не желал зла, – сказала я, подумав о несчастной маленькой марионетке, Джейн Грей. – Но это было в старые времена. А мы живем в современном мире, Стокер. И в мире, где есть пароходы, телеграф и подвесные мосты, мне трудно поверить в то, что кого-то могут лишить жизни лишь за то, что в его жилах по стечению обстоятельств течет неправильная кровь.

– И ты хочешь проверить это на себе? – спросил он.

– Нет. – Я в последний раз с содроганием взглянула на запертые ворота и повернулась к Стокеру. – Поэтому давай начнем. У кого есть повод желать мне смерти?

– У королевской семьи, – без раздумий ответил он.

Задумавшись ненадолго, я покачала головой.

– А мне кажется, нет.

– Им есть что терять, если ты заявишь свои права на престол, – заметил он.

– Но ты посмотри на них, правда, посмотри внимательно. Кто они такие? Может быть, они и занимают королевские позиции, но ценности у них как у немцев из среднего класса. Они верят в Бога, долг и ответственность. Может показаться, что мой отец восстал против всего этого, завязав отношения с моей матерью, но вспомни, как он поступил. Когда он решил, что впервые в жизни влюбился, он не просто соблазнил эту девушку. Он женился на ней! Никто лучше него во всей империи не знал, чем он рискует, поступая таким образом. Но он все равно это сделал. Может быть, потом он и пожалел о содеянном, когда понял, насколько это большая беда, но сначала он не захотел просто согрешить с ней и наплевать на последствия. Принц Уэльский – романтик.

Стокер фыркнул.

– Ты читала газеты? Твой папа-принц соблазнил жен чуть не половины своих придворных. Его имя звучало на бракоразводных процессах, Вероника. Такое поведение не очень-то похоже на романтика.

– На мой взгляд, очень даже похоже, – возразила я. – Он думает сердцем. Он влюбляется в женщин и в саму идею любви, считает, что ведет себя как рыцарь. Он женился на Лили Эшборн, потому что это было совершенно невероятным, как будто история из сказки или из его собственной семейной истории. Помнишь Эдуарда IV? Он женился на вдове без имени и сделал ее королевой Англии. Несомненно, принц Уэльский подумал, что тоже сумеет такое устроить, но почему-то в промежутке между свадьбой с Лили и помолвкой с принцессой

Александрой он передумал. Вот почему?

Стокер достал страницу, вырванную из «Краткой истории», и долго и внимательно ее изучал.

– Он передумал или что-то заставило его передумать, – медленно сказал Стокер. – Я только что понял, в чем дело. Твои родители поженились осенью 1861 года. И когда-то в следующем году он уже обручился с принцессой Александрой. А помнишь, что произошло в декабре 1861 года? – спросил он, размахивая передо мной страницей.

– Не очень, – ответила я. – Если ты не забыл, в то время я была в утробе матери.

– В декабре 1861 года умер принц Альберт.

Я уставилась на него, понимая, что он имеет в виду; он продолжал рассуждать, и уверенность во мне все росла.

– Принц-консорт заболел после посещения принца Уэльского в университете. Королевский двор не комментировал слухи, но говорят, они несколько часов гуляли под ледяным дождем. Что могло заставить человека с не слишком крепким здоровьем взять сына на уединенную прогулку в жуткую погоду, чтобы никто не мог их подслушать?

– Назревающий скандал, – выдохнула я. – Он узнал о браке.

– Или, по крайней мере, что-то слышал об их отношениях. Но и этого оказалось достаточно для того, чтобы броситься в университет и отчитать сына, хотя они должны были встретиться на Рождество, всего несколько недель спустя.

– И какой это был шок для впечатлительного, романтического молодого человека, – продолжила я. – Он в спешке женился на неподходящей женщине и ждал удобного случая, чтобы представить ее своей семье и вымолить у них благословение, и вдруг его любимый отец, оплот всей семьи, умирает из-за него, потому что его убили новости о сыне.

– И этот впечатлительный, романтический юноша был совершенно опустошен, – сказал Стокер. – Он будет нести эту ношу до конца своих дней. И это отравит для него всех и все, что связано с этим браком.

– Конечно, он не мог себя заставить даже просто взглянуть на нее после этого. – Я замолчала и ненадолго погрузилась в расчеты. – Лили была примерно на третьем месяце беременности мной. И, конечно, принц Уэльский знал об этом. Может быть, он даже собирался сказать им об этом на Рождество, во время радостного семейного ужина заявить во всеуслышание: «У меня прекрасные новости! Я женат, и она ждет наследника!». Но вдруг смерть забирает его отца, и все планы рушатся. Королева сломлена горем, опустошена, она полностью удаляется от

общества. И принц не смог ей ничего рассказать: эти новости, несомненно, убили бы ее. К тому же на нем висит груз ответственности за смерть отца, возможно, она даже его в этом обвиняет.

– И тем временем она планирует его свадьбу с прекрасной датской принцессой, – сказал Стокер, подхватив нить моего рассказа. – У него нет иного выбора, кроме как подчиниться. Он должен согласиться на эту помолвку, чтобы как-то снять с себя вину за смерть отца.

– И вот он отказывается от своего будущего с Лили и ее ребенком, чтобы исполнить свой долг, как это определили бы его мать и вся Англия. Он бросает их, чтобы искупить свою вину за смерть отца. Он обрывает все связи с женщиной, которую любит, и с собственным ребенком, и женится из соображений государственной пользы.

Стокер потер подбородок.

– Правдоподобно. Я даже готов пойти дальше и сказать: вполне вероятно. Но мы все равно пока ничего не знаем о том, какова его роль в нынешней истории или с какой целью за тобой охотится твой дядя.

– Это полностью зависит от того, знал ли он, кто был мужем Лили, – заметила я. – Подозреваю, что если бы мы могли посмотреть на товарищей Эдмунда де Клэра в Ирландии, то нашли бы среди них немало сепаратистов. Он из старой католической семьи. Вполне логично предположить, что он поддерживает гомруль.

– А люди готовы пойти на многое, чтобы обрести власть в тени престола, – сказал он, кивнув на окружающие нас башни. – Одни эти башни видели немало таких беспощадных родственников.

– Это объясняет и то, почему мой дядя так стремился убрать тебя из игры, изо всех сил стараясь не причинить мне вреда, – заметила я. – Я нужна ему в добром здравии.

– С какой целью?

– Вывезти меня в Ирландию, вероятнее всего, – наконец сказала я. – Запереть меня в каком-нибудь оплоте католиков и держать там в полной своей власти, а тем временем заявить о моих правах на престол.

– Господи, – сказал Стокер, поморщившись, – там достаточно островков и укрытий, чтобы держать тебя взаперти лет сто или больше, и никто не смог бы там тебя найти. А он тем временем забивал бы тебе голову историями о семье, Боге и свободной Ирландии.

– И, конечно, выдал бы меня замуж за подходящего сепаратиста по своему выбору, – сказала я, поежившись.

– Похоже на правду. Если он выдаст тебя замуж и дождется потомства, ему даже проще будет манипулировать твоими детьми, чем тобой. Тогда ты

ему уже не будешь нужна, – добавил он мрачно.

– Если ты пытаешься запугать меня, то не беспокойся: у меня не менее богатое и мрачное воображение, чем у тебя. Я прекрасно могу представить себе отравленный чай или тонкий кинжал в ночи и заявление, что я умерла от лихорадки; и вот все уже суетятся вокруг моего ребенка, – с нажимом сказала я. – Но давай признаем, что пока моему милому дяде не нужна моя смерть.

– Но при этом у него было достаточно причин желать смерти барона, – заметил он. – Де Клэру нужно не только получить власть над тобой, но и доказательства твоих прав на трон. И если Макс отказался их ему предоставить... – он оборвал себя на полуслове, а я содрогнулась. Казалось ужасным, что человек, к которому я успела привязаться и который был так добр ко мне, убит из-за меня.

– Но это не единственная возможность, – продолжал Стокер как будто с удовольствием. – Есть еще один кандидат, ничуть не хуже.

Я пристально посмотрела на него, постепенно осознавая смысл его слов.

– Это не может быть Морнадей! Он так часто приходил нам на помощь!

Стокер пожал плечами.

– Как будто бы да. Но что это было на самом деле: хотел ли он помочь нам или просто старался помешать твоему дяде увезти тебя из Англии? Подумай хорошенько. Твой дядя (не считая того, что позволил своим людям немного грубо со мной обойтись) всегда хотел только одного – поговорить с тобой. А когда ты отказалась, ему пришлось прибегнуть к гораздо более отчаянным действиям, и даже в результате этого с твоей головы не упало ни единого волоска.

– Глупости! – заявила я. – Он пытался утопить тебя в Темзе, если ты забыл.

– Только потому, что считал меня твоим похитителем. Стороннему наблюдателю вполне могло показаться, что я насильно держу тебя при себе.

– Ты забываешь об инциденте на Паддингтонском вокзале, – торжествующе напомнила я ему. – Я сбежала там от него исключительно по собственной воле. Если бы я правда была твоей пленницей, почему тогда я не воспользовалась случаем и не уехала с дядей, спасшись таким образом из твоих цепких лап?

– Может быть, он думает, что я тебя загипнотизировал, или считает, что я грозил жестоко расправиться с тобой при попытке сбежать. А возможно – что ты пала жертвой моих скромных чар и влюбилась в меня

себе на погибель.

Я поморщилась.

– Хватит шутить.

– Я не шучу. Мы не можем знать наверняка, как твой дядя представляет себе нынешнюю ситуацию, а можем только предполагать, основываясь на его поведении. А ведет он себя как человек, который просто хочет поговорить.

– А Морнадей ведет себя как человек, который хочет помочь нам спастись, – парировала я.

– Мы только с его слов знаем, что он служит в Скотланд-Ярде, – заметил Стокер. – Мы же не попросили его предъявить доказательства.

– Мы чуть не утонули тогда, – напомнила я. – Странно было бы в той ситуации настаивать на формальностях. К тому же, если у Морнадея на уме был какой-то злой умысел, зачем он вообще вмешался?

– Чтобы не дать твоему дяде уговорить тебя уехать с ним.

– Какая нелепость! Я подозреваю Морнадея в преступных намерениях не больше, чем тебя, – сказала я с некоторым раздражением.

– Ты не можешь отвергнуть теорию только потому, что она не вписывается в твои убеждения, – напомнил он мне. – Это плохая наука.

– Это вообще не наука, а нечто совершенно иное. Ты все еще не объяснил, как Морнадей вовлечен во всю эту историю, если он не детектив из Скотланд-Ярда. Какая у него цель?

Он пожал плечами.

– Заполучить себе прежде никому не известную дочь принца Уэльского.

– Да как он вообще узнал о моем существовании? На кого он работает?

– Бритва Оккама, – сказал он. – Самое простое объяснение является наиболее вероятным. Если лишь несколько человек знали о твоём существовании и почти все они уже мертвы, значит, логично предположить, что ему сказал тот, кто пока еще жив.

– Мой отец. Думаешь, отец послал Морнадея по моему следу? Считаешь, что и Макса приказал убить он?

– Не знаю.

Он нахмурил брови, и я все-таки поборола в себе желание запустить в него чем-то тяжелым.

– Ты серьезно размышляешь над возможностью того, что принц Уэльский, увлеченный картежник, охотник на фазанов, этакий светский повеса, придумал коварный план, чтобы убить старинного друга своего отца и достать меня хоть из-под земли?

– Старинного друга своего отца, – сказал Стокер, повторив мои слова, будто пробуя их на язык. – Я не думал об этом в таком ключе, но ты права. Именно к Максy он обратился, когда ему нужен был свидетель на свадьбе с Лили. И, несомненно, именно Макс клал деньги (деньги принца) на счет сестрам Харботтл на твоё содержание.

– Видишь? Стал бы человек убивать друга семьи, который так много сделал для него? – спросила я.

– Думаю, тем больше у него было поводов для убийства, – последовал ответ.

Глава двадцать седьмая

Через некоторое время холодный ветер, дувший с Темзы, прогнал нас с башни, и мы пошли вдоль внешних стен, медленно прогуливаясь среди построек и укреплений Тауэра. Посетителей в тот день было много, и мы пробирались мимо групп весело болтающих немцев, итальянцев и французов с путеводителями в руках, указывающих на те или иные достопримечательности.

– Не повезло им, ведь зверинец уже отсюда вывезли, – сказал Стокер. – Должно быть, интересный был опыт – стоять здесь и слушать львиное рычание.

– Им здесь было не место, – возразила я. – Их вообще не стоило привозить в эту страну.

Он приподнял бровь.

– А чем это, по-твоему, отличается от того, что делаем мы как натуралисты?

– Мы сохраняем природное достоинство животных, – ответила я, – изучаем их во имя научных достижений. А существа, которых держали здесь, были всего лишь трофеями, бальзамом на королевское самомнение.

– Да, королевское самомнение нужно обильно сдабривать бальзамом, – напомнил он мне. – А мы с тобой так и не решили окончательно, кто же строит тебе козни.

– Не королевская семья, в этом я уверена, несмотря на твои туманные намеки на моего отца, – начала я. – Но могу допустить, что у нее есть приспешники, высокопоставленные люди, готовые закрыть глаза на мокрое дело, если это поможет сохранить монархию.

– Значит, вполне вероятно, кто-то из придворных. И как сюда вписывается Морнадей?

Я задумалась.

– Может быть, он частный детектив, а возможно, именно тот, за кого себя выдает: инспектор из Скотланд-Ярда. Тогда положение обязывает его волей-неволей быть марионеткой в руках любого высокопоставленного кукловода, который дергает за ниточки. Он утверждает, что его начальник в Скотланд-Ярде поручил ему следить за нашими действиями, может быть, даже приказал нас арестовать. Он отказался, потому что считает, что я не представляю угрозы, но его начальство этим не удовлетворилось. И он разрывается между тем, к чему его обязывает долг, и собственными

инстинктами. И в такой ситуации он совершает единственно возможный поступок: предупреждает нас и просит уехать. Ему может слегка достаться за плохую работу, но это не приведет его к краху. А мы сумеем спастись из тисков каких-то сил в Скотланд-Ярде, что работают против нас.

– Не «каких-то сил», – хмуро поправил меня Стокер. – В Скотланд-Ярде есть только одно подразделение, которое может заниматься скандалом в королевской семье, – это Особый отдел.

– Я думала, что Особый отдел был создан для борьбы с ирландскими сепаратистами.

– Изначально – да. Но за последние несколько лет они значительно расширили сферу своей деятельности. Особый отдел неплохо справляется также с делами особой секретности. Если кому-то, близкому к королевской семье, нужно провести частное расследование в своих интересах, он идет в Особый отдел.

– Как удобно иметь в своем распоряжении столько людей, готовых замести следы твоей неосмотрительности, – с горечью заметила я. Я ощутила, что холодный ветер пробирает меня до костей. Тауэр – это место с тяжелой атмосферой. Даже камни кажутся особенно тяжелыми от боли, которую они видели на своем веку.

Мы замолчали, и я засмотрелась на тауэрского ворона, расхаживающего взад-вперед и поправляющего перышки с важностью, достойной лорда. По легенде, если вороны однажды покинут Тауэр, падет монархия, и, судя по поведению этого приятеля, он знал о собственной ценности.

Мимо прошел гвардеец, и ворон с возмущением закаркал ему вслед, ругая его низким хриплым голосом. Стокер рассмеялся, но я вдруг схватила его руку и вонзила пальцы ему в рукав.

– Стокер, а вдруг эти слова Морнадея о том, что нам нужно скорей уезжать, были предостережением?

– Ну конечно, это предостережение! – сказал он закатив глаза. – Слегка запоздалое, если учесть, что нас до того уже успели похитить.

– Не такое, – нетерпеливо возразила я. – Вдруг Морнадею известно что-то еще и он знает о какой-то другой опасности?

– Какой еще опасности?

– Если Особый отдел собирается устранить последствия этой конкретной неосмотрительности, то ему нужно избавиться от меня до того, как меня заполучат ирландцы. А мы предоставили им прекрасного козла отпущения.

– Что ты имеешь... – он резко замолчал, потому что ему вдруг

открылась правда. – Убить тебя, а вину за это свалить на меня, – сказал он решительно.

– Вот именно. Они могут выдумать тысячу мотивов. Ссора двух любовников, спор о деньгах, помутнение рассудка. Видишь? Им это идеально подходит. Избавляет их от меня как от угрозы и нейтрализует единственного человека, знающего правду, – тебя. Но они, конечно, не осмелятся оставить тебя в живых до суда. Они не могут так рисковать: вдруг правда о моем рождении выплывет в одном из свидетельств. Им придется убить и тебя. Самоубийство в тюрьме – ты сам лишишь себя жизни, раскаявшись в содеянном, или будешь застрелен при попытке к бегству. И все с легкостью поверят этому из-за твоей прошлой репутации.

Он ничего не ответил, но страшно побледнел.

– Стокер, я знаю, ты не хочешь обсуждать свое прошлое, но.

– Но ты абсолютно права, – сказал он тихо и хрипло. – Согласно официальным данным, я жестокий человек, особенно если верить всему, что обо мне писали газеты. Одна половина общества считает, что я сошел с ума, а другая – что я – воплощение зла. Для их мелодрамы не сыскать более подходящего злодея.

Он споткнулся, и я взяла его под руку, желая отвлечь от тяжелых мыслей, завладевших им.

– Что будем делать?

– Можно послушаться Морнадея и уехать, – медленно сказал он. – Поедем за границу, куда-нибудь на континент, а оттуда – хоть по всему свету, чем дальше отсюда, тем лучше.

– И всю жизнь находиться в бегах? Стокер, мы никогда от них не избавимся. Можешь вообразить себе такую жизнь? Вздрагивать от каждой тени и каждую минуту гадать, вдруг она последняя. Я не смогла бы так жить, да и ты, думаю, не смог бы.

– Даже если это спасло бы тебе жизнь? – спросил он.

Я покачала головой.

– Нет, все равно нет.

– Вероника, – тихо сказал он, – не думай, что я планирую вести себя недостойно в этом вынужденном бегстве. Если мы уедем отсюда вместе, то я не стану и дальше рушить твою репутацию. Я женюсь на тебе.

Я потерла лоб.

– Стокер, мне семнадцать раз делали предложение, и это, пожалуй, самое неискреннее.

– Нет, я говорю серьезно. Я буду заботиться о тебе, – сказал он, оттягивая воротничок.

– Обычно мужчина, делая предложение, не выглядит так, будто направляется на гильотину. Можешь не волноваться. Я не больше хочу выходить за тебя, чем ты – на мне жениться. И уезжать я тоже не собираюсь. Но, боюсь, ты станешь такой же жертвой этого заговора, как и я. А этого я допустить не могу.

Я глубоко вдохнула сырой речной воздух и медленно выдохнула.

– У меня есть немного денег на счете в банке, небольшая сумма, – предупредила я, – но достаточная, чтобы тебе уехать из страны куда захочешь. Может быть, на Мадейру или Канарские острова. А оттуда уже придумаешь, как добраться до Африки или даже Австралии. В Австралии полно всяких непонятных людей, тебе там будет комфортно. Подумай, сколько прекрасных животных ты сумеешь там найти. Да туда стоит поехать уже ради одного утконоса, – сказала я с напускной веселостью.

– А что собираешься делать ты? – медленно спросил он.

– Останусь и буду сражаться с ними, конечно, – ответила я.

Он долго ничего не отвечал, а когда заговорил, я поняла, что он в неопишуемой ярости: голос дрожал и был холоднее льда.

– Что бы ни думало обо мне общество, я не бью женщин, – сказал он, выплевывая каждое слово. – Но знай: если мне когда-то и хочется это сделать, то как раз в моменты таких оскорблений моей чести.

Я открыла рот, чтобы возразить, но он продолжал, и его слова обжигали меня как огнем.

– Я много всякого натворил, Вероника Спидвелл, и почти ничем в своей жизни не горжусь, но я все-таки джентльмен, и всегда им буду, и бывший моряк королевского флота. А чего моряк не делает никогда – не бросает товарищей в битве. Если останемся, то погибнем вместе и с оружием в руках.

Я протянула руку.

– Только тебе я готова доверить свой тыл. Тогда до конца.

Он схватил мою руку и крепко сжал.

– До конца.

* * *

Конечно, мы, как обычно, поспорили о том, каким должен быть этот конец. Вернее, Стокер спорил, а я четко следовала плану, который себе наметила.

– Нам нужно вернуться к тебе в мастерскую, чтобы начать исполнение

моей задумки, – сообщила я ему.

– Какой задумки?

– Выкурить их всех. Я хочу собрать их всех вместе: ирландцев, Морнадея, его начальство...

Его голос дрогнул:

– Хочешь, чтобы нас поскорее убили?

Я ответила с хмурой решительностью:

– Нет, но хочу освободиться от всего этого раз и навсегда. А чтобы это удалось, нужно собрать их всех в одном месте.

– А как именно ты собираешься это сделать?

– Просто отправлю им приглашения, конечно. Готовься, Стокер. На сцену выступает Вероника Спидвелл.

Как я и ожидала, Стокер просто измучил меня обсуждением плана. Его волновала моя безопасность, его безопасность, здравый смысл и еще множество тем, но я отметала все его возражения со спокойствием, достойным главнокомандующего. И хотя у меня самой немного дрожали колени, я не смела показать это Стокеру. Я не сомневалась, что он, как хищник, может учуять любые признаки слабости. А если он почувствует ее во мне, то не остановится, пока не заставит меня отказаться от плана, а на это я была не готова пойти. Я должна была покончить с этим раз и навсегда и неважно, какой ценой.

И только когда я спокойно сказала, что иначе просто пойду без него, он капитулировал в страшном расстройстве. Весь оставшийся день он страдал, и я подумала, что человек с комплекцией Стокера в дурном расположении духа действительно страшен. Но если мы хотим научиться работать вместе хоть сколько-то эффективно, ему прежде всего нужно понять, что на меня не действуют никакие проявления мужской властности, а также что меня невозможно переубедить, взывая к логике, чувствам или моей женственности, чем он пытался воспользоваться и что я с возмущением отвергла. Я обнаружила, что с учетом его упрямства проще всего мне было просто делать так, как я считала нужным, надеясь, что он рано или поздно подчинится. В этом мне помогали его врожденное благородство и представления о вежливости.

Несмотря на все сопротивление Стокера, мы вернулись к нему в мастерскую. Я выдвинула аргумент, что туда гораздо быстрее можно добраться из Тауэра, чем до Бишопс-Фолли, и дополнила это хорошей мыслью о том, что не хочется впутывать в эту историю еще и Боклерков. Наши вещи остались в Фолли, но у нас с собой было самое важное – две связки бумаг, доказывающих мое происхождение. Я аккуратно упаковала их

все вместе, обернув в лист простой коричневой бумаги из запасов Стокера, обвязала бакалейной бечевкой, а Стокер в это время разводил огонь в очаге. В задумчивости я крошила кусочек сломанной сургучной печати.

– Перестань, – велел он. – Смотри, все падает на пол, а Гексли нельзя это есть.

Я не удивилась, что он начал придирается. Предчувствие скорой смерти влияет так на многих людей. В меня же оно вселило беспокойство, и я начала бродить по комнате, брала банки с образцами и ставила их на место.

– Эта ржанка облезает, – сказала я ему.

Он забрал птицу у меня из рук и отряхнул мои пальцы от перьев.

– Ржанка не относится к воробьинообразным. Это личинкоед. Воробьинообразных легко отличить по пальцам на лапках. Ты бы заметила, если бы не поленилась посмотреть.

Я скорчила гримасу, но отдала ему его жалкого личинкоеда. Все равно меня никогда особенно не интересовали птицы. Вместо этого я наугад вытащила из стопки одну из его древних газет и начала читать.

Вскоре появился Баджер: он пришел провести Гексли.

– А, мистер С.! Не думал, что вы так скоро вернетесь.

Стокер улыбнулся мальчику.

– Я и сам не думал. Мисс Спидвелл хочет, чтобы ты доставил пару записок. Она заплатит шиллинг тебе за труды. Есть вопросы?

Глаза у мальчишки засверкали.

– Не-а.

– И еще кое-что. Нам нужна еда на сегодня и на завтра. Никаких выкрутасов, мясные пироги и сыр, может быть, немного устриц. Принеси еще хлеба и несколько бутылок пива.

– Ага, мистер С.

Он поправил кепку и убежал, забрав Гексли с собой на прогулку. После его ухода повисло молчание. Стокер занялся слоном, а я вернулась к стопкам старых газет, желая собрать больше информации об Особом отделе, ирландских сепаратистах и людях, управляющих делами королевского двора.

Через несколько часов Баджер вернулся с корзинкой еды и Гексли, набегавшимся всласть. Я поставила на пол миску с водой, и пес начал жадно пить, опустив в миску всю морду, а потом улегся на пол и сразу же уснул.

– Были какие-нибудь трудности?

– Нет, мисс. Одну я вручил в отеле «Императрица Индии», а другую –

в Скотланд-Ярде, – сказал он мне с явным удовольствием. Визит в Скотланд-Ярд невероятно его впечатлил.

– Прекрасно. Спасибо.

Он повернулся, чтобы уйти, но Стокер положил ему руку на плечо.

– Баджер, спасибо тебе за заботу о Гексли в мое отсутствие. Он выглядит очень довольным.

Мальчик улыбнулся.

– Мне было несложно, – заверил он Стокера.

– И все равно я тебе очень благодарен.

Потом он будто о чем-то задумался, и я поняла, как он беспокоится о мальчике.

– Сегодня вечером не приходи, дружище.

Баджер нахмурился.

– Сэр?

– Это может быть опасно.

Баджер гордо вздернул свой маленький подбородок.

– Я хорошо дерусь, если вам нужен человек, чтобы защитить ваш тыл.

Стокер в панике посмотрел на меня. Я сделала шаг вперед.

– Ты прекрасный товарищ, – сказала я ему. – Но с этим делом мистер Стокер и я должны разобраться сами.

– Ну хорошо, – ответил он, немного надувшись.

Он ушел, а Стокер глубоко вздохнул.

– Черт побери, что-то меня пробрало. Такой малыш и с таким смелым сердцем.

– Когда он вырастет, то будет похож на тебя, – сказала я. – Преданность превыше всего.

Стокер отвернулся и занялся слоном. Я не удивилась. Нам нравится верить, что именно речь дает нам превосходство над животными, но многие вещи не выразить словами.

Так мы и провели время до вечера: Стокер – со своим слоном и какими-то записями, а я – с газетами – и каждый в отчаянии старался собрать воедино распадающиеся части. Пока Стокер сшивал и склеивал куски шкуры и непрерывно делал какие-то записи, я пыталась составить портреты людей, которые, вероятно, находились в самом сердце заговора против нас. Морнадея газеты упоминали не раз, и по его успехам я поняла, что с этой силой нельзя не считаться. Он был умным и находчивым, часто во время расследования прибегал к маскировке, чтобы изловить жертву. Я в беспокойстве прищелкнула языком. Я уже привыкла к мысли, что он злодей, но сейчас получила четкое подтверждение его словам. Он

действительно был настоящим детективом, будь он проклят. Но я утешала себя мыслью, что он может быть одновременно детективом и злодеем, использует свое положение для своих черных дел на службе у какого-нибудь серого кардинала. Он получил повышение после разоблачения «кеннингтонского головореза»; в статье имелась фотография: Морнадей стоит рядом с виселицей, на которой был казнен этот преступник, а рядом с ним его начальник, сэр Хьюго Монтгомери.

Я передала газету Стокеру.

– Кажется, Морнадей – действительно детектив, – сказала я ему. – Его тут очень хвалят.

Он взгляделся в фотографию. Как и все газетные снимки, этот был мутным и нечетким, но и этого оказалось достаточно. На нем явно был Морнадей, но Стокер выругался не из-за этого хорошо знакомого мне лица.

– Тысяча чертей, сэр Хьюго Монтгомери, глава Особого отдела.

– Ты с ним знаком?

– Можно и так сказать, – мрачно ответил он. – Наши пути однажды пересеклись, много лет назад.

– Как? – спросила я. – И хватит увиливать. Я всегда позволяла тебе хранить секреты, но сейчас другое дело. Этот может оказаться важным для нас.

– Нет, это неважно, – упрямо возразил он, но все равно начал рассказывать мне эту историю. – Ребенком я был очень несчастен. Тебе легко это понять, ведь ты видела моего брата.

– Я заметила, что вы с ним не близки. – Я постаралась уйти от прямого ответа.

Он фыркнул.

– Если бы мне нужно было придумать себе герб, на нем бы обязательно была изображена дикая черная овца. Ну, так или иначе, после одной особенно ужасной сцены я ушел из дома.

– Сколько тебе было лет?

– Одиннадцать-двенадцать, – бездумно ответил он. – Я уже забыл.

– И тогда ты прибил к бродячему цирку, – подхватила я, наконец собрав воедино разрозненные куски головоломки.

Тень приятных воспоминаний коснулась его лица.

– Они были так добры, что взяли меня к себе. Профессор в те дни не был таким жадным ублюдком, как теперь, – добавил он. – Меня научили показывать фокусы, метать ножи и еще несколькими полезным вещам.

– Например, плотским удовольствиям, – вставила я, вспомнив намеки Саломеи. – Боже, Стокер, в одиннадцать или двенадцать?! Ты был очень

одаренным ребенком.

– Можно я закончу?

– Да, продолжай, – подбодрила его я.

– Как бы то ни было, я прожил с ними какое-то время, почти полгода, а потом цепной детектив моего отца сумел меня выследить. Это и был Монтгомери. Тогда он не служил в Скотланд-Ярде и, черт побери, точно не был сэром Хьюго. Но это объясняет, почему Скотланд-Ярд так быстро вышел на меня как на подозреваемого в убийстве Макса. Монтгомери всегда был очень дотошным. Вполне вероятно, у него хранились записи по старому делу о моем исчезновении, и, когда был убит Макс, ему не составило труда выяснить, что я был с ним знаком.

– Так же легко было подтвердить, что вы продолжали общаться, если они порылись в деловой документации барона и поняли, что ты был еще и его арендатором.

Я окинула взглядом мастерскую.

– Ты говорил, что он собирался оставить все свое состояние какой-нибудь из своих любимых организаций? А что они сделают с этим помещением?

Стокер пожал плечами.

– Уверен, они просто продадут его кому-нибудь, и оно снова будет использоваться как склад. Река ужасно засорена вверх по течению от доков, но ее в любой момент могут очистить.

– И ты лишишься дома.

– Это не дом, Вероника, – глухо сказал он. – Это просто место, где я живу.

После этого он вновь занялся слонем и яростно застучал молотком по одной из подпорок, и я вспомнила, как в первый раз заставила его нарушить молчание, раздразив его буйный нрав. Но в тот момент мне не нужна была его ярость. Впервые за долгое время я хотела от другого живого существа чего-то совсем иного и, изучив это новое желание, поняла, что мне отчаянно хочется поддержки.

– Стокер.

Наверное, что-то в моем голосе выдало меня, потому что он сразу отложил молоток и обернулся.

– Да?

– Ты когда-нибудь думаешь о смерти?

Я совсем не то хотела сказать, но для начала годилось и это. Гексли залез ко мне на колени, и я гладила его, запуская пальцы в грубую шерсть.

Он раскинул руки, как бы охватив этим жестом всю мастерскую.

– Каждый день. Она меня окружает повсюду.
– Я имею в виду – о своей.
– Конечно. Я бывал к ней ближе, чем большинство людей, – напомнил он мне.

– В Бразилии?

Гексли глухо заворчал и поудобнее устроился у меня на коленях.

– Не только, – ответил он. – А ты о ней думала?

– Нет, никогда. Ни на Корсике, ни в Коста-Рике, ни в Сараваке. Не думала даже на Суматре, когда там извергался этот чертов вулкан. Я всегда считала, что все обязательно будет хорошо. Каждый вечер, закрывая глаза, я верила, что непременно проснусь утром, знала, что солнце только что было над горизонтом, и верила, что обязательно доживу до того, чтобы увидеть его снова. Ты, наверное, считаешь меня ужасно глупой, – закончила я и замолчала.

– Наоборот, Вероника. Я думаю, что только так и можно жить.

Если бы его голос не звучал так мягко, если бы он понял меня хоть чуть хуже, я бы никогда не высказала ему своих сомнений. Очень легко поджать губу и идти вперед, если не решаешься рассказать о своей трусости из страха быть непонятым, но очень трудно в одиночку нести эту ношу, когда кто-то хочет разделить ее с тобой.

– Стокер, а что если я ошиблась? – спросила я и не могла уже остановить прорвавшийся поток слов. – Вдруг я просчиталась, и все пойдет не так? Ведь они могут... – Я не в состоянии была закончить.

– Да, – согласился он, – они могут.

– И это тебя не пугает? – спросила я. Мой голос стал выше, и Гексли поднял голову с ворчанием, которое может издавать только недовольный бульдог.

– Мне чертовски страшно, честно говоря, – ответил он. – Но ты не должна думать таким образом. Ты сделала ставки. Ты уже бросила кости. Теперь остается только смотреть, выиграла ты или нет.

– А если проиграла... – я замолчала и попробовала еще раз, заставляя слова проталкиваться наружу из сжавшегося горла. – Я обвиняла тебя в излишней спешке, когда ты увез меня из Лондона сразу после смерти барона, но веду себя ничуть не лучше. Я рискую нашими жизнями, хотя не имею никакого права отправлять тебя в эту схватку.

– Я и сам был в ней, – напомнил он мне, – с самого начала и буду в самом конце, что бы ни случилось.

Он достал из кармана один из своих красных носовых платков.

– На, возьми, пока Гексли не простудился от потока твоих слез.

Несмотря на издевательский тон, взгляд его был серьезным. Им овладели спокойствие и умиротворенность, которых я никогда прежде не видела.

– Так все и должно быть перед сражением? Ты же бывал в сражениях во время службы на флоте?

– Бывал, – признался он. – Всегда настает такой момент, после бешеной подготовки и перед тем, как открыть огонь, когда все затихает. Ты чувствуешь, что люди вокруг тебя молятся. Но я никогда не мог. Для меня это была просто тишина.

– И что ты делал в этот момент тишины?

Он улыбнулся.

– А ты как думаешь? Читал про себя строчки из Китса, еще думал о жизни, которой мне не суждено было жить, но о которой я мечтал, и о капитане, человеке, которому я вверил свою жизнь.

– А он молился, не знаешь?

– Молился. Он был добродетельным человеком во всех смыслах этого слова. Но я не верю, что мы побеждали потому, что Бог был на нашей стороне, или потому, что наши люди усерднее молились либо больше трудились. Мы побеждали потому, что у нас было больше пушек.

– То есть дело в силе, а не в правде, – заметила я.

– В мире обычно так и бывает, – напомнил он мне. – Но иногда правда побеждает просто потому, что этого требует правосудие.

– Ты говоришь с такой уверенностью...

– И ты тоже должна, – пожурил меня он. – Капитан не может показывать свой страх: это плохо влияет на моральный дух команды.

Я горько рассмеялась.

– А я капитан в этом маленьком предприятии? И ты не против идти в битву под моим началом?

– Ты не хуже всех тех, кого я повидал во флоте, – заверил он меня. – И если бы я не передал тебе командование, ты бы сама его забрала.

– Это правда, – признала я и, потрепав Гексли за ушами, добавила: – Спасибо, мне уже гораздо лучше.

Он внимательно посмотрел на меня:

– Хорошо. – И нагнулся за своим молотком.

– Стокер.

– Да, Вероника?

– Как думаешь, какова вероятность, что мы останемся в живых после этой встречи? – Мое горло перестало сжиматься, и голос больше не дрожал.

Он на минуту задумался.
– Один к пяти, – наконец сказал он.
У меня сердце ушло в пятки.
– И ты все равно готов на нас поставить?
Он ослепительно улыбнулся.
– Любой, кто поставит против нас, – дурак.

* * *

В моих приглашениях значилось: в девять вечера в мастерской у Стокера. Время и место были выбраны очень тщательно. Я назначила встречу на вечер, чтобы джентльмены успели получить приглашения и подготовиться. А мастерскую Стокера я выбрала потому, что здесь мы, можно сказать, имели преимущество возвышенности. Как я ему объяснила, здесь мы заранее услышим, что они идут, а кто предупрежден, тот вооружен. Он долго ворчал о том, что здесь мы будем легкой добычей, но забил окна в задней части дома. Маленький задний дворик окружала высокая крепкая стена без входа, а передняя дверь была накрепко забаррикадирована. Они не могли бы войти бесшумно.

Как и ожидалось, время к вечеру то начинало ползти, то несло, то опять замедлялось. Оно играло с нами злые шутки, и мы либо жаловались на бесконечный день, либо спешили закончить все приготовления.

– Неудивительно, что день кажется длинным, – заметил он, – ведь уже середина июня.

Я ничего не ответила, с восхищением осматривая результат наших усилий. Вместе мы расчистили большое пространство в центре мастерской, прикрутили фитили ламп, и по углам комнаты собрались тени. В этой полутьме посверкивали зубы и поблескивали глаза сотен чучел, расставленных по периметру комнаты. Полки, которые было непросто поднять, мы оставили на месте, и огромные банки с плавающими в них экспонатами придавали помещению таинственности, будто пришли прямоком из шедевра Мэри Шелли. Нетрудно было представить, как мощный гальванический разряд вдруг оживляет все эти существа.

Котел находился теперь в центре комнаты, притягивая взгляды и привлекая внимание.

– Знаешь, в этом не было никакой необходимости, – в какой-то момент заметил Стокер. – У нас есть прекрасный действующий камин.

– Не забывай о театральном эффекте, – ответила я. – Я хочу устроить

им представление, которое они запомнят надолго.

– Пожалуй, ты все-таки дочь своей матери, – заметил он.

Но я обратила внимание на то, что и сам Стокер не пренебрег некоторой театральностью. Когда мы пришли в мастерскую, он снял сюртук, жилет и шейный платок и сейчас не потрудился надеть их обратно. Вместо этого он закатал рукава до локтей, так что стала видна его татуировка с жезлом Асклепия. На глаз он надел повязку: вероятно, от усталости – но мне показалось, ему нравится, что она придает ему грозный вид.

Поставив котел на место, мы разожгли в нем огонь, бросая туда стопки старых газет и сломанные полки, и вот уже красные горячие языки пламени заплясали в полумраке мастерской. Мы распахнули окна, выходящие на Темзу, длинные, протянувшиеся почти от пола, от самой воды, на двенадцать футов в высоту или даже выше. Стокер вскарабкался наверх как обезьяна, чтобы открыть слуховые окошки, и дым взвился вверх и потянулся наружу.

– «Но человек рождается на страдание, как искры, чтобы устремляться вверх», – процитировала я.

– Не очень-то это утешительное занятие – цитировать Иова, – заметил Стокер, строго посмотрев на меня. Он повернулся ко мне как раз, когда часы начали бить девять.

– Пора.

Я не стала как-то особенно заботиться о своем внешнем виде. Руки у меня были черными и грязными от типографской краски, так что я их вымыла. Но я чувствовала, что волосы у меня выбились из шиньона, да и жакет я не стала надевать, причем намеренно. Я осталась в белой блузке, которая напоминала знаменитый костюм Лили Эшборн. Мне хотелось, чтобы они сами увидели, как мы с ней похожи.

Часы еще не закончили отбивать девять торжественных ударов, когда мы их услышали. Сначала – глухой звук, это они стучали во входную дверь. К тому времени Стокер уже разобрал там баррикады, но мы не спешили впускать их. Я хотела, чтобы они сами пришли ко мне, и те несколько минут, пока они пытались проникнуть внутрь, только подогрели их нетерпение.

Стокер повернулся ко мне, и я заметила в его глазах целеустремленность и решительность, которых никогда прежде не бывало. Это был не тот раздавленный человек, которого я встретила совсем недавно, а совершенно другой: сосредоточенный, решительный, настроенный закончить это дело – к лучшему или к худшему, неважно.

Он коротко мне кивнул.

– На позиции, Вероника. Они пришли.

Глава двадцать восьмая

Когда они вошли, мы со Стокером стояли позади котла. Зловещий свет плясал на наших лицах, и я смотрела на них сквозь дрожащий от жара воздух.

Первым был Эдмунд де Клэр вместе со своим приспешником, Тихим Джоном, и двумя другими типами, лица которых были мне знакомы со времени нашей приятной прогулки по Темзе.

Я выступила из-за котла, но вперед не пошла.

– Стойте там, – приказала я. Он подчинился, и я окинула его долгим пристальным взглядом с головы до пят. Дорогой костюм, выдавший лучшие дни. Ботинки надо бы отполировать. Выбрит неаккуратно, первым попавшимся цирюльником. И тут я поняла про него нечто важное: его жизнь состояла из серии неудач. Он был близок к власти, богатству, счастью. И все это от него ускользнуло.

При его приближении Гексли заскулил и заполз под диван. Я подумала, что этот пес прекрасно чувствует людей.

– Добрый вечер, дядя.

Если для него и было неожиданностью то, что я обо всем догадалась, он ничем себя не выдал.

– Ты истинная дочь Лили, – сказал он глубоким, мелодичным голосом. Я вспомнила, как читала о том, что лучшим качеством Лили как актрисы было не ее симпатичное лицо, а ее необычный театральный голос. Должно быть, это семейная черта, подумала я.

– Я понял это сразу же, как увидел тебя из экипажа на дорожке в Литтл-Байфилде, а затем на Паддингтонском вокзале, когда услышал, что ты говоришь ее голосом. Ты не представляешь, как тяжело мне было сдержаться и не сказать тебе сразу же, кто я такой. Но я знал, что ты мне все равно не поверишь. Кто может в такое поверить, даже если слышит это из уст родного дяди? – закончил он слегка дрогнувшим голосом.

Уловка была восхитительной и помогла мне понять, что он все еще намерен разыгрывать партию преданного дядюшки. Должно быть, он понял, что я не могу знать наверняка, враг он мне или друг, а он, очевидно, был заядлым игроком. Он будет играть до последней карты, не преминет достать несколько и из рукава. Этот дрогнувший голос мог бы обмануть человека, который не смотрел на его лицо, потому что почти неуловимое беспокойное движение глаз сказало мне, что он взволнован и зол. И все же

я могла бы поверить в его искренность, если бы не его приспешники, которые только и ждали приказа окружить нас.

– Отзовите своих псов, – сказала я ему. – Вы сейчас не сможете запугать нас.

Его лицо сразу залилось краской гнева, но он бросил опасливый взгляд на Стокера и махнул своим людям отойти. Они отступили, и я кивнула.

– Прекрасно. Вы пришли первыми, но должна сообщить, другие тоже скоро придут.

В тот же миг, будто не желая упустить такой прекрасный момент, в комнату проскользнул Морнадей и встал позади них.

– Уже, – весело сказал он. Вытащив револьвер, он наставил его прямо на моего дядю. – Думаю, мы все можем договориться вести себя как культурные люди?

Приспешники де Клэра выглядели очень взволнованными из-за такого развития событий, но не успели они что-либо предпринять, как от стены позади Морнадея отделилась какая-то тень и выступила на свет: джентльмен на вид лет пятидесяти, подтянутый как гончая, и что-то в выражении его лица сказало мне, что он более опасный противник, чем Морнадей.

– Спокойно, де Клэр, – сказал он моему дяде. – Если ты думал, что инспектор Морнадей пришел один, ты глубоко ошибался. У меня на улице стоит дюжина человек, а я мечтаю вздернуть тебя на виселице. Пожалуйста, сделай одолжение, убей инспектора английской полиции, и тогда я смогу посмотреть, как ты пляшешь на конце веревки.

Он повернулся ко мне, и мы обменялись долгими, оценивающими взглядами. Я почувствовала, как рядом со мной Стокер замер в напряжении, и другого подтверждения мне не потребовалось.

– Сэр Хьюго Монтгомери, я полагаю?

Он энергично кивнул.

– Наслышан о вас, мисс Спидвелл.

Затем с полным безразличием взглянул на Стокера.

– Темплтон-Вейн, сколько лет, сколько зим.

– И еще бы столько же, – заметил Стокер.

Я кивнула в сторону де Клэра.

– Сэр Хьюго, вы, очевидно, знаете моего дядю, Эдмунда де Клэра. Но я и сама не вполне уверена, кем мне приходится остальные ребята. Вероятно, какими-то дальними родственниками.

– Это правда, – подтвердил сэр Хьюго. – Ваш дядя стоит в центре группировки, довольно страстно ратующей за ирландский гомруль. И все

эти сыновья и племянники тоже вовлечены в процесс. Он давно уже стал истинным наказанием для английских властей, и я счастлив наконец познакомиться с ним лично.

Дядя воинственно задрал подбородок и произнес с истинно кельтским драматизмом:

– Делайте с нами что хотите. Ирландия все равно освободится от таких, как вы, а мы станем мучениками за правое дело.

– Но, думаю, вы не хотите становиться мучеником, правда? – спросила я. – Мученичество – это прекрасно, но вы бы явно предпочли быть властью в тени престола. Предполагаю, что здесь мы все можем говорить открыто? Ведь всем известно, кто я такая и на что могу претендовать?

Мы обменялись взглядами, будто волки, окружающие свежую добычу. Рисоваться было уже поздно.

– Ну тогда давайте скажем прямо, – продолжала я. – Моя мать была ирландской актрисой Лили Эшборн, сестрой Эдмунда де Клэра, – сказала я, кивнув в его сторону. – Каким-то образом во время своих турне она познакомилась с принцем Уэльским. У меня здесь было немного времени на чтение старых газет, и я обнаружила интересную вещь: в 1860 году и его королевское высочество, и Лили Эшборн путешествовали по Северной Америке. Более того, они в одно и то же время оказались на Ниагарском водопаде. Принц осматривал водопад, а вечером пошел на представление – то самое, где Лили Эшборн играла одну из самых сильных своих ролей, Федру. Подозреваю, что именно тогда они и встретились.

– Все так и было, – подтвердил Морнадей. – Я читал заявление, которое он написал предшественнику сэра Хьюго.

– Он делал заявление?

Сэр Хьюго сухо кивнул.

– Когда принц Альберт узнал об этой связи, он поручил высокопоставленному детективу из Скотланд-Ярда выяснить все о Лили Эшборн и определить, насколько серьезную угрозу она представляет для королевской семьи. Его очень беспокоил возможный судебный процесс с требованием содержания. Данный детектив в свое время при учреждении Особого отдела был назначен его главой. После его смерти я вступил в эту должность, и ко мне перешли все его документы.

– Но самое большое беспокойство принца Альберта касалось не процесса о финансовом содержании, – предположила я.

– Да, – согласился сэр Хьюго. – Он боялся, что мисс Эшборн потребует признания отцовства. Я видел письма принца-консорта, где говорилось, как он боится такой возможности. Ему казалось, что действия

сына уничтожат королевскую семью, а затем, возможно, и монархию вообще.

– Это действительно так, – согласилась я, – особенно если он знал правду: что Лили Эшборн и принц Уэльский поженились до рождения ребенка.

Морнадей шумно втянул воздух, а Эдмунд де Клэр издал торжествующий вопль. В мерцающем свете казалось, что сэр Хьюго побледнел.

– Этому нет доказательств.

Я вытащила связку бумаг, которую собрала из всех найденных нами документов.

– Вот доказательства.

В лице сэра Хьюго не дрогнул ни один мускул, но я знала: он понял, что я держу в руках. Эдмунд де Клэр уставился на меня с открытым ртом, будто я достала сейчас из кармана Святой Грааль.

– Это...

– Да, – сказала я ему, – это оно. Эта та информация, из-за которой был убит барон фон Штауффенбах.

Де Клэр побелел, несмотря на жар от огня.

– Это был несчастный случай! – запротестовал он. Сэр Хьюго вопросительно посмотрел на него, и де Клэр продолжил; слова начали выскакивать из него так, будто он, раз начав говорить, уже не может остановиться.

– Он не хотел говорить мне то, что мне было нужно, и этот парень слишком сильно ударил его, – сказал он, указав подбородком на Тихого Джона. Этот тип весь вспотел, и я подумала, что дядя говорит правду. Ни один закоренелый преступник не собирается падать в обморок, когда ему указывают на его преступления.

– Пусть так, но кто-то должен ответить за эту смерть, – спокойно сказала я.

– И ответит, – пообещал дядя. – Если ты пойдешь с нами, клянусь, я сдам его полиции.

Тихий Джон вскрикнул от возмущения – он не ожидал, что от него так легко отвернутся, но другой ирландец резко ударил его, чтобы он замолчал. Сэр Хьюго повернулся к Эдмунду де Клэру с милой улыбкой.

– А как вы предполагаете уйти отсюда с мисс Спидвелл? Я уже говорил вам, что на улице у меня дюжина констеблей, и они никуда вас не пустят.

Глаза Эдмунда блеснули.

– А у меня там пятьдесят крепких ирландских парней, и они считают, что нас выпустят.

Тогда Стокер обратился к сэру Хьюго.

– Они хотят начать восстание. Если ваши люди будут в них стрелять, как вы думаете, кто повыскакивает из соседних домов им на помощь? Все те ирландцы, которых вы выгнали с Пикадилли и затолкали в Ист-Энд. Это их территория, и они будут защищать свое.

Эдмунд обнажил зубы в улыбке.

– Ты прав, приятель. Достаточно всего одного слова о том, кто она такая, и преисподняя разверзнется посреди Лондона, и это за два дня до юбилея. Думаете, тогда вам удастся замолчать эту историю? Я знаю, вы этого хотите, и обещаю: если вы нас отпустите, то останетесь в живых и продолжите свои дела.

Сэр Хьюго ничего не ответил. Я не дала ему такой возможности и шагнула вперед.

– А что заставляет вас думать, что я могу пойти с вами добровольно? – спросила я дядю.

Он мягко улыбнулся, и я увидела отблеск того непобедимого обаяния, которым, должно быть, славилась Лили Эшборн. Его голос приобрел легкий ирландский акцент.

– Потому что ты будешь свободна. Как думаешь, что они сделают с тобой, девочка, если мы тебя у них не заберем? Надеешься, что они тебя отпустят? Нет и нет. Они запрут тебя, выбросят ключи и будут делать вид, что тебя не существует, потому что ты опасна. Только посмотри на этого сэра Хью Монтгомери Высокомерного. Холодный, как молоко, на первый взгляд, но внутри потеет, как свинья. Он знает, что стоит на кону у его королевских хозяев и что собственной головой ответит в случае провала. У него, бедняжки, нет выбора. Он должен убить тебя, чтобы спасти себя. Слышишь меня, девочка? Они тебя убьют.

Он сделал шаг вперед, понизил голос и заговорщицки продолжал:

– Но мы – твоя семья. Ты де Клэр, наша плоть и кровь, ты одна из нас. Пойдем домой, пойдем с нами, и мы о тебе позаботимся.

Я слегка улыбнулась.

– Прекрасно исполнено, мистер де Клэр. Я в очередной раз восхитилась способностью кельтов к убеждению. Но меня вы не убедили, – холодно закончила я. – С вами я буду не в большей безопасности, чем в лапах сэра Хьюго. Скажите, за кого из кузенов вы решили выдать меня замуж, чтобы я родила для вас наследника одной крови с вами? – спросила я, кивнув в сторону его сородичей.

Он вскинулся.

– Успокойся, что ты выдумала?..

Я жестом остановила его.

– А вы непостоянны, как флюгер. Я достоверно знаю, для чего я вам нужна: уж точно не для того, чтобы изображать счастливое семейство, поэтому давайте отбросим всю эту сентиментальную чушь. Вам нужна центральная фигура для революции. Так знайте: я не буду марионеткой ни в ваших, ни в других руках. Может быть, я и не согласна с чем-то, что делает нынешнее правительство, – сказала я, бросив укоризненный взгляд на сэра Хьюго, – но лучше я буду простым гражданином здесь, чем королевой где бы то ни было еще.

– Слова истинного подданного ее величества, – шелковым голосом вставил сэр Хьюго. – Но, боюсь, это не уменьшает угрозы, которую вы представляете. Мисс Спидвелл, вы сами видите, что у меня нет выбора. Заодно ли вы с этой ирландской чернью или нет, – сказал он, с отвращением покосившись на моего дядю, – я все равно вынужден взять вас под стражу.

– Я понимаю, что вы в сложном положении, сэр Хьюго. Ведь вы выполняете чьи-то приказы. Вы должны были понимать, что мой сбившийся с пути дядя придет сюда с подкреплением. И все-таки вы поставили на стражу лишь дюжину человек. Либо вы поступили чудовищно наивно, либо желаете строгой секретности. Предполагаю, что второе. Думаю, в этом мой дядя прав: кто-то другой дергает вас за ниточки, и вы не можете себе позволить оторвать слишком много людей от обычных обязанностей в Скотланд-Ярде, иначе история получит излишне широкую огласку. Итак, ваш хозяин трудится за сценой, советник королевской семьи, судя по всему. Кто-то, привыкший применять силу, чтобы очистить себе путь, кто-то жестокий, но абсолютно преданный семье. Если бы он уже не покоем в могиле, я предположила бы, что это проклятый шотландец Браун[31]. Но кто-то ведь есть. И он играет мелодию, под которую вы пляшете.

Сэр Хьюго не расстроился из-за того, что я назвала его марионеткой. Он слегка мне улыбнулся.

– Вы даже умнее, чем было описано в отчете инспектора Морнадея. Но все ваши умозаключения не имеют значения. Тот, кто заинтересовался вами, превыше всего ставит интересы короны, и мы обязаны уважать его выбор.

– Согласна, – сказала я спокойно. – Я совершенно согласна с тем, что ничто не должно угрожать короне или даже просто волновать ее, особенно

сейчас, когда взгляды всего мира направлены на королеву, празднующую свой юбилей. Об этом невозможно даже помыслить.

– Я рад, что вы готовы проявить благоразумие, – заметил он.

– Вопрос в том, готовы ли вы?

Я снова подняла связку бумаг.

– Это все документы, касающиеся моего происхождения. Здесь брачный сертификат моих родителей (свидетели, подписавшие этот документ, все уже мертвы). Здесь же запись о моем рождении, также подтвержденная человеком, уже скончавшимся. Все до единого люди, владевшие достоверной информацией об обстоятельствах моего рождения, которые могли бы под присягой указать личность моего отца, ныне мертвы.

– Все, кроме твоего отца, – вставил Эдмунд де Клэр.

– Думаю, мы можем быть уверены, что из его уст никто этого не услышит.

Я повернулась к сэру Хьюго:

– Все, что касается меня и представляет собой опасность для короны, находится в этом свертке.

Я специально подняла руку повыше и взглянула ему прямо в глаза, а потом бросила свертки в огонь. Мой дядя кинулся вперед, но не успел он добежать до котла, как Стокер, в соответствии с нашим планом, швырнул туда пузырек формальдегида; послышался звон стекла, и языки огня взмыли к потолку, чуть не касаясь его, вместе с огненным шаром вырвавшись из котла.

– Не стоило беспокоиться, – сказала я дяде. – Это формальдегид, самое горючее вещество в этой комнате. Бумаги были уничтожены в тот момент, когда он их коснулся.

Лицо де Клэра сделалось белым как полотно, им овладел шок от осознания масштабов такой утраты. И в этот момент он лишился рассудка. Он набросился на Стокера, пытаясь его задушить. Не ожидавший нападения Стокер не удержался на ногах и повалился на спину, увлекая за собой моего дядю. Стокер уперся коленом в грудь дяде и оттолкнул его с такой силой, что тот пролетел по воздуху и врезался в котел. Он оказался прямо над языками пламени и начал отчаянно размахивать руками, чтобы не свалиться вниз. Стокер быстро схватил его за жилет и потянул на себя, надеясь вытащить из огня, но было уже поздно. Полы его плаща попали в огонь и сразу же загорелись. Стокер сразу отпустил его, и де Клэр вновь навалился на котел.

Он попытался спастись от огня, двинувшись на непослушных ногах к окну, но пламя уже окутало его, как адский нимб. Он метался из стороны в

сторону и, будто сломанный механизм, то останавливался, то несясь дальше, мимо стола и полок, хватаясь за все, что попадалось ему на пути: мебель, чучела животных, шаткие стопки книг. Я предпочитаю думать, что ужас парализовал сэра Хьюго, потому что он был ближе всех и мог бы остановить моего дядю и сбить пламя. Но он стоял, не двигаясь, смотрел с открытым ртом, так же как и мы все, а Эдмунд де Клэр выбил окно и свалился в зеленые мутные воды Темзы. Мы слышали всплеск, когда он погрузился в воду, а потом наступила устрашающая тишина.

Воспользовавшись случаем, остальные ирландцы тоже попрыгали в воду через то окно, из которого бросился Эдмунд, и поплыли по реке. Ни сэр Хьюго, ни Морнадей не успели их остановить. Но бегство преступников оказалось не самой главной проблемой. От исступленного метания Эдмунда по мастерской огонь перешел на стопки бумаг и шкуры животных, и языки пламени быстро распространялись, захватывая в свои жадные лапы экспонаты, книги и газеты.

Стокер повернулся ко мне:

– Выходи скорей! Здесь сейчас все взлетит на воздух!

Ящички Уорда начали лопаться от жара, осколки стекла и химикаты полетели в разные стороны, чучела умирали второй раз, ведь опилки, которыми они были набиты (к тому же пропитанные легковоспламеняющимися растворами), вспыхивали вмиг.

Стокер подтолкнул меня к Морнадею, и инспектор все понял – он обхватил меня и потянул на улицу из горящего здания; сэр Хьюго следовал за нами. Когда мы выскочили наружу, то обнаружили, что все соседи выглядывают из окон: одни лица испуганные, а в других читается живой интерес – все поняли, что склад горит.

Я жадно глотала воздух, хоть и дымный, внимательно себя осматривая. Конечности и волосы не пострадали, но костюм был уже непригоден для носки – весь в саже и немного обгоревший по подолу: по пути я задела юбкой стопку горящих естественно-научных журналов.

Я повернулась к Стокеру и поняла, что его рядом нет. Я успела заметить, как он вновь скрылся в горящем здании.

– Стокер! – закричала я. – Что ты делаешь?!

Уже скрываясь в дыму, он обернулся:

– Иду за своим чертовым псом!

Меня охватил ужас, а Морнадей и сэр Хьюго уже выводили меня подальше от огня, на чистый и свежий вечерний воздух, где нас ждали их люди. Они были в простой одежде, а не в полицейской форме. По приказу сэра Хьюго они принесли пледы и налили нам виски из карманных фляжек,

непрестанно спрашивая, не нужно ли попытаться вызвать пожарную бригаду. Сэр Хьюго распорядился не вызывать. Он совершенно спокойно взирал на то, как горело здание: губы сомкнуты, на лице выражение полного удовлетворения. И я понимала, почему. Это было наилучшим решением проблемы с Эдмундом де Клэром. Судебный процесс, связанный с убийством барона, означал бы публичность. А сейчас Эдмунд де Клэр просто исчезнет в водах Темзы, и его дело испарится вместе с ним. Неизвестно, блефовал ли он, заявив, что целая толпа его людей поджидает нас на улице, или говорил правду. Во всяком случае, никто из них не появился, и в других обстоятельствах меня бы повеселила мысль, что Эдмунд де Клэр сумел обмануть главу Скотланд-Ярда.

Я прекрасно знала, как поколебать хладнокровие сэра Хьюго.

– Ну что, довольны, что дом Стокера сгорел? – спросила я, даже не пытаясь скрыть язвительность в голосе.

– У меня есть проблемы посерьезнее, – ответил он с раздражающим спокойствием. У него была аккуратная бородака вроде тех, что носили Стюарды, и он поглаживал ее, без сомнения, с удовлетворением.

Я криво усмехнулась.

– Ах да, вам нужно отправить своих людей прочесывать эту часть Темзы в поисках тела Эдмунда де Клэра, но они все равно ничего не найдут. В этом месте река очень мелкая. Позволю себе заметить, он придумал неплохой способ, чтобы сбежать от вас.

К моему неописуемому удовольствию, сэр Хьюго вздрогнул.

– Мелкая?

– Мне кажется, достаточно глубокая, чтобы он мог спрыгнуть, ничего себе не повредив, но не настолько, чтобы представлять реальную угрозу для жизни; там не утонешь, – продолжала я. – У него есть катер, вы знаете? Может быть, он и не лучший преступный ум, но любой человек с крупными здравым смыслом должен был как-то позаботиться о том, чтобы обеспечить себе пути отступления с нашей милой сегодняшней встречи. А какой можно придумать путь лучше, чем по реке? Кажется, вы этого не ожидали. А с такими помощниками, как Тихий Джон и двое других бандитов, подозреваю, он сейчас уже отплыл на приличное расстояние.

Позади него Морнадей прикрыл рукой рот, чтобы скрыть улыбку при взгляде на такое замешательство начальника. Ноздри сэра Хьюго слегка раздулись. У него был изящный нос, и он хорошо им пользовался.

– Моя дорогая мисс Спидвелл, я очень сомневаюсь...

– Удивительно, что инспектор Морнадей не рассказал вам всего.

– Ты знал, что у него есть катер? – сэр Хьюго повернулся к Морнадею

и стал сверлить его ледяным взглядом, обещавшим самое страшное возмездие. Я отвернулась. Как ни приятно мне было смотреть на то, что Морнадей получает заслуженную взбучку, но я не могла больше скрывать свои переживания из-за судьбы Стокера. Он уже слишком долго находился в этом горящем здании. Я не могла оторвать взгляд от двери, из которой вырывались клубы дыма, а адские языки пламени взмывали над складом все выше и выше. Я услышала, как рухнула стена, обращенная к реке, кирпичи и балки падали в Темзу как раз в том месте, где исчез мой дядя, и другая женщина на моем месте в этот момент начала бы молиться, но я не могла. Я посмотрела вниз, на свои руки, и увидела капли крови: так сильно я вонзила ногти в ладони.

Теперь я смотрела только на дым, который крутился и шипел как живой, потом он на миг расступился, и из него показалась фигура. Это был Стокер, совершенно измученный, но крепко державший зевающего Гексли, который, учуяв запах еды, стал заинтересованно водить носом.

У меня чуть не подкосились колени.

– Дурак, – пробормотала я.

Стокер пожал плечами.

– Он член семьи.

Переодетые офицеры поддерживали порядок, сдерживая напуганных зрителей, а пожар постепенно затухал сам. Склад стоял на отшибе, и на соседние склады и дома огонь не перекинулся; спустя некоторое время сэр Хьюго позволил вызвать пожарную команду, чтобы они выполнили свою работу.

Я повернулась к Морнадею; он выглядел явно напуганным после взбучки, а сэр Хьюго смотрел на меня, будто не веря собственным глазам. А мне казалось, что его мало чем можно удивить.

– Это же был ваш единственный шанс заявить свои права на престол! – воскликнул он.

– Я никогда этого не хотела, – ответила я, поплотнее завернувшись в плед. – Сойдемся на том, что теперь я ни для кого не представляю угрозы: ни для короны, ни для вашего хозяина.

Он будто колебался.

– Вопреки тому, что я думал прежде, сейчас я изо всех сил постараюсь убедить в этом наиболее заинтересованные стороны. Поговорим об этом завтра. Я сообщу, во сколько, – сказал он, жестом отпуская меня. Тогда я поняла, что сэр Хьюго прекрасно знает, где я живу. В какие бы игры он ни играл, они были очень серьезными, и я задумалась, как далеко могут тянуться его щупальца.

Пока сэр Хьюго раздавал указания своим людям, мы со Стокером и Гексли тихонько улизнули.

– Он сказал, что хочет встретиться с нами еще раз. А ты ушла и не сообщила ему, куда мы направляемся. Ему это не понравится, – заметил Стокер, когда мы устало брели по ночным улицам.

– Он знает, где нас найти, – ответила я.

Глава двадцать девятая

Я рухнула в постель, не вымывшись, от волос пахло дымом, на руках до сих пор была сажа. Я устала так, как не уставала еще ни разу в жизни. Открытия последних дней наконец обрушились на меня во всей полноте; проснувшись, я поняла, что за окном уже позднее утро: солнечные лучи оставляли яркие полосы на полу Бельведера. Стокер протянул мне чашку чая, горького и темного.

– Ужасно выглядишь, – тихо сказал он. Он сам был вымыт и одет так аккуратно, как никогда прежде. Я потягивала чай, с благодарностью ощущая, как его тепло разливается по моим внутренностям. Я не могла разгадать выражения его лица.

– Я видел леди К. И сказал ей, что мы вернулись.

– Временно, – с досадой добавила я. Впервые в жизни мысль, что у меня нет постоянного дома, показалась мне тяжелой и неприятной, но ничто не могло сравниться с чувством вины, которое я испытывала, сознавая, что сыграла свою роль в уничтожении его дома.

Стокер ничего не ответил, только внимательно посмотрел на меня.

– Допивай чай и иди мыться. Нам пора.

Я подняла глаза от чашки.

– Монтгомери?

Он кивнул, и мы замолчали. Я вымылась, оделась и допила чай, и мы со Стокером явились в штаб-квартиру полиции на встречу с сэром Хьюго. Я ожидала увидеть бесконечные коридоры и толпы служащих, но один из его людей встретил нас у ничем не примечательной двери и по отдельной лестнице провел прямо в кабинет к сэру Хьюго – самый скромный способ попасть в Скотланд-Ярд из всех возможных.

Сэр Хьюго сидел за письменным столом, и я, к своему удивлению, заметила, что стол этот – изящный, эпохи Регентства, а не более традиционный и ожидаемый массивный из красного дерева. Это создавало эффект близости. Даже сидя напротив него, мы находились достаточно близко, чтобы я могла рассмотреть морщинки в уголках его глаз. Он выглядел немного усталым, но не совсем уж изможденным, учитывая вчерашний трудный вечер. Борода была аккуратно пострижена, вся одежда сшита на заказ и со вкусом. Мне подумалось, что у сэра Хьюго, должно быть, есть какой-то частный доход помимо жалованья главы Скотланд-Ярда, а может быть, просто его хозяин, скрывающийся в тени, щедро

платит ему за труды, – подумала я с долей цинизма.

Морнадей тихо стоял в углу, в его позе чувствовалось напряжение. Интересно, насколько сурово его отчитали за то, что он был к нам хорошо расположен. Стокер спокойно сел на слишком изящный для него стул (тот заскрипел под его весом), а я примостилась на краешке соседнего стула, вопросительно глядя на сэра Хьюго.

К моему изумлению, он улыбнулся – у него оказалась красивая улыбка, а когда он заговорил, в его голосе звучала даже некоторая искренность.

– Мисс Спидвелл, может быть, вас это удивит, но я рад, что вы целы и невредимы после занятий предыдущей ночи.

– Да, это удивительно, – признала я.

– Я вам не враг, – сказал он с большей теплотой в голосе, чем прежде. – Честно говоря, у нас есть даже что-то общее. Например, я тоже коллекционирую бабочек. Инспектор Морнадей сказал мне, что у вас прекрасный кольцевой сачок, но должен признаться, что сам я сторонник задерживающейся сети.

Я улыбнулась ему в ответ.

– Сэр Хьюго, я прекрасно понимаю, когда человеку что-то от меня нужно. Необязательно для этого упражняться в обаянии, особенно в данном случае: подозреваю, что вы не лишили меня вчера жизни только потому, что я уничтожила эти бумаги.

Он с удивлением взглянул на меня.

– Моя дорогая мисс Спидвелл...

– Вы это отрицаете? Неужели и правда не существовало плана убить меня, а всю вину переложить на мистера Стокера? Прошу прощения, на мистера Темплтон-Вейна, вам он известен под этим именем, – уточнила я.

Сэр Хьюго по-прежнему смотрел на меня широко раскрытыми глазами, а я продолжила.

– Мне кажется, такой план был. Более того, думаю, что только мое неожиданное поведение прошлой ночью остановило вас в его воплощении.

– Я джентльмен, – холодно возразил он. – Я никогда бы не пошел на.

Но было поздно, он понял, что признал существование заговора. Я боялась поднять глаза на Стокера.

Сэр Хьюго откашлялся и начал с другой стороны.

– Мисс Спидвелл, я не отрицаю, некоторые стороны конфликта утверждали, что спокойствие нации и всей империи обеспечит только полное ваше устранение. Я очень активно с ними не соглашался, – продолжал он, сделав особый акцент на этой фразе. – Я и сам никогда не

пошел бы на подобные действия, и своим подчиненным не позволил бы.

Он замолчал, я ничего не ответила, и его слова явственно повисли в воздухе между нами. В конце концов я неохотно кивнула.

– Инстинкты редко меня подводят, сэр Хьюго, и я верю, что вы человек чести, не готовый на убийство женщины, единственное преступление которой – обстоятельства ее рождения.

Он немного расслабился, но я подалась вперед и пригвоздила его суровым взглядом.

– А еще мне кажется, вы очень рады, что я уничтожила эти доказательства, и вам не пришлось проверять, насколько сильно в вас благородство.

Он не успел ничего ответить, я откинулась на спинку стула и сложила руки на коленях.

– Теперь, когда мы избавились от притворства, почему бы вам не рассказать, чего вы от нас хотите?

Он вздохнул.

– Прекрасно. Буду говорить прямо, как вы желаете, мисс Спидвелл.

Из папки на письменном столе он достал листок бумаги, сложенный вдвое, и протянул мне его через стол.

Я развернула листок и обнаружила, что он почти чистый. За исключением числа, написанного аккуратными, четкими цифрами.

– Что это?

– Ваше содержание. Я говорил с вышестоящим лицом, – сказал он, немного запнувшись на последних словах. Он явно запомнил мои вчерашние насмешки на этот счет и обиделся. – Уничтожение доказательств ваших возможных притязаний на власть было сочтено жестом доброй воли. – Он сделал особое ударение на слове «возможных». – И это вы должны счесть ответным проявлением благосклонности.

Я отодвинула листок обратно и встала.

– Спасибо, сэр Хьюго. Но можете передать своему вышестоящему лицу, что я не требую денег за молчание. Я сожгла документы в доказательство того, что не имею намерения ни на что претендовать. Моего слова вам должно быть достаточно.

Он вскочил на ноги, за ним – Стокер.

– Мисс Спидвелл, я не из тех людей, кому нравится пересматривать свое мнение о людях. Я составляю его быстро и всегда совершенно безошибочно. И инспектор Морнадей очень красноречиво отзывался на ваш счет. Хотя у меня есть вопросы относительно компании, которую вы для себя избрали, – добавил он, покосившись на Стокера, – но я легко могу

поверить в то, что вы не собираетесь причинять вреда семье.

– Ну так поверьте.

Он коснулся листка.

– Если вы примете выражение их благодарности, это, несомненно, поспособствует моему полному доверию.

– Нет, сэр Хьюго. Это, несомненно, поспособствует тому, что я окажусь у них в долгу, а меня совершенно не привлекает такое положение дел.

Он умоляюще взглянул на Стокера.

– А вы не можете оказать на нее некоторое влияние?

Стокер пожал плечами.

– Я скорее смогу заставить солнце сесть на востоке, сэр Хьюго. Она абсолютно независимая женщина.

У меня даже голова закружилась от благодарности Стокеру за такое чуткое понимание моего характера. Никогда прежде я не встречалась с мужчиной, готовым с такой легкостью отказаться от своих якобы Богом данных прав на господство над лучшим полом.

Сэр Хьюго вновь обратился ко мне, повелительно подняв бровь.

– Если вы не готовы к сотрудничеству в этом деле, не знаю, как долго я смогу вам гарантировать благосклонность вышестоящего лица.

Я вздернула подбородок и наградила его одним из самых высокомерных своих взглядов.

– Я готова рискнуть, но знайте, сэр Хьюго: если и впредь будут возникать какие-то проявления враждебности, можете быть уверены, что не я буду их инициатором.

Я развернулась на каблуках и вышла из комнаты, бросив через плечо:

– Прощайте, сэр Хьюго.

Морнадей поспешил за нами, чтобы проводить, спустился по лестнице и открыл дверь, ведущую прямо на улицу.

– Это было неожиданно, – сказал он мне с ухмылкой. – Но я уже привык ожидать от вас неожиданное, мисс Спидвелл.

Я протянула ему руку.

– Спасибо, инспектор Морнадей, за все ваши старания помочь нам.

Он взял мою руку и медленно пожал. Потом перевел непроницаемый взгляд на Стокера.

– Не знаю, к чему это все может привести. Думаю, что сейчас вы в безопасности. Просто ведите себя тихо, хорошо? Чем меньше внимания будете привлекать к себе, тем быстрее они почувствуют себя спокойно и тем скорее решат, что вы не желаете им зла.

Стокер испытующе посмотрел на него.

– Я все еще должен вам хорошую взбучку, Морнадей. Но готов поступиться этим удовольствием в обмен на кое-какую информацию.

Глаза Морнадея слегка расширились, когда он взглянул на плечи Стокера, широкие и явно отвечающие воинственному настрою своего хозяина.

– Слушаю, – быстро сказал он.

– Я бы хотел знать, кто скрывается в тени и наблюдает за нами всеми. Скажите нам имя человека, который дает распоряжения сэру Хьюго. Может быть, нам было бы интересно что-то о нем разузнать.

Морнадей оглянулся по сторонам и покачал головой.

– Это может стоить мне не только работы, приятель. Тут даже жизнью не расплатишься. Одно могу сказать: вы ошибаетесь. Это не «он», а «она».

С этими словами он скрылся в здании, захлопнув за собой дверь.

* * *

Мы почти не говорили со Стокером на обратном пути до Бишопс-Фолли, и, когда добрались до поместья, на нас обоих навалилась какая-то тяжесть. Я почувствовала, что невероятно устала, и проспи я сейчас хоть сто лет, кажется, не смогла бы проснуться отдохнувшей. Со все нарастающим ужасом я поняла, что ощущаю такую опустошенность не только потому, что наше приключение подошло к концу, но и потому, что многое в нем закончилось далеко не идеально. Не будет суда над убийцей барона, по крайней мере, пока. Сколь бы скромным ни было присутствие отца в моей жизни до настоящего момента, теперь мне стало ясно, что он никогда не захочет со мной встречаться. Сейчас я поняла, что именно его имел в виду Макс, когда говорил, что не может открыть мне чужие секреты. Он собирался с кем-то посоветоваться, а к кому, кроме самого принца, мог Макс проявлять столько уважения и преданности? Может быть, барон даже собирался организовать нам встречу. Такое стремление к сближению людей было вполне в его духе. Если кто-то и был способен убедить принца лично познакомиться с дочерью, которую он бросил в детстве, то только барон. С уходом этого единственного посредника, который напоминал ему о его бурной юности, принц мог с радостью вообще обо всем этом забыть, перепоручив неприятные знания о моем существовании Особому отделу; может быть, теперь он ограничится только чтением ежегодных отчетов, которые нужно отложить подальше перед прекрасным ужином с ростбифом

и партией в вист.

Но важнее всего этого было осознание того факта, что мое время со Стокером подошло к концу, и это перекрывало любую радость. Сейчас у меня оставалось множество нерешенных загадок, и сам Стокер был не самой маленькой из них. Я все еще не определила природу их дружбы с леди Корделией или его вражды с собственной семьей. Я так и не узнала судьбу его жены и не слышала истории о человеке, которого он убил. Я была уверена, что он хранит в себе сотни тайн, а я попыталась проникнуть лишь в несколько. Мне хотелось узнать о нем все, но я чувствовала себя как Шлиман[32], стоящий над погребенными в земле стенами Трои. Истина находилась где-то рядом, ее можно было откопать. Если бы только у меня было время... Но теперь мы были вольны отправляться каждый своим путем, нас больше не связывали ни расследование, ни общее любопытство, ни та странная симпатия, что держала нас вместе. Мы были свободны, но эта свобода ощущалась как самое горькое из заключений. Страшно подумать, что всю оставшуюся жизнь мне придется жить без его вспыльчивого характера, который мне так нравится проверять на прочность, без его романтических стихотворений, которые всегда могут поднять мой дух, без этих карманов, набитых сладостями, и этого цепкого ума, полного секретов и сожалений... Мне становилось еще хуже, как только я начинала припоминать все это в подробностях.

В таком настроении я пришла к ужину и вела вежливые беседы с Боклерками. Мы со Стокером обменялись взглядами, прекрасно понимая, что наше пребывание в Бишопс-Фолли подошло к концу. Я ждала, что он объяснит, что расследование смерти барона приостановлено (здесь следовало как-то уклониться от прямых ответов) и мы больше не будем злоупотреблять их гостеприимством. Но он ничего не сказал, и у меня в горле тоже застряли подходящие слова. Его светлость только что получил мумию, о которой давно мечтал, и он с радостью вел разговор в приятном для себя направлении, но Стокеру сейчас компания была невыносима. Он попросил позволения уйти сразу, как подали десерт, и леди Корделия тоже встала.

– Нужно проверить детей, – сказала она неопределенно, поднялась наверх и оставила меня один на один с его светлостью.

Он пододвинул ко мне графин с портвейном.

– Может быть, я и не очень хорошо умею общаться с людьми, мисс Спидвелл, но даже я чувствую, какая атмосфера царит здесь сегодня. Расскажите мне о ваших заботах, если хотите.

Я не успела заметить, как слова сами полились из меня, сначала

ручейком, а потом мощным потоком, подкрепленные дружественным слушателем и несколькими порциями отменного портвейна. Естественно, я опустила самые опасные моменты нашего приключения, но рассказала достаточно, чтобы он понял: наши жизни были в опасности, но сейчас, хотя бы на время, кажется, что опасность отступила. Я рассказала ему о том, чего лишился Стокер, и о собственном омертвлении чувств сейчас, когда все наконец закончилось, о том, как я пала духом, и о страхе, что я, имея столь широкие интересы, совершенно не имею на них финансовых средств.

К моему удивлению, его светлость оказался прекрасным слушателем, а когда я наконец закончила рассказ, он распорядился подать нам обоим крепкого чая. Было уже очень поздно (или рано, вдруг поняла я, потому что утренний свет начал уже заполнять небо). В июне утро наступает очень рано – оказывается, мы проговорили всю ночь. Но я чувствовала себя освеженной, сбросившей все заботы, легкой, как прежде.

– Как благородно было с вашей стороны не выдавать нас полиции, – сказала я ему. – Вы оказались настоящим другом Стокеру.

Он сразу почувствовал себя неловко, как любой англичанин, выслушивающий комплименты в свой адрес.

– Он всегда был мне хорошим другом или, скорее, моей сестре. Я не очень понимаю истинную природу их отношений, но Корделия сообщила мне, что Стокер предложил ей дружбу и помощь в тот момент, когда она особенно в них нуждалась, что бы это ни означало, – добавил он с печальной улыбкой.

Если я и надеялась найти какое-то объяснение их отношениям, то и здесь меня ждало разочарование. Его светлость был не из тех людей, что пытаются все разнюхать, как я только что убедилась на собственном опыте и к собственной радости. Он был надежным товарищем, хорошим и добрым слушателем.

Как бы предваряя мой вопрос о том, почему в тех обстоятельствах леди Корделия не доверилась ему, он покачал головой:

– От меня нет никакого толка в женских проблемах.

– Со мной сейчас вы вели себя удивительно верно, – заметила я.

Он слегка покраснел, и его кожа приобрела тот же бледно-розовый оттенок, что появлялся у его сестры, когда что-то ее волновало.

– Мне было очень интересно вас выслушать. Знаете, у меня не очень много опыта в общении с дамами, только с сестрой, конечно, с теткой и с женой. Но они все спокойные, невозмутимые и очень сильные. Ни одна из них никогда не просила меня о помощи в решении своих проблем, а потому я совсем этому не обучен. Надеюсь только, что смогу чему-то научиться до

того, как понадоблюсь детям, – сказал он, нахмурившись.

Тогда я поняла, что судила о нем чересчур поспешно. Он не намеревался специально нагружать сестру заботой о своих детях, как и не намеренно предоставлял детей самим себе. У него не было навыков общения с ними, а если есть желание, все можно сделать правильно.

– Не сомневаюсь, вы сумеете превзойти собственные ожидания, – заверила я его, ощутив неожиданный прилив сочувствия к этому доброму человеку. – У вас прекрасная интуиция. Вы доказали это, поверив Стокеру и мне и не выдав нас полиции.

– Я могу лишь процитировать Ксенократа, дорогая леди. «Я часто сожалел о том, что сказал, и никогда – о том, о чем промолчал».

– Очень важное изречение, милорд. Давайте выпьем за Ксенократа.

Мы подняли чашки с чаем за Ксенократа, и в этот момент я почувствовала, что мне на ухо что-то нашептывает вдохновение. План пришел ко мне в полностью готовом виде, как Афина, вышедшая из головы Зевса, и я изложила его графу во всех подробностях. Мне некогда было задуматься о том, насколько прилично просить о таком. Я просто сказала себе, что нужно бросить кости и посмотреть, что выпадет. Я не обдумала все хорошенько, но, сколько бы вопросов ни задал мне лорд Розморран, у меня на все был готов ответ, и, когда я наконец замолчала, предоставив ему обдумать мое предложение, он смотрел на меня со смесью благоговения и недоверия.

– Дорогая мисс Спидвелл, – начал он, – даже не знаю, что на это ответить.

– Скажите «да», – велела я. И, к его чести, он рассмеялся.

– Прекрасно. Невозможно сказать «нет» силам природы. Принимаю ваше предложение.

И мы подняли чашки и за это тоже.

* * *

После еще одной живительной чашки чая я привела себя в порядок и вышла из Бишопс-Фолли, не столкнувшись ни со Стокером, ни с Гексли, ни с кем из Боклерков. Даже Бетани, казалось, нашла себе сегодня утром какое-то новое занятие. Сегодня я хорошо потрудились над своим внешним видом: на мне было черное шелковое платье, на голове – широкая черная шляпа с сочными алыми розами. Я собрала множество восхищенных взглядов, пробираясь в самое сердце бурлящего Лондона. Это был день

Золотого юбилея, и над головами зрителей были натянуты гирлянды – нитки цветов и синие, белые и красные флажки, а также красный плакат: «Виктория – наша королева». Улицы были запружены зрителями и торговцами, рекламирующими свои товары, продающими еду, лимонад и юбилейные сувениры. Ржание лошадей, запах горячего жира и болтовня в толпе – все это вместе создавало впечатление всеобщего пиршества, будто весь Лондон разом вышел на улицы, чтобы поздравить королеву с годовщиной ее вступления на трон.

Я приглядела себе тумбу фонарного столба и с помощью двухпенсовой монетки убедила паренька, обосновавшегося там, уступить мне место. Я стояла на тумбе, одной рукой крепко держась за столб, и смотрела, как мимо нас движется процессия. Сначала прошли солдаты в торжественных алых мундирах с бронзовыми пуговицами, марширующие под музыку оркестра, который играл с удивительной точностью. За ними следовали солидные вельможи в своих экипажах, главы иностранных государств (начиная от европейских зятьев, породнившихся с королевским семейством, заканчивая махараджами, признавшими господство империи над их королевствами). Европейцы сидели с ровными спинами, одетые в утренние костюмы или кавалерийские мундиры, но индийцы были просто прекрасны: струящиеся шелка и драгоценности, переливающиеся в солнечном свете. Затем следовал двор: всевозможные придворные и фрейлины, все в лучших нарядах, графини сверкали драгоценными камнями, на шляпах покачивались перья, джентльмены были увешаны всевозможными орденами. Они махали, кивали и улыбались толпе, приводя ее в восторженное неистовство. Я увидела сэра Хьюго: он осторожно ехал верхом в строгом черном костюме и тем внимательнее всматривался в толпу, чем громче становились приветственные возгласы.

А потом появились они – семья. Экипажи один за другим провозили их мимо нас, ее детей и внуков, семейную историю, волею случая получившую статус государственной. Там были дети принца Уэльского, мои сводные братья и сестры, объединенные своим особым статусом; я ожидала, что мне станет больно от мысли, что мы никогда с ними не познакомимся. Но в сердце у меня была абсолютная тишина.

Затем появился сам принц Уэльский, добродушный, в прекрасно сшитом костюме; он милостиво махал толпе ухоженной рукой и улыбался. Этого человека Лили Эшборн любила, потеряла и из-за него умерла с разбитым сердцем. Интересно, что она о нем думала. Узнала бы она того мальчика, с которым когда-то была так близка, в этом седеющем мужчине, которым он теперь стал? Еще меня интересовало, думает ли он о ней хоть

иногда. Была ли она мимолетным увлечением, горячечной фантазией или сожаление о ней он пронесет в сердце до конца своих дней? Я не могла найти ни одного ответа на его спокойном, удовлетворенном лице, а через минуту он уже исчез, под патриотические возгласы его унес вперед прекрасный золотой экипаж.

И вот появилась она, в самом торжественном экипаже. Его тянула шестерка белых, идеально подобранных лошадей. Она оказалась меньше, чем я ожидала, и круглой, как шарик, как осенний голубь, распушивший перышки в ожидании приближающейся зимы. На ней был непростительно уродливый черный капор, а в руке – букет роз. Прежде я видела ее только в профиль, на монетах и марках, и очень удивилась, заметив, что она улыбается. Зубы у нее были маленькие и не очень хорошие, но она явно была счастлива таким восторженным излиянием, утопала в любви и поддержке своих подданных. Проезжая мимо меня, она не повернула головы в мою сторону. Между нами не произошло момента узнавания. И я знала, что его никогда и не будет. Какие бы неприятности ни доставляли ей ее дети, это были их заботы. Она была выше этого.

Экипаж быстро ехал мимо нас, копыта лошадей звонко стучали по мостовой, когда они несли ее по направлению к собору святого Павла на благодарственную службу в честь ее долголетнего правления. Толпа двинулась вслед за ней, стремясь взглянуть на королеву еще хоть одним глазком. Я не пошла за ними. Одного раза было достаточно.

* * *

Я медленно возвращалась обратно в Бишопс-Фолли и была уже где-то посреди Грин-парка, когда увидела его. Мне не стоило удивляться. Он ведь сказал мне однажды, что может сорок миль следовать за ягуаром в джунглях и ни разу не потерять его след. Ему явно ничего не стоило выследить мою огромную шляпу с цветами.

– Ходила повидаться с бабулей? – вежливо спросил Стокер.

Я слегка ему улыбнулась, но он не улыбнулся в ответ.

– Не то чтобы она это заметила. Но да. Мне нужно было увидеть ее, всего раз. Теперь с этим покончено. Я могу двигаться вперед, оставить все это позади.

– Правда можешь? Ведь ты еще не нашла ответов на все вопросы, – заметил он.

Он опять создал между нами дистанцию, которую я никак не могла

преодолеть, вернул себе прежнюю холодность, как только опасность миновала. Снова спрятался под маской чужака. Я не понимала, зачем он меня разыскал. Вероятно, просто хотел напоследок сплести воедино как можно больше оставшихся свободных нитей. Уж в этом я должна ему помочь, уныло подумала я.

Я вздохнула.

– Очень много вопросов без ответов. Кто этот хозяин-кукловод, а точнее, хозяйка, дергающая за нити сэра Хьюго? Что стало с Эдмундом де Клэром и можем ли мы с ним распрощаться? Говорил ли он правду, утверждая, что смерть барона была лишь несчастным случаем?

Стокер пошел со мной в ногу, почти касаясь меня, но все же не касаясь.

– Макс верил в рыцарство, храбрость и все прочие старомодные вещи. Он умер, защищая дочь женщины, которую любил. Он бы и сам выбрал такую смерть. Думаю, он ее и выбрал.

– О чем ты?

– У него был шанс раскрыть все карты в этом деле, когда он вез тебя в Лондон. Вы провели вместе в экипаже несколько часов. Он мог бы сказать тебе, кто ты такая, и прямо спросить, известно ли тебе что-то о документах. Но он сохранил все это в тайне, думаю, потому, что хотел встретиться с ними один на один. Но, к несчастью, он недооценил степень отчаяния Эдмунда де Клэра.

– Наверное, все так, – задумчиво проговорила я. – Если бы только он мне все рассказал!

Он посмотрел на меня суровым взглядом.

– И ты бы ему поверила? Если бы незнакомец, с которым ты никогда до этого не встречалась, рассказал тебе, что ты законная дочь принца Уэльского? Да ты бы выскочила из этого экипажа при первой возможности. И он потерял бы тебя навсегда.

Я медленно кивнула.

– Пожалуй, ты прав. Мне приятно думать, что я была бы слишком заинтригована его рассказом, чтобы испугаться и сбежать, но все мы не настолько храбры, как нам кажется.

– Я в этом не уверен, – сказал он; слова яростно вырывались из его уст, будто он говорил против воли. – Мне кажется, ты храбрее любого мужчины из тех, что я знаю.

Его глаза слишком блестели и не внушали спокойствия. В нем вспыхнуло какое-то новое чувство, борющееся с его холодностью, и это привело меня в замешательство. Я не знала, что на это сказать, и, как

обычно в моменты смущения, обратилась за помощью к бабочкам: они всегда порхают в недосыгаемости, их запутанные движения – это и защита, и способ двигаться вперед. Я сунула руку в карман и сменила тему.

– Кстати, о деньгах, вот твой выигрыш в нашем споре. Я не забыла. Ты был совершенно прав. Конечно, там была связь, просто я не смогла ее увидеть. Знаешь, это один из критериев хорошего сотрудничества – когда один из партнеров находит лес, а остальные изучают деревья. В любом случае вот, возьми. Новая, яркая, блестящая гиней для твоей цепочки от часов.

Я протянула ему монету, и он взял.

– Буду носить ее с гордостью. А если когда-нибудь сяду на мель, у меня в запасе всегда будут деньги на бутылку джина, – сказал он мне с намеком на свою прежнюю грубость. – Ну что ж, думаю, пора двигаться дальше, – энергично продолжил он.

– Конечно, – ответила я. – Это наше маленькое приключение дорого нам стоило. У нас почти нет денег, ты потерял свою коллекцию и дом, и нас чуть не убили. Ты оказался бы самым неразумным человеком в мире, если бы не хотел обо всем этом забыть. Но, говоря это, я думаю о том, осталось ли в тебе хоть что-то от дерзкого авантюриста.

Он вдруг замер.

– О чем это ты?

– Я сделала предложение лорду Розморрану прошлой ночью.

Я изложила ему все в подробностях, описала план, который мы составили с его светлостью, и все это время Стокер напряженно слушал, прервав меня только однажды, чтобы задать вопрос.

– На этот раз он говорит серьезно?

– Конечно. Он хочет сделать из Бельведера в Бишопс-Фолли настоящий музей. Но он не сможет сделать этого до тех пор, пока все коллекции не будут каталогизированы, а экземпляры – профессионально подготовлены к экспонированию. Когда с этим будет покончено, нужно будет снарядить несколько экспедиций, чтобы добыть в коллекции недостающие образцы. Этого плана достаточно для того, чтобы мы были завалены работой в ближайшие двадцать, нет, тридцать лет, если захотим. Мы будем жить здесь, в Лондоне, и ездить в экспедиции всегда, когда нам потребуется полевое исследование; спонсированные экспедиции, – поправила я себя. – Его светлость собирается открыть подписку для своих самых богатых друзей, чтобы окупить затраты. Между экспедициями каждый из нас будет получать приличное жалование, а Бельведер его светлость предоставит нам для работы. Он также готов предложить нам

жилье. Он упоминал небольшие строения в поместье, те маленькие живописные домики, на которые в наш первый приезд указывала нам леди Корделия. Его светлость говорит, что не составит большого труда обустроить их для нас, чтобы у каждого был свой небольшой домик. Я уже выбрала себе готическую часовню, – предупредила я, – так что даже не пытайся положить на нее глаз.

Он размышлял над моими словами, а я затаила дыхание. Мне показалось, что за эту минуту его молчания прошла вечность. Империи создались и рухнули, прошли войны, дети родились, выросли, постарели и умерли, а я все ждала, и самое ужасное было то, что я ни словом, ни жестом не могла показать ему, как много значит для меня его ответ. Мы были стойкими товарищами по оружию, партнерами в приключении. Я не просила у него ничего, кроме этого.

Он смотрел на меня с непроницаемым лицом.

– Я чувствую себя так, будто меня закрутил смерч.

– Ты не ответил, – заметила я.

– Только дурак стал бы отказываться от такого предложения, – просто сказал он. – А я не дурак.

Тяжесть в моей груди исчезла, и я снова смогла дышать. Значит, это не конец. Какая бы странная связь ни была между нами, она пока не закончена.

Он потряс головой, будто желая прояснить свои мысли.

– Я рад, что это не конец, – сказал он, будто прочитав мои мысли; потом я почувствовала в нем какую-то борьбу: взгляд был напряжен, руки сжаты в кулаки, словно он боялся протянуть их ко мне.

Но этот момент прошел, и, когда он заговорил, меня не покидало странное чувство, что он совсем не то хотел сказать. Его голос был спокойным, он держался расслабленно.

– Ну, Вероника, могу совершенно искренне сказать, что никогда не встречал никого, похожего на тебя. Ты подумала обо всем.

– Я старалась, – скромно ответила я.

– Пожалуй, людям сложно тебя удивить, – проговорил он, глядя поверх зеленого моря листьев.

– Это бывает нечасто, – признала я.

– Ну что ж, значит, я буду очень этим гордиться, – сказал он, вынимая из кармана связку бумаг. Он протянул ее мне.

– Что это?

– Считаю это подарком ко дню рождения. Я запомнил дату в документах. Тебе сегодня двадцать пять. С днем рождения, Вероника.

Я все еще смотрела на бумаги у себя в руках и совершенно не могла понять, что же он сделал.

– Это подлинные документы, доказывающие твое происхождение, – ласково сказал он мне. – И те, что твоя мать отдала Макс, и те, что сестры Харботтл хранили для тебя в банке.

Я долго не могла произнести ни слова, а когда смогла, воскликнула с удивлением:

– Но я же их сожгла! И ты сам это видел.

– Ты сожгла ту связку, что я тебе дал. Вот чем я занимался, когда ты думала, что я делаю заметки о монтировке слона. Я готовил поддельные документы, чтобы ты их уничтожила. Я согласился, что уничтожение бумаг – единственный способ добыть тебе свободу, – уверил он меня, – но подумал, что мы достигнем того же эффекта, даже если только сделаем вид, что уничтожаем их.

– Но зачем...

Он посмотрел вдаль, обратив взгляд на что-то не видимое мне.

– Каждый человек заслуживает правды, Вероника. Что ты будешь с ними делать – это твое решение. Но нельзя допускать, чтобы кто-то делал этот выбор за тебя только потому, что людей пугают истинные факты.

Сжечь ли их, опубликовать или выбросить в Темзу – только ты должна это решить, а не кто-то другой.

Я покрутила связку в руке, пробежала пальцем по ленте. Подумала о жизнях, которые были покалечены или уничтожены из-за того, что здесь содержалось. Моя мать умерла от разбитого сердца. Принц Альберт, мой отец и барон – всех затронула истина, сокрытая в этих строчках. Дорогая цена заплачена за поведение мальчишки, которому не было еще и двадцати, и девушки, которую он любил.

– Пора оставить души покоиться в мире, – сказала я наконец.

– Значит, ты хочешь их уничтожить? – спросил он.

Я спрятала документы в карман и взяла его под руку.

– Когда-нибудь. Но не сейчас. Пока достаточно того, что они у меня, а мы в безопасности. А теперь пойдем в Бишопс-Фолли и начнем строить планы о нашем музее. Жаль, что слон лорда Розморрана был уничтожен при пожаре. Он бы прекрасно смотрелся на входе.

– На входе! – сильные мускулы у него на руке сжались от возмущения. – Да ты с ума сошла. Этот слон должен был стать моим шедевром. У него есть другой, еще больше, его-то уж я закончу, и тогда он окажется в центре музея как главный экспонат.

– Из всех безумных идей... – начала я.

Мы упоенно спорили всю дорогу до Бишопс-Фолли, и я прекрасно знала, что так и будет. За что бы мы со Стокером ни брались, мы не могли ничего делать без бурного обсуждения и состязания в остроумии. Но, вместо того чтобы расстроить меня, этот спор сразу поднял мне настроение, и мои шаги ускорились от радостного предвкушения. Исследования звали нас, и мы собирались ответить на этот призыв, отправившись на неисследованные континенты по неизведанным морям; мы будем бороздить их вместе, а заодно, может быть, раскроем парочку тайн. Перед нами лежали сотни приключений, и я с нетерпением их предвкушала. Как часто говорила прекрасная Аркадия Браун, леди-детектив: *excelsior!*

Благодарности

Я бы хотела от всего сердца поблагодарить всех тех, кто участвовал в создании этой книги.

Доброту и профессиональное великодушие проявили: Сюзанна Кирсли, Лорен Виллинг, Робин Карр, Бенджамин Дрейер, Эрика Монрой, Делайла Доусон, Холли Фор, Али Тротта, Кристин Роуз Эль, Алан Брэдли, Паола Брин, команда Writespace и доктор Рори Шван.

Отдельно скажу, что я в огромном долгу у Блейк Лейерс за ее навыки и поддержку в воплощении этого проекта с самых первых дней и во всех его инкарнациях.

Я очень благодарна своему прошлому дому, MIRA/ Harlequin, и своей новой издательской семье, Penguin/ NAL. Отдельные благодарности Каре Велш, Крэгу Берку, Клэр Зион, Лесли Шварц, Диане Киркланд и Шэрон Гамбоа за исключительно теплый прием. Я особенно благодарна Дэниелу Лагину, Колину Рейнхарту и Энтони Рамондо за невероятные усилия, приложенные для того, чтобы сделать эту книгу такой прекрасной, что я даже и представить себе не могла. За бесчисленные дарования и бесподобные умения – моему издателю Элен Эдвардс, которая заслуживает всевозможных наград и благодарностей.

Сколько я обязана моим родителям, дочери и особенно мужу, невозможно описать, тем более отплатить.

И, как всегда, благодарю своих читателей, продавцов, библиотекарей и всех любителей книг, которые делятся своими эмоциями.

Деанна Рэйборн Вероника Спидвелл

Опасное предприятие

© Т. Артюхова, перевод на русский язык, 2019
© Shutterstock, Inc., фотография на обложке, 2018
© ООО «Издательство АСТ», 2019

* * *

Посвящается читателям

«Я должна искренне предупредить тебя: не пытайся найти причину всего и объяснение всему на свете... Стараться найти всему причину очень опасно, это не ведет ни к чему, кроме расстройства и разочарования, приводит в беспорядок мысли и в конце концов делает тебя несчастным».

Королева Виктория – своей внучке Виктории

Гессен-Дармштадтской,

22 августа 1883 г.

Глава 1

Лондон, сентябрь 1887 г.

– Ради всего святого, Вероника, ты должна ранить или убить его, а не пощекотать, – ехидно заявил Стокер и протянул мне нож. – Попробуй еще раз.

Подавив вздох, я взяла нож и слегка сжала его так, как меня учили. Я повернулась к мишени и посмотрела на нее с таким напряжением, будто передо мной был разъяренный лев.

– Ты чересчур много думаешь. – Стокер скрестил руки на широкой груди и посмотрел на меня сверху вниз. – Весь смысл этих занятий – научить тебя быстро реагировать, а не думать. Когда жизнь в опасности, тело должно знать, что нужно делать, потому что в этот момент некогда задействовать мозг.

Не опуская клинка, я повернулась к нему.

– Позволь тебе напомнить, что я не раз и при разнообразных обстоятельствах оказывалась в смертельной опасности и тем не менее все еще стою перед тобой.

– Повезти может кому угодно, – холодно сказал он. – Подозреваю, что причина твоей удивительной живучести в сочетании счастливых случайностей и невероятной вредности. Ты слишком упряма, чтобы умирать.

– Кто бы говорил! – возразила я. – Можно подумать, этот шрам у тебя на лице – от игривого укуса котенка.

Он поджал губы. Меня неизменно забавляло, что этого закаленного в странствиях по миру человека, который был и ученым, исследователем, натуралистом, и хирургом на флоте, и таксидермистом, так легко могла вывести из себя женщина вдвое меньше него. Тонкий серебристый шрам с одной стороны лица, от брови до подбородка, совершенно его не портил. Даже напротив. Но он был для Стокера постоянным напоминанием о провале амазонской экспедиции, погубившей его карьеру и брак и чуть не стоившей ему жизни. С моей стороны было не совсем честно заговаривать с ним об этом, но в последние дни мы начали сильно трепать друг друга нервы, поэтому ему и пришла в голову идея обучить меня боевым искусствам – это должно было избавить нас от дурного настроения. И это

почти подействовало, в немалой степени потому, что я притворилась, будто ничего не смыслю в этой материи. Я не раз убеждалась: ничто не может сделать мужчину счастливее, чем возможность поделиться своими знаниями.

Стокер соорудил мишень в саду у нашего друга и благодетеля, лорда Розморрана, и мы решили устроить себе небольшой отдых от многочисленных дел в Бельведере. Расположенный на территории имения лорда Розморрана в Мэрилебон, Бишопс-Фолли, этот Бельведер был совершенно удивительным зданием. Он был построен как отдельный бальный зал, а стал хранилищем сокровищ эксцентричных предков нынешнего лорда. Он также прекрасно подходил для нашей задумки. Все Розморраны были неутомимыми коллекционерами и доверху набили лондонское имение, охотничий домик в Шотландии и загородное поместье в Корнуолле богатствами самого разнообразного свойства. Предметы искусства, артефакты, естественнонаучные экспонаты, сувениры – все попадало в жадные аристократические руки Розморранов. Спустя четыре поколения накопительства нынешний лорд решил, что пришло время сделать официальную постоянную экспозицию, и мне со Стокером было поручено заниматься организацией музея. Нам было вполне по силам справиться с таким заданием (к тому же недавно мы оба остались без крыши над головой и без постоянной работы), и это вдохновило графа приняться за дело серьезно. Первым шагом должна была стать подробная опись всего, что успели собрать лорды Розморраны. Утомительная, тяжелая, нудная, но совершенно необходимая работа. Прежде чем заказывать витрины, планировать первую выставку или вешать таблички, мы должны были разделаться с учетом того, с чем нам предстоит работать.

Естественно, вместо этого мы начали планировать очередную поездку. Июль и август мы провели, обсуждая экспедицию на юг Тихого океана, сидели над картами и весело спорили о достоинствах разных мест с точки зрения моих интересов как лепидоптеролога и гораздо менее возвышенных интересов Стокера как охотника.

– Я стреляю зверей не ради собственного удовольствия, – возмущался он. – Просто собираю образцы для научного исследования.

– Это, несомненно, должно как-то утешать твои жертвы, – умильно заметила я.

– Твой моральный облик не намного лучше, моя маленькая убийца. Я видел, как ты сотнями убиваешь бабочек, прямо-таки голыми руками.

– Конечно, я могла бы сначала накалывать их на булавку, но я не сторонница пыток.

– Кто бы мог подумать, – пробормотал он. Я спокойно отнеслась к этой злой шутке, ведь я знала, на что дулся Стокер: наш патрон встал на мою сторону и выбрал для экспедиции острова Фиджи. Это место было истинным раем для лепидоптеролога, но не особенно интересным для того, кто изучает млекопитающих.

– Не ворчи. На Фиджи найдется немало образцов для твоего изучения, – сказала я Стокеру скорее из вежливости, чем потому, что считала это правдой.

Он смерил меня ледяным взглядом.

– Я был на Фиджи, – сообщил он мне. – Там летучие мыши и киты. Знаешь, кому интересны летучие мыши и киты? Абсолютно никому.

Я махнула рукой.

– Глупости. Местное население очень гордится милой маленькой летучей лисицей, она наверняка тебе понравится.

В приличном дневнике не стоит писать, что он мне на это ответил, но я будничным тоном добавила, что лорд Розморран собирается заскочить и в Саравак, раз уж мы будем в той части света. В отличие от Фиджи, в этом месте Стокеру найдется что изучать, от пантер до панголинов.

От этих слов он заметно повеселел, и к концу приготовлений любому стороннему наблюдателю уже вполне могло показаться, что направление для экспедиции выбирал именно Стокер. Он с большим энтузиазмом взялся за организацию, планируя все для собственного удобства (а я потом за его спиной переделывала все так, как было удобно мне). Все документы уже были в порядке, чемоданы собраны, и в Бишопс-Фолли воцарилась слегка беспокойная атмосфера ожидания. Нам осталось только отправиться в путь, и лорд Розморран начал долгую процедуру прощания с домом, детьми, сестрой, со штатом прислуги, с любимыми питомцами. Именно это занятие и привело нас к катастрофе.

Возвращаясь с прогулки из той части сада, где у него размещалась коллекция змей, его светлость умудрился споткнуться о гигантскую черепаху Патрицию, существо невообразимых размеров, которая так медленно ползала по саду, что ее уже не раз принимали за мертвую. Я так и не разгадала загадку, как можно было споткнуться о создание, чьим ближайшим родственником был разве что валун, но эта тайна была не главной нашей заботой. Лорд получил сложный перелом бедра, болезненную и совершенно отвратительную травму, на лечение которой, как уверил меня Стокер, уйдет много месяцев. Ему достаточно было лишь взглянуть на торчащую из раны кость, чтобы безошибочно определить дальнейшие действия, и он попросил меня проследить за распаковыванием

чемоданов. Экспедиция Розморрана – Спидвелл – Темплтон-Вейна официально была отменена.

Стокер, как обычно, оказался совершенно незаменим в минуту кризиса, но вскоре личные доктора графа узурпировали право лечения его светлости, а нам оставалось только засесть в Бельведере и от разочарования подшучивать друг над другом. Мы так мечтали вновь оказаться на борту корабля, почувствовать, как морской бриз уносит вдаль скучный английский воздух, и ощутить призыв тропических морей, ветров, наполненных удивительными ароматами, и неба, усыпанного звездами. Но вместо этого оба, как глупые наседки, остались в курятнике, высиживать свои разбившиеся мечты. И возможность навести порядок в Бельведере не смогла вернуть нам доброе расположение духа, хотя, должна отметить, Стокер досадовал на обстоятельства гораздо дольше, чем я. Но по опыту я знала, что мужчины могут дуться бесконечно, если только не указать им прямо на то, как называется такое поведение. И вот именно в такую минуту сильного возмущения Стокеру пришло в голову обучить меня приемам самообороны (это было понятно, учитывая множество опасных ситуаций, в которых нам с ним довелось побывать).

– Замечательная идея, – с воодушевлением ответила я. – Из чего будем стрелять?

– Я не дам тебе огнестрельное оружие, – решительно отказался он. – Оно шумное, ненадежное, его легко вырвать из рук и обратить против тебя самой.

– Как и нож, – проворчала я.

Он сделал вид, что не услышал меня, и достал клинок, который обычно носил в сапоге. Поставил мишень – старый портновский манекен, который откопал где-то в недрах Бельведера, и со снисходительностью, ужасно меня раздражавшей, принялся учить, как его убивать.

– Всего одно плавное движение, Вероника, – в сотый раз повторил он. – Не сгибай запястье и думай, что нож – это продолжение твоей руки.

– Совершенно бесполезная информация, – сообщила я, в очередной раз наблюдая обычную картину: нож отскочил от живота манекена и воткнулся в траву.

Стокер достал его и снова протянул мне.

– Попробуй еще раз, – приказал он.

Я опять бросила нож, который теперь коснулся головы манекена, а Стокер в это время рассказывал, чем привлекательны разные части мишени.

– Шея – приятная, мягкая, но тонкая и не очень надежная цель. Если

нужно обездвижить человека, лучше метить в бедро. Хороший удар в ногу задержит его, а если удастся задеть бедренную артерию, то он остановится раз и навсегда. Можешь попробовать попасть в желудок, но если парень будет тучным, нож просто застрянет у него в жировом слое и только разозлит его.

Он поучал меня не меньше часа, но я не особенно его слушала, больше предавалась собственным мыслям, снова и снова бросая нож с разной силой и степенью успешности.

– Вероника, – вдруг закричал он, когда нож пролетел и вовсе мимо манекена, – это еще что за чертовщина?!

Покраснев от возмущения, он поднял клинок и вручил его мне. Причиной его расстройства стало внезапное появление сестры его светлости, леди Корделии Боклерк. Я повернулась и помахала ей ножом.

– Простите Стокеру его несдержанность, леди К. Он сейчас в ужасном состоянии. Дуется с тех пор, как его светлость сломал ногу. Как сегодня себя чувствует пациент?

Заметив мрачный взгляд Стокера, я подчеркнуто осторожно опустила нож.

– Его немного лихорадит, но доктор говорит, что он крепок как бык, хотя по его внешнему виду этого не скажешь, – ответила она с улыбкой. И это была чистая правда. Его светлость выглядел как библиотекарь в последней стадии анемии: бледный и сгорбленный от долгих лет сидения над книгами. Но главное дело тут в наследственности, а она у Боклерков была отменной. От леди К. всегда веяло здоровьем: по-английски бледно-розовый цвет лица, стройная фигура. Но сейчас, присмотревшись к ней повнимательней, я заметила непривычно нахмуренные брови, да и щекам ее явно не хватало обычного здорового цвета.

– Кажется, вы совсем выбились из сил, ухаживая за ним, да еще и занимаясь хозяйством, – заметила я.

Она покачала головой.

– Конечно, сейчас все немного вверх дном, – призналась она. – Доктор вызвал нам профессиональных медсестер с проживанием, чтобы ухаживать за его светостью, и, боюсь, миссис Баскомб не слишком по душе лишняя работа – присматривать еще и за ними.

Меня это не удивило. Экономка его светлости напоминала мне незрелую айву – пухлая, но кислая. А леди К. продолжала:

– К тому же сейчас как раз нужно собирать мальчиков в школу, а у девочек новая гувернантка, и ей нужно еще ко всему привыкнуть.

– Временно, – пробормотал Стокер.

Девочки из семьи Боклерков славились тем, что с легкостью прогоняли всех незадачливых гувернанток хорошо спланированными истериками или пауками в постели. Жаль, что никто не рассказал им, насколько эффективен может быть сироп из инжира[1], добавленный в утренний чай, но я была не вправе учить их дурным манерам.

Леди Корделия улыбнулась своей доброй улыбкой.

– Временно, – согласилась она. – Но сегодня, кажется, все идет своим чередом – настолько, что я решила нанести визит в «Клуб любопытных».

Я вся обратилась в слух. Официально известное как клуб «Ипполита», это было удивительное место, созданное для свободного общения одаренных дам, чтобы общественные предрассудки не ограничивали им темы для обсуждения. И хотя основной смысл существования клуба заключался именно в этом, но, как и большинство благородных заведений такого рода, он был закрыт для внешнего мира из-за множества запутанных правил и законов. Леди Корделию допустили туда благодаря серии сильных статей по высшей математике, и было приятно видеть, что ее таланты (которые ей зачастую приходилось тратить на споры с миссис Баскомб о счетах из бакалейной лавки) смогли привести ее в круг общения с людьми, способными по достоинству оценить ее ум. Семья считала ее какой-то фокусницей, которая может показывать трюки с цифрами, в одном ряду с медведем, танцующим вальс. В ее серьезных, спокойных глазах никогда нельзя было прочесть разочарования, которое она, несомненно, чувствовала оттого, что ее так часто недооценивали и игнорировали, пусть даже по-доброму и не желая обидеть, но во мне было достаточно возмущения для нас обеих.

Леди Корделия ласково на меня взглянула.

– Вы очень мужественно держитесь, но я понимаю, как вы должны быть расстроены тем, что сейчас вы все не на полпути в экспедицию, – начала она.

– Ну что вы, – возразила я. Вообще-то, у меня не было привычки лгать, но ведь в том, что экспедиция не удалась, не было вины леди К., к тому же она всегда относилась ко мне с невероятной добротой. Я чувствовала в ней если не родственную душу, то, по крайней мере, дружественную.

– Прекрасно врите, – мягко заметила она. – Но вы исследователь, мисс Спидвелл. Я слышала, как увлеченно вы рассказываете о своих путешествиях, и понимаю, как вам нравится чувство охотника.

– Да, пожалуй, – неопределенно ответила я.

Она продолжала.

– Знаю, у вас здесь много работы, но я подумала, может быть, вам будет интересно посетить клуб в качестве моего гостя. Сменить обстановку, чтобы поднять себе настроение, – добавила она, взглянув на Стокера.

Я усмехнулась.

– Чтобы поднять всем настроение, гораздо полезнее было бы взять его. Но я признательна вам за приглашение. И буду рада пойти с вами.

Морщинка у нее между бровей разгладилась, хотя при этом мне показалось, что она даже более напряжена, чем до того, как я приняла приглашение.

– Что ж, прекрасно. Вам нужно немного времени, чтобы собраться. Я буду ждать вас на подъездной аллее.

Я удивленно заморгала.

– Сейчас?

– Да. Я подумала, что мы можем поехать туда на чай.

Затем она окинула взглядом мой рабочий костюм и мягко предложила:

– Может быть, вы захотите сменить наряд?

Я посмотрела на огромный холщовый фартук, закрывавший меня всю, от шеи до щиколоток. Это и правда был совершенно неподходящий предмет гардероба, к тому же со следами краски, крови, пыли и профитроля, которым сегодня запустил в меня Стокер. Я быстро сняла этот неприличный фартук и осталась в простом красном фуляровом платье. Его никак нельзя было назвать модным, но я готова была пренебречь любой модой, предпочитая заказывать себе одежду, соответствующую моим потребностям, а не капризам богатых бездельниц. Единственной данью новым веяниям была узкая юбка со скромным турнюрком.

Леди Корделия рассеянно мне улыбнулась.

– Уверена, это прекрасно подойдет.

Она запнулась и посмотрела на мои волосы, будто собираясь сказать что-то еще, но ничего не добавила и ушла так же быстро, как появилась.

Я повернулась к Стокеру, заправляя непослушные локоны в пышный узел Психеи у себя на затылке. Злорадно улыбнувшись, я развернулась и одним быстрым движением запустила нож, который вонзился точно между глаз нашей мишени.

– Я отправляюсь пить чай в «Клуб любопытных», а ты уж, пожалуйста, позаботься тут о манекене.

Глава 2

Я удобно устроилась напротив леди Корделии в одном из городских экипажей Боклерков под пристальным взглядом ее камеристки Сидони, которая сердито смотрела на нас из окна верхнего этажа Бишопс-Фолли.

– Я думала, Сидони сопровождает вас во время всех выездов, – заметила я.

Леди Корделия разгладила черную шелковую юбку с подчеркнуто спокойным выражением лица.

– Сегодня мне не требуется помощь Сидони. Она временами ведет себя неосмотрительно.

Я с интересом приподняла бровь.

– А в «Клубе любопытных» нужно быть осмотрительными?

Кажется, сама того не желая, леди К. улыбнулась.

– Да, зачастую.

Мне показалась, что она не расположена к беседе, но я чувствовала себя обязанной обсудить с ней один вопрос.

– Не знаю, подумали ли вы о возможных последствиях появления со мной на публике, – начала я.

– А какие могут быть последствия?

Я подавила смешок.

– Мы обе знаем, насколько моя жизнь чужда всех условностей. Может быть, я говорю и выгляжу как леди, но мой образ жизни вывел меня далеко за рамки приличий. Я путешествовала в одиночку, не замужем, живу без компаньонки и сама зарабатываю себе на жизнь. Все это неприемлемо для леди, – напомнила я ей. В этом перечислении я опустила свои самые вопиющие прегрешения. Делом принципа для меня было выбирать любовников очень осторожно, совершенно не трогая англичан и развлекаясь только за границей. Таким образом, очень мало слухов о моем дурном поведении достигло Англии, но никогда нельзя быть уверенной, что один из этих милых ребят не падет жертвой неосмотрительности и *не раскроет все*.

– Общество ведет себя намеренно глупо, – ответила она, решительно вздернув подбородок. Я знала это выражение лица. Мы были знакомы всего несколько месяцев, но я поняла, что леди Корделия при желании способна проявить непреклонную решительность. А ее высокое положение, несомненно, могло оградить ее от самых ужасных сплетен.

Я устроилась поудобнее, а кучер умело вел экипаж по неожиданно потемневшим улицам. Начиналась уже совсем осенняя гроза, на город напозли низкие тучи, полил дождь, и, добравшись до «Клуба любопытных», мы с радостью взглянули на гостеприимно светящиеся окна. Это было скромное, высокое и изящное строение, стоящее в ряду множества подобных. С виду оно могло показаться просто жилым домом, но под звонком была прибита маленькая красная табличка с названием клуба и девизом: *Alis volat propriis*.

– «Она летает на собственных крыльях», – перевела я.

Леди Корделия улыбнулась.

– Подходящие слова, не так ли?

Не успела она коснуться двери, как та сама отворилась нам навстречу, и на пороге появилась привратница в одежде из красного плюша, с золотым шелковым платком на голове.

– Леди Корделия, – уважительно произнесла девушка. Она была африканского происхождения, с врожденной элегантностью движений, которые я всегда замечала в жителях во время путешествий по этому континенту, но речь выдавала в ней человека, родившегося и выросшего в Лондоне.

– Добрый день, Хетти. Это моя гостя, мисс Спидвелл.

Хетти поклонилась.

– Добро пожаловать в клуб «Ипполита», мисс Спидвелл.

Она вновь повернулась к леди Корделии, а служанка подбежала забрать наши мокрые плащи. Хетти открыла толстую книгу в кожаном переплете и протянула перо леди Корделии.

– Флорри позаботится о том, чтобы просушить и почистить ваши вещи, пока вы здесь. Леди Сандридж ожидает вас в курительной комнате.

Я вопросительно взглянула на леди К., но она быстро покачала головой.

– Не сейчас, – тихо сказала она. Я заключила, что на самом деле у нашего визита в клуб была некая определенная цель. Неожиданно у обещанных пирожных и чая прибавился новый вкус.

Девушка по имени Флорри быстро удалилась, бодро шурша накрахмаленными нижними юбками, а леди Корделия взяла ручку и одним росчерком пера внесла наши имена в книгу. Я осматривалась, чтобы получить первое впечатление от клуба. Он был меньше, чем я ожидала, почти домашний, обставлен в очень сдержанной манере, что должно было создавать ощущение расслабленности. На окнах – алые бархатные гардины почти такого же цвета, как красное плюшевое платье Хетти, на полу –

ковры со спокойным орнаментом, турецкие, подобранные с большим вкусом, достаточно толстые, чтобы приглушать звуки шагов. Все стены увешаны фотографиями, картами, чертежами и памятными знаками, рассказывающими о достижениях членов клуба. Здесь был проведен газ, но, бросив быстрый взгляд в просторную гостиную, я заметила камин с весело потрескивающими поленьями. И услышала приглушенный гул женских голосов; шло обсуждение, то и дело прерываемое взволнованными восклицаниями и свободным смехом. Я не могла не удивиться такому поведению.

– Споры и живое общение приветствуются в «Клубе любопытных», – сказала мне Хетти, улыбнувшись. Но, несмотря на радушный прием, оказанный нам Хетти, настроение леди Корделии, казалось, изменилось в худшую сторону. Пока мы поднимались вверх по лестнице и потом шли по коридору к закрытой двери с надписью «Курильная комната», все ее обычное спокойствие куда-то улетучилось, а между бровей вновь залегла морщина.

Она тихо постучала и в ожидании ответа бросала на меня беспокойные взгляды, но вот мы услышали бодрое и властное «войдите».

Леди К. открыла дверь, и мы попали в небольшую красивую комнату, обставленную в том же стиле, что и передняя на первом этаже. По стенам были развешаны карты в рамах, полки уставлены книгами, а на столе под окном красовались глобусы небесной сферы и земного шара вперемежку с отборными орхидеями в горшках. По комнате было расставлено несколько удобных кожаных кресел, таких же, какие бывают в мужских клубах, и в одном из них сидела дама, одетая неброско, но очень дорого. Она медленно поднялась нам навстречу и остановила на мне откровенно изучающий взгляд.

Леди К. познакомила нас.

– Леди Сандридж, позвольте представить вам мисс Спидвелл. Вероника, это леди Сандридж.

Леди Сандридж долго ничего не говорила. Она просто стояла с невозмутимым спокойствием, будто фигура в живой картине. Но хотя тело ее и не двигалось, взгляд так и блуждал, переходя с моего лица на руки и обратно, будто в поисках чего-то, мне неизвестного.

Как человек более высокого положения она должна была сделать первый шаг. Ее задачей было как-то признать меня, и раз ей было приятно играть в молчанку, я была не против. Я спокойно смотрела на нее, отметив тонкие скулы и высокую стройную фигуру, которую она держала с большим достоинством. Ее руки были увешаны драгоценностями, камни

постоянно сверкали в огненных бликах от камина.

Наконец она заговорила.

– Знаю, время суток обязывает пить чай, но я приготовила кое-что более бодрящее.

Она указала на низкий столик перед огнем. На нем стояла чаша с горячим пуншем, источавшая густой аромат рома и специй; и я взяла из ее рук предложенный мне бокал. Она смотрела, как я пью, одобрительно кивая.

– Вы не стесняетесь крепких напитков.

– Я почти ничего не стесняюсь, леди Сандридж.

Ее красивые глаза на секунду расширились.

– Рада это слышать. Я попросила леди Корделию привести вас в клуб, чтобы иметь счастье познакомиться с вами лично. В определенных кругах вы знамениты.

– Что же это за круги, миледи?

Если мое смелое обращение и удивило ее, то она быстро справилась с эмоциями и слегка пожала плечами, извиняя мое поведение.

– Конечно, лепидоптерологи. Знаю, вы торгуете бабочками и публикуете статьи, не афишируя этого, но если захотеть, несложно поднять эту завесу анонимности.

– А почему вы этого захотели? Вы коллекционер?

Она издала низкий гортанный смешок.

– Я многое коллекционирую, мисс Спидвелл. Но, увы, не бабочек.

– Наверное, людей?

Она развела руками.

– Вы меня поражаете, мисс Спидвелл. Уже составили обо мне свое мнение, – добавила она. Во время нашего разговора я обратила внимание на ее движения, изящные и продуманные, и на голос, мягкий, как медовый виски, с едва уловимым немецким акцентом. Мне подумалось, что она должна казаться мужчинам невероятно привлекательной и что прекрасно знает об этом.

– А почему бы и нет? Вы ведь тоже составили свое обо мне, – полушутливо ответила я.

Мы в некотором роде совершали легкие выпады, как фехтовальщики, осторожно касаясь противника, чтобы обнаружить слабые места в его обороне, но я никак не могла понять, зачем мы это делаем. Если только она не испытывала ко мне какой-либо профессиональной зависти, у нас с ней не было причин для спора. И все же было очевидно, что леди Сандридж пытается разобраться в том, кто я такая. То, что она занималась этим в

присутствии леди Корделии, было еще удивительнее, а леди Корделия, явно ожидавшая такого развития событий, тихо сидела в кресле, потягивая пунш, пока мы с леди Сандридж ходили кругами, как пантеры, присматриваясь друг к другу.

– Вы очень прямолинейны, – сказала она наконец. – Это может быть неудобно.

– Только для тех, кому нужны уловки.

Я услышала какой-то приглушенный звук и поняла, что это леди Корделия закашлялась над своим пуншем, но была ли причиной тому крепость рома или моя откровенность, я не поняла.

Леди Сандридж внимательно посмотрела на меня взглядом, характер которого мне было сложно определить: оценивающим, неодобрительным, завистливо-уважительным?

Я глотнула еще пунша.

– Поздравляю вас, миледи. Я наслаждаюсь этой беседой гораздо больше, чем ожидала. Обычно я по возможности избегаю женских компаний.

– Вы считаете представительниц своего пола скучными?

– Несомненно. Наше воспитание лишает нас здравого смысла, любопытства и настоящего достоинства. Из нас делают красивые предметы, которые не стыдно выставить на обозрение, иногда мы бываем нужны для деторождения и добрых дел, но не более того.

– Вы к нам строги, – заметила леди Сандридж.

– Я ученый, – напомнила я ей. – И строю свои гипотезы на основе наблюдений.

Она неохотно кивнула.

– Да, вы к нам строги, но вы правы. Женщины часто бывают утомительны, но не в этом месте. Здесь вы найдете себе подобных.

– Я здесь всего лишь гостя, – сказала я.

– Да, конечно, – последовал ответ.

Я допила пунш и аккуратно поставила бокал обратно на стол, а затем заговорила.

– И как бы ни приятна мне была эта беседа, не кажется ли вам, что пора переходить к основной цели нашей встречи?

Леди Сандридж прищурилась.

– К какой цели?

Я слегка поклонилась.

– Думаю, вы хотите задать мне несколько вопросов, ваше высочество.

Глава 3

Тишину, повисшую в комнате, казалось, можно было потрогать руками. Потом леди Корделия вновь закашлялась и вскочила с кресла. Леди Сандридж повелительным жестом велела ей сесть.

– Все хорошо, Корделия. Не нужно было и пытаться обмануть мисс Спидвелл. Меня предупреждали, что ее нельзя недооценивать. А сейчас, я уверена, вам нужен стакан воды, чтобы унять кашель, а нам с мисс Спидвелл пора поговорить с глазу на глаз.

В тот же миг леди Корделия присела в глубоком реверансе и удалилась, успев перед уходом бросить на меня внимательный взгляд. Я сидела, ничего не говоря, используя молчание против леди Сандридж так же ловко, как она использовала его против меня в самом начале нашей встречи.

– Вы знаете, кто я? – начала леди Сандридж.

– Я знаю, что вы дочь королевы Виктории. Но не могу с уверенностью сказать, которая: у вас очень сильное сходство с сестрами.

Надежда этой леди сохранить инкогнито в данной ситуации была мне совершенно непонятна и казалась крайне наивной. Это была наиболее часто появляющаяся на снимках семья во всей империи, и буквально дня не проходило без того, чтобы их фотографии не напечатала одна из газет. К тому же они все были похожи друг на друга, и тем легче было понять, что это кто-то из семейства.

Она неожиданно улыбнулась.

– Угадайте.

Я задумалась, рассматривая ее изящное лицо, красивый костюм, сильные руки, сложенные на коленях будто в молитве.

– Луиза.

– С первого раза. Как вы узнали?

Я пожала плечами.

– Старшая – кронпринцесса прусская, вряд ли она сейчас в Лондоне. Принцесса Алиса умерла уже лет десять назад. Принцесса Елена часто болеет, а вы кажетесь совершенно здоровой. Принцесса Беатриса ждет ребенка в следующем месяце, а вы стройны как ива. Ну и ваши руки, конечно.

– Мои руки? – Она пошевелила длинными узкими пальцами, так что кольца снова засверкали в свете от камина.

– Я слышала, что ваше высочество – скульптор. У вас прекрасные руки, но на них видны следы работы с инструментами.

Она откинулась в кресле, соединив пальцы под подбородком.

– Я впечатлена.

– На это нет никакой причины, – возразила я. – Для человека моей профессии это немногим сложнее, чем обычный салонный трюк. Скажите, знаете ли вы, почему лепидоптерологам так важно научиться выслеживать птиц? – спросила я ее.

От неожиданности она заморгала.

– Птиц?

– Птицы – враги лепидоптерологов. Они съедают гусениц до того, как те успевают превратиться в бабочек, а нам этот процесс совершенно необходим, чтобы добывать образцы. Но мы научились играть в их игры лучше них самих. Было замечено, что некоторые виды птиц умеют выслеживать гусениц по объединенным листьям. Девиз лепидоптеролога: «Следуй за птицей – найдешь гусеницу». Тонкости и детали – самое важное в этом преследовании.

– И вы всегда добиваетесь успеха в такой охоте? – в голосе принцессы послышался вызов.

– Только дурак станет заявлять, что он всегда добивается успеха. Но я в этом деле лучше большинства.

– От этого многое зависит, – медленно сказала она и подалась вперед. – Мне говорили, что у нас свами есть общий друг – сэр Хьюго Монтгомери. Думаю, вы помните, что знакомы с этим джентльменом?

Я кивнула. Сэр Хьюго, глава Особого отдела Скотланд-Ярда, сыграл довольно важную роль в нашем со Стокером прошлом приключении.

– Да, конечно.

– Он тоже вас помнит. Прекрасно, я бы сказала. Кажется, в последней с ним беседе вы дали понять, что готовы оказывать помощь королевской семье, если нам таковая понадобится.

– У меня остались немного другие воспоминания, – резковато ответила я.

Сэр Хьюго пытался, попросту говоря, купить меня. Он предложил мне существенную сумму в обмен на мое молчание по вопросу, который мог принести ощутимую боль королевской семье и стать причиной скандала, если бы я решила сделать его достоянием публики. То, что ему было недостаточно моего слова, просто вывело меня из себя, и, естественно, я решительно отвергла эти деньги. Но сэр Хьюго предупредил меня, что в таком случае королевской семье в будущем могут понадобиться

определенные доказательства моей благонадежности; оказывается, время уже пришло.

Ее высочество взмахнула рукой, и бриллианты на ней засверкали.

– Не так важно, как именно это формулировать, но я изучила вас, мисс Спидвелл. Кажется, я прекрасно понимаю ваш характер. На самом деле я могу пойти дальше и сказать, что у нас с вами много общего.

– Правда? Говорят, наследственность очень важна.

Она вздрогнула. Ей не понравилось, что я упомянула хранимый мною секрет. Она поджала губы и все-таки улыбнулась. Принцесс учат быть сдержанными и вежливыми, и она хорошо усвоила эти уроки.

– Мисс Спидвелл, если вы знаете, что я принцесса Луиза, то вы также должны знать, что я замужем за Джоном Кэмпбеллом, маркизом Лорном, наследником герцога Аргайла.

– Зачем же вам псевдоним, леди Сандридж?

Она пожалала плечами.

– Вы и сами убедились на примере своей работы, что анонимность может быть полезна. Я хотела познакомиться с вами так, чтобы мое положение не оказывало на вас давления, по крайней мере, вначале.

Я посмотрела ей прямо в глаза.

– Положение принцессы или моей тетки?

Я не видела смысла в том, чтобы ходить вокруг да около. Я сдержала слово, данное сэру Хьюго: никому не открывать запутанную историю моего рождения. Но принцесса, очевидно, знала, кто я такая: непризнанная дочь ее старшего брата, принца Уэльского. Одно это уже могло стать оскорблением для королевской семьи; а тот факт, что в определенных кругах я вполне могла быть признана законнорожденной, и вовсе делал меня опасной. Насколько опасной, мне еще предстояло увидеть. С тех пор как мне открылись обстоятельства моего рождения, мы сохраняли позиции вооруженного нейтралитета, ни одна сторона не предпринимала действий против другой, но и не совершала шагов навстречу. Тот факт, что один из представителей семейства сделал первую попытку, давал мне преимущество, и я решила им воспользоваться.

Губы Луизы снова сжались.

– Ситуация крайне сложная, и я не имею к ней никакого отношения. Надеюсь, вы будете помнить об этом.

Принцесса сильно сжала руки и замолчала, и я вдруг поняла, в чем дело.

– Вам нужна моя помощь.

Она медленно кивнула и стала теревать украшение у себя на руке:

золотой браслет с сердцем из черной эмали, на блестящей поверхности – жирные золотые буквы, увенчанные короной. Она заметила, куда я смотрю, и протянула руку. Я рассмотрела, что у черного сердца белая кайма, а на поверхности выгравированы две буквы «Л».

– Подарок от ее величества по случаю кончины моего брата Леопольда, умершего три года назад. Он был милым мальчиком, моложе меня на пять лет. К несчастью, с самого детства был очень болезненным. Сложно представить себе все его мучения – бедное хрупкое тельце! Но он переносил все это с такой добротой. Казалось, никогда не сможет вести жизнь обычного мужчины, но он нашел свое истинное счастье. Знаете, женился на германской принцессе, и у них были дети. Отцовство стало главной радостью его жизни. Он так надеялся, что сможет победить болезнь. Но судьба бывает жестока. Ужасно было потерять его таким молодым – ему было всего тридцать. Он был ненамного старше, чем вы сейчас, мисс Спидвелл.

О, это было прекрасно придумано. Даже не признавая обстоятельств моего рождения, она причислила меня к семье, взывая к жалости по отношению к дяде, с которым я даже не была знакома. По этой причине я и восхитилась ею, и возмутилась. И вдруг поняла, что совершенно не хочу играть в ее игры.

– Чего вы от меня хотите, ваше высочество?

Будто почувствовав мое настроение, она подалась вперед и вновь сжала руки.

– Я в отчаянии, мисс Спидвелл. И мне больше не к кому обратиться.

– В чем ваша беда?

Она развела руками.

– Не знаю даже, с чего начать.

Я ничего не сказала. Я могла бы подбодрить ее, попытаться вытянуть из нее рассказ, по крайней мере, вначале, но я странным образом ощущала некое возмущение, а потому держала язык за зубами, предоставив ей самой поведать мне свою историю.

– Одна из моих ближайших подруг мертва, – наконец выговорила она.

– Мои соболезнования, – начала я.

Она нетерпеливо махнула рукой.

– Я уже смирилась с ее смертью. И пришла сюда не ради нее.

Она замолчала, устремив на меня решительный взгляд.

– Вы знакомы с делом Рамсфорта?

Я совершенно не ожидала этого вопроса. Дело Рамсфорта волновало газеты вот уже несколько месяцев. Оно было простым, но скандальные

обстоятельства гарантировали ему бурное обсуждение в прессе.

– Я знаю о нем очень мало.

– Тогда позвольте мне вам его вкратце изложить. Майлз Рамсфорт был обвинен в убийстве своей любовницы, художницы по имени Артемизия.

– Вашей подруги? – предположила я.

Ее губы задрожали, но она быстро справилась с эмоциями.

– Да. Она была блестящей художницей, и мистер Рамсфорт пригласил ее, чтобы создать настенную роспись в его имении Литтлдаун в Суррее. Они были знакомы и до начала этой работы, но, пока она жила в его доме, стали любовниками, и вскоре Артемизия забеременела. Она была уже на четвертом-пятом месяце, когда завершила роспись.

Она ненадолго замолчала, будто набираясь сил, чтобы закончить рассказ.

– Мистер Рамсфорт устроил торжественный прием по случаю окончания работы у себя в Литтлдауне и пригласил туда многих людей из мира искусства, в том числе и меня. Во время праздника Артемизия была убита. Мистер Рамсфорт первым нашел ее, но, к несчастью для него, его обнаружили в собственной спальне с мертвым телом на руках, его одежда вся пропиталась ее кровью. Она была мертва совсем недолго, может быть, полчаса. Он не смог обеспечить себе алиби, и этот факт в сочетании с беременностью Артемизии дал полиции основания полагать, что именно он лишил ее жизни.

– Но по какой причине? – спросила я, уже непроизвольно заинтересовавшись этой историей.

– Мистер Рамсфорт женат, – холодно ответила она. – Полиция считает, что он решил избавиться от нее и ребенка до того, как жена обо всем узнает. У защиты были буквально связаны руки, ведь он не готов был признаться, где находился в момент убийства, его сочли виновным и приговорили к смерти. Он будет повешен на следующей неделе.

Я поджала губы.

– Это, несомненно, очень захватывающая история, ваше высочество, но я никак не могу понять, какая роль в ней отведена мне.

– Майлз Рамсфорт не убивал Артемизию! – вскричала она; ее железное самообладание разом покинуло ее. Она сжала кулаки так, что все драгоценные камни вонзились ей в руки.

– Откуда вы знаете?

– Не могу сказать, – ответила она, упрямо наклонив голову. – Я разрушу несколько судеб, если не промолчу.

– Это важнее самой человеческой жизни? – спросила я.

– Я не стану слушать дерзких вопросов, мисс Спидвелл, – сказала она. – Никто лучше меня не знает, что нужно делать.

– И что же нужно делать?

– Вы должны найти убийцу.

Я уставилась на нее, на секунду задумавшись, кто из нас сошел с ума.

– Вы шутите?

– Нет, не шучу. Жизнь человека, *невинного человека*, находится в ваших руках.

– Ничего подобного, – решительно возразила я. – Если у него есть алиби, пусть он его предоставит. Если он действительно невиновен, то, какие бы ужасы ни открыла правда, ничто не может быть хуже смерти.

– Вы бы так не говорили, если бы знали, – сказала она, и внезапно ее глаза наполнились слезами. Я могла бы встать и откланяться, уйти из этой комнаты и из ее жизни так же быстро, как и пришла сюда, забыть то, о чем она меня попросила, и никогда больше о ней не думать. Если бы не эти слезы. Ее выдержка, ее королевская кровь, ее положение – ничто из этого ей сейчас не помогло, и теперь она была просто страдающей женщиной. Она стояла на краю какой-то невообразимой пропасти, и это я могла понять. Я тоже видела пропасть.

– Тогда расскажите мне, – наредила я.

– Не могу, – сказала она, покачав головой. – Мисс Спидвелл, я знаю, что зашла совершенно не с той стороны. Новы должны понять: я хочу справедливости для них обоих. Артемизия была моей подругой, и Майлз – мой друг. Она не была для него обузой, он любил ее! Но он скорее сойдет в могилу, чем расскажет правду и погубит еще несколько жизней, и это достойно уважения. Неужели вы не видите все благородство его поступка?

– Я вижу всю глупость этого поступка, – ответила я, но без прежней враждебности. Должно быть, она это почувствовала, потому что вдруг подалась вперед и накрыла мои руки своими. Ее руки, руки скульптора, были сильными и теплыми, и, посмотрев на них, я поняла, что впервые за мою сознательную жизнь до меня дотронулась моя кровная родственница. Я также поняла: она прекрасно осознает, что делает, и собирается сыграть на моем одиночестве, моей инаковости. Они никогда не признают меня одной из них, но она решила поманить меня этой возможностью, как будто карпа наживкой. Для меня это могло быть как соблазнительно, так и опасно.

– Мисс Спидвелл, Вероника, – мягко сказала она, – пожалуйста, сделайте это для меня. Я не имею никакого права вам приказывать, поэтому я вас прошу. Сэр Хьюго не станет меня слушать. Он знает, что

расследование провели плохо. Но для столичной полиции будет оскорблением признать, что они ошиблись. Его вполне удовлетворяет то, что Майлза за это повесят, но если это действительно произойдет, случится ужасная несправедливость, которой вы в состоянии не допустить. Сможете ли вы спать спокойно, если даже не попытаетесь все исправить?

Я колебалась, а она, обладая безошибочным охотничьим чутьем, нанесла последний удар.

– Я не буду обижать вас разговором о деньгах. Сэр Хьюго рассказал мне, как вы горды, и я это понимаю. Но я все же могу кое-что предложить вам за ваши услуги.

– Что? – спросила я.

Она сильнее сжала мои руки.

– Вашего отца.

Я резко выдернула руки.

– Мне ничего не нужно от принца Уэльского.

– Я знаю, – сказала она мягко, но коварно, пытаясь убедить меня. – Но неужели вам даже не интересно? Вам не хотелось бы встретиться с ним лицом к лицу? Я могу это устроить. Он согласится на это ради меня. Подумайте: это шанс посидеть с ним рядом и спокойно поговорить – с отцом, которого у вас никогда не было. И это в обмен на то, что вы зададите разным людям несколько вопросов. Мне кажется, это честная сделка.

Я посмотрела на нее долгим испытующим взглядом. Я сделаю то, о чем она просит, – мы обе это знали. Она думала, что убедила меня разговорами о семье и моем отце, но я решила ей помочь не из-за этого. Ненависть, оказывается, может быть не менее сильным стимулом, чем более благородные чувства.

А потому я ей улыбнулась, скрыв в этой улыбке сотню разных смыслов, и откинулась в кресле.

– Ну хорошо, расскажите мне все подробнее.

Принцесса Луиза немного помолчала, и я ощутила ее облегчение. Теперь, когда я согласилась играть по ее правилам, она отбросила почти все притворство и заговорила искренне.

– Я всегда старалась исполнять свой долг по отношению к семье и стране, – медленно начала она. – Но как вы и сами заметили, я художник. И как художник я всегда настаивала на том, чтобы иметь право заводить друзей среди себе подобных. Клетка, в которой я жила всю жизнь, может быть, и позолоченная, но все же клетка, – продолжала она, скривив губы в тонкой невеселой улыбке. – И я не раз билась до крови о ее прутья. Со временем я добилась некоторых послаблений, среди них – моя работа и

друзья. Артемизия была одной из самых близких подруг.

– Любопытное имя.

По ее лицу было видно, что она погрузилась в воспоминания.

– Это псевдоним. На самом деле ее звали Мод Эресби. Ей казалось, что оно слишком приземленное для художника, и она выбрала себе другое. Вы знакомы с творчеством Артемизии Джентилески?

– Нет.

Она пожала плечами.

– Мало кто знаком, и это очень печально. Она была художницей итальянской школы барокко, последовательницей Микеланджело. В своих работах она часто изображала женщин: Юдифь, Вирсавию, Далилу. От ее картин веет силой и решительностью. Моя Артемизия стремилась к тому же, потому и взяла ее имя.

– Как вы с ней познакомились?

– Полагаю, вам знакомо имя сэра Фредерика Хэвлока?

Едва ли во всей Англии был человек, не знавший этого имени. Самый утонченный художник нашего времени, прославленный изысканными композициями и свободным, неожиданным обращением с цветом. Он основал новую художественную школу, решительно английскую и абсолютно современную, с влияниями эстетизма и неоклассицизма. Он также был известен дурным характером и затворничеством, предпочитая обществу компанию преданных учеников, которые жили с ним в Холланд-парке, в особняке, построенном по его собственному проекту. Редко появляясь на публике, он совершенствовал свое мастерство и превратился из *enfant-terrible*, который когда-то пытался превзойти Данте Габриэля Россетти, в эксцентричного легендарного персонажа, стремящегося создать собственную утопию.

– Он почти так же знаменит, как ваша мать, – невежливо ответила я.

Принцесса Луиза не обратила внимания на мое замечание и продолжала.

– Артемизия была протеже сэра Фредерика. Она жила в Хэвлок-хаусе и встретила с Майлзом Рамсфортом на одном из приемов, организованном сэром Фредериком. Эти джентльмены приходятся друг другу свояками, и Майлз всегда обращался к сэру Фредерику, когда хотел познакомиться с людьми искусства и, возможно, предложить им покровительство.

– Как именно связаны между собой джентльмены?

– Сэр Фредерик был женат на Августе Тройон, которая умерла несколько лет назад. А Майлз женат на ее младшей сестре, Оттилии. Они

до сих пор довольно близки с сэром Фредериком, даже после смерти Августы Хэвлок.

– И полиция считает, что именно из-за брака с Оттилией Майлз решился убить Артемизию?

Она нетерпеливо махнула рукой.

– И они ужасно ошибаются! У Оттилии и Майлза очень благоразумный союз. Он основан на дружбе и в некоторой степени на партнерстве. Они поженились, потому что у Майлза был дом, разрушавшийся прямо на глазах, и родословная длиной в восемь веков. Оттилия принесла в этот союз состояние своего дяди, нажитое на производстве печенья. Они использовали ее деньги, чтобы перестроить Литтлдаун, путешествовать по свету и коллекционировать предметы искусства и всевозможные древности. Они прекрасно жили вместе, и Оттилия Рамсфорт – очень разумный человек, она не обращала внимания на периодические авантюры в личной жизни ее мужа.

– Периодические авантюры? – Я приподняла бровь в удивлении. – Значит, были и другие?

Ее губ коснулась легкая улыбка.

– Вы видели фотографии Майлза? Нет? Ну, в любом случае в газетных снимках это сложно передать. Он очень обаятельный мужчина, хотя и не красивый в классическом понимании. Для этого у него недостаточно правильные черты лица. Не хотела бы я изображать его в камне, – добавила она, нахмурившись. – В его лице есть что-то неуловимое, оно постоянно меняется. Но он прекрасный друг. Понимаете, он умеет слушать. Мужчинам это почти не свойственно.

Она отвела глаза и унеслась куда-то в мыслях – ее взгляд стал рассеянным. Мне было интересно, думает ли она сейчас о своем муже. Судя по всему, маркиз Лорн был не самым внимательным из мужчин.

– И Оттилия Рамсфорт не возражала, – напомнила я.

Принцесса Луиза вернулась к реальности и вновь сосредоточилась на нашей беседе.

– Нет, конечно, нет. Она занималась тем, чем мы все занимаемся: обставляла дом, покупала новые шляпки или отправлялась в Баден. Она достаточно умна, чтобы не относиться к этому серьезно, но ведь властям этого не объяснишь. Следователи из столичной полиции страдают отсутствием воображения. Они заключили, что такой человек, как Майлз Рамсфорт, должен был хотеть скрыть от своей жены Артемизию и ее беременность, и им вся история кажется простой и понятной. Они даже не удосужились рассмотреть другие варианты. И вердикт был точно таким,

какого они ожидали.

Она замолчала, а когда вновь заговорила, в ее голосе явственно слышалась горечь.

– Я говорила с сэром Хьюго, по крайней мере, попыталась. Он считает, что все художники – моты и развратники. Конечно, он не мог этого сказать, не мне, по крайней мере, но его отношение было очевидно. Он не собирался тратить ресурсы на поиски человека, убившего ничем не примечательную девушку, ведь его заботам вверена вся империя, а для повешения уже имеется прекрасный подозреваемый.

Я подумала, что это можно назвать правдой лишь с большой натяжкой. Сэр Хьюго был лишь главой Особого отдела в Скотланд-Ярде, который занимался делами, связанными с королевской семьей. Но не нужно было обладать слишком живым воображением, чтобы поверить, что сам он видел свою роль гораздо более важной.

– Это он предложил вам прийти ко мне со своей проблемой?

Она медленно покачала головой.

– Сперва нет. Он пытался разубедить меня. Но я знала о ваших попытках... этим летом... выяснить правду относительно вашего происхождения. А также что сэр Хьюго считает, будто вы нам очень признательны.

– Признательна?! – возмутилась я.

– Обязаны, – сказала она более мягким голосом. – Он сказал мне, что, даже если я не собираюсь бросать это дело, я не могу позволить себе нанять частного сыщика. Это чрезвычайно опасно. Но он согласился с тем, что вы поймете необходимость быть крайне осмотрительной, может быть, лучше многих.

– У сэра Хьюго гораздо более утонченное чувство юмора, чем я могла предположить, – ответила я.

Я долго обдумывала все то, что она мне рассказала, и в комнате воцарилось молчание, нарушаемое только потрескиванием дров в камине и тиканьем часов на каминной полке. Я думала о матери, красивой актрисе, тайно вышедшей замуж и родившей ребенка – плод сильной любви, и о том, как после этого ее любимый женился на другой – женщине своего класса, которая наполнила ему детскую высокородными младенцами, в то время как его старшая дочь росла без родителей. Я подумала о том, какое отчаяние, должно быть, овладело моей матерью, когда она поняла, что осталась со мной совершенно одна, и какое ужасное горе должно было довести ее до такого печального конца.

– Хорошо, – сказала я наконец, поднимаясь. – Я свяжусь с вами, как

только выясню все, что в моих силах.

На ее лице отразились непонимание и удивление.

– Но мы ведь еще не обсудили условия! – возразила она.

– Условия? Вот мои условия: я буду работать со своим напарником, Стокером. Вы можете найти его в справочнике Дебретта[2] под именем «Достопочтенный Ревелсток Темплтон-Вейн, третий сын шестого виконта Темплтон-Вейна». Больше никого мы не будем посвящать в свои дела. И сделаем все, что в наших силах, чтобы решить эту загадку.

– Мне это не нравится, – сказала она, – но, боюсь, у меня не очень много выбора в этом вопросе.

– Совершенно никакого, – согласилась я.

Она гордо подняла голову и холодно посмотрела на меня сверху вниз. Я встретила с ней взглядом, и мне было приятно, что она первой отвела глаза. Когда она заговорила, ее голос был немного теплее.

– Не считайте меня неблагодарной. Я понимаю, что прошу вас о чем-то совершенно необычном и, вероятно, опасном для вас.

Я пожала плечами.

– Мне не привыкать ни к тому, ни к другому. На самом деле некоторые считают, что меня особенно привлекает все необычное и опасное.

Принцесса внимательно посмотрела на меня.

– Я не могу вас понять, мисс Спидвелл.

– Даже и не пытайтесь, ваше высочество, – посоветовала я.

Глава 4

В завершение нашей встречи принцесса написала инструкции, как можно будет с ней связаться, когда мы выясним что-либо интересное.

– Думаю, нам лучше встречаться только в самом крайнем случае, – сказала она мне.

– Абсолютно согласна.

– Сегодня я ужинаю с сэром Фредериком и Оттилией. Я объясню им, что попросила вас заняться расследованием.

– Вы не спросили их до того, как встретиться со мной?

Меня немного удивил столь опрометчивый поступок, но, кажется, совершенно напрасно. Она надменно взглянула на меня.

– Я не привыкла спрашивать чьего-либо разрешения на свои действия, – сообщила она мне. – Несколько раз в месяц сэр Фредерик устраивает приемы у себя в доме, чтобы представить публике свой «выводок». Ближайший состоится завтра вечером. Думаю, там вам и следует начать свое расследование. Они с Оттилией будут вас ожидать, и я нисколько не сомневаюсь, что будут рады оказать вам всяческое содействие.

– Вы не будете там присутствовать?

Она вздрогнула, но постаралась это скрыть.

– Думаю, будет лучше, если формально я буду держаться на некотором расстоянии от этого дела.

Я направилась к двери, но меня остановил ее голос, повелительный, как у самой императрицы.

– Мисс Спидвелл!

Я обернулась.

– Да, ваше высочество.

– Если вы потерпите неудачу, Майлза Рамсфорта повесят через неделю. Не забывайте об этом.

Я не стала делать реверанс и думаю, что за время нашего общения она поняла, что его от меня и не следует ожидать. Я просто кивнула и вышла из комнаты.

В коридоре я увидела леди Корделию – она сидела в кресле с выражением искреннего огорчения на лице. Увидев меня, она встала.

– Наверное, мне стоит извиниться. Этот визит оказался настоящей засадой.

– Но довольно интересной. – Я улыбнулась ей, чтобы показать, что не держу на нее зла.

Мы спустились по лестнице, и из гостиной до нас донесся приятный гул беседы. Звон посуды перемежался смехом. Две женщины яростно спорили о том, какой раствор является лучшим фиксатором для фотографий, но в остальном обстановка была очень уютной.

Привратница принесла нам наши вещи, и, когда мы вновь устроились в экипаже Боклерков, я повернулась к леди Корделии.

– Знаете, почему она хотела поговорить со мной?

Она пожала плечами.

– Монархи всегда эксцентричны, и принцесса Луиза эксцентричнее многих. Ее непросто понять. Думаю, она заинтересовалась вами после нашего разговора.

– Вы рассказывали ей обо мне?

– Вчера. Она сказала мне, что слышала о планах моего брата устроить музей на основе своих коллекций, и спросила, каких специалистов мы пригласили для этого дела. Я рассказала ей о вас и о Стокере.

Неудивительно, что ее высочество не стала возражать насчет его кандидатуры. Очевидно, леди Корделия расхвалила его перед ней без всякой меры, ведь они были старинными друзьями.

Леди К. продолжала.

– Она подробно расспрашивала меня о вас, и, кажется, мои ответы все больше подогревали ее интерес. Она вынудила меня привезти вас туда сегодня, чтобы вы могли познакомиться, но дала ясно понять, что я не должна открывать вам ее личность. Она хотела встретиться с вами инкогнито.

– Она объяснила вам, почему?

Леди К. махнула рукой.

– Она часто прибегает к анонимности в кругу своих друзей-художников. Конечно, это бессмысленное притворство. В конце концов все догадываются, кто она такая, а если нет... В общем, когда к ней относятся без должного почтения, она может вести себя очень решительно.

– Прекрасно могу себе представить, – заметила я.

Потом леди Корделия замолчала, сама она ни о чем не стала меня расспрашивать, за что я была ей признательна. Я могла прекрасно лгать, если этого требовали обстоятельства, но все же предпочитала говорить правду.

Когда мы были уже недалеко от Бишопс-Фолли, леди Корделия вновь оживилась.

– Я вынуждена проститься с вами на несколько недель, мисс Спидвелл. Мне нужно проводить мальчиков в школу на осенний семестр. А потом я отправляюсь в Корнуолл, нужно помочь девочкам и новой гувернантке разместиться в Розморран-хаусе. Его светлость решил, что в Лондоне очень много отвлекающих моментов, и считает, то девочки будут лучше учиться в провинции, – сказала она мне.

Меня удивило не решение лорда Розморрана, а то, что он вообще утрудил себя мыслями о своих детях. Обычно его светлость (рассеянного и доброго человека) больше интересовали последние научные достижения, а не собственное потомство. Он практически передал все дела, связанные с детьми, своей сестре, ожидая, что все его прихоти будут выполняться без каких-либо усилий или волнений с его стороны. Но жизнь леди Корделии постоянно зависела от его потребностей. Ему просто не приходило в голову, что у нее могут быть собственные интересы.

– Когда вы вернетесь? – спросила я.

Она устало пожала плечами.

– Это полностью зависит от детей. Если Роуз будет хорошо себя вести и перестанет подкладывать лягушек в супницу, я, может быть, смогу приехать примерно в октябре. В противном случае мне придется жить там до тех пор, пока не настанет пора забирать мальчиков домой на Рождество. Мне не хочется оставлять его светлость в одиночестве сейчас, когда он болен, поэтому рада сообщить, что к нам на время приедет пожить родственница.

– Правда?

– Да, наша двоюродная бабушка, леди Веллингтония Боклерк.

Я приподняла бровь.

– Веллингтония?

– Она родилась в день сражения при Ватерлоо. Ее отец был адъютантом герцога Веллингтона. Она очень интересная старая леди... довольно эксцентричная.

– В чем это проявляется? – спросила я.

– Мне не очень хочется вам говорить, – уклонилась она от ответа. – Лучше вы сами составите о ней мнение.

Экипаж остановился, и леди Корделия протянула мне руку.

– До новых встреч, мисс Спидвелл.

Я обнаружила Стокера в Бельведере, он описывал содержимое одной из книжных полок. Вдруг он страстно застонал, как любовник на пике

удовольствия.

– У его светлости есть «Естественная история» Плиния, все тридцать семь томов! – сказал он, поглаживая девятый том, по зоологии. Он поднял глаза и, вероятно, заметил что-то в моем выражении лица, потому что сразу же отложил книгу.

– Собирался предложить тебе чая, но кажется, нужно что-нибудь покрепче, – сказал он.

Мы поднялись в маленькую укромную комнату на втором этаже, когда-то служившую убежищем третьему графу Розморрану, который построил Бельведер, чтобы скрываться там от бесконечных требований жены и тринадцати детей, а теперь ставшую нашим пристанищем. Она пряталась среди книжных полок и разномастной мебели, там стояли удобный диван, кресло, изразцовая шведская печь, письменный стол, а также походная кровать, принадлежавшая некогда герцогу Веллингтону. К тому же за стеной был оборудован удобный ватерклозет, а потому мы спокойно останавливались здесь во время нашего прошлого приключения, и с тех пор у нас вошло в привычку приходить сюда всякий раз, когда хотелось укрыться от посторонних глаз. Старшие Боклерки с уважением относились к нашему уединению, но дети лорда Розморрана были крайне любопытны, и я постоянно натывалась на кого-то из них в Бельведере. Эта комнатка была единственным местом без их отпечатков пальцев и ушек на макушке. На звук шагов Стокера сразу прибежали его бульдог Гексли и кавказская овчарка Бетани графа Розморрана. Сейчас она должна была лежать в ногах у хозяина, составляя ему компанию в печальный период выздоровления, но с тех пор, как Стокер поселился в Бишопс-Фолли, стала явно предпочитать его компанию, а также компанию Гексли, которого немного смущала такая преданность. Заворчав, Гексли устроился в своей обычной постели, перевернутой ступне слона, а Бет уложила свою внушительную тушу в подходящей для нее по размеру огромной корзине. Ее совершенно не волновал тот факт, что эта корзина на самом деле была гондолой, закрепленной под воздушным шаром, который, управляемый братьями Монгольфье, пролетел однажды над Версалем.

Стокер щедро разлил нам виски и протянул мне стакан. Прежде чем пуститься в свой рассказ, я подождала, пока он помешает огонь в камине и сядет в кресло. Он выслушал меня с подчеркнуто спокойным выражением лица до самого конца.

В его первых словах слышалось сочувствие, хотя сами они звучали грубовато.

– Ты что, черт возьми, совсем с ума сошла?

– Если собираешься меня оскорблять, то позволь мне сперва допить свой виски.

Стокер раздраженно вздохнул.

– Вероника, ты дала обязательство от нас обоих королевскому лицу, и это не какая-нибудь безделица. Ты обещала, что мы раскроем убийство.

– Да, именно об этом меня просили.

– Но мы же не следователи, – заметил он, теперь уже с заметной язвительностью в голосе. – Мы ученые-натуралисты.

Я махнула рукой.

– Именно. Мы обучены рассматривать жизнь во всех подробностях, собирать факты, строить гипотезы, делать выводы – все эти навыки необходимы и детективу. Мы неплохо справились прошлым летом, – напомнила я ему.

– За наши усилия нас несколько раз чуть не убили, – парировал он.

– Не ворчи, Стокер. Самой серьезной раной, полученной нами в ходе этого расследования, была та, когда ты пригвоздил меня ножом, и я тебя за это уже полностью простила.

– Это был несчастный случай, – ответил он, сердито цедя слова сквозь сжатые зубы.

– Ну конечно! Ты бы никогда не стал протыкать меня ножом намеренно, по крайней мере, сперва тебя нужно для этого хорошенько разозлить.

– Как сейчас, например? – спросил он.

– Не будь таким капризным, Стокер. От этого у тебя сжимаются губы, а ведь у тебя такой красивый рот.

Он спрятал обсуждаемую часть тела за стаканом, хорошенько глотнув виски, а я тем временем продолжала.

– Только подумай, – настаивала я, – мы двое где-то в огромном городе выслеживаем преступника на охоте, которую сами организовали. Не можешь же ты не согласиться, что нам нравилось наше прошлое приключение, а также не станешь возражать, что мы оба достаточно насмотрелись на коробки и упаковочные материалы, так что нам хватит до Нового года.

– Расскажи-ка мне все сначала, – велел он, и я рассказала, понимая, что на этот раз он внимательно прислушивается ко всему, что я говорю, с пытливостью ученого. Он закрыл глаза и запустил руки в волосы, пропуская свои длинные черные локоны сквозь пальцы.

Когда я закончила, он покачал головой, опустил руки и вновь потянулся к стакану с виски.

– Мне это не нравится.

– Да, убийство обычно бывает довольно неприятным делом, – ответила я.

– Нет, я имею в виду всю эту историю. Даже если одна половина Лондона хочет придушить вторую половину и подать ее к столу с петрушкой, меня это не касается.

– Глупости, – коротко возразила я. – У тебя очень сильно развито чувство справедливости, я такого прежде никогда не встречала. Ты ни за что не позволишь невинному человеку, такому как Майлз Рамсфорт, быть вздернутым за преступление, которого он не совершал.

Стокер подался вперед; его ярко-голубые глаза блестели.

– Но у нас есть лишь один аргумент в пользу того, что он этого не делал: слово принцессы.

– Думаешь, она лжет?

Противная змейка сомнений поползла у меня вверх по позвоночнику.

– Думаю, что это вполне возможно. Вероника, нужно посмотреть на это рационально. Если она располагает информацией, которая может спасти его жизнь, почему она ее не сообщает?

– Я спрашивала ее, – напомнила я ему. – Она ответила, что не может сказать, так как из-за этого разрушатся жизни других людей.

– Что может быть страшнее смерти невинного человека? – спросил он. – Вместо того чтобы соглашаться на ее предложение, ты должна была назвать ее обманщицей, настоять на том, чтобы она вернулась к сэру Хьюго и рассказала правду, чего бы это ни стоило.

Я ничего не ответила, просто смотрела на дно своего стакана, с удивлением обнаружив, что он пуст.

– Знаю, почему ты так поступила, – сказал он, и в его голосе вдруг послышалась теплота. – Думаешь, что если сделаешь это для нее, для *них*, то они каким-то образом тебя признают, и это будет тебе некоторой компенсацией за столько лет изоляции.

– Это самое абсурдное предположение... – начала было я, но он, не дослушав меня, продолжал, так же неумолимо и неостановимо, как несется река в половодье.

– Понимаю, ты думаешь, что должна им что-то доказать, но это не так. Ты стоишь тысячи таких, как они, Вероника. Но им никогда этого не понять. Если ты сейчас согласишься стать им лакеем в надежде на их одобрение, это никогда не прекратится. Тебе не выиграть в этой игре, так что даже и не пытайся. Уходи от них сейчас, пока они не засели у тебя в печенках, – предупредил он меня.

– Как у тебя твоя семья? – парировала я.

Я не собиралась этого говорить, но слова уже вылетели из моих уст и повисли в воздухе между нами, практически осязаемые, и я уже не могла забрать их обратно.

– Что ты имеешь в виду?

Голос его был тихим и спокойным, и именно поэтому я поняла, что он в бешенстве. Стокер, мечущий громы и молнии, рычащий и кричащий, – это счастливый Стокер. Ледяное спокойствие всегда выдавало в нем скрытую ярость.

Я встала и подошла к китайскому комоду в углу. Там лежал конверт, на который я и указала Стокеру.

– Это. Письмо от твоего брата, пришло две недели назад. Твой отец умер, а ты и слова мне не сказал. Ты никуда не отлучался, а значит, не был на его похоронах. Твой брат упоминает множество писем, написанных другими членами семьи. Я поискала в Бельведере и нашла одиннадцать. А еще были?

Мне хотелось, чтобы он выругался, грубо и так, как пристало бы бывшему моряку, но он просто сидел и слушал меня, желваки на его скулах яростно двигались.

– Если бы тебе действительно не было дела до семьи, ты бы не стал хранить все эти письма. Но ты их бережешь. И во всех них только один смысл: твоя семья хочет с тобой увидеться. Они просят тебя назвать время и место. Но ты не ответил ни на одно из них, и, кажется, семья уже просто в отчаянии. Здесь у тебя нет передо мной преимуществ, Ревелсток, – спокойно заметила я. – Ты тоже играешь в сомнительные игры.

Он провел рукой по лицу, и от этого жеста его гнев, кажется, куда-то исчез.

– О боже, когда хочешь, ты можешь быть очень жестокой. У тебя язык острый как клинок и вдвойне опаснее.

Он налил нам обоим еще виски и быстро выпил свою порцию.

– Ну хорошо. Мой отец умер, и моя семья просит меня к ним явиться, но я не сделаю им такого подарка. Ты права. Я скрываюсь от них потому, что мне приятно думать, как они скрипят зубами от бессилия. Нельзя отказывать себе в подобном удовольствии, – заключил он. – Скажи Саксен-Кобург-Готам, чтобы катились ко всем чертям.

– Позже, – ответила я, и по одному этому слову он наконец все понял. Понимание разлилось по его лицу, как солнечные лучи на рассвете по полям, и он медленно покачал головой.

– Бедное дитя, – пробормотал он.

– Не смей. Я не позволю тебе меня жалеть, – предупредила я.

– Ты хочешь разгадать эту загадку не для того, чтобы они тебя полюбили, – сказал он, облачив в слова чувства, в которых я не смела признаться даже самой себе. – Желаешь сделать это, чтобы потом швырнуть им это в лицо.

Я осушила свой стакан и почувствовала прилив храбрости от обжигающего горло напитка.

– Что-то вроде того, – призналась я наконец.

Он надолго задумался, потом пожал плечами.

– Мотив не хуже прочих. Кстати, если спасешь жизнь человеку, а свою семью отправишь куда подальше, это может улучшить тебе настроение. Не думай, что я не заметил скрытого гнева, давящего на тебя в последнее время. И в этом я понимаю тебя лучше, чем кто бы то ни было. Ты была в ужасном настроении с тех пор, как мы раскрыли правду о твоём происхождении.

– Неправда! И, кстати, мы были знакомы всего несколько дней до того, как открыли правду. Откуда ты знаешь, какая я на самом деле? Может быть, это мое обычное состояние?

Он улыбнулся и сразу перешел к обсуждению деталей нашего расследования.

– Мы не можем забросить свои обязанности здесь, – предупредил он.

– Ну конечно, – согласилась я. – Нам просто придется работать быстрее и каждый день заканчивать дела по каталогизации до ланча. Тогда у нас будут вся вторая половина дня и вечер на расследование.

Он покачал головой.

– Ты сошла с ума. И я – тоже, раз позволяю тебе впутать меня в эту историю.

Я криво усмехнулась.

– Мы будем как Аркадия Браун и ее верный напарник Гарвин, – сказала я, вспомнив наших любимых детективных героев. Стокер утверждал, что не интересуется популярной литературой, но с тех пор, как я познакомила его с приключениями этой леди-детектива, он поглощал их одно за другим, продолжая делать вид, что ему чуждо подобное времяпрепровождение.

– Если надеешься, что я буду размахивать пистолетом и бегать за тобой как заяц с криками *excelsior*, то будешь ждать этого до Второго пришествия, – предупредил он. – Делаю это только потому, что знаю: я не смогу тебя отговорить, а тебе нужен человек, который бы прикрывал твой тыл, раз ты собралась иметь дело с убийцей.

Я улыбнулась и подняла свой стакан.
– Приключение начинается.

Глава 5

Будучи натуралистами, мы со Стокером подошли к вопросу расследования в сугубо академической манере. Во-первых, решили собрать как можно больше информации. Стокер должен был закончить чучело особо противного нильского крокодила, так что я, разобравшись со своими ежедневными обязанностями в Бельведере, воспользовалась случаем и погрузилась в изучение богатого собрания периодических изданий лорда Розморрана, по частичкам собирая все возможные сведения о деле Рамсфорта. На наше счастье, лорд Розморран был любителем газет и подписывался как на уважаемые широкополосные издания, так и на самые грязные таблоиды со всех уголков королевства, от Грейвсенда до Джон-о'Гротса. В более дешевых статьях ожидаемо нездорово смаковались все подробности, описывались потоки крови, которыми был залит убийца, а солидные издания высокомерно осуждали богемную жизнь и сопутствующее ей аморальное поведение. У нас не было возможности обследовать место преступления по свежим следам, но мы, во всяком случае, могли получить представление об этой истории со всех возможных точек зрения.

Я листала газеты до тех пор, пока у меня не заболели глаза, а пальцы не стали черными от типографской краски; важные пассажи я зачитывала вслух и конспектировала. Я убедилась, что Луиза сумела сообщить мне все неоспоримые факты в этой истории: Артемизия была мертва, а Майлз Рамсфорт, категорически отказавшись давать показания по этому делу, вскоре должен быть повешен за убийство. Все остальное могло стать предметом спекуляций. Одна скандальная газетенка называла его детищем Люцифера, а более качественная пресса, кажется, считала его щеголеватым, обаятельным джентльменом, который благородно предпочел хранить молчание и скорее пойти на виселицу, чем своим признанием спровоцировать дальнейшие скандалы. Беременность Артемизии обсасывалась, как мозговая косточка, неистовыми журналистами бульварных изданий и аккуратно замалчивалась их более образованными собратьями. Единственное, на чем все сходились: чем быстрее его повесят, тем будет лучше для всех.

Самое подробное описание обнаружилось в грязной газетенке под названием «Дейли Харбинджер», в специальном выпуске с цветными иллюстрациями места преступления, и я помахала им перед лицом

Стокера.

– Прекрасное изображение Майлза Рамсфорта. В широкополосных изданиях он выглядит очень респектабельно, но «Харбинджер» представляет его настоящим злодеем. И все же я думаю, что он довольно красив или был бы красивым, если бы не такой подбородок.

Стокер подошел и заглянул через мое плечо.

– Слабый, – согласился он, – конечно, потому он и отрастил себе эти бачки.

Стокер погладил нижнюю часть лица с довольным видом и имел на это право: я редко встречала мужчин с такими решительными подбородками.

Я перевернула страницу и увидела кровожадное изображение места преступления – спальни Майлза Рамсфорта. В других обстоятельствах это была бы очень элегантная комната: обставленная в стиле Тюдоров, с обилием предметов из старого дуба, начиная от филенчатых стеновых панелей и заканчивая кроватью на четырех столбиках с балдахином, с длинным бордовым пологом. Я представила, какой уютной могла быть эта кровать с задернутыми занавесями, теплой красной норкой, в которой так и хотелось примоститься холодной ночью, и всмотрелась внимательней.

– Смотри, как ужасно. Они постарались изобразить кровь такого же цвета, как и полог, – заметила я, вздрогнув при виде красной лужи под кроватью. Эта лужица была неправильной формы, и, прочитав соответствующий фрагмент статьи, я поняла, почему.

– Здесь сказано, что убийца в какой-то момент ступил в кровь.

– Да с убийцы она должна была прямо-таки стекать, – заметил Стокер и вернулся к своей работе: ему нужно было аккуратно вставить глаз крокодилу. Он пустился в технические объяснения того, что из артерий кровь идет быстрым пульсирующим потоком, совсем не так, как из вен.

– Однажды я оказался рядом с парнем, которому ядром оторвало полголовы во время бомбардировки Александрии, – с воодушевлением закончил он. – Кажется, мы все просто купались в крови.

– Очевидно, именно поэтому полиция исключила всех остальных подозреваемых в убийстве, – заметила я, возвращаясь к статье. – Они осмотрели одежду и обувь всех присутствующих: и гостей, и прислуги. Тут говорится, что на Оттилии Рамсфорт, которая иначе могла быть вполне подходящим подозреваемым, было белоснежное платье, на котором не нашли ни капли крови. Только Майлз Рамсфорт был весь в крови.

– Если он не совершал этого преступления, как тогда он предлагает это понимать?

Я отложила газету.

– Он сказал, что наступил на кровь, когда обнаружил тело, и утверждал, что его одежда пропиталась кровью, потому что его так шокировало это происшествие, что он поднял убитую на руки.

– Довольно шаткие показания, – заметил Стокер, и я была с ним согласна.

– Кажется, именно после этого он и перестал общаться с полицией. Сначала он сделал заявление, утверждая, что невиновен, но, кроме этого, ничего не сообщал. Он не стал помогать даже своим солиситорам: сказал, что если они не могут спасти его без его собственных показаний, то, значит, он и не заслуживает спасения.

– Странно занимать такую позицию, когда на кону – жизнь, – вставил Стокер.

Только мы решили послать за рыбой и картошкой навынос, чтобы без церемоний поесть вдвоем в Бельведере, как из главного дома пришла записка. Я открыла ее грязными пальцами и, прочитав, громко выругалась.

– Что там? – спросил Стокер.

Я передала ему листок.

– Требуют нашего присутствия за поздним ужином. Кажется, леди Веллингтония прибыла раньше, чем ожидалось, и ей не терпится со мной познакомиться. Нас просят прийти вовремя.

Стокер взглянул на напольные часы и пробормотал что-то непечатное. У нас оставалось меньше четверти часа для того, чтобы привести себя в приличный вид, но у меня под рукой всегда было запасное платье, так что, наскоро умывшись здесь же, в туалетной комнате, и надев черный шелковый наряд, я смогла значительно изменить к лучшему свою внешность. У Стокера не было времени сбрить черную растительность на подбородке, но он тоже успел умыться и сунул руки в вечерний сюртук, а вокруг шеи вместо шейного платка повязал жалкий кусок черного шелка, и мы поспешили в дом. Собаки, привыкшие к тому, что Стокер всегда подкармливает их кусочками со стола, припустили за нами и отстали только в последнюю минуту, погнавшись за кроликом. Мы вошли в гостиную как раз под звук гонга, слегка запыхавшиеся и все еще немного чумадые для приличного ужина.

Когда мы вошли, в комнате было тихо, за исключением веселого гомона попугайчиков-неразлучников леди Корделии, сидевших в клетке в углу. Думая, что меня никто не видит, я поднесла руку к волосам, пытаясь закрепить шпилькой непослушный локон.

– Юная особа, вы выглядите как вакханка. Вы специально так нарядились, чтобы озорничать в кустах?

Пожилая женщина вышла из тени позади клетки. Она шла вперед медленно, крепко сжимая шишковатой рукой трость из слоновой кости; но мне почему-то показалось, что она использует ее скорее как символ власти, чем как предмет, поддерживающий ее ослабшие ноги.

Вопрос, очевидно, был риторическим, а потому я и не пыталась на него ответить, а просто стояла, опустив руки, и наблюдала, как она, приблизившись, принялась осматривать меня с головы до пят.

Я воспользовалась случаем и тоже рассмотрела ее. Она была выше остальных Боклерков, а спина ее была такой прямой, что никакому шесту и не снилось. Голова высоко поднята, и хотя возраст и склонность к полноте сгладили ее черты, это не коснулось глаз. Они были черными и все еще красивыми той красотой, какой славятся глаза у сокола: зоркие и неумолимые. Нос также напоминал клюв, а подбородок был немного острым для того, чтобы казаться красивым. Очевидно, она никогда не была красавицей, но я легко могла представить ее в роли обаятельной дурнушки, способной привлекать к себе внимание хотя бы своей живостью.

– У вас хорошая осанка, – сказала она наконец. – Это говорит о твердых основах. Кто бы вас ни воспитывал, они знали, что делали.

– Меня вырастили мои тетки, – сказала я ей, выбрав более простую, официальную, версию. – Одна из них была доброй, другая – нет. Вторая пришивала мне на воротник листья падуба, чтобы я не опускала подбородок.

Она кивнула.

– Меня каждый день на время уроков привязывали к доске. Мой отец считал, что учеба дает девочкам лишь скрюченную спину, так что такой своеобразный корсет был единственной возможностью для меня получать образование. Вот так я и выучила Горация, – сурово закончила она. – А вы дитя Спидвелл, правильно? Я леди Веллингтония Боклерк. Можете называть меня леди Велли. Я не люблю церемониться, как вы уже и сами, несомненно, поняли.

– Вы любовались птицами, – сказала я, чтобы завязать беседу. Я указала на клетку, в которой попугайчики-неразлучники леди Корделии, Кратет и Гиппархия, неразборчиво болтали, глядя на нас.

– Милые создания, – сказала леди Веллингтония. – Но они ни на минуту не прекращают этот адский шум. Я как раз собиралась открыть клетку и запустить туда кошку. Или это жестоко? Может быть, стоит просто их задушить и разом покончить с этим?

Я не знала, что ответить, но мне на помощь пришел Стокер.

– Добрый вечер, леди Велли, – сказал он, галантно склонившись к ее

руке. Он коснулся руки губами, и старая дама жеманно улыбнулась.

Затем она подставила ему напудренную щеку.

– Привет, мой мальчик. Поцелуй старушку, теперь в другую и еще пожми мне руку, как ты умеешь.

Стокер подчинился, а затем отошел, улыбаясь.

– Рад снова видеть вас, леди Велли.

– Ах ты проказник, – сказала она, постучав его веером по костяшкам пальцев. – Мы не виделись больше шести месяцев. Мне нравится твой новый питомец, – добавила она, кивнув в мою сторону.

Стокер прыснул, а я больно ткнула его под ребра.

– Ну все, хватит, – сказала я и повернулась к леди Веллингтонии.

– Мы со Стокером вместе работаем над проектом его светлости – открыть в Бельведере музей, доступный для публики, – сказала я ей.

Она закатила глаза.

– Какая бесславная идея. Кому нужно, чтобы публика шаталась по саду, разбрасывая повсюду обертки от сладостей, пустые бутылки и бог знает какой еще мусор?

– Вы не считаете, что у людей должен быть доступ к экспонатам, представляющим достижения человеческого ума: собраниям искусства и результатам исследований?

На ее губах заиграла легкая улыбка.

– Думаете, простого человека волнуют подобные вещи? Нет, дитя. Ему нужны полный живот, теплые ноги и крепкая крыша над головой. Но мне нравится ваш идеализм. Это очень обаятельно, только обещайте от него избавиться к тридцати годам. Женщина за тридцать не может позволить себе быть идеалисткой.

– Мне кажется, это очень цинично, – ответила я.

Она скорчила гримасу.

– Стокер, девочка считает меня циничной.

Стокер спокойно взглянул на нее.

– Девочка будет думать о вас еще хуже, когда познакомится с вами поближе.

Я замерла от такой грубости, но леди Веллингтония запрокинула голову и громко рассмеялась.

– А теперь пойдем к ужину, потому что, если я сяду в одно из этих нелепых кресел, боюсь, уже не встану, – сказала она, строго взглянув на низкие кресла, и повернулась ко мне.

– В мое время кресла делались не для удобства. У них было одно предназначение – чтобы зад не касался пола, вот и все. Хорошо, что

Корделии здесь нет. Она милая девочка, но мигом лишилась бы чувств, если бы услышала, что я в приличном обществе употребляю слово «зад». Знаете, это основное преимущество старости. Я могу говорить все, что заблагорассудится, и меня прощают, потому что я знала Моисея, когда он еще лежал в корзинке в камышах.

Она взяла Стокера под руку.

– Веди меня к ужину, мой мальчик. Мисс Спидвелл, боюсь, вам придется идти одной.

Стокер послушно проводил ее в маленькую комнату для ужинов, а не в большую столовую Розморранов. Стол был накрыт на четверых, и, когда мы уселись, я вопросительно приподняла бровь.

– Его светлость спустится к ужину? Или леди Корделия?

Прежде чем ответить, она внимательно проинспектировала холодного лосося под майонезом на приставном столике.

– Нет, дитя. Розморрана сегодня немного лихорадит, и я велела кухарке отправить ему наверх холодец и хороший бланманже. А Корделия с детьми уже уехала.

Она кивнула в сторону пустующего стула.

– Это для моей тени, если только он достаточно взбодрится для того, чтобы прийти. Он всегда опаздывает.

Только я начала подозревать, что пожилая леди немного не в своем уме, как дверь открылась и вошел священник; бормоча извинения и оттягивая воротник-стойку, он занял свое место.

Приставив к уху слуховой рожок, он кивнул леди Велли.

– Прости, Велли, но библиотека его светлости всегда так затягивает меня, что я просто забываю о времени.

Леди Велли вздохнула и заговорила с ним, возвысив голос и четко произнося каждое слово.

– Сесил, я видела, как ты забывал о времени, просто сравнивая длину шнурков на ботинках. Библиотека его светлости тут ни при чем. Тебе не хватает дисциплинированности, – проворчала она. Но в голосе ее слышалась нежность. Она махнула вилкой.

– Познакомься с мисс Спидвелл.

Священник повернулся ко мне.

– Я преподобный Сесил Баринг-Понсонби. Совершенно никак не связан с Бессбороу Понсонби, – строго добавил он.

Я напрягла память, чтобы припомнить, что Понсонби – фамилия семьи графов Бессбороу, семейства, известного своей эксцентричностью с начала века, когда одна молодая леди из этого клана стала любовницей лорда

Байрона и посылала ему в письмах свои локоны, срезанные не с головы.

– Сесил, ты всем говоришь об этом еще с тех пор, как была жива леди Каролина Лэмб. Никому до этого нет дела, – строго сказала старая леди, подцепив на вилку еще один кусочек лосося.

– Стокер, ты помнишь мистера Баринга-Понсонби. Он все еще жив, как видишь. Сесил, – позвала она, возвысив голос, и он снова приложил к уху слуховой рожок. – Это Ревелсток Темплтон-Вейн. Вы с ним раньше встречались, но ты не вспомнишь, поэтому просто кивни, чтобы не казаться невежливым. Он, кстати, достопочтенный[3]. Сын виконта, который никогда мне не нравился.

Джентльмены сердечно приветствовали друг друга, а затем Стокер повернулся к хозяйке.

– Леди Велли, что привело вас в Бишопс-Фолли на этот раз?

– Предполагается, что мы все должны развлекать беднягу Розморрана. Хотя, между нами, очень уж это глупо выглядит: споткнуться о собственную черепаху. Чудное создание. Такое массивное и с таким забавным лицом; черепаха, не Розморран. Кстати, Сесил, мне только что пришло в голову, что ты очень похож на Патрицию.

– Что такое? – спросил он, приставив руку к уху.

– Я сказала, что ты похож на Патрицию! На черепаху его светлости! – прокричала она. Теперь, когда она это сказала, я не могла отделаться от мысли, что она права: сходство было заметно. Я была почти уверена, что мистер Баринг-Понсонби оскорбится, но он только пожал плечами и вернулся к лосою под майонезом.

Леди Веллингтония повернулась ко мне.

– Мне непременно нужно зайти в Бельведер, пока я здесь. Я не была там уже лет сорок. Наверно, он все так же забит всяким мусором?

– В коллекции содержатся также редчайшие объекты искусства и естественной истории, – упрямо ответила я. Может быть, в этом собрании и правда куча мусора соседствовала с редкими сокровищами, но я не могла позволить никому, кроме нас, думать о нем слегка пренебрежительно.

– Ничего себе! Ты слышал, Сесил? Меня отругали! Все в порядке, дорогая. Вы не должны обращать внимания на мои капризы. Я счастлива, что вы смогли сегодня со мной поужинать. Мне так хотелось увидеть вас и сопоставить наконец лицо с именем.

Она окинула меня долгим оценивающим взглядом.

– И правда мисс Вероника Спидвелл.

– Вы очень любезны, – ответила я.

Она разразилась громким грудным смехом, которого совершенно не

ожидаете обычно от дамы столь преклонных лет.

– Я совершенно не любезна. Спросите кого угодно.

– Да, я тоже так думаю, – сказала я ей. – Просто пыталась проявить вежливость.

К моему изумлению, она довольно отвратительно улыбнулась: стало видно несколько гнилых зубов. Она подняла бокал.

– Я решила, что мы станем прекрасными друзьями, мисс Спидвелл.

Я подняла свой бокал в ответном жесте и быстро осушила его, не вполне уверенная в том, польщена ли я такой перспективой или обеспокоена. В какие бы странные игры она ни пыталась играть вначале, сейчас она их отбросила, и мы с удовольствием разговорились. Мистер Баринг-Понсонби время от времени вставлял очень разумные замечания, да и Стокер казался прекрасным рассказчиком, но более всего в этот вечер мне было интересно слушать леди Велли. Она была удивительной женщиной, и чем больше событий из ее прошлого мне приоткрывалось (места, где она побывала, люди, с которыми была знакома), тем сильнее мне хотелось узнать ее лучше.

– Вы прожили очень интересную жизнь, – заметила я после одной особенно занимательной истории с участием эрцгерцога Австрийского.

– Я вас шокировала? Не забывают: я родилась совсем в другие времена, мисс Спидвелл. Девственность – это завет королевы Виктории. Мы были не настолько зашорены, – сказала она мне. – Послушайте моего совета и избавляйтесь от своей как можно скорее.

Меня позабавила мысль о том, что было бы, если бы я рассказала ей, что уже благополучно ее лишилась лет семь назад в очень приятных обстоятельствах, на живописном горном склоне в Швейцарии.

– И если вы достаточно благоразумны, то должны поручить это дело ему, – добавила она, бросив многозначительный взгляд через стол на Стокера, который что-то кричал в слуховой рожок мистера Баринга-Понсонби.

Как раз в этот момент Стокер повернулся и с любопытством посмотрел на нас.

– О чем это вы там говорите? Вы обе покраснелись.

– Мы обсуждали лошадей, – сказала леди Веллингтония, – и как трудно порой найти хорошего жеребца для верховой езды.

Его ответ был трогательно наивным.

– Если вам нужна рекомендация, у меня есть пара знакомых по этой части.

Я подавила смешок, а леди Веллингтония наградила его очень мрачной

улыбкой.

– Не сомневаюсь, мой дорогой мальчик, не сомневаюсь.

Затем она вновь повернулась ко мне, а он вернулся к разговору со старичком священником.

Мы беззаботно болтали до тех пор, пока не принесли пудинг. Леди Веллингтония передернула плечами в предвкушении:

– Яблочный снежок! – воскликнула она. – Мой любимый!

Она посмотрела на мистера Баринга-Понсонби, который задремал, еще когда подавали сыр. Стокер с аппетитом набросился на свою порцию, и суровые черты лица леди Велли смягчило выражение искренней привязанности.

– Я обожаю Стокера. Если бы я могла иметь сына, то хотела бы именно такого. Но все это деторождение – очень дурное занятие, – мрачно добавила она. – Избегайте его по возможности.

– Да, я так и собираюсь, – ответила я.

– Умница девочка.

Она кивнула и подмигнула мне, а я принялась за яблочный снежок. Я небольшой любитель сладостей, но кухарка превзошла саму себя, дополнив десерт кремом англез. О любви Стокера к сладостям можно слагать легенды: он уже дочиста выскреб свою миску и, как я с любопытством заметила, тайком поменял ее на нетронутую порцию дремавшего мистера Баринга-Понсонби.

Я повернулась к леди Велли.

– Вам нужно писать мемуары, – сказала я ей.

Она лишь отмахнулась.

– Если прожить с мое, обязательно будет что припомнить за столько лет. Дитя мое, я старше Нила. Кстати, о Ниле... – Она замолчала и отдала быстрое распоряжение дворецкому Люмли. На мгновение он изменился в лице.

– Не будь таким занудой, Люмли, – сказала она ему. – Я уже готова пить чай, и мне совершенно не интересно тащиться самой и тащить мисс Спидвелл обратно в гостиную и ждать его там. Мы выпьем чай здесь, пока джентльмены будут пить портвейн. Подозреваю, ради этого мистер Баринг-Понсонби даже проснется.

Люмли побледнел, но низко поклонился.

– Конечно, миледи.

Люмли, как обычно и бывает со старшей прислугой, крепче держался за традиции, чем семья, в которой он служил. То, что леди Веллингтония не захотела удаляться после ужина в гостиную, как положено дамам,

шокировало его не меньше, чем если бы мы все начали срывать с себя одежду и танцевать на столе.

Но он не мог ослушаться приказа, а потому вскоре появился с графином портвейна для мужчин и чайным сервизом, подобных которому я еще не видела. От восторга я даже задержала дыхание, и леди Веллингтония посмотрела на меня одобрительно.

– Так и думала, что вам понравится. Это Веджвуд[4], – сообщила она. Но такой Веджвуд не попадался мне никогда в жизни. Набор был выполнен в глубоком матовом бордовом цвете, стилизован под древнюю глиняную посуду, и по каждому предмету шел рельефный черный узор. И что это были за узоры! Сфинксы и различные животные перемежались с широко раскрытыми крыльями и шли по кругу на каждой чашке, а на чайнике ручка была сделана в виде крокодила.

– Его изготовили в честь победы Нельсона в Египетской кампании Наполеона. Забавный, правда?

– Потрясающий! – ответила я.

Пока мы пили чай, она вновь начала вспоминать людей, с которыми была знакома, совершенно не хвастаясь, а просто припоминая их странности и разные интересные истории. Не знаю, что на меня нашло, но я почему-то подумала, что она может быть нам полезна в нынешнем расследовании.

Мистер Баринг-Понсонби проснулся, когда внесли портвейн, и они со Стокером принялись за него, по достоинству оценив лучший тони[5] лорда Розморрана.

– Интересно, леди Веллингтония, вы когда-нибудь встречались с сэром Фредериком Хэвлоком?

– Фредди? Сто лет его не видела! – сказала она, и ее глаза подернулись дымкой воспоминаний. – Знаете, он дважды писал меня. В первый раз это был милый портрет для Королевской академии, еще до того, как он взбесился и его вышвырнули оттуда за то, что он ударил президента на открытии. Тот позволил себе колкое замечание об одной из его работ, а Фредерик никогда не выносил критику. В чем-то похож на этого, – добавила она, кивнув в сторону Стокера. – Все сражается с ветряными мельницами. Его за это же выгнали в прошлом году из Королевского музея естественной истории.

Я уставилась на Стокера.

– Ты кого-то ударил?

Он пожал плечами, потягивая вино.

– Того, кто этого заслуживал.

Леди Велли издала свой хриплый смешок.

– Я в числе покровителей этого заведения, проще говоря, я даю им деньги, а они приглашают меня на все мероприятия. Стокер давно уже был в немилости, но я брала его в качестве своего кавалера на все торжества, и никто не смел даже пикнуть. Так бы и продолжалось, если бы Стокер не начал возражать против одной из экспозиций.

– А что в ней было такого спорного? – спросила я.

Стокер сжал губы, начиная злиться просто от воспоминания о прошлом.

– Директор выставил чучела высших приматов, чтобы продемонстрировать эволюцию человека согласно теории Дарвина.

– Звучит вполне разумно, – заметила я.

– В конце этого ряда он поместил живого африканца в львиной шкуре, в цепях, – сказал он в гневе, будто выплевывая слова.

– И все его старания привели лишь к тому, что ему выбили зуб, – напомнила леди Велли. Потом она повернулась ко мне.

– Четверо мужчин еле оттащили от него Стокера. А я тем временем выяснила, что этот молодой парень – квалифицированный кондитер в поисках работы, забрала его с собой и пристроила в мой любимый отель. Если будете обедать в Садбери, дорогая, не забудьте заказать на десерт крокембуш а-ля Боклерк. Это его фирменное блюдо, – посоветовала она мне.

Я представила себе, как Стокер нападает на директора академии, и с трудом сдержала улыбку.

– Вы сказали, что сэр Фредерик писал вас дважды, – напомнила я леди Велли. – Приятно было ему позировать?

– Приятно? Ни капельки. Он, кажется, взял себе за образец Караваджо. Ничего, кроме перегара и шаловливых рук. Я больше отбивалась от него, чем позировала. Но второй портрет был просто прекрасен, – задумчиво добавила она. – Я была совершенно обнаженной. Он, конечно, написал меня в маске, чтобы никто не узнал. Но портрет был потрясающим. Он висит на стене в баре клуба «Геликон».

Стокер вдруг сильно закашлялся и никак не мог прийти в себя.

– Я его видел, – выдавил он наконец.

– Неплохо, правда? – спросила она, подмигнув.

– Потрясающе, – с чувством ответил он, подняв за нее бокал.

Она вздохнула.

– Мне было чуть за сорок, когда Фредерик меня написал. Последний цвет красоты.

Она вновь посмотрела на меня.

– Дитя мое, непременно нужно, чтобы он и вас написал. Сейчас у вас лицо греческой богини, но однажды вся красота начнет сползать, и кончится все тем, что ваша грудь будет болтаться у талии.

Мистер Баринг-Понсонби поднес к уху рожок.

– А? Что такое?

Леди Велли повысила голос.

– Мы говорили про женскую грудь, Сесил.

– Грудь – это прекрасно, – пробормотал он и сразу же начал снова клевать носом, а через минуту послышался и приглушенный храп. Она посмотрела на него с обожанием.

– Он как комнатная собачонка, мой старичок. Приятная компания в моем старческом маразме. Но болтается как ослиные причиндалы.

Стокер снова зашелся кашлем над стаканом с портвейном, а я никак не могла придумать подходящего ответа. Леди Велли беззаботно продолжала.

– Дети, я старше Темзы и даже с этим смирилась. Но у меня в запасе есть еще несколько лет до того, как смерть пригласит меня на танец, и я собираюсь насладиться ими не меньше, чем всеми предыдущими. А теперь скажите-ка мне, зачем вам понадобился Фредди Хэвлок.

Не успела я придумать подходящего ответа, как заговорил Стокер.

– Работы Чарльза Уилсона Пила подали мне интересную идею: я хочу совершенно по-новому организовать экспозицию различных биологических видов в Бельведере у его светлости. Собираюсь поместить их в среду, приближенную к реальным условиям обитания. И если позади каждой экспозиции расположить соответствующую картину, детальную и написанную специально для этих целей, мы создадим таким образом эффект, которого еще никому до нас не удавалось достичь.

Я устала на него.

– Стокер, это же гениально!

Но тут я поняла, что мы должны быть заодно, а значит, я должна была знать об этом плане и не выдавать своего удивления.

И леди Велли было не провести.

– Вам был неизвестен этот замысел, правда, мисс Спидвелл?

– Впервые о нем слышу, – честно ответила я.

– А почему же тогда вы так хотели познакомиться с сэром Фредериком? – спросила она, испытующе глядя на меня. Уголки ее губ тронула улыбка, она будто чувствовала мое замешательство, и оно ее забавляло.

– Я хотел, чтобы это стало сюрпризом для мисс Спидвелл, – солгал

Стокер не моргнув глазом, – но предложил ей познакомиться с сэром Фредериком, чтобы изучить его работы.

Она медленно кивнула, будто нехотя принимая такое объяснение.

– Да, Фредди уникален и когда-то по достоинству оценил бы этот проект, но не сейчас.

– Почему не сейчас? – спросила я.

Леди Велли развела руками.

– Фредди – практически калека, – решительно сказала она. – Несколько лет назад у него начались приступы дрожи в конечностях. У него хватало сил, чтобы заниматься повседневными делами: писать письма, бриться – но он не мог уже держать кисть больше нескольких часов подряд. Он сделал себе имя как раз на размере своих полотен: масштабные, огромные картины, больше самой жизни, вот они какие. Вам нужно посмотреть на мой портрет в клубе «Геликон», мой бюст там размером с младенца, – сказала она, хрипло рассмеявшись. – Но в нынешнем состоянии, когда он не может работать долго, полотно такого размера заняло бы у него годы. Он пробовал себя в миниатюрах, но для них нужна тонкость, на которую он больше неспособен. И он занялся дизайном мебели и перестройкой дома. Устрашающая громадина – внутри выглядит как Королевский павильон в Брайтоне.

– Хэвлок-хаус?

– Да, он, – кивнула она. – Ему от отца досталось приличное наследство. Вы слышали о Септимусе Хэвлоке?

Она поочередно посмотрела на меня и Стокера, и мы закивали.

– Да, Септимус был очень известным художником своего поколения. Портрет королевы Виктории в день коронации обеспечил ему попадание в Королевскую академию в беспрецедентно раннем возрасте, в семнадцать лет. Он написал всех коронованных особ в Европе, а закончил свои дни при дворе русских царей в качестве их личного художника. В общем, Фредди на жизнь вполне хватит его наследства.

Она замолчала и потянулась к миске с орехами и щипцам и увлеченно начала колоть орехи, а мы ждали, когда она закончит свой рассказ.

– Пока Фредди был молод, он не интересовался этим наследством. Хотел сам заработать много денег. Молодец, что тут скажешь. Нельзя полагаться только на семейные связи, – добавила она, многозначительно посмотрев на Стокера. – Если у человека есть таланты, нужно использовать их на благо королевы и страны.

Стокер рассматривал свои ногти и ничего не ответил.

– И сэр Фредерик сумел добиться успеха, – напомнила я.

– Да, это правда, – согласилась она. – Он был очень талантливым художником на своем уровне, но ему было не сравняться по гениальности с отцом, и это было для него болезненно, – сказала она мне, подтвердив свои слова уверенным кивком. – Когда тело Фредерика стало ему отказывать, он построил это удивительное монструозное здание на краю Холланд-парка, нечто среднее между жилым домом, студией и картинной галереей. Он хотел организовать клуб для поклонников искусства, чтобы они могли собираться там и устраивать дискуссии, а также пристанище для подающих надежды молодых художников.

– Очень великодушно с его стороны, – заметила я.

Леди Велли хмыкнула.

– Великодушно, да. Фредди может быть очень великодушным, но только когда ему самому это выгодно.

– А чем ему выгодно это предприятие?

– С ними он пытается играть бога. Он советует им, какую плату брать за свои работы, в какой художественной манере писать, с кем спать. Когда вокруг него толпятся все его юные протеже, он чувствует себя все еще важной персоной, таким *pater familias* для этой перспективной молодежи. Он знакомит их с богатыми покровителями – у этих людей денег больше, чем вкуса, и они могут позволить себе платить много за то, чтобы их научили, что нужно любить.

Мое сердце взволнованно забилось. Я все гадала, как лучше подвести леди Велли к разговору о Майлзе Рамсфорте, но она и сама подошла вплотную к этой теме.

Я широко раскрыла глаза и придала лицу самое невинное выражение.

– А не связан ли сэр Фредерик с бедным мистером Рамсфортом?

Темные глаза леди Велли блеснули.

– Майлзом Рамсфортом? Да, связан. Но странно называть его «бедным», девочка моя, если он убийца, приговоренный к смертной казни, – мягко добавила она.

– А вдруг он невиновен? – заметила я. – Он не предоставил никакого алиби.

– Что как раз и указывает на его виновность, – возразила леди Велли. – Но я вижу, вы оптимистка, мисс Спидвелл. Я часто наблюдала эту черту в лепидоптерологах.

– Я тоже ей об этом говорил, – вмешался Стокер.

Леди Велли задумчиво посмотрела на меня.

– Да, охотники на бабочек любят сложную погоню за красотой, которая может ускользнуть прямо из-под носа. Но странное это занятие –

охотиться на бабочек, а не на тигров, – тихо добавила она. – Вы собственноручно умерщвляете живые существа, правда, мисс Спидвелл? Интересно, сможете ли вы остановиться на бабочках?

Я потянулась к чашке и осторожно обхватила пальцами теплый фарфор.

– Смерть – это необходимый противовес жизни, леди Веллингтония.

Она вновь хрипло рассмеялась.

– Не стоило мне говорить об этом, мисс Спидвелл. Ведь я гораздо ближе к ней, чем вы.

В этот момент мистер Баринг-Понсонби громко всхрипнул и сам от этого проснулся.

– А? Что такое? Да, вот теперь я готов съесть пудинг, – сказал он, потирая руки. Он посмотрел в свою пустую миску с остатками крема англез на доньшке. – О, кажется, я его уже съел. Какая жалость!

Стокер придал своему лицу выражение ангельской невинности, а леди Велли поднялась.

– Ничего страшного, Сесил. Ты и так толстый.

Стокер предложил ей руку, а мистер Баринг-Понсонби пошел со мной. Час был поздний, напольные часы в прихожей отбили четверть первого ночи, когда мы вышли из маленькой комнаты для ужинов.

– Я должна поблагодарить вас обоих за очень интересный вечер, – сказала леди Веллингтония. Стокеру она подставила щеку для поцелуя, а мне просто протянула руку. На ней были старомодные кружевные митенки, дорогие лоскутки, которые не могли скрыть дряблость ее рук и уж точно не грели ее, но она носила их лишь для того, чтобы показать: у нее достаточно денег на безделушки.

Я слегка коснулась шишковатой руки, осторожно, чтобы не дотронуться до пальцев с раздутыми суставами. Они были унижены тяжелыми кольцами со старыми мутными бриллиантами.

Она медленно кивнула.

– Дайте мне знать, что у вас выйдет с Фредди, – сказала она, и мне показалось, что она при этом подмигнула. – Он не сможет написать вам ваши пейзажи, но, думаю, у него есть кто-то, кто на это согласится.

На этом она пожелала нам спокойной ночи, и из теплого и светлого главного дома мы вышли в темный сад с тяжелым от сгущающегося тумана воздухом. Для нас оставили фонарь, и Стокер нес его, освещая нам тропинку к Бельведеру, а собаки преданно бежали за нами. Не сговариваясь мы решили устроиться в нашем укромном уголке в Бельведере и пропустить по последнему стаканчику, вместо того чтобы расходиться на

ночь по отдельным домикам, где обычно только спали.

Лорд Розморран великодушно обеспечил нас крышей над головой, разрешив нам выбрать себе для проживания по домику, из тех, что были рассеяны по всему имению; каждый был украшен в каком-нибудь причудливом стиле, но все снабжены современными удобствами. Большинство молодых англичан, отправляясь в Гранд-тур, тратили деньги на коллекционирование предметов искусства и социальных недугов, но мужчины из рода Боклерков приобрели целую коллекцию небольших домиков, потратив на их транспортировку в Лондон огромные усилия и целое состояние. Время от времени их использовали как домики для игр, купальни, летние дома, гостевые дома, а в одном примечательном случае даже как хижину отшельника.

Но когда там поселились мы со Стокером, от отшельников не осталось и следа. Он выбрал себе китайскую пагоду, а я – готическую часовню с маленькими милыми горгульями и сводчатым потолком, расписанным звездами. К большому счастью, там было проложено некое подобие водопровода и проведен газ, так что уровень жизни в наших небольших жилищах оказался весьма удовлетворительным.

«Эх, если бы и остальные уголки этого имения были бы так же хорошо обжиты», – думала я по пути к Бельведеру. По лондонским меркам это была очень большая усадьба, хоть и могла показаться довольно скромной человеку, владеющему тридцатью тысячами акров в Корнуолле. Но просторы, очень удобные для лордов со страстью к коллекционированию всего на свете, требовали также и постоянного ухода, и за этим было крайне сложно следить. Между нашими маленькими домиками и Бельведером располагался стеклянный дом – здание с чугунными литыми перекрытиями наподобие Хрустального дворца. Точнее говоря, это была его модель, построенная самим Джозефом Пакстоном, когда тот трудился над вариантами павильонов для Всемирной выставки. Когда-то он был потрясающей оранжереей для растений и птиц, которые коллекционировал отец нынешнего лорда, но сейчас стал просто бельмом на глазу: разбитых окон больше, чем целых, бурно разросшаяся вокруг здания сорная трава усеяна осколками стекла. Он был скрыт от главного дома зарослями граба, и наш покровитель, вероятно, из года в год просто не вспоминал о нем. Это было очень обидно. Строение являлось чудом современной инженерной мысли: в нем металл и стекло превратились в изящную кружевную конструкцию, неподвластную силе тяжести, парящую, будто хрустальный собор, ловящую и преумножающую любой солнечный луч. По крайней мере, такой она была, с грустью подумала я, до тех пор пока плохая погода

и небрежение не сделали с ней своего черного дела. А теперь дом стоял сторбленный и молчаливый, будто измазанный грязью, в тумане, как бы стыдясь своего изуродованного величия, как куртизанка в оспинах, случайно застигнутая при свете дня.

– Лорд Розморран должен что-то с ним сделать, – проворчала я. – Лучше уж вовсе снести его, а пространство использовать для чего-то более полезного.

– Типа теннисного корта? – с иронией спросил Стокер. Нас объединяло презрение к организованным видам спорта.

– Типа стрельбища, – возразила я. – Мне бы не помешало место, где можно спокойно практиковаться.

– Когда рак на горе свистнет, – ответил Стокер. Вдруг он остановился, а потом так резко дернулся назад, что я врезалась ему в спину – груды мышц, непроходимую, как стена. Собаки, почуяв его настроение, начали крутиться вокруг нас, обнюхивать землю и подвывать.

– Стокер, что случилось, черт возьми?!

Он остановился прямо перед входом в Бельведер, ничего не сказал, но высоко поднял фонарь и кивнул головой в сторону двери. Она была закрыта, так же, как после нашего ухода, но теперь к ней канцелярской кнопкой был прикреплен клочок бумаги.

Стокер оторвал записку и поднял фонарь так, чтобы нам обоим было видно. Это был простой листок писчей бумаги, и на нем жирными и грязными (явно писали плохо чиненным пером) заглавными буквами, почти насквозь продиравшими клочок бумаги, было написано:

ДЕРЖИСЬ ПОДАЛЬШЕ ОТ ЭТОГО —

ИЛИ ТЕБЯ ЖДЕТ ТА ЖЕ УЧАСТЬ

Собаки, до того кружившие около нас и подвывавшие, вдруг сорвались с места и бросились вглубь сада, лая, как свора охотничьих псов, выследивших лису, а от задней стены стеклянного дома отделилась какая-то тень и пустилась бежать, полы черного плаща развевались у нее за спиной, как крылья падшего ангела.

Стокер сразу же помчался вслед за собаками, выхватив нож из голенища сапога. Подбрав юбки и высоко подняв их обеими руками, я побежала за ними, продираясь через живую изгородь и прислушиваясь к

лаю собак. Никто из нас не подумал захватить фонарь, и в темноте я обо что-то споткнулась (опять эта несчастная Патриция, заметила я с некоторым негодованием) и упала, а к тому моменту, когда поднялась на ноги, преследование уже закончилось. Стокер вместе с собаками возвращался назад, мокрый от густого тумана и дрожащий от ярости.

– Поймали?

– Ушел, – с горечью ответил он, стягивая с себя промокшие сюртук и жилет. – Пролез в дыру в ограде в восточном углу, где осыпались кирпичи. Все, что мне оставалось делать, – не пускать собак следом.

– Бесплезные создания, – сказала я, запустив их внутрь и выдав каждой по мозговой косточке за труды. – Они могли как минимум добыть нам какую-нибудь зацепку.

Стокер снял рубашку, вытер ею мокрое лицо и сырые волосы и надел обратно.

– Но они добыли, – сказал он, победно улыбнувшись. Он протянул мне лоскуток, дюйм на два, не больше.

– Что это?

Я покрутила тряпочку в руках: простая шерстяная ткань, аккуратные стежки.

– Кто бы это ни был, он был в плаще. Гексли удалось ухватить его зубами за подол и оторвать кусочек, пока этот тип пробирался сквозь щель в стене.

– Хотя бы ты заслужил свою косточку, – сказала я Гексли, бросив осуждающий взгляд на Бет. Она радостно сопела, обгладывая свою совершенно не заслуженную награду.

– Можешь что-нибудь понять по ткани? – спросила я Стокера, возвращая ему лоскуток.

Он пожал плечами.

– Ничего особенного. Но все-таки это своеобразная подсказка. Интересно, что за злодей удирал от нас в тумане?

– А мы не сомневаемся в том, что причиной этому – дело, которое мне поручила принцесса Луиза? – спросила я.

Стокер закатил глаза.

– Ты часто получаешь записки с угрозами от незнакомцев?

– Ну не то чтобы часто... – с сомнением в голосе ответила я.

Он прищурился.

– Вероника...

– Понимаешь, среди коллекционеров встречаются очень упорные и злопамятные люди. Ведь бывают такие виды бабочек, которые стоят

больше, чем все это имение.

– И ты владеешь такими экземплярами?

– Сейчас – нет, – просто ответила я.

Он на секунду задумался.

– Кажется, я выбрал себе неправильный раздел науки.

– Несомненно. Я взяла пять фунтов с лорда Боуэна за милый маленький экземпляр *Euploea mulciber*, который смогла найти для него на прошлой неделе.

Стокер приподнял брови.

– Это полосатая синяя ворона, – объяснила я. – Маленькая нимфалида, обитает в Индии. Я связала его с посредником в Мадрасе, у которого как раз оказалась особь мужского пола с удивительной мутацией...

– Вероника... – Его голос звучал тихо и сдержанно, это означало, что он изо всех сил держит себя в руках и буквально через несколько секунд лишится самообладания. Я поборолась в себе искушение вывести его из себя: ничто так не возбуждало меня, как Стокер в ярости, но я давно поклялась себе никогда не спать с англичанами и, хоть Стокер довольно часто колебал мою решительность, пока держалась.

– Нет, Стокер. Я не знаю никого, у кого была бы причина нам угрожать.

– Нам? – удивился он.

– Она же не адресована мне лично, – заметила я. – И оставили ее там, где работаем мы оба. Не меньше вероятность, что она предназначена тебе.

Он отшатнулся с возмущением.

– Да кто может хотеть убить меня?!

– А ты подумай хорошенько. Мне кажется, у нас получится немаленький список, – мягко ответила я.

Стокер вздохнул.

– Я почти весь день провел, сражаясь с непокорным крокодилом, – сообщил он мне. – И мне совершенно не хочется бороться всю оставшуюся ночь с тобой. Пойдем.

Он свистнул собак, поднял фонарь и направился к выходу, потянув меня за собой другой рукой.

– И куда же мы идем? – спросила я.

– В постель.

Глава 6

Со смесью раздражения и облегчения я поняла, что приглашение в постель имело лишь буквальный смысл. Он накрепко запер нас в моей маленькой готической часовне и улегся спать рядом со мной, упершись головой в изножье кровати, а ноги положив мне на подушку. Мы уже не в первый раз спали таким чудным образом и, думается мне, не в последний. В моей голове роились сотни вопросов, но я все их прогнала, начала обратный отсчет от ста на тагальском языке и вскоре погрузилась в сон.

Наутро я смогла насладиться прекрасным зрелищем: Стокер, потягиваясь, надевал рубашку.

– Никакие злодеи больше не пытались что-нибудь нам написать? – сострила я.

Он сердито взглянул на меня.

– Кем бы ни был тот, кто оставил нам эту записку, он оказался достаточно дерзким, чтобы пробраться в частные владения графа, и довольно быстрым, чтобы уйти от преследования.

– Напрасно ты так высоко ценишь свой пол, – заметила я. – Наш злодей может быть и женщиной.

Он фыркнул.

– Неужели ты правда думаешь, что женщина может от меня ускользнуть?

Я осмотрела его с головы до ног: черные взъерошенные волосы, огрубевшие от работы руки, сильные мускулистые плечи и ноги.

– Не могу представить себе женщину, которая захотела бы это сделать, – ответила я, яростно хлопая ресницами.

– Прекрати флиртовать со мной, это не шутки, – велел он. – Ты согласилась оказать принцессе эту удивительную услугу, и буквально через несколько часов нам уже кто-то угрожает. Тебе не хочется после этого сразу все бросить?

– Нет, – медленно ответила я. – Наоборот, я теперь настроена решительнее. По одной простой причине.

– Чертово упрямство? – спросил он.

Я поморщилась.

– Мы еще палец о палец не ударили, чтобы начать это расследование, а у нас уже есть ключ. Кто бы это ни написал, он оставил нам доказательство того, что Майлз Рамсфорт действительно невиновен.

Улыбка расплзлась по его лицу.

– А ты права. И, кто бы это ни был, он сейчас очень напуган. Но почему?

– Потому что знает, кто на самом деле убил Артемизию, – предположила я.

– И не хочет, чтобы правда открылась. Признаюсь, тут все очень логично. Но как они вообще о нас узнали? Мы пока еще не разворошили ни одного осинового гнезда.

Я немного подумала.

– Но принцесса Луиза уже разворошила. Она сказала мне, что собирается вечером за ужином поговорить об этом с Оттилией Рамсфорт и сэром Фредериком. Она хотела облегчить нам задачу: подготовить их к тому, что мы будем задавать вопросы по ее просьбе.

– И кому-то это совершенно не понравилось, – закончил он.

– Но ведь это его жена и его свояк! Они же непременно должны хотеть, чтобы его оправдали. И не забывай, Хэвлок-хаус – связующее звено в этой истории. Майлз Рамсфорт был покровителем этого места, а убитая женщина там жила. И, предположительно, все самые близкие ей люди тоже там живут. Оттилия Рамсфорт тоже переселилась туда, когда арестовали ее мужа. Так или иначе, но в этой своеобразной общине сэра Фредерика мы и должны искать ответы.

– И кто-то из них хочет, чтобы мы не будили спящих собак, – заметил Стокер.

Я улыбнулась.

– Невозможно придумать лучшего начала для расследования, чем угрозы причинить физический вред, – сказала я ему. – Аркадия Браун только об этом и мечтала бы.

Я хотела бы начать расследование с места преступления – спальни Рамсфорта в имении Литтлдаун, но прежде нужно было получить разрешение у Оттилии Рамсфорт, и, должна признаться, мне было очень любопытно узнать, что это за дама. Я провела день, распаковывая контейнеры из третьей экспедиции графа в Гималаи, а Стокер с воодушевлением занимался набивкой своего крокодила. Когда мое терпение окончательно иссякло, я оторвала Стокера от работы, заманив его обещанием свиного рулета и холодного мясного пирога, которые нам прислали из кухни в особняке, а потом отправила его приводить себя в порядок, чтобы он хоть приблизительно стал похож на человека, которого

можно принять в Хэвлок-хаусе. Немногим позже восьми мы сели в наемный экипажи быстро покатали в сторону Холланд-парка.

Стокер вполне предсказуемо пребывал в мрачном настроении. Он наконец-то существенно продвинулся в работе с крокодилом, а я увезла его из мастерской туда, где могло не оказаться ничего стоящего. Я знала, что он не одобряет моей решимости докопаться до истины в этом деле, и то, что он был сейчас рядом, пусть и недовольный, было знаком его особого ко мне расположения.

– Там будет просто кучка скучающих аристократов и стремящейся к славе богемы, и не знаю даже, кто из них утомительнее, – предупредил он меня. – Они все готовы делать громкие заявления только для того, чтобы шокировать окружающих, но каждый в действительности испугается даже мыши.

Несмотря на плохое настроение, Стокер очевидно начал дрожать от нетерпения при приближении к Хэвлок-хаусу, как гончая перед тем, как ее выпустят на охоту. Он мог быть недоволен моей склонностью втягивать нас в непонятные расследования, при этом не меньше, чем я, любил погоню. Но даже он остановился на пороге, запрокинув голову и рассматривая Хэвлок-хаус.

– Ну и монстр, – выдохнул он. – Но какой величественный монстр!

И он был прав. В энциклопедии «Великие британцы», в статье о сэре Фредерике, был абзац, описывающий строительство этого здания: предприятие заняло чуть не целый десяток лет и стоило ему всего отцовского состояния. На первый взгляд казалось, что это простой и функциональный жилой дом с фасадом из красного кирпича и известняка, тут и там прорезанный окнами с частым переплетом в стиле Тюдор. Но при более внимательном рассмотрении открывались неожиданные элементы. Балкончики и бойницы, башня, вырисовывающаяся над остроконечной крышей, – своеобразная ведьмина шляпа, столь любимая эксцентричными французскими архитекторами. На небольшом прудике перед домом покачивалась миниатюрная гондола, а крытая галерея у входной двери вся была увешана китайскими фонариками.

Стокер восторженно осматривал здание.

– Забудь, что я говорил, – пробормотал он. – Здесь чувствуется рука гения. Теперь меня и силком не оттащишь от этого расследования.

Я улыбнулась, и мы вошли внутрь; вечер был уже в разгаре, чему мы совсем не удивились. У дверей не было привратника: видимо, сэр Фредерик не любил церемоний и был рад всем гостям. Но я совершенно не ожидала застать в доме такое настроение. Хотя там и были заметны

некоторые траурные элементы, в целом все же царил карнавальный дух. Все внутренние двери были распахнуты, и люди переходили из комнаты в комнату, тихо беседуя и, что было совсем уж неожиданно, приглушенно смеясь. В центре здания располагался большой холл, украшенный восточными изразцами, посреди которого журчал фонтан, а над головами парил золоченый купол. Во все стороны от холла тянулись галереи к разным частям здания, каждая из которых была выполнена в своем цвете: здесь – красный, как в Помпеях, там – генуэзский зеленый. Зал для приемов отдавал дань Востоку – множеством сцен из «Тысячи и одной ночи» под арабским небом: купол был расписан лазурью и серебристыми созвездиями. В центре фонтана, может быть, слегка неуместно, была помещена статуя девушки, которая, приложив руки рупором ко рту и повернув голову, смотрела через плечо назад. На бронзовой табличке у ее ног было написано просто «Эхо»; я была поражена этой нимфой, тем, как переданы ее чувства, – настоящий шедевр.

Будучи не менее желанными гостями, чем все остальные, мы бродили по залу и заглядывали в разнообразные мастерские и студии, тянувшиеся в задней части Хэвлок-хауса; большие, от пола до потолка, окна были распахнуты в сад, откуда в дом лились аромат поздних роз и неожиданно дурманящий тяжелый запах туберозы. Огромные букеты лилий в вазах стояли у каждой двери, как ароматные стражники, а в главной столовой был накрыт стол с холодными мясными закусками и огромным выбором алкогольных напитков на любой вкус, и мы со Стокером налили себе по бокалу неожиданно изящного красного вина, продолжая рассматривать толпу.

Нокакая это была толпа! Я все не могла понять, что это за мероприятие: траурное или развлекательное. Жонглер соперничал за внимание с группой музыкантов, игравших невероятно трагичные похоронные мелодии, а акробатка складывалась совершенно причудливым образом совсем рядом с профессиональной плакальщицей, с головы до ног одетой в самый густой и непроницаемый траур, с вуалью на лице. Я замерла в восхищении, любуясь гибкостью акробатки, когда затылком ощутила, что ко мне кто-то приближается.

К нам подошла женщина, облаченная в дорогой траурный наряд. Ее лицо не было красивым, слишком уж неправильными были ее черты. Нос чуть длинноват, глаза сильно расставлены на молочно-бледном лице. Но руки красивые, с длинными и тонкими пальцами, как у скрипача. Темно-каштановые волосы, кое-где подернутые сединой, заплетены в косу и сложены на затылке в тяжелый узел, а единственными украшениями были

тонкое золотое обручальное кольцо и пара блестящих гагатовых серег, которые дрожали, когда она поворачивала голову. Она приблизилась к нам, и ее тонкие губы изобразили слабую приветственную улыбку.

– Думаю (простите меня, если ошибаюсь), что вы, должно быть, мисс Спидвелл, не так ли?

Я поняла, что ее истинной красотой был именно голос: низкий и мягкий, привлекательно музыкальный.

– Да, это так.

После секундного колебания улыбка сделалась шире.

– Я Оттилия Рамсфорт. Ее высочество сказала, что мы должны ожидать вашего визита. И вашего друга, – добавила она, бросив на Стокера приветственный, но напряженный взгляд.

Он поклонился.

– Я Ревелсток Темплтон-Вейн, миссис Рамсфорт.

– Знаю. Мы долго обсуждали вас с принцессой.

Я подавила улыбку. Только заверения принцессы могли кого-либо убедить в том, что Стокер – не разбойник с большой дороги. Утверждая, что его глаз (в прошлом серьезно поврежденный) устал, он надел глазную повязку; он часто так поступал, но я подозревала, что это было своего рода озорством. В семействе Темплтон-Вейн Стокер считался паршивой овцой и старался держаться насколько возможно дальше от общества. Сейчас он по необходимости оказался в самом его сердце, и это должно было пробудить в нем самые худшие инстинкты и стремление к неповиновению. В данном случае это означало выставить напоказ свое удивительное сходство с преуспевающим пиратом, дополненное длинными локонами и свисающими из ушей золотыми кольцами. Без сомнения, его очень раздражало, что многочисленные татуировки, приобретенные в странствиях, были скрыты под одеждой, но некоторым утешением должна была служить прекрасная физическая форма, подчеркнутая костюмом. Кажется, все это очень нервировало миссис Рамсфорт, потому что во время нашего разговора она много раз бросала на него беспокойные взгляды.

– Я не ожидала, что это будет столь масштабное мероприятие, – заметила я. – Надеюсь, мы вам не помешали?

– Ну что вы! – искренне возразила она. – Сэр Фредерик любит устраивать подобные приемы несколько раз в месяц. Это хорошая возможность для художников и артистов продемонстрировать свои способности в неформальной обстановке, познакомиться с потенциальными покровителями или моделями. Здесь всем рады. Праздник продолжится до глубокой ночи и, боюсь, позже станет гораздо более

буйным, – добавила она с некоторым осуждением в голосе.

– Вам неинтересны эти представления? – спросила я.

Она покачала головой, и маленькие черные шарики в ее ушах зазвенели, будто танцуя.

– Не совсем так, – возразила она. – Подобные мероприятия совершенно необходимы для такого дела, как то, чем занимается мой зять. Он оказывает большую услугу своим протеже, находит для них выгодные заказы. Просто время и тематика сегодняшнего вечера кажутся мне не очень уместными.

Посмотрев на задрапированные крепом зеркала и профессиональную плакальщицу, я готова была с ней согласиться. Очень сомнительная идея, учитывая, что Майлза Рамсфорта должны были через неделю повесить. Я заметила также, что плакальщица подвинулась к нам ближе, явно прислушиваясь к нашему разговору.

– Может быть, мы можем найти более укромное место для беседы? – спросила я.

На ее лице отразилось облегчение.

– Да, так будет лучше. Давайте поднимемся ко мне в комнаты.

Мы последовали за миссис Рамсфорт, пробиравшейся через толпу гостей. На середине лестницы она остановилась и указала на статую Эхо.

– Встав на любой ступеньке лестницы, можно услышать все, что говорится в холле, – сказала она нам. – Это странное свойство здания, фокус сэра Фредерика.

Я окинула взглядом толпу внизу, размышляя, может ли кто-то из них быть нашим ночным гостем.

– Скажите, миссис Рамсфорт, – спросила я обыденным тоном, – вчерашний ужин с принцессой Луизой был приватным?

Изящная рука замерла на перилах.

– Нет, что вы. Сэр Фредерик устроил ужин не менее многолюдный, чем сегодняшний прием.

Она повернулась и продолжила подниматься по лестнице, а мы со Стокером обменялись многозначительными взглядами у нее за спиной. Если кто-то подслушал беседу принцессы Луизы с сэром Фредериком, что казалось вполне возможным в суеде Хэвлок-хауса, любой из гостей, присутствовавших вчера на ужине, мог спокойно ускользнуть и доставить нам записку с угрозой.

Миссис Рамсфорт повела нас в крыло дома, расписанное генуэзским зеленым; мы прошли в небольшие двери под стрельчатой аркой.

– Еще одно талантливое решение моего зятя, – сказала она, впустив

нас внутрь и мягко закрыв за нами дверь. Мы оказались в небольшой гостиной, непримечательной по размеру, но совершенно не похожей ни на одну гостиную, в которых мне довелось побывать. Это вполне могло быть жилищем Титании: стены окрашены в градации зеленого, а потолок сине-голубой, задрапированный парящими облаками. Мебель причудливых форм из позолоченного дерева, с готическими арками в качестве рефрена, а все подушки сделаны из зеленого бархата, расшитого золотыми нитками.

– Как необычно, – выдохнула я.

Миссис Рамсфорт улыбнулась.

– Сэр Фредерик эксцентричен, но гениален. И он очень добр ко мне.

Не спросив, она налила каждому из нас понемногу прозрачной жидкости в изящные хрустальные стаканы.

– Пейте осторожно, – предупредила она.

Стокер сделал глоток, и по его лицу расплзлась довольная улыбка.

– Ципуро![6] – сказал он.

Ее бледное лицо немного оживилось.

– Вы его знаете?

– Я несколько лет служил во флоте ее величества, – ответил он. – Мы возвращались домой через Грецию после операции в Египте.

Я осторожно сделала глоток. Этот напиток оказался похож на тот жидкий огонь, что я открыла для себя в Южной Америке, – агуардиенте, почти безвкусный и невероятно крепкий.

– А вы как узнали об этом напитке? – спросила я ее.

Себе она не взяла стакан и сидела, спокойно сложив руки на коленях, мраморно-белая кожа казалась еще бледнее на черном бомбазине платья.

– Мы с мужем часто путешествовали по тем краям из-за его интереса к древнегреческому искусству. Во время последней поездки купили там виллу, и я собираюсь уехать туда жить, когда... когда... – Она не смогла продолжить, чувства захлестнули ее.

Через минуту она собралась с силами.

– Простите меня. Мне сейчас очень тяжело.

– Невозможно и вообразить такое, – честно сказала я ей. – Но мы хотели бы вам помочь.

Она сжала руки.

– Да, так сказала принцесса. Простите меня, мисс Спидвелл, но мне кажется, это совершенно невозможно.

Ее голос звучал глухо, а весь ее облик говорил о волнении, о том, что она вот-вот сорвется. Я посмотрела на Стокера, и он еле заметно повел подбородком, показывая мне, что нужно применить другую тактику. Из нас

двоих у Стокера было гораздо больше опыта в обращении с женщинами, поэтому я подчинилась.

– Действительно, очень великодушно со стороны сэра Фредерика пригласить вас пожить в этом доме, а какую доброту он проявляет, когда позволяет обитать здесь своим протеже!

От смены темы она заметно повеселела, и я заметила, что ее руки сразу расслабились.

– Он, несомненно, самый гостеприимный джентльмен из всех, кого только можно себе представить, – сказала она с твердостью, которую я прежде в ней не замечала.

– И именно здесь жила та несчастная молодая женщина, Артемизия, если не ошибаюсь?

– Да.

– Расскажите мне о ней, – попросила я.

Она немного помолчала, а потом медленно покачала головой.

– Даже не знаю, как ее описать. Я бы не сказала, что она была красивой. Но она была яркой. Очень высокая, статная, – добавила она. – Копна волос. Они были рыжими, говорят, это к несчастью, но она носила их распущенными, и ей очень шло. Жизнь всегда так и была из нее ключом, она ко многому проявляла живейший интерес.

Ее взгляд затуманился.

– Она была очень талантливым художником, мисс Спидвелл, очень талантливым. Особенно хорошо ей удавались фрески. Она как раз завершила одну для нас в Литтлдауне, когда ее... – ее голос сорвался, но вскоре она собралась с силами и заговорила решительнее: – У нее было множество талантов, и ее смерть шокировала всех.

– Наверное, сэр Фредерик особенно огорчился, – заметила я с подчеркнутой вежливостью.

Она поняла мой намек и строго на меня взглянула.

– Не думайте, что между ними было что-то дурное. Фредерик всегда питал слабость к молодым женщинам, но ограничивался простым флиртом с натурщицами. Он бы никогда не связался с художницей. Он считает, что сердечные дела могут помешать творчеству, прогнать музу, как он сам выражается.

– И ему никогда не хотелось немного отогнать музу Артемизии, эффектной молодой женщины, жившей с ним под одной крышей? – наредила я.

Она замотала головой так, что гагатовые шарики яростно зазвенели.

– Нет, не хотелось. К тому же здоровье не позволяет ему... как бы это

сказать, – запнулась она и, покраснев, покосилась на Стокера: – Его натура теперь несколько ограничивает его желания. После смерти Артемизии он практически прикован к батскому креслу[7]. Иногда я думаю...

Ее голос дрогнул, и Стокер подался вперед, с сочувствием глядя на нее.

– Да? – спросил он гораздо более ласковым голосом, чем обычно обращался ко мне. – О чем вы думаете, миссис Рамсфорт?

– Артемизия была немного похожа на мою сестру Августу. Знаю, это звучит странно, но иногда я думаю, может быть, интерес к ней сэра Фредерика был связан с тем, что она напоминала ему любимую женщину.

– Когда умерла ваша сестра? – спросила я. Кажется, мой вопрос ее немного расстроил. Она потянулась к Стокеру, как цветок к солнцу, но от звука моего голоса снова вся будто сжалась.

– Десять лет назад. В родах, – ответила она, вновь заметно нервничая.

– А ребенок выжил?

– Нет. Никто из ее детей не выжил. И из моих – тоже, – коротко ответила она. – Нашей семье не была послана плодовитость, мисс Спидвелл.

Я взглянула на Стокера. Мои навязчивые вопросы ее раздражали. Я надеялась, что Стокер сможет ее немного смягчить.

Он героически принялся за дело.

– Расскажите мне о леди Хэвлок, – ласково попросил он. – Думаю, она была удивительной женщиной.

– Да, это правда, – сказала миссис Рамсфорт, и ее глаза вдруг загорелись преданностью. – Она была старше меня всего на одиннадцать месяцев, и нас растили почти как близнецов. Няня одевала нас одинаково. Гувернантки учили нас вместе. И не было такого развлечения, которое бы я не делила с Августой, – добавила она, улетая мыслями в воспоминания. – Она была моей лучшей подругой. Потерять ее – да даже думать об этом было страшно.

Она замолчала, почти конвульсивно сжав руки.

– Конечно, сэру Фредерику пришлось еще хуже. Она была его женой, и он нежно любил ее, несмотря на все ссоры.

– А они ссорились? – задал следующий вопрос Стокер.

Легкая улыбка коснулась ее губ.

– Постоянно. Они ругались из-за денег, из-за его любовниц. Но они были по-настоящему близки и невероятно преданы друг другу. Они подпитывались ссорами, понимаете. Оба были очень страстными людьми.

При последних словах она вновь покраснела, будто устыдившись

мысли о том, в чем еще эта пара могла быть страстной.

– Не знаю, что бы я делала после ее смерти, если бы не мой муж, – продолжала она.

– Он стал вам утешением в скорби? – ласково предположил Стокер.

– Он не дал мне замкнуться, – объяснила она. – Не позволил сидеть и тосковать. Он отправился со мной путешествовать. Мы два года провели в Греции, карабкаясь по камням и развалинам, изучая язык и погружаясь в мифы. Все это очень мне помогло. Вот почему теперь, – она замолчала и глубоко вздохнула: – Вот почему теперь я собираюсь туда вернуться. Он очень этого хочет.

– Мистер Рамсфорт сам сказал вам об этом? – вмешалась я.

Она дернулась как испуганная лошадь.

– Я не виделась с мужем уже несколько недель, – призналась она. – Он больше не позволяет мне себя навещать. Он передал сообщение через своего солиситора о том, что я должна уехать из Англии, чтобы избежать скандала. Я сопротивлялась как только могла, но теперь, когда конец близок... – Она снова прервалась на полуслове и прижала руку ко рту. В ту же секунду Стокер опустился перед ней на колени и протянул ей один из своих огромных алых носовых платков. Она взяла его и прижала ко рту, а ее плечи тихо вздрагивали от сдерживаемых рыданий.

Через некоторое время она попыталась отдать платок, но Стокер вложил его обратно ей в руки и накрыл их сверху своими.

– Простите мне эту вольность, миссис Рамсфорт, – сказал он наконец, выпустив ее руки и сядясь обратно на свое место. – Не могу спокойно смотреть на даму в расстроенных чувствах.

Я чуть не закатила глаза от такой выдумки. Но миссис Рамсфорт проглотила наживку и одарила Стокера обезоруживающе нежной улыбкой. Стокер сразу же воспользовался случаем.

– Миссис Рамсфорт, мы совсем не хотим вас расстраивать, но очень желаем добиться правды в этом деле.

– Правды? – переспросила она с такой неприкрытой болью, переводя взгляд с меня на Стокера, что мне стало трудно дышать. – А разве вы еще не знаете правды, мистер Темплтон-Вейн? Вы не можете расстроить меня еще сильнее, потому что я уже живу с самой страшной болью.

– С самой страшной болью? – эхом отозвался Стокер.

– Вы пришли сюда потому, что хотите доказать, что мой муж невиновен. Но это невозможно.

Я уставилась на нее.

– Миссис Рамсфорт, вы хотите сказать...

– Да, мисс Спидвелл, – прервала она меня гораздо более резко, чем можно было от нее ожидать. – Он убил Артемизию, и очень скоро его за это повесят.

Глава 7

После заявления Оттилии Рамсфорт в комнате повисло напряженное молчание. И мне пришлось его нарушить.

– Но принцесса Луиза... – начала я.

– Ее высочество – друг, и она хочет помочь мне и моему мужу, – спокойно сказала миссис Рамсфорт. – Она хочет верить, что он невиновен, потому что не готова согласиться с тем, что кто-то из дорогих ей людей может быть способен на такую жестокость.

– А вы думаете, что он виновен? – быстро спросил Стокер. Оттилия Рамсфорт кивнула.

– Мистер Теплтон-Вейн, я знаю своего мужа уже много лет, мы познакомились задолго до того, как поженились. Я знала его и мальчиком, и мужчиной и, да простит меня Бог, могу вам сказать, что видела в нем слабости. Вы не можете даже и представить себе, как больно мне говорить правду, но я не могу лгать. Я защищала его во время его прежних прегрешений, совершенно безобидных, – сказала она, махнув рукой, будто боясь, что я ее перебую. – Неосторожное поведение, которое может расстроить только жену. Он часто мне изменял, и я с радостью это ему прощала.

– С радостью?! – воскликнула я. Мне трудно было представить себе женщину, которая была бы рада тому, что человек, которого она любит, согревает ложе другой женщины.

Она улыбнулась усталой улыбкой – такая усталость возникает с годами.

– Вы не были замужем, мисс Спидвелл. И даже не знаете еще, что это значит – любить другого человека больше, чем себя. У меня совсем не осталось ни гордости, ни стеснения. Я не могу их себе позволить. А потому скажу вам правду. Больше всего на свете я желала, чтобы он был счастлив. К сожалению, не оправдавшиеся надежды на мое материнство означали, что я не могла вполне удовлетворить его на супружеском ложе, – добавила она, старательно избегая взгляда Стокера. – Но его отношения с другими женщинами всегда были лишь временным увлечением. Только я была для него важна, а женщина многое может простить, если знает, что она – королева сердца своего мужа. Я всегда правила там безраздельно.

– Даже когда его вниманием завладела Артемизия? – спросила я. Это был ужасный вопрос, но я знала, что обязана его задать, и, к ее чести, она

не дрогнула, услышав его, а ответила спокойно и с полной уверенностью.

– Артемизия была милой девочкой, но просто последней в длинной череде ей подобных. Майлз восхищался ее талантом, к тому же его привлекло симпатичное личико. Однако он устал бы от нее рано или поздно, как уставал от всех остальных.

– Но там был ребенок, – тихо заметил Стокер.

– Да, был, – согласилась она. – И мы бы честно обошлись и с ней, и с ее малышом. О них бы позаботились, как и положено поступать при подобных ошибках джентльмена.

– Но в чем же тогда дело? – спросила я. – Зачем ему нужно было убивать Артемизию?

– Не знаю, – прошептала она и сжала губы. – Как бы я хотела знать. Было ли это временное помутнение или какая-то глупая игра пошла не так? Шутка, обернувшаяся трагедией? Ах, если бы он только все рассказал...

– Но он не расскажет, – напомнила я ей.

– Нет, не расскажет, – выпалила она, – вот почему мне приходится думать, что он, вполне вероятно, виновен. – Она глубоко и судорожно вздохнула. – Он всегда рассказывал мне о своих похождениях. Мы обычно над ними смеялись. Он был похож на провинившегося ребенка, ищущего прощения. И никогда не мог полностью успокоиться, пока не расскажет мне обо всем, что натворил. Но об этом он не расскажет, пойдет на смерть с этим поступком на совести, и этот грех я не смогу ему отпустить. Только Бог может.

– А если нечего отпускать? – спросила я.

Она еще раз глубоко вздохнула, и дрожавшая на ее губах улыбка сделалась приторно-ангельской. Она встала, и я поняла, что наша встреча окончена.

– Можем ли мы посетить Литтлдаун? – спросил Стокер. – Наверное, стоит посмотреть на место, где все это произошло.

– Конечно. Только это может занять несколько дней, – сказала она извиняющимся тоном. – Я уехала оттуда очень поспешно. Сначала мне ужасно досаждали газетчики, потом начали прибывать зеваки – и все эти люди толпились за оградой. Некоторые пробрались даже на территорию усадьбы и липли к окнам. Это страшно меня расстраивало.

– Представляю себе, – сказал Стокер сочувствующим тоном.

– Уезжая оттуда, я закрыла дом – велела запереть ставни и задвинуть все засовы и отдала ключ солиситорам мужа. Они приставили к имению сторожа, всего-навсего местного старика с собакой, но это все же лучше, чем оставлять поместье совсем без присмотра. Мне нужно будет позвонить

солиситорах и попросить их вернуть ключ. Они могут не сразу обратить внимание на подобную просьбу, а у Майлза осталось всего несколько дней до того... – она не смогла продолжить, но вскоре снова взяла себя в руки: – Я очень постараюсь.

Она проводила нас к двери и пожала нам обоим руки.

– Все это так странно. Прошу вас, поймите меня. Я искренне желаю вам успеха в ваших поисках, но не верю, что вы сможете доказать его невиновность, и даже не смею думать о том, что это возможно. Понимаете, надеяться – слишком больно. Я должна думать о нем как об уже умершем, потому что именно таким он вскоре и станет, и, боюсь, тут даже вы ничем не сможете помочь.

– Мы постараемся, – пообещала я ей.

Ее глаза вдруг наполнились слезами.

– Да поможет вам Бог, мисс Спидвелл, да поможет вам Бог.

– Очень интересная дама, эта миссис Рамсфорт, – заметила я, пока мы со Стокером неспешно спускались вниз по лестнице. В ответ он только хмыкнул, и мы не сговариваясь оба свернули в сторону гостиной, где были накрыты столы с угощением. Чтобы оправдать свое бесцельное блуждание по дому, мы наполнили тарелки едой и, принявшись за пирожки с лобстерами и холодную индейку, медленно шли по периметру комнаты и любовались произведениями искусства. Сперва мое внимание привлекла статуя Ахилла-ребенка, но потом мой взгляд обратился к огромному полотну, растянувшемуся на всю дальнюю стену: в нем чувствовался немалый талант художника, а витиеватая подпись золотой краской гласила «Артемизия».

Сюжетом картины была смерть Олоферна от рук Юдифи, и выполнена она была совершенно завораживающе. Руки жертвы свободно раскинуты во сне, голова откинута назад, и видно, что длинная шея абсолютно беззащитна. Напротив, руки убийцы напряжены, на лице решительность – глаза прищурены, между зубами зажат кончик розового языка, и она уже наклонилась над жертвой. Артемизия Джентилески тоже писала эту сцену, но, в отличие от нее, наша Артемизия выбрала момент непосредственно *перед* убийством. Никаких потоков крови и переплетенных в предсмертной борьбе рук, ни замершего на губах жертвы крика боли, ни страха. Это был момент, когда ничего еще не произошло, последний миг перед тем, как будет перейден Рубикон. Артемизия выхватила момент, когда Юдифь могла еще передумать, она не была пока убийцей. Эта возможность выбора

делала картину более сильной и живой. Казалось, что зритель, осознав, в чем дело, может выхватить нож из ее руки и вывести ее из шатра, к спокойной жизни, к невинности. Ее глаза еще не были глазами убийцы.

Я рассматривала полотно от одного края до другого, снова и снова: плотные складки шатра в правом углу картины, затем фигуры в центре, потом пальцы Олоферна в левом нижнем углу, расслабленные во сне, чуть согнутый указательный направлен как раз на имя художницы – золотые завитки на белых простынях. Это был очень хитрый прием, он заставлял зрителя обратить внимание на подпись, но при этом она оказывалась частью всей работы. Артемизия аккуратно напоминала всем, кто смотрел на картину, что она сама является такой же ее частью, как Юдифь и Олоферн, что именно она, а не кто-то другой, наколдовала эту сцену.

– Потрясающе, – выдохнул Стокер, и тут я поняла, что мы не одни. Позади меня стояла девушка, миниатюрная, как эльф, ниже меня на голову. У нее были решительный подбородок и четко очерченные брови, какие не часто встретишь. Все это придавало ей вид почти воинственной самоуверенности.

– Мы здесь не церемонимся, – сообщила она мне, протягивая руку. – Я Эмма Толбот.

– Вероника Спидвелл, – представилась я, отвечая на рукопожатие. – Вы здесь живете, мисс Толбот?

– Да. Я скульптор под покровительством сэра Фредерика.

Она повернулась, чтобы поздороваться со Стокером, и в этот момент мне показалось, что меня просто не существует. Она смотрела только на него, что совершенно меня не удивило. Он старательно работал над внешностью пирата, и отдавая дань тому времени, когда служил во флоте ее величества, и в качестве средства для отпугивания нежелательного женского внимания. Бедняга никак не мог понять, что это оказывало на женщин прямо противоположный эффект. Когда джентльмен с хорошим воспитанием и идеальным произношением надевает на себя личину головореза, женщинам трудно бывает удержаться от влюбленности. Я уже много раз наблюдала этот остекленевший, удивленный взгляд в глазах женщин, в которых, иногда даже против воли, зарождается подобный интерес. Сам Стокер никогда не замечал этого, до тех пор пока я ему на это не указывала, отчего он неизменно заливался таким прекрасным румянцем, который лишь подчеркивал его привлекательность. К его чести следует сказать, что он никогда не злоупотреблял этим дарованием. Он мог бы заманить в постель чуть не половину дам из высшего общества этим неповторимым сочетанием красивой внешности и ужасного характера, но

вел при этом совершенно аскетическую жизнь.

Я вздохнула в ожидании неизбежного и познакомила их.

– Мистер Темплтон-Вейн, – сказала мисс Толбот, сжимая его пальцы своими и положив свою изящную руку поверх его. – Счастлива с вами познакомиться.

– Польщен знакомством с вами, – последовал галантный ответ. Я закатила глаза, но ни он, ни она не обратили на меня никакого внимания. Мне показалось, я услышала легкий смешок, донесшийся от плакальщицы, стоявшей у стены, с лицом, скрытым под вуалью, но когда я бросила на нее удивленный взгляд, ее фигура не выражала ничего, кроме скорби.

– Что привело вас сегодня в нашу маленькую семью? – спросила она. – Вы были другом Артемизии?

На его лице отразилось страдание.

– Увы, не имел этого удовольствия. Но я понимаю, что эта художница обладала немалым талантом. Как же мы осиротели от этой утраты, а небеса должны ликовать сейчас, оттого что получили столь светлого ангела.

– О господи, – пробормотала я. Я подумала, что он слишком перегнул палку, и, к моей радости, мисс Толбот прыснула.

– Артемизия была таким же самобытным художником, как мелкий торговец, малюющий открытки к Рождеству – по два пенни за дюжину, – язвительно заметила она. – У нее были таланты, но самый сильный из них – очаровывать влиятельных мужчин, которые могли бы что-то из нее сделать.

В этот момент я подумала, что мне нравится мисс Толбот, но не успела даже ни о чем ее спросить, как она начала ходить вокруг Стокера, осматривая его со всех сторон, как заводчик на конной ярмарке, выбирающий себе коня.

– Вы прекрасно подойдете, – сказала она наконец. – Мне нужно посмотреть на ваши бедра, прежде чем принять окончательное решение, но мне кажется, вы правда прекрасно подойдете.

– Бедра? Прошу прощения? – выдавил Стокер, уставившись на нее.

– Не глупи, Стокер, – вмешалась я. – Очевидно, мисс Толбот хочет, чтобы ты для нее позировал, предполагаю, в полуобнаженном виде.

– Полу-? Дорогая мисс Спидвелл, я хочу изобразить его Персеем, побеждающим Горгону. Он будет совершенно обнаженным, – поправила она меня с серьезным выражением лица.

– Совершенно обнаженным? – удивленно повторил Стокер.

– За исключением обуви, – уточнила мисс Толбот. – У Персея были очаровательные крылатые сандалии.

– Мне это известно, – напряженно ответил он. – Меня мучили классическим образованием.

– Мне кажется, это прекрасная идея, – быстро сказала я, многозначительно взглянув на Стокера поверх головы мисс Толбот. Если я когда и сожалела, что не владею даром телепатии, то именно в тот момент. Если нам нужно было рыскать по Хэвлок-хаусу, как хорошо было бы иметь для этого оправдание – работу с одним из художников. Нам никак было не выяснить, кто из них знал о наших истинных намерениях, но чем более безобидным казались бы наши визиты, тем лучше.

Но не успел Стокер ответить, как воздух наполнился воплем, которому позавидовала бы и сирена. Мы все разом повернулись и увидели, что в дверях стоит мужчина, а я почувствовала, как кровь прилила к моим щекам. На нем был пиджак переливчатого синего цвета – несомненно, чтобы привлекать внимание к его удивительным глазам, наполненным прозрачными слезами. Его волосы были не просто светлыми, а золотыми, будто написаны рукой художника эпохи Возрождения. Нежно очерченные скулы, будто у серафима, идеальный подбородок и губы, как розовые бутоны, просящие о поцелуе, а уши, слегка заостренные на концах, придавали ему облик юного сатира, в нетерпении ожидающего первой оргии. Он помахивал бутылкой, зажатой в руке (кажется, это был джин), и она была уже почти пуста. Под взглядом множества глаз прекрасные губы вновь раскрылись и издали вопль, еще более жалостный, чем первый.

Стокер больно ткнул меня под ребра.

– Господи, ты смотришь на него так, будто в стране уже года четыре голод, а в комнату зашла филейная часть тельца, – пробормотал он.

– Он такой... эффектный, – тихо ответила я.

– Чванливый петух, – мрачно заметила Эмма Толбот. – Он явно хочет устроить здесь представление.

Как и предположила мисс Толбот, стоны не затихали до тех пор, пока он не привлек внимание абсолютно всех присутствующих. По собравшейся толпе пробежал шепоток предвкушения. Оставшись доволен тем, что наконец на него смотрят все, он медленно пошел к столу, слегка покачиваясь.

– Снова пьян, – заметила мисс Толбот.

– А кто он такой? – спросила я.

– Джулиан Гилкрист, портретист и сволочь, – ответила она.

Недолго думая Джулиан Гилкрист прошел к обеденному столу и взобрался на него. Он пробрался на середину стола, наступая на посуду и подсвечники, влез в миску с пуншем и начал обозревать комнату. Его

ботинки оставили грязные следы на белой узорчатой скатерти, будто отпечатки пальцев неряшливого великана.

– А вот и мы, – начал он, подняв над головой бутылку, как фонарь.

Стокер хмыкнул.

– Что, черт возьми, происходит? Ему нужна всего лишь славная женская грудь, а он изображает тут из себя «Свободу, ведущую народ»[8].

Эмма Толбот грубовато рассмеялась, этот смех напомнил мне лай лисы, но сама я прикусила губу.

– Ш-ш-ш... – тихо сказала я. – Если он это услышит, то ужасно оскорбится. Он явно думает, что ведет себя очень эффектно.

– От эффектных людей у меня уже зад болит, – парировал он.

Без дальнейших проволок мистер Гилкрист принялся произносить хвалебную речь Артемизии. По крайней мере, так она начиналась, но уже спустя несколько предложений превратилась в обличение девушки. Он бранил ее способности, вкус, моральный облик и, несомненно, пошел бы в этом и дальше, но тут Эмма Толбот выступила вперед.

– Да замолчи наконец, Джулиан, – велела она. – Видит бог, я не была в числе ее обожателей, но таланта и человечности у нее было в два раза больше, чем у тебя.

– Гадюка! – взревел он, указывая на нее пальцем. – Ты гадюка, пробравшаяся в этот дом, лучше бы ты оказалась на ее месте! А может быть, еще и окажешься, – добавил он, наклонившись вперед, и чуть не свалился (но все-таки не свалился) со стола. Плакальщица у стены громко вскрикнула от ужаса и пошла в нашу сторону, но взгляд Эммы Толбот остановил ее на полпути.

Женщина послабее могла бы побледнеть после явной угрозы Джулиана Гилкриста, но мисс Толбот лишь насмешливо скривила губы.

– Ты злишься на меня только потому, что все это правда. Тебе никогда не стать и вполтину таким хорошим художником, как она, ты – мелкий прыщ!

Гилкрист собрался спускаться, но споткнулся о вазу в середине стола, и на пол полетел настоящий водопад из лилий.

– Проклятая стерва, – выкрикнул он, указывая пальцем на Эмму Толбот.

Я многозначительно посмотрела на Стокера, и он, вздохнув, одним движением сбросил сюртук, подошел к столу, схватился за скатерть и резко дернул. Миска для пунша, блюда, подсвечники – все полетело в воздух вместе с мистером Гилкристом. Он упал, звонко ударившись о стол своей красивой головой, и сразу же лишился чувств.

Стокер потянулся к нему и с легкостью забросил молодого человека себе на плечо. Затем он повернулся к мисс Толбот, которая смотрела на него, открыв рот от изумления.

– Куда его положить? – спросил Стокер обыденным тоном.

Она встряхнулась, приходя в себя.

– У него есть комнаты наверху. Я вам покажу.

Она поспешила из зала, Стокер последовал за ней, и последнее, что мы увидели, – это безвольно болтавшуюся голову Гилкрита у него на спине.

Тишину нарушила плакальщица.

– Что-то здесь становится слишком весело, – сказала она, откинув с лица вуаль, и я увидела широкую улыбку. Потом она мне подмигнула. – Я Черри, работаю здесь горничной. Идем со мной, мисс. Пора познакомиться с хозяином.

Глава 8

Пока мы шли в зал для приемов, она обмахивалась концом вуали и стирала со лба капельки пота.

– Под этим нарядом изрядно жарко, – пожаловалась она. – Но хозяин специально попросил. Сказал, что от этого вечер станет более сол... Какое же там было слово? Похоже на «соленый».

– Солидным? – предположила я.

– Да, точно. Хозяин, он любит всякую такую обстановку, – сказала она с ласковой улыбкой. – И уж если он что делает, так делает все как положено. Мы взяли это напрокат у «Бантера и Видмана», – добавила она, указав на свой наряд. Я не слышала о таком заведении, но несложно было предположить, что это один из тех огромных складов-магазинов в траурном оформлении, что раскинулись повсюду, когда королева установила всеобщий траур после смерти своего мужа. Принц Альберт был мертв уже чуть не четверть века, но траурная индустрия и не думала идти на спад.

Горничная провела меня мимо статуи Эхо, и я увидела, что меня ждет джентльмен в батском кресле; в уголках его губ играла легкая улыбка. Хозяин дома сделал мне приглашающий жест рукой, и девушка удалилась на почтительное расстояние.

Как и было обещано, сэр Фредерик Хэвлок казался воплощением силы, даже в нынешнем непрестом состоянии. Руки были скрючены, как ветви старого дуба, но весь внешний вид говорил об энергии, лишь немного ограниченной обстоятельствами. Волосы и борода срослись в единое целое, сквозь серебряные локоны тут и там все еще проглядывали черные пряди, а из-под нависших темных бровей смотрели ясные пронизательные глаза. В нем было еще много силы, и я с удивлением поняла, что он разглядывает меня оценивающе – метким взглядом художника... и соблазнителя.

Кажется, выражение лица меня выдало, потому что он рассмеялся и махнул крючковатой рукой.

– Дитя мое, вы в полной безопасности. Я уже много лет не могу в полной мере совратить женщину. Но я все еще способен оценить работу Великого мастера, создавшего столь прекрасное лицо, – галантно добавил он. – Если бы я был в состоянии, то немедленно велел бы вам раздеться и изваял бы вас в роли Галатеи, только что вышедшей из-под моих рук.

– Если бывы были в состоянии, я бы вам позволила.

Он вновь рассмеялся и жестом указал мне на подушку, примостившуюся на бордюре у фонтана. После выступления мистера Гилкрита все гости, кажется, разошлись по разным комнатам, и мы остались совсем одни в этом большом зале.

– Дитя, скажите мне ваше имя.

– Вероника Спидвелл.

– Вы друг Луизы, – кивнул он. – Она предупредила нас, что вы придете и попытаетесь выведать что-то в связи с этим делом, с Майлзом Рамсфортом. Вы одна из этих редких птичек – леди-детектив?

– Нет, я профессиональный лепидоптеролог.

– Ничего себе! Образованная женщина. Вот уж точно интересное создание.

– Не более чем мужчина-художник, – ответила я.

– Полагаю, вы знаете, кто я такой?

В его ясных глазах блеснул огонек, и я легко представила себе его юношей, росшим при дворе русских царей в пышности и лени. В свое время он, должно быть, разбил не один десяток сердец, но даже и сейчас он больше всего напоминал мне величественно поседевшего старого льва. Может быть, он и шел к закату, но у жизни явно еще были на него свои планы.

– Да, знаю. Вы – хозяин этого дома.

Он всплеснул руками в притворном ужасе.

– Дитя мое, никогда меня так не называйте. Это звучит так, будто я лишь функция. Можете звать меня Фредериком, – сказал он так, будто оказывал мне удивительную почесть. Мне стало интересно, насколько быстро он отказывается от церемоний с гостями мужского пола, но в общем это было не очень важно. Как и Стокер, я умела пользоваться преимуществами, которые дала мне природа.

– А вы можете звать меня мисс Спидвелл, – чопорно ответила я.

Он громко рассмеялся, а затем кивнул на статую Эхо.

– Видите эту милую маленькую нимфу? Я создал ее за два месяца, зимой 1859 года. В тот год было очень холодно – ничего не оставалось, как только запереться дома и проказничать.

– Я этого не помню, – заметила я, захлопав ресницами. – Меня тогда еще не было на свете.

– Какая жестокость! – проворчал он, а потом нагнулся вперед и похлопал меня по руке.

– Не отстраняйтесь, дитя мое. Теперь я могу только держать девушек за руки, но это мне очень помогает.

Он взял мои руки в свои и развернул их, внимательно осматривая мои ладони.

– Вы работаете этими руками.

– Изучение бабочек – довольно суровое занятие.

– Как и искусство, – заметил он, продолжая сжимать мои ладони в своих морщинистых руках.

Он вновь кивнул в сторону Эхо.

– Когда я создавал ее, то знал: для этой прелестной вещицы нужна особенная оправа. Сперва я не представлял, как можно это осуществить, потому что задал себе невозможную задачу – поместить мою маленькую Эхо в комнату, где действительно было бы эхо. Я годами возил ее туда-сюда, пока не оказался как-то в соборе святого Павла с жалобами на Бога. И вот тогда-то я и придумал ее – галерею шепота, – сказал он, обведя широким жестом окружавший нас круглый зал. – Теперь я слышу многое, что не предназначается для моих ушей, – признался он. Он поднял свои изуродованные руки, чтобы я могла их рассмотреть. – Я уже не в состоянии творить, так что приходится заниматься другими вещами, в основном сплетничать и совать нос не в свое дело.

Я пожала плечами.

– В бесписьменных обществах сплетни – единственный способ передачи важных новостей и информации.

– Эти все практически не владеют письменностью, – сказал он. – Но все они мои маленькие овечки, и пастух их нежно любит.

– Я была рада познакомиться с вашей свояченицей сегодня, – сказала я ему.

Он загадочно на меня посмотрел.

– Вы действительно были рады? Ладно, не отвечайте. Из вежливости вы можете и солгать.

– Она мне понравилась, – искренне ответила я.

– И неудивительно. Оттилию легко полюбить. Я думаю о женщинах как о базовых элементах, мисс Спидвелл. Их компания мне необходима как воздух, и я неплохо в них разбираюсь. Некоторые женщины – огонь, другие – земля, а Оттилия – вода, спокойная и вездесущая.

Своими скрюченными руками он указал мне на картину, висевшую под лестницей.

– Я писал ее один раз. Идите и взгляните. Как вам кажется, удалось мне передать сходство?

Я встала и пошла к маленькой нише под лестницей. Картина была плохо освещена, и казалось, что тени, танцующие на ней, поминутно

меняют ее настроение. Она то озарялась таинственным светом, то погружалась во тьму. Одно в ней не менялось – восторженное выражение лица изображенной фигуры. Если бы Фредерик Хэвлок не сказал мне, что это Оттилия Рамсфорт, я ни за что ее не узналабы. На ней было свободное платье из какой-то темной материи, распущенные волосы рассыпались по плечам. Голова откинута назад, глаза широко распахнуты от чего-то, видного только ей, губы приоткрыты, будто во время вдоха. Одна рука изящно лежит на коленях, в складках платья, другая нащупывает золотую стрелу, пронзившую ее прямо в сердце. Все это в целом создавало впечатление запретного наслаждения, острейшего удовольствия – столь прекрасного и мимолетного ощущения, которое здесь было поймано и запечатлено навеки.

Я вернулась на свое место у края фонтана.

– Что вы об этом думаете? – спросил он, внимательно глядя на меня.

– Сложно сказать. Она напомнила мне моих бабочек, чья красота длится так недолго. Вы будто накололи ее на булавку и выставили на всеобщее обозрение, как я могла бы насадить одну из своих прекрасных бабочек.

Он одобритительно кивнул.

– Да, да. В этом суть живописи, дитя мое. Поймать что-то быстро проходящее и волшебным образом сделать его вечным. Это и есть дар художника.

Я вновь взглянула на картину.

– Еще, вероятно, талант художника в том, чтобы увидеть то, что не видят другие. Я и вообразить себе не могла, что миссис Рамсфорт может выглядеть так... так...

– Именно. Меня вдохновлял Бернини – его скульптура святой Терезы в момент сильнейшего исступления, когда ее сердце пронзило божественное копье. Это было очень сильным решением для юного художника. Я бы никогда не увидел в ней сходства с Оттилией, если бы однажды не поймал ее взгляда. Она была только что обручена с Майлзом Рамсфортом. Понимаете, они знали друг друга с детства. Это была хорошая партия. Имущество Тройонов наследовалось только по мужской линии, а потому ни моя жена, ни ее сестра не могли наследовать землю, но все остальное состояние перешло прямо в Литтлдаун, резиденцию Рамсфортов. В свое время это был блестящий дом, и Майлзу были необходимы деньги Тройонов, чтобы его перестроить. И еще ему нужен был кто-то спокойный и уравновешенный, чтобы сдерживать его. Оттилия казалась идеальным вариантом. Мы с Августой думали, что она станет морозцем для его огня.

– И она стала? – спросила я.

Он скривил губы.

– Не вполне так, как я ожидал. Во время праздника, на котором объявили об их помолвке, они ненадолго ускользнули, чтобы подарить друг другу несколько поцелуев в саду. Потом Майлзу пришлось от нас уйти, и я заметил, как она смотрела на него в тот момент. Тогда я и увидел сходство со святой Терезой – мученицей, только что узревшей ожидающие ее небеса. И понял, что должен ее написать.

Он замолчал, погружившись в воспоминания, но вскоре я рискнула задать вопрос.

– Ей сейчас, должно быть, очень тяжело.

Он кивнул.

– Да, она хорошо держится, но думаю, что, когда все это закончится и она отправится жить в Грецию, там-то и случится ужасающий крах. Хотел бы я сказать, что Майлз Рамсфорт достоин того горя, которое она будет переживать из-за него, но не хочу оскорблять вас ложью. Это полностью сломает ее жизнь и станет еще одним трупом на его совести, – горько закончил он.

– А вам он не дорог?

Он покачал головой, тряхнув гривой волос.

– Я скорее готов подпалить себе бороду, чем провести час в беседе с этим типом, – сказал он мне. – Когда-то мы были приятелями, но я устал от него и его манер. В жизни не встречал более ребячливого взрослого мужчину. Его энтузиазм страшно утомителен, и он оптимистичен до глупости, к тому же всегда перескакивает с одного проекта на другой. Даже для Кандида[9] это было бы слишком. Ему нравится быть в центре всеобщего внимания, он непоседлив, как бойкий малыш.

Я могла только заметить, что стремление оказаться в свете рампы было у него общим со свояком, поэтому просто промолчала. Выражение лица Фредерика Хэвлока стало более резким.

– Вы были знакомы с Артемизией?

– Не имела этого удовольствия. Но сегодня вечером я видела ее работы. Какая горькая утрата.

– Она была гением, – просто сказал он. – Но еще не знала об этом. Нет смысла раньше времени говорить им, на что они способны. Если они талантливы, то могут испортиться, стараясь быстро добиться успеха. А если особых талантов нет, то упадут духом, а на самом деле может быть так, что они все же способны на одну по-настоящему стоящую работу.

Для старого повесы это была на удивление проникательная речь. И я

взглянула на него новыми глазами.

– Должно быть, вы прекрасный ментор.

– Ментор! Вы знакомы с греческой историей, дитя?

– Когда Одиссей отправился на Троянскую войну, он поручил заботу о своем сыне Телемахе своему другу Ментору, который и руководил мальчиком хорошо и мудро, – припомнила я.

– И, несомненно, к тому же постоянно крутился у Пенелопиной юбки, – закончил он.

– Несомненно, – с улыбкой согласилась я.

Он посмотрел на меня из-под густых бровей.

– Когда становишься таким же старым, как я сейчас, бывает забавно шокировать людей, но вас, кажется сложно чем-то взволновать. Буду называть вас «невозмутимая мисс Спидвелл».

– Убийство меня шокировало, – просто сказала я.

– Порядочных людей всегда шокируют непорядочные вещи, – заметил он. Вся его живость куда-то улетучилась, лицо стало бледным.

– Позвать кого-нибудь, сэр Фредерик? – спросила я.

Он только отмахнулся.

– Пока не нужно. Скоро придет Оттилия и начнет кудахтать надо мной, но пока еще не пора подтыкать мне одеяло.

– Вы пережили ужасную потерю, – сказала я.

– Да, так и есть, – ответил он горько. – Когда она умерла, я был еще на ногах, – добавил он, и я поняла, что он имеет в виду Артемизию. – Я угасал уже годы с этой ужасной болезнью, – сказал он, поднимая свои скрюченные пальцы, – но в день после ее смерти у меня случился приступ. Доктора сказали, это от шока. Я был без сознания несколько дней, а когда пришел в себя, понял, что ноги совсем меня не слушаются, да и от рук немногим больше пользы.

В его голосе не было жалости к себе, и мне это понравилось. Он рассматривал меня, наклонив голову.

– Я не жалею, что мои руки ослабли. Я много работал над тем, чтобы побороть эти сожаления. Но все еще бывают моменты, когда я злюсь на Бога за то, что больше не могу писать. Например, сейчас, когда смотрю на ваше лицо, – сказал он. – Какой редкий цвет глаз. Только раз прежде я видел фиолетовые глаза, но мне не удалось их написать. Я не смог бы правильно их изобразить, но, господи, как бы мне хотелось иметь возможность хотя бы попытаться.

– Вы очень добры, сэр Фредерик.

Он немного оживился.

– Вы должны звать меня Фредерик, – напомнил он мне.

Я улыбнулась.

– Тогда зовите меня Вероникой.

– Вероника Спидвелл! Ха! У кого-то хорошее чувство юмора, – заметил он. Мое имя было в некотором роде ботанической шуткой[10], что не раз веселило людей, в этом разбиравшихся.

Он похлопал меня по руке.

– Вы милое создание. Сомневаюсь, что сумеете что-то выяснить в этой истории с Артемизией, но было очень мило с вашей стороны не разочаровывать Луизу и хотя бы попытаться.

– А вы не считаете, что Майлз Рамсфорт невиновен?

Он надолго задумался, а когда заговорил, было видно, как аккуратно он подбирает слова.

– Не думаю, что вы сумеете оправдать его.

– Но это разные вещи, – заметила я.

– Пожалуй, вы даже чересчур умны, – заметил он, проницательно глядя на меня. – Прошу вас, будьте осторожны. Убийство – опасное дело, милая Вероника. Тени повсюду.

Глава 9

Увидев, что к нам приближаются Стокер и мисс Толбот, я встала со своего сиденья на краю фонтана.

– Потрясающие новости, сэр Фредерик, – сказала она, остановившись рядом со своим наставником. – Это мистер Темплтон-Вейн, и он согласился мне позировать. С его помощью я завершу свою галерею греческих героев, мне не хватает только Персея.

Сэр Фредерик посмотрел на Стокера долгим взглядом.

– Это прекрасно, дорогая моя. Надеюсь, он сможет тебе в этом помочь, пока будет заниматься другими своими делами в Хэвлок-хаусе.

Эмма Толбот посмотрела на него заинтересованно.

– Другими делами?

– Да, девочка, – спокойно ответил сэр Фредерик. – Он пришел сюда с мисс Спидвелл, чтобы задать нам несколько вопросов о смерти Артемизии. Они считают, что сумеют оправдать Майлза Рамсфорта.

Я, конечно, слышала выражение «кровь отлила от лица», но никогда не видела, как это происходит в буквальном смысле слова. С лица мисс Толбот сошла вся краска, даже ее губы побелели, и казалось, что она лишилась дара речи.

– Мисс Толбот, с вами все в порядке? – спросила я.

Она резко и с раздражением затрясла головой.

– Оправдать Майлза Рамсфорта? Это невозможно, – выдохнула она.

Она сжала свои маленькие руки в кулаки и смотрела на нас с яростью зверя, загнанного в угол.

– Вы впервые слышите об этом? – спросил Стокер, несомненно, думая о принцессе Луизе и сообщении, которое она сделала накануне вечером здесь за ужином.

– Нет, я была здесь, когда принцесса Луиза рассказала нам об этом, но я думала, что она преувеличивает, – решительно сказала она. – Это невозможно.

В ее серых глазах светилось нечто, похожее на презрение.

– Если желаете мне позировать, то я жду вас в любой момент. В противном случае лучше уходите. Оставьте этот дом и забудьте, о чем вас просили. Это невозможно, – закончила она, повернулась на каблуках и быстро удалилась.

– Очень эффектный выход, – заметила я.

На лице сэра Фредерика появилась еле заметная полуулыбка.

– Очень люблю выводить их из себя. Они от этого делаются болтливыми, – сказал он как бы в оправдание и с восхищением взглянул на свои руки.

– Сейчас они уже почти ни на что не годятся, но по-прежнему неплохо дергают за нити своих марионеток.

Он подозревал Черри, которая уже направлялась к нам в своем траурном одеянии.

– Уже поздно, – проворчала она. – Миссис Рамсфорт сказала, что я должна уложить вас в постель, – сообщила она хозяину.

Он махнул рукой.

– Уложить меня в постель! Это звучит так, будто я кочан капусты.

– Кочан или не кочан, но ваше место в постели, – сказала она, подмигнув мне.

– Я пойду, но позже. Сначала я хочу, чтобы ты проводила мисс Спидвелл и мистера Темплтон-Вейна в комнаты Артемизии.

Она взглянула на него с каменным выражением лица.

– Эти комнаты закрыты.

– Но у нас есть ключ, – строго сказал он. – Ступай, девочка.

Ей это явно не понравилось, но она подчинилась: принесла откуда-то ключ и повела нас вверх по лестнице, которая шла по кругу под куполом, и в некоторых местах были сделаны галереи, каждая по-своему расписана золотом на голубом. Она провела нас на этаж над комнатами Оттилии Рамсфорт, там тянулся коридор, расписанный в венецианско-красных тонах.

– Вот, – сказала она, вставив ключ в один из замков и открывая дверь. – Мы не заходили сюда с ее похорон, – добавила она. Мы со Стокером медленно переступили порог, но девушка замешкалась снаружи.

– Боитесь заходить? – спросила я.

Она колебалась.

– Говорят, что души убитых не находят себе покоя, – признала она. – И думаю, что если мисс Артемизия вернулась, она, конечно, возвратилась именно сюда.

– Но почему не в Литтлдаун? – спросил Стокер. – Наверное, она должна посетить место преступления.

Черри поежилась.

– Об этом я ничего не знаю, но мне известно, что здесь она была счастлива.

– Правда? – спросила я. Это был просто риторический вопрос, и Черри

так его и восприняла. Она продолжала топтаться на пороге, бросая любопытные взгляды на Стокера. Очевидно, не только мисс Толбот сочла его интересным. Я кивнула ему, указывая на дверь, а сама пошла вглубь комнаты. Он сделал, как я просила: нашел в кармане монетку и протянул ее девушке.

– Спасибо за то, что послужили нам проводником, – сказал Стокер, загадочно ей улыбнувшись.

– О, о... – пробормотала она. Потом подняла на него глаза и вопросительно указала пальцем на его глазную повязку. – Я знаю, что это не мое дело, сэр, но, право, мне так любопытно. Что случилось с вашим глазом? Вы потеряли его на дуэли?

Стокер был удивительно терпелив с девушкой.

– Я его не потерял, – сказал он, отодвинул повязку и показал ей глаз – целый и невредимый, за исключением тонкого серебристого шрама, который шел от брови через веко и вниз по щеке вдоль скулы.

– Зачем же вы тогда носите это?

– Потому что, хоть глаз и удалось спасти, но теперь он быстро устает. Если я долго занимаюсь какой-то мелкой работой, а это случается нередко с моей профессией, зрение в нем ослабевает. Ему нужен отдых, и в этом мне помогает повязка.

– Да что вы говорите... – прошептала она.

Стокер не стал придвигаться к ней еще ближе, но заговорил добрым, доверительным, почти чарующим голосом.

– Теперь, когда я ответил на ваши вопросы, может быть, вы будете так любезны ответить на мои.

– О, все что угодно, сэр! – ответила она.

– Спасибо. Мне кажется, вы очень умная девушка, Черри, и достаточно наблюдательная. Наверное, почти ничто в этом доме не может пройти мимо вас.

Она прищурилась.

– Но и из меня ничего не выходит. Спасибо за монетку, сэр, – добавила она и, поспешно поклонившись, ушла.

Я посмотрела на него с осуждением.

– Теряешь сноровку, раз не можешь вытащить хоть немного лишней информации из такой девушки, – сказала я ему.

Он пожал плечами и закрыл дверь, чтобы никто нам не помешал. Не сговариваясь мы решили разойтись по разным комнатам. Хотя оба по роду деятельности были учеными-натуралистами, но специализировались в совершенно разных областях. Мои интересы лежали в запутанном царстве

чешуекрылых, а он занимался таксидермией, создавал чучела животных, как бы воскрешая умершие образцы и придавая им жизнеподобие. И то, и другое занятие требовало внимания к деталям, а также некоторой оригинальности мышления. Наши способности идеально дополняли друг друга.

Первая комната явно была студией-мастерской Артемизии: холсты в разной стадии завершенности, книги по искусству, наброски, кисти и какие-то непонятные инструменты. Огромные, обращенные на север окна (сейчас закрытые ставнями), должно быть, прекрасно наполняли помещение светом, но даже при неровном свете свечей (сэр Фредерик не стал утруждать себя тем, чтобы провести газ на верхние этажи) сразу становилось понятно, почему так много людей восхищалось ее полотнами. Она отдавала предпочтение крупным работам, фигуры на картинах были больше человеческого роста, а цвета – потрясающе яркими. Стокер подошел к одному из холстов, эскизу: Далила держит в руках остриженные локоны Самсона, а я прошла через полуприкрытую дверь в соседнюю комнату.

Это, очевидно, были жилые помещения: там были стол со стульями и кресло, придвинутое поближе к камину. Потрепанный, но яркий ковер оживлял простой дощатый пол, а кресло было завалено множеством небольших подушек, сшитых из ярких шелковых лоскутков. Каминная полка вся была уставлена разнообразными предметами: фотографиями в рамках, фарфоровыми зверушками, шкатулками из папье-маше. Стены оклеены яркими обоями в розочки и сплошь увешаны всевозможными картинами – от набросков, наскоро пришпиленных к стене булавкой, до законченных работ, должным образом оформленных в рамы из позолоченного дерева. Даже старенький деревянный стол был покрыт вязаной скатертью с веселыми полосками красного, зеленого и фиолетового цветов. За ширмой я обнаружила столик для умывания и узкую кровать, застеленную бельем из ирландского льна.

Я подошла к умывальнику и изучила стоявшие там предметы. Они лежали в удивительном порядке. Зубная щетка и порошок в стаканчике, маленькое зеркальце, несколько банок с кремами и пудрой и бутылка из зеленого стекла с именем аптекаря на этикетке.

– Что это, черт возьми, такое? – спросила я себя, взяла бутылочку и поднесла ее к свету. Она была почти пустой, только на дне оставалось несколько капель зеленовато-молочной жидкости. Этикетка кое-где размокла и слезла с бутылки, так что я смогла прочесть лишь часть имени и дату. «Мод Эр...».

– Мод Эресби, – вспомнила я настоящее имя Артемизии. А дата? За два месяца до ее смерти.

– Стокер, – позвала я, – подойди и взгляни.

Он появился с альбомом для набросков в руках. Я протянула ему бутылочку.

– Что ты можешь об этом сказать? Этикетка отклеилась.

Он открыл пробку и принялся, потом наклонил голову, обдумывая, что это за запах. Затем перевернул бутылочку, и ему на руку выкатилось несколько капель. Он осторожно лизнул их, подержал на языке, чтобы попробовать, а потом проглотил.

– Лист малины, – произнес он наконец. – И несколько других ингредиентов, которые мне сложно определить.

– Лист малины? Для чего?

– Он укрепляет матку. Его дают женщинам с угрозой выкидыша, чтобы сохранить плод, – объяснил он.

Я с удивлением заморгала.

– Она была не замужем и ждала ребенка от женатого любовника. Большинство женщин в таких обстоятельствах были бы рады выкидышу, а она пыталась его предотвратить?

Он пожал плечами.

– Может быть, она хотела ребенка. Многие женщины чувствуют потребность в материнстве, – заметил он, тактично опустив упоминание о том, что у меня подобной потребности не было. – Или, может быть, она его не хотела, но не могла позволить ему умереть, если у нее была возможность этому помешать.

Вдруг он нахмурился.

– Но если у нее был риск выкидыша, почему же ее обнаружили в постели Майлза Рамсфорта в ночь, когда она умерла?

Я вновь заморгала.

– Неужели невозможно предаваться удовольствиям в постели во время беременности? И что же, все беременные женщины обходятся без этого? Девять месяцев без сексуальных отношений? Просто ужасно.

Стокер слегка покраснел.

– Если беременность проходит хорошо и плод надежно закрепился, считается, что подобные занятия безопасны. Но при малейшей угрозе для ребенка или матери это строгойше запрещается.

– Зачем же тогда рисковать потерять его таким образом и одновременно принимать лекарства, чтобы этого избежать? – закончила я.

– Прекрасный вопрос.

Я кивнула в сторону альбома у него в руках.

– Что у тебя там?

– Кое-какие объяснения, – ответил он и открыл альбом на одной из последних страниц. – Узнаешь этого человека?

Работа была без подписи, но очевидно авторства Артемизии. Даже и в маленькой картине узнавались те же смелые линии и изящная композиция, что и на больших холстах. Это был набросок: обнаженная мужская фигура, изящная и гибкая, растянулась на диванчике, ноги призывно раскинуты, на голове рожки сатира. А лицо Джулиана Гилкрита.

– Этот диван стоит в соседней комнате, – с воодушевлением заметил Стокер. – Наверное, она там и делала этот набросок.

– И, должно быть, очень хорошо была с ним знакома, – добавила я, заметив, с какой точностью было передано возбуждение его мужского органа. Я наклонилась вперед, чтобы получше рассмотреть рисунок. – И ее нельзя за это осудить, скажем прямо.

Стокер выдернул у меня альбом и решительно его захлопнул.

– Ты ведешь себя неприлично, – строго сказал он, холодно и повелительно, будто римский император.

Я прищурилась.

– Хотя ты и джентльмен высокого происхождения, но иногда так строго следишь за моралью, как сын простого купца, – сказала я ему.

– А уж это вообще низости, – в его голосе явно послышалась ярость. Иногда он очень сурово высказывался о своем сословии, его даже можно было счесть за радикала, но все-таки он был аристократом до мозга костей, а потому не выносил замечаний о том, что у него может быть что-то общее со средним классом его показным морализаторством. Он не был снобом; с равной легкостью вращался и в высших кругах с их пышным упадком, и в низших с их вульгарным добродушием, не делая различия между герцогом и трубочистом, но чего он совершенно не выносил, так это назидательности торгового сословия.

– Ну хорошо, прошу прощения, но ты же нашел нам интересную улику, – задумчиво сказала я. – Очевидно, Артемизия была в очень близких отношениях с Джулианом Гилкристом. Может быть, в этом причина его дурного расположения к ней?

– Да, это подходит, – согласился он. – Особенно если она бросила его ради Майлза Рамсфорта.

– Что дает Гилкриту прекрасный мотив для убийства, особенно если Рамсфорта за это повесят.

Стокер в задумчивости почесал подбородок.

– По росту он похож на того злоумышленника, что подбросил нам вчера вечером записку с угрозами. Знал ли он, что мы собираемся заняться расследованием?

Я кивнула.

– Помнишь, что Оттилия Рамсфорт сказала нам о вчерашнем ужине? Очевидно, ее высочество не сочла нужным держать этот вопрос в тайне.

Я оглядела комнату. Здесь было тихо, как будто веселье в зале происходило где-то очень далеко. Тут же были только пыль, спокойствие и ощущение того, что время остановилось. Некоторым образом так и было. Сэр Фредерик запер дверь в эти комнаты после смерти Артемизии. Она больше никогда не переступит этот порог, не ляжет отдохнуть на этом стеганом одеяле, не заварит себе чая в этом чайнике с треснутой ручкой. Я затылком ощутила дыхание ледяного воздуха, легкое, но явственное, как будто кто-то коснулся меня пальцами. Я изо всех сил постаралась не вздрогнуть, но Стокер, кажется, что-то заметил.

– Что с тобой? – мягко спросил он.

– Ты веришь в привидения?

Его лицо сделалось вдруг очень суровым.

– С такой жизнью, какая была у меня, я не могу себе этого позволить.

Глава 10

На выходе из Хэвлок-хауса стояла Черри; в руках она держала корзину, накрытую простой черной материей. Увидев нас, она приподняла ткань; под ней оказалась гора поминального печенья, завернутого в бумагу по две штуки, с черной сургучной печатью сверху. К каждому свертку прилагалась изящно написанная эпитафия на смерть Артемизии: даты ее рождения и смерти и небольшое стихотворение.

– Каждый должен взять себе это печенье, – объяснила нам девушка, – в память о мисс Артемизии.

Мы послушно взяли себе пакетики.

– Пожалуйста, передайте завтра нашу благодарность сэру Фредерику, – сказала я ей.

– Да, мисс. Он уже уложен в кровать, ему давно пора отдыхать. Такие мероприятия слишком его утомляют, – сказала она, решительно вздернув подбородок.

– Вы очень преданы своему хозяину, – заметила я.

– Он добр ко мне, – просто сказала она. – И мне не хочется видеть его расстроенным.

– Как ему повезло: иметь такую защитницу, – сказала я ей.

Она вздрогнула и густо покраснела.

– Ну что вы! Я бы никогда не осмелилась...

Я тронула ее за рукав.

– Ему очень повезло, – повторила я. Краска гнева сменилась на ее щеках застенчивым румянцем.

– Спасибо, мисс.

Стокер обхватил меня за талию, направляя к выходу.

– Что это все значит? – спросил он.

– Чувствую, Черри нам может пригодиться в этом деле. Одному из нас нужно налаживать с ней отношения, а я подозреваю, ты очень скромна для того, чтобы соблазнить ее.

Он слегка побледнел.

– Однажды этот язык кого-то зарежет, Вероника.

– Искренне на это надеюсь.

На следующее утро я пришла в Бельведер рано, бодрая как никогда.

Стокер остался дремать в моей кровати после еще одной целомудренной и бессмысленной ночи. Больше никаких угроз не поступало, но мы все равно засиделись вместе допоздна за стаканчиком спиртного (новая партия агуардиенте пришла от моего друга из Южной Америки) и сигаретами. Я наконец убедила Стокера бросить свои ужасные сигареты и перейти на более приятный аромат моих изящных сигарилл. Он съел свою порцию поминального печенья, радостно хрустя анисовыми вафлями, пока мы обсуждали подозреваемых и спорили по поводу возможных теорий, но в конце концов пришли лишь к тому, что у нас недостаточно информации, чтобы делать серьезные выводы. Хотя мы и составили некоторые впечатления о разных участниках этой драмы, было еще рано для весомых теорий, и эта неопределенность вызывала во мне чувство раздражения и недовольства.

Главная проблема была в том, что сейчас мы не могли понять, в каком направлении нам двигаться дальше. Я надеялась, что после изучения утренних газет у меня может появиться хоть искорка вдохновения, а потому и отправилась в Бельведер раньше, чем обычно. Младший лакей, Джордж (крепкий мальчишка одиннадцати-двенадцати лет), уже принес туда экземпляр «Дейли Харбинджер», и я как раз дочитала все до последней страницы, когда на пороге появился Стокер, промокший до нитки. Небеса вдруг разверзлись, дождь лил как из ведра, на земле повсюду появились лужи. Он попытался высушить волосы полотенцем и развел огонь в камине, а я вытерла собак и дала им кости, которые они радостно принялись глотать.

– Дьявольщина! Этот горб делал какой-то криворукий любитель.

Закончив работу над крокодилом, Стокер принялся за следующее задание – переделать плохо выполненное чучело верблюда, и теперь он красочно ругался, осматривая его.

– Ты только посмотри, какой он формы! – воскликнул он. – Такого точно не бывает в природе. Он больше похож на вдовствующую герцогиню, чем на бактриана.

Я промычала что-то в знак сочувствия и вернулась к газете. Стокер закончил распускать швы на шкуре зверя и осторожно стянул ее с основания. Неожиданно нам в ноздри ударила волна ужасного запаха: какая-то смесь плесени, пыли и еще чего-то гораздо хуже.

– Боже мой, Стокер, что это такое? – спросила я, прикрывая нос платком.

Он вытряхнул из горбов сгнившие опилки и вытащил оттуда какие-то маленькие трупики.

– Думаю, это мыши.

Он бросил их в огонь, а я всыпала туда горсть сухой лаванды, чтобы прогнать неприятный запах. Я уже успела убедиться на собственном опыте, что эксперименты Стокера зачастую отвратительно пахнут. Он вернулся к горбам, и ему пришлось достать оттуда еще несколько крайне неприглядных вещей, пока он вычищал все, вплоть до костей. Это было чучело старого образца: шкура натянута на набивку из опилок, а та закреплена на костях животного. В последние годы ученые изобрели новый метод – заменять кости искусственным скелетом из дерева или металла, а настоящий скелет экспонировать рядом, отдельно. Это было очень правильным решением, потому что позволяло изучать отдельно строение костей и внешний вид животного; кроме того, гораздо гигиеничнее, как заметил Стокер, но требовало от мастера навыков скульптора, чтобы правильно воссоздать форму животного.

Когда я подумала о скульптуре, то вспомнила о вчерашнем вечере.

– Когда ты собираешься позировать для мисс Толбот? – спросила я и сразу подалась вперед.

– Смотри, «Дейли Харбинджер» приводит здесь ретроспективу убийства Артемизии: каждый день новые подробности, вплоть до повешения. Как невообразимо отвратительно.

Вспотев от борьбы со шкурой верблюда, он снял рубашку, но это так часто случалось в нашей практике, что я уже почти перестала обращать внимание на его потрясающую мускулатуру. Почти перестала.

Он пожал плечами, аккуратно стягивая шкуру с задней части чучела.

– Не вижу смысла ей позировать.

– Стокер, мы это обсуждали. Смысл в том, чтобы провести больше времени с потенциальными подозреваемыми в убийстве Артемизии, – напомнила я ему, проглядывая статью. – О, новое описание места преступления. Во всех подробностях, со строгим предупреждением для чувствительных читателей, – сказала я, встряхнув газету.

Он подошел, встал рядом (его кожа блестела от пота и была вся покрыта опилками) и прочитал заметку вслух, заглядывая мне через плечо.

– «Мисс Мод Эресби была найдена в обескровленном состоянии в главной спальне поместья Литтлдаун. Она мирно лежала на кровати, но эта спокойная поза лишь подчеркивала всю жестокость преступления. Кровь промочила матрас насквозь и просочилась на пол, где навсегда осталось несмываемое кровавое пятно». – Он с усмешкой приподнял бровь. – И правда отвратительно.

Я откинулась в кресле и задумчиво посмотрела на него.

– Могло быть действительно столько крови или это преувеличение?

– В отчете о вскрытии, представленном на дознании, говорилось, что смерть наступила в результате единичного разреза гортани очень острым предметом, – спокойно сказал он тоном бывшего помощника хирурга на флоте ее величества. – Здесь свое дело сделала левая внешняя яремная вена – из нее вылилось столько крови, что сердцу уже просто нечего стало качать.

– А очень острым предметом, как было установлено, оказалась бритва Майлза Рамсфорта, взятая с умывальника в противоположной части комнаты, – добавила я. – Сколько силы нужно, чтобы осуществить убийство одним надрезом мужской бритвы?

Он пожал плечами.

– Судя по тому, что мы слышали и читали, Артемизия была молодой женщиной, в самом расцвете сил, да к тому же статной. Невысокий человек с этим не справился бы. Это был мужчина.

– Почему не женщина?

Он покачал головой.

– Маловероятно. Женщине, чтобы это осуществить, нужно быть выше и сильнее Артемизии, а это сразу исключает тех женщин, с которыми мы уже знакомы в связи с ее смертью. Оттилия Рамсфорт чуть выше среднего роста и стройная, а Эмма Толбот еще ниже.

Стокер вернулся к своему мерзкому верблюду, а я продолжала рассуждать.

– Я знаю одну женщину выше ростом... к тому же она скульптор, и у нее сильные руки, – медленно сказала я.

– О ком ты?

– О своей тетке Луизе.

Он замер, вокруг головы у него закружилось облако опилок.

– Ты шутишь?

– Но это же вероятно, – упорствовала я.

– Это невероятно. Она принцесса.

– А у особ королевской крови не бывает склонности к убийству? Почитай учебник истории, Стокер. Думаю, ты обнаружишь, что большинство из них стали королями главным образом благодаря убийствам.

– Я не это имею в виду, – возразил он. – Я гораздо лучше знаком с этой породой, чем ты. Так что поверь мне на слово: королевские особы никогда не станут марать руки, потому что множество подданных с радостью выполнит любое их поручение. Они не прикасаются к деньгам и не стучат

в двери, Вероника. Сомневаюсь даже, что они вытирают собственные...

Я жестом остановила его.

– Я уловила мысль. Хорошо, хорошо. Но все же мне нравится эта идея.

– Не сомневаюсь, – заметил он, насмешливо скривив свои красивые губы. – Мало что так порадует тебя, как выставить их в дурном свете, и я не виню тебя за это. Но ты слишком высокого мнения о них. Им не хватит ума, хитрости или силы характера, чтобы совершить убийство.

– Может быть. – Я сложила пальцы домиком под подбородком. – А кто, по-твоему, подходит на роль убийцы?

– Джулиан Гилкрист, – ответил он, ехидно взглянув на меня.

– Ты говоришь это только потому, что ударил его головой о стол. Может быть, в качестве извинения стоит послать ему корзину с фруктами?

– Извинения? Этот ублюдок пришел в себя, когда я укладывал его в постель, и пытался меня укусить. По-моему, это совсем не по-джентльменски, – заметил он с обидой в голосе.

– Он был в высшей степени опьянения, – возразила я.

В этот момент появился лакей Джордж.

– Мисс, это опять я. Первая почта, – сказал он и вручил мне стопку конвертов. Я стала их просматривать, а он направился к Стокеру.

– Какая-то это глупая лошадь, с вашего позволения, сэр, – заметил он.

Стокер ответил что-то неразборчивое. Голова его была глубоко в задней части верблюда, откуда он выгребал кучи опилок.

– Это не лошадь, Джордж, – рассеянно заметила я. – Домашняя лошадь называется *Equus ferus caballus*. А тот экземпляр, в который сейчас засунул голову мистер Стокер, называется *Camelus bactrianus*, верблюд-бактриан. Он обитает в степях Центральной Азии.

Мальчишка во все глаза смотрел на чучело, пока я не дала ему медовую конфету из слегка уменьшившихся запасов Стокера; тогда он умчался прочь, радостно посасывая леденец, а я занялась корреспонденцией. В основном это были рекламные буклеты и счета, а также несколько профессиональных журналов, не представлявших ни для кого из нас интереса. «Квартальный отчет общества по защите малых водяных жуков» был совершенно никому не нужен, и я бросила его в корзину с бумагами, которые мы использовали для растопки. Осталось два конверта, и оба были в равной степени занимательными. Один был адресован Стокеру; на нем красовался герб – корона, украшенная девятью серебряными шариками. Несложно было заключить, что это письмо – от брата Стокера, нового виконта Темплтон-Вейна.

Я помахала им перед Стокером.

– Тебе письмо. Кажется, от старшего брата.

Он ответил что-то, милосердно заглушенное верблюжьими опилками, но я услышала достаточно, чтобы понять: он явно заслуживал звания моряка, по крайней мере, в том, что касается разнообразия и живости ругательств.

– Что ты сказал? – вежливо переспросила я. – Не поняла, что куда катится.

Он вытащил голову из верблюда, и на пол посыпались опилки. Его длинные черные локоны все были покрыты пылью, и я чуть не рассмеялась, но вовремя заметила выражение его лица и успела сдержаться. Его губы побелели от гнева; не сказав ни слова, он вырвал письмо у меня из рук, не открыв, сразу бросил в огонь и вернулся к работе.

Тогда я открыла второе письмо, потому что оно было адресовано нам обоим. Можно было даже и не читать его. Я поняла, что там написано, сразу же, как увидела имя сэра Хьюго Монтгомери.

– Стокер, хватит нежиться с верблюдом. Скорее приведи себя в приличный вид. Нас вызывают в Скотланд-Ярд.

Мы почти не разговаривали по пути к штаб-квартире столичной полиции и вовсе молчали, пока дожидались приема у сэра Хьюго. Мне казалось, что глава Особого отдела продержит нас в приемной долго, но всего через несколько минут за нами явился его помощник, обаятельный и честолюбивый инспектор Морнадей.

– Мисс Спидвелл, – сказал он с широкой улыбкой, – никак не ожидал увидеть вас так скоро. В последнюю нашу встречу, кажется, вы собирались отбыть на юг Тихого океана.

Я слабо улыбнулась в ответ.

– К сожалению, наши планы изменились. Я задержалась в Лондоне на неопределенный срок.

Он оживленно приподнял брови.

– В самом деле? В таком случае, может быть, мы...

– Нас вызвали к сэру Хьюго, – решительно вмешался Стокер.

Морнадей сухо ему кивнул.

– Мистер Темплтон-Вейн, рад встрече.

Потом его веселые темные глаза опять задержались на мне, и мне показалось, он с трудом сдерживает улыбку.

– Сэр Хьюго ожидает вас.

Мы поднялись на один этаж, а потом пошли по длинным запутанным

коридорам. Несмотря на свое высокое положение главы Особого отдела, сэр Хьюго предпочитал держаться в Скотланд-Ярде крайне незаметно.

– Я удивлена, что сэр Хьюго так легко сумел уделить нам время, – сказала я Морнадею. – Думала, он очень занят.

– Очень. – Ответ был краток, но Морнадей при этом улыбнулся мне через плечо. – Сами знаете, он не может позволить вам долго ждать внизу, среди всякого сброда: боится, что вы сболтнете лишнее.

Я приснула. Сэр Хьюго всегда открыто выражал свое беспокойство на мой счет. Его все еще расстраивало, что я отказалась от щедрого денежного вознаграждения из рук королевской семьи, чтобы держать в тайне свое происхождение. По-моему, это пахло подкупом, и я не хотела брать у них ни пенса. Но для сэра Хьюго это означало, что ему придется верить мне на слово в том, что я никому не выдам эту тайну.

Морнадей подвел нас к двери сэра Хьюго и осторожно постучал.

– Входите! – прогремел сэр Хьюго.

Морнадей открыл для нас дверь и тихо закрыл ее за нами. Я подумала, что он, наверное, будет стоять в коридоре до окончания нашей встречи, как Цербер охраняя дверь от возможных посетителей – как для того, чтобы мы могли поговорить спокойно, так и для того, чтобы наш визит остался в тайне.

Сэр Хьюго сидел за своим изящным столом эпохи Регентства – элегантным предметом, совершенно не сочетающимся с весомостью положения его хозяина. Когда мы вошли, он поднялся и сурово посмотрел на меня.

– Мисс Спидвелл, не стану лгать, что совершенно счастлив вас видеть. Темплтон-Вейн, – добавил он, кивнув Стокеру.

Он указал на стулья напротив своего стола, и мы сели.

– Ничего вам не предлагаю, – сообщил нам сэр Хьюго, – потому что не хочу затягивать нашу встречу.

Я взглянула на него с легким упреком.

– Это совершенно негостеприимно с вашей стороны, особенно с учетом того, с какой готовностью я сотрудничала с вами.

Его брови взлетели в удивлении.

– Сотрудничали? Да вы ни разу не сделали того, о чем я вас просил. Почему вы вообще решили, что это можно назвать сотрудничеством?!

– Я делаю что-то по-своему, сэр Хьюго, но у нас с вами во многом общие цели, – мягко напомнила я ему.

Он вздохнул.

– Да, это похоже на правду. И вам удалось не раструбить эту историю

во все газеты, так что, полагаю, я должен быть вам за это благодарен. Итак, думаю, вы знаете, почему я хотел повидать вас сейчас.

– Не имею ни малейшего представления, – ответила я, для достоверности широко распахнув глаза. – Стокер, ты случайно не ввязывался ни в какую преступную деятельность? Может быть, мы ограбили банк? Похитили герцогиню?

Мне не следовало испытывать терпение сэра Хьюго; он явно был не в лучшем настроении. Выражение его лица сразу сделалось угрожающим.

– Вы здесь по делу Рамсфорта. Мне дали понять, что ее высочество сочла необходимым вмешать вас в эту историю.

– Это вы сказали ей мое имя, – заметила я.

– Она и без меня знала ваше имя, – ответил он и сразу смутился.

Я в задумчивости наклонила голову.

– Неужели?

Он вновь вздохнул, и я забеспокоилась, уж не мучает ли его несварение.

– Прекрасно. Мне не стоило столь неосмотрительно говорить об этом, но да, она знала. Она близка с... *ним*, – сказал он, старательно избегая называть по имени моего отца. – Принцесса Луиза выступает в некотором роде... доверенным лицом своего брата. А ему нужно было выговориться после этой ужасной истории во время празднования юбилея, – добавил он, пожившись при одном воспоминании об этих событиях.

– Это вполне понятно, – сказала я, хотя на самом деле мне совершенно ничего здесь не было понятно. Если моему отцу действительно нужно было с кем-то поговорить после «этой ужасной истории», то самым логичным кандидатом для этого была я. Но он не предпринял попытки выйти со мной на связь, и я надеялась, что он понимает: сама я ни за что не сделаю первый шаг. Моя гордость значила для меня больше, чем признание принца.

– Так или иначе, но на него произвела большое впечатление та роль, что вы сыграли в этом деле. И вы, – добавил он, взглянув на Стокера. – Несомненно, по его рассказам и принцесса составила о вас интересное представление. А когда случилось это ужасное событие и ее высочество убедила себя, что Рамсфорт невиновен, она спросила меня о вас. Мне пришлось рассказать ей правду, но не я посоветовал ей обратиться к вам, – закончил он.

– Однако она все-таки обратилась. И я подумала, может быть, вы будете столь любезны поделиться с нами всей возможной информацией о смерти Артемизии – чем угодно, что по каким-то причинам так и не

просочилось в газеты.

Он умел очень хорошо держать себя в руках и не открыл рот от удивления, но ноздри у него раздулись, и стало видно, что он изо всех сил сдерживается.

– Нет. Все значимые факты есть в прессе, потому что газеты передали верное заключение: убийство от рук Майлза Рамсфорта. Все остальное неважно. Это неприятно, и принцесса не хочет этому верить, но это так.

– И вы удовлетворены, потому что повесите виновного? – спросила я.

– Да, – ответил он резко и холодно. – Скотланд-Ярд провел подробнейшее расследование.

Я наклонила голову.

– В самом деле провел?

К моему изумлению, от этих слов он немного смягчился.

– Не настолько подробное, как мне бы того хотелось, если желаете. – Он замолчал, и я внимательно посмотрела на него, надеясь, что он продолжит. Он тяжело вздохнул. – Это поместье, Литтлдаун, находится в совершеннейшей глуши, в таком затерянном уголке в одном из Ближних графств[11], где никогда ничего не случается. Когда там произошло убийство, вызвали местного констебля. Он уже пожилой человек, *очень* пожилой, честно говоря, и никогда не имел дела с убийствами, а потому совершенно с этим не справился. Каким-то образом он пустил туда газетчиков, и они шныряли по дому как стая бешеных волков. После них уже буквально нечего было осматривать.

– Так вот почему иллюстрации в газетах столь подробные: их делали не по описаниям, – сообразила я. – Они все действительно были в той комнате.

– И много часов, – пожаловался он. – Я уже проследил за тем, чтобы данного констебля принудительно отправили на пенсию, но если выяснится, как ужасно он провел это дело, бедный старик лишится содержания. Мне это кажется слишком суровым наказанием – отправлять человека в работный дом только потому, что ему не хватило компетенции в этом деле, – добавил он. Он явно чувствовал себя немного не в своей тарелке, показывая нам, что ему свойственно сострадание, а потому я не стала развивать эту тему.

– Но согласитесь, – начала я, – если убийство не смогли расследовать должным образом, будет несправедливо повесить за него Майлза Рамсфорта.

К нему вернулась обычная суровость, и он грозно помахал пальцем у меня перед лицом.

– Это не имеет никакого значения, ведь у Майлза Рамсфорта нет алиби!

– Кажется, принцесса убеждена в обратном, – начала я.

– Принцесса привыкла все делать по-своему! – резко ответил он и так решительно закрыл рот, что скрипнули зубы. Когда он вновь заговорил, его голос был уже спокойным, он снова держал себя в руках.

– Мисс Спидвелл, я знаю ее высочество лучше, чем вы. В конце концов, вот уже долгое время задача нашего отдела – обеспечивать ее безопасность и безопасность всей королевской семьи. Принцесса Луиза часто бывает взволнованной, даже нервной.

– Вы говорите о ней как о лошади, – вставил Стокер.

Легкая улыбка тронула губы сэра Хьюго.

– Ваш отец был наездником, Темплтон-Вейн. Уверен, вы понимаете, что такое беспокойный породистый жеребец. У принцессы легковозбудимый нрав, и ей всегда потворствовали: позволяли считать себя художником и водиться с некоторыми вульгарными личностями, – добавил он, поджав губы. – Ей это не всегда идет на пользу. Она упряма, сейчас закусил удила и на полном скаку мчится прочь от здравого смысла. Ей нужно время, чтобы признать, что совершил Майлз Рамсфорт и что ее суждение оказалось ошибочным.

– Почему так вышло? – спросила я.

Он пожал плечами.

– Она считала его другом, а он оказался недостойным ее дружбы. Такому человеку, как принцесса, привыкшему всем руководить, а также к тому, что все препятствия исчезают перед ней сами собой, еще тяжелее признать тот факт, что все пошло кувырком. Она несколько раз приходила ко мне по этому делу и каждый раз выглядела все хуже, более взбудораженной. Она хотела, чтобы я снова открыл дело – но такую возможность я совершенно не рассматриваю. Но я хотел ей помочь, – сказал он, и я вдруг заметила, что его глаза светятся добротой. Несмотря на все самохвальство, он действительно беспокоился о семье, которой поклялся служить.

– Принцесса просила пригласить частного сыскного агента, – продолжал он, – но я и этого не мог ей разрешить. К тому моменту, когда она заговорила о вас, я уже так много отказывал ее высочеству, что не смог разочаровать еще раз. В конце концов я сказал ей, как вас найти, но ясно дал понять, что у меня есть определенные условия, которые сейчас я сообщу вам, – сказал он, подавшись вперед и устремив на нас обоих решительный взгляд. – Вы не будете в это впутываться, говорить с прессой

и оспаривать решение суда. Вы оба хорошо меня поняли?

Я поднялась.

– Как вам будет угодно, сэр Хьюго.

Он вскочил на ноги.

– О нет! Вы ничего не поняли! Я знаю вас достаточно хорошо, чтобы понять: это безропотное согласие – дурной знак.

Я пожала плечами.

– А я знаю мужчин достаточно хорошо, чтобы понять: бессмысленно спорить с тем, кто для себя уже все решил.

– Если вы продолжите в том же духе, имейте в виду, у меня есть средства, чтобы остановить вас, – сказал он, по-бычьему наклонив голову.

– Попробуйте, – спокойно сказала я.

Он повернулся к Стокеру.

– Вы можете ее вразумить?

Стокер взглянул на него с сочувствием.

– Если вы хотели, чтобы она перестала заниматься этим делом, то должны были приказать ей вести расследование, а потом еще предложить плату.

Мы оставили сэра Хьюго вне себя от ярости. Морнадей проводил нас через отдельный выход из его кабинета и подмигнул мне, закрывая за нами дверь.

– Мне не нравится этот тип, – сказал Стокер, когда мы вышли на улицу. Утренний дождь прошел, и над городом повисли низкие, давящие тучи.

– Который? Сэр Хьюго или Морнадей?

– Угадай. – Он рассеянно шарил по карманам в поисках чего-нибудь сладкого. Наконец выудил пакетик с мятными леденцами, развернул его и с довольным видом раскусил первую конфету. Резкий свежий аромат сразу смешался с другими запахами: лошадиного пота, гниющих овощей, немых лондонцев. Над всем этим царил промозглый дух зеленоватых вод Темзы, и я вздрогнула, ощутив, как успела полюбить этот город, который уже стала считать родным.

– Мы и правда ужасно его расстроили, – начала я. – Если бы мы сказали ему, что кто-то нам угрожал, это могло убедить его в том, что они арестовали невинного человека.

Он пожал плечами.

– Иногда с него полезно сбивать спесь. Мне больше нравится мысль, что мы сделаем за него всю работу и принесем ему на блюде настоящего убийцу.

– Мне – тоже. Весь вопрос в том, куда нам дальше двигаться.

На обратном пути я все ломала себе голову, каким же должен быть наш следующий шаг, вспоминая различные дела, раскрытые Аркадией Браун.

Глава 11

Наконец мы добрались до Бишопс-Фолли, намереваясь выпить чая и вернуться к работе. Но, подойдя к Бельведеру, услышали тихие стоны в кустах.

Я взглянула на Стокера.

– Это снова Патриция.

– Проклятое животное, – зло ответил он, но все-таки пошел за мной к зарослям кустов, где беспомощно болтала лапами в воздухе и жалобно стонала исполинская черепаха.

– Как ей это удастся?! – удивился он.

Действительно, это непросто было объяснить. Существо таких размеров, как Патриция, не должно было с подобной легкостью переворачиваться на спину, к тому же столь удивительно часто. И ее ничуть не останавливало даже то, что из такого плачевного положения она не могла выйти без посторонней помощи. А тот факт, что, по мнению ученых, женские особи исполинских сухопутных черепах должны быть немые, не мешал ей громко и безутешно стонать от отчаяния.

– Нельзя ее так оставить, – напомнила я. – Даже если бы это не было жестоко, не забывай: его светлость очень дорожит этой старушкой.

Я неспроста назвала ее «старушкой». Лет пятьдесят назад ее с Галапагосских островов привез сюда сам Дарвин. Знаменитый ученый подарил юную Патрицию дедушке нынешнего лорда Розморрана, и с тех пор она неспешно двигалась по просторам Бишопс-Фолли. Переваливаться на спину и звать на помощь было ее новым развлечением, и каждый раз, чтобы перевернуть ее обратно, требовалась не одна пара рук.

Стокер сбросил пальто, я попыталась соорудить какой-то рычаг, но в результате всех усилий мы лишь немного ее раскачали.

– Держи ее крепко, я попробую зайти с другой стороны, – распорядился Стокер и исчез в кустах. Кажется, он не подумал о том, что я вряд ли смогу удержать существо с габаритами Патриции своими скромными силами, но я старалась как могла. Я всем весом навалилась на нее с одной стороны, а Стокер толкал с другой, но она лишь стонала еще жалобнее, чем прежде.

– Ну хватит, мы и не думаем обижать тебя, глупое создание, – с возмущением сказала я.

– Простите, мисс, вы что, беседуете с черепахой? – вежливо спросил

кто-то у меня за спиной. Я обернулась и увидела молодого священника со шляпой в руках, на лице – выражение вежливого недоумения.

– Вовсе нет. Я не беседовала, а говорила, и это не просто черепаха, а исполинская сухопутная, – поправила я его. – Галапагосская сухопутная черепаха по имени Патриция. Очень утомительное создание, сами видите. Она по собственной вине оказалась в таком плачевном положении и еще противится нашим попыткам ей помочь. Нам нужна еще одна пара рук.

Я многозначительно посмотрела на него, и он поспешил мне на помощь.

– Конечно! Что мне делать?

Я велела ему снять плащ, а потом объяснила, как лучше всего ухватиться, чтобы постараться наконец поставить Патрицию на лапы. Кажется, эта задержка рассердила Стокера, потому что я услышала, как он рычит.

– Бородатый Иисусе, что ты там копаешься?! – закричал он с той стороны кустов.

– К нам пришла помощь в лице священника, – прокричала я в ответ.

– Какого еще священника?

– Не знаю, – сказала я, бросив извиняющийся взгляд на обсуждаемого молодого человека. – Он не назвал своего имени, но мне кажется, формальности можно отложить до того момента, когда мы перевернем Патрицию.

Животное согласно вздохнуло, и мы все втроем стали толкать изо всех сил. Ставить Патрицию на ноги – приблизительно как выкорчевывать из земли огромный валун, такой же медленный, трудный, мучительный процесс. Когда дело наконец было сделано, она бросила на нас последний, полный ненависти взгляд и загромыкала по направлению к кухне, наверное, в надежде поживиться в огороде салатом. Я отряхнула руки и повернулась к пастору.

– Сэр, ваша помощь была как нельзя кстати, благодарю вас.

Он тщательно вытер руки носовым платком, прежде чем пожать мою.

– Счастлив был оказаться вам полезным, – сказал он, бросая беспокойные взгляды в сторону куста, за которым все еще был скрыт Стокер. Кажется, он не собирался называть мне своего имени и весь напрягся, когда из кустов наконец показался Стокер с растрепанными волосами, в которых застряли листья и веточки. Он бросил на молодого человека лишь беглый взгляд и тяжело вздохнул – покорно или с отвращением, я не смогла понять.

– Какого дьявола ты здесь делаешь? – спросил Стокер.

Я сердито прищелкнула языком.

– Стокер, этот молодой человек только что очень помог нам с Патрицией. Самое меньшее, чем мы можем отблагодарить его, – это быть вежливыми.

Он угрожающе посмотрел на меня.

– Тебе нужна вежливость? Прекрасно. Вероника, это Мерривезер Темплтон-Вейн, мой младший брат. Мерри, повторяю вопрос: какого черта ты здесь делаешь?

Молодой человек широко, но не очень уверенно улыбнулся, и, когда он заговорил, его голос немного дрожал:

– Ты не умеешь по-другому здороваться с братьями?

– Мне не о чем с тобой разговаривать, – решительно ответил Стокер.

К его чести, молодой человек не отступился, лишь нервно сглотнул, отчего кадык у него заметно дернулся.

– Но я хочу кое о чем поговорить с тобой.

– Тогда говори немедленно и покороче, мое терпение на исходе, – велел Стокер.

Юноша посмотрел на меня, и в его взгляде читалась просьба о помощи. Тогда я выступила вперед в надежде хоть немного улучшить ситуацию.

– Не обращайтесь внимания на Стокера. Он в ужасном настроении сегодня. Впрочем, он бывает таким почти всегда, так что не стоит ждать более удобного случая. Зайдете?

Как я и ожидала, приглашение войти, подкрепленное распахнутой дверью в Бельведер и гостеприимной улыбкой, стало неожиданностью для них обоих. Юноша с сомнением косился на Стокера, но должен был понимать, что, зайдя в Бельведер, он чуть больше продвинется к своей цели, нежели стоя на пороге. Я проводила его внутрь, включив при входе газовое освещение. Стокер плелся за нами, нахмурившись и засунув руки в карманы.

Я направилась к нашей комнатке наверху, на галерее, где все могли удобно расположиться, но не стала предлагать гостю напитки. Стокер явно был рассержен тем, что сюда явился его брат, и я знала, что мне придется потом ответить за то, что пригласила его войти. Умножать грехи мне не хотелось.

Я ласково взглянула на гостя. Он был одет как пастор, но очень небрежно. На голове – копна спутанных рыжих локонов, манжеты густо измазаны чернилами и еще чем-то, подозрительно напоминающим заварной крем. Очки низко сидели на носу, а он рассеянно смотрел поверх

них, что придавало ему милое сходство с филином. Россыпь веснушек на щеках говорила о том, что он много времени проводит на улице. Взглядом знатока я оценила также, что под этой печальной одеждой скрываются широкие плечи и сильные ноги.

Он без стеснения изучал меня чуть ли не с открытым ртом, а я решила подождать и ничего ему не говорить; наконец он вздрогнул и пришел в себя, совершенно очаровательно покраснев.

– Простите, это было ужасно невежливо. Должно быть, вы... то есть я говорю с мисс Вероникой Спидвелл, не так ли?

– Совершенно верно, – подтвердила я.

– Мой брат, сэр Руперт Темплтон-Вейн, мне вас описал во всех подробностях, – заметил он сдавленным голосом.

– Да, я имела удовольствие познакомиться с сэром Рупертом несколько месяцев назад. Его профессиональные знания мне очень помогли.

– В самом деле? Он не упоминал об этом, – ответил молодой человек, и при этих словах я испытала некоторое облегчение. Мы со Стокером советовались с сэром Рупертом по делу невероятной важности и строгой секретности. Было приятно осознать, что и он воспринял эту беседу как сугубо конфиденциальную.

Младший Темплтон-Вейн вновь замолчал и уставился на меня, а я повернулась к Стокеру.

– Спросим, что ему нужно?

Стокер пожал плечами.

– Это ты его позвала. Так что он твой гость, а не мой.

Я наклонила голову, изучающе глядя на юношу.

– Это очень похоже на приступ амнезии. С ним такое случается? Во всяком случае, он выглядит слегка заторможенным.

И вновь наш визитер вздрогнул и покраснел.

– Прошу прощения. Просто я никогда прежде не видел дурной женщины.

Я не сдержалась и прыснула, но Стокер вскочил с места и за воротничок поднял младшего брата в воздух. Мерривезер болтал ногами в воздухе, вцепившись руками Стокеру в запястье, но это ему не помогло. Ростом Стокер был не намного выше его, но заметно превосходил в силе. Он поднял юношу с такой легкостью, будто тот был пушинкой.

– А ну-ка извинись, жалкий прыщ, – грозно велел ему Стокер. Послышался лишь сдавленный писк, и тогда Стокер встряхнул его.

– Мерри, я могу так стоять целый день. А ты, мне кажется, не сможешь.

Еще один неразборчивый писк, после которого юноша кивнул, насколько позволяло ему положение. Тогда Стокер просто разжал пальцы, и тот рухнул на стул и еще несколько минут хрипел и кашлял, пока наконец не смог заговорить. Но и тогда он делал это явно с трудом, в неподдельном ужасе косясь на брата.

– П-п-прошу п-п-прощения, – выдавил он наконец.

– Не беспокойтесь, – добродушно ответила я. – Но мне любопытно, откуда же у вас такие сведения.

– А мне – нет, – вставил Стокер. – Ни один пастор не может быть таким ханжой. Я чувствую, от этого замечания веет запашком нашего самого старшего брата.

Я повернулась к гостю.

– Правда? Новый виконт столь низкого мнения обо мне?

Пастор попытался расправить воротничок, но тот был, кажется, безвозвратно испорчен.

– Боюсь, у Тибериуса, нового лорда Темплтон-Вейна, очень своеобразное чувство юмора. – Он с удивлением смотрел на меня. – Надо же, вы так спокойно обо всем этом говорите.

Я пожала плечами.

– А его светлость может примирить две противоречащие друг другу теории эволюции, выдвинутые Дарвином и Ламарком?

Юноша в недоумении покачал головой.

– Нет, я уверен, что не может.

– Значит, для меня он самый неинтересный из братьев Темплтон-Вейнов. И поэтому его мнение мне совершенно безразлично, – уверила я его и слегка улыбнулась Стокеру. У него была статья как раз на эту тему – лучшее из того, что я читала. Хоть он и провел последние четыре года, главным образом пытаясь забыться в выпивке и таксидермии, но я все же питала надежду возродить его карьеру как многообещающего ученого-натуралиста, неважно, с его участием или без него.

Стокер не улыбнулся мне в ответ. Он погрузился в другое занятие: сверлил глазами младшего брата так, что испугалась бы и Медуза. Мальчишка это заметил и нервно сглотнул. Если так пойдет и дальше, у него просто сломается кадык. Я вздохнула.

– Стокер, прекрати его пугать. Неужели ты не видишь, как он боится? Сейчас же обещай, что не будешь больше мучить его из-за меня.

Он только хмыкнул в ответ, но этого оказалось достаточно, чтобы успокоить младшего брата, а когда Стокер сел, взгромоздившись на стул верхом и положив голову на руки, юноша заметно расслабился.

– Я правда прошу прощения, – сказал мне Мерривезер. – Я совершенно испортил все с самого начала и действительно очень сожалею. Ведь я столько раз репетировал эту встречу.

Я почувствовала, что мои губы расплываются в улыбке, но успела сдержаться. Он был так восхитительно серьезен, несмотря на юный возраст.

– Расскажите мне о себе, мистер Темплтон-Вейн.

– Я самый младший из сыновей шестого виконта Темплтон-Вейна, – с готовностью ответил он. – Посвятил себя пасторскому служению и проживаю в Чербойз.

– Чербойз? – переспросила я.

– Семейное поместье в Девоншире, – объяснил Стокер. – Соседняя деревня называется Дэрсли, вот там и живет Мерри.

– Как мило, – сказала я. – Звучит совсем как в романах Диккенса.

Мерривезер поморщился.

– Не сказал бы. Мне не очень нравится жизнь священника, понимаете. Но отец настоял. Перед смертью он назначил мне содержание, и теперь я понимаю, что ужасно влип.

– Почему? – спросила я.

– Тибериус как новый виконт и глава семьи даже и слышать не хочет о том, чтобы я оставил это место.

Я не смотрела на Стокера, но знала, что он сейчас закатил глаза.

– Господи, Мерри, ну он же не цепями приковал тебя к этой чертовой церкви! Просто уйди, и все.

Глаза Мерривезера округлились от удивления.

– Но я не могу.

– Почему? – спросила я. – Какие еще обязательства связывают вас с церковью?

– Что? Никаких иных обязательств. Я простой викарий, – ответил он с некоторым смущением.

– Значит, вы можете уйти, – заключила я.

– Конечно, не могу. Нельзя же просто так порвать с семьей, такой как у нас.

– Но Стокер же порвал, – напомнила я ему.

– Ну, Стокер... – начал он и прервался, слегка побледнев при взгляде на старшего брата.

– Ну давай, – мягко подтолкнул его Стокер, – скажи уж.

Он прикусил нижнюю губу.

– Я просто хотел сказать, что Стокер совсем другой, – сказал он,

обращаясь ко мне. – И вообще я пришел сюда не для того, чтобы рассказывать о себе.

Он повернулся к брату.

– Его светлость желает тебя видеть. Но если ты не хочешь с ним встречаться, то он требует как минимум проявить учтивость и ответить на письма, которые посылают тебе семейные солиситоры.

Стокер привстал с места.

– Да мне гораздо интереснее ковырять прыщи на спине, чем общаться с Тибериусом.

На такое замечание викарий лишь широко распахнул глаза, но мужественно продолжал гнуть свое.

– Стокер, ты не можешь просто так...

– Могу, – спокойно ответил Стокер и, вздохнув, продолжал: – Мерри, ты хороший парень. Ты был чертовски груб с мисс Спидвелл, но сумел извиниться как джентльмен, и если она готова об этом забыть, то и я не против. Но Тибериусу не стоило отправлять тебя сюда как мальчика на побегушках. Если он хочет поговорить со мной, пусть приходит сам. А иначе все останется как есть.

В его словах совсем не было гнева, но было также совершенно ясно, что в этом вопросе он непоколебим. Переубедить его было невозможно, и плечи младшего брата поникли: он признал поражение. А в глазах у Стокера мелькнуло ехидство.

– Как Тибериус смог заставить тебя пойти ко мне? Вы тянули жребий?

Мерривезер вновь покраснел и потянулся к воротничку.

– Я проиграл ему в карты.

– Готов поспорить, что он, черт возьми, мухлевал, – дружелюбно заметил Стокер. – Неужели ты не слышал, что нельзя играть с Темплтон-Вейнами? Им чертовски везет, потому что старина Ник всегда заботится о своих людях. А уж о Тибериусе он должен заботиться больше, чем о других.

Юный пастор улыбнулся, а потом повернулся ко мне.

– Я правда чувствую себя очень виноватым. Сэр Руперт сказал нам, что Стокер приходил к нему в Судебные инны с другом, с дамой. И, боюсь, из того, как он вас описал, его светлость сделал вывод, что следует предполагать худшее.

– Худшее?

Он с опаской покосился на старшего брата, но все же продолжил.

– Что вы... м-м-м... если в библейских терминах, что вы – наложница Стокера. И его светлость беспокоится, что от этого могут возникнуть

некоторые... э-э-э... осложнения.

Я засмеялась, но Стокер бросил на меня такой суровый взгляд, каким, наверно, главнокомандующие умиротворяют целые армии.

– Мисс Спидвелл ничья не наложница, – свирепо сказал он брату. – И у нее очень современные взгляды на отношения...

– Стокер, – миролюбиво прервала его я, – не надо. Ты только разволнуешь его, а у него явно очень нежная психика.

Потом я повернулась к младшему брату.

– Вы доставили свое послание и посмотрели на меня, что, как я понимаю, и было второй целью вашего визита. Можете заверить его светлость, что я не вкушаю плодов супружеской неги со Стокером, и пусть он не опасается того, что я буду претендовать на его имущество: я не нахожусь в деликатном положении.

Мерривезер только открывал и закрывал рот, как рыба на берегу.

– Стокер, кажется, он снова разучился говорить.

Стокер пожал плечами.

– Ему достаточно помнить всего лишь два слова: «до свидания».

Он направился к брату, но не успел еще протянуть ему руку, как младший Теплтон-Вейн вскочил со своего места, наспех попрощался и исчез.

Стокер последовал за ним, чтобы убедиться, что он действительно ушел. По нему было видно, что он не хочет обсуждать со мной произошедшее. Он сразу вернулся к своему верблюду и погрузился в работу, но так лишь отсрочил неизбежное. Ему придется поговорить со мной о том, что сейчас случилось между братьями, и о том откровении, которое только что слетело с его языка. Но я готова была подождать.

Глава 12

Вскоре после ухода юного Мерривезера в Бельведер прибыла леди Веллингтония вместе с вечерней почтой – стопкой всевозможных конвертов и свертков, которые нес позади нее младший лакей. Джордж буквально согнулся под тяжестью одной из коробок; Стокер вынырнул из своего верблюда, надел рубашку и поскорей избавил мальчика от этого груза. Джордж поклонился леди Велли и поспешил обратно в дом, а Стокер принялся распаковывать посылку.

Леди Велли посмотрела на него с одобрением, издав при этом странный гортанный звук, похожий на рычание.

– Какой же привлекательный мужчина, – сказала она мне вполголоса. – Если бы мы с ним встретились, когда мне было шестьдесят... – и она многозначительно умолкла.

Я могла лишь догадываться.

– Как мило с вашей стороны было зайти к нам и занести почту.

Она только отмахнулась.

– Ну что вы, ничего тут нет милого. Просто мне было любопытно снова взглянуть на это старое местечко. Я не была здесь со своего первого бала в тридцать третьем. Ах, что это была за ночь!

Она огляделась, явно вспоминая приятные моменты. Затем тростью указала на галерею на верхнем ярусе.

– Там, в потайной комнатке, все еще стоит походная кровать? На ней я рассталась с девственностью. Он был очень энергичным мужчиной; шотландец, при полном параде. Мне нравятся килты, – нежно добавила она.

Стокер, который разворачивал посылку с видом ребенка, занятого рождественским подарком, вдруг издал радостный вопль.

– Они прибыли! – закричал он, показывая нам стеклянный ящик с нежностью, какая может быть только у молодого отца, держащего на руках новорожденное чадо. Он наклонился над ящиком и начал медленно опускать туда остатки засушенного кролика.

– Кто прибыл? – спросила я, приблизившись.

Леди Велли бродила по комнате, погруженная в свои воспоминания, трогала и щупала разнообразные предметы, бормоча что-то себе под нос.

Стокер издал вздох чистого наслаждения.

– Моя колония *Dermestus maculatus*.

Заглянув в ящик, я обнаружила массу черных жучков, набросившихся на несчастного кролика.

– Кожееды? Почему ты позволяешь им питаться кроликом обыкновенным?

– Я провожу эксперимент. У некоторых образцов скелет бывает ценнее кожи, а если пытаться вываривать кости, идет ужасная вонь. Поэтому, когда Гексли поймал этого несчастного зверя, я его высушил и заказал колонию этих трудолюбивых маленьких кожеедов. Если эти друзья хорошо справятся со своей работой, то он будет обглодан полностью, до белых блестящих косточек.

– Звучит совершенно отвратительно, – мягко заметила я.

Он отстранился с оскорбленным выражением лица.

– Вовсе нет! Это просто природа. Вот такая, с зубами и костями, – ответил он с осуждением. – Знаешь, они очень чистоплотные, как провинциальные домохозяйки.

Он снова наклонился над ящиком и стал внимательно смотреть, как жучки старательно принялись за высушенного кролика, очищая кости; я занялась менее противным делом – стала разбирать почту, а леди Веллингтония подошла к одной из витрин с экспонатами.

Она наугад взяла какой-то предмет и стала вертеть его в руках, внимательно рассматривая.

– Что это?

– Копролит, окаменелые экскременты, – с готовностью ответила я. Она с отвращением сморщилась и положила копролит на место, а я в это время разворачивала какую-то посылку. Она была намного меньше, чем та, в которой прибыли обожаемые кожееды Стокера, – небольшая картонная коробка, в которой оказался длинный металлический ключ.

– А это что? – спросила леди Велли, заглядывая мне через плечо. Я подняла ключ с ватной подстилки в надежде обнаружить внизу записку.

– Не могу сказать, – ответила я. – Здесь нет никакого сопроводительного письма. Он забавной формы, правда?

Это был черный ключ, в длину примерно с мужскую ладонь. По одному краю вырезаны замысловатые фигуры. Я вдруг судорожно вздохнула и потянулась за лупой.

– Что вы видите? – спросила леди Велли.

Некоторое время я молчала, рассматривая сложный узор. Вначале мне показалось, что это листья, но если внимательно вглядеться в переплетение веток, начинают проступать другие формы: ряд мужских и женских фигур, некоторые из них *подчеркнуто* мужские и женские, все изображены за

впечатляюще распутными занятиями.

Я передала ключ и лупу леди Велли. Она внимательно все рассмотрела, пару раз хмыкнув в процессе изучения фигур, и вернула мне ключ.

– Это напомнило мне об одном человеке, с которым я познакомилась в Милане, он был иллюзионистом, с весьма впечатляющими бедрами. – Ее лицо приняло мечтательное выражение.

Я снова осмотрела коробку снаружи и внутри, но не обнаружила никаких надписей, говорящих о том, кто и зачем прислал нам этот ключ. Тогда я опять занялась ключом и увидела, что на нем выгравированы две буквы:

– «Е. Г.», – пробормотала я. – Черт, что же это значит?

Леди Велли удивленно моргнула.

– Ну конечно, это Елисейский грот, – сказала она так нарочито терпеливо, как обычно разговаривают с глупенькими детьми.

– Елисейский грот? Что это?

– Ох уж это молодое поколение, – простонала она. – Ума не приложу, на что вы тратили свою юность. Скажите, милое дитя, вы что-нибудь слышали о клубе «Хеллфайр» сэра Френсиса Дешвуда?

– Едва ли.

– Придется восполнить пробелы в вашем образовании. Лет за сто до моего рождения сэр Френсис Дешвуд, великосветский повеса, у которого денег было больше, чем хорошего вкуса, основал клуб специально для коллективных оргий. Он сам и другие члены клуба развлекались там с проститутками, прибегая также к оккультизму и другим сатанинским ритуалам.

Я в удивлении приподняла бровь, но она только отмахнулась.

– Говорят, это звучит страшнее, чем было на самом деле. Много песнопений и призываний дьявола, но в действительности не происходило ничего ужаснее оргий и еще, может быть, некоторых венерических заболеваний. Потом как грибы начали расти похожие клубы, одна из групп называлась «Елисейские гроты». И если члены клуба «Хеллфайр» больше интересовались темными силами, то елисейцы, скорее, думали об удовольствии. Они старались воспроизводить собрания гедонистов, предавались роскоши и наслаждению. Устроили несколько таких «гrotов» по всей стране, чтобы забавляться с комфортом.

Я повертела ключ в руке.

– И сколько их было?

Леди Велли пожала плечами.

– С полдюжины, наверное... Никто точно не знает. Но они просуществовали недолго. Как выяснилось, гроты – не самые удобные места для того, чтобы предаваться удовольствиям; понимаете, там очень сыро. Кажется, все члены заработали себе ревматизм. Почти все в конце концов были засыпаны или переоборудованы под более приземленные цели. Сомневаюсь, что до наших дней сохранился хоть один, за исключением, может быть, того, что в Литтлдауне.

У меня сильно забилося сердце.

– Литтлдаун? Имение Майлза Рамсфорта?

Она кивнула.

– Именно. Забавное совпадение: мы только что о нем говорили, и вот уже кто-то прислал вам этот ключ.

– «Забавное» – не то слово, – мрачно ответила я.

– Мы не будем использовать этот ключ для того, чтобы проникнуть в Литтлдаун, – заявил Стокер, скрестив руки на груди.

Я сумела убедить леди Велли, что совершенно ничего не знаю о происхождении ключа (это было несложно, ведь я была в полном недоумении относительно того, кто и почему нам его прислал), и, предприняв множество хитростей, наконец выпроводила ее из Бельведера. Я заперла за ней дверь, чтобы нас больше никто не беспокоил, уговорила Стокера оторваться от кожедодов и изложила ему свой план.

– Конечно, будем, – решительно возразила я. – Мы должны. А что же еще нам делать с ключом? Мы хотим увидеть то место, где умерла Артемизия, а если будем ждать, пока солиситоры Рамсфорта ответят на просьбу Оттилии пустить нас в дом, то можем еще долго тут прохлаждаться. А так имеем возможность попасть внутрь *сегодня*.

– Артемизия умерла в самом Литтлдауне, в спальне хозяина дома, – напомнил он мне. – Этот Елисейский грот – совершенно другое место.

– Уверена, что так и есть, – примирительно ответила я, – но мы все-таки окажемся гораздо ближе к Литтлдауну, чем были до сих пор. Мы можем хотя бы осмотреться, когда будем там, вдруг у нас появится зацепка, которая поможет вычислить убийцу.

– Или вдруг нас там просто убьют, – возразил он, сурово глядя на меня. – Тебе не пришло в голову задуматься: почему этот ключ вдруг возник из ниоткуда? Боже мой, Вероника, у тебя незаурядный ум. Ты уж не ленись иногда использовать его по назначению. Это вполне может быть наживкой, чтобы выманить нас туда и как-то навредить нам. Нам уже один раз угрожали, но мы не бросили этого дела. Наоборот, мы заявили в самое сердце этого мирка со своим расследованием, задавали вопросы тем,

кто был близок к Артемизии. Думаешь, это могло остаться незамеченным? Нет, не могло. Это не подарок от преданного почитателя, глупая женщина, а ловушка.

На этих словах я задумалась, сколько вреда могут причинить кожееды, если выпустить их всех из ящика на его кровать.

– Это уже не ловушка, раз мы о ней знаем, – холодно заметила я. – Нужно просто принять меры предосторожности.

Он взялся теребить руками волосы, отчего его длинные черные локоны сразу стали еще более взъерошенными, чем обычно.

– Вероника, буду говорить медленно и четко, так что даже ты должна понять. Я не повезу тебя в Литтлдаун, чтобы бродить там по Елисейскому гроту.

Я подошла и стала прямо перед ним. Он был намного выше ростом, и мне пришлось запрокинуть голову, чтобы посмотреть ему в глаза, но я постаралась, насколько возможно, не потерять при этом своего достоинства.

– А я еду в Литтлдаун, с тобой или без тебя.

– Без ключа ты не поедешь, – сказал он и уже протянул руку, чтобы забрать его у меня.

Я быстро спрятала ключ глубоко в вырез платья.

– Прекрасно. Тогда подойти и возьми его.

Он не мог решиться, его пальцы лишь слегка коснулись моей груди. Я задержала дыхание и посмотрела ему прямо в глаза, побуждая к действию.

– Черт бы меня побрал, – сказал он наконец и опустил руку.

Мы добрались до Литтлдауна в молчании. Стокер просто бурлил от возмущения и с трудом держал себя в руках, а я едва скрывала чувство полного удовлетворения. Я могла бы поиздеваться над его нежеланием ощупывать мой корсет ради того, чтобы достать ключ, но подумала, что дразнить волков – плохая идея. Никогда не знаешь, в какой момент они слишком яростно начнут щелкать зубами. Я переделалась в костюм для ловли бабочек, странный и в высшей степени удобный наряд моего собственного изобретения. Надела белую блузку и узкие брюки, аккуратно заправив их в прочные высокие сапоги на плоской подошве. На все пуговицы застегнула также удобный жакет, а поверх брюк надела длинную юбку с потайными разрезами и хитроумной системой пуговиц, что позволяло мне приспособливать этот предмет гардероба под разнообразную деятельность. В моем костюме не была продумана конструкция для ловли

убийц, но я решила, что мне вполне сгодится та, которая предназначалась для отслеживания бабочек. Я аккуратно убрала ключ в карман, но не стала говорить Стокеру, куда я его положила. Может быть, он и не был готов копаться в моем корсете, но я не сомневалась, что в случае необходимости он не колеблясь будет шарить у меня по карманам.

Поместье находилось в странном уголке Суррея: неподалеку от столицы, но, как правильно описал нам сэр Хьюго, там царило такое уединение и так силен был дух сельской глуши, что можно было подумать, будто мы оказались вдруг посреди Дартмура. Стокер прекрасно ориентировался в пространстве и хорошо разбирался в картах; он запомнил на память путь от станции, и мы долго шли пешком по проселочным дорогам и каким-то переулкам, так что мне наконец стало казаться, будто мы последние люди на земле. Монотонный и тихий треск сверчков и дело прерывался хриплыми вскриками сипух, где-то в отдалении лаяла лисица. У наших ног начал клубиться туман; пока мы шли, он поднимался все выше и будто указывал нам дорогу к Литтлдауну своими дрожащими пальцами-ключьями. Как мы и ожидали, ворота поместья оказались закрыты и заперты на замок, но для нас это не стало препятствием.

Не сговариваясь мы со Стокером стали карабкаться по каменной стене, каждый по-своему. Он, при своем высоком росте и с развитой мускулатурой, просто подпрыгнул, подтянулся и оказался наверху; а я благодаря гибкости и легкости взобралась на стену, хватаясь за неровности и опираясь на трещины в кладке. Стокер легко спрыгнул со стены и повернулся, чтобы помочь спуститься мне. В этом был он весь: даже в ужасном гневе он ни за что не позволил бы мне упасть.

Мы вместе пересекли широкие лужайки, когда-то идеально ухоженные, а сейчас совершенно запущенные: сорняки тут и там прорывались сквозь аккуратную травку, а пруд весь затянуло тиной. Луны на небе не было, и только бледный свет звезд освещал нам путь; из-за него казалось, что каменный фасад дома переливается призрачным светом, наполовину скрываясь от нас в ключьях тумана. Ничем не примечательное здание, построенное в стиле королевы Анны[12], очевидно, раньше было очень любимо хозяевами. Я подумала об Оттилии Рамсфорт, которая не могла теперь даже думать об этом доме, и вспомнила Майлза Рамсфорта, который умрет, если мы не сможем ничего изменить.

Я нащупала руку Стокера.

— Знаю, — сказал он и крепко сжал ее в ответ, затем порывисто вздохнул.

— Ты была права: мы должны это сделать.

Он повел меня вперед, предполагая, что грот должен находиться на некотором отдалении от особняка, скромно спрятанный от посторонних глаз, но не слишком далеко, чтобы гостям несложно было его найти. Мы описали круг по периметру поместья, пока наконец не увидели калитку.

Стокер выпустил мою руку и внимательно осмотрелся, чтобы удостовериться, что мы здесь одни. Нигде не было видно обещанного сторожа; ничто не нарушало торжественной тишины ночи, кроме легкого ветерка, шевелившего своим дыханием листья на деревьях, пробежавшего по траве и приподнимавшего на пути обрывки тумана.

Убедившись, что никого нет, Стокер зажег спичку и поднес ее к замку. Я достала ключ и аккуратно вставила его в замочную скважину. Он поворачивался медленно, скрипя и сопротивляясь. Я поняла, что калитку не открывали по меньшей мере несколько месяцев. Но кто бы ни был тут последним, внутри при входе он оставил фонарь, и Стокер поднес спичку к фитилю. Теплый янтарный свет наполнил эту странную каменную комнату.

– Это прихожая, – сказал он. Узкая комната заканчивалась проходом в следующее помещение, над ним в камне была высечена надпись:

– *Ingredi deivolutatis causa*, – вслух прочитал он.

– Приглашение к удовольствию, – откликнулась я. – Как уместно.

Он даже не улыбнулся и, резко развернувшись, строго взглянул на меня.

– Я иду первым. Я часто тебе уступаю, но сейчас не буду. Если что-нибудь случится, ты убежишь, слышишь? Убежишь и укроешься в безопасном месте.

– Исключено, – ответила я.

Он наклонился ко мне так близко, что почти касался моего лица.

– Я сейчас не торгуюсь, Вероника. Хоть раз в жизни сделай то, о чем я тебя прошу. Обещай мне.

– Ну хорошо, обещаю, – ответила я, не забыв скрестить пальцы за спиной.

Казалось, он не поверил моим словам, но пошел вперед, повернувшись боком, чтобы протиснуться сквозь узкий ход в скале. Я пошла за ним, но мне можно было не поворачиваться, мои плечи просто слегка касались стен. Идти было недалеко – в самый раз для того, чтобы почувствовать себя отгороженным от внешнего мира, но проход шел заметно под уклон, и мы опускались все глубже под землю. Наконец оказались в довольно просторной комнате: из-за спины Стокера мне ничего не было видно, но я слышала эхо, которое может разноситься только по большому помещению. Он остановился и поднял фонарь высоко над головой, чтобы

мы могли осмотреться.

Комната была пуста; по крайней мере, преступников в ней точно не было. Ни один злодей нас там не поджидал, никакой убийца не собирался бросаться на нас из темноты.

Это была естественная пещера, просторная, с высоким потолком, а по стенам в скале были выдолблены небольшие углубления с импровизированными ложами. Об их предназначении было несложно догадаться, но даже если бы это не было понятно с первого взгляда, то вся обстановка говорила об этом весьма красноречиво. Повсюду были ниши и полки, уставленные объектами искусства очень необычного свойства.

Стокер присел на корточки, чтобы зажечь вторую лампу, и, когда он поднял ее над головой, я поняла, что это волшебный фонарь: их делают так, чтобы они, светясь, отбрасывали тени разных форм на стену, с их помощью устраивают представления теневого театра, но я никогда еще не видела ничего подобного. От горячего воздуха картинки начинали вращаться, и на стенах плясали силуэты в виде совокупляющихся пар. Рассмотрев картины повнимательней, я поняла, что здесь были не только пары. Там оказалось все разнообразие поз в любовных соитиях, одна подробнее и невероятнее другой. Стокер в изумлении смотрел на эти изображения, а я занялась остальными предметами.

– Боже мой, в жизни не видела столько пенисов в одном месте! – вырвалось у меня, когда я рассмотрела содержимое ближайшей полки. Я взяла в руки один предмет – тяжелый, гладкий и стеклянный, закрученной формы и украшенный разноцветными полосками, как леденец. – Этот, наверное, венецианский, – предположила я.

– Без сомнения, – ответил Стокер сдавленным голосом. Кажется, его внимание привлек аппарат из дерева и кожи более внушительных размеров.

– А что скажешь про этот? – с любопытством спросила я. – Надпись на ручке вроде бы китайская. А этот, очевидно, из Занзибара. Очень интересная коллекция фаллосов, – заметила я. – Довольно любопытно с точки зрения этнографии.

– Этнография тут ни при чем, – поправил меня Стокер по-прежнему глухим голосом. – Это не фаллосы, по крайней мере, не те, что предназначены для научного исследования.

Я посмотрела на него с недоумением.

– Что ты имеешь в виду?

Он страшно покраснел.

– Это... господи, я даже не могу произнести этого слова.

– Какого слова?

– Дил... нет, не могу. Давай скажу тебе, как это называлось в Греции: олисбы, или, если ты предпочитаешь испанский, consoladores.

– В переводе это значит «утешители». Но как они могут утешить... О! О! – Я посмотрела на коллекцию новым взглядом. – То есть они не для изучения и не для ритуального использования, а для вполне практического применения. Как интересно!

Я провела пальцем по стеклянному образцу.

– Удивительно гладкий, но слишком холодный для того, чтобы быть привлекательным. Подозреваю, что сперва его нужно согреть в горячей воде или разогретом масле, чтобы он стал к тому же приятно скользким. Стокер, с тобой все в порядке? Минуту назад ты краснел, как майская роза, а сейчас вдруг страшно побледнел.

– Я просто думал обо всех странствиях в своей жизни и удивлялся, как мог оказаться сейчас здесь, с тобой и с этим всем, – сказал он, кивнув вглубь комнаты, где стояла статуя Пана, наделенного двумя достоинствами и обслуживающего одновременно нужды двух крайне ретивых женщин.

– У него защемит спину, если он продолжит делать это в такой странной позе, – заметила я и двинулась дальше по комнате, изучая эту странную коллекцию. Помимо фаллосов всевозможных форм из разнообразных материалов там были немаленькая подборка порнографии инесколько довольно милых гравюр с изображением амазонок, без стеснения использующих молодых пленников. Стены были завешаны бархатными шторами и настенными коврами, которые на первый взгляд казались обычными гобеленами, если не всматриваться в сюжеты картин с крайне откровенными сценами.

В центре комнаты стоял очень странный предмет мебели, я никогда не видела ничего подобного. Конструкция была обита черной тафтой и снабжена странным набором ручек и подставок под ноги. Когда я спросила, что это, Стокер бросил на него лишь беглый взгляд и не колеблясь ответил:

– Это *siège d'amour*.

– Сиденье для любви? Кресло, сделанное специально для того, чтобы облегчать соитие? – пробормотала я. – Очень умно и, наверное, довольно удобно.

Я забралась на это *siège* и взялась за ручки.

– Ага, здесь есть и подставки для ног, как интересно!

Я подняла было одну ногу, но тут Стокер издал очень странный звук, похожий то ли на рычание, то ли на стон.

– Вероника, ради всего святого и доброго, что есть у тебя в жизни, *слезай оттуда!* – сказал он глухим, хриплым голосом, которого я никогда

раньше не слышала.

Я спустилась с кресла.

– Ты прав. Ведь мы должны искать зацепки.

Мы принялись обыскивать комнату и хорошо потрудились: оглядели каждую непристойную статуэтку и заглянули за все вызывающие гобелены. Оказалось, что за шторой позади статуи Пана скрывается какая-то калитка: решетка наподобие той, через которую мы попали в грот. Я позвала Стокера, мы проверили, не подходит ли и сюда наш ключ, но ничего не вышло.

Он прикинул в уме положение двери и направление прохода за ней.

– Этот коридор, несомненно, связывает грот с особняком.

– Еще один вход, но зачем?

– Возможно, чтобы не ставить хозяина в затруднительное положение.

Подозреваю, что у всех членов есть ключ, такой же, как у нас, от главной двери, а этот вход может использовать только основатель клуба. Это дает ему свободу действий и обеспечивает некоторую безопасность. Если он нанимал профессиональных барышень для развлечений такого рода, – сказал он и кивнул в сторону одного из силуэтов, резвящихся на стене, – то, вполне вероятно, не хотел, чтобы у них был доступ в сам дом. А замки на дверях – это дополнительная предосторожность, чтобы Оттилия Рамсфорт не обнаружила случайно, чем он тут занимается.

– Думаешь, она действительно могла не догадываться о том, что у него здесь происходит?

– Ничто не делает человека настолько слепым, как брак, – сухо ответил он и сразу отвернулся, чтобы продолжить поиски.

Тогда я снова подошла к креслу и стала внимательно осматривать его снизу. Потом начала простукивать его, и вознаграждением мне стал глухой звук. Я взяла самый крепкий на вид фаллос и начала изо всех сил бить в основание сиденья.

– Вероника, – мрачно спросил Стокер, – что за чертовщину ты опять затеяла? Я просил тебя оставить кресло в покое.

– И упустить улику? – переспросила я с ухмылкой. Я расставила ноги и в последний раз посильней ударила фаллосом, отчего в основании кресла с громким щелчком открылся потайной ящик, а я от толчка не смогла удержать равновесие и рухнула на пол.

Когда я приподнялась и села, Стокер уже изучал содержимое ящика; в руке у него были остатки сломанного замка.

– Могла бы и меня попросить вскрыть этот замок, – заметил Стокер, но без злости, он даже протянул руку и помог мне встать. – Ого, – сказал он

вдруг, – а это что такое?

Когда ящик открылся, из него выпала книга, и Стокер поднял ее. Черная сафьяновая обложка, украшенная серебром. С одной стороны изящно выгравированы фигуры, очень похожие на те, что обнаружились на нашем ключе, под ними надпись: «Елисейский грот». Стокер раскрыл книгу в случайном месте. Мы увидели список имен, напротив каждого – дата и перечень того, чем именно он занимался.

– Это же журнал учета, – воскликнула я, нагнувшись, чтобы лучше рассмотреть записи и в возбуждении схватив Стокера за руку. – Список гостей и членов Елисейского грота и описание того, какому именно разврату они здесь предавались.

Стокер тихо присвистнул.

– Очень опасная книга, – заметил он. – Если она попадет не в те руки, может развалиться множество браков, а уж сколько репутаций будет загублено! И здесь бывали не только мужчины, – добавил он, указывая на женское имя в списке.

Я покачала головой.

– Смотри, это было сорок лет назад. Уверена, сейчас уже никому до этого нет дела.

Он провел пальцем вверх по странице.

– Председателем на этом «собрании» был Десмонд Рамсфорт, наверное, это отец Майлза.

– Поищи что-нибудь поновее, – поторопила я его.

Он зашуршал страницами, продвигаясь к концу книги. Недавние записи были не столь впечатляющими. Во времена отца Майлза клуб посещали виконты, бароны и иногда даже герцоги, а под председательством самого Майлза обычно не развлекали никого значительнее рыцарей, да и тех было наперечет. На собрания приходило гораздо меньше людей, чем в прежние времена, и создавалось впечатление, что это место использовалось теперь скорее ради забавы для частных развлечений Майлза, чем для полноценных оргий.

– Ага! – воскликнула я. – Артемизия была здесь год назад. А незадолго до этого – Джулиан Гилкрест. Интересно, она не принимала участия в публичных сборищах, – заметила я. – Кажется, они приходили сюда наедине с Майлзом, а вот Гилкреста развлекало несколько наемных красавиц. Напротив имени каждой девушки стоит сумма, которую ей платили за ночь, а также перечислено, что именно она готова делать за деньги. Вот эта юная леди, кажется, была очень сговорчивой, – сказала я, пробежав глазами по списку ее сомнительных умений.

Но Стокер не слушал меня. Он смотрел на страницу невидящим взглядом и сам вдруг будто окаменел.

– Стокер, ты же весь белый, как ночная сорочка девственницы. Что случилось?

Он ничего не ответил, лишь указал пальцем на имя, которое я сама не заметила.

– «Достопочтенный Тибериус Темплтон-Вейн», – прочитала я вслух и вздрогнула. – Но не может же это быть...

– Это именно он, – сказал Стокер с кислой улыбкой. – Свежеиспеченный виконт Темплтон-Вейн. Мой старший брат.

Глава 13

Стокер захлопнул книгу.

– Мне нужно проветриться.

Он ринулся назад по коридору, которым мы сюда пришли, и мне осталось лишь погасить волшебный фонарь и пойти вслед за ним. Я не стала на него давить. У нас будет предостаточно времени, чтобы спокойно изучить этот журнал, когда вернемся в Бельведер. Что бы ни означало упоминание там имени виконта, Стокеру нужно было немного времени, чтобы свыкнуться с этим обстоятельством.

Он запер за нами дверь и аккуратно убрал ключ в карман, а потом коротко кивнул, увидев, что я жестом указала на дом. Как всякий охотник, он умел ходить совершенно бесшумно, но и меня годы, проведенные в погоне за бабочками, научили передвигаться незаметно. Пробираясь во все сгущающихся сумерках, мы наконец добрались до больших дверей, выходящих в сад, вероятно, из столовой или гостиной. Из широких окон по обеим сторонам от дверей в более счастливые времена, должно быть, открывался очаровательный вид на пруд, но сейчас все они были закрыты ставнями, и казалось, что дом слепо уставился на галерею и сад.

Стокер остановился перед дверью, прикидывая варианты того, как можно попасть внутрь, но я его опередила.

– Дай мне упаковку леденцов, – велела я.

– Откуда ты знаешь, что у меня с собой леденцы?

– У тебя *всегда* с собой леденцы.

– Не лучшее время для перекуса, – заметил он, но передал мне сверток без всяких возражений. Он был почти пуст, и я вытряхнула остатки (липкие крошки) на каменные плиты галереи. Затем аккуратно расправила упаковочную бумагу и протянула ему той стороной, где еще были следы леденцов.

– Оближи, – попросила я.

Уже догадываясь, что я собираюсь сделать, он подчинился и облизывал бумагу до тех пор, пока вся она не сделалась липкой. Я очень осторожно подошла к двери, намереваясь приклеить обертку к стеклу.

– На одну клетку выше, – мягко поправил он. – Замок должен быть там.

Я послушалась и прижала бумагу так, что она хорошо прилипла к стеклу. Я отступила назад и кивнула Стокеру. Он передал мне журнал. Сняв

плащ, он намотал его на руку. Быстрый удар – и все было готово. Стекло тихо разбилось, осколки повисли на липкой бумаге. Я аккуратно сняла ее и хотела было положить рядом на траву, но Стокер меня остановил.

– Сюда может наступить животное, и будет плохо. Бумага липкая, как клей, и вся в осколках, – объяснил он, забирая у меня обертку с поблескивающим на ней стеклом. Он перевернул бумагу стеклом вниз, прижал камнем, после чего просунул руку в дыру, которую нам удалось проделать, и стал нащупывать замок. Это оказалось сложнее, чем мы думали, Стокеру пришлось достать один из своих ножей и подцепить защелку. Наконец раздался щелчок, и дверь распахнулась. Он остановился на пороге, убрал нож и надел плащ. Эти несколько секунд нас и спасли. Сложно сказать, что мы слышали сперва: слюнявое рычание мастифа или сонные крики сторожа, только что вылезшего из кровати. Когда тишину ночи прорезал этот беспорядочный шум, Стокер захлопнул дверь, и мы сразу бросились бежать.

Мы помчались по галерее за угол дома, а потом вокруг пруда. Закрытая дверь дала нам всего несколько секунд, и не успели мы еще оказаться на противоположной стороне пруда, как она снова с треском распахнулась, и из нее выскочил огромный пес. Посыпался град выстрелов, от стены полетели осколки камня, и нам пришлось бежать пригнувшись. Я обернулась и увидела в дверях фигуру пожилого человека; белая сорочка и ночной колпак были хорошо видны на фоне темного дома. Ему было вполне достаточно того, что он стоял там, стрелял из дробовика и выкрикивал ругательства, но его собака не была столь ленива. Зверюга гналась за нами, и вид у нее был ужасно разъяренный. Сильные лапы почти бесшумно отталкивались от земли, и с каждым прыжком дистанция между нами сокращалась.

– Стокер, – выдохнула я, – нам от него не убежать.

– Да, – согласился он и сунул руку в карман: – Но мы попробуем его задержать.

– Господи, ты же не хочешь его ранить? – выдавила я на бегу. Но можно было и не спрашивать. Он легко обращался с мертвыми животными, но питал неизменную слабость к живым. Достав из кармана маленький сверток, он потянул за веревку, бросил его за спину и попал псу прямо в морду. Пакет открылся, и из него вывалилось что-то кровавое.

– Что это?

– Говяжья печень, – сказал он, схватил меня за руку и улыбнулся в темноте. Я восхитилась его предусмотрительностью. Оттилия Рамсфорт упоминала, что дом охраняет собака, и Стокер позаботился о том, чтобы

прихватить для нее угощение.

Я не знала, как и благодарить его за это, но нам оставалось только мчаться дальше; вскоре я поняла, что кусок печенки не может надолго занять такое огромное существо. Мاستиф быстро проглотил его и снова бросился в погоню, не теряя нас из виду даже в густом тумане. У Стокера были длинные ноги, и он, конечно, обогнал бы меня, но не хотел оставлять меня одну и вместо этого сам подстраивался под мой бег. Зверюга уже почти догнала нас, я слышала за спиной ее рычание и клацанье зубов. Одним прыжком Стокер взлетел на стену и протянул руки, чтобы помочь залезть мне. На полном ходу я уперлась подошвой одной ноги в стену, оттолкнулась и подняла руки вверх, чтобы схватиться за Стокера.

Когда я поняла, что случилось, было уже слишком поздно: книга, громоздкая и скользкая, вывалилась и упала на землю.

– Нет! – закричала я, повернулась и хотела уже возвращаться за ней, но Стокер крепко обхватил меня за талию. Мастиф стоял на задних лапах, и его когти едва не касались наших сапог, хотя мы и были на самом верху стены.

– Журнал пропал, – объяснила я. – Я его выронила.

– Ну, пропал, так пропал, ничего не поделать, – ответил Стокер и кивком указал в том направлении, откуда мы сейчас прибежали. В тумане поблескивал огонек. Сторож шел по нашим следам, прислушиваясь к сердитому лаю собаки.

Я прикинула расстояние до земли. Мне было видно, куда именно упала книга. Меня от нее отделял мастиф, но я была настроена решительно: повернулась и уже собиралась спрыгнуть. Но тут прогремел еще один выстрел, и из-под ног Стокера посыпались осколки камня.

– Какого дьявола, – пробормотал он. Одним изящным движением он взял меня на руки и спрыгнул по другую сторону стены. Мы приземлились в заросли высокой травы. Я уперлась руками ему в грудь и резко оттолкнулась.

– Черт возьми, зачем ты это сделал?! – спросила я. – Я же собиралась вернуть журнал.

– Знаю, – холодно ответил он, перекатился на бок и застонал. – Боже, в следующий раз уж постарайся не давить мне так сильно на живот. Кажется, я сейчас опозорюсь.

Я открыла рот, чтобы отпустить какое-нибудь едкое замечание, но он с заметным усилием поднялся на ноги и поднял меня.

– Не сейчас, Вероника. Можешь издеваться надо мной сколько вздумается, но прямо сейчас нам надо поскорее уйти.

Мы слышали, как с другой стороны стены собака уже не лает, а подвывает от расстройства, а сторож призывает всевозможную кару на головы грабителей и разбойников, нарушивших ночной покой старика. Он опять разрядил ружье для пущей остроты, и я развела руками, признавая поражение. Мы могли прятаться здесь какое-то время, ожидая, пока старик вернется в постель, но он, вполне вероятно, оставит собаку в саду или просто сейчас найдет наш журнал.

– Пойдем, – сказал Стокер, сделал несколько шагов, остановился и повернулся в ожидании; у его ног клубился туман. Я вздохнула и постаралась смириться с поражением. Я могла ругать себя за то, что выронила книгу, но знала, что Стокер не станет меня за это попрекать. Мы вместе пошли по переулку и скрылись под покровом темноты.

Добравшись до Бишопс-Фолли, мы вошли через садовую калитку и направились к себе долгим кружным путем, через поместье, чтобы не беспокоить обитателей особняка. Не сговариваясь мы направились к Бельведеру. Стокеру явно нужно было выпить, а я не хотела оставлять его наедине с бутылкой. Фонарь при входе в Бельведер не горел, и я споткнулась обо что-то, лежавшее на пороге.

– Что там такое? – с возмущением спросил Стокер.

– Какой-то сверток. Может быть, наш тайный благодетель опять проявился, – беззаботно ответила я. Не стала напоминать ему о том, что отправитель ключа, очевидно, не собирался нападать на нас, не запер в гроте и не оставил там умирать, но сама я об этом, конечно, подумала.

Я взяла сверток и вошла внутрь; Стокер сразу направился в комнатку наверху, развел там огонь и налил нам по доброй порции виски.

Я покосилась на стакан.

– Если хочешь быстро напиться, надо было брать агуардиенте, а не виски. А так это лишь пустая трата хорошего односолодового напитка.

– Не бывает пустой траты хорошего односолодового виски, – сказал он мне и одним глотком осушил свой стакан. Он налил себе еще одну порцию, а я стала развязывать бечевку на свертке. Он был упакован в простую коричневую оберточную бумагу; адрес написан неразборчивым почерком. Марки не было, значит, его доставил посыльный, поняла я, снимая упаковку. Внутри была простая картонная коробка, а в ней – гнездышко из ваты.

– Интересно, что там такое, – сказала я, копаясь в пушистой вате.

– Может быть, драгоценности от тайного поклонника? – язвительно

предположил он.

Я вытащила остатки ваты и уставилась на дно коробки.

– Ну что? – спросил Стокер, выждав какое-то время. – Не украшение?

– Не совсем, – ответила я, заставив себя потрогать лежавший в коробке предмет.

– А что тогда? – спросил он со все возрастающим раздражением. Он не был расположен к загадкам, но я и не собиралась ему их загадывать.

Я вытащила предметы бросила ему прямо в руки.

– Это глаз.

К его чести, Стокер поймал глаз и даже не раздавил его от неожиданности. Аккуратно положив его на ладонь, он нагнулся к свету, чтобы получше его рассмотреть.

– Не человеческий, – быстро сказал он.

– Это любому дураку понятно. Он слишком большой, и зрачок у него вытянутый. Предполагаю, это от какого-то жвачного животного.

– Овечий, если быть точным, – сообщил он мне. – От самой простой домашней овцы, Ovisaries. Такие лежат у любого мясника, отсюда до Гебридских островов. Но что это значит?

– Это очередная угроза. По-моему, и так все понятно, но даже если бы мы не догадались, то вот записка, – сказала я, вытаскивая из коробки клочок бумаги. На нем печатными буквами была выведена надпись:

ДЕРЖИСЬ ПОДАЛЬШЕ ОТ ЭТОВА —

ИЛИ СДЕСЬ БУДЕТ ТВОЙ ГЛАЗ.

Я всмотрелась в слова.

– Кажется, это тот же почерк, что и в первой записке. Буква «Е» везде написана как-то странно.

Стокер надулся.

– Кажется, мы заслуживаем преступника классом повыше. Этот пишет с ошибками.

– Или хочет, чтобы мы так думали, – возразила я. – К тому же очевидно, что этот человек плохо нас знает, иначе бы он понимал, что нас не испугать глазом. Здесь десятки банок набиты добром и похуже, – сказала я, махнув рукой в сторону полок. У Стокера хранилось какое-то необъяснимое количество частей тела, рассованных по стеклянным

коробкам и ящикам. Я запросто могла открыть ящик и обнаружить, что оттуда на меня смотрит глазное яблоко.

Я взяла стакан и села в кресло рядом со Стокером; он перекачивал глаз в пальцах.

– Свежий, – заметил он. – Иначе он был бы мягким. А этот крепкий и слегка пружинит при надавливании. Как виноград из оранжереи.

– То есть наш злодей – пастух или фермер? – предположила я.

Стокер покачал головой.

– Думаю, нет. У любого мясника может найтись свежий овечий глаз. Дело нескольких секунд – вырезать его; вообще-то, я думаю, что это и было делом нескольких секунд. Его не удаляли аккуратно, как сделал бы хирург или мясник. Его выдрали очень неуклюже. Видишь рваный край зрительного нерва? – Он указал на обрывок чего-то белого, свисающий с глазного яблока.

– Стокер, если я не падаю в обморок при виде глаза и не тянусь к флакону с нюхательной солью, это не означает, что я готова рассматривать его в подробностях, пока пью виски, – сказала я ему.

– Ты права.

Он бросил глаз обратно в коробку и стал изучать записку и упаковку.

– Ни марки, ни водяных знаков, ничего, заслуживающего внимания, кроме того, что эта записка похожа на вчерашнюю. Ее мог написать кто угодно.

– Даже твой брат, – сказала я, взяв в рот виски и перекачивая его на языке. Проглотив его, я ощутила, как обжигающая жидкость идет у меня по горлу в желудок, прогревая грудь своим обволакивающим теплом.

– Даже Тибериус, – согласился он.

– Ты меня удивляешь. Я думала, ты будешь из всех сил сопротивляться, – сказала я ему.

Он пожал плечами.

– С какой стати? Его имя было в журнале. В лучшем случае он знает что-то о Елисейском гроте. В худшем... – Он не закончил предложения. Сама вероятность того, что Тибериус Темплтон-Вейн может быть как-то связан с убийством, которое мы расследуем, была слишком ужасной, чтобы всерьез о ней размышлять.

– А чем интересуется виконт? – спросила я обыденным тоном. – Он покровительствует искусствам?

– Театр, – сказал Стокер задумчиво. – Он не очень интересуется живописью и всем прочим. Предпочитает представления. А что?

– Да так... Просто мне только что пришло в голову, что все

действующие лица, которые играют в нашей маленькой драме, – или люди искусства, или их покровители. Мы можем исключить его светлость из списка подозреваемых, если он не завсегдатай Хэвлок-хауса.

Ответом мне было лишь не поддающееся интерпретации ворчание, которое Китс назвал бы «бесшумным шумом». Разобравшись с упаковкой, Стокер вновь принялся за виски. Я подождала, пока он прикончит третью порцию, и решила, что теперь можно переходить к важной теме.

– Вероятнее всего, этот милый подарок нам послал кто-то из Хэвлок-хауса, – сказала я нарочито безразличным тоном, кивнув в сторону глаза. Стокер ничего не сказал, и я продолжила.

– Конечно, лучший способ доказать это – вернуться в Хэвлок-хаус и хорошенько там все обыскать. И, естественно, разумнее всего иметь какой-то предлог для очередного визита.

Стокер обреченно вздохнул и вновь осушил стакан.

– Прекрасно. Я сниму с себя эту чертову одежду и буду позировать Эмме Толбот, пока ты станешь изображать из себя детектива.

Я подняла стакан за его здоровье.

– Не сомневаюсь, из тебя получится прекрасный Персей, – сказала я с притворной скромностью. – Так хочется посмотреть на очаровательные крылатые сандалии.

Быстрым движением он схватил глаз и швырнул им в меня.

Стокер был человеком слова. На следующее утро он встал пораньше, чтобы проверить своих маленьких кожеедов и заодно написать записку Эмме Толбот, что он готов явиться к ней с целью позирования сегодня же. Но не успели мы отправиться в Хэвлок-хаус, как получили другое приглашение: немногословное, написанное властной рукой, на украшенной короной бумаге. Принцесса Луиза требовала отчета о ходе нашего расследования, и мы должны были нанести ей визит в Кенсингтонском дворце. Она объяснила, как во дворце найти ее апартаменты, и подчеркнула, что мы должны явиться ровно к одиннадцати.

Стокер был до крайности возмущен. Решившись позировать мисс Толбот, он думал уже только о том, как поскорее приняться за дело. На его лице было выражение благородного страдания, как у французского аристократа, взбирающегося в повозку для осужденных на казнь, но я не испытывала неудовольствия. Ничто не пробуждало во мне столько силы и решительности, как брошенный вызов, а ее высочество продолжала гладить меня против шерсти, может быть, и неосознанно.

Дворец располагался за высокими и внушительными позолоченными воротами, но сам был уютным, небольшим, из красного кирпича. В маленьком внутреннем дворе сложно было заблудиться, и, следуя указаниям в письме, мы легко нашли нужную дверь.

Нас встретил высокомерный дворецкий, но не успел он о нас доложить, как принцесса вышла сама.

– Я рада, что пунктуальность – одно из ваших достоинств, – сказала она вместо приветствия. Она была бледна, под глазами залегли темные круги, все движения, казалось, давались ей с трудом, будто она держала себя в руках исключительно благодаря силе воли.

Не успели мы ей что-либо ответить, как по лестнице спустился джентльмен в немного неуклюже сидящем дорогом костюме; он смотрел на нас, слегка улыбаясь, будто пытаюсь понять, кто мы.

– Привет, Луси. Это твои друзья? – дружелюбно спросил он. Это был высокий мужчина с открытым лицом, взъерошенными волосами, довольно неряшливого вида, несмотря на явную дороговизну наряда. Он казался очень приветливым, но из-за некоторой неаккуратности выглядел не слишком подходящей партией для эффектной принцессы. Хотя она и была художником со всеми вытекающими обстоятельствами, я заметила, что она неизменно заботится об идеальном внешнем виде.

– Лорн... – пробормотала она. Она взяла мужа под руку и познакомила нас.

– Дорогой, это мисс Спидвелл и мистер Ревелсток Темплтон-Вейн, сын виконта Темплтон-Вейна. Мисс Спидвелл, мистер Темплтон-Вейн, это мой муж, маркиз Лорн.

Маркиз ответил на мой поклон и протянул руку Стокеру.

– Вы один из мальчиков старины Реджинальда Ти-Ви? Я несколько раз встречался с ним в палате лордов, когда там выступал мой отец. Всегда засыпал во время дебатов. У него устрашающе громкий храп.

– Все верно, – весело ответил Стокер.

– Скажите, – продолжал маркиз, – вы ведь не викарий?

– Нет, милорд, викарий – это мой младший брат, Мерривезер.

Маркиз сочувственно улыбнулся.

– Помню, ваш отец немало намучился, пока наконец его не пристроил. Кажется, он иногда любит поиграть на скачках, и с картами тоже у него не все гладко. Я слышал, этот парень что-то вроде паршивой овцы, но не сравнить с тем братом, который вечно шлялся... где же... в Южной Америке или Южной Африке? Там была какая-то жуткая история, – добавил он. – Кто же из братьев это был?

Стокер мрачно улыбнулся.

– Боюсь, милорд, я – самая паршивая овца из всех Темплтон-Вейнов.

Тонкие светлые брови маркиза высоко взлетели.

– Боже мой, как ужасно неловко вышло.

Другой человек мог бы действительно почувствовать себя от этого не в своей тарелке, но мне подумалось, что расстроить зятя королевы всего лишь промахом в светской беседе было непросто.

Чтобы сгладить неприятную ситуацию, в разговор опять вступила принцесса Луиза.

– Мисс Спидвелл и мистер Темплтон-Вейн связаны с сэром Фредериком Хэвлоком. Они пришли посмотреть мои работы в мастерской.

– А, опять народ из мира искусства! Вы, наверное, были знакомы с девушкой, которая там жила и которую потом убили? – сказал он и повернулся к жене. – Как там ее звали? Что-то очень диковинное.

– Артемизия, – напомнила она. – Нет, мисс Спидвелл и мистер Темплтон-Вейн не имели удовольствия ее знать.

– Ну, может быть, и к лучшему, что вы не были знакомы, – заметил он. – Убийство – грязное дело. Мне не нравится, что ты так расстроена, – нахмурившись, сказал он жене. Это было самое большее из того, на что способны английские аристократы в выражении своих чувств, но принцессе и этого было достаточно. Она сжала его руку.

– Дорогой Лорн, – только и сказала она.

К нам бесшумно приблизился дворецкий, подавая его светлости перчатки и шляпу.

– Я как раз собирался уходить, когда увидел вас. Сегодня я буду в клубе, к обеду вернусь. Ты не собираешься никуда уезжать, Луси?

– Вряд ли, – ответила принцесса. Он слегка поцеловал ее в щеку, вновь пожал руку Стокеру, милостиво кивнул мне и вышел. Как только за ним закрылась дверь, принцесса повернулась к нам.

– Пойдем. Мастерская – единственное место, где можно спокойно поговорить.

Ее высочество провела нас коридором, на стенах которого красовались очень приятные акварели, к запертой двери. Она достала из кармана ключ и открыла нам; мы прошли по внутреннему дворику и небольшому садику к отдельно стоящему зданию, сделанному, казалось, полностью из стекла. Отперев его, она зажгла газовую люстру, чтобы разогнать мрак серого туманного утра. Такого освещения было недостаточно, но огромные окна подсказывали, что в ясные дни помещение бывает залито светом.

– Моя мастерская, – сказала она нам. На полках по стенам лежали

всевозможные инструменты, необходимые скульптору в работе, и вся комната – большое открытое пространство – была уставлена накрытыми тканью фигурами на постаментах, будто привидениями, терпеливо ожидающими своего часа.

Принцесса провела нас к одному из постаментов и потянула вниз скрывавшее фигуру покрывало. Оно будто сомневалось, падать или нет, но наконец сползло к ногам статуи, изображавшей молодую женщину. На ней было платье, спускавшееся изящными складками, какие могли быть в любой древней культуре. Но ее поза сильно отличалась от классических статуй, всегда спокойных и расслабленных, будто ожидающих восхищенных взглядов. Эту фигуру словно поймали в движении: полы одеяния облепляют ноги так, что видны напряженные мышцы, рукава развеваются, голова поднята, и незрячие глаза смотрят вдаль на что-то, чего никогда не смогут увидеть. В одной тонкой руке – пастуший посох, и мне легко представилось мраморное стадо где-то неподалеку, которое она сейчас пойдет собирать. Рот приоткрыт, а голова чуть повернута назад, будто ее запечатлели в мраморе именно тогда, когда она отвечала на какой-то не слышный нам призыв.

– Она восхитительна, – совершенно искренне сказала я.

– Это Артемизия, – ответила принцесса. – Вот почему я хотела, чтобы вы на нее взглянули. Я лепила ее с натуры, такой она и была: высокой, решительной, полной жизни и движения. Во время расследования вы услышите много версий того, какая она была. Художники – ужасные лгуны, – сказала она нам со слабой улыбкой. – Но это – правда о ней. Вы не должны этого забывать.

Мы все еще стояли и любовались статуей, когда дверь открылась, и в комнату вошла Оттилия Рамсфорт.

– Луси, дворецкий сказал, что ты здесь... – Она вдруг замолчала, наверное, увидев нас со Стокером, но потом я поняла, что она смотрит мимо нас, на статую.

Она подошла ближе, ее глаза сверкали от волнения.

– Луси! Ты закончила ее! Она восхитительна. Кажется, что она вот-вот заговорит, – воскликнула она дрожащим голосом.

Принцесса Луиза обняла ее, и так они стояли, прижавшись друг к другу. Затем Оттилия взглянула на нас и слабо улыбнулась, на ее ресницах дрожали слезы.

– Прошу прощения. Я не хотела снова лить слезы, – сказала она. – Просто когда я увидела ее здесь, такую очаровательную и такую живую... Иногда я по-прежнему не могу поверить, что все закончилось так ужасно.

Она не смогла продолжить и начала всхлипывать на плече у Луизы; наконец Стокер достал один из своих огромных носовых платков и подошел к ней. Она смущенно рассмеялась.

– Вы снова пришли мне на помощь, мистер Темплтон-Вейн, – сказала она ему, вытирая слезы. – Вы очень добры.

И, как всегда, когда кто-то делал ему комплимент, Стокер лишь покраснел и ничего не ответил. Принцесса сжала руку Оттилии.

– Тебе лучше?

Оттилия кивнула.

– Кажется, да.

– Ну хорошо, – решительным тоном ответила принцесса. – Потому что я позвала тебя сюда не только для того, чтобы посмотреть на статую. Я попросила мисс Спидвелл и мистера Темплтон-Вейна отчитаться нам о том, как проходит расследование.

– А! – На лице Оттилии Рамсфорт отразился живой интерес. – Вы что-то обнаружили?

– Не совсем, – быстро ответила я. Не хотелось вселять в нее ложные надежды, это было бы жестоко. Но можно было рассказать ей, что нам стало известно. – Первоначально мы склонялись к мнению, что ее высочество поддалась напрасным мечтаниям, что она просто не хочет верить в то, что Майлз Рамсфорт виновен в смерти Артемизии. Но теперь мы считаем, что она может быть права относительно его невиновности.

Оттилия слегка покачнулась, и Стокер поспешил подставить руку, чтобы поддержать ее.

– Благодарю вас, мистер Темплтон-Вейн, – пробормотала она. – Мне сложно в это поверить.

– Но это правда, – ласково сказал он ей. – Еще до того, как мы побывали в Хэвлок-хаусе, нам прислали записку с угрозой.

– С угрозой?! – воскликнула принцесса, широко открыв глаза от изумления. – И как же вам угрожали?

– Прикрепили к двери дома записку, в которой велели нам держаться подальше от этого дела. А иначе... – объяснила я. – А прошлой ночью, после того как мы пытались кое-что разузнать, получили еще одну угрозу.

Я вытащила из кармана коробочку и протянула ее принцессе.

– Только не показывайте миссис Рамсфорт, – сказала я ей.

Она высокомерно посмотрела на меня и открыла коробку. Ей достаточно было одного взгляда на ее содержимое. Она закричала, выронила коробку, и глаз покатился под стол. Оттилия вцепилась Стокеру в руку.

– Что это было?! – спросила она тихим дрожащим голосом. – Выглядело как...

– Ничего страшного, – сказал он ей успокаивающе. – Там не было ничего особенного. Достаточно сказать, что к этому была приложена записка, предупреждающая, что нас ждут определенные увечья, если мы продолжим расследование.

Принцесса Луиза не собиралась подбирать глаз, и я с раздражением полезла под стол. Я убрала глаз обратно в вату, а коробку положила себе в карман. Принцесса посмотрела на меня с откровенной неприязнью, но меня это совершенно не волновало.

– Могли бы предупредить меня, – сказала она холодно.

– Я думала, вы изучали анатомию, – ответила я. – Художники обычно в этом разбираются.

На это она ничего не ответила, а просто обратилась к Стокеру.

– И это все?

– Нет, – сказал он ей. – Кажется, у нас появился не только враг, но и своеобразный ангел-хранитель. Нам прислали ключ, который, как мы выяснили, открывает определенный замок в Литтлдауне. – Он пристально посмотрел на Оттилию, и она отодвинулась от него, слегка покраснев.

– От грота, – прошептала она.

– Вы о нем знаете? – спросила я.

Она пошарила рукой, куда бы присесть, и опустилась на краешек одного из постаментов, не заботясь о том, что белая пыль сразу испачкала ее черную юбку.

– Конечно. В конце концов, это часть истории Литтлдауна. Майлз так гордился... *гордится*, – яростно поправилась она, – этим поместьем. Первый человек из рода Рамсфортов упоминается уже в книге Страшного суда[13], понимаете? Все Рамсфорты были безрассудными везунчиками, монетка всегда выпадала им нужной стороной, – сказала она со снисходительной улыбкой. – Они владели этим участком земли еще со времен Вильгельма Завоевателя. Здесь было построено по меньшей мере шесть домов. Последним был Литтлдаун, и Майлз так его любит. Невозможно передать, сколько это значило для него, для нас, – перестроить дом. Мы вернули ему былую красоту, – с гордостью сказала она. – И вот когда Майлз обнаружил грот и прочитал о нем, он решил, что будет очень забавно вновь обставить его соответствующе.

– Он выглядит так, будто его не просто заново декорировали, – мягко заметила я.

Оттилия снова покраснела.

– Думаю, можно больше не хранить секретов, раз вы видели грот, – сказала она с сухим смешком. – Я уже говорила вам, что мне нелегко давалось вынашивание детей. – Она взглянула на Луизу, которая чопорно стояла немного в стороне. – Дорогая, тебе знакома боль от поражения такого рода.

Луиза ничего не сказала, но ее глаза заблестели. Она тяжело сглотнула и коротко кивнула. Оттилия потянулась к ней и крепко взяла за руку.

– Да, тебе это знакомо. Это способна понять только женщина, которая отчаянно желает подарить своему мужу ребенка, но никак не может. – Она снова сжала руку Луизы и отпустила ее. – После последней неудачи доктора сказали Майлзу, что слишком опасно пытаться дальше и что нам придется спать в отдельных спальнях до конца дней.

Она замолчала, и мне показалось, будто она сейчас пробирается через заросли крапивы.

– Я хотела, чтобы он был счастлив. И тогда я подумала: ему будет не так тяжело, если у него будут грот и развлечения, связанные с ним. И я оказалась права. Это была просто игра, ничего более. Он как мальчишка носился с этой коллекцией, – вновь сказала она со снисходительной улыбкой. – Ему казалось, что все это так шокирующе нехорошо. Но я не видела в этом ничего плохого, правда. Женщины приходили туда добровольно, и им хорошо платили. Мужчины... Не знаю, что ими двигало, но могу предположить. Они, как и Майлз, просто искали свежих ощущений и находили их в гроте.

– В последние годы их было не так много, – заметила я.

Оттилия удивленно взглянула на меня.

– Откуда вы знаете?

– Потому что мы нашли журнал, – сказал ей Стокер, – своего рода гостевую книгу, которую вел ваш муж.

– К сожалению, – спокойно добавила я, – нам не удалось изучить ее как следует, но даже и беглого взгляда было достаточно, чтобы понять, что Майлз Рамсфорт вел точный учет всех посетителей и их предпочтений.

Оттилия побледнела.

– О, милый Майлз! Как же он мог поступить так глупо?!

Она снова потянулась к Луизе и нервно схватила ее за руку.

– Ах, Луси, что он наделал?!

– Он правда повел себя крайне неразумно, – решительно сказала Луиза, с осуждением поджав губы. – Очень опасно лгать о таких вещах.

– Действительно опасно, – подтвердила я. – Это может стать неплохим мотивом для того, чтобы желать его смерти, стараться сделать так, чтобы

его повесили за убийство Артемизии, – заметила я затем. – Если кто-то, упомянутый в журнале, боялся разглашения его содержимого... – Я не договорила, но остальное должно было и так стать понятно.

Оттилия в ужасе посмотрела на меня.

– Не хотите же вы сказать, что думаете, будто Майлз мог кого-то шантажировать?

– Это возможно, – начала я.

– Нет, невозможно! – закричала она и вскочила на ноги. – Про моего мужа можно много чего сказать, мисс Спидвелл, но уж точно не то, что он шантажист! Обвинить его в таком подлом и грязном деле...

– Миссис Рамсфорт, – сказала я сурово, – сейчас он ожидает повешения за убийство. Мне не кажется, что рассматривать вариант шантажа – такое уж ужасное оскорбление в данной ситуации.

– Довольно, мисс Спидвелл, – сказала принцесса тоном ледяного высокомерия. – Где сейчас этот журнал? Вы же не оставили его лежать где попало?

– Честно говоря, – Стокер решил по-мужски принять удар на себя, – он оказался в неподходящем месте.

– В неподходящем месте?! – В голосе Луизы слышалось абсолютное непонимание, смешанное с яростью. – Из всех неосмотрительных, любительских...

– Кажется, ваше высочество, вы забываете, что мы и правда всего лишь любители, – ответила я. – Журнал выпал в саду Литтлдауна.

– И вы его не забрали? – спросила она, переводя взгляд с меня на Стокера и обратно.

– Понимаете, там была собака... – начала я.

Она повелительно махнула рукой, прогоняя нас.

– Уходите, сейчас же.

Я пожала плечами, мы развернулись и собрались уйти.

– Подождите, – сказала Оттилия, сделав шаг вперед; ее глаза блеснули. – Когда Луси сказала мне, о чем она вас попросила, я не знала, что и думать. Сама мысль о том, что Майлз может оказаться на свободе, что весь этот кошмар может вдруг закончиться, была настолько невероятной, что казалась почти невыносимой. Я говорила вам, что мне больно даже надеяться на то, что вы можете доказать его невиновность. Но теперь все изменилось. Я хочу, чтобы вы это сделали. Теперь я вижу, что случится, если его повесят. Он лишится не только жизни, но и своего доброго имени. Люди будут думать, что он совершил это преступление. Они готовы будут поверить в любые ужасы о нем: что он был развратником, шантажистом,

убийцей. – На последних словах ее голос сорвался.

– Миссис Рамсфорт, – начала я, но она резко прервала меня.

– Нет, мы уже достаточно сказали друг другу. Вы сделаете то, о чем вас просит Луси, и докажете, что он невиновен. И тогда, надеюсь, вам хватит совести извиниться за ваши грязные инсинуации.

Я взглянула на принцессу, но она ничего не сказала. Она молча стояла посреди комнаты, столь же холодная и неприступная, как статуи у нее за спиной.

– Прекрасно, – сказала я, слегка поклонившись. – В таком случае хорошего дня вам обеим.

Глава 14

Стокер заговорил, только когда мы устроились в кэбе.

– Все прошло чудесно, – заметил он веселым тоном.

– Я не в настроении, – предупредила я его. Упомянуть о том, что гостевая книга пропала, было серьезной ошибкой, но что сделано, то сделано, и не было смысла копаться в том, чего уже не изменить. Мы молчали вплоть до Хэвлок-хауса, где его уже в нетерпении поджидала Эмма Толбот.

– Заходите! Мне лучше всего работается по утрам, а уже почти время обеда, – раздраженно сказала она. Она потащила его вверх по ступенькам в башню, бросив мне через плечо:

– Располагайтесь, мисс Спидвелл. Черри о вас позаботится.

Я бродила по залу, из которого уже исчезли все атрибуты праздника. Прошло несколько минут, Черри так и не появилась, и я подумала, что у меня появилось хорошее оправдание для того, чтобы рыскать по дому. Я начала обходить комнаты первого этажа, поочередно заглядывая в просторные гостиные. Многие были пусты, но в одной из них я увидела группу молодых девушек, усердно трудившихся перед мольбертами в попытках изобразить вазу с фруктами. Сэр Фредерик Хэвлок, одетый в блузу художника, передвигался между ними с помощью двух палок, одной советовал перехватить карандаш по-другому, другой – иначе провести линию. Увидев меня, он энергично кивнул.

– Нет, мисс Брикер, боюсь, так не пойдет, – сказал он одной из своих учениц. – Вы же рисуете персик, а не гиппопотама. Нужно приложить чуть больше усилий.

Со вздохом отвернувшись от ученицы, он двинулся ко мне, медленно, но уверенно.

– Мисс Спидвелл! Рад встрече. Присядем? – Он указал на небольшой диванчик у двери, и мы сели, вынужденно прижавшись друг к другу бедрами.

– Вы удивили меня, сэр Фредерик, – сказала я. – Я и не думала, что вы в состоянии передвигаться без кресла.

– Иногда, в хорошие дни, – ответил он. – Я стараюсь ползать тут хотя бы во время занятий, чтобы как-то оправдать те суммы, что платят матери этих неоперившихся птенцов. – Бедняжки, – сказал он мне на ухо. – Матери отправили их сюда, чтобы обучить зачаткам дамских навыков, но ни у

одной из них нет художественных способностей. Их вазы с фруктами неизменно выглядят как кучи мусора.

– Удивительно, что такой талантливый художник, как вы, тратит силы на занятия с такими бестолковыми учениками, – сказала я.

Он трагически поднял брови.

– Конечно, они безнадежны, мисс Спидвелл. Но они платят, и неплохо.

Он наклонился ко мне и спросил еще тише:

– Как продвигается ваше расследование?

Я пожала плечами.

– Мы получили какие-то ответы, но от них лишь появилось еще больше вопросов. Боюсь, пока так.

Он пронизательно посмотрел на меня, и я вновь ощутила удивительную энергию этого мужчины. От него исходил привлекательный аромат мужской плоти, чистого белья и грубый, металлический запах пигментов, которые он использовал для своих красок.

– Что за вопросы? – спросил он, его дыхание чуть шевелило локоны у меня на висках.

Я искоса взглянула на него и поняла, что он смотрит на меня напряженно. В его глазах читались настороженность и плохо скрываемое волнение. Его ноздри раздувались, а на лице отражалось беспокойное ожидание. Тогда я решила, что с ним эффективнее всего говорить напрямую. Я взглянула на него открыто.

– Такие вопросы, которые возникают при посещении Елисейского грота, – мягко сказала я, специально стараясь не повышать голоса, чтобы нас не услышали его ученицы.

Его губы тронула легкая улыбка.

– Вы были в гроте? Значит, вам известно, какая там интересная коллекция у Майлза.

– Очень содержательная, – согласилась я. – И мне было интересно обнаружить там следы вашего пребывания.

Улыбка стала шире.

– Уже несколько лет я не принимал активного участия в проводимых там мероприятиях, но да, признаюсь, что когда-то был большим любителем этих сборищ. Сейчас мне остается лишь смотреть.

– Я говорила о гроте с миссис Рамсфорт. Оказывается, она знала о его предназначении.

– Конечно, знала, – энергично подтвердил он.

– Она тоже в этом участвовала?

Он разразился смехом, отчего все ученицы подняли головы и

удивленно посмотрели на него.

– К холстам, мои голубки. Здесь нет ничего интересного, – велел он им и весело взглянул на меня.

– Вы можете представить себе, чтобы Оттилия принимала участие в такого рода играх? – спросил он.

– Не могу, – признала я. – Но она так откровенно говорила о том, для чего ее муж использует это помещение.

Он пожал плечами.

– Дорогая моя Вероника, Майлз – как пух, сам не знает, куда занесет его ветер. Если бы его прибило к женщине другого склада, более сильной, она, вероятно, и смогла бы заставить его вести себя более сдержанно.

– Вы обвиняете жену в неверности мужа? – Мой голос зазвенел от недоверия.

Он коснулся моей руки скрюченным пальцем, будто делая мне выговор, а в его интонации послышалась строгость.

– Вероника, вы уже не дитя. Вам известно, что бывают мужчины, которые ведут себя точно в соответствии с тем, чего от них ожидают другие; мужчины с таким податливым характером, что просто нельзя сказать, хуже ли они или лучше, чем их близкие.

Я подумала о Стокере, непоколебимом как скала.

– А бывают такие, которых никто и ничто не может изменить, – возразила я.

– Конечно. Но Майлз не такой. Он плохо вел себя с Оттилией потому, что она ему это позволяла. Женщина, которая требовала бы от него верности, получила бы ее.

– Все не так просто, – сказала я.

Уголки его рта весело вздрогнули.

– Все именно так. Я знаю свой пол, девочка. И среди нас всегда есть те, кто будет настолько хорош или настолько плох, насколько от него этого ожидают. Оттилия ожидала от него худшего, да бога ради, она даже поощряла его в этом, тем, что терпела существование грота и всего, что там происходило. Она не только закрывала глаза на его распутство, но даже дружила с женщинами, с которыми он спал!

– Не верю, что она могла зайти так далеко, – возмутилась я.

– Я видел это собственными глазами, – ответил он. – Это повторялось снова и снова. Если даже женщина развлекалась с Майлзом, но была при этом подругой Оттилии, она не смела пойти настолько далеко, чтобы пытаться увести его. Да, она умная жена, но прежде всего она – друг Майлза. Она знает, что он любит ее так, как никогда не полюбит ни одну

женщину из тех, с кем забавляется. Конечно, если бы она была другой, то просто вышвырнула бы его на улицу со всеми пожитками, и он бы полз обратно к ней на коленях по битому стеклу. Моя Августа говорила ей об этом сотни раз.

– А леди Хэвлок поступала так с вами? – спросила я.

Он снова рассмеялся.

– Раз пять, не меньше. Боже, как мы с ней ссорились! Это были битвы титанов, дорогая. – Его лицо смягчилось при воспоминании о покойной жене. – Августа не могла быть на вторых ролях, и я уважал ее за это.

– Но вы все равно ей изменяли.

Он покачал головой.

– Сердцем – нет. А тело... – Он снисходительно взмахнул рукой. – Тело состоит из желаний, которые нужно удовлетворять. Но сердце должно быть отдано единственному человеку. Это святое.

Я задумалась о том, что он сказал; теперь в комнате слышался только тихий скрип угля: ученицы пыхтели над своими вазами.

– Это кажется сильным упрощением, – сказала я ему наконец. – Хорошее оправдание для самых ужасных поступков.

– Это правда, насколько ее знаю я, милая Вероника. Мое тело желало сотен женщин и продолжает желать, – сказал он, окинув меня быстрым взглядом, задержавшимся на моих бедрах. – Но все эти сотни забывались сразу, как только утолялся голод. Ни одну из них я не помнил и не любил, кроме Августы. Даже после ее смерти все те женщины, кого я обнимал, целовал, ласкал, с кем занимался любовью, ничего не значили для меня, были незаметны, как привидения. И только призрак моей Августы для меня реален.

Его рассуждения об оправданности измен были чистой спекуляцией, но его чувства показались мне искренними. Я ласково накрыла ладонью его скрюченную руку.

– Думаю, я вас понимаю.

Он покачал головой.

– Нет, не понимаете, потому что свое сердце вы еще никому не отдали.

Я криво усмехнулась.

– Откуда вы знаете?

– Оттого что, дитя мое, в вас есть что-то нетронутое, несмотря на все ваши свободные манеры.

– Вас удивит новость, что я не девственница, сэр Фредерик?

– Я говорил не о теле, – ответил он. – Разве я не сказал? Тела совершенно ничего не значат. Душа – это нечто совершенно отдельное.

Когда вы решитесь разделить ее с кем-то, тогда и поймете, что значит жить.
Я заерзала на диване.

– Мы ведь говорили о вас, а не обо мне, – мягко напомнила я ему и попыталась убрать руку, но он неуклюже сжал ее в своей.

– Посидите со мной еще немного. Я давно так нежно не держал женскую руку и не вдыхал запаха женщины. Я теперь совсем старик, – слегка улыбнулся он мне, – и не причиню вам вреда.

Я послушалась и оставила свою руку в его, размышляя, много ли вреда он уже успел мне причинить.

Как только мне удалось вежливо уйти, я оставила сэра Фредерика. С некоторым раздражением я поняла, что так и не спросила его об участии Джулиана Гилкрита и Артемизии в том, что происходило в гроте, хотя они и бывали там явно гораздо позже, чем он. Что-то в нем было, некое доминирующее начало в его личности, из-за чего в его присутствии у меня совершенно не получалось следовать намеченному плану. Я испытывала симпатию к этому старику, но еще более чувствовала всю силу его характера, способность притягивать к себе людей, будто магнитом. Сложно было вообразить, какой природной мощью он обладал в былые дни; но теперь, оказавшись снова одна, я вволю ругала себя за промах.

Дальше по плану у меня была комната Гилкрита, но я решила сперва заглянуть к Стокеру. Я обнаружила его в одиночестве в комнатах мисс Толбот; с ней самой я столкнулась в дверях. Она была в ужасном настроении, цветисто ругалась на то, что вынуждена отрываться от работы, а при виде меня лишь слегка фыркнула. Проскользнув к ней в мастерскую, я увидела, что Стокер сидит, с ног до головы укутанный в бархатный плащ.

– Что это на тебе такое? – спросила я. – Не очень-то героический наряд, особенно для Персея. Так ты больше похож на очень несчастную деву-весталку.

Он надулся.

– Здесь чертовски холодно, и мисс Толбот сказала мне, что я могу погреться, пока она ходит за очередной порцией угля. А ты чем занималась?

Я кратко пересказала ему свою беседу с сэром Фредериком, естественно, опустив все замечания старика о моих собственных сердечных делах.

– В общем, он не скрывает того, что бывал одним из посетителей грота, – заключила я.

– Распутник, – категорично заявил Стокер. Я ничего не сказала, но посмотрела на него так, что он покраснел до кончиков ушей. – Ну хорошо, не мне рассуждать о морали, я в этом тоже не эталон, – признался он.

– Есть еще кое-что, – быстро сказала я; мне как-то не захотелось открывать очередную корзину со змеями.

Я рассказала ему о том, что сэр Фредерик может передвигаться с помощью двух палок, а не только в батском кресле.

– Кажется, он более здоров, чем мы подумали вначале, – закончила я. – Как считаешь, он мог это совершить?

Мне не очень приятно было задавать подобный вопрос, но следовало рассмотреть и этот вариант. Он пожал плечами.

– Многое возможно, особенно в минуту сильных чувств. Я и сам не отказался бы кое-кого сейчас убить, – добавил он с горечью в голосе.

– Что тебя беспокоит, Стокер? – спросила я. – Ты хмуришься, как девица на первом балу, которую никто не пригласил на танец.

Он указал на свое покрывало.

– Это! Ты там носишься с подозреваемыми, а я тут заперт с женщиной, которая обращается со мной как с куском мяса.

Я строго на него взглянула.

– Ты должен допрашивать ее! – напомнила я.

– Это чертовски трудно, ведь она не разрешает мне говорить, – парировал он.

– Почему это?

Он нетерпеливо махнул рукой.

– Она что-то говорит про выражение лица, хочет, чтобы на нем отражались героизм и благородное страдание, а весь эффект теряется, когда я буднично болтаю с ней о погоде. Она и слова мне не дает сказать после того, как я принимаю нужную позу.

– Да, не повезло, – посочувствовала я. – Но она же должна давать тебе время размяться. Можно притвориться, что у тебя что-то защемило. Или скажи ей, что у тебя ревматизм, – предложила я.

– Ревматизм? Мне тридцать один! – сказал он обиженно. – Это пока не по возрасту.

– Неужели? – послышался голос из дверей. Я не заметила, как вернулась мисс Толбот; оставалось только надеяться, что она не подслушивала наш разговор. Но она выглядела совершенно спокойной, может быть, слегка задумчивой – такое выражение лица часто встречается у людей искусства, когда кажется, будто они слушают музыку, которую не могут уловить окружающие. Она торопливо зашла в комнату с пригоршней

угля в руке.

– Вот, нашла. Этот дурак Гилкрист не постеснялся забрать себе весь мой уголь и думал, что я не замечу, – пробормотала она и повернулась к Стокеру. – На место, прошу вас. Мы потеряли минут десять, не меньше.

Стокер занял прежнюю позу на возвышении в центре комнаты, а она принялась так и сяк поворачивать его конечности, будто это был манекен. В одной руке он должен был держать меч, а в другой – мерзкую восковую голову. Она должна была напоминать нам о Медузе, побежденной Горгоне, убийство которой Персеем было славнейшим из его достижений.

Мисс Толбот обошла вокруг Стокера, несколько раз изменяя наклон его головы.

– Голова должна встать правильно, тогда за ней подтянется и все остальное, – сказала она скорее себе, чем кому-то из нас, остановилась и смирив его взглядом, а затем жестом подозвала меня к себе.

– Какая хорошая линия шеи, правда? – спросила она, но не стала ждать ответа. – Я чуть не пять лет трудилась над серией греческих героев, и сейчас мне не хватает только Персея. Не представляете, как долго я искала это идеальное сочетание – неистовой мужской силы и благородного страдания, соединенных в одном теле, – сказала мисс Толбот. У бедного Стокера вид был совершенно растерянный.

– Это очень мило. Но почему же Персей должен страдать? Он же одолел Медузу, разве нет? И довольно быстро, если мне не изменяет память.

– Но какой ценой?! – откликнулась она, разгораясь от этой беседы. Она подошла ближе к Стокеру и продолжала говорить, водя рукой по его мускулам. – Вы должны помнить, что он был принцем в Аргосе, зачатым с помощью золотого дождя, когда Зевс удостоил своей любовью прекрасную принцессу Данаю против воли ее отца, сурового Акрисия. Только вообразите себе эту ужасную сцену: разгневанный царь запирает собственных дочь и внука в деревянный ящик и велит бросить в море, опасаясь, как бы не сбылось древнее пророчество о том, что его ждет смерть от руки внука. Как долго мучились бедная Даная и ее ребенок, когда их носило по волнам, каждую минуту они ожидали смерти, пока их наконец не прибило благополучно к берегам острова Серифос! Такое страдание должно быть написано на лице, неужели вы не понимаете?

– Ах да, конечно, – протянул Стокер.

Художница восторженно продолжала.

– Представьте себе, как потом его, такого нежного и изящного, ведь он, в конце концов, был сыном Зевса, другой завистливый царь просит добыть

голову Медузы. Только подумайте: вот он стоит перед ужасной пещерой Горгоны, зная, какое чудовище ожидает его внутри, и уже почти не надеясь вновь увидеть свой дом и родных. Я так ясно представляю себе эту картину!

Она поправила складку на плаще, накинутом Стокеру на плечи, и наткнувшись на крепкие мускулы, покрытые татуировками, крепко стиснула пальцы.

– Какие развитые бицепсы, – пробормотала она.

– Жаль, что это произведение не будет оценено по достоинству, – сказала я обыденным тоном. – По крайней мере, что его не сможет увидеть человек, который был вдохновителем всей серии.

Сначала мне показалось, что она меня не слышала, настолько погружена она была в мысли об искусстве. Но ее пальцы на плаще напряглись так, что на бархате остались следы. Потом она повернулась ко мне, и я поняла, что она побледнела.

– Мисс Спидвелл, благодарю вас за желание помочь. Но то, о чем вас попросила принцесса, просто жестоко.

– Жестоко спасти человека от виселицы? – спросил Стокер, не поворачивая головы.

Ее маленькие руки сжались в кулаки.

– Жестоко думать, что вы можете это сделать, – возразила она неожиданно хриплым голосом. – Майлза Рамсфорта вот-вот повесят. Все, кто знал его, кому он был дорог, уже так или иначе смирились с этим. Почему же Луси не может?!

– Потому что она не верит, что он виновен. Ведь есть же здесь место сомнению? – предположила я.

– Сомнению? – Ее серые глаза смотрели очень сурово. – Для вас это просто теория, фигурки, которые двигаются по доске с черными и белыми квадратами, отвлеченное упражнение, тренировка ума и изобретательности. Но на кону жизни, жизни реальных людей, ничего для вас не значащих. – Она была настолько напряжена, что казалось, если тронуть ее пальцем, она рассыплется на кусочки.

– Мисс Толбот, – сказал Стокер, спускаясь с возвышения, – если вы знаете хоть что-то, что может нам помочь...

– Я ничего не знаю! – закричала она. – Но правосудие признало его виновным. Кто мы такие, чтобы сомневаться в их правоте?

– Правосудие нередко ошибается, – сказала я ей. – Почему вы уверены, что Майлз Рамсфорт виновен?

Она сжала губы и ничего не ответила.

– Мисс Толбот, что вы знаете? – опять спросил Стокер.

Она расправила юбку и подвернула манжеты с раздражающей тщательностью.

– Я знаю, что правосудие признало Майлза Рамсфорта виновным и приговорило к повешению. И никто ни на земле, ни на небе не может этому помешать.

Она взяла уголь твердой рукой.

– Мистер Темплтон-Вейн, пожалуйста, займите свое место.

Стокер посмотрел на нее долгим, оценивающим взглядом, а потом сделал то, о чем она просила. Он бросил на меня быстрый взгляд, а я коротко покачала головой. Не было смысла продолжать эту беседу. Момент был упущен.

Я пошла к двери.

– Не хочу мешать вашему процессу. Оставлю вас одних.

– Хорошо, – сказала она. Не успела я еще закрыть за собой дверь, как она уже повернулась ко мне спиной. Я прислонилась к стене и несколько минут стояла, тяжело дыша; наконец я взяла себя в руки.

Глава 15

Стараясь не шуметь, я быстро направилась в комнату Гилкрита. Осторожно постучалась, но не получила ответа. Затаив дыхание, я толкнула дверь и проскользнула внутрь. Окна не были занавешены, и комнату заливал приятный свет, в длинных лучах кружились пылинки. Это помещение, очевидно, всячески сопротивлялось рукам горничной, и я подумала, не Черри ли досталась участь прибирать здесь. На незастеленной кровати в углу безошибочно угадывались следы недавних бурных занятий. До меня донесся соленый запах пота и кое-чего более интимного, и я заметила темную влажную полосу на белой простыне. С отвращением сморщившись, я начала медленно обходить комнату; оставив без внимания большое собрание полотен, я приблизилась к скромной книжной полке. Там было всего несколько книг, все – по искусству, как я выяснила, перебрав их одну за другой и быстро пролистав страницы. Поставив на место последнюю книгу, я услышала скрип половицы, обернулась и с бьющимся сердцем поняла, что в комнате не одна. В дверях стоял крупный мужчина; он молчал, а лицо его было в тени, и я не сразу поняла, что это Гилкрит. Кажется, он не собирался входить и словно размышлял, как поступить дальше.

Я всегда считала, что лучшая защита – это нападение, а потому вступила в разговор первой.

– Мистер Гилкрит, полагаю? Ну да, конечно. Мы с вами встречались внизу, в холле, недавно, во время приема, но сомневаюсь, что вы что-то помните об этом. Надеюсь, вы простите мне мое вторжение, но я совершенно заблудилась. А это ваша комната? – Я распахнула глаза с невинным видом и протянула ему руку. Она надолго повисла в воздухе между нами, но наконец он пожал ее, будто против воли. Он стиснул мою руку в своей горячей и влажной ладони.

– Мисс Спидвелл, не так ли? Какая неожиданность, – пробормотал он. Он долго не отпускал мою руку, внимательно глядя мне в глаза. Кажется, он неожиданно принял какое-то решение, потому что вдруг пошел вперед, не выпуская моей руки; затащив меня таким образом в комнату, он закрыл за нами дверь.

– Идите сюда. Хочу вам кое-что показать. – Он указал на картины. – Посмотрите и скажите, что вы о них думаете.

По собранию полотен я поняла, что мистер Гилкрит был

исключительно портретистом. Все картины ограничивались строго одной темой: на них изображались женщины по плечи, все одного размера, и почти у всех одинаковые выражения лиц – блаженства и неги. Я подошла к ближайшей работе и рассмотрела ее на свету. На ней была блондинка, немного старше тридцати, как мне показалось, плечи укутаны в волны зеленого шелка, очень идущего к ее карим глазам. На коже играет чуть заметный румянец, вспыхнувший от какого-то напряжения, влажный локон спадает на обнаженное плечо. Не нужно было обладать богатым воображением, чтобы понять, чем она занималась непосредственно перед тем, как была написана картина, и я с осуждением взглянула на художника.

– Право же, мистер Гилкрест, – сказала я с некоторой строгостью в голосе, – я знаю эту даму. Она жена директора Королевского музея естественной истории и крайне уважаемая мать четверых детей.

– Не такая уж уважаемая, – серьезно возразил он.

В притворном гневe я погрозила ему пальцем.

– Не утруждайтесь делать вид, что вы смущены. Я все равно вам не поверю.

По его лицу расползлась улыбка. Это была улыбка ангела, но кого-то из младших, озорника, который мог таскать за локоны Люцифера или тыкать иголкой святого Петра.

– Ну хорошо, да. Я был с ней перед тем, как написал эту картину, дважды.

Я обвела жестом остальные картины.

– И с остальными вы тоже... были? Со всеми?

Он развел руками, изображая невинность.

– Нет, но почти.

Я с возмущением покачала головой, а он серьезно посмотрел на меня.

– Это не моя вина, мисс Спидвелл! Их мужья и отцы платят за то, чтобы я их написал, сделал из них богинь, увековечил на полотне! Если речь о светской красотке, ничего не может быть проще. Она уверена в себе, не сомневается в неотразимости своих чар. Тогда я нахожу в ней какой-то недостаток: говорю, что нос у нее слегка длинноват или подбородок слишком резкий. И вот от уверенности не осталось и следа, она смущена, а раз именно я стал причиной такого состояния, то только я и могу все исправить. Я делаю ей комплимент относительно чего-то, что никто до меня не замечал. У нее может быть ухо в форме раковины, нежное и изящное, или шея изгибается как у лебедя. И вот она уже расцветает.

– А как с дурнушками? – спросила я.

Довольная, ленивая улыбка вновь появилась на его лице.

– С ними еще проще. Они не привыкли к тому, чтобы их красотой восхищались, и сразу заподозрят фальшь, если идти напролом. А потому я убеждаю их, медленно, очень медленно. Говорю, как спокойно чувствую себя рядом с ними, и они расслабляются, потому что расслаблен я. Потом говорю, что никак не могу смешать нужный цвет для глаз, потому что никогда прежде не видел глаза такого цвета. Но постойте! Конечно, видел, – сказал он торжественно. – В игре солнечных лучей на поверхности изумрудного моря, или в пестрой зелени лесной долины, или в густом и шелковистом соболином меху.

Я хмыкнула.

– Неужели это работает?

– Как часы, – заверил он меня. – Будь то правда или лесть, но каждой женщине нужно делать комплименты: у нее обязательно есть что-то, чего никто никогда не замечал, но о чем она сама знает. И тогда ты становишься тем единственным, кто сумел оценить ее по достоинству. И вот она твоя.

Он сделал шаг ко мне. Я уловила теплый аромат постельных упражнений, исходивший от его кожи, влажный запах переплетенных рук и ног. Мне стало интересно, с кем он недавно здесь забавлялся.

Но он думал о другом.

– Знаете, какой комплимент я мог бы сделать вам, мисс Спидвелл? – спросил он ласковым, тихим голосом.

– Нет. Скажите, – велела я.

Он подошел еще ближе и сказал так, что его губы почти касались моего уха.

– Никакого.

Я приподняла бровь.

– Неужели?

Он поднял палец и очертил линию вокруг моих скул, почти касаясь моего лица, но все же не касаясь.

– Любой другой мужчина стал бы говорить о ваших глазах. Фиолетовые глаза – большая редкость, это настоящее сокровище, их нельзя не заметить. Разве мужчина устоит перед таким искушением? А губы: такие пышные и готовые к поцелую, как вишенки, упругие и сочные во рту. – Он останавливался взглядом на тех чертах, о которых говорил. – И остроумие ваше мне хвалить не стоит. Вы достаточно умны и знаете себе цену. Вы неустрашимы и неутомимы, и я не стану говорить об этих качествах, которыми вы так гордитесь, – добавил он, будто размышляя вслух, и стал медленно ходить вокруг меня, рассматривая всю, от мысков сапог до шляпки на голове. Он подошел ко мне сзади и заговорил в другое

ухо, и на этот раз его губы коснулись меня, защекотали мочку, почти незаметно, неотличимо от теплого дыхания. – Да, правда, мисс Спидвелл, я отмечу в вас только одно – невероятное, несравненное любопытство. – Он щелкнул зубами у моего уха, почти укусив за мочку, и тихо, по-волчьи зарычал.

Рукой он обхватил меня за талию, не очень сильно, но так, чтобы притянуть к себе, прижал меня спиной к своей груди и зарылся носом мне в волосы, так что я почувствовала его жаркое дыхание. Он застонал.

– Вы пахнете розами, специями и чем-то еще, – пробормотал он; его губы двигались от крепко заколотых прядей к основанию шеи. – Кажется, это теплый мед. От этого запаха у меня кружится голова, – прошептал он, высвободил прядь моих волос и стал накручивать ее на палец.

– А меня поражает то, что вы пытаетесь соблазнить меня, когда в вашей постели еще не просохли следы упражнений с другой женщиной. Но попробовать стоило, – сказала я ему, аккуратно высвобождаясь из его объятий. Он опустил руку и с изумлением смотрел на меня, пока я закалывала выбившуюся прядь волос. Затем с раздражением прищурился, но я не стала обращать на это внимания.

– Да ладно вам, мистер Гилкрест, не дуйтесь. Уверена, что эти фокусы срабатывают со многими женщинами, но у меня гораздо больше опыта в соблазнении, чем у вас, и я с тридцати шагов вижу все уловки.

Он смотрел на меня с полным недоумением.

– И что же меня выдало?

Я сочувствующе улыбнулась ему.

– Когда мужчина действительно хочет женщину, ему бывает сложно это скрыть. А некоторые части вообще никак не спрятать, – добавила я, многозначительно посмотрев на его совершенно плоские брюки.

Я вышла, а он остался кипеть от возмущения.

Закрыв за собой дверь в комнату мистера Гилкреста, я спустилась по ступеням, чтобы расстояние между нами увеличилось, насколько возможно. Еще раньше я заметила под лестницей маленький чулан, отлично подходящий для того, чтобы вешать там верхнюю одежду и складывать зонты; идеальное место, чтобы скрыть плащ, в котором совершил преступные действия, решила я. Не прошло и минуты, как я нашла этот плащ. Кто-то спрятал его на вешалке под ольстером[14] и ярко-зеленой шинелью. Я вытащила его с радостным возгласом. Я принесла с собой клочок ткани, который добыл Гексли, и сейчас мне не составило

труда найти, откуда именно он выдран: он идеально подошел к рваному в одном месте подолу. Я стала тщательно осматривать плащ и нашла в капюшоне светлый волос – явно из золотых локонов Джулиана Гилкрита, отметила я с чувством удовлетворения.

Я взглянула на подкладку и сразу заметила надпись кириллицей. Я не удивилась. Он был слишком ярким для мужского плаща, не по цвету, конечно, но по пышности и исполнению. Как раз подходящий предмет гардероба для человека, выросшего, как сэр Фредерик, при богатом царском дворе. Сунув руку в карман плаща, я обнаружила там небольшую эмалированную пудреницу, из тех, что дарят дамам их обожатели. Это была милая вещица, и даритель озаботился тем, чтобы подписать ее.

– «Эмме», – пробормотала я. – Черт, это еще больше все запутывает.

Кто из них носил его последним? Но у меня, по крайней мере, теперь было доказательство того, что злоумышленник, оставивший угрозу у нас на двери, проживает в Хэвлок-хаусе. Перекинув плащ через руку, я выскользнула из чулана и прикрыла за собой дверь.

Проходя через зал Эхо, я увидела ее, юную горничную Черри. Она присела в быстром реверансе и свернула со своего маршрута так, что обошла с другой стороны фонтана, как бы держась от меня подальше.

– Похоже на защитную реакцию Phengaris alcon, – пробормотала я. У этой бабочки, голубянки алькона, было немало приемов, помогающих избежать рук охотника, но я знала их все наизусть. Я обогнула фонтан и бесшумно прошла за ней вниз по ступенькам в кладовую и прочие подсобные помещения. Она, не оглядываясь, зашла в одну из комнат. Я проскользнула вслед за ней, заставив ее вскрикнуть от неожиданности.

– Мисс! Что вы делаете в кладовке? – спросила она. – Кухарке это не понравится.

Я огляделась, заметив полки, уставленные всевозможными продуктами: здесь – головка сыра, щедро покрытого сине-зеленой плесенью, там – открытая банка с соленьями, рядом с ней – корзина яиц.

– Я хотела поговорить с тобой; главным образом потому, что ты так старалась этого избежать.

Она слегка покраснела.

– Не знаю, о чем вы, – сказала она, упрямо прикусив нижнюю губу.

Девушка очень мило общалась со мной при первом знакомстве, и сейчас я не могла понять, из-за чего она на меня рассердилась. Но вдруг мне пришла в голову мысль, и я выстрелила почти вслепую.

– Черри, ты была недавно в комнате мистера Гилкрита? А если конкретнее, ты была с ним в постели?

Она вздернула подбородок и решительно наклонилась вперед, как боксер, готовый к бою.

– А что, если так? Девушка имеет право повеселиться, – сказала она мне с некоторым жаром.

– Конечно, имеет. Я, кстати, большой защитник именно этой теории, даже более того: могу сказать, что очень завидую, ведь тебе только что удалось удовлетворить свои физические потребности. Мне уже очень давно не представлялось такой возможности, – с сожалением добавила я.

Черты ее лица заметно расслабились.

– То есть?..

– Да, дитя мое. Я твердо верю, что и для души, и для тела полезны регулярные занятия такого рода. А большинство людей не так просвещено, как мы с тобой. Но у меня есть правило: никогда не заводить интриги в Англии.

– Значит, вы с мистером Г., вы не...

– Мы – нет, – заверила я ее.

Она окончательно расслабилась и откинулась назад.

– Мне было любопытно. Я знала, что вы были в его комнате, а мистер Г. довольно... ну... скажем так, он ни за что не откажется от такого предложения и не будет особо разбираться.

Я слегка улыбнулась.

– Совершенно определенно я не делала ему никакого предложения. Мне было интересно взглянуть на его работы.

– Да, он прекрасный художник, это правда, – выдохнула она. – Но ему далеко до хозяина.

Ее глаза так блеснули, когда она говорила о сэре Фредерике, что я сразу прониклась к ней за это теплотой.

– Ты очень предана сэру Фредерику, правда?

– Да я и умереть за него готова, – решительно сказала она.

– А может, и убить за него? – пробормотала я.

– Что, мисс? – Она отшатнулась, чуть не опрокинув тарелку с нарезанным окороком.

– Ничего, – Я махнула рукой. – Мне нужны ответы на несколько вопросов, и эти ответы могут помочь твоему хозяину, – сказала я, лишь немного покривив душой.

Она с сомнением взглянула на меня, но коротко кивнула: преданность хозяину победила природную осторожность.

– Да?

– Вот плащ, – сказала я, подняв руку с плащом. – Я знаю, что его

надевал мистер Гилкрест, а также, думаю, мисс Толбот. Кому он принадлежит?

Она пожала плечами.

– Не могу сказать, мисс.

– Не можешь или не скажешь?

– Не могу, – повторила она. – Он висит в чулане под лестницей. Им пользуются все.

– Все? Не думаю. Он очень длинный, не всем подойдет. – Я вытянула плащ во всю длину.

– Мисс Толбот надевает его, когда на улице грязно, чтобы полностью прикрыть юбку. Мистер Гилкрест берет его, когда наносит визит даме, с которой ему не положено проводить время: он совершенно не похож на его обычное пальто.

– Ярко-зеленое, которое тоже висит в чулане? – спросила я.

– Да, оно. И мисс Артемизия тоже его носила. Ей он был не так длинен, как мисс Толбот, но ей нравилось, как он смотрится. Она говорила, что в нем у нее очень романтичный вид.

– А сэр Фредерик?

– Ну, вообще-то, это его плащ. Он его из России привез, представляете? – сказала она, подтверждая мои предположения.

– Я так и думала. А есть кто-нибудь в этом доме, кто *не* носил этот плащ?

Она опустила глаза.

– Я не должна была этого делать, – уклонилась она от прямого ответа.

– Но ты его надевала?

– Дважды, – сказала она, решительно вздернув подбородок. – Но вы же никому не скажете, мисс, правда? Я, конечно, не должна его надевать, но он такой теплый, а поход по магазинам иногда бывает таким долгим...

– Ничего страшного, – ответила я. Я не собиралась создавать девушке лишние трудности. К тому же с некоторым удовлетворением я осознала, что она сейчас подтвердила одну мою мысль: вероятнее всего, нашим злодеем был не виконт Темплтон-Вейн. Кто бы ни оставил записку у нас на двери, это был свой человек в Хэвлок-хаусе.

Просто чтобы убедиться, я задала еще один вопрос.

– А сюда когда-нибудь заходил джентльмен по фамилии Темплтон-Вейн? Не тот, что позирует сейчас мисс Толбот, – уточнила я. – Его брат. Он старше, и его зовут Тибериус.

Она в задумчивости сдвинула брови.

– Я такого не помню. И у него такое странное имя, я бы точно

запомнила.

– Да, пожалуй, ты права. А теперь скажи мне, Черри, строго между нами. Я знаю, что Артемизия и Майлз Рамсфорт были любовниками. Предполагаю, ты тоже знаешь об этом.

– Да, мисс. Я несколько раз видела, как он выходил из ее комнаты рано утром.

– А ты знала, что она ждала ребенка?

Она опустила голову.

– Да. Я сказала ей, что знаю, как решить эту проблему, но она лишь рассмеялась. Призналась, что хочет малыша, хоть верьте, хоть не верьте. Вообще-то, – продолжала она тихо и доверительно, – она очень боялась. После третьего месяца начались кровотечения от любого напряжения. Она думала, что потеряет его, так-то вот. Не представляете, как она была расстроена!

– Но она его не потеряла, – подсказала я.

– Нет, мисс. Я ей рассказала о своей маме. У нее в каждую беременность такое бывало, и укрепляющий настой малинового листа всегда ей помогал. Она сохранила всех детей, хотя ей было бы гораздо легче, если б остались не все, это правда, – добавила она.

– А сколько детей у твоей матери, Черри? – спросила я.

– Тринадцать, и еще один родится в будущем месяце, – сказала она с кислой миной. – Почти все мое жалованье отправляется домой, а оно у меня и так маленькое, но не могу же я оставить крошек голодать.

Она тяжело вздохнула, а я достала из кармана монетку.

– Это тебе за помощь, – сказала я ей.

Она прищурилась.

– А это случаем не милостыня, мисс? Я милостыню не беру, умею сама зарабатывать деньги.

– Я в этом не сомневаюсь, но так принято – платить за информацию во время расследования.

У нее округлились глаза от любопытства.

– А вы расследователь, мисс? Настоящий?

– Нет, дитя мое. Можно сказать, совершенно ненастоящий. Но меня просили заняться смертью Артемизии и постараться убедиться, что человек, которого осудили на смерть, действительно виновен.

Она покачала головой, тихо охая.

– Бедный мистер Рамсфорт. Мне неприятно об этом думать. Как и всем нам. Всегда такой веселый и монеток за услуги не жалел. Некоторым жалко даже пенни, – сказала она мрачно, – но мистер Рамсфорт не такой.

Грустный будет день, когда его повесят, даже не сомневайтесь.

– А ты думаешь, он виновен?

Она заморгала.

– Ну а как же, мисс. Ведь суд счел его виновным. А эти джентльмены уж знают свое дело, правда?

Меня восхитила ее трогательная вера в наше правосудие.

– Конечно, тебе естественно так думать, – ответила я.

Тогда она взяла у меня монетку и аккуратно опустила в карман.

– Черри, а тебе нравится мистер Гилкрест? Я имею в виду как человек?

Она задумалась.

– Он красивый, – сказала она наконец. – Конечно, монетки от него не дождешься, это правда, но на него так приятно смотреть. И у него такие мягкие волосы... – Она замолчала, и я почувствовала, что она что-то недоговаривает.

Я мягко подтолкнула ее.

– А что еще, Черри? Что тебе в нем нравится?

– Это не то, что нравится, – поправила она меня. – Это то, за что я его жалею.

– Жалеешь? Но ведь мистер Гилкрест наделен талантом и ангельской внешностью. У него хорошие связи и многообещающее будущее. Почему тебе его жалко?

– Ой, мисс, я не могу это объяснить! – Она в замешательстве умолкла, но потом ее лицо прояснилось. – Вы знаете, кто такие овцы, мисс? Ну вот, мой отец разводит овец, хотя дела у него идут не очень. Но он многому меня научил, и я вам скажу: в любом стаде всегда есть овца, которая не подходит. Паршивая овца, вот как ее называют. Она никогда не будет похожа на всех остальных.

– И мистер Гилкрест – это паршивая овца? – спросила я.

– Думаю, да. Я знаю, что такому человеку, как я, не пристало судить джентльмена, – поспешно сказала она, – но вы спросили, а я девушка честная.

– Да, ты честная, – сказала я. – Теперь я тебя оставлю с твоими делами.

Она поспешила из кладовой, ожидая, что я пойду за ней. Я уже собиралась выходить, но, повернувшись, краем глаза заметила какой-то предмет: на подносе лежало что-то большое и непонятное, прикрытое тканью.

Я осторожно приподняла эту материю, но уже заранее знала, что там

увидю. На подносе лежала овечья голова, страшный предсмертный оскал обнажал все зубы. Один глаз, подернутый пленкой, слепо смотрел в потолок. Вторая глазница была пустая.

Придя за Стокером, я обнаружила его в скверном настроении. Наверное, битых два часа сидеть почти полностью раздетым в продуваемой комнате не очень-то весело, и я протянула ему кулек медовых конфет сразу же, как мы вышли из Хэвлок-хауса.

– Не могу поверить, что ты меня в это втянула, – проворчал он, благополучно забыв, что он тоже увидел в идее позировать мисс Толбот хорошую возможность проникнуть в дом.

– Только подумай, – попыталась приободрить я его, – ты будешь увековечен в мраморе!

Он хмыкнул и сунул в рот медовую карамельку.

– Надеюсь, это все не зря. Что ты выяснила?

По дороге в Бишопс-Фолли, в наш Бельведер, я рассказала ему все, что мне удалось узнать, а он время от времени заинтересованно мычал или что-то спрашивал.

– Итак, братец Тибериус попал у нас в список подозреваемых, и Гилкрист кажется прекрасным кандидатом в преступники, во всяком случае, в том, что касается присланных угроз, – заключила я. – Он часто носит плащ, тот самый, в котором был этот злодей у нас в саду, и у него был доступ к овечьей голове в кладовой.

– Как и у всех остальных, кто живет в Хэвлок-хаусе, – заметил он.

Я нахмурилась.

– У тебя есть идея получше? Тебе кто-то кажется более вероятным преступником?

Он медленно покачал головой.

– Сэр Фредерик – маловероятно, но не невозможно. И Черри очень уж с тобой разоткровенничалась. Может быть, чересчур. Вдруг она рассказывала тебе все это только для того, чтобы отвести подозрение от себя?

Я запротестовала, но он продолжал, не обращая на меня внимания.

– С Эммой Толбот тоже не все так просто. Там что-то происходит, под этой гладкой поверхностью. Она напоминает мне зимнюю реку: сверху толстый лед, но в темноте, на глубине, что-то движется.

– Очень поэтично, – сказала я. – Но у тебя нет доказательств.

Он победоносно взглянул на меня.

– Нет доказательств? – Он разгрыз еще один медовый леденец. – Пока ты рыскала по кладовым, выводила на чистую воду горничных и отбивалась от непристойных предложений Гилкрита, я обыскал комнату Эммы Толбот.

– Не может быть! – воскликнула я. – Когда же ты успел?

Он пожал плечами.

– Когда позируешь, вечно хочется пить. Я постоянно просил чая или воды. Когда она выходила, чтобы что-то мне принести, я надламывал несколько кусочков угля, чтобы он крошился, как только она возьмет его в руки, и ей приходилось идти за новым. И всякий раз, пока ее не было в комнате, я осматривал тот или другой уголок.

– Какая изобретательность! И что же ты нашел?

– Это, – сказал он, протягивая мне рисунок.

– Стокер! Но не стащил же ты это из ее альбома?! – укоризненно сказала я, заметив, что один край листа неровный – там, где его выдрали из переплета.

– Вообще-то, нет, – уверил он меня. – Его уже вырвали и скомкали: обрати внимание на эти заломы – и подозреваю, что это сделала Эмма Толбот. Она явно была очень зла в этот момент, – заключил он. – Но почему-то потом сменила гнев на милость и вновь расправила его. Он был зажат между двумя большими книгами.

Я изучила рисунок. Это был не шедевр. Выполнен в спешке, резкими длинными линиями. Но какая в них была сила! Они образовывали мужское лицо, и мне хватило одного взгляда, чтобы узнать его.

– Майлз Рамсфорт! – выдохнула я. – Она нарисовала Майлза Рамсфорта. – Я наклонилась, чтобы рассмотреть портрет поближе.

– Удивительно. Я знаю его только по газетным снимкам, а здесь она уловила нечто совершенно иное.

– Как это?

Я покачала головой.

– Не могу сказать, разве что... здесь он выглядит более благородным. Что-то очень изящное в профиле. И нижняя челюсть более решительная. Здесь не видно той слабости, которую я замечала прежде. Кажется, она изобразила его таким, каким он мог быть, а не таким, какой на самом деле.

– Ты фантазируешь! – сказал он неожиданно горячо, забрал у меня рисунок, сложил его и убрал себе в карман.

– Я верну его в следующий раз, когда окажусь в Хэвлок-хаусе. Если Эмма Толбот замешана в этой истории, ей лучше не знать, что мы установили связь между ней и Майлзом Рамсфортом.

В задумчивости я склонила голову набок.

– Стокер, как именно тебе удалось вынести этот листок из ее мастерской? Ты же должен был позировать совершенно обнаженным.

Он разгрыз очередную медовую конфету и загадочно мне улыбнулся.

– Тебе остается только гадать.

Глава 16

Мы вошли в Бишопс-Фолли через небольшую пешеходную калитку в дальнем конце поместья, пробрались через обширные сады, всевозможные искусственные руины и прочие причудливые строения оказались у Бельведера. Я толкнула Стокера локтем.

– У наших дверей визитер.

Стокер взглянул на нашего гостя и выругался.

– Черт бы тебя побрал... – начал он, но я остановила его, тронув за рукав, и приветствовала посетителя.

– Добрый день, сэр Руперт.

Сэр Руперт, второй из сыновей Темплтон-Вейнов, посвященный в рыцари барристер, снял передо мной шляпу, не обратив никакого внимания на младшего брата.

– Мисс Спидвелл, рад встрече.

– Рада вас видеть. Может быть, войдете?

– Черта с два он войдет, – возмутился Стокер.

Сэр Руперт с некоторым усилием подавил вздох.

– Как вижу, это будет утомительно. Да, мисс Спидвелл, я с удовольствием войду: не хочу выяснять семейные вопросы на улице при свидетелях, – сказал он, покосившись на шуршащие кусты.

– А, это? Это просто Патриция, не обращайтесь на нее внимания, – ответила я и рассказала ему о гигантской черепахе его светлости, когда мы вошли в Бельведер. Через несколько минут я уже достала коробку с печеньем и разлила виски по стаканам.

Сэр Руперт с видом знатока пригубил напиток и подержал его на языке.

– А это отлично. Я боялся, что вы предложите мне чай.

– Помню, в прошлую нашу встречу мы начали с крепких напитков, – сказала я ему. – В тех обстоятельствах это казалось уместным.

Мы обменялись многозначительными взглядами, а Стокер закатил глаза и осушил стакан.

– Руперт, зачем ты пришел?

Сэр Руперт продолжал потягивать виски, а я в задумчивости посмотрела на Стокера.

– У тебя и правда ужасные манеры, Стокер. Сэр Руперт, а он всегда был таким?

– Порывистым? Грубым? Думающим только о себе? Да, с колыбели. Его совершенно невозможно было исправить, хотя отец очень старался. Он еще и упрям как черт. Помню один случай, когда отец запретил ему участвовать в скачках у нас в имении, потому что он был еще недостаточно хорошим наездником.

– Представляю, как он разозлился. Это он умеет.

Сэр Руперт покачал головой.

– Нет. Все было еще хуже. Он украл лучшего отцовского скакуна, Теншебре, вскочил на него, даже не оседлав, и обогнал всех на поле.

– С тех пор отец никогда не отзывался плохо о моей езде, – с вызовом вставил Стокер.

– Этот конь уже никогда не был прежним, – сказал мне сэр Руперт. Я улыбнулась ему, а он с видимым удовольствием сделал еще один глоток.

– Вы добры ко мне, мисс Спидвелл, даже более, чем я того заслуживаю. Я услышал, что приключилось с Мерривезером, и теперь не знаю, как мне заслужить ваше прощение. Этого юнца надо просто выпороть за такое оскорбление.

– А откуда он узнал, что с мисс Спидвелл можно так обращаться? – спросил Стокер с явной грозой в голосе.

Сэр Руперт изящно покраснел: кончики ушей стали нежно-розового цвета.

– Боюсь, это моя вина. В тот вечер, когда похоронили отца, все мы, братья, собрались, чтобы выпить в память о нем последние запасы его наполеоновского бренди. И ты был приглашен на ту встречу, – добавил он, многозначительно посмотрев на Стокера. – Как бы то ни было, там оказалось гораздо больше бутылок, чем мы ожидали, и мы расправились со всеми. В какой-то момент я упомянул, что ты, может быть, не пришел из-за того, что у тебя встреча с мисс Спидвелл. Возможно, затем я даже заметил, что если бы у меня был выбор: выпить с братьями или провести вечер в такой очаровательной компании – я бы не колеблясь предпочел второй вариант, – добавил он, учтиво кивнув в мою сторону.

Стокер фыркнул с явным недоверием, но сэр Руперт продолжал.

– Естественно, за этим от обоих братьев последовали вопросы, и когда я попытался рассказать имо мисс Спидвелл, боюсь, немного разошелся в описании ее очаровательных черт.

Я широко ему улыбнулась.

– Не беспокойтесь, сэр Руперт, я все прекрасно понимаю.

– Я тоже, Рип, – вмешался Стокер. – Ты был пьян в стельку и делал о ней такие грубые замечания, что Мерри не мог найти себе места и при

первой возможности притащился сюда, чтобы взглянуть на мисс Спидвелл собственными глазами. Более того, он заявлял тут, что она – моя любовница, – решительно сказал он.

Сэр Руперт закашлялся и начал бормотать извинения.

– Не стоит, – любезно сказала я. – Но память немного изменяет Стокеру. Мерривезер ничего не заявлял, он просто сказал, что был счастлив познакомиться с «дурной женщиной».

Сэр Руперт одним глотком допил свой виски, передернув плечами от крепости напитка.

– От всего сердца прошу меня простить.

Затем он повернулся к Стокеру.

– Брат сказал, что ты чуть не устроил ему взбучку, и я пришел извиниться перед мисс Спидвелл и сделать выговор тебе, но, кажется, вместо этого мне и самому сейчас достанется.

– Да что вы, сэр Руперт, мы, конечно, простим его, оправданием ему – горячность юности. Если я не готова справляться с недовольством, то вы имеете полное право мне его высказывать.

– Вы правда очень снисходительны, – сказал он мне и протянул свой стакан, чтобы я вновь наполнила его. Пока он пил, мы вели светскую беседу о состоянии дел на Самоа: немцы грозили усилить свое господство на островах, отрезав нам возможность вести там оживленную торговлю, о том, почему в саду его светлости не разрастается буддлея, и о предстоящем открытии театра «Хеймаркет» после реконструкции.

Мы все болтали, но тут начали бить часы, сэр Руперт вскочил на ноги, хотя не слишком уверенно, и воскликнул, что опаздывает куда-то на ужин. Я проводила его до двери, а Стокер с мрачным выражением лица остался сидеть, развалившись в кресле и вытянув вперед скрещенные ноги.

В дверях сэр Руперт тепло пожал мне руку.

– Вы очень любезны, мисс Спидвелл... А, да, я что-то хотел обсудить с Ревелстоком, но черт бы меня побрал, совершенно не помню, что именно... – нахмурился он.

Я высказала предположение.

– Может быть, что-то, связанное с отцовским наследством?

– О боги, конечно! – воскликнул он. – Вы чудо, мисс Спидвелл, действительно наследство. Но как же вы догадались?

– Мерривезер приходил с тем же поручением.

– А... ну что сказать... у него это получилось не лучше, чем у меня, – заметил он с печальной улыбкой, затем понизил голос: – Вы оказываете на него большое влияние, на Стокера. Я был бы очень благодарен, если бы вы

попытались его убедить.

– Влияние! Дорогой сэр Руперт, вы ошибаетесь. Мы коллеги, наверное, даже друзья и вечно ссоримся, как кошка с собакой.

Он загадочно улыбнулся.

– Ну, как скажете. Хотя лично я замечаю... что-то совсем иное. В общем, если он наконец ответит солиситорам, это и правда очень облегчит нам жизнь. Понимаете, Тибериус, то есть новый лорд Темплтон-Вейн, начинает волноваться, а когда Тибериус волнуется, всем может не поздоровиться, – сказал он с содроганием.

Видя сэра Руперта в таком плачевном состоянии, я подумала, как нечестно с моей стороны было бы воспользоваться ситуацией, чтобы расспросить его о связи лорда Темплтон-Вейна с Елисейским гротом. И, конечно, не стала терять ни минуты.

Я одарила его самой обворожительной из своих улыбок.

– Интересно узнать что-нибудь о новом виконте, – сказала я ему. – Что он за человек?

– Властный, – не задумываясь ответил он. – Настоящий старший брат, воспитан, чтобы повелевать. Он был ужасно испорченным ребенком, но, к его чести, сумел избавиться почти от всех дурных качеств, хотя все-таки ждет, что все будут его слушаться.

– Настоящий капитан Блай[15], – предположила я.

– Ну, не так все плохо, – поспешил он меня поправить. – Но он бывает очень требовательным. Сложность в том, что он очень остро чувствует свою ответственность во многих сферах и от этого порой становится невыносимым.

– А существует ли леди Темплтон-Вейн?

Он покачал головой и сразу потерял равновесие, но удержался на ногах.

– Сейчас – нет. Была когда-то, но эта девушка совсем ему не подходила. Он женился на ней только потому, что она была дочерью герцога, а он хотел еще больше очистить нашу кровь. Но ему повезло: бедная девочка умерла через два года.

– И он не женился повторно?

Сэр Руперт пожал плечами.

– Ему на это духу не хватает. Не поймите меня неправильно: ему нравятся хорошенькие пампушки, – сказал он, но сразу прикрыл рот ладонью и пригладил усы. – Не стоило мне этого говорить. Простите меня, мисс Спидвелл.

– Ничего страшного, сэр Руперт. В конце концов, мы взрослые люди и,

конечно же, можем обсуждать такие вещи без смущения. Было бы удивительно, если бы человек такого положения, как лорд Темплтон-Вейн, не предавался каким-нибудь развлечениям. Скажите-ка, а все его увеселения имеют общепринятый характер или он увлекается чем-то необычным?

– Необычным? Вы имеете в виду что-то вроде филателии? – спросил он, нахмурившись.

– Нет, сэр Руперт, что-то вроде оргий.

Он издал странный звук, а его глаза распахнулись так широко, что я увидела белые ободки вокруг зрачков.

– Моя дорогая мисс Спидвелл, сама мысль... Простите, кажется, мне нехорошо.

Его вывернуло наизнанку у ближайшего куста, после чего он вернулся ко мне, прижимая платок ко рту.

– Думаю, мне лучше сейчас уйти, мисс Спидвелл, – сказал он извиняющимся тоном. Он выглядел точно так же, как Гексли, когда вляпался в саду в какую-то невообразимую гадость.

– Вы уверены, что сможете добраться до дома, сэр Руперт?

Он поднял руку.

– Конечно. Свежий воздух, несомненно, пойдет мне на пользу, – заверил он, постепенно приходя в себя, надел шляпу и задорно постучал по ней сверху. – Всего хорошего, мисс Спидвелл! – закричал он уже на ходу и врезался всего в несколько кустов по дороге.

Естественно, вернувшись в Бельведер, я не стала сразу заговаривать со Стокером об отцовском наследстве. По опыту общения с мужскими особями нашего биологического вида я знала, что самый простой способ заставить их поступить по-моему – попытаться уговорить их сделать ровно противоположное.

– Думаю, ты совершенно прав, что не обращаешь внимания на требования своей семьи, – начала я, устроившись перед коробкой с унылыми бражниками *Sphingidae*.

Стокер в тот момент читал газету; он слегка опустил ее и уставился на меня с подозрением поверх страницы.

– Неужели?

– Конечно. Ты уже много лет спокойно обходился без них, никак не вступал в контакт. Так чего беспокоиться сейчас? Можешь смело и дальше бросать все их письма в огонь, не читая.

Он хмыкнул.

– Вероника, я вижу тебя насквозь.

– О чем это ты?

Отложив газету, он поднялся и подошел ко мне вплотную. Но я не отрывала взгляда от своей моли.

– Я вот о чем: напрасно ты думаешь, что можешь с такой же легкостью обвести вокруг пальца меня, как и всех своих безмозглых любовников.

Я вспылила.

– Никакие они не безмозглые! Уж поверь мне, Стокер. Я бы никогда не завязала интрижку с мужчиной, которого можно было так описать.

Он скрестил руки на своей широкой груди.

– Прекрасно. А какое слово подойдет мужчине, которым крутит женщина?

Я резко отодвинула стул и встала лицом к лицу со Стокером.

– Я никем не кручу.

– Конечно, крутишь, – ласково сказал он. – Пользуешься силой своего характера, чтобы сделать все по-своему, и совершенно не задумываешься о том, чего хотят другие.

– Это абсурд. Ничего подобного. Я никогда так себя не веду.

Он начал загибать пальцы.

– Ты втянула меня в расследование смерти барона, – сказал он.

– Это ты похитил меня, потому что думал, что я его убила! – возразила я. – Так что, кажется, вину за то, что мы занялись этим расследованием, можно полностью возложить на тебя.

– Но ты ни за что и сама от него не отказалась бы, – напомнил он мне. – Далее. Ты убедила лорда Розморрана организовать экспедицию на Фиджи, а не в Африку, хотя знала, что я предпочел бы Конго.

Он продолжал в том же духе, припоминая не меньше дюжины подобных историй, а я слушала его с нарочито скучающим видом.

– Ты закончил? – спросила я ледяным тоном, когда он наконец прервался, чтобы сделать вдох поглубже.

– Закончил? Да я еще даже не углубился в эту тему.

– Неужели? Ну что ж, прекрасно, но раз уж ты готов обвинять меня во всем этом, не забудь, что и твои руки по локоть в грязи.

– Какого дьявола?!

Я начала составлять собственный список.

– Ты похитил меня и заставил жить в бродячем цирке, – сказала я ему. – Решил, что уже пора переделывать чучела из этой коллекции, хотя каталогизация еще даже не движется к завершению, просто потому, что не любишь «бумажную работу», по твоим же собственным словам.

Я, в свою очередь, нашла не меньше дюжины причин, в чем можно

было его обвинить. Мы стояли уже совсем вплотную, превращая тихое недовольство в горячее взаимное обсуждение недостатков. Я припомнила ему сомнительную гигиену и нравственность, напала даже на его научные методы. Он ловко парировал, что в отношении морали ему до меня, конечно, далеко, а уж по тугодумию я дам фору любому девятилетнему ребенку.

В общем, ссора получилась прекрасная – мы оба взбодрились и быстро избавились от подступавшей хандры. Когда пыль улеглась и мы уже могли спокойно взглянуть друг на друга, Стокер задумчиво посмотрел на меня.

– Так что сказал тебе Руперт о Тибериусе?

Я даже не стала спрашивать, как он понял, что я разузнавала у сэра Руперта о виконте. Хотя мы были не так давно знакомы, между нами существовала некая ментальная связь, какой прежде у меня ни с кем не случалось. Это всякий раз выглядело как ловкий фокус: он часто мог предугадать мои действия и мотивы, но и у меня это получалось не хуже, а потому меня это почти не беспокоило.

– Ничего интересного. Я попыталась перевести разговор на то, участвует ли лорд Темплтон-Вейн в каких-то оргиях. Но это мне совершенно не помогло.

Губы Стокера слегка скривились, будто он с трудом сдерживал приступ смеха.

– Представляю себе. И что же он сказал?

– Почти ничего. Он был слишком занят: сдавал весь свой виски в ближайший куст.

Стокер выругался.

– В жизни больше не стану тратить на него хороший односолодовый напиток.

Я вздохнула и потянулась.

– Трудный был день.

– Но и не совсем бесполезный, – согласился он.

– Со стороны можно сказать, что мы сделали все, что могли, и даже больше, – сказала я.

– Да, сделали.

– А вечером пойдем еще куда-то?

– Конечно. Подозреваю, ты хочешь вернуться в Литтлдаун и проверить, не удастся ли нам пробраться в сам особняк. Или желаешь еще раз отказать Гилкристу, а заодно опять обыскать его комнату в Хэвлок-хаусе? Вероятно, его не будет дома вечером.

– Ни то, ни другое. – Я замолчала, позволяя ему самому догадаться, в

чем дело.

– Вероника, нет, – сказал он решительно.

– У нас нет выбора. Это одна из нитей расследования, и мы должны ее проверить.

– Это не нить, – возмутился он. – Просто ты пытаешься влезть в мои семейные дела.

– И этому не было бы оправдания, если бы не тот факт, что имя Тибериуса Темплтон-Вейна мы видели в журнале, который вел Майлз Рамсфорт. – Я похлопала его по плечу. – Выше голову, Стокер. Я тебя об этом не просила бы, если бы от этого не зависела человеческая жизнь, но ведь зависит. К тому же, – сказала я, распахнув глаза с притворной невинностью, – если не пойдешь, я вынуждена буду заключить, что ты просто боишься встречи со старшим братом.

Следующие несколько минут Стокер упражнялся в грубости, припоминая все бранные слова, а я составляла в уме список бабочек, которых мне еще предстояло поймать, и уже дошла до Greta oto, стеклянной бабочки, когда он наконец успокоился.

– Все, закончил? – весело спросила я. – Так, ты говорил, что его светлость – поклонник театра. Значит, он точно не пропустит сегодня вечером открытие «Хеймаркета». Всегда можно в последний момент купить билеты в партер. Оденемся прилично, пойдем пить шампанское и «случайно» столкнемся с твоим старшим братом. Он так рвался с тобой поговорить, что точно предложит пообщаться с глазу на глаз, и тогда мы расспросим его о Елисейском гроте.

– Бесплезное занятие, – сказал Стокер сквозь сжатые зубы. – Судя по журналу, он не был там уже несколько месяцев.

Я смирла его долгим оценивающим взглядом.

– У нас не было возможности посмотреть последнюю страницу, а значит, мы не можем это утверждать с полной уверенностью. К тому же, Ревелсток Темплтон-Вейн, я отказываюсь верить, что ты позволишь умереть человеку только потому, что не хочешь говорить с братом.

Он заворчал, но не сказал ничего вразумительного, и я поняла, что бой окончен и победа осталась за мной.

– Мы должны перевернуть каждый камень в этом расследовании, и если это тебе неприятно, ну что ж, мне жаль.

Он закатил глаза.

– Все это расследование мне неприятно. Ты мило проводишь время с принцессой, а с меня сдирают шкуру и подают на блюдечке Эмме Толбот, как молочного поросенка.

– В следующий раз я лично вставлю тебе в рот яблоко и надену на шею ожерелье из веточек петрушки. А теперь поскорей приведи себя в порядок. У нас мало времени, – распорядилась я.

Я знала, что он согласился не из-за моих маленьких хитростей и колкостей. Стокер мог быть непоколебим как скала, если действительно чего-то не хотел. Все дело было в напоминании, что Майлза Рамсфорта могут повесить за преступление, которого он не совершал. Несмотря на все свои недостатки, Стокер был поборником справедливости, и мысль о том, что какой-то злодей пытается прикрыться Рамсфортом, толкала к действиям и его, и меня.

У меня было только одно платье, подходящее для посещения театра, – простого кроя, но эффектное, из лилового атласа, – и, убедив наконец Стокера поступить по-моему, я поспешила в свой домик, чтобы переодеться. Миссис Баскомб разрешила мне время от времени прибегать к помощи горничной, Минни, и вот сейчас она пришла ко мне, до зубов вооруженная разнообразным женским оружием. Она мечтала выучиться на камеристку, и миссис Баскомб сочла, что ей лучше потренироваться на мне, чем на дамах из семьи графа. Со своей стороны, Минни была так рада этой прекрасной возможности, что принялась за данное ей задание со страстью миссионера. Она сделала мне простую прическу: обошлась без обычных щипчиков для завивки и накладных локонов, лишь свободно собрала у меня на затылке мои собственные черные пряди, закрепив их каким-то поразительным количеством невидимых шпилек.

Я сама натерла себе лицо и декольте своим любимым розовым кольдкремом и воспользовалась французскими духами, но Минни дополнила эту картину, обильно припудрив меня, чтобы моя кожа засияла как персик. Она слегка коснулась моих губ розовой помадой собственного изготовления, нанесла понемногу мне и на щеки и сделала все это с таким мастерством, что стало казаться, будто все это очарование свойственно мне от природы, а вовсе не результат умелой работы. Затем в дело пошла тонкая, как карандаш, сурьма, и на этом уловки Минни закончились. Хорошенько затянув меня в корсет, она зашнуровала на мне лиловое платье, завязав ленты как можно туже, чтобы талия стала узкой, а зад поднялся вверх. В результате вид у меня получился необычайно соблазнительный, и я в очередной раз убедилась, что не зря я терпеть не могу модные аксессуары. Во время работы я всегда предпочитала простой, свободный лиф, в котором легко двигаться и совершать любые действия, но вечерний наряд обязательно предполагал настоящий корсет со всеми его ограничениями. С его помощью из любой девушки можно сделать что-то

вроде беспомощной куклы, у которой талия неестественно тонка, а все остальные части фигурны до неприличия.

– Крайне неразумная одежда, – пробормотала я.

– Но в ней вы такая красавица, – выдохнула Минни.

Я улыбнулась, достала банкноту из своего ридикюля и вручила ей, а она аккуратно убрала деньги в карман.

Потом девушка с испугом уставилась на меня.

– Мисс, вы не надели свои драгоценности!

– У меня нет драгоценностей, – сказала я ей.

Она побледнела.

– Вы не можете выходить вечером в свет без украшений. Все подумают, что вы нищенка!

– Она будет оригинальной, – сказала леди Веллингтония, входя к нам без всяких церемоний. – Все остальные женщины будут увешаны бриллиантами. А у мисс Спидвелл не будет ни единого украшения, и этим она будет выделяться из всех.

Леди Веллингтония приблизилась и смерила меня долгим оценивающим взглядом с головы до пят.

– Очень эффектно, дорогая. Простите, что пришла без приглашения, но я слышала, как миссис Баскомб говорила Минни, что сегодня вечером вы собрались в театр, и я решила кое-что вам принести.

Она достала из кармана коробочку и вручила мне ее как сокровище.

– Это не подарок, – подчеркнула она. – Однажды я брала его с собой на бал в Букингемский дворец, – добавила она. Я открыла коробку и увидела там веер, покоящийся на дорогой подкладке. Когда я раскрыла его, Минни восторженно выдохнула; она смотрела на веер, как алтарник на святые мощи, а на губах леди Веллингтонии играла легкая улыбка.

Я стала рассматривать веер. Основа и гарды – из изящно вырезанной слоновой кости, а между ними – не ожидаемая шелковая ткань, а ряд черных гусиных перьев, таких гладких, что на них была изображена изумительная сцена с Пигмалионом и Галатеей. Художник запечатлел пару в тот момент, когда Пигмалион целует законченное создание и под его ищущими руками она обретает плоть и кровь. Я вспомнила комплимент Фредерика Хэвлока и удивилась, насколько уместный аксессуар одолжила мне леди Веллингтония.

– Как мило! – выдохнула я и слегка взмахнула веером.

– Я рада, что он вам нравится, дорогая. Мне всегда приятно бывать феей-крестной.

Она достала что-то из другого кармана.

– Смотрите, что тут еще у меня есть. Стокер сказал, что вы хотите купить в последний момент билеты в партер, но такое прекрасное платье жалко тратить на солиситоров, торговцев и их унылых жен. У меня есть ложа, которой я сейчас не пользуюсь. Его светлости сегодня получше, и он обещал спуститься вниз и после ужина сыграть со мной в немецкий вист. Он-то думает, что мы будем играть на деньги, но если я выиграю, то хочу заставить его выпустить этих проклятых неразлучников, чтобы я смогла наконец насладиться тишиной.

Она помахала передо мной билетами, и я взяла их с улыбкой.

– Вы очень добры, миледи. Спасибо вам.

– Дитя мое, как я уже сказала, мне всегда нравилось исполнять желания. А теперь, Золушка, пора на бал. Я заказала экипаж для вас на сегодняшний вечер, но, боюсь, у нас нет мышей, чтобы превратить их в лакеев. Придется вам обойтись самыми обыкновенными.

С этими словами она вышла, за ней засемила Минни, а я постояла минуту, наслаждаясь ощущением, что я красиво одета и готова к выходу. В последний момент я открыла небольшую картонную коробку и достала бархатного мышонка. Честер был у меня, сколько я себя помнила, верный товарищ во всех приключениях.

– Может быть, у Золушки сегодня все-таки будет мышка, – пробормотала я, убирая Честера в ридикюль.

Я столкнулась со Стокером, когда он выходил из своей маленькой китайской пагоды, одетый строго, в черно-белых тонах, как того требовал от джентльменов вечерний этикет. Волосы блестели и были тщательно расчесаны, так что выглядели довольно аккуратно, несмотря на длину, а подбородок – чисто выбрит, и на нем даже не проступала обычная синева. На глазу – повязка, не обычная кожаная, а тонкая полоска черного шелка, так подходившая к волосам. Ногти вычищены, руки отдраены до первозданной белизны. Ни одна пылинка или морщинка не портила его идеального облика, и я не сразу осознала, что смотрю на него во все глаза.

– Что такое? – с подозрением спросил он.

– Никогда не видела тебя таким чистым.

– Проклятье, видела, конечно, – заспорил он. – Если мне не изменяет память, когда я был в купальной простыне.

Я улыбнулась при воспоминании о том, как мы жили в бродячем цирке.

– Это совсем не то. Тогда ты просто вылил на себя тазик теплой воды. А теперь ты просто весь блестяшь. И выглядишь шикарно, – добавила я, обратив, однако, внимание, что под этим костюмом совершенно скрылись

все его татуировки. Только золотые кольца в ушах и длинные волосы говорили о том, что он не совсем такой, как остальные высокородные джентльмены, готовые к выходу в свет.

– На себя посмотри, – сказал он, переводя взгляд с моей пышной прически на кончики туфель.

– А что я? Я всегда чистая, – возразила я.

– Да, но обычно ты не... – Он запнулся и не мог отвести взгляд от выреза у меня на платье.

– Да, кое-что приходится прятать, чтобы ты не терял дара речи, – ласково заметила я.

Он вздрогнул и поднял глаза, сердито двигая челюстью.

– Прошу прощения, – сказал он хриплым голосом. – Но в этой красоте души не чаем[16].

Я улыбнулась цитате из Китса, взяла его под руку, и мы двинулись к подъездной дорожке, где нас должен был ждать экипаж.

– Стокер, помнишь, мы говорили с тобой о сексуальных отношениях?

– С болезненной ясностью, – ответил он, не глядя на меня.

Мне было легко обсуждать подобные вопросы, но Стокер бывал очаровательно скрытен в отношении своих низменных потребностей. Однажды мне удалось вытянуть из него признание, что последний раз у него была физическая связь несколько лет назад: дело было во время его разгульной жизни в Бразилии, о чем сейчас он старательно не вспоминал. С тех пор он был чист как монах, но я считала, что такое состояние и нездорово, и неестественно. Но так как я ограничивала все свои интрижки заграничными поездками, то и сама уже давно чувствовала беспокойство: мое тело настоятельно требовало разрядки. Стокер посоветовал мне плавать в холодной воде, но по страдальческому выражению его лица я заключила, что она так же мало помогала ему, как и мне.

– Думаю, тебе нужно найти себе милую, тихую горничную для удовлетворения своих потребностей, – сказала я ему. Должно быть, его нога попала в кроличью нору, потому что он оступился, а когда снова крепко встал на ноги и подал мне руку, его пальцы крепко сжали мои.

– Думаешь, мне необходимо кувыркаться в постели с горничной? – сухо спросил он.

– Ну, или с помощницей кухарки, или с молочницей. Точно, молочница! Знаешь, у них обычно крепкие руки. И вообще они мускулистые, здоровые девушки. Это как раз то, что тебе нужно.

Он немного помолчал, а потом заговорил каким-то чужим голосом.

– Мои дела – это моя забота, Вероника. Я разберусь с этим без твоего

вмешательства.

Экипаж подкатил как раз в тот момент, когда мы вышли на подъездную дорожку. Мало того, что он был невероятно изящный, он еще и прибыл минута в минуту!

– Я просто хотела помочь, – сказала я ему.

– Мне не нужна твоя помощь, – отрезал он. – Особенно в этом вопросе.

Он еще раз взглянул на мое глубокое декольте, отодвинулся от меня как можно дальше на бархатном сиденье и стал смотреть в окно, сурово сомкнув губы и сжав руки в кулаки на коленях. Я дорого заплатила бы за то, чтобы узнать, о чем он думал. Но он ничем себя не выдал. А я не стала спрашивать.

Глава 17

Несмотря на сомнительное настроение Стокера, я решительно собиралась веселиться. Мы прибыли в «Хеймаркет» как раз вовремя, и, выходя из экипажа с его помощью, я успела подобрать юбки, чтобы не попасть в свежую кучу навоза, которую оставила чья-то невоспитанная лошадь. Перед театром были ужасная давка и громкий гул возбужденных голосов, будто кто-то разворошил пчелиный улей.

Мы устроились в бархатной ложе, которую предоставила нам леди Велли, и я поднесла к глазам небольшой театральный бинокль, хранившийся у меня в ридикюле.

– И как тебе реконструкция театра? – спросила я Стокера. – Какое обилие электрического света! Не уверена, что я это одобряю.

За этим последовал долгий спор о преимуществах и недостатках электрического и газового освещения, а также об опасностях, связанных с одним и другим. На самом деле меня совершенно не интересовала эта проблема, но Стокеру, как и большинству людей, очень нравилось иметь свое мнение по любому вопросу, и он с удовольствием делился им с окружающими. Он почти вернулся в свое обычное настроение к тому моменту, как свет в зале погас, занавес поднялся и начался «Странствующий поэт». Это была французская пьеса, адаптированная под английскую сцену, и мистер Бирбом Три, исполнявший главную роль, по совместительству – управляющий театра «Хеймаркет», явно рассчитывал на то, что постановка будет иметь большой успех. Он был очень трогательным в своей роли, щеголял в зеленом трико и глупой шляпе и с большим чувством декламировал балладу «Повешенный король».

– Прекрасно! – сказала я Стокеру, когда упал занавес после первого действия.

Он неопределенно кивнул.

– Я видел, как месье Коклин играл Грингуара в Театр-Франсе, и мне кажется, он был лучше, чем Бирбом Три. Но там и сама баллада была прекрасной, – добавил он и, понизив голос, начал декламировать:

*Вон там, в раскидистых ветвях,
Где пели некогда дрозды,
Бок о бок мертвецы висят,
И громко вороны кричат*

Вверху среди листвы.

*Что за чудесный аромат!
О боже! Ну и красота!
Вот этих сочных фруктов ряд,
Качаясь, манит всякий взгляд.
Прекрасный сад у короля!*

Я поежилась.

– У меня мороз по коже при этой мысли. Мертвецы висят, будто фрукты на деревьях!

– Я такое видел, – сказал он, и его лицо мгновенно и необъяснимо изменилось.

– Стокер!

С видимым усилием он взял себя в руки.

– Ничего. Нам нужно искать Тибериуса.

Я хотела накрыть его руки своими, но не решилась его коснуться. Я знала, что он видел и совершал много страшного, что Бразилия все еще не отпустила его. Мы никогда об этом не говорили, но Стокера всегда преследовали тени прошлого, больше, чем кого бы то ни было из всех людей, кого я знала.

– Расскажешь что-нибудь об этом?

– Когда-нибудь, – ответил он. – Я никогда об этом не говорил. Но, может быть, однажды смогу кое-что рассказать, и если да, будь уверена, что только тебе.

Он крепко сжал мою руку, но сразу отпустил. Потом взглянул на логи в противоположной стороне зала и резко поднялся.

– Вон там, – он указал мне подбородком. Я поднялась и увидела ложу, которую он имел в виду. Там в тени сидела одинокая фигура.

– Он один?

– В отличие от большинства людей, Тибериус ходит в театр не для того, чтобы себя показать. И в опере он бывает только с целью послушать музыку. Ненавидит разговоры во время представления.

– Тогда нам, наверное, нужно подождать. Сейчас начнется вторая пьеса, – засомневалась я.

Стокер улыбнулся мне с некоторым ехидством.

– Если мы собираемся испортить ему вечер, давай уж портить все по полной.

И он вышел из ложи, казалось, совершенно не интересуясь тем, пойду ли я вслед за ним. Он решительно шел через наводненное публикой фойе так, будто вокруг никого не было, ожидая, что все будут уступать ему дорогу, и все действительно расступались – такова была сила его личности, и так впечатлял всех его внешний вид. У входа в ложу Темплтон-Вейнов стоял щуплый билетер, но он отступил от одного взгляда Стокера (правда, и я помогла хорошей монетой).

Мы проскользнули внутрь как раз в тот момент, когда поднялся занавес и началось второе представление. Лорд Темплтон-Вейн обернулся, чтобы понять, кто его беспокоит, с возмущением приподняв бровь. Он выглядел моложе, чем я ожидала, но все же ему должно быть прилично за сорок, предположила я. Как и у остальных Темплтон-Вейнов, у него были каштановые волосы и серые глаза, но кости – такими же изящные, как у Стокера: несомненно, это досталось им от матери. Сэр Руперт отличался умом, а этот – властью. Он медленно поднялся. Стокер, пожалуй, был выше его на пару дюймов, но они были одинаковой комплекции, сильные и мускулистые, а выражение лица у обоих – угрожающее.

– Ревелсток, – сказал он тихо, – какая неожиданность.

– Если ты не хотел меня видеть, не нужно было посылать ко мне Руперта и Мерривезера, – возразил Стокер.

Бровь снова приподнялась.

– Посылать их? Я не знал, что они взялись тебя беспокоить. Им не стоило утруждаться. У меня свои методы, но сейчас они уже об этом знают.

Он взглянул на меня.

– А это, должно быть, мисс Спидвелл.

К моему удивлению, он поднес мою руку к губам, изобразив легкий поцелуй.

– Рад с вами познакомиться.

– Как поживаете? – спросила я, слегка наклонив голову.

На сцене уже началось второе действие. Лорд Темплтон-Вейн указал на кресла в ложе.

– Я был бы счастлив, если бы вы составили мне компанию до конца представления, – сказал он мне, не обращая внимания на брата. Я села рядом с ним, а Стокеру пришлось устраиваться на одном из стульев позади нас.

Когда мы сели, его светлость наклонился ко мне, так что его дыхание зашепотало мне ухо.

– Думаю, брат кипит от нетерпения, ведь ему придется ждать разговора. Но я надеюсь, вы не расстроены.

– Напротив, – спокойно ответила я. – Мне неважно, когда мы сможем поговорить, милорд. Знаете, я профессиональный охотник. У меня большой опыт – я могу долго ждать подходящего момента для убийства.

Я загадочно ему улыбнулась, и, к моему удивлению, он улыбнулся мне в ответ, и его белоснежные зубы заблестели в темноте театра.

Остаток вечера промелькнул быстро – и вот уже зажегся яркий электрический свет, и послышались аплодисменты. Вторая пьеса, «Красная лапа», была не особенно хороша, но мистер Бирбом Три, да и остальные актеры играли прекрасно. Виконт старался быть дружелюбным и гостеприимным. Когда занавес опустился и овации стихли, его светлость поднялся и поправил манжеты. Но он мог и не беспокоиться. Он выглядел таким же свежим и аккуратным, как будто только что вышел из дома.

– Мисс Спидвелл, Ревелсток, присоединитесь ко мне за ужином?

Он говорил вежливо, как с дальними знакомыми, в его голосе совершенно не было эмоций.

– Я пришел сюда не для того, чтобы есть, Тибериус, – ответил Стокер. Я слегка наступила ему на ногу, заставляя замолчать. Я знала, что ему была не очень приятна компания брата, но приватный ужин мог быть хорошим местом для откровенностей.

Он вытащил свою ногу из-под моей и сурово взглянул на меня.

– Будем очень рады, – сказала я виконту. Он подал мне руку и вышел из ложи, не оглядываясь. Он был совершенно уверен, что брат последует за ним, и, конечно, был прав, хотя Стокеру таким образом досталась роль упрямой собачонки.

В холле все еще было много народа, и среди представителей прессы я заметила знакомое лицо. Он вздрогнул, узнав меня, и быстро отвернулся, чтобы не встретиться со мной взглядом. Но от меня было не просто избавиться.

– Морнадей! – позвала я, не обращая внимания на неодобрительные взгляды публики.

Он подошел, изображая радостную улыбку.

– Мисс Спидвелл, какая приятная неожиданность!

– Да, я тоже удивлена. Как поживает мой любимый детектив из Скотланд-Ярда?

Он бросил на меня озорной взгляд и наклонился к моей руке.

– Любимый? Наверное, сэр Хьюго ужасно расстроится, если я ему об этом расскажу.

– Вряд ли, – ответила я.

Он слегка погладил пальцами мою руку, и у меня по спине пробежала приятная дрожь.

– Да, вряд ли, – согласился он.

– Лорд Темплтон-Вейн, это инспектор Морнадей из Скотланд-Ярда, Особый отдел. Морнадей, это виконт Темплтон-Вейн.

Они сдержанно поздоровались. Обычно виконтов не заставляют знакомиться с инспекторами полиции, и меня позабавила неуместность этой ситуации.

– Темплтон-Вейн? – спросил Морнадей. – Наверное, вы – брат Стокера? А где же ваш ручной волк, мисс Спидвелл?

– Позади вас, – холодно ответил Стокер.

Морнадей от неожиданности подпрыгнул чуть не до потолка, но быстро сумел взять себя в руки и поприветствовал его почти обыденным голосом.

– Приветствую, приятель. Я вас не заметил.

– Я так и понял, – ответил Стокер с ласковой улыбкой. К их чести, они пожали друг другу руки как джентльмены, хотя обоим это было очевидно неприятно. А жаль, ведь у них было много общего. Полисмен и ученый, они имели склонность к серьезным занятиям, у обоих были прекрасная память, стремление к справедливости, живой ум и большая привлекательность в глазах противоположного пола.

Но на этом сходство заканчивалось. Стокер был прекрасен своей мрачностью, рядом с ним всегда витало чувство опасности, а Морнадей – весел, как сверчок. Его карие глаза метко стреляли, а иногда игриво плясали, и мне он казался совершенно очаровательным. Хотя на Стокера он производил не такое приятное впечатление. Во время нашего прошлого расследования у этой парочки дело чуть не дошло до драки; Морнадей не раз оказывал нам добрые услуги, и думаю, больше, чем что бы то ни было, Стокера раздражало именно осознание этого неоплаченного долга. Он ничем никому не любил быть обязанным.

Я повернулась к Морнадею.

– Не обращайтесь на него внимания. Какая удивительная неожиданность – встретить вас в театре, – сказала я, слегка обмахиваясь веером. – Это может даже показаться подозрительным.

– Я большой поклонник театра, – ответил он с некоторым беспокойством в голосе.

– И вы не следите за мной и мисс Спидвелл по распоряжению сэра Хьюго? – спросил Стокер.

– Конечно, нет!

Я повернулась к Стокеру.

– Видишь, он говорит правду. Смотри, как красноречиво двигаются у него брови.

– Сэр Хьюго? – вступил в беседу виконт. – Вы говорите о сэре Хьюго Монтгомери?

– Да, о нем, – призналась я. – Ему чересчур интересны все наши дела, и время от времени он отправляет следить за нами какого-нибудь толкового инспектора.

Лорд Темплтон-Вейн вежливо улыбнулся.

– Как это, должно быть, вам утомительно. Прошу прощения. Посмотрю, можно ли уже отыскать мой экипаж в той давке, что творится на улице. – Он слегка наклонил голову в сторону Морнадея, в этом жесте чувствовалось продуманное высокомерие. – Инспектор.

– Милорд.

Я смотрела на его спину в идеально сидящем костюме, как он пробирался через толпу, никого не толкая, но тем не менее как-то освобождая себе проход.

– Почти как Моисей в Красном море, – пробормотала я и вновь повернулась к инспектору. – Жаль, я не знала, что вы будете следить за нами, Морнадей. Мы тогда могли бы совершить что-то более скандальное, а не просто сходить в театр с его светлостью.

Морнадей скривил красивые губы.

– А, так это просто милая семейная встреча? Никаких скрытых мотивов для того, чтобы провести вечер с его светлостью?

Я широко раскрыла одолженный мне веер и кокетливо посмотрела на него поверх перьев.

– Но, Морнадей, какие еще у нас могут быть мотивы? Ведь сэр Хьюго приказал нам не участвовать в расследовании. Конечно, если бы вы открыли мне какой-нибудь секрет, я была бы просто обязана отплатить вам тем же.

Я подалась вперед, готовая бережно собрать любые обрывки сплетен. Однажды Морнадей признался нам, что сэра Хьюго дергала за веревочки некая наделенная властью фигура, которая всегда остается в тени, притом фигура женская, отчего мне становилось еще любопытнее.

– Какой секрет? – спросил он.

– О том, кто кукловод у сэра Хьюго. Как противно с вашей стороны не говорить мне, кто она такая, – заявила я.

– Не помню, чтобы я что-то говорил об этом, – ответил Морнадей

резко. – Я ничего не знаю.

– Чепуха, – настаивала я. – Вы сказали нам, что это женщина. Женщина какого рода?

Кажется, Морнадей пришел в полное отчаяние, так как с надеждой взглянул на Стокера, но в ответ тот только равнодушно пожал плечами.

– Вы знаете, как она ведет себя, когда ей нужно что-то узнать, – вот и все, что он сказал.

Морнадей прикусил губу.

– Любопытство кошку сгубило. Ну хорошо, да, это женщина и, насколько могу судить, со связями на высоком уровне. Очень высоким, – добавил он.

Я повернулась к Стокеру.

– Он снова шевелит бровями.

Морнадей залился краской – его лицо приобрело такой приятный розовый оттенок, что мне сразу захотелось ущипнуть его за щеку. В нем было какое-то мальчишеское очарование, но природа наделила его к тому же широкими плечами и прекрасными бедрами, как я успела заметить.

– Я правда не могу сказать больше ничего по этому вопросу, – строго заявил он.

– Мне нравится, когда вы так строги, – сказала я, чуть коснувшись его руки своей перчаткой.

– О господи... – пробормотал Стокер.

– Не обращайтесь внимания, – велела я Морнадею. – Он злится потому, что ему пришлось вымыться.

– Впервые за этот год? – спросил Морнадей с наигранной наивностью.

Стокер скрестил руки на груди и изобразил на лице скуку.

– Знаете, что мне больше всего в вас не нравится, Морнадей? – спросил он бесцветным голосом. – Ваша абсолютная предсказуемость.

– А мне больше всего в вас не нравится абсолютное и невыносимое высокомерие... – начал Морнадей.

Я аккуратно взяла его под руку, прерывая его тираду.

– Ну хватит, хватит, джентльмены. Так дело быстро дойдет до рукопашной, а я не позволю никому из вас лить кровь на мое лучшее платье. Стокер, может быть, ты будешь так добр подождать меня на улице вместе с его светлостью? Мне нужно минуту поговорить с Морнадеем.

Стокер пристально посмотрел на меня, а потом просто повернулся на каблуках и направился сквозь толпу к выходу. Я почувствовала, как рядом со мной Морнадей заметно расслабился, все напряжение мигом куда-то исчезло.

– Выразить не могу, как мне не нравится этот мужчина, – сказал он мне.

– Знаю, – мягко ответила я, увлекая Морнадея в укромный уголок позади пальмы в кадке. – И могу вас уверить: он не меньше вашего готов рассуждать о ваших недостатках. Подозреваю, что весь обратный путь он и будет их мне перечислять. Но обещаю: я не стану слушать, – заявила я. – Итак, я знаю, вам бы хотелось, чтобы я очень деликатно вела себя в связи с начальницей сэра Хьюго, и клянусь, я так и поступлю. Но мне будет гораздо проще помнить об этом обещании, если голова у меня не будет забита вопросами о смерти Артемизии... – Я замолчала и широко распахнула глаза, хлопая ресницами.

– Вот чертовка! – воскликнул он в восхищении. – Хотите обмануть меня своими коварными уловками и совершенно не думаете о моем положении в Скотланд-Ярде. Да вы просто монстр! – сказал он, улыбаясь.

– Да ладно вам, не упрямитесь. Мне просто нужна кое-какая информация.

Он порывисто вздохнул.

– Ну хорошо. Что именно?

– Я хочу знать, обнаружилось ли что-то необычное при вскрытии или просто какая-то деталь, не попавшая в газеты. Это может быть что-то совершенно банальное, но мне все равно непременно нужно это знать.

Он снова прикусил губу.

– Если я скажу вам, это может стоить мне не только положения в Скотланд-Ярде. Не хочу даже думать, что со мной случится, если сэр Хьюго узнает о нашем сегодняшнем разговоре.

У Морнадея было такое удрученное выражение лица, что я сжалилась над ним и поцеловала его в щеку. Его глаза засверкали как никогда прежде.

– Было кое-что, – пробормотал он мне на ухо. – Я не могу сказать, что именно, хирурги тоже вам этого не скажут. Они слишком боятся сэра Хьюго. Но не бросайте поиски.

– Морнадей, вы душка.

Он сжал мою руку.

– Осторожней. Еще несколько таких слов – и я отправлю в «Таймс» объявление о помолвке!

Он наклонился ко мне, но я высвободилась и упорхнула от него, отправив ему на прощанье воздушный поцелуй.

Стокер ждал меня на улице у экипажа виконта.

– Я отпустил карету Боклерков. Мы можем потом добраться до дома и сами, – сказал он мне. Я многозначительно взглянула на него, и он понял, что я выудила у Морнадея что-то интересное.

– Что ты разузнала?

– При вскрытии обнаружили что-то необычное. Он не может сказать, что именно, но мне и этого достаточно для того, чтобы не бросать поиски.

Он коротко кивнул и помог мне сесть в экипаж своего брата; сам он устроился напротив нас, а мне досталось место рядом с его светлостью.

– Где мы будем ужинать? – просила я его светским тоном, когда возница поднял поводья.

– В Вейн-хаусе, – ответил он. – Это моя лондонская резиденция, там нас никто не станет подслушивать. Думаю, сегодня вечером нам понадобится некоторая приватность, – добавил он, бросив косой взгляд на брата.

Наш экипаж наконец пробрался сквозь прессу и уличную давку Ист-Эндаи направился в самое сердце Мейфэра. Мы подъехали к высокому внушительному зданию, стоящему особняками горделиво смотрящему на одну из самых впечатляющих площадей города. Должно быть, слуги его светлости были прекрасно вышколены, потому что он даже не сбавил шага на пороге. Дверь распахнулась при его приближении, и из просторного холла на улицу полился теплый янтарный свет. Открывший дверь дворецкий выглядел очень правильно: волосы с проседью, бесстрастное выражение лица, которое, правда, тут же улетучилось при взгляде на Стокера.

– Мистер Ревелсток! – сказал он, в его голосе послышалась теплая привязанность, а на лице появилась широкая улыбка. – Как я рад видеть вас, сэр.

– Коллинс, как жизнь? Все еще мучаетесь поясницей?

– Уже нет, с тех пор как последовал вашим советам, – сказал ему дворецкий. Потом он вопросительно взглянул на меня.

Его светлость передал ему шляпу и перчатки.

– Мисс Спидвелл, это Коллинз. Он присматривает за Темплтон-Вейнами дольше, чем я живу на свете. Коллинз, это коллега мистера Ревелстока, мисс Спидвелл.

– Как поживаете? – ответила я.

– Добро пожаловать в Вейн-хаус, мисс, – торжественно произнес он. Затем повернулся к виконту.

– Ужин готов, милорд. Прикажете подавать?

– Да, в малой столовой. Но дай нам еще полчаса. Мы будем у меня в

кабинете.

Виконт провел нас через большой зал, увенчанный куполом и обшитый мрамором, затем по длинному коридору к закрытой двери, которую он решительно распахнул.

Комната оказалась не такой шикарной, как я ожидала, учитывая мраморное великолепие всего остального дома. Она была не очень большой, и хоть это слово и не слишком ей подходило, в своем роде даже уютной: стены уставлены книжными полками, которых мне так не хватало в других комнатах Вейн-хауса. Диван из красного плюша и пара кожаных кресел с глубокими сиденьями и мягкими подушками, в которых так удобно читать. Огромный дубовый письменный стол, резной, вероятно, тюдоровский, а на нем в привычном беспорядке разбросаны бумаги. Бюст Афины на постаменте занимал почетное место у больших окон, которые, кажется, поглядывали на общую небрежность, царящую в комнате; вероятно, это была схожая черта всех братьев из семьи Темплтон-Вейнов.

Виконт не стал церемониться. Его светлость занялся танталом[17] и сифоном и разлил по трем стаканам виски с содовой. Передавая мне напиток, он оценивающе посмотрел на меня своими серыми глазами. И хотя он не сводил взгляда с моего лица, я каким-то образом поняла, что он изучает меня всю, с головы до ног. Но вот он заговорил низким голосом, похожим на голос Стокера, но чуть менее хрипло.

– Должен сказать, мисс Спидвелл, вы совсем не такая, как я думал.

Вспомнив красочные выражения его младшего брата, я одарила его нарочито приторной улыбкой.

– Кажется, ужасную репутацию я забыла в другом ридикюле.

Мои слова угодили прямо в цель. Он вспыхнул, его лицо приобрело бледно-розовый цвет, как бывало у Стокера, и опустил голову.

– Не знаю, что мог сказать вам Мерривезер, но догадываюсь. Хочу извиниться перед вами за любую нетактичность с его стороны.

Стокер уселся в ближайшее кресло, порывисто вздохнув.

– Вижу, ты неплохо вошел в роль главы семьи, – заметил он.

Его светлость указал мне на второе кресло, дождался, пока я сяду, и только после этого сам устроился на диване.

– Это моя обязанность, – напомнил он Стокеру. – И ты чертовски облегчил бы мне жизнь, если бы ответил хоть на одну мою попытку поговорить с тобой; простите за грубость, мисс Спидвелл.

Стокер пожал плечами.

– Видишь, я пришел.

Губы его светлости, такие же красивые, как у брата, сложились в

ироничную улыбку.

– Не смею греть себя надеждой, что ты пришел сюда ради меня.

– Ну что ты, – заверил его Стокер, – исключительно из собственного интереса.

– Естественно. – Слово прозвучало резко, но я не услышала в его голосе настоящей холодности. Мне пришло в голову, что я наблюдаю обычную манеру общения между этой парочкой, которая не менялась даже из-за присутствия третьего лица.

Его светлость устроился поудобнее. Воспользовавшись случаем, он снова взглянул на меня, а потом опять обратился к брату.

– Что тебе нужно, Ревелсток?

– Информация. – Стокер тоже откинулся в кресле и положил щиколотку одной ноги на колено другой. – Расскажи мне о Майлзе Рамсфорте.

Выражение лица его светлости не изменилось.

– А что о нем рассказать?

– Что ты знаешь о его отношениях с женой, Оттилией? – Я удивилась тому, с какой стороны зашел в расспросах Стокер, и, чтобы скрыть это, сделала глоток виски. Я думала, что он сразу начнет с журнала, но потом поняла, что ему, конечно, виднее, как лучше обращаться со старшим братом. Виконт сохранял впечатляющее хладнокровие, и расколоть его было явно непросто.

Его светлость пожал плечами.

– Лишь немного. В конце концов, мы только дальние знакомые. Могу сказать, что это, кажется, был брак по любви. Детей нет. Они немного путешествовали, бродили по Греции, например, и другим подобным местам, но, кажется, их последним увлечением было искусство. – Он прищурился. – Я правильно понимаю, тебя интересует убийство?

– Да, – сказала я ему. – Мы считаем, что Майлз Рамсфорт, вероятно, не совершал того преступления, за которое его должны вот-вот повесить.

Он поджал губы.

– Но почему вы занимаетесь этим, как это вас касается?

– Нас просили провести собственное расследование, – сказала я. – А кто – это уже не касается вас, – добавила я едко.

Он слегка улыбнулся.

– Туше, мисс Спидвелл. Но, как я уже сказал, мы лишь дальние знакомые. Боюсь, я ничего не могу добавить к тому, что вам и так уже известно о Майлзе.

– А я уверен, что ты можешь припомнить что-нибудь интересное, если

слегка напряжешь память, – с готовностью заметил Стокер. – Например, про Елисейский грот.

Выражение лица виконта не изменилось. Он не отшатнулся и даже не вздрогнул. Лишь легкий взмах ресниц выдал тот факт, что стрела Стокера попала в цель. Он в задумчивости сделал глоток.

– Елисейский грот? – спросил он скучающим тоном. – А что это? Какой-то клуб для любителей эллинизма? Ты же знаешь, я всегда предпочитал римское искусство.

Стокер улыбнулся ему тонкой зловещей улыбкой, обнажившей зубы.

– Ты всегда был изворотливым подонком, – тихо сказал он. – Но даже тебе никак не выкрутиться сейчас, ведь мы нашли твое имя в журнале у Рамсфорта.

Рука виконта крепче сжала стакан.

– В каком журнале?

Стокер подался вперед, чтобы нанести смертельный удар, но я испугалась, что такой грубый подход может нам все испортить, и многозначительно посмотрела на него.

– Милорд, Майлз Рамсфорт вел журнал, что-то вроде гостевой книги, куда он записывал всех, кто участвовал в увеселениях в гроте. И там было ваше имя.

– Мое имя... – Он откинулся на спинку дивана и покрутил виски в стакане, наблюдая за янтарным водоворотом, блестевшим в свете огня из камина. – Мое имя. Конечно, я мог бы соврать и сказать, что я ничего об этом не знаю. Ведь там же нет моей подписи, правда? И у вас было бы только его слово, подтверждающее, что я там был, а его скоро повесят. Да и кто ему поверит? – Он сделал большой глоток, подержал виски на языке и только потом проглотил. – Но мне кажется, сейчас не время увиливать. – Он внимательно посмотрел на брата. – Ну что ж, продолжай. Спрашивай все, что тебе нужно. Я скажу тебе правду. А ты делай с ней что хочешь.

Стокер взглянул на него с подозрением, как будто не вполне верил, что виконт сдержит свое слово.

– Слишком уж просто, Тибериус. Чего ты недоговариваешь?

Его светлость развел руками, красивыми, ухоженными, так не похожими на руки Стокера. Они были сильными и могли сделать многое, но никогда не знали физического труда и даже не держали поводий без перчаток. У него на мизинце сверкал перстень-печатка, герб Темплтон-Вейнов, почти стертый от использования многими поколениями лордов, носивших его до нынешнего виконта.

– Я дал тебе слово. Тебе этого недостаточно? Лучше поклясться на

крови? – спросил он.

– Не искушай меня, – ответил Стокер голосом, больше напоминавшим рык.

Я снова вступила в разговор, пытаюсь как-то утихомирить бурные воды.

– Милорд, вы бывали в гроте, не так ли? И участвовали там в увеселениях?

Он наклонил голову.

– Да, мисс Спидвелл. И должен сказать, надеюсь, что, какие бы подробности ни всплыли сегодня, они не слишком ранят ваши чувства.

– Мне особо нечего ранить, – честно сказала я ему.

Он улыбнулся ленивой, чувственной улыбкой, так, будто Стокера вообще не было в комнате.

– Как это прекрасно и загадочно звучит. Я непременно расспрошу вас об этом в более подходящей обстановке. Но сейчас, боюсь, мой брат просто взорвется, если я не удовлетворю его любопытства. – Он махнул стаканом в направлении Стокера. – Он уже дрожит от нетерпения, как гончая перед охотой. Ну давай, братик, задавай вопросы.

– Ты встречался там с Артемизией?

– Лишь однажды, – с готовностью ответил виконт. – Еще в начале их отношений с Рамсфортом. Он думал, что ей может быть интересно все происходящее, но оказалось, что ей все это совершенно не нравится. Она немного посмотрела на других и ушла. И больше я ее не видел. Она была слишком провинциальных взглядов для представителя богемы, – добавил он.

Я облизнула губы.

– Что именно «происходящее»?

Улыбка виконта стала шире.

– Рамсфорт всегда выбирал классические темы для своих мероприятий. Ему казалось, что это придает всем действиям дополнительную изюминку. Предполагалось, что все будут в масках различных персонажей греческой мифологии и в течение вечера станут играть выбранную роль.

– И какая же роль была у тебя? – спросил Стокер.

Виконт посмотрел на меня.

– Аполлона. Поэтому я развлекался с податливой Дафной; у нее на голове был венок из лавровых листьев, но я никому не советую это повторять, он очень колется, – добавил он.

– А потом? – спросила я.

Виконт глубоко вздохнул и уставился на дно своего стакана.

– А затем я участвовал в групповых занятиях и некоторых более жестких развлечениях, подробности которых я не хотел бы описывать, чтобы не смутить вас.

– Я же вам сказала, что на мой счет можно не беспокоиться, – напомнила я ему.

Он поднял на меня глаза и наклонил голову.

– Я говорил не о ваших чувствах, мисс Спидвелл. Я беспокоюсь за Ревелстока.

Он сказал об этом так же спокойно и бесстрастно, как и обо всем остальном, но я почувствовала в нем настороженность, скрытое напряжение: он ждал реакции Стокера.

– Групповых, – повторил Стокер. – То есть ты принимал участие в оргии?

– Какое пошлое слово, – заметил виконт. – С ним связано столько неприятных ассоциаций. Но мои вкусы не ограничены условностями. Некоторые из них даже почти легальны, но чрезмерная скромность кажется мне чересчур пуританской, и мисс Спидвелл, подозреваю, со мной согласится, – сказал он, бросив на меня одобрительный взгляд. – И, думаю, ты понимаешь, почему мои визиты в грот могут стать предметом неприятных инсинуаций, особенно в свете не сложившегося брака. В обществе и так ходит множество слухов о том, почему я не женился повторно. Причина, конечно, не в моих свободных нравах, но не вижу смысла намеренно разжигать здесь огонь.

Я пожала плечами.

– Ваша частная жизнь касается только вас, милорд.

Его брови приподнялись в изящном изгибе.

– Мисс Спидвелл, я счастлив, что мои представления о ваших либеральных взглядах оказались точны. Встретить даму, так широко мыслящую, – настоящая редкость. Стокер, если ты не собираешься жениться на мисс Спидвелл, то я – с удовольствием.

Он опрокинул стакан с остатками виски под сердитым взглядом Стокера.

– Тибериус, то, что ты старше меня и глава семьи, не значит, что я не могу отколошматить тебя до бесчувствия, так, чтобы Коллинз собирал твои останки по ковру.

Его светлость лениво и грациозно махнул рукой.

– Ты всегда думал, что насилие – подходящий ответ в любой ситуации. Затем он повернулся ко мне.

– Он совершеннейший варвар, дорогая. Вы можете найти себе получше.

– Я никого не собираюсь искать, милорд, – сказала я ему самым решительным тоном. – И не выхожу замуж по собственному желанию. А вы очень мастерски уводите нас от темы нашего разговора – вашей связи с Елисейским гротом. Помогите нам наконец разобраться в этом, и идемте ужинать. Жареная утка пахнет потрясающе.

Его светлость одобрительно мне улыбнулся.

– Какая властность! Хотел бы я посмотреть на вас с кнутом в руках.

Стокер вскочил с места, но виконт выставил руку.

– Садись, Ревелсток. Я не хотел никого оскорбить, и мне кажется, мисс Спидвелл совершенно не обижена.

Стокер взглянул на меня и опустил обратно в кресло, а его брат продолжал задумчиво смотреть на меня.

– Я податлив как глина в ваших руках, мисс Спидвелл. Делайте со мной что хотите. Что еще вам нужно узнать?

Я не сомневалась, что целью его провокативных замечаний было вызвать ответную реакцию, поэтому я лишь холодно на него взглянула.

– Джулиан Гилкрест. Вы его знаете?

Он кивнул.

– В наших безумствах он изображал из себя крайне похотливого Эндимиона. У него был роман с Артемизией, длившийся несколько месяцев, но она порвала с Гилкрестом, влюбившись в Рамсфорта.

– И как он это воспринял? – спросил Стокер.

Виконт пожал плечами.

– А как это воспримет любой мужчина? Он был страшно обижен и, чтобы поскорее забыть ее, не пропускал ни одной юбки.

– А сэр Фредерик Хэвлок? Ты видел его там?

Он откинул голову, и от нахлынувших приятных воспоминаний на его лице появилась улыбка.

– Да, видел. Очень эффектный Зевс.

– Он развлекался с милой юной Ледой или Данаей? – предположила я.

– Нет и нет. Все его внимание было обращено лишь на Геру, – поправил меня его светлость. – Августа Хэвлок всегда сопровождала его там, пока была жива. После ее смерти он продолжал посещать наши собрания, но лишь как зритель, больше не принимая в них участия.

– Его жена тоже в этом участвовала? – спросил Стокер полным недоверия голосом.

Его светлость пожал плечами.

– Некоторые пары считают, что подобные занятия способны подогреть их физический интерес друг к другу. Сэр Фредерик был не единственным, кто приезжал туда с женой.

– Вы тоже? – спросила я.

– Какая наглость! Мое восхищение вами все растет, мисс Спидвелл, – сказал он, улыбнувшись мне. – Я – нет. Моя жена была совершенно обыкновенной и на редкость непривлекательной; ее выбрал для меня отец. С такой женщиной, как вы, все было бы, конечно, иначе. – Он задержал взгляд на вырезе моего платья чуть дольше, чем это позволяли приличия.

Стокер резко перебил его.

– Хэвлок интересовался кем-то в гроте особенно? У него были какие-то связи, о которых стоит упомянуть?

– Нет, он приезжал пару раз в год, просто для развлечения.

– А Оттилия Рамсфорт появлялась хоть раз на этих сборищах?

– Господи, нет, конечно! – Казалось, лорд был неподдельно шокирован такой идеей. – Вы с ней виделись? Она же всегда смотрела только на своего господина и повелителя. Вот уж кого мне не пришло бы в голову приглашать на такие свободные собрания. Честно говоря, меня удивило даже то, что она согласилась смотреть на все это сквозь пальцы. Но она принадлежит к редкому виду, с очень трагичной судьбой: женщина, самозабвенно влюбленная в собственного мужа.

– А что вы можете сказать о связи Артемизии и Рамсфорта? – спросила я. – Как бы вы ее описали?

Он надолго задумался.

– Это была любовь. Казалось, они искренне привязаны друг к другу. Вообще-то, когда Артемизия выразила свое недовольство этими занятиями, Рамсфорт закрыл грот для групповых мероприятий, исполняя ее желание.

Я наострила уши, услышав такую интересную информацию.

– Значит ли это, что он и сам больше туда не ходил?

Он пожал плечами.

– Об этом надо спрашивать его самого. Я знаю только, что он больше не рассылал приглашений, и когда я его об этом спросил, он ответил, что это делается под ее влиянием и что теперь разрешены лишь частные визиты. Он сказал, что готов предоставить грот в мое распоряжение, но к тому моменту мой интерес к этому месту поугас. Я был и сам рад, что все закончилось. Помимо прочего это стало нам обходиться невероятно дорого.

– Дорого? – переспросил Стокер.

– Рамсфорт брал определенную сумму за участие, что-то вроде членского взноса, – объяснил ему брат. – По слухам, он потратил почти все

деньги Тройонов, которые принес ему брак с Оттилией, на перестройку Литтлдауна. К тому же он всегда был очень щепетилен в том, чтобы нанимать для нас только профессиональных девушек из лучших борделей Лондона. А это тоже недешево стоит.

– То есть он никогда не приглашал туда каких-нибудь доярок или лакеев из Литтлдауна? – спросила я.

На лице виконта отразился неподдельный ужас.

– Боже упаси! Нет, только профессионалов. Он совершенно не хотел портить тех, кто не работал в сфере интимных услуг, – жестко сказал он. – Знаете, среди распутников тоже есть представления о чести. Кроме того, профессионал будет молчать о том, что там происходило. Деньги обеспечивают секретность в этом деле.

– Последний вопрос, если вы не против.

Его светлость смерил меня взглядом.

– Для вас, моя дорогая мисс Спидвелл, я располагаю всем временем на свете.

Стокер чуть не сплюнул от отвращения, но мы оба не обратили на него никакого внимания.

– Нам прислали ключ от Елисейского грота, – сказала я виконту. – Он пришел по почте, анонимно, вероятно, от человека, который хочет нам помочь. Это вы отправили его нам?

Он открыл ящик письменного стола и достал оттуда ключ, идентичный нашему.

– Как видите, мой ключ у меня. Рамсфорт не удосужился попросить его назад после того, как прекратил проводить мероприятия в гроте. Возьмите, если вам это поможет.

Мне сложно было вообразить, чем он может нам помочь, но все-таки взяла, поблагодарив виконта за щедрость.

Потом явзглянула на Стокера.

– Думаю, мы расспросили его светлость обо всем, что нам было нужно.

Он медленно кивнул, и тогда виконт поднялся с видом освобожденного из заточения человека и потер руки.

– Тогда к столу!

Глава 18

Ужин с его светлостью проходил в напряжении. Стокер очевидно жалел о том, что я приняла приглашение его брата. За едой он почти ничего не сказал, а мы с виконтом беседовали о театре, бабочках и моих путешествиях.

– Я вам завидую, – сказал он, наполняя вином мой бокал. – Всегда мечтал о путешествиях, но никогда не мог себе этого позволить из-за своих обязанностей здесь.

Говоря это, он не смотрел на брата, но я знала, что Стокер услышал в этом укол. Напряжение в воздухе возросло, и на минуту в комнате повисла полная тишина. Я ждала, надеясь, что сейчас наконец разразится ссора и они смогут высказать друг другу все накопившее взаимное недовольство, но ни один из них так и не заговорил. Так, может быть, именно в этом и был корень всех их проблем? Зависть старшего брата по отношению к младшему, к тому, что он может не брать на себя никакой ответственности? Возможно, но не очень вероятно. Если посмотреть с другой стороны, я наверняка знала, что Стокер не завидует ни титулу старшего брата, ни лежащей на его плечах ответственности. Он не был амбициозен, не мечтал носить корону пэров и сидеть в палате лордов. Смешно было даже подумать о том, чтобы Стокер принимал участие в таких условностях. При взгляде на виконта, совершенно городского, ухоженного джентльмена, сложно было представить, чтобы он жаждал свободы младшего брата, вернувшегося в Англию с татуировками по всему телу, проколотыми ушами и повязкой на глазу.

Молчание тянулось, и я решила взять дело в свои руки. Я поднялась, и оба брата тоже вскочили на ноги. Несмотря на все их различия, они оба до мозга костей были английскими аристократами и все условности поведения впитали с молодых ногтей.

– Уже поздно, – сказала я виконту. – Мне кажется, нам пора уходить.

Он взглянул на брата.

– Да, конечно. Но, Ревелсток, мы с тобой так и не поговорили о делах.

– Позже, – твердо сказал Стокер голосом, не допускающим возражений.

Но его светлость не сдался.

– Ты это уже говорил много раз. Хочу, чтобы ты встретился с солиситорами и мы могли наконец закончить дела по отцовскому

наследству.

– Позже, – повторил Стокер.

– Мне нужно, чтобы ты дал слово, – сказал виконт, смерив его взглядом. – Несмотря на все твои грехи, твое слово по-прежнему чего-то стоит.

– Мое слово как Темплтон-Вейна? – спросил Стокер. Он зло улыбнулся одними губами. – Прекрасно. Даю тебе слово, что встречу с ними, как Темплтон-Вейн.

Он повернулся на каблуках и быстро вышел из комнаты. Виконт посмотрел ему вслед, а затем обратился ко мне.

– Необычная у вас дружба, – заметил он.

– Это только дружба, милорд, – ответила я, старательно подбирая слова. – Уверяю вас, я не представляю угрозы для Темплтон-Вейнов.

В ответ он лишь загадочно посмотрел на меня.

– Приятно было с вами познакомиться, милорд, – сказала я, с удивлением осознав, что говорю правду.

Его губы тронула улыбка.

– Я не такой солдафон, как вы ожидали?

– Да, не такой, – призналась я.

Он взял меня за руку.

– Вы тоже очень удивили меня, мисс Спидвелл. По описанию сэра Руперта... Впрочем, не стоит опять об этом вспоминать. Достаточно сказать, что я уже очень давно не получал такого удовольствия от вечера. И... – Он ненадолго замолчал, глядя на мою руку, лежащую в его руке, на мою ладонь, маленькую на фоне его, гладкой и широкой. Пальцем другой руки он провел по тыльной стороне моей ладони с таким мастерством, что я сразу ощутила, как у меня по спине бежит волна чего-то темного и горячего.

– Пожалуйста, приходите сюда, когда только пожелаете. Если ждать, пока вас приведет Ревелсток, можно прождать до окончания века.

– Вероятно, – сказала я.

Он улыбнулся немного хищно, но все же совершенно очаровательно. Ужасно медленно и осторожно он наклонился и коснулся губами моей руки.

– Тогда до встречи, мисс Спидвелл.

– Милорд.

Стокер не сказал ни слова до тех пор, пока мы не вышли на улицу. Как

только я появилась, он развернулся и пошел быстрым шагом, стремительно отмеряя землю своими длинными ногами. Я даже не пыталась идти с ним в ногу. Он очевидно был в дурном настроении, а я, конечно, могла и сама добраться до дома.

Но Стокер был слишком хорошо воспитан, чтобы так поступить, и к концу квартала притормозил и подстроился под мой шаг.

– Не нужно мне было отсылать экипаж Боклерков. Следующая улица – Оксфорд-стрит, там нам несложно будет найти кэб.

– А после нее уже и Мэрилебон. Сегодня приятная ночь. Давай пройдемся.

Он коротко кивнул, и мы перешли на другую сторону улицы, миновали яркие огни и оживленность Оксфорд-стрит и углубились в более тихий район, Мэрилебон.

– Мне было очень интересно узнать, что Майлз Рамсфорт нуждался в деньгах, – сказала я ему. – Тебя это наводит на какие-нибудь мысли?

Он был не расположен к беседе, но его живой и любопытный ум не мог устоять перед таким искушением.

– Конечно, – коротко ответил он. – Шантаж.

– Именно. Если Майлз Рамсфорт использовал этот журнал для того, чтобы кого-то шантажировать, этим людям было бы на руку, чтобы его повесили за преступление, которого он не совершал.

– Тогда Артемизия могла быть не истинной жертвой, а лишь пешкой в их игре, – добавил он.

– Вероятно. И это придает делу совсем иной оборот.

– Объясни, что ты имеешь в виду, – сказал он, взяв меня под локоть, чтобы помочь обойти лужу.

– Убить ее в момент горячности – это преступление на почве страсти, отчаяния, гнева или ревности. Но чтобы хладнокровно убить ее и ждать, что Майлза повесят, – для этого нужна потрясающая расчетливость.

– И тогда мы имеем огромное число подозреваемых, чьи имена были в той книге, – простонал он.

Я прокляла судьбу за то, что мы упустили журнал.

– Думаю, нет никакой надежды вернуть его, даже если мы снова поедem туда и попробуем его отыскать? – я спрашивала с надеждой, но уже и сама понимала тщетность этой мысли.

– У сторожа было достаточно времени для того, чтобы самому отыскать его.

– Проклятье, – пробормотала я.

– Вот именно. Теперь нужно попробовать пойти другим путем, –

сказал он. Мы замолчали и просто шли рядом через Мэрилебон к Бишопс-Фолли.

– А ты был очень удивлен? – рискнула спросить у него я. – Тем, что рассказал твой брат об увеселениях в гроте: оргиях, кнутах и прочем? Как думаешь, бывали ли там мужчины с мужчинами, а женщины с женщинами?

– Вероника, мы не обязаны это обсуждать.

Его профиль казался очень упрямым, а шаги – решительными. Я ласково посмотрела на него.

– Ты в некотором недоумении? Рада буду тебя просветить. Смотри, когда мужчины предпочитают компанию других мужчин...

– Ради всего святого, Вероника. Я знаю про теток. Господи, я же провел несколько лет на флоте.

– Теток? У тебя их было так много, что тебе пришлось придумать для них специальное название? – спросила я.

Он потер глаза рукой.

– Так их все и называют.

– Звучит довольно оскорбительно, – заметила я.

– Это наименьшее из зол, – возразил он. – Тебе больше нравятся «содомиты»?

– Не особенно. Это слово сразу отсылает к библейской истории, а ты же знаешь, я не люблю навязанную религиозность, – напомнила я ему.

Он покорно вздохнул.

– На флоте были такие люди, – сказал он мне. – Мы это не обсуждали. За это больше не грозит повешение, но все-таки можно получить десять лет тюрьмы. В некоторых континентальных странах ситуация другая – подобными вещами занимаются открыто, но на флоте ее величества всегда сохраняется маска благопристойности.

– То есть все совершается под прикрытием и покровом ночи? – предположила я.

– Именно. Во время долгого плавания люди начинают вести себя совсем не так, как на суше.

– Но ведь бывают такие парни, которые всегда предпочитают мужчин, – напомнила я ему. – Ужасное лицемерие – сажать их в тюрьму за безобидное, но неприличное мужеложство, в то время как в угольных шахтах по-прежнему голодают дети.

Я наклонила голову.

– Стокер, а пока ты был в море, ты когда-нибудь...

– Да, раз в день, по воскресеньям – дважды.

Я уставилась на него, открыв рот от изумления, а он разразился

смехом – это случалось с ним так редко, что я не сразу поняла, что это за звук.

– Господи, ну и лицо у тебя, – выдавил он, утирая слезы.

Я поджала губы.

– Уверяю тебя, меня больше удивила твоя искренность, чем признание, что ты практиковал любовное искусство с представителями своего пола.

Он успокоился, но в глазах все еще плясали веселые огоньки.

– Нет, Вероника, такого не было. И я не лез в дела тех, кто этим занимался. Да и сейчас не лезу. Мне не очень нравится твоя привычка совать свой нос в чужие спальни, – добавил он с напускной суровостью.

Я пожала плечами.

– Но именно там обычно хранятся самые интересные секреты.

Он вскинул голову.

– Ну хорошо, раз уж мы принялись заглядывать в будуары к разным людям: ты когда-нибудь пробовала сапфические удовольствия?

– Что за вопрос! – воскликнула я.

– Это был выстрел из пушки по воробьям, – ответил он, слегка закашлявшись, – но вижу, ты покраснела. Наши друзья-художники называли бы этот цвет *cuisse de nymphe èmue*.

– Цвет бедра возбужденной нимфы? – уточнила я голосом, не очень похожим на мой обычный.

– Да, – сказал он, явно наслаждаясь этим моментом. – Очевидно, имеется в виду тот нежно-розовый цвет, который приобретает кожа женщины в момент наивысшего сексуального возбуждения. Но вернемся к теме нашего разговора – позволь заметить, что ты так и не ответила на мой вопрос.

Он скрестил руки на груди и стал ждать ответа; в его глазах блестел зловещий огонек.

Я коротко кивнула.

– Ну хорошо. Была одна история с пастушкой на Сардинии. Очень миловидной: пухлые губы, глаза темные, как терн. Я поцеловала ее, вот и все – да и то исключительно из научного интереса.

– Научного интереса? Что это значит? – спросил он.

– До этого я была в постели с ее братом-близнецом, и мне стало интересно, одинаково они целуются или нет.

Я взяла его за подбородок и чуть подтолкнула вверх.

– Стокер, закрой рот. Сейчас ты похож на карпа.

Он сглотнул, и я убрала руку.

– Мы еще вернемся к рассказу о том, как ты находилась в объятиях

пастушки, – предупредил он меня, – но сейчас нам стоит подумать о продолжении расследования.

Он сильно потряс головой, будто для того, чтобы в ней прояснилось.

– Ты правда не был удивлен тем, что открылось во время разговора с его светлостью?

Он пожал плечами.

– Это все не мое дело. Меня это не волнует, пусть сношается хоть со скотом.

Я повернулась и посмотрела на него. Уличный свет заливал одну половину его лица, а вторая оставалась полностью в тени.

– Ты ничего не понял, правда?

– Что именно?

– Его искренность была попыткой как-то залатать страшную дыру в ваших отношениях.

Стокер хмыкнул и развернулся, чтобы идти дальше. Я потянула его за рукав, заставив остановиться.

– Он не обязан был ничего нам рассказывать, – напомнила я ему. – Мог сказать, что мы просто выдумали, что видели там его имя. У нас же нет журнала, а значит, и доказательств. Он мог сказать, что был там лишь однажды или что кто-то подделал эту запись. Но он ничего из этого нам не сказал.

– И что? – спросил он резко и так холодно, будто доставал эти слова изо льда.

– Это значит, что он нам доверяет. Если бы мы решили донести на него в полицию, он оказался бы в тюрьме, Стокер. Ты же знаешь, что те древние обряды, которым предавались в Елисейском гроте, незаконны. Его бы приговорили к каторжным работам.

– Пэров не сажают в тюрьму, – заявил он, выпятив нижнюю губу.

– Не притворяйся циником. Это тебе не идет, и я все равно вижу тебя насквозь, – сказала я ему. – Это была оливковая ветвь, и неважно, готов ты в это поверить или нет.

– Правда? Вероника, он знает, что мы ничего не можем доказать. Он мог совершенно спокойно делиться с нами самыми непристойными подробностями своей жизни. Это ты ничего не понимаешь. Он же один из них: аристократ, неприкосновенное лицо.

Он снова развернулся и двинулся дальше, но мне показалось, что весь его гнев теперь улетучился. Несколько кварталов мы прошли в молчании.

– Интересно, а как мужчины, которые спят с мужчинами, решают, кто из них будет играть пассивную роль? – спросила я ни с того ни с сего.

Стокер издал какой-то странный звук, похожий на рык.

– Хватит, Вероника.

– Ну хорошо. Тогда я спрошу его светлость при нашей следующей встрече. Кажется, он не так стесняется подобных тем.

Стокер остановился как вкопанный.

– Какого дьявола ты говоришь «при следующей встрече»?!

– Виконт выразил желание продолжить наше знакомство.

– Ни черта он не получит! – взорвался Стокер.

– Боже, Стокер, ну какая тебе-то разница?

– Как это на него похоже: думать, что он может поступать как ему заблагорассудится только потому, что он лорд и хозяин поместья, – сказал он со злостью и отвернулся, а потом вдруг резко навис надо мной во весь свой внушительный рост.

– Никуда ты с ним не пойдешь. Ты не будешь наносить ему визиты. И принимать его у себя тоже не будешь.

Я так удивилась, что чуть не рассмеялась ему в лицо.

– Неужели ты правда думаешь, что я позволю тебе что-то мне диктовать? – начала я.

Он нагнулся еще ближе, так, что я ощутила у него изо рта запах дорогого виски из запасов его брата. Его губы шевелились прямо перед моим лицом, и он почти прижался ко мне всем телом. Я видела, как у него на шее тяжело бьется пульс.

– Я могу диктовать тебе эти условия, – сказал он голосом, очень напоминающим рычание. – И больше не позволю ему ничего у меня забрать.

– Я не «что-то твое», – напомнила я ему, окатив его презрением в голосе. – Меня не интересуют ваши взаимные обиды, и ты никогда не будешь указывать, с кем мне видаться. Ты мне не муж!

Я уперлась руками ему в грудь и попыталась оттолкнуть его, но он не пошевелился, поднял руки и крепко схватил мои запястья. На краткий миг мне показалось, что в его глазах промелькнула боль.

– Нет, – тихо сказал он, – я лучше, чем муж. Я – твой друг.

Мучительно медленно он отпустил мои руки и ушел.

Глава 19

На следующее утро я занялась делом, которое уже давно запланировала: разобраться с витриной американских бабочек, с ужасающей путаницей в подписях, ведь я надеялась провести вторую половину дня в Хэвлок-хаусе. Но пришедшее к полудню сообщение от Эммы Толбот нарушило мои планы.

– Сегодня она не может тебя рисовать, – сказала я Стокеру, показав записку, которую она прислала с четвертой за день почтой. – У нее давно уже что-то было запланировано на этот день. Проклятье! – пробормотала я, возмущенная такой проволочкой.

Стокер, внимательно следивший за работой своих кожедов, только пожал плечами.

– Тогда мы просто займемся другой линией расследования.

Его голос звучал угрюмо, да и вообще за все утро он произнес не больше десятка слов. Большую часть времени он провел, завершая потрошение своего верблюда, и теперь руки и грудь у него были в прямом смысле сплошь покрыты клеем и опилками, а волосы блестели от пота. Обычно с помощью физической работы он успокаивался в сложные моменты, но сегодня это лишь служило ему оправданием для того, чтобы дать волю самым неприятным наклонностям. Верблюд теперь превратился в противную шкуру и кучку грязных костей. Шкуру Стокер аккуратно сложил. Ему предстояло еще почистить ее и просушить на специальной подставке его собственного изобретения, но сперва требовалось сделать много другой работы. Кости нужно было тщательно очистить от опилок и соединить шарнирами, а затем решить, монтировать ли шкуру обратно на скелет животного или же слепить для нее искусственную основу. Мне не хотелось думать, что он будет делать с глазами и языком.

– Что ты собираешься делать с этим беднягой? – спросила я, кивнув на кучку опилок и костей на полу.

Сначала мне показалось, что он не ответит, но он никогда не мог устоять перед соблазном поговорить о работе.

– Соберу скелет и выставлю отдельно. Потом слеплю основу для шкуры и смонтирую ее, если вообще мне удастся спасти шкуру. Мыши хорошо там постарались.

Работа была огромная; посредственный таксидермист натянул бы кожу на простую набивку, положенную на собственный скелет животного. Но

Стокер не был посредственным таксидермистом. Он изобрел блестящий новый способ: выставлять скелет отдельно, а шкуру монтировать на металлический каркас его собственного изготовления. Но я ему, конечно, об этом не говорила. Ни к чему было подогревать в нем и так весьма здоровое чувство удовлетворения.

Но немного женского внимания и уважения ему точно не повредит и может улучшить его дурное настроение, решила я. Я наклонилась вперед, аккуратно сдувая пыль с нежного маленького экземпляра.

– И что ты предлагаешь в качестве новой линии расследования? – спросила я будничным тоном.

Он задумчиво потер подбородок, оставляя на лице темную полосу из влажных от пота опилок.

– Нам нужно выяснить, о чем именно говорил Морнадей: что было в отчете о вскрытии.

Он сел на край стола и стал шарить вокруг себя руками в поисках чего-нибудь съестного. У меня обычно бывала под рукой банка с медовыми леденцами для экстренных случаев, но сегодня она была пуста, и он начал возмущенно ворчать.

– Прости, я совершенно забыла купить еще конфет, но ты же все равно всегда съедаешь их в один присест, – сказала я со строгой ноткой в голосе. – Это банка для экстренных случаев.

– Сейчас экстренный случай. Я не завтракал. С утра я сразу приступил к работе, а полчайника чая совершенно недостаточно для мужчины, который занимается такой тяжелой работой, – сказал он мне, указав подбородком на верблюда.

– Подожди минутку, я что-нибудь для тебя найду. Эта противная *Limnitis archippus* маскируется под *Danaus erippus*, притом не очень умело. – Я исправила подпись и прикрепила на место правильный ярлычок, а Стокер радостно вскрикнул, что-то увидев среди утренних газет. С победным видом он вытащил сверток и помахал им в воздухе.

– Что у тебя там? – спросила я, прищипливая на место *Lamenitis* со вздохом удовлетворения.

– Последние поминальные печенья, – сказал он, разрывая обертку зубами. Он достал два печенья и откусил одно с задумчивым видом. – Снова анисовые, – заключил он. – Я не очень их люблю, но тоже неплохо.

– Они просто отвратительные, – сказала я ему. – В этом необузданном культе смерти не может быть ничего хорошего. – Я подняла разорванную упаковку. Помимо обычных сведений о похоронном бюро там были краткая эпитафия Артемизии и рисунок, на котором над могилой склонилась

плакучая ива. – Смотри, тут даже стихотворение, приторное до тошноты, – заметила я. – Просто чушь.

– Нет, – запротестовал он, со светящимися глазами забирая у меня упаковку. – Это же ключ!

Он перевернул упаковку, чтобы я поняла, о чем он говорит.

– «Месье Паджетт и Петтифер, похоронные услуги», – вслух прочитала я. – Ну конечно! Полицейские хирурги нам ничего не скажут, как и следователи. Сэр Хьюго внимательно за этим следит. Все те, кто занимался этим делом по долгу службы, сомкнут перед нами свои ряды. Нам не к кому обратиться, кроме похоронного агентства. Как это тебе только пришло в голову?

Он пожал плечами.

– Кто может больше знать о теле, чем люди, готовившие его к похоронам?

– Ревелсток Темплтон-Вейн! – закричала я. – Разрази меня гром, если я еще хоть раз усомнюсь в твоём прекрасном уме! Это просто гениальная идея.

Вид у него был гордый.

– Да? Мне тоже так кажется. Дай мне понаслаждаться этим моментом. Очень приятно осознавать, что ты прав.

– Ты невыносим, – сказала я, улыбнувшись.

– Только невероятное способно оценить невыносимое, – заявил он.

За четверть часа он сумел привести себя в порядок и нанять кэб. Мы оба подумали, что если ворвемся ни с того ни с сего в уважаемое похоронное агентство и начнем задавать нескромные вопросы, то нас просто вышвырнут на улицу и мы никак не сможем продвинуться в расследовании. Мы также поняли, что, если владельцы решат доложить об инциденте сэру Хьюго, это будет выглядеть очень странно.

– Пойдем под прикрытием, – предложила я.

Стокер слегка улыбнулся.

– Под каким еще прикрытием? Предупреждаю, на труп ты не тянешь: слишком разговорчива.

– Очень смешно. Мы сделаем вид, что недавно потеряли кого-то из близких и нуждаемся в услугах месье Паджетта и Петтифера.

Стокер поспорил со мной ради приличия, но за месяцы нашего знакомства я заметила, что он не меньше моего любит неожиданные повороты событий. Он дал извозчику адрес «Бантера и Видмана», магазина-склада, который упоминала Черри, где можно было взять напрокат любые траурные наряды; это было очень удобно для тех, кто не

мог себе позволить сразу купить все это облачение. Со времен смерти принца Альберта безудержная скорбь была в порядке вещей, двери и окна домов, которые посещало горе, неизменно завешивались черным крепом. Даже бедняки могли себе позволить траурную повязку на рукаве, а люди со средствами только и думали о том, как перещегоолять друг друга в атрибутах скорби: для похоронной процессии они нанимали черных как смоль лошадей, платили специальным людям, которые должны были идти за гробом, и плакальщицам, чтобы они становились подтверждением их ужасного горя. Можно было заработать приличные деньги, изображая скорбь, пуская слезы или помогая нести гроб на своих крепких плечах. После смерти принца-консорта траурная индустрия расцвела пышным цветом: цветы и украшения, ткани и перья, по всему городу появились магазины, дающие все это в аренду тем, у кого не было средств или желания покупать эти атрибуты. Нам было совсем не сложно одеться подобающе: черный костюм и высокая шляпа для Стокера, а для меня платье и накидка из черного как смоль бомбазина. Накидка спадала до пола, приглушая мои шаги, а плотная вуаль на шляпке скрывала лицо.

– Ты похожа на призрак невесты, – сказал Стокер, осматривая меня с головы до метущего пол подола.

– Если уж я буду когда-нибудь невестой, то только такой, – парировала я. Он надел на глаз повязку, и вид у нашей парочки стал совсем устрашающим.

Мое облачение в погребальный наряд заняло гораздо больше времени, и Стокер, чтобы не заскучать, в ожидании меня читал «Таймс». Теперь он указал на утренние некрологи.

– У наших друзей из похоронного бюро сегодня похороны во второй половине дня. Их не будет на месте еще несколько часов, – сказал он мне.

Я улыбнулась.

– Прекрасная возможность порыскать по их конторе.

Мы направились к месье Паджетту и Петтиферу. Они располагались в высоком здании на солидной улице, их заведение производило впечатление, что здесь все будет сделано как полагается. Дверь тихо отворил благообразный швейцар; он печально взглянул на нас и отступил назад, пропуская внутрь. Я сразу ощутила запах: смешанный аромат лилий, смерти и чего-то еще.

– Тут не обошлось без камфоры, – пробормотал Стокер.

Я прыснула. Он был прав. Траурную одежду часто убирали, прокладывая мешочками с камфорой, и снова доставали, когда того требовали обстоятельства; и тогда не избежать было шлейфа

предательского аромата. По углам передней стояли огромные вазы с лилиями, все двери закрыты, над каждой – скромная табличка, указывающая на предназначение помещения. В одной были выставлены гробы, в другой демонстрировались ткани для траурных нарядов. Остальные мне были не видны с порога, но легко можно было предположить, что и они использовались приблизительно с теми же целями.

Швейцар низко поклонился с заученным выражением скорби на лице.

– Чем я могу вам помочь?

– Я сэр Хьюго Монтгомери, – не моргнув солгал Стокер. – А это леди Монтгомери.

Я закашлялась от неожиданности, но попыталась превратить это в подходящее всхлипывание.

– Как видите, моя жена совершенно убита горем, но сказала, что ей непременно нужно пойти со мной, – сказал Стокер с подобающей важностью в голосе. – Мы хотели бы побеседовать с мистером Паджеттом или мистером Петтифером о необходимых приготовлениях в связи с нашей недавней утратой. Это произошло совершенно неожиданно, – добавил он, горестно скривив рот.

Швейцар с сожалением покачал головой.

– Простите, сэр Хьюго, миледи, но боюсь, что господа Паджетт и Петтифер в настоящее время проводят похороны в Хайгейте. Если вас не затруднит прийти позже...

– Мы подождем, – отрезал Стокер.

Швейцар засомневался.

– Это может занять некоторое время, – сказал он. – Думаю, вам будет лучше...

Чувствуя, что мы рискуем упустить такую прекрасную возможность, я издала стон.

– Десмонд! О Десмонд! Как рано ты нас покинул!

Стокер грозно посмотрел на швейцара.

– Ну что, теперь вы довольны? Смотрите, что вы натворили! Леди Монтгомери обезумела от горя!

Я слегка подогнула колени, и Стокер быстро обхватил меня крепкой рукой.

– Моей жене нужно присесть и прийти в себя. Без посторонних, – строго сказал он. Швейцар бросился вперед и открыл одну из дверей.

– Конечно, сэр Хьюго, миледи, мне ужасно жаль. Подождите здесь, пожалуйста. Я уверен, мистер Петтифер не станет возражать, если вы

воспользуетесь его кабинетом.

Он проводил нас в комнату и указал на пару устрашающего вида стульев, затянутых в черный шелк.

– Могу я что-нибудь принести для леди? – спросил он Стокера.

– Благодарю вас, – ответил Стокер с холодной надменностью. – Я могу сам позаботиться о своей жене.

Швейцар наклонил голову.

– Конечно. В буфете есть бренди на случай, если ее светлости нужно будет взбодриться. Прошу вас, непременно звоните, если я смогу быть чем-то вам полезен.

Он удалился, аккуратно прикрыв за собой дверь.

Стокер вопросительно приподнял бровь.

– Десмонд? Тысяча чертей, кто такой Десмонд?!

– Наш кот, – с готовностью ответила я. – Погиб под колесами фургона молочника.

– Бедняга Десмонд, – сказал он, снял шляпу и осмотрелся. – С чего начнем?

– С письменного стола, – ответила я. – Там должны храниться записи о телах, которые они готовили к погребению. Ты просматривай бумаги, а я попробую найти книгу учета.

Мы сразу принялись за работу, время от времени производя подобающие скорбные звуки на случай, если швейцар будет прислушиваться. Я стонала и не забывала громко сморкаться, когда Стокер пытался открыть замки и ящики письменного стола. Он легко справлялся с этой задачей, вооружившись парой моих шпилек. Мы внимательно искали, просматривая записные книжки и пролистывая книги на полках, методично переходили от ящика к ящику, но ничего не обнаружили. Единственным предметом, на который мы было понадеялись, был большой журнал в черной лайковой обложке с перечнем проведенных похоронв хронологическом порядке. Я быстро пролистала до того месяца, когда скончалась Артемизия, и нашла там всего одну строку:

– «Мод Эресби, не замужем, 26 лет. Подготовлена к погребению, тело отправлено для похорон в семейное имение в Кенте. Счет полностью оплачен сэром Фредериком Хэвлоком», – прочитала я вслух. – Черт и проклятье, ни одного слова о ее состоянии и вообще о том, что она была убита.

– Это формальная сторона вопроса, – заметил Стокер, обыскивая последний ящик, совершенно пустой, за исключением жестянки с лакричными леденцами. – Может быть, мистер Петтифер занимается

счетами общением с клиентами, а заметки о бальзамировании и подобном могут быть в покойницкой.

Я вопросительно приподняла бровь, но он покачал головой.

– Абсолютно исключено. Это слишком рискованно.

Он открыл коробочку с лакричными леденцами и положил один себе в рот. Вдруг он закашлялся, выплюнул конфету в носовой платок, вытер рот и положил платок в карман.

– Кажется, это подметки с ботинок самого дьявола, – сказал он, все еще покашливая.

– Так тебе и надо, раз ты такое трусливое-претрусливое желе, – проворчала я. К моему изумлению, он клюнул на наживку.

– Ну хорошо. Давай обыщем покойницкую. Но если нас там поймают и арестуют за незаконное проникновение, ты будешь сама объяснять все сэру Хьюго, – предупредил он.

– По рукам, – ответила я. Мы тихо выскользнули из комнаты, замерев на пороге, чтобы убедиться, что швейцара поблизости не видно. Стокер пошел впереди, крепко держа меня за руку, и мы незаметно прокрались по коридору в заднюю часть здания. На единственной с той стороны двери была надпись «Покойницкая», и Стокер решительно направился к ней; он взялся за ручку, но не спешил открывать ее. Я переводила взгляд со Стокера на закрытую дверь.

– Ну, давай, – сказала я с нетерпением.

– Тебя это не слишком впечатлит? – спросил он.

– А тебя? – ответила я вопросом на вопрос, немного оскорбившись, что он усомнился в моей храбрости.

В ответ он лишь насмешливо хмыкнул и отодвинулся, пропуская меня вперед.

– Excelsior, – пробормотала я девиз нашей любимой героини детективных романов и толкнула дверь в покойницкую с уверенностью, присущей главнокомандующим на поле боя.

Нам сразу ударил в нос запах карболки и кое-чего похуже. Там витал дух смерти, сладкий и тяжелый, он буквально висел в воздухе и окутал нас сразу, как мы вошли. От этого зловония у меня закружилась голова, а Стокер, напротив, вдохнул поглубже. В конце концов, он постоянно имел дело со смертью. Здесь не было ничего такого, что могло бы взволновать или испугать его.

Мы остановились, чтобы осмотреться. Комната была просторной, вдоль одной из стен тянулись полки, уставленные баночками с растворами и разнообразными инструментами, которые я даже не стала рассматривать

подробнее. Там были всяческие иглы и клочки набивки, а также горшочки с краской для лица и пудрой.

Стокер заговорил тихим шепотом.

– Иногда смерть совершает с человеком неприятные вещи. Задача похоронных агентов – их замаскировать.

Я перевела взгляд в дальнюю часть комнаты, где в холодном величии стоял ряд мраморных столов. В кафельном полу виднелись стоки, и я уставилась на них с ужасом и восхищением.

– Для чего они нужны? – спросила я. Стокер кратко рассказал мне о процессе бальзамирования и необходимости таких стоков: по ним стекают все миазмы.

– Но куда они потом деваются?

– В сточные трубы, – весело ответил он.

– Отвратительно, – сказала я, наморщив нос.

– Ну уж не хуже того, что и так там есть, – заметил он. – И, кстати, если уж эта мысль кажется тебе отталкивающей, тогда советую держаться подальше от нашего молчаливого друга, – сказал он, кивнув в сторону накрытой простыней фигуры, лежавшей на столе в углу.

Я подошла к ней и, поколебавшись лишь секунду, откинула простыню. Под ней было тело молодого обнаженного мужчины, кожа на груди и животе отогнута так аккуратно, будто это были полы рубашки. Я отшатнулась, но не успел еще Стокер придумать какую-нибудь шутку по этому поводу, как мы услышали шаги. Не задумываясь я схватила его и откинулась на соседний стол, потянув его за собой, так что он оказался сверху. Он успел схватить простыню и набросить на нас, хоть как-то скрыв от глаз вошедшего. Если нам повезет, то, кто бы это ни был, он просто сделает, что нужно, в этой комнате и уйдет.

В волнении и напряжении мы ждали, что будет дальше, и мне пришло в голову, что, если бы я легла на Стокера, нам сейчас было бы гораздо проще. Вес у него был внушительный, и хотя он изо всех сил старался не раздавить меня, но нам нужно было лежать как можно незаметнее, и потому наши тела переплелись в таком причудливом положении, что я знала: ни один из нас так долго не протянет. Он прижался щекой к моей щеке, и пробивающиеся волоски щекотали мне лицо. Он побрился только сегодня утром, но борода у него росла очень быстро, и уже к вечеру на подбородке и щеках появлялась тень. Взятый напрокат костюм пах лавандой и кедром (конечно, он в них хранился, чтобы не проела моль), но от него, как всегда, исходил его собственный странный аромат: смесь запахов мужского тела, выделанной кожи, белья и меда (он всегда пах

медом). Один из его непослушных локонов щекотал мне нос, и я резко выдыхала, чтобы не чихнуть. Он боялся пошевелить руками, и они лежали как попало: одна держалась за мой бок, а вторая была у меня под головой, и он на нее опирался. А мои руки были прижаты к его груди, и через рубашку я ощущала медленные, спокойные удары его сердца. Мое собственное трепыхалось, как крылышки колибри, но он был совершенно спокоен, и по тому, как сокращались мышцы у него на животе, я поняла, что он с трудом сдерживает смех из-за абсурдности этой ситуации.

Мы лежали под простыней, прижавшись друг к другу, и не знаю, о чем думал Стокер, а я внимательно вслушивалась в шаги – человек двигался по комнате. Это был не швейцар: у того поступь гораздо тяжелее. Это были маленькие, тихие, еле слышные шаги. Кто-то шел по противоположной стороне комнаты, на некотором расстоянии от нашего импровизированного укрытия, и я начала расслабляться. Может быть, он и вовсе к нам не подойдет.

Вдруг у меня свело ногу, я вытянула ее, чтобы стало легче, но уперлась в икру Стокера. Он напрягся и сильнее сжал меня одной рукой. Я охнула и сразу же услышала торопливые шаги – кто-то подошел к нам и сдернул простыню. Я взглянула Стокеру через плечо: худой джентльмен во все глаза смотрел на нас со Стокером, на его лице читался неподдельный ужас.

– Но... но... кто, ради всего святого...

Потом к нам подошел тучный мужчина. Он внимательно рассмотрел нас, а потом у него по лицу расплзлась широкая улыбка.

– Ну как же, мистер Петтифер, – сказал он невыносимой вежливостью, – неужели вы не узнаете наших гостей?

Он посмотрел на нас с усмешкой.

– Я мистер Паджетт, – добродушно сказал он. – Добро пожаловать в наше заведение, мисс Спидвелл и мистер Темплтон-Вейн.

Глава 20

Стокер не сделал попытки подняться, и я постучала по нему пальцем.

– Слезай, Стокер. Нас обнаружили.

Он скатился со стола и мягко приземлился на ноги, стащив меня вслед за собой. Я разгладила свой волочившийся по земле наряд, расправила плечи и вежливо улыбнулась.

– Мистер Петтифер, мистер Паджетт, счастлива с вами познакомиться.

Но мистер Паджетт явно не был так счастлив. Он сердито взглянул на меня и махнул подбородком.

– Прошу вас, в мой кабинет.

Я взглянула на Стокера, который лишь пожал широким плечом и жестом велел мне следовать за мистером Паджеттом. Мистер Петтифер замыкал процессию, но нельзя было сказать, что мы под конвоем, и, если бы захотели, могли бы броситься к двери и убежать, но я решила, что жест Стокера означал: мы можем попробовать выудить из них кое-какую информацию.

Мистер Паджетт прошел в комнату, соседнюю с кабинетом мистера Петтифера. Очевидно, он был старшим партнером, потому что его кабинет был гораздо солиднее и обставлен с такой старательностью, которая говорит о больших деньгах и отсутствии вкуса. Вся мебель была из эбенового дерева, а обивка – черная и серая, ковер – очень толстый, гардины – слишком плотные, а мягкая мебель – чересчур плюшевая. Казалось, обстановка была намеренно давящей, и я с опаской примостилась на край стула, на который указал мне мистер Паджетт.

Но, осмотревшись, заметила в комнате то, что искупало все остальные недостатки: бабочек. Они были искусно обрамлены черным шелком – таким же, как на стульях, а на буфете под стеклянным колпаком выставлена целая стайка *Pholisora catullus*. Но больше всего меня поразил другой экземпляр, да так, что я вскочила на ноги и вскрикнула от восторга: позади письменного стола висела огромная черная бабочка.

– *Papilio deiphobus*! – закричала я и подошла поближе, чтобы ее рассмотреть. Она была смонтирована брюшком наружу, так, что взору посетителей представала чернильно-черная внутренняя сторона крыльев, будто бархатная, почти однотонная, за исключением тонких серых полосок, окаймляющих их нижнюю часть.

Мистер Паджетт подошел ко мне. Он был тучным мужчиной, шесть-

семь футов ростом, и на его лице вдруг отразилась неожиданная сердечность.

– Вам нравится мой «большой парусник»? Он красавец, правда?

– Я поймала одного несколько лет назад на Филиппинах, – сказала я ему. – И, наверное, продешевила с ним. Он был немного крупнее этого.

– Крупнее? – Он слегка надулся. – Вы меня обманываете.

– Вовсе нет. Я была в экспедиции в Азиатско-Тихоокеанском регионе, и у меня была задача поймать как можно больше «парусников». Этого большого хватило, чтобы оплатить мне обратный билет, но позже я поняла, что за него можно было просить и в два раза больше.

– Вы энтомолог? – спросил он с некоторым восхищением, наконец распознав во мне родственную душу.

– Да, сэр, и могу вас похвалить. Маленькие «парусники» такие предсказуемые, что почти не интересны, но этот экземпляр... – Я вновь повернулась к «паруснику», с восхищением глядя на тонкие изящные дуги его усиков и маленькие лапки, прижатые к брюшку для защиты.

Мистер Паджетт вздрогнул.

– Послушайте, а вы как-то связаны с В. Спидвеллом, написавшим интереснейшую статью в «Сассекс энд Кент баттерфляй обсервер» в прошлом месяце?

– Имею честь быть автором этой статьи, – сказала я ему.

Он взял мою руку и крепко пожал.

– Рад знакомству, – сказал он, лучезарно улыбнувшись.

Мы исключили Стокера и мистера Петтифера из дальнейшей беседы о чешуекрылых. Я надеялась, что, разделив с ним его увлечение, смогу надеяться на благосклонное к нам отношение; может быть, он решит закрыть глаза на то, каким способом мы попали в его заведение. После душевного обсуждения того, как тяжело бывает найти хорошие экземпляры, живя в городском окружении (неизменные жалобы любого лондонского коллекционера), мистер Паджетт вновь пытливо взглянул на нас.

– Наверное, вы удивляетесь, как я понял, кто вы такие, – сказал он, явно наслаждаясь моментом.

– Могу предположить лишь, что нас опередил сэр Хьюго, – ответила я.

Он моргнул, как мне показалось, немножко сбитый с толку тем, что ему не удалось меня удивить.

– Ну, да... Он прислал нам сообщение, что можно ожидать вашего визита, – сказал он нам строгим голосом, теперь включив в разговор и Стокера. Стокер зевнул и стал смотреть на свои ногти. Потом достал нож

из голенища сапога и начал их чистить. Мистер Петтифер, стоявший в тени в углу, задрожал от страха как кролик.

– Стокер, прекрати размахивать лезвием. Ты напугал мистера Петтифера, это очень невежливо. Пожалуйста, простите его, мистер Петтифер. Он много лет провел в море и растерял все приличные манеры.

– Откуда ты знаешь? – лениво спросил Стокер. – Может быть, я был еще хуже до того, как надо мной потрудились во флоте?

Я признала, что это возможно. Но все-таки попытки запугать гробовщиков были недостойны джентльмена, и я пристально смотрела на него до тех пор, пока он со вздохом не убрал нож на место.

Мистер Паджетт набрал полную грудь воздуха и шумно выдохнул, заметно расслабившись, а мистер Петтифер достал носовой платок и вытер лоб. Я с улыбкой повернулась к мистеру Паджетту.

– Сожалею, что сэр Хьюго решил беспокоить вас по такому незначительному вопросу, – сказала я самым приятным голосом. – На самом деле нам нужен ответ на один-единственный вопрос, и мне показалось, что не стоит отнимать время у сэра Хьюго по этому поводу. Уверена, вы знаете, какими занудами бывают полицейские.

Я улыбнулась и похлопала ресницами, но на мистера Паджетта это не подействовало.

– Да, именно, я знаю и не собираюсь переходить дорогу сэру Хьюго Монтгомери. Нам с мистером Петтифером нечего вам рассказать, – сказал он, многозначительно взглянув на партнера.

Мистер Петтифер выпучил глаза, как испуганная лошадь, и я ему улыбнулась.

– Мисс Спидвелл, – резко сказал мистер Паджетт, заставив посмотреть на него, – я хочу, чтобы вы поняли серьезность моего заявления. У Паджетта и Петтифера всегда много работы благодаря нашим связям состоличной полицией и протекции сэра Хьюго. Я не могу этим рисковать. Мы не можем, – сказал он, опять сурово взглянув на партнера.

– Конечно, нет, – тихо сказал мистер Петтифер, не поднимая глаз.

Я с готовностью поднялась.

– Да, я вас понимаю. Но, может быть, из уважения к собрату – любителю бабочек вы хотя бы не будете говорить об этом визите сэру Хьюго? Ведь мы ничего не узнали, – поспешно добавила я, – а значит, вам даже не придется утаивать от него никакую информацию.

Мистер Паджетт, вежливо поднявшийся на ноги вслед за мной, внимательно и оценивающе посмотрел на меня.

– У меня дома обширная коллекция, но самый первый в ней экспонат,

к тому же мой любимый, – траурница – начал выцветать, – сказал он. – Когда-то она была прекраснейшего лилового оттенка, как у весенних фиалок. Но ее неправильно смонтировали, и теперь она теряет свой блеск, а без нее у меня остается незавершенной группа лиловых бабочек. Если бы мне удалось его заменить... – Он замолчал, предлагая мне додумать остальное.

– Ах, мистер Паджетт, – сказала я, широко распахнув глаза, – прошу вас, позвольте мне найти для вас новый экземпляр! Я буду только рада помочь такому приятному джентльмену.

– Как я понимаю, средняя цена на них – что-то около трех фунтов, – вежливо сказал он.

Я махнула рукой.

– Нелепо говорить о деньгах с друзьями. Конечно, я сделаю вам такой подарок, – настойчиво сказала я.

Он подошел и пожал мне руку.

– Как это великодушно с вашей стороны, мисс Спидвелл. А люди, с которыми обращаются великодушно, склонны платить той же монетой.

Я слегка улыбнулась.

– Вижу, мы прекрасно понимаем друг друга, мистер Паджетт.

Мы со Стокером направились к двери, на ходу кивнув мистеру Петтиферу. И уже выходили, когда нас догнал мистер Паджетт.

– Мисс Спидвелл, когда вы зайдете занести мне траурницу, может быть, будете так любезны оставить своего сторожевого пса дома? – сказал он, кинув на Стокера взгляд, полный откровенной неприязни.

Вместо ответа Стокер щелкнул зубами и захлопнул за нами дверь.

Вернув в магазин костюмы, которые брали напрокат, мы возвратились в Бишопс-Фолли: мне нужно было заняться выполнением данного мистеру Паджетту обещания. После обеда стало не по сезону жарко: лето баловало нас последним теплом, перед тем как распрощаться надолго – и я заметила, что в глубине сада, за разваливающимся стеклянным павильоном и прудом, густо заросшим ряской и листьями кувшинок, в кустах порхает прекрасная траурница. Конечно, я не стала упоминать мистеру Паджетту, что траурницы водятся совсем поблизости. Гроша не стоит тот охотник на бабочек, который готов делиться с другими своими тайными местами.

– Завершить группу лиловых бабочек, – пробормотала я себе под нос. – Никогда не слышала ничего глупее. Подумать только, свести *Nymphalis antiopa* к милой расцветке.

Но все-таки я подумала, что охота на бабочку сможет немного успокоить мои нервы, ведь они уже совершенно расшатались от бесконечных сложностей городской жизни. Я взяла сачок и воткнула несколько минуций (специальных булавок без головок, которыми пользуются лепидоптерологи) в манжеты. Это очень удобный прием, позволяющий хранить все необходимое под рукой. Во время заграничных путешествий это помогало также держать на расстоянии загребушие руки непрошенных ухажеров. Морилку я решила не брать. Достаточно было быстрого укола в торакс, чтобы правильно умертвить насекомое. Стокер вышел вместе со мной, но дошел лишь до пруда.

– Ты останешься здесь? – спросила я, проверяя прочность булавок.

Он сбросил пиджак.

– Ага. А теперь отвернись. Не хочу, чтобы ты заставляла меня заливаться румянцем.

Не успела я повернуться, как он уже стянул с себя рубашку, снял сапоги и замер лишь перед тем, как начать расстегивать пуговицы на брюках.

– Или уходи, или оставайся и помогай, – сказал он, хлопая ресницами, как робкая лань.

– Дурак, – сказала я и быстро отвернулась. Пробираясь сквозь густую листву, я услышала его смех. Потом раздался громкий всплеск: он нырнул в зеленую воду пруда. Я занялась своим делом и прямо направилась к небольшой рожице, где в течение последних месяцев не раз видела порхающие стайки траурниц. Работа будет жаркой, подумала я. Казалось, будто лето, прежде чем полностью сдаться перед холодным очарованием осени, решило устроить последний лихорадочный танец. Мне не раз пришлось вытирать пот с висков, пока я, нагнувшись, высматривала яркое лиловое пятнышко на ветках сливового дерева.

И наконец вот она! Ленивое порхание лиловых крылышек говорило о том, что я нашла добычу. Я подобралась поближе, сжимая сачок натренированной рукой. Я увидела ее среди листьев сливы. Эта красавица только что вылупилась из кокона: крылья влажные и тяжелые, еще немного опущенные вниз из-за капелек воды. Она медленно расправляла их, то открывая, то закрывая, чтобы просушить на теплом воздухе. Это совсем юное создание, подумала я, оно еще не знает всех возможностей своих крыльев, только пытается понять, насколько они сильны. Оно еще не знает, что они умеют делать, как они могут нести его по ветру, мчать далеко над болотами и долинами, живыми изгородами и вересковыми пустошами. Вся Англия могла простираться под этими тонкими крылышками, а их

владелица об этом еще не знала.

Обычно я не ловила только что вылупившихся бабочек, но сейчас случай был очень уж соблазнительный. Легкое движение запястьем – и я уже накинула на нее сачок. Мне показалось, что она слишком удивилась, чтобы сопротивляться, потому что лишь немного забилась и сразу замерла. Я просунула руку в сачок и зажала ее в кулаке. Ее крылья что-то шептали в моей ладони. Боролись? Уступали? Этого я не знала. Я приоткрыла левую ладонь и увидела, как она сидит там сжавшись. Большой и указательный пальцы правой руки сложились в щепотку, и я нашла глазами место, прямо под головой, куда нужно нажать, чтобы избавить ее от долгих мучений.

И тогда она завертелась и в последний раз расправила свои яркие крылья в знак протеста. Впервые на них упало солнце, наполняя теплом и жизнью сосудики толщиной с паутинку. Она показалась мне величественной, идеальным существом, невинным, полным скрытых способностей. Я коснулась пальцем края ее крыла, и она задрожала, а крылья затрепетали почти призывно.

– Лети, – прошептала я, – пока я не передумала.

Будто сомневаясь, она еще несколько раз взмахнула своими удивительными, драгоценными крыльями, затем вдруг резким движением сорвалась с моей ладони, брыкаясь совершенно неизящно, как новорожденный жеребенок. Но вот она уже летела, взбираясь ввысь, падая и снова поднимаясь, и скоро оказалась выше сливы, лишь лапками коснулась в полете верхних листков.

– Ну все, хватит, – сказала я себе, сглатывая комок в горле. – В науке нет места чувствам.

Совершенно расстроенная, я вернулась к пруду и увидела, что Стокер подплывает к одному из берегов, несомненно, успев уже несколько раз проплыть туда-обратно. Когда он делал гребок, его плечи высывались из воды, а потом сильные руки толкали его вперед одним мощным рывком. Я села на берегу прямо на траву, сняла ботинки и чулки и опустила пальцы в зеленую воду. Она была бодряще прохладной и пахла ряской и водяными гиацинтами. Стокер развернулся и поплыл на спине, его волосы, темные и гладкие, напоминали в воде шкуру тюленя. Увидев меня, он улыбнулся, протянул руку, набрал побольше ряски и прикрыл ею себе бедра.

– Пришла поглазеть на невинного юношу во время купания? Всякий стыд потеряла, Вероника, – весело сказал он.

– Я расстроена. Правда ужасно расстроена, – сказала я ему.

– Это меня задевает. Неужели я представляю такое печальное зрелище?

– Расстроена не из-за тебя, – огрызнулась я. – И не напрашивайся на комплименты, ты выше этого. Я нашла эту красавицу.

– Меня давно уже так не называли, но в общем я не против.

– Бабочку, дурак.

– Молодец, – сказал он, лениво двигая в воде руками; расходившиеся от него волны лизали мне ноги.

– У меня ее уже нет. Я ее отпустила, потому что не смогла заставить себя ее убить, – сказала я ему.

– И это тебя расстраивает? – Он закрыл глаза и подставил тело под теплые солнечные лучи. Ряска сползла набок, но я не стала ему на это указывать.

– Я ученый, – напомнила я ему. – Разве бывает такое, чтобы профессиональный лепидоптеролог не мог заставить себя убить бабочку? – спросила я с некоторым отвращением. – С тем же успехом я могла бы стать вегетарианцем и начать есть бобы и ореховые котлетки, – мрачно добавила я.

Он улыбнулся, не открывая глаз.

– Ты обещала мистеру Паджетту экземпляр. Что будешь делать?

– Да у лорда Розморрана в коллекции их несколько десятков. У нас нет места для всех, нам нужно лишь по несколько пар каждого вида, мужских и женских особей. Я выберу какой-нибудь симпатичный экземпляр и отправлю его мистеру Паджетту. А его светлости возьму стоимость из своего жалованья.

Стокер пожал плечом, и к моим ногам опять побежали волны. На этот раз вода достала до голеней, и по ногам разлилась приятная прохлада.

– Кажется, ты придумала неплохое решение проблемы. Избавишься от лишнего экземпляра в коллекции его светлости и сумеешь выполнить обещание. Почему ты так сердишься?

– А вдруг я растеряла всю свою решимость? – тихо спросила я.

Он приоткрыл один глаз.

– Что-то непохоже. Решимости в тебе хоть отбавляй.

Я хлопнула рукой по воде, и брызги полетели прямо ему в лицо.

– Я серьезно. Вдруг я сейчас начну думать о них как о живых существах, наделенных чувствами, и больше не смогу заставить себя смотреть на них как на образцы для исследований?

Он поднял голову.

– Я больше не охочусь. Это изменило меня как ученого.

– Как это не охотишься? Конечно, охотишься. Его светлость рассчитывал, что ты будешь добывать для него образцы во время нашей

тихоокеанской экспедиции.

– А я бы придумал, как этого избежать, – сказал он. – Предпочитаю изучать животных, сохранять их.

– Но ты не можешь ничего изучать, если прежде не добудешь себе объекты для изучения в дикой природе, – возразила я.

– Всегда бывают животные, для которых смерть – лишь избавление, – заметил он. – Старые, больные или те, которые начали нападать на человека. К тому же его светлость такой забывчивый, я запросто могу сказать ему, что кого-то подстрелил, он все равно забудет об этом, не дойдя до дома.

– Это жестоко.

– Это практично, – возразил он.

Я осмотрела его с головы до пят, внимательно изучив все, за исключением той части тела, которую все еще скрывала ряска, хоть уже и не идеально. На его теле все еще были видны шрамы, полученные в последней экспедиции, и я задумалась, это ли так его изменило. Я указала на тонкую белую линию, пересекавшую его лицо от брови до подбородка.

– Ты тогда перестал? Поэтому?

Он сделал глубокий вдох и опустил голову под воду. Провел там почти две минуты и наконец вынырнул с громким всплеском, шумно выпустил воду и поднялся как величественный сын Посейдона.

– Ну хорошо, да, – признал он. – Мне не очень-то хотелось расправляться с тем ягуаром, хоть он и собирался разорвать меня на куски. Одно дело – метить в животное с большого расстояния. Тогда не чувствуешь такой с ним связи. А это оказалось для меня слишком лично. С тех пор я не убил ни одного зверя и сомневаюсь, что смог бы, во всяком случае, не здорового и полного энергии, такого, у которого еще вся жизнь впереди.

Я вспомнила, как дрожали у меня на ладони влажные крылья, и прекрасно поняла, о чем он говорит.

– Нужно выбраться из города, – сказала я наконец. – Мне необходимо приключение.

Он уставился на меня с открытым от изумления ртом.

– Вероника, мы отслеживаем убийцу. Какое еще приключение тебе нужно?

– Не могу точно сказать, – с досадой ответила я. – Знаю только, что начинаю костенеть. Одним прекрасным утром я не приду работать, ты пойдешь меня искать и обнаружишь, что я полностью окаменела.

– Ты просто раздражена оттого, что хотела швырнуть разгадку этого

убийства в лицо Луизе, но пока не смогла этого сделать. Боишься, что Майлза Рамсфорта повесят, и тебя волнует не то, что восторжествует несправедливость, а то, что в таком случае ты проиграешь.

– Как это низко – говорить мне такие вещи, – сказала я, собирая свои чулки и ботинки. – Думаешь, что ты чертовски умен, но знаешь, это совсем не так. Ведь ты не можешь даже уследить за своей ряской. Честно говоря, она уже давно уплыла.

Стокер чертыхался всю обратную дорогу до Бельведера.

Глава 21

К вечеру мы перестали ссориться или, по крайней мере, решили больше не обсуждать этот вопрос. Всю оставшуюся часть дня занимались работой и прервались только раз: поужинать рыбой с картошкой из ближайшего заведения. Потом уселись в нашем укромном уголке, чтобы выпить и покурить в миролюбивой тишине. Мы не стали зажигать свет в Бельведере; комната освещалась лишь небольшим огнем в камине да дрожащими огоньками на кончиках наших сигарилл. Лицо Стокера было погружено во тьму, мне был виден лишь четко очерченный профиль. Он повернулся ко мне правым боком так, что не было ни шрамов, ни глазной повязки, лишь прекрасные черты, которыми одарила его природа.

– Озимандия, – пробормотала я.

– Что это?

– Просто думаю об одном стихотворении, – сказала я ему, припомнив бессмертные строки Шелли. И правда, «обломок статуи распавшейся»[18], подумала я.

Он задумчиво затянулся сигариллой.

– Вероятно, у нас есть еще один путь в расследовании, – протянул он. – И мы можем им заняться сегодня ночью – будет немного приключений для твоей беспокойной души, – добавил он с усмешкой.

– Что за путь? – Я в нетерпении наклонилась к нему.

Он покрутил стакан в длинных пальцах, глядя на золотые искры в янтарной жидкости.

– Мистер Петтифер.

Я вспомнила застенчивого тщедушного человечка, который сегодня днем не сказал нам и двух слов, и рассмеялась.

– Как тебе пришло в голову, что он может быть нам полезен?

Он испустил вздох глубочайшего удовлетворения.

– Потому что я знаю один его грязный секрет, о котором неизвестно его партнеру.

Он повернулся и посмотрел на меня своими сапфировыми глазами.

– Помнишь лакричную конфету из его письменного стола, которую я решил попробовать?

– И сплюнул в носовой платок? Да.

– Это была не лакрица, а опиум.

– Опиум! А откуда ты... Ну, неважно, – быстро сказала я, выставив

вперед руку. – Иногда я забываю, что у тебя грехов не меньше, чем у меня.

– Может быть, у меня они даже разнообразнее, – добавил он, ухмыльнувшись. – Очевидно, что это был опиум, более того, опиум, приготовленный вполне определенным образом, – такой бывает только в одном месте в Лондоне, насколько я знаю.

– Стокер, ты меня удивляешь. Когда мы только познакомились, ты говорил мне, что курил опиум лишь однажды, и при этом можешь распознать конкретный способ приготовления, встречающийся в единственном месте одного из самых больших городов мира.

Он пожал плечами.

– У меня особый талант к кутежу. Вот почему я постарался с ним покончить. Какой интерес грешить, если у тебя к этому талант?

Я подняла стакан.

– Давай выпьем за это. И где же находится этот притон: в доках на юге, или в Ист-Энде?

– Вообще-то, нет. Он расположен в Блумсбери, и им заправляет очень милый пожилой учитель из Манчестера.

– Манчестер? Значит, никакой восточной экзотики, – расстроилась я. В последнем приключении Аркадии Браун, леди-детектива, упоминался опиумный притон низшей пробы, где-то в публичном доме в Саутуарке, месте полного упадка и увядания, где самые жалкие представители человечества вращались в бедности и разврате. Я мечтала своими глазами увидеть подобное заведение, но район Блумсбери и манчестерский школьный учитель вряд ли смогут удовлетворить мое желание взглянуть на приятный упадок. Но все-таки это тоже было приключение, и я встала и затушила сигариллу.

– Ты куда? – спросил Стокер.

Я указала ему на свое скромное черное шелковое платье.

– Не могу же я пойти туда в таком виде, – сказала я ему. – Мне нужна маскировка.

– Боже, дай мне сил, – сказал он, но я заметила, что он улыбается.

На подготовку мне потребовалось около получаса. Я решила, что Стокер немного преувеличил светский характер опиумного клуба, а потому оделась подходящим образом для такого развратного места; во всяком случае, я на это надеялась. В коллекции лорда Розморрана нашелся мужской китайский халат, а в моем гардеробе – узкие брюки. Обычно я надевала их под мое экспедиционное платье, но они прекрасно смотрелись

и с этим халатом. Пару восточных туфель (они лишь немного были мне велики) я набила газетой, а волосы распустила и расчесала так, что они стали прямыми и блестящими. Тогда я собрала их в один толстый хвост, спускавшийся по спине, а на голову надела небольшую шелковую шапочку неопределенного происхождения. Аккуратно нанесла немного сажи на скулы и виски, чтобы лицо приобрело более мужские черты, и, приладив последний штрих, улыбнулась себе в зеркале.

Но Стокер не был так доволен моим внешним видом, как я сама.

– Ради всего святого, Вероника, где ты взяла эти чертовы усы? Снимай скорей.

– Но они придают завершенность моему облику, – возразила я. – Я нашла их в коробке с аксессуарами для маскарада в Бельведере, и мне уже давно не терпелось их примерить.

Не говоря ни слова, он протянул руку, оторвал их и засунул эти длинные черные волосы из конской гривы себе в карман.

– Ты ханжа, – пробормотала я. – Это же настоящее произведение искусства.

– Они ужасно глупые, – огрызнулся он. – Ты же не хочешь, чтобы нас там убили?

– Ага! – воскликнула я. – Значит, этот опиумный притон – все-таки правда опасное и загадочное место!

Он закатил глаза и подавил вздох.

– Ну давай уже пойдем.

Еще с тех пор, как мы со Стокером впервые оказались втянуты в таинственные приключения, у нас выработалась привычка ходить по Лондону в основном с наступлением темноты. В это время он сильно отличался от той шумной, деловой столицы, каким был в дневные часы. Когда ночь набрасывала на город свое чернильное покрывало, обитатели теней вступали в свои права, и лунный свет начинал свою работу. Приличное общество держалось улиц, ярко освещенных газом или даже электрическими фонарями. Их театры и бальные залы сияли и сверкали, и они сами, как мотыльки, тянулись к этому свету. Но в остальной части города бурлила настоящая жизнь. Любовники, боявшиеся, что их увидят при дневном свете, теперь обменивались объятиями под шуршащим лиственным покровом парка. Проститутки и воры занимались своими делами в тенистых аллеях, шарманщики крутили ручки своих шарманок, наигрывая мелодии в ожидании случайных монет, а пьяницы шумно вываливались из пабов на каждом углу. Пары ссорились, дети плакали, а герцогини проплывали мимо них в обитых плюшем каретах. Потрясающая

мешанина, жизнь разных людей, кишаших будто под микроскопом, и за время этих ночных вылазок я научилась любить город, который считала теперь своим домом.

Этой ночью мы довольно спокойно прошли по районам Мэрилебон и Блумсбери, представляя собой забавную картину: импозантный джентльмен и его китайский слуга. Я ничего не сделала со своим лицом, лишь попыталась придать ему больше мужественности, и оставалось надеяться, что мне поможет всеобщая привычка смотреть на слуг как на мебель.

Дом оказался сразу за тихой площадью, в ряду солидных домов на респектабельной улице. Сложно было себе представить менее подходящее место для организации развратного притона.

– А ты уверен... – начала я, когда Стокер поднял бронзовую дверную ручку, чтобы постучать. Он показал ее мне, и я увидела, что это массивный предмет в форме дракона.

– Вполне, – сказал он, усмехнувшись.

Не успел он даже отпустить ручку, как дверь перед нами распахнулась, и слуга с подчеркнуто безразличным видом пригласил нас в небольшую переднюю. С разочарованием я подумала, что этот дом ничем не отличается от любого другого лондонского особняка. В нем не было никаких экзотических черт, по которым можно было бы заключить, что здесь творится что-то незаконное. В комнате не было почти ничего, кроме мягкой мебели с набивкой из конского волоса и салфетками на спинках да одной книжной полки. Еще я заметила отвратительную тарелку с надписью «сувенир из Маргита».

Мы не прождали и минуты, как открылась другая дверь и из нее вышел благообразный джентльмен с густыми белыми бакенбардами. При виде его я слегка повеселела, потому что у него на ногах были ковриковые туфли диковинного вида, а на голове, гладкой как яйцо, – изящная курительная шапочка оранжевого шелка.

– Дорогие друзья, добро пожаловать! – сказал он, подходя к нам с распростертыми объятиями, и внимательно посмотрел на Стокера. – По правилам я прошу рекомендательное письмо от друга, но вас я прекрасно помню, сэр, и рад вам. – Он изобразил поклон и помахал руками: – Так же как и вашему спутнику.

Он наклонился к Стокеру и чуть понизил голос.

– Мне несвойственно осуждать вкусы джентльмена, какими бы они ни были, но, думаю, вы меня поймете, сэр: вряд ли я смогу предоставить вам достаточно уединения для... вашей деятельности, – сказал он

вопросительно и многозначительно повел бровями.

Если Стокера и удивили его предположения, то он не подал виду, а лишь вежливо улыбнулся.

– Все, что мне нужно, – это выкурить трубку да повидаться со знакомым, который, вероятно, сейчас здесь.

Затем произошел какой-то фокус. Стокер протянул руку учителю, а тот ее пожал. Но когда он убирал руку в карман, я успела заметить краешек банкноты и поняла, что Стокер только что щедро, но очень деликатно ему заплатил.

– Как зовут человека, которого вы ищете? – спросил учитель.

– Петтифер, – с готовностью ответил Стокер.

– Да, конечно. Он только что пришел. Вы как раз вовремя, сэр. Я сам вас провожу.

Он повел нас к двери, через которую вошел сам, и мы оказались в гостиной с низкими столиками, где, беседуя, сидели компании с чаем и короткими трубками. Но там мы не остановились. Учитель пошел к лестнице в дальней части комнаты, и, когда мы поднялись на второй этаж, я поняла, что весь он отведен как раз для любителей курить опиум. Когда-то здесь был ряд просторных комнат, но теперь все стены снесли, и образовалось большое открытое пространство с маленькими занавешенными нишами, создававшими некое подобие приватности. В воздухе висел густой фруктовый аромат опиума и дыма, пахнущего заброшенным фруктовым садом и гумном после сильного дождя. Учитель, проходя, считал про себя ниши и остановился перед одной из них, задернутой зеленым шелком с пышным орнаментом с драконами.

– Мы пришли, – с поклоном сказал он и испарился, предоставив нам сообщить о себе самим. С удивительной деликатностью Стокер сперва тихо кашлянул, а затем осторожно отодвинул занавеску. Не знаю, что он ожидал там увидеть, но мистер Петтифер оказался прилично одетым: снял лишь пиджак, воротничок ровно сидел на своем месте, манжеты были чистые. Он наклонился к трубке и, что-то бормоча себе под нос, безуспешно пытался разжечь ее.

Когда свет из общей комнаты проник к нему в полумрак алькова, мистер Петтифер поднял голову, а затем поднес руку к глазам.

– Простите, кто это? Я вас не вижу.

Стокер сделал шаг вперед, я последовала за ним и опустила за собой штору. Ниша была обставлена длинными низкими диванами из зеленого атласа, стоявшими вокруг столика типа тех, что мы видели внизу: черный лакированный со всеми необходимыми принадлежностями, с миской с

фруктами и чайным сервизом. На стенах висели две тусклые лампы, и завершали обстановку несколько милых фотографий китайских пейзажей.

Пока я осматривалась, Стокер поздоровался с мистером Петтифером.

– Темплтон-Вейн. Мы виделись сегодня в вашей покойнической в присутствии мистера Паджетта. А это, несмотря на мужской облик, мисс Спидвелл.

Бедняга так резко побледнел, что я испугалась, как бы он сразу не лишился чувств, но он быстро пришел в себя, хотя продолжал открывать и закрывать рот, будто задыхаясь.

– Стокер, не нужно нависать над людьми: это раздражает, – сказала я ему и указала на гору подушек на диване. – Вы позволите, мистер Петтифер? Думаю, нам всем будет лучше, если мы устроимся поудобнее.

Не дожидаясь ответа, я взяла две самые большие подушки и положила их на пол у стола. Мы со Стокером уселись по-турецки, удобно скрестив ноги, а мистер Петтифер продолжал молча смотреть на нас. В какой-то момент его взгляд скользнул к занавескам, но Стокер покачал головой.

– Прошу вас не поднимать паники. Я не собирался драться, но если вы меня вынудите, обещаю, что не упущу такой возможности, – сказал он, и его ленивый доброжелательный тон прозвучал гораздо страшнее любых угроз.

Мистер Петтифер напряженно сглотнул и вновь попытался разжечь трубку, но у него сильно дрожали руки. Трубка выпала, и содержимое рассыпалось по столу. Стокер протянул к нему руку, но мистер Петтифер отшатнулся так, будто боялся обжечься.

– Тише, старина, – миролюбиво сказал Стокер. – Я только собирался зажечь вам трубку. Думаю, пара затяжек пойдет вам на пользу. – Он достал все необходимые приспособления и принялся за работу. Через минуту у него уже была готова прекрасная трубка для мистера Петтифера, и он протянул ее с улыбкой. Тот набросился на нее, как голодающий – на хлеб, и начал так глубоко затягиваться, что я испугалась, как бы у него глаза не выскочили из орбит.

Но результат стал замечен почти сразу. Он расслабился, подобрел, волнение улеглось, и он даже сумел заговорить.

– Вы ведь им не расскажете, в похоронном агентстве? – спросил он, пристально глядя на Стокера.

Стокер пожал плечами.

– А нужно рассказывать? Вы приступаете к работе под действием этого вещества?

На лице мистера Петтифера отразилось искреннее возмущение.

– Никогда! Но моя профессия не всегда дается мне легко. И тогда трубка – единственное, что может меня успокоить.

– А эффект от нее совершенно такой же, как от настойки лауданума[19], которую любой аптекарь пропишет жене зажиточного торговца, – заметил Стокер.

– Вот именно, – сказал мистер Петтифер, затянувшись с видимым удовольствием. – Зачем вы пришли?

Стокер тем временем приготовил еще две трубки и торжественно протянул одну из них мне. Мистер Петтифер к тому моменту снова пришел в нетерпение, и я поняла: Стокер специально тянет время, чтобы подогреть в нем страх, а накачать меня наркотиками – вовсе не основная его задача. Но все же с волками жить... – подумала я и вдохнула полные легкие едкого дыма. Задержала дыхание, медленно досчитала до десяти на мандаринском и выпустила воздух через ноздри.

Стокер тоже сделал затяжку и взглянул на меня. По дороге мы разработали план. Зная, что в официальном отчете не хватает какой-то информации, мы заключили: единственная возможность вытянуть эти сведения – расспросить застенчивого гробовщика и с таким заданием лучше справится женщина. Памятуя об этом, я повернулась к мистеру Петтиферу.

– Как вы, наверное, и сами догадались, мы пришли поговорить о смерти Мод Эресби, художницы, известной под именем Артемизия.

Его рука уже не дрожала, и на какой-то миг показалось, будто даже дым не хочет двигаться. Но вот он снова начал клубиться и поднялся у нас над головами, а мистер Петтифер медленно кивнул, и я заметила, что кончик носа у него совершенно белый и слегка приплюснутый.

– Понятно. А если я ничего вам не скажу, то вы доложите в похоронное агентство о моих сегодняшних занятиях. Такая у вас игра?

– Никакой игры, мистер Петтифер. Только честная сделка. Нам нужна информация, которой вы располагаете. Если будете так добры поделиться ею с нами, мы оставим вас в покое и пойдем своим путем.

– А если нет? – спросил он, затем быстро взглянул на Стокера, прикидывая, насколько тот выше и шире в плечах, и покачал головой. – Ну да неважно. Не хочу этого знать.

Он опять затянулся, довольно долго подержал дым во рту, потом выдохнул целое облако, наполнившее альков сладковато-гнилостным запахом. Стокер курил более расслабленно, медленно и ритмично вдыхал и выдыхал дым, так что тот все время клубился у него над головой, а я пускала тонкие серые струйки прямо в мистера Петтифера, как бы

опутывая его.

Он начал говорить.

– Я ассистировал мистеру Паджетту, когда мисс Эресби прибыла в наше похоронное бюро. Он отправил меня с каким-то поручением, а сам стал говорить с человеком из Скотланд-Ярда, но мне удалось кое-что услышать из их разговора.

– Как выглядел этот мужчина из Скотланд-Ярда? – спросила я, вдруг почувствовав, как тяжело двигается мой язык, и ощутила некую уверенность в том, что сегодня мы непременно узнаем что-то очень важное.

Он закрыл глаза и описал детектива, вплоть до светло-карих глаз и беспечной манеры общения.

– Морнадей, – тихо сказала я Стокеру. Он кивнул, но ничего не ответил.

Мистер Петтифер снова открыл глаза.

– А что они обсуждали с мистером Паджеттом? – спросила я.

– Была одна деталь в связи с этой смертью, которую не упомянули в полицейских отчетах, – с готовностью ответил он. Когда он попытался продолжить, его голос сорвался, и он снова вцепился в свою трубку. Непонятно было, насколько это ему помогает. Стокер становился все более расслабленным, я же пока не чувствовала на себе совершенно никакого действия, а мистер Петтифер до сих пор был напряжен как струна. Он достал платок и промокнул им лоб.

– Мы знаем, что в ее смерти было что-то необычное, – сказал ему Стокер. Мистер Петтифер сразу немного расслабился. Очевидно, ему было приятно, что мы не вытаскиваем из него подробности насильно. Для гробовщика он излишне болезненно реагировал на разговоры о смерти.

– Вы скажете нам, что именно было необычного? – мягко спросила я.

Мистер Петтифер медленно кивнул, продолжая курить.

Я взглянула на Стокера. Он сжал губы и выпускал из носа огромные клубы дыма, почти как дракон. Я посмотрела на него сердито, чтобы он не задавался, и уголки его рта дрогнули: похоже, он пытался подавить улыбку. Я постаралась лучше раскурить свою трубку, подозревая, что с ней что-то не так, потому что я по-прежнему не замечала в себе никаких изменений, кроме разве что вялости, которую можно было списать на поздний час.

Мистер Петтифер заговорил отсутствующим голосом.

– Ее одурманили, – сказал он наконец.

– Одурманили? – Я буквально задрожала от возбуждения.

– Да, каким-то из опиатов, – сказал он, слегка покачиваясь, и я

заметила, что глаза у него уже косят. – Вероятнее всего, настойкой лауданума.

– Но зачем? – спросила я. Он вздрогнул, и мне пришлось немного отодвинуться от него и говорить потише. – Зачем нужно было одурманивать ее, если убийца все равно собирался перерезать ей глотку?

– Так проще, – сказал он, и его глаза вдруг начали стекленеть. – Чтобы перерезать горло такой здоровой и крепкой девушке, как эта, нужен сильный, большой мужчина. Но если она была в бессоз... бессоз... – Он снова замолчал и сложил губы будто в беззвучном свисте.

Я опять взглянула на Стокера.

– Женщина? – спросила я одними губами. Я сразу подумала об Оттилии Рамсфорт и мотивах, которые могли скрываться под этой спокойной и нейтральной внешностью. Но она в ту ночь была одета в белый, и на ее платье не было ни капли крови Артемизии. Кто же тогда? Эмма Толбот? Юная Черри?

Я повернулась к мистеру Петтиферу.

– А зачем Скотланд-Ярду утаивать эту информацию?

Он посмотрел на меня пустыми глазами.

– А?

– Скотланд-Ярд, мистер Петтифер, – повторила я более резко. – Они скрыли эту информацию. Вы можете как-то это объяснить?

– Наверху от нас многое скрывают, – сказал он, медленно моргая глазами.

– Мистер Петтифер, вы что, подмигиваете мне?

– Да, да, – гордо ответил он.

– А вы понимаете, что закрываете сейчас оба глаза?

Он моргнул несколько раз подряд.

– Правда? Как любопытно.

Я повернулась к Стокеру, но он лишь пожал плечами.

– Боюсь, что от мистера Петтифера нам больше не будет пользы. Но он нам и не нужен. Совершенно очевидно, почему они решили не предавать эту информацию огласке.

– Чтобы Майлз Рамсфорт не сбежал из петли, – с горечью сказала я. – Они знают: если об этом услышат люди, их приговор сразу подвергнут сомнению, а они скорее отправят Майлза на виселицу, чем выставят на всеобщее обозрение свою паршивую работу.

Стокер покачал головой.

– Сомневаюсь, что они берегут от посторонних глаз именно свою работу, – сказал он мне, прижав губы к моему уху, добавил: – Луиза.

Я перешла на шепот.

– Ты правда так считаешь? Что они позволят повесить Майлза Рамсфорта за преступление, которого он не совершал, просто чтобы предотвратить возможный скандал, касающийся дочери королевы?

– Они делали вещи и похуже в менее страшных ситуациях, – с уверенностью сказал он. – Нет, я не утверждаю, что в Уайтхолле существует некий страшный заговор. Просто говорю, что, когда им представилось удобное решение проблемы, при котором удастся избежать скандала и предотвратить неприятные вопросы, они не преминули за него ухватиться. Вот и все.

– Тогда почему же они позволили принцессе обратиться ко мне? – спросила я.

– Подозреваю, потому, что просто не верили, что ты сможешь зайти так далеко, – сказал он ласковым голосом.

Я отвернулась и сделала затяжку, чувствуя, как на меня накатывает волна холодной ярости. Я курила до тех пор, пока трубка не опустела, наполняя себя запахами цветов, пороха и потной лошади, а закончив, достала из футляра визитную карточку и сунула ее мистеру Петтиферу в карман.

– Если что-нибудь еще вспомните, – жестко сказала я. Он вяло махнул рукой, и мы со Стокером направились к выходу, остановившись только для того, чтобы заплатить за свои трубки и трубку мистера Петтифера.

– Самое меньшее, что можем для него сделать, после того как запугали беднягу до смерти, – великодушно сказал Стокер, повернулся ко мне и сразу же нахмурился.

– Вероника, с тобой все в порядке? Тебя качает.

– Не качает, – ответила я ему. – Я стою совершенно спокойно. – Я сама не двигалась, это стены вдруг начали вращаться, странно, волнообразно покачиваясь.

– Ты пьяна, – сказал он.

– Ничего подобного. Вообще-то, никогда в жизни не чувствовала себя так хорошо, – сказала я и развела руки в стороны, желая обнять весь мир.

– Черт побери, только этого мне не хватало, – пробормотал он. Он остановился и без всяких усилий закинул меня себе на плечо так, что моя голова свесилась у него за спиной, и я смогла вволю налюбоваться его арьергардом.

– Не ерзай, – велел он. – Я вынесу тебя на улицу и посажу в кэб через несколько минут. Постарайся не устроить из этого сцены.

Когда он двинулся с места, на меня накатил приступ смеха.

– Стокер, я когда-нибудь делала комплименты твоим задним частям? У тебя исключительно милая попка.

– Вероника. – Мне не было видно его лица, но могла поручиться, что он процедил это сквозь стиснутые зубы.

– Но это чистая правда, – сказала я, вытянула руку и схватила его за обсуждаемую часть тела.

– Ради всего святого! – сказал он и попытался закинуть вторую руку назад и ударить меня по пальцам. – Прекрати!

– Но она такая милая и упругая, – возмутилась я.

– Вероника, если не уберешь от меня руки... – начал он.

– Что? – спросила я. – Что ты тогда сделаешь?

Он не ответил, и я дотянулась еще подальше, отчего он взбрыкнул, как пугливая лошадка.

– Если еще раз так сделаешь, я сброшу тебя в ближайшую кучу угля, – пообещал он. – А теперь убери руку у меня из-под ног, – приказал он и пинком открыл входную дверь.

И тут он остановился так резко, что моя голова стукнулась о низ его спины и откинулась в сторону. Я инстинктивно схватилась за него покрепче, отчего он снова подпрыгнул и ударил меня по рукам.

– Добрый вечер, мистер Темплтон-Вейн, – сказал знакомый голос. – Предполагаю, что через ваше плечо перекинута мисс Спидвелл?

– Да-да, – откликнулась я. – Прекрасная дедукция, инспектор Морнадей.

Широко улыбаясь, он наклонился и изогнул голову так, чтобы увидеть, что творится между ног у Стокера.

– Ну-ну, интересное развитие событий, – сказал он мне. – Но, к сожалению, для вас сегодня не самая счастливая ночь. Мы проводим облаву в этом заведении. Вы оба арестованы.

Глава 22

Стокер выругался, а Морнадей продолжал тем же дружелюбным тоном:

– Мистер Темплтон-Вейн, будьте так любезны отпустить мисс Спидвелл, прошу вас. Она будет конвоирована отдельно.

Стокер наклонился и аккуратно поставил меня на ноги, но рукой продолжал придерживать за плечи.

– Мисс Спидвелл сейчас нехорошо, ее нельзя оставлять без присмотра. Морнадей пристально взглянул мне в глаза.

– Кажется, мисс Спидвелл прогулялась по маковому полю, – поправил его Морнадей. – Но, уверяю вас, мы о ней позаботимся. И о вас – тоже, – пообещал он Стокеру.

Стокер вытянул вперед руки и подставил ему запястья.

– Ну хорошо, давайте.

Морнадей с веселым видом защелкнул на нем наручники и отступил, чтобы Стокером занялся один из его подчиненных. Громкий топот и изумленные крики в доме позади нас говорили о том, что коллеги Морнадея из Скотланд-Ярда устроили решительную облаву на остальных завсегдатаев этого опиумного притона.

Я посмотрела на него с презрением.

– Как вы отвратительны, Морнадей. Да если бы не вы, нам вообще не пришлось бы сюда идти.

Он ухмыльнулся.

– Знаю. Мне жаль. Но я не рассчитывал, что весть о вашем визите к мистеру Паджетту и мистеру Петтиферу так быстро достигнет ушей сэра Хьюго. Он сразу заподозрил меня в неосмотрительности, а потому мне пришлось показать, на что я способен, и поймать вас при компрометирующих обстоятельствах.

– Он уже знает о нашем визите в похоронное агентство? – спросила я, пытаюсь уследить за ходом его мысли своим затуманенным сознанием. – Но мистер Паджетт обещал молчать! – Я была вне себя от ярости. А я приложила столько усилий, чтобы добыть для него хороший экземпляр, с горечью подумала я.

– Как же, получит он у меня теперь эту траурницу, – пробормотала я себе под нос.

Морнадей протестующе поднял руку.

– Это был не мистер Паджетт. Это их швейцар. Кажется, он неплохо кормится из кармана сэра Хьюго, но я и сам об этом не знал.

– И теперь сэр Хьюго хочет сделать нам выговор, – предположила я и вытянула вперед руки: – Ну что ж, прекрасно, можете и на меня надевать наручники. Подозреваю, вам это понравится.

Он посмотрел на меня с жалостью и ужасом.

– Мисс Спидвелл! Да я даже помыслить о таком не смею.

– Но Стокера-то вы заковали в кандалы, – напомнила я ему.

Он злорадно улыбнулся.

– Да, правда. Но вы – совсем другое дело. Стокеру не повредит прокатиться в полицейском фургоне. А вы поедете со мной. – Он отступил в сторону и жестом велел мне идти первой.

Я покачала головой.

– Это вряд ли, – медленно сказала я.

Он прищурился.

– Вы отказываетесь выполнять прямой приказ офицера?

– Конечно, нет. Я буду рада поехать с вами, Морнадей. Но, кажется, нижние конечности меня не слушаются.

Я посмотрела на свои ноги. Я прекрасно видела эти конечности, но совершенно никак не могла заставить их двигаться. Пока я смотрела на них, они вдруг начали куда-то ускользать, поплыли далеко по черному туннелю. Где-то снаружи слышался голос Морнадея, но в его словах не было никакого смысла, а я вдруг полетела, начала парить на черных мягких крыльях, которые обнимали и укутывали меня до тех пор, пока вокруг не наступила полная тишина.

Я пришла в себя на диване в кабинете сэра Хьюго, голова была очень тяжелой и будто набита ватой.

– Как ты себя чувствуешь? – спросил Стокер, напряженно всматриваясь в мои зрачки. Я не знала, как он сумел освободиться из-под ареста Морнадея, но меня это совершенно не удивило.

– Как вареная сова, – сказала я ему. – И рука болит, вот здесь. – Я указала на место, где было больно.

– Прости, – сказал Стокер и прижал к моей руке один из своих огромных красных носовых платков. – Подержи.

Я послушалась, с интересом глядя, как он откладывает в сторону шприц и пузырек.

– Что ты мне вколол?

– Слабый раствор кокаина. Ты была без сознания гораздо дольше, чем нам того хотелось бы, в таких ситуациях показаны стимулирующие вещества. – Он немного отодвинулся, и я увидела, что сэр Хьюго сидит у себя за столом, а Морнадей стоит спиной к двери. Они пристально на меня смотрели, и я широко им улыбнулась.

– Добрый вечер, джентльмены. Если вам не хватало женской компании, то вы придумали немного странный способ ее себе обеспечить. Но, во всяком случае, с вами не соскучишься.

Сэр Хьюго хлопнул рукой по столу так, что перо подпрыгнуло в чернильнице.

– Мисс Спидвелл, я рад, что вы в сознании, потому что сейчас вы должны выслушать все, что я собираюсь сказать...

Я осторожно села с помощью Стокера.

– Голова кружится? – спросил он.

– Немного, но, кажется, сейчас пройдет, – сказала я ему. – Твой кокаин действует очень хорошо.

– Он не мой. Его любезно предоставили мне из запасов столичной полиции. Смотри не вздумай пользоваться им часто, – предупредил он, – но для таких случаев, как этот, считаю...

Сэр Хьюго снова стукнул ладонью по столу.

– Давайте вернемся к нашей главной теме.

Стокер вздохнул и махнул рукой.

– Вы пыхтите, как каша в горшочке, сэр Хьюго, – заметила я. – Мы знаем, что вы хотите нам сказать, и нам совершенно не интересно это слушать.

Морнадей открыл рот от изумления, а сэра Хьюго, казалось, вот-вот хватит удар. Я встала на ноги и двинулась вперед, медленно и осторожно, проверяя, могу ли уже удержать равновесие; так я добралась до стола. Сэр Хьюго в гневе всегда представлял собой забавное зрелище. Очевидно, когда-то он был красивым мужчиной и до сих пор оставался приятным: привыкший повелевать, с решительным подбородком, соседствующим с парой изящно сложенных губ, которые он пытался скрыть под усами, дрожавшими всякий раз, как он злился. Мне хотелось протянуть руку и дернуть их за кончики, но я знала, что такой шаг – это слишком даже для меня.

Я терпеливо улыбнулась.

– Конечно, вы злитесь, сэр Хьюго, но должна заметить, у меня не меньше поводов злиться сейчас на вас, – сказал я ему.

Он не повышал голоса, но чувствовалось, что его прямо-таки трясет от

ярости.

– Вы обещали не заниматься расследованием.

– Ну конечно, обещала, – ласково сказала я. – В противном случае вы меня отсюда просто не выпустили бы. Но я и не думала соблюдать обещание, а вам не следовало вытягивать его из меня под давлением.

С минуту он еще смотрел на меня сурово, краска прилила к лицу, глаза сверкали неподдельным гневом. А потом вдруг злость куда-то ушла, плечи расслабились, и линия рта стала мягче.

– Вы правы, – просто сказал он, вздевая руки к небу. – Я и сам должен был догадаться. Сказать вам, чтобы вы держались подальше от этого дела, было примерно то же самое, что махать красной тряпкой перед носом у быка, так ведь?

– Нет, не так. – Я повернулась к двум мужчинам, которые следили за нами молча, с открытыми ртами. – Джентльмены, оставьте нас, пожалуйста, наедине с сэром Хьюго.

Я явственно ощутила, как Стокер внутренне запротестовал, но все же указал подбородком на Морнадея.

– Я выйду, если он пойдет со мной. Нам не мешает поговорить с инспектором с глазу на глаз: нужно обсудить условия содержания арестованных в полицейских фургонах, – сказал он с ноткой угрозы в голосе.

В глазах у Морнадея явственно читался страх, но он все-таки широко улыбнулся.

– Я бы и сам с превеликим удовольствием, но, боюсь, меня сейчас ждет кипа бумажной работы. – Он выскочил из комнаты, оставив дверь за собой открытой.

Уже взявшись за ручку двери, Стокер на минуту остановился.

– Я буду здесь, рядом, – сказал он, и я не поняла, была ли это угроза сэру Хьюго или слова поддержки мне.

Когда дверь закрылась, я вновь повернулась к сэру Хьюго и заговорила как можно мягче.

– Сэр Хьюго, прошу вас, поверьте, у меня и в мыслях не было оскорбить вас или хоть в малейшей степени осложнить вам жизнь.

Он склонил голову набок и внимательно посмотрел на меня.

– Пожалуй, это первые искренние слова, которые я от вас услышал.

– Мы не враги, – настаивала я. – Знаю, вы можете мне не доверять, но, может быть, готовы хотя бы сомневаться?

– Хорошо, – сказал он таким голосом, которого я еще не слышала. – Ответьте, почему вы ввязались в это дело? Не может быть, чтобы вами

двигало чистое любопытство.

Я тоже внимательно посмотрела на него, заметив морщинки в уголках глаз, серебряные пряди в волосах, появившиеся от многолетней огромной ответственности. Она давила на него всей своей тяжестью, и я вдруг осознала, что сэр Хьюго Монтгомери – человек самого благородного происхождения из всех моих знакомых, конечно, за исключением Стокера.

Самое меньшее, что я могла для него сделать, – это сказать ему правду.

– Я хотела хоть в чем-то добиться успеха, произвести на них впечатление.

Мне не нужно было ничего уточнять. Он прекрасно знал, кого я имею в виду. Его голубые глаза вдруг засветились добротой, когда он посмотрел на меня.

– Вы же знаете, что это ничего не изменит, – сказал он довольно ласково. – Даже если вы разоблачите тысячу преступников, их это не тронет. На них никто и ничто не может произвести впечатление.

– Я осознаю, – сказала я, стараясь говорить ровно, – глупая причина, и я должна быть выше этого, и пусть это убедит вас в моей искренности. Если бы я хотела вас обмануть, то придумала бы что-нибудь получше.

На последних словах мой голос зазвучал неожиданно тихо, и я закашлялась, прочищая горло.

Сэр Хьюго в порыве чувствительности, которой я от него не ожидала, отвел глаза в сторону. Минуту спустя он повернулся обратно.

– Она обещала познакомить вас с отцом? – спросил он.

– Обещала. Но не волнуйтесь, – быстро добавила я. – Знаю, что этого не случится: такое просто невозможно.

– Да, – согласился он, – невозможно.

Он надолго закрыл глаза, а потом наконец открыл со вздохом, признавая свое поражение.

– Ну хорошо.

Я даже вздрогнула.

– Как это «ну хорошо»?

– Это значит: продолжайте – но с некоторыми ограничениями, – сказал он, и в его голосе вновь послышались нотки закаленного металла. – Вы будете докладывать мне обо всем, заслуживающем внимания, и не иницилируете никакого общения с ее высочеством. Если ей захочется узнать о чем-то, что вы обнаружили, я сам буду ей об этом сообщать. Я, конечно, не верю, что вы станете говорить мне всю правду, – добавил он с некоторой горечью.

– Я согласна, – с готовностью ответила я. – Мне нужно в этом

поклониться?

К его чести, на это он лишь улыбнулся.

– Мы оба знаем, чего стоят ваши обещания.

– Клятвы, данные под давлением, – лишь ложные обещания. А это я даю вам по своей воле. Буду делиться с вами всем, что мы обнаружим важного.

Я протянула руку, и он ее пожал. Когда я уже собиралась убрать ее, он удержал мою руку в своей, мягко потянув меня к себе, так, что я нагнулась над его столом. Он подался вперед, и его лицо оказалось прямо передо мной.

– Не забывайте, мисс Спидвелл, что я должен вам выговор. В этот раз вы меня обошли, но я веду счет.

Сказав это, он резко отпустил меня, и я потеряла равновесие. И он имел на это полное право, подумала я, выходя из его кабинета.

Любезность столичной полиции не распространялась на то, чтобы доставить нас до дома. Выходя, мы прошли мимо Морнадея, и ему хватило благородства выглядеть слегка смущенным. Я вздернула подбородок и проследовала мимо него, даже не взглянув в его сторону, но успела заметить, как Стокер послал ему красноречиво неприличный жест.

– Ты научился этому на флоте ее величества? – спросила я, когда мы оказались на улице.

– Помимо прочего.

Он взял дело в свои руки, загрузил меня в экипаж и назвал извозчику адрес Бишопс-Фолли. Я была этому рада. После беседы с сэром Хьюго я почему-то чувствовала себя не в своей тарелке, но, может быть, виной тому была сильная смесь опиума с кокаином.

– Как долго я дремала в объятиях Морфея? – спросила я Стокера с гораздо большей самоуверенностью, чем ощущала в действительности. Я облокотилась на него, уютно уткнувшись щекой в его плечо.

– Гораздо дольше, чем всем нам хотелось бы, – сухо ответил он. – Сэр Хьюго уже собирался послать за полицейским хирургом, но я сказал ему, что прекрасно и сам могу привести тебя в сознание.

– Удивительно, что он согласился.

Стокер пожал плечами.

– Он предупредил, что снова арестует меня, если я тебя отравлю, но я сказал ему, что этого не случится никогда.

На его губах заиграла улыбка, и мне захотелось ткнуть его как следует,

но я поняла, что это чересчур сложно. Я зевнула так, что в челюсти что-то хрустнуло.

Мы ехали в пятнах огоньков, кружившихся за окнами кэба, отсветы фонарей тянулись, и мелькали, и летели мимо нас. Мы будто двигались внутри калейдоскопа, и узоры в нем постоянно менялись.

– Щелк, щелк, щелк, – сказала я, каждый раз щелкая пальцами.

– Ты о чем? – услышала я голос Стокера, но его лицо было скрыто во мраке экипажа, а мой взгляд был прикован к симфонии света за нашими окнами.

– Я в калейдоскопе, – сказала я ему, чувствуя, как приятная усталость разливается по моим членам.

– Скоро приедем, – пообещал он, когда мы выехали на Риджент-стрит. Я смотрела, как высокие изящные дома мелькают в окнах будто в волшебном фонаре. Я привалилась к Стокеру, но вскоре кэб прибыл к задним воротам Бишопс-Фолли. Я хотела встать, но ноги меня не слушались, и даже голова откинулась, когда Стокер поднял меня на руки.

Потом я немного пришла в себя, только в тот момент, когда он положил меня в кровать. Я чувствовала, что его руки сжимают мои щиколотки, снимают с меня туфли, а потом стягивают маленькую шелковую шапочку у меня с головы и расплетают мне волосы. Эйфория от выкуренной трубки уже прошла, но, чувствовалось, проникла мне в самые кости, и мне померещилось, что я поднимаюсь, легкая как перышко. Казалось, все поры, все клеточки, все мои нервы были оголены и напряжены, будто чего-то ожидали.

– Действие кокаина заканчивается раньше, чем эффект от опиума, – сказал он мне. – Я мог бы вколоть немного атропина, но лучше всего тебе будет сейчас хорошенько выспаться. Я и сам все еще ощущаю его воздействие. К утру нам обоим станет лучше.

Он повернулся, чтобы уйти, но я ухватила его за рукав и дернула на себя, непроизвольно потянувшись к нему. Я ощутила под руками его крепкие плечи, потом запустила пальцы ему в волосы. Несколько секунд он колебался, всего несколько секунд. А потом его губы коснулись моих, и я услышала, что он бормочет стихи, строки из Китса, которые для меня еще никогда не звучали так прекрасно и настолько опасно. Он пах медом, табаком и желанием, настолько сильным, что я порвала рубашку у него на груди и вонзила в него ногти чуть не до костей. Он крепко обхватил меня, и все его мышцы дрожали, стараясь сдержать какие-то сильные эмоции. Я прижалась губами к его раскрытому рту, ощутила биение его сердца, а по его телу прошла дрожь, и его губы коснулись моего уха, а мои локоны он

намотал себе на руку. Его рот вновь открылся, и из него вылетело слово, в котором было столько отчаяния и страдания, что я откинула голову и пристально посмотрела в глаза, в которых сейчас не было ничего, кроме боли утраты. Он не хотел этого говорить, я поняла это сразу же, как взглянула на него. Но оно было сказано, и одного этого слова хватило, чтобы прогнать окутавший нас морок чувств. Мне показалось, что моя душа вышла из меня наружу, потому что я будто со стороны увидела свое тело – я вздрогнула и громко зарычала, а потом провалилась в пустоту, вновь теряя сознание; мои руки сами разжались и выпустили его волосы. После этого начались уже настоящие видения: мне казалось, что разыгралась буря, уносящая нас друг от друга. Я видела над водой лишь его голову, а меня ужасные волны затягивали в беспросветную черноту.

Я проснулась несколько часов спустя. В моем доме-часовне все еще было темно и страшно холодно; Стокер спал на шезлонге в углу. Он не стал ложиться со мной в одну постель, поняла я, и ощутила сильный укол в сердце. В голове было ясно, опиумный дурман улетучился, как туман при сильном ветре. Я повернулась на бок и стала слушать, как козодой в саду поет жалобную песню.

После наркотика мне казалось, будто все мои кости налиты свинцом, и большинство воспоминаний о событиях этой ночи стерлось из памяти. Я пыталась собрать их воедино, будто неумело сшивая лоскутное одеяло: какие-то обрывки нашего посещения опиумного притона, а затем визита в Скотланд-Ярд. Я приложила палец к губам – они болели; когда позже я поднялась и рассмотрела их в зеркале, увидела, что они покусаны и распухли. Глядя на свое отражение в зеркале, я повторила слово, как стон вырвавшееся ночью у Стокера и сразу обратившее в пепел все, что вспыхнуло между нами.

– Кэролайн.

Глава 23

Проснувшись на следующее утро, я ощутила, что у меня в голове стучит небольшой кузнечный молот. Встала, умылась и неспеша оделась, стараясь двигаться очень осторожно. Я нашла Стокера в Бельведере; он с восхищением смотрел на своих кожеедов, дочиста обглодавших ребра кролика. Он бросил на меня взгляд поверх ящика.

– Выглядишь так, будто твое место – на каталке у Паджетта и Петтифера, – заметил он с раздражающим спокойствием. Но он не врал. Под глазами у меня залегли темные круги, а лицо было неестественно бледным.

– Как мило, что ты это заметил. А ты так разговариваешь со всеми дамами?

Вздохнув, он налил в стакан какой-то мерзкого вида отвар и протянул его мне.

– Держи. Я сварил кое-что, что должно помочь от твоей головной боли.

– Откуда ты знаешь, что у меня болит голова? – спросила я, с подозрением принохиваясь.

– Вероника, у меня хорошее медицинское образование, а также обширный опыт в кутежах. Я прекрасно знаю, что человек, получивший вдобавок к полной трубке опиума еще и шприц кокаина, будет чувствовать себя наутро как в аду. Давай пей.

Он опять оказался прав. Жидкость пахла отвратительно, на вкус оказалась еще хуже, но я сумела выпить даже мутный осадок и почувствовала себя немного лучше, по крайней мере, чуть бодрее. Кузнечный молот превратился в маленький молоточек, а звон в ушах уменьшился до легкого шума.

– Что это было?

– Тебе лучше не знать, – сказал он, возвращаясь к завтраку. Вместо обычных кусочков хлеба, поджаренных на огне, сегодня утром на крышке саркофага был накрыт прекрасный стол. Меня не удивило то, что Стокер использовал этот предмет совершенно не по назначению: он с пренебрежением относился ко всему, что было сделано позднее Нового царства, а этот экспонат был явно эпохи Птолемеев. Но мне все-таки показалось слегка непочтительным использовать его в качестве обеденного стола, хотя запахи от него доносились очень заманчивые. С кухни в

главном доме нам прислали ломтики ветчины, вареные яйца, баночку айвового варенья, пирог с телятиной и свежие булочки. Они были уже не горячими, виной чему – долгий путь до Бельведера, но свежими и прекрасно испеченными, и Стокер принялся за них со вздохом неподдельного удовольствия. Он взял горшочек с медом и начал рисовать на них узоры; так он поступал всегда, когда дело доходило до булочек, пышек или тостов. Не бывало такого, чтобы он позавтракал, не придумав сперва для еды какое-нибудь затейливое украшение.

Он нарисовал лодку на одной булке и как раз начал выводить кошку на другой, когда появилась леди Веллингтония.

– Доброе утро, дорогие! – пропела она и одарила нас ласковой улыбкой, излишне ласковой для этого утреннего часа, решила я. Стокер вскочил на ноги, но она махнула рукой, чтобы он сел обратно. Она миновала копролит, попавшийся ей во время прошлого визита, сурово на него покосившись, а затем с одобрением окинула взглядом булочки.

– Вижу, миссис Баскомб выполнила все, что я ей велела. Когда я расспросила ее, как организован ваш стол, она сказала мне, что вы сами заботитесь о своем завтраке, а к ланчу вам посылают холодные закуски. Этого больше не будет, – заявила она с удовлетворенным видом человека, вступившего в битву и выигравшего ее. – Каждое утро вам будут посылать блюда из буфета, который накрывают в главном доме, а в полдень – горячую еду. И в те дни, когда вас не приглашают обедать с семьей, обед вам тоже будут приносить.

– Вы очень добры, – ответил Стокер невнятно, потому что рот у него был набит булкой с медом.

Она благосклонно ему улыбнулась.

– Мне нравится изображать из себя леди Баунтифул[20]. В моем возрасте это одно из немногих доступных удовольствий. Когда колени подводят, лишаешься сразу стольких радостей, – трагически заметила она, взглянув на меня. Стокер поперхнулся, но мы обе не обратили на него внимания.

Она протянула мне стопку конвертов.

– Я принесла почту. Признаюсь, могла бы поручить это лакею, но я непростительно любопытна.

Я взяла у нее конверты и сразу же заметила тот, что пробудил в ней интерес: из толстой бумаги, с королевской монограммой на обороте.

– Это от принцессы Луизы, – признала я. Казалось невозможным (и довольно бессмысленным) скрывать от нее этот факт.

Она приподняла брови.

– Неужели? В каких высоких кругах вы вращаетесь, мисс Спидвелл. Стокер вновь закашлялся, но я послала ему испепеляющий взгляд.
– Тебе нужно что-нибудь выпить, – сказала я ему. – Будет глупо задохнуться от булочки.

Затем я повернулась к леди Веллингтонии.

– Мы познакомились с ее высочеством через сэра Фредерика Хэвлока. Вы же знаете, она скульптор, много общается с богемой.

– О да, знаю, – сказала она, задумчиво глядя на меня своими пронизательными глазами. – Я часто жалею ее.

– Жалеее принцессу?

Она удивленно усмехнулась.

– Вы уже выросли из того возраста, когда верят в сказки, мисс Спидвелл. И, конечно, знаете, что жизнь королевской семьи совсем не такая, какой представляется нам. Это клетка, позолоченная, но все же клетка.

– Ее высочество говорила мне почти то же самое, – ответила я и сразу осознала свою ошибку, но было уже поздно.

Умные старые глаза сверкнули.

– Должно быть, вы очень сблизились с принцессой, раз она говорит вам такое. Об этом не беседуют с посторонними.

Я пожала плечами.

– Может быть, она просто была в таком настроении, что ей хотелось выговориться.

– Может быть, – сказала леди Веллингтония. – Царственные особы могут вести себя странно, а принцесса Луиза эксцентричнее многих. Она рассказывала вам о своем муже?

– Маркизе де Лорне? Мы виделись с ним мельком. Он мне показался очень приятным.

– Он известный дурак, – упрямо ответила она. – Но будет герцогом, а больше ничто не имеет значения. Лично я не встречала еще Кэмпбеллов, которые были бы благонадежны, но проблема Лорна не в этом.

– А какого рода проблемы у маркиза? – спросила я.

Она загадочно посмотрела на меня.

– Никаких доказательств, одни слухи, но очень настойчивые. Позвольте сесть? – спросила она, указав на верблюжье седло, накинутое на специальную подставку.

– Может быть, вам будет удобнее в кресле? – спросила я, указывая на полуистлевший антикварный экспонат с широкой спинкой.

– Конечно, нет. На таком я преодолела всю Сирийскую пустыню. Оно

навевает мне приятные воспоминания. Я хотела посмотреть на развалины Пальмиры, – сказала она мне, с потрясающей ловкостью устраиваясь в седле. – Представляла себя этакой Джейн Дигби. Вы знаете, кто это?

– Я слышала это имя, – ответила я. – Кажется, авантюристка?

Она строго взглянула на меня.

– Женщина, которая умела жить, – поправила она. – Имела четверых или пятерых мужей, последний был бедуинским шейхом. Мы были своего рода друзьями, я и Джейн, но она как-то неправильно восприняла мой роман с ее пасынком.

Я подавила смешок, а Стокер наклонил голову над булочками, покраснев до ушей. Леди Велли продолжила:

– Подобные истории могут повредить дружбе, понимаете? Бедняжка Джейн уже мертва: ушла лет пять-шесть назад. Она была лет на десять старше меня, но лично я собираюсь прожить до ста.

– Не сомневаюсь, что вам это удастся, – сказала я, а потом напомнила: – Вы говорили о маркизе Лорне.

Она задумчиво поджала губы.

– Да, так вот, ситуация здесь вышла очень неприятная. Луиза всегда была неугомонной, всегда выступала против правил и протоколов. Если вы спросите меня, я скажу, что она была ужасно избалована. Королева решила, что после свадьбы она как-то остепенится, и предложила ей несколько партий. Луиза выбрала Лорна – как меньшее из зол.

– Выглядит очень хладнокровным решением, – заметила я.

– Это просто королевская семья. Их союзы похожи не на браки, а на выведение породистых жеребцов. Но никакого выведения не получилось, у Луизы ничего не вышло. Ведь у них нет детей.

– Бесплодие – это трагедия для женщины, которая хочет иметь детей, – мягко заметила я.

Леди Велли постучала тростью по полу.

– Луиза не бесплодна! Просто у нее такой муж, который на нее даже и не смотрит.

– Маркиз к ней не расположен?

– Как изящно вы выражаетесь, девочка! В мое время мы говорили о таких вещах более открыто. Просто этот мужчина не вспахивает свою жену.

– Но почему нет? – спросила я. – Принцесса – приятная и красивая женщина. Она может принести на брачное ложе гораздо больше, чем многие другие принцессы.

– И этого было бы достаточно, если бы Лорн любил женщин.

Я заморгала.

– Вы говорите, что маркиз предпочитает мужчин в постели?

Она пожала плечами.

– Этого я не могу утверждать. Наверняка могу сказать лишь, что он предпочитает своей жене мужские компании. Распространяется ли это и на спальню, ведомо им одним. Когда она выбрала Лорна, поползли слухи. Принц Уэльский вспылil и сказал, что никогда не позволит своей сестре выйти замуж за этого мужчину, но не объяснил, почему. А без очевидной причины для разрыва помолвки королева предпочла сохранить все как есть. Кто-то говорил, что все возражения принца основывались как раз на наклонностях маркиза.

– Ведь это лишь домыслы, – возразила я.

– Но домыслы, которые никуда не деваются. Тлеет ли под всем этим дымом хоть одна искра настоящего пожара, – она пожала плечами, – кто знает? Может быть, проблема в том, что Луиза фригидна, или любит другого мужчину, или у Лорна дурной запах изо рта, или он слишком увлечен марками. Никто не знает, что на самом деле происходит под покровом брака. Но разговоры идут, ужасные сплетни. Говорят, Луиза приказала заложить кирпичами окна во дворце, чтобы помешать Лорну сбегать в Кенсингтон-гарденс на свидания с гвардейцами. Правда это или нет, но могу сказать вам, что Луиза не была с ним счастлива. А несчастливая жена – опасное создание.

Затем она замолчала, позволяя словам улечься. Но через минуту уже кивнула в сторону конверта.

– Почему бы вам не открыть его и не узнать, чего она хочет?

Не было смысла бороться с неизбежным. Я взяла рожок, который использовала вместо ножа для писем, и вскрыла конверт. Послание было написано решительным почерком на гербовой бумаге: «Приходите. Не медлите и никому не говорите. Л.».

Я убрала его обратно в конверт и широко улыбнулась леди Велли.

– Это лишь приглашение подписаться на пожертвования в благотворительной организации, которую она поддерживает.

Леди Велли в ответ натянула на лицо улыбку старого крокодила, много повидавшего на своем веку.

– Ну, раз вы так говорите, девочка моя, то кто я такая, чтобы сомневаться в ваших словах? – Она тяжело вздохнула и уперлась тростью в пол, чтобы спуститься с верблюжьего седла. Стокер тут же оказался рядом с ней, помогая ей встать на ноги.

– Спасибо, мой милый мальчик, – с нежностью сказала она. – Ты

гордость своей матери или флота – никак не могу решить.

Он проводил ее до двери и вернулся, слизывая с губ остатки меда.

– А что на самом деле говорится в письме? – спросил он.

– Нас вызывают, – сказала я, протягивая ему конверт. Я склонила голову, пока он читал. – Стокер, меня не покидает странное чувство, что леди Веллингтония получает удовольствие от некой своей шутки, которая как-то связана со мной.

Он махнул рукой.

– Это просто ее манера общения. Она любит играть с людьми, а ты для нее – новый котенок.

– Котенок или мышка? – спросила я. Время покажет.

Мы прибыли в Кенсингтонский дворец, вновь следуя инструкциям, данным нам в прошлый раз. Принцесса появилась сразу же, как только дворецкий о нас доложил. Она не тратила времени на формальности, а спешно провела нас в свою личную гостиную, распорядившись по дороге, чтобы нас никто не беспокоил.

Она достала из рукава письмо и протянула нам.

– Прочтите, – велела она.

Оно было написано на простой бумаге, очень коряво, так, будто человек с хорошим образованием и красивым почерком тщательно пытался скрыть и то и другое. Один край листа сильно обуглился, и все письмо пахло дымом.

«Журнал у меня, – говорилось там без всяких приветствий. – Принесите в грот свои изумруды в полночь и ждите дальнейших инструкций. Никому не говорите – или я приму меры».

Я хотела отдать записку, но принцесса лишь отмахнулась дрожащей рукой: от гнева или страха – я не могла понять. Тогда я передала ее Стокеру, который молча ее рассмотрел. Мы не смотрели друг на друга, но я знала, что он думает о нашей неудачной поездке в Литтлдаун. Кто-то заполучил журнал после того, как я его выронила, и воспользовался случаем, чтобы извлечь из этого выгоду.

Мне не терпелось расспросить принцессу, но я понимала, в каком она состоянии. Она была натянута как струна, и от неловкого обращения с ней запросто могла случиться истерика. Поэтому я решила зайти издалека.

– Как пришла эта записка? – спросила я.

– С утренней почтой, среди других писем.

– А конверт?

Она поморщилась.

– Сожжен. Видите, я хотела уничтожить и письмо, поэтому все это бросила в камин. Потом поняла, что это глупо, и письмо успела вытащить. Но конверт уже было не спасти.

– Было ли на конверте что-то примечательное?

Она задумалась, у нее на лбу залегли складки.

– Почтовый штамп Центрального Лондона, но больше никаких пометок, кроме моего адреса.

– А надписано было правильно?

Она с горечью улыбнулась.

– Да, все нужные титулы были на нужных местах.

Я пока не хотела затрагивать вопрос с журналом, а она, очевидно, не собиралась сама об этом заговаривать. Я продолжала обходить эту тему стороной.

– О каких изумрудах идет речь в письме?

Она сцепила руки, крепко переплетя пальцы.

– У меня есть парюра[21], составленная из свадебных подарков, в которой: тиара с изумрудами и бриллиантами, подаренная мне родителями мужа, герцогом и герцогиней Аргайл, браслет – изумруды в окружении бриллиантов, а также подвеска – тоже изумруд с бриллиантами. Их я надевала на свадьбу – это был подарок от ее величества. В наборе и другие, не такие значительные, предметы, но эти – самые важные.

– И этому преступнику все о них известно, – задумчиво сказала я.

– Это известно всем, – раздраженно поправила она. – Эти подарки были изображены в каждой иллюстрированной газете по всей Британской империи. Мои свадебные портреты продавались повсюду, и на них эта подвеска была отлично видна.

– Предполагаю, что они все прекрасного качества.

– Естественно.

Настроение у нее было совершенно ужасным, но в общем ее нельзя было в этом винить. Она жила будто в аквариуме, какой бы блистательной ни была эта жизнь. И я вдруг поняла, почему леди Велли ее жалеет. Просто ужасно, что миллионы посторонних людей знают очень личные подробности твоей жизни, словно копаются в груде костей за банкетным столом в поисках лакомых кусочков.

Будто прочитав мои мысли, она начала говорить, тихим и глухим от горечи голосом.

– Вы даже не представляете, насколько это ужасно – знать, что совершенно чужие тебе люди сидят у себя в домах, читают о тебе все, судят

тебя, а иногда и ненавидят просто из-за твоего происхождения. Не уверена, смогу ли когда-нибудь почувствовать себя в безопасности, выходя из дома. Буду заглядывать в глаза каждому прохожему и думать про себя: «Это ты? Ты так меня ненавидишь?».

– Не думаю, что вам стоит бояться прохожих на улице, ваше высочество, – очень мягко сказал ей Стокер. – Это работа кого-то, хорошо с вами знакомого.

Она моргнула, на ее лице отразилось полное непонимание.

– Этого не может быть. Я этому не верю. Должно быть, это кто-то из слуг. Может быть, та девушка, что убирает в Хэвлок-хаусе, – начала она. – Вы вообще ее допрашивали или были слишком заняты этой игрой, чтобы нормально выполнять свою работу? Может быть, я зря вам доверилась, – выпалила она. – В конце концов, только ваша вина в том, что у этого злодея вообще оказался журнал. А что вам удалось обнаружить? Совершенно ничего. Столько дней потрачено, и вы ни на шаг не приблизились к спасению Майлза Рамсфорта.

Обычное хладнокровие покинуло меня при таком вопиющем проявлении несправедливости. Я совершенно невежливо вскрикнула, но Стокер бросил на меня предупреждающий взгляд. К его чести (за что я была ему бесконечно благодарна), он успел воспользоваться подходящим моментом. Проиgnорировав запрет прикасаться к персонам королевской крови, он взял ее под локоть своей крепкой рукой и проводил в кресло. Когда она села, он встал перед ней на колени, изобразив абсолютную преданность.

– Ваше высочество, – сказал он с бесконечной добротой в голосе, – я понимаю, как это тяжело, ведь с вами никогда не происходило ничего подобного. Но мы делаем все, что в наших силах, чтобы помочь вам.

Она коротко кивнула.

– Я знаю, мистер Темплтон-Вейн. Но ожидание сводит меня с ума. А теперь еще и это – просто чудовищно.

Ее губы дрожали, будто она готова была расплакаться, и он вытащил из кармана один из своих огромных красных носовых платков.

– Возьмите, на всякий случай, – попросил он.

Она вновь кивнула, послушно, как ребенок, и он взял ее руку в свою с такой аккуратностью и нежностью, будто гладил крошечного раненого птенца.

– Расскажите мне все.

«Мне»! Я заметила, какое местоимение он использовал, а также то, что он слегка приподнялся с колен, чтобы своей спиной загородить меня от нее

и создать ощущение приватности для них с принцессой. Он наглым образом исключил меня из разговора, но как только я открыла рот, чтобы возмутиться, поняла, насколько эффективен этот метод.

Я ожидала, что царственность принцессы будет оскорблена тем, что кто-то осмелился взять ее за руку, пусть даже и сын пэра, но она лишь промокнула глаза платком и начала говорить.

– Я была очень груба с мисс Спидвелл, – сказала она ему.

Он наклонился к ней ближе, пытаясь создать ощущение, что у них есть некая общая тайна.

– Должен сказать, она этого заслуживала.

Она непроизвольно улыбнулась, слабо, но все-таки улыбнулась.

– Все-таки я была неправа.

– Мисс Спидвелл – упрямая и вздорная женщина, – серьезно сказал он. И на этот раз улыбка стала шире.

– Подозреваю, что так оно и есть. Но я была излишне категорична с ней, сама того не желая. Я отчаянно нуждаюсь в ее помощи. И в вашей – тоже. Я так напугана, так ужасно расстроена...

– Вы беспокоитесь, и вам страшно, – сказал он. – Смею предположить, что и спите вы гораздо меньше, чем следовало.

Она закрыла глаза и согласно кивнула. Я открыла было рот, а он, хоть и не поворачивал ко мне головы, должно быть, почувствовал, что я хочу что-то сказать. И, прежде чем она открыла глаза, он успел покачать указательным пальцем, запрещая мне вступать в беседу.

– Это правда, – ответила она ему, наклоняясь вперед и указывая на свое лицо. – Должно быть, вы видите тени у меня под глазами. Ни одной ночи я не спала хорошо с тех пор, как началась вся эта история.

– Это совершенно понятно и естественно, что вас захватили сильные эмоции, – заверил он ее. – И вам тем более следует поделиться ими со мной. Людям, особенно дамам столь благородного происхождения, вредно держать в себе такие мощные переживания и не выпускать их наружу. Это опасно для здоровья, – добавил он с ноткой укора в голосе.

Это было удивительное представление. Всего несколькими словами ему удалось не только успокоить ее, но и заставить поверить, что она правильно поступила, обойдясь со мной так грубо. Осознав, что Стокер полностью владеет ситуацией, я откинулась на спинку стула и просто наблюдала, будто не существуя в этот момент для них обоих.

Она кивнула и коснулась платком порозовевшего носа.

– Да, конечно, вы совершенно правы.

– Конечно, прав. – Он говорил успокоительным тоном, как

разговаривают с раненым зверем или капризничающим ребенком. Я задумалась, кем из них была принцесса. Стокер еще немного придвинулся к ней, добавив их разговору близости, и устроился на пуфике у ее ног.

– Я уже сказал, что помогу вам, но хочу придать вам еще больше уверенности в моих обещаниях. Даю вам слово как джентльмен, что сделаю все, что в моих силах, чтобы разоблачить преступника, и не только ради вас, но и ради Майлза Рамсфорта.

– О, вы так добры, – сказала она ему, а я с трудом сдержалась, чтобы не закатить глаза. – Знаю, что вы видели журнал. Я чуть не лишилась чувств, когда вы сказали Оттилии, что нашли его. И ужасно испугалась того, что вы могли увидеть там мое имя. – Ее голос сорвался, она залилась краской и стала дальше аккуратно подбирать слова. – Я должна вам объяснить по поводу грота, как так вышло, что я была там.

– Я знаю, для чего он используется, – мягко подбодрил он. – Видел это место во всей красе.

Она мрачно кивнула.

– Хорошо. Значит, мне не нужно его описывать. Представляете, как ужасно я чувствовала себя, зная, что существует подтверждение моего визита в грот, боясь, что его обнаружат и привлекут в качестве доказательства на суде. И тогда все узнают... – Ее голос вновь сорвался, и она прижала ко рту платок, будто пытаясь подавить подкатившую тошноту. – Я понимала, как плохо это все обернется для меня, как непристойно покажет это пресса. Газеты, первые полосы – мне это казалось настоящим кошмаром. А на самом деле все было совершенно невинно. Майлз просто был самим собой. Ему нравилось шокировать людей. Думаю, он ожидал, что я буду его осуждать, поведу себя, как повела бы моя мать. Она была бы в ярости, – сказала она, поежившись. – Но это было так безобидно. Он просто показал мне свою небольшую коллекцию, собрание предметов искусства, и дал взглянуть на журнал со всеми противными подробностями, которые там описаны, – искренне призналась она.

Тогда я подумала, что она, возможно, говорит правду. Если бы она закрутила любовную интрижку с мужем своей подруги, разразился бы невообразимый скандал, но даже любой намек на непристойное поведение мог вызвать такую же реакцию. Сам факт, что она была в гроте и видела всю коллекцию, мог привести к настоящей катастрофе как для нее самой, так и для королевского трона. Замужние женщины не должны вести себя подобным образом, а уж замужние принцессы, дочери королевы таких пуританских взглядов, обязаны были держать планку еще выше. Газеты по

полной использовали бы это компрометирующее событие, чтобы устроить травлю на нее и всю ее семью, в этом я не сомневалась. А после этого, как и после каждого скандала, связанного с королевской семьей, снова начнут звучать вопросы, нужна ли вообще Англии монархия. Ужасно осознавать, что ты стал причиной таких плачевных последствий, даже и в случае вопиющей супружеской измены, но насколько страшнее думать об этом, если никакой измены на самом деле не было?! То же случилось и с женой Цезаря, которая пострадала из-за подозрения в дурном поведении, а не из-за настоящей измены[22]. Какая жестокая ирония.

Стокер пробормотал что-то успокаивающее и похлопал ее по руке.

– Мой брак не вполне можно назвать счастливым, – продолжала она. – Мы небезразличны друг другу, поверьте. Но мы с мужем являемся предметом сплетен, жестоких сплетен, которые бесконечно ходят в высшем обществе. И они все сразу стали бы достоянием общественности, если бы меня сейчас уличили в подобном поведении.

– Понимаю, – стал утешать он. – Вы просто хотели безобидного развлечения, вы же имеете право посмеяться с близкими друзьями.

– Как прекрасно вы это представили! – сказала она. – Вы-то понимаете, но простой человек на улице прочитает это, эти ужасные пошлые слова, и подумает обо мне худшее. Я даже вообразить боюсь, что тогда станет с матушкой.

У нее побелели даже губы, и тогда я поняла, что королева полностью управляет всей своей семьей. Должно быть, у нее железный кулак Бисмарка, раз собственная дочь так сильно боится ее.

Принцесса продолжила.

– Я думала не о себе, а о Лорне, – убежденно сказала она. – Если дешевая пресса решит, что Майлз Рамсфорт был моим любовником, они выкопают самые ужасные истории о моем муже, то, как он пренебрегал мною, избегал моей компании. А это неправда, – добавила она с яростью. – Он по-своему любит меня.

Было ли это реальностью или лишь выставлением желаемого за действительное, не знаю. Думаю, об этом никто никогда не узнает. Но Луиза по-своему, хоть и необычно, любила своего мужа и, спасая Майлза Рамсфорта, на самом деле спасала его.

Стокер вновь похлопал ее по руке.

– Ну конечно, его светлость вас любит, – сказал он с уверенностью, не подразумевающей никаких сомнений. – И если бы он знал, сколько страданий вы пережили ради него, то стал бы ценить вас еще больше.

Затем он слегка изменил интонацию.

– А теперь, чтобы вам помочь, мне нужно узнать, что произошло в ту ночь, когда была убита Артемизия. Вы посетили грот, а Майлз записал ваше имя в журнале?

Она вцепилась в его руку.

– Да, ради шутки, раз уж я рассмотрела его коллекцию. А вы его там не видели? – живо спросила она.

Стокер покачал головой.

– У нас не было возможности подробно изучить журнал до того, как мисс Спидвелл его упустила, – сказал он ей, аккуратно переложив всю ответственность на меня. Я этого заслуживала, и принцесса, без сомнения, была совершенно убеждена в моей виновности. Но тем не менее было немного обидно.

Стокер продолжил успокаивающим голосом:

– Вы были с Майлзом Рамсфортом, когда была убита Артемизия?

Она кивнула, закрыв глаза и прижав к ним руки.

– Да, – прошептала она.

– Так вот почему у Майлза Рамсфорта нет алиби? Потому что он был с вами?

– Да, – ответила она чуть громче.

– Он отказывается признаваться в том, что вы были тогда вместе, чтобы защитить вас, – надавил Стокер.

– Да. – Ее голос сделался еще громче, и в нем зазвенели истерические нотки.

– Он скорее подставит шею под петлю, чем выдаст вас? Это говорит о более близкой связи, чем просто дружба, – вставила я.

Они оба повернулись и посмотрели на меня: Стокер – рассерженно, а Луиза – со смесью изумления и явной неприязни.

– А я и не ожидаю, что человек вашего класса способен это понять, – кисло заметила она. – Главное в жизни каждого – всегда сохранять верность своим правителям.

Я открыла было рот, но вдруг на меня обрушилось осознание тщетности любых слов в этой ситуации, и я промолчала.

А Стокер продолжал мастерски проводить свой допрос.

– А Майлз всегда хранил журнал в гроте? – спросил он.

Она покачала головой.

– Не знаю. Когда я пришла, он лежал на виду. Он пошутил насчет того, насколько это ценная вещь, сказал, что даже Оттилия не знает о его существовании, потому что, попади он в дурные руки, за него будут требовать тысячи и тысячи. Не думайте, что он был способен использовать

его против своих друзей, – поспешила добавить она. – Майлз не такой. Даже если бы у него не осталось ни цента, он и тогда не стал бы доставать этот журнал. Для него он был этакой запиской на память, чтобы спустя много лет вспоминать грязные выходки молодости. Он не хотел никому вреда.

То ли принцесса не осознавала, что Майлз совсем недавно устраивал эти «выходки», то ли обманывалась относительно масштабов этих веселых кутежей, но мне подумалось, что она при этом правильно оценивает его характер. Если то, что сообщил нам виконт Темплтон-Вейн о пустующих закромах Рамсфорта, правда, это означает, что Майлз все время был обладателем золотой жилы и ни разу не попытался ею воспользоваться. Это говорило об определенной благонадежности этого человека, и мне было приятно это осознавать.

А Стокер продолжал, направляя разговор в нужное русло.

– Ну хорошо, но теперь кто-то нашел журнал и понял, что вы там были и дорого заплатите за то, чтобы сохранить эту информацию в тайне. И мы должны выяснить, кто этот человек. Очень вероятно, что этот злодей и убийца – одно лицо.

Она вздрогнула.

– Это ужасно. Мы все любим читать о сенсациях, нас манят кошмары, описанные в книгах, но когда все это становится реальным, приходит в твою жизнь и может ее совершенно разрушить...

– Мы вернем журнал, – пообещал ей Стокер, – и найдем убийцу.

– Ты не должен обещать того, чего мы на самом деле не можем гарантировать, – ласково заметила я. – И я совершенно не уверена, что мы – именно те люди, кто может здесь помочь.

– Вероника, – сказал он сквозь стиснутые зубы. Принцесса смотрела на меня с видимым отвращением, но мне было все равно. Я дерзко продолжала.

– До сих пор у нас было лишь ваше слово в подтверждение того, что полиция вынесла неправильный вердикт. Но это, – я подняла записку повыше, – доказательство шантажа. За такое преступление вешают. И его нужно отправить прямо сэру Хьюго Монтгомери.

– Сэру Хьюго! – принцесса Луиза буквально выплюнула эти слова, вскакивая на ноги. – От него не было совершенно никакого толка. Он даже не попытался вновь открыть дело, когда я его об этом просила.

– Думаю, сэра Хьюго пытался защитить вас, – возразила я, возмущенная тем, что она не выказывает никакого уважения человеку, который всю жизнь только тем и занимался, что пытался скрыть и

исправить ошибки, совершаемые ее семьей.

– Защитить меня? – в ее словах слышалась издевка. – Но от чего?

– От любого намека на скандал, – предположила я. – Как вы сами сейчас заметили, если бы выяснилось, что вас связывают близкие отношения с человеком, чья любовница была убита в его же постели, разразился бы скандал невероятных масштабов. Подозреваю, сэр Хьюго прекрасно представлял себе, как все это будет выглядеть в глазах ее величества, – прямо сказала я.

Она скривила губы.

– Меня не интересует мнение торговцев чаем и портных, – высокомерно заявила она.

– Конечно, интересует, – сказала я, стараясь сохранять терпение. – Вас все это очень волнует, иначе вы не боялись бы газет. Но больше всего вы боитесь собственной матери, правда?

Она ничего не ответила, но несложно было предположить, как ей не понравилась моя откровенная речь.

– Мэм, – начал Стокер гораздо более почтительным голосом, чем я когда-либо от него слышала, – если вы так беспокоились из-за упоминания вашего имени в журнале, почему вы не рассказали нам об этом с самого начала? Если бы мы знали, что в вашей просьбе содержится больше, чем только желание спасти Майлза Рамсфорта от петли, это могло бы сэкономить нам много времени и избавить от лишних усилий.

Она надолго задумалась, прежде чем ответить. Единственным звуком, нарушавшим тишину в комнате, было тиканье множества часов.

– Я не знала, могу ли в полной мере положиться на ваше благоразумие, – сказала она наконец, и в ее голосе почти звучали нотки извинения. – Я рассказала вам все, что осмелилась. И надеялась на то, что журнал потерян или уничтожен. Никто не знал, где он его хранит, да и он не стал бы никому рассказывать. Казалось вполне возможным, что он вообще никогда не обнаружится и мой секрет не будет раскрыт. Затем, когда вы сказали Оттилии, что нашли журнал и вновь его потеряли, все, о чем я могла думать, – что в вашей власти уничтожить меня. Вот почему я сразу отослала вас. Мне нужно было подумать. И я решила, что, если затаюсь и не буду ничего предпринимать, вы, может быть, все-таки найдете убийцу и спасете Майлза.

– Мы не сможем спасти его, если не докопаемся до сути, – напомнила я ей с суровой решительностью.

Она ничего не ответила, лишь упрямо вздернула подбородок, а Стокер вернул беседу обратно к вопросу шантажа.

– Дайте их нам, – сказал он. – Мы передадим эти украшения вместо вас.

С минуту она колебалась.

– И никакой полиции?

– Никакой полиции, – пообещал он, а я задумалась, как можно будет совместить это с моим обещанием, данным сэру Хьюго.

Он продолжал.

– Мисс Спидвелл на несколько дюймов ниже вас, но будет темно. Если злодей затаится там, ожидая своей наживы, он почти наверняка решит, что это пришли вы.

Я скрестила руки на груди, слушая, что еще Стокер решил за меня, ведь сейчас я, очевидно, была лишь куклой в его прекрасной игре в детективов.

Принцесса задумалась.

– Это может быть опасно. Мисс Спидвелл могут ранить. – Но мне не показалось, что ее чрезмерно тревожит эта перспектива, и Стокер поспешил подбодрить ее.

– Лучше уж мисс Спидвелл, чем вы, ваше высочество!

Она медленно кивнула.

– Думаю, вы правы. В конце концов, она активная особа и имеет опыт в подобных делах.

– Да, это так, – согласился он. – Однажды я видел, как она спаслась с катера, битком набитого бандитами, которые хотели ее похитить.

Принцесса поднялась, чтобы взглянуть на меня, и стала рассматривать будто диговинку на ярмарке.

– Я могу в это поверить, – сказала она наконец. – У нее решительно мужские качества, – добавила она неопределенно.

– Именно, – сказал Стокер. – А для подобного мероприятия нужны именно они. Нежная и женственная дама, особенно из высшего класса, способна играть в этом лишь незначительную роль, – уверил он ее.

Она пристально на него взглянула.

– А что станет с моими украшениями? Если что-то пойдет не так, мне все же очень не хотелось бы их потерять. Как я смогу объяснить их исчезновение?

Ее тон изменился, и за ее вопросом я услышала некоторую расчетливость. Стокер этого не заметил или только сделал вид.

– Я все время буду рядом с мисс Спидвелл. Под моей защитой они будут в безопасности, – пообещал он.

Она неохотно кивнула.

– Ну хорошо. Думаю, это лучший план из всех возможных.

Стокер не стал больше на нее давить. Он снова похлопал ее по руке, вновь очень почтительно.

– Больше не беспокойтесь об этом, мэм.

Луиза кивнула и глубоко вздохнула.

– Ждите здесь, я принесу вам драгоценности.

Она вышла из комнаты, а я даже не взглянула на Стокера. Я была слишком возмущена, чтобы говорить, а потому повернулась к пейзажу авторства Луизы, висевшему на стене. Он был унылым и совершенно не вдохновляющим: Канада, или Сибирь, или другое, столь же холодное место, совершенно лишенное интересных бабочек. Так шли минуты. Стокер крутился у каминной доски, брал с нее разные безделушки и ставил на место, вытаскивал открытки из стопки писем и приглашений и читал без всякого стыда.

Наконец вернулась Луиза; она казалась гораздо спокойнее, и я уловила легкий аромат бренди в воздухе. Очевидно, она задержалась, чтобы немного успокоить нервы, и мне стало неприятно, что она не предложила нам выпить вместе с ней. В руках у нее была коробка, которую она передала Стокеру. Он вопросительно приподнял бровь. Она кивнула.

Это была ничем не примечательная синяя сафьяновая коробка. В ней могли быть письма, безделушки, вообще все что угодно. Но на самом деле в ней хранилось настоящее волшебство. На белой бархатной подкладке неземным светом светились изумруды, они сверкали, по поверхности камней бегали искры, то ныряя в самую глубь, то вырываясь наружу, будто взрываясь всполохами зеленоватого цвета. Тиара, вынутая из обрамления, будто обхватывала остальные украшения, желая защитить их, собирая в своих драгоценных объятиях все эти сокровища.

– Потрясающе, – выдохнула я.

– Невосполнимо, – поправила она, протянула руку и захлопнула коробку с громким щелчком. Потом она убрала ее в небольшую кожаную сумку и вручила Стокеру. – Если эти сокровища исчезнут, невозможно будет объяснить, что с ними произошло. Они просто бесценны.

– Как и человеческая жизнь, – напомнила я ей.

– Мы будем очень осторожны, – быстро вставил Стокер. – Не волнуйтесь, ваше высочество.

Она выпрямилась и подняла подбородок так, как ее, без сомнения, учили бесчисленные гувернантки и преподаватели хороших манер.

– Благодарю вас, мистер Темплтон-Вейн.

Она протянула ему руку для пожатия, а мне на прощание достался

лишь отрывистый кивок.

– Мисс Спидвелл.

С этими словами она позвонила в колокольчик, и явился дворецкий, чтобы проводить нас к выходу из дворца.

Как только мы вышли за ограду королевского сада, я повернулась к Стокеру.

– Совершенно ужасное представление, – начала я.

Он весело мне улыбнулся.

– Да, мне тоже так показалось.

Я уставилась на него.

– Ты говорил все это не всерьез?

– Ни единого слова правды, и тебе следовало бы это знать, – ответил он немного сердито. – Вообще-то, меня очень расстраивает, что ты этого не поняла. Ты ведь знаешь, что я думаю о монархии и женской ранимости.

– Что монархию нужно упразднить и что женщины ни в чем не уступают мужчинам?

– Даже более того, – поправил он и склонил голову. – Мне не следует гордиться этим представлением, оно и правда было отвратительным. Но зато мы получили, что хотели. Теперь мы знаем, почему Майлз не может представить алиби. И нам поручили передать драгоценности, а пока это лучшая возможность раскрыть убийцу. Для получаса работы очень неплохо, мне кажется.

– Я все-таки не понимаю: откуда ты знал, что это сработает? Твоя лесья была шита белыми нитками.

Он посмотрел на меня с сожалением.

– Царственные особы не отличаются от аристократии, а ты забываешь, что я вырос среди таких людей. Я один из этого невежественного клана, хоть их и порицаю. Знаю, что они думают и даже как.

– Что же думает принцесса?

– Конечно, что она центр вселенной. Они все так считают. Бог – в своих небесах, королева – на троне, а все создания должны им поклоняться, да простит меня Браунинг[23], – сказал он. – Для них не бывает слишком много лести. Они ничего не знают об истинных страданиях, лишениях и боли, а потому, если даешь им понять, что видишь, как они мучаются из-за своих переживаний, они сразу решают, что ты единственный, кто по-настоящему их понимает. При этом только попробуй заговорить с ними о бедственном положении на угольных шахтах в Йоркшире – и увидишь, сможешь ли сдвинуться с мертвой точки, – добавил он с отвращением.

– Ничего циничнее я никогда от тебя не слышала, – сказала я ему.

Он слегка улыбнулся.

– Тогда во что бы то ни стало оставайся со мной. Я тебя еще удивлю. Вообще-то, думаю, я смогу поразить тебя даже вот этим, – добавил он, доставая из кармана открытку.

– Что это?

– Вид на Борнмут, – ответил он. – Я украл ее с каминной полки принцессы.

– Как познавательно, – протянула я.

– Переверни же ее, мой недоверчивый друг.

Я сделала, как он просил, и вскрикнула от восторга.

– Стокер, ты просто гений!

Это был запоздалый ответ на какое-то письмо, всего несколько строк, набросанных в спешке, Луизе от друга на каникулах. Но этого было достаточно.

– Почерк Джулиана Гилкрита, – выдохнула я.

Стокер достал записку от шантажиста, и мы положили их рядом для сравнения.

– Он не слишком умный парень, правда? Ему удалось немного изменить написание букв, но его «Е» просто кричит нам правду.

– Так, значит, Гилкрит – это наш шантажист, а также автор записки с угрозами и, по всей вероятности, человек, приславший нам глаз. Всеми способами пытался помешать нам вести расследование.

– А в качестве убийцы как он тебе? – спросил Стокер с простительным удовлетворением в голосе.

– Это возможно, – протянула я.

– Возможно! – Он с возмущением поджал губы. – Вероника, я только что представил тебе доказательство, практически упакованное и перевязанное ленточкой, как рождественский подарок. Что еще тебе нужно?

Я медленно покачала головой.

– Не могу сказать. Нам нужно больше доказательств, чем эта открытка. Если пойдем к сэру Хьюго с каракулями на открытке и запиской с угрозами, он просто засмеет нас и выставит из своего кабинета. Может быть, Джулиан Гилкрит – действительно убийца, – быстро сказала я, заметив, как помрачнело его лицо, – но того, что у нас есть сейчас, недостаточно, чтобы связать его с преступлением. Он может не иметь никакого отношения к смерти Артемизии, но искренне желать, чтобы Рамсфорта повесили за это убийство.

– Почему, скажи на милость? – спросил он, сдерживая гнев.

– Из ревности, – ответила я. – Гилкрест наслаждался благосклонностью Артемизии до Рамсфорта. Может быть, ему была невыносима мысль, что он ее потерял или что ему пришлось делить ее с Рамсфортом. Возможно, эти чувства и не подтолкнули его к решительным действиям, но все-таки понятно, что он был бы чрезвычайно рад видеть, как Рамсфорта повесят за это преступление.

Он остановился посреди улицы и уставился на меня.

– Ты в это веришь? Считаешь, это возможно – быть настолько привязанным к кому-то, чтобы сама мысль о том, что ты его потерял, заставляла спокойно смотреть на смерть невинного человека и позволить ему умереть, не пошевелив и пальцем, чтобы помочь ему?

– Если бы я думала, что этот человек – действительно убийца, то да, – спокойно ответила я. – Я и сама сунула бы его голову в петлю. Неужели ты не поступил бы так же?

Он открыл было рот, но потом снова закрыл, ничего не сказав. Какое-то время мы шли в напряженном молчании.

– Как думаешь, Луиза все-таки вмешается, если мы не сумеем найти убийцу? – спросила я наконец. – Или она позволит Майлзу умереть, только чтобы избежать скандала?

– У нее не будет выбора, – сказал он, и его глаза злобно засверкали. – Если она не пойдет по доброй воле, мы отправимся к сэру Хьюго и расскажем ему всю правду.

– Опять-таки, это не сработает. Без журнала мы не можем доказать, что у Майлза Рамсфорта есть алиби. Это будет наше слово против ее, и нам совершенно никто не поверит. Я не уверена, что она готова пожертвовать своей репутацией ради его жизни.

– Проклятье, – пробормотал он, но то, что не стал спорить дальше, говорило, что он понял: я права. – Значит, нам придется схватить убийцу, – наконец сказал он. – Только так мы можем гарантировать, что Майлза Рамсфорта не повесят.

Мы долго шли в молчании.

– Стокер, Луиза ведь слышала, как мы рассказывали Оттилии Рамсфорт о журнале. Она не могла знать, что мы не видели там ее имени. Почему она не подозревает нас в том, что это мы организовали шантаж?

Он задумался, а потом пожал плечами.

– Может быть, она считает, что аристократ не может шантажировать принцессу, или думает, что человек наполовину королевской крови никогда не пойдет на такой бесчестный поступок.

Мы шли дальше, и я прикидывала в уме вероятность одного и другого

варианта.

– А может быть, у нее просто настолько бедное воображение, что ей не пришла в голову такая возможность, – наконец сказала я.

Стокер хмыкнул.

– Вероника, твоя пристрастность в этом вопросе очевидна. Совершенно понятно, какого низкого ты о ней мнения.

Я пожала плечами.

– Она высокомерна и невыносима, и... Господи, она думает, что всегда права.

Стокер смерил меня взглядом с головы до ног и улыбнулся.

– Понятия не имею, о чем ты.

Я спихнула его с тротуара, но он все продолжал улыбаться.

Глава 24

Нам нужна была временная передышка, и мы, пройдя через Кенсингтон-гарденс, направились к югу.

– Конечно, – начал рассуждать Стокер, когда мы снова вернулись к обсуждению нашего дела, – может быть, Гилкрест действует не в одиночку. Вероятно, у него есть сообщник, кто-то умнее его, кто тоже живет и работает в Хэвлок-хаусе.

– Подозреваешь Эмму Толбот?

– Почему бы и нет? Раз теперь мы знаем, что это преступление вполне могла совершить женщина, она тоже попадает в список подозреваемых.

Я хмыкнула.

– Если действительно в это веришь, почему бы тогда не добавить к списку и Оттилию Рамсфорт? Или ты не подозреваешь преданных жен?

Я сразу поняла, что укол оказался более болезненным, чем я планировала, но было уже поздно. Он не стал трогать свой шрам и не издал ни звука, но я знала, что он думает о том времени, когда его жена чуть не стоила ему жизни в Бразилии. Кэролайн. Это имя укололо меня будто копьем, но я отказывалась произносить его вслух.

– Я извинилась бы, если бы знала, что от этого тебе станет легче, – сказала я, когда пауза затянулась.

Он попытался слегка мне улыбнуться.

– Я же не сахарный леденец, Вероника. Могу стерпеть любые твои уколы.

– Уверена, что можешь, – сказала я, но это была ложь, и, произнося это, я ощутила горечь на языке. Он любил ее когда-то и до сих пор ее любит, я была в этом уверена. Иначе почему бы он стал выкрикивать ее имя, когда на его губах еще сохранялся мой жаркий поцелуй? И это не был крик чистого блаженства, это я знала наверняка. А ничего не бывает больнее, чем любить человека и при этом изо всех сил стараться побороть в себе это чувство.

Я откашлялась и постаралась придать своему голосу бодрости.

– В любом случае Оттилия вне подозрений. Помнишь, той ночью она была в белом, и на ней не нашли ни одного пятнышка крови. Но если мы теперь решили рассматривать и женщин, то как насчет предположения Луизы о служанке, Черри?

– А мотив? – спросил он, и я с облегчением услышала, что его голос

звучит почти обычно.

Я пожала плечами.

– Неудачная любовная история? Кажется, в Хэвлок-хаусе такие же запутанные отношения, как у олимпийских богов: все хотя бы раз предавались плотским утехам друг с другом.

Он покачал головой.

– Не могу себе этого представить. Майлз Рамсфорт – может быть, и сибарит, но богатым воображением точно не обладает. Он стремится к красоте, а эта девушка недостаточно яркая, чтобы привлечь его.

– А Эмма Толбот? – спросила я.

Он задумался, в уголках глаз появились морщинки.

– У нее есть определенная привлекательная живость. Этого может быть достаточно.

Я не заметила, как прикусила губу.

– А мы знаем, как она была одета в ночь убийства?

– В черное, – с готовностью ответил он. – По крайней мере, я так предполагаю. Когда я в последний раз ей позировал, пришла Черри, принесла, кажется, единственное вечернее платье Эммы и получила взбучку за то, что оставила на нем уютным блестящий след.

– Черное, конечно, скроет кровь, – заметила я.

– Так, далее: что могла делать Черри на подобном мероприятии? Она же горничная в Хэвлок-хаусе, а не художница.

– Ее могли попросить помогать тем, кто накрывал на стол, и если она выполняла эту работу, то тоже, конечно, должна была быть в черном, – добавила я, щелкнув пальцами.

– Ну хорошо, пусть эта идея остается. Давай подумаем о мужчинах. Фредерик Хэвлок, – начал он. – Мне он очень нравится в качестве убийцы.

– Снова ты приплетаешь сюда этого очаровательного старика. Ты сошел с ума!

– Очарование – лучшее прикрытие для злодея, – сказал он мне.

– Злодей? Да он же в инвалидном кресле, – сказала я с насмешкой в голосе.

– В инвалидном кресле – да, но не прикован к нему, – поправил он. – Ты собственными глазами видела, что он может обходиться и без кресла.

– С помощью двух тростей!

– И в одной из них несложно спрятать нож. Нет, мне правда очень нравится эта теория.

– Это не теория, это несусветная чушь. Сэр Фредерик слишком слаб для того, чтобы бегать по дому и резать крепких молодых женщин.

– *Сейчас*, – добавил он. – Но каким он был до последнего удара? Он присутствовал на том вечере и вовсе не в кресле, а нам говорили, что после смерти Артемизии его состояние значительно ухудшилось. Нам никак не узнать наверняка, каким он был до того, как она умерла. Не нужно упускать и того факта, что она была под действием наркотика. Это могло быть на руку не только женщине, но и не слишком крепкому мужчине, – закончил он с удовлетворенным видом.

– Ну хорошо. – Мне не нравилась эта теория, но следовало признать, что она правдоподобна. – Но я не могу вообразить его в качестве злодея, который пришил записку с угрозами к нашей двери. Кроме того, – добавила я, постепенно разгораясь, – не думаешь же ты, что он сегодня ночью прискачет в Елисейский грот за Луизиными изумрудами. Даже если он замешан в этом деле, у него, конечно, есть сообщник.

– Черт побери, – выругался Стокер, – только я решил, что это хорошая теория. И все же, – добавил он радостно, – он может быть преступным умом. А в таком случае я предлагаю считать Джулиана Гилкрита его марионеткой, учитывая, что его почерком написана записка. Тебе казалось вероятным, что он лишь исполнитель, а не главный заговорщик. Может быть, художник и его покровитель оба замешаны в этом деле?

– Соглашусь с тобой, что Гилкрисст хорош на роль исполнителя, но что в таком случае заставляет его подчиняться приказам сэра Фредерика?

Стокер пожал плечами.

– Может быть, сэр Фредерик обещал как-то способствовать его дальнейшей карьере. Или он владеет какой-то компрометирующей информацией на Гилкрита, например, связанной с их развлечениями в гроте, и грозит разгласить ее.

– Ему вряд ли удастся что-то об этом рассказать, не впутав при этом и себя в эту историю, – возразила я.

– Причина не так важна, – ответил он с раздражающим спокойствием. – Что связывает заговорщиков – это уже второстепенный вопрос, главное – что они как-то связаны.

– А если не Гилкрисст на побегушках у сэра Фредерика, то это с легкостью может быть Черри или мисс Толбот, – сказала я то, что явно собирался сказать и он сам. – Единственная возможность разобраться в этом – снова проникнуть в Хэвлок-хаус и как следует там порыться. Если найдем там журнал, у нас наконец-то будут какие-то материальные доказательства.

Он вытащил из кармана конверт.

– Это пришло сегодня утром.

– Что это? – спросила я и открыла его. Записка была написана твердой мужской рукой, но, взглянув на подпись, я поняла, что она от Эммы Толбот. Она начиналась без всяких церемоний. «Приходите сегодня мне позировать, прошу вас. Мне отчаянно нужно закончить работу. Если нужно, приводите с собой Спидвелл».

– Какая наглость! – воскликнула я. – Ты все-таки готов снова ей позировать? Даже при подозрении, что она может оказаться убийцей?

– Ну, мне не очень нравится стоять там голым, – сдержанно сказал он, – но это дает нам доступ в дом, и, пока я буду с этой Толбот, ты сможешь сунуть свой нос туда-сюда, может, что-нибудь и разнюхаешь.

Я сглотнула. Мне трудно было описать чувство, поднявшееся во мне в этот момент. Это было похоже на благодарность, но гораздо сильнее. Я ожидала, что он захочет быть на первых ролях, стать главным в этом расследовании. А он оказался готов на такие жертвы: просто сидеть в тени, чтобы помочь мне.

– И давно пришла эта записка? – спросила я, когда мы добрались до дальнего края парка.

– Со второй утренней почтой.

– Ты собирался говорить мне о ней?

– Нет.

Я невесело усмехнулась.

– По крайней мере, честность – одно из твоих достоинств. И что же заставило тебя передумать?

Он остановился и посмотрел на меня так, что у меня перехватило дыхание.

– Я увидел, как обращается с тобой Луиза. Если мы не закончим это дело, ты всегда будешь об этом сожалеть, и не только потому, что твоя семья так обошлась с тобой, но и потому, что нам не удалось спасти Рамсфорта. А я знаю, что может сделать с человеком такой груз. Он разрушает душу, стирает ее в порошок так, что в какой-то момент начинает казаться, что ты превратился в отбросы. Не хочу, чтобы это случилось с тобой, и не допущу этого.

По меркам Стокера это была очень длинная речь, особенно учитывая, что она затронула те стороны его жизни, которых он всегда старался избегать в разговорах со мной. Смутившись, он отвернулся и быстро пошел вниз по улице. Я медленно двинулась вслед за ним, глядя на его широкую спину. Он странный герой, подумала я, но все-таки герой.

Вскоре мы добрались до Хэвлок-хауса. Черри встретила нас и сразу же проводила в студию Эммы Толбот. Художница сидела на нетронутой мраморной глыбе и дымила как паровоз. Увидев нас, она сразу вскочила на ноги и отбросила сигарету.

– Слава богу! – воскликнула она. – Я чуть с ума не сошла!

Она ласково улыбнулась Стокеру и даже со мной поздоровалась вполне сердечно.

Отправила Стокера за ширму превращаться в Персея, а сама стала суетиться, собирая бумагу, уголь и все необходимое.

– Сегодня вы выглядите какой-то расстроенной, – сказала я ей.

Она поморщилась.

– Я просто в отчаянии. Мне обязательно нужно закончить этот набросок до отъезда.

– Вы уезжаете из Хэвлок-хауса?

– Да, – с некоторой горечью ответила она. – Миссис Рамсфорд пригласила меня отправиться с ней в Грецию. Ей нужен тот, кто сможет там заняться декором дома, покупкой предметов искусства. А здесь меня уже ничто не держит, сейчас уже ничто.

– Сейчас? А что случилось?

Немного поколебавшись, она начала быстро объяснять.

– Гилкрист! Он знал, что я хочу получить заказ на скульптуру для частной галереи в Бирмингеме. И использовал меня, чтобы быть представленным комиссии, надзирающей за этим учреждением. Я думала, он просто хочет, чтобы они узнали о нем и имели его в виду при дальнейшей работе, но не успела я и глазом моргнуть, как он убедил их изменить свои планы и спонсировать живопись, а не скульптуру.

– И этой живописью будет заниматься он, – предположила я.

– Именно. Этот дьявол увел у меня хорошую работу прямо из-под носа. Никогда ему этого не прощу. Такое случается в наших кругах, но это не значит, что я должна терпеть такое неприемлемое поведение. Не хочу оставаться даже под одной крышей с этим нахалом.

– А что говорит об этом сэр Фредерик?

Ее лицо смягчилось.

– Я не смогла ему рассказать.

– Мисс Толбот, вы меня удивляете! Это же такой двуличный поступок! Нельзя скрывать от сэра Фредерика, что один из его подопечных так ужасно себя ведет!

– Да, наверное. Но проблема в том, что я испытываю слабость к этому доброму старику. Не могу заставить себя его разочаровать. Гилкрист – его

любимый протеже. Он ужасно расстроится.

Она замолчала, будучи не в силах справиться с сильными чувствами, и я против воли ощутила, что сейчас рискую испытать к ней симпатию. Для возможного убийцы она была слишком очаровательна.

Но потом у меня по спине пробежал холодок: я осознала, что может быть и другая причина у ее рассказа о предательстве Гилкрита. Он служит прекрасным оправданием того, почему она собирается уехать из Хэвлок-хауса после казни Майлза Рамсфорта. Если это она так хитро спланировала его смерть, какой умный ход – сбежать, прикрывшись его же вдовой. Ей нужна будет убедительная история, чтобы объяснить, почему она решила уехать из страны, и рассказ о том, как Гилкрит увел у нее из-под носа хороший заказ – прекрасное оправдание, если не задумываться, почему она не хочет им делиться с сэром Фредериком Хэвлоком. Услышав о коварстве своего любимого ученика, он, конечно, захочет поговорить с Гилкристом, а Эмма не могла допустить такого развития событий, если это было ложью.

Это была интересная теория, и я запомнила ее, чтобы позже обсудить наедине со Стокером.

Я указала на мраморную глыбу.

– Потрясающе. Вы хотели его использовать для вашего Персея?

Она скривилась.

– Собиралась. Но у меня не будет времени. Придется делать статую уже в Греции.

– Завидую вам, мисс Толбот. Я никогда там не бывала, но миссис Рамсфорт так прекрасно отзывается об этой стране и почти убедила меня, что мне нужно восполнить этот пробел.

Она рассеянно улыбнулась.

– Да, меня она тоже в этом убедила. Не могу до конца поверить, что она действительно собирается ехать туда... без него. Для нее это будет ужасная потеря, – протянула она, и в ее темных глазах блеснула ярость. – Она будет ходить по этой вилле, вспоминая, как там ходил он. Будет сидеть на креслах, которые он выбирал. Будет любоваться закатами, о которых он мечтал. Она поедет не одна, понимаете. За каждым углом будет его тень. Мне кажется, ее там ждет безумие, а не спокойствие.

В ее голосе и во всей манере было столько чувства, что я не знала, как ей ответить. В ней была резкость, причину которой я не могла понять, но я также чувствовала, что в ней все напряжено, будто в согнутой ветке, которая вот-вот треснет.

– Только женщина, по-настоящему любившая мистера Рамсфорта, готова обречь себя на такое существование, наполненное воспоминаниями

о нем, – тихо сказала я. – Но для вас это большая удача: сможете работать в том месте, где как раз и должны находиться все ваши статуи.

– Да, – сказала она, приходя в себя, – думаю, от этого изменится весь творческий процесс. У меня будет фигура, продуманная заранее, основанная на моей работе с мистером Темплтон-Вейном, но пейзаж и чувства... Я очень жду этого момента, хочу понять, как Греция повлияет на мою работу.

Вдруг она строго посмотрела на меня и громко сказала:

– Мистер Темплтон-Вейн, вы как настоящий джентльмен благородно дожидались окончания нашего разговора, но знаю, что не нужно так много времени, чтобы накинуть львиную шкуру. Выходите, пожалуйста.

Стокер вынырнул из-за ширмы с набедренной повязкой и крылатыми сандалиями на ногах. Я сразу поднялась.

– Пожалуй, оставлю вас. Спасибо за разговор, мисс Толбот. Он был очень познавательным.

Вполне вероятно, я оставляла сейчас Стокера одного, практически обнаженного наедине с убийцей, но меня утешало лишь то, что инстинкты самосохранения у него развиты не хуже, чем у бенгальского тигра. Я почти не сомневалась, что с его ростом и прекрасными реакциями он одолеет мисс Толбот, даже если она решит неожиданно напасть на него. Я перестала думать о Стокере и сосредоточилась на мыслях о комнате Джулиана Гилкрита, где собиралась искать журнал. Бесшумно двинулась по коридору (я научилась этому во время охоты на бабочек) и вскоре добралась до места, никого не встретив по пути. Войдя, я осторожно закрыла за собой дверь.

Время было послеполуденное, и в комнату проникал слабый солнечный свет. В его лучах кружился рой пылинок, и мне в голову неожиданно пришла мысль о Зевсе, посетившем Данаю в виде золотого дождя. Прогнав бессмысленную фантазию, я начала поиски с матраса на кровати Гилкрита, медленно прощупывая его по всей длине. Он был с комками, заляпан чем-то, о происхождении чего я предпочитала не думать. Но простыни были чистые, и мне стало интересно, как давно на них его ублажала Черри.

Матрас мне ничем не помог, и очередной просмотр единственной книжной полки тоже не раскрыл никаких секретов. На полу стоял открытый небольшой саквояж, куда были уложены одежда и кисти Гилкрита. Он, похоже, тоже собирался уезжать из Хэвлок-хауса, и я

задумалась: уж не изумруды ли принцессы должны обеспечить ему новую счастливую жизнь за границей, не использовал ли он историю о работе в Бирмингеме, чтобы как-то объяснить свое исчезновение?

Все поношенное и испорченное он оставлял здесь, а в саквояж сложил только лучшие свои вещи. Я внимательно осмотрела комнату, но не нашла ничего интересного. Все его имущество состояло в основном из неряшливых, дешевых вещей, купленных за бесценок и содержащихся в полном беспорядке. Только кисти и пигменты были отличного качества, но они не давали мне никакой зацепки. Я стала копаться в его одежде, обыскивая карманы и швы, и как раз, когда была уже готова признать свое поражение, нащупала его – ключ. Гилкрест плохо его спрятал, просто убрав в карман жилета какого-то особенно блестящего синего цвета. Ключ был маленький и тяжелый, из старой, потемневшей от времени бронзы. Я держала его на ладони и гадала, к чему же он может подходить; я встала посреди комнаты и медленно крутилась на месте. Ведь я же обыскала и кровать, и книжную полку, и вообще все места, где мог бы храниться журнал. Неужели мы ошиблись на его счет?

Я выставила ключ вперед как волшебную лозу, будто надеясь, что он укажет мне верный путь. Но в конце концов мне помогли навыки лепидоптеролога. Невозможно охотиться на бабочек, пока не научишься обращать внимание на детали. За долгие непростые годы я овладела умением различать виды по еле заметным признакам, потому что эти отличия могли на самом деле оказаться такими же существенными, как между ростбифом и консервированной фасолью. Я вспомнила милую *Limenitis archippus* из коллекции лорда Розморрана, притворявшуюся *Danaus erippus*, и задумалась, где в этой комнате могла скрываться замочная скважина.

Не прошло и двух минут, как я нашла ее: за одной из панелей в углу, так мастерски подогнанной, что я обнаружила ее только наощупь, а не глазами. Я нажала на нее пальцами, и она приподнялась, обнажив все свои секреты.

– Excelsior! – выдохнула я, вставляя ключ в замок. Он бесшумно провернулся, и дверца тихо открылась, даже петли не заскрипели. Сердце быстро стучало у меня где-то в горле – верный признак сильного возбуждения. Что я там найду? Журнал? Черновик письма с шантажом и угрозами? В чулане ничего не было видно, и я осторожно начала ощупывать его руками, с удовлетворением осознав, что они совсем не дрожат, несмотря на все возрастающий охотничий кураж.

Но я не проявила должной осторожности, и вдруг с тихим шепотом на

меня набросилась какая-то темная тень, захватывая меня в свои объятия. Я вскрикнула и упала на пол, а это нечто свалилось на меня сверху. Лишь спустя несколько секунд я осознала, что мой враг – просто старинная шинель, пропахшая молью. Должно быть, я случайно сдернула ее с крючка, и она свалилась на меня, запутав в своих складках. Я выругалась не хуже Стокера, а потом обшарила шинель на предмет улик. Закончив, я отложила ее в сторону и, встав, продолжила ощупывать чулан, но нашла там только пыль и высохшую обыкновенную одежду моль.

– *Tineola bisselliolla*, – пробормотала я, – от тебя мне никакого толка.

Подняв с пола шинель, я собиралась вернуть ее на место. Уже сжав ее в руках, я поняла, что от падения сорвался и крючок. И неудивительно, подумала я, ведь шинель просто гигантская и тяжелая, как медвежья шкура, конечно, под ее весом крючок мог сломаться. Я пошарила по полу чулана в поисках крючка, аккуратно ощупывая поверхность пальцами, и обнаружила его в углу: до него было трудно дотянуться. С раздражением вздохнув, я подобрала юбку и поставила одно колено в чулан, чтобы наконец достать его.

Я уже зажала крючок в руке, но тут услышала громкий скрип, и половица под моим коленом куда-то исчезла. Я подалась назад, и вниз посыпались другие доски, открывая потайной отсек.

– Так вот где он хранит свое грязное белье, – пробормотала я и заглянула внутрь.

Места там было немного, но достаточно, чтобы поместилась картонная коробка. Я с нетерпением вытащила ее. На ней не было никаких опознавательных знаков; это могла быть коллекция непристойных писем или вообще обыкновенных открыток, напомнила я себе. Нет смысла сразу считать, что здесь должна быть улика.

И все же сердце бешено колотилось у меня в груди, почти так же, как в тот день, когда я впервые выследила голубую бабочку «морфо».

Я подняла крышку, заставила себя спокойно отложить ее в сторону и только потом принялась рассматривать содержимое. Там не было ни журнала, ни незаконченного письма с угрозами. Только пара женских танцевальных туфель. Они были прекрасного качества: лайковая подошва, а верхняя часть атласная. Расшитые бисером и кружевами, они казались хрупкими, прекрасными созданиями.

Или казались бы, если бы на них не было пятен крови. Одна была только слегка испачкана: тонкая полоска на стыке подошвы и верха, но лайковая подметка второй вся была пропитана кровью, теперь уже засохшей и задуবেвшей. Я держала их в руках, и сперва мне почему-то

пришла в голову мысль о Золушке и ее злых сестрах, которые в кровь разбили свои ноги в надежде стать женами принца. Их выдали как раз окровавленные туфельки. А кого выдадут эти?

Я покрутила испачканную туфлю и получила ответ. На внутренней стороне – красиво вышитые голубым шелком инициалы, инициалы убийцы.

– Ну и хитрая лисица, – пробормотала я.

Глава 25

Я размышляла, слегка покачиваясь на каблуках и держа в руках заляпанные кровью туфли. Возможно ли, чтобы женщина, которой принадлежали эти туфли, совершила это ужасное преступление: перерезала горло Артемизии?

Я вернула туфли в коробку и поставила на место выпавшие половицы. Конечно, от внимательного взгляда не ускользнет, что их вынимали, но если кто-то просто заглянет в чулан, то ничего не заметит. Затем я как-то приладила крючок на место, повесила шинель и заперла чулан. Ключ я убрала себе в карман. Если повезет, Гилкрест просто решит, что положил его куда-то в другое место. Более осторожный человек, конечно, держал бы его всегда при себе, с неодобрением подумала я. А из этого вышел просто ужасный сообщник.

Но был ли он вообще сообщником? Может быть, это он совершил преступление, а владелица туфель лишь нечаянно попала в эту историю? А что он мог использовать, чтобы обеспечить себе ее сотрудничество? Вероятно, он спрятал туфли как раз для того, чтобы гарантировать ее молчание, угрожая ей доказательством ее причастности к убийству.

Чтобы не увязать в бесплодных размышлениях, от которых никому не будет толку, я пока прогнала все домыслы и пошла к мисс Толбот и Стокеру. Как я и думала, они все еще были в мастерской, и я остановилась на пороге, не убрав даже руку с дверной ручки. Как и ожидалось, она рисовала, а он позировал, но я не была готова к тому, что он предстанет передо мной в таком виде. Каким-то загадочным образом она убедила его полностью снять львиную шкуру, и сейчас на нем остались лишь шлем и крылатые сандалии, красиво обхватывающие щиколотки. Его тело и руки были густо усеяны татуировками, сделанными в долгих странствиях, но они не могли скрыть его прекрасно развитых мышц. Он стоял ко мне спиной, и я могла рассмотреть каждый сантиметр ничем не прикрытого тела: сильную шею, широкие плечи, напряженные оттого, что в правой руке он сжимал меч. Левая рука была согнута, и в ней он держал голову Медузы, мерзкую вещицу, обшитую шерстяными змеями с маленькими красными шелковыми языками, будто нацеленными на своего убийцу. Она застала его в минуту победы, это был Персей-триумфатор, с напряженными от тяжелой борьбы с Горгоной ногами и спиной. У него была невероятно красивая фигура: узкая талия, упругие ягодицы и мощные бедра –

одновременно изящная и сильная. Я долго стояла в восхищении и любовалась им, не в силах заговорить.

– Ради бога, если собираешься войти, входи и закрой за собой дверь, дует, – вдруг сказал Стокер.

– Как ты узнал, что это я? – спросила я, закрывая дверь и проходя в комнату, чтобы не разговаривать с его спиной.

Он показал глазами на щит, прислоненный к его ноге.

– Таким же способом, каким, предположительно, сумел победить ее, – ответил он, слегка кивнув в сторону Медузы.

Щит был отполирован до блеска и стоял под таким углом, что Стокеру было прекрасно видно входную дверь.

– Ты сравниваешь меня с Горгоной?

– Я сравню вас с кем-нибудь похуже, если не прекратите отвлекать мою модель, – резко заметила мисс Толбот.

– Прошу прощения.

Я повернулась спиной к Стокеру, и мисс Толбот почти с остервенением рисовала еще какое-то время, затем с победным видом отбросила уголь. Она вся будто изменилась. Теперь, когда она закончила работу, в ее манере появилось что-то кошачье, чувство удовлетворения, подобное тому, что возникало у меня всякий раз с новым любовником. Она утолила свою жажду творчества и теперь с расслабленным видом вытирала руки.

Она посмотрела на листы с набросками.

– Спасибо, – сказала она Стокеру, как бы отпуская его.

Он сошел с постамента и скрылся за ширмой, чтобы одеться, а она повернулась ко мне.

– Вы его видели, – сказала она, кивнув в сторону теперь пустого постамента. Она говорила тихо и доверительно, это был разговор только для нас двоих. – Что вы думаете?

– Волшебно, – лишь одно слово показалось мне здесь уместным, а потому его я и произнесла.

Она склонила голову набок.

– Это будет мой шедевр! – сказала она решительно, на ее лице читался восторг. Наверное, так выглядел Моисей, когда увидел наконец Землю обетованную.

Мы замолчали, а через минуту появился Стокер, одетый и выглядевший настолько прилично, насколько возможно человеку с растрепанными волосами и ртом, набитым медовыми леденцами.

Мисс Толбот ничего не сказала, лишь улыбнулась, и мы направились к двери. Но я заметила, как она посмотрела на коробку у меня в руках,

стиснула челюсти, отвела глаза и сжала кулаки. А когда она раскрыла ладонь, я увидела, что она сломала пополам палочку угля.

Как только мы покинули Хэвлок-хаус, Стокер спросил о коробке.

– Не сейчас, – ответила я и продемонстрировала ему свой трофей, только когда мы оказались в Бельведере, вдали от посторонних глаз.

Он беззвучно присвистнул и потрогал пальцем испачканную туфлю.

– Мы знаем, чьи они?

– Посмотри на внутренней стороне, – велела я.

Он так и поступил, а потом откинулся на кресле и в задумчивости прикусил губу.

– Этого недостаточно, – сказал он. – Ни один английский суд не приговорит ее к смерти только на основании испачканных туфель. Она могла быть совершенно невиновной и случайно наступить в кровь.

Я хмыкнула.

– И ты этому веришь?

– Во что верю я, не имеет никакого значения. Вопрос в том, во что защита заставит поверить суд. И не забывай: все судьи – мужчины, а ни один мужчина не готов с легкостью поверить, что женщина способна на такое злодеяние. Они схватятся за любые оправдания, чтобы не выносить обвинительного приговора женской особи, зная, что иначе ее ждет виселица. Вспомни о деле Мадлен Смит[24].

– Черт, – пробормотала я. Смит просто напичкала своего бывшего любовника мышьяком (притом было доказано, что она его покупала), и все же суд не сумел вынести обвинительный приговор. Ее репутация была, конечно, подпорчена, но тем не менее она была освобождена.

– К тому же, – Стокер начал загибать пальцы, перечисляя следующие пункты, – Гилкрист написал нам записку с угрозами. Он же был автором шантажирующего письма принцессе, и он прятал у себя в комнате испачканные кровью туфли, несомненно, для того, чтобы контролировать свою марионетку. Должно быть, именно он управляет всем предприятием.

– Опять ты туда же! Снова пытаешься сделать из него преступный ум. По моему опыту, – сказала я едко, – женские особи нашего вида гораздо опаснее. Готова спорить на деньги, что он лишь послушная овечка в этой истории. Она отдала ему туфли, чтобы он их спрятал, да и в остальном он, безусловно, слушался ее приказаний.

Стокер ничего не сказал, и я удивилась, почему он не готов сразу ухватиться за мою теорию. В конце концов, у него было больше поводов не

доверять женщинам, чем у многих других мужчин; его собственная жена оставила его на верную смерть в джунглях Бразилии. То, что он не начал после этого из принципа ненавидеть мой пол, говорит о его врожденном благородстве, решила я и продолжила.

– Ты должен признать, что я лучше разбираюсь в мужских характерах, чем ты.

Он издал звук, который обычно не ожидаешь услышать за пределами скотного двора, какой-то лающий смех, больше подходящий обезьяне.

– Считаешь, что разбираешься в характере мужчин лучше, чем я? А не нужно ли напомнить тебе, что я и сам, вообще-то, мужчина?

– Мне прекрасно это известно, – ответила я. – И тебя ослепляет как раз слишком близкое знакомство с твоим полом. Тебе никогда не нужно было изучать мужчин, потому что ты и сам один из них, а я посвятила этому предмету долгие годы.

– Ты изучаешь мужчин? – Его рот слегка приоткрылся от удивления, будто он не мог поверить, что я говорю правду.

– Конечно. С не меньшими интересом и энергией, чем применяю в лепидоптерологии, – сказала я с некоторой гордостью.

– С какой целью?

– А почему мы вообще изучаем те или иные объекты? – спросила я. – Чтобы лучше их узнать. В данном случае достаточно чистого любопытства: я считаю, что человеческие мужские особи – это бесконечно интригующие создания. Но, как это обычно и бывает, у меня есть два более насущных мотива. Во-первых, мужчины мне требуются для того, чтобы удовлетворять физические наклонности, свойственные всем представителям вида *Homo sapiens*. Может быть, тебе и кажется, что найти себе партнера для этой деятельности проще простого, но, уверяю тебя, на самом деле это невероятно сложно. Мне важны настоящая чистота истинного джентльмена, привлекательность, образование, манеры и нравственность, но прежде всего – осмотрительность. Кроме того, мужчина должен аккуратно планировать все свои шаги: действия, предпринятые невовремя, могут привести к настоящей катастрофе.

– Могу себе представить, – сказал он слегка приглушенным голосом. Но он сам спросил, и я не могла остановиться в своих объяснениях.

– И второй повод для изучения мужчин – моя собственная безопасность. За последние семь лет я трижды обогнула земной шар и в каких только ситуациях не оказывалась: бывала в кораблекрушении, меня торжественно чествовали, за мной охотились, меня поили вином и угощали обедами и чуть не подали запеченной на вертеле ужасному людоеду, на

чем острове я оказалась, когда сбежала от тайфуна на Фиджи. В моей жизни были ураганы, землетресения, извержения вулканов, малярия, корсиканские бандиты, балканские таможенные офицеры и христиане-евангелисты, посланные на миссионерское служение, и во всех этих случаях я могла рассчитывать только на свой ум. Проще говоря, моя рассудительность не раз спасала мне жизнь. Я собираюсь положиться на нее и в этот раз. Джулиан Гилкрест – слабый, пустой человек. Он всего лишь пешка в этой неприглядной игре.

– Ну хорошо, – наконец уступил он. – Кто бы из них ни оказался автором преступления, нам нужно поймать их в тот момент, когда они будут забирать украшения. Если за ними придет она, то это обстоятельство, плюс запачканные туфли смогут подтвердить ее причастность. Но мне не очень-то верится, что все обстоит именно так, – холодно добавил он. – Совершенно очевидно, что Джулиан Гилкрест – ведущая фигура в этом деле.

Я указала на гинею, прицепленную к его цепочке от часов.

– Поспорим? – спросила я со зловещей улыбкой. Во время нашего прошлого расследования мы держали пари на гинею, и он не забывал регулярно напоминать мне, что обошел меня тогда. Я должна была отыграться, это было лишь делом времени.

– Давай. Но раз монета и так у меня, что ты мне дашь на этот раз, если я выиграю? – Он смотрел на меня напряженно, но даже если и пытался наполнить свой вопрос каким-то скрытым смыслом, я отказывалась его понимать.

– Придется тебе обойтись чувством удовлетворения от осознания своей правоты, – невозмутимо ответила я. А теперь у нас есть несколько часов, чтобы хорошенько подготовиться.

– Подготовиться? – он прищурился. – О какой еще подготовке ты говоришь?

– Пора пустить в ход огнестрельное оружие, – сказала я, потирая руки.

– Совершенно исключено, – ответил он тоном, не допускающим возражений. – Я возьму свои ножи, и этого достаточно. Ты знаешь, что я думаю об огнестрельном оружии. И если мне не изменяет память, в последний раз, когда ты вооруженной ступила на борт катера, ты просто потеряла этот чертов пистолет в водах Темзы, незадолго до того, как я чуть не утонул, спасая твою жизнь.

– Мне события помнятся немного иначе, – заметила я, – но если это тебя утешит, то хорошо, я не стану брать револьвер.

Но Стокер ничего не сказал о других предметах, причиняющих боль,

и, зайдя в свою часовню, чтобы переодеться в походный костюм, я не преминула также наколоть на манжеты некоторое количество минущий. Маленькие энтомологические булавки были не толще ниточки, но мне посчастливилось однажды провести два дня на пароме в Желтом море с китайским джентльменом, который обучил меня, как можно эффективно использовать их на мягких тканях. Принципы, на которых он основывался, противоречат западным научным теориям, но никто не может отрицать, что они приносят заметный результат, если применяются опытным человеком. К сожалению, я таким человеком не была, и все, чего мне удавалось добиться, – это несколько капелек крови и уязвленная мужская гордость. Но все-таки они придавали мне уверенности, так же как и маленький бархатный мышонок Честер, о котором я вспомнила в последнюю минуту. Маленькая, но важная поддержка для меня в предстоящем приключении. Памятуя о нелюбви Стокера к огнестрельному оружию, я лишь положила нож за голенище сапога; против этого он, конечно, возражать не станет, ведь у него самого будет с собой не меньше трех клинков.

Я заплела волосы и скрутила их в удобный пучок на затылке; постаралась убрать их как можно лучше, чтобы противник в случае борьбы не смог схватить меня за волосы. На первый взгляд я казалась лишь аккуратно, чисто и просто одетой.

Собравшись, я присоединилась к Стокеру в Бельведере, и мы поужинали, подкрепив силы внушительной порцией ростбифа и добрым бокалом портвейна. Перед самым выходом, когда Стокер в двадцатый раз ощупывал драгоценности у себя в карманах, я написала короткую записку сэру Хьюго.

– Какого черта ты это делаешь? – спросил он.

– Я дала слово.

Я убрала записку в конверт и написала на нем адрес сэра Хьюго в Скотланд-Ярде. На прощание мы погладили собак, и Стокер отдал им остатки нашего ростбифа.

Мы вышли, когда начали сгущаться сумерки, и, открыв дверь, обнаружили перед ней леди Веллингтонию. Она стояла, подняв вверх руку, будто только что собиралась постучать.

– Здравствуйте, дети! – сказала она своим громовым голосом. – Я собиралась пригласить вас поужинать со мной в главном доме, но вижу, что у вас другие планы на вечер.

– Лекция, – без запинки сказал Стокер, – вакадемии.

Она прищурилась и скрестила руки на набалдашнике своей трости.

– В какой академии?

– Королевской, – ответил он, но я заметила, что у него слегка дергается глаз.

Она явно собиралась продолжить расспросы, но я выставила вперед руку с письмом.

– Леди Веллингтония, не затруднит ли вас оказать нам одну услугу? Это письмо, которое нужно доставить адресату. Не будете ли вы так любезны попросить лакея этим заняться? Но только завтра утром, – строго добавила я.

Она взяла письмо, не скрывая любопытства, затем вслух прочитала адрес со все возрастающим недоверием.

– Сэр Хьюго Монтгомери? Скотланд-Ярд? Какие дела у вас могут быть с главой Особого отдела? – спросила она.

– Он увлекается бабочками, – ответила я с улыбкой. – У него есть прекрасный экземпляр *Teinopalpus imperialis*, я очень хотела бы приобрести его для лорда Розморрана в его коллекцию непальских парусников.

– *Teinopalpus imperialis*, – повторила она, и буквально в каждом слогe сквозила подозрительность.

– Еще она известна как «парусник имперский», – постаралась помочь я. – У него женская особь, а у этого вида они крупнее, совершенно потрясающий экземпляр, правда, Стокер?

Стокер вздрогнул.

– Да, экземпляр совершенно потрясающий.

Я закатила глаза от такой неуверенности, но леди Веллингтонию эти слова, кажется, удовлетворили.

– Ну хорошо, – сказала она, милостиво кивнув. – Но все-таки я очень разочарована тем, что вы не сможете присоединиться к нам сегодня вечером. Тогда, может быть, завтра? Заодно и расскажете нам все о своей лекции, – добавила она, злорадно улыбнувшись, – в подробностях.

– Будем очень рады, а сейчас мы правда должны спешить, – сказала я, взяв Стокера под руку и увлекая его за собой. Когда мы уже отошли на безопасное расстояние, я повернулась к нему.

– Во имя всего святого, что так тебя беспокоит?

– Не могу врать пожилым дамам, – ответил он, вытирая пот со лба. – Они все напоминают мне мою бабушку, которая всегда безошибочно докапывалась до истины. Когда кто-то из нас, детей, затевал какую-либо шалость, она всегда с легкостью вычисляла виновника. Торквемаде[25] стоило, наверное, у нее поучиться.

– Как ни познавательно для меня это погружение в травмы твоего детства, нам действительно стоит поспешить, – поторопила его я. – Хочу

оказаться там и занять выгодную позицию задолго до назначенного часа. Нужно по полной использовать эффект неожиданности.

Путь до Литтлдауна мы проделали в молчании. Я не могла догадаться, о чем думает Стокер, но мои мысли обратились к принцессе Луизе. Я представила, как она совершенно одна сидит в роскоши Кенсингтонского дворца, зная, что судьба ее драгоценностей, так же как и ее репутация, находится полностью в наших руках. Но на кону было даже больше, и я стала размышлять о Майлзе Рамсфорте. Во время нашего расследования я мало думала о нем как о человеке. Он был для меня лишь неким символом. Мы сложили о нем свои впечатления, собрали взгляды разных людей, но я никак не могла составить о нем общего представления, будто кто-то написал его портрет, а потом разрезал на множество кусочков, предоставив нам самим находить и складывать их. Меня больше всего интересовали противоречия. Он был верным мужем и одновременно знатным распутником, покровителем искусств с прекрасным вкусом – и при этом устраивал совершенно непристойные развлечения в Елисейском гроте. Я задумалась, сумеем ли мы когда-нибудь понять, как примиряются между собой лики этого Януса, или не успеем и его все-таки повесят, несмотря на все наши усилия. Эта мысль меня слегка пугала, но я отказывалась отчаиваться в успехе нашего предприятия. Сколько бы ни имелось у него грехов, но убийцей он точно не был, и я поклялась, что не позволю, чтобы его казнили за преступление, которого он не совершал.

Мы приехали в Литтлдаун как раз вовремя. Оставался еще час до назначенной шантажистом встречи. Я шла так же быстро, как привыкла ходить в джунглях, следуя запутанными путями моих бабочек. Стокер не выказывал никаких признаков волнения от предстоящего поединка. Он шел обычным шагом, немного вразвалочку, той изящной, гибкой походкой, какая бывает у людей, проводших много времени в море или в седле. Руки расслаблены, плечи опущены, и даже брови ничуть не нахмурены, будто мы вышли на воскресную прогулку. Лишь легкая складка в уголке рта выдавала в нем напряжение.

Под покровом темноты мы взобрались на стену поместья, не желая пока никого извещать о своем присутствии. Держась в тени деревьев, мы направились к гроту, внимательно прислушиваясь к любым звукам, которые указывали бы на то, что сторож или его пес несут ночную вахту. До грота мы добрались беспрепятственно; я взялась рукой за решетку и потянула ее на себя. Она была заперта, и я победоносно взглянула на

Стокера. Мы прибыли раньше противника, и теперь у нас было преимущество. Я вытащила из кармана ключ,插入了他在锁中, 悄悄地开了门刚好足够, 以便我们可以滑进去, 并轻轻地关上了门。

Мы стали пробираться внутрь в полной темноте, и, когда дошли до узкого туннеля, Стокер положил мне руку на плечо, не давая идти дальше. Он чиркнул спичкой и зажег лампу, жестом показав мне, что хочет пойти первым. Я сжала губы, забрала у него лампу и, подняв ее над головой, двинулась в узкий проход. Он с возмущением вздохнул, но не стал спорить, а пошел вслед за мной, стараясь держаться как можно ближе, насколько позволяло узкое пространство.

В туннеле все было так же, как и в прошлый раз: холод, скользкий камень под пальцами, запах сырости, но, в последний раз завернув за угол, я поняла: что-то не так. Впереди был какой-то свет, а в нос мне ударил резкий металлический запах.

У Стокера обоняние было лучше, и он сразу понял, в чем дело. Он попытался оттащить меня назад, но было поздно. Я вышла в большое помещение, и мой фонарь здесь стал совершенно бесполезен, потому что весь грот был освещен волшебными фонарями. Они отбрасывали на стены тени в виде совокупляющихся пар и групп людей, и казалось, что сам камень оживал от их движения.

Но я даже не замечала вращающихся картинок. Все мое внимание было приковано к *siège d'amour* в центре комнаты, креслу любви, которое должно было притягивать взгляды всех участников вакханалий. Сейчас на нем вновь была обнаженная фигура: голова закинута назад, руки и ноги разведены в стороны, будто в некой пародии на удовольствие. Губы приоткрыты, словно человек вот-вот заговорит. Но Джулиан Гилкрист больше не мог сказать ни слова: его горло было перерезано от уха до уха.

Глава 26

Река алой крови текла из ужасной раны на шее, скапливаясь в лужицы по бокам. Золотые волосы чуть всклокочены на висках, застывшие глаза широко распахнуты от изумления. Одна рука откинута в сторону, как у мучеников на картинах, пальцы слегка согнуты, а указательный отставлен и будто направлен на лужи крови на полу.

Рядом с креслом, на границе света и темноты, стояла Эмма Толбот, белая как полотно, невидящим взглядом уставившись на окровавленное лезвие у себя в руках.

– Не подходите ближе, – предупредила она, замахиваясь ножом. Стокер спокойно поднял руки, чтобы показать, что не хочет причинять ей вреда.

– Эмма, – мягко сказал он, – дайте мне нож. Вы ведь не хотите ранить меня и мисс Спидвелл тоже не желаете зла. Отдайте нож мне, – повторил он.

Он сделал шаг вперед, она отшатнулась и подняла нож, метя ему в грудь. Еще шаг – и она могла бы дотянуться до него клинком, но он даже не вздрогнул, когда она замахнулась, а продолжил говорить тем же спокойным голосом, каким, наверное, не раз умирал возбужденных животных.

– Эмма, я хочу, чтобы вы отдали мне нож. Для вас самой будет лучше, если вы не станете оказывать сопротивления, – настаивал он.

Она, как слепая, затрясла головой, вновь вскинула нож и еще немного сократила дистанцию между ними.

– Эмма, – тихо, но четко продолжал он, – если не отдадите мне нож, я заберу его у вас. По тому, как вы его держите, я вижу, что у вас совсем нет опыта в таких вещах, так что поверьте: я с легкостью смогу его у вас взять, но если мне придется забирать его силой, это может быть больно. Возможно, мне придется сломать вам запястье просто потому, что вы нам сейчас угрожаете, а я не люблю, когда мне угрожают. Вы меня понимаете?

Ее глаза (в полумраке видны были лишь темные круги и яркие белки) расширились еще больше.

– Если вы хотите убить меня, давайте побыстрее, – сказала она, буквально выплевывая каждое слово.

– Почему вы думаете, что я хочу убить вас? Зачем мне вас убивать? – спросил он ее.

– А как же это? – воскликнула она. Она не смогла произнести имени

Гилкрита, а лишь указала дрожащей рукой на ужасную картину на кресле. – Вы убили его, а теперь и меня хотите убить.

Я посмотрела на Стокера.

– Как думаешь, у нее истерика? Хочешь, я дам ей пощечину? Мне не сложно.

Он не повернул головы, но я увидела, что он сжал челюсти.

– Вероника, прошу тебя, не вступай.

– У меня нет истерики, – сказала Эмма дрожащим голосом. – Но если вы сделали такое с ним, то как можете оставить в живых меня, когда я обнаружила ваше преступление? Ведь я же свидетель убийства.

– Вы абсолютно никакой не свидетель, – сказала я ей. – И если не обратили внимания, вы первая здесь оказались. Я вот думаю, что это сделали вы и этот истерический припадок – лишь уловка, чтобы сбить нас со следа.

Она уставилась на меня.

– Неужели вы правда думаете, что я способна на *такое*? – спросила она. – Мне не нравился Джулиан, но боже мой!

По ее телу пробежала дрожь, а колени слегка подогнулись, и она выронила нож. Стокер оттолкнул его ногой и выставил руку, чтобы поддержать ее. Она почти конвульсивно схватилась за него, а он многозначительно взглянул на меня.

– Вероника, прекрати стращать мисс Толбот, ты же знаешь, что она невиновна.

Он повернулся к дрожащей женщине.

– Эмма, мы не убивали Гилкрита и, несмотря на то, как это выглядело, знаем, что и вы его не убивали.

Она вцепилась в его руку, ее пальцы казались совсем белыми на его черном плаще.

– Значит, я была права, – сказала она, с трудом выговаривая слова бледными губами. – Это сделала она.

– Да, мисс Толбот, – ласково ответила я, – Майлз Рамсфорт не убивал Артемизию. Это сделала Оттилия.

Тогда она разразилась рыданиями, сотрясавшими ее всю, с головы до пят. Стокер крепко обхватил ее, а я закатила глаза и вздохнула, ожидая, когда закончится этот припадок.

– Я все-таки должна дать ей пощечину, – предупредила я Стокера, но он лишь отмахнулся от меня и крепче прижал ее к своей груди, второй рукой нежно поглаживая по голове. Я с некоторым раздражением подумала, что он напоминает мне медведя с фарфоровой куклой, и решила тем

временем сдернуть со стены одну из бархатных штор, чтобы прикрыть тело Джулиана Гилкрита. Я подумала, что это самое меньшее, что могу сделать, чтобы проявить хоть какое-то уважение к этому бедняге.

Удовлетворив этот неожиданный приступ хозяйственности, я вернулась к Стокеру на краткий военный совет.

– Вряд ли нам удастся довести до конца наш план, пока здесь мисс Толбот в таком состоянии, – заметила я. – Мы должны устроить ее где-то в безопасности до тех пор, пока не схватим миссис Рамсфорт.

Тонкие, артистичные пальцы мисс Толбот яростно вцепились в руку Стокера.

– Она не могла далеко уйти.

– Да, мисс Толбот, это очевидно: тело еще теплое и кровь почти не свернулась, – сообщила я ей.

Она побледнела еще сильнее, и Стокер закатил глаза.

– Ради бога, Вероника, она и так еле стоит на ногах.

Я решила, что ему уж очень нравится роль героя-спасителя. Склонив голову набок, я внимательно посмотрела на мисс Толбот.

– Да, ты прав, она очень бледна. Как думаешь, может быть, лучше вырубить ее, чтобы спокойно закончить все дела? Достаточно одного удара в нижнюю челюсть, сразу под ухом, – сказала я и указала пальцем на нужное место.

Он сжал губы, а мисс Толбот еще раз содрогнулась, но затем осторожно отодвинулась от него.

– Спасибо, мистер Темплтон-Вейн. Но мисс Спидвелл права: я должна взять себя в руки, чтобы вы могли разобраться с этим делом. Нельзя позволить ей уйти.

Она выпрямилась. Было видно, что ей это дается с трудом, и я поняла, что мне в ней это нравится.

– Она от нас не скроется, – пообещала я ей. – Если понадобится, мы разберем этот дом по кирпичикам, чтобы ее найти.

– В этом нет необходимости, – сказал голос из темноты. Оттилия Рамсфорт вышла вперед, сжимая небольшой револьвер. Он был направлен в нашу сторону, и ее рука не дрожала.

– А мы как раз говорили о вас, – сказала я ей, слегка улыбнувшись. – Как это мило с вашей стороны – не заставлять нас повсюду вас разыскивать.

Она чуть приблизилась, но все же держалась от нас на расстоянии около двадцати футов; между нами было кресло любви и скрытое под шторой тело. Не глядя друг на друга, мы со Стокером быстро оценили

ситуацию и поняли, что преимущество на нашей стороне. У нее, конечно, был револьвер, но нас было двое, а она – одна. Даже если она прекрасный стрелок (а этого мы не знали), все равно успеет выстрелить только в одного, и в это время второй уже схватит ее. Естественно, я не включала в свои расчеты мисс Толбот. Она, конечно, совладала с истерикой, но мне не хотелось испытывать ее храбрость в бою. Лучшее, на что мы могли надеяться, так это что она упадет на пол и не будет нам мешать.

Оттилия наводила револьвер то на меня, то на Стокера.

– Поосторожнее, мисс Спидвелл. И вы, мистер Темплтон-Вейн. Я довольно хорошо стреляю, а уж с такого расстояния точно не промахнусь. Майлз научил меня стрелять в Греции. Знаете, там встречаются бандиты. Я сумела неплохо попрактиковаться.

Она навела револьвер на меня, и я не мигая смотрела в черное дуло. Оружие было совсем небольшим, скорее, дамской игрушкой, но и такого будет достаточно, чтобы продырявить одного из нас или нас обоих.

– Если сделаете еще шаг, мисс Спидвелл, я буду стрелять не в вас. Я выстрелю в него. Мистер Темплтон-Вейн, вас это тоже касается. Если не хотите, чтобы мисс Спидвелл была ранена, стойте на месте.

Стокер поднял вверх руки.

– Как пожелаете, миссис Рамсфорт. Но мне просто интересно, каков ваш план, – продолжил он тоном светской беседы. – Ведь нас трое.

Оттилия Рамсфорт взвела курок и направила дуло револьвера прямо в лоб Эмме Толбот.

– Правда?

Мисс Толбот открыла рот, чтобы закричать, но никакого звука из нее не вырвалось. Ее ресницы дрожали, и она беззвучно открывала и закрывала рот, удивительно напоминая золотую рыбку в аквариуме, пока наконец не рухнула на пол без чувств.

– Это была случайность, – сказала миссис Рамсфорт с удовлетворением в голосе и вновь перевела оружие на Стокера.

– Думаю, ваш план состоит в том, чтобы убить нас и сбежать с изумрудами, – предположила я.

– Вообще-то, драгоценности меня не интересуют, – возразила она мне. – Это была идея Гилкрита, притом очень глупая, – добавила она с яростью, которой я не ожидала. – Но когда я узнала, почему Луиза так стремилась оправдать Майлза, я велела ему действовать.

– Да, должно быть, эта новость вас шокировала, – сказала я, стараясь придать голосу нотку сочувствия. – Это кого угодно выведет из себя: так хорошо спланировать убийство, и вдруг в последний момент все идет

прахом, потому что в него вмешивается близкая подруга!

Она сжала губы.

– Убийство и так прошло прекрасно.

– Я говорю не о смерти Артемизии. Я имею в виду убийство Майлза Рамсфорта. Ведь в нем все дело, не правда ли? Вашей главной мишенью была не девушка. Ею был ваш собственный муж.

– Не судите меня! – закричала она, и рука, сжимавшая револьвер, немного задрожала. – Не думайте, что вы все обо мне знаете. Вы понятия не имеете, каково это было: столько лет закрывать глаза на все его похождения. Но я закрывала, ведь так он оставался рядом со мной. И знала: он никогда не оставит меня, у него просто не было на это причин. Я любила его. *Я* понимала его, а не они все.

– До тех пор пока не стали заканчиваться деньги, – вставил Стокер. – Именно тогда появился страх, правда? И начала расти неуверенность. Когда не будет денег, что же его здесь удержит?

– Он любил меня, – упрямо сказала она, нацелив револьвер Стокеру в голову.

– Но недостаточно, – уточнила я, вновь привлекая к себе ее внимание. Дуло револьвера замерло в точке ровно у меня между бровями. – Если ваши деньги не смогут больше поддерживать ваши отношения, что тогда станет вас связывать? Вы же не подарили ему ребенка.

Удар попал точно в цель. Рука с револьвером дрогнула, но она выставила вторую руку, чтобы поддержать ее.

– У него никогда не было детей, ни в одном романе. Я думала, может быть, это не только моя вина, но и в нем тоже причина. Но потом Артемизия сказала ему, что беременна, и это выглядело так, будто исполнилось самое заветное его желание. Посмотрели бы вы на него, такого гордого папеньку, – произнесла она, и ее рот скривился. – Он не мог скрыть восторга. И собирался признать его. Они спланировали все вместе: как мы поедем в Грецию, на *нашу* виллу, и там она родит ребенка. А знаете, кто должен был за ним присматривать? Я. Она стала бы жить с нами, подарила бы ему этого золотого младенца, а я была бы не более чем нянькой в собственном доме, которая довольствуется только теми крохами, что ей оставляют господа.

– Но больше всего вас мучило не ее предательство, правда? – предположил Стокер. – Вам было невыносимо его желание сломать все, что вы с ним вместе построили, и включить в ваш союз ее.

– Он выставил бы нас обеих на посмешище, – прошипела она. – А его это совершенно не волновало. Он был так счастлив. *Думал, что я буду*

счастлива. – Она всхлипнула. – Вот когда я поняла, что он совсем меня не знает. Я все эти годы столько ему отдавала, а он не знал обо мне совершенно ничего.

– Тогда вы и решили, что он должен умереть, – заключила я. – А лучший способ отомстить ему – это убить его любовницу и ребенка и посмотреть, как его за это повесят.

– Это очень изящное решение, – сказала она. – Просто убить его – это было бы слишком быстро. И все равно тогда осталась бы Артемизия с их ребенком, ужасным напоминанием об этих днях. Я хотела от них избавиться, ото всех.

– А как Гилкрест оказался в этом деле? – спросил Стокер.

– Артемизия ушла от него к Майлзу. Мы утешали друг друга как друзья, – быстро уточнила она. – Мы никогда не были любовниками, хоть он и предлагал. – Ее губы скривились от отвращения. – Вот так я его сюда и заманила сегодня. Сказала, что согласна лечь с ним в постель, что это подходящий финал для нашего союза. Ну и дурак. Он разделся и залез в кресло без малейших колебаний. Я велела ему закрыть глаза, пока буду раздеваться. Сказала ему, что стесняюсь, – невесело рассмеялась она. – Он открыл их, когда я перерезала ему горло. И был так удивлен. Не то что Артемизия. Она даже не пошевелилась, когда я ее зарезала.

– Потому что вы сначала одурманили ее. Как вам это удалось? – спросила я.

Она пожала плечами.

– Порция лауданума у нее в пунше. Когда она сказала, что чувствует себя усталой, я проводила ее наверх, в комнату Майлза, чтобы она немного полежала. Той ночью был прием, и никто не заметил, как мы с ней проскользнули наверх по черному ходу. Я подвела ее к его кровати и помогла лечь, а когда она уснула, взяла его бритву с умывального столика и перерезала ей горло. Это оказалось гораздо легче, чем я ожидала.

– На вас было белое платье, – заметил Стокер. – Как вам удалось не залить себя кровью с головы до ног? Должно быть, убийство прошло совсем гладко.

– Нет, не в этом дело. Было грязно, ужасно много крови. Но я была к этому готова. Я была в вечернем платье, поэтому руки у меня были обнажены. Мне достаточно было просто встать за полог у кровати, руку просунуть внутрь и сделать все, что нужно. Шторы там толстые, бордового цвета, и хоть на них и брызнула кровь, но следов практически не осталось. По крайней мере, это было незаметно с первого взгляда. Я вышла из-за полога, и на мне не было ни пятнышка. Только туфли испачкались, когда я

наступила в лужу крови.

– И вы сразу это заметили, а потому отдали их Гилкриту на хранение, – сказала я.

– Да, я положила их в ту коробку, в которой мне их доставили. Эмма Толбот видела меня с ней той ночью, но тогда ей это ни о чем не сказало. Но, увидев вас сегодня днем с той же коробкой под мышкой, она вдруг поняла, что могло произойти. Я сказала ей, что иду сюда, чтобы упаковать некоторые вещи для Греции. Она отправилась вслед за мной, чтобы предъявить мне обвинение. Я ответила ей, что это просто недоразумение и настоящий злодей – Джулиан. Сказала, что заманила его сюда, чтобы вывести на чистую воду, и что буду рада ее помощи. Затем я отправила ее в грот, якобы ждать его прихода, зная при этом, что она найдет его тут и тогда осознает всю правду. – Она помолчала. – Не самая приятная смерть, да? Никогда не забуду выражения ужаса у него на лице в ночь убийства, когда я отдала ему коробку с испачканными туфлями и рассказала, что сделала. Он думал, что, рассуждая об их смерти, мы лишь возводим замки из песка. Сказал, что не понимал, насколько серьезно я настроена. Но к тому моменту было уже слишком поздно. И он стал моим сообщником.

– Потому что, если бы он отказался выполнять все ваши приказы, вы просто рассказали бы полиции, что он вместе с вами планировал убийство. А он не смог бы выдать вас, не выдав при этом и себя, – заключил Стокер.

– Именно. Это чуть не сломало его. Мужчины не так сильны, как мы, мисс Спидвелл, – сказала она мне, заговорщически кивнув. – Они часто бросают нас именно в тот момент, когда особенно нам нужны. Но Гилкрест доставил записку с угрозой, которую я попросила его написать, и пытался соблазнить мисс Спидвелл, чтобы узнать, как много она уже успела обнаружить, хотя в этом он потерпел полную неудачу, правда? – спросила она.

Я пожала плечами.

– В этом в общем не было его вины. Я предпочитаю брюнетов блондинам. Кроме того, мне нужны более умные мужчины.

– Бедный Джулиан. Жадность его сгубила. Я знала, что журнал существует, но никогда не видела его. Майлз на удивление осторожно с ним обращался. Я не стала его искать после того, как моего мужа арестовали. Мне он был неинтересен. Я даже толком в него не заглянула, когда этот недотепа сторож мне его прислал. Вы порядком напугали его тогда, представляете? – добавила она с нотками одобрения в голосе. – Он обнаружил его в ту же ночь, когда гнался за вами. Аккуратно завернув, он отправил его мне в Хэвлок-хаус. Сказал, что боится, вдруг это какая-то

очень важная хозяйская вещь, поэтому нужно передать ее мне. Я открыла его из праздного любопытства. Вообразите мое удивление, когда я прочла последнюю запись. Я никогда не понимала, почему Луиза настолько уверена в невинности Майлза. Но теперь я смотрела правде в глаза. – Она резко оборвала себя, в ее глазах сверкал гнев. – Это худшее предательство, которое одна женщина может совершить по отношению к другой.

– Принцесса сказала, что они не были любовниками, – вставила я осторожно, но в ее глазах снова блеснула ярость.

– Это в общем не так важно, правда? Она пришла сюда с Майлзом. Она знала, как сильно я люблю его, как много значит для меня наша совместная жизнь. Но она все-таки пришла, несмотря на то, как неприлично это было, и одному Богу известно, куда это могло со временем привести. Когда я рассказала Джулиану о том, что имя Луизы есть в журнале, он практически ничего не ответил, просто ушел и заявил, что ему нужно о чем-то подумать. А сегодня сообщил мне, что отправил ей письмо, требуя ее изумруды. Он сказал, что ей придется заплатить, но я знаю, что его волнует не моя боль. Он просто увидел в этом возможность сделаться богатым и сбежать. Он собирался забрать драгоценности и уехать из Англии. Думал, что сможет спастись от меня, избавиться от всего, что натворил. Но спасения нет, правда? Ни для кого из нас.

Она говорила так, будто в заводной кукле раскручивалась пружина. Теперь она закончила, глубоко и решительно вздохнула и выпрямила руку с оружием, точно направив его на меня.

– Пора.

Дальше произошло несколько вещей одновременно. Воспользовавшись случаем, Стокер достал из сапога нож и с рычанием бросился вперед, вызывая огонь на себя. Оттилия повернула револьвер к Стокеру и не колеблясь спустила курок. Звук получился оглушительным, вновь и вновь отдавался от каменных стен и будто кружил по комнате. Он сильно ударил мне по ушам, но я успела нагнуться и вытащить ножи метнула его, пронзительно закричав от ярости. Он попал Оттилии прямо в грудь, она выронила револьвер и потянулась руками к рукоятке с изумлением на лице. Красное пятно начало медленно расплзаться вокруг ножа, торчавшего у нее из груди, кровь потекла по ее бледным рукам. Не проронив ни слова, она сползла на пол.

Я повернулась к Стокеру; он шел ко мне с широко раскрытыми от удивления глазами. Потом вдруг молча рухнул на колени, а я никак не могла понять, что с ним не так, пока он не повернул голову. С той стороны

лица рекой лилась алая кровь.

Я перескочила через недвижимую фигуру мисс Толбот, чтобы подхватить его, пока он не упал на пол. Крепко обняла его и сумела удержать, чувствуя, как мой рукав пропитывается горячей кровью. Он навалился на меня, но я подняла его голову.

– Не делай этого! – решительно сказала я. – Слышишь меня, глупый? Я не позволю тебе умереть!

Он открыл глаза, эти невыносимо голубые глаза, как кусочек джоттовского неба. В его взгляде была невыразимая нежность, и он сжал мою руку со всей силой, на которую был способен.

– Вероника, – сказал он тихим голосом, дрожащим от волнения.

– Да, Стокер?

Он сильнее сжал мою руку, и по его телу пробежала дрожь.

– Эта чертова стерва подстрелила меня.

Потом его глаза закатились, он наклонился вперед и потерял сознание.

Глава 27

Такая сцена могла присниться только в кошмарном сне. От фонарей на стенах продолжали метаться тени совокупляющихся пар, от их вращения начинала кружиться голова. Лицо Стокера оказывалось то на свету, то в тени, и его кровь казалась то бордовой, то черной, как чернила. От его крови мои руки были теплыми и липкими, и в какой-то момент единственное, чего мне хотелось, – это разрыдаться.

– Так не пойдет, – строго сказала я себе. Услышав сзади какой-то шорох и не успев даже подумать, быстрым движением вытащила нож из сапога Стокера. Не вставая, я повернулась и нацелила его как раз в изумленное лицо Эммы Толбот.

– Вы пришли в себя в очень подходящий момент, – сказала я ей.

– Я не приходила в себя, – холодно поправила она, – и не была в обмороке. Просто подумала, что это самый удобный способ исчезнуть с линии огня.

Я испытующе взглянула на нее.

– Не знаю, что лучше: ударить вас или поздравить, но вы можете склонить чашу весов в свою сторону, если поможете мне. Найдите что-то, чем можно перевязать ему голову.

Она не растерялась. Сразу же пошла к груде одежды, которую Джулиан Гилкрист сбросил в спешке, мечтая о предстоящем совокуплении, и достала оттуда его шейный платок и рубашку. Я воспользовалась ножом Стокера, чтобы разрезать ее на полосы, сделав что-то наподобие толстой повязки, обмотала сверху шейным платком, чтобы она лучше держалась, и закрепила его булавками из своих манжет.

– Так он должен продержаться до тех пор, пока мы не приведем помощь, – сказала я больше себе, чем Эмме Толбот. Ее рядом не было, я подняла голову и увидела, что она стоит над телом Оттилии Рамсфорт.

– Господи, – прошептала она, – вы попали ей прямо в сердце. Никогда прежде не видела ничего подобного.

– Она мертва? – бесцветным голосом спросила я.

– Да.

– Хорошо.

Я вытерла заляпанные кровью руки о юбку.

– Он слишком большой, мы не сможем его вынести и, боюсь, если все же попытаемся, он потеряет слишком много крови. Берите лампу и идите к

главным воротам. Если хватит сил, перелезайте через них. Если – нет, постарайтесь открыть любыми подручными средствами. Сколько сейчас времени?

Она взглянула на небольшие часы, висевшие у нее на цепочке.

– Через двадцать минут будет полночь.

– Черт, очень долго, – пробормотала я.

– Что долго? – спросила она.

– Ждать прибытия подкрепления. На рассвете сюда приедут джентльмены из столичной полиции, если мы не объявимся раньше, но до утра еще далеко. В доме кто-нибудь есть? Может быть, сторож? Он все еще здесь?

Эмма покачала головой.

– Никого нет. Она сказала, что отпустила его, подозреваю, чтобы без свидетелей расправиться с Джулианом. И со всеми нами, – добавила она, содрогнувшись.

Я пристально посмотрела на нее.

– Не вынуждайте меня вас ударить, мисс Толбот. Искушение так велико, что я еле с ним справляюсь. Так вот, вы пойдете по улице до ближайшего дома: соседи нам тоже сгодятся. Разбудите их и спросите, где здесь полицейский участок, нам нужно вытащить отсюда Стокера. Если вдруг встретите по дороге дежурного констебля, сразу зовите его. В противном случае вы должны послать за сэром Хьюго Монтгомери, главой Особого отдела.

– Особого отдела! – Даже в полумраке было видно, как широко раскрылись ее глаза. – Какие интересные у вас знакомые, мисс Спидвелл.

– Идите! – сказала я ей. – И не смейте возвращаться без подмоги.

Она послушалась и быстро ушла, а я осталась одна с двумя трупами и со Стокером. В замкнутом пространстве стоял тяжелый запах крови; мне казалось, что я даже чувствую его вкус. Медленно текли минуты, а пары все упражнялись на стенах. Стокер дышал, медленно и совсем не так глубоко, как мне того хотелось бы. Через некоторое время (сколько минут или часов прошло, я даже не могла предположить) он слегка приподнялся.

Он вытянул вперед руку, и я схватила ее.

– Я здесь, – сказала я ему.

– Что случилось? Где мы?

– Ты попытался изобразить из себя героя и был вознагражден пулей в голову, – строго сказала я ему. – Твоя глупость не знает границ.

– Почему у меня мокрое лицо? Вероника, ты что, плачешь?

– Не говори глупостей. Это просто кровь, – резко ответила я. –

Оттилия Рамсфорт пыталась тебя убить. Пока я тебя не перевязала, ты истекал кровью, как заколотый поросенок. У тебя рана на виске.

– Да, я чувствую, – сказал он. – Жжет как черт. Не помню, что было потом.

– И неудивительно. Ты повалился на пол как кегля.

– Не хочу показаться невежливым, – протянул он, – но позволь мне спросить: почему мы прохлаждаемся в этом ужасном гроте, вместо того чтобы пытаться получить медицинскую помощь?

– Ждем Эмму Толбот, она должна вернуться с подмогой, – заверила я его. – Но это проклятое место в такой глуши, что задача не из легких. Нам нужно просто держать тебя в тепле и спокойствии, пока не придет помощь.

– Черта с два я буду здесь лежать, – сказал он, попытавшись сесть.

Я уперлась ладонями ему в грудь и аккуратно подтолкнула обратно.

– Прекрати, иначе у тебя снова начнется кровотечение, а ты и так уже вылил на меня достаточно крови для одной ночи.

– Ну хорошо, – сказал он подозрительно смиренным тоном. – Но мне нужно по крайней мере оценить тяжесть ранения.

– Понимаю, – согласилась я. – Скажи, что мне делать.

Следующие несколько минут были не из приятных. Под его руководством я размотала повязку, осторожно, чтобы не задеть уже кое-где затянувшиеся края раны.

– Доставай свою фляжку с агуардиенте, – велел он. Я протянула ее ему, и он хорошенько смочил себе руку. Я в ужасе смотрела, как он ощупывал мокрыми пальцами края раны.

– Глубже, чем мне того хотелось бы, – пробормотал он, сильно побледнев. – Зашить будет сложно. Я не могу... – Он вдруг замолчал и стал делать глубокие вдохи, продолжая трогать висок. – Не могу нащупать осколки разбитой кости. Ты что-нибудь видишь?

Я попыталась успокоиться и заглянула в рану.

– Маленький кусочек, – сказала я ему.

Он протянул мне фляжку.

– Только, пожалуйста, побыстрее.

Я плеснула агуардиенте себе на руку и терла до тех пор, пока не заболели пальцы. Тщательно продезинфицировав пальцы, насколько позволяли обстоятельства, я запустила их в зияющую рану. Как можно осторожнее подцепила осколок раздробленной кости и вытянула его. Я показала его Стокеру, а он прикрыл глаза в знак одобрения.

– Умница, – пробормотал он.

– Что мне с ним делать? – спросила я, глядя на кусочек белой кости на

своей окровавленной руке.

– Сохрани себе на память, – предложил он. – А теперь ты должна промыть рану. Боже, я бы все отдал сейчас за пузырек карболки. Но и агуардиенте тоже сойдет.

– Будет больно, – предупредила я его.

Он приоткрыл глаз.

– Буду утешаться тем, что тебе это приятно.

– Дурак, – ответила я.

Я стала лить агуардиенте тонкой струйкой, так, чтобы жидкость протекала от одного края раны до другого, стараясь очистить ее, насколько возможно. Снова пошла кровь, но почти сразу остановилась, и я завязала ему голову его рубашкой, вывернутой наизнанку, чтобы сделать повязку как можно чище. Он не издал ни звука, пока я возилась с ним, но его руки были сжаты в кулаки и костяшки пальцев побелели, а когда я закончила, он наконец вздохнул и расслабился.

– Я забыл спросить, ты-то ранена? – вдруг заволновался он и снова попытался сесть. Я надавила руками ему на плечи.

– Лежи, идиот, тебе нельзя двигаться. Если дашь мне свой носовой платок, я постараюсь хоть немного протереть тебе лицо.

Он указал на свой карман, и я принялась оттирать ему кровь с лица. Она уже засохла, и толку от этого было мало, но, по крайней мере, мне было чем заняться. Я сняла жакет и, свернув, положила его под голову Стокеру вместо подушки. Я постаралась устроить его поудобнее, и он долго смотрел на вращающиеся фигуры.

– Меня от них тошнит, – сказал он слабым голосом. Я поднялась и пошла на поиски лампы; в кармане у меня нашелся коробок спичек, так что было чем ее зажечь. Когда она хорошо разгорелась, я потушила волшебный фонарь, и пары наконец прекратили свое нескончаемое совокупление. Я вернулась к Стокеру с лампой в руке.

– Что это, черт возьми, такое? – спросил он.

– Гениталии очень здорового молодого мужчины, – ответила я, помахивая перед ним лампой в форме фаллоса.

Он начал смеяться, но его смех быстро превратился в сиплый кашель.

– Не хочу, чтобы это было последним, что я увижу в жизни.

– Но ты не умрешь, – решительно возразила я. – Я запретила тебе умирать.

– Я готов подчиниться, – послушно ответил он.

Однако мне очень не нравился цвет его лица. Он был мертвенно-бледен, даже губы побелели, а дыхание стало очень слабым. Я

прикоснулась рукой к его щеке – она была холодной. Во всем был виноват каменный пол, на котором он лежал. Я не сомневалась, что холод от этих камней пробирает Стокера до костей, вытягивая из него все оставшиеся силы. Я снова отошла от него в поисках того, из чего можно было бы соорудить ему постель. Подошла к бархатным шторам, занавешивавшим проход в особняк. Сорвав их руками, дрожавшими от ярости, я взяла их в охапку и вернулась к Стокеру, чтобы устроить ему удобное ложе. Я намеренно избегала смотреть на распростертое на полу тело Оттилии Рамсфорт.

Стокер уже успел задремать и, когда я вернулась, проснулся с большим трудом и с непониманием в глазах.

– Что происходит? – спросил он.

– Ничего, ничего, – успокоила я его. – Просто нужно тебя согреть.

Я сложила бархатные шторы в несколько слоев, оставив свободным один край, чтобы укрыть его. Закончив, я уговорила его лечь на эту подстилку, правда, мне пришлось самой перетащить его, потому что двигаться он уже был не в состоянии. Затем я укрыла его и хорошенько подоткнула со всех сторон, чтобы тепло не уходило, а сама легла рядом с ним, прижавшись к нему покрепче.

Он опять задремал, но вскоре проснулся с чувством ужасной жажды. Я приложила фляжку с остатками агуардиенте к его губам, и он жадно все выпил. Я сомневалась в том, разумно ли подвергать его организм интоксикации, но он уже был настолько слаб, что это вряд ли могло сильно навредить. К тому же я подумала, что это может немного притупить ему боль в виске.

Он вновь закрыл глаза, но уже не заснул. Вместо этого стал выпутываться из бархатного покрывала, бормоча, что ему очень жарко.

– Тебе нельзя мерзнуть, – настаивала я. Я попыталась снова укутать его, но он протестующе застонал и крепко обнял меня.

– Не уходи, – пробормотал он. А я и не собиралась. И он прижал меня к своей груди, как ребенок сжимает в руках любимую игрушку, крепко, но и с некоторым благоговением.

Мне показалось, что сейчас подходящее время для откровений. Он не потерял сознания, лишь дремал, и я решила задать вопрос, во многом для того, чтобы как-то развлечь его, но и из собственного любопытства.

– Стокер, – начала я, – когда к нам приходил Мерривезер, у тебя с языка сорвалась одна фраза... Я даже не уверена, что ты сам это заметил, – мягко сказала я.

Он так долго молчал, что я уж было подумала, что он снова уснул, но

наконец его грудь зашевелилась, и я услышала ответ.

– Я заметил. Сразу же, как у меня это слетело с языка.

– «Ты не должен играть с Темплтон-Вейнами, – повторила я его слова. – Им всегда чертовски везет». Им.

– Ты видела Руперта, – напомнил он мне глухим, тихим голосом. – И Мерри ты тоже видела. И даже Тибериуса. Все Темплтон-Вейны похожи как две капли воды. У всех них золотисто-каштановые волосы и серые глаза. Даже моя мать на них похожа. Она была их дальней родственницей, тоже из Вейнов.

Я посмотрела на него: глаза голубые, как экваториальное небо, а волосы цвета воронова крыла.

– И когда ты это понял?

– Кукушка, подброшенная в гнездо, всегда пищит немного по-другому, чем остальные птенцы. Всегда есть то, что указывает тебе на твои отличия. Его светлость, старый виконт, тот, кого они все называют моим отцом, – сказал он, скривив свой красивый рот, – поступил так же, как поступают они все. Он дал мне свое имя и сделал вид, что ничего не замечает. Но он все заметил. И тысячью разных способов показывал мне, что заметил.

Я ничего не сказала, и он продолжал; он говорил так, будто меня там вовсе не было, погружаясь в воспоминания. Я поняла, что у меня начинают подозрительно стучать зубы, но лишь покрепче сжала челюсти и внимательно слушала его.

– У них с матерью были беспокойные отношения. Это был брак по расчету, но ведь они все такие, правда? У нее были деньги, у него – имя и титул. Говорят, довольно долго они неплохо ладили. Родили наследника, Тибериуса, и про запас – Руперта. Но потом что-то произошло. Он начал пить. Она – тоже, если послушать, что говорит Рип. И они начали ссориться. У него родился ребенок от горничной, мать об этом узнала. Дела шли все хуже и хуже. Желая вернуть мир в их дом, он пригласил художника, написать ее портрет. Тот был родом из Уэльса. – Он замолчал и горько сам себе улыбнулся: – Ну и он не только написал ее. В результате в детской появился черноволосый ребенок, просто копия художника.

– В таких вещах никогда нельзя быть уверенным, – начала я.

Он попытался пожать плечами, но, поморщившись, передумал.

– В данном случае – можно. Виконт на некоторое время уезжал за границу. Когда это произошло, он был в тысяче миль от своей жены. Все знали, кто я такой, еще до того, как я сам все узнал, – просто добавил он. – Я с самого начала понимал, что я не такой, как все. Но почему – я не знал до тех пор, пока Тибериус милостиво не сообщил мне во время одной из

детских ссор. Слово было не из приятных. Когда я спросил няню, что это значит, она вымыла мне рот с мылом, а его светлость высек меня. Но я не сказал им, где я его услышал. Хотя Тибериус думал, что расскажу. Я видел это по его лицу, когда виконт меня порол; его светлость всегда заставлял остальных смотреть, когда наказывал одного из нас. Он думал, это приучит нас к дисциплине. Но мы просто ненавидели его еще больше, и только я был достаточно честен, чтобы говорить об этом вслух. И за это меня тоже пороли.

– Но, конечно, твоя мать...

– Моя мать была очень красивой, слабой женщиной, которая потеряла бы все, что было ей дорого в этой жизни, если бы хоть раз осмелилась противиться ему. – Тут он прервался и застонал.

– Ты же вся дрожишь. Это от шока. Ты убила ее, да? Ты убила ее, защищая меня, но теперь тебе от этого дурно.

– Мне не дурно, – ответила я, крепче прижимаясь к нему.

– Это нормально, – сказал он прерывающимся голосом. – В первый раз это всегда так. Сражение – это совсем другое. Там ты готов к чему угодно. Ожидаешь, что будешь убивать. А это нечто совершенно иное. Откуда тебе было знать, что ты это сделаешь?

– Но я знала, – тихо ответила я.

– Ты не могла знать, – возразил он, – и сделала это ради меня.

– Ты ведь бросился на нее, чтобы спасти меня, – напомнила я ему. – Это самое безрассудное, необдуманное, ужасно глупое... – Я замолчала, не в силах договорить.

– Но ты сделала это вместо меня, и теперь тебе придется с этим как-то жить. Этот первый раз, когда лишаешь жизни человека, очень сильно меняет тебя. Мне жаль, что с тобой это произошло из-за меня, – сказал он.

Я прижалась лицом к его шее, спрятав глаза, и ощутила, как бьется его сердце.

– Это не первый раз, Стокер. Мне уже приходилось убивать. И я могла бы убить еще тысячу человек, если б знала, что этим спасу тебя. Но я не могу об этом рассказать. Не сейчас. Поговори со мной, чтобы я перестала об этом думать, – в отчаянии попросила я. – Расскажи мне о матери, о своей матери с прекрасными серыми глазами.

Я долго не могла понять, как он воспримет мое признание. Любой другой оттолкнул бы меня, отказался бы от меня из-за того, что на мне лежит печать Каина. Но Ревелсток Темплтон-Вейн не был любым другим. С невероятной нежностью он поднял руку, обнял меня и прижал к себе еще крепче.

– Знаешь, она не любила художника, – продолжал он. – Не думай, что я был зачат в безумной страсти или стал плодом бессмертной любви. Это была лишь неприглядная интрижка между мужчиной, стремившимся выбиться в люди, и женщиной, которой так не хватало немного нежности. Как это часто бывает, художник оказался пройдохой, чье молчание можно было купить и которому щедро за это платили.

Я почувствовала, как ослабевает дрожь в моем теле, когда поняла, что он не будет заставлять меня говорить о вещах, о которых я не могла говорить. Вместо этого он обнажал передо мной свои беды, чтобы как-то разделить мои. Это был жест истинной душевной щедрости. Он стал гладить мое лицо, то вытирая мне слезы, то позволяя им течь сквозь его пальцы.

– Твоя семья платила ему за молчание?

– Каждый месяц, до тех пор пока я не ушел из дома. После этого виконт умыл руки. Сказал, его не слишком заботит то, что может раскрыться тайна моего происхождения. Я был трудным ребенком и не приносил ему ничего, кроме горя, в то время как должен был быть безмерно ему благодарен, – последнее слово он буквально выплюнул. – Я сбегал. Часто. В первый раз моя мать еще была жива, и она заставила его пустить по моему следу детектива.

– Вот тогда-то ты и познакомился с сэром Хьюго Монтгомери, – вставила я.

– Да. Я скрывался от них шесть месяцев, и это были счастливейшие дни в моей жизни. Думаю, его светлость был готов отпустить меня с миром, но мать заставила его действовать. Они, кстати, помирились. После моего рождения они оба осознали, как близки оказались к тому, чтобы все разрушить. Развод и публичный скандал были для них просто недопустимы. Поэтому они сделали хорошую мину. Мерривезер стал результатом их примирения, воплощением их готовности забыть старые обиды. – Он надолго задумался. – Я много размышлял о том, важно ли это, как влияют обстоятельства зачатия на характер ребенка. Он всегда был таким солнечным мальчишкой, счастливым и веселым. А я всегда был... другим. Неужели это навсегда оставляет отпечаток на ребенке?

– Меня об этом лучше не спрашивать, – напомнила я ему.

– Проклятье, – пробормотал он, – я совсем забыл.

Я все еще не могла примириться с обстоятельствами собственного зачатия. И иногда мне казалось, что никогда не примирюсь.

– Да ничего, – сказала я. – Неважно.

– Конечно, важно. Это важнее всего прочего. Это то, что нас

сформировало. Неужели ты не видишь?

Я отодвинулась, чтобы взглянуть на него. В его глазах была такая боль, какой я прежде никогда не видела. Я уже смотрела на него без одежды, но вот это была настоящая нагота. Я отвела взгляд и уставилась на свои ногти. Под ними запеклась его кровь тонкими красными полосками.

– Мы оба – дети безумства, – беззаботно сказала я. – Тем легче нам посылать к черту все их суждения. Какое нам дело до мнения других людей?

– Очень убедительно. Я даже поверил бы тебе, – сказал он, проведя пальцами по моей щеке, по которой текли слезы, – если бы не это.

– Я плачу не из-за твоего глупого брата, – сказала я ему, вытирая глаза рукавом. – Все из-за этой ужасной истории о твоём детстве. Порки, холодность и это чувство отверженности остальной семьей. У меня-то хоть была тетя Люси, теплая и настоящая.

– Но она же была не твоей, – мягко сказал он. – Она врала тебе так же, как они врили мне. А теперь мы освободились от них всех. Пусть их позор и секреты остаются с ними. Мы будем жить по своим правилам.

Я улыбнулась ему сквозь слезы.

– Есть такая старая испанская поговорка: «Бери все, что хочешь. Бери, – сказал Бог, – и плати».

– Мы заплатили за каждую минуту своей жизни. Пусть теперь платит кто-нибудь другой, – сказал он с жестокими нотками в голосе. – Если только мы отсюда выберемся, – добавил он.

– Мы выберемся, – пообещала я ему. Я не сомневалась в том, что Эмма Толбот выполнит мое поручение. Но в такое время суток поискихоть какого-то представителя власти могли занять у нее не один час. А потом ей еще предстояло убедить их в срочности нашего дела. И я не знала, как долго Стокер протянет на холодном каменном полу без нормального лечения.

Самый трудный урок, который я выучила за время своих путешествий, – это умение ждать. Бывают моменты, когда каждый мускул, каждый нерв мечтают о движении, все инстинкты велят бежать. Но желание спастись бегством не всегда самое безопасное. Случается, когда единственно верным решением остается затаиться и ждать. Я хотела только одного: поднять с пола распростертое тело Стокера, взвалить его себе на спину и вытащить отсюда. Но это было бы абсолютно неразумно; учитывая его размеры, я понимала, что не пронесу его больше нескольких сотен ярдов. И при этом могу нанести ему непоправимый ущерб, если в дороге повредятся те тонкие корочки запекшейся крови, которые хоть как-то

защищают его рану. И именно из заботы о нем я подавляла в себе всякое желание действовать, вместо этого я просто покрепче обняла его, пытаясь отдать ему побольше своего тепла и в одиночку справляясь со своими худшими ожиданиями.

Наверное, я задремала, но меня разбудил звук шагов: кто-то вошел в грот. То, что случилось потом, я позже могла объяснить лишь двумя вещами: тем, что я провалилась в глубокий сон, окруженная трупами и ранеными, и тем, как неожиданно я проснулась. В голове у меня было мутно после сна, и я еще не вполне оправилась после борьбы не на жизнь, а на смерть с Оттилией Рамсфорт. Все, о чем я помнила, – это что я любой ценой должна защитить своего ослабевшего, тяжелораненого друга. Я схватила первое, что попало мне под руку, и подняла свое оружие над головой как раз в тот момент, когда фигура появилась из темного узкого коридора. С криком, напоминавшим боевой клич маори (я упражнялась в нем в течение нескольких лет), я бросилась вперед и со всей силы обрушила свое оружие на голову вошедшего мужчины.

– Черт возьми, что вы вытворяете? – закричал Морнадей, падая на колени.

Сэр Хьюго Монтгомери зашел в грот и окинул взглядом представшую перед ним картину.

– Кажется, – ядовито заметил он, – мисс Спидвелл только что сбила вас с ног огромным мужским достоинством.

Только тогда я взглянула на свое оружие и поняла, что под руку мне попался один из коллекционных фаллосов Майлза Рамсфорта и я только что использовала его для нападения на сотрудника Особого отдела. Я протянула его сэру Хьюго. Он отшатнулся и жестом велел его забрать одному из своих бесчисленных помощников. Они наводнили помещение, целая толпа аккуратно одетых следователей Особого отдела; они не задавали вопросов, лишь исполняли любые приказания своего начальника с пугающей быстротой и точностью.

– Мисс Спидвелл поедет с нами, – сказал им сэр Хьюго.

– Мисс Спидвелл ничего такого не сделает, – возразила я. – Во всяком случае, пока мистеру Темплтон-Вейну не окажут медицинскую помощь.

Сэр Хьюго взглянул на лежавшего на полу Стокера. Несмотря на весь шум и суету, тот даже не пошевелился и не повернулся во сне.

– Что с ним, черт возьми, случилось?

– Оттилия Рамсфорт выстрелила ему в голову, – сообщила я. – И ему нужна квалифицированная помощь. Эмма Толбот должна была вам рассказать.

– Мисс Толбот поведала какую-то странную историю, в которую я не вполне посвящен, – сказал он мне.

Затем сэр Хьюго властно махнул рукой, подзывая одного из своих подчиненных, как выяснилось, полицейского-хирурга. Он быстро, но тщательно осмотрел Стокера, чтобы оценить его состояние.

– Пульс сильный, но замедленный. С первого взгляда я сказал бы, что он потерял много крови, но он поправится – нужны лишь время и покой. Пуля задела кость, – сообщил он сэру Хьюго.

Я вздохнула с облегчением, и Морнадей, который, вообще-то, должен был затаить на меня обиду, галантно подставил мне свою руку.

– Вы не злитесь на меня? – спросила я.

– У меня адски болит голова, – сказал он, – но вы выглядите как у черта на сковородке.

Я охотно ему поверила. Мои волосы растрепались, отдельные пряди свисали до пояса, а лицо и руки были измазаны кровью Стокера. Сажка из чадившей лампы тоже, конечно, оставила черные следы у меня на коже, и я была уверена, что от бессонной ночи у меня под глазами залегли темные круги.

– Не говорите глупостей, – отрезала я, пытаюсь заправить волосы в пучок и распрямляя плечи. – Со мной все в полном порядке. А что же случилось с Эммой Толбот?

Мне ответил сэр Хьюго.

– Появление мисс Толбот в ближайшем полицейском участке вызвало там некоторый переполох. Старший офицер решил, что ее история совершенно неправдоподобна, и задержал ее по подозрению в том, что она сбежала из сумасшедшего дома. Ее только сейчас отпустили.

– Тогда как же вы узнали, что вам нужно приехать сюда? – спросила я.

– Боюсь, это я все устроила, – послышался из темноты голос леди Веллингтонии.

Глава 28

Через несколько дней Стокер оправился достаточно, чтобы мы все могли наконец собраться в гостиной лорда Розморрана и обсудить странное завершение дела Рамсфорта. Иногда его продолжали мучить головные боли, а волосы на виске (их пришлось сбрить, когда накладывали швы, причем он настоял на том, чтобы сделать это собственноручно) начали отрастать и были совершенно белыми, в отличие от остальных черных локонов. Он не снимал глазной повязки, чтобы хоть немного уменьшить головную боль, и выглядел в тот день как настоящий опасный преступник. Встречу организовала ее светлость. Явились сэр Хьюго, Эмма Толбот и сэр Фредерик Хэвлок в сопровождении горничной Черри. Она с очень торжественным видом везла его кресло и гордо вышагивала в накрахмаленной форме частной сиделки. Неизвестно, что заставило его повысить ее статус в доме, но она явно собиралась извлечь из этого всю возможную выгоду.

Однако леди Веллингтония оказалась более осторожной, чем можно было о ней подумать. Она кивнула Черри, когда та устроила сэра Фредерика у камина.

– Спасибо, дорогуша. Миссис Баскомб будет рада составить вам компанию у себя в гостиной, – сказала она тоном, не допускавшим возражений. Черри удалилась, бросив через плечо взгляд, полный болезненного любопытства. Я могла ее понять. Тяжело смириться с тем, что знаешь столько подробностей этого дела, но не можешь послушать финал. Я лишь надеялась, что сэр Фредерик сжалится над ней и сам потом все ей расскажет.

После того как был подан чай и съедено немало прекрасных сэндвичей и пирогов, слово взяла леди Веллингтония.

– Мне следует начать с объяснения, которое, наверное, должно было произойти гораздо раньше, – сказала она.

– Совершенно верно, – ответила я намеренно сухо. Что бы там она ни собиралась объяснить в ночь, когда был ранен Стокер, все разговоры были отложены ради скорейшей медицинской помощи. И с тех пор нам оставалось только догадываться и строить предположения. Я не хотела оставлять Стокера надолго, даже чтобы дойти до особняка, и не отходила от него, как настоящая сиделка. В мои обязанности входило также следить за его жуками-кожеедами и читать вслух журналы различных

зоологических обществ, членом которых он являлся. (Рада сообщить, что живой спор по поводу статьи о плюсах и минусах батавианского способа консервации образцов стал переломным моментом на пути его выздоровления.)

Губы леди Веллингтонии сложились в улыбку.

– Именно из-за меня вас привлекли к этому делу, мисс Спидвелл, ну а вместе с ней и тебя, Стокер. Но даже я не могла осознать всей опасности.

Она говорила почти извиняющимся тоном, но весь ее облик, казалось, изменился. У пожилой светской дамы вдруг появился авторитет, и со смесью восхищения и изумления я поняла, что ей подчиняется сэр Хьюго.

– В течение долгой жизни мне посчастливилось бывать в близких отношениях с королевской семьей, – сказала она. – Я не люблю этим хвастаться, ведь непременно найдутся люди, которым захочется как-то использовать эти связи, но меня всегда глубоко волновало их благополучие, а иногда я даже оказывалась посвященной в их секреты, – добавила она, бросив на меня многозначительный взгляд.

Я сразу покраснела и уставилась в чашку. Я прекрасно ее поняла, поняла также и причину того, почему она так неясно выражается. Каковы бы ни были грехи моего отца, она не собиралась делать их всеобщим достоянием.

А она без запинки продолжала.

– Когда произошло это ужасное событие, я была за границей. И почти ничего не знала о случившемся, но когда несколько недель назад вернулась в Англию, принцесса Луиза сразу нанесла мне визит. Она была в отчаянии. Сказала, что вот-вот совершится ужасная несправедливость: мужчину, ее очень хорошего друга, повесят за преступление, к которому он непричастен.

Она кашлянула.

– Время от времени с различными проблемами королевской семьи мне приходилось прибегать к помощи сэра Хьюго, – сказала она, кивнув в его сторону. – Но в данном случае его руки были связаны. Он не мог изменить решения британского суда, а британский суд счел Майлза Рамсфорта виновным.

Эмма Толбот поежилась и нервно сделала глоток из чашки. Леди Веллингтония задумчиво взглянула на нее.

– В графине на буфете стоит прекрасный виски, – сообщила она. – Добавьте его всем в чай, девочка, да побольше. Думаю, нам всем не мешает немного успокоиться.

Эмма встала, взяла графин и обошла стол, подливая в каждую чашку

красивую янтарную жидкость. Когда она наконец снова сделала глоток и ее щеки опять порозовели, леди Велли вернулась к рассказу.

– Сэр Хьюго ничем не мог мне помочь, а Луиза была неспособна толком объяснить, почему она так уверена в невиновности Майлза, и мне пришло в голову, что принцесса в таком состоянии может совершить какой-нибудь необдуманный поступок. Например, нанять частного детектива, ненадежного и нечуткого человека. Тогда я уже не смогла бы ничего изменить. И вот я вспомнила о мисс Спидвелл, – сказала она, кивнув в мою сторону. – И, конечно, о мистере Темплтон-Вейне, с которым я давно знакома. Я знала, что он находчивый, умный и деятельный мужчина, и слышала, что мисс Спидвелл чертовски пытлива. Если существует способ как-то изменить решение суда, то они смогут его отыскать, решила я.

Меня немного задела характеристика «чертовски пытлива», а Стокер попытался скрыть усмешку за чашкой с чаем. Леди Велли продолжала.

– Тогда я предложила Луизе довериться мисс Спидвелл и поручить расследование ей. Тем временем я все устроила так, чтобы ненадолго переселиться в дом к своему племяннику, чтобы всегда быть в курсе дел и в случае необходимости оказывать небольшую поддержку.

– Например, снабжая нас некоторой информацией о сэре Фредерике и его доме, – вставила я.

Сэр Фредерик подал голос.

– Да, мы с леди Велли действительно старые друзья. Уверен, она может многое обо мне рассказать.

– Не так уж много, – поспешно возразила леди Велли. – Некоторые вещи не имели к нынешнему делу никакого отношения.

Стокер взглянул на меня.

– Той ночью вы, уходя, оставили мне записку для сэра Хьюго. Ему нужно было отослать ему только в том случае, если вы не вернетесь на следующее утро. Признаюсь, я поняла тогда, что вам без него не обойтись, и велела ему... посоветовала ему, – быстро поправилась она, – скорее прийти вам на помощь. Но этим мое вмешательство и ограничивается.

Я ей даже поверилабы, если бы не эта маленькая оговорка. Я поняла, что она ни за что этого не признает, даже если я попытаюсь открыто с ней поговорить. Но теперь у меня почти не осталось сомнений, что именно она была тем кукловодом, что дергал сэра Хьюго за веревочки. Я не могла даже вообразить, почему она играет роль защитницы королевской семьи, но стало очевидно, что именно она – этот серый кардинал. Я покосилась на Стокера и заметила, что он пристально смотрит на нее. Потом он быстро опустил взгляд в чашку, чтобы не встречаться с ней глазами.

– Я должна еще кое в чем признаться, – сказала она усталым голосом. – Поначалу я думала, что Луизу это дело просто вывело из равновесия. Я не ожидала, что на свободе действительно разгуливает настоящий убийца, и, конечно, не рассчитывала, что кто-то из вас окажется в такой ужасной опасности. Главным образом мне казалось, что ее немного развлечет это расследование, она сможет успокоиться и перестанет устраивать из этого трагедию, как она любит.

– Знаете, – тихо сказал Стокер, – в Африке я встречал такой обычай. Если кто-то хочет поймать льва, он привязывает к дереву козу в качестве приманки, а сам лежит в засаде и ждет, пока придет его жертва. Думаю, что козе об этом не сообщают, но все равно это выглядит немного жестоко, правда?

Она вздернула подбородок, но кажется, у нее сейчас не было сил бороться.

– Я заслужила этот удар, мальчик мой, и принимаю его. Я совершила ошибку, а ты чуть не умер из-за этого.

Стокер сразу покраснел.

– Пустяки, – заверил он ее, – это просто царапина.

– Неправда, – возразила она с тенью своего обычного напора в голосе. – Но все-таки я ценю твои слова.

Она глубоко вздохнула.

– Вот в чем заключалось мое участие и вот какую ошибку я допустила. Завтра я уезжаю в свой охотничий домик в Шотландии, где собираюсь размышлять о своих грехах.

– Только не нужно из-за меня облачаться в рубище и посыпать голову пеплом, – сказал ей Стокер. Ее губы дрогнули, будто она сдерживала какие-то сильные эмоции, но она ничего ему не ответила.

Сэр Хьюго размешал виски в чашке с чаем.

– Все необходимые формальности улажены, – сказал он нам. – Расследование смерти Джулиана Гилкрита и Оттилии Рамсфорт завершено сегодня утром, и решение присяжных вынесено.

Я уставилась на него во все глаза.

– Но нас со Стокером не просили давать показаний. Как же тогда вы могли провести расследование?

Он мягко мне улыбнулся.

– Там и так все было совершенно очевидно. Джулиана Гилкрита убила Оттилия Рамсфорт, которая затем, раскаявшись в содеянном, сама лишила себя жизни.

– Лишила себя жизни? – у меня зазвенело в ушах.

– Да, – ответил сэр Хьюго. – Не было свидетелей, которые подтвердили бы иное.

– Но я была там! – возразила я.

– Правда? Не могу припомнить, что видел вас там. – Он смахнул с брюк пылинку.

– Там были мисс Толбот и мистер Темплтон-Вейн, – напомнила я ему.

– А мисс Толбот и мистер Темплтон-Вейн могут поклясться, что видели, что именно произошло тогда в гроте? – спросил он.

– Ну... не знаю... – отпрянула я. Я повернулась к ним обоим по очереди. – Мисс Толбот? Стокер?

Эмма Толбот пожала плечами.

– Я лежала на полу и *не видела*, что произошло, просто предположила, что вы убили ее. Но могу ошибаться.

Я уставилась на нее, а она мне улыбнулась, и это была первая искренняя улыбка, которую я у нее видела. Ее лицо сразу показалось мне очень красивым, и я вдруг поняла, что сегодня я впервые с начала этой истории вижу ее счастливой.

Я повернулась к Стокеру.

– Я был без сознания. Ничего не помню, – честно ответил он. – Я не могу давать показаний.

– Вы удовлетворены, мисс Спидвелл? – спросил сэр Хьюго. – Никто не может подтвердить, что клинок, обнаруженный в сердце Оттилии Рамсфорт, вонзил в нее кто-то другой, а не она сама.

– Но почему?..

– Так было нужно, – быстро сказал он. – Я представил на суде письменное признание, обнаруженное в ее комнате в Хэвлок-хаусе, в нем описаны все ее преступления, она подтверждает, что виновна в этих убийствах. Она взяла на себя ответственность за смерть Артемизии и Джулиана Гилкрита, а также созналась, что хотела, чтобы ее мужа повесили.

– Признание? – спросил Стокер.

Тут в разговор вступил сэр Фредерик.

– Почерк, пожалуй, немного отличался от почерка Оттилии, – сказал он намеренно спокойным голосом, – но меня просили подтвердить, что это написано ее рукой, и моему слову все поверили.

– Но кто... – начала я.

Эмма Толбот отставила чашку и разгладила юбку.

– У многих женщин бывает похожий почерк.

– Вы написали ее признание? – Я смотрела на нее в изумлении, потом

перевела взгляд на сэра Хьюго, сэра Фредерика и леди Веллингтонию. – Вы все сговорились и подстроили это. Но почему?

Мне ответил сэр Хьюго.

– Это было целесообразно, мисс Спидвелл. Когда я представил суду это признание, все встало на свои места. Оттилию Рамсфорт признали убийцей, каковой она и была. Майлз Рамсфорт был полностью оправдан, и сегодня днем его отпустят, когда завершат все необходимые формальности. Журнал обнаружили среди вещей Оттилии Рамсфорт и уничтожили. Имущество принцессы возвратили ей в целости и сохранности, – сказал он, аккуратно напомнив мне о драгоценностях, – и ее имя не упоминалось в связи с этим делом.

Во мне зашевелились неприятные чувства.

– Мне нужно знать: она позволила бы, чтобы его повесили, или все-таки рассказала бы правду?

Он развел руками.

– Майлз Рамсфорт – неизлечимый оптимист. Он доверился ей и всегда надеялся, что она вознаградит его за преданность. И она ведь сделала это, по-своему, – напомнил он мне. – Она привлекла к расследованию вас и Темплтон-Вейна. Хотя мне и не по душе было это решение, но оно в конце концов привело к такому, вполне удовлетворительному, финалу. Все остались довольны.

– Кроме меня, – возразила я. – Ведь это неправда.

– Бывает разная правда, – строго ответила леди Веллингтония. – Для общественности такой правды вполне достаточно. Мы, все, кто присутствует в этой комнате, сделали все необходимое для того, чтобы в этом деле восторжествовала справедливость, и нам это удалось.

Мне не понравились ее слова, но ей нельзя было отказать в разумности. Мисс Толбот разлила всем еще виски, а когда и с этой порцией было покончено, мы все начали потихоньку прощаться. Сэр Хьюго отбыл первым.

– У меня дела, – сказал он, вставая и поправляя жилет. – До свидания, тетя Велли, – пробормотал он, целуя ее в дряблую щеку.

Когда он ушел, я вопросительно взглянула на нее.

– Тетя Велли?

Она махнула рукой.

– Это из уважения. Вообще-то, я его крестная.

– Помимо всего прочего, – тихо добавила я. Леди Велли улыбнулась своей крокодильей улыбкой.

Я подошла к сэру Фредерику, чтобы пожать ему руку до того, как за

ним придет Черри.

– Девочка просто чудо, – сказал он мне. – Быстрая, как заяц, и веселая, как птичка. Прекрасная компания для меня. Я подумываю закрыть дом и отправиться с ней к морю. Думаю, все, что мне нужно, – это долгий хороший отдых.

– Спасибо за помощь, – сказала я, – за все, что вы сделали, – добавила я, многозначительно приподняв брови.

Сэр Фредерик улыбнулся.

– Когда вы догадались?

– Что это вы послали ключ, чтобы помочь нам в расследовании? Только когда нашла туфли, – призналась я. – Кто угодно мог быть нашим таинственным благодетелем, но, обнаружив туфли, я получила доказательство, что преступник жил под вашей крышей, что это была ваша свояченица. Тогда я вспомнила ее портрет, который вы написали, как вы поймали там в ней жестокость и сильные чувства. Тогда я подумала, что вы, наверное, подозревали ее и пытались по-своему направить нас на нужный след.

Он вздохнул.

– Оттилия не любила Майлза. Она сходила по нему с ума. Вам может показаться, что эти чувства похожи, но это не так, мое милое дитя. Это две стороны одной медали, и одна из них вас разрушает. Мне повезло. С Августой мы любили друг друга. Мы ссорились, смеялись и каждую минуту жили по полной. Но страсть Оттилии была иной. Я увидел это с самого начала. Она привязалась к нему так, как ни один человек не должен быть привязан к другому. Она была им поглощена, полностью уничтожена. Вот почему я изобразил ее именно такой. Я даже тогда это видел.

– В этом и была ее трагедия, – заметила я.

– И его. Но, подозреваю, теперь он сильно изменится. Беспечность, легкомыслие – все это исчезнет после такого ужасного опыта. Он выйдет из тюрьмы другим человеком.

– Изменившимся к лучшему, – добавила мисс Толбот, присоединяясь к нам. Счастье, которое я в ней сегодня заметила, все еще освещало ее лицо. Она выглядела усталой и чуть осунувшейся, но при этом вся просто светилась.

Она радостно посмотрела на меня.

– Мне удавалось отправлять письма ему в тюрьму, и он писал мне тоже. Как только он окажется на свободе, мы уедем из Англии, – сказала она.

Густые брови сэра Фредерика взметнулись вверх.

– Вы и Майлз?

За нее ответила я, а в это время к нашей маленькой компании присоединился Стокер.

– Мисс Толбот всегда была влюблена в него, правда?

Она кивнула.

– Да, и сама себя за это ненавидела. Он был воплощением всего, что я презирала: склонный к расточительству и изменчивый, как ветер. Но я ничего не могла с собой поделать. Даже в самые ужасные моменты он был невероятно мил, как своенравный ребенок. В нем никогда не было зла, да и настоящей слабости – тоже. Он был непостоянным, как флюгер, но всегда хотел видеть в людях только лучшее, даже когда они плохо с ним обходились. Он всегда верил, что все будет хорошо, как бы ужасно ни обстояли дела. И все ему потворствовали, будто это была такая прекрасная шутка, что он был совсем не таким, каким мог быть. Меня одну это злило. Я думала, что хорошо скрываю свои чувства. Как вы узнали? – Она с любопытством посмотрела на меня.

– Стокер нашел набросок с Майлзом, который вы нарисовали. Мы видели его фотографии в газетах, но на вашем рисунке он был совсем другим. Вы наделили его благородством, которого мы в нем прежде не видели, – осторожно ответила я ей.

– Я нарисовала его таким, каким хотела, чтобы он был, каким, я знала, он *может* быть. Я и вообразить себе не могла, что наши чувства когда-нибудь будут взаимны, но он говорит, что всегда считал, будто он меня недостойн, – сказала она, гордо вздернув подбородок. – Мы поклялись оставить все преграды в прошлом. Уедем в Грецию, как только сможем. Он хочет оказаться подальше от всех газет и длинных языков. Там мы обретем спокойствие.

– Мне будет вас не хватать, – сказал ей сэр Фредерик. – И не вздумайте перестать творить.

– У нас еще будет время попрощаться, – пообещала она ему. Нам она по очереди пожала руки и пошла за Черри.

Я повернулась к сэру Фредерику.

– Прощайте, сэр Фредерик, – сказала я. Поддавшись порыву, я поцеловала его в щеку, а он прижал мою руку к своим губам.

– Если бы я был помоложе... – сказал он задумчиво. Я резко развернулась и отошла, а Стокер стал с ним прощаться.

На этом моя история практически заканчивается. В тот вечер, когда все

разошлись, Стокер свистнул собак и медленно направился к своей пагоде, а я осталась в комнате. Налила себе еще виски и подождала, пока мы с леди Веллингтонией останемся одни. Она подошла и села рядом со мной у камина; за нашими спинами в клетке щебетали Кратет и Гиппархия.

Я смотрела в свой стакан – в хрустальных стенках сверкали искры, а на поверхности плясал свет от огня в камине.

– Значит, все устроено, – сказала я. – Как аккуратно вы со всем разобрались. Должно быть, вы очень собой довольны.

Что-то в моем голосе задело ее светлость. Она пристально посмотрела на меня.

– Мы сделали то, что должны были сделать, мисс Спидвелл. Мне жаль, что Стокер был ранен. Но вы же не об этом сейчас, правда, дитя мое? Вы злитесь на то, что вас держали в неведении.

– Я злюсь, потому что оказалась пешкой, – возразила я. – Я не шахматная фигура, которую можно передвигать, куда вам вздумается, миледи. Меня втянули в это расследование не только потому, что вы хотели развлечь ее высочество или спасти от виселицы Майлза Рамсфорта. Вы меня проверяли.

Она слабо улыбнулась мне, но ее глаза были серьезны.

– И зачем, скажите на милость, мне это было нужно?

– Потому что, когда сэр Хьюго предложил мне содержание (деньги, которые они готовы были платить мне за молчание), я от него отказалась. И вы начали беспокоиться. Вы не знали, насколько можете мне доверять, и воспользовались удобным случаем, чтобы это проверить.

– Девочка моя, я уже стара. Жить мне осталось недолго, нужно с пользой прожить последние годы. Я воспользовалась случаем и попала в двух птичек одним метко брошенным камнем. Не вините меня за это.

– Я не буду играть в ваши игры, – сказала я ей. – Я объяснила сэру Хьюго, что мне ничего от них не нужно, а теперь повторяю это вам. Они для меня никто, и я им никто. Они ясно мне это показали.

То, что Луиза получила назад свои драгоценности и не утрудилась даже прислать пару строк благодарности, чрезвычайно меня разозлило, но то, что она не вспомнила о своем обещании познакомить меня с отцом, ясно показало мне, чего я стою в ее глазах.

– Вам нужен отец. – В ее голосе не было торжества, скорее, вызов на дуэль. – Дитя мое, вы испытываете мое терпение! – Она резко стукнула тростью о пол. – Думаете, кто настоял на том, чтобы сэр Хьюго на дознании устроил весь этот спектакль? Как считаете, кто потребовал, чтобы было написано и предоставлено суду это признание Оттилии

Рамсфорт?

У меня по спине пробежал холодок.

– Если бы я стала давать показания, меня обвинили бы в убийстве Оттилии, – сказала я, наконец-то начиная что-то понимать. – А он не хотел, чтобы мое имя лишней раз появлялось на публике.

– Он не мог вынести мысли о том, что его ребенок будет страдать, – поправила она меня. – Он сделал это для вас.

Я не скоро смогла заговорить.

– Спасибо, что так тактично отвернулись, – произнесла я наконец, убирая носовой платок.

– Не люблю сентиментальных сцен, – сказала она, тоже вытирая глаза. В ее голосе вдруг зазвучала доброта. – Вы должны понять, что они связаны по рукам и ногам. Он не может вас признать и даже встретиться с вами. Но не проходит и дня, чтобы он о вас не думал.

Я поднялась.

– Мне ничего не нужно, – сказала я, на этот раз совершенно искренне.

Леди Велли наклонила голову и смерила меня внимательным взглядом.

– Если бы они сейчас видели вас, то возложили бы тиару вам на голову и даровали титул. Величественна, как герцогиня, а такому нельзя научить.

– Не сомневаюсь, вы хотели сказать мне что-то приятное, – заметила я. – Но мне сложно воспринимать эти слова как комплимент.

Она медленно поднялась, опираясь на трость.

– Знаю, вы презираете мои методы, мисс Спидвелл, но мои мотивы чисты. Куда движется королевская семья, туда идет вся Англия. А куда идет Англия, туда движется весь мир.

– Понимаю, интересы одного человека не должны становиться выше благополучия страны, – не очень уверенно сказала я.

– Тогда вы должны понять их. Хотите вы того или нет, теперь ваши судьбы связаны, – сказала она мне. И я не поняла, угроза это или обещание.

Глава 29

Неделю спустя мы со Стокером сидели в саду Бишопс-Фолли, наслаждаясь последним теплом. По календарю осень наступила еще две недели назад, но иногда еще бывало жарко, в саду алел шиповник и кружились в воздухе листья, ветки плодовых деревьев гнулись к земле под тяжестью спелых и привлекательных яблок и айвы. Где-то бродила Патриция в поисках поздних салатных листьев, а бока Бетани, ко всеобщему изумлению, округлились: она была беременна, и отцом не мог быть никто, кроме Гексли. Как ему это удалось, оставалось только догадываться – по дому слышались перешептывания, а горничные даже держали пари на эту непристойную тему. Леди Веллингтония, удалившаяся в охотничий домик в Шотландии вместе с мистером Барингом-Понсонби, уже заявила, что заберет себе одного щенка, как только они появятся на свет.

Мы со Стокером увлеченно спорили о происхождении следов, которые сегодня утром обнаружили в саду. Он утверждал, что тут пробежала лисица, а я не готова была признать, что лисы бывают настолько глупы, чтобы покуситься на территорию Гексли. Солнце бросало на нас свои послеобеденные лучи, и вокруг было так красиво, что Констебл, при виде такой картины, должен был сразу взяться за кисть.

От семьи Стокера пришло очередное письмо, вежливое приглашение от виконта, его старшего брата. Я ничего не сказала, но заметила, что на этот раз оно не отправилось сразу же в корзину для мусора, как все предыдущие. Стокер был непривычно задумчив, и мне показалось, что, может быть, дело идет к примирению. Я ничего не спрашивала его и о Кэролайн, имени, которое он прошептал, когда я целовала его в опиумном дурмане. Какой бы властью над ним ни обладала его бывшая жена, это чувство было в нем еще сильно, и это знание вставало между нами, невысказанное, но важное.

Кэролайн оставила на нем свои шрамы, а это расследование – свой, подумала я, посмотрев на его висок. Рана уже полностью зажила, но белая прядь на виске всегда будет напоминать ему (и мне), что ради меня он бросился под дуло пистолета. Кэролайн много для него значила, но и я что-то значила тоже, решила я. И мое влияние было сильнее, потому что я ничего от него не требовала, кроме дружбы. Я не касалась его души.

– Ты что-то задумчива сегодня, – лениво сказал он.

– Я всем довольна, – честно ответила я.

– Вероника, – это прозвучало нежно, как мольба. Я не повернулась к нему, знала, что это предложение поговорить начистоту, но пока не была готова к этому предложению.

– Еще не сейчас, – сказала я ему. Я знала, у него остались вопросы из-за того, что я рассказала ему в ту ночь в гроте: о моем прошлом и о том, как я лишила жизни человека. Но я пока не была готова на них отвечать. Я улыбнулась и повторила то, что он сказал мне как-то в «Хеймаркете».

– Я ни с кем не говорила об этом. Может быть, никогда не смогу. Но если кому-то и расскажу, то только тебе.

Он кивнул, а я стала смотреть на красивую траурницу, которая лениво порхала в воздухе, и, когда на ее крылышки падал свет, они казались фиолетовыми; вот она скрылась за живой изгородью. А где-то неподалеку слышался шум: удары молотков, звон разбиваемого стекла и оживленные голоса рабочих, принявшихся за какое-то дело.

– Что это за возня? У его светлости новое увлечение? – спросила я.

Недавно лорд Розморран решил, что подогреваемый плавательный бассейн – как раз то, что ему нужно для скорейшего выздоровления, и за баснословные деньги велел соорудить его в своем римском дворике. Но это предприятие было закончено уже пару недель назад, и, несомненно, наш благодетель теперь принялся за что-то новенькое.

– Его светлость реконструирует стеклянный дом, – сказал мне Стокер, почему-то пытливо глядя на меня.

– Для чего? – Меня посетило доброе предчувствие.

– Для разведения бабочек.

– Он хочет устроить виварий?

– Мы еще несколько месяцев не сможем отправиться в экспедицию, и здешнего сада, конечно, тебе недостаточно для охоты на бабочек. К тому же в виварии ты сможешь выводить собственных и изучать их. Он собирается посадить в оранжерее нужные растения и просит тебя составить список гусениц, которые тебе понадобятся для начала.

Виварий! У меня в голове сразу стали роиться планы. Стеклянный дом был огромным; его можно было наполнить сотнями крылатых сокровищ любого рода, смотреть, как они превращаются из скучных, непонятных гусениц в куколок, которые сплетают себе шелковые коконы, как потом оттуда появляются бабочки с влажными крыльями, в которых скрыто столько блестящих возможностей... Я не могла вынести такого счастья.

– Со временем он может стать хорошим дополнением к музею, – продолжал Стокер. – Люди будут любоваться бабочками, не прищипывая

их к стене, смотреть, как те летают, едят и отдыхают на листьях. – Он замолчал. – Вероника, почему ты молчишь? Ты счастлива?

Счастлива? Это было слишком слабое слово, чтобы описать захлестнувшие меня эмоции. Я потянулась к нему и изо всех сил сжала ему руку.

– Ну хорошо, – ласково сказал он, – ты, конечно, молчишь, но я тебя слышу.

– Это ты сделал, – сказала я наконец, когда смогла говорить. – Ты попросил его это устроить. Для меня.

Он лишь мгновение смотрел мне в глаза, а потом отвел взгляд и стал рассматривать траурницу, которая как раз присела на ягоду шиповника.

– Когда ты была мне очень нужна, ты не оставила меня одного. Не знаю, что это такое, что отличает нас от всех остальных, делает нас подобными ртути, когда все вокруг кажется глиной, но именно это и связывает нас. Пытаться разорвать эту связь – значит воевать с природой.

На секунду он тоже сжал мою руку, а потом отпустил. На моей ладони осталось тепло его кожи. Он потянулся к цепочке от часов и снял с нее гиней.

– Кажется, на этот раз я проиграл пари, – начал он. Но я прижала монету пальцем к его ладони.

– Оставь ее себе. В следующий раз поспорим на две, – сказала я, усмехнувшись.

Я не знала, что нас ждет. Но была уверена, что у нас будет еще много приключений вместе, и мне хотелось, чтобы они поскорее начались.

А пока я повернула лицо к небу и закрыла глаза. Траурница порхала над живой изгородью в лучах заходящего солнца.

Благодарности

Пришло время для благодарностей. И я хотела бы от всего сердца выразить свою признательность следующим людям.

Прекрасным сотрудникам издательства Penguin – за поддержку и безграничный энтузиазм, особенно Крэгу Бёрку, Лорен Джаггерс, Клэр Зиони Каре Велш – за веру в Веронику. Я безмерно благодарна художественному отделу за блистательную работу, а отделам продаж, маркетинга, издательскому и рекламному – за самоотверженность. И, как всегда, особая благодарность Элен Эдвардс за то, что вернула Веронику домой.

За то, что всегда присматривала за Вероникой с добротой, мастерством и огромной изобретательностью, – моему издателю, Даниэлле Перес. Мою благодарность ей невозможно описать словами.

Моему агенту, Пэм Хопкинс, за почти два десятилетия заботы, тяжелого труда и дружбы. Я не могу подобрать слова, но ты и так все знаешь.

За щедрость и экспертизу в различных сферах: Джен Стейрук, Мэри Уильямс, Сьюзан Эллингсон и Линдси Карлсон.

За поддержку, дружбу и полезные уроки: Блейк Лейерс, Бенджамину Дрейеру, Али Тротта, Джозелин Джексон, Ариэль Лохан, Делайле Доусон, Рис Боуэн, Алану Брэдли, Сьюзан Элайя Мак-Нил, Лорен Виллиг, Натану Данбару, Стефани Грейвз, Холли Фор и Кэрин Тумм – все они предлагали свою помощь и поддержку в самые трудные моменты. Джеффу Эбботту – за имя «Майлз Рамсфорт», пришедшее в прекрасном творческом порыве.

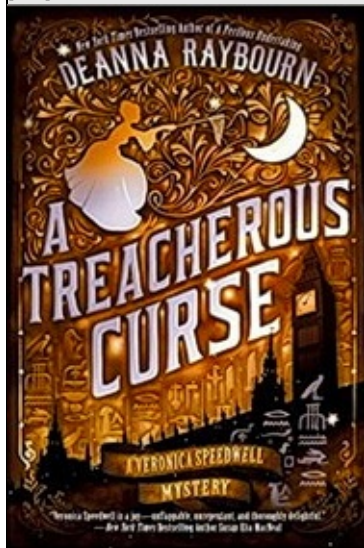
За административную работу и внимание к деталям я благодарна команде Writerspace. Особая благодарность незаменимой Джоми Вайлдинг за удивительно упорную работу.

За великодушие: Фернандо Веласкесу, чьи талантливые композиции постоянно звучали во время моей работы и добрые сообщения поддерживали мои творческие порывы.

Моей семье – за бесчисленные чашки чая, понимание, терпение и поддержку.

И, как всегда, за все – моему мужу.

Деанна Рэйборн

Зловещее Проклятие

Глава 1

Лондон, 1888

— Уверяю тебя, я вполне способен определить фаллос, когда вижу его, — сообщил мне Стокер, резко обрезая слова. — И это не фаллос. — Он указал на артефакт, который я только что извлекла из упаковочного ящика. Образец был примерно три фута в длину, вырезан из какой-то экзотической твердой древесины и отполирован до гладкого блеска. Мягкая упаковочная стружка свисала с него, как очень причудливый декор. Это придавало ему странно торжественный вид.

— Конечно это фаллос, — сказала я. Я размахивала перед ним предметом спора. — Просто посмотри на шишковатый конец.

Стокер сложил руки на широкой груди и посмотрел на меня сверху вниз. — Оцени, если угодно, длину. Неправдоподобно, ты должна признать. Более чем неправдоподобно. — Он делал все возможное, чтобы не показывать смущения, но на его щеках все еще цвели розовые пятна. Я находила привлекательным, что такой закаленный человек, опытный ученый, исследователь, естествоиспытатель, военно-морской хирург и таксидермист, тем не менее не мог справиться с девичьим румянцем, столкнувшись с символом плодородия.

— Стокер, — терпеливо сказала я, — и мужские, и женские гениталии прославлялись в ритуальном искусстве с незапамятных времен. И часто их пропорции преувеличиваются, чтобы донести их важность до народов, о которых идет речь.

Он скривил красиво очерченные губы. — Не взывай к этнографии, Вероника. Ты знаешь, как я отношусь к общественным наукам.

Я пожала плечами. — Некоторые ученые считают, что изучение культуры так же важно, как исследование костей или окаменелой улитки. И не делай вид, что ты невосприимчив к соблазнительному зову сирены гуманитарных наук. Я видела, как ты зачитывался журнальными статьями о роли религиозного ритуала в сокращении численности определенной разновидности черепах в Южном море.

— Я не зачитывался, — ответил он. — И кроме того, эти журнальные записи...

Он продолжал читать мне лекции в течение следующей четверти часа, о чем я не могу сказать, потому что я сосредоточилась на содержимом упаковочного ящика. Во время своих путешествий я уже давно

обнаружила, что мужчины во многом одинаковы, где бы они ни встречались. И если позволить им говорить на любимые темы, тем временем, как правило, можно довольно легко и без помех делать то, что вам хочется.

Упаковочный ящик только что прибыл в Бельведер — многообещающий музей, который Стокеру и мне было поручено организовать под эгидой нашего друга и благотворителя, графа Роузморрана. Расположенный на территории поместья его светлости Марилебон, Бишоп-Фолли, Бельведер представлял собой то ли великолепный склад скрытых от мира сокровищ, то ли хранилище семьи сумасшедших, в зависимости от точки зрения. Роузморраны были жадные приобретатели, собирающие по всей Европе коллекции произведений искусства, артефактов, зоологических образцов, книг, рукописей, драгоценных камней, доспехов и тысячи других вещей, которые не поддаются описанию. Как мы стали жить среди таких сокровищ — история, заслуживающая отдельной рукописи[1].

Расследовать одно убийство — любопытство. Расследовать два — это привычка. Стокер и я оказались в эпицентре преступления, когда наш общий друг, барон фон Штауффенбах, был убит прошлым летом. Мы раскрыли некоторые трудные истины и заключили осторожный союз с сэром Хьюго Монтгомери, главой Особого Отдела, самого престижного подразделения Скотланд-Ярда. Когда, в конце этого расследования, судьба оказалась злобной шлюхой и оставила нас без дома и работы, нынешний лорд Роузморран любезно пригласил нас со Стокером работать на него, живя в Бишоп-Фолли и каталогизируя его коллекции с прицелом в один прекрасный день открыть Бельведер в качестве публичного музея. Это была тяжелая работа, состоящая из распаковки, проверки, установления происхождения, очистки и регистрации каждого предмета — одни жуки могли занимать годы — но это было замечательно. Каждый день преподносил свои сюрпризы, и как только просочились слухи о наших начинаниях, стали поступать пожертвования в коллекцию. Казалось, что проект лорда Роузморрана был идеальной возможностью для его друзей избавиться от предметов, которые они больше не хотели. Они никогда не прислали бы ничего по-настоящему ценного — английская аристократия ничто так не ценит, как финансовое преимущество — поэтому мы получали непрерывный поток дряхлых охотничьих трофеев и жалких картин маслом. Они были абсолютно бесполезны, поэтому Стокер регулярно сжигал съеденные молью трофеи в саду, пока я устраивала портреты в некое подобие мрачной семьи, давая каждому прозвище и

получая особый восторг от каждого нового зловещего дополнения.

Но груз, доставленный этим утром, был самым необычным. Большой упаковочный ящик был наполнен мягкой древесной стружкой, чтобы удобно разместить множество фаллосов, каждый из которых был более впечатляющим, чем предыдущий. Глина, кожа, мрамор, дерево — материалы были почти такими же разнообразными, как и сами фаллосы, и ассортимент по размерам был откровенно необычным. От скромного маленького парня размером с ширину моей ладони до чудовищности, на которую я обратила внимание Стокера, они представляли тщательное изучение этого конкретного предмета анатомии. На дне ящика лежал кожаная коробка с карточкой, прикрепленной к крышке.

Персональный подарок мисс Веронике Спидвелл. Я не забыл свое обязательство. С моими комплиментами и сердечной благодарностью. Майлз Рамсфорт.

Внезапно таинственная коллекция обрела смысл. Наше второе расследование[2] спасло Майлза Рамсфорта от петли палача, и я не удивилась, что он решил погасить долг частью своей необычной коллекции эротического искусства.

Понятно, что Рамсфорт покинул Англию сразу же после его освобождения из тюрьмы, и мы никогда не встречались лично, но он прислал чрезмерно благодарственное письмо с великолепной серебряной цепочкой для часов Стокеру и обещанием вспомнить меня чем-то еще более примечательным.

Мое любопытство вспыхнуло, я осторожно извлекла коробку и открыла ее в порыве предвкушения. Я не была разочарована. С любовью завернутый в вату, еще один фаллос был шедевром искусства венецианского стеклодува. Из прозрачного выдувного стекла, с полосами сочного фиолетового цвета, он блестел, как леденец, когда я держала его на свету. Я хорошо это запомнила. Я восхищалась им, когда Стокер и я впервые изучали коллекцию, хотя как Рамсфорт узнал о моей высокой оценке, было загадкой. То, что он подарил мне самый дорогой образец из такой восхитительно-зловещей коллекции, было свидетельством как его благодарности, так и смелого чувства юмора.

Я помахала им перед Стокером. — Я была совершенно права насчет того экземпляра из твердой древесины, — сказала я ему. — Он был на дне ящика. Пришло от Майлза Рамсфорта. Личный подарок, — добавила я, пошевелив бровями.

Стокер яростно покраснел. — Ради бога, убери эту штуку от моего лица.

— Не могу представить, почему ты так застенчив в отношении мужских гениталий Homo Sapiens. Ты единственный из нас, кто может похвастаться, что владеет ими, — пробормотала я себе под нос, осторожно возвращая оскорбительный предмет в коробку и мысленно напомнив себе изучить его более подробно наедине.

— Я слышал это, — сказал он, возвращаясь к выполнению поставленной задачи: выкапыванию останков плохо установленного утконоса. Задача была грязной, но не тяжелой, поэтому он оставался в рубашке — редкое явление, учитывая его склонность работать, раздетым до пояса. Я сожалела о том, что он был полностью одет, но довольствовалась случайными оценивающими взглядами на его мускулистые предплечья, обнаженные до локтя. Его рубашка была расстегнута на шее, и он редко носил жилет и никогда не носил пиджак, если мог обойтись без него. Его черные волосы, волнистые и сильно нуждающиеся во внимании парикмахера, были перемежены тонкой полосой серебристо-белого цвета, сувениром нашего последнего набега на детективные занятия. Все закончилось, когда он был подстрелен в храме в нелепой попытке защитить меня от убийцы, и в результате получил единственную белоснежную прядь там, где пуля ударила его. Золотые кольца блестели в мочках его ушей, и одна из многочисленных татуировок — реликвии дней службы в качестве помощника хирурга во флоте Ее Величества — выглядывала из-под края его закатанного рукава. Он носил повязку на левом глазу — привычка, сохранившаяся с тех пор, как несчастный случай на Амазонке почти лишил его глаза, оставив тонкие бледные шрамы от брови до ключицы и даже за ее пределами. Он выглядел именно таким, каким он был: человек в расцвете сил, обладающий большим опытом и очень мало уважающий ожидания общества.

— Перестань меня внимательно изучать, как будто я одна из твоих проклятых бабочек, — сказал он примирительным тоном.

Я вздохнула. — Прошел год с момента моего последнего занятия сексом, — напомнила я задумчивым тоном. — Восхищение твоим телосложением — мое единственное утешение.

Он фыркнул в ответ. Я не скрывала своего совершенно разумного подхода к отношениям между полами — а именно, что брак является смехотворно устаревшим институтом, тогда как сексуальные занятия полезны для здоровья и восстанавливают отличное настроение. В интересах респектабельности я никогда не баловала себя, находясь в Англии, предпочитая удовлетворять свои побуждения во время поездок за границу — благоразумное и полностью эффективное решение.

Тот факт, что прошло больше года с моей последней экспедиции, начал испытывать мое терпение. Стокер осуждал мои пристрастия не больше, чем я судила его за то, что он жил так же целомудренно, как любой средневековый монах. Короткий и адский брак, за которым последовал период пьянства и распутства, настроили его против романов, хотя я регулярно рекомендовала ему восстановительный курс половой активности, предпочтительно со здоровой молочницей — курс, который ему еще предстояло принять.

Я рассматривала различные фаллосы, не зная, с чего начать. — Должна ли я расположить их по размеру? Или они должны быть сгруппированы по географическому региону происхождения? Или материалу? — спросила я. Стокер и я часто ссорились из-за различных методов организации коллекции. Я предпочитала хронологический подход, в то время как он твердо предпочитал тематический.

На этот раз он просто взмахнул рукой, явно покончив с темой фаллосов. Я подняла самый большой экземпляр — твердая древесина из Тихого океана, внимательно изучив его опытным глазом. — Знаешь, он мне напоминают об очаровательном американском парне, которого я встретила в Коста-Рике, — сказала я с ностальгическим вздохом. Я дала себе обещание никогда не поддерживать связь со своими любовниками, как только заканчивала с ними, но чуть не сделала исключение для американца.

Я не продолжила разговор. Стокер на этот раз был в хорошем настроении, что в последнее время стало редкостью. Февраль был очень неприятным, со снегопадом апокалиптических размеров и температурой, которая могла вызвать дрожь у белого медведя. Мы справились с ситуацией, усердно занимаясь работой, но у нас обоих были приступы тоски, тоски по мягкому климату и ветрам с запахом моря. Наша запланированная экспедиция с лордом Роузморраном — в южную часть Тихого океана в поисках новых образцов — была случайно сорвана из-за неудачного столкновения его светлости с его же черепахой из Галапагосских островов, Патрицией. Она бродила по поместью с грацией и скоростью валуна, поэтому то, как графу удалось перецепиться через нее и упасть, было вопросом, не объяснимым к моему полному удовлетворению. Результатом падения были перелом бедра и месяцы выздоровления. Мы сочувствовали его светлости и сказали ему, что мы ни в коем случае не возражаем, но я выпила значительное количество крепкого алкоголя, когда распаковала свою сумку, и подозреваю, что Стокер прятал дорогие мужские слезы, убирая свои карты и схемы.

Спасение Майлза Рамсфорта от петли было отвлекающим занятием, но

Рождество, проведенное с неуправляемым выводком лорда Роузморрана под ногами, и суровые опасности долгой зимы почти уничтожили нас обоих. Стокер забавлял себя, раскопывая самые нелепые из таксидермических монтровок, тогда как я начала читать газеты с сенсациями. Одна из них, *The Daily Harbinger*, оказалась полезной при изучении дела Рамсфорта, и я прибегла к подкупу мальчика на побегушках — Джорджа, чтобы он каждое утро приносил мне газету, прежде чем его светлость прочитает.

Этим утром он вошел, неся газету и первую почту, насвистывая веселую мелодию. Джордж замолчал, когда увидел предмет в моей руке, его глаза округлились от интереса, а его поручение было немедленно забыто.

— Знаете, мисс, это похоже на...

— Мы знаем, как это выглядит, — безжалостно вмешался Стокер.

Джордж заглянул в упаковочный ящик. — Откуда они, мисс?

— Со всего мира, — сказала я ему. — Их собрал джентльмен по имени Майлз Рамсфорт, известный меценат и подозреваемый в убийстве.

Он моргнул. — Ничего себе.

Я протянула руку. — *Harbinger*, пожалуйста.

Он отдал мне газету, прежде чем отправиться туда, где Стокер склонился над своим трофеем. — Забавный старый горноста́й.

— Это не горноста́й, — поправил Стокер. — Это утконос.

— Почему у него утка на лице? — Джордж осторожно протянул палец, и Стокер отмахнулся.

— Это *Ornithorhynchus anatinus*, утконос, семейство утиных, родом из Австралии.

— Но почему у него на лице утка? — настаивал Джордж.

— У него нет утки на лице. Это только его лицо.

— Вы снимаете утку с лица?

Ноздри Стокера слегка раздулись, и я поняла, что он собирается сказать что-то неприятное.

— Джордж, — позвала я, просматривая титульный лист газеты. — Какие последние новости об экспедиции Тивертонна?

Джордж подбежал, его лицо загорелось от интереса. У него была склонность к самым возмутительным историям в *Harbinger*, и истории в *Harbinger* уже были более возмутительными, чем большинство. Но он был хорошим парнем и гордился своей многообещающей грамотностью, поэтому я поддерживала его.

— О, мисс, вы должны прочитать это. Они говорят, что экспедиция проклята, — сказал он с нечестивым блеском в глазах.

Стокер фыркнул за утконосом.

— Вы не верите в проклятия, сэр? — спросил мальчик.

Стокер открыл рот — без сомнения, чтобы развить тему суеверий — но я ожидала это. — Проклятия не рациональны, Джордж. Для них нет научной основы. Однако есть веские основания полагать, что сама вера в проклятие может создать вредные последствия.

— Вред... — что? — спросил мальчик.

— Вредные. Это значит плохие. Я говорила, что простая вера в проклятие может придать ему силу.

— Фигня, — лаконично сказал Стокер.

— Есть хорошо документированные случаи, что отдельные лица...

— Именно, что отдельные лица. По этому вопросу не было проведено эмпирического исследования.

— И как же провести такое исследование? — спросила я язвительно. Он не удосужился ответить, и я повернулась к Джорджу. — Расскажи мне о проклятии.

Джордж и я были очарованы подвигами экспедиции Тивертон в Египте. Возглавляемая сэром Лестером Тивертоном, азартным баронетом средних лет, группа обнаружила тайник Восемнадцатой Династии.

Погребение было неполным, но саркофага принцессы и ассортимента могильных товаров было достаточно, чтобы вызвать международный интерес и произвести фурор. Сэр Лестер стал чем-то вроде знаменитости. Череда бедствий вызвала скорое возвращение экспедиции, а истории об их несчастьях приводили в восторг читающую публику.

— Говорят, что место раскопок посетил один из египетских богов. Не могу вспомнить его имени, но на голове у него собака, — сказал Джордж, указывая на мрачную иллюстрацию в газете.

Я быстро просмотрела статью. — Анубис, — сказала я ему. — Бог подземного мира, и это не собака у него на голове. Это шакал. — Я указала ему на греко-римский саркофаг. Стокер использовал его в качестве серванта для еды. На его боку был изображен парад древних богов.

У Джорджа было мало проблем с поиском Анубиса. — Эта штука тоже проклята? — спросил он.

— Я сомневаюсь. Это поздняя греко-римская копия гораздо более старого саркофага.

— Есть ли мумия внутри?

— Боюсь, что нет, — рассеянно сказала я, изучая рисунки в газете. — Просто коллекция раннего протезирования.

— Прот... — что это, мисс?

— Протезирование, Джордж. Поддельные руки и ноги предназначены для замены отрубленных.

— Чтоб мне провалиться! Но не мумия?

— Нет, не мумия, — заверила я его. — И не говори «Чтоб мне провалиться!» Это простонародное выражение.

— Я простонародный, мисс, — весело ответил он.

В этом не было сомнений. Все, что я знала, Ламли, дворецкий лорда Роузморрана, нашел его скорчившимся в канаве под капустным листом. Но мальчик был умным, быстро все схватывающим, благословленным любознательностью и способностями к цифрам. Если бы он мог обуздать свою склонность к сленгу и произносил звук «хэ», он вполне мог бы сделать из себя что-то стоящее.

Джордж снова вернулся к иллюстрации. — Говорят, что этот парень, Анубис пришел ночью в рабочий лагерь в поисках души, чтобы унести с собой.

— Чушь, — лаконично сказал Стокер.

— Нет, сэр, это правда, — упрямо продолжал Джордж.

Я подняла руку. — Мальчик прав. Директор раскопок умер несколько недель назад, а теперь экспедиционный фотограф исчез вместе с диадемой, принадлежащей мумифицированной принцессе. По-видимому, египетские рабочие обвинили в своих проблемах проклятье, наложенное на саркофаг принцессы.

— Чушь собачья, — ответил Стокер.

— Джордж, тебе лучше заняться делами, прежде чем ты узнаешь какие-то новые слова, которые мистер Ламли не одобрит, — сказала я мальчику. Он улыбнулся и продолжил свой путь, когда я закончила статью.

— Ты не должна поощрять его, — сказал Стокер, возвращаясь к утконосу. — У мальчика и так лихорадочное воображение.

— Не более, чем у этого репортера, — рассеянно сказала я. — Я не помню, чтобы видела его имя раньше, но Дж. Дж. Баттеруорт заработал себе репутацию, написав об экспедиции Тивертонна.

— Наш человек в Каире? — спросил Стокер.

— Больше похоже на нашего человека в Лондоне. Это случилось здесь, в городе. Очевидно, Тивертонны вернулись в Англию после исчезновения Джона де Моргана. — Я бы сказала больше, но я замолчала, как только увидела лицо Стокера. Он все еще наклонялся над утконосом, но его лицо застыло в выражении, которое невозможно было интерпретировать, настолько полностью оно было лишено эмоций. Цвет лица стал совершенно белым, а затем быстро покраснел. Я испугалась, что

он был на пути к апоплексии. — Стокер, что с тобой?

— Ничего, — ответил он после долгого молчания и видимых усилий. — Боюсь, я витал в облаках. Что ты сказала?

Я сжала губы, сдерживая вопрос, готовый с них сорваться. Что бы ни заставило его так сильно отреагировать, он не хотел делиться этим, а я не хотела совать нос.

(Я обещала честность на этих страницах, дорогой читатель, поэтому я признаю, что на самом деле у меня было довольно свирепое желание совать нос, но я узнала из мучительного опыта, что Стокер гораздо лучше реагировал на уклончивый подход, чем на более прямые методы. Учтите мой обширный опыт охоты на бабочек — печально известных неуловимых существ. Стокер доставлял не меньше хлопот, чем ChimaeraBirdwing).

Я продолжала. — Я сказала, что Тивертоны, сэр Лестер и леди Тивертон, вернулись в Англию. Смерть их директора раскопок придавала убедительность идее проклятия. Местные работники отказались вновь войти в гробницу, и директор древностей в Египте согласился, что лучше всего запечатать ее и дать событиям утихнуть до следующего сезона.

— И нет никаких следов фотографа?

— Джон де Морган? Нет. Очевидно, он исчез с места раскопок со своей женой. В то же время пропала жемчужина находки сэра Лестера — диадема мертвой принцессы Анхесет — и никто не знает, украли ее де Морган и его жена или их подставили.

Стокер ничего не ответил. Его цвет медленно вернулся к нормальному, и его руки возобновили свою работу. А я вернулась к почте, сортируя различные конверты в стопки. СЧЕТА ДЛЯ ОПЛАТЫ. СЧЕТА, ЧТОБЫ ПРИТВОРИТЬСЯ Я НЕ ПОЛУЧИЛА. ПИСЬМА, ЧТОБЫ ОТВЕТИТЬ. ПИСЬМА, ЧТОБЫ ИГНОРИРОВАТЬ. ПИСЬМА ОТ НУДНЫХ ЛЮДЕЙ. Остальное я отправила в корзину для бумаг.

Но последнее письмо потребовало моего немедленного внимания. Я издала слабый стон, когда узнала властную руку нашего бывшего друга и случайного спарринг-партнера из Скотланд-Ярда.

— Сэр Хьюго? — высказал догадку Стокер, когда я взяла зуб льва, который использовала в качестве ножа для бумаги.

— Сэр Хьюго, — подтвердила я. — Как ты догадался?

— Он наш единственный знакомый, способный вызвать такую реакцию. Нас приглашают нанести визит?

Я просмотрела краткое сообщение. — Мы не приглашены. Мы проинструктированы. Он хочет нас видеть, но он болен и вызывает нас к себе домой к своей постели. Вооружись, Стокер. Мы собираемся

встретиться с сэром Хьюго в его ночной рубашке.

Глава 2

Сэр Хьюго Монтгомери, глава Особого Отдела, верный сторож королевской семьи и время от времени наш союзник, находился и постели, когда мы приехали. Его дом стоял в одном из наиболее тихих, зеленых уголков Белгравии, настолько элегантно безличный, что его можно было легко пройти, если не присмотреться. Я подозревала, что это был осознанный выбор со стороны сэра Хьюго. Когда бы ни было возможно, он выбирал снижение стандартов, и я не была удивлена, когда дверь открыла очень благопристойная горничная, а не дворецкий.

— Мисс Спидвелл и мистер Темплтон-Вейн, чтобы увидеть сэра Хьюго, — сказала я ей. — Нас ожидают.

Она не ждала визитной карточки. Ленты на чепце накрахмалены и завязанны, она, не останавливаясь, повела нас к лестнице, мимо общих комнат и через два пролета прямо в спальне сэра Хьюго. Комната была соразмерна и со вкусом обставлена мебелью эпохи регентства из фруктового дерева и с очень хорошим обюссонским ковром. Занавеси были цвета измельченных листьев мяты, а покрывало — более темного зеленого цвета. Сочетание со стенами мягкого абрикосового цвета создавало успокаивающую элегантность, но эффект был слегка разрушен тропической температурой. Окна были плотно закрыты, и огонь разгорелся так, что в комнате было жарко как в будуаре сатаны. Пара маленьких столиков рядом с кроватью были заполнены бутылками и мисками, различными медикаментами, пачками носовых платков и спиртовой лампой. Запах камфоры тяжело висел в теплом, влажном воздухе.

Сэр Хьюго сидел в постели, окруженный газетами, и прижимал носовой платок к текущему носу. На его голове восседал ночной колпак с роскошной кисточкой из голубого шелка.

— Миз Тпидвелл, Темплтон-Вейн, — сказал он с резким кивком. (Во время нашего визита он продолжал шепелявить, старательно дыша через рот, но я не буду пытаться воспроизвести ужасные звуки, которые он издавал). Он махнул нам на пару стульев рядом с кроватью, в то время как горничная ждала у двери.

— Что такое, Картер? — гневно потребовал сэр Хьюго.

— Время принимать тоник, сэр. Леди Монтгомери дала особые указания, — сказала она.

Его лицо вытянулось. — Леди Монтгомери не моя мать. Убирайся, —

проворчал он.

Служанка ухмыльнулась, когда уходила; я подозревала, что она была так же позабавлена злобностью сэра Хьюго, как и мы. Я слышала, как Стокер подавляет смех, когда он с восхищением смотрел на ночной колпак с кисточкой.

— Нам очень жаль, что вы плохо себя чувствуете, — сказала я сэру Хьюго.

— По крайней мере, у вас есть некоторое сочувствие, — угрюмо сказал он. — Моя жена суетится, горничная командует мной, и Морнадей злорадствует. Готов поспорить, что маленькая блоха сейчас сидит в моем кресле. — Тот факт, что инспектор Морнадей жаждал работы своего начальника, был одним из самых плохо хранимых секретов в Скотланд-Ярде. Без сомнения, он наслаждался каждым мгновением свободы от бдительного ока сэра Хьюго. Но я решила, что не стоит расстраивать больного и проигнорировала упоминание о Морнадее.

— Мы не должны задерживать вас дольше, чем необходимо, — сказала я, на моих губах появилась жизнерадостная улыбка. — Вам нужен отдых.

— Мне нужно занятие, — парировал он, терзая газеты. — Вы знаете, что происходит в моем городе? Убийство! Хаос! Мизантропия! А где я? Застрыл в постели, ожидая, что Хелен даст мне дозу тоника для легких доктора Брайтлунга и силой накормит меня бламанже.

— Боже упаси, мы стоим между мужем и бламанже его жены, — пробормотал Стокер.

Сэр Хьюго потянулся к подушке, чтобы швырнуть в него, но я подняла руку. — Не беспокойтесь, сэр Хьюго. Стокер просто дразнит. Я подолью что-нибудь в его чай позже, чтобы отомстить за вас.

— Пусть это будет мышьяк. — Сэр Хьюго начал кашлять, отвратительный приступ заставил его задыхаться. Не говоря ни слова, Стокер подошел к окнам и чуть-чуть приоткрыл одно из них. Свежий холодный воздух ворвался в комнату, развеяв тяжелую атмосферу. Пока сэр Хьюго приходил в себя, Стокер занялся спиртовой лампой и различными бутылками. Через несколько секунд он подошел к кровати, неся дымящуюся миску и полотенце.

— Что это? — спросил сэр Хьюго.

— Лекарство, — сказал Стокер. Он поставил миску на поднос с кроватью и положил все это на колени сэра Хьюго. Он накиннул полотенце на голову больного. — Теперь, сделайте медленный, глубокий вдох и держите пар в легких как можно дольше.

Я понюхала воздух. — Шалфей?

— И тимьян с небольшим количеством мятного масла. Я бы предпочел белый эвкалипт, но его чертовски сложно найти за пределами Австралии.

Мы поболтали в течение нескольких минут, сравнивая травяные средства, которые мы собирали в наших путешествиях, пока не появился сэр Хьюго с сопливым и красным лицом, но с заметно более легким дыханием.

— Это работает, — сказал он с некоторым удивлением.

Стокер вздохнул. — Я хирург», — напомнил он сэру Хьюго.

— Да, я просто не знал, что вы хороший хирург. — Сэр Хьюго откинулся на спинку подушки, все еще окруженный ароматным паром. — Ах, мне намного лучше. — Он глубоко вздохнул и снова выдохнул. — Я не мог дышать почти две недели.

— Немного свежего воздуха и регулярные паровые бани из трав, — инструктировал Стокер. — И вылейте этот тоник. Он ядовитый.

— Я так и сделаю, — пообещал сэр Хьюго, явно в лучшем настроении. Он посмотрел на меня. — Вам может быть интересно, почему я попросил вас зайти сегодня.

— Мы в растерянности, — честно сказала я. — Мы не вмешивались в ваши дела с кражи чайного полотенца с прошлой осени. — Наши любительские следственные действия были занозой в боку сэра Хьюго. Он курсировал между неохотной терпимостью и пенистой яростью, когда мы оказались замешаны в расследовании убийства. Я не могла устоять перед желанием немного натянуть нос сэру Хьюго. — Я предполагаю, это как-то связано с моей нежелательной связью с королевской семьей? — Мой статус полулегитимного члена этой августовской группы вызывал недовольство сэра Хьюго и выявлял его самые защитные инстинкты. — Меня ждет ваше периодическое разглагольствование на тему, как все, что я делаю, может плохо отразиться на них?

Сэр Хьюго выглядел обиженным. — Я не разглагольствую.

— Вы это делали много раз. Должна ли я перечислить их?

— Я не позвал вас сейчас, чтобы читать вам нотации, — поправился он. — На самом деле, я хочу предложить вам помощь.

Стокер и я повернулись друг к другу, моргая. — Стокер, есть ли в этих травах что-нибудь, что может вызвать у сэра Хьюго галлюцинации? Это единственное объяснение.

— Я совершенно серьезен, — возразил сэр Хьюго. — Я знаю, что был строг с вами в прошлом.

— Вы меня арестовали, — холодно указал Стокер.

— Да, но...

— Ваши люди посадили меня в полицейский фургон и потащили в Скотланд-Ярд, как обычного карманника, — продолжил Стокер.

— Как бы то ни...

— Меня обыскали. Полностью, головы до ног, — закончил Стокер.

Сэр Хьюго заерзал. — Возможно, я позволил парням зайти слишком далеко, — признался он.

Я повернулась к Стокеру. — Они раздевали тебя?

— Они раздели меня, оставив в чем мать родила, — подтвердил он.

— Это, должно быть, напугало их, — размышляла я. Я имела удовольствие видеть обнаженные формы Стокера несколько раз, хотя и невинно. Любой мужчина, который лишил его одежды, несомненно, пострадает от сравнения.

Сэр Хьюго все еще сидел с широко раскрытым ртом от моего последнего замечания, когда я продолжила — Что вы имеете в виду, вы намереваетесь помочь нам?

— Я имею в виду именно это. Мое внимание привлекло то, что могло бы доказать... трудно сказать, — сказал он, казалось, в замешательстве. — Я не знаю, как лучше начать.

— Сэр Хьюго! Я видел вас в вашем худшем приступе гнева, и я должен сказать, что я гораздо больше смущен этим внимательным отношением к нашим чувствам. Выкладывайте, старина.

— Очень хорошо. — Он приподнялся на подушке. — Извините, что я напоминаю вещи, которые вы, несомненно, похоронили, — начал он.

Я открыла рот, чтобы спросить, о чем он говорит, но в тот момент я поняла, что взгляд сэра Хьюго не останавливался на мне. Он смотрел на Стокера.

Я закрыла рот. Выражение лица Стокера было таким же невозмутимым, как обычно.

— Какие вещи? — потребовала я.

— Вещи, которые могут привести к тому, что Стокера начнут подозревать как лицо, заинтересованное в исчезновении человека.

— Чье исчезновение? — спросила я, но Стокер не пошевелился. Он уже знал, поняла я, потому что на его лице была мрачность, которую я никогда раньше не видела.

Сэр Хьюго продолжил. — Парень по имени Джон де Морган. Совсем недавно он работал фотографом в экспедиции Тивертон в Египте.

При этих словах я расхохоталась. — Какая ерунда! Стокер не имеет никакого отношения к Джону де Моргану.

— Вероника... — тихо начал Стокер.

Я хлопнула рукой. — Тише, Стокер. Я ругаю сэра Хьюго. — Я продолжала в том же духе, высмеивая сэра Хьюго за явную нелепость идеи, что Стокер может быть причастен к исчезновению де Моргана. Через минуту или две я понял, что Стокер и сэр Хьюго подозрительно молчали, и молчание между ними висело в комнате.

Я обернулась к Стокеру. — Ты имеешь в виду, что это правда? У тебя есть связь с Джоном де Морганом. Почему ты не сказал?

— Как сказал сэр Хьюго, я похоронил своих мертвецов, — сказал он мне просто. Я ждала, но он больше ничего не сказал. Я повернулась к сэру Хьюго.

— Очень хорошо, между ними есть связь. Но вы не можете серьезно подозревать Стокера в причинении вреда парню. Могу ли я напомнить вам, что вы говорите о Ревелстоуке Темплтон-Вейн? Достопочтенном Ревелстоуке Темплтон-Вейне? Его отец был виконтом, а дед по материнской линии — герцогом Кесвиком.

— Мне известны его предшественники, мисс Спидвэлл. Это не защитит его от подозрений, если определенные факты станут достоянием общественности.

Я сделала глубокий вдох. — Отлично. Мы должны иметь четкое понимание этих фактов. Продолжайте.

Сэр Хьюго выглядел слегка успокоившимся, словно прежде он ожидал истерики. Он должен был знать лучше. Я была ученым, в конце концов. В раннем возрасте я узнала, что факты это единственное, на что можно по-настоящему положиться в этом мире.

Стокер ничего не сказал. Он просто сидел и ждал, пока сэр Хьюго заговорит.

— В начале этого египтологического сезона Джон де Морган был нанят в качестве фотографа для экспедиции сэра Лестера Тивертона. Он отправился в Египет с Тивертонами в ноябре, и ему было разрешено взять с собой жену, так как леди Тивертон и мисс Ифигения Тивертон должны были присоединиться к экспедиции после Рождества. Как вы, несомненно, читали в газетах, — сказал он, скривив губы, — было сделано открытие. Тивертоны обнаружили частичное захоронение принцессы. Две недели назад де Морган внезапно покинул Египет в сопровождении миссис де Морган. Они не сказали ни слова Тивертонам и оставили экспедицию, взяв лишь по одной ковровой сумке.

— Любопытно, — пробормотала я.

— В то же время бесценная диадема, принадлежавшая мертвой

принцессе, пропала без вести. Это самая важная вещь в коллекции, и, к сожалению, предполагается, что де Морган украл ее.

— Предполагается кем?

— Тивертонами. Они не хотели бы указывать пальцем, но поскольку коллекция должна быть внесена в каталог для египетских властей, они должны были сообщить о краже. — Он прочистил горло, продолжая рассказ. — Де Морган и его жена добрались на пароходе до Марселя, где сели в поезд до Парижа, а затем до Кале. Оттуда они взяли пароход по каналу, прибыв в Дувр около полуночи. Они отправились в небольшую частную гостиницу в Дувре, где снимали отдельные комнаты, так как де Морган страдал от плохого здоровья и не хотел беспокоить свою жену.

Я поджала губы, но ничего не сказала. Какая женщина предпочтет отдельную комнату для своего собственного комфорта, когда ее муж болен и нуждается в уходе?

Сэр Хьюго продолжал свой рассказ. — Они спали врозь. Утром де Морган исчез без следа. По настоянию его жены местная полиция провела расследование, но не нашли никаких следов его пребывания в Дувре или в Лондоне. Объявления были размещены в газетах по всей стране. Пассажирские списки, билетные кассы, железнодорожные грузчики — никаких результатов... Джон де Морган просто исчез.

Я презрительно изогнула губы. — Я удивлена, сэр Хьюго, что вы сделали такую гору из маленькой кучки грязи. Очевидно, парень хотел избавиться от своей жены. Он благополучно доставил ее на английскую землю, что было вполне по-джентльменски, но при первой же возможности скрылся с украденной диадемой, чтобы начать жизнь заново где-то еще. Без сомнения, он заложил корону, чтобы финансировать свой побег из Англии. Вы, лучше, чем кто-либо еще, должны знать, что вполне возможно сбежать от полиции при наличии удачи и предприимчивости. Это кажется совершенно простым.

Сэр Хьюго ничего не сказал.

— Это еще не все, — проницательно предположил Стокер.

Сэр Хьюго кивнул, кисточка его ночной шапки качнулась, как маятник. — Да. Видите ли, Джон де Морган был не единственным исчезновением. Когда его жена пришла разбудить его на следующее утро, весь его номер в отеле тоже исчез.

Влажный мизинец ужаса подкрался к моему позвоночнику. — Что вы имеете в виду, его номер в отеле исчез?

— Г-жа де Морган настаивает на том, что, когда они регистрировались, в комнате де Моргана были синие обои с розами и

мебель из орехового дерева. Миссис де Морган уложила мужа в постель и некоторое время сидела с ним, пока он засыпал. Она развлекалась, считая бутоны роз на обоях. На следующее утро, когда она пошла посмотреть, как он провел ночь, комната была пуста. И обои..

— Были другие, — закончила я.

— Незабудки, — сообщил нам сэр Хьюго. — Скорее мрачная шутка в данных обстоятельствах. Ковер был изменен на зеленый, а кровать заменена железной. Твердый стул, на котором она сидела прошлой ночью, теперь был роскошным креслом с сиденьем из полосатого желтого бархата.

— Это звучит ужасно, — заметила я.

— И ничем не напоминает комнату, которую занял Джон де Морган.

— Что за владелец отеля? — потребовала я. — Конечно, у него должно быть какое-то объяснение.

Сэр Хьюго пожал плечами. — Владелица, на самом деле. По словам миссис де Морган, она зарегистрировала их по прибытии накануне вечером, но на допросе в полиции Дувра сказала, что миссис де Морган прибыла одна.

— Книга записей отеля, — быстро сказал Стокер. — Джон подписался бы в книге записей отеля при регистрации.

Сэр Хьюго покачал головой. — Г-жа де Морган подписалась за них обоих, так как ее муж чувствовал себя плохо по прибытии. Единственная запись в книге сделана ее почерком.

— Если нет никаких доказательств того, что Джон де Морган когда-либо ступил на землю этой страны, как вы можете подозревать, что Стокер имеет какое-либо отношение к его исчезновению? — спросила я.

Выражение лица сэра Хьюго стало болезненным. — На самом деле я не подозреваю Стокера. Но без четких ответов относительно исчезновения де Моргана, естественно, возникла необходимость рассмотреть возможность нечестной игры. И как только начали обсуждать идею убийства, следующим шагом было определить, есть ли у Джона де Моргана смертельные враги. Как оказалось, у него есть только один.

Он поднял глаза на Стокера, который не дрогнул от пристального внимания. — Да, — спокойно сказал он. — Я ненавижу его. Но если бы я хотел убить его, я бы сделал это открыто и позволил бы вам надеть петлю на мою шею собственными руками.

Я уставилась на него. За те месяцы, что мы знали друг друга, я стала понимать его лучше, чем большинство. Некоторые истории он сам рассказал мне, о других я догадалась. Но в нем были тайны, темные и колючие секреты, которые ускользали от дневного света.

— Кто тебе Джон де Морган? — тихо спросила я.

Он ничего не сказал. Он просто сидел, так неподвижно, так тихо, что я почти могла представить, что его там нет. Это был сэр Хьюго, который заговорил.

— Джон де Морган был партнером в экспедиции Темплтон-Вейна в Амазонию в 1882 году.

Я почувствовала электрический толчок, проходящий через мое тело. — Он был твоим другом, — сказала я, выдавливая слова сквозь губы, внезапно холодные и жесткие. — Он оставил тебя там, когда ты умирал.

Улыбка Стокера была тонкой и безрадостной. — Он сделал больше, чем это. Он женился на моей жене.

Глава 3

Волна смеха, изящно уравновешенная на острие ножа неверия, поднялась во мне. Я задушила ее, когда сэр Хьюго торжественно кивнул в знак согласия. — Г-жа Джон де Морган до брака была Кэролайн Темплтон-Вейн.

Мои мысли крутились и падали. Похоже, появился еще один осколок прошлого Стокера, чтобы добавить к стройной коллекции, которую я хранила. Я знала, что он провел неудачную экспедицию в джунгли Амазонки, которая стоила ему его брака и его чести, а также его карьеры восходящей звезды на небосводе естественной истории. Я никогда не изучала детали, он редко упоминал этот период своей жизни и никогда без явной боли.

То, что Кэролайн Темплтон-Вейн оставила его в Бразилии и возвратилась в Англию, чтобы подать на развод по причине жестокости, было общеизвестным фактом. Журналисты учуяли запах крови в воде и собирались стаями как безумные, разорвав в клочья репутацию Стокера. Если бы он вернулся сразу, он мог бы смягчить ущерб, выстроить какую-то защиту, чтобы хоть немного изменить ситуацию. Но вместо этого он задержался в Бразилии, исцеляясь от ран, полученных в результате нападения ягуара, не удосужившись вернуться домой в течение трех долгих лет.

К тому времени ущерб не подлежал восстановлению. Он погрузился в безвестность и нищету, и только усилия нашего общего и оплакиваемого друга, барона фон Штауффенбаха, удерживали его от полной деградации. Барон посылал ему заказы на таксидермию и предоставил рабочее место, а после его смерти я взяла на себя ответственность за поддержку Стокера.

В нем была искра гениальности, но искры — вещи хрупкие, и они нуждаются в тщательном внимании. Я видела прогресс в последние месяцы, восстановление духа и уверенности, сломленных до осколков его печальным опытом. Волна неприязни к Кэролайн де Морган угрожала задушить меня. Я заставляла Стокера усердно работать, уговаривая и запугивая его до самого лучшего состояния, которое он знал с тех пор, как она уничтожила его. И теперь ее имя было произнесено еще раз, как ужасное заклинание, вызывающее призрак, который никогда не был полностью уложен в могилу.

— Я считаю, что мне нужно подкрепиться, — коротко сказала я. Я

встала и подошла к прикроватному столику, где я без разрешения взяла стакан, щедро плеснув в него *aguardiente* из фляжки, которую всегда носила с собой. Я выпила его одним быстрым движением, закрыла фляжку и тщательно вытерла рот. Когда я опустошила стакан и снова заняла свое место, я посмотрела на сэра Хьюго.

— Вы можете доказать мотив. Вы не можете доказать убийство. У вас нет тела.

— Сколько раз я должен говорить, что не хочу доказывать убийство? — спросил он с некоторым раздражением, подняв руки к небу. — Я не верю, что он был убит.

— Как вы думаете, что произошло? — спросил Стокер голосом, непохожим на его обычный голос.

Сэр Хьюго провел рукой по горячему лбу. — Я склонен согласиться с мисс Спидвелл. Я думаю, что парень видел, как можно разбогатеть и избавиться от жены одновременно. По этим причинам он взял драгоценность и ускользнул. Гадкий поступок, но, видимо, у парня были проблемы с деньгами и бурный брак.

Я немного оживилась, услышав последний фрагмент информации. — Действительно?

— Участники экспедиции указали, что брак де Морганов не всегда был сердечным. Они часто ссорились друг с другом, и деньги были постоянным источником трений.

— Возможно, — тихо сказал Стокер. — Джон никогда не мог удержать два шиллинга в своем кармане. Его жене это не понравилось бы.

Упоминание о женщине вызвало что-то зеленое и скользкое в моем животе. — Что миссис де Морган могла сказать о состоянии своего брака? — спросила я.

— Г-жа де Морган не отвечает на вопросы. Она разговаривала с полицией Дувра, но с тех пор отклонила любые попытки связаться с ней. Парни там были не так тактичны, как следовало бы, и все это было слишком тяжело для нее. Ее отец явился и взял на себя ответственность вместо нее, он дал понять, что мы не должны беспокоить ее снова. Наши руки связаны.

— Г-жа де Морган не может справиться с трудными реалиями, — сказал Стокер. — Если бы Джон оставил ее, это полностью разрушило ее.

— Возможно, она убила его, — предложила я приятным голосом.

Сэр Хьюго высморкался в носовой платок. — Навряд ли. Мне сказали, что она среднего роста, стройная и с тонкими костями. Она могла бы убить мужа, возможно, но никак не смогла бы избавиться от тела.

Стокер встал и подошел к окну, глядя на улицу, пока сэр Хьюго и я продолжали говорить.

— Почему задействован Отдел? Это, похоже, дело полиции Дувра. Разве это не должно начаться и закончиться с ними?

— Изначально мы не были частью этого расследования. Исчезновение одного незначительного человека недостаточно для того, чтобы вовлечь нас, — сказал сэр Хьюго, несколько высокомерно. — Но так как он был связан с экспедицией сэра Лестера Тивертонна, и, поскольку де Морган, возможно, скрылся с бесценным артефактом исторического значения, мы были в курсе.

— Не нашей истории, — исправила его я.

Сэр Хьюго пригладил усы.

— Экспедиция финансировалась и проводилась англичанами. Если бы это было оставлено египтянам, артефакты все еще хранились бы в земле.

Видя, что я собралась спорить, он поднял дрожащую руку. — Но это не относится к делу. Имя сэра Лестера является выдающимся, и мы были обязаны принять дело к сведению. Должен, пожалуй, отметить, что есть еще одна особа, которая с энтузиазмом относится ко всем египтологическим вещам и поощряет наше участие, — сказал он, заметно вздрогнув.

— Мой отец, — предположила я.

Сэр Хьюго не хотел признавать отношения так открыто, но коротко кивнул. — Его Королевское Высочество проплыл по Нилу весной шестьдесят второго года. — Он сделал паузу, зная, что я пойму значение даты.

— Когда весной?

— Март. За два месяца до вашего рождения и около трех месяцев после смерти его отца. Принц Альберт планировал поездку, как своего рода королевское путешествие, и, несмотря на ее горе, Ее Величество считала, что их сын должен выполнять свои обязанности, как планировалось. Это был вояж без официальных развлечений. Его Королевское Высочество проводил большую часть своего времени, куря сигары, читая сенсационные романы и делая себе татуировку, — закончил он, его губы сжались в неодобрении.

— Похоже, вы знаете об этом довольно много, — я пыталась говорить с непринужденностью, которой не чувствовала. Это все происходило за два месяца до моего рождения. Моя мать ожидала ребенка и будущего с моим отцом — ожидание, которое умерло вместе с ней с моего первого дня рождения.

— Я сопровождал Его Королевское Высочество, — объяснил сэр Хьюго. — Особого Отдела еще не существовало, конечно, но для принца было целесообразно иметь компаньонов трезвого и сдержанного характера, которые могли бы побудить его проявить интерес к людям и политике региона, а также его истории.

— И проявил ли он такой интерес?

Его лицо вытянулось. — С сожалением констатирую, что Его Королевское Высочество больше интересовался охотой на крокодилов, чем изучением тонкостей внешней политики. Но он сделал все возможное, чтобы игнорировать указания своей матери относительно приглашений, по крайней мере, однажды. Он встретился с местной властью, Саид-пашой, и установил довольно замечательную связь с этим человеком. Мало кто так обаятелен, как принц Уэльский, когда он прилагает к этому усилия, — закончил он.

— Каким он был в поездке? — спросила я тихим голосом.

— Есть фотографии, — сказал Стокер, не отворачиваясь от окна. — Парень по имени Фрэнсис Бедфорд сделал снимки и опубликовал их в двух изданиях.

Сэр Хьюго ничего не сказал, но я понимала, что он, должно быть, знал о фотографиях. Я видела своего отца однажды, мимоходом и на расстоянии. Этого было недостаточно. Принц, которого я видела, был среднего возраста и дороден, изящный костюм, не мог полностью скрыть его тучность. Но он не всегда был таким. Должно быть, он когда-то был красив, чтобы вскружить голову моей матери. Она была редчайшей красавицей своего времени.

— Ты видел эти снимки? — спросила я Стокера.

Тем не менее он не обернулся. — Кратко. Один из джентльменов в туре, Артур Стэнли, привез с собой слугу по имени Уотерс, у которого был талант набивать птиц. Я могу смонтировать все, что угодно, благодаря ему. Он показал мне эти издания один раз. Найти другие копии должно быть пустяком.

Сэр Хьюго слегка кашлянул. — Полагаю, я мог бы поохотиться в своих каналах, — сказал он не без любезности.

— Спасибо. Я предполагаю, что его путешествия по этой стране вызвали интерес к египтологии?

Он кивнул. — Он стал пристальным обозревателем с той поездки, хотя именно записи леди Тивертон действительно разожгли его интерес. Он нашел ее достаточно осведомленной в этом вопросе.

— Зная его репутацию, рискну предположить, что леди Тивертон

привлекательная женщина, — сказала я ехидно. Каждый факт, который я почерпнула о своем отце, всегда возвращался к сексу.

— Чрезвычайно привлекательная, — признался сэр Хьюго. — Она была основательницей экспедиций Тивертон, финансируя их своим личным состоянием и поощряя мужа проводить раскопки в ранее не исследованных районах Долины Царей.

— Должно быть, она очень рада, что обнаружила королевское захоронение, — размышляла я.

— Она была бы, — согласился сэр Хьюго. — Если бы она была жива. К сожалению, первая леди Тивертон умерла несколько лет назад. Она была инвалидом со слабым здоровьем и сделала Египет своим домом. Туберкулез, — сказал он с содроганием. — Ее вдовец, сэр Лестер, нашел гробницу, будучи на раскопках вместе со своей второй женой, нынешней леди Тивертон.

— Это вряд ли справедливо, — запротестовала я. — Бедная женщина тратит свои деньги и слабое здоровье, преследуя мечту, и как только она умирает, ее муж и его новая жена видят, как эта мечта осуществилась.

— Судьба жестоко обошлась с ней, — неразборчиво сказал сэр Хьюго, заканчивая тяжелым чиханием.

— Стокер, сэр Хьюго снова становится непонятным. У тебя нет лекарства? — Стокер не ответил, и после нескольких минут работы с платком сэру Хьюго удалось восстановить разговор.

— Как вы говорите, мисс Спидвелл, печальная ирония заключается в том, что леди Тивертон не дожидая до той поры, когда ее честолюбивые мечты сбылись. Можно только надеяться, что ее дух утешен. Она сделала все возможное в течение своего короткого времени на земле, чтобы вызвать интерес к Египту и его истории. Она написала ряд научных статей и опубликовала несколько томов своих эссе. Именно благодаря этим книгам принц хорошо осведомлен о событиях в области египтологии. Он также прочитал доклады сэра Лестера, и, естественно, он стал еще больше интересоваться исчезновением Джона де Моргана, когда он понял предисторию этого человека с тем, кто является вашим близким другом. Возникает вопрос вашей безопасности. — Он бросил многозначительный взгляд на широкую спину Стокера. Смысл был слишком ясен.

— Вы не можете говорить это всерьез, — сказала я ему, наливаясь ядовитыми чувствами. — Мой отец не беспокоится, что я нахожусь в партнерстве с потенциальным убийцей. Он обеспокоен тем, что, если Стокер снова станет печально известным, репортеры будут слишком глубоко вникать в его связи, в частности, в его связь со мной. И что потом?

Они расследуют мое прошлое? Они раскроют правду о том, кто я на самом деле? Принц Уэльский не заботится о моей безопасности. Он обеспокоен тем, что какой-нибудь несчастливый случай приведет к тому, что все его грязные секреты разойдутся в газетах.

— Его Королевское Высочество не выражал таких чувств, — ответил он с необычной строгостью. — Его Королевское Высочество даже не знает, на что способен Стокер.

Я уставилась на него холодным взглядом. — На что именно способен Стокер? — спросила я.

Сэр Хьюго имел совесть выглядеть неловко. — Должны ли вы сказать ей или я?

Стокер не отвернулся от окна. — Это было давно.

— Год, — поправил сэр Хьюго. — Не очень давно

— Я уже не тот самый человек. — Протест Стокера был нерешительным.

— Что ты сделал? — я осторожно задала вопрос, как будто мягкий тон жалил меньше.

Стокер слегка повернулся, его лицо было видно мне в профиль. — Наши пути пересеклись в прошлом году, мой и Джона. Я увидел его на улице. Полагаю, если бы я ожидал этого, я мог бы вести себя лучше, но я понятия не имел, что он был в Лондоне. Просто поднял голову и увидел, что он идет на меня. Я не думал. Я не рассчитывал. Я действовал.

— Что ты сделал? — повторила я.

Долгое время он ничего не говорил, и сэр Хьюго вмешался. — Он избил Джона де Моргана до полусмерти.

Я улыбнулась. — Хорошо.

— Какая вы дикая молодая женщина! — возразил сэр Хьюго. Но в его голосе не было осуждения, и по выражению его лица было видно, что он не полностью осуждает ни действия Стокера, ни мои чувства.

— Я видела Стокера в драке, — сказала я сэру Хьюго. — Дикарь это преуменьшение. Де Моргану повезло, что он сбежал живым, и Стокер говорит правду. Если бы он хотел убить его, он бы это сделал. — Я снова повернулась к Стокеру. — Из любопытства, почему нет? Я имею в виду, я бы, по крайней мере, испытывала искушение.

— Я тоже. Но после того, как я сбил его с ног, он отказался подняться. Я не убью человека, стоящего на коленях.

— Вот, — сказала я с некоторым удовлетворением сэру Хьюго. — Видите? У Стокера есть стандарты. Он не одолеет человека на коленях, и я могу пообещать вам, что он также не убьет человека при нелепых

готических обстоятельствах, которые вы описали. Кто бы ни был ответственен за исчезновение Джона де Моргана, явно слишком много читал миссис Рэдклифф.

Сэр Хьюго согласился. — Это действительно несет признаки мерзкого воображения. Но факт в том, что человек пропал без вести, как бы странны ни были обстоятельства.

— И вы думаете, что с тех пор, как Стокер публично избил этого парня в прошлом году, его имя станет нарицательным, как потенциального злодея в пьесе?

— Это только вопрос времени, — сказал сэр Хьюго. — Де Морган был, по-видимому, очень располагающим парнем. Нет известных врагов, кроме Стокера. Несколько небольших непогашенных долгов чести, счета одного или двух торговцев, но ничего такого, из-за чего стоит убивать человека. В жизни де Моргана нет никого, кто бы испытывал к нему такие недобрые чувства как Стокер.

Тогда почему его имя не всплывало раньше? Почему его не допрашивали и не арестовывали?

Потому что никто в Скотланд-Ярде не знает того, что я знаю, — ответил сэр Хьюго с явным удовлетворением. — Столкновение в прошлом году не было общеизвестным, но факты можно найти в довольно необычной папке в моей коллекции в Особом Отделе.

Я уставилась на него. — Вы провели о нем расследование. Из-за меня!

У него даже не хватило совести смутиться. — Естественно. Если человек собирается проводить столько же времени, сколько Стокер, с членом королевской семьи в такой интимной ситуации, которой вы оба наслаждаетесь...

— Я не член королевской семьи, и это грубейшее нарушение его частной жизни ..., - когда я только начала разогреваться, Стокер отвернулся от окна.

— Газеты, — ровно сказал он. — Сколько у нас есть времени, прежде чем они обнаружат связь де Моргана со мной и снова разгребут всю эту историю?

Выражение лица сэра Хьюго было извиняющимся. — Несколько дней, если нам повезет. Досье находится в моей личной коллекции, но у меня есть работники, которые собирали информацию, и мы должны быть готовы к тому, что они распускают языки. Вот почему я пригласил вас сюда. Я хотел сообщить вам, что скандал вот-вот разразится. В Англии нет газеты, которая не напечатала бы вашу историю с де Морганом в самых мрачных подробностях. Они будут выкручивать каждый факт, исказить правду ради

хорошей истории. Что бы они ни сделали с вашим именем в прошлый раз, сейчас будет утроено. Вы должны немедленно скрыться. Я знаю, что у лорда Роузморрана есть охотничий домик в Шотландии, который он с радостью предоставит в ваше распоряжение ...

— Нет. — Стокер и я проговорили в унисон.

Сэр Хьюго моргнул своими опухшими, текущими глазами. — Что вы имеете в виду, нет?

Стокер схватился за спинку стула, костяшки его рук побелели. — Я имею в виду, что я не был здесь в последний раз. Я не боролся. Я не пытался сохранить свое доброе имя. Оно было потеряно для меня навсегда, но я собрал обрывки приличия и достоинства, и я больше не позволю отобрать их у меня.

Сэр Хьюго двинулся, но Стокер взмахнул рукой, останавливая его. — Я не буду бежать. Я не буду прятаться. Я не убийца, и мне все равно, кто и что скажет обо мне. Я сохраню свое имя.

С этими словами он повернулся на каблуках и вышел из комнаты. Через некоторое время мы услышали стук входной двери, когда он выходил из дома. Я щелкнула языком, выражая недовольство сэром Хьюго.

— Действительно, сэр Хьюго, это было плохо проделано. Вы должны были знать лучше. Если вы хотели, чтобы он уехал, вы должны были приказать ему остаться.

Сэр Хьюго наклонил голову. — Однажды он сказал почти то же самое о вас. Что такое вашей парой, что вы, должны все делать наперекор?

— Что такого с остальным миром, что он не может принять нас такими, какие мы есть? — спросила я.

Я поднялась, и сэр Хьюго схватил меня за руку. — Вы будете осторожны, мисс Спидвелл?

— С ним? В этом нет необходимости, — пообещала я ему. — Он изменчив как море, но тверд как земля.

— Что вы будете делать? — почти жалобно спросил он.

Я пожала плечами. — То, что мы должны, сэр Хьюго. Мы найдем Джона де Моргана.

...

Стокер ждал меня, когда я вышла из дома, выражение его лица было задумчивым. — Я не должен был оставлять тебя. Это было грубо.

— Это наименьшее из твоих оскорблений, — сказала я, не останавливаясь. — Каким невозможным придурком ты стал? Ты действительно собираешься найти Джона де Моргана?

— Конечно, — сказал он, идя рядом со мной. — А ты не собираешься?

— Это логичный курс действий, и я сказала сэру Хьюго, что мы будем его преследовать, но ты должен признать, что это безумие.

— Как так?

— Как так? Как так? Ты не можешь быть таким тупым. Во-первых, у нас есть работа. Лорд Роузморран поручил нам каталогизировать его коллекцию, а не гоняться за возможными убийцами. Во-вторых, мы не знаем, возможно ли вообще найти Джона де Моргана. Я бы направила тебя к бритве Оккама — самое простое объяснение является наиболее вероятным. У мужчины есть жена, с которой он не всегда ладит, и состояние в драгоценных камнях. Любой дурак может провести черту между этими двумя точками. Он сбежал, — произнесла я, пересекая улицу вслед за конным экипажем.

— Кроме того, — сказала я, ускоряя шаг, — тут дело в огласке. Ты слышал сэра Хьюго. Как только газеты запустят зубы в эту историю, они не отцепятся от нее. Они разорвут тебя на куски, и мы ничего не можем сделать, чтобы остановить их. И, — добавила я с некоторой злобой, — королевская семья будет недовольна, если они узнают о нас.

Стокер не отставал, с легкостью делая длинные шаги. — Чтобы ответить на твои возражения, — сказал он с безумным спокойствием, — мы были вовлечены в авантюры, достойные газетных публикаций, и еще никогда не видели наших имен в печати. Этот вопрос не имеет прямого отношения к королевской семье, поэтому им не должно быть никакого дела до того, что мы делаем. Во всяком случае, они должны быть благодарны, если наши усилия помогут найти Джона де Моргана и раскрыть тайну. Что касается работы в Бельведере, у нас есть каталогизация на сто лет. Несколько дней вряд ли будут иметь значение, и я не заметил, чтобы ты выдвинула возражение, когда мы бросились расследовать дело Майлза Рамсфорта по твоей инициативе.

Я остановилась так внезапно, что Стокер сделал несколько шагов, прежде чем понял, что я не иду за ним. Он повернулся, и я посмотрела на него долгим, ровным взглядом. — Они будут охотиться за тобой, ты знаешь. Они будут охотиться на тебя, как стая диких собак. И они сломают тебя.

Что-то холодное коснулось его улыбки. — Пусть попробуют.

Глава 4

Стокер пребывал в необъяснимо плохом настроении до конца дня. Вместо того, чтобы позаботиться о своем веселом маленьком утконосе, он вместо этого разорвал шкуру белого носорога, пораженного мучнистой росой, врезаясь в него с диким удовлетворением.

Я привела в порядок *gonerilla* — новозеландский Красный Адмирал, коричневато-черную бабочку с шикарными красными косыми полосами — вывела собак на прогулку и написала статью для *SurreyandHomeCountiesAurelianSocietySemi-QuarterlyFolio* на тему *Satyrionw-album*, Хвостатка W-белое, непритязательная и удивительно неуловимая маленькая бабочка с любовью к вязам.

Наконец, когда замаячило чаепитие, мы с собаками уселись наверху. Бульдог Стокера, Томас Генри Хаксли, быстро завел дружбу с огромной кавказской овчаркой его светлости, Бетони. Ну, возможно, не столько дружбу, сколько жаркий роман, который уже привел к одному помету крайне неудачно выглядящих щенков. Они были неразлучной, хотя и комичной парой, и я погладила их обоих, раздав лошадиные голени, чтобы они грызли их. (Должна заметить, что кости были получены от любезного человека, который послал их нам, полагая, что это кости ног крошечных динозавров).

Когда собаки с радостью уселись, Стокер бросил инструменты и стряхнул с себя опилки.

— Попробуй пирог, — предложила я, передавая тарелку. — Эта партия на самом деле съедобна. Повариха превзошла сама себя. — Одним из преимуществ жизни и работы в Бишоп-Фолли было то, что наши блюда обеспечивались поварихой графа. В то время как ее жаркое было непревзойденным, а пудинги были самой большой радостью Стокера в жизни, каменные пирожные неизбежно соответствовали их имени, благодаря ее привычке принять послеполуденный напиток из сливочного хереса, а затем вздремнуть. Обычно служанка, оставшаяся ответственной за выпечку, висела над кустарником, наблюдая, как сын садовника управляется с мотыгой, в результате чего пироги неизменно страдали.

Но ничто не могло удержать Стокера от торта, и он энергично приложился, пока я наливала чай.

— Я знаю, что ты не хочешь это обсуждать, — начала я.

— Тогда почему ты затрагиваешь предмет? — возразил он с ртом,

полным крошек.

— Потому что мы должны разработать стратегию. Ни один хороший генерал не пойдет в бой без плана, — решительно сказала я. — Цезарь не сделал бы этого.

— Цезарь был убит его друзьями, — напомнил он мне.

— Потому что он никогда в жизни не слушал женщину, — возразила я.

— Touché. — Он положил себе еще один кусок пирога, намазав его джемом и сливками.

— У тебя застольные манеры вестготов.

— Я голоден, — возразил он. — Ты попробуй вытащить внутренности носорога натошак. Он был полон мусора. Я нашел там скелеты мертвых котят и газеты, изданные в связи с принятием законов о кукурузе. И змеиную кожу.

— Я знаю, — сказала я ему с нежным взглядом. — В твоих волосах остались кусочки.

Он смахнул большинство из них, затем пожал плечами и вернулся к своему пирогу, пока я перебирала ход своих мыслей. — Теперь, чтобы действовать логически, мы должны начать с самого начала. С Египта.

— Да, — сказал он, скривив губы. — Все началось в Египте, не так ли? Но не тот Египет, как ты думаешь.

Я моргнула. — Не экспедиция Тивертонна?

— Нет. Египет 1882 года. Когда мы с Джоном были в Египте вместе, когда мы впервые встретились с ней. — Он откинулся на спинку стула, оставшаяся часть его торта осталась нетронутой на тарелке. Из чашки с чаем в его в руках поднялись усики пара, извивающиеся в воздухе извилистыми лентами. — Мы с Джоном были назначены в HMSLuna. Вот как мы встретились.

— Какова была его должность?

— Мастер по оружию — должность, к которой он явно не подходил. Джон был не самым дисциплинированным из людей. Он столкнулся с капитаном в нашем первом путешествии, и мне было поручено сшить его потом. Мы стали друзьями — лучшими друзьями.

Его голос затих, когда он смотрел в глубины своей чашки.

— Какова была его ситуация? Кем были его родители?

Стокер пожал плечами. — Его отец был викарием, младшим сыном младшего сына. Дядя Джона унаследовал семейный дом и баронетство, которое шло к нему впридачу. У Джона не было никаких перспектив, кроме флота. Он уже попробовал церковь и изучал закон. Военно-морской флот был последней попыткой его отца как-то устроить его.

— Он был проблемным?

— Не больше, чем я, — сказал он. — Морская жизнь нас устраивала. Были месяцы мучительной скуки. Боже, ты не можешь представить скуку жизни в море. — Должно быть, он вспомнил мои собственные путешествия, потому что он слегка улыбнулся. — Или можешь. Но там ты действительно узнаешь другого человека. Мне понравился Джон. Он был мне как брат.

— У тебя есть три брата, — напредила я ему.

— И они мне как знакомые. Тиберий и Руперт были в школе, прежде чем я обратил на них внимание, а Мерривезер едва вышел из детской, когда я ушел из дома. Джон был моим первым реальным опытом товарищества. Я доверял ему.

Он замолчал и быстро проглотил чай.

— А потом был Египет, — подсказала я.

— Бомбардировка Александрии. Июль 1882 года. — Он склонил голову. — Где ты была тогда?

Я считала задом наперед, вспоминая даты. — Посмотрим. Мне только что исполнилось двадцать. Ах, это было мое путешествие по Южному морю и Индийскому океану. В июле 1882 года я плавала на плоту посреди Кораллового моря с китайским джентльменом. Мы потерпели крушение в Новых Гебридских островах.

— Один из твоих любовников?

— Конечно, нет. Он был в четыре раза старше меня, хотя не это было причиной моей сдержанности. Как оказалось, он был религиозным и принял строгий обет целомудрия. Он был также более чем информативным в области оборонительных искусств. Мы провели время, практикуя захваты и пытаясь пронзить копьём акул.

— Мне следовало бы знать. — Он еще раз глотнул чаю и покачал головой. — Чего-то в нем не хватает.

Я налила *aguardiente* в его чашку, и он помешал ее пальцем. — Лучше, — произнес он попробовав. — На чем я остановился?

— Сбрасывание бомб на мирных жителей Александрии.

— Иначе говоря, причина, по которой я покинул флот. Мне удалось добиться, чтобы меня упомянули в депешах, и это меня убедило — я не могу убивать, чтобы зарабатывать на жизнь. Иронично, не правда ли?

— Ты был помощником хирурга. Ты должен был спасать людей.

— Было немало и этого. Но у меня нет вкуса к военному бизнесу. Я покинул флот, как и Джон.

— Но это была его карьера, — отметила я. — Какой у него был план?

Его рот снова скривился. — Джон де Морган и планы не упоминаются вместе. Он хотел пойти туда, куда я пошел. Он думал, что нас ждет приключение, и мы справимся как-нибудь. Мы потратили последнюю часть нашего вознаграждения в Каире, живя как лорды, пока деньги не кончились.

— И именно здесь ты встретил... ее.

— На танцах в консульстве. Это было как раз перед тем, как мы подали в отставку, поэтому мы оба были в форме и выглядели ослепительно в наших синих мундирах. Все парни из морского флота были популярны в Каире, по крайней мере на данный момент. Нас приглашали повсюду — танцы, корты для поло, плавание по Нилу. Генеральный консул устроил грандиозную вечеринку, и приехала семья по имени Маршвуд. Муж был прикреплен к консульству в какой-то незначительной должности. Жена была одной из тех властных англичанок, которые живут сплетнями и жалобами, в то время как сыновья проигрывают в азартные игры. Но дочь... Она не была похожа на остальных. Той ночью играли любительский спектакль, чтобы развлечь нас. Она была одета как воплощение Справедливости, золотые волосы и длинное белое платье, настолько неземное, что я не мог себе представить, что могу прикоснуться к краю ее платья. Не знаю, откуда у меня взялась смелость подойти к ней, только помню, что это было страшнее, чем бомбардировка. Я даже не попросил, чтобы меня представили должным образом. Просто подошел и пригласил ее танцевать, и когда она вложила свою руку в мою, моя рука дрожала. Я считал себя самым счастливым человеком на свете.

Я крошила кусочек торта пальцами. — Должно быть, она была красивой.

— Как ангел, — медленно сказал он. — И я никогда не был религиозным. Но если бы ты спросила меня в тот момент, существует ли серафимы, я бы указал тебе на нее, и ты бы поверила.

Мой чай стал холодным и грязным, и я отложила чашку в сторону, стараясь не загрязнить ее в блюде. — И ты женился на ней?

— Я женился на ней. — Он снова замолчал, и это молчание обозначило все время, проведенное вместе, потому что, когда он снова заговорил, он ничего не сказал о самом браке. — После развода она вышла замуж за Джона. Я слышал странные новости тут и там. Он пытался присоединиться к многочисленным экспедициям, но его репутация была весьма подпорчена скандалом брака с разведенной женщиной. Опозорить мое имя не особо помогло, — добавил он с мрачной улыбкой.

— Как ты думаешь, он бросил ее?

Он пожал плечами. — Вполне возможно. Джон оставлял все остальное в своей жизни, когда ему было скучно или оно теряло свое очарование для него. Он не устойчивый человек.

— И ты думаешь, он способен украсть диадему?

Он бросил на меня любопытный взгляд. — Я иногда думал, что Джон де Морган украл бы митру с головы Папы, если бы подумал, что может использовать ее. Он был озорным мальчиком. Я не могу сказать тебе, каким мужчиной он стал.

— Интересно, что ты дружил с ним, — сказала я легко.

— Тогда у тебя более доброе мнение обо мне, чем я заслуживаю. — Он выпил чай и снова указал на флягу.

— Пусто, — соврала я.

— Вероника.

Я вздохнула и передала флягу. На этот раз он не стал пить чай, просто откинул голову назад и вылил значительное количество спиртного прямо в рот. Он содрогнулся от удовлетворения.

Пока он пил, мои мысли возвратились на несколько месяцев назад к ночи, которую я не совсем забыла. Я сохранила только обрывки воспоминаний в памяти. Остальные были потеряны из-за опиума и кокаина, опрометчивого набора наркотических веществ во время нашего предыдущего расследования. Но я помнила ощущение его губ на моих губах, широкие движения мышц спины под моими ладонями. И я помнила имя, которое он прошептал мне в рот, прежде чем я оттолкнула его. Кэролайн.

Я слабо улыбнулась ему. — Мне ее жаль. Она должна быть в ужасном состоянии, не зная, что случилось с ее мужем. Возможно, нам стоит навестить ее. —

Он не вздрогнул, но что-то заставило его руку согнуться и рот на мгновение сомкнуться. — Думаю, нет.

— Как пожелаешь, — сказала я шутливо. Он бросил на меня острый взгляд, но я уклонилась от его взгляда, вылила свой холодный чай в блюдо для выпечки и налила свежую чашку.

— Но ты совершенно прав, мы должны выяснить, что случилось с Джоном де Морганом, — сказала я. — Я вижу это сейчас. И если ты собираешься расследовать, я хочу тебе помочь. В конце концов, мы уже выследили двух убийц по моей инициативе. Можно даже сказать, что я должна тебе, — заключила я, широко улыбаясь.

Он ничего не сказал, но его брови сошлись, и между ними появилась морщина.

— Однако, — я разгладила мои юбки на коленях, — если мы не собираемся навестить миссис де Морган, нам следует собрать все факты, сколько мы сможем. И я могу думать об одном человеке прямо под носом, который обязан знать все об экспедиции сэра Лестера Тивертона.

Стокер поднялся из коричневого кресла, в которое до этого погрузился. — О! Кто бы это мог быть?

— Леди Веллингтония, конечно, — сказала я. Тетя нашего покровителя, лорда Роузморрана, леди Веллингтония была грозной женщиной с пальцами побывавших в большем количестве пирогов, чем у сына пекаря. Она знала всех и, что более важно, она была в курсе последних сплетен. Если в экспедиции Тивертона было что-то интересное, леди Велли бы это знала. Она копила информацию как алмазы, и не возражала делиться ею — в пределах разумного.

Стокер посмотрел с сомнением. — Мы почти не разговаривали с ней со времен Рамсфорта.

— Это потому, что она отсутствовала, — сказала я. Леди Велли покинула Бишоп-Фолли вскоре после завершения дела Рамсфорта и вернулась только в конце января. В какой-то момент она отдыхала в своем охотничьем домике в Шотландии, но в остальное время ее местонахождение было загадкой. Леди Велли любила знать все обо всех, но любопытство к ее делам не поощрялось.

— Нет, — поправил он. — Это потому, что ты не хотела, чтобы она снова вмешивалась.

В этом он не ошибся. Леди Велли зарекомендовала себя, как союзница великих и влиятельных людей, особенно с сэром Хьюго Монтгомери, ее крестником и партнером в защите королевской семьи. — Если мы обратимся к леди Велли за информацией, она только подтвердит сэру Хьюго, что мы расследуем.

— Хорошо, — сказала я, улыбаясь, как кошка по уши в сливках. — Хорошо.

...

На следующее утро мы последовали за звуками напряженной работы и обнаружили леди Велли в огромной теплице на территории Бишоп-Фолли, руководящей окончательной организацией недавно установленной системы отопления. После того как обломки рухнули, теплица была полностью переоборудована, вставлены новые стекла, и я осмотрела ее с гордостью собственника.

Лорд Роузморран приказал провести ее капитальный ремонт, чтобы создать виварий, среду обитания бабочек, где я могла растить *Lepidoptera*,

сколько моей душе угодно. Тот факт, что он сделал это по настоянию Стокера, я бы нескоро могла забыть.

Мы открыли дверь в виварий и отшатнулись. Пар развевался в огромных порывах вуали, покрывая сад лохмотьями тумана. — Какого дьявола? — позвала леди Велли. — Заходите и закройте дверь, прежде чем выпустите все тепло.

Мы выполнили приказ, протолкнувшись сквозь густую атмосферу теплицы туда, где стояла леди Велли, крепко обхватив ручку своей трости и уставившись вверх на сеть паровых труб, перекрывающих потолок сооружения. Рядом с ней стоял лорд Роузморран в той же позе. Ее трость была из-за старости, но его светлости трость была необходима из-за мучительного выздоровления после перелома бедра. Это был тяжелый перелом, и он был снова на ногах всего лишь с Нового года.

— Добрый день, ваше светлость, — сказала я. — Я рада видеть вас снова в строю.

Он улыбнулся своей улыбкой задумчивого ученого. — Вы слишком добры, мисс Спидвелл.

Леди Велли фыркнула. — Она говорит это только потому, что готова отправиться в южную часть Тихого океана. Вы бы сейчас были где-то рядом с Фиджи, если бы не эта ваша нога, — добавила она, ткнув своей тростью в направлении бедра его светлости.

— Леди Веллингтония искажает смысл моих слов, — холодно сказала я. — Ничто не может быть дальше от истины. — На самом деле, это была именно правда. Я глубоко сожалела о несчастном случае его светлости — конечно, из-за него, но гораздо больше из-за себя. Я предвкушала эту экспедицию с энтузиазмом, организовывая ее до мельчайших подробностей, пока большое неуклюжее тело черепахи Патриции и медленные рефлексы его светлости не опрокинули мои планы. Стокер и я были откровенны друг с другом по поводу нашего разочарования, но было неутешительно осознавать, что леди Велли тоже догадалась.

Вспомнив, что мы пришли просить ее об одолжении, я оскалила зубы в сердечной улыбке. — Стокер, — сказала я, обращаясь к нему с выражением ангельской сладости, — здесь очень тепло. Сними пальто. — Пот уже начал стекать по его лицу, и он согласился. Леди Велли никогда не могла устоять перед красивым мужчиной, и Стокер был одним из самых привлекательных среди ее знакомых. Она не смотрела — она была слишком хорошо воспитана для этого — но благодарно вздохнула, когда влажность пропитала его рубашку, приклеивая ткань к его бицепсам и грудным мышцам.

— Как идут ремонтные работы? — спросила я графа.

Он кивнул. — Капитально. Система отопления, которую я спроектировал, довольно эффективна, — сказал он нам с неопределенным жестом. Влага лилась дождем по внутренним частям окон, и клочья облаков плавали прямо над головой. Сквозь туман несколько десятков мужчин — рабочих и строителей — двигались туда-сюда, убирая строительный мусор и внося первые из горшечных деревьев, которые сформировали бы ботаническую инфраструктуру моих маленьких джунглей.

— Эффективна? — вмешалась леди Велли. — Мы сваримся, как рождественский пудинг, если вы не сможете ее отрегулировать.

Откуда-то в тумане послышался оклик и звук ударов по трубам, и его светлость поспешил переговорить со своими людьми. Он появился почти сразу. — Стокер, клапан сломан, и он оказался в довольно недоступном месте. Не могли бы вы оказать услугу? — спросил он с надеждой. — Я помню, что у вас есть опыт альпиниста.

Стокер не удосужился ответить. Он уже шел к металлическому кружеву, сняв сапоги. Он взобрался вверх по арматуре, свободно двигаясь, рука за рукой, с легкостью большого примата. Граф стоял чуть ниже, потирая руки. — Великолечно! — ободрял он.

Леди Велли покачала головой, глядя на графа с нежным выражением лица. — Он всегда был таким, мужчина и мальчик одновременно. Всегда возится, всегда размышляет, наш Роузморран. Теперь, что привело вас сюда? Желание поджариться как каштан?

Я могла бы притвориться, что просто пришла осмотреть мой виварий, но в этом не было никакого смысла. У леди Велли был такой же острый нюх на увиливание, как у охотничьей собаки на лисицу. Я перешла к сути вместо этого.

— В последнее время я читала об экспедиции Тивертона, и нас со Стокером очень заинтересовал сэр Лестер Тивертон.

— Тивертон! Путанник Лесси, так его прозвали мальчики в Итоне, — сказала она с любовью. — Он был в школе с другим моим племянником со стороны Фотергиллов, с одним из мальчиков герцога. — Кто-нибудь еще мог бы хвастливо говорить о связях с герцогским семейством, для леди Велли это была просто констатация факта. Леди Велли была связана кровью или браком с половиной дворянских семей в Англии. В родословной Боклерков насчитывалось много поколений графов, а дочерям они обеспечивали блестящие браки со сливками аристократии, создавая сеть кузенов, которую леди Велли безжалостно эксплуатировала для услуг

и информации. Ее сестра вышла замуж за герцога Рексема, родив пятерых сыновей за семь лет до того, как тихо умерла на Королевском ипподроме в Аскоте. Это был необычайно захватывающий день для скачек, и, видимо, никто не заметил, как мертвая герцогиня сползла в своем маленьком позолоченном стула, пока не пришло время уходить.

Леди Велли продолжала задумчивым голосом. — Лестер был младшим сыном и не ожидал, что унаследует баронетство, но его старший брат умер в Крыму незадолго до своего тридцатилетия. Бедный парень, погиб в расцвете сил, как и многие другие. — Ее лицо приобрело меланхоличное выражение, и мне стало интересно, сколько бравых молодых людей, которых она знала, ушли из жизни раньше срока из-за военных действий. Но леди Веллингтония Боклерк не была сентиментальным существом. Она быстро пришла в себя и одарила меня особенно отвратительной улыбкой, показывая множество плохих зубов. — Осмелюсь сказать, что он оказался бы извращенцем или обманщиком в картах, так что, возможно, это к лучшему, что он умер молодым.

Я едва не подавилась. — Почему вы это сказали?

Она дернула плечами, как бы пожимая ими. — У первенцев Тивертонов всегда было безрассудство в крови. Это приводит их к глупым поступкам. Их отец сломал себе шею, когда участвовал в беге с препятствиями. Пытался перегнать викария. — Леди Велли слегка встряхнулась, изгоняя ностальгическое настроение. — Но вы хотите знать о Лестере. Живой мальчик, хорошие мозги.

Я прикинула. Скорее всего, его умерший брат был не намного старше, значитсэру Лестеру, должно быть, перевалило за шестидесят, едва ли мальчик. Но леди Велли была достаточно древней, чтобы годиться в жены Мафусаилу, поэтому я предположила, что любой может показаться ей молодым. Она продолжила, ее острые черные глаза сфокусировались на чем-то наверху, когда она вспоминала.

— Он был несколько безрассудно-дерзким в юности. Тоже воевал в Крыму, но его не особо тянуло домой, когда все было закончено. Он продал свой патент и некоторое время путешествовал по Шелковому пути, затем продолжил восхождение на горы в какой-то забытой богом стране, название которой и я забыла тоже. Большую часть десятилетия провел в окружении язычников и мулов. Он остановился в Египте во время своих путешествий, и именно здесь он, казалось, нашел цель своей жизни. Похоже он заразился археологической лихорадкой, — добавила она с веселым блеском. — Под этим я подразумеваю, что он встретил мисс Люси Уорд, которая уже сделала себе имя египтолога. Они поженились, и он приступил к учебе.

Она научила его истории и методологии, а он обеспечил выносливость и силу для реальных раскопок. Они хорошо подходили друг другу.

— Я слышала, что леди Тивертон скончалась несколько лет назад, — сказала я, закатывая мои манжеты, когда пот начал выступать жемчужными каплями на лбу. Леди Велли была не из тех, кого можно оскорбить видом голого запястья.

— Люси никогда не дожила бы до старости, — сказала она, качая головой. — Туберкулез. У всех Уордов слабые легкие. Завораживающая внешность, с большими темными глазами и очень бледной кожей. Они кажутся феями, пока вы не услышите их хрипы и хаки, как у шахтеров, — добавила она с содроганием. — Я дебютировала с бабушкой Люси. Ее так сильно знобило, мне пришлось одолжить ей свой плащ на лебяжьем пуху во время презентации ко двору, чтобы ее зубы не стучали как кастаньеты.

У нее был отсутствующий взгляд, и я только открыла рот, чтобы заговорить, когда она подчеркнула, ее манера была оживленной. — Нет, Уорды никогда не доживают до старости, но Люси прожила дольше, чем большинство. Вы знаете, я была ее крестной матерью.

— Неужели?

Она взмахнула рукой. — Я была крестной матерью у половины Англии, дитя. Все знали, что герцог Веллингтон был моим крестным отцом, и, если они не могли заставить его спонсировать их ребенка, они просили меня. Они думали, что блеск Уэллсли может немного поистереться. Слава богу, англиканская церковь не требует большой религиозности. Я не думаю, что могла бы на самом деле учить их об Иисусе или слушать, как они сюсюкают катехизис. Нет, я посылала апостольскую ложку каждому, и на этом все заканчивалось. Но Люси была живой натурой, несмотря на все ее недуги. Она посылала мне письма из Египта, длинные, болтливые, полные интересных деталей. Она посетила меня один или два раза, когда вернулась в Англию. Она всегда надеялась, что окрепнет и сможет противостоять климату, но неизменно туманы и сырость возвращали ее обратно в Египет. Она была очень счастлива с Лестером, ей нравились его вспышки ярости и скрежет зубов. Жаль, что они не были вместе подольше. Она оставила дочку, если я правильно помню. Единственное потомство Лестера, некрасивая девочка по имени Фигги.

— Фигги? Никто не называет ребенка Фигги, — запротестовал я. — Это неприлично.

— Она — Ифигения, — объяснила леди Велли, — но имя было слишком громоздким для крошки, поэтому вместо этого ее звали Фигги. Я

должна была подумать, что Чернослив подойдет ей лучше. Рот у этой девчонки как кислое яблоко. Однако я не видела ее несколько лет. Она могла бы похорошеть. — Но лицо леди Велли выражало сомнение. Как и мистер Дарси, если она теряла доброе мнение о ком-то, она теряла его навсегда.

— Сколько лет сейчас Фигги?

Она снова пожала плечами. — Тринадцать? Пятнадцать? Это только предположение. Я невыежаю в эти дни так активно, как раньше.

Я посмотрела на яркие глаза-бусинки и попыталась не рассмеяться. Леди Велли могла произвести впечатление немощной, пожилой женщине, когда ей хотелось, но, по правде говоря, она была более энергичной, чем люди в пять раз моложе.

— Что вы можете сказать о теперешней леди Тивертон? — поинтересовалась я.

Ее тонкие брови приподнялись. — В некотором смысле это *misalliance*. Вызвало сплетни в определенных кругах, когда Лестер женился на ней.

— Есть что-то неуютное в леди?

— Ничего подобного, — резко сказала леди Велли. — Она респектабельная и добродетельная жена, мужчина не может желать лучшую. Она кроме того англо-египтянка.

— В самом деле?

Леди Велли кивнула. — Британский отец — шотландский торговец, если память не изменяет. Я не могу вспомнить много о семье ее матери, за исключением того, что они были родом из Египта. Такие браки всегда сложны, особенно в отношении детей. Они не рыба и не мясо, одна нога на суше, другая в море. — Ее метафоры были ужасно смешаны, но я поняла их значение.

— Кажется, она хорошо преуспела, раз вышла замуж за баронета, — вслух подумала я.

— О, да. Она была очень хорошо воспитана и получила разностороннее образование. Шотландцы обычно надежны в таких вещах. Когда ее родители умерли, она была вынуждена найти благопристойную должность и стала своего рода секретарем-компаньонкой первой леди Тивертон. Очень преданно ухаживала за Люси на последнем этапе ее болезни. Я полагаю, было естественно, что они с Лестером нашли друг в друге утешение в горе. Она оставалась на некоторое время его личным секретарем. Не хотела принимать его предложение о браке, что, думаю, хорошо о ней говорит, но в конце концов смягчилась и оказалась ему

хорошей женой. Она хорошо знает египтологию, говорит на местных языках. И мне сказали, что она никогда не переставала носить траур по женщине, место которой сейчас занимает.

Выражение ее лица стало немного расплывчатым, когда она вспоминала, что слышала о Тивертонгах, но внезапно ее глаза остро взглянули на меня. — Это больше чем мимолетное любопытство. Почему вы проявите интерес к Лестеру Тивертону?

Я не видела причин лгать. — Мы заинтересовались исчезновением его экспедиционного фотографа, человека по имени Джон де Морган.

Брови леди Велли — пучки серебряных волос — быстро поднялись. — Неужели? Ну, ну, — сказала она.

— Я знаю, о чем вы думаете, и ответ — нет, — твердо сказала я ей. — Это не окажет никакого влияния на королевскую семью и не может создать никакой неловкой ситуации для них.

Она долго и тщательно осматривала меня. — Вы будете удивлены тем, что их касается, — сказала она мягко. — Газеты подняли шум вокруг этой истории. Какая-то нелепая, пустая болтовня о проклятии мумии.

— Пустая болтовня, действительно. Я не верю в это так же, как и вы. Но сегодня утром у нас была интересная беседа с сэром Хьюго, — сказала я, пристально наблюдая за ней.

Она поджала губы. — Чертов дурак. Он не должен был беспокоить вас. Прошлого Стокера — это его прошлое, и его следует похоронить. То, что он знал де Моргана, никак не связано с исчезновением этого парня.

Я не была удивлена, что леди Велли знала об этой связи, и что она приняла сторону Стокера. Она была, когда это подходило ей, стойким чемпионом. — Я не могу не согласиться, — сказала я ей. — Но в прошлом году Стокер столкнулся с де Морганом. Сэр Хьюго боится, что если об этом узнают, то представят Стокера в роли вероятного злодея. Мы хотим очистить его имя от любых подозрений, — предупредила я возможный вопрос.

— Конечно, вы хотите. Любой человек сделал бы это в сложившихся обстоятельствах, и вы будете бегать наперегонки вместе с ним, потому что вы сделаны из той же материи. Занятная вы парочка, вечно сражаетесь с ветряными мельницами. Вы безрассудные дьяволы, — кисло сказала она. Она посмотрела туда, где Стокер балансировал на тонком железном луче, примерно в сорока футах над каменным полом.

— Вряд ли, — сказала я, игнорируя подвиги Стокера. — Как только газеты узнают об этом, репутация Стокера снова будет разрушена. Я не уверена, что он сможет это выдержать. И еще остается вопрос с моим

отцом, — добавила я многозначительно.

Леди Велли посмотрела на меня жестким взглядом. — Ваш отец порой совершенная задница. — Она замолчала, яростно пожевывая нижнюю губу. Ее искривленные руки сжали трость. — Я сказала Его Королевскому Высочеству, что Стокера нечего бояться, что он настоящий, честный британец, но слушал ли он? Нет, упрямый козел.

— Почему принц ополчился против Стокера сейчас? — потребовала я. — Мы работаем партнерами в течение нескольких месяцев, мы живем в необычных условиях, и мы были вовлечены в два уголовных расследования. За все это время с его стороны не было высказано никаких возражений. Почему сейчас?

Леди Велли выглядела несколько смущенной. — Когда мы впервые обсуждали вашу дружбу со Стокером, я не была полностью откровенна с Его Королевским Высочеством о прошлом Стокера. У Берти глубокий ужас перед разводом. Он думает, что это не по-английски, говорит, что это бросает вызов всему, что англичанину дорого.

— История развода Темплтона-Вэйна была в каждой лондонской газете. Как же он не знал об этом?

Она пожала плечами. — Респектабельные газеты были больше обеспокоены извержением Кракатау, чем грязным бракоразводным процессом. Разговаривая с Берти, я подчеркивала связь Стокера с Темплтон-Вейнами и не упомянула о более ярких моментах его истории. Мне жаль говорить, что это заставило Его Королевское Высочество рассматривать меня как менее надежный источник в том, что касается Стокера, — сказала она, скривив губы. — Он думает, что я слишком люблю мальчика, и отказывается поверить моей оценке Стокера. Естественно, теперь он смотрит на него с некоторым предубеждением.

— Тогда мы должны убедиться, что правда о местонахождении Джона де Моргана установлена до того, как сюда вмешают Стокера, — мягко сказала я. — Сэр Хьюго указал, что официальная позиция заключается в том, что Джон де Морган исчез по собственному желанию.

— Это официальная позиция, — сказала она, внимательно наблюдая за мной. — Но я чувствую что-то еще затевается. Что-то происходит в Особом Отделе, и в настоящее время ситуация немного туманна.

Я прищурилась. — Что вам известно?

Она покачала головой. — Ничего такого.

— И вы бы не сказали мне, если бы знали, — бросила я вызов.

Выражение ее лица сделалось лукавым. — Дитя, жизнь воспитала во мне секретность. Я научилась хранить тайны. Конечно, я бы не сказала вам

все. Тем не менее, я бы предложила вам: если вы можете помочь очистить имя Стокера от любой возможной вины в этом вопросе — сделайте это. Мне бы не хотелось, чтобы он был пешкой в чужой политической игре.

Мы молчали долгую минуту, наблюдая, как рабочие боролись с растениями в горшках. Стокер над головой быстро что-то делал с трубами, железный каркас мощно содрогнулся, и поток пара превратился в теплый, нежный туман. Раздались крики приветствия рабочих, и Стокер начал свой спуск.

— Это все совершенно абсурдно, — взорвалась я. — Даже если бы его заподозрили, Стокер не мог этого сделать. Он был здесь в Бишоп-Фолли, — указала я. — Я поклянусь в этом.

Она посмотрела на меня с жалостью. — Вы действительно думаете, что вам разрешат давать показания на этот счет?

Я прищурилась. — Но это правда. Я его алиби.

Она понизила голос до шипения. — Вероника, вы будете уничтожены, если ваш отец пожелает этого. Задумайтесь. Если Стокера обвинят в убийстве, вы действительно допускаете, что полулегитимной дочери принца Уэльского будет позволено выставить себя на обозрение публики? Само ваше существование угрожает основанию монархии. Вы никогда не сможете играть публичную роль.

Жара была такой же удручающей, как рука, зажимающая мой рот, не дающая мне дышать. — Это абсурдно. Если бы это означало спасение жизни человека ...

— Вспомните Майлза Рамсфорта, — сказала она. — Все следы вашей причастности к расследованию были удалены. И этого тоже будут.

Я начала протестовать, но леди Велли покачала головой. — Ваш отец заключил бы сделку с дьяволом, если бы думал, что это будет хорошо для монархии.

Должно быть, она увидела что-то на моем лице, потому что ее голос смягчился, и она протянула руку с желтыми ногтями, чтобы сжать мою. Это не было утешением, но, по крайней мере, это было усилием. — Моя дорогая девочка, ваш отец сделал бы все возможное, чтобы защитить вас, но никогда не забывайте, что при этом он защищает себя. То, что он делает, часто было по моим указаниям. Он слушался моего руководства с колыбели, и хотя ему нравится думать, что он взрослый человек, бывают моменты, когда он все еще прислушивается к моему голосу.

Я оттолкнула ее руку. — Ему не хватает ни интеллекта, ни здравого смысла, если он считает, что Стокер способен хладнокровно убивать.

Она медленно покачала головой. — Бerti упрямый как осел. В конце

концов, он немец, что подразумевает тевтонское упрямство. Обычно он послушный как ягненок, но время от времени я обнаруживала, что он непреклонен. Он будет упорствовать в своей идее. Если он решит, что ваша связь со Стокером должна быть прекращена... — Ее голос затих, и она не закончила предложение. Она и не должна была.

— Еще одна причина узнать, что случилось с Джоном де Морганом, — сказала я ей. — Если имя Стокера никогда не будет обнародовано в связи с исчезновением, то у моего отца не будет причин выступать против него.

Она медленно кивнула. — Но лучше всего, чтобы это было сделано незаметно. Чем дольше газеты не будут знать об этом, тем лучше.

— Сэр Хьюго знает, что мы расследуем, — напомнила я ей.

— Оставьте Хьюго мне. Я знаю, в каком шкафу он хранит свои скелеты, — мрачно сказала она.

— Отлично. Значит мы договорились. Стокер и я установим правду, а вы будете держать моего отца на поводке.

Я протянула руку.

— Я могу пообещать вам только, что приложу максимальные усилия, — сказала она в качестве предупреждения. — Берти — капризен.

— В борьбе между вами и моим отцом, я каждый раз ставила бы на вас, — сказала я ей.

Она улыбнулась своей крокодильей улыбкой и пожала мне руку. — Вам нужно будет встретиться с заинтересованными сторонами, чтобы начать расследование. Я отправлю рекомендательное письмо сэру Лестеру Тивертону. Это приведет вас к его двери. Что вы будете делать дальше, зависит только от вас.

Глава 5

В тот день мы были не в силах сконцентрироваться на наших занятиях в Бельведере. Стокер лениво ковырялся в своем носороге, а я по необъяснимым причинам не заинтересовалась подносом Papilionidae с Мадагаскара. Мы решили нанести визит Тивертонам, вооруженные рекомендательным письмом леди Велли. Вместе с юным слугой Джорджем я собрала все отчеты The Daily Harbinger об исчезновении Джона де Моргана, хотя и старалась не объяснять ему мой повышенный интерес к экспедиции Тивертона. Мы изучали все более и более зловещие истории, рассказанные мистером Дж. Дж. Баттеруортом и читали вслух наиболее вычурные отрывки.

— «Проснувшись от своих многовековых снов, злобная принцесса Анхесетявно нацелилась на еще одну жертву в лице несчастного де Моргана», — читал Джордж. Он тянул свои согласные, находя правильное произношение утомительным. Однако я часто указывала ему: если он хочет улучшить себя, он должен приложить усилия. Как он признался однажды, его величайшее желание было стать лакеем.

— Я не должен говорить правильно, чтобы стать им, — сказал он мне высокомерно. — Все что нужно лакею, это иметь шесть футов роста и хорошо выглядеть.

— Выглядеть, — поправила я. — А зачем останавливаться на лакее? Ты можешь быть дворецким, либо сборником налогом, либо владельцем магазина, если будешь работать над произношением. Или ты можешь поехать в Америку и разбогатеть. Ты можешь стать политиком. Они не особо заботятся о том, как говорят их чиновники, — посоветовала я ему. — Ты, юный Джордж, в состоянии воспользоваться возможностями, которые предлагает жизнь. Ты можешь открыть для себя мир как устрицу.

— Я не люблю устриц. У меня от них болит живот, — мрачно заметил он. Но с того дня он был точен в своем стремлении говорить правильно. Я думала позаимствовать букварь в детских комнатах Фолли — все дети его светлости уже выучили буквы — но Джордж был гораздо внимательнее к своим урокам, если тексты были взяты из скандальных газет. Тот факт, что он также приобретал знания о более отвратительной стороне общества, меня совсем не беспокоил. Развитие его морального кодекса я оставила его матери и его викарию.

Он продолжил читать длинную статью о первой леди Тивертон —

изложение фактов, уже рассказанных леди Велли. Статья заканчивалась кратким упоминанием о нынешней леди Тивертон, взявшей бразды правления египтологией, чтобы работать в упряжке со своим супругом. «Интересно, окажется ли нынешняя леди Тивертон воодушевленной и вдохновленной духом покойной леди Тивертон, освещающей путь знания своим неугасимым светом?»

— Какой сентиментальный мусор, — пробормотала я. Но мне так же, как и Дж. Дж. Баттеруорту, был интересен характер ведущей леди экспедиции.

Наряду с краткими набросками о главных участниках экспедиции, статьи мистера Баттеруорта предоставили сведения о том, что они остановились в Садбери, новом и достаточно респектабельном отеле на Стрэнде.

После того, как Джордж убежал по своим делам, Стокер и я пошли пешком, предпочтя быструю прогулку по улице душному экипажу, тащившемуся бы как улитка в лондонском движении. Днем было туманно и сыро, и огни отеля светились янтарным приветствием. Шествие элегантно одетых людей, входящих и выходящих, сопровождалось движением носильщиков отелей, аккуратно одетых в ливреи из зеленого плюша, украшенного золотой тесьмой. Пока посыльный относил рекомендательное письмо, мы ждали в вестибюле, усевшись рядом с камином в креслах с подлокотниками. Я полуожидала, что Тивертонеры откажутся принять нас, но имя леди Веллингтонии Боклерк открывало самые высокие двери в королевстве, напомнила я себе с легкой улыбкой, когда нас проводили в номер.

Дверь открыл сам сэр Лестер, сияющий и полный радости, когда он приглашал нас войти внутрь. — Я вам скажу! Это действительно удовольствие. Сколько времени прошло с тех пор, как я что-то слышал о леди Веллингтонии? Я уже начал думать, что она умерла, — сказал он, поворачивая свой живой взгляд от Стокера ко мне. — Мисс Спидвелл, мистер Темплтон-Вейн. Добро пожаловать. Любая подруга леди Велли... Мы как раз собирались пить чай, и вы должны присоединиться к нам.

С этими словами он эскортировал нас в гостиную со всем подпрыгивающим энтузиазмом бордер-колли, мечась туда-сюда, собирая подушки и представляясь. Он не был высок, скорее среднего роста и шире в талии, чем ему бы хотелось. Но в тяжелых плечах и руках все еще была сила, и его глаза сияли живым умом. У него были густые волосы, но коротко подстриженные и железно-серые. Его борода была такой же, но его брови над глазами неопределенного цвета все еще были темными,

перерезая загорелое лицо. В целом он произвел впечатление большой жизненной силы. Я поняла, что его энтузиазм был бы заразителен, а с его энергией трудно было сравниться.

— Это моя жена, леди Тивертон, — представил он женщину, грациозно поднявшуюся со стула.

Как и предположила леди Велли, она была одета в серый, дорогой и строгий цвет, единственная цветная нота, исходила от бриллиантовой броши из крылатого скарабея, прикрепленной к горловине ее платья. Ее цвет лица, в отличие от мужа, вероятно был хорошо защищен от яркого египетского солнца, поскольку был гладким и нежным и лишь немного темнее, чем у типичной англичанки. Волосы у нее были густые, черные, разделенные строгим пробором, сильно затянутые назад от лба, не тронутые даже серебряной нитью, и я решила, что она младше его по крайней мере на четверть века.

Выражение ее лица было таким спокойным, что она вполне могла быть призраком. Но затем она улыбнулась, улыбкой настолько очаровательно милой, что все мысли о призраках были изгнаны. Большого отличия от ее мужа невозможно было представить. Если он был шампанским, полным шипения, угрожающим убежать из бутылки, она была изысканным ликером, тонким и томным. Она подошла поприветствовать нас, протягивая руку. — Мисс Спидвелл. Мне приятно познакомиться с вами. — Ее голос был тихим и нежным, и я подумала, сможет ли она поднять его, чтобы успокоить своего шумного супруга.

— А мне с вами, леди Тивертон, — сказала я, пожимая шелковистую руку. Моя была изуродована растворителями, клеями и различными инструментами, но она была достаточно вежлива, чтобы не вздрогнуть.

Внезапно из-под ее юбок вырвалось существо, с энтузиазмом обсопливающее мою руку, и леди Тивертон засмеялась. — Пожалуйста, извините Нут, мисс Спидвелл. Боюсь, ее манеры не такие, какими они должны быть. — Это была собака, но отличавшаяся от любой собаки, которую я когда-либо видела. Среднего размера, с гладким, мускулистым телом; у нее были огромные, похожие на летучих мышей уши, которые стояли совершенно вертикально, придавая ей странное выражение.

— Нут? — спросила я, произнося имя с такой же модуляцией, как и ее хозяйка.

— Да, но пишется Н-А-Т, — сказала мне дама. — Она очень похожа на собак, нарисованных на египетских гробницах, не так ли? Казалось уместным дать ей египетское имя. Нут была богиней звезд. Наша Нут присоединяется к тому, кто ближе всех к огню или вазочке с печеньем, —

предупредила она меня с улыбкой.

Собака сунула голову под мою ладонь, требуя поглаживания, и я подчинилась.

Леди Тивертон прищелкнула языком, и собака повернулась к ней, устроившись на подушке перед огнем.

— Я надеюсь, что вы простите вторжение, — начала я.

Спокойные глаза леди Тивертон, темные, как полночное море, расширились. — О, вы не должны извиняться! Мой муж любит посетителей, — с любовью объяснила она. Ее жесты были вялыми, когда она снова заняла свое место на диване, а сэр Лестер суетился, указывая на стулья и звоня, чтобы принесли чай, настолько же эмоционально, насколько его жена была невозмутима.

Она повернулась к Стокеру. — Мистер Темплтон-Вейн, вы имеете отношение к виконту с таким же именем?

— Мой старший брат, моя леди, — сказал он ей. — Вы знаете его?

Она легко рассмеялась. — Боюсь, мы не возвращаемся в таких высоких кругах. Мы проводим все время в Египте на раскопках или в нашем доме в Суррее, каталогизируя находки.

— Отсюда и отель, — с горечью сказал сэр Лестер. — Человек не должен жить в отеле, если может избежать этого. В доме мало радости, когда человек не живет под собственной крышей.

Его жена улыбнулась. — Так требователен в Англии, но вы должны увидеть его в Египте! Счастлив жить в палатке и есть ужин из консервной банки.

— Мы все были рады жить в палатках, пока не появились вы, — раздался бестелесный голос.

Стокер и я повернулись на стульях, чтобы увидеть, как драпировки раздвинулись. Оконная амбразура скрывала девушку — я полагаю, знаменитую Фигги. Ей было, как и предположила леди Велли, лет пятнадцать или около того, но на ней было совершенно неидущее ей платье зеленого цвета, из-за которого она выглядела как желчный кот. Рукава были взбиты, юбки в оборках, и весь эффект был неудачным. Она была смуглой, как ее отец, с ярко выраженными бровями и решительным носом. На макушке была пара очков, линзы были мутными и грязными.

Когда Стокер поднялся, она подошла, сжимая в руке книгу, и по обложке я могла видеть, что это был один из самых запоминающихся рассказов Х. Райдера Хаггарда.

— Моя падчерица, — пробормотала леди Тивертон. — Ифигения.

Отец посмотрел на дочь с упреком. — Действительно, Фигги, не

ворчи. Ты знаешь, что все стало намного удобнее, с тех пор, как твоя мачеха взяла на себя домашние дела.

Девушка презрительно посмотрела на Стокера. — Почему вы стоите?

— Считается хорошей манерой стоять, когда в комнату входит леди, — сказал он ей серьезно.

— Ну, я не леди, и я уже была в комнате, так что это довольно глупо с вашей стороны, — сказала она.

К его чести, Стокер улыбнулся. — Совершенно верно.

— У вас на глазу повязка. Вы пират?

— Ничего такого великолепного, — заверил он ее. Он приподнял повязку, чтобы открыть глаз, здоровый и неповрежденный, как и другой. — Я просто ношу ее, когда мой глаз устает.

— Как вы получили эти шрамы? — спросила она.

— От бессердечного ягуара в Амазонии.

Глаза Фигги сияли интересом. — Вы убили его?

— К сожалению, да. Боюсь, что парень не оставил мне выбора.

— Вы застрелили его? Я бы его застрелила, — решительно сказала она.

— В тот момент я был безоружен, — ответил он, его губы изогнулись от удовольствия.

— Вы убили его голыми руками? Это самая захватывающая вещь, которую я когда-либо слышала. Это было трудно? Что вы сделали с его шкурой?

Леди Тивертон прервала ее с небольшим терпеливым вздохом. — Фигги, мы как раз собирались пить чай. Я спрашивала раньше, есть ли у нас какие-нибудь пирожные, которые тебе нравятся.

— Пирожные? — Фигги Тивертон закатила глаза к небу. — Я не ребенок, чтобы меня подкупали пирожными.

Ее отец фыркнул от смеха. — Не леди, не ребенок! Что ты, тогда, Фиг? — Он громко рассмеялся над своей шуткой, и в этот момент я почувствовала глубокую неприязнь к этому человеку. Пятнадцать лет — трудный возраст, и она переносила его неловко. Наличие мачехи, столь безмятежной, как леди Тивертон, не могло бы помочь, а ее отец был совершенно бесчувственным.

Но Стокер не был. Он указал на свой стул. — Пожалуйста, мисс Тивертон. Я не могу сидеть, пока вы не сядете. Моя старая няня выследила бы меня и выпорола, если бы я попытался.

Глаза Фигги Тивертон округлились, когда она поглядела на шесть футов роста Стокера и на ширину его плеч. — Она должна была быть очень

сильной няней.

— Она была, — подтвердил он, уголки его рта дергались. Что-то в его невероятном обаянии немного оттаяло ее. Она не села в кресло, но уселась на скамью у камина, когда Стокер вернулся на свое место. Пес Нут поднял голову и положил ее на колени Фигги. Я была рада, что хотя бы одно существо в семье было привязано к девочке.

Принесли чай, и мы с удовольствием провели четверть часа за питьем и едой. Сэр Лестер отдал предпочтение пирогам с вишней, а леди Тивертон играла с небольшим бутербродом. На своем насесте перед огнем, Фигги жарила несколько кексов, которые она не ела. Стокер осторожно наложил себе целую гору, маффины, залитые маслом, были одной из его любимых вещей; и я позволила себе кусочек шоколадного торта, который мог бы опозорить повара графа. Один из protégé леди Велли работал в Садбери в качестве кондитера, и я сделала пометку, чтобы адресовать ему свои комплименты. Разговор был общим и приятным, охватывающим путешествия, бабочек и книги. Мы смахивали последние крошки с губ, когда дверь открылась.

— Я пропустил чай? — вошел молодой джентльмен с красивым лицом и темно-рыжими волосами. У него был один возраст со Стокером, но не его рост, он был немного короче и стройнее. (Я когда-то сравнивала телосложение Стокера с чарующим падшим ангелом, нарисованным Кабанелем. Напротив, этот парень был мускулистым святым Боттичелли). Он двигался со слабо выраженной грацией спортсмена, возможно фехтовальщика, и смотрел на собравшихся с добродушным выражением. — Я не осознавал, что у нас вечеринка, — сказал он леди Тивертон извиняющимся голосом. — Я бы надел более приличный галстук.

Она одарила его материнской улыбкой. — Вы выглядите вполне презентабельно, Патрик. Мисс Спидвелл, мистер Темплтон-Вейн, это Патрик Фэйрбротер, филолог нашей экспедиции. — Она закончила представлять нас, и мистер Фэйрбротер пожал мне руку, слегка кивнув.

— Спидвелл? Я только что прочитал самую интересную статью о бабочках ласточкин хвостиз Сахары, скорее новое открытие, если память не изменяет, — начал он. — Я не думаю, что вы имеете отношение к автору?

— Да, я написала это, — сказала я ему. — Это было таким захватывающим. *Pariliosaharae* была каталогизирована только Обертюром в 1879 году. Я нахожу желто-коричневую окраску наиболее интересной, учитывая тот факт, что она является эндемичной для Северной Африки.

— Именно так! Признаюсь, я не специалист по лепидоптерии, но ваше

описание существа было абсолютной поэзией, — сказал он. — Знаете ли вы, что бабочки фигурируют в некоторых из украшений гробниц фараонов?

— Я не знала, — призналась я.

— О, да! Некоторые ученые считают, что мотив использовался как средство иллюстрации египетской веры в воскрешение. Это очевидная параллель с собственной метаморфозой бабочки, не так ли?

— Это так. Во что верят другие ученые?

— Что эти бабочки попали на стены гробниц просто потому, что они прекрасны, — сказал он мне, его глаза не отрывались от моего лица. Я поняла, что он все еще держит мою руку, и осторожно отняла ее. Он покраснел, восхитительный розовый оттенок, к которому часто склонны рыжеволосые, и быстро приветствовал Стокера, который ответил ему с холодным равнодушием. Мне было интересно отметить, что Фигги встретила его с подростковой неприязнью.

Если он и заметил, мистер Фэйрбротер был невосприимчив. — Спасла мне пару маффинов, Фигги? — весело спросил он, садясь.

— Только один. Подавись и умри, — сказала она, бросая в него кексом. Он приземлился маслом вниз на его колени. Фэйрбротер смутился. Фигги засмеялась, первое искреннее выражение удовольствия, которое я увидела в ней с момента нашего прибытия. Леди Тивертон сжала губы в знак неодобрения, но сэр Лестер лишь присоединился к ее смеху.

— Фигги, ты такая миляга, — сказал он ей.

Фигги была сильно испорчена, я молча поправила его, но вместо этого повернулась к мистеру Фэйрбротеру. — Что именно делает филолог? — спросила я. Он на мгновение остановился, чтобы снять маффин с брюк и осторожно уронить носовой платок на масляное пятно.

Я точно знала, что делает филолог, но, как показывал мой опыт, большинство мужчин ничего не любят больше, чем говорить о себе. Поэтому я держала рот на замке и широко раскрыла глаза, когда он начал долго объяснять свои обязанности и скармливать кусочки масляной булочки Нуту, который смотрел на него в восторге. Когда он закончил свой маленький монолог, я издала подходящие звуки благодарности. — Как вам повезло быть частью такой успешной экспедиции! — сказала я ему. — Это была ваша первая поездка в Египет?

— На самом деле это была моя вторая, и я, безусловно, надеюсь, что не последняя, — ответил он.

— Тогда вам лучше обзавестись новой пищеварительной системой, — предупредила Фигги. — Вы провели половину сезона в уборной.

Мистер Фэйрбротер снова покраснел, но прежде чем он успел

среагировать, сэр Лестер заревел. — Ифигения!

Ее отец наконец достиг своего предела. Он выпрямился на стуле, его цвет был почти апоплектическим. — Если ты не можешь вести себя как леди, ты удалишься в свою комнату.

— С удовольствием, — сказала она, поднимаясь с диванных подушек. С серьезной любезностью она передала вилку для поджаривания Стокеру. — Доброго вам дня, — сказала она вежливо, склонив голову со всей властью герцогини. Пес Нут встал и последовал за ней, уши торчком как корона.

— Доброго вам дня, мисс Тивертон, — сказал Стокер, поднимаясь на ноги и слегка кивая.

Мистер Фэйрбротер остался в своем кресле, склонив голову и потянувшись за сэндвичем.

Леди Тивертон слабо улыбнулась нам. — Я должна извиниться. Моя падчерица иногда бывает излишне возбуждена.

— Как чистокровная кобыла, — сказал сэр Лестер с неохотным одобрением. — Хотя я думал, что к этому времени она бы научилась немного лучше вести себя в компании.

— Она только хочет понимания, — сказала леди Тивертон своему мужу.

— Она хочет порки, — быстро ответил ее отец. — Но у меня никогда не хватало духу сделать это.

— Ее обида вполне естественна, — тихо сказал мистер Фэйрбротер. — Она чувствует, что я узурпировал ее место, и я не могу винить ее за это.

— Патрик!

Голос сэра Лестера был резким, но Фэйрбротер лишь махнул успокаивающей рукой. — Она чувствует себя вытесненной моим присутствием, и почему бы и нет? Вы приняли меня и относитесь ко мне как к сыну. Если бы я был Фигги, я бы поступил намного хуже, чем подбросил лягушку в постель и налил масло инжира в суп.

— Она действительно так сделала? — спросила я.

Улыбка Патрика Фэйрбротера была кривой и совершенно очаровательной. — Масло инжира, да. Я не могу доказать лягушку. Это могло произойти само по себе. В конце концов, это был Египет.

Я ухмыльнулась в ответ.

Сэр Лестер издал что-то ругательное. — Послушайте нас, заняты исключительно собой! Вас не интересуют наши маленькие семейные драмы. Вы пришли, чтобы услышать о проклятии, — сказал он, бросая на нас понимающий взгляд. Он поднял руку. — Я не виню вас. Это история

десятилетия, возможно, века! Где бы вы хотели начать?

Он посмотрел на Стокера, потом на меня, и я мило улыбнулась. — С исчезновения Джона де Моргана.

Цвет лица сэра Лестера стал насыщенно-красным, но леди Тивертон была более сдержанной. Она издала сочувствующий звук. — Такая ужасная история. Мне очень жаль миссис де Морган. По крайней мере, мне бы хотелось быть.

— Вы подозреваете, что она помогала мужу в краже диадемы? — предположила я.

— Вовсе нет! — сэр Лестер возмутился

— Мы с мужем не единоклубны, — объяснила леди Тивертон.

Сэр Лестер покачал головой. — У меня не будет таких историй, — твердо сказал он. — У нас нет доказательств, что Кэролайн де Морган замешана в краже.

Взгляд леди Тивертон снисходительно остановился на нем. — Мой муж не признает, что дамы способны совершать злодейские поступки, — сказала она.

— Но вы признаете? — рискнула спросить я.

Выражение ее лица сделалось серьезным. — Я достаточно повидала мир, чтобы знать, что женщины могут царапать, выдирать когти и бороться так же отчаянно, как и мужчины за то, что они хотят. Возможно больше.

— Действительно, — сказала я.

Но сэр Лестер снова покачал головой, как седоватый лев, стряхивающий жужжание неприятной идеи. — Нет, миссис де Морган заслуживает нашей жалости из-за действий ее мужа, но не подозрения, — настаивал он.

— Значит, вы уверены, что Джон де Морган украл диадему принцессы? — спросил я.

Леди Тивертон твердо кивнула. — Конечно, он это сделал.

Ее муж не казался уверенным. Его вид явно показывал, что ему неудобно. — Осторожнее, крошка. Мы не хотим, чтобы нас обвинили в клевете.

Вздых леди Тивертон казался слегка раздраженным, но она хорошо это скрывала. — Я думаю, ты имеешь в виду злословие, любовь моя. Но это сложно. Мы знаем, во что верим. Однако заявлять об этом открыто, как говорит мой муж, опасно. А полиции, похоже, все равно, — добавила она, разведя руками. Они были длинными и стройными, без украшений, за исключением тонкого золотого кольца на безымянном пальце левой руки.

— Что они вам сказали? — спросила я.

Сэр Лестер насупился. — Очень мало! Полиция Дувра была бесполезна. Они плохо справились с допросом миссис де Морган. Они отправили уведомления в порты, но как это поможет вернуть мою корону? — потребовал он.

Леди Тивертон успокаивающе положила руку на руку своего мужа. — Скотланд-Ярд, похоже, сдался, — просто сказала она. — Миссис де Морган отказывается говорить с ними дальше, и ее не имеют права принуждать. Конечно, столичная полиция не может выделить людей для наблюдения за каждым портом. Есть гораздо худшие преступления, чем кража одной драгоценности. Наше должно казаться очень легкомысленным преступлением — потеря короны! Разве его можно сопоставить с убийствами и нападениями, с которыми им приходится сталкиваться ежедневно?

Изложенное подобным образом, мне казалось вполне разумным, что Скотланд-Ярд поднял руки вверх после беглого расследования.

Стокер, который молчал во время нашего разговора, внезапно вмешался. — А вы, мистер Фэйрбротер? Как вы думаете, де Морган и его жена украли диадему?

Поскольку он был застигнут врасплох внезапным расследованием, рука мистера Фэйрбротера дернулась, проливая кресс салат на его колени. — Черт! — сказал он с печальным смехом. — Это два масляных пятна за четверть часа. Эти брюки никогда не отчистить. — Он поднял голову. — Извинения, дамы, за язык. Что касается вашего вопроса, мистер Темплтон-Вейн, я не знаю, что и думать, за исключением того, что, безусловно, компрометирует де Моргана: человек исчезает точно в то же время, когда пропадает самый ценный драгоценный реликт в гробнице. В конце концов, не имеет значения, помогала ли его жена или была им обманута. Дело в том, что Джон исчез, как и диадема, и полиция делает очень мало, чтобы найти их обоих.

Леди Тивертон вмешалась. — Возможно, вы хотели бы увидеть диадему. — Она встала и подошла к письменному столу, неся портфель. — У нас есть ее эскиз. Мы бы предпочли фотографию, но, боюсь, мистер де Морган не был опытным фотографом. В его работах было мало полезных негативов. — Леди Тивертон открыла портфель и достала большой лист бумаги.

— Почему? — спросила я.

— Проблемы с оборудованием, испорченные пластины, недостающие химикаты. Это чудо, что у нас вообще есть какие-либо негативы, — сказал сэр Лестер.

— К чему вы относите неприятности? — спросил Стокер.

Патрик Фэйрбротер выразительно развел руками. — Никто не знает. Но местные жители сказали, что это дело рук мумии принцессы Анхесет.

— Проклятие, — сказала я, забирая лист у леди Тивертон. Я держала его так, чтобы Стокер мог смотреть тоже. Рисунок был хорошо выполнен, аккуратный и хорошо вычерченный, со строгим вниманием к деталям и без каких-либо завитушек, за исключением нежного оттенка цвета, где это уместно. «Диадема принцессы Анхесет Восемнадцатой Династии» было написано аккуратными заглавными буквами внизу вместе с датой находки. Это была небольшая корона, изящная, в извилистых изгибах. Основание образовывало круг, а золотая арка проходила от основания в центре спинки вперед, заканчиваясь тремя скульптурными золотыми головами животных — стервятником, окруженным газелями. Ряд жестких лент, вылепленных из золота, висел на обруче; по длине одной ленты был выгравирован картуш. Длинный овал, окружавший группу иероглифов — без сомнения, имя и титулы дамы — и вся корона были украшены драгоценными камнями. Ниже рисунка диадемы краткий абзац описывал драгоценные камни как сердолик, яшму и лазурит.

— Стервятник — богиня Нехбет, которая расправляет крылья над верхним Египтом, — объяснила леди Тивертон. — В то время как газели представляют Анукет, богиню порогов Нила. Объединяя их вместе, корона символизирует защиту источника Нила, основы всей жизни в Египте. Наша принцесса действительно была очень высокопоставленной леди.

— Это впечатляет, — сказала я ей правдиво.

— И бесценно, — сказал сэр Лестер, нервно потирая руки. — Из всех находок, которые он мог взять... — Он замолчал, но я поняла. Все эти годы раскопок в Египте с незначительными результатами, только для того, чтобы найти золото в буквальном смысле — в форме гробницы принцессы, а затем позволить украсть из нее самый ценный предмет. Это напомнило мне о том, как порвалась моя сеть, когда я обрушила ее на RajahBrooke'sBirdwing на Суматре. Это был первый и единственный раз, когда я столкнулась с ней в дикой природе, и я все еще ее оплакивала. Потеря короны, наверное, была серьезным ударом для сэра Лестера, и я почувствовала неожиданный прилив симпатии к нему.

Я так и сказала, он молчал мгновение, явно пойманный в задумчивости. Его жена тихо кашлянула, и он покачал головой, приходя в себя. — Ах, да, как вы говорите, действительно удар. Но не так серьезно, как была бы потеря мумии, -

быстро добавил он. — Ничто так не важно, как сама принцесса. — Он

кивнул на закрытую дверь за собой, и мы со Стокером обменялись взглядами.

— Она у вас здесь? — спросил Стокер.

— Конечно! Я даже не позволил отправлять ее через коммерческую линию с остальными артефактами из гробницы, — сказал он с оттенком гордости собственника. — Я привез ее в частном порядке из Египта. Она путешествовала с нами на каждом участке пути от Каира до Дувра, и она останется при нас, пока саркофаг и все сокровища не будут выставлены на следующей неделе. — Он порылся в пачке бумаг на своем письменном столе, а затем сунул нам карточку. Это было приглашение на выставку Тивертон в Карнак-Холле первого марта. На выставке будут представлены находки из гробницы принцессы Анхесет, увенчанные показом саркофага леди. В примечании внизу указано, что вход только по приглашению.

— Вы оба можете принять участие, — сказал он любезно. — Мы выбрали наиболее благоприятную дату для этого события — первое марта, известное древним египтянам как «идущий вперед Хепри», день, когда бог скарабеев выпускает солнце и все возрождается. Это будет настоящее зрелище. После того как частная выставка будет завершена, мы ненадолго откроем коллекцию для публики, прежде чем экспонаты будут выставлены на продажу, — пояснил он. — Это даст простому человеку возможность поднять уровень своих развлечений.

Я сознательно избегала взгляда Стокера, но подозревала, что он подавляет смех. Сэр Лестер был странной смесью напыщенности и хорошего настроения. По сравнению с прохладным спокойствием его жены, он казался пожилым школьником. — Эта выставка станет моим главным достижением. Леди Тивертон даже пишет книгу на эту тему, — добавил он с теплым взглядом супружеской гордости за свою жену.

Она подняла руки. — О, нет, ты не должен называть это книгой, — возразила она. — Это лишь небольшая брошюра об истории Восемнадцатой Династии, своего рода введение в период для тех, кто не знаком с ней. В лучшем случае это будет скромное усилие, совсем не похожее на научные книги, написанные первой леди Тивертон, — закончила она.

Я приняла пригласительный билет с улыбкой. — Как мило с вашей стороны пригласить нас. Я не была уверена, как мы будем приняты сегодня, учитывая нашу основную задачу, но вы были чрезвычайно добры, сэр Лестер.

— Основную задачу? — быстро спросила леди Тивертон.

Я сдержала улыбку и повернулась к ней. — Да. Видите ли, мы

расследуем исчезновение Джона де Моргана.

Создание драматического эффекта сродни бросанию камня в тихий пруд. Есть тишина, но рябь совершенно очевидна. Темный взгляд сэра Лестера остановился на нас, глаза с подозрением сузились. — В письме леди Велли говорилось, что вы интересуетесь египтологией.

— Отношения леди Велли с правдой лучше описать, как легкое знакомство, — сказала я ему. — Мистер Темплтон-Вейн заинтересован в том, чтобы узнать местонахождение мистера де Моргана. Если кто-то может узнать правду, то это он.

— Темплтон-Вейн, — медленно произнесла леди Тивертон. — Я знала, что мне знакомо имя. Теперь я помню... — Ее голос прервался.

— Да, я также бывший муж Кэролайн де Морган, — подтвердил Стокер.

— Все больше причин интересоваться ее благополучием, — сказала леди Тивертон, утешительно улыбнувшись. — Это заслуга ваших джентльменских инстинктов, что вы намерены узнать для нее, что случилось с ее нынешним мужем.

Прежде чем я успела заметить, что мотивация Стокера была более корыстной, чем она полагала, он милостиво кивнул ее светлости. — Как вы говорите. Но, хотя мы, возможно, навязались вам под нечестными предложениями, конечно, вы можете оценить преимущества раскрытия этой маленькой тайны.

— Маленькой! — Патрик Фэйрбротер сжал кулаки на коленях. — Если вы сможете найти Джона де Моргана, это будет большая находка, чем могила принцессы Анхесет.

Сэр Лестер медленно кивнул. — Да, я должен согласиться с Патриком. Мы хотели бы знать, что случилось с Джоном.

— И вернуть диадему принцессы, — добавила я.

К его чести, он не протестовал. — Конечно. Я не буду отрицать истину, мисс Спидвэлл. Я списал де Моргана как обычного вора, и если я больше никогда его не увижу, меня это совершенно устает. Но мне бы очень хотелось, чтобы моя диадема вернулась.

Я улыбнулась. — Тогда мы настоящие союзники. Если мы найдем де Моргана, мы, без сомнения, найдем вашу корону. И мы сделаем все возможное, чтобы найти обоих, — пообещала я ему. — Теперь, есть что-нибудь, что вы можете добавить к тому, что мы уже прочитали в газетных отчетах?

Сэр Лестер покраснел. — Вы видели TheDailyHarbinger, полагаю? Все это нелепая болтовня, придуманная подлецом Дж. Дж. Баттеруортом, кем

бы он ни был. Проклятие мумие, действительно!

— Но история проклятия держит вашу экспедицию на виду, — отметила я. — Естественно, это вызовет интерес к продаже коллекции.

Выражение его лица стало суровым. — Моя дорогая мисс Спидвелл, никто не продает такие коллекции, чтобы заработать деньги. — Он откусил последнее слово, как будто оно было горьким. Я бросила взгляд на Патрика Фэйрбротера, который многозначительно промолчал.

Сэр Лестер продолжил. — Продается только родственным душам, тем, у кого нет возможности отправиться на раскопки в Египет, но кто живет и дышит древностями, как и мы. Интересы широкой публики — это не то, к чему мы стремимся, — закончил он высокомерно.

Патрик Фэйрбротер доел последний сэндвич. — Помимо несчастных случаев и злополучных инцидентов, которые мы пережили, это проклятие — весьма досадная неприятность, — сказал он. — Это причина, по которой мы покинули Египет так рано.

— Легенда о проклятии началась там? — спросил Стокер.

— Этого не должно было случиться, — быстро сказала леди Тивертон. — Раскопки в Египте трудны. Всегда есть осложнения — болезни, несчастные случаи, задержки. Но этой конкретной экспедиции, похоже, досталось больше, чем обычно. И, к сожалению, сама мумия, казалось, являлась причиной.

Патрик Фэйрбротер наклонился вперед. — Видите ли, найденная нами гробница незапечатана и даже не принадлежит принцессе Анхесет. Строго говоря, это даже не гробница. Это расщелина в пещере, и ничего более. Как правило, фиванские гробницы в Долине Царей — сложные сооружения, со многими камерами под землей, должным образом выкопанные из скал и разукрашенные. Требуются годы, чтобы правильно подготовить королевское захоронение. Но нашу даму обнаружили в очень маленькой естественной пещере, примерно в сорока футах над ближайшим уступом.

— Как, черт возьми, вам удалось найти ее? — спросила я. — Должно быть, это было, как споткнуться об особенно неуловимую иглу в египтологическом стоге сена.

Сэр Лестер немного поморщился. — Я был опытным альпинистом однажды. Я все еще люблю поддерживать форму, так сказать. Скалы вокруг Долины Царей — коварные звери, рассыпающиеся и ненадежные, но я осторожен, и мне очень хочется немного потренироваться. Так получилось, что я лазил по скалам в отдаленном районе Долины в прошлом году, место, которое никто еще не раскопал. Я наткнулся на то, что я думал, было простой расщелиной в скале. Беглый взгляд показал, что это была

настоящая пещера, хотя и очень маленькая. Мне пришло в голову, что это идеальное место для хранения запаса товаров. Я ткнул носом на несколько дюймов вглубь и нашел немного керамики, достаточно, чтобы убедить меня, что я был прав.

— В прошлом году? — быстро спросила я.

Леди Тивертон продолжила историю. — Видите ли, каждой экспедиции предоставляется фирманили разрешение копать, и там указывается, где можно раскопать. Мой муж забрался на самый край периметра нашего firman, поэтому, когда он обнаружил то, что счел возможной находкой, мы, естественно, сначала ничего не сказали властям.

— Из-за опасения, что вы не имеете права на раскопки, — закончил Стокер.

Леди Тивертон кивнула. — Именно так. Судя по всему, углубление в скале было просто пещерой, но осколки керамики убедили его, что это было нечто гораздо более интересное, — сказала она, взглянув с гордостью на мужа. — Мы изучили планы и карты и поняли, что гробница лежит за пределами разрешенной для нас местности. Без официального разрешения у нас не было бы претензий на то, что мы раскопали в гробнице.

— Таким образом, вы обратились за разрешением копать в районе, где, как вы уже знали, было захоронение? — спросил Стокер.

Улыбка леди Тивертон была нежной. — Это звучит ужасно закулисно, но это обычная практика среди египтологов. У каждого есть свои любимые теории о том, где можно найти что-то удивительное. И все соревнуются за разрешение копать в своих наиболее вероятных местах. Нам ужасно повезло. Гробница расположена в особенно отдаленном wadi или каньоне. Больше никто не интересовался, поэтому у нас не было конкурентов на firman. Мы вернулись, чтобы копать в этом сезоне с большими надеждами на то, что мы можем найти.

— И вы нашли принцессу, — заметила я.

— По милости божьей, — с жаром сказал сэр Лестер. — Как Фэйрбротер говорил, гробница была незакончена, самая грубая пещера, совершенно лишенная украшений, и она была там забита, как шерсть в мешке. Там же были могильные предметы, как минимум из семи других захоронений.

— Как вы объясните это? — спросил Стокер. — Я думал, что египетские королевские особы хоронились со своим имуществом.

— Теоретически, они так и хоронились, — объяснил Фэйрбротер. — В идеале, у каждого члена королевской семьи должна быть своя гробница, набор комнат, искусно украшенных и оснащенных всем необходимым для

загробной жизни. Но вырубленные в скалах гробницы, как известно, трудно создать. Это занимает много времени, и, к сожалению, смерть никого не дожидается. Многие королевские особы были найдены в чьей-то могиле — совсем, как в склепе вашей бабушки в Хайгейте, — закончил он с мрачной улыбкой.

Сэр Лестер задумчиво кивнул. — Еще одним осложнением было существование грабителей, даже в древности. Как только могилы были запечатаны погребальными жрецами, кто угодно мог прийти и раскопать их в поисках золота и мумий. Чтобы предотвратить это, некоторые мумии были удалены из своих гробниц с таким количеством могильных предметов, сколько жрецы могли убрать. Они были спрятаны там, где можно было найти место.

— Я слышала что-то подобное, — сказала я, смутно припомнив заметку о тайном захоронении мумий, обнаруженных когда-то раньше. Я упомянула об этом, и Стокер кивнул.

— Тысяча восемьсот восемьдесят первый год, — сказал он. — Люди все еще обсуждали это, когда мы были в Каире в следующем году. Целая семья королевских мумий была обнаружена около одной из деревень в Долине Царей.

— Дейр-эль-Бахри, — сообщила леди Тивертон. — Рядом с Некрополем Фив. Они были обнаружены особенно опытным кланом грабителей могил из деревни Гурнех, семьей Эль-Расул. Ребята осторожно вывозили товары и продавали их на антикварном рынке, пока не возникли подозрения. Тайник был исследован, и вся могила была немедленно очищена, чтобы положить конец незаконной торговле.

— Но откуда они взялись? — спросила я.

Сэр Лестер пожал плечами. — Никто не знает. Оригинальные гробницы так и не были обнаружены. Но в какой-то момент, тысячелетия назад, жрецы, которым былопоручено охранять тела фараонов, начали опасаться за их безопасность, поэтому они перепрятали их. Мы считаем, что то же самое случилось с нашей маленькой принцессой.

— Вы знаете, кто она? Что-нибудь кроме ее имени?

Мы как один повернулись к Патрику Фэйрбротеру. — Я расшифровал каждую маркировку на ее саркофаге, но помимо ее имени там очень мало полезной информации. Кроме проклятия, — сказал он с медленной улыбкой.

— На самом деле на саркофаге есть проклятие? — Я не могла скрыть своего изумления. — Я думала, что это изобретение предприимчивого газетного репортера.

— О, да. И довольно хорошее. — Он глубоко вздохнул, прочистив горло и медленно заговорил глубоким, громоподобным голосом, совершенно непохожим на его обычный. — Проклят тот, кто беспокоит останки дочери Исиды. Смерть придет к опустошителю на крыльях стервятника, и Анубис будет пировать на его костях. — В этот момент в камине рухнуло полено, из-под которого полетел поток искр, и, несмотря на тепло огня, я вздрогнула.

При заявлении Фэйрбротера рука леди Тивертон поднялась к ее горлу, перебирая брошь из скарабея.

— С вами все в порядке, моя леди? — мягко спросил Стокер.

Она кивнула. — Да. Вполне. Только услышав слова, произнесенные таким образом вслух, так легко поверить...

— Рейчел, — сказал ее муж, слегка нахмурившись.

— Поверить во что? — я проигнорировала баронета.

— Что Анубис действительно приходил за нами, — пробормотала она почти неразборчиво.

— С чего вы взяли, что Анубис приходил? — надавил на нее Стокер.

Леди Тивертон подняла голову, опустив свой печальный темный взгляд.

— Я видела его.

Глава 6

Если рассказ Фэйрбротера был драматичным, заявление леди Тивертон было крайне пугающим. Если бы она плакала или завывала, было бы намного легче отклонить ее слова, как бред сумасшедшей. Но я редко видела более выдержанную женщину. Она говорила спокойно, с самообладанием, и из-за отсутствия удивления, продемонстрированного ее мужем и Патриком Фэйрбротером, стало очевидно, что они слышали эту историю раньше.

— Когда вы его увидели? — потребовала я. — Где?

— В Египте, — быстро ответила она. — У меня иногда возникают проблемы со сном, когда мы занимаемся раскопками. Понимаете, там так ужасно тихо. Нет городского транспорта, или странствующих разносчиков маффинов, или церковных колоколов, чтобы нарушить покой. Только это великое, пустынное молчание, как живое существо. А потом шакалы. Они издают довольно жуткий звук, если к ним не привык.

Она печально улыбнулась. — Я выросла в Египте, но в суе Каира, а не в бесплодной пустыне Долины Царей. Это самое жуткое место, где я когда-либо была. Когда я бодрствую, я всегда поднимаюсь и пытаюсь сделать что-то полезное. Я нахожу, что это помогает мне уснуть, когда я возвращаюсь в кровать. Однажды ночью, когда я склеивала несколько керамических осколков, я услышала шакала. Конечно, это не редкость, но этот был очень близко к экспедиции. Мне было интересно, должна ли я разбудить мужа, чтобы приказать охранникам стрелять в него. Я выглянула в окно, чтобы посмотреть, далеко ли он забрался, и тогда я увидела это — его, — исправила себя она.

— Анубиса? — серьезно спросил Стокер.

Она кивнула. — Он просто стоял в лунном свете. Я могла видеть его так же ясно, как если бы это был день — голову шакала на теле мужчины. Это была своего рода маска, которую носили древние жрецы. Они изготавливали такие вещи из картона и носили их во время священных обрядов. Я знала, что это было, и все же я не могу описать эффект. Это было нечто потустороннее. Его грудь и ноги, — она слегка покраснела при использовании этих слов, — были обнажены. Он носил сандалии и нагрудник из бисера с традиционным льняным килтом. Он выглядел так, как будто он сошел со стен гробницы, ожившая погребальная картина, — закончила она.

— И вы ничего не можете сказать о нем? Его телосложение? Его особенности? — спросила я.

— Что это за вопрос? — потребовал сэр Лестер. — Как вы думаете, моя жена имеет обыкновение видеть, как полуодетые мужчины скачут вокруг?

— Совсем нет, — успокоила я. — Я просто подумала, что ее светлость могла увидеть что-то знакомое в том, как он двигался, что-то, что могло бы напоминать знакомого со склонностью к розыгрышам.

— Он не двигался, — объяснила леди Тивертон. — Он просто стоял в профиль, совершенно неподвижно, пока несколько облаков не заслонили луну. Это заставило тень пройти над ним, и когда тень исчезла, он ушел.

— Ушел? — повторил Стокер.

— Без звука.

— Полагаю, вы искали следы? — предложила я.

Сэр Лестер кивнул. — Естественно. Никаких следов парня не было найдено — ни бусинки не упало с его нагрудника, ни следов его сандалий в грязи.

— Но вы верите в это видение? — спросил Стокер.

— Конечно, я верю! Если моя жена говорит, что видела, для меня этого достаточно, — решительно ответил сэр Лестер.

— Я видел это сам, — тихо сказал Патрик Фэйрбротер. — Несколько ночей спустя после ее светлости. Была темная луна, поэтому мой обзор был не таким ясным, как у нее, но с этим профилем невозможно ошибиться.

Стокер задумчиво сложил пальцы. — Кто-нибудь еще видел это?

Фэйрбротер пожал плечами. — Десятки людей. Парень прошел прямо через одну из деревень рабочих на краю долины. Целые семьи закрыли свои двери и окна и отказались выходить снова до утра.

— Как драматично, — пробормотала я.

— Чертовски неприятно, если вы простите мой язык, — сказал сэр Лестер. — После этого ни один человек на пятьдесят миль вокруг не хотел работать на нашей площадке. Я должен был импортировать fellahin из верховья реки, чтобы сделать работу. Конечно же, никто из них не знал даже основ, как правильно производить земляные работы. Они сделали это из рук вон плохо, уничтожив половину того, что выкопали, — с горечью закончил он.

— Вот почему мы собрались уезжать раньше, — объяснила ее светлость. — Мы просто не могли организовать надлежащие раскопки с неподготовленными рабочими, не по стандартам моего мужа. Мы решили опустошить пещеру в меру своих возможностей и закончить на этом.

— И был Джонас, — тихо проговорил Фэйрбротер, глядя на его руки. Леди Тивертон издала невнятный звук бедствия, сжав губы.

— Джонас? — спросил Стокер.

— Джонас Фаулер, директор экспедиции, — сказал сэр Лестер быстро. — Он заболел и умер. Это не было неожиданным. У бедняги было слабое сердце. Он ожидал конца в течение многих лет. Все знали, что это его последний сезон, но он надеялся, что доживет до его конца. — Он замолчал, его рот беззвучно шевелился.

Патрик Фэйрбротер продолжил нить повествования. — Джонас был старым добрым человеком, несколько грубоватым. Ему нравилось жить с рабочими, есть их пищу и так далее. Мы шутили, что его конституция крепка, как у осла. Но, как оказалось, это была пустая шутка. Он заболел. Он не мог подняться с постели в течение нескольких дней, а затем его сердце просто сдалось.

— После этого у нас не хватило духа, — сказала приглушенно леди Тивертон. — А без должных работников все это казалось ужасно бессмысленным.

— Конечно, — заверила ее я. — Должно быть, это был ужасный удар.

— Сэру Лестеру было труднее всего, — сказал мистер Фэйрбротер, щедро кивнув своему покровителю. — Его дружба с Джонасом была самой продолжительной.

Сэр Лестер на мгновение казался переполненным эмоциями, и я поспешила сменить тему преждевременной смерти Джонаса Фаулера.

— Кажется любопытным, что появление Анубиса могло бы оттолкнуть хорошо обученных и опытных рабочих, — медленно начала я.

Ее светлость наклонила голову. — Вы когда-нибудь встречали среднего египетского жителя деревни, мисс Спидвелл?

— Мне приходилось, — вставил Стокер.

— Тогда вы поймете, что они уникальны. Они могут быть затронуты современным миром, но они не живут в нем. Они живут в пустынных wadis, отмечая времена затопления Нила, как и их предшественники на протяжении тысячелетий. Они буквально обитают в костях своих предков. Неудивительно, что они все еще верят, хотя бы немного, в древних богов. Скажите, что средний английский фермер не будет трепетать, увидев Зеленого Человека на лесной поляне, — закончила она с улыбкой.

— Это чертовски варварски, — проворчал сэр Лестер.

Ее светлость, казалось, не обижалась на критику соотечественников. Она просто посмотрела на своего мужа с нежным упреком.

— Ты говоришь это только потому, что они доставили тебе

неудобства, — сказала она ему. — Ты первый, кто защищает египетского рабочего, как чудо промышленности и мужества.

— Ну, они не боятся тяжелого рабочего дня, — неохотно подтвердил он.

Я прочистила горло. — Предполагая, что Анубис, бог подземного царства и хранитель гробниц, занят своими делами, мы можем с уверенностью сказать, что ваш посетитель был просто смертным человеком, разыгрывающим вас. Возможно, это была просто безобидная шутка, но она создала неразбериху на ваших раскопках сразу после того, как вы сделали важное открытие. Время это кажется мне интересным. Можете ли вы вспомнить кого-нибудь, кто мог бы получить выгоду от прерывания вашей экспедиции?

— Например, Джон де Морган? — предположил Стокер.

— Это была моя мысль, — быстро сказал сэр Лестер. — И его исчезновение только подтвердило это. Беда до мозга костей, вот кто он был.

— Возможно. — Я прищелкнула языком. — Но зачем беспокоиться о маскировке под Анубиса, если он планировал сбежать с диадемой? Какой цели это служило?

— Чтобы еще больше сбить нас с толку? — предложил сэр Лестер. Но в его голосе звучало сомнение, и Стокер покачал головой.

— Вряд ли, я должен думать. Интересно, у вас есть профессиональные враги? Люди, которые, возможно, ревновали к вашей находке и стремились отпугнуть вас от нее?

Сэр Лестер и леди Тивертон обменялись взглядами с Патриком Фэйрбротером.

— Есть один, — начал сэр Лестер.

Леди Тивертон снова дотронулась до своей брошки со скарабеем. — У нас нет доказательств, — пробормотала она.

— Мерзавец угрожал мне в вестибюле Шепарда! — смутился ее муж. — Гораций Стил, — коротко сказал он. — Вся эта история просто воняет им.

— Гораций Стил, американский миллионер? — спросила я.

— Он самый, — подтвердила леди Тивертон. — Он и мой муж были партнерами по раскопкам в течение многих лет. Прошлогодний сезон был их последней совместной экспедицией.

— Что заставило вас расстаться? — спросил Стокер сэра Лестера.

Баронет заерзал. — Я не хотел бы говорить.

— Сэр Лестер, — сказала я самым соблазнительным голосом, — вы наверняка понимаете, что любая информация может помочь нам

расследовать исчезновение Джона де Моргана и вернуть вашу диадему? Возможно, мистер Стил был замешан в этом.

Леди Тивертон издала легкий вздох беспокойства. — Вы предполагаете, что мистер Стил мог подкупить Джона де Моргана, чтобы украсть диадему? А потом заплатил ему, чтобы он исчез? Я не думаю. Достаточно ужасно представить, что мистер де Морган мог украсть драгоценность ради своей выгоды, я могла бы это понять. У него имеется жена, которую требуется содержать, и ограниченные перспективы. Возможно, соблазн оказался слишком велик. Но для него вступить в сговор с Горацием Стилом... — Она позволила своему голосу затихнуть, прижимая руку к губам.

— Что вы можете рассказать нам о мистере Стиле? — подтолкнула я.

Сэр Лестер обменялся взглядами с женой. — Как вы сказали, он американец и богат. Несомненно, вы слышали о его предприятиях — горном деле, железных дорогах, пароходах. К тридцати годам он дважды становился миллионером. Но свою деловую хватку он приобрел, если так можно выразиться, на улицах. После того, как ему исполнилось тридцать лет, он решил исправить недостатки в своем образовании и занялся изучением египтологии. Он уже создал себе имя в этой области, когда моя жена — моя первая жена, — сэр Лестер исправился, поспешно взглянув на нынешнюю леди Тивертон, — начала публиковать свои книги. Он был очень впечатлен ими, и они завели своего рода дружбу. Со временем мы сформировали партнерство и начали совместные экспедиции Тивертон-Стил.

Затем он замолчал, цвет его лица стал теплым, и леди Тивертон заговорила. — Мистер Стил в течение очень долгого времени был преданным другом Тивертонов. Мне жаль говорить, что он никогда полностью не приветствовал мое присутствие в семье.

Сэр Лестер накрыл ее узкую ладонь своей мясистой рукой. — Проклятый дурак, — пробормотал он.

Леди Тивертон одарила его нежной улыбкой.

Сэр Лестер продолжил. — Его имя Гораций, но благодаря его работе в египтологии моя первая жена дала ему прозвище Хорус в честь бога-царя. Это его позабавило.

Он покачал головой, выражение его лица внезапно изменилось. — Более десяти лет мы были на раскопках вместе. Но в конце прошлого сезона я сказал ему, что больше не буду с ним сотрудничать, и он воспринял это плохо. Он устроил сцену у Шепарда, угрожал мне пистолетом, — сказал он с оттенком негодования. — Американцы и их

оружие, — пробормотал он.

— Вы рассказали ему о гробнице, которую обнаружили? — спросила мягко.

Баронет глубоко покраснел. — Я не говорил. Хорус всегда высмеивал мою идею о том, что что-то ценное скрывается в wadi в этой части долины. Он думал, что тратить время на поиски там — пустая трата времени. Но я был прав, — упрямо добавил он. — Мы обсуждали, где копать в этом году, когда он начал язвить насчет моих идей. Ну, почему я должен говорить ему правду, когда он вечно цеплялся из-за нехватки моих фондов? Моих полетов фантазии? Я не хотел делиться с ним. Я хотел сам все это выкопать, а затем заставить его признать, что он был неправ. Поэтому я просто сказал ему, что отказался от продолжения партнерства. — Он неловко заерзал на стуле. — Я не стал объяснять ему причину, и это его разозлило больше всего.

— И он вернулся в долину копать в этом сезоне? — спросил Стокер.

— Вместо этого он решил вести раскопки в Амарне, — поправил мистер Фэйрбротер. — Довольно далеко от нашего местоположения в долине, но мистер Стил часто навещал других друзей в этом районе. Это сделало ситуацию довольно неловкой.

— Я могу представить. Но я видел фотографию мистера Стила в газете, — возразил Стокер. — Он джентльмен преклонных лет. Я не могу представить, чтобы он надевал маску Анубиса и играл в азартные игры в пустыне.

— Вы видели фотографию его сына? — спросил Фэйрбротер. — Я бы поспорил, что Генри Стил может хорошо исполнить роль египетского бога.

Леди Тивертон покачала головой. — Это слишком ужасно. Они были нашими друзьями. Это невозможно.

Я предложила ей тонкую улыбку. — Что сказал Наполеон, моя леди? «Невозможное — это слово, которое можно найти только в словаре дураков».

— Аминь, — сказал Патрик Фэйрбротер, поднимая свою чашку с чаем в тосте.

...

Мы покинули Тивертонов, выйдя из теплой элегантности лобби Садбери на темнеющую улицу. Осколки льда сияли в свете уличных фонарей, и Лондон вокруг нас торопился, суется в наступающих сумерках.

— Хорошо, — сказала я Стокеру, засовывая край перчатки под манжету. — Я чувствовала, что ты урчал, как вулкан там. Ты мастерски сдерживался, но теперь в этом нет необходимости. Можешь произнести

свою речь.

Его челюсть стала жесткой. — Это тот позорный бизнес с мумией. Они хотят выставить ее на обозрение.

— Только ее саркофаг, — поправила я.

— Этот саркофаг — футляр для мумии, внутренняя оболочка ее гроба, — возразил он. — Там должны быть, по крайней мере, еще два, окружающих его, и усыпальница, чтобы поддерживать все это вместе. Показывать саркофаг — все равно что пустить сброд в Виндзор, чтобы увидеть королеву в ее ночной рубашке.

Я проигнорировала упоминание моей бабушки и попыталась понять его точку зрения. — Такие развлечения были модными на протяжении десятилетий, — отметила я.

— Развлечения? — Он повернулся ко мне лицом, свет от ближайшего уличного фонаря резко подчеркивал выражение обличения на его лице. — Ради Бога, она была человеком! Она заслуживает того, чтобы ее оставили в покое, а не выставляли напоказ как ярмарочную забаву для людей с полушиллингом за вход.

— Пять гиней, — поправила я.

— Мне все равно, если они берут тысячу гиней и Кохинор впридачу. (знаменитый индийский бриллиант, история которого восходит к 14 веку. Он перешел в британское владение при аннексии Пенджаба в 1849 году и был установлен в короне королевства для коронации Георга VI (1937). Это неправильно.

— Ты ученый, — напомнила я ему. — Конечно, ты ценишь открытия, которые могут быть сделаны из исследований мумии принцессы.

— Исследования, да. Подготовленными учеными, при уважительных обстоятельствах. Это же не что иное, как карнавальное шоу, немного театральной чепухи, чтобы набить карманы сэра Лестера Тивертон. Этот человек ничем не лучше Барнума, торгующего своими уродцами по цене входного билета.

Продавец орехов раскрыл свой жаровню, поставив сковороду для жареных каштанов. Проходящий мимо мальчик слегка толкнул меня и пробормотал извинения, сорвав с головы твидовую кепку. Стокер положил руку мне под локоть и повел меня к тротуару. Я долго молчала, ожидая, что он снова заговорит.

— Когда-то она была человеком, — наконец сказал он. — Она гуляла, дышала, любила, и у нее было имя. Анхесет. Оно начертано на скарабее, который кто-то положил на нее для защиты в загробной жизни. Это следует уважать, вместо того, чтобы позволить толпе глазеть на нее. Она

заслуживает того, чтобы покоем с миром.

Я подняла бровь. — Стокер, какой ты ужасный романтик.

Он открыл рот, но я подняла руку. — Я согласна с тобой. Есть что-то очень неприятное в идее о показе принцессы для развлечения прохожих. — Я улыбнулась. — Еще одна причина, чтобы найти Джона де Моргана и диадему принцессы. Возможно, если мы вернем драгоценность сэру Лестеру, он будет достаточно благодарен, чтобы выслушать небольшое убеждение по этому вопросу.

Стокер на секунду задумался, а потом вдруг взял меня за руку. — Давай. Есть кто-то, с кем ты должна встретиться. — Он направил меня за угол ко входу персонала в отель. Вырвав листок из блокнота, он набросал поспешную записку и сунул ее в руки ожидающего мальчика-посыльного вместе с мелкой монетой. — Отнеси это месье д'Орланду, — проинструктировал он.

Мы подождали несколько минут, топая ногами от холода. Внезапно дверь открылась, и из нее прокатилась теплая волна воздуха, пропитанного корицей, дрожжами и жареным мясом. Появился мужчина в безукоризненно чистом двубортном белом халате. На его голове сидел ворсистый алый бархатный берет, и он носил тонкое золотое кольцо на своем мизинце.

— Ревелстоук! — крикнул он с явным восторгом, его лицо озарилось улыбкой.

Стокер улыбнулся, и оба мужчины обнялись, хлопая друг друга по спине. — Вероника, это Жюльен д'Орланд. Жюльен, это мисс Спидвелл.

Парень был, возможно, ровесником Стокера, с длинными тонкими руками и кожей насыщенного шелковисто-коричневого цвета *Nymphalis antiopa*, бабочки *Camberwell Beauty*. Он предложил мне широкую улыбку. — Мадемуазель Спидвелл. — В его голосе прозвучал мягкий соблазн французского акцента, а темные глаза были выразительными.

Меня осенило. — Вы кондитер леди Велли! — Леди Велли как-то говорила мне, что нашла должность для ее французского protégé в качестве кондитера в Садбери, и я была рада познакомиться с ним.

— Действительно, — признался он. — Но, Ревелстоук, позор тебе за то, что ты держишь даму на морозе! У тебя манеры корсиканского крестьянина, — он добавил, быстро улыбаясь Стокеру. Он поманил меня. — Заходите в мой кабинет, там тепло.

Он проводил нас внутрь отеля, и это было похоже на внутреннюю работу красивых часов — так много движущихся частей, так много технического хаоса; и все же передняя сторона представляет собой только

безмятежный и упорядоченный фасад. Здесь бесконечные комнаты образовывали лабиринт, каждое пространство было посвящено отдельной задаче: приготовление соусов, жарка мяса, выпечка хлеба. Месье д'Орланд объяснил, что его обязанностью является контроль за выпечкой — деликатными кондитерскими изделиями, украшавшие обеденные столы в столовой. Простые пирожные и кексы, которыми мы наслаждались за чаем, были приготовлены его подчиненными, но я могла видеть, что он внимательно следил за ними, когда мы проходили. Он переводил взгляд из стороны в сторону, предлагая то критику, то похвалу. Один молодой человек осторожно вытягивал медовое мороженое в форме улья, а другой плеснул сахар в золоченое облако, чтобы сформировать гнездо.

— Для *stoquembouche*, — сказал мне месье, когда я устала. — Это наша специальность.

— Это великолепно, — сказала я, вдыхая аромат печенного сахара и ванили. Стокер с тоской смотрел на пирамиду из крошечных слоеных кусочков теста, которые были быстро обжарены, наполнены сладкими сливками и приправлены сахаром. Вежливые люди это называли *beignets soufflés*, но я также слышала, что их называли довольно приземленным эпитетом *petsdenonnes* или пукающие монахини. В любом случае, вид этих золотистых соблазнов привел к тому, что Стокер потерял дар речи, когда мы проходили мимо.

— Я пришлю коробку, — пообещал месье д'Орланд. — *Petsdenonnes* для тебя, Стокер, но я думаю, *languedechat* (фр. кошачьи языки) для очаровательной мисс Спидвелл, — медленно добавил он с оценивающей галльской улыбкой.

Кошачьи языки, действительно! Он провел нас в маленький кабинет и закрыл за собой дверь. Воздух здесь был наполнен сахаром и шоколадом. Там были письменный стол и набор стульев, а также незадрапированное окно, выходившее на кухню для выпечки, чтобы он мог постоянно следить за своими помощниками. Письменный стол был опрятным, но книжная полка пуста.

— У вас нет кулинарных книг, — сказала я, указывая на пустую полку.

Он постучал по лбу одним тонким пальцем. — Книга может быть потеряна. Настоящий мастер хранит здесь все знания, которые ему необходимы.

Я улыбнулась, и он принес бутылку темной жидкости из шкафа. Он достал набор крошечных стаканов из тонкого хрусталя и налил по капельке каждому из нас. — Это десертный ликер моего собственного изобретения. Я приправляю его фиалками и сеном.

Это звучало как самая бесперспективная вещь, которую я когда-либо пила, но я сделала глоток, чтобы быть вежливой. Мгновенно весенняя пора расцвела на моем языке. Сено было зеленым и свежим, а чувственная фиалка цвела в темноте.

— Необыкновенно! — провозгласила я.

Он подарил мне удовлетворенную улыбку. — Я думаю, что это обещающе.

Стокер ничего не сказал, но протянул свой стакан с надеждой.

Месье д'Орланд покачал головой. — Больше нет. Он почти закончен, и я еще не улучшил его. Когда я это сделаю, я отправлю вам целую бутылку.

— Я напомню тебе обэтом.

Месье д'Орланд откинулся на спинку стула, в экспансивной манере. — Я думаю, что вы пришли сюда не только за образцами. Какую услугу я могу вам оказать?

Это была очаровательно старомодный вопрос, и я поняла, что ценю его изысканные манеры. Он был французом насквозь, и я всегда питала слабость к галльской цветистости.

Стокер подошел прямо к делу. — Мне нужно, чтобы ты немного пошпионил.

Месье поднял брови. — Не мое обычное занятие, но для вас я буду рад попробовать. За кем я должен шпионить?

— Тивертоны, — представила я.

— Сливовые пирожные и обычный заварной крем, — сказал он с оттенком неодобрения. — Им нравятся их английские пудинги. Не для них хрустящие коржи mille-feuille или многочисленные удовольствия от прекрасно сделанного St. Honoré. Нет, сэр Лестер Тивертон всегда хочет рисовый пудинг с черносливом.

Он вздрогнул. — Но молодая леди подает надежды. Мне сказали, что она съела вторую порцию моей Турецкой фантазии.

— Турецкая фантазия? — спросил Стокер, пуская слюни.

Месье пожал плечами. — Новое творение по старому турецкому рецепту. Розовая вода крем-карамель, очень нежная, отделка с кружевом из позолоченного сахара и гарниром из засахаренных фисташек. Турки — мастера тонкого использования духов в кондитерских изделиях, — добавил он.

Стокер немного вздохнул, когда месье продолжил. — Мадемуазель Тивертон была благодарна. Думаю, ее можно уговорить попробовать пирог с апельсиновым цветком, — сказал он, задумчиво наклонив голову. — Я приготовлю для нее нежный мусс из цветков апельсина и глазирую дно

пирога горьким шоколадом, украсив его взбитыми сладкими сливками и завитками шоколада.

Стокер тихо застонал от этого описания.

Месье улыбнулся. — Естественно, мне, как сотруднику отеля, запрещено дружить с гостями, но если бы я послал ей такой деликатес с комплиментами кухни и приглашением посмотреть, как создается такое кондитерское изделие, она может чувствовать себя обязанной принять это приглашение.

— Она наверняка примет, — согласилась я. — Я думаю, что девушке одиноко. — Я выглянула в окно, где два помощника собирали пирожные в гору с липкой помощью крепкой карамели. — Лучше отправить пирог с темноволосым. Он намного симпатичней.

Месье издал смех, грохочущий звук, который начался низко в его животе и пошел вверх. — Вы леди оригинального мышления, мадемуазель Спидвелл. Я подозреваю, что в вас есть французская кровь.

Я подумала о французских принцессах, разбросанных по генеалогическому древу моего отца. — Возможно, немного, — пробормотала я. — Вам не интересно, почему мы просим вас шпионить за этой семьей?

Он пожал плечами. — Я бы никогда не усомнился в Ревелстоуке, моя дорогая мадемуазель, — просто сказал он. — Я сказал ему однажды, какую бы услугу я ни мог ему оказать, он должен только попросить. И это первый раз, когда он просит.

Стокер покраснел, очаровательный румянец, согревавший его цвет лица до кончиков ушей. — Ерунда, — пробормотал он. — Но если ты поможешь нам, я буду считать это личной услугой.

Месье пожал ему руку. — Я отправлю тебе сообщение, как только узнаю что-нибудь важное.

— Должны мы передать от вас привет леди Веллингтонии? — спросила я.

Он улыбнулся, обнажая ряд великолепных белых зубов. — Нет необходимости, дорогая леди. Я обедаю с ней раз в две недели. Леди Веллингтония, как и Стокер, никогда не забывает своих друзей. — Он низко склонился к моей руке. — Было приятно познакомиться с вами, мадемуазель Спидвелл.

— Взаимно, месье.

Стокер тихо зарычал. — Если вы вполне закончили, — сказал он, указывая на дверь.

Я сверкнула улыбкой, и месье прощальным жестом прикоснулся

кончиками пальцев к своим губам.

Мы покинули Садбери и его душистые прелести, вернувшись в темный холод февральского мрака. Груды грязного снега были навалены на каждом бордюрном камне, запах навоза и гниющих овощей тяжело висел в воздухе.

— Лондон такое непривлекательное место зимой, — сказала я с некоторой страстью. — Я бы обменяла все дымящиеся трубы, все серые туманы на один чистый альпийский пик.

Стокер вздрогнул. — Никогда.

Он рассказывал о своей неприязни к горам, но мой разум блуждал, улетаая на конкретный швейцарский луг, где я преследовала милого маленького Parnassiusapollo, а меня, в свою очередь, преследовал мой гид. Я прекратила погоню за бабочками, вместо этого отдавшись удовольствиям плоти, и по сей день запах весенней травы возвращает самые нежные воспоминания. Я вошла на этот луг нетерпеливой девушкой и вышла, срывая раздавленный эдельвейс со своих волос и нижних юбок, хладнокровной и счастливо опытной женщиной.

— Ты вообще слушаешь? — спросил Стокер.

— Нет, — ответила я с полной откровенностью. — Я вспоминала свой первый вкус эротических радостей.

— Какого черта? Неважно. Я не должен подвергать сомнению капризы твоего воображения.

— Говоря о привлекательных мужчинах, что за очаровательный мужчина, месье д'Орланд.

— Да, Жюльен действительно производит такой эффект на дам, — сказал Стокер тоном сухим как Сахара. — Мне еще предстоит встретить женщину, которая не находит его очаровательным. Я не знаю, акцент это или тот факт, что он всегда пахнет сахаром.

— И то, и другое — опьяняющие качества в мужчине, — сообщила я ему.

Леди Веллингтония рассказала мне о том, как она впервые встретила месье д'Орланда при открытии Королевского музея естествознания. — Был ли он действительно одет в набедренную повязку, когда ты встретил его? — спросила я.

Красивый рот Стокера сжался. — Он был. Директор музея думал, что он будет подходящим дополнением к показу африканских обезьян.

Я вспомнила описание леди Веллингтонии того, что последовало. Тот факт, что Стокер избил директора голыми кулаками, меня не удивил. Удивило, что Жюльен д'Орланд оказался квалифицированным кондитером.

— Как он дошел до такого со всеми своими талантами?

Стокер пожал плечами. — Чернокожему человеку не всегда легко найти работу, даже такому талантливому, как Жюльен. Его семья была из Мартиники, опытные повара, все они. Его дедушка обучался у Карима, а отец готовил для Наполеона III. Жюльен на самом деле родился во дворце в Фонтенбло. Он учился на кондитера и пошел работать к парижскому банкиру, который решил провести зиму в Лондоне, наблюдая за некоторыми инвестициями. Он взял с собой Жюльена, чтобы хорошо обедать, пока был здесь. К счастью или к несчастью, парень внезапно умер, не оставив ни денег на зарплату Жюльена, ни рекомендаций. Жюльен тогда не говорил по-английски и никого не знал в Лондоне. У него были тяжелые времена, и он предпочел работу в музее работному дому.

Я покачала головой. — Он, это очевидно, аристократ на кухне. Кажется удивительным, что он согласился на такую унижительную работу.

— Жюльен, как и все французы, чрезвычайно практичен. Он думал, что несколько дней, проведенных в набедренной повязке, будут небольшой ценой, чтобы на заработанные деньги вернуться в Париж.

— Должно быть, он благодарен, что ты вмешался, — размышляла я.

— Благодарен? Он назвал меня лошадиной задницей, когда я избил директора музея. Нас обоих выгнали, и он так и не получил заработную плату. Я стоил ему платы за полный день. Не думай, что я спас его, — предупредил он. — Жюльен д'Орланд — пресловутый кот с девятью жизнями. Он бы отлично приземлился на ноги абсолютно без моего вмешательства.

Я наклонила голову. — Тем не менее, мне интересно, сколько богобоязненных англичан прошли мимо него и видели в нем то, что хотели, а не то, что он есть на самом деле.

— То, что он — чертов гений. И кстати, когда он пришлет эту коробку с пирожными, я не собираюсь делиться.

— Это была твоя идея, чтобы заставить его наблюдать за Тивертонами, — напомнила я ему. — Ты заработал пирожные.

Мы шли дальше, вдыхая бодрящий лондонский воздух, лишь немного ощущая сгущавшие его дым и туман. Это было лучше, чем сидеть в душной атмосфере наемной кареты, как куры в курятнике, и мы размяли ноги в оживленном движении, обходя нагромождения сугробов грязного снега. Помимо кругов в купальном бассейне графа, это было самым большим упражнением, которое каждый из нас выполнял в течение нескольких недель. Я чувствовала, как мое настроение поднимается с каждым шагом.

Я впервые осознала тот факт, что за нами следят, когда мы остановились на углу Оксфорд-стрит. Движение изменилось от наемных экипажей и кэбов до трезвой респектабельности частных карет, когда мы добрались до Мэрилебона. Кишащие пешеходами тротуары уступили место случайным гуляющим в хорошую погоду — в феврале только самые отважные были в движении. Я услышала резкий звук шагов позади нас. Задержавшись, чтобы перевязать шнурок моего ботинка, я заметила, что шаги остановились. Я бросила взгляд под мышку и увидела парня среднего роста, его кепка была низко надета на лоб — парня, который толкнул меня за пределами Садбери.

Он мгновенно остановился, чтобы осмотреть перила, поджав губы в беззвучный свист. Его демонстративная небрежность не обманула меня. Я заметила, что у него учащенное дыхание, белый пар клубился в воздухе, когда он пытался отдышаться. Стокер и я были быстрыми ходоками. Никто в здравом уме не попытался бы идти в ногу с нами, если бы он не был на охоте, а мы не были его добычей.

Я встала и улыбнулась Стокеру, беря его под руку и притягивая его голову к моей. — За нами следят.

К его чести, Стокер не оглянулся. Вместо этого он наострил уши. — Тридцать футов позади, — пробормотал он. — Возможно, сорок.

Его охотничий опыт помог нам. Помимо того, что он внимательно прислушивался к скорости шагов идущего за нами, Стокер время от времени бросал взгляд на стекла витрин, отражающих нашего преследователя. Мы продолжали свой путь, бдительный, но с видимостью беспечности. Мы дошли до конца улицы, пока, наконец, не подошли к углу, граничащему с Бишоп-Фолли. Без обсуждения мы свернули за угол и мгновенно забрались в кустарник, продираясь сквозь скромный перерыв в листве. Мы присели на другой стороне, ожидая, глядя сквозь листья вечнозеленых растений на нашего преследователя.

Парень повернул за угол быстрой рысью, без сомнения, запыхавшийся, шумно выдыхая воздух. Он резко остановился, увидев пустую улицу. Он открыл от удивления рот и стал озиаться по сторонам. Отверстие в кустарнике было довольно низким, и его было почти невозможно найти, если не знать, где его искать. Наш преследователь его не заметил. Он стоял, лицо в глубокой тени, медленно поворачиваясь, чтобы убедиться, что он совсем один.

Как только он повернулся к нам спиной, Стокер рванул из кустарника. Я выскочила за ним, с боевым кличем Маори, в то время как Стокер предпочел атаковать в стремительном, угрожающем молчании. Он схватил

злодея за горло и поднял его вверх.

Ноги в ботинках на мгновение задержались. Затем одна нога подалась вперед, соединившись с довольно деликатной частью анатомии Стокера с силой, которой я могла только восхититься. Стокер ахнул и открыл кулак, уронив парня на землю, где он тяжело приземлился на заднюю часть.

— Черт побери! — воскликнул злодей. Момент шокирующего удивления, затем негодяй вспрыгнул и бросился вниз по улице. Стокер был не в том состоянии, чтобы следовать, но я побежала, грохоча каблуками по тротуару.

Как любой из моих знакомых может засвидетельствовать, я быстронога. Но в этом случае мне помешал мой пол, дорогой читатель. Могла ли я догнать злодея и стать победителем в нашем маленьком соревновании по бегу? Конечно, если бы не один факт: я была в платье. Одета для вежливого социального визита с чаепитием, я была затянута в корсет и связана приличиями. Даже изящные каблуки моих ботинок, такие модные, когда мельком виднелись из-под пены моих юбок, мешали мне. Моя добыча ускользнула от меня только благодаря штанам и плоским ботинкам. Он воспользовался возможностью, чтобы вспрыгнуть на ходу в проходящую двуколку и ловко умчаться прочь, пока я стояла в бессильной ярости.

Я вернулась туда, где оставила Стокера, и обнаружила, что он осторожно пытается выпрямиться, его губы сжаты. Ему не нужно было спрашивать. Мое выражение лица говорило ему, что я потерпела неудачу.

— Ну, это неожиданный поворот событий, — мягко сказал Стокер. — Я думал, что ты единственная женщина в Лондоне, которая носит брюки.

Глава 7

Я встала на следующий день в состоянии решительного удовлетворения. Мы едва начали расследование исчезновения Джона де Моргана, и тем не менее мы явно кого-то разволновали, если за нами следили. Но с какой целью? Наша неизвестная подруга вряд ли планировала схватку. Она явно не была готова к какой либо физической конфронтации. Ее удивление нападением Стокера и ее инстинкт бегства говорили об отсутствии опыта. (Тот факт, что она временно вывела из строя Стокера, прежде чем встать на ноги, был величайшей удачей.) Запрыгнуть в проходящую двуколку было красноречивым шагом. Это показало, что она дерзкая и находчивая, но мы могли догадаться об этом по простому поступку молодой женщины, принимающей мужской облик, чтобы следовать за нами.

Вопрос был, почему? Была ли она агентом Кэролайн де Морган, намеренной выяснить местонахождение заблудшего мужа? Была ли она частным детективом, тайно нанятым сэром Лестером на поиски его бесценной диадемы? Любопытствующая? Подчиненная сэра Хьюго Монтгомери, посланная следить за нами?

Я обдумывала возможности, пробираясь в теплицу. Нагрев теперь регулировался, это был пышный рай, густой воздух с зеленым запахом листьев, медленно просыпающихся от дремоты.

В одном углу, немного в стороне от теплых областей теплицы, располагалась крошечная роща грабов, высаженных в горшки. Среди листьев был ряд тонких коконов, бронзово-коричневого цвета и морщинистых, как гниющие орехи, длиной с мой большой палец. Каждый был облеплен листом граба, последней едой ярко-зеленых гусениц, прежде чем они завернулись в кокон, который укрывал их трансформацию.

Гусеницы и их дорогие грабовые насесты — были подарком старшего брата Стокера, виконта Темплтона-Вейна. Они прибыли самым неожиданным образом с запиской, приглашающей меня в оперу, и подписаны: «Искренне ваш, Тиберий». Я отказалась от приглашения, но приказ Стокера вернуть гусениц его брату заставил меня растить их, как будто они были моими собственными. дети. Я всегда презирала мотыльков, но должна была признать, что в их личиночной форме они были милыми малышами и доставляли мне много неожиданного удовольствия. У меня появилась привычка посещать их ежедневно, с нетерпением ожидая

момента, когда они откроются и шагнут на ветви, влажные и дрожащие.

— Actiasluna, — пробормотала я. — Доброе утро вам всем.

— Мисс, вы разговариваете с деревьями?

— На самом деле нет, Джордж, я приветствовала мою коллекцию коконов.

Я указала на маленькую колонию. — Это образцы Actias luna, лунный мотылек. Когда они появятся, они станут бледно-зелеными мотыльками размером с руку мистера Стокера. — Я развела руками, чтобы указать размер взрослого имаго, и глаза Джорджа расширились.

— Они кусаются? — осторожно спросил он. Как у большинства городских детей, у него был нездоровый страх перед природой.

Я подавила вздох. — Они не кусаются. Actias luna во взрослом виде не имеет рта.

— Как он ест?

— Он не ест, — сообщила я ему. — Он живет только неделю, и его цель — просто размножение.

— Как, как?

Я остановилась, не зная, насколько обширными могут быть познания Джорджа о птицах и пчелах. — Они существуют только для того, чтобы делать других лунных мотыльков.

Казалось, он удовлетворился этим объяснением и перешел к делу. Он размахивал газетой, и я увидела, что The Daily Harbinger превзошла сама себя. Заголовок был больше обычного, и имя Стокера было прописано со всей его формальности, включая его почетный атитул.

— Черт побери, — пробормотала я, поспешив в Бельведер. Первым делом надо было показать Стокеру статью и выдержать неизбежное проявление гнева, который последует. Но когда я передала газету и приготовилась, он просто сидел неподвижно несколько минут и читал. Закончив, он аккуратно сложил газету и отложил ее в сторону.

— Мы знали, что это произойдет, — все, что он сказал.

Он вышел из Бельведера, и я побежала вслед за ним к широкому газону, где он принялся за работу над своим последним проектом — восстановлением воздушного шара Монгольфье. Ярко-синий и сверкающий золотыми эмблемами королей Бурбонов, он был заказан Людовиком XVI после того, как несколько других успешных полетов убедили короля в многообещающем потенциале пилотируемого полета. Это так и не пришло. Вмешалась революция, и воздушный шар был заброшен. Король потерял голову, а воздушный шар был продан графу Роузморрану, проезжавшему через Париж во время террора. С тех пор он

оставался в Бельведере, плетеная гондола, обеспечивающая просторную кровать для собак. Но у Стокера были другие идеи, и он привык возиться с этой штукой, даже сумев запустить ее для незабываемого полета над огородом, из-за которого буфетная прислуга визжала и пряталась в угольном погребе большую часть дня. Его светлость был особенно увлечен этим проектом, предоставив Стокеру *carteblanche* на заказ любых материалов, необходимых для его восстановления.

Пока я стояла молча, Стокер занялся сортировкой различных веревок и канатов; его служба в военно-морском флоте и бродячем цирке помогали ему вязать узлы и выполнять такелажную работу. Распростертый на заледеневшей от мороза траве, блестящий лазурью воздушный шар, производил великолепный эффект. Поздние воздушные шары Монгольфье были больше и крупнее, но я предпочитала эту уменьшенную версию *Aérostat Réveillon*.

— У тебя неплохие успехи, — похвалила я Стокера. — Если бы ты мог убедить Бетони прекратить использовать гондолу в качестве корзины для собак, ты мог бы предложить поездки на воздушном шаре по два пенса за каждую.

Он изогнул бровь, но не оторвался от своих швов. — На самом деле, я уже говорил с его светлостью об использовании его как иллюстрации свойств полета, когда музей откроется. Например... — он начал с очень технического объяснения подъемной силы и относительной плотности нагретого воздуха, и небеса знают, что еще. Он прервал себя посередине фразы. — Ты не слушаешь.

— Конечно, нет, — согласилась я. — Я думаю о нашем преследователе вчера вечером и о статье в *Harbinger* сегодня утром.

Его взгляд обострился. — Ты думаешь, что они связаны?

— Не имею малейшей идеи, — честно сказала я ему. — Но есть полдюжины возможностей установить личность нашего злодея. Мы не можем проверить их все сами, поэтому мы должны располагать самой последней информацией о состоянии расследования. Мы должны выяснить, кто может быть связан с этим делом, а также заинтересован в наших перемещениях и местонахождении. И так как ты теперь разоблачен в связи с этим скандалом, время имеет существенное значение. Чем раньше мы сорвем маску с этой тайны, тем скорее мы сможем восстановить твоё имя.

Я ожидала, что моя напыщенная речь вызовет улыбку, но в ответ он даже не сдвинулся с места.

Через мгновение он кивнул. — Я полагаю, ты права. Ты хочешь

посоветоваться с Морнадеем?

— Он наш лучший вариант для получения информации, — мягко сказала я. — Он симпатизирует мне.

— Он ненавидит меня, — возразил Стокер. — Этого может быть достаточно, чтобы остановить его.

— Я думаю, ты недооцениваешь мое обаяние.

...

Мы отправились в Скотланд-Ярд, и нас быстро отвели в кабинет сэра Хьюго, где нас принял инспектор Морнадей, озорной парень с красивыми руками и веселыми карими глазами.

— Всегда приятно видеть вас, мисс Спидвелл, и это правда. Хотел бы я сказать то же самое о вашем любимом волке, — сказал он, глядя на Стокера.

— Стокер, перестань маячить. Ты беспокоишь Морнадея.

Морнадей и я обменялись улыбками, когда Стокер издал приглушенное рычание. Он и Морнадей часто выявляли худшее друг в друге, но инспектор явно был в приподнятом настроении, чтобы уstrasиться запугиванием Стокера. То, что его хорошее настроение связано с отсутствием сэра Хьюго, было слишком очевидно. Он бездельничал за столом своего начальника, положив на стол ноги в сапогах, руки закинута за голову. Он вскочил на ноги после нашего прибытия, но я махнула, чтобы он сел. Он слишком наслаждался, чтобы я позволяла хорошим манерам нарушить его удовольствие.

— Чем могу вам услужить, моя славная мисс Спидвелл? — спросил он, взмахнув бровями. Брови Морнадэя были подарком природы, хорошей формы и более выразительные, чем остальные его черты вместе взятые. Он использовал их с большим эффектом, передавая интерес, любопытство, скептицизм и доверие с равным мастерством. Со мной он часто использовал их, чтобы показать страстный флирт. Насколько он был искренен, я еще не поняла, но этот вопрос не заставлял меня бодрствовать ночью.

— Мы пришли обсудить исчезновение Джона де Моргана, — быстро ответила я.

Он покачал головой. — Боюсь, ваше время неудачно. Его Старшинство дома с противным катаром, — сказал он нам с чувством удовлетворения.

Я сопротивлялась желанию взглянуть на Стокера. Мы согласились продолжить с Морнадеем, как будто мы не знали о недомогании сэра Хьюго. Ничто не нравилось Морнадею больше, чем ощущение, что он знает нечто, неизвестное другим людям, и это казалось безобидным

способом завоевать его расположение

— Какой вы бесчувственный, — заметила я. — Сэр Хьюго, несмотря на все свои недостатки, человек хороших принципов и ваш наставник. Я удивлена тем, что вы радуетесь его нездоровью. — Я посмотрела на него репрессивным взглядом, и он приложил руку к своему сердцу.

— Радуюсь! Ничто не может быть дальше от истины, — сказал он, но его губы дернулись.

Стокер выбрал этот момент, чтобы опуститься на один из маленьких стульев, которые сэр Хьюго держал для посетителей. Письменный стол был изящным предметом в стиле регентства, и соответствующие стилю стулья были созданы для элегантности, а не сиденья. Только после третьего или четвертого допроса я поняла, что они также были выбраны для максимального дискомфорта, без сомнения, чтобы побудить его посетителей быть краткими, а их ответы правдивыми.

Стул издал стон протеста против значительного веса Стокера, и Морнадей бросил на него взволнованный взгляд. — Осторожней, старина. Я не хотел бы объяснять сэру Хьюго, как его кресло превратилось в кучу обломков.

— Потому что вы не должны здесь находиться, — рискнул предположить Стокер.

Морнадей выглядел смущенным. — Ну, это спорный вопрос. Сэр Хьюго попросил меня вести дела как обычно.

— С вашими ботинками на столе и потягивая его лучший односолодовый напиток? — сладко спросила я.

Не говоря ни слова, Морнадей налил мне немного виски, и, немного подумав, подвинув бутылку и стакан к Стокеру. — За ваше молчание, — сказал он тонко. — Теперь, что вы хотите?

— У нас есть вопросы об экспедиции Тивертонна. Об исчезновении Джона де Моргана, фотографа экспедиции, в частности,

— Вора экспедиции, вы имеете в виду, — поправил он.

Я наклонила голову, а Стокер ничего не сказал, потягивая виски из своего стакана.

Морнадей задумчиво потер подбородок. Как и Стокер, он брил волосы на лице. Во время нашего первого расследования Стокер сбрил бороду и продолжал ее сбривать по привычке. Я подозревала, что Морнадей тщательно брился, чтобы выставить напоказ довольно очаровательную ямочку на подбородке.

— Обычно расследование не подпадает под эгиду Особого Отдела, —

начал Морнадей, подражая помпезному тону сэра Хьюго. — Но в этом случае положение сэра Лестера Тивертонa, а также другие соображения означают, что отчеты были переданы в этот офис.

— Какие другие соображения? — быстро спросила я.

Он резко покачал головой. — Этого я не могу сказать.

Я подавила вздох. — Отлично. Что говорится в ваших отчетах?

Он приподнял голову, вспоминая. — Почти ничего. Экспедиция Тивертонa наслаждалась своим самым успешным сезоном в Египте, откопав могилу ранее неизвестной принцессы Восемнадцатой Династии. К сожалению, их постигла болезнь и несчастный случай, а также смерть директора экспедиции г-на Джонаса Фаулера. Смерть Фаулера не была неожиданной. У него было всем известное заболевание сердца. Но время его кончины только добавило сенсационных историй, и начали распространяться слухи о проклятии, наложенном на экспедицию беспокойным духом потревоженной принцессы.

— Полная чушь, — лаконично сказал Стокер.

Морнадей пожал плечами. — Я просто повторяю то, что говорится в отчетах. Как только подозрение в проклятии укоренилось, каждый инцидент или несчастный случай, даже самый обыденный, приписывали его пагубному влиянию. Последней жертвой стал Джон де Морган, который внезапно заболел и бросил раскопки со своей женой Кэролайн. В то же самое время, когда де Морган уехал, бесценная диадема, принадлежавшая принцессе, пропала без вести.

— И вы уверены, что де Морган взял ее? — спросил Стокер.

Морнадей пожал плечами. — Какой еще вывод?

— Тогда как насчет его исчезновения? — спросила я.

— Я могу дать вам дюжину причин, но наиболее вероятное объяснение имеет отношение к его жене. По слухам, их отношения были бурными, демонстративно любовными в хорошие времена, громко разрушительными в менее хорошие времена.

— Значит, вы полагаете, что он взял диадему для финансирования своего побега от брака? — предоставила я.

— Его брак, работа, которой ему не подходила, Англия — выбирайте. Де Морган потерпел неудачу в большинстве своих предприятий. У него нет собственного капитала, и он зависит от щедрости других. Наконец, для него это был шанс стать себе хозяином и избавиться от жены, которая, по некоторым сведениям, могла стать жерновом.

— Чьим сведениям? — тихо спросил Стокер.

Морнадей поднялся, чтобы посмотреть на Стокера. — Повторите

вопрос?

— Чьим сведениям? Вы говорите, что миссис де Морган была жерновом на шее ее мужа. Кто-то, должно быть, предложил эту версию полиции. Я сомневаюсь, что вы пришли к этому выводу сами.

Морнадей развел руками. — Это было подтверждено несколькими участниками экспедиции Тивертон. Де Морган был вспыльчив, и, очевидно, миссис де Морган ему не уступала.

— Тогда зачем брать ее с собой? — быстро спросила я. — Если де Морган украл диадему, чтобы оплатить свое бегство, почему бы не оставить жену в Египте?

— Какой негодяй оставил бы свою незащищенную жену в грязной чужой земле? — возразил Морнадей.

— Египет, — резко сказал Стокер, — не грязен. Когда-то это была колыбель цивилизации. Я бы посоветовал вам прочитать книгу, но я не совсем уверен в вашей способности это сделать.

Морнадей опустил ноги на пол, наполовину поднявшись со стула. Стокер сделал то же самое, и я поспешила вмешаться.

— Мальчики! — резко сказала я. — Никакой драки в ваших рубашках. Будьте добры, снимите верхнюю одежду и отдайте мне на хранение.

Оба мужчины обернулись, чтобы взглянуть на меня с одинаковым выражением удивления.

Морнадей заговорил первым. — Прошу прощения?

Я заговорила моим лучшим тоном няни — тот, который я использовала с превосходными результатами, чтобы привести непослушных ухажеров к ноге.

— Вы не можете ударить противника должным образом, если вам мешает плотное пальто, — отметила я. — Или застегнутый жилет. И на белом кровь выглядит очень плохо. Рубашку тоже надо снять. — Я протянула руки. — Давайте. Рубашки, оба. Будете ли вы бороться до первой крови или пока кто-то первым потеряет сознания? Я всегда думала, что первой крови немного недостаточно. Думаю, пока один из вас не потеряет сознание, не так ли?

Они обменялись смущенными взглядами и отступили, вернувшись к своим стульям и снова взяв бокалы для виски.

Я перевела взгляд с одного на другое. — Не будет драки? Какое разочарование. На чем мы остановились?

— Исчезновение де Моргана, — быстро сказал Морнадей. — По какой-то причине де Морган решил вернуться в Англию со своей женой. У них был неудачный переход через Канал, и он снова заболел с теми же

жалобами, что и в Египте. Миссис де Морган отвезла своего мужа в небольшую частную гостиницу в Дувре, где экспедиция останавливалась на пути в Египет. Оказавшись там, они зарегистрировались и заняли отдельные комнаты. Де Морган не хотел, чтобы его беспокоили, и его жена крепко уснула. На следующее утро она проснулась и не обнаружила никаких следов своего мужа или комнаты, в которой его поселили, ни каких-либо его вещей. Мы проследили его отъезд на пароходе из Александрии с его женой, но после этого все его следу пропадают.

— Вы имеете в виду, что он вообще мог не пересекать канал, — сказала я.

Морнадей кивнул. — След просто исчезает. Мы знаем, что миссис де Морган утверждает, что он пересек канал с ней, но нет никаких доказательств. Возможно, он сел на корабль из Марселя или Шербурга, идущий в любую точку мира, взяв с собой диадему Тивертон. Полиция в Дувре совершила грубую ошибку, допросив ее. Она впала в истерику и отказалась отвечать на любые другие вопросы, кроме того, что она сговорит правду: ее муж доехал с ней до Дувра, а затем исчез ночью. Мы анализировали все возможные пути расследования, но у нас ничего нет. Без дальнейших доказательств нам остается только догадываться, и у Отдела есть более важные поводы для беспокойства, чем одно украденное ювелирное изделие и брошенная жена, — добавил он немного напыщенно.

— Зачем миссис де Морган придумывать такую фантастическую историю? — спросил Стокер. Он осушил виски, ожидая ответа. Его костяшки были белыми на стекле, и я знала, что, несмотря на все его внешнее спокойствие, он не давал разгореться еще не погасшим уголькам своего характера.

— Сэр Хьюго думает, что она сговорила со своим мужем, что истории их ссор были преувеличены, и что она хочет тихо ускользнуть и присоединиться к нему, когда шум утихнет.

Он сделал паузу, нечестивый блеск осветил его карие глаза. — Я считаю, что де Морган сбежал сам. Я думаю, что он оставил ее во Франции, и что миссис де Морган раскрутила эту причудливую историю, чтобы избежать еще одного скандала с собой в роли брошенной жены. — Он произнес последние слова, как будто пробуя их на вкус, и на его лице было выражение холодного удовлетворения, когда он небрежно положил руку на газету на своем столе — последнее издание *The Daily Harbinger*.

Рот Стокера изогнулся в безрадостной улыбке. — Ты гнилой маленький мерз...

Я вскочила, прежде чем он успел закончить предложение, схватив

полы его куртки обоими кулаками. — Стокер, этого вполне достаточно. Сядь, — приказала я. Я подняла руку, указывая Морнадею, поднявшемуся на ноги в оборонительной позе, чтобы он тоже сел на свое кресло. — Итак, вы знакомы с семейной историей миссис де Морган, — сказала я, зорко следя за Стокером.

— Я познакомился, — с радостью подтвердил Морнадей. — Вот это история!

Я холодно посмотрела на него. — Морнадей, охота на медведя является незаконной в течение более пятидесяти лет, и требует специальной выучки. Ведите себя прилично.

У него хватило совести смутиться. — Ладно. Да, мы знаем, что Кэролайн де Морган когда-то фигурировала в центре светского скандала, когда она подала в суд на своего первого мужа, почтенного Ревелстока Темплтона-Вейна, требуя развод по причине жестокости и пренебрежения. Учитывая бурный характер ее второго брака, вполне возможно, что миссис де Морган снова была оставлена и ей трудно это принять.

— Вы действительно думаете, что она лжет, чтобы скрыть тот факт, что ее бросил муж? — закончила я.

— Это такое же вероятное объяснение, как и ее партнерство с ним, чтобы украсть диадему. Полностью зависит от характера миссис де Морган, — сказал он, задумчиво глядя на Стокера. — Джон де Морган покинул Египет в компании своей жены, и с тех пор его никто не видел. Возможно, она убила его, — категорически сказал Морнадей. Я резко вздохнула, и он продолжил доверительным тоном. — В конце концов, это будет не первый случай, когда она оставила человека умирать.

Стекло не издало ни звука, когда оно пролетело мимо головы Морнадея, но разбилось о стену со звуком выстрела. Морнадей вскочил на ноги, когда дверь распахнулась.

— Морнадей! Какого черта, парень? Это не место для ссор, и я чувствую запах спиртного? — Человек в дверях был средним во всех возможных отношениях. Среднего роста, среднего телосложения, средней окраски. Только его глаза, пронзительные и холодные, были замечательны.

Морнадей с трудом сглотнул. — Инспектор Арчибонд. Я не осознавал, что вы были в здании.

Взгляд инспектора Арчибонда переместился со стены, смоченной виски, на лужу на полу. — Я должен думать. Разберитесь в этом беспорядке и затем спускайтесь в морг. Я только что получил записку от сэра Хьюго, он будет отсутствовать по крайней мере до конца недели. Я должен следить за открытыми делами до его возвращения.

Его осанка была прямой как шомпол, но ему удалось сделать ее еще чуть более жесткой. — У вас официальное дело в полиции? Могу ли я быть вам полезен? — спросил он совсем не заботливым голосом.

— Они уходили, — быстро сказал Морнадей.

Стокер и я встали и ускользнули как раз в тот момент, когда инспектор Арчибонд начал читать лекции Морнадею о вреде алкоголя. Уже на тротуаре Стокер остановился, его глаза скользили по ассортименту людей, занятых своей повседневной деятельностью. Через мгновение он прищурился, глядя на женщину в чем-то ржаво-черном, стоящую на импровизированной трибуне и запугивающую нескольких мрачных парней.

Стокер нацарапал что-то в своем карманном блокноте, вырвал страницу и вместе с фунтом протянул женщине. Она благодарно склонила голову, качнув пером на шляпке. Стокер и я повернули.

— Что это было?

— Подписка Морнадею от Лиги Умеренности Большого Лондона. Я сказал ей, что он — мечущаяся душа, нуждающаяся в спасении от деградации алкоголизма.

Он ухмыльнулся, тень своего обычного веселого я, и мы несколько минут шли молча, пока Стокер не остановился. Он не повернулся, чтобы посмотреть на меня. — Ты не спросила о ней. На самом деле, нет.

— Не буду, пообещала я ему. — Когда ты захочешь рассказать мне, то расскажешь.

Он не смотрел на меня, но протянул руку и провел пальцем по моей руке. Этот жест был крошечным, но в нем заключался весь мир — благодарность, партнерство, понимание. У меня были любовники по всему миру, больше, чем следовало, по последним подсчетам, но Стокер был самым близким, что я когда-либо знала, к настоящему партнерству. И я знала: лучше не просить его о том, чего он не мог дать.

— Мы не сказали ему, что нас преследовали прошлой ночью, — начала я.

Стокер пожал плечами. — Мы с такой же вероятностью решим этот вопрос, как и он. Если за нами следили раз, то, скорее всего, будут следить снова. Мы должны быть бдительны и поставить лучшую ловушку.

— Может быть. По крайней мере, мы знаем, что они исчерпали все возможности. Они потерпели фиаско в поиске де Моргана. Пока мы готовы к действиям, мы вряд ли сможем добиться худших результатов, чем профессионалы.

— Куда дальше? — спросил Стокер, когда мы вышли на перекресток.

Я рассмотрела наши варианты. — Думаю, пришло время встретиться с

миллионером, — сказала я ему с широкой улыбкой. — Мы нанесем визит Хорусу Стилу.

Глава 8

Как и положено американскому миллионеру со склонностью к театральности, Хорус Стил забронировал номер для себя и своего сына в отеле Allerdale, самом дорогом жилье Лондона. Этот отель был спроектирован, чтобы имитировать загородный приют королевы в замке Балморал, и был неоготическим шотландским чудовищем с тартановыми коврами и официантами, привезенными из шотландского высокогорья. Но еда была несравненной, а современные удобства не имели себе равных.

Мы представили наши карточки проходящему мимо швейцару и устроились в клетчатом лобби, чтобы с комфортом дожидаться удовольствия лицезреть мистера Стила, но, к моему восхищенному удивлению, нас немедленно вызвали. Швейцар проводил нас в гидравлический лифт, доvezший нас до номера Императрицы на седьмом этаже.

— Господин Стил — имеет особенный харрактеррр, — заметил швейцар с раскатистым р. Я прищурилась, и он улыбнулся. — Акцента слишком много, не так ли? — спросил он.

— Самую мелочь, — тонко сказала я. — Полагаю, вы не шотландец?

— Кокни, по рождению и воспитанию, — согласился он, кивнув. — Но мне нужна была работа, а они нанимают только едоков хаггиса.

Стокер фыркнул. Я сунула монету в руку парню. — Просто поосторожнее с р, и у вас все получится, — посоветовала я.

Он проводил нас в номер, и мне было приятно видеть, что здесь декораторы использовали немного больше сдержанности. Ковер был одним из самых приглушенных тартанов, мягкая мебель элегантно отделана зеленым бархатом. Вокруг были развешаны отпечатки шотландских горных пейзажей, а фарфоровые чаши с вереском добавляли нотки нежно-фиолетового цвета. Над камином висела картина равнодушного оленя, смотрящего себе под нос. Огонь весело потрескивал в камине, и два кресла из коричневой кожи были приближены к его теплу. Графин виски и сифон содовой были под рукой, как и дневные газеты. Двое мужчин, которые занимали кресла, сразу поднялись.

— Мисс Спидвелл, мистер Темплтон-Вейн? Гораций Стил, — сказал мужчина повыше, подходя к нам и протянув руку. Я взяла ее, и он тепло пожал мою, твердое дружеское пожатие, которое я так часто отмечала среди американцев. Он был среднего роста, но стройный, а его гибкое

телосложение в сочетании с седыми волосами, поднятыми на макушке, заставляли его казаться намного выше. Его брови и усы были снежными и пышными, его голубые глаза блестели от интереса. Он был очень похож на автора-янки, известного как Марк Твен, и производил впечатление человека, который всегда найдет способ получить удовольствие.

Его спутник явно был менее жизнерадостным. Примерно такого же роста как мистер Стил, он был почти вдвое младше, с заметно более крепким телосложением. Его поведение было бдительным и тихим, и он держал в руках книгу Исследование канализационных каналов и сточных вод в столичных городах Европы.

— Генри Стил, — сказал он, с нежеланием подходя к нам. Возможно, он был сыном великого человека, но мало на него похожим, и мне стало интересно, что за женщина была миссис Стил. На нем была явно дорогая одежда, вероятно, хорошо пошитая, но так сильно пожеванная и мятая, что было невозможно сказать. Его волосы напоминали оперение растрепанного дикобраза, а на пальцах были пятна чернил.

— Вас интересуют сливы, мистер Стил? — спросила я живо, взглянув на его книгу.

Выражение его лица было серьезным. — Это тема, которая должна нас всех интересовать, я думаю. Только путем применения надлежащих методов проектирования и санитарии мы можем надеяться остановить распространение некоторых из наиболее опасных болезней, которые в настоящее время поражают общество. Ваш собственный город Лондон обеспечивает наиболее поучительное исследование. Вы знаете, что в этот самый момент под нашими ногами текут целые подземные реки?

Я удивленно моргнула. Я думала, что джентльмен редко поднимает тему сточных вод так рано в разговоре. Его отец, казалось, совершенно не удивился. Он просто тяжело вздохнул.

— Генри, — сказал он твердо и авторитетно. — Никаких стоков. Не сейчас.

Молодой человек покраснел до корней волос.

— Возможно, мы сможем возобновить тему в другое время, — предложила я. Он равнодушно пожал плечами, и я подумала, что судьба детей Тивертона и Стила находится в тени их харизматичных отцов.

Вступление завершено, Хорус Стил махнул нам на стулья и начал разговор с типичной американской прямолинейностью. — Чем могу быть вам полезен? — спросил он, выражение его лица было сердечным, но настороженным. Без сомнения, великий человек провел большую часть времени, отгоняя охотников за состоянием, мошенников и бездельников,

которые всегда будут ошиваться около тех, у кого есть деньги, в надежде подобрать любые крошки, какие только смогут.

Я одарила его обезоруживающей улыбкой. — Это больше вопрос о том, что мы можем сделать для вас, — сказала я.

Генри Стил прищурился. — В настоящее время нам не нужны никакие профессиональные услуги, — сказал он коротко.

Его отец оборвал его резким жестом. — Нет нужды в грубости, мальчик. Надо соблюдать форму, — сказал он с излишней твердостью.

Генри Стил снова покраснел, на этот раз отступив к своей книге, чтобы скрыть румянец.

Хорус Стил издал извиняющиеся звуки. — Вы должны извинить щенка. Генри полон решимости увидеть злодеев за каждым новым лицом. Теперь, что вы можете сделать для меня?

— Мы пришли в связи с исчезновением Джона де Моргана, — сказала я ему. Уголкем глаза я могла видеть книжную квитанцию Генри Стила. Он поймал ее до того, как она упала, костяшки его пальцев сжались до белизны. Он сделал вид, что читает книгу, но во время последовавшего разговора он не перевернул ни одной страницы.

— Грустное дело, — говорил Хорус Стил. — Но ничего общего с нами. Мы даже никогда не встречали этого парня.

— В этом году у вас была другая концессия, — рискнула я. — И я понимаю, что это был первый год, когда де Морган был на раскопках с Тивертонами.

— Правильно. — Хорус Стил кивнул, его необычный ореол белых волос светился, как нимб вокруг его головы.

— Где вы проводили раскопки? — спросил Стокер.

— Амарна, — последовал быстрый ответ. — Я думал, что отправлюсь на поиски Эхнатона. Вы знакомы с ним?

— Первоначально назывался Аменхотеп IV. Восемнадцатая Династия, преемник Аменхотепа III, — быстро ответила я. Стокер посмотрел на меня с искренним удивлением. Тот факт, что в коллекции лорда Роузморрана должны были разместиться некоторые из лучших египтологических произведений, он должен был установить сам. Я читала до поздней ночи, стараясь как можно глубже понять тему.

Хорус Стил одобрительно посмотрел на меня, и я продолжила. — Эхнатон основал город Амарну, перенес столицу из Фив и вырвав власть у священников Амона, основав поклонение единому богу Атону. Атон был связан с солнцем, не так ли? — спросила я.

— Солнечный диск, — сказал Хорус Стил, его голос приобрел

мечтательный характер. — Аменхотеп IV верил, что солнечный диск, Атон, был источником жизни. Он изменил свое имя на Эхнатон, потому что это означает «живой дух Атона», проводник всей жизни в Египте. Он произвел революцию, свергнув все, что было известно о культуре и религии на протяжении тысячелетий. Он построил новую столицу и покровительствовал искусству, изображающему его и его семью, как получающих благосклонность Атона. Ничего подобного никогда не существовало ни до, ни после. Представьте себе, — сказал он, сидя очень прямо, его глаза горели страстным жаром, — один-единственный человек, собственноручно искоренивший все, что его общество знало, и изменил мир в подобию самого себя.

Его сын фыркнул, но когда я посмотрела, его взгляд был устремлен на страницу перед ним.

Но Хорус Стил тоже это слышал. — Мой сын не одобряет Эхнатона. Он рассматривает его как еретика и мятежника, но я считаю, что он был передовым мыслителем, человеком, опередившим свое время.

— Он изменил искусство и перенес столицу, но он не сделал ничего, чтобы существенно изменить жизнь своих подданных, — возразил Стокер.

Из-за книги донеслось рычание одобрения.

Хорус Стил тонко улыбнулся. — У него не было шанса. Сначала ему нужно было поменять двор и храмы. Все остальное пришло бы в свое время.

Из тонкой книги, которую я раскопалао периоде Амарны, я знала, что правление Эхнатона длилось, по крайней мере, десять лет — достаточно времени, чтобы позволить ему улучшить жизнь среднего египтянина, который трудился от заката до заката.

Но не стоит противоречить Хорусу Стилу, подумала я. Я переместилась на свое место, тихо, но твердо опустив острие зонта на сапог Стокера, прищипив его на месте.

— Как увлекательно, — пробормотала я, взмахивая ресницами.

Стил перевел взгляд со Стокера на меня и погладил свои роскошные белые усы. — И конечно, — продолжил миллионер, — ему больше всего повезло с его супругой, Великой Королевской Женой.

— Неф... — что это было, напомните? — спросила я, широко раскрыв глаза и преднамеренно спотыкаясь на имени.

— Нефертити, — быстро ответил Стил. — Ее звали Леди Милости и Сладости Любви, среди других имен. Она была самой заслуженной супругой в египетской истории и самой красивой. Это прекрасная история любви.

— Из всего сентиментального мусора, — взорвался младший Стил, отбрасывая свою книгу в сторону. — Нефертити была партнером, а не украшением. В храме в Карнаке ясно видно, что она поражает своих врагов всеми силами и полномочиями фараона ...

— Теперь, подожди, сынок, — проинструктировал старший, подняв руку. — Я признаю, что она была его помощницей, но предполагать, что она обладала властью фараона, это просто глупость, ошибочная ерунда.

Генри Стил схватился за волосы обеими руками. — Вы видите, что я должен выносить? — он требовал ответа, ни к кому не обращаясь конкретно. Я посмотрела на его отца и увидел, как Хорус Стил смотрит на своего сына с блеском в глазах. Их столкновения явно были давнишним и явным источником развлечения — по крайней мере, для отца.

Я поспешила налить масло в беспокойную воду, чтобы успокоить сына и отвлечь отца обратно к месту нашего визита. — Естественно, Амарна предлагает самые широкие возможности для вашего интереса к Эхнатону и Нефертити. Был ли это успешный сезон?

Генри Стил издал звук отвращения и вернулся к своей книге.

Его отец был более сдержанным. Он задумчиво погладил усы. — Не особенно. Мы раскопали симпатичную керамику и выкопали тротуар.

— Тротуар! — пробормотал Генри с некоторым чувством.

Хорус Стил проигнорировал своего сына. — Наше время на раскопках не было таким продуктивным и увлекательным, как у Тивертонов, — отметил он.

— Да, их находка была экстраординарной, спокойно сказал Стокер.

— Слишком экстраординарной, — сказал Генри из-за своей книги.

— Действительно? — спросила я, поднимая брови.

Генри не уточнил. Его отец послал мне извиняющуюся улыбку. — Генри был в школе в течение нескольких сезонов, и в прошлом году он впервые с тех пор, как был ребенком, участвовал в раскопках. Наши открытия были менее чем блестящими, поэтому я решил попробовать себя в Амарне. Я надеялся, что мы найдем что-нибудь, но мне жаль, что удача была не на нашей стороне. Мальчик все еще обижен на то, что мы не поделили удачу Тивертонов.

— Но вы могли бы, — сказала я голосом, шелковым от инсинуаций. — Я понимаю, что они копали на той же площадке, которая была у вас в прошлом году.

— И должны были копать в этом году! — взорвался молодой Стил. Его глаза сверкали, и мышцы на его челюсти яростно дергались. — Я не знаю, как они это сделали, но они обеспечили за собой firmam и отрезали нас.

Что-то мелькнуло в острых голубых глазах. — Нет, сын, сэр Лестер Тивертон, не из тех людей, которые могли бы обмануть друга в бизнесе, — мягко сказал его отец.

— И все же он это сделал, — сказал Генри Стил с настоящей горечью.

— Но что могло вызвать такой поступок? — спросил Стокер.

Старший Стил пожал плечами. — Если бы я знал.

Генри Стил с трудом поднялся, сжимая в руках книгу о стоках. — Пожалуйста, извините меня, — тихо сказал он, покидая комнату.

Никто не говорил долгое время. Единственным звуком было тикание каминных часов, отвратительная вещь, с нарисованными сценами шотландского высокогорья.

Я посмотрела на Стокера и быстро указала ему взглядом на дверь. Он поднялся. — Простите, мистер Стил. Боюсь, я только что вспомнил — мне нужно отправить телеграмму.

Миллионер кивнул, и Стокер покинул нас, бросив на меня многозначительный взгляд.

Я снова повернулась к мистеру Стилу. — Я должна извиниться. Обсуждение Тивертонов, кажется, расстроило молодого мистера Стила, и это не было моей целью.

Его улыбка, едва различимая под пышной белой бахромой усов, сделалась усталой. — Я перестал вести учет тех вещей, которые расстроили бы молодого мистера Стила.

— Я полагаю, что мисс Ифигения Тивертон тоже колючая, — заметила я мягко.

Выражение его лица выражало задумчивую любовь. — Трудно потерять мать, особенно такую уникальную, как леди Тивертон.

— Я понимаю, что она написала несколько высоко оцененных работ по египтологии, — сказала я ему.

— Да, — сказал он, его глаза блеснули. — Люси Уорд Тивертон была чудо-женщина. Знаете ли вы, что она была диагностирована с туберкулезом в возрасте девятнадцати лет? Специалисты сказали ей, что она умрет через два года. Она дожила до сорока лет, и это благодаря ее силе воли. Я никогда не знал женщину, которая могла бы осветить комнату так, как она могла, — сказал он, его голос внезапно приглушили эмоции. Тивертонки упоминали привязанность Хоруса Стила к Люси Тивертон, но я начала задаваться вопросом, не были ли его чувства более значительными.

— Мисс Ифигения очень похожа на свою мать?

— Господь с вами, нет! Люси была острой, как толедский клинок, с глазами, большими темными глазами, которые смотрели прямо в твоё

сердце и осмеливались сказать правду. Бедная Фигги пошла в отца, как по внешности, так и по темпераменту. Но у меня большие надежды, что она выйдет из подросткового возраста, как гордость для матери, которую она потеряла, — доблестно закончил он.

Я улыбнулась в ответ. — Мне говорили, что дети — это и благословение, и бремя, даже после того, как они вырастут.

— Вы можете сказать это снова, — ответил он с искренними эмоциями. — Я никогда не понимал своего собственного мальчика, с того самого дня, как его мама вытолкнула его в мир. Он пошел в ее семью, тихих книжных людей, — признался он. — Стили были деятелями. Они вырезали место и имя для себя в Америке, когда вы, британцы, отрубали головы своим королям.

— Ну, не могу сказать, что мы часто это делали, — сказала я.

Он усмехнулся и махнул рукой. — Дело в том, что мы, Стили, встали на путь формирования нашей собственной судьбы. Мы оставляем свой след в мире. Мы рискуем и посылаем к черту последствия, извините за выражение.

— Извиняю. Я похожа на вас, — заверила я его.

Он бросил на меня восхищенный взгляд. — Проблема в том, что излишек этого в родословной в конечном итоге порождает глупость.

— Прошу прощения?

— Люди как лошади, мисс Спидвелл. Родословные несут определенные черты. Слишком много крови одного и того же вида в конечном итоге порождает глупость. У меня был скаковой конь, настолько тупой, что следовал за свиньей, потому что думал, что они родственники. Семьи одинаковы. Мы, Стили, рождены с огнем в крови, всегда готовы принять вызов и никогда не уклоняемся от драки. Но моя мать была двоюродной сестрой моего отца, и это оказалось чересчур. Мой младший брат был настолько нетерпелив, что однажды он специально сжег дом, чтобы приготовить стейк. Я подумал, что если я женюсь на женщине, отличающейся от нас, трезвой и утонченной, это в какой-то мере ослабит бешенство Стилов.

— Кажется, это сработало, — размышляла я. — Генри Стил, безусловно, молодой человек со спокойными вкусами.

— Тихие вкусы! — фыркнул он. — Я должен заплатить ему целых десять американских долларов, чтобы он пошел в мюзик-холл и немного повеселился. Он трезв, как пастор, и вдвое менее интересен. Я просто хотел бы, чтобы он отложил эти чертовы книги и немного пожил, простите за выражение, — поспешно добавил он.

— Конечно. Но вам повезло, мистер Стил. Ваш сын интересуется вашими путешествиями и раскопками.

Он пожал плечами. — Я полагаю. Но новизна несколько утратилась. Было дьявольски трудно уговорить его поехать в Египет в этом году. Я не знаю, захочет ли он вернуться снова.

— Почему? — мягко проговорила я.

Но несмотря на всю его разговорчивость, Хорус Стил мог закрыться как устрица. Он вежливо улыбнулся мне. — Я слишком наскучил вам разговорами о моей семье. Вы сочувствующий слушатель, мисс Спидвелл.

Я похлопала ресницами и проделала несколько других отвратительных женских трюков, но момент откровенности прошел. Зная, когда оставлять поле битвы, я поднялась. — Спасибо, что приняли нас, мистер Стил.

Он взял руку, которую я предложила, осторожно держа ее, как драгоценный предмет. — Удовольствие было полностью моим, мисс Спидвелл. Мне очень жаль, что я не смог помочь вам с поиском мистера де Моргана.

Я сделала паузу, затем воспользовался возможностью сделать последний отчаянный бросок костей. — Мистер Стил, если вы что-нибудь знаете, я бы сочла личным одолжением, если бы вы мне сказали. Это может помочь нам узнать правду об исчезновении г-на де Моргана и утешить его скорбящую жену.

Хорус Стил слегка вздрогнул при упоминании о скорбящей жены. Как сказал его сын, он был сентиментальным человеком, и я безжалостно давила на эту уязвимую точку. Но он просто покачал головой. — Желаю вам всяческих успехов, — ответил он уклончиво.

Побежденная, но решительно настроенная быть вежливой, я подошла к двери, сопровождаемая мистером Стилом. Он настоял на том, чтобы открыть ее самому. — Мисс Спидвелл, — сказал он, — подождите здесь минутку. — Он исчез в своей спальне, вернувшись через мгновение с парой томов, переплетенных в идентичное фаянсово-синее шевро с золотыми теснениями. Первый назывался «Приключения леди на Ниле», а второй — «Продолжение приключений леди египтолога». Оба были написаны леди Тивертон.

— Возьмите их, — настаивал он. Он стоял совсем близко, и я уловила острый пряный запах рома, согретый кожей его свежевыбритого подбородка.

— Мистер Стил, я не могла бы, — запротестовала я.

Он улыбнулся. — Она была очень дорогой подругой, и у меня много копий. Мне было бы очень приятно, чтобы вы их получили. — Затем

совершенно неожиданно он низко поклонился и поцеловал мою руку. Я ушла, но ощущение его шелковых усов на моих пальцах некоторое время оставалось.

...

Я забрала Стокера из вестибюля, где он удобно расположился, читая газетную статью о недавнем создании Национального географического общества в Вашингтоне, округ Колумбия. Не дав ему закончить, я отбросила газету в сторону и утащила его во мрак.

— Черт бы побрал эту погоду! — пробормотала я, когда мы вышли из сверкающего тепла отеля. — Я продала бы свою добродетель за солнечный день и тропический пассат.

К его чести, Стокер не указал, что моя добродетель больше мне не принадлежала, чтобы ее продавать. Вместо этого он сунул мою руку в изгиб своей руки и повел меня по улице. Мы вышли из отеля по направлению к Бишоп-Фолли, и никто из нас не хотел подзывать карету. Была холодная и мерзкая, грязная погода, температура упала, и воздух был слишком холодным, чтобы выдержать обычную вонь лошадей и гниющих овощей и угольного дыма. Этот воздух был острым, как новый клинок, и я несколько раз вздохнула его полной грудью, пока мы двигались сквозь сгущающиеся тени, между светящимися лужами света от уличных фонарей.

— Значит, мистер Стил был невосприимчив к твоим чарам? — рискнул он предположить, когда мы переходили улицу за omnibusом.

— Не совсем. Он был достаточно любезен, чтобы дать мне копии египетских мемуаров леди Тивертон, — сказала я ему, намеренно пропуская поцелуй моей руки миллионером. — Он ребенок в костюме взрослого человека — весь энтузиазм, ажиотаж и прямота. Мне кажется, его сын чем-то подавлен.

— И колючий, как кактус.

— У него есть что-то общее с Ифигенией Тивертон, — заметила я. — Они должны сформировать клуб. Дети беспокойных родителей.

— Неудивительно, что Стил и Тивертон так хорошо ладили в течение многих лет. Они одного типа.

— И еще менее удивительно, что они в конечном итоге рассорились, — добавила я. — Оба они кажутся мне очень идеалистическими, чрезвычайно упрямыми людьми. Как только один из них почувствовал обиду, он лелеял бы ее до могилы. Этот тип людей всегда обижен.

— Но из-за чего?

Я пожала плечами. — Египтология, что еще? Сэр Лестер позволил простой скупости встать между ним и его другом, как остро заметил мистер Генри Стил. Я только удивлена, что его отец не признает ссоры.

— У него не было других жалоб?

— Никаких. Он был совершенно прав в похвале способностей сэра Лестера — если не его честности — и он питает слабость к Фигги, хотя это даже не половина того, что он чувствовал к ее матери.

Стокер кивнул. — Он из тех, кто поладил бы с дочерьми. Весь снисходительная доброжелательность. Мне жаль его сына.

— Жаль? Стоит ли жалеть единственного наследника миллионера?

Стокер фыркнул. — Генри Стил заработал каждую копейку своего наследства, уверяю тебя. Без сомнения, он подсчитал и записал все мелкие обиды.

— Я подозреваю, что его отец не раз ставил его в неловкое положение. Я также подозреваю, что Хорус Стил совершенно не знает о влиянии, которое он оказывает на своего сына. Он озадачен мальчиком. Он явно желает, чтобы его наследник был лихим парнем.

— Вот отсюда и моя жалость к нему. Я слишком хорошо знаком с замаскированной местью отца сыну, которого он не ценит. — Слова были произнесены легко, но в этих немногих словах покоилась целая жизнь пренебрежения. Стокер собрал коллекцию мелкой ненависти своего отца, которую он показывал очень немногим.

Сознательно я сменила тему. — Итак, двадцатилетняя дружба пошла ко дну из-за скупости сэра Лестера, захватившего гробницу единолично. Он, естественно, нелоялен, или ты думаешь, что-то еще побудило его?

Стокер молчал несколько минут, пока мы шли по особенно людной улице, завернув, наконец, на тихую жилую улицу, граничащую с небольшой площадью. Деревья на площади потеряли листья, тонкие черные ветви были покрыты тонким слоем льда. Они внезапно зашевелились в порывах ветра, сжимаясь, как кости пальцев мертвого человека.

Стокер сжал мою руку совершенно бессознательно, подумала я. Он заговорил наконец. — Что, если у Тивертонов не было денег? Египтология — чертовски дорогое увлечение. У него есть загородный дом в Суррее, дочь, чтобы обучать и выводить в общество, жена, чтобы содержать. Двадцать лет он идет в ногу с американским миллионером, финансируя собственные экспедиции. Что если он слишком часто брал воду из колодца?

Я наклонила голову. — Это объясняет его желание удерживать добычу для себя. Многие великие люди жертвовали другом ради состояния. Но на

карту поставлены не только деньги.

— Слава, — подсказал Стокер.

— Точно. Несмотря на недостаток находки, это открытие навсегда будет известно как венец Тивертонской экспедиции. Это будет написано во всех книгах и газетах. Сэр Лестер обеспечил себе место в египтологической истории. Возможно, это такой же большой стимул, как и деньги.

— Может быть.

Мы шли еще несколько минут, прежде чем я подготовилась к тому, что должно последовать.

— Мы взяли интервью у Тивертонов и Хоруса Стила, — начала я медленно. — Мы заставили леди Веллингтонию вынюхивать любые светские сплетни, которые могли бы оказаться полезными, и Жюльен д'Орланд внимательно следит за событиями в Садбери. Но есть один очевидный камень, который мы еще не перевернули.

Рука под моими пальцами напряглась. — Я не вижу причин...

Я продолжила безжалостно. — Конечно, нет. Ты не мыслишь логически. Мы должны взять у нее интервью. Кэролайн де Морган — последний человек, видевший своего мужа. Она что-то знает.

— Она ничего не знает. — Его голос был резким.

— Ты не можешь сказать это наверняка.

— Сэр Хьюго и Морнадей оба сказали, что она прячется.

— Сэр Хьюго и Морнадей, несмотря на все свои таланты, просто люди. Им не хватает воображения. Она находится на попечении своих родителей.

— Ты не знаешь...

— Я на самом деле знаю. — Я скоординировала его холод с арктическим холодом моего собственного изобретения. — Я подтвредила, что в настоящее время она находится в Лондоне, проживает в доме своих родителей в доме в Кенсингтоне недалеко от Кромвелл-роуд.

Стокер резко остановился, вырывая руку. Он оставался в тени, но его глаза сверкали сквозь тьму. — Как, во имя всего святого, ты узнала это?

Я почувствовала, как моя губа изогнулась. — У меня есть свои методы.

Ему потребовалось только мгновение, чтобы решить загадку. — Джордж.

— Джордж очень любезный парень и довольно умный. Ему потребовался только день, чтобы найти дом и подтвердить, что она там. Мы должны поговорить с ней.

Он застыл в оцепенении, настолько полном, настолько всеобъемлющим, что я не смогла до него добраться. Он отошел на тысячу миль от меня, и все же мы стояли на полфута друг от друга. Я чувствовала тепло, выбрасываемое его большим телом в холодный воздух, но он был так же далек и неприступен, как гора.

— Я не желаю ...

— Дело не в том, что ты хочешь, — резко сказала я. — Кэролайн де Морган вполне может иметь ключ к исчезновению своего мужа, и мы должны очистить твоё имя. Поэтому я увижу её и задам любые вопросы, которые мне нужно задать, и я сделаю это с тобой или без тебя.

То, что он сказал дальше, было настолько оскорбительным, что ни один священнослужитель в Англии не отпустил бы ему грехи после этого. Я ждала, пока он излагал свои мысли, называя меня всеми именами, которые он мог придумать, и несколькими, которых я никогда не слышала.

— Ты закончил? — спросила я через несколько минут. Я говорила тоном полной скуки, стараясь не дать ему увидеть, как дрожат мои руки.

— Совершенно, — сказал он, резко откусывая слово.

— Хорошо. Нет времени, лучше настоящего, — сказала я, поворачиваясь, чтобы свистнуть, подзывая наемную карету.

Глава 9

Мы уселись в кэб, замкнувшись в молчании. У нас со Стокером были две формы разногласий: яростные и вокальные разногласия или совершенно немая враждебность. Наше нынешнее недовольство проявлялось как последнее. Я знала, что он был взбешен моей настойчивостью, но он был еще более взбешен, что я была права. Он должен был столкнуться с Кэролайн лицом к лицу, и тот факт, что он не мог избежать это, раздражал его больше всего.

Со своей стороны, я старалась не думать о том, как отчаянно он должен был любить ее, чтобы так сильно страдать. Я слышала его мучительные крики в ночных кошмарах; Я знала, что она преследует его до сих пор. Его губы были на моих губах, когда он произнес ее имя и разомкнул мои объятия. Я была благодарна за это. Стокер и я были партнерами, а не любовниками, но удар по моему *amour propre* (фр. самоуважение) все еще жалил. Я простила его, не то чтобы он заметил. У него не было воспоминаний об этом прерванном поцелуе, по крайней мере, он не признавался даже взмахом ресниц. Но он должен был помнить сны. Ни один человек не мог так страдать от кошмаров, а потом все забыть, когда наступало утро. Во сне он тоже звал ее, но она никогда не приходила, кроме как призрак, чтобы мучить его. Это был счет, который я собиралась обсудить с ней однажды, пообещала я себе. Я сказала водителю адрес, и Стокер не удивился.

— Этот дом в Кенсингтоне, — начала я тоном, отмеченным прохладой, — как я понимаю, принадлежит ее семье?

— Ее отец купил его, — ответил он после долгого молчания. — Он из семьи промышленников на севере Англии. Что-то связанное с сантехникой. Ее мать аристократка. Она была дочерью барона до того, как вышла замуж за Маршвуда.

— Она вышла замуж за мужчину более низкого происхождения, — заметила я. — Либо она действительно любила его, либо у ее родителей не было денег.

— Очень сильно последнее, — сказал он глухим голосом. Он вспоминал с видимым безразличием к словам, но я хотела, чтобы он продолжал говорить. Что угодно, чтобы помешать ему думать о том, что он должен сделать, как только мы приедем.

— Таким образом, она вышла замуж, чтобы состояние мужа

восстановило утраченный престиж.

— Она пыталась. После того, как они поженились, она обнаружила, что перспективы мистера Маршвуда значительно хуже, чем он позволил ее думать. Она посвятила свою жизнь тому, чтобы подтолкнуть его к лучшим.

— Почему они поехали в Египет?

— Он принял незначительный дипломатический пост. Она использовала связи своего отца, чтобы обеспечить его назначение, но Маршвуд был ходячей неприятностью. Он не воспитывался на такого рода вещах и часто путался в них. — В замечаниях Стокера был обычный снобизм. Тот факт, что мистер Маршвуд не был рожден аристократом, не мешал ему быть человеком таланта и способностей. Но это было не подходящее время для того, чтобы спорить со Стокером.

— Почему они вернулись в Англию? — Слишком поздно я поняла, что ошиблась.

Он повернул голову, его улыбка была резкой, тонкой линией. — Потому что им нужно было спасти свою дочь от ее грубого мужа.

— Я извин ...

Он поднял руку. — Не надо. Я, возможно, смогу простить тебя за то, что ты вынудила меня к этому, но не сегодня.

Кэб остановился, и Стокер швырнул монету водителю. — Сдачи не надо.

— Это полкроны! — кучер воскликнул радостно

— Мне все равно, черт возьми, — отозвался Стокер через плечо и отошел. Он поднялся по ступенькам дома, такого же безличного и скучного, как и все остальные дома на этой площади. Я следовала за ним по пятам. Он повернулся, когда мы достигли вершины. — Ты действительно понятия не имеешь, что ты сделала, не так ли? — спросил он. Прежде чем я успела ответить, он сжал кулак и сильно ударил по двери.

...

Через долгое время дверь открыл высокий внушительный дворецкий с пухлыми щеками и осанкой шомполом. Он взглянул на нас обоих долгим холодным взглядом.

— Да? — спросил он тоном, который идеально сочетал в себе высокомерие и вежливость.

Стокер молча достал карточку из глубины своего кармана. Дворецкий выглядел огорченным отсутствием футляра и еще более опечаленным состоянием карточки. В карманах Стокер соседствовали обрывки веревки, кусочки мрамора — он использовал их в качестве глаз в своих таксидермических скакунах, а не для детских игрушек — обертки конфет и

случайные перья, подобранные на прогулках. Дворецкий положил грязную карточку на серебряный поднос, но его манеры изменились, когда он прочитал ее и обратил внимание на титул «достопочтенный», предшествовавший имени Стокер.

— Должен ли я передать ваши комплименты хозяину или хозяйке, мистер Темплтон-Вейн? — спросил он.

— Ни одному из них. Я хочу увидеть миссис де Морган.

Дворецкий был хорошо обучен. Он вежливо улыбнулся. — Сожалею, но миссис де Морган не принимает визитеров.

— Но она дома, — наредила я.

Дворецкий ничего не сказал, просто наклонил голову и сохранил улыбку. Он двинулся к нам, как будто проводил нас обратно через дверь. — Я, конечно, передам о вашем визите мистеру и миссис Маршвуд... — начал он.

Стокер выпрямился во весь рост и скрестил руки на груди. — Я не уйду. Если я не смогу увидеть миссис де Морган, пожалуйста, договоритесь о встрече с ее родителями.

— Я сожалею...

— Пока нет, но вы будете, если не сделаете, как я говорю, — безжалостно вмешался Стокер. — Я чувствую запах его чертового сигарного дыма отсюда. Идите за ним и побыстрее.

Дворецкий покраснел, его лицо было пестрым над жестким накрахмаленным белым воротником. — Подождите здесь.

Хотя вещи еще не дошли до драки, ссора была достаточно громкой, чтобы вытащить хозяина дома из его логова. Дверь рядом со входом открылась, и появился невысокий бочонок, яростно тянущий сигару. — Боулз, что за дьявол... — он подавился последним словом, когда увидел Стокера. Его румяный цвет лица пропал, и сигара соскользнула с его губ. Он поймал ее голой рукой, опалил себя и пробормотал проклятие. Он сунул тлеющий огрызок в карман и указал пухлым пальцем на Стокера.

— Я полагаю, вы пришли злорадствовать.

— Нисколько, спокойно сказал Стокер. — На самом деле, я мог бы помочь. Мне нужно ее увидеть.

— Увидеть ее? — Глаза мистера Маршвуда округлились, и он резко рассмеялся. — Не думаю, черт побери. Возвращайся в ад, из которого ты выполз, и забери свою шлюху с собой, — добавил он, дергая подбородком в моем направлении.

Руки Стокера сжались, но он не поднял их и не пошевелился. Вместо этого он посмотрел свысока на своего бывшего свекра. — Я должен ее

увидеть, — презрительно повторил самым аристократическим тоном.

— Ты должен ее увидеть, — насмехался Маршвуд с его явно менее смодулированным акцентом. — Отправляйся к дьяволу, это то, что ты должен. — Он поднял руку, указывая дрожащим пальцем на Стокера. — Убирайся с моей собственности и не возвращайся. — Он посмотрел на дворецкого. — Выкиньте его отсюда, если он не уйдет сам.

Дворецкий с удивлением взглянул на Стокера, и мистер Маршвуд поморщился. — Позовите парней из кухни, чтобы помочь, если вы не можете справиться самостоятельно.

С этими словами он повернулся на каблуках и вернулся в святилище, захлопнув за собой дверь.

Дворецкий устоял на закрытую дверь, затем медленно повернулся к Стокеру. Он громко сглотнул, осматривая мощную фигуру Стокера. — Возможно, мы могли бы прийти к пониманию, — начал дворецкий, понизив голос.

— Какое понимание? — спросила я, быстро схватив оливковую ветвь.

— Ваш компаньон хочет увидеть миссис де Морган. Это невозможно с помощью традиционных методов, но миссис де Морган любит завернуть в оранжерею перед ужином, — сказал он, сопровождая это многозначительным жестом в сторону задней части дома. Он подвинулся немного ближе. — В стене сада есть дверь. Вы можете найти дорогу оттуда. Идите тихо, и ему не нужно будет об этом знать, — добавил он, подняв бровь в сторону закрытой двери.

Стокер милостиво наклонил голову и повернулся, чтобы уйти. Дворецкий вздохнул с явным облегчением.

— Мудрый человек, — сказала я ему. — Белое белье чертовски трудно отстирывать от крови.

Дворецкий плотно закрыл за нами дверь, мгновенно задвинув засов. Не говоря ни слова, Стокер обошел дом и провел меня через конюшню к задней части сада. Я могла только видеть линию крыши оранжереи, маленькое сооружение из кованого железа и стекла. Это была ерунда по сравнению с теплицей в Бишоп-Фолли, но затуманенные и закапанные стекла означали, что по крайней мере будет тепло.

Дверь с улицы в сад была незаперта, и мы проскользнули внутрь, торопясь пробраться сквозь тени, пока не достигли теплицы. Она тоже была незаперта, когда мы вошли, дверь открылась с небольшим визгом петель. Кто бы ни любил это место, он любил папоротники, потому что они изобиловали, размахивая длинными зелеными ветвями в разные стороны. Они были плохо ухожены; некоторые потемнели, края хрустящие, как

новая тафта. Другие были явно развороченны у корней, их усики выбивались со дна горшка. Но система отопления работала, прокачивая пар через ограждение, и среди зелени было установлено садовое сиденье.

Возможно, это было приятное место в солнечный день, но в темноте февральского дня после захода солнца оно было странно неприветливым. Тени сместились и шевелились, поднимая мизинцы на фоне темноты снаружи, а трубы издавали тихие стоны и изредка визжали, как бы жалуясь о своих делах.

На садовом сиденье сидела женщина, полностью одетая в белое, ее платье было свободным и бесформенным, тело было обернуто в шерстяную шаль, прикрывающую ее до колен. Ее голова была склонена над куском рукоделия. Стокер остановился, его взгляд зафиксировался на этой голове. Она светилась золотом в свете лампы, длинные локоны не были связаны, за исключением небольшого жгута вокруг макушки головы. Ее белые руки плавно двигались, устанавливая крошечные швы в ритме, который никогда не менялся, когда она беззвучно напевала.

Волосы скрывали ее лицо, но в этот момент мой ботинок задел камешек, и она подняла голову, прерывая свое пение. Если Стокер отреагировал, я этого не заметила. Я услышал только свое резкое дыхание, когда впервые посмотрела на лицо Кэролайн де Морган.

Я видела ее фотографию и думала, что готова. Я приняла к сведению совершенство ее костей, изящные черты, которые были бы прекрасны, даже когда возраст ссушилбы ее плоть и сморщил ее кожу. Я изучила линии ее лица и фигуры, отмечая каждое место, где природа одарила ее. Список был длинным. От дуги ее бровей до кончиков ее зауживающих пальцев, от изгиба ее лебединой шеи до изящного изгиба ее губ, она была создана доброжелательной рукой.

Но то, что ни одна фотография не могла передать, было чистое совершенство красок. Ее волосы были насыщенного цвета летнего кукурузного шелка, а ресницы чуть темнее. Ее глаза — но что можно сказать о таких глазах? Нужен поэт, чтобы отдать им должное. Это были светло-голубые тона, которые вызывали бы зависть у сапфиров. Розы цвели на щеках, подчеркивая кожу на лице, такую прекрасную и белоснежную, что это заставило бы подснежник отвернуться от стыда.

Ее руки замерли, и она медленно моргнула, всматриваясь в зеленые тени. — Кто там? — позвала она.

Только голосу не хватало совершенства. Он был высоким и легким, но странно хриплым. Стокер шагнул вперед, и я двинулась по его следу на непослушных ногах. Я добивалась этой встречи, но в этот момент я бы

продала свою душу в одну секунду, чтобы быть где-нибудь еще. Стокер двинулся в круг света лампы, теплое сияние окутало его черты и осветило его фигуру.

Кэролайн де Морган подняла лицо, ничего не выражавшее, глядя на своего бывшего мужа.

Она дважды моргнула в явном недоумении, затем заговорила. — Я вас знаю?

...

Стокер открыл рот, но ни один звук не вышел из него. Я подошла к ней с улыбкой, которая стоила мне всех сил. — Добрый день. Вы миссис де Морган, не так ли?

При звуке собственного имени ее лицо сморщилось в замешательстве. Она перевела взгляд с меня на грудку рукоделия на коленях. Она подняла иглу и начала еще одну строчку. — Мама говорит, что я не должна обременять себя, — медленно сказала она.

— Конечно. — сказала я ей. — Могу ли я увидеть, над чем вы работаете?

Я прошла мимо Стокера, потому что он стоял, как превращенный в камень. Я старалась не приближаться к ней слишком близко, потому что она казалась робкой, как лань. Ее игла провела красным шелком сквозь большой кусок белой ткани, и она подняла его, чтобы я увидела. Ткань по краям была неровной, грубый кусок белья, который когда-то можно было использовать для полотенец. Лоскуты тут и там были покрыты случайными строчками, вариациями на тему хаоса, без двух одинаковых кусков. Она сшивала по своей прихоти, переходя от неопрятной техники пламени к кривым крестам, которые она делала, пока я смотрела.

— Очень красиво, — сказала я ей. Я взглянула на Стокера, но он все еще стоял, прикованный к месту, его рот был ослаблен в шокированном понимании. Тогда я вспомнила намеки о ее состоянии. Сэр Хьюго, Морнадей, даже Тивертоны говорили, что она стала жертвой допросов полиции относительно исчезновения ее мужа. Сэр Хьюго обвинил полицию Дувра в грубом обращении с ней. Неудивительно, что ее нервы не выдержали напряжения. Она посмотрела на меня, голубой взгляд был совершенно пустым. — Я вас знаю? — повторила она.

— Нет, миссис де Морган. Меня зовут Вероника Спидвелл, — ответила я ей. Я бросила взгляд на Стокера, чтобы убедить его подойти ближе, но он стоял на краю папоротника, его руки сжались в кулаки.

— Зачем вы пришли? — спросила она меня.

Я колебалась, не желая быть такой же жестокой, как дуврская полиция.

Затем Стокер двинулся, сложив руки на груди. — Довольно. Возможно, ты обманула полицию своим маленьким выступлением, но я знаю твои любительские театральные постановки.

Она посмотрела на него, медленно моргая, на ее лице отсутствовало выражение. Затем со звучным вздохом она откинулась на спинку стула с совершенно ясным выражением лица. — Что меня выдало?

— Ты забыла, что я видел твою Офелию. Ты проделала ту же самую маленькую уловку, сжимая руки, — прокомментировал он с прохладой, которую, я подозревала, он не чувствовал.

Красивый рот не улыбался, но углы слегка смягчились. — Я забыла. Ну, я, возможно, не одурачила тебя, но, к счастью, люди в Скотланд-Ярде не настолько подозрительны.

— Это уловка, не так ли? Притворится глупой, чтобы они оставили тебя в покое?

Возмущение вспыхнуло в ее взгляде. — Они были чудовищны. Они думают, что я сговорила с Джоном, чтобы украсть эту жалкую корону, — взорвалась она.

— Если честно, это только одна из их теорий, — поправила ее я.

Она смотрела на меня с явным отсутствием тепла. — Ревелстоук, кто твоя подруга?

— Мисс Спидвелл — мой профессиональный партнер, — сообщил он ей.

Она склонила голову в сторону, внимательно изучая меня. — И еще кое-кто, я подозреваю.

Стокер не поймался на удочку. — Это все, что ты хочешь сказать мне?

Ее губы покраснели. — Полагаю, ты хочешь, чтобы я извинилась.

— Я думаю, что мы далеко прошли этот пункт, — ответил он. — Ты можешь вырезать свое собственное сердце и предложить его на блюде, и твоя бухгалтерская книга по-прежнему будет красной от долгов.

Ее руки сжались в кулаки. — Не надо, Ревелстоук. Я не горжусь тем, что я сделала. Но я не такой злобная, как ты хотел бы верить. Злоба никогда не была моей мотивацией.

— Какое утешение, — сказал он, слова резко обрезались, как клинком.

— Ты можешь издеваться надо мной, — сказала она ему равномерно. — Бог знает, ты заслужил это право. Но это правда. Я хотела быть тебя хорошей женой.

— Из всей лжи, которую ты мне когда-либо говорила, эта, я думаю, самая мерзкая, — ответил он. Он снова двинулся, и она смотрела на него с настороженным выражением лица. Она вызывающе подняла подбородок,

но по учащенному пульсу на ее горле я видела, что она боится. Он двигался медленно, осторожно, и она облизнула губы, наблюдая, как он приближается, казалось, не в силах оторвать от него взгляд. Ее пальцы сжались на игле в ее руке, и я подумала, как близко он должен будет подойти, прежде чем она вонзит ее в его плоть.

Он остановился, едва не коснувшись ее. Не говоря ни слова, он опустил перед ней на колени, его лицо было почти на одном уровне с ее. Он откинул голову назад так, что свет попал на него, обнажив шрам от его бровей до воротника. — Я подумал, что тебе, возможно, понравится другой кусок твоей работы, — сказал он тихим и ужасным голосом. Он кивнул на иглу в ее руке. — Ты хотела подписать это? Продолжай. Ты больше не можешь сделать мне больно. Ты уже сломала человека, которого знала, распяла каждую часть моей души и не оставила меня ни с чем, кроме развалин того, кем я когда-то был. Почему ты отворачиваешься? У тебя появилась совесть? Какое бремя это должно быть для тебя.

Он мог бы пойти дальше. Он мог подтолкнуть ее, чтобы вонзить иглу в его плоть. Он мог издеваться над ней, пока она не убежала бы или не заплакала. И я бы позволила ему, если бы это означало причинить ей боль. Я видела отвращение на ее лице, когда она смотрела на шрам, мерцание отвращения, которое слишком ясно показывало ее чувства.

Она смотрела на него и видела только уродство; я же видела места, где он сшивал себя вместе. То, что отталкивало ее, было для меня самой главной его частью. Каждая отметина, которую оставили его страдания, была немой памятником его сил, нечеловеческой храбрости, побудившей его отвергнуть смерть и деградацию, любое зло и порок, которыми он утешал себя в долгом пути после своего уничтожения. Он прошел сквозь адский огонь и вернулся обратно. Она увидела только следы ожогов, я видела феникса.

Я ненавидела ее за это. О, позвольте мне быть честной — я ненавидела ее по тысяче причин! Но в тот момент я ненавидела ее больше всего за то, что она все еще могла причинить ему боль. Он стоял перед ней на коленях, опускаясь, чтобы оскорбить ее, и именно это снятие всех его защитных сил заставило меня заступиться. Она не обидит его снова, я поклялась.

— Вы убили своего мужа, миссис де Морган? — спросила я острее и громче, чем хотела.

Мгновенно их головы повернулись ко мне. Рот Кэролайн де Морган дрогнул, и она слегка вскрикнула, подняв руки. Взгляд Стокера на мгновение опустел. Затем его глаза, казалось, сфокусировались, и он вырвался обратно в настоящее, увидев меня, где мгновение назад он... —

но кто может сказать, каких дьяволов он вызвал в своем разуме? Думал ли он о ней, как о невинной невесте, чьи губы целовал перед алтарем до того, как она оставила его умирать?

Он поднялся на ноги, когда Кэролайн де Морган обратилась ко мне холодным от ярости голосом. — Как вы смеете? Это самое чудовищное предположение.

— Разве? — мягко спросила я. — Отчеты о состоянии вашего брака показывают, что он был не совсем счастливым.

— Он был — и он есть — совершенно счастливый, — настаивала она сердито. — Джон любит меня, и я люблю его. И если мы иногда ссоримся, то только потому, что мы не такие умеренные. Наш брак — это страсть, — сказала она, оборвав себя, когда посмотрела на Стокера. — Я не понимаю, почему вы пришли, мучая меня вопросами.

— Мы пришли, потому что мы расследуем местонахождение вашего мужа, — ответила я.

— Расследуете! И кто вы такие, чтобы заниматься делами полиции? — потребовала она.

— Я не склонна объяснять наш интерес к этому вопросу. Но если вы не будете говорить с полицией, вы должны поговорить с нами. Конечно, вы хотите раскрыть тайну исчезновения вашего мужа. — Я позволила своему голосу замереть, как бы предполагая.

— Конечно, я хочу! — Она подражала моему тону с резкой жестокостью. — Как вы холодны. Вы можете стоять там и обсуждать величайшую трагедию в моей жизни так же беспристрастно, как если бы я потеряла заколку! Вы самая странная женщина, которую я когда-либо встречала.

Стеснение в груди немного ослабло. Я успешно направила ее яд на меня, а не на Стокера, и я надеялась, что передышки хватит на несколько минут, чтобы он мог снова обрести свое достоинство и вспыльчивость.

— Вы можете считать оскорбление оригинальным, — сказала я ей, обнажая зубы в улыбке. — Вы были бы неправы. Теперь полиция, похоже, поддерживает теорию о том, что ваш муж украл диадему и удрал с ней, чтобы оставить свой брак и начать новую жизнь, возможно, в Америке. У вас есть доказательства, что он этого не сделал?

Она посмотрела на меня с чистой ненавистью, прежде чем ее рот изогнулся в безрадостной улыбке. — Есть ли у меня доказательства? Да, мисс Спидвелл. У меня есть доказательства того, что мой муж любит меня, доказательство того, что он никогда не оставит меня. — Она отложила свое рукоделие и медленно поднялась на ноги, позволяя вязаной шали упасть на

землю. Ее фигура была явно стройной, но она обтянула платьем свой спелый, округлый живот, защитно прикрывая его руками.

— Вот ваше доказательство, мисс Спидвелл, — сказала она, ее голос звучал триумфально. — Джон никогда не оставит своего сына.

...

Мы втроем стояли, как в какой-то застывшей картине. Я не смотрела на Стокера, чтобы оценить его реакцию. Я не смела. Прежде чем я смогла сформировать ответ, дверь в дом распахнулась, и вошла дама. Она явно только что приехала, потому что все еще была одета для дневной прогулки, в ржаво-черном с головы до пят. Крыло черного дрозда было вставлено в ее шляпу, и в сочетании с ее агрессивным профилем делало ее похожей на стервятника. Мне она сразу не понравилась, хотя я не могу сказать почему, кроме ее ужасного вкуса в шляпах. На шее у нее была какая-то разновидность ласки или горностая, окрашенная в черный цвет, чтобы имитировать норку, ее яркие стеклянные бусинки-глазки смотрели на меня зловеще, когда она приближалась. Она бросила взгляд на сцену, переместив свой взгляд с меня на Стокера и затем на Кэролайн.

Не сказав никому из нас ни слова, она повернулась к Кэролайн. — Ты не должна расстраиваться, моя дорогая. Иди и отдыхай в своей комнате до переодевания.

На мгновение Кэролайн выглядела так, словно ей хотелось бы отказаться. Но она кивнула. — Да, мама. Я вполне закончила здесь. — Несмотря на ее утолщенную фигуру, ее походка все еще была изящной. Она не оглядывалась назад.

Когда за ней закрылась дверь, миссис Маршвуд повернулась к нам. — Боулз описал мужчину, который пришел к ней. Понадобилось немного воображения, чтобы понять, что это, должно быть, ты, — сказала она холодным тоном, обращаясь к Стокеру. Ее рот сжался от отвращения. — Я удивлена, что нашла тебя здесь, Ревелстоук. Я думала, что никогда больше не увижу тебя.

Долгое время он молчал, секунды тикали в такт моему пульсу. Женщина не признала моего присутствия, и деликатный человек откланялся бы от того, что могло быть только болезненным и личным разговором. Но деликатность никогда не был одним из моих недостатков. Стокер был моим другом, и я бы не стала уступать, если был шанс, что он нуждается во мне.

Он опустил подбородок, и когда он заговорил, это голос был полон такой тихой интенсивности, такой сдержанной ярости, что я знала, что он был очень близок к тому, чтобы что-то сломать. — Вы действительно

хотите позволить ей продолжать эту нелепую игру? Вы не можете себе представить, что полиция поверит такой уловке.

Она покачала головой, заставляя трепетать крыло дрозда. — Они верили до сих пор. Это невыносимая ситуация, и мы справляемся как можем. Ее муж пропал без вести, и власти жестоко оскорбили ею. Если бы они верили, что смогут получить от нее больше информации, они бы преследовали ее днем и ночью. По крайней мере, теперь она осталась в покое. — Женский взгляд впервые взглянул на меня. — Я думаю, что это интервью лучше всего проводить наедине.

— Все, что вы мне скажете, я повторю только своему партнеру. Мисс Спидвелл остается.

Она снова скривила губу, измеряя меня с ног до головы. — Очень хорошо, мисс Спидвелл остается. — Она оглядела теплицу. — Я не буду предлагать вам напитки, — сказала она Стокеру. — И я не буду просить вас чувствовать себя комфортно. Я старая женщина, и у меня нет сил для этого. Укажите свою цель и уходите.

Он наклонил голову, его взгляд заледенел. — Какое упущение. Позвольте мне сделать официальные представления. Миссис Маршвуд, это мисс Спидвелл, сотрудник лорда Роузморрана и моя коллега. Вероника, это миссис Маршвуд. Как ты, несомненно, поняла, моя теща.

— Бывшая, — быстро поправила она. — За что я благодарю Бога на коленях.

— Не больше, чем я, — ответил он.

Она обуздала себя. — Я сказала вам, заявите о своей цели.

Стокер ничего не сказал, а я заговорила. — Г-жа Маршвуд, мы расследуем исчезновение мистера де Моргана.

— Расследование! — сказала она, ее губы покраснели от неприятной улыбки. — Ревелстоуку Темплтон-Вейну здесь нет места, — сказала она, крыло на ее шляпе дрожало от ярости.

— Мы можем быть союзниками, — начала я.

— Союзники! — Она резко покачала головой, чуть не сместив свой мех. — Это красивое слово для такой леди, чтобы использовать. Нам не нужна помощь посторонних, и даже если бы мы это сделали, чтобы принять помощь от него, из всех людей... — Она продолжала в том же духе некоторое время, пока я позволяла своим мыслям бродить по оранжереи и обдумывать, как она могла бы быть улучшена. Миссис Маршвуд продолжала издеваться над мной, пока я не повернулась к Стокеру.

— Я думала, что она уже закончит завывать, но у нее достаточно

внушительная емкость легких для такого пожилого человека. Как ты думаешь, она перейдет к делу в ближайшее время? Не то чтобы это не было занимательным, но я действительно должна вернуться к работе. У меня восхитительная маленькая *Bassarigonerilla*, которую нужно починить. Получить образцы из Новой Зеландии так сложно, мне не хотелось бы их терять, — отметила я.

Миссис Маршвуд прекратила свой монолог, чтобы взглянуть на меня с отвращением. — Вы дерзкая девушка, и я бы поспорила, не лучше, чем должна быть. Работать с человеком с такой пресловутой репутацией, — сказала она с содроганием. — Как не респектабельно.

Я махнула рукой. — Респектабельность переоценивается так же, как и девственность, мадам, и я мало что могу из них использовать. Кстати, Стокер проделал замечательную работу, сдерживая свой темперамент во время ваших оскорблений, но я не могу обещать, что он выдержит это усилие. На самом деле, я должна призвать его не сдерживаться.

Я повернулась к Стокеру. — Хотел бы ты, чтобы я ее хорошенько встряхнула? Я не оставляю следов, хочу только вбить в нее немного смысла, чтобы перейти к сути дела.

Шляпа миссис Маршвуд дрожала от ярости. — Гадкое существо! — Она начала другой ядовитый монолог, критикуя мою мораль и внешность, прежде чем вернуться к предмету недостатков своего бывшего зятя. Стокер стоически принимал все оскорбления, которые она навалила на него, скрестив руки на груди и рассматривая свою тещу

Мне надоели ее язвительные высказывания, и я быстро вмешалась, прерывая ее поток. — Как вы думаете, что случилось с Джоном де Морганом? — спросила я.

Она яростно моргнула. — Что с ним случилось? Конечно, он сбежал. Он украл эту диадему и бросил мою дочь.

— Вы уверены в этом? — спросила я. — Г-жа де Морган, похоже, так не считает.

Миссис Маршвуд с отвращением скривила губу. — Я не отчитываюсь перед вами, мисс Спидвелл.

Я проигнорировала провокацию. Честно говоря, это не была одна из ее лучших. — Г-жа Маршвуд, постарайтесь использовать немного интеллекта, как бы это ни было трудно для вас, — проинструктировала я. — Нет никаких доказательств того, что Джон де Морган украл диадему и бросил свою жену. Никто не знает, что с ним стало. Конечно, правда, какой бы болезненной она ни была, была бы лучше, чем нынешнее положение дел.

— Благополучие моей дочери не ваша забота, — ответила она.

— В этом мы полностью согласны. Но факты исчезновения де Моргана должны быть установлены. Ваша дочь не может даже быть признана законной вдовой без тела, — отметила я.

Старуха откинулась назад, ее тонкие губы внезапно стали бескровными. — Кэролайн нельзя оставлять в подвешенном состоянии. Это невыносимо.

— Тогда помогите нам узнать, что случилось с ее мужем, призвала я.

Она ничего не сказала, но ее рот яростно работал, когда она грызла свои собственные губы.

Через мгновение я вздохнула. — Неважно, Стокер. Миссис Маршвуд невозможно убедить увидеть причину. Позвольте откланяться.

Я достала свою карточку и оставила лежать на садовом сиденье. — Вы можете связаться с нами по этому адресу, если передумаете.

Она сжала губы. — Я должна подать жалобу в полицию, что вы ворвались в наш дом без приглашения. Это послужит вам уроком.

Стокер, который направился уходить, повернул назад. Листовые тени папоротников играли на его лице, как зазубренные пальцы, придавая ему угрожающий вид, и он говорил тихим ужасающим голосом, которого я никогда не слышала раньше.

— Прежде чем сделать это, подумайте обо всем, что вы сказали обо мне, о каждом злодеянии, которое вы приписали мне, о каждом грехе, который вы совершили у моей двери. Перечитайте для себя мой каталог жестокостей и спросите себя, действительно ли вы хотите спровоцировать меня.

Миссис Маршвуд отшатнулась, ее губы дрожали. Она подняла костистый палец, который дрожал от ярости и страха. — Убирайтесь!

Мы не оглядывались назад.

Глава 10

Мы вернулись в Бельведер в тишине, и я не успела еще снять свое пальто, как Стокер сбросил свое, поспешно вытащил пробку из бутылки и налил здоровенную меру в зубную кружку.

— Стокер... — начала я.

Он поднял кружку, выплескивая содержимое. — Пей со мной или убирайся к черту, — приказал он.

Я протянула руку, и он отдал мне зубную кружку, а сам выпил прямо из бутылки. Он поднялся по небольшой лестнице к уютной комнате на верхнем этаже, отшвыривая окаменелый копролит с дороги. Он бросился в кресло, а я помешала огонь и повесила шляпу.

Между глотками чрезвычайно дорогого односолодового напитка он сорвал с себя воротник и галстук, жилет и манжеты, отбросив их в сторону. Я заняла кресло напротив, делая глоток.

— Поможет ли, если я попрошу прощения? — наконец спросила я.

Он наклонил голову. — Я не одна из твоих чертовых бабочек, Вероника.

— Я никогда не думала...

— Да, ты думала. — Он опрокинул бутылку, делая еще один глубокий глоток виски. — Тебе нравится думать, что ты умнее всех, и дьявол тебя заберет, как правило, так и есть. Тебе нравится класть людей в маленькие коробочки, как тех чертовых мотыльков: булавку в грудную клетку и наколоть на карточку, чтобы рассматривать, когда тебе скучно.

Я смотрела в огонь, ничего не говоря.

— Ты думаешь что знаешь меня. Ты меня отсортировала — *Homosapiensexsolutus*. У него довольно впечатляющее кольцо, не так ли?

— У тебя плохая латынь, ответила я, сохраняя небрежный тон. — Ты должен был сказать *vulneraverunt*.

Он невесело рассмеялся. — Даже сейчас ты не можешь ошибаться. Но ты ошибаешься. Ты так невероятно, невыносимо права.

Я чуть не повернула голову тогда. Я чуть не обернулась и не сказала ему, что поняла его: я знала, что он любит Кэролайн. Он любил ее со страстью, которая оправдывала все, что она с ним сделала, и не притуплялась. Возможно, он любил ее больше за ее жестокость, подумала я. Было бы грустной иронией, если бы это было так. Как ужасно трагично нести факел для женщины, которая бросила его и раскрыла его секреты

недоброжелательному обществу. Но как часто мы учимся целовать ботинок, который нас пинает?

Он продолжал горьким голосом. — Я рад, что ты видела ее. Она прекрасна, не так ли? Как ангел, спустившийся на землю. Это то, о чем я подумал, когда впервые увидел ее. Это самое ужасное клише, но оно ей подходит. Она не с этой земли. Вот что сказал бы поэт. Я был стеснительным с ней. Ты можешь себе это представить? Первый раз, когда я протянул руку, чтобы дотронуться до нее, меня затрясло. Рука, которая убивала людей в битве и спасала в хирургии, дрожала, когда коснулась ее. Какой грешник осмелится дотронуться до края платья святого?

Я позволила ему говорить, но это молчание стоило мне дорого. Каждое слово, что он произносил, разрывало меня, сжимая до костей, пока он говорил, перечисляя ее совершенства. И хуже всего было то, что он говорил правду; она была самым милым существом, которое я когда-либо видела. Менелай мог запустить тысячу кораблей, чтобы вернуть Елену, но сами боги поссорились бы из-за Кэролайн де Морган.

— Я никогда не чувствовал себя достойным ее, — сказал он после еще одного глубокого глотка из бутылки. — Ни разу. Она была такой нетронутой и застенчивой. Мы едва произнесли два слова наедине, прежде чем я встал на колени в залитом лунным светом саду и попросил ее выйти за меня замуж. Она была слишком робкой, чтобы ответить мне. Она побежала к своей матери, которая передала мне счастливые новости. День, когда я женился на ней, должен был стать самым счастливым в моей жизни, но не стал. Ты знаешь почему? Знаешь? — потребовал он, протягивая ногу в сапоге, чтобы подтолкнуть мой стул. Я оставалась совершенно неподвижной. — Потому что я никогда не верил, что она моя. Я не заслуживал ничего такого прекрасного. Я знал, кто я, кто мой отец, моя мать. Моя маленькая грязная душа была просто путаницей компромиссов, лжи и отчаянных поступков. Испорченный от рождения обманом других людей, — с горечью сказал он. — Но я спросил, и она согласилась. Она вышла за меня замуж, и я увез ее в Бразилию. Я думал — ну и дурак я был — что это будет грандиозное романтическое приключение.

Он замолчал, его взгляд блуждал. Его не было со мной, когда он сидел в уютной обстановке Бельведера, с холодным британским февралем снаружи и теплым огнем внутри. Он топтал джунгли Амазонии со своим лучшим другом и своей прекрасной невестой.

Я прочистила горло. — Джунгли, грязь и крокодилы, — сказала я легко. — Я не знаю, сильно ли я виню ее за то, что она вернулась в Англию без тебя. Я полагаю, что с его стороны было весьма по-джентльменски

сопровождать ее домой, если ей не нравилось путешествовать в таком диком месте.

Он наклонил голову, его улыбка была холодной. — Моя дорогая Вероника, ты не понимаешь. Она не уехала с ним. Она оставила меня ради него. — Он пронзил меня своим взглядом. — Разве ты не поняла? Я никогда не был тем, кого она хотела. Я взял ее в жены, и я подумал, что это значит: Бог понял, Бог простил меня. Просто грязный маленький «подмененный ублюдок». Так меня называли мои братья, и они были правы. Я был не чем иным, как продуктом какого-то безумного кувырка людей, которые никогда не должны поддаваться своей похоти. Ты из всех людей понимаешь это, не так ли, Вероника?

Я выбралась из кресла. Я подошла к плите, взяла пустой угольный колпак и осторожно положила его рядом со стулом.

— Ты выпил ужасно много. Если ты хочешь быть больным, пожалуйста. Я не буду убирать за тобой.

Я не оглядывалась, когда уходила, но его смех следовал за мной вниз по лестнице в темноту.

...

На следующее утро у меня не было настроения для работы. Я начала дюжину проектов и отбросила их, разъяренная на себя, на Кэролайн де Морган, и полностью отказавшись от благотворительности к Стокеру. Я могла вынести все, кроме его ненависти к себе. Я была готова к развлечению, и когда пришла записка от леди Тивертон, приглашавшая меня встретиться с ней в Клубе Любознательных, я поднялась на ноги и потянулась за шляпой, прежде чем закончила ее читать.

Клуб для любознательных был уникальным учреждением. Формально известный как Клуб Ипполиты, и его целью было наставление и поддержка женщин, тянущихся к приключениям и достижениям. Членство было строго частным и только по приглашению; мне было разрешено затемнить его священные залы только один раз в качестве гостыи сестры лорда Роузморрана. Я очень хотела вернуться, и даже если бы я не стремилась к компании леди Тивертон, приманки самого клуба было бы достаточно. День ярко рассветал с доблестным зимним солнцем, делающим все возможное, чтобы изгнать угольный туман и серые облака, которые скользили на горизонте. Сугробы снега на краю тротуара были запачканы сажей и другими невыразимыми вещами, но время от времени я мельком видела через садовые ворота нетронутые белые полосы, сверкающие на солнце.

Почти против своей воли я почувствовала, что мое настроение

поднимается, когда я поднялась по ступенькам клуба и позвонила в дверной колокол. Скромная алая табличка сообщала, что это клуб, но в остальном это был совершенно обычный городской дом на совершенно обычной площади.

Дверь открыла женщина-консьерж в алом бархате. Я узнала ее по предыдущему визиту, но прежде чем я успела что-либо сказать, она улыбнулась — Мисс Спидвелл. Добро пожаловать в Клуб Ипполиты.

— Спасибо, Хетти.

Она отступила назад, чтобы впустить меня, подала знак горничной, чтобы та приняла мое пальто, и быстро закрыла дверь, опасаясь зимнего холода. Внутри было темно-красное тепло, от толстых ковров до пылающих каминов в общественных комнатах. Стены, задрапированные темно-красным шелком, были увешаны различными фотографиями участников экспедиций, а также парусными картами, планами и редкой коллекцией памятных вещей со всего мира.

Всем этим руководила Хетти, безмятежное лицо Клуба Ипполиты. Она носила платок, элегантно обернутый вокруг ее головы — тонкий кусочек китайского шелка темно-синего цвета, который шел темному цвету ее кожи. Ее глаза тоже были темными, и они внимательно следили за каждой деталью клуба. Она указала на кожаную книгу с улыбкой.

— Леди Тивертон уже зарегистрировала вас, мисс Спидвелл. Она ждет вас в Комнате Карт.

Я поблагодарила ее и просто повернулась, чтобы проследовать за горничной, когда Хетти произнесла: «Мгновение, мисс Спидвелл». Она потянулась к столу, где председательствовала, и вытащила конверт из толстой кремовой бумаги, запечатанный небольшим количеством алого воска с эмблемой. В словеклуб буквы Н и С сплелись в носовой части Амазонки, а по периметру кружила легенда ALIS VOLAT PROPRIIS. Она предложила это с серьезной улыбкой.

— Сообщение для меня? — Я взяла его, отметив, что мое имя было написано элегантной рукой в вихре алых чернил.

— Приглашение. Вам предлагают вступить в Клуб, и это официальное уведомление.

Мое сердце стучало по ребрам. — Предлагается членство? Но леди Корделия никогда не говорила... — Я замолчала, подумав, как любопытно, что сестра графа думала об этом, застряв в Корнуолле и следя за воспитанием детей ее брата.

Но Хетти покачала головой, заставляя край ее тюрбана качаться. — Это была не леди Корделия, хотя она и предоставила второе

поручительство, необходимое для выдвижения кандидатуры. Вы были выдвинуты Ее Королевским Высочеством, принцессой Луизой.

Я не смогла сдержать улыбку. Последняя встреча с моей тетей не была приятной. Стокер и я провели расследование по ее поручению, и она была менее чем благодарна за наши усилия. Она также дала понять, что наше общение не должно продолжаться. Я не была бы представлена моему отцу, и она не приняла бы меня публично. Но это было совсем не мало, поняла я, сунув конверт в карман. Этот клуб был ее убежищем, и признать меня здесь было чуть ли не более интимным делом, чем знакомство со своей семьей. — Спасибо, Хетти.

— Следует ответить в течение недели, — пояснила Хетти. Она велела горничной провести меня к леди Тивертон. Комната с картами находилась на первом этаже, прямо за лестницей. Это была комната с высокими потолками, с видом на задний двор, казавшийся сейчас мрачным — листья обнажались, а ветви деревьев почернели от холода. Но в камине горел сильный огонь, и лампы светились тепло, отбрасывая янтарный свет на стены, увешанные огромными картами; британские территории были выделены розовым, цепочка жемчужных владений опоясывала мир. По комнате были разбросаны пары глубоких кожаных кресел, но леди Тивертон выбрала диван, красивый честерфилд, поближе к камину. Перед камином стоял низкий чайный столик, на котором лежали поднос с легкими закусками и ваза, полная хризантем с лепестками редкого оттенка: темно-синие-красного.

— Здесь приятно, не так ли? — спросила она, вставая, чтобы поприветствовать меня. — Кажется, яркий цвет изгоняет серый зимний, и я чувствую себя почти как в теплых странах. — Она жестом пригласила меня присоединиться к ней на диване, и я уселась у согретой подушки.

— Вы страдаете от английского климата? — спросила я.

Она кивнула. — Ужасно. Вы знаете, я воспитывалась в Египте, и каждую зиму я проводила с семьей моей матери. Родные моего отца были шотландцами, и зима в Шотландии невыносима, — добавила она с улыбкой.

Она подошла, чтобы предложить мне немного освежиться, и я воспользовалась возможностью, чтобы изучить ее. Она снова была одета в серое, но это платье было выполнено из плотного бархата, всего год или два устарело, и она приколола скарабея к горлу.

— Ваша брошь очень необычна, сказала я ей. — И совершенно очаровательна.

Изящная рука поднялась к драгоценному камню. — Сердечный

скарабей, — сказала она мне. — Их хоронят с мумиями. Говорят, что в загробной жизни богиня Маат взвешивает сердце мертвых. Если сердце так же легко, как и ее перо, мертвым будет позволено пройти на поля Хетеп и Иару.

— Хетеп и Иару?

— Подумайте об Элизийских полях греческого мифа, — напомнила она.

— Что произойдет, если сердце мертвого тяжелее пера? — спросил я.

Она слегка вздрогнула. — Тогда сердце мертвого будет схвачено и истреблено Аммитом. Он чудовищное существо с головой крокодила и телом льва.

— Действительно чудовищно!

Призрак улыбки коснулся ее губ. — Даже больше, когда знаешь, что задние ноги Аммита — ноги бегемота. Его зовут Гоблер, потому что он ничего не делает, кроме как сидит и ждет, чтобы поглощать сердца недостойных.

— Какова же цель сердечного скарабея? — спросила я.

— На нем написаны молитвы, призывающие сердце весить немного, чтобы мертвые могли свободно входить в загробную жизнь. — Она легким жестом прикоснулась к скарабею. — Я восхищалась этим конкретным скарабеем, поэтому мой муж превратил его в брошь в качестве подарка для помолвки.

— Щедрый и вдумчивый подарок, — сказала я.

— Вы имеете в виду пустячный, — сказала она с понимающим взглядом. — Но это подходит мне гораздо лучше, чем обычные драгоценности. В конце концов, это часть моей истории.

Мы на мгновение замолчали, и ее светлость удерживала палец на брошке скарабея, рассеянно поглаживая темно-зеленый камень.

Затем она поднялась, улыбнувшись. — Я считаю, что вас следует поздравить, — сказала она бодро. — Я понимаю, что вам предложили членство.

— Да. Я была приятно удивлена.

— И с таким спонсором, — добавила она. — Ее Королевское Высочество никогда никому не предлагала членства. Она, должно быть, очень дорожит вами.

Я издала неопределенный звук, и леди Тивертон продолжила. — Надеюсь, вы не против, чтобы я пригласила вас без мистера Темплтона-Вейна. Я нахожу, что иногда женщинам легче говорить без вмешательства джентльменов.

Выражение ее лица было почти извиняющимся, и я посмотрела на нее ободряюще. — У вас есть что сказать мне? О расследовании? — спросила я.

Она развела руки. — Я скорее надеялась, что у вас будет что сказать мне. В газетах было много таких ужасных историй... — Она замолчала и выжидательно посмотрела на меня».

— Вы имеете в виду мистера Темплтона-Вейна, — сказала я.

Слабый отблик розового цвета поднялось на ее щеках. — Я не хочу сказать, что он виновен в одном из злодеяний, о которых сообщают газеты. На самом деле, встретив его, я не могу представить его виновным ни в одном из них.

— Нет, — резко ответила я.

Она смягчила свой голос. — И это делает вам честь, что вы, как его друг и соратник, верите ему. Проведя время с де Морганам, я могу только сказать, что нашла их самой необычной парой.

— Как так?

Казалось, она колебалась, ища подходящие слова. — Если бы я была художником, выбирающим пару для изображения на картине, я бы выбрала их из тысячи. Они были поразительны, она с какой-то неземной белокурой красотой, а он — мрачный красавец. Вы не могли не смотреть на них, когда они появлялись вместе, они были такими привлекательными. И они были явно преданы друг другу, несмотря на свои ссоры.

— Кажется, некоторые пары прекрасно сосуществуют, именно конфликтуя, — мягко заметила я. Небеса знали, что Стокер и я не были слишком нежны друг с другом, хотя мы, конечно, не были парой в общепринятом смысле этого слова.

Ее светлость медленно кивнула. — Я полагаю, что вы говорите правильно. Мои собственные родители часто вздорили, но более преданную пару вы не можете себе представить. Я никогда не могла бы быть счастлива в таких отношениях. У меня ужас перед сценами и драмами.

Я тщательно подбирала слова. — Сэр Лестер — очень энергичный человек, — рискнула заметить я.

Она улыбнулась. — Но никогда не выходит из себя со мной. У меня было преимущество видеть его в течение многих лет в близости его первого брака. Он всегда был добрым и заботливым по отношению к первой леди Тивертон. Я никогда не собиралась выходить замуж, — призналась она. — Мне это казалось нереальным. Когда он предложил, это была самая невероятная удача. Я пообещала себе, что приложу все усилия

стать ему самой спокойной и мирной помощницей. Я так ему обязана.

Я не ожидала, что она будет так откровенна на предмет своего брака, но внезапно меня озарило совершенно интуитивно — леди Тивертон была одинока. Леди Велли предположила, что друзья сэра Лестера не все смирились с его новым союзом. Я задавалась вопросом, сколько дружб было принесено в жертву, потому что люди не могли принять его брак с этой спокойной и доброй женщиной.

Я решила еще немного воспользоваться ее добротой и решиться на нескромный вопрос. — Вы были своего рода компаньонкой первой леди Тивертон, не так ли?

— Действительно, — сказала она быстро. Когда она говорила о первой жене своего мужа, она делала это с настоящей теплотой. — Или, скорее, секретарем-компаньонкой. Я следила за ее перепиской, помогала ей писать ее книги.

— Я понимаю, что она болела большую часть своей жизни.

— Туберкулез, ужасное заболевание», сказала она, ее глаза внезапно стали холодными. — Страшно оказаться свидетелем того, как мучается человек, которого любишь, и я признаю, что полюбила первую леди Тивертон. Она была мне как старшая сестра. Мы доверяли друг другу, делились секретами. О, ничего важного. Просто глупые вещи. Но они значили все для меня. Однажды, когда она очень ослабла, она сказала мне, что больше всего боится оставить сэра Лестера одного.

— Не своего ребенка? — резко спросила я.

Она пожала плечами. — Леди Тивертон всегда говорила, что Фигги пошла в нее, находчивая и умная. И ребенок, чья мать болела большую часть своей жизни, не удивлен смертью. Сэр Лестер, однако, казалось, думал, что худшее никогда не случится, что каким-то образом она будет жить вечно, как всегда. Это был самый ужасный шок для него, когда она умерла.

— Но вы смогли утешить друг друга, — предложила я, стараясь сохранить нейтральный голос.

Она сложила руки вместе. — Невозможно. Он был безутешен. Я иногда думаю, что если бы не работа, он мог сделать что-то ужасное с собой.

Работа! Я чувствовала раздражение к Тивертонам, людям, которые родили ребенка и, казалось, думали о ней не более, чем о бездомной собаке.

— Его дочь не была ему достаточным утешением? — Я не могла скрыть в своем голосе некоторую враждебность.

Она снова пожала плечами. — Сэр Лестер обожает Фигги, но он не

всегда знает, как с ней обращаться. Особенно сейчас. Она в таком трудном возрасте, полу-ребенок, полу-женщина. Он пытается с ней говорить, но чаще всего эти разговоры заканчиваются ссорой. Я надеюсь, что она перерастет это. Я делаю скидку на то, что она потеряла мать.

— И не принимает вас в роли замены?

Она посмотрела на меня в ужасе. — Я бы никогда не предположила! Вы должны понимать, что Фигги похожа на Уордов, семью ее матери. Они очень замкнуты, очень стоичны. Только из-за последствий ее болезни и лекарств первая леди Тивертон говорила со мной так открыто. Она очень много переняла из того, чему ее учили, и так она учила Фигги.

— Как и вы сейчас, — заметила я.

Ее губы раздвинулись, затем сжались, словно она собиралась что-то сказать, а потом передумала.

— Это может быть неблагоприятной и утомительной задачей, всегда быть человеком, который поддерживает мир, — мягко сказала я.

Ее улыбка была слабой. — Если не я, то кто? Я пообещала первой леди Тивертон, что всегда буду заботиться о сэре Лестере. Я дала ей клятву, когда она умирала, и я буду хранить ее до конца своих дней. Она знала, как важна для него работа. Она знала, как сильно ему нужно, чтобы кто-то поддерживал его в работе, присматривал за ним. Вот почему так важно, чтобы выставка продолжалась.

— Есть ли опасность ее отмены?

Ее руки все еще были аккуратно сложены на коленях, но костяшки были белыми, кожа натянута до кости. — Я боюсь, что если газеты поднимут слишком много шума, если будет слишком много историй о проклятии, успех выставки будет разрушен.

— Конечно, произойдет обратное, — утверждала я. — Чем больше люди говорят о проклятии, тем больше они хотят увидеть коллекцию. Кто бы ни был этот Дж. Дж. Баттеруорт, сэр Лестер должен его поблагодарить. Он в одиночку обеспечивает экспедицию большим количеством прессы, чем вы когда-либо могли бы купить.

— Я полагаю, — сказала она. Но ее лицо выражало сомнение. — Я не могу избавиться от страха, что здесь работает что-то еще, что-то более темное.

— Вы ведь не верите, что проклятие может быть реальным?

Ее губы сжались. — Я наполовину египтянка, мисс Спидвелл, но уверяю вас, моим образованием не пренебрегали. Я знаю, что проклятия не существует. Все, что делается в этом мире, делается руками людей.

В ее словах было что-то пугающее, и я с трудом сглотнула. — Вы

боитесь врага?

— Я не знаю, чего я боюсь, — взорвалась она, спокойный фасад ненадолго покинул ее.

Она глубоко вздохнула, овладев собой. — Простите меня. Мои нервы расколоты вдребезги.

— И все же вы — одна из самых собранных женщин, из всех, с кем я знакома, — честно сказал я ей.

— Спокойствие, с трудом завоеванное, и результат долгой практики, — заверила она меня. — Я давно узнала, что, когда человек британец лишь наполовину, другую половину обвинят в каждом пороке характера или плохой привычке. Я приучила себя к такой манере поведения, что моя египетская половина никогда не будет восприниматься как пример деградации или порока. Я стала более британкой, чем любая англичанка, которую я знала, и все же каждый слог, который я говорю, каждый жест, каждая мысль исследуется обществом. Я могла бы пить чай с королевой в Виндзоре каждый день и два раза по воскресеньям, и я все еще не была бы достаточно англичанкой для некоторых людей. — Она говорила без горечи, но в ее смирении ощущалась усталость, и я начала понимать груз, который она несла на себе всю свою жизнь.

— Сэр Лестер, я надеюсь, осознает трудности, с которыми вы столкнулись.

— Сэр Лестер слеп к ним, — просто сказала она. — Несмотря на все его недостатки, в нем нет предрассудков, и я чту его за это. Он никогда не регистрирует оскорбление, потому что он никогда не нанесет его.

— Благородно, но это означает, что вы должны бороться в одиночку с оскорблениями, с которыми вы сталкиваетесь.

— Маленькая цена, мисс Спидвелл. В конце концов, я счастлива любовью человека, которого я больше всего ценю в мире. Может ли каждая женщина сказать то же самое?

— Интересно, может ли Кэролайн де Морган, — размышляла я.

— Я не могу представить ее страх, ее растерянность сейчас, — сказала она, костяшки пальцев стали еще белее. — Не зная, что случилось с ее мужем — я только надеюсь, что она может получить ответ. Какой бы болезненной ни была правда, она предпочтительней ужаса незнания.

— И тем более необходима сейчас, — осторожно сказала я. — У Кэролайн де Морган будет ребенок.

Леди Тивертон побледнела. — Откуда вы это знаете?

— Вчера мы с мистером Темплтоном-Вейном нанесли ей визит. Она живет в уединении со своими родителями, но нам удалось устроить

встречу. Если бы мне пришлось угадывать, я бы сказала, что она на пятом месяце.

Леди Тивертон закрыла лицо руками и ничего не сказала. Ни сопли, ни рыдания не нарушали тишину. Только ритмичный тиканье каминных часов, отсчет секунд и пульса.

— Вы не знали? — спросила я.

Наконец леди Тивертон подняла голову. — Нет. Она носила свободные платья, но многие так делают в Египте, чтобы легче переносить жару. Мне жаль слышать, что она ожидает ребенка, — сказала она. — Я не думаю, что беременность в ее нынешнем положении вообще желательна.

— Я думаю, что она счастлива, — сказал я. — Если ее муж мертв, то у нее останется от него ребенок. Конечно, если он покинул ее ...

— Он не покинул ее, — сказала она категорически. — Я плохо знала его, но люди быстро сближаются на раскопках. Я видела его достаточно, чтобы немного узнать о его характере: Джон де Морган любил свою жену, и он любил детей. Его самым заветным желанием было стать отцом.

— Откуда вы это знаете? — спросила я.

Ее голос был тусклым, и она говорила так, словно наизусть рассказывала факты. — За ужином, однажды ночью. Это был день рождения Патрика Фэйрбротера, и я попросила повара приготовить ему торт. Он задул свечи и загадал желание, и мы начали говорить о желаниях. Мистер де Морган сидел рядом со мной, и он признался, что надеется, что он и его жена будут благословлены ребенком.

— Кто-нибудь еще слышал разговор?

Она снова замолчала, но я могла сказать, что ее мысли яростно работали. После долгого момента она, казалось, пришла к какому-то решению, потому что резко поднялась. — Возможно, вы хотели бы сопровождать меня в Карнак-Холл. Я должна посмотреть, как продвигается подготовка к выставке, и вы могли бы получить удовольствие от небольшого предкушения наших усилий.

— Спасибо, моя леди. Я бы действительно могла.

...

Мы вызвали кэб, и очень скоро быстро неслись по улицам в сторону Холла. Маршрут привел нас к главной торговой улице, где движение было более интенсивным, и наш темп замедлился. Я не возражала, поскольку задержка дала нам возможность взглянуть на красиво украшенные витрины магазинов. Модели модного шляпника попались мне на глаза.

— Смотрите, моя леди! Явный реверанс египтологической теме, — сказала я, кивая в сторону витрины. В окне было трио шляп, каждая из

которых имела свой особый мотив. На одной были цветы лотоса и ленточная отделка, расписанная иероглифами, у другой была расплывчатая форма, похожая на головной убор фараона с лентами для обрамления лица, а у третьей было красное плетенье, увенчанное чучелом стервятника.

— Это, пожалуй, самая отвратительная вещь, которую я когда-либо видела, — язвительно сказала леди Тивертон. — И я видела, как шакал сжирал кошку.

Я улыбнулась. — Это ужасно. Думаете, кто-нибудь купит ее на самом деле?

Она покачала головой. — Я надеюсь, что нет. Хороший вкус должен что-то значить, но мне говорят, что наша экспедиция породила довольно модную тему для подобных злодеяний. Небеса помогают нам, мисс Спидвелл, мы модны.

Вскоре мы остановились перед Карнак-Холлом, скромным выставочным залом древностей недалеко от Лестер-сквера. Холл был построен в стиле его одноименного храма, в здании было несколько ниш, каждая из которых была украшена статуей Рамзеса в разных позах. Остальная часть фасада была выкрашена в терракотовый цвет, напоминающий стены храма, и украшена причудливыми египетскими фризами. Мы прошли между ног одного из Рамзесов, чтобы войти, и я сопротивлялась желанию посмотреть вверх.

Входные двери Холла вели в широкое фойе, своего рода прихожую к основному выставочному пространству. Рабочие что-то строили, производя нечестивый грохот, но даже над шумом я слышала возмущенный голос сэра Лестера Тивертонна.

— Я буду крайне признателен, если вы не будете беспокоить меня, пока у вас не будет чего-то интересного сообщить! — прогремел он. Он стоял лицом к лицу с инспектором Арчибондом, который выглядел явно недовольным. Патрик Фэйрбротер стоял немного в стороне, явно разрываясь от желания вмешаться в словесную драку своего работодателя с сотрудником столичной полиции.

— Конечно, сэр Лестер, — сказал Арчибонд режущим тоном. — Я думал только держать вас в курсе результатов нашего расследования, — начал он.

— Результаты! Какие к черту результаты? Вы ничего не знаете. У вас нет информации о Кэролайн де Морган, потому что она вас не хочет видеть. Вы не нашли де Моргана, и вы не нашли мою диадему! Пока вы этого не сделаете, вы можете пойти... — Остальное из того, что он сказал, заставило леди Тивертон вмешаться в тот момент, когда инспектор

Арчибонд открыл рот, явно намереваясь энергично выразиться.

— Дорогой мой, — сказала леди Тивертон, мягко положив руку на рукав мужа.

Он повернулся, чтобы посмотреть на нее, имея порядочность, чтобы выглядеть смущенно. — О, я не видел, что ты была рядом. Вас тоже, мисс Спидвелл, — добавил он, увидев меня. — Извинения, леди.

— Я должен добавить и мои тоже, кроме того я являюсь причиной плохого настроения сэра Лестера, — тонко сказал инспектор Арчибонд.

— Вовсе нет, — сказала я, обнажая зубы в улыбке.

Он повернулся, чтобы уйти, но внезапно снова повернулся, сузив глаза. — Мисс Спидвелл? Я верю, у нас есть общий знакомый. Разве я не видел вас в компании инспектора Морнадея?

Я попыталась решить, лгать ему или нет, когда сэр Лестер ворвался в разговор, кричас некоторым ликованием. — Вы должны запомнить ее имя, Арчибонд. Она вам достойный конкурент и не сомневайтесь в этом. Мисс Спидвелл расследует исчезновение де Моргана с моей диадемой, и я готов спорить на гиную, она побьет вас.

— Неужели, — сказал Арчибонд, и это был не вопрос. Он строго посмотрел на меня. — Я уверен, мне не нужно говорить мисс Спидвелл, что это, на самом деле, задача полиции. Любое вмешательство с ее стороны будет рассматриваться как препятствие следствию.

— Нет, если она найдет мою диадему, — ответил сэр Лестер. — Доброго вам дня, инспектор.

С этими словами сэр Лестер дал ему congé(фр. бесцеремонное увольнение или отставка кого-либо), и Арчибонд ушел с громовым видом.

— Какая наглость! — пожаловался баронет, обращаясь к своей жене. — Самая большая витрина прибыла с треснутым стеклом; питомники, кажется, думают, что финиковые пальмы то же самое, что кокосовые пальмы, и доставили последние; а в газовых светильниках дефект, которую просто нельзя терпеть. Меня отвлекают, и я ничего не могу поделать, — закончил он раздраженно. Я подумала, что это довольно тяжело для бедного мистера Фэйрбротера, но он просто улыбнулся мне, игнорируя раздражение сэра Лестера.

Леди Тивертон бросила на меня умоляющий взгляд. — Мисс Спидвелл, вы не возражаете пойти в выставочный зал с мистером Фэйрбротером? Есть несколько вопросов, которыми я должна заняться сейчас, и боюсь, довольно неотложных.

— Конечно, — сказала я ей, и она поспешила с сэром Лестером, в то время как Патрик Фэйрбротер криво улыбнулся мне. — Вы выбрали

довольно драматический момент для входа, мисс Спидвелл, — сказал он.

— Разве?

Он наклонился, понизив голос, чтобы Тивертоны не могли слышать. — Мне жаль, что сэр Лестер впутал вас в эту ситуацию. Я не думаю, что инспектор Арчибонд благосклонно отнесется к тому, что вы участвуете в этом расследовании.

Я пожала плечами. — Он не выглядел довольным, но у меня большой опыт общения с яростными джентльменами. А теперь представьте меня вашей коллекции, мистер Фэйрбротер, и я обещаю издавать соответствующие восхищенные звуки.

Он провел меня в главный зал, просторную зону, которая была снабжена множеством витрин и пьедесталов для показа коллекции. Были установлены газовые фонари, а также новейшие вентиляторы — блестящие латунные решетки, обеспечивающие немного свежего воздуха, даже если они портят впечатление от египетского храма. Длинная галерея проходила вдоль длины одной стены, а напротив нее рабочие строили помост.

— Саркофаг принцессы будет покоиться там. Это будет довольно драматично, когда они закончат, и все место будет увешано знаменами и украшено растениями в горшках, очень атмосферно и наводит на мысль о древнем Египте, — сказал он мне.

Он подвел меня к нескольким витринам, которые были закончены, стекло отполировано до блеска, а полки выложены мелкими артефактами, обнаруженными на раскопках.

— В настоящее время мы выставили только самые незначительные артефакты, — сказал он мне. — Деревянные ящики, керамические миски и тому подобное. Но есть немало украшений, красивые бисерные вещи и одна или две довольно красивые статуи.

— Это будет весьма впечатляюще, когда все будет закончено, — заверила я его.

— Ничто не будет так впечатляюще, как саркофаг, — сказал он. — Хотели бы вы увидеть это?

— Здесь? Сейчас? — Я оглянулась, но не увидела ничего похожего на гроб.

Он улыбнулся. — Принцесса не появится на выставке, пока мы не откроемся для публики. Пока она в безопасности, но у меня есть ключ, — сказал он, размахивая им.

Под галереей шла длинная стена, увешанная драпировками, а за одной из них лежал коридор, аккуратно огражденный от основной части зала. — Здесь есть кладовые, они ведут к переулку позади, — он кивнул на дверь в

конце коридора. — Мы не можем пренебрегать безопасностью, поэтому мы охраняем это место более строго, чем Лондонский Тауэр. — Он повернул ключ в замке и распахнул дверь. Позади находилась затемненная камера, и он вошел в нее, включив газовый свет. — Итак! Вот наша принцесса Анхесет, — проинструктировал он.

Саркофаг оказался меньше, чем я ожидала. Он был изготовлен из позолоченного и расписного дерева и густо украшен иероглифами. В изголовье был лицевой портрет женщины, ее взгляд отстранен, как будто она видела и слышала то, что было невидимо и неслышно простым смертным. Один конец саркофага был сильно обожжен, древнее дерево почернело от огня, уничтожившего часть картуша, позолоченный овал с именами принцессы.

— Битум, — сказал он с сожалением. — Ужасно смолистые и легковоспламеняющиеся вещи. Древние египтяне использовали его иногда для мумификации животных, и, должно быть, произошел несчастный случай, когда жрецы перемещали нашу принцессу, потому что ее саркофаг был сильно испачкан. Не удивительно, когда вы думаете о том, насколько импровизированным было все это — вытащить ее из надлежащей гробницы посреди ночи, чтобы избежать повышенного интереса воров. Должно быть, это было настоящее темное дело, очень замалчиваемое, и все клялись в секретности и работали под прицелом факелов. Удивительно, что все уцелело. Случайная искра от факела упала, когда мы выносили ее из пещеры, и чуть не сожгла все это. Слава Богу, мы едва смогли ее спасти.

Это была не ересь; он говорил с пылкой благодарностью. — Здесь вы можете просто разглядеть более важные фрагменты картуша, ее имя и звание. — Он зачитал их мне, не касаясь пальцем древнего дерева. — А вот и Анубис, хранитель мертвых, защитник тех, кто перешел в загробную жизнь, — добавил он, указывая на знакомую фигуру с головой шакала на дне саркофага.

— Я могу понять, почему он вызвал тревожное настроение, — сказала я.

Его лицо немного затуманилось. — Это действительно бросило тень на наши достижения.

— Я сожалею. Наши области детельности очень разные, но я могу себе представить, как такие жестокие уловки могут омрачить удовольствие от ваших достижений.

— Спасибо, мисс Спидвелл. Я благодарен за вашу доброту.

— И сэр Лестер, без сомнения, — рассуждала я. — Несомненно, для такого молодого человека, получить вашу должность в столь значительной

экспедиции, это удачный ход.

Он серьезно кивнул. — Я действительно выгадал от щедрости сэра Лестера. По всем правилам, мне следовало бы еще несколько лет работать под опекой кого-то гораздо более опытного. — Он колебался, выражение его лица было слегка смущенным. — Должен сказать, я был весьма удивлен, когда сэр Лестер передал мне столько полномочий в этом году, но со всеми трудностями с рабочими и потерей Джонаса Фаулера, я думаю, он иногда находил эти заботы немного подавляющими.

— Должно быть, он верит в ваши способности, — сказала я легко.

Он усмехнулся с необычайно очаровательным выражением лица. — Я не знаю об этом, — сказал он мне, его манера самоуничижения была самой привлекательной. — Мне еще многое предстоит узнать о иероглифах и египтологии в целом.

— Вы посещали школу для такого рода вещей? — спросила я.

— Нет. Мое формальное образование было кратким. Моя семья была бедной, мисс Спидвелл. Видите ли, мама плохо вышла замуж: наш отец бросил свою семью. Мы с сестрой остались сами по себе.

— Простите, — начала я.

Он поднял руку. — Не стоит. Как бы я ни ненавидел это в свое время, превратности моего детства заставляли меня быть находчивым и ценить то, что у меня есть.

— Ваши мать и сестра должны гордиться вашим успехом.

— Моя мама не дожила до этого, — сказал он с задумчивым видом. — И я не вижу свою сестру так часто, как хотелось бы. Но я ей всем обязан. Она работала не покладая рук, чтобы найти спонсоров для оплаты моего образования, чтобы одеть и накормить меня, и представить меня нужным людям. К сожалению, такого рода случайное образование оставляет желать лучшего. Я постоянно нахожу вещи, которые хотел бы выучить правильно в школе. Но сэр Лестер терпелив со мной. Он полон решимости увидеть во мне своего рода преемника, которого сможет подготовить.

— Очевидный наследник, предложила я.

— Предполагаемый наследник, — поправил он с грустной улыбкой. — Есть еще Фигги.

— Несколько колючий ребенок.

— Который поцарапал меня достаточно сильно, чтобы пустить кровь один или два раза, — признался он. — Образно говоря. Она не достаточно ненавидит меня, чтобы прибегнуть к физическому насилию. Ах, я не должен шутить! Она не ненавидит меня, не совсем. Бывают времена, когда мы почти дружелюбны. Но она дико незрелая, и любовь ее отца ко мне —

больной вопрос.

— Я могу себе представить. Но, возможно, со временем она начнет ценить ваши прекрасные качества.

Он покраснел очаровательным розовым цветом до кончиков ушей. Он стоял рядом со мной — необходимость указывать маленькие фигурки на саркофаге — и он, казалось, внезапно вспомнил об этом. Он выпрямился. — Простите меня. Я должен был подумать о возможной неуместности приглашать вас сюда. Большинство дам пришли бы негодование, но я подозревал, что вы ...

Он внезапно оборвал себя, и я поспешила его успокоить. — Вы совершенно справедливо решили, что я такой же ученый, как и женщина. Я заинтригованна вашей работой, мистер Фэйрбротер. И небеса защитят меня от безумия!

— Вы очень хорошо все понимаете. Но тем не менее, мы должны присоединиться к остальным, прежде чем леди Тивертон заподозрит, что я сбежал с вами в Гретна Грин, — сказал он легкомысленно.

— Люди все еще делают это? Какое у вас восхитительно старомодное представление о грехе, мистер Фэйрбротер.

Он тщательно запер дверь за нами, и мы присоединились к Тивертонам; ее светлость, казалось, имела все под контролем, включая ее мужа. Растрепанные перья сэра Лестера были сглажены, и он был глубоко погружен в руководство рабочих в правильной установки помоста.

Леди Тивертон вырвалась и поспешила ко мне. — Я надеюсь, что Патрик был поучительным хозяином, — сказала она с улыбкой.

— Даже очень. Он познакомил меня с принцессой Анхесет. Я должна признаться, что это первый саркофаг Восемнадцатой Династии, который я видела, и я нашла его наиболее впечатляющим.

— Есть лучшие образцы, — сказал Фэйрбротер с кривым изгибом губ. — Но мы ее любим.

Леди Тивертон оценивающе посмотрела на него. — Да, хорошо. Я уверена, что наша принцесса вызовет настоящий переполох. Патрик, сэр Лестер нуждается в вашей помощи. Существует некоторая путаница с украшениями помоста.

Мистер Фэйрбротер склонил голову ко мне. — Дела отзывают меня, мисс Спидвелл. Хорошего вам дня, и я надеюсь, что мы увидимся на выставке.

Я подтвердила, что мы увидимся, и он поспешил к своему работодателю, пока леди Тивертон смотрела ему вслед с непроницаемым выражением лица. Он подошел к сэру Лестеру, поднимая успокаивающую

руку, и достал тетрадь, из которой начал читать, чтобы уладить разногласия между баронетом и его рабочими.

— Г-н Фэйрбротер кажется необходимым, — я заметила

— Сэр Лестер полагается на него, — признала она. — Он думает о нем почти как о члене семьи.

— Это должно быть облегчением, чтобы кто-то еще мог разделить бремя работы, — сказала я мягко.

Она повернулась ко мне, ее губы раздвинулись, как будто она хотела заговорить. Но она, должно быть, передумала, потому что сжала губы и протянула руку. — Спасибо, что пришли, мисс Спидвелл. Мне жаль, что я забрала вас с работы, но вы очень любезно сообщили мне о последних событиях вашего расследования.

Я пожала ей руку. На мгновение она сжала ее довольно крепко, и мне вдруг показалось, что это была рука тонущей женщины. — Леди Тивертон, — сказала я, глядя ей в глаза. — Если вам нужен друг, вы можете считать меня вашим другом.

Она улыбнулась, но улыбка не коснулась ее глаз. — Вы очень добры, мисс Спидвелл.

Я вернула улыбку и натянула перчатки. — Если бы вы знали меня лучше, вы бы не ошиблись, так думая.

Я простилась с ней, пробираясь через рабочих, уклоняясь от кусков пиломатериалов и горшков с краской, и вышла на тротуар. Я подозвала проходящий кэб и залезла внутрь, давая водителю указания отвезти меня в Бишоп-Фолли. Когда он направил лошадей от обочины, стройная мальчишеская фигура отделилась от кучи мусора, чтобы наблюдать за нами. Я как раз вовремя обернулась на сидении, чтобы увидеть худую белую руку, поднятую в приветствии.

Глава 11

Я вернулась в Бельведер и усердно работала над своей gonerilla, когда наконец появился Стокер. Чешуя крыла была сильно повреждена, я решила убрать остатки, чтобы обнажить тонкий узор крыльев, оставив их прозрачными, как свинцовое окно с прозрачным стеклом. Я медленно работала, аккуратно снимая чешуйки тупой стороной серебряного фруктового ножа.

— Возвращайся в кровать, — коротко сказала я ему.

— Я в порядке, — тихо ответил он, садясь на свое любимое верблюжье седло.

— Ты небритый, налитый кровью и не держишься на ногах.

— Ты никогда прежде не возражала против моих усов, мои глаза все еще функционируют, и я почти в вертикальном положении, — сказал он, поднимаясь с видимым усилием. — Вероника...

— Если ты скажешь еще хоть одно слово, я швырну этот фруктовый нож в твою голову, — сказала я ему приятным голосом, размахивая оружием, о котором упомянула.

— Не будь глупой. Ты не сможешь поранить гусеницу этим ножом, — ответил он. — Тебе надо что-то с небольшим весом. Например, это медное пушечное ядро, — добавил он, кивая в сторону металлического слитка, лежащего на столе.

— Поможет ли, если я извинюсь? — спросил он.

— Не поможет. — Я подписала карточку, сильно забрызгав ее кляксами, разорвала ее на кусочки и начала подписывать другую, не торопясь, стараясь писать идеально.

— Значит, мы оба плохо себя вели и не собираемся никак это исправить?

— Совершенно верно, — спокойно сказала я.

— Вероника...

— Заткнись, Стокер. Не собираюсь выслушивать твои жалкие оправдания.

Он долго молчал. — Очень хорошо, — тихо сказал он. — Я не могу винить тебя за это. Я могу только сказать тебе, что однажды, я надеюсь, ты простишь меня за то, что я сказал. Бог знает, я никогда не прощу себя.

Я швырнула нож для фруктов мимо его головы, заставив его неожиданно сесть. — Не надо! Не смей жалеть себя, — свирепствовала

я. — Жалость к себе это сточная яма, из которой ты никогда не выберешься. Ты знаешь, как я усердно старалась держать твою голову над грязью? Но не я спасла тебя, ты, невозможный дурак. Ты был полуживой, когда я встретила тебя, остатки человека, которым ты мог быть. В последние месяцы я наблюдала, как ты возвращаешься к жизни, проявляя интерес к своей работе, к своему будущему. Ты был орудием своего собственного воскресения, и ты даже не видишь этого. У тебя нет ощущения твоих собственных талантов, своих собственных сильных сторон? Ты более одарен природными способностями и естественным интеллектом, чем любой человек, которого я когда-либо встречала. Ты дикое чудо, Ревелстоук Темплтон-Вейн, созданное руками самой Природы. Но ты не способен видеть это. По-твоему, ты — Самсон с обрезанными волосами, а Кэролайн — твоя Далила. Очень хорошо. Оплакивай то, что ты потерял, и неси храм на себя. Я не буду плакать по тебе. Но я не буду смотреть, как ты это делаешь.

Он смотрел на меня в откровенном удивлении, с открытым ртом. Через некоторое время он заговорил, выдавливая слова медленно, с очевидным усилием. — Я не знаю, что сказать.

— Не говори ничего. Я не требую ответа. Я только хотела, чтобы ты понял, что я делаю много вещей в этой жизни, но наблюдение за тем, как ты уничтожаешь себя из-за Кэролайн де Морган, не входит в их число. — Я собрала свою *gonerilla* руками, которые были абсолютно устойчивы. — Мне необходимо прочесть кое-что в моей часовне, поэтому, если у тебя нет ничего важного, прошу извинить меня.

Я не дождалась ответа.

...

По взаимному молчаливому соглашению мы избегали друг друга до конца дня. Стокер работал на своем воздушном шаре в саду, пока я пряталась в своей маленькой готической часовне, читая одну из первых книг леди Тивертон по египтологии. Это было приятное отвлечение от моих мрачных мыслей, и я остро осознавала тот факт, что незаинтересованному наблюдателю могло показаться, что я дуюсь.

Моя рука не раз обращалась к приглашению, которое мне дали. Членство в Клубе Ипполиты было признаком того, что вы женщина с бесстрашным духом и интеллектом. Это означало признание достижений в областях, в которых слишком часто доминировали мужчины. Это означало регулярные встречи с родственными душами и дружбу. Это означало пустить корень, какой бы тонким он ни был, в лондонскую землю. Если бы я согласилась, у меня было бы место, которому я бы принадлежала, первое

место, которое я знала за всю свою жизнь, которое я не была вынуждена создавать для себя сама. Идея меня странно нервировала.

Я провела пальцем по печати, обводя буквы девиза. ALISVOLATPROPRIIS.. Она летит на своих крыльях. Насколько проще это сделать! Если я откажусь, я должна продолжать в том же духе, сохраняя одиночество, как выбрала. После еще одного мгновения я вытащила чистый лист бумаги и начала писать. Ответ был коротким — всего два слова. Я подписала и запечатала его и сунула в карман, чтобы передать Джорджу для почтовой отправки.

Я вернулась в Бельведер после чая и обнаружила, что Фигги Тивертон взгромоздилась на верблюжье седло, кормя собак сосисками. Нут сопровождал ее и сидел, как на насесте, на любимой подушке Хаксли, глядя на него с презрением.

— Вы должны поставить знак, — сказала она вместо приветствия. «Cavecanem»(лат. Осторожно, злая собака) или что-то в этом роде. Я думала, что у вас здесь волк. — Она кивнула на кавказскую овчарку его светлости.

— Бетони не повредит волоска на вашей голове, как и Хаксли, — сказала я ей. — Вы будете в гораздо большей опасности от галапагосской черепахи, которая бродит по территории.

— Я видела ее. Выглядит позитивно доисторически.

— Что привело вас к нам, мисс Тивертон? — спросила я, когда она кормила лакомыми кусочками собак, преданно копошившихся у ее ног.

— Нам? — спросила она, быстро краснея.

— Мистер Темплтон-Вейн будет через минуту. Он заканчивает свой последний проект.

— Я видела, — сказала она, ее румянец усилился. — Из окон дома. Я пришла, чтобы навестить леди Велли. Она знала мою маму, и было очень вежливо нанести ей визит, так как мы вернулись в Англию. — Это было слабое оправдание, и я подавила вздох. Она была не первой женщиной, которая использовала любой предлог, чтобы увидеть Стокера. С ее неопрятными волосами и размазанными очками она выглядела еще ребенком, но она была более женщиной, чем, как я подозревала, понимал ее отец.

Прежде чем я успела ответить, вошел Стокер, выбивая грязь с сапог. — Мисс Тивертон, — тепло приветствовал он. — Как мило с вашей стороны навестить нас. Я вижу, вы познакомились с Бет и Хаксли и взяли их к себе в друзья, — добавил он, наклоняясь, чтобы почесать Нут за ее высокими заостренными ушами.

— О, да! Они милые собаки. Хаксли ваш?

— Или я его, — сказал Стокер, наградив ее ужасно красивой улыбкой. К моему облегчению, день, проведенный с его шаром, казалось, бесконечно улучшил его характер. Он все еще выглядел уставшим и отвлеченным, но холодный воздух окрасил его щеки, и у него было заметно лучшее настроение.

Я повернулась к куче бумаг на своем столе и начала сортировать их, пока они разговаривали. Стопки писем и периодических изданий и несколько грязных посылок, которые я отложила в сторону.

— Значит вы любите собак? — сказал Стокер. Это был совершенно излишний вопрос. Стокер видел ее с Нут, когда мы впервые встретились с ними обоими, но как разговорный гамбит это было эффективно. Фигги сразу оживилась.

— Очень. Даже Нут, хотя она ужасно глупа, — добавила она с любовью глядя на свою питомицу. — Люди думают, что она из Египта из-за того, как она выглядит, но отец привез ее с Мальты. Она только похожа на собак на гробницах. Люди говорят, что эти мальтийские гончие происходят из Тезема. Вы знаете это слово? Это немного иератически, или я имею в виду иероглифы? В любом случае, теземы были охотничьими собаками старых фараонов, своего рода борзыми.

— Вы, кажется, знаете очень много о древнем Египте, — сказал он ей. Я взяла зуб льва, который использовала в качестве бумажного ножа, и с силой вскрыла конверт.

Она яростно покраснела. — Не совсем. Не по сравнению с моей мамой. Вы знаете, она была знатоком египтологии.

Затем она замолчала, ее губы плотно сжались. Я просмотрела письмо — запрос на определенную разновидность мохнатых мотыльков — и положила его в ящик. Я перешла к бесполезной на вид посылке, обернутой в коричневую бумагу. Он была адресованна мне, но на ней не было почтового штемпеля — без сомнения, образец от другого коллекционера, желающего увидеть его имя на плакате в музее Роузморрана, когда дело будет наконец закончено. Я отодвинула его и взялась за последнее издание The Daily Harbinger.

— Могу я предложить вам немного освежиться, мисс Тивертон? — спросил Стокер.

Она покачала головой. — Я пила чай с леди Велли, и она накормила меня всевозможными булочками и пирожными. На самом деле я уже просрочила свое возвращение. Моей мачехе будет интересно, где я. И мне придется придумать какую-нибудь историю. — Она соскользнула с

верблюжьего седла, и Стокер подошел, чтобы помочь ей, положив руку на ее плечо. — О, спасибо, — сказала она, снова краснея.

Я прервала безжалостно. — Мы недавно познакомились с вашими друзьями — некие мистер Хорус Стил и его сын Генри.

Она закатила глаза, но ничего не сказала. Фигги подошла к банке с колокольчиком, накрывшей особенно отвратительный дисплей. — Что это? — потребовала она.

— Рука славы, сказал ей Стокер. — Они были в моде среди воров столетие или два назад. Считалось, что если взломщик нес ее, на весь дом было бы наложено заклятие, домочадцы бы уснули крепким сном, и вор мог бы спокойно совершить кражу.

Фигги осторожно посмотрела на зверство. — Из чего это сделано?

— Человеческая рука, — сказала я с некоторой жестокостью. — Отрублена от тела осужденного преступника и опущена в жир. Идея состоит в том, что вы зажигаете пальцы, чтобы они служили лампой, когда вы занимаетесь воровством.

Она посмотрела на руку с презрением. — Я видела вещи покруче, чем это. Однажды моя мама нашла гроб, в котором все еще находилась мумия.

— Вы посещали развешивание? — спросил Стокер.

— Там нечего было разворачивать. Как только крышка оторвалась, бедняга рассыпался в прах. Видите ли, он был плохо забальзамирован. Он должен был провести целых сорок дней погружения в натриевые соли нижнего Египта... — Она приступила к весьма техническому объяснению мумификации, которое включало в себя все более отвратительные моменты извлечения мозговой материи из полости ноздри и бальзамирования внутренних органов, о которых она рассказывала с чувством, которое мне казалось нездоровым удовольствием. Но похоже, Стокеру это очень понравилось, и я вернулась к своей газете, пока они обменивались отвратительными историями.

Наконец, часы в углу — украденные у царского двора в Болгарии — пробили час, и Фигги вскочила. — Небеса, сколько времени? Я должна бежать.

Я бросила взгляд поверх моей газеты. — О, так скоро? Тогда до свидания, мисс Тивертон. — Я помахала рукой, возвращаясь к чтению.

Стокер нахмурился. — Ваши родители не знают, что вы в городе без сопровождения?

Фигги поспешила объяснить. — Я знаю, это звучит ужасно таинственно, но это не так. Отец просто иногда глупо строг. Он не понимает современную молодую женщину. Он думает, что мне

двенадцать! — возмущалась она. — Он совершенно доволен, что я брожу, как моей душе угодно, в Египте, но здесь он так обеспокоен опасностями города, что едва ли позволяет мне сделать шаг без сопровождения. Мне было трудно ускользнуть, чтобы приехать сюда сегодня. Когда я вернусь, они, вероятно, устроят ужасную суету, — закончила она мрачно.

— Вы дали ему повод бояться? — холодно спросила я.

Стокер издал шум неодобрения, но девушка кивнула. — В последний раз, когда мы были в Лондоне, он обнаружил, что я пропускаю уроки рисования и французского языка из-за встреч.

— Встречи? — спросила я. — Вы имеете в виду, любовные свидания?

— Небеса, нет! Политические встречи. Я суфражистка, — гордо сказала она нам. — И если бы мне разрешили голосовать, я бы проголосовала за либералов. Это то, что раздражает его больше всего. Он сам — ужасный тори.

— Покажите мне аристократа, который не тори, — пробормотала я.

Стокер оцетинился. — Я возмущен этим.

— Ты исключение, которое подтверждает правило, — сказала я ему в утешении. — Мисс Тивертон, начинает смеркаться. Подождите минутку, и мы отправим мальчика поймать кэб.

Она выглядела так, словно хотела бы протестовать, но пожала плечами. — Очень хорошо, — сказала она недовольно. Мы последовали за ней, и как только мы вышли из Бельведера, Фигги вскрикнула от шока, отшатнувшись и подняв дрожащий палец. Стокер и я смотрели туда, куда она указала, обменявшись быстрым взглядом взаимного удивления, потому что там, в окружении деревьев, поддерживаемых высоким рядом кустарников и завернутых в пучки тумана, стояла ужасная фигура. Сам великий бог Анубис.

Он был обнажен до пояса, обтянут плиссированной льняной одеждой и носил тяжелый воротник из золота и драгоценных камней. Его ноги были обуты в позолоченные кожаные сандалии, а его голова... даже сейчас я едва могу вспомнить ужас огромной черной головы шакала. Голова слегка наклонилась вперед, нос как будто вынюхивал свою добычу.

Парализованные, в шоке, мы наблюдали, как он поднял обвиняющую руку на Фигги, указывая на ее сердце. Девушка вскрикнула от ужаса, закрыв лицо руками. Более приятная пара людей, возможно, успокоили бы бедного ребенка, но приятность никогда не была одной из моих добродетелей, и Стокер уже направился к маленькому зазору между кустами. Я следовала за ним по пятам, призывая его к еще большей скорости. Стокер высоко поднял кулаки, а я уже вытащила острую

шляпную булавку, но нам не нужно было беспокоиться. Сад был совершенно пуст.

Стокер осмотрел кустарник, щедро ругаясь. — Дыра прорублена в кустах, достаточно большая, чтобы человек мог пробиться сквозь нее и выйти прямо на улицу. Если его ожидал экипаж, он уже в пути. — Он просунул голову в дыру и через мгновение появился, как Алиса из страны чудес. — Как я и подозревал, улица пуста.

— Это было сделано умно, — заметила я. — Территория здесь плохо освещена. Должно быть, он понял, что сначала мы будем бездействовать от шока, увидев его. Эта задержка дала ему несколько драгоценных секунд, чтобы уйти через кустарник в ожидающую карету. Тем не менее, он должен был быть быстрым и спортивным человеком. — Я колебалась. — Если бы это был мужчина.

Взгляд Стокера наполнился чистым презрением. — Даже не предполагай этого, — предупредил он меня.

— Как? Что это был настоящий визит Анубиса? Странные вещи произошли, мой дорогой Стокер.

— Они чертовски хорошо организованы. Ты называешь себя ученым, — сказал он, замолкнув с отвращением. В попытке доказать, что я не права, он обыскал землю, где стояла фигура, надеясь на что? Блестящая блеска или потерянный драгоценный камень? Но ничего не было.

— Стокер, оставь. Ты даже не найдешь следа. Земля слишком жесткая.

— Должен быть какой-то след дьявола, — проворчал он.

— Ну, мы не найдем его в ледяной темноте. А теперь иди. Мы должны посмотреть, что с Фигги.

— Черт, я забыл ребенка, — сказал он, поспешно возвращаясь туда, где мы ее оставили. Она стояла совершенно неподвижно, сжимая Нут и уставившись на нас огромными глазами.

— Ну? — резко спросила она. — Вы поймали его?

— Мы этого не сделали, — сказала я ей. — Но я должна задаться вопросом, почему Повелитель подземного мира развлекается в саду Мэрилебон, особенно при такой температуре воздуха.

Ее взгляд был ужасным. — Вы не должны насмехаться над тем, чего не понимаете, — мрачно сказала она.

— Я понимаю, что кто-то сыграл злую шутку, — ответила я с некоторой терпкостью.

Стокер шагнул вперед. — Пойдемте, мисс Тивертон. Я сам провожу вас обратно в Садбери.

— О, спасибо. Я ужасно благодарна, — сказала она, поворачивая

сияющее лицо к Стокеру. Я не удосужилась сказать им до свидания. Я отступила в Бельведер и работала, пока Стокер не вернулся почти через час.

— Закончил твоё благородное деяние? — спросила я.

— Мне иногда интересно, используешь ли ты точильный камень на этом языке или он острый от природы.

Он пролистал свою корреспонденцию, пока я вытащила пыльную, разлагающуюся бабочку Африканской Карты и бросила её в корзину для бумаг. К несчастью, подумала я, Африканская Карта — *Cyrestiscamillus* — была прекрасным парнем с лихими полосами. Я сделала заметку, чтобы найти для его светлости экземпляр подходящего качества на замену.

— Что ты думаешь о нашем сверхъестественном посещении? — спросил Стокер. — И больше не нужно развлекаться идеей, что мы действительно видели Анубиса. Я не верю в такую ерунду, так же как и ты.

Я откинулся на спинку стула, размышляя. — Шутка, как я сказала Фигги. Нечто спроектированное, чтобы привлечь наше внимание.

— Но почему? — настаивал он. — С какой целью нужно было бы отправлять Анубиса в путешествие через наш сад?

— Я могу думать об одной, — сказал я ему, бросая на него осмысленный взгляд.

Ему потребовалось время, чтобы понять. — Вероника, нет. Я не могу поверить, что ребенок сделал бы что-то такое коварное.

— Она самая странная смесь женщины и ребенка, — заметила я. — И это будет не первый случай, когда девушка прибегает к театральности, чтобы привлечь внимание мужчины, которого она считает привлекательным.

Он покраснел. — Не выдумывай. Фигги совсем еще девочка.

— На пороге женственности, — настаивала я. — Она достаточно взрослая, чтобы испытывать страсть к мужчине на несколько лет старше ее.

— Даже если бы это было так, а я не признаю, что это так, — предупредил он, — как она обеспечила соучастника, который играл роль бога?

Я пожала плечами. — Фигги находчивая, — сказала я ему, повторяя то, что леди Тивертон открыла мне ранее днем.

— Я отказываюсь верить в это, — категорически сказал он.

— А кто сейчас ненаучен? — мягко сказала я. Я вернулась к своей коллекции мадагаскарских бабочек.

— Интересно, зачем она на самом деле приходила? — размышлял Стокер.

Я долго смотрела на него, удивляясь тому, что любой мужчина, который так соблазнителен, действительно может быть настолько свободен от тщеславия. — Полагаю, мы узнаем со временем, — сказала я ему.

...

На следующее утро я проснулась в дурном настроении, без сомнения, усугубленным тем фактом, что я не спала слишком поздно, куря мои маленькие турецкие сигареты и размышляя. Я закончила первый том мемуаров леди Тивертон и приступила ко второму, но я мало что помнила из того, что читала. Книги были привлекательными и хорошо написанными, полными как научных наблюдений, так и содержательных остроумных замечаний. Были даже фотографии, сделанные во время некоторых ее путешествий, но эти изображения всегда расплывались в торжествующем лице Кэролайн де Морган, когда она говорила нам, что ждет ребенка.

Скинув одеяла после плохого ночного сна, я вымылась и оделась, и была удивлена, обнаружив, что Стокер уже усердно работает в Бельведере, выдирая гнилые опилки изнутри своего лепного утконоса и декламирует стихи из «Кануна Святой Агнес». Он утверждал, что Китс написал стихотворение для каждого возможного настроения, и всякий раз, когда он прибегал к «Кануну Святой Агнесы», я знала, что он нуждался в энергичном развлечении. Он только что начал довольно дерзкий пассаж, когда я его прервала.

— Эта вещь определенно выглядит дикой, — заметила я.

— Не будет, когда я закончу, — мягко ответил он.

Я заметила последнюю копию TheDailyHarbinger, аккуратно сложенную в стороне. По ярким заголовкам я могу сказать, что Дж. Дж. Баттеруорт еще раз обошел своих соперников.

АНУБИС БРОДИТ ПО ЛОНДОНУ

Я не могла сдержать свое отвращение. — Как, черт возьми, Баттеруорт обнаружил это? — потребовала я ни от кого конкретно.

Стокер вынул из утконоса разбитые кусочки стеклянного глазного яблока и бросил их на пол. — Старый Бог был замечен около Стрэнда прошлой ночью.

Я подняла брови. — Стрэнд? Ты имеешь в виду возле отеля Садбери. Звучит так, как будто этот бог нанес им визит после того, как покинул нас.

— Не совсем в таком порядке, — поправил он. — Обрати внимание на время. Анубис был замечен в отеле почти в то же время, когда мы его видели. Есть два Анубиса. Можно ли назвать их Ануби?

— Это невозможно, — репрессивно указала я. — Он не может быть в

двух местах одновременно.

— Если он на самом деле не бог. Я полагаю, ты хотела обсудить эту возможность прошлой ночью.

Я вздохнула и отказалась попадаться на удочку. — Итак, у нас есть пара трикстеров, принимающих облик египетского бога и бегущих по городу. — Я задумчиво наклонила голову, обдумывая щедрый заголовок. — Я почти могу заподозрить самого Дж. Дж. Баттеруорта в том, что он приложил к этому руку, если бы не тот факт, что мы видели Анубиса собственными глазами.

Стокер остановился, обдумывая. — Он все еще может стоять за этим. Нет фотографий, только показания очевидцев, имена которых не указаны. Баттеруорт, возможно, выдумал все это, как отвлечение от того факта, что он на самом деле был здесь, играя в переодевание.

— Но с какой целью? Полагаю, бегать по городу под видом Анубиса, безусловно, способ повысить интерес к проклятию и продавать газеты.

— Вероятная мотивация для репортера, — сказал он, возвращаясь к своему утконосу. — История посещения Анубисом Лондона будет распространяться. Публика сойдет с ума, увидев сокровища, которые раскопали Тивертоны. Кроме того, я хотел бы отметить, что ты обидела Фигги Тивертон. Очевидно, она не запланировала свое появление здесь, чтобы проводить время со мной, — добавил он с торжествующей улыбкой.

Я сдалась неохотно. — Очень хорошо. Я полагаю, это было несколько... — я искала слово.

— Неспортивно, — снабдил меня словом Стокер. Наши глаза встретились, и на мгновение я почувствовала возгорание этого странного чего-то, что делало нас похожими, этого стремительного понимания, которое протекало между нами.

Я взяла газету и повернулась, чтобы прочитать под сгибом. Вид этих смелых черных букв охладил мой мозг. — Стокер, это чудовищно... — начала я.

— Это то, что мы ожидали. — В нем чувствовалось смирение, которое мне не понравилось.

— Они практически обвиняют тебя в убийстве Джона де Моргана, — рассерженно сказала я. — Разве это тебя не расстраивает?

Он пожал плечами. — Чего ради? У меня есть моя работа и мои друзья, хотя их мало. Остальной мир может думать, что ему нравится.

— Они не могут верить этой лжи, — вмешалась я. — Клевета! Самые зверские злодеяния, — начала я, загораясь своей темой.

Он склонил голову, на его губах играла легкая усталая улыбка.

— Что такого забавного? — потребовала я.

— Ты. Тебе никогда не приходило в голову задуматься, а есть ли у меня алиби на время исчезновения де Моргана? Знаешь, это не займет много времени. Несколько часов до Дувра, чтобы прикончить его, несколько часов, чтобы вернуться назад. Мы не всегда были с тобой вместе. Я мог бы сделать это. — Он говорил с небрежным шутливым видом, но под ним я почувствовала отчаяние и вопрос. Ты веришь в меня? — В конце концов, — продолжал он тем же безумно спокойным голосом, — я убил человека. Ты знаешь это, но ты не знаешь, как и почему. Возможно, я то, что они говорят. Было использовано слово «монстр». Откуда ты знаешь, что они не правы?

— Потому что мы одинаковы, — взорвалась я. — Ты не единственный из нас с окровавленными руками и смертью на твоей совести, — напомнила я ему, не пытаясь скрыть свой гнев. — Зачем тебе это делать? Почему ты должен проверять меня?

Туго сжатые мускулы его челюсти расслабились. — Я не думал проверять тебя.

— Да, ты проверял. Ты делаешь это каждый раз, когда оказываешься в опасности слишком положиться на меня, или ты не заметил? Ты так боишься зависеть от другой души, что сожжешь свой собственный дом, опасаясь, что кто-то другой сделает это. Ты настолько полон решимости поверить, что твои раны делают тебя менее человеческим, что ты считаешь себя монстром среди людей. И какая бы ни была связь между нами, что бы ни делало нас родственными натурами, ты не доверяешь этому. Потому что ты не доверяешь себе. Но я устала от игр, Стокер. И я устала от твоих незначительных скверных поступков, когда у меня на счету есть свои собственные злодеяния.

С этими словами я вернулась к своей работе и больше ничего не сказала, ожидая, когда он уйдет.

Он вернулся к своему утконосу, и я какое-то время соскребала свою маленькую gonerilla, позволяя чешуе упасть и обнажить кристаллическое крыло внизу. Это была трудоемкая, утомительная работа, и я обнаружила, что мой разум бродит, а руки остаются занятыми. Я перевернула все, что думала о прошлой ночи, тщательно обдумывая каждую теорию снова и снова. Стокер остался у своего утконоса, вытаскивая его кусочки, пока опилки не заполнили воздух, а пол был усеян неприятными кусочками меха и набивки. Зная, что он обдумывает наш следующий шаг, я позволила ему уничтожить утконоса, пока мы не остановились для легкого завтрака около 11 часов утра, и в этот момент он сделал перерыв в своей работе и встал

позади меня, вытирая самую ужасную грязь со своих рук и лица.

— Большинство людей не осознают, что именно чешуйки придают крылу бабочки ее цвет, — сказала я ему спокойным голосом. — Если вы снимете их, крыло чисто, как вода, а нити между ними выглядят как стеклянные окна. Возможно, мне стоит подготовить крыло или два для демонстрации.

— Вероника. — Он произнес мое имя тысячу раз, но никогда прежде оно не звучало как молитва. — Есть вещи, которые я должен тебе сказать.

Я сделала паузу в очистке крыла, не доверяя своим рукам, чувствуя, что они перестали быть достаточно устойчивым. — Я слушаю.

— Не знаю, с чего начать. И сейчас не время. — Он запустил свои грязные руки в волосы, припудрив темные пряди паутиной и пылью. — Мы должны поехать в Дувр.

Я посмотрела вверх, моргая. — Извини меня пожалуйста?

— Дувр. Это место, где де Морган исчез. Я убежден, что она говорит правду и что он ехал из Кале с ней. Это значит, что бы с ним ни случилось, это случилось в Дувре.

Она. Он никогда не называл ее имени. Я никогда не слышала, чтобы он произнес его, кроме бормотаний во сне и в том единственном случае, когда он простонал его, скользя губами по моей коже, его дыхание смешалось с моим. Даже сейчас он не мог произнести его.

Я улыбнулась одними губами. — Отличная идея. Очень разумно Я соберу сумку. Если мы сядем на поезд сразу после обеда, мы успеем к ужину.

Он открыл рот, словно ожидая, что я скажу что-то еще. Я бросила на него длинный, хладнокровно оценивающий взгляд. — Ты не можешь сесть на поезд, в таком виде. Они примут тебя за бродягу. Иди помойся.

Глава 12

Он ничего не сказал, пока мы благополучно не сели в поезд до Дувра, каждый из нас нес небольшую сумку. Джорджу мы оставили пару мелких монет, чтобы накормить Хаксли, и я написала записку лорду Роузморрану, чтобы он знал, что мы уедем на ночь. У меня сложилось смутное впечатление, что мы ищем пополнения к его коллекции, и вряд ли его светлость сочтет иначе. Он никогда не читал *The Daily Harbinger*. Леди Велли читала, и это вызвало цепную реакцию мыслей, которые мне не очень нравились.

— Как ты думаешь, возможно ли, что это леди Велли дает информацию в газету? — спросила я, когда дымоходы Лондона уступили место палисадникам пригородных вилл.

Стокер пожал плечами. — Возможно. Но так же, как и все остальные, с кем мы говорили об этом деле. Сэр Хьюго, Морнадей, Тивертоны, Стили, Маршвуд, Жюльен. Любой из них мог бы рассказать эту историю.

— С какой целью? — потребовала я. Он сделал жест, как будто отбрасывая вопрос, затем, казалось, задумался.

— Как мы уже отмечали, Тивертонам могут не нравиться все эти истории, но они стимулируют посещаемость их выставок и увеличивают спрос на предметы старины. У сэра Хьюго и Морнадея есть свои собственные подлые политические игры с Особым Отделом, и мотивы леди Велли известны только ей. Она смутит змея в Эдеме.

— Действительно, — согласилась. — Что насчет Стилов?

Он пожал плечами. — Они могли бы решить, что обнародование этой истории как-то дискредитирует Тивертонов и бросит тень на их грандиозную выставку. Жюльен мог бы сделать это исключительно ради денег. Маршвуд бы снова увидел меня облитого смолой и вываленного в перьях судом общественного мнения.

— Конечно, ты не подозреваешь Жюльена, — запротестовала я.

Его улыбка была слабой, но настоящей. — Нет. Я включаю его только ради тщательности анализа.

— Кроме того, — продолжала я, — это может быть причиной говорить с репортером, но ни одна из них не настолько веская, чтобы служить мотивом убить Джона де Моргана.

— Нет, только у меня был мотив, — сказал он, затем поспешно поднял руку. — Я не впадаю в жалость к себе. Я просто отмечаю это с целью

аргументации.

— Хорошо, я протянула руку к карманному блокноту, который он всегда носил с собой. — Теперь давай повторим все логически с самого начала.

...

Из-за капризов зимнего путешествия по сельской местности — снег на линии, заблудшая корова — мы прибыли к месту назначения вечером. Мы заполнили страницы в его блокноте нашими догадками, но ничего не подходило. Кто был нашей преследовательницей, и почему она следила за нами? Кто играл роль Анубиса — как в Бишоп-Филли, так и за пределами Садбери — и это было просто, чтобы вызвать волнение, или он имел в виду более зловещую цель? В конце я выбросила блокнот из окна в момент досады, действие, которое я искупила, купив замену на станции по прибытии — плохую замену, отметил Стокер с некоторой степенью травмы.

Я проигнорировала его и пошла к ближайшему носильщику, чтобы узнать, где находится гостиница «Виктория». Это было несколько шагов вниз по узкой улице, невзрачный дом на невзрачной улице, закрытый неясными очертаниями замка Дувр.

Только скромный знак, размещенный на фронте, обозначал его статус ночлега. ВИКТОРИЯ ОТЕЛЬ. СОБСТВЕННОСТЬ Г-ЖИ. Р. Д. ГИДДОНС. Стокер и я стояли на тротуаре, осматривая окрестности. — Это не мой первый выбор, если б я был сэром Лестером Тивертоном, — заметил он.

— Конечно, это не сравнится с Садбери элегантностью, — согласилась я.

Резкий стук вызвал звук шагающих шагов, и дверь была отброшена худой горничной с узким и бледным лицом.

— Нам нужны комнаты, — начал Стокер.

— Комната, — быстро поправила я, наступая на его ногу. — Мы с мужем очень устали от нашего путешествия.

Девушка пожала плечами и отступила назад, чтобы позволить нам войти, неопределенно указывая на переднюю гостиную. — Подождите здесь, пожалуйста. Я позову миссис Гиддонс.

Мы прошли в гостиную, и горничная покачала головой, закрыв за собой дверь. Комната была напичкана неудобной мебелью, которую люди покупают из экономии, и получают слишком мало удовольствия, когда пользуются ею. Множество безличных акварелей висели на стенах, и каждый угол был заполнен либо аспидистрой, либо неухоженным фиговым деревом. — Не стой на месте слишком долго, — сказала я ему

услужливо. — Хозяйка дома может накинуть на тебя салфеточку.

Он фыркнул, но ничего не сказал, глядя на книжный шкаф, полный пыльных проповедей. Маленькая медная стойка на каминной полке была заполнена карточками владелицы, и я свободно достала одну, проверяя ее качество. Бумага была довольно тонкой, а чернила немного ей уступали. Имя владелицы, Ребекка Ф. Гиддонс, было предвосхищено почетной «миссис», но я подозревала, что из-за отсутствия имени мужчины где-либо, она использовала как вежливый титул. Большинство кухарок делали это для того, чтобы сохранить власть над своими сотрудниками, поскольку одинокая женщина имела небольшой престиж, и казалось, что отельерам также мешает одинокое семейное положение. Это безумие, что женщине, занимающейся самосостоятельным бизнесом, пришлось прибегать к таким уловкам, но я ее не винила.

— Я прошу прощения, если застала тебя врасплох просьбой о предоставлении одной комнаты, — начала я. — Регистрация в качестве супружеской пары это единственный способ избежать появления комментариев.

Он бросил на меня озабоченный взгляд. — Что? О, хорошо придумано. Лучше не использовать наши настоящие имена.

— Я запомню, — сказала я сухо. Мы остались одни только на мгновение, прежде чем дверь открылась, и вошла женщина. На ней было жесткое платье из черного бомбазина, смутная улыбка. Ее волосы, которые когда-то, без сомнения, были ярко-рыжими, немного поблекли, и первые морщины запечатлелось в углах пары бдительных лисьих карих глаз. Горничная послушно семенила сзади, ожидая инструкций.

— Добрый вечер, — сказала она. — Прошу прощения за задержку. Я миссис Гиддонс, владелица отеля. Я понимаю, вы хотите комнату на ночь?

— Пожалуйста, — сказал Стокер, взяв на себя инициативу.

— Конечно. Ужин включен в цену и будет подаваться здесь, в гостиной, — сказала ему миссис Гиддонс. Она подошла к столу, покрытому накрахмаленной тканью, и открыла ящик. Затем она протянула ручку Стокеру. — Ваша подпись, сэр?

Стокер взял ручку и лениво нацарапал на странице. Владелица посмотрела на него. — Лорд и леди Темплтон-Вейн, — прочитала она, ее позвоночник немного напрягся при названии. — Действительно, это честь, — пробормотала она. Она выпрямилась и повернулась к девушке, чьи глаза были очень широко раскрыты. — Отнеси сумку его светлости и ее светлости в китайскую комнату. — Она повернулась к нам. — Наше самое большое и самое удобное помещение, — сказала она с царственным

кивком головы. Что-то в ее манере показалось мне неискренним. Оттенок издевательства в голосе, возможно? Стокер и я, конечно, не походили на пару аристократов. Несомненно, мы выглядели в точности, кем мы были: не состоящая в браке пара, склонная к какой-то незаконной деятельности. Как владелица узнала, что мы склонны убивать, а не блудить?

Девушка выбежала с нашими сумками, и миссис Гиддонс повернулась к нам. — Если вам удобно, ужин будет подан в ближайшее время. — Она вышла из гостиной, оставив нас наедине с аспидистрами, их головы были согнуты в разговоре листьев.

— Это место вызывает у меня холодную дрожь, — категорически сказал Стокер.

— Я знаю. Было ли мудро с твоей стороны назвать имя твоего брата? — спросила я.

Он пожал плечами. — Тибериусу всегда нравится играть роль в интригах, независимо от того, насколько они маленькие. — Я была удивлена. Он редко говорил о своих братьях, и Тиберус в роли главы семьи был Темплтон-Вейн, который больше всего раздражал Стокера.

— Кроме того, — добавил он с улыбкой, — у нас почти нет багажа, а у тебя нет горничной. Я вполне уверен, что наша хозяйка уже подозревает о нас худшее.

Через несколько минут вошла худая горничная, чтобы разжечь огонь и накрыть стол. Мы уселись и пережили череду мрачных блюд: неопознанная рыба, несъедобное рагу и курицанастолько старая, что была бы интересна только ученым древней истории.

— У меня в сумке есть яблоки, — пробормотала я Стокеру, когда перед нами было поставлено особенно мерзкое блюдо с репой в сливках.

Он подождал, пока горничная снова не выбежала, чтобы ответить. — Я поступил лучше — я купил копченых устриц и петуха.

Я подняла тост за его изобретательность — вино было на удивление хорошим, хотя оно явно было разбавлено — и после того, как мы попробовали высохшие остатки мерзкого рисового пудинга, миссис Гиддонс, спросила насчет ужина.

— Вам все понравилось? — спросила она, обеспокоенно нахмутив брови.

— Совершенно удовлетворительно, — соврал Стокер.

— Вы скорее добры, чем честны, милорд. — Внезапная улыбка осветила ее лицо. — Мне жаль говорить, что мы потеряли нашу кухарку, и еда была скудной. Это совсем не наше лучшее обслуживание, — сказала она, ее голос заглох. Она показала бутылку. — Но я принесла специальное

угощение в качестве компенсации — мое домашнее вино из репы!

Я с тоской смотрела на остатки французского бордо, которое я только что закончила.

— Вино из репы? — спросил Стокер слабым голосом.

— Да, да. — Миссис Гиддонс подошла к шкафу и достала два тонких хрустальных бокала. — Мое самое лучшее, — сказала она несколько застенчиво. Она открыла темно-зеленую бутылку и вылила мутную жидкость, передавая каждому из нас стакан, наполненный до краев. Аромат был растительным, и я сопротивлялся желанию сморщить нос. — Вы должны сказать мне, что вы думаете, — сказала она, выжидающе поворачиваясь к Стокеру.

Я немного отошла в сторону, якобы, чтобы изучить отпечаток замка Дувра, висящего на стене.

Позади себя я услышала, как Стокер глубоко фыркнул и затем глотком опустошил свой стакан. Миссис Гиддонс слегка вздохнула от восторга. — О, мне нравится видеть, как джентльмен наслаждается хорошим вином, — сказала она, ее голос внезапно стал девичьим. — Еще бокал, мойлорд?

— Я действительно не должен, — ответил Стокер, задыхаясь лишь немного.

— Чепуха! Джентльмен вашего роста может выпить намного больше, — сказала она ему. Пока она играла в кокетку, наливая еще один полный бокал и подробно объясняя процесс брожения, я воспользовался возможностью опрокинуть свой стакан в ближайший аспидистр.

— О, моя леди, — сказала она, внезапно увидев мой пустой кубок, — я вам налью еще бокал.

Я сунула бокал за спину. — Боюсь, что не смогу, миссис Гиддонс.

Она пристально посмотрела на меня, и внезапно обиделась. «Ну, я только хотела быть дружелюбной, уверяю вас, — сказала она. — Я пошлю Дейзи, чтобы показать вам вашу комнату. — Она вышла, взяв свою мерзкую смесь с собой, но не раньше, чем пристально посмотрела на Стокера, и он выпил свой второй стакан, чтобы успокоить ее.

— Я думаю, что ты ранила ее чувства, — сказал он.

— Лучше ее чувства, чем мое пищеварение, — заметила я. — Ты будешь сожалеть о том, что выпил это. — В этот момент появилась Дейзи и повела нас вверх по лестнице в китайскую комнату, оставив после того, как Стокер положил монету ей в ладонь.

Комната была оклеена бледно-зелеными обоями, мебель из светлого бамбука и железная кровать. Несколько ротопринтов смутно восточного стиля и кусочек дешевого фарфора в форме пагоды были уступками

названию.

— Это не могла быть комната Джона де Моргана, — тихо сказала я. — По словам сэра Хьюго, ему дали заднюю комнату, и она была оклеена обоями с незабудками и с зеленым ковром. Должно быть, это была комната Кэралайн.

— Без сомнения, — сказал он, роясь в сумке для продуктов.

— Разве ты не хочешь начать расследование? — потребовала я.

— Пока нет, — сказал он, спокойно отрывая ногу от жареного каплуна. — Нет смысла ползать в темноте, пока не уснули владелица и эта печальная маленькая горничная.

Я расстроилась из-за задержки, но он был прав. Он протянул ногу петуха, и я взяла ее, благодарная за еду. Мы разделили птицу и выбросили кости в окно. Я поняла, что там был узкий двор с несколькими надворными постройками — уборная и другие необходимые удобства. Низкий забор отделял двор от соседского, и я могла видеть, как там продолжалась стирка, несмотря на поздний час. В темноте одежда сверкала, как призрак, и я невольно вздрогнула, обернувшись, когда Стокер очистил яблоки, срезав кожу одной единственной сочной красной полоской, которая также вылетела из окна. Мы закончили твердым печеньем и хорошим глотком *aguardiente*, этого крепкого южноамериканского ликера, из моей фляги. Пока мы ели, мы ждали, прислушиваясь к звукам семьи, устраивающейся на ночь. Они рано удалились, закрыв ставни и заперев двери хотя еще не было и десяти часов.

— Провинциальные часы, — заметила я. Стокер кивнул, и мы подождали еще час, прежде чем осмелились выйти из нашей комнаты. Мы двигались на чулках по изношенному ковру, пока не достигли двери задней спальни. Я вытащила из волос булавку, но прежде чем я смогла ее применить, Стокер протянул руку и повернул ручку. Она легко поддалась, и он пожал плечами. Мы проскользнули внутрь и закрыли за собой дверь, тяжело дыша.

Драпировки были плотно закрыты, не пропуская лунного света, и потребовалось несколько минут, чтобы наши глаза достаточно приспособились. Стокер смог достать коробок со спичками и зажечь одну. Пламя ожило, крошечное в плотной темноте этой комнаты, но долгожданное зрелище. Он поднес огонек к лампе на каминной полке, и я поспешила положить подушку через порог, прикрывая свет от любого, кто мог бы рискнуть подняться наверх.

Закончив наши приготовления, мы обследовали комнату. Она была похожа на любое другое жилье в любом другом отеле третьего класса:

безличное и неизменное, ожидающее своего следующего обитателя. Тысячи путешественников могли приходить и уходить, но они никогда не оставят следов в этом месте. Это не было домом никому.

Я осмотрела содержимое ночного столика, но в тонком бамбуке было только немного религиозной литературы и немного рассыпанной пудры для лица из дамской пудреницы.

Стокер посмотрел на книжную полку, сообщив, что там ничего не было, хотя он тщательно встряхивал каждую книгу и просматривал страницы. Вместе мы прошли через шкаф для одежды и умывальник, ища скрытые отсеки и обыскивая ящики, пока, наконец, не откинулись на спинку кресла, потерпев поражение.

— У истории Кэрлайн нет никаких доказательств, — сказала я тихим шепотом. — Ничто не указывает на то, что Джон де Морган когда-либо был здесь.

— Чего ты ожидала? — спросил Стокер. — Полиция тщательно обыскала это место и ничего не нашла.

— Небеса свидетели, мы лучшие наблюдатели, чем полиция, — ответила я. — Мы ученые, обученные искусству наблюдения, — напомнила я ему. — Так что же мы здесь наблюдаем?

Он вздохнул, явно устав от усилий. Но он собрал свою решимость и все равно ответил. — Комната вписывается в остальную часть отеля, дешевая мебель, купленная в наборе, — сказал он, медленно отступая, оглядываясь по сторонам. — За исключением того, что по стилю эта комната не сочетается, не так ли? — Он встал и перешел от одного предмета мебели к другому. — Комод для белья выполнен из красного дерева, немецкого стиля, а ночной столик — хрупкий бамбук. Стул — полосатый желтый бархат с нечетким восточным узором, явно из китайской комнаты, но покрывало и обои голубого цвета. Эта комната обставлена не так, как другие, это невероятная мешанина стиля и цвета, как будто ...

— Как будто они обставили ее в спешке, забирая мебель из других комнат, — закончила я.

Мы стояли в тишине, каждый из нас пристально следил за окружающей обстановкой. Почти не осознавая, что я делаю, я подошла к углу, где край обоев не совсем приклеился. Я нащупала его ногтем, оторвав от угла. За синими обоями была еще одна бумага, темно-зеленая с крупными розами. — Именно те обои, которые как говорил сэр Хьюго, описала Кэрлайн де Морган, — сказала я.

Стокер внимательно осмотрел их, вытаскивая больше бумаги. После долгого момента он уселся на корточки. — Тогда она говорила правду.

Джон был здесь. И он исчез.

— Ты этого не знаешь. Мы можем только сказать наверняка, что Кэролайн видела эти обои в какой-то момент. Она пошла в комнату Джона. Она могла увидеть их, пока сидела с ним. — Но даже когда я произнесла эти слова, я знала, что они смешны. Стокер был прав: Кэролайн де Морган приехала в этот отель со своим мужем, и он исчез, все следы его присутствия скрывались в стенах в этой комнате.

— Эта комната угнетает, — я встала на ноги. — Я не могу дышать здесь.

Стокер вынул из кармана пачку бумаги и достал леденцы. Он сосал их несколько минут, затем достал один и потер обнажившиеся обои. Затем придавил новую бумагу, склеив, как мог, чтобы скрыть наш вандализм. — Нет смысла пачкать наши руки, — мрачно сказал он. — Мы вернемся в Лондон завтра и скажем им, чтобы они вернулись и обыскали снова.

У меня не было такого намерения. Начать с того, что сэра Хьюго будет трудно убедить, учитывая, что Маршвуд пригрозил судебным иском. И у меня было мало надежд на то, что Морнадей окажется более податливым. Но это был аргумент для другого раза, подумала я в счастливом ожидании.

Мы удалились в нашу комнату, ни один из нас не раздевался. Мы даже оставили ботинки, аккуратно устроившись на покрывале, ожидая утра. Мы и раньше делили кровать, поэтому для нас в этом не было ничего нового, но я остро ощущала его рядом в ту ночь, лежащего в нескольких дюймах в темноте. Прошло много времени, прежде чем я уснула; я крепко спала и мне снилось, что я бродила в темном лесу. Я гналась за чем-то среди деревьев, когда в воздухе появилась фигура в белом. Лунный свет сиял на ее золотых волосах, и я поняла, что это была Кэролайн де Морган, показываясь и скрываясь за деревом, поощряющая меня преследовать ее, смеясь каждый раз, когда я спотыкалась. Мои руки были кровавыми от падения, а лицо было поцарапано шипами, и я едва могла дышать, но я бежала. У меня была рана на боку, и я остановилась, положив руку на дерево для равновесия. Внезапно верхушка дерева загорелась, и когда я с ужасом огляделась, я увидела, что весь лес горит.

Я резко проснулась, кашляя и хватая ртом воздух. Я глубоко вздохнула, но облегчения не было, только удушье, удушающий дым, и я открыла глаза, чтобы увидеть, что комната переполнена дымом. — Стокер! — Я сильно толкнула его, но он не двигался, вероятно, лежа ближе к двери, он вдохнул больше копоти, чем я. Я положила руки и ноги на спину и столкнула его с кровати. Он тяжело приземлился на пол, но издал только приглушенный стон. Я подняла его веки, но его глаза снова закрылись, и он не ответил.

Хотя он дышал нормально, я поняла, что проблема не в удушающих облаках дыма. Он был накачан наркотиками.

Я порылась в его карманах в поисках одного из его огромных алых носовых платков и отнеса его к умывальнику, намочила и отжала, прежде чем завязать Стокеру рот и нос. Я поправила собственный влажный носовой платок на лице и оценила нашу ситуацию.

Я подошла к окну, но из комнаты шел короткий каменный лестничный пролет. Даже если бы я могла донести Стокера к окну, я ничего не могла бы сделать, кроме как столкнуть его; он несомненно сломал бы спину на одной из каменных ступеней. Я также не могла выбраться и оставить его, пойдя за помощью; огонь, несомненно, будет двигаться слишком быстро для этого. Оставалось сделать только одну вещь.

Вы удивитесь, как я — женщина маленького роста и стройного телосложения — сумела спасти в горящем здании человека такого огромного размера как Стокер?

Читатель, я его вынесла.

Глава 13

Со всей силой, которой я обладала, я втащила Стокера к себе на спину, позволив его ногам волочиться сзади, пока мы спускались по лестнице. Я не видела никого, не слышала тревогу, но я не приложила усилий, чтобы увидеть миссис Гиддонс. Женщина могла быть сожжена до пепла, меня это не волновало. Я не сомневалась, что источником недомогания Стокера было что-то, добавленное в вино из репы. Только мое отвращение к вину спасло меня от той же участи — бессознательности и забвения, когда вокруг нас бушевал огонь.

Входная дверь была открыта, без сомнения, чтобы облегчить исход миссис Гиддонс, но я повернулась и пошла в противоположном направлении. Комната была полностью охвачена огнем, и дым застрял в моих глазах; когда разгорелся пожар, горячие языки пламени хлестали по ногам Стокера. С последним усилием я добралась до задней части дома и открыла дверь, глубоко глотая холодный воздух. Внезапная вспышка разожгла огонь, посылая искры в небо, когда я тащила Стокера по коротким каменным ступеням и через двор. Это заняло мгновение, чтобы открыть дверь прачечной и уложить его там. Я сдернула носовой платок с его лица и сорвала свой собственный, сделав несколько глубоких, дрожащих вдохов, прежде чем выползла, обогнув сторону дома, стараясь держаться в тени. Теперь я могла слышать колокола, вызывающие пожарную бригаду, и в адском свечении я могла видеть миссис Гиддонс и Дейзи, свернувшихся калачиком на асфальте среди утешительной толпы соседей.

Появилась пожарная команда с кожаными ведрами в руках, подводящая шланги и отгоняющая зрителей. Я слышала, как их начальник спрашивал миссис Гиддонс, все ли спаслись. Она покачала головой. — Нет. У меня два гостя, в китайской спальне. Я старалась изо всех сил, чтобы разбудить их, но они, должно быть, уже были побеждены дымом. — Она замолчала, прижимая руки ко рту и производя очень убедительное впечатление несчастной женщины.

Мои подозрения подтвердились, я проскользнула назад, как и пришла.

На это потребовалось немало усилий и несколько довольно неприятных методов, но Стокер в конечном итоге очнулся — Что, черт возьми, за запах? — спросил он хриплым голосом.

— Сгоревшие волосы, — сказала я ему.

— Почему ты сожгла свои волосы?

— Я не сожгла. — Я объяснила так кратко, как могла. Закончив, я уселась рядом с дырой в стене прачечной, следя за происходящим, когда Стокер снова погрузился в сон. Теперь, когда я убедилась, что он не пострадал от снотворного, простейшим способом было дать ему уснуть. Я, конечно, не могла нести его дальше, и попытка сделать это только привлекла бы нежелательное внимание. Намного лучше оставаться там, где мы были, надежно спрятавшись в месте, в которое никто не подумает заглянуть, и ускользнуть утром. Со временем пожарная команда завершила свою работу, сохранив постройку, хотя внутреннее пространство было сожжено дотла.

Члены бригады и соседи некоторое время бродили, но в конечном итоге холод загнал их внутрь, и все стало тихо. Я занималась осмотром прачечной. Я уселась на что-то остро заостренное и после осторожного осмотра обнаружил виновника — осколок керамики. Это была терракота, отмеченная любопытным нарисованным символом в охре. Тщательная охота дала единственную серебряную блеску и крошечный кусочек какого-то материала, который я не могла определить, но ослепительно голубого цвета с сильным блеском. Я положила в карман маленькую коллекцию и снова уселся на плотный земляной пол. Это была бы неудобная ночь, но ни в коем случае не самая худшая, что я знала.

Мы оставили свои пальто в доме, но благодаря тому, что прижались друг к другу, сохранили достаточно тепла, чтобы провести ночь в разумном комфорте. Было только семь утра, когда Стокер поднялся, протер глаза и приложил руку к своей несомненной ноющей голове.

— Что во имя чертового Иисуса произошло?

— Что ты помнишь? — спросила я, поправляя волосы в некотором подобии порядка и расправляя погубленную одежду.

— Очень мало. Мне показалось, что я увидел огонь, и у меня было странное ощущение, что меня несут.

— Так и было. Прошу прощения, что говорю это, ты был одурманен, без сомнения, этим мерзким вином. Потом наша хозяйка, похоже, подожгла отель, намереваясь полностью нас поджарить в наших кроватях.

Тогда Стокер выругался, что-то совершенно скверное, и я знала, что он был на пути к выздоровлению.

— Как ты себя чувствуешь? — спросила я.

— Достаточно хорошо, чтобы убраться отсюда и вернуться в Лондон, — сказал он с некоторым чувством. Он оглянулся вокруг, осматривая наше окружение. — Не то, чтобы я был полностью уверен в том, откуда, — помедлил он. Как только он смог встать, я использовала

наши влажные носовые платки, чтобы стереть с лица сажу, и мы выскользнули из прачечной.

— Удобная прачечная во дворе гостиницы «Виктории», — сообщил я ему. — Я подумала, что лучше всего дать тебе поспать, чтобы избавиться от действия препарата, а у нас нет пальто. Прачечная была самым теплым решением, которое я могла придумать.

— Или полицейский участок? — предложил он. — Не исключено, что мы могли бы сообщить властям об убийственных склонностях миссис Гиддонс, Вероника.

— Вне всякого сомнения, — сказала я живо. — Пусть она беспокоится, когда пожарная бригада не найдет пару красиво хрустящих трупов.

— Но...

Я подняла руку. — Стокер, ты не в том состоянии, чтобы спорить. Теперь я почти не сомневаюсь, что мы могли бы убедить полицию Дувра поверить нам, но какой ценой? Мы неженатая пара, маскирующаяся под лорда и его жену, без сомнения, склонная к дурным замыслам. По крайней мере, это то, что они подумают. И это лучшее из того, что они могут предположить о нас. Не забывай, что ты замешан в возможном убийстве человека, который исчез из той самой гостиницы, где мы остановились. Тебе это не кажется ни капельки подозрительным?

Он бросил на меня несчастный взгляд. — Ну, если ты так считаешь...

— Я так считаю. — Я поднялась и протянула руку. — Теперь, давай уйдем.

Мы прибыли на вокзал как раз в тот момент, когда первый поезд готовился отходить. Если наша измятые наряды и отсутствие соответствующей верхней одежды вызывали вопросы, никто не был настолько груб, чтобы прямо озвучивать их. Через несколько часов мы вернулись в Лондон и расположились в Бельведере, вымылись, оделись и уничтожили самый огромный завтрак, который могла приготовить кухарка. Опасности, через которые мы прошли, добавили изюминки в нашу еду. Были ли когда-нибудь яйца такими свежими, тосты такими хрустящими, ветчина такой сладкой?

Я только что закончила накладывать себе вторую тарелку. Стокер остановился на третьей, его аппетит ничуть не пострадал от сурового испытания — когда появился Джордж, неся последний выпуск TheDailyHarbinger под мышкой.

— Доброе утро, мисс, мистер Стокер, — сказал он, предлагая газету взамен куска бекона. Я повернулась к газете, готовясь к худшему.

Несомненно, Дж. Дж. Баттеруорт украсил рассказы о проступках Стокера до вопиющих новых глубин.

Джордж взял второй кусок бекона, разорвав его на кусочки для собак. — Мне было жаль услышать о вашем брате, сэр, — сказал он Стокеру.

Стокер оторвал взгляд от своих яиц. — Что насчет него? И какой брат?

— О, — сказала я слабо. Я повернула газету так, чтобы заголовок оказался перед Стокером.

ПОЖАР В ДУВРЕ. ВИКОНТ НАЙДЕН МЕРТВЫМ
С ЛЮБОВНИЦЕЙ

— Черт побери, черт побери, — сказал он, уронив вилку.

— Точно, — ответила я.

...

Тот факт, что Тибериус, виконт Темплтон-Вейн, ждал конца завтрака, чтобы нанести визит, свидетельствовал о его вежливости. Он не стал объявлять себя у главной двери Бишоп-Фолли, но направился прямо к Бельведеру и вошел без стука. Он был, как всегда, красиво одет — изящество элегантного пошива, которого никогда не достичь Стокеру. Они были одинакового роста и телосложения — хотя его светлость был на несколько лет старше — и их черты были сильно заложены природой в ту же форму. Поскольку они были сводными братьями, их расцветка менялась. Волосы Стокера были черными, какими могут быть только у сына истинного валлийца, и его глаза ярко голубыми. На первый взгляд его светлость было несколько менее захватывающим мужчиной, с каштановыми волосами и карими глазами. Но требовался лишь беглый второй взгляд, чтобы оценить шелковистую волну его локонов и озорной блеск в глубинах этих дымчато-темных глаз.

Озорство этим утром не было заметно. Вместо этого лицо виконта носило выражение почти неумолимой ярости, приглушенное до тонко заточенного холода, идеально отрегулированным под ситуацию.

— Мисс Спидвелл, Ревелстоук, — приветствовал он нас. Он не снимал ни своих перчаток, ни своей шляпы — явное указание на то, что он имел в виду визит самого формального сорта.

— Мой лорд, — сказала я, поднимаясь от еды, которую мы только что закончили. — Боюсь, вы застали нас за поздним завтраком. Могу я предложить вам чаю?

Он поднял руку. — Мне ничего не нужно, моя дорогая мисс Спидвелл, кроме объяснений. — Его взгляд упал на газету на столе. С тонкой холодной улыбкой он уселся на верблюжье седло, которое мы держали для

посетителей, и выжидательно перевел взгляд с своего брата.

Стокер вздохнул. — Я виноват, — начал он.

— Я не сомневаюсь в этом, — ответил виконт.

Я шагнула вперед. — Послушайте. Это не совсем верно. Я так же вовлечена в это расследование, как и ты.

— Ах! — Его светлость поднял бровь в идеально заостренную готическую арку. — Одно из твоих маленьких расследований. Я мог бы догадаться.

— Мы проводили расследование в Дувре, и возникла необходимость поселиться в отель. Естественно, мы не могли использовать свои собственные имена, — сказала я ему. — Подумайте о скандале, если б мы зарегистрировались как незамужняя пара.

Его светлость открыл рот, но теперь пришла моя очередь его отрезать. — Я даю вам слово, что ничего не произошло, кроме владелицы, пытающейся нас убить.

Его красивый рот расслабился в искреннем удивлении. — Это правда? Ваши жизни были в опасности?

— Да, — тихо сказал Стокер. — Я бы сгорел дотла, если бы Вероника не проснулась.

Брови виконта снова поползли вверх. — На самом деле?

Я вздохнула. — Мы жили в одной комнате, но я могу заверить вас, что никто не поставил под угрозу вашу честь.

Выражение его лица стало насмешливым. — Должен ли я требовать, чтобы вы сделали моего брата честным человеком?

— Для этого нет повода, — пообещала я ему. — Он во всех отношениях был идеальным джентльменом.

Медленная улыбка распространилась по чертам виконта, когда его глаза встретились с моими. — Я всегда говорил, что он дурак, — тихо сказал он.

Я улыбнулась, и Стокер прочистил горло. — Извини, что указал на это, но я думал, что ты здесь, чтобы нас ругать. Если ты хочешь разглагольствовать, сделай это и убирайся. У меня есть дела.

Виконт задержал свой взгляд на мне еще на мгновение, затем посмотрел — казалось, неохотно — на своего брата. — Очень хорошо. Я светский человек, Ревелстоук. Ваше маленькое приключение вряд ли навредит моей репутации. Я рад, что ты избежал вреда. Как ты избежал вреда? — спросил он.

Стокер покраснел немного. — Мисс Спидвелл вынесла меня.

Рот его светлости дернулся, но он покачал головой. — Нет, я не буду

смеяться над этим. Но я клянусь, я буду наслаждаться этой мыслью до конца своей жизни. — Он повернулся ко мне. — Я поздравляю вас, мисс Спидвелл, с вашим присутствием духа и вашим хладнокровием в кризисной ситуации.

Я приняла комплимент изящным наклоном головы.

— Ради бога, — пробормотал Стокер.

Виконт перевел взгляд со Стокера на меня. — Я думаю, что, поскольку вы взяли мое имя, я, по крайней мере, мог бы знать, чем вы там занимались. — Я не видела смысла в уклончивости, поэтому указала на газету.

— История Тивертона. Исчезновение Джона де Моргана.

Он задумчиво поднял брови. — На самом деле? Я должен был думать, что ты будешь первым в списке возможных подозреваемых, Ревелстоук.

— Спасибо за вотум доверия, — ответил Стокер с таким же высокомерием.

— Хотя, — продолжил его светлость, — я бы ожидал гораздо меньшего количества театральных витрин, если бы ты был вовлечен. Хорошее чистое избиение или нож в горло. Это было бы гораздо больше в твоём стиле.

Стокер закатил глаза к небу, но отказался попадать на удочку. Я повернулась к виконту. — Вы знаете Тивертонов?

— Я не имел сомнительного удовольствия знакомства с ними.

— Сомнительного?

Он пожал плечами. — Сэр Лестер — возбудимая маленькая обезьяна, хотя я слышал, что его вторая жена не вызывает сомнений, а его первая жена была абсолютным образцом.

— От кого ты это слышал?

— От одного из ее самых преданных поклонников, Горация Стила, — сообщил он.

— Ты знаешь Горация Стила? — потребовал Стокер.

— Дорогой мой, у меня есть общественная жизнь, и она иногда включает дружбу с американцами. Я считаю себя достаточно эксцентричным для этого. Мы разделяем интерес к искусству и иногда скрещиваем мечи в аукционных домах. У нас случайное знакомство, не более того.

— Что ты можешь рассказать нам о нем?

Виконт задумчиво погладил себя по подбородку. — Он переиграл меня на аукционе в торгах за очаровательного маленького Фрагонара. Я никогда не простил его, хотя мы иногда встречаемся за ужином. Он дьявольски

проницателен. Как ни странно, он также ужасно романтичен, сентиментален, и ты знаешь, у меня нет времени на такие вещи.

— Вы так равнодушны, никаких сентиментов? — спросила я.

— Сентименты для детей, а Гораций Стил — не что иное, как взрослый ребенок, когда дело касается сердца.

— И тебе, конечно, совершенно не хватает такого органа, — гадко сказал Стокер.

Виконт прищелкнул языком. — Если это должно быть оскорблением, тебе придется стараться изо всех сил, мой дорогой друг. Я горжусь своей беспристрастностью, исключая случаи, когда это мешает моим интересам, — добавил он со значительным взглядом на меня. — Но если ты спрашиваешь о его характере, я считаю его заслуживающим доверия. Раз или два он уступил мне статуэтку, которую, как он знал, я особенно хотел, хотя мог бы сделать ставку сам.

— Ты не думаешь, что он коварный и хитрый?

— Не более, чем любой другой успешный человек и, вероятно, намного менее удачливые тоже.

Его светлость плавно поднялся. — Ну, я убедился, что вы оба здоровы. Я пошлю телеграмму в полицию Дувра, сообщу им, что я жив, чувствую себя хорошо в Лондоне и совершенно не понимаю, кто мог выдать себя за меня.

Стокер неохотно кивнул. — Спасибо, Тибериус. Это необычайно порядочно с твоей стороны.

Виконт склонился над моей рукой. — Я необычайно порядочный человек. — Он встал и наклонился к моему уху, его губы почти касались моей кожи. — Хотя мне бы хотелось больше, чем когда-либо, быть с вами непорядочным, моя дорогая мисс Спидвелл, — пробормотал он достаточно громко, чтобы я услышала. Прежде чем я успела ответить, он отступил и повысил голос. — Как ваши маленькие *lunas fairing*?

— Очень хорошо. Они должны вылупиться из коконов в любой день. Вы хотите, чтобы я дала вам знать, когда они откроются? В конце концов, вы должны увидеть, как они летают.

— Я был бы рад.

Он повернулся, чтобы уйти, затем остановился и повернул назад как бы с запоздалой мыслью. — О, и хотя я сожалею о привычке вести счет среди своих друзей и родственников, я думаю, что будет лучше, если вы оба запомните, насколько я был любезен в данных обстоятельствах.

Стокер посмотрел на него зловещим взглядом. — В смысле?

Виконт улыбнулся, обнажая крепкие белые зубы в волчьей улыбке. —

Это значит, что на днях у меня могут возникнуть обстоятельства, требующие вашего присутствия. Я ожидаю, что смогу рассчитывать на эту услугу. Стокер открыл рот — без сомнения, чтобы сказать что-то очень грубое — но я опередила его.

— Мы будем в вашем распоряжении, мой лорд.

— Я рассчитываю на это, мисс Спидвелл.

...

— С какой стати ты обещала, что мы поможем ему? — потребовал Стокер, когда-то ушел.

Я пожалала плечами. — Он мне нравится.

Стокер пристально посмотрел на меня. — Конечно, нравится. Он красивый, обаятельный и лорд.

— Это наименее интересные его качества. Его светлость также сложен и непредсказуем, с некоторыми очень интригующими увлечениями.

— Я сдаюсь, — сказал мне Стокер.

После этого мы занялись работой, и Стокер добился хороших результатов со своим утконосом, а моя gonerilla наконец раскрылась во всей ее изящной наготе. Мы только закончили, когда вышло дневное издание газеты. Я не была удивлена, обнаружив, что мой мир снова перевернут заголовком. Это стало настолько распространенным явлением, что я была бы шокирована, если бы Дж. Дж. Баттеруорт не нашел что-нибудь еще, о чем можно написать.

ПРОКЛЯТИЕ МУМИИ ПОРАЖАЕТ СНОВА

Стокер посмотрел на заголовок через плечо. — Какая новая чертовщина произошла сейчас? — потребовал он. Я показала ему статью, мрачную статью о появлении Анубиса в городе.

— Что возвращает нас к вопросу, кто играет Анубиса? И не начинай с этой чепухи о визитах призрака, — предупредил он.

У меня вытянулось лицо. — Я сказала тебе, я просто обсуждала возможности. Думай об этом как об интеллектуальном упражнении. В этом случае я вполне согласна с тобой, что теория бритвы Оккама уместна. Самое простое объяснение — самое вероятное.

— И самое простое объяснение состоит в том, что кто-то, связанный с делом Тивертон, часто преследует людей под видом Анубиса.

— Больше чем один Анубис, вспомни его появлению в Садбери, — напомнила я ему. — Но наиболее логично принимать их по одному. Эта фигура, кем бы он ни был, появилась в Египте, здесь, в Мэрилебоне, и в Странде. Теперь о подозреваемых. Фигура была несомненно мужской, что исключает леди Тивертон и Фигги. Мы остаемся с Хорусом и Генри

Стилом, Патриком Фэйрбротером и сэром Лестером Тивертоном в качестве наиболее очевидных вариантов.

Стокер фыркнул. — Стил-младший и Фэйрбротер — я согласен, но сэр Лестер? Хорус Стил? Они оба в возрасте.

Я напустила на себя важный вид. — Я думаю, что ты уступишь моим экспертным знаниям в отношении мужской фигуры, — сказала я значительно. — Я могу заверить тебя, что, хотя оба эти джентльмена преклонного возраста, они превосходно выглядят раздетыми. Как и у нашего Анубиса, у сэра Лестера широкие плечи, и если ты убереешь пышные седые волосы и усы мистера Стила, ты найдешь его значительно моложе, чем ты думаешь. Он двигается с определенным изяществом, — закончила я, радостно думая о его шелковых усах на пальцах.

Стокер щелкнул пальцами перед моим лицом. — Если ты можешь оторваться от своего непристойного собирания шерсти, я хотел бы отметить, что ты забыла другого человека, который заслуживает подозрения.

— О?

Стокер остановился, явно наслаждаясь моментом. — Во-первых, репортер The Daily Harbinger. Парень делает себе имя на всей этой чепухе. По крайней мере возможно, что он стоит за некоторыми более диковинными аспектами.

Я кивнула. — Молодец, — признала я. — Это, безусловно, правдоподобно. И у меня есть еще одно имя, которое нужно добавить в список возможных злодеев.

Он изогнул бровь в вопросе, но я задержала момент, усиливая ожидание. — Хорошо? — потребовал он. — Кто еще может быть принять облик Анубиса?

— Человек, который все это начал. Сам Джон де Морган.

Глава 14

Мы спорили большую часть часа. — Ты не можешь быть серьезной, повторил он не раз.

— Как могила, — ответила я. — Все, что мы знаем наверняка, это то, что де Морган исчез. Мы не знаем, где он в настоящее время. Мы также не знаем, что с ним случилось.

— Я думаю, это чертовски очевидно, что он с ним сыграли грязную игру в этой дыре, которую они называют отелом, — горячо ответил он. — В комнате все изменили, что доказывает это.

— Изменения в комнате — театральное оформление витрин. Какой в них смысл? Запутать и расстроить Кэролайн де Морган. Или чтобы она выглядела расстроенной, — добавила я в качестве запоздалой мысли.

— Ты все еще думаешь, что она может быть в сговоре с Джоном, — резко сказал он.

— Я думаю, что это возможно. Она была достаточно умна и коварна притворяясь, что у нее психическое расстройство, чтобы избежать дополнительных вопросов от следователей полиции. Подумай, она покинула Египет со своим мужем и оказалась в Дувре, истерически утверждая, что он исчез. Она была задержана? Арестована за его убийство? Нет. Она просто была передана на попечение родителей. Со временем оней забудут, и что тогда? Без тела и улик против нее она избежит дурной славы. Она может поехать, куда захочет, возможно, встретиться с ним, а возможно, продать драгоценность самой, если она предала его.

Он долго смотрел на меня с непроницаемым лицом. — Это все равно, что обвинить ее в убийстве мужа. По крайней мере, ты думаешь, что она способна сговориться с ним. В худшем случае ты думаешь, что она потенциальная убийца.

— Потенциальная убийца с ребенком на руках, — задумалась я. — Это усложняет ситуацию. Но эта диадема очень сильно поддержит ее и ее ребенка, если она сбежит из Англии.

Он больше ничего не сказал. Я вернулась к остальной части почты, оставив его со своими мыслями.

Был обычный ассортимент счетов и циркуляров, писем и журналов, и я собрала все в корзине, чтобы отсортировать позже. Я ужинала одна в своей готической часовне, наслаждаясь одиночеством. Поев, я пошла в римский храм, где его светлость установил последние достижения в

искусстве сантехники. Я решила, что после наших приключений в Дувре было бы недостаточно помыться в моих собственных помещениях. Мне нужна была чистка с ног до головы и сопутствующее расслабление. В храме находились три небольших бассейна с разными температурами, а также ванна для купания и душ — последний я использовала, чтобы полностью вычистить себя от оставшихся следов сажи. Я вернулась в свою маленькую готическую часовню, чтобы покурить и подумать над делом. Я дополнила свой гардероб обрывками и остатками из коллекций Бельведера, и мой нынешний наряд был довольно роскошным и изодранным халатом из китайской имперской оперы. Это был алый шелк, с бахромой и вышивкой, и я подпоясала его, когда села перед огнем с распущенными волосами, чтобы высушить их.

Усталая после наших приключений в Дувре, я уснула, проснувшись на следующее утро намного позже обычного. Все еще одетая в халат из китайского шелка, я просматривала остальную часть почты, расчесывая волосы и сортируя письма и счета. Наконец, осталось одна посылка, которую я отметила за день до нашего отъезда, просто завернутая и без почтовой марки. Я отбросила коричневую упаковочную бумагу в сторону, чтобы найти картонную коробку самого распространенного сорта. Внутри нее, аккуратно укрытая слоем деревянных стружек, лежала еще одна шкатулка, из латуни, украшенная египетскими мотивами. Я перевернула ее, но не смогла найти никаких отметок, никаких знаков для идентификации отправителя.

Вздыхнув, я отложила ее в сторону и засунула ноги в тапочки. Стокер все еще был глубоко погружен в сон, растянувшись по ширине своей кровати, словно морская звезда. Его покрывало соскользнуло с бедер, обнажив грудь и живот, превосходно мускулистые, превращенные доброжелательной рукой Природы в такую привлекательную форму, что Микеланджело остановился, чтобы ее лепить. Я ткнула его в восхитительное плечо. Он зарычал и положил подушку на голову. — Уходи.

— В этом деле произошли изменения, — сказала я ему.

— Мне все равно, призналась ли сама королева Виктория в убийстве Джона де Моргана на Трафальгарской площади. Мне нужно поспать.

— Тебе нужно подняться с этой кровати, — возразила я. Он снова зарычал, и я потянулась за покрывалом, дергая его еще на шесть дюймов, чтобы обнажить его брюшной пресс близко к паху. С воплем возмущенной скромности он бросился в сидячее положение, подтягивая покрывало к ключице. — Вероника, имей приличие. Ты почти обнажила мою... мой... эм...

— Я видела твой эм раньше, если ты помнишь. И тебе нечего стесняться. Это впечатляет.

Он яростно покраснел и дернул покрывало, пока не стали видны только его брови. — Мой эм принадлежит мне, я показываю его, когда хочу, а нечтобыты похотливо пялилась, раскрыв рот. Чего ты хочешь?

— Я хочу, чтобы ты пришел в мой павильон. У меня есть кое-что показать. Придешь ты голым или нет — это твое личное дело, — сказала я ему.

Я поспешила вернуться в свой павильон, чтобы одеться — тонкий китайский шелковый халат мало согревал при февральском холоде — и разожгла огонь. Стокер появился через пять минут, все еще застегивая рубашку на ходу. — Надеюсь, эта чертова вещь стоит того, — проговорил он.

Я передала ему коробку. — От анонимного отправителя.

Он тщательно его изучил. — И ты думаешь, это содержит угрозу?

— А ты помнишь, что случилось, когда мы получили анонимную коробку в прошлый раз? — подстегнула его я.

Он улыбнулся. Во время нашего предыдущего расследования мы получили подсказку в виде части тела, которую небрежно оставили в Бельведере, пока одна из собак не съела ее.

Стокер был чем угодно, но глупым он не был. Он отвернул коробку от нас и открыл ее сзади. Как только крышка открылась, появилась кобра, подпрыгнувшая на шесть или семь футов, прежде чем приземлиться на моей кровати. Затем с глухим стуком она свалилась вниз на пол. Мы протиснулись, заглядывая под кровать.

— Она не движется, — сказала я ему. — Как ты думаешь, она умерла от истощения, находясь в ящике?

Он посмотрел поближе, затем нырнул под кровать, появляясь со змеей, сжатой в кулаке. — Она не умерла, потому что никогда не была живой. Это трикотаж, — он бросил ее мне, скрутив в легкую дугу.

Я поймала рефлексивно. Поверхность была дешевая шерсть, шероховатая и незелегантная, совсем не похожая на гладкое тепло настоящей змеиной кожи. — Потертая, старая вещь, не так ли?

Стокер указал на украшение капюшона и своеобразную темную отметину на лице. — У нее есть слезинка под глазом. Кто-то пошел на большие неприятности, чтобы заставить нас подумать, хотя бы на мгновение, что это реальная кобра.

— Жаль, что они потратили усилия впустую. Я полагаю, ты видел их в дикой природе?

— И смонтированных десятками. Каждый военнослужащий, служащий на Востоке, приносит домой хоть одну такую чудовищную вещь, но они часто бывают плохими, и мне приходилось разбирать их и перестраивать. — Он с любопытством покачал головой. — Где ты с ними познакомилась?

— Особенно запоминающийся эпизод на рынке на Мадагаскаре. Это инцидент, который я не вспоминаю с особой любовью, — сказала я ему. — Откуда, ты думаешь, этот парень прибыл?

— Полагаю, ты изучила упаковку?

— Нет почтового штемпеля. Пришло с остальными письмами позавчера.

— Кто доставил? — спросил он, прищурившись.

— Коробка появилась на моем столе, когда здесь была Фигги Тивертон, — сказала я, сохраняя свой голос осторожно нейтральным.

Мне не нужно было беспокоиться. Он не потрудился скрыть свое возмущение. — Из всех мерзких инсинуаций! Эта застенчивая и восхитительная девушка... — начал он.

— Ты думаешь, что она восхитительна, потому что она преклоняется перед тобой, — возразила я.

— Она, безусловно, не преклоняется, — резко перебил меня он.

Я подняла руку. — Я слишком устала от ложной скромности, Стокер. Ты оказываешь своеобразное влияние на представительниц прекрасного пола, согласишься с этим. А мисс Тивертон — просто последняя из длинной череды женщин, которые поддались твоим чарам.

Он не был смягчен. — Нет никакой возможности, что Фигги Тивертон ответственна за это, — сказал он, указывая на шерстяную змею в моей руке. Он размахивал коробкой. — Здесь есть пружина, чтобы запустить вещь и ошеломить ничего не подозревающего получателя. У нее есть клыки. Это было разработано, чтобы вызвать чистый ужас.

Мы замолчали. Затем Стокер поднял вопрос, который мне не пришел в голову. — Коробка была доставлена за день до того, как мы отправились в Дувр, — начал он. — Это было задумано как какая-то угроза.

— Эффектно провалившаяся, — отметила я с некоторым удовольствием.

— Но только потому, что у тебя нежная чувствительность русского кабана. Большинство женщин упали бы в обморок или затряслись от такой вещи. — Я открыла рот, но он поднял успокаивающе руку. — Знаю. Ты не большинство женщин. Это было задумано как комплимент.

Я села немного прямее. — Но почему это было отправлено мне? Ты

тоже участвуешь в расследовании. Почему бы не поставить оба наших имени на посылке?

Стокер посмотрел на меня загадочно. — Потому что тот, кто его послал — и я ни на минуту не признаю, что это была мисс Тивертон — ожидал истерики, без сомнения, чтобы побудить тебя отказаться от расследования.

— Как любопытно. Ты не отказался бы от расследования по такой глупой причине. Почему я должна?

— Большинство людей не способны понять такую женщину, как ты, — просто сказал он. — Ты бросаешь вызов их представлениям.

— Это, возможно, самая приятная вещь, которую ты когда-либо говорил мне. — То, что его коснулись черные крылья смерти, сотворило чудеса с его характером. Он все еще был склонен к молчанию, но его естественная жизненная сила снова начала самоутверждаться.

— Выбор времени поднимает другой вопрос, — продолжил он. — Если коробка была задумана как предупреждение, а мы не обратили на нее внимания, то тот, кто хочет, чтобы мы оставили Джона де Моргана в покое, мог предпринять более радикальные меры. — Он вынул коробку из моей руки. — Поэтому мы должны принять бой с ними.

— С ними? С кем? Мы не знаем нашего врага, — отметила я.

Он пожал плечами. — За нами наблюдают, по крайней мере при случае. Иначе наше маленькое приключение в Дувре никогда бы не произошло.

— Ты думаешь, что это было преднамеренное покушение на нашу жизнь, а не спонтанный акт, рожденный отчаянием?

— Наверяд ли. Возможно, это было чистое совпадение, что отель просто сгорел в ту ночь, когда мы были там, но мне не нравятся совпадения. Я подозреваю, что владелица осведомила сообщников о нашем расследовании и получила указание устранить доказательства исчезновения Джона де Моргана. Тот факт, что мы находились там в это время, был двумя очень аккуратными птицами, убитыми одним камнем: никакого подтверждения истории Кэролайн и никаких зловещих сыщиков, решивших задавать неудобные вопросы.

Я кивнула. — И почему-то я не воспринимаю миссис Гиддонс как вдохновителя. Она явно подотчетна кому-то, но кому?

— Это то, что нам нужно открыть. Иди и надень шляпку, — проинструктировал он. — Мы направляемся в Садбери.

...

Я редко склонна делать то, что мне говорят, но в Стокере возродились

его энергия и его решимость, так что я любезно уступила, застегивая пуговицы на своем черном каракулевом пальто. Мое настроение было еще более приподнято добавлением новой шляпы — привлекательного бобрового цилиндра, украшенного гроздью пышных красных бархатных роз и черной вуалью, подоткнутой сверху в закатанный край.

День прошел хорошо, по крайней мере, так хорошо, как можно было ожидать в смертоносных туманах февраля, и когда мы отправились в Садбери, даже Стокер казался веселым. Он носил повязку на глазу, и его обычно взлохмаченные кудри были еще более расстрепанными. Он не пытался усмирить их, а просто запихнул в низкую, сплюсненную шляпу, купленную у гаучо в Аргентине. Широкие поля затеняли его лицо, создавая ему угрожающий вид, и, поскольку он ничем не наслаждался больше, чем пугая робких, он весь путь шел быстрым шагом.

Мы прибыли в Садбери в хорошем настроении. Жюльен д'Орланд председательствовал на первой службе обеденного часа, следя за внешним видом каждого подноса, прежде чем его доставляли ожидающим гостям. Он поправил немного кристаллизованной мяты на тарелке со льдом, кивая, словно даря благословение. Он жестом предложил нам подождать в его кабинете и присоединился к нам, как только смог, стряхнув невидимый кусочек ворса с безупречного жакета.

— Привет, друзья. Пожалуйста, устраивайтесь поудобнее. Я приготовил немного закусок, — сказал он. Один из его сотрудников нес поднос, на котором стояли крошечные бокалы с ежевичным напитком, а другой — тарелку с крошечными пирогами в форме четырехлистников, наполненными подслащенным миндальным кремом и увенчанными цукатами.

Стокер в восторге вздохнул, запустив зубы в тесто. Затем он издал откровенно непристойный стон, а я вопросительно посмотрела на месье д'Орланда.

— Мы пришли насчет Тивертонов, — начала я.

— Мадемуазель Спидвелл! — его тон был полон скорби. — Что мне с вами делать? Я художник, и все же вы думаете только о бизнесе. — Выражение его лица стало мягким, и он кивнул в сторону печенья передо мной. — Съешьте это. Насладитесь им. И тогда мы поговорим.

Я сделала, как он велел мне, позволив хрустящему тесту растаять на языке. Он присматривал за мной, оценивая мое наслаждение его искусством, и я издавала соответствующие звуки признательности. Когда я проглотила последнюю восхитительную крошку, я откинулась на спинку стула, сложив руки на коленях для приличия.

Жюльен откинул голову назад и засмеялся. — Как школьница. Но вам понравилось?

— Это был рай, — сказала я ему. Стокер решительно кивнул, его щеки вздулись от сливок.

Жюльен принял похвалу как должное. — Я работал пятнадцать лет, чтобы усовершенствовать этот рецепт. Это еще не то, что может быть, но лучше, чем было.

— Будет ли это когда-нибудь идеально? — высказала я сомнения.

— Нет, — сказал он мне с улыбкой. — Ничто в жизни не идеально. Но, моя дорогая мадемуазель, жизнь не связана с достижениями. Речь идет об усилении. Если человек получает удовольствие от каждого шага, он наслаждается целым путешествием. — Его глаза мерцали, и я поняла, что он вполне может быть самым довольным человеком среди моих знакомых.

— Вы хотите знать о Тивертонах, сказал он, его лицо вытянулось. — Они скучны за пределами вероятного. Типично английская семья! Молочные пудинги и вареные цыплята. — Он взглянул на окно, выходящее на его королевство, и щелкнул пальцем. Мгновенно появился подчиненный с почтением, когда он приблизился к мастеру. Жюльен посмотрел на него небрежно. — Попроси прийти мадемуазель Берди.

Парень кивнул и исчез, почти мгновенно появившись с крошечной, пышной брюнеткой, чьи роскошные изгибы едва сдерживались четкими линиями униформы горничной. Ее кудри были покрыты крахмаленным белым чепцом, но они угрожали убежать, а ее губы были слишком розовыми, чтобы быть обязанными своим цветом природе, а не искусству. Она была сочной девушкой, но смотрела только на кондитера. — Месье д'Орланд? — спросила она, затаив дыхание.

Он представил нас кратко. — Мисс Спидвелл, мистер Темплтон-Вейн, это Берди, горничная, которая посещает Тивертонов. Берди, ты откровенно поговоришь с мисс Спидвелл и мистером Темплтоном-Вейном, — проинструктировал он. — На любые вопросы, которые они тебе зададут, ты ответишь.

Она кивнула, ее глаза округлились и засияли преданностью помощника. — О, да, месье!

— Хорошая девочка, — он почти мурлыкал. — С сожалением констатирую, что мадемуазель Тивертон устояла перед чарами моей выпечки. Она не посылает комплиментов, независимо от того, какие деликатесы я готовлю. Я ничего не узнал. — Я почувствовала прилив разочарования, которое, должно быть, было заметно, потому что он поднял дрожащий палец. — Но я полностью верю в мадемуазель Берди. Моя

маленькая oiseau,(фр. птичка) ты наблюдала за девочкой Тивертон по моей просьбе. Что ты обнаружила?

Берди очень хотелось рассказать. — Ей скучно до глупости, месье. Ее родители держат ее на коротком поводке, вот что они делают. Она не ходит в магазины или на развлечения. Она сидит в своей комнате, читая свои книги — всегда сенсационные романы, такие как Райдера Хаггарда.

Месье Орланде развел руками в галльском жесте. — Если она хочет приключений, я бы порекомендовал ей Дюма, но молодые люди не принимают советы.

— У нее бывают посетители? — спросил Стокер.

Девушка долго на него смотрела, отдавая должное его привлекательности, но в конце концов пожала плечами. Ее внимание было сосредоточено на Жюльене. — Кто посетит малышку Тивертон? Ей скучно, говорю я вам. Она ходит гулять с собакой, и это все. Нет визитеров, не ходит в магазины или на развлечения. Иногда она разговаривает со мной, но я не хочу рассказывать ей о своей жизни.

— Почему нет? — спросила я.

Берди наклонила голову. — Звучит странно, что мне жаль ее, мисс, но мне ее жаль. Предполагается, что ее отец такой богатый и могучий, но что хорошего ей это дает? У меня есть три сестры, и мы смеемся и шутим с каждой из них. Я хожу в музеи на выходных или в магазины. У меня есть друзья и интересы и правильная жизнь. Что у нее есть, кроме ее тоскливых книг и скучного *parier-mâché*?

Стокер и я посмотрели друг на друга, и на его лице появилась улыбка восхищения. — Вы сказали, *parier-mâché*?

Она посмотрела на Жюльена, который кивнул в знак поддержки. — Да, сэр. Хотя почему это кого-то должно интересовать, я не могу себе представить. Это времяпрепровождение для детей! Но она всегда просит у меня газеты, и бедная девушка сидит в своей комнате, мастеря фрукты и овощи и страшные головы из всегохлама, что я могу найти для нее. Это очень странно.

— Наоборот, — сказала я ей. — Это самая интересная вещь сейчас.

— Я уверена, что не знаю почему, — начала она, но Жюльен поднял бровь. — Мой маленький цветок, кто мы такие, чтобы судить об удовольствиях других? Мы несем ответственность только за себя, — пробормотал он.

Она тяжело вздохнула, и я взглянула на Стокера, который пожал плечами. — Есть ли что-нибудь еще, что вы можете рассказать нам о Тивертонках? — спросил он девушку.

Она наклонила голову, положив кончик языка между зубами пока думала. — Ничего, что приходит на ум, сэр.

— Очень хорошо. Если вы вспомните о чем-то еще, вы обязательно скажете месье д'Орланду напрямую, да?

Она восторженно сияла, глядя на Жюльена. — Конечно. — Она сделала краткий реверанс в нашем направлении, когда Жюльен поднялся, чтобы отвести ее к двери. — Ты очень хорошо справилась, моя голубка. Возможно, позже ты вернешься, и я сделаю для тебя *religieuse*, — пообещал он.

— О, что это? — спросила она, широко раскрыв глаза от предвкушения.

— Это по-французски монахиня, — сказал он ей. — Но мы больше не будем говорить о целомудрии.

Она тихо хихикнула, и он закрыл за собой дверь, поворачиваясь к нам и разглаживая бархатную шапку. Я подавила улыбку, но Стокер посмотрел на него с укоризной. — Она в два раза моложе тебя, — отметил он.

Жюльен д'Орланд поднял руки в совершенно галльском жесте. — Кто я такой, чтобы спорить с требованиями Венеры?

— Меркурия, скорее, если не будешь осторожнее, — пробормотал Стокер.

— Стокер! — резко сказал я. — Пожалуйста, не делай ссылки на лечение венерических заболеваний в приличной компании.

— Я бы не назвал Жюльена приличным, — возразил он, но больше ничего не сказал.

Я встала и протянула руку Жюльену. — Простите его. В последнее время он не в духе.

Красивый рот Жюльена изогнулся в заговорщицкой улыбке. — В самом деле? Как вы можете сказать?

Мы рассмеялись, когда Стокер кисло на нас посмотрел. Жюльен склонился над моей рукой. — Ах, этот сладкий цветок руки! Как я ненавижу отказываться от него, — сказал он, нежно поглаживая ее.

— Откажись или проглотишь свои собственные зубы, — сказал Стокер приятным тоном с примесью стали.

Жюльен покачал головой. — Мадемуазель, часто он угрожает насилием в вашем нежном присутствии?

— Чаше, чем вы думаете, — сказал я ему. — И он даже — в одном известном ему случае — ударил меня ножом. Но так как я несу ответственность за то, что в него стреляли несколько месяцев назад, я склонна не обращать внимание на его настроение.

Жюльен выпрямился, явно испуганный, и повернулся к Стокеру. — Ты ранил ее? — потребовал он.

Стокер выглядел сильно оскорбленным. — Не нарочно! Я бы мог ранить Веронику только случайно.

— Совершенно, — сказала я, даря ему нежную улыбку. — Ты, несмотря на все твои грехи, Стокер, джентльмен.

Мы попрощались с Жюльеном и пробились через кухни Садбери, выходя на тротуар.

— Я бы хотел, чтобы ты не говорила людям, что я ранил тебя ножом, — возразил Стокер.

— Но ты ранил, указала я. — У меня все еще есть шрам.

— Ты чертовски хорошо знаешь, что у тебя его нет! Я зашил тебя более изящно, чем гобелен Байе. Более того... — Он только разгорячился, когда я остановила его, положив руку ему на грудь. Возможно, я приложила гораздо больше силы, чем хотела, потому что он качнулся назад, наткнувшись на угольный тягач, и прошло несколько секунд, прежде чем он распутал себя и стряхнул угольную пыль.

— Вероника, в чем дело, черт возьми? — потребовал он.

Я схватила его за руку и оттащила за угол, приняв меры предосторожности, остановившись и оглядываясь вокруг, прежде чем появиться на виду. — Посмотри туда, — проинструктировала я, указывая подбородком. На небольшом расстоянии впереди шла Фигги Тивертон с Нут.

— И что? Мы знаем, что девочка гуляет с собакой, — сказал он с некоторым раздражением, доставая кусок угля из кармана.

— Посмотри, за кем следит Фигги, — приказала я. В сорока или пятидесяти ярдах впереди Фигги грациозным, характерным шагом шла стройная фигура.

— Леди Тивертон, — тихо сказал Стокер, улавливая запах интриги.

— Именно так. Теперь, почему юная Фигги следует за мачехой, не сообщая о своем присутствии?

Не удосужившись дожждаться ответа, я двинулась за Фигги. Рука Стокера, прижатая к моей руке, остановила меня. — Что ты хочешь делать?

— Конечно, следить за ними. — Я посмотрела на него, все шесть футов отчетливо мужественного Ревелстоука Темплтон-Вейна. Он был одет достаточно традиционно в городской костюм и туфли, а не в обычные бриджи и ботинки. Но его волосы были длинными, его шляпа была богемной, а серьги в ушах блестели золотом. Он выглядел ничем иным, как елизаветинским капером, и он наверняка привлек бы внимание именно

тогда, когда нам необходимо было быть не примечательными. Я указала на это, на что он сделал несколько довольно резких и неприятных собственных наблюдений. Полагаю, что фраза «римская проститутка» была широко употреблена в отношении моей шляпы — и затем я опустила вуаль на упомянутой шляпе, закрывая лицо.

— Оставайся здесь, — прошипела я, пренебрегая неизбежным протестом. Я проскользнула в поток пешеходов на Стрэнд, следуя за Фигги и ее мачехой. Было достаточно легко не упускать ее из виду. Она носила матросскую шляпу с бантом особенно мрачно-желтого оттенка, и Нут продолжала метаться среди пешеходов, вызывая немного веселого хаоса, куда бы она ни пошла.

Леди Тивертон шла впереди нас целенаправленно, не глядя ни налево, ни направо. Мы последовали за ней, когда она пересекла улицу — Нут чуть не попала под копыта проезжающей конки — и повернула на несколько поворотов, пока ее светлость не достигла пункта назначения. Она вошла в узкое каменное здание с навесом в голубую полосу. Фигги колебалась, проходя здание, но продолжила идти, оглядываясь назад один-два раза с выражением сомнения на лице.

Я бросилась в книжный магазин, просматривая тома в витрине и следя одним глазом за улицей. Через несколько минут появилась леди Тивертон, неся посылку, помеченную названием фирмы Caswell and Co. Linen Drapers. Я сосчитала до тридцати, прежде чем выйти из книжного магазина, но мне не нужно было беспокоиться. Я предполагала, что Фигги продолжит идти по улице, это был просчет. Когда я вышла из книжного магазина, она прошла мимо, так близко, что я чуть не наступила на лапу Нут. Но собака не обратила на меня внимания. Вместо этого она напряглась, вырываясь, чтобы бежать вперед, скулила и рвалась, пока тонкий поводок не выскользнул из рук Фигги.

Без предупреждения собака мчалась через улицу, едва избегая трамвая и прыгая в воздухе. В последний момент Стокер поймал ее, держа на расстоянии вытянутой руки, и она в восторге извивалась, щедро облизывая его лицо. Фигги с криком тревоги последовала за ними. Я не была достаточно близко, чтобы услышать, что сказал Стокер, но он, должно быть, поделился с ней какой-то историей, потому что она позволила ему надеть поводок на Нут, снова осторожно поставив собаку на ноги. С большой вежливостью Стокер предложил свою руку, и девушка взяла ее, ее румянец был виден через улицу. Они повернули в сторону Садбери, и я смотрела на них с откровенным раздражением, пока не увидела, как Стокер щелкнул рукой, подавая мне знак за спиной. Это был быстрый жест в

сторону синего тента, и я сразу поняла, что он намеревался делать.

Я вошла в магазин и ждала, чтобы меня обслужили. Умелая беседа за несколько минут позволила извлечь информацию, которую я хотела. Чтобы выразить свою признательность, я сделала покупку у клерка и вернулся в Садбери забрать Стокера.

Он поравнялся со мной, когда я миновала отель. — Что ты узнала? — тихо спросил он, пока мы шли к Бишоп-Фолли.

— Ничего особенного, и этот случай начинает озадачивать меня. Я нуждаюсь в физических упражнениях, чтобы прочистить мозги, — сказала я ему. Я направилась прямо к римскому храму, где был расположен глубокий бассейн. Стокер был достаточно вежлив, чтобы подождать, пока я не скину свою одежду и несколько минут энергично бродил, прежде чем появиться. Слишком маленький для правильных упражнений, глубокий бассейн тем не менее предоставлял отличную возможность для упражнений рук и ног, и к тому времени, когда я закончила, я очень взбодрилась.

С огромной деликатностью Стокер стоял ко мне спиной, пока я не завернулась в турецкую одежду, которую оставила висеть в бане. Хотя он заботился о моей скромности — которой у меня не было, но с его стороны было так мило подумать об этом — в отличие от своего прежнего настроения, Стокер совершенно не обращал внимания на свою. Он сбросил свою одежду с безразличным Адама, идущим через Эдем без фигового листа, и проскользнул в бассейн, несколько раз мастерски проплыв его, пока я расчесывала свои волосы.

Когда он закончил, он подплыл к краю, его темная голова была гладкой, как у тюленя. Он сложил руки на нагретой плитке, положив подбородок, и долго смотрел на меня.

— Хорошо. Открой мне все, прошу тебя.

Я прокашлялась в манере студента, готовящего чтение. — В четверть второго сегодня днем леди Тивертон вошла в офис Caswell and Co., где она купила — подожди шокирующего откровения, умоляю тебя — носовые платки.

— Носовые? Вся эта таинственная чепуха с Фигги и ее слежкой за мачехой из-за носовых платков? Откуда ты знаешь?

— Очень услужливый клерк был только рад сообщить, что им понравился вкус леди Тивертон. Она выбрала очень умеренные носовые платки с узкой черной полосой по краю.

— Полутраур, — размышлял он.

— Нам говорили, что она все еще соблюдает траур по первой леди

Тивертон. Мы никогда не видели ее в цвете, отличном от серого, — согласилась я. — Я не одобряю нынешнюю моду на показное горе, но должна приветствовать ее преданность. Ее любовь к предшественнице кажется мне совершенно искренней.

— И все же Фигги достаточно подозрительна, чтобы отслеживать ее, идущую по самым невинным делам, как овчарка, — сказал Стокер. — Для чего?

Мы на мгновение замолчали, обдумывая этот вопрос. Я сформировала свою собственную теорию, и чем больше я обдумывала ее, тем больше она мне нравилась.

— Что? — потребовал Стокер. — Ты о чем-то думаешь. Я всегда могу судить по нечестивому блеску твоих глаз, когда идея поражает тебя.

— Нельзя строить гипотезы без достаточного количества информации, — напомнила я ему.

Он бросил на меня строгий взгляд, слегка смягченный его нынешним состоянием почти наготы. — Пожалуйста, не читай мне лекции о научных методах. Давай говори, женщина.

— Очень хорошо. Мне просто пришло в голову, что большая часть вычурной прозы, пролитой из-под пера мистера Дж. Дж. Баттеруорта, заметно детализирована. Возможно, слишком заметно для кого-то за пределами экспедиции.

Он быстро ухватился за идею. — Ты думаешь, что кто-то в экспедиции передает информацию негодяю? Фигги?

Я пожала плечами. — Почему нет? Мы уже наблюдали, что она является явно странным сочетанием ребенка и взрослого. Она достаточно авантюрна, чтобы самостоятельно гулять по городу. Почему бы ей не решиться снабдить отвратительного Баттеруорта зерном для его мельницы?

— Для чего? — спорил Стокер. — Истории расстраивают ее отца, которого она явно обожает.

— Обожает и порицает, — напомнила я ему. — У них колючие отношения. Возможно, она не возражает немного расстроить его, если это будет всерьез беспокоить мачеху. И истории действительно раздражают леди Тивертон. Кроме того, ты упускаешь из виду наиболее очевидную мотивацию. Известно, что представители прессы вознаграждают свои источники.

— Не щепетильные представители прессы, — указал Стокер.

— Мистер Дж. Дж. Баттеруорт производит впечатление обремененного такой обузой, как угрызения совести?

— Не особенно, — признался он. Он покачал головой. — Я до сих пор

не могу поверить, что девушка могла опуститься так низко.

— Я лучше понимаю свой собственный пол, чем ты, — любезно сказала я. — Я знаю ужасы, на которые мы способны.

— У меня самого есть небольшой опыт этого, — сухо напомнил он мне.

— Да, но ты думаешь, что такие чудовищности являются отклонением. В своем щедром сердце ты все еще веришь, что мы добры и нежны, а мужчины — нет. Короче говоря, мой дорогой, ты слишком романтичен в отношении более жестокого пола.

Он не спорил. Внезапно он положил ладони на плитку и вытолкнулся прямо из воды на пол как Посейдон, поднимающийся из морских глубин. Струйки воды стекали с его тела, переливаясь над напряженными мышцами. По-настоящему добродетельная женщина отвернулась бы.

Наши упражнения закончились, мы направились в Бельведер в халатах, чтобы забрать вечернюю почту, прежде чем вернуться в свои помещения, и подготовиться к ужину. Когда я протянула руку к двери, пальцы Стокера сжали мое запястье. Без слов он кивнул, и я увидела, что она приоткрыта. Я никогда не уклонялась от конфронтации, но едва ли была одета для битвы, осознала я с сожалением. Я отступила назад и позволила ему взять на себя инициативу, а сама вытащила заостренную шпильку из своего греческого узла исключительно в качестве меры предосторожности.

Мы вошли внутрь, тихо двигаясь к свету лампы, которая стояла на моем столе. Я была совершенно уверен, что погасила ее, когда закончила свою работу. Мы продвигались как единое целое, руки Стокера сжались в кулаки, моя шпилька наготове.

Мы остановились позади удобной кариатиды, обменялись взглядами и молча произнесли счет три, прежде чем выскочить из тени.

Глава 15

В разразившемся бедламе я вскоре осознала три вещи: 1. Наш посетитель не собирался причинять нам вред. 2. Нашим посетителем была миссис Маршвуд. 3. На самом деле она не была задушена лаской, несмотря на ее крик и мех на горле. Это должно было быть декоративным.

Она быстро пришла в себя, приложив руку к своему сердцу и уставившись на нас возмущенным взглядом. — Как вы смеее встречать меня, как хулиганы! — потребовала она. — Как можно таким образом приветствовать пришедшего с визитом? — Не дожидаясь ответа, она дёрнула подбородок к эмалированной плите, которая составляла центр нашей маленькой гостиной. — Она ждет вас. Я пыталась отговорить ее, но она настояла. Боюсь, ничего хорошего из этого не выйдет.

Кэролайн де Морган сидела перед печью в портшезе, который когда-то украшал Версаль. Шелковая парча была изодрана, позолоченная древесина раскололась, но в нем было напоминание о прежней славе. Сама леди была завернута в тяжелую шкуру из трухлявых соболей, без сомнения, предосторожность от прохладной погоды в ее ожидаемом состоянии.

Я посмотрела на Стокера. — Я удивлена, что вы двое не ладили. Вы оба любите мертвых животных.

Кэролайн де Морган подняла голову и бросила на меня вызывающий взгляд. — Если это ваша идея сердечного приветствия, я сейчас же уйду.

Я оскалила зубы в улыбке. — Закройте за собой дверь плотнее. В противном случае будет сильно сквозить.

Она сжала губы. — Мое дело не к вам. Я пришла поговорить с ним. — Она указала тростью на Стокера, и он вздохнул.

— Я думаю, что мы сказали все, что нужно было сказать, — начал он. Она взмахнула рукой, поразив собак. Они оба нашли убежище за колыбелью — любопытный предмет, сделанный из половины черепахового панциря в серебряной оправе. Они сгрудились за колыбелью, вглядываясь через край с безопасной позиции. Труссы.

— Произошли новые события, — сообщила она нам. — Разве ты не можешь заставить себя предложить самое скромное гостеприимство? — потребовала она.

— Чай? — сладко спросил Стокер. — Кофе? Болиголов?

Она открыла рот — без сомнения, чтобы обрушиться на Стокера — и я подняла руку. — Этого достаточно для вас обоих. Да, миссис де Морган, я

понимаю, что вы пришли поговорить со Стокером, но он не в состоянии проявлять вежливость в вашем присутствии. Вы выявляете худшее в нем. В его защиту, я подозреваю, что вы заставите самого Папу Римского выпить. Теперь я даю вам слово, что Стокер не отравит вас, но я призываю вас сделать ваши замечания краткими и точными. Чего вы хотите?

Ей не понравилось, что я взяла на себя ответственность за ситуацию, но если они собирались вести себя как непокорные школьники, я, безусловно, была способна сыграть гувернантку. Она мятежно посмотрела на меня и указала на маленькую сумку у ее ног. — Это единственный багаж, который я привезла из Египта. Я хочу, чтобы он был у тебя.

— Почему? — потребовал Стокер.

— Потому что кто-то охотиться за ним, — мрачно сказала она. — Когда я приехала из Дувра, была попытка забрать его у меня на вокзале. Я ничего не думала об этом в то время. Я предположила, что это был обычный вор. В городе полно таких бандитов, — сказала она, явно готовясь дать волю своим чувствам на предмет преступности в столице.

Я быстро ее перебила. — Должно быть, была новая попытка похитить это. Что случилось?

Она посмотрела на меня с неохотным одобрением. — По крайней мере у вас есть мозги. Отдаю вам должное в этом. Вчера вечером кто-то ворвался в наш дом, в частности, в мои комнаты.

— Вы задержали этого парня? — спросил Стокер.

Выражение ее лица стало кислым. — Мы этого не сделали, благодаря неуклюжести идиота дворецкого. Он споткнулся о ковер и потерял сознание. У бедного папы едва не случилась апоплексия, когда он боролся с вором.

Стокер скептически поднял лоб. — Г-н Маршвуд избил взломщика?

— Ну, не столько избил его, сколько испугнул, — поправила она.

— Откуда вы знаете, что взломщик хотел украсть сумку? — спросила я.

— Потому что она была в его руке! Папа испугал его, и он бросил ее, когда сбежал.

— Он разглядел этого парня? — спросил Стокер.

— Папа не имеет привычки общаться с ворами, — ответила она язвительно. — Такой человек, естественно, ниже его внимания.

Стокер закатил глаза от такого снобизма, но я использовала более терпеливую тактику. — Верите ли вы в какую-то опасность из-за того, что храните сумку?

— Откуда мне знать? — требовательно спросила она. — Но я не хочу

повторения. Кто знает, что злодей попробует предпринять дальше.

Стокер скрестил руки на груди и склонил голову. В его глазах был нечестивый свет. — Если ты действительно веришь, что находишься в опасности, ты должна передать это столичной полиции.

— Столичная полиция — это собрание дураков и недоумков, сказала она, ее соболя дрожали от презрения. — Они все еще верят, что я замешана в сговоре с моим мужем. Среди них нет джентльменов.

— И ты думаешь, что найдешь его здесь? — Стокер бросил вызов с мрачной улыбкой.

Она прищурилась. — При всех твоих грехах, Ревелстоук, а их легион, ты рожден и воспитан джентльменом. Ты не оставишь даму в беде. Это было бы нарушением восьмистолетней родословной.

— Интересно, чего тебе стоило признать это, — сказал он тихо.

Она впиалась в него взглядом, и мне снова пришлось наливать масло в беспокойную воду. — Оставьте сумку с нами, миссис де Морган.

— Я так не думаю, — сказал Стокер опасно ровным голосом.

Кэролайн де Морган и я, как одна женщина, уставились на него.

— Стокер, — начала я.

— Я не склонен предлагать свою помощь.

— Конечно, нет, но это не должно помешать тебе помочь, — я старалась говорить разумным тоном. — Если были предприняты две попытки вернуть сумку, в ней могло бы быть что-то существенное... — Я замолчала. — Как глупо с моей стороны. Конечно, в ней что-то значительное.

Стокер посмотрел на меня одобрительно. — Ты начинаешь понимать ее. Есть кое-что, что она не сказала нам.

Кэролайн де Морган открыла рот и захлопнула его, когда ее щеки захлестнула волна ярко розового цвета. — Очень хорошо, — решила она наконец. Она сунула сумку мне, и я передала ее Стокеру. Он открыл ее достаточно, чтобы мы могли заглянуть внутрь. Там были обычные вещи, которые можно было бы ожидать от женщины, путешествующей за границу. Несколько туалетных принадлежностей, смена постельного белья, испачканная английская блузка. Был любовный роман самого жаркого сорта — чего я никак не ожидала от Кэролайн де Морган. Это все Стокер отложил в сторону, обнажив пустую сумку. Я бросила на него вопросительный взгляд, но он уже предвидел мой вопрос. С быстротой фокусника он поднял ложное дно. Под ним укрылась картонная коробка, и я встала рядом с ним, когда он ее открыл.

На ложе из простой ваты лежала диадема принцессы Анхесет.

Домашнее маленькое гнездышко не могло отвлечь от такой красоты. Извилистые линии, сияние золота, мерцание драгоценных камней. Я вообразила, как принцесса Восемнадцатой Династии укладывает тонкую корону на свои смазанные маслом черные косы, властно поднимая подбородок. Кэролайн де Морган ничего не сказала, но ее взгляд был мятежным, когда она смотрела, как мы осматриваем маленькую корону. — Она была у вас все это время, — я не в силах быласкрыть обвинительный тон.

— Я не знала, что там была диадема, — быстро сказала она. — Я не путешествовала с драгоценностями и не имела причин открывать тайное отделение. Только сегодня утром, когда я думала о попытке украсть его прошлой ночью, я задала себе вопрос, что если ...

— Если Джон действительно был вором, — категорически закончил Стокер.

— Если Джон взял эту диадему, у него были свои причины, — настаивала она. — И я хочу знать, какими они были.

— Разве не очевидно? — мягко спросила я. — Помимо мумии, это главная часть находки Тивертонa. Она стоит больших денег.

Ее взгляд на меня был пренебрежительным. — Джон бы не украл ее, — поклялась она.

— Очень верно, — сказал Стокер со спокойной злобой. — В конце концов, Джон де Морган никогда не брал ничего, что ему не принадлежало.

Она ахнула, как будто он ударил ее. Затем медленная, жестокая улыбка распространилась по ее лицу. — Как ты злобен. Я никогда не представляла глубин, на которые ты мог бы погрузиться.

— Неужели? Ты рассказала миру, кем я был. Ты теперь так удивлена, когда нашла подтверждение этому?

Она подошла ближе, поднявшись в полный рост. — Ты сделаешь это для меня, Ревелстоук.

— И как ты хочешь заставить меня? — спросил он удивительно равнодушным голосом.

— Я знаю, что случилось в прошлом году. Ты даже не понял, что я видела, не так ли? Но ты избил Джона у меня на глазах. Я могу описать каждый грязный удар в отвратительных деталях. Я могу рассказать всю историю и убедиться, что все знают, что ты величайший враг Джона. Интересно, выдержит ли твоя жизнь повторный анализ? — Она мельком взглянула на меня. «Разве твое общение с ней не оказалось бы интересным кормом для газет? Что именно вы здесь делаете? — потребовала она, широко раскинув руки, чтобы охватить хаос Бельведера. — Я прихожу

среди бела дня, чтобы найти вас, даже не одетых прилично. С вами обоими будет покончено, — продолжала она, принося инсинуации в каждый слог. — Что вы делали вместе? Я сделаю так, чтобы газеты спросили. И ты знаешь, что такое журналисты, Ревелстоук. Как только они почуют запах крови, они не остановятся ни перед чем, чтобы сбить тебя с ног. Ты выжил в последний раз. Ты действительно хочешь подвергнуть мисс Спидвелл их уродливым уловкам?

Она остановилась, расцветая от триумфа, и я с тошнотворным толчком в животе поняла, что она действительно наслаждается. Что-то в пытках Стокера доставило ей удовольствие. Она была из тех женщин, которые отрывали крылья у бабочек и улыбались, когда делали это.

— Ты действительно думаешь, что твое собственное поведение может выдержать проверку? — спросил Стокер. — Я мог бы сказать им правду, ты знаешь. Я мог бы сказать им, что нашел тебя в палатке Джона. Три месяца моя жена, и все же твои бедра обвинились вокруг талии другого мужчины. Должен ли я рассказать им это?

Костяшки пальцев Кэролайн де Морган побелели, когда она так сильно сжала кресло, что я подумала, что дерево сломается под ее хваткой. — Ты лжешь, — выдохнула она, но слова были пусты. Она не имела в виду того, что говорила. Что-то в его тихом списке фактов нарушило ее решимость.

— Я лгу? — тихо спросил он. — Я лгу, если скажу им, что когда ягуар напал на меня в джунглях, вы с Джоном оставили меня умирать? Я лгу, когда говорю, что ты знала правду, и все же ты продавала свои грязные измышления всем, кто слушал? Ты обрисовала меня как скотину и чудовище, и все время знала, кем ты была, не так ли?

Она открыла рот, но тихий голос Стокера пронзил ее, заставив замолчать. — Долгое время я тебя не понимал, но сейчас понимаю. Ты сделала то, что должна была, не так ли? Ты рассказала единственную историю, которую могла, потому что говорить правду означало признать, что ты монстр. Ты вышла за меня замуж ради денег и имени, но твои обеты были ложью с того момента, как ты их принесла. Ты хотела Джона. Ты любила Джона. Но ты не могла переварить мысль о браке с бедным человеком, таком же, как твой отец и братья. Ты хотела безопасности больше всего на свете, и ты продала свою душу, чтобы получить ее. Но ты не могла осознать, что ты сделала. Почему? В твоей душе вспыхнуло чувство вины? Я подозреваю, что нет. Я подозреваю, что это был Джон, который сожалел о том, что вы оба сделали со мной. Это не имело значения в конце. Вы оба рассказали одну и ту же историю, единственную историю, которую вы могли рассказать, что ты оставила меня, потому что я был

жесток с тобой.

Она тихо застонала, но он продолжил, заставив ее замолчать обвинением. — Мне иногда интересно, соблазнила ли ты Джона, чтобы доказать, что можешь. Сначала он ненавидел тебя. Знаешь ли ты это? Он предупреждал меня, отговаривал от женитьбы на тебе, сказал, что я буду сожалеть об этом. Любопытно, не правда ли, насколько он был прав? У меня было много времени, чтобы думать о тех вещах, что случились тогда. Ты знаешь, сколько бессонных ночей можно провести за год? Две? Три? Ночью я не закрываю глаза, чтобы не думать о своих ошибках и о трагедиях, которые я совершил своими собственными руками. Но они ничто по сравнению с тем, что ты сделала.

Ее рот работал яростно, но она не пыталась говорить. Я думаю, что к тому времени она поняла, что плотину прорвало, и Стокер выскажется, даже если придет сам дьявол.

— Мне потребовалось много времени, чтобы понять, почему Джон говорил мне не жениться на тебе. Я думал, что он ревновал, что я нашел кого-то, а он нет. Потому что он уже знал, кем ты была, не так ли? Он был так несчастен в последние несколько месяцев. Вот почему я хотел отвезти его в Амазонию. Я думал, что он найдет там что-то для себя, но это было бы невозможно, верно? Он уже был влюблен в женщину, которая не заслуживала его, но он не мог сказать мне правду о вас. И все же он был мудрее меня. Он знал, кем ты была, и все равно любил тебя. Я любил только иллюзию, лицо в зеркале, которое ты выбрала, чтобы показать мне. Интересно, кого из нас мне больше жаль?

Тихая сердитая слеза скатилась по ее щеке. Она не смахнула ее. Вместо этого она вызывающе несла ее, как орден, позволяя ей скатиться на воротник ее пальто, смачивая мех.

— Я не сделаю ошибку, думая, что слезы обо мне, — каждое его слово несло боль. — Это крокодильи слезы, и я им не верю. Кажется, я вспоминаю, что у Джона есть дядя, баронет с приличным состоянием и несколькими умершими сыновьями. Скажи, с пропавшим Джоном, кто унаследует состояние, когда этот дядя умрет? Если ребенок, которого ты носишь, является сыном, ты будешь контролировать все — имущество, деньги. Довольно симпатичный пакет. И тебе даже не нужен Джон? Вы женаты, поэтому любой ребенок, рожденный в браке, по закону является его. Пока этот ребенок здоров и мужского пола, тот, кто контролирует ребенка, контролирует состояние. Скажи мне, что я не прав.

С каждым словом она опускала голову, разбитая тяжестью его обвинений. Но затем она подняла голову, в глазах вспыхнуло

неповиновение. — Что из этого? Ты осмеливаешься судить меня, Ревелстоук? Что ты знаешь о том, каково быть женщиной? Страдать всю жизнь за ошибки, допущенные мужчинами в твоей семье? Мой отец, мои братья, мой муж — снова и снова одна и та же история — позволяют всему проскользнуть сквозь пальцы из-за чего? Небрежность? Глупость? Женщины, лошади, плохие инвестиции, азартные игры. Тысяча оправданий, но все сводится к одному и тому же: вы слабый пол, — сказала она, выплевывая слова. — Мы всегда должны делать из жизни то, что мы можем, оправиться от ваших ошибок и продолжать. Да. Я хочу состояние де Моргана. Я признаю это. Мы почти нищие, и наследство моего ребенка — единственное, что стоит между нами и гибелью. Я сделаю все, что должна, чтобы обеспечить это. У меня будет сын, и я возьму свое. Это делает меня монстром? Это делает меня выжившей, — сказала она с горечью.

Прежде чем Стокер успел что-то сказать, я двинулась, чтобы взять диадему из его рук. Он сжимал кулаки вокруг короны, и я уже видела, как коробочка гнулась. Я закрыла крышку и поставила коробку на бок. Я упаковала сумку и передала ее Кэролайн де Морган.

— Ваша собственность, миссис де Морган. Мы сохраним корону и узнаем, что случилось с вашим мужем. Не из-за вашей слабой попытки шантажа, а потому, что это правильно. Я уверена, что мотивация чужда для вас, но вам придется принять ее.

Она бросила взгляд на Стокера. — Это все? Собираешься натравить свою собачку на меня?

Я встала между ними, когда Стокер двинулся. — Вам нравятся ваши игры, миссис де Морган, это очевидно. А травля Стокера явно доставляет вам огромное удовольствие. Но позвольте мне сказать одну вещь совершенно ясно: пока я дышу, вы больше не причините ему вреда.

Она слабо улыбнулась мне, притягивая соболей к себе с властным видом. — И кто вы такая, чтобы остановить меня?

— Я женщина, которая знает двадцать способов убить вас и все с болью, — сказала я ей с ответной улыбкой. — Теперь возьмите свою сумку и свою гниющую мать и уходите. Если вы приедете сюда снова, я не буду отвечать за свои действия.

Она указала на корону, и ее рука была устойчивой. — Суди меня как хочешь. Мне все равно. Просто найди моего мужа. Я знаю, ты не откажешь мне, что бы ни случилось раньше. Твоя честь этого не допустит. — Ее губы изогнулись, когда она посмотрела на Стокера. — Как я уже сказала, вы слабый пол. Если бы мой нерожденный ребенок был врагом мисс

Спидвелл, она бы перерезала ему горло в колыбели. Мы дочери Геры, мисс Спидвелл. Это то, что поддерживает нас в живых. Я найду дорогу к выходу, не провожайте.

Лишь после того, как за ней захлопнулась дверь, собаки подняли головы над краем колыбели. Я не смотрела на него. Вместо этого я пошла в уютный кабинет и налила стакан *aguardiente*, двойную дозу, и выпила. Я налила еще один и вручила стакан Стокеру, когда он появился наверху лестницы. Он пил его медленно, удерживая горечь на своем языке.

— Ты сорок раз дурак, — наконец сказала я. — Я не могу поверить, что ты любил такое существо, что ты, со всей своей одаренностью, мог быть ослеплен красотой, в которой так много злобы.

— Поверь, — просто ответил он.

Я налила вторую дозу *aguardiente* для себя и еще одну для него. Он смотрел в маленькую чашку, как цыган, осматривавший свое богатство. Затем он рассмеялся, горько и невесело.

— Что? — потребовала я. — Ты еще не можешь быть пьяным. Ты едва начал.

— Она права, ты знаешь. Она знает меня лучше, чем кто-либо, потому что она знает, что я пережил, не говоря ни слова. Все это публичное унижение, агония, мое имя, протасченное через грязь, которое больше не будет чистым. Она была права называть меня слабым.

— Что она знает? — Я потягивала *aguardiente*, согревая свой живот огнем

Он покачал головой и посмотрел на меня глазами, которые, казалось, видели столетия. — Все, что газеты печатали обо мне, — сказал он глухим голосом. — Избиения и плохое обращение. Это все ложь. Я никогда не тронул волоска на ее голове.

— Стокер, я никогда не думала, что ты действительно подверг насилью свою жену. Не в твоей природе причинять вред невинным.

— Невинной. Боже, думать о ней в таких терминах! Но она была невинна, по крайней мере я, с моей стороны... — Он замолчал, пристально глядя на меня.

— Ты имеешь в виду, вы не ...

— Никогда.

— Но она была твоей женой.

— Она хорошо играла роль скромницы во время моих ухаживаний. Не позволяла мне целовать ее. Я пожимал ее руку и думал, что это привилегия. Когда наступила наша брачная ночь, я взял ее на руки, чтобы поцеловать, и она начала дрожать. Я не был против. Я не был девственником, но я был

напуган и боялся причинить ей боль. Я думал, что мы оба боимся. И тогда она сказала мне, что не может.

— Она отказала тебе?

— Категорически. И она дала понять, что не готова стать моей женой в полном смысле этого слова — никогда.

Я думала о нем, каким он должен был быть тогда, прежде чем жизнь, время и боль изменили его. Должно быть, он был настолько красив, предлагая ей свое сердце, что было больно смотреть на него. И она скрутила его сердце в руках, покалечив, как ребенок ломает игрушку. Ненависть, горячая, жестокая и удовлетворяющая, пронизывала мои вены, барабанила в голове.

— Ты мог бы аннулировать брак, — сказала я голосом, который не узнала.

Он выглядел удивленным. — Мне никогда не приходило в голову. Я был готов не владеть ее телом, если бы это означало, что у меня может быть ее сердце. Она сделала вид, что любит, была ласковой и милой. Я верил, что со временем смогу заставить ее разделить постель, если буду достаточно терпелив, достаточно добр. Я еще не осознавал, что она отказала мне в своей девственности, потому что она не могла вынести прикосновение моих рук к себе. И все потому, что я не был Джоном. — Он засмеялся, необычный несчастный звук, который скрутил мои кишки. — Какой дурак проигрывает жену своему лучшему другу?

— Ты не дурак, — медленно сказала я. — Ты был влюблен в нее.

Он посмотрел на меня с удивлением. — Влюблен в нее? Сейчас это кажется невозможным, но я так и думал. Я думал, что это любовь, но я был неправ. Я никогда не знал любви, по крайней мере, пока... — Он резко замолчал и быстро выпил. Мое сердце стучало по ребрам, и я чувствовала одну мысль. Не так.

Я резко сменила тему. — Почему она вышла за тебя замуж, если была влюблена в Джона де Моргана?

Он нетерпеливо махнул рукой. — Он был беден, никаких перспектив. Ее родители разрешили бы брак, но Кэролайн пыталась его. Она издевалась над его бедностью, дразнила и мучила его. Я думал, что это глупый каприз, игры, в которые симпатичная девушка играет с поклонником, которого она не хочет. Я извинил ее жестокость в то время, но это должно было предупредить меня. Я должен был увидеть ее такой, какой она была. — Он провел рукой по лицу. — Да поможет мне Бог. Я видел в ней жестокость и принял за игру. Я так и не понял, что она имела в виду. Думал, что она дикая, опасная и захватывающая. И она была именно тем, что мои родители

хотели для меня — красивой и совершенной. Она танцевала как ангел и хорошо говорила по-французски, и этого должно было быть достаточно. Но Джон знал.

— Каковы были его чувства?

Он беспомощно развел руками. — Я даже не знаю. Он почти ничего не говорил о ней, кроме этой слабой попытки отговорить меня от женитьбы на ней. Я даже пошутил, что он ревнует, и он смеялся со мной. Я должен был увидеть, что он болен тоской по ней. Они не могли быть в двадцати футах друг от друга, или они ссорились. Я был так наивен, — сказал он, поднимая чашку, чтобы осушить ее. — Я думал, что им просто нужно время, чтобы лучше узнать друг друга. Я сказал им, что для меня было важно, чтобы они стали друзьями. Настоял на поездке в Амазонию, как на средстве сблизить их. — Он с отвращением скривил губу. — Ты хоть представляешь, как сильно я себя ненавидел?

— За что?

— За все это. За то, что влюбился в нее и женился на ней, что не мог видеть ее такой, какая она была. За то, что не понимал ни ее, ни себя. За то, что не подтолкнул Джона сказать мне, что на самом деле было в его сердце. — Он сделал паузу. — Ты когда-нибудь читала мифологию, когда была ребенком?

— Ненасытно.

— Я тоже. Меня всегда поражали пары, казалось, предназначенные друг для друга. Эвридика и Орфей. Геро и Леандр. Пирам и Фисба. Я думал, что в какой-то момент моей жизни у меня будет такая большая любовь — женщина, созданная богами только для меня, как я создан специально для нее. Я всегда верил, что она ждет меня. Но я не стал ее ждать. Я женился на недрагоценном металле, когда боги пообещали мне золото. — Он тяжело вздохнул, что, казалось, лишило его души.

— Как Джон смог жениться на ней в конце концов? Знал ли он ее истинный характер?

Выражение его лица было пустым. — Потому что она проникла в его душу, и нет никакого лекарства для мужчины, когда женщина делает это. Она соблазнила его в экспедиции, поймала его в момент слабости. Когда они были обнаружены, а я был на полпути к смерти, у них тогда был бы только один выход: они должны были нарисовать меня настолько злым дьяволом, насколько могли. Это был единственный шанс спасти их жизнь вместе. Они пожертвовали мной, чтобы купить будущее, и я знаю, сколько это стоило Джону. Он продал каждый кусочек своего самоуважения, когда сделал это со мной. Вот почему он остановился и позволил мне избить его,

когда мы наконец встретились лицом к лицу. Каждый удар, который я наносил, вызывал кровь, и он ни разу не поднял палец, чтобы остановить меня. — Его губы сжались от воспоминаний. — Когда я сбил его с ног и едва мог видеть его лицо из-за крови, знаешь, что он сделал? Ублюдок улыбнулся мне. Он поднял руку в прощении и улыбнулся мне. Я повернулся на каблуках и ушел. Оставил его, истекающего кровью, не оглянувшись назад.

Он отложил чашку. — Итак, теперь ты знаешь худшее обо мне, Вероника. Дело не в том, что я убил человека в Бразилии, или покупал проституток, или провел свою юность в дебошах. Это то, что мое самое большое удовольствие в жизни было избить человека почти до смерти, потому что он взял то, что я любил. Мы не должны радоваться боли других, но это питает меня. Каждый раз, когда я думаю о нем, берущего то, что должно было быть моим — мою жену, мое имя — и расплачивающегося за это кровью сердца, я рад этому.

— Есть те, кто посоветовали бы тебе отказаться от такой горечи, — сказала я ему. — Такая ненависть только отравит тебя изнутри.

Он холодно улыбнулся мне. — Не бойся за меня, Вероника. Дьявол заботится о своих.

...

Это было идеей Стокера, чтобы я надела диадему на прием Тивертон в Карнак-Холле в тот вечер.

— Ты, должно быть, шутишь, — сказала я ему прямо. — Она не подойдет к моему туалету. — Я надела мое лучшее вечернее платье — глубоко декольтированный фиолетовый атлас, который льстил моей фигуре и цвету глаз. Никаких обычных безвкусных украшений, на нем не было ни оборок, ни розеток, только изящное падение ткани из-под аккуратно присобранного турнюра и точная, почти военная острота защипов.

Стокер осмотрел меня от аккуратно завитых волос до кончиков моих фиолетовых вечерних туфель. Он наклонил голову, изучая мою внешность критическим взглядом художника.

— Я думаю, что подойдет. Платье довольно простое, и у тебя нет драгоценностей. С твоими колдовскими черными волосами корона будет эффектно смотреться.

— Я не могу просто показаться в короне принцессы Анхесет, — протестовала я. — Прежде всего, это украденное имущество, которое должно быть возвращено Тивертонам.

— Они не будут возражать, — пренебрежительно сказал он. — Без сомнения, газеты пришлют представителей, диадема на голове красивой

женщины гарантирует длинные колонки в прессе.

Я проигнорировала комплимент; он не был задуман как таковой. Стокер был ученым и просто сделал наблюдения. Если он считал меня красивой, то это было только из-за случайного расположения пропорций и особенностей, которые я не могла контролировать, а следовательно не могла считать своей заслугой.

— Я не должна привлекать внимание прессы, или ты забыл? Моей семье это не понравится.

— Твоя семья может повеситься, мне все равно, — сказал он лаконично.

— Храни свои республиканские идеи при себе, — предупредила я его. — Мы не можем объяснить их к удовлетворению Тивертонов.

— Оставь это мне, — ответил он с уверенностью человека, в котором текла голубая кровь. — Кроме того, ты упускаешь из виду один важный фактор. Если ты появишься в диадеме, у нас есть элемент неожиданности. Мы уже подозреваем Фигги и леди Тивертон. Мы можем наблюдать за их реакцией.

Я колебалась. Схема, несмотря на крайнюю театральность, понравилась мне. Пока я размышляла, Стокер протянул руку и снял с моих волос полдюжины булавок. — Это заняло больше часа! — сопротивлялась я. Он полностью проигнорировал меня и занялся моими волосами, пока они не стали спадать мне на плечи; только впереди они откидывались назад, обнажая мои виски. Он извлек диадему из ее хлопкового гнезда, аккуратно положив ее на мои волосы. Она лежала низко на лбу, обвивая мою голову, и, возможно, была бы слишком велика, если бы не скрепленные замки, которые плотно заполняли ее. Он пригладил тонкие золотые ленточки, вытягивая по одной из них с обеих сторон моего лица, обрамляя его, и позволив остальным спускаться по спине, смешиваясь с распущенными им локонами.

Он отступил назад, чтобы посмотреть на свою работу, изучая ее со всех сторон. — Это сработает, — произнес он наконец. Он вручил мне зеркало — фарфоровую безделушку из коллекции, когда-то принадлежавшей Екатерине Великой, и стал ожидать моего приговора. Фиолетовый цвет платья подчеркивал голубой цвет ляписа и пурпурный агат, а сердолики зажигали оранжевый огонь огненным контрастом. Эффект был поразительным, и с обнаженными ключицами я выглядела совсем не как современная викторианская женщина.

— Полагаю, ты прав, — сказала я с большей неохотой, чем чувствовала. — Давай заманим их в мышеловку, я буду сыром.

Глава 16

Кэб подвез нас к обочине перед Карнак-Холлом, и я удивилась перемене, произошедшей за несколько дней. Атмосфера была наэлектризована, когда приехали экипажи, распределяя великих и добрых, одетых во все лучшее. Некоторые дамы носили драгоценности или платья египетской тематики, и я поняла, что моя диадема может не вызвать столько дискуссий, сколько мы с Стокером ожидали.

Присутствие столичной полиции также свидетельствовало о значимости события. Одетые в плащи полицейские курсировали вокруг — элегантная форма, начищенные пуговицы сияют до блеска — без сомнения, в честь ожидаемого прибытия Принца Уэльского. Несколько членов Особого Отдела смешались с толпой, осторожно держась на обочине, как бы на краю собрания. Я мельком увидел Морнадея, погруженного в разговор за горшком с пальмой. Любитель пофлиртовать, он сумел найти стройную молодую женщину, с которой можно было общаться, хотя выражение его лица было серьезным. Я не могла видеть ее лица, спина женщины была повернута, но я не была удивлена, что Морнадей выделил ее. У него было немодное пристрастие к рыжим волосам, вспомнила я с улыбкой. Стокер и я отправились в зал в поисках наших хозяев.

Сэр Лестер и леди Тивертон были в вестибюле, приветствуя прибывающих гостей. Баронет был одет в традиционную вечернюю одежду, а его дама была в шелковом платье голубовато-серого цвета, ничем не примечательном, за исключением ее собственной тихой грации и эффектного ожерелья египетского дизайна. Цвет ее лица был бледнее, чем обычно, с мягкими сливовыми тенями под глазами. Рука лежала на рукаве мужа, пальцы сжаты, как бы защищая его. Когда мы приблизились, она подняла голову, первой увидела нас и слегка задохнулась.

Шум привлек внимание ее мужа. Сэр Лестер повернул голову, как сова, его взгляд мгновенно переместился на диадему. — Мисс Спидвелл! — воскликнул он, его глаза буквально выскочили из орбит.

Я изобразила яркую улыбку. — Я думала, что вы будете рады видеть — мы разыскали ее.

— Рад — это не то слово, — начал он.

Стокер вышел из-за моего локтя. — Мы надеялись, что вы будете так рады, что не заметите мою бестактность: я убедил мисс Спидвелл надеть ее. Небольшая шутка, — закончил он.

Сэр Лестер посмотрел на диадему. — Я не знаю. — Он колебался. — Это, конечно, очень ценный и древний артефакт.

Прежде чем Стокер смог ответить, Патрик Фэйрбротер подошел с испуганным видом. — Сэр Лестер, я прошу прощения, но есть некоторый вопрос об освещении помоста для саркофага, и я не хотел принимать решение... — Он замолчал, увидев диадему. — Я говорю, мисс Спидвелл, это ... может ли это быть ...

— Так и есть, — ответила я, прикладывая кончик пальца к грифу, парящему чуть выше моей брови.

— Но где ... как вы это обнаружили? Вы нашли Джона де Моргана? — с тревогой спросила леди Тивертон.

— Нет, не нашли, — сказал ей Стокер. — И мы будем рады рассказать, как нам удалось завладеть диадемой, но не сейчас. У вас гости, которым вы должны уделить внимание. Я полагаю, это — корона, пропавшая без вести, когда де Морган исчез? — Он поднял брови, осматривая небольшую группу египтологов.

— Безусловно, — произнес сэр Лестер. Он посмотрел на Стокера. — Я до сих пор не убежден, что позволить мисс Спидвелл носить ее — самое разумное предложение.

— О, но, сэр, — вмешался Фэйрбротер. — Простите меня, но я думаю, что это самая прекрасная идея. — Он бросил взгляд через плечо на коллекцию. — Мы не ожидали, что диадему доставят к выставке, поэтому у нас нет подходящего дисплея для ее демонстрации. Лучшее, что мы могли бы сделать, это воткнуть ее между горшками и банками, а это вряд ли подходит. Намного лучше, чтобы корона демонстрировалась так великолепно на голове прекрасной женщины, — закончил он, слегка кланяясь.

Его покровитель вздохнул. — Полагаю, вы правы, Патрик. — Он повернулся к своей жене. — Что ты скажешь, моя дорогая?

Она улыбнулась. — Мисс Спидвелл выглядит великолепно. Я думаю, что диадема не могла быть выставлена и наполовину так хорошо каким-либо другим способом.

Сэр Лестер медленно кивнул. — Тогда все в порядке. Мисс Спидвелл, я полагаю, мне не нужно напоминать вам об огромной ответственностью, которую вы взяли на себя. Вы несете груз древности на своей голове.

Я пробормотала что-то подходящее и повернулась к леди Тивертон. — Корона, конечно, замечательная, но ваше украшение почти так же красиво, — сказала я, кивая на густо нанизанное жемчужное ожерелье на ее шее.

— Вам оно нравится, мисс Спидвелл? — спросила она, осторожно касаясь ожерелья кончиком пальца. — Это нагрудное украшение, когда-то принадлежавшее принцессе Анхесет. — Она понизила голос. — Мой муж раскопал его. Это предмет гордости для него, и в честь сэра Лестера я надела его, хотя должна признаться, я чувствую себя недостойной.

Он уловил ее последние слова и похлопал ее по руке. — Ничего подобного, — твердо сказал он. — Оно очень тебе идет.

— И без сомнения, это еще больше вызовет интерес к сокровищам, которые вы вывезли из Египта, — сказал Стокер с расчетливой мягкостью.

— Действительно, сэр, действительно, — согласился сэр Лестер. Он принял доверительный тон. — Я понимаю, что Фигги приходила к вам. Надеюсь, она вас не раздражала.

— Совсем нет, — сказала я. — Фигги повидалась с леди Веллингтоний и интересовалась нашей работой в Бельведере. Она приветствуется в любое время.

— Я рад это слышать.

Прежде чем он успел продолжить, леди Тивертон указала на декор зала. — Разве это не самая большая удача, что мы смогли обеспечить этот зал для показа находок? Настройка самая атмосферная, не так ли? — Интерьер зала был почти таким же, как и снаружи, со всеми египтологическими картинами и терракотовыми стенами. Разбросанные по залу пальмы в горшках создавали впечатление, что вы находитесь на открытом воздухе, а ковер был цвета камня.

— Самая атмосферная, — согласилась я.

— Естественно, мы попытались улучшить холл украшениями, — добавила она, указывая на длинные льняные баннеры, висящие на главном входе в зал. — Бедный мистер Фэйрбротер закончил наблюдать за развешиванием баннеров незадолго до того, как были открыты двери. — Баннеры были украшены картушем принцессы Анхесет и изображениями цветов лотоса и богов, позолоченные и раскрашенные в сверкающие красные, желтые и черные цвета.

— Я почти представляю себя в Древнем Египте, — сказала я, кивая мистери Фэйрбротери.

Он улыбнулся мне. — Ваша похвала больше, чем я заслуживаю, но я с удовольствием приму ее.

— Баннеры прекрасны, мистер Фэйрбротер, — заверила я.

— Их было чертовски сложно установить, — сказал он, наклонив голову близко к моей. — Мне пришлось раздеться до пояса и подняться как спортсмену, чтобы поставить их на место. Хотел бы я, чтобы вы были

здесь, чтобы увидеть это.

С большим удовольствием я поняла, что Патрик Фэйрбротер заигрывает со мной. Я наклонила голову и похлопала ресницами. — Я жалею, что не была, — прошептала я.

Он улыбнулся мне. — Пойдемте посмотрим выставку, — призвал он. — Это действительно потрясающе. — Стокер говорил с сэром Лестером, и леди Тивертон приветствовала других гостей, поэтому я приняла руку, которую предложил Патрик Фэйрбротер. Он провел меня через дверной проем в просторы самого зала. Я стояла на пороге какое-то время, ослепленная блестящим голубым блеском фаянса, теплым золотым сиянием. — Великолепно, не так ли? — Его дыхание шевелило тонкую золотую ленту у меня на ухе.

— Совершенно великолепно, — признала я с полной честностью. Как и фойе, внутренний зал был обставлен горшечными пальмами и увешан льняными знаменами, чтобы создать сцену древнего Египта. С Фэйрбротером в качестве гида я познакомилась с коллекцией Тивертон. Он указал на простые вещи, такие как позолоченные деревянные стулья и ширмы, отметив мастерство и объяснив символы. Предметом его истинного энтузиазма были драгоценности, поразительно яркие струны из бисера восхитительных цветов: красный сердолик, синий ляпис, зеленый нефрит, и повсюду сверкание и блеск золота. Он показал мне крошечную газель, застывшую в прыжке и набор расчесок для волос, изготовленных с таким изяществом, что они подходили бы только королевской голове.

— Но вот реликт, который заставил меня мгновенно подумать о вас, — сказал он, указывая на ожерелье, выставленное из футляра, и почти небрежно повешенное на горло глиняной вазы. Это была тонкая нить из бисера, довольно короткая, так что она должна плотно прилегать к основанию горла, и состоящая из чередующихся материалов — золота и лазурита. В центра висел амулет: изящная бабочка — развернутые крылья из лазурита, тонкие жилки, отмеченные золотыми нитями.

— Помните, что я говорил вам о бабочках в гробницах фараонов, — сказал он тихим голосом. — Воскрешение и красота.

— Изысканно, — выдохнула я. Я протянула кончик пальца, будто хотела дотронуться до картуша, но он схватил меня за руку.

— Мисс Спидвелл, вы не должны, — предупредил он с легкой улыбкой. — Смотрите, но не трогайте.

Как будто, чтобы гарантировать мое согласие, он держал мою руку зажатой в своей, пока я восхищалась ожерельем. Через некоторое время он остановил проходящего мимо официанта, чтобы взять с подноса два бокала

шампанского. — Нам дорого стоило вывезти эти сокровища из Египта, но сегодня наш триумф. Выпейте со мной, мисс Спидвелл.

— Очень хорошо. За что мы пьем? — спросила я, принимая стакан.

— За неожиданные приключения, ждущие нас — сказал он, удерживая мой взгляд и касаясь своим бокалом моего.

— За принцессу Анхесет, добавила я, указывая на драпировки, которые скрывали саркофаг на возвышении. — Да упокоится она с миром.

Он снова улыбнулся осторожной улыбкой. — Вы не одобряете публичную демонстрацию гроба?

Я пожала плечами. — Не совсем. Я понимаю потребность в знаниях, но, возможно, более частным образом, только для ученых, — предложила я. — Пожалуй, в этом показе что-то есть от ярмарочного аттракциона.

Улыбка потеплела. — Что ж, возможно, в этом есть смысл, — начал он. Внезапно что-то коснулось моей ноги, и я быстро отодвинулась в сторону, непреднамеренно прижимаясь к мускулистой фигуре мистера Фэйрбротера.

— Это всего лишь Нут, — сказал он, вытаскивая собаку из-за моих юбок. — Но я буду благодарен ей за это, — добавил он с многозначительным взглядом.

Леди Тивертон подошла к ней с немного обеспокоенным выражением лица. — Патрик, я боюсь, что Нут становится обременительной. Фигги должна была приглядывать за ней, но, должно быть, забыла. — Я увидела, как Фигги при виде приближающейся мачехи поспешила спрятаться за помостом, ее лицо сохраняло упрямое выражение. Она была одета в девичье платье желтого цвета, ужасно ей не шедшее, и провела большую часть вечера, прячась за растениями в горшках и злобно глядя на толпу. Казалось, вечеринки не были ее любимым развлечением. Фэйрбротер прикончил остатки шампанского одним глотком и взял собаку за ошейник. — Пойдем, маленькое чудовище, — сказал он с некоторой любовью. — Пойдем и найдем тебе курицу, чтобы съесть.

— Спасибо, — сказала леди Тивертон ему вслед. Она слегка улыбнулась мне. — Я сожалею, что прервала, — начала она нерешительно.

— Прерывать было нечего, моя леди. Мистер Фэйрбротер был просто гостеприимным, — заверила я ее.

— Я прошу прощения, если Нут побеспокоила вас. Она действительно милая, но может быть ужасно возбудимой, и Фигги забывает присматривать за ней. — Она слегка коснулась меня рукой. Что касается ее визита, я надеюсь, что она не надоедала вам.

Бедная Фигги! Неудивительно, что ребенок задыхается, если ее визит

уже вызвал такой интерес. Я повторила то, что сказала сэру Лестеру, и леди Тивертон кивнула. — Она едва знает леди Веллингтонию. Визит к ней был всего лишь предлогом. — Она помедлила, затем бросила взгляд туда, где еще продолжал говорить Стокер, его мужественная фигура выигрывала в абсолютном совершенстве вечернего костюма, выражение лица было серьезным. Несмотря на свои неукротимые волосы и серьги, он выглядел как мастер творения. — Его трудно игнорировать, а Фигги — создание с богатым воображением, — сказала она, оставив невысказанное висеть в воздухе.

— Вам не нужно бояться, моя леди. Мисс Тивертон в безопасности со Стокером, как с монахом. Его манеры иногда бывают грубыми, но он абсолютный джентльмен с колыбели.

Серьезные глаза округлились от ужаса. — Мисс Спидвелл, вы не должны думать ни на минуту, что я могла бы предположить иное. Нет-нет. Отсутствие приличия возникает со стороны Фигги. Я привязана к своей падчерице, — сказала она печальным голосом. — Но мне трудно быть ей настоящей матерью. Она сопротивляется моим усилиям. Она не доверяет мне.

— Возможно, если бы вы предоставили ей немного больше свободы, — предложила я.

— Но как можно дать свободу так плохо подготовленному к свободе ребенку? — мягко спросила она. — Она умна, как все Уорды, но по характеру не похожа на свою мать. Первая леди Тивертон была ученой, очень живой и веселой, но серьезно относившейся к своим интересам. Когда Фигги повзрослела, я начала беспокоиться о ней. Она продемонстрировала определенную дикость характера, непреодолимую волю. Это очень беспокоит ее отца, — призналась она. — Мы не знаем точно, что с ней делать.

Если это беспокоило ее отца, ему следовало винить только себя самого, подумала я. Фигги была не чем иным, как его копией в этом отношении. — Вы думали о том, чтобы дать ей образование? — спросила я. — Она не глупа. Возможно, ей просто нужно начать учиться, чтобы избавиться от привычки быть бесполезной.

В ее глазах появилось закрытое выражение. — Она очень хочет пойти в школу, но мой муж не может с ней расстаться. Он преданный отец, — сказала она несколько защитным тоном.

— Я в этом уверена, — сказала я ей. — Но, возможно, для ее же блага, его можно убедить отпустить ее в школу.

Она развела руки. — Я иногда в растерянности, я не против рассказать

вам. Он не дисциплинирует ее, как следовало бы, а я не могу. Мачеха, естественно, должна поступать мягко.

— Я думаю, — медленно сказала я, — что в конечном итоге Фигги пойдет своим путем.

Леди Тивертон поднялась. — Я должна извиниться, мисс Спидвелл! Что вы должны думать обо мне? Болтать о проблемах нашей семьи таким образом? — Прежде чем я смогла подобрать подходящий ответ, сэр Лестер установил помост перед занавесками, экранируя саркофаг принцессы Анхесет.

— Прошу тишины, друзья! — позвал он. Тупой рев собравшейся толпы превратился в приглушенный гул. Сэр Лестер продолжил. — Я не великий оратор, — начал он. — Но я должен приветствовать всех вас здесь, в Карнак-Холле, по этому великолепному случаю. — Он продолжил рассказывать об экспедиции, замалчивая трудности и выражая благодарность членам своей команды. Он рассказал о том, как впервые обнаружил пещеру, тонкую расщелину в скале, которая должна была оправдать надежды всей его жизни. Он кратко рассказал о Джонасе Фаулере, директоре поздней экспедиции, а вовсе не о Джоне де Моргане. Вместо этого он поднял свой бокал и сказал звенящим голосом: «Она пролежала в тишине и достоинстве на протяжении тысячелетий, но сегодня вечером я представляю вам, со всеми ее сокровищами, принцессу Анхесет!»

Толпа ответила, бокалы высоко подняты. — Принцесса Анхесет! — Леди Тивертон пошла к своему мужу, чтобы принять поздравления гостей. Стокера нигде не было видно, он, несомненно, что-то выслеживал, и я позволила себе с восхищением рассмотреть находки. Мне особенно понравились сандалии из битого золота, тонкие, как лист бумаги. С ними был набор из двадцати полых золотых фигур, похожих на наперстки, но гораздо длиннее и явно предназначенных для того, чтобы закрывать кончики пальцев рук и ног.

— Они выглядят чертовски неудобно, не правда ли? — спросила молодая женщина, которая появилась рядом со мной. Мгновенно я узнала ее, именно с ней разговаривал инспектор Морнадей по прибытии. В отличие от других дам, которые пришли в своих лучших вечерних платьях, одетые в драгоценности, чтобы соперничать с принцессой, эта леди была скромно одета в довольно обычное темно-синее платье. Ее волосы были красноватыми и свернуты тяжелым, аккуратным узлом на затылке. Гувернантка или компаньонка, пришла с одним из самых выдающихся гостей?

— Я должна думать, что они крайне неудобны, — согласилась я.

— Ну, может быть, стоит немного пострадать, чтобы стать принцессой. — Она на мгновение заглянула в футляр, а затем бросила на меня любопытный взгляд. — Мне кажется странным, что сэр Лестер не упомянул проклятие мумии в связи со смертью Джонаса Фаулера, не так ли? Ни исчезновение Джона де Моргана.

Я пожала плечами. — Без сомнения, он хотел, чтобы внимание было сосредоточено на успехе экспедиции, а не на сенсационном суеверии.

— Я должна думать, что исчезновение штатного фотографа и бесценной диадемы было чем-то большим, чем суеверие. И потерять директора экспедиции таким драматическим образом, — она позволила своему голосу замолчать, склонив голову, чтобы внимательно рассмотреть корону на моей голове. — Половина женщин здесь одеты в египетские украшения, но я думаю, что ваша диадема, пожалуй, особенная, — сказала она, пристально глядя на меня, когда достала из кармана тонкую тетрадь и карандаш. — Не могли бы вы сделать заявление для прессы?

Мой разум вернулся к темному тротуару за пределами Бишоп-Фолли. — Вы! Вы были женщиной, которая следовала за нами, — прошипела я.

Она широко улыбнулась и вытянула руку. — Я не могу поверить, что мы встретились. Дж. Дж. Баттеруорт. Я спросила, не могли бы вы сделать заявление, мисс Спидвелл?

Я проигнорировала руку. — Я бы точно не стала. Сэр Лестер знает, что вы здесь?

Она наклонила голову. — Не совсем. Он послал приглашение в мою газету, и оно попало в мои руки.

— Вы имеете в виду, что украли его.

Она пожала плечами. — Женщина должна создавать свои возможности в этом мире, разве вы не согласны?

— Если бы я согласился, я нашла бы это в печати?

Она откровенно засмеялась. — Думаю, при других обстоятельствах, мисс Спидвелл, мы могли бы стать друзьями.

— Я бы скорее подружилась с барракудой, — сказала я ей спокойно. — И давайте будем совершенно ясны друг с другом. Я презираю вас и грязные маленькие сплетни, которые вы придумали. И если вы напишете одно лживое слово о Ревелстоуке Темплтон-Вейне ...

Она подняла руку. — Я знаю. Вы будете судить меня за клевету.

— Моя дорогая мисс Баттеруорт, после того, как я закончу с вами, не останется ничего, с чем можно судиться.

К ее чести, она все еще улыбалась, когда уходила с высоко поднятой головой. Я постояла секунду, уставившись на нее и кипя гневом от лукавства Морнадея. Увидев их вместе на улице, я почти не сомневалась, что именно он передавал ей информацию, как птичка-матушка, которая сбрасывает вкусные кусочки в ожидающий клюв цыпленка. По крайней мере, я могла бы снять все подозрения с Фигги на этот счет, подумала я мрачно. Я заметила Стокера в толпе и пошла к нему по кругу, стремясь увести его, пока его не заметила мисс Баттеруорт.

Внезапно в зале раздался голос отчетливым американским акцентом: «Да, боже мой, разве это не зрелище!» Все глаза обратились к дверному проему, где стоял Хорус Стил, положив руки на бедра, осматривая комнату. Его сын Генри неловко стоял позади него, такой же взъерошенный в вечернем костюме, как и в своей повседневной одежде.

Сэр Лестер вырвался из группы гостей и шагнул к своему бывшему партнеру, когда над собранием воцарилась тишина. Генри, явно выглядевший несчастным, скользнул к краю витрин, почти всунувшись за горшок с пальмой в своем желании быть невидимым. Я сочувствовала ему. У его отца был просветленный вид и хитрые глаза опытного провокатора, а сэр Лестер был не из тех людей, которые отступали без боя. Он приближался к Хорусу Стилу, как бык на красное, неудивительно, учитывая, что их последняя встреча закончилась угрозами насилия со стороны явно взбешенного Стила.

— Что вы имеете в виду, придя сюда? — потребовал сэр Лестер.

Мистер Стил коснулся полосы черного крепа, прикрепленной к его руке. — Я пришел, чтобы выразить свои соболезнования, — сказал он с легким упреком. — Я работал с Джонасом много лет, и мне показалось уместным отдать дань его последней экспедиции.

Сэр Лестер немного побагровел. — О, гм. Конечно, конечно. Паршивое дело.

— Действительно. — Они встали, сэр Лестер расправился, словно пытаюсь помешать мистеру Стилу пройти дальше. Мистер Стил указал на витрину. — Я вижу, вы все еще продолжаете выставку.

— Естественно, — сказал сэр Лестер, выпячивая грудь. — Это то, чего хотел бы Фаулер.

— Он бы хотел, — согласился мистер Стил. Его тактика агрессивного согласия, казалось, лишила сэра Лестера его напора. Идеальная вежливость и безупречность манер американца не позволяли баронету устроить сцену, не проявив грубости. Казалось, они оказались в тупике, пока мистер Стил не заметил леди Тивертон и вежливо поклонился. — Моя леди.

Ее глаза стали огромными и немигающими. — Мистер Стил. Какая неожиданность, — сказала она, ее обычно тихий голос был даже мягче обычного.

Мистер Стил слабо улыбнулся. — Как и печальная кончина Джонаса Фаулера.

— Едва ли. У парня было заболевание сердца, как вы хорошо помните, — резко добавил сэр Лестер.

— Конечно. Я помню, однажды он испугался шакала, бродящего слишком близко к лагерю. Шакал так громко завыл, как будто он уносит человеческую душу. Бедный старый Джонас побелел как простыня и рухнул. Но я ожидал, что он продержится еще годы. Годы, — сказал он, подчеркивая слово. — Тем не менее, мало что человек может сделать против проклятия мумии, не так ли?

Это было мастерски сделано. Тивертоны не могли говорить публично ни за, ни против проклятия. Они могли в частном порядке сожалеть об этом, но история стимулировала продажи, и сэр Лестер создавал впечатление проницательного бизнесмена, который использовал бы все преимущества.

Он сжал губы, когда мистер Стил продолжил. — Да, это проклятие любопытно. Вы говорите, оно исходило от мумии принцессы Анхесет?

— Да. Ее оставили в пещере в отдаленной wadi с некоторыми из ее могильных вещей, — сказал Патрик Фэйрбротер, приблизившись. — Вы сами можете увидеть ее картуш, — добавил он, откидывая занавес перед саркофагом.

Приняв это приглашение, мистер Стил аккуратно обошел сэра Лестера. Он посмотрел на саркофаг, задумчиво поглаживая усы. — Очень интересно, — тихо сказал он. — Итак, это ваша принцесса, — добавил он, касаясь пальцем выжженного и позолоченного дерева.

Сэр Лестер поспешил встать между Хорусом Стилом и своей любимой принцессой. — Ее нельзя трогать.

— Я бы не мечтал об этом, — сказал Стил, бросив на сэра Лестера долгий размышляющий взгляд. Что-то в этом взгляде разозлило его, потому что баронет сжал руки в кулаки. — Эта выставка увековечит имя Тивертонна. Это войдет в анналы египтологии, и вы будете всего лишь сноской, — сказал он сквозь зубы.

Леди Тивертон вздрогнула, положив руку на горло, но мистер Стил лишь улыбнулся. — Не беспокойтесь, моя леди. Я очень хорошо понимаю вашего мужа. Полагаю, лучше, чем кто-либо другой. — Он повернулся к сэру Лестеру. — Не суетитесь. Я пришел не для того, чтобы устроить

сцену, — сказал он со всей искренностью. — Я просто хотел посмотреть коллекцию и не стал ожидать приглашения, поскольку мы не так близки, как когда-то.

Выстрел попал в цель, сэр Лестер покраснел, его руки были связаны. — Конечно. Посмотрите вокруг, если вам угодно. Выпейте шампанского. Я должен уделить внимание своим гостям. Принц Уэльский ожидается в ближайшее время.

Он ушел вслед за леди Тивертон. Я стояла на месте, почти не чувствуя руки Стокера там, где она схватила меня за руку. — Осторожно, — пробормотал он мне на ухо. — Мы можем уйти сейчас, если хочешь.

Я повернулась к нему, моя грудь горела от какой-то неназванной эмоции — И пропустить встречу с моим отцом? Я бы не мечтала об этом.

Прежде чем он успел ответить, Хорус Стил увидел нас и подошел. — Мисс Спидвелл, мистер Темплтон-Вейн, — сказал он, наклонив голову. — Здесь такая суета.

— Коллекция восхитительна, — заметил Стокер. — Хотя я предпочел бы больше искусства и меньше бытовых изделий.

Мистер Стил махнул рукой. — Не имеет большого значения, сынок. Если это найдено в египетской гробнице, это представляет интерес. Я мог бы продать грязный горшок, если бы сказал, что он принадлежит Аменхотепу, — рассеянно сказал он. Диадема привлекла его взгляд. — Что такое, мисс Спидвелл. Что у нас здесь?

— Просто кое-что, принадлежащее принцессе Анхесет. Вам нравится?

Он внимательно посмотрел на корону из фигур животных наверху и высеченный картуш вокруг основания. Я чувствовала запах рома и его лосьона для бритья, он был достаточно близко, чтобы я могла видеть четкую линию волосков на краю усов. Его дыхание было странно холодным на моей щеке, и как только я начала осознавать его пристальное внимание, он отступил назад.

— Очаровательно — было все, что он сказал. Он посмотрел вокруг. — Я не думаю, что здесь подадут что-то более крепкое, чем шампанское? — спросил он с надеждой в голосе.

— У меня есть *aguardiente* в фляжке, — призналась я.

Он улыбнулся. — Мисс Спидвелл, вы женщина по моему сердцу. Я был женат три раза, но начинаю подумывать о четвертом.

Стокер закатил глаза и посмотрел на проходящего мимо официанта. — Можете найти стакан виски для мистера Стила?

Официант послушно поклонился, и Хорус Стил улыбнулся Стокеру. — Благослови вас бог, сынок. Надо выпить море этой шипучки, прежде чем

поплыть. Официант появился почти мгновенно, предлагая обещанный стакан. Хорус Стил взял его, сопроводив галантным жестом в мою сторону. — За ваше очень хорошее здоровье, моя дорогая мисс Спидвелл.

В этот момент зал погрузился во тьму, и когда все газовые лампы вышли из строя одновременно, низкий, неземной стон наполнил воздух.

В толпе раздался взволнованный гул, посетители предположили, что театральные представления были просто частью вечернего развлечения, но по реакции Тивертонов было очевидно, что это не так. Леди Тивертон ахнула, и ее муж заговорил гневно и бессвязно в темноту. — Богом клянусь! Вы знаете, что я заплатил за это место? Я буду судить владельца за мошенничество! Это невыносимо ...

На галерее музыкантов вспыхнул свет — факел, высоко поднятый и зажатый в руке фигуры, вышедшей из тени. Это был Анубис, бог-шакал, одетый так же, как когда мы видели его в последний раз, с низким льняным килтом и нагрудником. Мы были парализованы от ужаса и шока, когда он шагнул к краю галереи, поднимая свой факел в нашу сторону. Он указал на сэра Лестера. Он ничего не сказал, и именно это молчание было более пугающим, чем любая угроза. Он просто стоял, указывая обвинительным пальцем на баронета. Затем факел погас, и зал снова погрузился во тьму.

Долгое время казалось, что никто не двигался, но потом все произошло сразу. Сэр Лестер тихо застонал, самообладание леди Тивертон нарушилось рыданием, и я почувствовала, как грубая рука сорвала диадему с моей головы.

Я вскрикнула и выбросила руки перед собой, пытаюсь схватить нападавшего, но мои пальцы сомкнулись, ловя пустой воздух. Стокер зажег спичку, и маленькое пламя вспыхнуло, освещая сцену вокруг нас. Сэр Лестер выглядел потрясенным, леди Тивертон направилась к нему, ее губы побледнели от шока. Он прижал ее к себе в отчаянных объятиях, тонущий человек цепляется за свой оплот. Не было никаких признаков вора, который похитил у меня корону. Патрик Фэйрбротер выглядел совершенно ошеломленным, тупо уставившись в сторону галереи. Хорус Стил, все еще сжимающий свой стакан с виски, пристально посмотрел на сэра Лестера, его лицо было непроницаемым, когда Фигги рухнула с воплем в руки Стокера, как только погасла его спичка.

Я не знаю, как долго мы оставались в темноте — всего несколько секунд, хотя казалось, что намного дольше — но огни снова загорелись, газовые лампы снова вспыхнули. Леди Тивертон вырвалась из объятий мужа. — Фигги! — воскликнула она. Выражение лица Патрика Фэйрбротера было мрачным.

Сэр Лестер увидел Стокера, державшего в руках Фигги, и начал бушевать. — Что вы себе позволяете, сэр ...

— Она упала в обморок, сэр Лестер. Ей нужны горелые перья или, возможно, просто крепкий шлепок, — предложила я, поднимая руку. — Должна ли я? — При этом Фигги застонала и затрепетала.

Подхватив свои юбки обеими руками, я бросилась к галерее, проклиная задержку, вызванную обмороком Фигги. Я оглянулась за собой только один раз, чтобы увидеть, как она цепляется за Стокера — без сомнения, умоляя его не подвергать себя опасности — но я не стала ждать. Потребовалось время, чтобы найти лестницу; она была скрыта за панелями в коридоре, ступеньки были узкими, и в темноте я взбиралась по ним так быстро, как только могла. Галерея, как я и опасалась, была пуста.

Стокер присоединился ко мне мгновение спустя, поворачивая голову, взглядываясь в тень. — Куда? — потребовал он.

Я заметила панель, не совсем вровень с остальными. — Туда! — Дверь закрывалась хрупким замком, но Стокер приложил плечо к панели и расколол ее одним толчком. Не дожидаясь его, я перепрыгнула через сломанные остатки двери и устремилась во тьму за ее пределами. Еще одна узкая лестница вела из галереи, и на расстоянии я могла разглядеть проблеск света. — Я слышу шаги, — прокричала я Стокеру, не удосужившись понизить голос. Анубис, кем бы ни был дьявол, должен был услышать шум, когда Стокер ворвался в дверь. Он знал, что мы его преследуем.

Следуя за Стокером, я взобралась по лестнице и прошла несколько узких проходов. Каждый заканчивался лестницей, которая поднимала нас выше, все выше и выше в карниз здания. Мы двинулись дальше, следуя за тусклым свечением фонаря, качающегося впереди. Но Анубис имел преимущество перед нами. Он был знаком с запутанными проходами, и, заперев по пути еще две двери, он получил ценное время, когда мы были вынуждены делать остановки и зажигать спички, а Стокер разбивал узкие панели.

— Думаю, он осознает, что ему нас не остановить, — пробормотала я у последней из запертых дверей.

Стокер нажал на нее плечом и одним крепким ударом сбил дверь с петель. — Он не должен останавливать нас, — мрачно сказал он. — Ему нужно только замедлить нас.

Его высказывание было верным. Как только мы ворвались в последний из проходов, мы увидели фигуру Анубиса в конце длинного коридора, исчезающую за дверью. Мы погнались за ним, рывком открыли дверь,

обнаружив, что она скрывает за собой лестницу.

— Черт возьми, — пробормотал Стокер. — Он запутывает следы и направляется вниз. Мы должны были разделить наши усилия.

— Слишком поздно, — напомнила я ему, когда мы бросились вниз по лестнице. Эта лестница закончилась в коридоре за складскими помещениями, и мы вышли в коридор без признаков Анубиса — только дверь в переулок, все еще качающаяся на петлях, дала подсказку. Мы припустили по улице, зовя полицию, но никто не ответил.

— Где полиция, черт возьми? — потребовала я.

— На тротуаре у входной двери ждет чертового принца, — ответил Стокер, когда мы вышли в пустой переулок. Он щедро выругался, когда мы метались из стороны в сторону, ища какой-нибудь ключ к разгадке Анубиса.

— Туда! — закричала я. В тени была видна отодвинутая крышка канализационного люка. Из него исходил слабый свет, с каждой секундой он становится все тусклее и тусклее.

— Как крыса, — мрачно сказал Стокер. Не было ни времени, ни желания обсуждать. Мы сняли железный диск и устали в вонючие кишки Лондона. Прямо под нами был узкий вертикальный проход, ведущий к некоему подземному помещению в двенадцати футах ниже улицы.

Стокер посмотрел на меня через зловонную дыру. — Дамы первыми.

Я собрала свои атласные юбки и прыгнула в проем, найдя точки опоры на скользких ступеньках в виде железных скоб, установленных в кирпичной стене прохода. Когда я достигла дна, я вытянула один пробный палец. Мою вечернюю туфельку мгновенно проглотила бурлящая коричневая вода, которая текла на высоте моих лодыжек под великим городом наверху. Это была одна из легендарных подземных рек Лондона, проложенная в начале столетия, чтобы закрыть вонючий поток сточных вод и остановить распространение болезней. Вода все еще текла сюда, неся отходы из самых дальних уголков города к самой Темзе. Я подозревала, что вода была глубже, чем обычно, потому что тающие снега подняли уровень реки, и вода, текущая мимо нас, была холодной и быстрой.

Я посмотрела вниз прохода и увидела свечение в дальнем конце. Я подала сигнал Стокеру, и он начал пробираться вниз, пропуская две или три скобы каждый раз, пока не достиг моей стороны.

— Нам нужен свет, — сказала я ему. — У тебя есть твои спички?

Он покачал головой. — Слишком опасно. Здесь есть очаги горючих газов. Искра может вызвать взрыв.

— Но Анубис... — начала я.

— Может положиться на свою удачу, — мрачно сказал Стокер. — Мы будем ориентироваться на его свет и надеяться, что если он взорвется, то не прихватит нас с собой.

Я указала на угасающий свет. — Туда.

Мы пробились к концу канализационной камеры, невыразимые вещи плыли мимо наших ног, когда мы шли. Запах был невероятным, живое существо, которое свернулось в клубок внутри нас, ядовитое и гнойное. Там, где Анубис исчез, камера сузилась до туннеля, чуть выше моей головы, и Стокер наклонился, когда мы вошли. Далеко впереди я заметила отблеск света и услышала течение быстрой воды. Чувствовалось движение воздуха, немного менее вонючего, чем в канализационной камере.

Мы долго следовали за маленьким ореолом света, как за ужасной звездой, так долго, что я утратила способность чувствовать, потеряла концепцию времени в этой ужасной преисподней. Анубис стремился вперёд, без сомнения, из отчаяния, так как страх разоблачения может заставить человека сделать непостижимое. И все же мы следовали за ним, загоняя его, как гончие на лисей охоте. Туннели местами сужались, я едва могла пройти сквозь них; я не осмелилась оглянуться, чтобы увидеть, как это удавалось Стокеру. В других местах они открывались в большие вонючие камеры, огромные, как бальный зал, с высокими сводчатыми потолками, парящими над головой. И повсюду бесконечный запах грязи и яркие, знающие глаза крыс, следящих за нами из тени.

Тем не менее, Анубис продолжал идти, и мы продолжали следовать за ним, пока не свернули в один из проходов лабиринта, и свет погас с внезапностью смерти. Одно мгновение мы чувствовали непроизвольное утешение от света, смутно мелькавшего вперёди, и в следующее мгновение он исчез.

Без какого-либо освещения мы были ослеплены, пока наши глаза не приспособились. Высоко наверху ночное небо отражалось от решетки, впуская звездный свет и приподнятую луну. Оно бросало жуткий свет на водный мир, кошмарный и мрачный. Я могла разглядеть силуэт Стокера, высокую черную тень, но не более того. — Ублюдок, — сказал он с чувством.

— Куда он мог пойти? — потребовала я.

— Вверх и наружу, — сказал Стокер. — Должно быть, он воспользовался возможностью, чтобы взобраться по одной из лестниц и выйти, унеся с собой освещение.

— Тогда мы должны сделать то же самое. — Я протянула руку, чтобы

схватить самую нижнюю из скоб, встроенных в стену, но то ли повернулась слишком быстро, то ли грязь, прикрепленная к основанию моих туфель, стала слишком толстой, потому что вдруг мои ноги подскользнулись, и я закрутилась, полетела вниз и упала на спину, где была поймана потоком. Меня понесло, подняло вверх в этой зловонной, вонючей воде.

— Вероника! — голос Стокера прорезал невозможную бесконечную ночь этого заброшенного места.

— Я здесь! — закричала я. Но я не могла понять, где «здесь» было. Никакого света, никакой отметки, по которой я могла бы ориентироваться. Только эта река, уносящая меня прочь, такая же неизбежная, как Стикс. Звук ее течения наполнил мои уши, и через мгновение я почувствовала, что шум становится все громче-громче, и с ужасом осознала, что приближаюсь к своего рода слиянию. Мы уже видели такие проходы, места, где один набор туннелей переходил в другой. Иногда, когда туннели сужались, это вызывало значительное увеличение скорости воды. В других, где туннели были разной высоты, это вызвало своего рода отвратительный, неестественный водопад, достигавший в некоторых местах не менее тридцати футов. Чем ближе меня подносило, тем громче стучала вода, и тогда я поняла, что меня ожидает. Меня перенесет через край туннеля и сбросит в глубины ада ниже. Само падение, как минимум покалечит. Если повезет, оно убьет меня быстро. Я тянулась к грязным стенам, но мои ногти царапались о кирпич, ломаясь, не давая мне уцепиться. Мои ноги не могли удержать меня от напора этой воды. Я сделала глубокий вдох, как только осмелилась, и сказала одно слово, когда меня вынесло из туннеля на открытый воздух камеры за ним.

Я ожидала ощущение падения, но оно не пришло. Вместо этого был момент феноменальной невесомости, легкость как у бабочки, парящей над цветком. А потом ощущение руки, сильной, как железо, обхватившей мое запястье, прежде чем боль пронзила мою руку, и мое плечо почти вырвалось из гнезда. Мое тело врезалось в стену внизу, но я не упала. Я подняла голову и увидел лицо Стокера, окруженное нимбом света.

— Боже мой, я мертва? Не может быть, потому что ты точно не ангел, — бормотала я.

— Анубис оставил свой фонарь, глупая женщина, — проворчал Стокер. — Теперь, давай. Я собираюсь подтянуть тебя.

В этом гротескном месте он лежал на животе, покрытый грязью с головы до пят, и это было самым прекрасным зрелищем, которое я когда-либо видела. Он тащил меня в безопасное место, как груз, перемещая с большим вниманием к скорости, чем к комфорту. Но когда я поднялась над

краем туннеля, я услышала его бормотание благодарностей богу, в которого он не верил. Я также увидела ногу, которую он замкнул железной скобе на стене, чтобы удержать его, когда он нырнул за мной, и я поняла, что он разодрал ее до костей. Я ничего не сказала, просто изобразила решительную улыбку и выдернула мертвую крысу из моих потрепанных волос.

Я указала на туннель, нависающий над головой. — Должно быть, он сбежал туда.

Как раз в этот момент лунный свет от решетки сверху сместился. Раздался царапающий шум, и свет фонаря вонзился в узкий ствол. — Что, черт возьми, вы там делаете? — потребовал властный голос. — Выходите немедленно.

Наши глаза ослепило внезапным светом, мы смотрели в лицо сэру Хьюго Монтгомери.

Глава 17

Сэр Хьюго протянул руку, чтобы помочь мне, но внезапно отшатнулся, увидев меня или почувствовав запах. Было невозможно сказать, что было более неприятным.

— Я полагаю, будет слишком невежливо спросить, почему вы вдвоем галлопируете по канализации, — сказал он вежливо.

— Мы преследовали злоумышленника, маскирующегося под Анубиса, — сказала я ему высокомерно. — Это больше, чем вы могли бы сказать о любом из ваших людей. — Он приложил носовой платок к носу, возможно, больше защищаясь от нашей вони, чем от его болезни.

— Вам не следует выходить в этот холод, когда вы все еще страдаете от простуды, — сказала я ему, завернувшись в одеяло безымянного полицейского.

— Я поправился, — сказал сэр Хьюго, резко отступая назад. — Могу ли я предложить вам смену одежды, мисс Спидвелл? И не пытайтесь стирать одежду, которую вы носите. Сожгите ее.

Я скорчила гримасу, но услужливо отступила на несколько шагов. — Как вы нас нашли? — спросила я.

Он указал за собой, и, к моему изумлению, я увидела надвигающийся фасад Карнак-Холла. — Вы имеете в виду, что чертовый злодей водил наскругами? — закричала я. Вся эта грязная вода, зловоние, которое сидело в моих ноздрах, все это было напрасно.

Сэр Хьюго любезно улыбнулся. — Мои люди обнаружили, что крышка люка была приоткрыта лишь после того, как парень воспользовался этим средством спасения. Он оставил свою маску Анубиса, но там нет никаких улик. Кажется, он устроил вам веселую погоню, — добавил он.

— И благодаря вашему вмешательству, — сказал инспектор Арчибонд, приближаясь, — злодей избежал правосудия.

— Правда? — спросил Стокер. — Я бы сказал, что мы были единственными, кто преследовал преступника, и мы чуть не схватили его.

Арчибонд обернулся к нему. — У меня есть все основания обвинять вас во вмешательстве в полицейский бизнес!

— Не будет никаких обвинений, — тихо сказал сэр Хьюго.

Арчибонд сердито посмотрел на своего начальника. — Сэр, я действительно должен настаивать ...

Аристократические брови сэра Хьюго поднялись, и Арчибонд,

понимая *lèse-majesté* (французский термин, означающий оскорбление достоинства правящего суверена), поспешил исправиться. — То есть я твердо убежден, что обвинения должны быть выдвинуты.

— Полицейский не руководствуется убеждениями, Арчибонд. Только фактами. И дело в том, что этот вопрос теперь входит в компетенцию Морнадея.

Арчибонд приоткрыл рот. — Морнадея! В самом деле, сэр, в таком значительном деле кажется крайне необычным поставить на ответственное место такого ненадежного, неортодоксального детектива.

— Кто-то упомянул мое имя, сэр? — профланировал Морнадей, засунув руки в карманы и едва сдерживая ликование.

Арчибонд повернулся к нему с диким рычанием. — Уберите руки из карманов! Я приказал вам оставить это расследование в покое, — начал он.

— Да, сэр. И я игнорировал ваши приказы, за что я готов принять выговор. Но поскольку Его Королевское Высочество посчитал весь этот инцидент забавным и лично просил меня участвовать, я сомневаюсь, что выговор окажется в моем персональном деле, — сказал он, его веселые карие глаза мерцали.

Арчибонд, не найдя что ответить, ушел, бормоча себе под нос.

Я едва заметила, когда он ушел. Стокер тихо положил мне на плечо руку, интуитивно понимая мои мысли.

Сэр Хьюго долго и многозначительно смотрел на нас. — Возвращайтесь в Бишоп-Фолли и переоденьтесь. Я уверен, вы не хотели бы, чтобы вас видели в таком состоянии.

Он наклонил чуть-чуть голову, и тогда я увидела его. Он стоял рядом с каретой, в окружении людей. Карета была отмечена его значком — три белых пера, страусиные перья были уникальной эмблемой принца Уэльского. Он не был высоким мужчиной, мой отец. Я сказала бы, примерно пяти футов восемь дюймов или около того. Его черты были ничем не примечательны, хотя я могла судить по его улыбке и яркости глаз, что он, должно быть, имел огромное обаяние. Не зная, что он принц, его можно было ошибочно принять за преуспевающего бизнесмена. Но он был принцем, и это имело значение. Безошибочный гламур королевской семьи привлекал внимание, как солнце влечет планеты к своей орбите. Он не смотрел в мою сторону. Я потянула одеяло, залитое канализационной водой, более плотно вокруг себя.

Сэр Хьюго тактично отвернулся и начал отдавать приказы.

— Я думаю, что мы нажили себе врага в лице инспектора Арчибонда, — заметила я, сознательно поворачиваясь к Морнадею.

— Не больше, чем я, — весело сказал Морнадей.

Стокер, такой же мокрый и грязный, как и я, отошел в сторону, чтобы принять одеяло, предложенное одним из полицейских. Я воспользовалась возможностью, чтобы спокойно поговорить с Морнадеем.

— Знает ли сэр Хьюго, что это вы были источником эксклюзивной информации Дж. Дж. Баттерворту?

Он покраснел глубоко, до корней своих волос. — Я думаю, что он подозревает. Откуда вы знаете?

Я пожала плечами. — Кэролайн Темплтон-Вейн ушла из общества после развода. Мало кто знал, что она вышла замуж за Джона де Моргана, и даже те, кто это знал, не установили бы связь между ним и Стокером. Была только горстка людей, которые могли бы поделиться этой информацией с мисс Баттеруорт, и как только я встретила ее, я поняла, что вы были наиболее вероятным. Вы всегда были в восторге от привлекательных молодых женщин, — многозначительно добавила я.

Он снова покраснел. — Это не так, — настаивал он. — Арчибонд пытается продвинуться вверх с тех пор, как прибыл. Он крестник министра внутренних дел. С больным сэром Хьюго это была его лучшая возможность отодвинуть меня с пути и подорвать авторитет сэра Хьюго. Арчибонд думал, что если бы он мог раскрыть дело, это помогло бы ему стать главой Отдела. Я не мог этого допустить. Я использовал мисс Баттеруорт, чтобы продолжать помешивать в горшке, надеясь, что ее истории высвободят некоторую жизненно важную подсказку. Я надеялся, что кто-то достаточно нервничает, чтобы споткнуться, и я буду там, когда это случится. Но из-за того, что Арчибонд занимал меня дурацкой работой, я не мог быть под рукой. Мисс Баттеруорт предложила помощь в качестве разведчика, следя за всеми поворотами дела.

— И взамен вы передали ей информацию о Стокере, сделав из него козла отпущения, — обвинила я.

Он поднял руки. — Я знаю, что должен сожалеть об этом, но вы не можете винить меня. Парень монополизирует единственную женщину, которая мне действительно нравится. — Он пристально посмотрел на меня, и я улыбнулась, несмотря ни на что.

— Морнадей, вы лжец и оппортунист, но вы сделали все возможное для сэра Хьюго, и я склонна полагать, что лучше танцевать с дьяволом, которого знаешь...

— В таком случае я скажу вам кое-что бесплатно, — сказал он, тряхнув подбородком в направлении зала. — Сэр Лестер Тивертон перенес апоплексию.

Я повернулась как раз вовремя, чтобы увидеть сэра Лестера, которого выносили из зала на носилках, бесчувственного, с багровым цветом. Леди Тивертон была рядом с ним, сжимая его руку, и Патрик Фэйрбротер спешил за ними с мрачным выражением лица.

— Стокер, — сказала я, обращая его внимание на маленькую драму, разыгрывающуюся перед нами.

— Я не удивлен. Все это, должно быть, было ужасным шоком, — отметил он. В этот момент из зала вышел Хорус Стил, за которым следовал Генри. Оба выглядели подавленными. Они не следовали за Тивертонами, а со всей скоростью направились прямо к своей собственной карете.

Последней из всех пришла Фигги, медленно следуя, почти забытая всеми в суматохе, уставившись на своего пораженного ударом отца с непостижимым выражением лица. В последний момент леди Тивертон обернулась, подзывая ее в толпе и направляя девушку в их карету.

Стокер коснулся моего плеча. — Я думаю, что мы должны идти. Сэр Хьюго организовал для нас экипаж. — Он взмахнул рукой, показывая мне, что мы должны следовать за каретой принца и держаться нас в тени.

— Я так не думаю, — сказала я ему. Я обернула одеяло вокруг себя, как будто это был придворное платье, и подняла голову. — Простите меня, — сказала я ближайшему придворному. — Пропустите меня, пожалуйста. Я ухожу.

Увидев мой потрепанный вид, небольшая толпа разошлась, болтая и подшучивая. Я не смотрела ни направо, ни налево, но когда я пересекла мостовую, я почувствовала, что взгляд моего отца остановился на мне. Мы не говорили; мы даже не посмотрели друг другу в глаза. Но я заставила его заметить меня. Этого было достаточно на данный момент.

...

По настоянию сэра Хьюго нас отвезли домой, но его щедрость не распространялась на использование его кареты в нашем нынешнем состоянии. Нас отвезли на Черной Марии (полицейский фургон), как обычных преступников, но зато быстро доставили в Бишоп-Фолли. При всей неразберихе никто не заметил, что диадема пропала — по крайней мере, ни один из Тивертонов. Стокер, однако, был более внимателен к деталям. Он бросил взгляд на мою непокрытую голову и пробормотал проклятие себе под нос.

— Я знаю. Но если тебя это утешит, я полностью виню тебя. Это была твоя идея.

— Из всех чертовых...

Затем я прервала его, чтобы рассказать, что я узнала о Морнадее и

личности нашего таинственного преследователя. Его ответом, к моему изумлению, был сердечный смех.

— Тебе кажется забавным, что мы упустили такую очевидную возможность, что Дж. Дж. Баттеруорт, является нашей загадочной женщиной? — Я спросила с вызовом, когда мы спешили и направились к Бельведеру. Чашка чая на ночь казалась необходимой.

— Мне кажется забавным то, что она была достаточно смелой, чтобы прийти на прием к Тивертонам без приглашения. Как она выглядит в юбке? — задумчиво спросил он.

— Высокая, как ты помнишь. Волосы с неудачной имбирной тенденцией. Рога. Копыта. Остроконечный хвост — как и следовало ожидать.

— Тебе не понравилась наша новая знакомая?

— Я считаю ее подлой.

— Любопытно. Я бы подумал, что ты почувствуешь близость к сестре, которая пытается пробиться в жизни, — поддразнил он.

— Она не моя сестра.

Я взяла бутылку *aguardiente*, чтобы налить стаканчик на ночь, но я заколебалась, моя рука обвила его шею.

— Мне бы очень хотелось выпить, — сказала я Стокеру. — Но если я проведу еще одну секунду рядом с тобой, я уверена, что задохнусь.

...

В эту ночь я пребывала в угрюмом настроении. Потребовалось три погружения в бассейн с подогревом и целый кусок мыла, прежде чем я снова почувствовала себя чистой. Мы не догнали Анубиса; мы не нашли ничего подозрительного в действиях леди Тивертон; и с меня сорвали диадему Анхесета — факт, которым я не хотела делиться с Тивертонами, особенно теперь, когда сэр Лестер, по-видимому, перенес апоплексию.

— Не унывай, — мрачно посоветовал мне Стокер. — Возможно, он умрет, и тебе не придется признаваться.

Я захлопнула за ним дверь с такой силой, что загремели петли. Я обычно отлично сплю. Моя способность отдыхать, независимо от того, насколько ужасны обстоятельства — плюс здоровый желудок и быстрые ноги — объясняет успех моих путешествий по различным и труднодоступным частям света. Я мало спала в ту ночь. Что-то ускользало от меня, что-то, чего я не могла понять. Какая-то неясная мысль танцевала вне досягаемости, как призрак, и чем сильнее я гналась за ней, тем более неуловимой она оказывалась. Только перед самым рассветом я поняла, что это было.

Я, как обычно, взяла книгу для чтения, когда поняла, что не усну. Случилось так, что один из томов леди Тивертон был под рукой, и я праздно переворачивала страницы, переходя от ее щедрых описаний жизни в экспедиции к маленьким рисункам пером и тушью, которые она включила. Один из них привлек мое внимание, и я села прямо в кровати, уставившись на тонкие черные линии. Так продолжалось до тех пор, пока я не убедилась окончательно. Я встала и умылась, одеваясь со своим обычным вниманием к опрятности, прежде чем отправиться к Стокеру в Бельведер. Когда я его нашла, он счищал гниющие опилки внутри разлагающегося белого носорога. Его голова застряла глубоко внутри полости, и я постучала по животному, чтобы привлечь его внимание.

— Хорус Стил украл диадему, — объявила я без вступления.

— Я знаю. — Его голос эхом отозвался внутри зверя.

— Как, черт возьми, ты узнал? — потребовала я.

— Я понял это после того, как ушел спать прошлой ночью — то, что я ощутил, когда погас свет. Внезапный аромат масла для волос. Когда Стил протянул руку, чтобы схватить диадему.

Я ударила кулаком носорога и подошла к своему столу. — Хвастун, — пробормотала я, просматривая утреннюю переписку. Я работала до тех пор, пока Стокер не счел нужным появиться, стряхивая опилки с его волос.

— Это не имеет значения, — сказал он мне. Он небрежно перебросил одну ногу через верблюжье седло, садясь на кожаную штуковину, как повелитель мира. — Нельзя обвинять американского миллионера в краже без доказательств.

— Но если у него находится диадема ...

Он поднял грязную руку, ладонь покрыта клеем и краской, и бог знал только, чем еще. — Вероника. Если бы ты поймала его с поличным, мы могли бы что-попробовать, и даже тогда это был бы сизифов труд. Но у нас ничего нет.

— Мы обязаны вернуть диадему. Она была у нас, когда ее украли, — сказала я. — Кроме того, я знаю кое-что, чего ты, несомненно, не знаешь. Я знаю личность Анубиса.

Я показала ему рисунок, сделанный первой леди Тивертон, и он неохотно улыбнулся. — Из всех дьявольских ...

— Именно так. Теперь ты знаешь, почему я уверена, что при должном давлении мы можем заставить Хоруса Стила раскрыть все.

— Ты действительно хочешь схватиться с человеком такого положения и влияния как Хорус Стил? Ты знаешь, с какими неприятностями ты заигрываешь?

— Заигрываю? — Я презрительно посмотрела на него. — Я давно уже с ними в браке. Ну же, Стокер. Как наш любимый детектив Аркадия Браун сказала бы своему верному Гарвину: «Эксельсиор!»

...

К сожалению, лорд Роузморран прибыл раньше, чем мы смогли уйти. Он появился в Бельведере, размахивая какими-то металлическими головками и приводя собак в возбуждение, так что мы едва могли слышать друг друга в этом бедламе.

— Как приятно видеть вас, мой лорд, — крикнула я. — Вы пришли, чтобы проверить прогресс в коллекции? У меня есть довольно хороший набор *Nymphalidae*, только что прибыли на этой неделе из поместья герцога Шрусбери.

Он смутно улыбнулся мне. — Всегда рад видеть ваших милых крылатых, мисс Спидвелл, но сегодня, сегодня мы будем полностью заняты полетом! Стокер, я только что получил последнюю часть *AérostatRéveillon*! Придите и посмотрите. Мы должны заняться им немедленно. — Он снова ушел, и Стокер бросил мне извиняющуюся улыбку. Ничего не поделаешь. Кто платит музыкантам, тот заказывает музыку, размышляя мрачно.

В то время как Стокер провел большую часть дня, работая с механизмами воздушного шара, я занялась нимфалидами. В нормальной ситуации вид их великолепных крыльев с яркими драгоценными камнями привел бы меня в восторг, а различия между имаго подарили бы мне часы восхищенного изучения. Но не в этот день. Вместо этого я мучалась все время, проклиная потерянные минуты, когда события развивались без нас. Я послала Садбери информацией о состоянии сэра Лестера и убедилась, что его здоровью не грозит неминуемая опасность.

Наконец, сразу после чаепития, готовый кожух шара начал заполняться, и появился Стокер, залитый клеем и еще какой-то дрянью, которые он поспешно пытался отчистить, прежде чем мы отправились в гостиницу Аллердейл.

Я тщательно оделась для нашего визита к Хорусу Стилу в свой рабочий костюм. Это был ансамбль моего собственного дизайна, и я весьма гордилась им. Основу его составили пара тонких темных брюк и рубашка. Поверх них я застегнула пиджак с полдюжиной карманов разных размеров и надела длинную юбку (хитрое расположение пуговиц позволяло мне носить ее скромно или расстегивать). Ансамбль дополняли высокие ботинки до колен и широкая шляпа с плоскими полями, закрепленная заостренными булавками. Я заправила нож в ботинок, последнее Стокер счел явно ненужным. Мы спорили всю дорогу до отеля Аллердейл.

— Мы не идем туда драться, — напомнил он мне. — У нас есть только гипотеза, что Хорус Стил участвует, но нет доказательств.

— Тогда мы получим их.

— И ты думаешь, что дразнить его в его логове — это способ получить их?

Я ухмыльнулась. — Никогда не стоит недооценивать элемент неожиданности.

В Аллердейле Хорус Стил сам открыл дверь с тревожным взглядом. — Как Лестер? Он не... — Он замолчал, его рот яростно работал.

— Мы пришли не от сэра Лестера, но в последний раз мы слышали, что он отдыхает с комфортом, — заверила его я.

Что-то жесткое в его манере ослабло. — Ну, я не желаю ему добра, но и не желаю ему зла. Входите.

Мы вошли в гостиную его свиты и увидели, как Генри Стил шагает перед очагом, а Фигги Тивертон сгорбилась в кресле.

— Мисс Тивертон, какое неожиданное удовольствие, — сказала я не без ехидства. — Мы знаем, что это вы сделали маску Анубиса. — К моему изумлению, она разразилась слезами, невнятно бормоча сквозь рыдания, утираясь рукавом. Стокер достал один из своих огромных красных носовых платков, но прежде чем он смог предложить его, Генри достал свой собственный, крепкий кусок простого батиста, помеченный монограммой твердыми печатными буквами. Фигги взяла его и с благодарностью сжала его руку.

Хорус бросил на нас говорящий взгляд. — Боюсь, что вы только что прибыли в разгар своего рода исповеди, но, черт меня побери, если я могу что-нибудь понять. Простите мне мой язык, мисс Спидвелл, — поспешно сказал он.

— Думаю, мы можем помочь с этим, — сказала я ему. Мы устроились, и я начала. — Фигги, вам не нужно говорить. Как и вам, мистер Стил, — сказала я Генри. — Г-н Темплтон-Вейн и я догадываемся о большей части этого. Вы, мистер Стил, играли роль Анубиса, раздеваясь до пояса и надевая килт древнего египтянина. Костюм вы привезли из ваших собственных обширных путешествиям по этой стране, без сомнения.

Он открыл рот, чтобы возразить, но я показала рисунок, сделанный первой леди Тивертон. — Небольшая зарисовка, не правда ли? — мягко спросила я. — Мисс Ифигения Тивертон и ее спутник детства Генри Стил играют в одну из своих любимых игр, египетских богов. Фигги одета как Изида, а вы, мистер Стил, одеты как Анубис. Леди Тивертон подробно рассказала о ваших играх, о вашей неразлучной дружбе, о том, как вы

всегда были вместе, всегда прикрывая друг друга, когда ваши проказы обнаруживались. Мне показалось любопытным, что ее рассказ не соответствует тому, что вы оба мне рассказывали о ваших отношениях. Вы оба сказали, что не общались в течение долгого времени. Само по себе это не подозрительно. Дружбя детства часто теряют связь. Но зачем лгать о существующей связи, если вы только не хотели, чтобы кто-то догадался о том, что вы затеваете? Не требуется большого воображения, чтобы предположить, что, благодаря вашей долгой дружбе мисс Тивертон смогла убедить вас надеть костюм Анубиса еще раз.

Он посмотрел на Фигги, задерживая взгляд. Он протянул кончик пальца, и она подняла свой, чтобы его коснуться. — Мы дали клятву в детстве, — сказал он скучным голосом. — Мы разрезали наши пальцы и прижали их, чтобы кровь смешалась. Теперь мы принадлежим друг другу на всю жизнь, так мы поклялись. Всякий раз, когда один из нас нуждается в другом, независимо когда, независимо от ситуации, мы придем на помощь.

Выражение его лица было слегка смущенным, как будто ему было стыдно, что его поймали за детскими играми, но его отец смотрел на него с теплотой.

— Это настоящая верность, сынок, — сказал он, сжав губы от эмоций.

Генри закатил глаза. — О, ради всего святого! Это была просто глупая игра, когда мы были младенцами. Но Фигги нуждалась во мне, и я не мог ее подвести, — сказал он. Его отец протянул руку к плечу Генри. Генри снова закатил глаза, но не отмахнулся от него.

— У вас была одежда, которую вы привезли из своих путешествий по Египту, но ваши сувениры не включали нечто столь любопытное, как голова Анубиса, поэтому мисс Тивертон вылепила одну из них, используя свои навыки *srapier-mâché* для создания великолепной головы шакала для вас, — добавил Стокер, продолжая повествование. Генри жалко кивнул. — Мисс Тивертон заслуживает похвалы, — сказал Стокер. — Я не думаю, что такую вещь было бы легко сделать, особенно с первой попытки.

Его взгляд и голос были нежными, но Фигги разразился новыми рыданиями.

— Это была не первая попытка, — сказал Генри с мрачной решимостью. — Она уже делала ее раньше, в Египте. Для Патрика Фэйрбротера.

— С какой целью? — потребовала я.

— Такой же, как у меня — маскироваться под бога, — сказал он нам. Его рука рассеянно опустилась на плечо Фигги. — Отец попросил ее сделать это. Он впарил ей какую-то историю про местное суеверие и

неугомонных рабочих. Он сказал ей, что они успокоятся, если будут бояться Анубиса, поэтому Патрик должен был немного прогуляться, взмахнуть руками и вселить в них страх перед старыми богами. Она сделала, как он просил.

— Конечно, она сделала, — сказал Стокер. Она подняла заплаканное лицо и посмотрела на него.

— Я должна была отказаться, — прошептала она.

— Мало кто из нас может противостоять убеждениям любимого родителя.

— Итак, в первый раз Фэйрбротер носил маску, чтобы напугать рабочих, — подтолкнула я.

— Он сказал, что они вышли из-под контроля, и он хотел нанять новых людей из верховья реки, но это вызовет всевозможные проблемы, если он просто уволит их всех. Вот если бы они были напуганы, они бы ушли по собственному желанию, и он был бы свободен нанять кого угодно. В то время это имело смысл, — настаивала она.

— Конечно, это так, — успокоил Стокер. — Но если ваш отец и Фэйрбротер проделывали эти трюки в Египте, зачем повторять их здесь?

Выражение лица Фигги стало упрямым. — Потому что я хотела напугать Патрика. Он продолжал маскироваться под Анубиса здесь, в Лондоне, чтобы поддержать историю проклятия. Он притворяется, что считает это смешным, но он действительно хочет, чтобы люди поверили в проклятие. Я слышала, как он сказал, что это привлечет больше внимания к выставке, если люди поверят в эту ерунду. Он ужасен, — сказала она, ее голос чуть не сломался. — Я ненавижу его. Он всегда подыгрывал папе, ведя себя так, будто он член семьи, а он нет. Он нанял прислугу, — сказала она, выплевывая слова. — И я знаю, что он что-то замышляет сней.

Она не могла заставить себя произнести имя, но я точно знала, кого она имеет в виду. — Ваша мачеха? Что заставляет вас думать так?

— Однажды я видела ее выходящей из комнаты Патрика. Она была совершенно не в себе. Она бы увидела меня, только я читала за шторами, и она не заметила, что я была там.

— Тут может быть невинное объяснение, — начала я.

— Не думаю, — ответила она высоким тоном. — Она замышляет что-то гнусное.

— Вот почему вы следовали за ней к торговцу льняными товарами? — спросила я с некоторой резкостью. — Чтоб засвидетельствовать предательство леди, покупающей ее собственные носовые платки?

— О! — На ее щеках выросли два ярких пятна. — Вы отвратительны.

Мне все равно, если вы мне не верите. Я никогда не ждала, что вы поверите.

Она больше ничего не сказала, но упрямо сжала рот и скрестила руки на груди.

— Мы пришли к выводу, что Фигги сделала маску, когда узнали о ее навыках в *parier-mâché*, - сказала я Хорусу Стилю. — Но мы не знали, кто ее партнер в этом маскараде, пока я не нашла рисунок ее матери и не прочитала ее рассказ об их крепкой дружбе.

— Действительно, — сказал Стил слабо. — Пока Генри не пошел в школу, они всегда были вместе, все копали. Карабкались по скалам, делая вид, что это их собственные раскопки. Они рисовали на скалах и делали свои собственные гробницы, даже делали свои собственные мумии из *parier-mâché*, когда узнали о картонаже.

— И вы знали, что они делают, — сказал Стокер. — Вы знали, что Генри маскировался в Лондоне под Анубиса, и что он делал это с помощью Фигги.

Стил поднял руку. — Я, определенно, не знал. У меня было подозрение, но знать и подозревать — это разные вещи. Я не задаю вопросов, если не хочу знать ответов, мистер Темплтон-Вейн.

Я повернулась к Генри. — Мне довольно любопытно, как вы сумели так быстро переодеться в Анубиса прошлой ночью? А потом переодеться в свою собственную одежду так же быстро?

Ему хватило совести покраснеть. — Фигги оставила одну из кладовых открытой. Она спрятала там костюм и держала мою одежду.

— И голова брошена рядом с канализацией, чтобы вас не поймали. Без сомнения, Фигги смогла вам дать подробную информацию о Карнак-Холле. И ваш интерес к канализации Лондона послужил отличным прикрытием для изучения канализационных систем, окружающих зал. Никто не мог связать тихого Генри Стила с его любовью к гигиене с богом, исчезающим под городом, — заключил Стокер. — Очень умно.

— Это не так, — несчастным голосом сказал Генри. — Это было глупо, вы и мисс Спидвэлл могли быть сильно ранены. Мне ужасно жаль.

— Но мы пришли не только, чтобы обвинить Генри Стила в маскировке под Анубиса, — сказала я, пристально глядя на его отца. Я протянула руку. — Диадему, пожалуйста.

Он вздохнул и пошел к камину. Довольно отвратительная картина оленя была отодвинута. За ней был небольшой, аккуратно подогнанный сейф.

— Новейшая безопасность в отеле, — сказал старший Стил,

поворачивая ручку влево, а затем вправо. — Большинство заведений настаивают на том, чтобы гости отдавали свои драгоценности и деньги управляющему, который поместит их в главное хранилище, но Allerdale — более роскошный отель. Индивидуальные сейфы в каждой комнате, — сказал он, открывая маленькую стальную дверь с явным удовлетворением. Он вытащил пачку белого белья, и когда он подошел, я поняла, что это было.

— Вы завернули ее в свою рубашку?

Он посмотрел на меня с извиняющейся улыбкой. — Это все, что у меня было, мисс Спидвелл. Кроме того, я мог бы завернуть эту корону в лохмотья, и это не принесло бы ей никакого вреда.

— Потому что она бесценна? — спросила я.

— Нет, — ответил он мрачным взглядом и сунул ее мне в руки. — Потому что это подделка.

Глава 18

— Прошу прощения? — Я моргнула, переводя взгляд с американского миллионера на кучу золота, лежащего в моих руках. — Подделка?

— Да, в самом деле. Умная, но, тем не менее, подделка. Я понял это, как только увидел картуш. В иероглифе есть ошибка.

Фигги посмотрела на него в замешательстве. — Но это корона принцессы Анхесет. Это было взято из ее могилы.

— Нет, не было, — ответил Стокер, раздумывая. — Или, скорее, оно было взято из пещеры, которую раскопал ваш отец, но только потому, что он положил ее сначала туда.

— Я не понимаю, — упрямо сказала она.

— Боже мой, — выдохнул Генри Стил, положив руку ей на плечо. — Он подделал экспедицию.

— Именно поэтому Патрику Фэйрбротеру было поручено отпугнуть местных рабочих. Эти люди знали бы, что артефакты не из гробницы. Именно поэтому он решил поссориться с вами, мистер Стил, — продолжила я, поворачиваясь к старшему Стилу. — Вы были партнерами, но он знал, что вы не потерпите обман. Он нашел идеальное место для мошенничества в отдаленной пещере, но она была расположена в вашей концессии. Он должен был заставить вас выйти из партнерства, чтобы выполнить свой план.

— Нет! — завопила Фигги. Но ее плечи внезапно упали, я поняла, что она знает правду.

— Скажите мне, мистер Стил, — спросила я. — Почему вы поссорились с сэром Лестером?

Он помедлил, затем взорвался. — Полагаю, теперь я могу сказать. Он оскорбил моего сына, — сказал он, подняв подбородок. — И я не позволю ни одному человеку обзывать моих мальчиков.

— Что побудило его сделать это? — нажимала я.

Генри Стил вздохнул, покраснев, и уставившись на носки своих туфель. — Я столкнулся с ним по поводу разрыва партнерства с моим отцом. Отец ужасно переживал, и я злился, очень злился. Поэтому я пошел к сэру Лестеру и сказал ему, что это не по-джентельменски, отказаться от такого многолетнего партнера без уважительной причины. Я назвал его подлецом и сказал, что он не заслуживает иметь отца в качестве партнера. Я не должен был этого делать, — закончил он с несчастным видом.

— Конечно, ты должен был, — быстро ответил его отец. — Ты защищаешь своих, и это то, что всегда делают Стили. — Казалось, у него появился немного хвастливый вид, когда он рассматривал своего сына. — Но Лестер не воспринял это спокойно. Он остановил меня в холле у Шепарда с оскорблениями в адрес моего мальчика. Мне надоело его слушать, и я велел ему замолчать. Поэтому я вытащил свой револьвер — чтобы убедить его, что говорю серьезно. Газеты подхватили эту историю и представили ее так, будто я угрожаю ему. Я не удосужился исправить их. Я просто хотел, чтобы весь этот жалкий бардак прекратился.

Голова Фигги поднялась, и она посмотрела на Генри. — Но почему ты мне никогда не рассказывал?

— Потому что тогда пришлось бы точно повторить, что сказал мне твой отец. А эти слова не подходят джентльмену, — сказал он со спокойным достоинством. — Тебя бы сильно огорчило, узнай ты, что в точности произошло. Намного лучше думать, что наши отцы поссорились только из-за концессии.

— Генри, — сказала она яростно. — Мы всегда были друзьями. Ты ужасно глуп, если думал, что я тебе не поверю.

Он удивленно моргнул за очками, выглядя как осажденная сова, но Стокер и я обменялись понимающими взглядами. Фигги могла бы возражать, но ее верность отцу все еще была первостепенной. Она по-детски поклонялась своему отцу-герою, и я пожалела ее в этот день, когда она обнаружила, что его ноги — как и у всех мужчин — сделаны из глины.

После всех откровений Генри Стила о его безрасудных поступках, Хорус Стил смотрел на своего сына с чем-то вроде восхищения. — Я сильно удивлен, обнаружив, что у тебя это есть в тебе, сынок. В конце концов, в твоём позвоночнике есть немного Стила, (игра слов: Стил в английском звучит как сталь) — добавил он с усмешкой.

Генри закатил глаза. — Из всей дурацкой ерунды ...

Я подняла руку. — Возможно, вы могли бы разобраться с этим позже. Мы пытаемся собрать воедино части заговора. Сэр Лестер получил концессию в Египте с намерением застолбить это место, то есть заполнить гробницу поддельными артефактами, которые он якобы выкопал, а затем продать не подозревающим коллекционерам. Но как он мог выдать поддельные предметы старины за настоящие египетским властям? Конечно, они знали бы, что он вывозит подделку.

— Нет, если он предоставил им подлинные вещи, — задумчиво сказал Хорус Стил. — Вот как бы я это сделал, если бы придумал такой план.

— Па! — воскликнул Генри Стила тоном упрёка.

— Я сказал, если, — отметил его отец. — Лестер, как и все участники раскопок, имеет свою собственную значительную коллекцию. Он мог привезти ее в Египет под видом землеройной техники, предметов домашнего обихода и т. д. И когда власти прибыли на раскопки, он мог просто передать эти реликты и притвориться, что их вытащили из пещеры. Даже если бы власти подозревали что-то, они были бы удовлетворены взяткой в виде любых полуприличных артефактов.

— Итак, сэр Лестер охраняет пустую гробницу, доставляет в Египет необходимые артефакты, чтобы обмануть власти, и покупает дешевые подделки для отправки домой вместо реликтов, которые он на самом деле никогда не выкапывал. Но для этого ему необходимо сотрудничество рабочих, — отметила я.

— Мужчины не из этого района, поэтому они будут гораздо реже сообщать о нем. Добавьте Патрика Фэйрбротера под видом Анубиса, — сказал Стокер. — И какие бы обычные опасности ни происходили в экспедиции — болезнь, несчастный случай — они будут списаны на счет проклятия и оскорбленного бога, еще один хитрый ход, чтобы купить молчание его работников.

— И если не хватает опасностей, чтобы убедить их, такие вещи можно легко организовать, — добавила я. — Небольшое количество мышьяка в чайнике может значительно помочь с загадочными заболеваниями. Джонас Фаулер умер, в конце концов. И Джон де Морган плохо себя чувствовал на протяжении большей части сезона раскопок. Возможно, их бедам помогала злая рука.

— Но Джон де Морган нашел корону и определил, что это подделка, чего они не ожидали, — указал Стокер.

Хорус Стил задумчиво потер подбородок. — Его опыт работы с египтологией был ограничен. Он не знал бы, глядя на диадему, что это подделка. Только опытный филолог увидел бы ошибку в надписи. Нет, я подозреваю, что он видел диадему до того, как она должна была быть «обнаружена» в могиле. Когда это было преподнесено как великая находка, он сразу понял бы, что произошло, и предпринял шаги, чтобы разоблачить их.

— Когда он уехал с диадемой, это, должно быть, было жестоким ударом для заговорщиков, — сказала я, старательно избегая имени сэра Лестера, чтобы больше не расстраивать Фигги. — Они должны были действовать, чтобы помешать ему разоблачить их заговор. Джон де Морган должен был умереть, и его смерть была бы приписана проклятию мумии.

Хорус Стил нахмурился. — Все это имело смысл до этого момента.

Мы знаем, что он добрался до отеля в Дувре, но не дальше. Как мог кто-нибудь предвидеть, куда он поедет, и организовать его исчезновение так тщательно, что его комната тоже исчезла?

— Это нам еще предстоит выяснить, сказала я ему. — Но есть еще одна маленькая загадка, которую, я думаю, мы могли бы прояснить сейчас. Я достала коробку с вязаной коброй и продемонстрировала механизм Стилам. — Ваша работа, Фигги?

— Да. Я не доверяла вам. Так много странных вещей произошло, — сказала она, угрюмо. — Я чувствовала себя ужасно, так одиноко и потерянно. Я ничего не понимала в происходящем. А потом появилась ваша пара, и я подумала, что вы можете быть как-то связаны с происходящим. Я решила немного разузнать о вас, пошла к леди Велли, но она рассказала о вас много хорошего. Я почти решила не оставлять коробку, но она уже была у меня в кармане, и я подумала, что если вас хорошенько испугать, это может потрясти вещи немного. — Она замолчала, но никакого нового рыдания не последовало. Бедная Фигги.

— И вы решили еще больше встряхнуть вещи, уговорив Генри переодеться и сыграть Анубиса, так? — спросил ее Стокер.

Она кивнула, ее подбородок внезапно упрямо выпятился. — Никто мне ничего не говорит. Они относятся ко мне, как к ребенку, а я не ребенок. Я даже пыталась следовать за Патриком однажды ночью, но все, что он делал, это посещал дом в Кенсингтоне за Кромвел-роуд. Поэтому я тайно встретила с Генри и попросила его помочь мне.

Стокер посмотрел в мою сторону, но ничего не сказал. Фигги не знала, что она увидела. Но визит в Маршвуд означал, что Фэйрбротер вломился в комнаты Кэролайн в попытке вернуть диадему. Я подумала о наблюдении Берди о том, что Фигги только выходила гулять с собакой и поняла, как многого она на самом деле достигла в эти украденные моменты.

— И я был счастлив помочь, — сказал Генри преданно. Он был молодым Святым Георгием, готовым убить дракона ради прекрасной девы. И все же я сильно подозревала, что Фигги взяла на себя более активную роль, чем беспомощная девушка. Если бы у нее не было груди, она могла бы сыграть Анубиса сама, решила я. Это было телосложение Генри, которое продиктовало его роль. Возможно, в его позвоночнике был Стил, но в ее была изрядная храбрость.

— Что теперь? — спросил Хорус.

— Мы должны найти доказательства, — категорически сказал Стокер. — И мы должны определить степень заговора. Мы считаем, что есть три заговорщика, сэр Лестер, леди Тивертон и Патрик Фэйрбротер. Но

мы не знаем, кто является руководителем.

— Она, — выплюнула Фигги. — Мой отец не был бы таким злым или таким умным, чтобы придумать такую схему. А Патрик тупой, как пробка. Это всеона.

— Тогда мы должны найти доказательство, — повторил Стокер.

Фигги покачала головой. — Вы не сможете. Она слишком умна! — настаивала она.

Хорус похлопал ее по руке. — Не продолжай, Фигги. Мы позаботимся о том, чтобы твой отец не был замешан, если он невинный человек.

Я сопротивлялась желанию закатить глаза. Невинный человек! Когда он осуществил план, обманувший всю египтологическую общину и, возможно, участвовал в сговоре совершить убийство. Но мистер Стил явно взял на себя роль суррогатного отца Фигги и наслаждался своим шансом справиться с ситуацией.

— Утром я найму самых лучших Пинкертонов, или что у них есть в Лондоне равноценного, — начал он.

Генри поднялся. — Нет, ты не будешь. Каждая секунда имеет значение. Теперь, когда сэр Лестер заболел — благодаря моим действиям, действиям, с которыми мне придется прожить остаток моей жизни, — добавил он с таким видом благородного страдания, что это сделало бы честь Ахиллесу. — Я найду необходимое доказательство, чтобы положить конец этому заговору, прежде чем кто-либо еще пострадает.

Он стоял в полный рост, его плечи были квадратными, его челюсть крепкой, его глаза блестели, и в этот момент я увидела, как его отец переполнен эмоциями. Если Генри хотел, чтобы его маленький показ оказал подобный эффект на Фигги, он был бы бесконечно разочарован. Она лишь раздраженно вздохнула, пока Хорус Стил прижимал сына к своей мужественной груди, выдавив несколько слов похвалы.

Он отступил назад и полез в карман за револьвером. — Вот, сынок. Вам это понадобится.

Генри Стил побледнел, и Стокер потянулся к оружию, легко кладя его в карман. — Спасибо, мистер Стил. Это может пригодиться.

Хорус посмотрел на меня. — Я извиняюсь, мисс Спидвелл, — сказал он шутливым тоном. — Боюсь, у меня нет другого огнестрельного оружия в запасе.

Я оскалила зубы в улыбке. — Не беспокойтесь, мистер Стил. Мисс Спидвелл оно не нужно.

Глава 19

Мы прибыли в Карнак-Холл после значительной задержки. Мистер Стил пообещал сопроводить Фигги обратно в Садбери, и я не удивилась. Он был очень заботлив с ней, и Генри Стил проводил ее долгим нежным взглядом. Я почти не сомневалась в том, что, чем бы ни закончилось наше опасное приключение, Фигги окажется среди друзей.

4Зал был затемнен, когда мы приехали, и мы в полной мере воспользовались темнотой улиц, проскользнув в аллею позади. Когда мы свернули в узкий проход, мы внезапно услышали поспешный бег.

— Крысы! — произнесла я, но единственное существо, которое появилось, было двуногим. Стройный молодой человек в светлых штанах торопливо прошел мимо, поднимая штаны и бормоча проклятия у себя под нос. Женщина, которая зарабатывала на жизнь ночными трудами, вышла из-за выброшенного ящика, моргая в свете лампы.

— Привет, утята, — сердечно сказала она. — Два пенса с каждого, — сказала она, дергая подбородком в сторону стены, невидимой в темноте.

— Добрый вечер, — ответил Стокер. — Мы не нуждаемся в ваших услугах, но я надеюсь, что вы не потеряли из-за нас гонорар от джентльмена.

Она улыбнулась и раскрыла ладонь, обнажая монету. — Всегда получайте деньги заранее, — сказала она мудро. — Какое у вас здесь дело, если это не мой сорт бизнеса?

— Нам нужна пара острых глаз, — сказала я ей, вдавливая еще одну монету в ее руку. — Идите до конца улицы, и если увидите приближающегося полицейского, свистните или спойте.

Она кивнула и спела несколько популярных мелодий.

— «Элси из Челси»? — спросила я.

— Точно. Элси — мое имя, — ответила она, подмигнув.

Стокер поблагодарил ее и повернулся к задней двери Карнак-Холла, опустившись на колени, а Генри Стил поднял лампу. Элси долго смотрела на зад Стокера и твердую длину его бедер, прежде чем наклониться ко мне с заговорщическим взглядом.

— Я сказала два пенса, но если он захочет пойти, проси флорин.

Я подняла бровь. — Вы только что повысили цены в двенадцать раз, — отметила я.

Она снова улыбнулась. — Я полагаю, симпатичный парень получал

свою долю бесплатно. Для него это будет разнообразием, если ему придется хорошо заплатить за это.

Стокер сдержал смех, вынул из кармана набор тонких металлических инструментов и принялся за работу.

— Вы умеете взламывать замки? — потребовал Генри.

Стокер пожал плечами. — Я опытный хирург и таксидермист, парень. У проворных пальцев есть много применений.

Элси издала звук, который можно было воспроизвести только как «О-э-э».

Я вложила еще одну монету в ее руку. — Возьмите, это вместо него. Глоток джина согреет вас лучше, чем он. Боюсь, он застенчив.

Стокер фыркнул, когда женщина сунула в карман монету. Она помахала своей шляпой с пером. — Жаль, но, по правде говоря, в любом случае я предпочла бы глоток джина. Спасибо, миссус. Тогда я буду следить за концом переулка.

— Вы добрая душа, Элси.

Она ворчала. — Вы не поверите, миссус. Но я не так плоха, как некоторые.

С этими словами она отчалила с грацией герцогини, выбирая путь по листьям салата и лужам.

— Она мне очень нравится, — сказала я никому конкретно.

С резким кивком она пошла по улице, расположилась в конце переулка, и спрятала доходы от вечера в карман под нижней юбкой.

Генри Стил повернулся ко мне с широко раскрытыми глазами. — Это была падшая женщина?»

— Я бы скорее назвала ее предпринимателем, — сказала я ему серьезно.

Пока Стокер работал, мы поболтали несколько минут, поделились откровенным мнением о состоянии действующих законов о проституции и сравнили их с законами Древнего Египта. Молодой мистер Стил был информативен, скорее даже слишком. Я подозревала его в нездоровой заботе о женщинах с ограниченной добродетелью. Но прежде чем я смогла прочесть ему лекцию на эту тему, Стокер прервал.

— Я закончил, — тихо позвал Стокер.

Генри уставился на него с искренним восхищением. — Вы должны научить меня, как это делать.

— Нет времени, — ответила я, подталкивая его за Стокером в темное здание. Я сделала паузу, чтобы помахать Элси, которая помахала в ответ, быстро уходя в ночь, когда мы закрыли за собой дверь.

Заброшенный, без роскошных ламп, Карнак-Холл был атмосферным местом. Сам воздух казался выжидал, и я осознавала с глубоким чувством, что глаза смотрят на нас — нарисованные скульптурные глаза каждого изображения, выглядывающие из витрин, когда мы переходили из тени в тень. Свет от единственного фонаря едва разгонял мрак, но этого было достаточно, чтобы осветить белое лицо Генри Стила.

— Успокойтесь, мистер Стил, — тихо сказала я.

Он кивнул один раз, расправив плечи. Он был крепким парнем, молодой Генри Стил, и я надеялась, что нервы не подведут его.

Теперь помост был пуст, саркофаг принцессы был перемещен.

— Она должна быть в кладовой, — подсказала я Стокеру, показывая ему куда идти. Я повела их в коридор, где впервые увидела ее. Неудивительно, что дверь была заперта, но Стокер снова наклонился, чтобы использовать свои воровские таланты, и мы вскоре оказались внутри. Саркофаг опирался на эстакады, его поверхность мерцала в тоскливом свете. Рядом с ним, прислонившись к стене, стоял крепкий деревянный упаковочный ящик, из которого вываливалась куча опилок, крышка его была наклонена. Я наклонилась, чтобы прочитать этикетку, прикрепленную к одной из досок.

— Это ящик от саркофага. Надпись на нем гласит, что ящик с мумией прошел через Дувр, — сказала я Стокеру, не решаясь высказать свое подозрение.

Я не должна была. С той любопытной разновидностью телепатии, которой мы иногда делились, Стокер интуитивно понял мои мысли. Он вздохнул и снял пальто. — Я найду лом, — сказал он.

— Что это? — спросил Генри озадаченно.

Я посмотрела на него с жалостью. — Я предлагаю вам вынуть свой носовой платок, мистер Стил, и завязать его бандитским способом на носу. Это будет неприятно.

— Что будет неприятно? — потребовал он. — Что вы нашли?

Стокер снова появился с инструментом в руке и занялся ящиком. Это потребовало значительных усилий, и, в конце концов, нам с Генри пришлось навалиться на крышку саркофага, чтобы помочь сдвинуть ее с места. Когда мы это сделали, тошнотворная вонь заставила Генри отшатнуться, закрывая рот и давясь рвотой.

— Боже! Что это за ужасный запах? — выдавил он между усилиями, дыша в одну из ладоней.

— Это, — просто сказала я, — это то, что осталось от Джона де Моргана.

...

Я не подумала, что может значить для Стокера обнаружить останки его бывшего лучшего друга, и у меня не было времени обдумывать это позже. — Ну, это все доказательства, которые нам нужны. Мы пойдем прямо в столичную полицию и расскажем им, что мы обнаружили. Конечно, этого будет достаточно.

Как только мистер Стил собрал самообладание, из дверного проема раздался резкий вдох. Мы повернулись как один, чтобы увидеть Патрика Фэйрбротера, стоящего там с лампой в руке. Каким гротеском сцена, должно быть, показалась ему! Мы поставили наш фонарь на пол, и тени, которые он отбрасывал на потолок, были огромными. Мы стояли тесно вокруг ящика с мумией, его крышка была наклонена, и запах разлагающегося трупа Джона де Моргана наполнил воздух. Не говоря ни слова, он отступил, закрыв дверь. Прежде чем мы смогли начать действовать, мы услышали звук ключа в замке.

— Ад и проклятие, — выругался Стокер. Он повернулся ко мне. — Я считаю, что мы только что потеряли элемент неожиданности.

— Что теперь? — спросил Генри Стил с округлившимися глазами. — Можете ли вы взломать замок?

Стокер любезно улыбнулся ему. — Совершенно бессмысленно с этой стороны двери.

Я посмотрела на вентилятор высоко в стене. — Это единственный путь. Подсади, пожалуйста, Стокер.

Он положил ногу на ящик, предоставив мне крепкую длину его бедра, как подпорку. Я встала на него, подтягиваясь на полную высоту, пока мои кончики пальцев не достигли решетки, закрывающей вентилятор. Я вырвала ее без труда. — Ловите, если можете, мистер Стил.

Молодой Генри поймал ее, глядя в восторге, когда Стокер поднял меня выше, с силой подталкивая меня сзади, когда я влазила в канал вентилятора.

— Достаточно ли места, мисс Спидвелл? — крикнул Генри.

— Абсолютно. Здесь так просторно, я могла бы просто жить в нем, — сказала я, скорее из бравады, чем правдиво. Если честно, пространство было довольно узким, заставляя мою грудь неловко сжиматься. Сам проход не был таким уж узким, чтобы сковывать меня, но чувство несовершенной свободы вызывало тревогу. У меня был небольшой опыт пещер — охота на бабочек происходит на лугах — но я не была уверена, что знакомство с закрытыми пространствами помогло бы. Я решила, что сегодня помогут только решимость и дисциплина.

Я опустила голову и поползла, быстро, как только могла, протискиваясь через изгибы в шахте, пока кружевной узор света не показал, что я добралась до другой крышки. Я сильно ударила по ней, сбросив на пол, и заколебалась. Если бы этот путь вел к другой запертой кладовой, было бы не лучше и даже хуже, потому что я была бы отделена от своих компаньонов без возможности общаться с ними. Но каждая секунда, которую Патрик Фэйрбротер выигрывал, мы теряли.

Я повернулась — с большим трудом и проклятиями — пока мои ноги не оказались над вентилятором. Пробормотав молитву, я сильно ударила ногой, заставив крышку сдвинуться. Я упала через отверстие, сжав его край, пока мое тело свободно болталось. Быстрый взгляд показал, что я нахожусь в коридоре, а Патрика Фэйрбротера нигде не было видно. Я поднялась на ноги и поспешила в кладовую, где Стокер и Генри все еще были в заключении.

— Я свободна, — позвала я.

— Полагаю, дьявол забрал ключ, — ответил Стокер, его обычно протяжный голос был приглушен прочной дверью.

— Да, и я не советую пробивать себе дорогу. Дверь из натурального дуба, ничего подобного этим хлипким вещам наверху.

— Я уже сделал это наблюдение, — возразил он. — Теперь вынь две шпильки, и я объясню тебе, что делать дальше.

Процесс был не таким простым, как хотелось бы любому из нас. Инструкции Стокера глушились дверью, и прошло несколько минут, прежде чем мы поняли, что его указания искажались или терялись в моих руках.

— Из всей тупоголовой, бездарной глупости, — проворчал он. — Конечно, ты должна была перепутать инструкции.

— Возможно, тебе следовало объяснить мне раньше, — холодно ответила я. — И, возможно, ты мог бы быть немного более любезным, когда я нахожусь в процессе твоего спасения. После этого я снова занялась их освобождением, и в течение значительно более длительного периода, чем я бы предпочла, замок уступил.

— Наконец-то, — Стокер небрежно отряхиваял пыль с рукавов.

— Тихо, или я запрю тебя обратно. — Наши глаза встретились. — В Садбери? — спросила я.

— Куда же еще?

• • •

К сожалению, это было время дня, когда улицы Лондона наиболее сильно забиты движением — каретами и кэбами, фургонами и омнибусами,

толпами людей. Некоторое время мы пытались поймать кэб, но в итоге нам пришлось идти пешком, в результате мы прибыли в Садбери задыхаясь и в неряшливом виде.

Леди Тивертон открыла дверь номера с мрачным выражением лица. — Слава Богу, что вы пришли, — сказала она горячо. — Помогите нам, умоляю вас. — Фигги стояла позади нее, бледная и растерянная.

— Где Патрик Фэйрбротер? — потребовала я. — Он несет ответственность за смерть Джона де Моргана, и мы требуем справедливости.

— Тогда вам следует поторопиться, — сказала леди Тивертон.

— Вы должны что-то сделать с отцом! — взорвалась Фигги. — Он сошел с ума!

— Он не сошел с ума, — с серьезностью поправила леди Тивертон. — Но он сам не свой.

— Что произошло? Мы не можем помочь, если не знаем точно, что произошло, — спокойно сказал ей Стокер.

Она приложила усилия, чтобы собраться. Она повернулась к падчерице. — Фигги, позвони, чтобы принесли чай, пожалуйста.

— Я не хочу чертового чая! — закричала Фигги, топая ногой.

— Ифигения, — сказала ее мачеха командным тоном, которого я никогда раньше не слышал. — Ты будешь контролировать себя и будешь полезной, или я тебя удалю. Истерика ничего не решит. Чай. Немедленно.

К моему удивлению, Фигги подчинился. Генри поспешил за ней, и это заставило меня и Стокера узнать, что мы можем больше, чем думаем.

— Фигги рассказала мне кое-что из того, что произошло, и я знаю, что она подозревает меня в соучастии в этом заговоре. Я могу сказать вам, что ничто не может быть дальше от истины. Я только сегодня узнала в полной мере о том, что происходит, когда мой муж и Патрик чуть не подрались менее часу назад в этой самой комнате. Они отправились в загородный дом в Суррей, — сказала она, сложив руки вместе. — Я уверена, что произойдет что-то ужасное.

— С которым из них? — умело спросил Стокер.

Она вздрогнула. — С моим мужем. Он не преступник. Он не жестокий, — протестовала она. — Патрик причинит ему вред. Сейчас сэр Лестер считает, что Патрик у него в руках, но я знаю, что Патрик найдет способ повернуть стол.

— Фэйрбротер ведет двойную игру? — предположил Стокер.

— Это то, во что верит сэр Лестер, — сказала она, сжав губы. — Они были равными партнерами в этом деле, но мой муж пришел к выводу, что

Патрик хочет обмануть его.

— Почему он так думает? — спросил Стокер.

— Я пошла в комнату Патрика, — сказала она, протискивая слова сквозь губы. — Я обыскала его вещи, и среди его бумаг я нашла билет на пароход, который уезжает завтра. Он собирается уехать в Южную Америку, в Аргентину. Я также нашла пакет с порошком, — добавила она с ужасом. — Я думаю, что это какой-то яд. Небеса знают, что он с ним сделал — или хотел сделать.

Я повернулась к Стокеру. — Джонас Фаулер? — Он резко кивнул головой.

Леди Тивертон продолжала. — Я взяла билет и пакет, чтобы убедить своего мужа, что Патрик работает против него, чтобы показать ему, кем на самом деле был Патрик. Я сказала ему, что мы могли бы противостоять Патрику вместе, заставить его отказаться от своей доли и уехать спокойно, не устраивая скандала, но сэр Лестер не хотел об этом слышать. Он покинул свою больничную койку и взял револьвер, чтобы заставить Патрика отправиться с ним в Суррей.

— Почему Суррей? — спросила я.

— Тивертон-Холл — это загородный дом моего мужа в Суррее. Именно там хранятся остальные артефакты, которые они собирались продать, — быстро объяснила она. — Сэр Лестер думает, что их вынесли, и он хочет убедиться в этом сам. Вы должны остановить его, прежде чем он сделает что-то опрометчивое!

— Мы будем преследовать их, — пообещал Стокер.

— Но они уехали последним поездом, — сказала она, ломая руки. — Следующий поезд идет только утром.

— О, ради бога, — пробормотала я. — Мы не спасательная миссия! В ходе этого расследования мы уже были наполовину утоплены, почти сожжены и едва не задохнулись в канализации.

Внезапное движение в дверях привлекло мое внимание.

— Пожалуйста, — умоляла Фигги со слезами на глазах, выйдя вперед. — Вы должны помочь. Это мой отец.

Ее голос сломался на последнем слоге, и я знала, что больше не могу сражаться. Стокер мог противостоять многим вещам, но несчастная девушка, пытающаяся спасти отца, не была одной из них.

— Очень хорошо, — утешила я ее. — Мы сделаем что-нибудь. Но что? Наемная карета?

— Лошади никогда не побьют поезд, — сказал Стокер, задумчиво поглаживая подбородок. — Но я знаю кое-что, что сможет.

...

Я смотрела на воздушный шар Монтголфира. — Ты шутишь.

— Нет, — сказал Стокер с безумным спокойствием. — Готов к полету. Я хотел проверить его на этой неделе в любом случае. И это наш единственный шанс добраться до дома Тивертон сегодня вечером. Даже ветер на нашей стороне, и это уже чудо.

Я посмотрела на Генри Стила, который побледнел до мраморно-белого в лунном свете.

Я вздохнула. — Тогда пошли. Если мы хотим умереть, давайте сделаем это как мужчины и англичане.

Мы решили взять с собой Генри, потому что он знал расположение загородного поместья Тивертон, и отчаянные просьбы Фигги побудили леди Велли к действию. Она вытащила всех трудоспособных слуг мужского пола в Бишоп-Фолли из постели и приказала им всей властью своего тезки следовать за Стокером, подчиняясь его руководству. Пока мужчины собирались, Стокер и я поспешно оделись в наши самые теплые одежды, чтобы не допустить переохлаждения при полете в воздухе. Поверх моего костюма я завернула теплую шаль, плотно заправив концы за пояс, и Стокер обнаружил невероятную медвежью шкуру, которую Генри Стил мог надеть как плащ.

После того, как мы были экипированы, Стокер организовал рабочих в группы, чтобы натянуть веревки и разгладить оболочку воздушного шара. Он забрался в гондолу, указав мне и Генри, где встать, чтобы вес был равномерно распределен и как правильно расположить мешки с песком. Стокер и Генри сами зажгли жаровню, насыпая в нее уголь, пока медленно, почти незаметно, шар не начал заполняться. Шелк двигался медленно, оживая, когда воздух переместился в его большое легкое, втягивая тепло, которое заставляло его подниматься. Я смотрела, сжимая руки и стараясь сдерживать восторг, когда он рос, поднимался и округлялся, пока не поднялся над верхушками деревьев. Грандиозное зрелище — воздушный шар, украшенный посланиями давно умершего короля, версальского призрака, поднимающийся над сердцем Марильбона.

Гондола выжидательно стояла на траве, дрожа в ожидании, и я забралась в корзину со Стокером и Генри. По сигналу Стокера команда ребят на земле отпустила веревки, и корзина медленно и грациозно поднялась как танцор. Парни внизу махали шапками и приветствовали, а леди Велли помахала своей тростью. Рядом с ней неподвижно стояла Фигги, ее бледное лицо повернулось, чтобы наблюдать за нами, когда мы улетали. Стокер сделал несколько корректировок, и мы повернули к югу.

Путешествуя над спящим городом, мы бесшумно плыли по ночному небу к реке и мимо палат парламента. Циферблат GreatWestminsterClock(Биг-Бен — Вестминстерские часы) светился белым на золотой башне, а высоко над часами висел фонарь Айртона, его зеленый блеск провозглашал, что парламент все еще заседает. Мы проплыли мимо него, молча, как призрак в ясной звездной ночи.

Мы скользили над Темзой и над южным берегом, пока, наконец, не добрались до сельской местности, внизу простиралась полоса темноты. Тут и там мерцали точки светящихся городских огней, но по большей части все было тихо и темно, сельская Англия мирно укладывалась в постель поздней зимней ночью. Воздух был очень холодным, и я была благодарна за тепло жаровни. Холод февральского воздуха дал нам хороший подъем, и время от времени Стокер и Генри делали паузу в своей неистовой подпитке жаровни, чтобы наблюдать, как Англия развернулась под нами, освещенная нежным сиянием полной луны. Время от времени воздух в воздушном шаре будет охлаждаться, в результате чего мы внезапно упадем, и мой желудок захлестнет меня, создавая прилив радости, подобный скачке на быстрой лошади или стоянию на палубе лодки с пузатым животом паруса. Мне нравилась каждая минута этого странного приключения, и я не раз оглядывалась и обнаруживала, что Стокер улыбается мне в адском огне жаровни. Я улыбалась ему в ответ, наслаждаясь нашим новым приключением.

Бедный Генри Стил не чувствовал себя так хорошо. Непривычное движение полета заставило его не раз наклониться над боковой частью гондолы, опустошив содержимое желудка со звучными стонами.

— Это безумие, — простонал он. — Самая дикая из гусиных гонок! Как мы можем надеяться найти их?

— Мужество, мистер Стил! — сказала я, передавая ему флягу *aguardiente*, чтобы укрепить его нервы. Он взял ее и глубоко глотнул, задыхаясь и кашляя. На мгновение я думала, что он уступит своему испугу, но он собрался, и я поверила, что его отец будет им гордиться. Шансы на то, что мы выследим их в темной безмятежности той мартовской ночи, были незначительные, но я всегда была необычайно удачливой в самые неожиданные моменты. Каким-то образом — Божественным провидением? Удачей? Ревностными усилиями Стокера? — мы наконец-то заметили поезд под нами, несущийся по сельской местности, его двигатель выдыхал огромные потоки пара. Я подумала о Патрике Фэйрбротере и сэре Лестере Тивертоне и предстоящей конфронтации. Приветствует ли нас кто-нибудь из них? Принесем ли мы избавление? Или разрушение?

— Вот! — закричал Генри, указывая на излучину в узкой реке. — Боже мой, я не могу в это поверить, но это там, где река поворачивается. Это Тивертон-Холл. Видите, где лунный свет освещает широкий, ровный участок земли, газон впереди, вы можете приземлиться там.

Стокер сделал, как инструктировал Генри, направив воздушный шар к границе деревьев, росших по краю ухоженных газонов. Он хотел, чтобы мы плавно скользили вниз, как бабочка, садящаяся на ветку, но удача изменила нам. У воздушного шара были другие идеи. Гондола понеслась в обрывистом падении, верхушки деревьев мчались на нас с головокружительной скоростью.

— Вверх, Стокер! — призвала я.

— Ради бога, я пытаюсь, — процедил он сквозь стиснутые зубы, возясь с жаровней, чтобы отправить больше тепла в оболочку. Но было слишком поздно.

Последовала серия болезненных содроганий, когда гондола, трескаясь по всему куполу, разбивала ветки на пути вниз. Сломанные сучья царапали боковые стороны корзины, хватая, пока мы неслись вниз, вниз, вниз, все быстрее и быстрее. Я приготовилась к неизбежному крушению, когда с отвратительным стуком мы остановились. Воздушный шар зацепился за деревья, и мы повисли в гондоле, как огромная огроздь спелых фруктов, примерно в сорока футах над землей.

Генри выглянул через край корзины и тихо застонал. Стокер немедленно бросил один из канатов и хмыкнул от удовольствия, когда он упал вниз, чуть не доходя до земли.

— Нам придется спускаться по нему, — объявил он.

Генри издал протестующий звук, но в этот момент ветер сотряс деревья, и корзина немного соскользнула. Я похлопала его по плечу. — Неважно. Лучше всего, если вы не будете смотреть вниз. И если вы сломаете ногу, Стокер всегда сможет вас пристрелить. В конце концов, у него есть револьвер.

Генри посмотрел на меня с отвращением, и я пожала плечами, глядя на Стокера. Но побуждение сработало. Без лишних слов Генри положил ногу на край корзины, хватаясь за веревку онемевшими пальцами. Я не смотрела. Но внезапный треск ветвей и стук, сопровождаемый стоном боли, были красноречивы.

Я вглядывалась в темноту. — Мистер Стил! Я говорю, мистер Стил, с вами все в порядке?

— Я думаю, что сломал руку, — сказал он голосом, совсем не похожим на его обычный.

— Что ж, это прискорбно, — заметила я.

— Твоя очередь, — скомандовал Стокер.

— Не думаю, — ответила я с негодованием. — Я легче и должна выбираться последней, так как гондола неустойчива и может упасть в любой момент. У меня больше шансов пережить падение, чем у тебя.

Выражение его лица было непостижимым. — Я, во всех смыслах и целях, являюсь капитаном этого начинания. Если кто-то тонет с кораблем, это я. Теперь спускайся по этой веревке, пока я не выбросил тебя.

Он подошел ко мне, словно пытаясь осуществить свою угрозу, и я прыгнула через край гондолы, схватившись за веревку руками и сжав вокруг нее ноги. Я опускалась в устойчивом ритме, игнорируя скрипы и стоны протеста ветвей наверху. Они держали воздушный шар, но едва-едва.

Мои кончики ботинок парили над землей, и я спрыгнула с веревки. Генри уставился на меня в искреннем восхищении, хотя он прижимал руку к груди. — Где вы научились так лазать? — потребовал он.

— На лианах в Коста-Рике. Лучшие места обитания бабочек, как общеизвестно, недоступны. Вам нужна медицинская помощь, мистер Стил? — спросила я.

Он мужественно покачал головой. — Нет. Я могу справиться. — Он изо всех сил пытался сесть, а затем встать. Его сломанная рука была сложена, как птичье крыло, на груди.

Я сняла свою шаль и крепко завязала на его шее, образуя аккуратную колыбель для его поврежденной конечности. — Вот так, — произнесла я. — И не забудьте вернуть мне шаль. Это моя любимая.

Он кивнул, слабо улыбаясь, когда я недовольно подняла глаза вверх. — Ну же, Стокер. Мы не можем здесь торчать всю ночь.

Стокер подошел к краю корзины и обмотал одну ногу веревкой, схватившись за нее с искусной техникой человека, который провел годы на борту кораблей Ее Величества в качестве офицера флота. Его вес, больший, чем у меня или у Генри — а возможно, обоих вместе — заставил гондолу накрениться. Ветви, держащие воздушный шар, треснули, и зловещий звук порящегося шелка разорвал ночь.

— Быстрее, — шептала я. Он двигался плавно, неторопливо. Он был все еще в тридцати футах от земли, и падение оттуда могла убить его. Но он справился бы намного лучше, если не отвлекать его снизу, поэтому я ограничила свои комментарии бормотанием себе под нос.

Длинный, медленный звук, как у швеи, разрывающей бязь, затем пауза. Стокер поднял голову, и прежде чем я успела выкрикнуть предупреждение, последняя из веток сломалась с треском, настолько

громким, что это прозвучало как выстрел из пушки. Стокер, веревка, корзина, воздушный шар — все рухнуло на землю, разрывая канат и шелк, приземлившись со слышимым стуком, сотрясшим землю.

— Стокер!

Я не могла его видеть, потому что воздушный шар приземлился в вихре разрушения. Потребовалось время, чтобы шелк улегся, молчание было зловещим. Внезапно куча вздрогнула, и появился Стокер, выползающий из мусора. Он сильно кашлял, схватившись за бок.

— Ты, несомненно, сломал ребро, — ругалась я. — Ты должен был спуститься до того, как воздушный шар успел разорваться.

Он посмотрел на меня, тяжело хрипя, и я поняла, что он смеется. — Это не более чем трещина, ты, мегера. Боже мой, человек может умереть, и ты будешь ругать его за то, что он запутался в ковре. Никогда не меняйся, Вероника.

— И не думаю, — пообещала я. — Хотя, что мне делать с парой раненых собратьев по оружию, я не могу придумать. Возможно, тебе все-таки стоит отдать мне револьвер, — резко предложила я.

— Чертовски невероятно, — пробормотал Стокер. Я помогла ему подняться на ноги и увидела гримасу боли, которую он пытался подавить. Я не суетилась. У нас была миссия, и он не позволил бы мне отвлечь его разговорами о сломанных костях и бинтах.

— Они только что вошли в дом! — хрипло прошептал Генри.

Следуя указаниям Генри, мы подкрались к Тивертон-Холлу. Когда-то это могла быть симпатичная усадьба в стиле Тюдоров, но сады были оставлены без присмотра, а само здание демонстрировало признаки забвения. Сэр Лестер, очевидно, инвестировал каждый лишний пенни в свои египтологические экспедиции, и у нас была причина быть благодарной: отсутствие надлежащей безопасности означало, что ни сторож, ни собака не остановят нас.

Приближаясь к дому, мы видели, как зажегся свет, когда сэр Лестер и его пленник двигались по дому. Тусклый вначале свет золотого ореола лампы стал ярче, когда они дошли. Мы могли слышать, как голос сэра Лестера повышается, когда он ругал Фэйрбротера, давая волю своему темпераменту.

Мы остановились лишь на мгновение в тени кустарника, чтобы продумать следующие действия. Кусты привели нас к краю французского окна без штор. Сквозь стекло мы могли видеть Фэйрбротера, сидящего на стуле, с настороженным выражением лица, когда он смотрел на сэра Лестера и смертельный черный револьвер в его руке.

К моему удивлению, Стокер медленно поднялся из тени кустарника, открыто приближаясь к окну.

— Что вы делаете? — спросил Генри высоким голосом.

— Если мы удивим его, он может выстрелить, — объяснил Стокер. — Лучше дать ему минуту, чтобы привыкнуть к мысли, что у него есть посетители.

Он не удосужился понизить голос, и мгновенный взгляд Фэйрбротера в направлении окна привлек внимание сэра Лестера. Он начал подниматься со стула, и сэр Лестер взмахом приказал ему вернуться, угрожая револьвером, когда Стокер медленно открыл дверь, за ним следовала я, Генри Стил неохотно защищал тыл.

— Какого черта вы здесь делаете? — потребовал сэр Лестер, все следы любезности исчезли.

— Мы пришли по настоянию леди Тивертон, — спокойно ответил Стокер. — Она боится, что вы могли бы сделать что-то глупое. — Он нарочно обернулся влево, а я направилась направо, отвлекая сэра Лестера.

Баронета не так легко было обмануть. Он дернул револьвер от одного из нас к другому. — Нет. Встаньте вместе, — приказал он.

— Конечно, вы не хотите стрелять в нас, — сказала я прямо. — Для этого уже слишком поздно. Игра окончена. Намного лучше воспринимать последствия как мужчину.

Румяный цвет его лица стал багровым. — Последствия? Какие? Позволить быть обманутым этим, этим мерзавцем?

— Это немного грубо, не так ли? — спросил Фэйрбротер непринужденным тоном. — В конце концов, мы согласились на эту схему вместе. Вы были совершенно счастливы предпринять это, когда мы начали.

— Счастлив? Как я мог быть счастлив, когда вы всегда были рядом, побуждая меня делать больше, рисковать больше? Я хотел только заработать немного денег, но вы превратили небольшую безобидную сделку в совершенный гротеск. Это ваша вина, что я рискнул своей честью, — посетовал он.

Любая симпатия к этому человеку быстро испарялась. Он казался куда более озабоченным своим собственным именем, чем жизнью Джона де Моргана. Но я вполне мог представить, как Патрик Фэйрбротер подталкивает его к пропасти этих преступлений, а затем осторожно опрокидывает. Я была сильно раздосадована на себя за то, что всегда думала, что он обаятельный, и немало огорчена тем, что раньше не рассматривала его в роли вдохновителя этого губительного заговора. Мне не нравилось думать, что крепкая пара плеч и красивая улыбка могли

поставить под угрозу мое суждение, поэтому я сразу отклонила эту мысль и обратила свое внимание на провоцирование признания.

— Вы подстроили смерть Джона де Моргана в отеле в Дувре, не так ли? — тихо спросила я Фэйрбротера. — Это должно было стать кульминацией проклятия мумии, доказательством наряду с появлением Анубиса, что экспедиция обнаружила нечто уникальное во всей египтологии. Скажите мне, как вам это удалось. Полагаю, у вас была какая-то связь с владелицей отеля.

— Его сестра, — сообщил сэр Лестер, направляя револьвер в сторону груди Фэйрбротера.

Глаза Фэйрбротера резко уставились на меня, но он старался, чтобы его голос не звучал испуганно, возможно, чувствуя, что мы — единственное, что стоит между ним и разозленным баронетом. — Да. Ребекка Гиддонс моя сестра.

— РебеккаФ. Гиддонс, — произнесла я, глядя на Стокера.

Фэйрбротер продолжил. — Отель не приносил дохода, поэтому, когда я занял позицию у сэра Лестера, я устроил, чтобы экспедиция остановилась у нее. Я думал, что она выиграет от этого.

— Она хорошо заработала, — заметил Стокер. — Настолько, что она чувствовала себя обязанной помочь вам, когда вы сговорились избавиться от Джона де Моргана. Он дал вам прекрасную возможность убить двух зайцев, простите за выражение. Он видел диадему раньше, и когда вы притворились, что обнаружили ее в гробнице, он понял, что вы делаете. Де Морган стал угрозой вашему плану, и его пришлось устранить.

Я посмотрела на Фэйрбротера. — Изменить интерьер комнаты было особенно жестоким. Полагаю, вас совсем не беспокоило, что вы могли довести миссис де Морган до безумия таким трюком.

— Она должна была быть дискредитирована, — медленно произнес Фэйрбротер. — Если бы ее история была правдоподобной, власти задавали бы слишком много вопросов. Но если она расскажет совершенно невероятную историю, то она на нее будут смотреть как на сумасшедшую.

— И с Джоном де Морганом якобы в бегах никто не мог доказать, что не он несет ответственность, если фальшивка обнаружится. Вы устранили свидетеля и нашли козла отпущения одним махом, — сказал Стокер. — Все, чтобы скрыть то, что вы подделали египтологическую находку.

— Откуда вы это знаете? — потребовал сэр Лестер, его лицо горячо багровело.

— Кое-что сказанное Хорусом Стилом, — сообщила я ему. — То, что он мог продать глиняный горшок, если сможет убедить, что он

принадлежит Аменхотепу. Это именно то, что вы сделали, не так ли? Вы притворились, что нашли могилу с мумией. Это позволило объяснить находку сокровищ в захоронении, а страх проклятия не позволял людям задавать слишком много вопросов или становиться слишком подозрительными, когда количество тел начало расти. А пока вы выставляете свои сокровища и затем продаете их в частном порядке за астрономические суммы. Недорогие репродукции приносят вам целое состояние.

— Вы когда-нибудь пытались положить артефакты в могилу? — спросил Стокер. — Нет, подождите. Мы уже знаем ответ на этот вопрос, не так ли, Вероника? — Он направил внимание баронета на меня достаточно долго, чтобы продвинуться на дюйм вперед. — Вы этого не делали. Вот почему вам нужны были рабочие от верховников: незнакомцы, которые не будут болтать в деревнях долины, раскрывая секрет. Вы расплатились с египетскими властями несколькими реальными артефактами из предыдущих экспедиций. Это означало пожертвовать своей собственной коллекцией, но это была бы небольшая цена, чтобы заплатить за состояние, которое вы заработали бы на распродаже выставки. Вы могли бы взимать астрономические цены, и покупатели, не моргнув, заплатили бы их.

Я продолжила рассказ, бросив обвинительный взгляд на сэра Лестера. — Единственным предметом, который вам нужно было представить с театральным блеском, был саркофаг — гроб для мумии, который вы уже приобрели, тот, который был поврежден огнем, когда битум загорелся. Достаточно легко добавить несколько надписей, имея любимого филолога под рукой, — сказала я, кивая на Фэйрбротер.

Сэр Лестер начал протестовать, но Фэйрбротер тяжело вздохнул. — О, ради Бога, сэр Лестер, бросьте. Они сложили все воедино и знают достаточно, чтобы повесить нас обоих.

— Повесить нас! — револьвер в руке сэра Лестера дико подпрыгнул. — Меня не повесят! Я не убийца!

Рот Фэйрбротера скривился в гротескной улыбке. — Как вы думаете, это имеет значение? Ваш титул спасет вас, когда история выйдет наружу? Если вас не повесят, вы опозорены, разорены навсегда. Если только я не поклянусь, что вы убили Джонаса Фаулера, — сказал он с хитрым выражением на лице.

— Но я этого не делал! — возразил сэр Лестер.

Фэйрбротер пожал плечами. — Вы можете доказать это? Не было никакого вскрытия, — отметил он. — Джонас умер от сердечной недостаточности после желудочной болезни — обычное явление, когда

человек был отравлен мышьяком. И в вашем распоряжении есть аккуратная пачка порошка мышьяка. Она не может доказать, что взяла его из моей комнаты, не так ли? Я скажу, что она взяла его у вас. Если вы возложите вину на меня за убийство де Моргана, я возложу вину на вас за убийство Фаулера.

— Но вы не можете, — голос баронета был полон ярости. Его цвет лица был темно-багряный, и я подумала, не будет ли у него второй апоплексии.

— Я могу, — медленно сказал ему Фэйрбротер. — И я так и сделаю, если вы не согласитесь здесь и сейчас, взять на себя ответственность за планирование этого мошенничества. Если ни один из нас не признается в причастности к смерти де Моргана, они не могут повесить ни одного. Мы проведем нашу жизнь в тюрьме, но мы будем жить.

Сэр Лестер отчаянно перевел взгляд с Фэйрбротера на остальных из нас. Стокер снова медленно приблизился, но сэр Лестер размахивал пистолетом. — Назад. Вы должны остановиться. Мне нужно подумать. — Он ткнул оружием в сторону Стокера.

— Все в порядке, сэр Лестер, — сказал я успокаивающе. — Вам не нужно ничего решать сейчас. Дайте нам пистолет, и давайте отвезем Фэйрбротера к властям. Они лучше знают, что делать.

Сэр Лестер выглядел растерявшимся. Бусинки пота возникли, отбивая край его волос. Он немного задохнулся, как будто изо всех сил пытаясь отдышаться.

— Сэр Лестер, — мягко сказал Генри. — Вы плохо выглядите. Возможно, нам следует вызвать врача.

Слово гальванизировало сэра Лестера. — Нет, — он поднял пистолет с новой силой. — Нет. Он пытается манипулировать мной, но этого не будет. Я знаю правду, и правда в том, что я бы никогда не встал на этот путь, если бы не он, и он намеревался обмануть меня. Он хочет бежать в Аргентину, оставив меня наводить порядок. У него есть билет на корабль, отправляющийся завтра. Вы знали это? — потребовал он. — После всех грехов, которые мы совершили, он хочет добавить в список предательство. Но теперь он поймался в свои собственные сети. Он будет лгать, кривляться и потворствовать, и он выйдет на свободу. Они поверят ему, потому что он умный, а я нет. Каждое зло, которое я совершил, было по его инициативе. И теперь я буду за это наказан, — сказал он.

Он поднял подбородок с тихим отчаянным решением.

— Нет! — закричала я. Но, конечно, было слишком поздно.

Прежде чем кто-либо из нас смог действовать, он поднял пистолет и

выстрелил один раз.

Патрик Фэйрбротер не издал ни звука. Он просто удивленно расширил глаза и посмотрел вниз на алое пятно, распустившееся на его груди, как страшный цветок. Он упал на пол в тишине. Второй выстрел последовал за первым, когда сэр Лестер Тивертон прижал револьвер к мягкой плоти прямо под подбородком и нажал на курок.

Глава 20

Самоубийство баронета и убийство его экспедиционного филолога только усилили очарование проклятия мумии. TheDailyHarbinger отнюдь не объяснил трагические события рациональными действиями жестокого заговора, утверждая, что только зловредное влияние мстительной мумии могло заставить сэра Лестера и Фэйрбротера совершить такие отчаянные поступки. Конечно, это была чепуха, но сенсационная проза Дж. Дж. Баттеруорта сделала свое дело. Даже зная, что многие из артефактов являются подделками, публика в невероятном количестве стекалась на выставку Тивертон в Карнак-Холле.

Через несколько дней после нашего отчаянного полета в Суррей мы встретили леди Тивертон в Клубе по ее приглашению. Теперь она была одета в черное, и казалась постаревшей, когда подошла поприветствовать нас. Она носила плотную вуаль, чтобы избежать ненужного внимания, но ей не нужно было беспокоиться. Члены Клуба заботились о своих.

— Спасибо за встречу, — начала она.

Мы направились к ней, но Хетти-консьерж, вышла из-за своего стола твердым шагом и остановилась перед Стокером. — Извините, сэр, но Клуб Ипполиты не позволяет входить джентльменам.

Стокер наклонил голову, и леди Тивертон откинула назад свою вуаль. — Это моя вина, Хетти. Я забыла правила против гостей-джентльменов. Не думаю, что вы могли бы нарушить их только один раз?

Хетти осмотрела Стокера с ног до головы и неохотно кивнула. — Джентльмены могут быть допущены в чрезвычайных обстоятельствах, но только в зал Parley на первом этаже и только на двадцать девять минут.

Стокер улыбнулся. — Это очень точно.

— Это, сэр, является правилом. Оставайтесь на секунду дольше, и я сама приду, чтобы сопровождать вас к выходу, — строго сказала она ему.

Он склонил голову и покорно последовал за ней, пока она вела нас в комнату Parley. Она демонстративно повернула песочные часы на каминной полке и оставила их, песок скользил вниз, когда она уходила, плотно закрыв за собой дверь.

— Я удивлена, что вы хотите увидеть нас, — сказала я леди Тивертон. — Мы потерпели неудачу в наших усилиях.

Ее губы изогнулись, но я бы не назвала это улыбкой. Улыбка не могла быть такой грустной. — Вы пытались, мисс Спидвелл. Вы пытались спасти

его, и я тоже. Но он позволил себя увлечь в заговор, и в конце концов ответственность за его ужасный конец лежит на нем. Я знаю, что Фигги была уверена, что я изменяла ее отцу с Патриком, но это неправда. Я очень любила своего мужа и серьезно отношусь к своим обетам. Включая обет, который я дала первой леди Тивертон — заботится о сэре Лестере до конца его жизни.

— Она видела, как вы выходили из комнаты Фэйрбротера, и неправильно это истолковала. Это был первый раз, когда вы пытались найти улики против него, не так ли? — с редкой для него мягкостью спросил Стокер,

Она кивнула. — Именно тогда я нашла письмо от его сестры, подтверждающее, что с Джоном де Морганом покончено. — Она слегка вздрогнула и собралась с видимым усилием. — Простите меня. Я хочу поговорить об этом. Я хочу услышать все это высказанным вслух. Только один раз, а потом я больше не хочу об этом говорить. — Она глубоко вздохнула и начала говорить. — Я знала с самого начала сезона, что-то не так, но я не могла сказать, кто был автором всех несчастий. Сначала это казалось не более чем глупыми уловками — повреждение фотопластин де Моргана, появление Анубиса. Разрушительный, деморализующий, но не злой. А потом умер Джонас Фаулер, и я не знала, что и думать. Он был болен. Он был болен в течение нескольких лет, а требования к раскопкам очень высоки. Я не хотела верить, что кто-то мог ускорить его смерть.

— Вы верите сейчас? — спросил Стокер.

Она развела руки. Ее обручальное кольцо поймало свет. Она всегда будет носить его, я была уверена. — Аптечная упаковка, которую я нашла в комнате Патрика. Остались только следы порошка, и невозможно сказать, что это могло быть. Я не хочу верить, что он мог бы... даже сейчас... — она замолчала, прикрывая рот.

— Это был мышьяк, — мягко сказала я ей. — Он признал это незадолго до своей смерти. Но он не признался, что использовал его на Джонасе Фаулере. На самом деле он был готов поклясться, что пакет принадлежал вам, и что вы приложили руку к смерти мистера Фаулера. Но без вскрытия... — Я позволила приговору замолчать.

Она молчала, явно борясь с сильными эмоциями. Через мгновение она пришла в себя. — Таким образом, мы никогда не узнаем, был ли бедный Джонас первым из его жертв. Возможно, это лучше. Мне нравится думать, что Джонас умер так, как он жил, оставшись навсегда в стране, которую он так полюбил. Пусть земля ему будет пухом.

У меня были свои мысли на этот счет. Тот факт, что Фэйрбротер был

так готов устроить смерть Джона де Моргана, когда это ему подходило, ясно давало понять, что он не стал бы отказываться от облегчения перехода Джонаса Фаулера в загробный мир. Но если он это сделал, Фэйрбротер заплатил за свои преступления, а леди Тивертон не нуждалась в новых ужасах.

Она снова сделала паузу, и когда продолжила, звучала старше, смирившись с бременем горя, которое будет нести до конца своих дней. — Я видела зло, и у него было улыбающееся лицо. Мне он понравился, когда он впервые пришел к нам, — сказала она, выражение ее лица было мягким от воспоминаний. — Я довольно скоро поняла, что мой брак с сэром Лестером не будет благословлен детьми. Но ему нравилось окружать себя молодыми людьми. Это позволяло ему чувствовать себя молодым. Я поддержала Патрика. Я думала, что он показывает большой потенциал, и со временем они стали близки. Настолько близки, что, когда сэр Лестер открыл пещеру в прошлом году, именно Патрику он доверил свою находку, а не мне.

— А Патрик предложил использовать ее с выгодой? — предположила я.

Она кивнула. — Я так думаю. Это не тот заговор, который сэр Лестер мог бы придумать сам. Потребовалось планирование, дерзость. Конечно, мой муж был дерзким, но методичным он не был. Кто-то должен был организовать изготовление и отправку поддельных древностей из Египта, и кто-то должен был организовать их прием в Дувре и отправку в загородный дом в Суррее.

— Сестра Фэйрбротера, — сказал Стокер. — Мы с ней познакомились.

— Именно она убила Джона де Моргана, — сказала леди Тивертон. — По его приказу. Ее письмо показало, что он послал очень конкретные инструкции относительно того, как дело должно быть сделано. Она подчинилась. Она была его добровольным соучастником во всех отношениях, и я могу только вообразить, какое влияние он имел на нее, чтобы заставить ее делать такие ужасные вещи.

Я вспомнила миссис Гиддонс и ее хладнокровное поведение со Стокером и со мной, и слегка улыбнулась. — Я не думаю, что миссис Гиддонс требует особого убеждения. Она и ее брат — уникальная пара. Он говорил мне однажды о ней с искренней любовью — о самоотверженной сестре, которая сделала все, чтобы ее любимому брату была предоставлена возможность преуспеть в жизни. Она даже не дрогнула перед убийством, чтобы обеспечить его успех.

Леди Тивертон кивнула. — В ее письме указывалось, что он был тем,

кто планировал поместить тело в саркофаг, зная, что власти никогда не заглянут внутрь. Миссис Гиддонс оставалось только хранить труп в ее прачечной несколько дней, пока мы не вернулись из Египта. Патрик сделал все остальное. Он положил останки Джона в саркофаг, и мы взяли его с собой, так и не узнав правды.

— Все эти разговоры о мумии, которой никогда не было, — пробормотала я. — Принцесса Анхесет была выдумкой от начала до конца, всего лишь несколько поддельных иероглифов на гробе для мумии и диадема.

— Это был дерзкий план, — сказала леди Тивертон, ее голос звучал жестко. Он мог бы сработать.

Мы молчали мгновение, прежде чем я снова подняла вопрос о Патрике Фэйрбротере. — Это была его идея изменить комнату, не так ли? Чтобы запутать и напугать Кэролайн де Морган. Никто не поверит ее безумной истории, а де Морган исчез при загадочных обстоятельствах, самым простым объяснением было бы то, что он украл диадему ради собственной выгоды.

Она кивнула. — Это было чудовищно. Полиция сообщает, что миссис Гиддонс исчезла из Дувра. Они не знают, куда она уехала, но они совершенно уверены, что она покинула страну.

— Разыскиваемая убийца? Без сомнения, она проложила как можно большее расстояние между Англией и собой, — согласился Стокер. — И ее брат заплатил за свои преступления.

Я подумала о Патрике Фэйрбротере, умном, хватком молодом ученом с очаровательной улыбкой и изящными манерами. Я не часто так ошибалась: не подозревать зло в человеке, который был способен на это; моя жизнь зависела от моей способности отличать подлость от добродетели. Я не должна забывать мою ошибку.

— Да, он заплатил, как и мой муж, с горечью сказала леди Тивертон. — Бедный, глупый Лестер.

— Что привело его к этому? — спросила я. — Он был человеком, который имел все преимущества.

— Деньги, — просто сказала она. — Первая леди Тивертон равномерно поделила свое состояние между мужем и ребенком. Сэр Лестер растратил свою половину. Египтология — грязное и дорогое дело, — добавила она с грустной улыбкой. — Он думал, что одна великая находка создаст ему имя, и он был прав. Если бы он обнаружил стоящую гробницу, он заработал бы на этом состояние. Как бы то ни было, он намеревался продавать бесполезные безделушки за огромные суммы любителям,

которые не заметили бы разницы.

— Но вы заметили, — заметила я. — Что вызвало у вас подозрения?

— Саркофаг. Единственная вещь, которую он не мог позволить подделать. В случае с настоящей мумией остальная часть находки получила бы гораздо меньше внимания. Он взял саркофаг, который купил несколько лет назад, и с помощью Патрика придумал, чтобы он выглядел подлинным саркофагом принцессы Анхесет. Сначала я не узнала его из-за изменений, но что-то беспокоило меня в этом. В конце концов я подумала сравнить саркофаг принцессы Анхесет с саркофагом на фотографии, сделанной первой леди Тивертон. На снимке коллекция находок и артефактов, купленных сэром Лестером. Части, которые не были изменены или повреждены в огне, идеально совпадали.

— И огонь был преднамеренной попыткой повредить саркофаг и сделать невозможным его опознать, — заключила я.

Она кивнула. — Немного битума и повреждения от огня скрывали места, где они не могли изменить предыдущие надписи. Они думали, что этого будет достаточно, но я подозреваю, что я не была единственной, кто осознал, что это мошенничество.

— Как прекрасная брошь, что вы носили на приеме? Та, которую сэр Лестер утверждал, что раскопал?

— Ничего не стоит, — сказала она бодро.

— А диадема принцессы? — спросил Стокер.

— Подделка. Стоит не больше, чем вес золота и драгоценных камней.

— О диадеме, — начала я. Она подняла руку. — Г-н Стил любезно вернул ее. Я отправила ее обратно ему, чтобы сохранить в трасте для Фигги. Это не стоит много, но все же кое-что.

Я удивленно моргнула. — Траст для Фигги?

Ее улыбка была слабой. — Мой муж был суеверен в таких вещах как завещания. Он сделал только одно во время своего первого брака. Поскольку предыдущая леди Тивертон сама по себе была богата, он оставил только номинальную сумму своей вдове. Положения для Фигги остаются без изменений. В случае его смерти, Фигги должна быть передана на попечение Горация Стила вместе с управлением ее наследством. Я могла бы возбудить дело в суде, но в лучшем случае это было бы сомнительно и ужасно дорого. Я рада принять ситуацию такой, какая она есть.

— Но вы ее мачеха, — утверждал Стокер. — Вы должны отвечать за девушку.

Она покачала головой. — Фигги обвиняет меня в том, что произошло.

— Это несправедливо, — сказал он ей.

— Молодые люди часто несправедливы. Но со временем, я надеюсь, она увидит, что я не совершала те подлости, которые она уверена, что я совершила. Я сделала все, что в моих силах, чтобы спасти мужа от разорения. Вместо этого я вызвала это несчастье.

— Как? — спросил Стокер.

— Я дала мужу билет на пароход, который нашла в комнате Патрика. Именно это заставило его встать с постели и пойти противостоять ему. Он нашел Патрика в процессе подготовки к бегству.

— Это был его собственный выбор — взять дело в свои руки, — мягко напомнил ей Стокер. — Он мог передать Фэйрбротера властям.

— За убийство, да. И признаться в мошенничестве, протащив свою фамилию сквозь грязь, обрекая свою дочь, чтобы об этом шептались за ее спиной до конца жизни. Нет, благослови его бог. Он пытался избавить ее от этого. Но, как я уже сказала, мой муж не очень-то был мыслителем. — Она встала и протянула руку каждому из нас по очереди. — Я уезжаю в Египет, как только смогу договориться. Я не думаю, что мы встретимся снова.

Мы вышли из комнаты для переговоров с запасными шестью минутами. Хетти внимательно посмотрела на Стокера, когда мы проходили мимо, и он помахал ей шляпой.

— Мисс Спидвелл, — позвала она. — Минутку. — Она вышла из-за стола с портфелем из пергамента. — Мы получили ваше согласие. Вы будете приняты на следующую официальную встречу через две недели. Вот информация для новых членов. Это конфиденциально.

Я взяла тяжелый пергаментный портфель и взглянула на стену, где висели фотографии участников. Прошлые и настоящие, галерея женщин достижений, женщин стойкого духа и неукротимой смелости. И, несмотря на мои опасения, я знала, что нашла свой дом. Как раз в конце было небольшое пустое пятно, незаметное, спрятанное под лестницей. — Прямо там, — сказала я Хетти.

— Простите, мисс Спидвелл?

— Вот где я хочу, чтобы висела моя фотография.

Она улыбнулась. — Добро пожаловать в Клуб Ипполиты, мисс Спидвелл.

...

На следующий день леди Велли пригласила нас на чай, чтобы услышать окончательный отчет о том, что она настояла назвать» дело Тивертонна».

— Бедный Лесси, — сказала она, добавив в чай здоровенную порцию виски. Стокер отклонялся на том основании, что он пытается

отремонтировать AérostatRéveillon, но я подозревала, что это будет бесполезной затеей. Его светлость взглянул на груды расколотой гондолы и порванной ткани — и отвернулся в отчаянии. Тем не менее, Стокер чувствовал себя обязанным попробовать, и поэтому он был занят шитьем, склеиванием и плетением под присмотром графа.

— Что станет с Фигги? — спросила леди Велли.

— Школа, — сказала я ей быстро. Мы провели предыдущий вечер за ужином в отеле Allerdale в номере мистера Стила, обсуждая ситуацию. По моему настоянию г-н Стил записал Фигги в Академию молодых леди имени Лейдлоу-Аптон, уникальное учреждение в Колорадо, основанное для того, чтобы воспитывать «искательность» необычных молодых женщин. Не секрет, что он питал надежду, что однажды она решит выйти замуж за молодого Генри, но я советовала ей подождать лет десять путешествовать по миру — по крайней мере, дважды — прежде чем предпринять такой решительный шаг. Она поблагодарила меня за мой совет с неохотным рукопожатием.

Стокеру она доверила Нута, объяснив, что не может отвезти его в Америку, и что животное не может желать лучшего места, чем рядом со Стокером. Потребовались согласованные усилия и вся моя физическая силы, чтобы оторвать Фигги от Стокера, когда она пошла обнять его на прощание. Но в конце концов она была оторвана от его груди, и нам разрешили продолжить наш вечер.

Леди Велли кивнула, когда я рассказала историю. — Это закалит ее. Она может выглядеть как Тивертон, но она Уорд, и если она чем-то похожа на свою мать, она покажет это сейчас. Неприятности формируют характер, — закончила она быстро. — Говоря о родителях, это прибыло сегодня. — Она вручила маленькую коробочку из черного шевро, на которой было выбито три отличительных перья.

— Это...

— Да. Его перья. Откройте.

Я сделала, как она велела мне. Внутри на устричном сатине лежала тонкая нить из бисера с выставки в Тивертоне. Синяя ляпис-бабочка свисала со дна, готовая улететь. Я не прикоснулась к ней.

Леди Велли заговорила первой. — Одно из немногих подлинных произведений. Не волнуйтесь — он заплатил за это.

— Почему? — спросила я изменившимся голосом

— Кто может сказать? — Она пожала плечами. — Записки не было, только инструкция: доставить в ваши руки. Делайте выводы, какие вам угодно.

Я закрыла коробку. — А если я вообще ее не приму?

— Это тоже ваш выбор, — признала она. — Но не закрывайте дверь полностью, Вероника.

— Он закрывал ее для меня достаточно часто, — быстро ответила я. Слишком быстро.

Она одарила меня жалостливой улыбкой. — Никогда не позволяйте своей гордости диктовать решения, дитя.

Я положила коробку в карман и взял чайник. — Думаю, вам нужна чашка свежего чая. — И когда я наливала, моя рука была устойчивой.

...

Я оставила леди Велли и направился в Бельведер. Задумавшись, я подошла к своему столу, прежде чем поняла, что я не одна.

— Добрый день, миссис де Морган. Боюсь, Стокер занят своей работой, но я могу послать кого-нибудь найти его для вас, если хотите.

Она холодно посмотрела на меня. — Я хочу говорить не с ним. Я пришла к вам.

— Для чего?

— Потому что это вы нашли Джона. — Ее голос прервался на его имени. — Я могу похоронить его прилично, и это хоть что-то, по крайней мере.

— Я сожалею о вашей потере, — сказала я ей.

— Моя потеря? — Ее глаза были мрачными. — Что вы знаете о потере? Вы когда-нибудь любили? Не телячьей любовью, мисс Спидвелл. Я имею в виду настоящую любовь, такую, которая не сладка и не нежна, но горит в ваших костях и разрывает вас на части. Это то, что я чувствовала к Джону. Мы сражались как дьяволы, но это был наш путь. Никто не понимал, что когда мы ссорились, мы чувствовали себя живыми. Боже, как я буду скучать по дикости нашей совместной жизни. Он не был хорошим человеком, но он был хорош для меня.

Я подумала обо всем, что они разрушили, и кровь пронзила мои виски. — Возможно, вам следует использовать это как эпитафию, — предложила я.

— Вы презираете меня, мисс Спидвелл, но вы даже не знаете меня, — сказала она, скривив презрительно губы.

— Но я вас знаю. Я всегда знала вас. Вы принадлежите к той презренной породе женщин, которые всегда будут видеть то, в чем им было отказано, а не то, что им дано. В чем природа отказала вам? Вы родились под волшебной звездой! Красота, происхождение, хорошее здоровье, естественный интеллект были вам дарованы с рождения, но какую

благодарность вы когда-либо чувствовали? Никакую. Вы поднимаетесь с постели каждый день на двух сильных ногах и можете думать только о том, чтобы жаловаться, что кто-то когда-то говорил с вами жестко. У вас есть родители, которые воспитывали вас с любовью, но вы презирали их за то, что они бедны. Вы, жившая за границей и видевшая настоящую нужду. Скажите мне, миссис де Морган, когда вы были в Египте, вы когда-нибудь смотрели на женщину, работающую в поле, и понимали, что это был простая случайность доброго провидения, что вы не родились, чтобы работать без передышки всю жизнь? Вы когда-нибудь смотрели голодному нищему в глаза и думали, что привилегии, которыми вы наслаждаетесь, не более чем каприз космоса? Вы — любимица фортуны, обласканная богами, благословленная всеми преимуществами, но вы слепы и глухи к своим способностям. У вас есть легкость и комфорт, но вы не живете. Вы просто существуете, потому что вы ничего не цените. Проснитесь, миссис де Морган, иначе вы проспите всю жизнь.

Она поднялась. — Вы думаете, что вы умны, мисс Спидвелл. Вы думаете, что вы намного умнее меня. Но я скажу вам кое-что, что вы должны знать. Вы подружились с опасным человеком. Ревелстоук убил человека. Подумайте об этом. Он использовал свои умные, талантливые руки, чтобы раздавить чью-то жизнь. Это должно иссушить мозг в ваших костях. Как вы можете быть рядом с ним сейчас, когда знаете, что он отнял у кого-то жизнь? — с жестоким взглядом потребовала она в триумфе.

Я подошла ближе к ней, медленно улыбнувшись тигриной улыбкой. — Потому что, миссис де Морган, я отняла две.

• • •

На следующий день после визита Кэролайн де Морган я зашла в оранжерею и обнаружила, что у меня появились лунные мотыльки. Они вырвались на свободу из своих темных маленьких тюрем, вытолкнув себя наружу влажными шелковыми крыльями. Пока я смотрела в восторженном узумлении, они медленно расправляли их, высушивая, покачиваясь взад-вперед. Они были бледно-зелеными с длинными элегантными задними крыльями и отметинами, похожими на глаза, которые, казалось, наблюдали за мной, пока я их изучала. Они были большими, каждый превышал длину моей руки. Один за другим они поднимались со своих ветвей, пробуя себя, поднимаясь в теплый влажный воздух теплицы, впервые пытаясь освободиться. Каждое шелковое крыло было обрамлено серым, а усики были с оборками и золотыми, легкомысленными маленькими украшениями, которые танцевали над их телами.

— Они открылись, — заметил Стокер, подходя ко мне. Я кивнула,

удивляясь тому, как последний мотылек срывается в любовном преследовании другого мотылька.

— Я получил известие сегодня утром. Ребенок Джона де Моргана родился преждевременно прошлой ночью. Девочка, — тихо сказал он. — Это, несомненно, стало неприятным шоком для ее матери.

— А Кэролайн? Как она?

— Достаточно хорошо, хотя ребенок может не выжить.

— Если ребенок выживет, я рада, что это девочка. Ее мать не сможет претендовать на деньги де Моргана, — сказала я с легким налетом суровости.

— Нет. Сейчас ей придется отказаться от своих махинаций. Как только смогут, они хотят переехать в деревню.

Я обернулась, но его лицо ничего не выдало. Ему было больно говорить о ней? Тем не менее, он не произносил ее имя, никогда не говорил со мной о ней добровольно. И вдруг слова, которые я никогда не собиралась произносить, сорвались с моих губ. — Почему ты никогда не произносишь ее имя? Я только один раз слышала, как ты произносишь слово «Кэролайн». Она так тебя мучает?

Выражение его лица было удивленным. Затем он улыбнулся. — Нет. Я не говорю этого, потому что никогда не называл ее по имени, кроме как однажды, в нашу брачную ночь, прямо перед тем, как она отказала мне в постели. Я поцеловал ее и назвал Кэролайн. Тогда, как я считал, был самый счастливый момент в моей жизни, один прекрасный золотой момент, прежде чем все пошло в ад.

Я отвернулась. Так вот, что это значило, когда он назвал ее имя, одурманенный, в полубреду, и его рот был на моем. Он помнил не женщину, которую любил раньше, но обещание счастья, которое он однажды увидел, и думал, что никогда не узнает снова. Я прочистила горло и смахнула заблудившийся лист.

Он стоял передо мной, очень близко. Он протянул руку, приставив кончик пальца к моему горлу. — Красивая маленькая бабочка. Я не помню, чтобы видел это раньше.

— Это новая, — сказала я ему. У нас будет достаточно времени, чтобы объясниться.

Он продолжал, все еще касаясь бабочки ляписа, его костяшки просто касались кожи моей груди. — Дело закрыто. Джон похоронен, и все, что осталось от моей репутации, спасено, — сказал он странно мягким голосом. — Спасибо тебе за это. Ты борешься за меня сильнее, чем когда-либо за себя. Почему?

— Потому что на земле нет силы, которая могла бы заставить меня отказаться от нашей дружбы. Нет настолько темного дела, в котором ты мог бы признаться, чтобы это заставило меня покинуть тебя. Однажды ты сказал о нас, что мы ртуть, а весь остальной мир грязь. Мы одинаково сформированы природой, отвергать друг друга — значит плевать в лицо тому, что божество посчитало целесообразным объединить в нас. Мы одинаковы, и расстаться с тобой — значит расстаться с самой собой. Сделай из этого какие хочешь выводы.

Я отвернулась, чтобы посмотреть, как мои лунные мотыльки вздымают и парят среди железного кружева над головой.

Охота на бабочек требует уклончивого подхода. Если кто-то атакует их напрямую, они улетают, прокладывая путь по неясному, неуловимому пути, пока не исчезают из виду с последним взмахом украшенных драгоценными камнями, дерзких крыльев. Но хитрый и осторожный может подойти к ним так тонко, что они не осознают, что на них охотятся, пока сеть не опустится. Хитрость заключается в том, чтобы двигаться вместе с ними параллельно, но не пересекаясь, осторожно направляя их к подходящему месту посадки, где они могут быть захвачены без травм. Время — вот что главное. Поспешите, и они смоются. Проваландаетесь, и они уйдут после вкусного глотка нектара. Это требует терпения, умения и решимости — качеств, которые у меня и без того были в избытке, а Стокер позволил отточить.

Я обернулась к нему. Слова, которые, как я думала, я никогда не произнесу ни одному человеку, подступали к моим губам. В этот момент мы услышали голос из-за маленькой рожицы грабов. Я закрыла рот и отошла.

— Мисс Спидвелл? Я получил ваше сообщение. Наконец появились маленькие дьяволы? — Это был виконт с безупречными манерами и прискорбным чувством времени.

— Доброе утро, мой лорд, — выкрикнула я радостно. — Стокер и я как раз восхищаемся ими.

— О, мой брат с вами? — спросил виконт, пробираясь сквозь листву.

— Да, — ответил ему Стокер, подходя ко мне, его рука касалась моей талии. — Я здесь.

Деанна Рэйборн

Опасное сотрудничество

*Deanna Raybourn: “A Dangerous Collaboration”,
2019*

Перевод: И. Толок

*Всем бесстрашным авантюристам, которые
только и ждут начала своих путешествий...*

Глава 1

Лондон, Март 1888

— Какого дьявола ты собралась уезжать? Что ты имеешь в виду? — требовательно спросил Стокер.

Он оглядел наполовину упакованный саквояж на моей кровати, в который я складывала запасную блузку и Magalhães's Guide to Portuguese Lepidoptery. Справочник оказался тяжелее, чем я ожидала. Меня ввело в заблуждение приложение, посвященное бабочкам Мадейры и ярким мотылькам, встречающимся только на Азорских островах.

— Именно то, что сказала. Я пакую свой саквояж. Когда соберусь, покину это место и сяду на поезд, идущий до побережья. Там я сойду с поезда и пересяду на корабль. А когда он остановится на Мадейре, сойду на берег.

Мой голос сел от волнения. Я боялась рассказывать Стокеру о своих планах, ожидая что-то вроде легкого взрыва: я добилась экспедиции (пусть даже незначительной), в которую его не пригласили. Вместо этого он принял известие с арктическим холодом. Я обвиняла в этом его аристократическое воспитание. И его нос. Очень легко смотреть свысока на других, когда у тебя нос, которому позавидовал бы римский император.

Я не могла винить его. Мы естествоиспытатели, и нас не могло не злить вынужденное пребывание в Лондоне. Каждый из нас жаждал открытого моря, небес, простирающихся до бесконечности, горизонтов, манящих к пахнущим специями ветрам. Вместо этого граф Розморран нанял нас для каталогизации обширных коллекций его семьи — довольно интересной, хотя и скромно оплачиваемой работы, которая со временем иссушивала душу. Сколько чучел мартышек может пересчитать человек, пока не взбунтуется? Мысль, что я сбегая от доброжелательного работодателя, бросив напарника на этих галерах, рассердила бы самого благородного человека. А Стокер, как и я, не был лишен здорового эгоизма.

— На Мадейру?

— На Мадейру.

Он сложил руки на груди.

— Могу я поинтересоваться предполагаемой продолжительностью экспедиции?

— Можешь, но тебя разочарует ответ. Я еще не планировала точно,

ожидая, что буду отсутствовать несколько месяцев. Возможно, до осени.

— До осени, — повторил он, растягивая слова.

— Да. Ищи меня в «поре туманов, зрелости полей».

Ни моя слабая попытка пошутить, ни реверанс его любимому Китсу не смягчили сурового выражения лица Стокера.

— И ты хочешь поехать одна.

— Вовсе нет, — возразила я, кладя в сумку банку с кремом для лица.

— Леди Корделия и я едем вместе.

Он фыркнул от смеха, которому явно не хватало веселья.

— Леди Корделия! Ее единственный опыт вояжа на корабле — круизный пароход. Ее представление о путешествии без удобств — отсутствие второго лакея. И я боюсь даже думать о том, что Сидони скажет по этому поводу.

Я поморщилась при упоминании о надменной французской камеристке леди Корделии.

— Она не едет.

Его рот раскрылся от удивления, и Стокер оставил позу ледяного презрения.

— Вероника, ты не можешь говорить всерьез. Знаю, ты мечтаешь стряхнуть с себя лондонские туманы, так же как и я. Но тащить леди Корделию на остров посреди Атлантики абсолютно не имеет смысла. С таким же успехом ты можешь потащить ее на Северный полюс.

— Никогда не интересовалась полярными экспедициями, — ответила я с легкостью, которой не чувствовала. — Там нет бабочек.

Он схватил меня за плечи, его пальцы почти касались моих ключиц.

— Если это из-за того, что я сказал сегодня, из-за того, что я почти сказал...

Я подняла руку.

— Конечно, нет.

Жалкая попытка солгать. Правда заключалась в том, что под влиянием момента мы почти признались в чувствах, о которых не следовало говорить. Я чувствовала его руку на моей талии, как пылающее клеймо. Его дыхание шевелило прядь моих волос. Горячие, импульсивные слова уже дрожали на моих губах. Если бы старший брат Стокера, виконт Темплтон-Вейн, не помешал нам... Об этом не стоит даже думать.

После ухода виконта, я пила чай tête-à-tête с леди Корделией (сестрой лорда Розморрана и нашим другом). К тому времени, когда мы разделили последний кекс, было принято решение, которое удивит и, возможно, рассердит наших мужчин. Лорд Розморран повел себя с характерной для

него добродушной неопределенностью. Он выдвинул робкие возражения лишь осознав, что отсутствие сестры означает необходимость заботиться о собственных детях.

— Пригласи одну из теток, чтобы помочь тебе, — наставляла леди К с непривычной безжалостностью. — Я совершенно истощена, мне необходим отпуск.

Лорд Розморран сразу сдался и предложил финансировать проект. Стокер был чертовски несговорчив. Не в последнюю очередь из-за несказанного, повисшего между нами и не дающего легко дышать.

Я затолкала последнюю блузку в сумку

— Это к лучшему. Дело с экспедицией Тивертонна было слишком сложным. Немного тишины и покоя нам не повредят.

На первый взгляд это было сносное оправдание. Мучительное расследование, которое мы только что завершили[1], включало безрассудные приключения и телесные повреждения. Но и Стокер, и я в равной мере стремились к таким эскападам. Не физическое истощение гнало меня из умеренного климата побережья Англии. Причиной было недавнее столкновение с бывшей женой Стокера, Кэролайн де Морган, монстром в юбке. Она почти уничтожила Стокера своими махинациями — о, как я желала бы отплатить ей тем же. Но месть — бесполезное занятие. Я предоставила Кэролайн ее судьбе, полагая, что со временем она получит по заслугам. Меня беспокоили сильные эмоции, которые вызывал во мне Стокер, и дилемма: что делать с ними.

Невозможно оценить чувства с хладнокровием и бесстрастностью ученого, проводя столько времени вместе. В конце концов, экспертиза бабочки не проводится в поле; образец внимательно рассматривается на свету, оцениваются и его красота, и изыяны. Так же я собиралась поступить с моими чувствами к Стокеру, хотя не поделилась с ним этими намерениями. Зная, как глубоко он был ранен Кэролайн, я не хотела причинить ему лишнюю боль.

К счастью, леди Корделия отчаянно настаивала на немедленном отъезде. Я ухватила за ее приглашение, решившись на побег и не раскрывая наших подлинных целей даже Стокеру.

Я застегнула сумку

— Боюсь, мне не о чем будет писать, кроме как о бабочках. Не удивляйся, если я окажусь плохим корреспондентом. И ты не обязан писать. Уверена, у тебя найдутся более интересные занятия. Заранее прошу прощения, вероятно, без меня ты немного отстанешь с коллекциями.

— Я отлично справлюсь один, — ответил он, отвернувшись,

выражение его лица было совершенно пустым. — Я всегда справляюсь.

* * *

Как без сомнения и было задумано, напутствия Стокера преследовали меня все шесть месяцев.

Мадейра — красивая, пышная, ароматная — предлагала огромные возможности для лепидоптеролога. Однако чаще, чем хочется признаваться, посреди пылкой погони за малышом *Lampides boeticus*, лениво порхающим в душистом ветерке, я застывала, позволяя сети бесполезно упасть. Статьи для различных публикаций остались ненаписанными. Ручка неподвижно лежала в руке, пока мой разум бродил.

Каждый раз мои мысли возвращались к Стокеру, как голуби, спешащие домой на ночлег. И каждый раз я увертывалась от них, не позволяя себе долго думать о нем. Так ребенок учится не держать руку близко к пламени.

Летом, когда поздноцветущая жакаранда рассыпала по острову медовый мускус аромата, появилась необходимость (по многим причинам, не буду их подробно описывать) вызвать доктора для нас обеих. К тому времени, когда мы восстановили силы, прошло полгода. Наши мысли снова обратились к Англии.

Долгими днями мы отдыхали на веранде арендованной виллы, как греющиеся на солнце ящерицы. Мы обе стали стройнее, чем когда отправились в путь. Бледно-молочная кожа леди Корделии, несмотря на ее вуали и широкие поля, покрылась коричневой пудрой веснушек, но я откидывала шляпу, поворачивая лицо к солнцу.

— Вы кажетесь воплощением здоровья, — сказала она мне, когда мы сели на корабль в порту Фуншала. — Кто бы подумал, что вы находились под наблюдением врача.

Я стащила свободный жилет моего дорожного костюма.

— Вы так думаете? Я — кожа и кости, и вы ненамного лучше. Но славные девонширские сливки и тарелка английского ростбифа будут лучшим лекарством.

Рассеянно глядя вдаль, она взяла меня за руку.

— Как вы думаете, они скучали по нам?

Частота писем подсказывала, что так и есть. «Частота» было не совсем подходящим словом. Каждый почтовый корабль привозил свежую почту. Граф и его дети регулярно писали леди Корделии, я тоже получила свою

долю писем. Коллегам-лепидоптерологам всегда есть что сказать, и еженедельно приходили письма от лорда Темплтона-Вейна. Виконт писал в непринужденной разговорной манере о текущих делах и общих интересах, и по прошествии нескольких месяцев переписки мы подружились.

И от Стокера? Ни одного слова. Ни одной строчки, набросанной на грязной открытке. Ни одного постскриптума, добавленного к письмам брата. Ничего, кроме молчания, красноречивого и обличающего. Я испытывала глубокое и совершенно иррациональное чувство обиды. Я дала ему понять, что не собираюсь писать и не ожидаю писем от него. И все же. Каждая доставка почты без вестей от Стокера была насмешкой, выражавшей гнев так же красноречиво, как и любые слова.

Пришлось строго напомнить себе, что сама посеяла семена этой ссоры. Теперь нечего жаловаться, что не нравятся плоды, которые они принесли.

Стоя рука об руку с леди Корделией на палубе корабля, несущего нас домой, я думала, какой прием могу ожидать.

* * *

— Что, во имя семи кругов ада, ты имеешь в виду? Что значит, ты хочешь «одолжить» мисс Спидвелл? Ради бога, она не зонт, — пробурчал Стокер в ответ старшему брату, когда виконт вошел в нашу мастерскую.

Такие вопросы часто составляли основную часть речи Стокера; я научилась их игнорировать.

— Кроме того, она вернулась домой всего два дня назад. Сомневаюсь, что успела распаковать свои вещи.

Лорд Темплтон-Вейн оскалил зубы в том, что глупый человек мог принять за улыбку. Он перевел взгляд с трухлявого чучела буйвола на кучу гнилых опилок, которые Стокер деловито из него вынимал.

— Стокер, как приятно тебя видеть! Я не заметил тебя за этим буйволом. Бесспорно, совершенствуешь свое ремесло.

Стокер был историком-натуралистом, и ему довольно часто выпадала участь восстанавливать грязные образцы таксидермического искусства. Задница буйвола была далеко не худшим местом, где я видела голову Стокера.

Его светлость цокнул языком, пренебрежительно взглянув на младшего брата.

— Кроме того, думаю, мисс Спидвелл вряд ли нуждается в помощи в

организации своих дел.

Он задержался на последнем слове на одно биение пульса дольше, чем следовало. У виконта был дар к вкрадчивым предположениям, и я подавила вздох раздражения: он только что им воспользовался.

Мы со Стокером практически не разговаривали после моего возвращения, обмениваясь прохладными приветствиями и бессмысленной болтовней о работе. Но у меня были надежды на оттепель — при условии, что виконт не воспрепятствует этой возможности.

Я подняла глаза от лотка Nymphalidae, который сортировала, и перевела на них карательный взгляд.

— Я не ваша няня, но если потребуется, перекину одного из вас через колено.

Стокер, который был выше меня на полфута и на сорок фунтов тяжелее, скорчил гримасу. Ответ его брата был намекающе похотливым.

— Соблазнительная перспектива, — пробормотал его светлость, приподняв изысканные брови и вздыхая.

Я проигнорировала это замечание и отряхнула руки, отложив бабочек в сторону.

— Мой лорд, прежде чем вы объясните свой комментарий, возможно, мы могли бы немного освежиться.

Его светлость казался обиженным.

— Ненавижу чаепития, — возразил он.

Пришла моя очередь фыркать.

— Не такой чай.

С неохотного согласия Стокера я достала бутылку его лучшего односолодового виски и налила каждому. Мы расселись, и я изучала своих спутников. В некоторых отношениях они не могли бы быть более разными, но в в то же время были поразительно похожи. Оба унаследовали тонкокость матери, те же высокие скулы, решительные подбородки и изящные руки. Цвет и мускулатура различались. Его светлость был гладким, как выдра. Мускулы Стокера, отточенные годами исследовательской работы, были крепче и в целом более впечатляющими. Он успешно пускал их в ход, работая с горами трофеев коллекции Розморрана.

Пока мы сортировали сокровища семьи, добытые кланом Розморранов в многовековых путешествиях, граф позволил нам использовать в своих целях Бельведер (отдельно расположенный большой бальный зал в его поместье Мэрилебон). Он также выделил нам жилые помещения, скромную зарплату и другие удобства. Например, принимать посетителей,

когда мы желали.

Стокер, как обычно, был откровенно недоволен нынешним визитером. Его отношения со старшим братом были трудными даже в лучшие времена. Выражению кошачьего нетерпения на лице его светлости свидетельствовало, что сегодня он не склонен терпеть плохой характер Стокера. Стокер, со своей стороны, был полон решимости изображать ежа, рыча и выставляя колючки.

Виконт указал широким жестом на образец, который Стокер сшивал, когда гость прибыл.

— Почему бы тебе не поиграть со своим буйволом? У меня дело к мисс Спидвелл.

Стокер сжал губы. Я поспешила вмешаться, пока не началось кровопролитие.

— Плохо сыграно, мой лорд. Вы знаете, что мы со Стокером коллеги и друзья. Все, что вы мне скажете, можно свободно говорить при нем.

Я надеялась, что небольшая демонстрация верности успокоит Стокера, но его настроение не изменилось. Выражение лица виконта стало мягко-насмешливым. Он сделал глубокий глоток виски, пока Стокер и я старательно избегали смотреть друг на друга.

— Коллеги и друзья! Как прохладно.

Неизменно опасные и увлекательные расследования свели нас вместе, породив доверие, которое ни один из нас не приветствовал полностью. Стокер и я были одинокими существами, но обнаружили между собой исключительное взаимопонимание. Что будет с этим дальше, я не могла сказать. Несмотря на шесть месяцев, проведенных на расстоянии друг от друга, меня не покидали мысли о той последней знаменательной встрече. Невысказанные, но ясные слова висели в воздухе, загоняя меня в опасную близость к признаниям, которые невозможно отменить; к обещаниям, которые пришлось бы нарушить. Я поочередно то проклинала, то поздравляла себя с тем, что мне удалось избежать скучной семейной жизни — судьба, которую я считала хуже бубонной чумы. Как-то в момент уязвимости я поклялась себе никогда не быть низведенной к роли жены и матери. Стокер был единственным, кто мог ослабить мою решимость; и я сумела убедить себя, что это было бы ошибкой. Я не была создана для обычной жизни, и потребовался бы необыкновенный человек, чтобы жить со мной на моих условиях.

Способность охотиться на мужчин с той же ловкостью и умением, что и на бабочек, была предметом моей гордости. Только один вид постоянного трофея интересовал меня, и у него были крылья. Мужчины дарили мне миг

наслаждения, но постоянный компаньон стал бы осложнением. По крайней мере, это то, что я говорила себе. Возможно, именно эта неуловимость делала меня привлекательной для противоположного пола.

Его светлость признал поражение. Виконт был щедро похотлив в своих комплиментах. Его манера разговаривать обычно изобиловала восхитительно возмутительными комментариями.

Я никогда не воспринимала Тибериуса всерьез. Зато Стокер относился к нему слишком серьезно, что объясняло их отсутствие симпатии друг к другу. Как и в бытность мальчишками, они часто упирались рогами. И хотя ни один из них никогда не признался бы, я подозревала, что они наслаждались этими битвами гораздо больше, чем цивилизованными отношениями с другими братьями.

Стокер сердито посмотрел на виконта. Тот поднял ладони вверх, на левой руке блестело кольцо с гербом Темплтон-Вейнсов.

— Мир, брат мой. Я чувствую, ты проклинаешь меня.

— И тем не менее ты все еще дышишь, — меланхолично отметил Стокер. — должно быть я неправильно это делаю.

Я закатила глаза к небу.

— Стокер, прошу тебя, води себя прилично или убирайся. Я до сих пор не знаю цели визита его светлости.

— Единственная причина — мое восхищение! — польстил его светлость с отточенной практичностью.

Стокер издал тихий рычащий звук. Его брат продолжал, притворяясь, что не слышит:

— Я скучал по вам во время вашего пребывания за границей, моя дорогая. И, как это бывает, у меня есть дело. Точнее, дело для вас, дорогая леди, но удовольствие для меня.

— Продолжайте, — призвала я.

— Скажите мне, мисс Спидвелл, в ваших путешествиях по нашей прекрасной голубой планете, вы когда-нибудь сталкивались с бабочкой Romilly Glasswing?

— *Oleria romillia*? Конечно, нет. Неуловимая как *Rajah Brooke Birdwing* и вдвойне ценная. Увы, к сожалению, вымерла. Я видела только один сохранившийся экземпляр в частной коллекции, да и тот в ужасном состоянии.

Виконт поднял руку.

— Не совсем вымерла, как это порой случается.

Мое сердце сильнее забилося в груди, кровь горячо прилила к щекам.

— Что вы имеете в виду?

— Я имею в виду, что в природе еще остались экземпляры. Вы знаете происхождение названия?

Я пересказала факты быстро и точно, как школьница на любимом уроке:

— *Oleria romillia* была названа в честь Евфросинии Ромилли, одной из величайших лепидоптерологов в истории нашей страны. Основала Аурелианское Общество Западного Графства — передовое сообщество охотников на бабочек в Британии, пока не слилось с Королевским Обществом Аурелианских Исследований в 1852 году. Она обнаружила *Glasswing* на побережье Корнуолла.

— *За* побережьем Корнуолла, — поправил виконт. — Так получилось, что Ромилли владеют островом Сан-Маддерн, недалеко от маленького портового городка Пенкаррон.

— Приливный остров? Как Мон-Сен-Мишель?

Этот остров был одной из самых знаменитых достопримечательностей Корнуолла. Он поднимался из моря стрелой из серого камня и тянулся высоко вверх. В солнечные дни его заполняли любители пикников, туристы и прочие нежелательные гости.

Виконт покачал головой.

— Не совсем. До Сен-Мишеля можно дойти пешком по дамбе, а Сан-Маддерн находится немного дальше от моря и значительно больше. Там есть обширные сады, деревня, фермы, несколько магазинов, карьер, даже гостиница для случайных путешественников, ищущих уединения и покоя. Это уникальное место со всевозможными легендами и сказками. Ни одна из них не интересует меня ни в малейшей степени, поэтому я не могу их вспомнить. Помню только, что *Romilly Glasswings* живут на этом острове и больше нигде в мире. И это был отличный год для них! Мне сказали, что *Glasswings* появились в рекордных количествах и усеивают остров, как мириады цветов.

У меня перехватило дыхание, губы приоткрылись, словно в ожидании поцелуя. Ничто не приводило меня в такое состояние нетерпения, как мысль найти бабочку, которую я никогда раньше не видела в природе. И *Glasswings*! Самые уникальные из всех бабочек, они путешествовали на крыльях, прозрачных словно туфельки Золушки.

Обычные бабочки получают окраску от крошечных чешуек всех цветов радуги, отражающих тона драгоценных камней. Не случайно последние ассоциируются с самыми великолепными бабочками. Мотыльки и некоторые экземпляры бабочек имеют чешуйки мягких оттенков, но самым захватывающим зрелищем, безусловно, являются бабочки без

каких-либо чешуек. Их крылья хрустальны в своей прозрачности, с узором из узких черных жилок, точно свинцовое стекло соборного окна. Кажется невозможным, что они могут летать, но они летают, как осколки стекла, разносимые ветром. Своеобразные крылья делают этих бабочек деликатными и неуловимыми, и Romilly Glasswing был самым деликатным и неуловимым из всех. Самый крупный из Glasswing, взрослый экземпляр Romilly достиг бы среднего размера ладони человека. Если бы тому посчастливилось его поймать! Я жаждала их как мало что в моей жизни, но теперь это было бесполезно.

Я заставила себя улыбнуться и выдавила безучастно:

— Как мило с вашей стороны поделиться информацией. Но я больше не охочусь, мой лорд. Все мои образцы на Мадейре были собраны после их естественной гибели. Я утратила способность вонзать булавку в сердце живого существа. Мои усилия направлены на виварий, который лорд Розморран любезно разрешил мне устроить в поместье.

Виварий — некогда развалины грандиозного, отдельно стоящего парника — стал моим любимым проектом, осуществленным по предложению Стокера. Пока он счастливо возился с кусочками меха, костей и опилками, мне позволялось снабдить восстановленную постройку экзотическими деревьями и личинками ряда особей чешуекрылых. Я заботилась о них, как любящая мать, и вернула к жизни несколько видов, теперь счастливо порхающих в своем украшенном драгоценностями маленьком мире.

— Вы должны знать это лучше всех, — напомнила я Тибериусу. — Ваша светлость был чрезвычайно любезен, прислав мне саженцы грабов для рощи и лунных мотыльков, чтобы лакомиться ими.

Виконт закинул одну длинную ногу на другую, разглаживая складку на брюках.

— Я прекрасно помню. Вы щедро поделились со мной информацией на тему лунных мотыльков. Что вы говорили? Что у них нет ртов, потому что они существуют только для размножения? Не уверен, стоит ли относиться к ним с завистью или жалостью.

Он картинно изогнул бровь, и я одарила его унылым взглядом.

— Точно. И хотя я рада слышать, что Romilly Glasswing не вымерли, должна оставить их другим.

Слова причиняли мне боль. В течение последнего года я обнаружила в себе нежелание продолжать дело своей жизни. Погоня за бабочками придавала моему существованию смысл и удовольствие. И вдруг охотничий азарт иссяк по причинам, которые я не до конца понимала.

Мадейра была экспериментом, короткой экспедицией, чтобы проверить изменения в моем характере. Мне не удалось победить мое нежелание убивать. Несколько неадекватных образцов, которые я привезла с собой, делали поездку бессмысленной. Как оправдать дальнейшие экспедиции, если я не могу ожидать лучших результатов, чем достигнутые? Мне было страшно представить, что я больше не смогу путешествовать с сетью в руках по дальним странам и экзотическим землям. Мысль быть навсегда замурованной в Британии — этом частенько сером и грязном острове — была невыносима. Поэтому я не думала об этом. Я отталкивала эту мысль всякий раз, когда та возникала. Но она снова и снова подкрадывалась, когда наш корабль приближался к Англии, возвращая меня к самодовольной маленькой жизни, которую я выстроила. Каждую ночь, когда я засыпала, на краю моего сознания раздавался негромкий требовательный голос, дразня жаждущую приключений душу. *Что если это все?*

Стокер понял значение слов его светлости раньше, чем я и поспешил объяснить.

— Тибериус не имеет в виду, что ты должна охотиться на них. Он нашел для тебя личинки. Для вивария.

Я подавила жадный стон.

— Это правда?

Его светлость рассмеялся — низкий и хриплый смешок чистого веселья.

— Моя дорогая мисс Спидвелл, как вы меня восхищаете. Я действительно получил разрешение от нынешнего владельца острова Сан-Маддерн, Малкольма Ромилли, отобрать определенное количество личинок для вашей коллекции. Сам он не лепидоптеролог, но является ярким защитником всех видов флоры и фауны, уникальных для его острова. Он считает, что если Glasswing выживет в другом месте, это будет своего рода страховой полис.

Мой разум быстро оценивал возможности.

— Что они едят?

Виконт безразлично пожал плечами.

— Какой-то кустарник, чье название ускользает от меня. Малкольм сказал, что вы можете взять с собой эти растения, чтобы сделать переезд в Лондон наиболее безболезненным для маленьких дьяволов. Я как раз направляюсь на остров Сан-Маддерн. Малкольм устраивает небольшой прием, что-то вроде домашней вечеринки, и пригласил меня. Вполне естественно, что мы должны объединить наши цели. Буду счастлив сопровождать вас до замка.

— Какая великолепная идея, — плавно вставил Стокер. — Мы были бы счастливы поехать.

— Стокер, тебя не приглашают в замок, — сказал виконт.

— Замок! — воскликнула я. — Неужели так грандиозно?

Его светлость подарил мне одну из его загадочных улыбок.

— Это небольшой замок, но крайне интересный. Множество скрытых проходов, темниц и тому подобного.

— Как насчет призраков? — требовательно спросила я. — Я не поеду, если нет подходящего призрака.

Глаза виконта расширились, в них мелькнула какая-то вспышка, что-то вроде тревоги, прежде чем он пришел в себя.

— Я обещаю вам всевозможные приключения, — заверил Тибериус.

Я едва могла дышать от волнения. Стокер вперился в меня долгим взглядом, затем одним глотком допил виски, поставил бокал и молча вернулся к своему буйволу. Его брат наклонился ближе, понизив голос:

— Кое-кто не очень доволен нами.

— Кое-кто может заниматься своими делами, — яростно воскликнула я. — Я еду на остров Сан-Маддерн.

— Отлично, — одобрил лорд Темплтон-Вейн. Его кошачья улыбка прочно вернулась на место. — Действительно превосходно.

Глава 2

— Поверь мне, он хочет соблазнить тебя, — сообщил Стокер после того, как виконт ушел.

Стокер удалял гнилые опилки из ненадежно установленного водяного буйвола. Он подчеркивал слова энергичными жестами, при этом щедро посыпая и пол, и себя вонючими стружками из трухлявого дерева. Стокер снял рубашку, как обычно делал, когда работал. Опилки прилипли к черным завиткам волос, к поту, струящемуся по длинным жестким мышцам спины и рук. Я невольно на мгновение приостановилась, чтобы полюбоваться прекрасным видом. Около часа я пыталась укротить его нрав, но Стокер не успокаивался. Я приняла тон веселой рассудительности.

— Конечно, хочет, — согласилась я.

Он замер и недоверчиво уставился на меня.

— Ты знаешь?

Я вздохнула.

— Стокер, мне двадцать шесть. Я трижды путешествовала по миру, встретила множество мужчин. С некоторыми даже вступала в отношения, куда более интимнее, чем ты можешь представить. Уверяю тебя, я чувствую запах соблазнения, заполнивший комнату. Я не падающая в обморок девственница.

— Тогда скажи мне, Христа ради, какого черта ты едешь с ним?

— Он обещал мне Romilly Glasswings, — откровенно призналась я.

— И это все, что требовалось? Подкупил тебя бабочкой? — Стокер говорил особенно резким тоном.

— О-о-о-ох, ты можешь быть таким противным, когда дуешься, — посетовала я.

Стокер опять повернулся к буйволу, вырывая внутренности огромными, удушливыми облаками. Предыдущий таксидермист набросал в чучело все, что мог, для поглощения влаги: опилки, газеты, кусочки ткани. Начинка представляла удобный материал для гнезд всевозможных грызунов. Стокер работал как безумный, и крошечные кости взлетали в воздух с ужасающей регулярностью. Через несколько секунд он остановился.

— Я не дуюсь, а обеспокоен, — сказал он мягким, даже нежным голосом, но слова сорвались в конце, как будто признание причиняло ему боль.

— Я способна позаботиться о себе.

— Вот чего я боюсь.

— Я уеду не надолго. Его светлость прояснил детали, прежде чем ушел — максимум на две недели.

Стокер кивнул, его колдовские черные волосы блеснули в свете лампы. Я ожидала, что он выйдет из себя, предвидя неизбежно повторяющееся столкновение наших характеров. Но этого не произошло. Когда мы со Стокером расходились во мнениях — нередкое явление, честно говоря — наш спор мог бы служить примером красоты, вулканической и свирепой. Я воспринимала как знак высочайшей привязанности и уважения, что он боролся со мной на равных, как с мужчиной, и в свою очередь, не уступала ему ни пяди. Наши схватки были легендарными в поместье Мэрилебон, с частыми пари среди персонала относительно того, кто из нас победит. (Самая безопасная ставка, как вы могли догадаться, всегда была на меня).

Но в этот раз Стокер просто отказался от споров. Я знала, что он злился на самонадеянность брата. Стокер встречал гневом любое приглашение или подарок, полученные от виконта. Скелеты в шкафу с детскими обидами энергично танцевали. Стокер считал авансы виконта покушением на принадлежавший ему и дорогой сердцу предмет — меня. Несмотря на то, что наши отношения не вышли за пределы крепкой дружбы и идеального взаимопонимания, он возмущался любой попыткой виконта завлечь меня. Я предвидела наши ссоры в подобных случаях. Да что там, я наслаждалась ими! Но сейчас он сосредоточенно работал над своим буйволом, челюсти сжаты, взгляд отведен в сторону.

— Ну, полагаю, пора паковать вещи, — сдалась я наконец. — Мы уезжаем утром. Его светлость хочет сесть на ранний поезд из Ватерлоо.

Стокер обнажил зубы в ужасной пародии на улыбку брата

— Не забудь грелку, — попрощался он. — Я бы ни в коем случае не хотел, чтобы ты замерзла ночью.

Я вернула улыбку.

— Не беспокойся. Я хорошо знаю, как согреться.

* * *

На следующее утро я проснулась, полная предвкушений, умылась, оделась и проглотила поспешный завтрак. Что может сравниться с восхитительным предчувствием нового приключения? Стоять на краю пропасти свежего порыва, готовой к полету; ветер перемен ерошит перья,

ах, вот что значит быть живой! Я огляделась по сторонам. Казалось, окружающие вещи утратили значение. Все, о чем я действительно заботилась, было упаковано в дорожную сумку. Остальное было просто внешним атрибутом. Я засунула в саквояж еще две вещи: последний эпизод приключений Аркадии Браун, леди-детектива, и крошечную бархатную мышку, которую носила с собой с младенчества. Честер был моим постоянным спутником, где бы я ни находилась — от туманных предгорий Андских гор до пышных островов южной части Тихого океана. Он немного износился, в некоторых местах бархат потерялся, один из его черных глазбусинок слегка болтался. Но я бы скорее путешествовала без головы, чем без моего верного маленького компаньона.

Я вышла на улицу и глубоко вдохнула утренний воздух, даже удушливая лондонская копоть не смогла подавить мою радость. Собаки — бульдог Стокера, Гексли, и кавказская овчарка лорда Розморрана, Бетони — оживлено бежали рядом. Я направилась в Бельведер, чтобы попрощаться со Стокером. Он уже был там, замурованный в своем буйволе. К моему глубокому разочарованию, он надел рубашку, и его буйные кудри лежали аккуратнее, чем обычно.

— Доброе утро, — поздоровалась я сердечным тоном. Я порылась в коробке от бисквитов, чтобы бросить угощение собакам. Они ссорились из-за кусочка рога лося из канадской глуши, прежде чем Гексли уступил его Бет как подарок от ухажера. Она в экстазе каталась по земле, размахивая в воздухе своими огромными лапами и опрокинув модель Golden Hind[2], сделанную из грецких орехов. Гексли любовно наблюдал, его грудь гордо вздымалась.

Стокер лишь хмыкнул в ответ.

— Ну что ж, я ухожу.

Стокер поднял голову. Он неважно выглядел и носил повязку на глазу, что было определенным признаком усталости. А также напоминанием о несчастном случае на Амазонке, едва не отнявшим у него жизнь. Остался тонкий серебряный шрам, стекавший от лба к щеке, и время от времени Стокер прибегал к черной повязке, чтобы дать отдохнуть слабому глазу. Я никогда не возражала, поскольку в сочетании с золотыми кольцами в ушах это придавало ему лихой, пиратский вид. Довольно скучающий пират в данный момент. Выражение лица Стокера было мягким. Он бросил на меня быстрый взгляд.

— О? Приятного путешествия.

Стокер возобновил свою работу, а я уставилась на него с отвисшей челюстью. Я ожидала спора. Я *зависела* от этого. Одно из моих самых

любимых развлечений — раунд со Стокером. Это всегда успокаивало мое бурное настроение. Факт, что последние несколько дней мы ссорились, побуждал меня возобновить наше привычное добродушное подшучивание. После шести месяцев разлуки без переписки я ожидала, что мое возвращение потрясет стропила. Вместо этого Стокер был отстраненно дружелюбным, отчужденным. Его апатия вдохновляла меня более эффективно, чем любое проявление гнева.

— Это все? — потребовала я. — Никаких страшных предупреждений о блуждающих руках твоего брата? Ни гневного молчания, ни неистовых истерик?

Он снова отступил от буйвола с непроницаемым выражением лица.

— Моя дорогая Вероника, ты должна принять решение, что именно ты желаешь — тишины или дикости? Нельзя иметь и то, и другое.

Обычно подобное замечание сочилось бы едким сарказмом, с трудом сдерживаемой яростью. На этот раз мне предлагалось лишь безумное спокойствие, вновь обретенное самообладание, которое я не могла уколоть. Если Стокер хотел ранить меня, он не мог бы выбрать клинок острее, чем равнодушие.

— Ты совершенно прав, — парировала я. — Прошу простить, что прервала. Оставляю тебя с буйволом. Вернусь через две недели. Если нет, значит я сбежала с твоим братом в Гретна-Грин.

Хладнокровие ничуть ему не изменило. Стокер просто улыбнулся и вернулся к работе, бросив через плечо:

— Имей в виду, тебе следует просить отдельное помещение. Он храпит как монстр.

Молчание упало между нами со всей завершенностью театрального занавеса. Вот и все. Я повернулась на каблуках и зашагала прочь без оглядки. С саквояжем в руках, я направилась к Бишопс-Фолли, любуясь нечестивой путаницей архитектурных стилей, хаотично избранных несколькими поколениями графов Розморранов. Бишопс-Фолли[3] было хорошее название, поскольку не было ни одной упущенной фантазии строителя — контрфорсы, своды, башни, зазубрины — Фолли мог похвастаться всем.

Когда я завернула за угол, огромная входная дверь распахнулась, и появилась леди Веллингтония Боклерк — двоюродная бабушка нынешнего графа. Я остановилась, чтобы поздороваться.

— Очень рада, что вы случайно вышли, — улыбнулась я. — У меня не было возможности попрощаться.

Она спустилась с короткого пролета каменных ступеней на

растрескавшуюся дорогу.

— Это не было случайностью. Я искала вас, моя дорогая. Я еще не приветствовала вас по возвращению с Мадейры. И вот вы снова упархиваете, словно одна из ваших милых бабочек. — Ее тон был легкий, но глаза проницательны. — Можно даже подумать, что вы убегаете от чего-то.

Я невольно взглянула на Бельведер, где работал Стокер.

— Какой абсурд, леди Велли.

— Уверены, что ничем не хотите поделиться со старухой? — подтолкнула она меня, поднимая свою трость и неопределенно указывая в сторону.

— Абсолютно нет, — отрезала я.

Ее обузда не резкость моего тона. Она была явно озабочена газетой, которой размахивала перед моим носом. Я не могла прочитать заголовков, но набранный огромными буквами текст свидетельствовал о мрачной истории.

— Вы видели газеты? Этот убийца из Уайтчепела вызвал истерию.

— Боюсь, я ничего не слышала.

Ее брови поднялись.

— Повезло вам. Проститутки в Ист-Энде, дитя. Кто-то режет их на куски, и весь Скотланд-Ярд в смятении.

Я подумала о нашей предыдущей связи с Ярдом* и, в частности, с главой Особого Отдела.

— Бедный сэр Хьюго, — отозвалась я небрежно. — Должно быть, он ужасно занят.

Леди Боклерк пристально посмотрела на меня, прежде чем ответить со стойкостью, низвергающей ее восемьдесят с лишним лет.

— Одного Хьюго мало, чтобы раскрыть эти злодеяния. Позор для всех! Монстр бродит по улицам Лондона, а наша полиция не может его задержать. Англия не должна допускать этого!

По оценке леди Велли, Британская Империя была центром вселенной, а Англия — центром Империи. Ничто другое не имело значения, кроме этого благословенного острова. Жизнь ее отца и ее жизнь были посвящены служению Англии. Тайному, поскольку каждый из них выполнил функцию *an éminence grise*[4]. Они были властью, стоящей за королевской семьей: руководящей, охраняющей, защищающей, не ради любви к самой семье, но ради любви к земле и людям, которыми управляли. Ее кровь была красной как крест Святого Георгия. Леди Велли была, без сомнения, самой патриотичной личностью, которую я когда-либо знала, и она не стеснялась использовать всех и вся для достижения своих целей. Безжалостная и

жесткая, с улыбкой крокодила, полной коварства.

Честно говоря, она мне очень нравилась, но в то утро я торопилась на поезд. Ее зоркие темные глаза все подмечали.

— Я знаю, что вы спешите. Не буду задерживать вас. Но скажите мне, где вы будете — на случай, если я захочу вам написать.

Я сообщила адрес, наблюдая, как она задумчиво поджала губы.

— Замок Малкольма Ромилли. Я знала его дедушку. Вальсировала с ним на коронационном балу Виктории. Он наступал мне на пальцы, но был очень хорош собой. Довольно искусный язык, — добавила она с мечтательным взглядом.

Я не сдержала улыбки и пожала ей руку.

— Добрый день, леди Велли.

Она подняла сухую руку.

— Счастливого пути, дитя.

* * *

Мы договорились встретиться на вокзале Ватерлоо. Я почти пропустила виконта в толпе пассажиров тем славным сентябрьским утром. Платформы были заполнены самым разным народом: накрахмаленными няньками с их кричащими подопечными; джентльменами в тюрбанах, пробиравшимися с вежливой элегантностью мимо продавцов орехов; бледными, худыми девочками, продающими последние летние цветы. Девочки зазывали покупателей хриплыми голосами, стараясь перекрыть пухлых матрон, предлагающих пироги с мясом для путешественников. Сквозь толпу пробивались дельцы из Сити в полосатых костюмах, осторожно оглядывая не смотрящих по сторонам, изящно скользящих мимо аристократических дам, маленьких собачек и горничных, бегущих вслед за ними.

Наконец его светлость нашел меня.

— Мисс Спидвелл, — воскликнул Тибериус, подходя ко мне широкими шагами и вызывая мимолетное восхищение более чем одной леди. — Я уже начал отчаиваться, что не смогу найти вас в этой давке. Проходите, я занял купе; носильщик позаботится о ваших сумках.

Носильщик с осанкой швабры забрал мою сумку, бросив на меня пристальный взгляд.

— Должен ли я дожидаться горничной леди, мой лорд? — осведомился он у виконта.

Лорд Темплтон-Вейн отмахнулся.

— Мисс Спидвелл — современная леди. Она путешествует без горничной.

Если бы его светлость сказал человеку, что я собираюсь путешествовать голой и с тыквой на голове, тот бы не выглядел более шокированным. Он тяжело сглотнул, его полупоклон был почтительным и снисходительным одновременно.

— Очень хорошо, мой лорд.

— И я сама понесу свою сумку, спасибо, — я подняла саквояж с жестом, не допускавшим дальнейшие аргументы.

Он слегка фыркнул, обиженный либо на мою непримиримость, либо на отсутствие чаевых, прежде чем обратиться к виконту:

— В таком случае желаю вам счастливого пути, мой лорд. Корзина с продуктами и ваш маленький чемоданчик находятся в купе. Ваши большие сумки помечены «до Пенкаррона» и уложены в багажный вагон. Желаю удачного дня, сэр, — закончил он, с надеждой глядя на виконта. Его светлость щедро наградил его, и парень, бросив на меня пренебрежительный взгляд, ушел.

Виконт повернулся ко мне.

— Моя дорогая мисс Спидвелл, прошло всего две минуты, а вы уже вызываете скандал. Что мне с вами делать?

Я не потрудилась ответить. Тиберийс предложил руку, и вскоре мы удобно устроились в отдельном купе. Когда поезд отошел от вокзала, он уселся на свое место, задумчиво глядя на меня.

— Полагаю, мне следовало предвидеть неуместность нашего совместного путешествия.

— Неприличное поведение для меня не ново и нисколько меня не беспокоит, — Я пожала плечами. — В конце концов, я зарабатываю себе на жизнь. Вряд ли меня можно назвать леди.

Красивая верхняя губа Тиберийса изогнулась в улыбке.

— И все же вы говорите так оригинально, ваши манеры и жесты безупречно элегантны. Скажите мне, мисс Спидвелл, как вы оказались в такой ситуации?

Тон виконта был обычным, но взгляд — бдительным. Мне пришло в голову, что его светлость мог обнаружить правду о моей личности. В лучшем случае, это был недостаточно хорошо хранимый секрет. Знали многие: Стокер, их второй брат, сэр Руперт, ряд правительственных чиновников, несколько ирландских мятежников и королевская семья. Быть полулегальной дочерью принца Уэльского имело ряд недостатков, не в

последнюю очередь, полное отсутствие родственных отношений. Я нашла собственный путь в мире без их помощи, и скрывала тайну своего рождения от посторонних глаз. Стань моя история общеизвестной, это потрясло бы монархию. Меня строго-настрого предупредили на этот счет, хотя, откровенно говоря, они зря беспокоились. Мне так же не хотелось, чтобы ко мне приставали и суеились, как им быть свергнутыми. Один злодей уже пытался возложить корону на мою голову. Этого хватило, чтобы убедиться — жизнь королевской семьи не для меня.

Вопрос оставался: как много знал о моем происхождении лорд Темплтон-Вейн. Я подарила ему мою лучшую улыбку.

— Боюсь, это ужасно скучная история. Мама умерла, когда мне был год, и я никогда не знала своего отца. (Строго говоря, это было правдой). Меня воспитывали две подруги моей матери, пара сестер-старых дев. Они были вроде тетюшек для меня. Одна из них воодушевила меня на интерес к lepidoptery. Так я обнаружила, что с сетью для бабочек в руках смогу комфортно жить и повидать мир, — легкомысленно закончила я.

Его светлость долго молчал.

— Думаю, вы недооцениваете, насколько интересны, — наконец заметил он.

— Я всегда говорила, что интересные люди находят других интересными.

— И как аккуратно вы превращаете мои наблюдения в комплимент! Подобное требует настоящего мастерства.

— Я просто наблюдательна, как и вы, мой лорд.

Он медленно наклонил голову — жест, который я видела у Стокера тысячу раз.

— Думаю, что мы вышли за пределы «мисс Спидвелл» и «мой лорд». Я бы воспринял как знак щедрости с вашей стороны, если бы вы называли меня Тибериусом.

— Очень хорошо. Если хотите.

— Хочу, Вероника, — протяжно вымолвил виконт, будто произнося заклинание. Внезапно его лицо потемнело.

— Что-то не так?

Тибериус покачал головой.

— Не совсем. Я взял на себя смелость, которую вы можете не одобрить. Видите ли, я только сегодня утром вспомнил, что Малкольм Ромилли преданный католик. Он не одобрил бы мое путешествие с молодой леди без сопровождения

— Я вряд ли молодая леди! — возразила я.

— Достаточно молодая, — виконт сопровождал свои слова кривой ухмылкой. — И восхитительная до кончиков туфель. Нет, боюсь, чувства Малкольма могут быть оскорблены, и мы не можем этого допустить. Небольшая вежливая выдумка сгладит неловкость. Он вряд ли сочтет непристойным, что помолвленная пара путешествует вместе.

Я моргнула.

— Вы хотите, чтобы я изображала вашу невесту?

Тибериус явно смаковал идею

— Да. Эта маленькая уловка отлично нам послужит.

— Не вижу в этом необходимости, — запротестовала я.

— О, но это так, — сказал виконт с безошибочным видом удовлетворения. — Малкольм сторонник приличий. Что если он оскорбится и решит отозвать свое предложение о личинках Glasswings? Какое ужасное разочарование! — Его голос стих, позволяя инсинуации закончить работу.

Он знал, что у меня не было выбора.

— Я не потеряю Glasswings, — воскликнула я решительно.

Тибериус широко улыбался.

— Следовательно мы оба согласны. Вы, конечно, простите меня за принятые меры предосторожности. Я отправил телеграмму нашему хозяину с этой информацией перед тем, как мы уехали.

Прежде чем я успела ответить, он жестом указал, властный как Юпитер.

— Теперь, если вы откроете корзину рядом с вами, то найдете бутылку довольно неплохого шампанского. Пожалуй, в такой момент полагается тост.

Следующие часы пронеслись дымкой аппетитных закусок, напитков и дружеской компании. Виконт говорил, смеялся и веселился. Шампанское было не единственным деликатесом в корзине. Его светлость — или Тибериус, как мне велели его называть — запасся лакомствами на неделю.

Я достала пирожок с зажаристой корочкой и начинкой из курицы со специями.

— Мне казалось, путешествие должно закончиться с наступлением темноты.

— Так и есть, но к чему отказывать себе в удовольствии в пути, — отметил Тибериус. Я могла бы принять это за предложение, но он просто выбрал бутерброд из тонко нарезанного белого хлеба с кусочками идеально прожаренной говядины с хреном.

— Божественно, — произнес виконт.

— У вас крошки на губах — подсказала я.

Он высунул язык в поисках крошек и промахнулся.

Смеясь, я подвинулась вперед и коснулась кончиком пальца уголка его рта. Я не учла интимности своего действия. Можно было позволить себе такую вольность со Стокером, с его светлостью у нас не было столь интенсивного взаимопонимания. Но если я не сразу осознала фамильярность жеста, Тибериус был быстр. Он задержал мой взгляд своим, все насмешки исчезли, когда он наклонился ко мне. Виконт втянул мой палец в рот и слизнул крошки. Его глаза встретились с моими, он слегка пососал мой палец. Я почувствовала, как кровь пульсирует в венах.

Виконт отпустил мой палец и откинулся назад с медленной, намеренной улыбкой.

— Вкусно. Как я и подозревал.

Я знала, что он не имел в виду крошки.

* * *

Остальную часть пути (путешествие из Лондона до окраин Корнуолла занимает несколько часов) виконт вел себя почти идеально. Он по-прежнему делал флиртующие замечания, по стандартам общества истолкованные бы как неуместные. Но ничто в его поведении не ставило под угрозу мою добродетель, какой бы незначительной она ни была. Тибериус больше не прикасался ко мне. Он успокоился, настаивал на том, чтобы открыть окно, когда в купе стало душно; задавал умные и проницательные вопросы о lepidoptery. Я не была душой. Мне достаточно хорошо знакомы махинации джентльменов, чтобы вычислить, когда меня расспрашивают единственно с целью очаровать, притворно восхищаясь моими достижениями. Должна признать, Тибериус был опытнее большинства из них. Я почти поверила, что виконт искренне впечатлен широтой моих знаний.

Почти. Чтобы проверить, я потратила большую часть часа, описывая с до тошноты исчерпывающими подробностями цыганского мотылька. Честно говоря (а я поклялась быть честной на этих страницах), я приукрасила большинство фактов и изобрела некоторые. На протяжении всей моей лекции он сохранял внимательное выражение лица и даже время от времени предлагал вдумчивые комментарии.

— Что вы говорите, — изумлялся виконт. — У цыганского мотылька пушистый хвост, и он питается исключительно ядагаскарскими ящерицами.

Как интересно.

Отнюдь, — усмехнулась я. — Потому что я выдумала это. У Lymantria dispar нет пушистых хвостов, и они не едят ящериц. Никакие бабочки не едят. Я просто проверяла вашу способность притворяться заинтересованным. У вас потрясающий талант, мой лорд. Вы продержались пятьдесят семь минут.

Виконт выглядел обиженным, но потом улыбнулся.

— Вы обещали называть меня Тибериусом, — напомнил он.

— И вам не нужно это притворство. Зачем изображать интерес к мотылькам? — удивилась я.

— Меня не интересуют мотыльки, — признался он, — я заинтересован в вас.

— Это, — подтвердила я, ничуть не краснея, — совершенно очевидно.

— Прекрасно.

Тибериус сел прямо, положив руки на колени. Хорошие руки, красивой формы. Такие же как у брата, хотя и не запачканные химикатами, клеем и другими неприятными вещами, как вечно грязные руки Стокера. Руки виконта были сильными и чистыми, ногти подстрижены, с белыми лунками.

— Эти руки не работали ни одного дня, — оценила я.

— Нет, но они отработали много ночей, — он протянул руку, чтобы погладить мою щеку.

— Мой лорд, — начала было я.

— Тибериус, — он наклонился, выдохнув свое имя в мои губы. Я пыталась решить: позволить ли ему поцеловать меня — в конце концов, виконт был очень красивым мужчиной! — или дать вежливый пинок. Именно в этот момент поезд резко остановился, отбросив его светлость назад на место.

— О, посмотрите. Мы прибыли в Эксетер, — оживленно объявила я.

Глава 3

Сменив поезд в Эксетере, мы продолжили путь в Пэдстоу, где пересели на поезд, идущий в Пенкаррон. Затем нас доставили на причудливую небольшую набережную, полную рыбацких лодок, качающихся на причале. Лодки были ярко раскрашены, как и дома на склоне холма, резко поднимавшегося над изогнутой линией берега.

Морской воздух был бодрящим и свежим. Тибериус, нисколько не обижаясь на сорванные попытки заняться любовью, вздохнул и выдохнул в ликующем вздохе.

— Нет ничего лучше морского воздуха, чтобы излечиться от беспокойства.

— Не знала, что вы так любите море, — заметила я, когда мы шли от крошечной станции до ожидающих нас лодок.

— Да, действительно. Военно-морская карьера — одна из вещей, из-за которых я горько завидовал Стокеру.

— Факт, что вы ему в чем-то завидовали, станет для него самым ужасным шоком, — сообщила я.

Его рот скривился в гримасе.

— Я завидую ему больше, чем любому другому человеку, которого когда-либо знал, — признался он.

— Тибериус, — протянул знакомый голос, — Как трогательно. Я не понимал, насколько ты переживал.

Я обернулась и обнаружила Стокера, развалившегося на скамье: ноги вытянуты, лодыжки скрещены, руки сложены — поза бездельника.

— Каким образом...

— От Эксетера идет экспресс, — информировал он. — Тибериус должен знать, но полагаю, был слишком очарован твоей компанией, чтобы сократить дорогу.

— Почему, — потребовала я, — мы не видели тебя в поезде из Лондона?

Стокер усмехнулся, когда носильщик подошел к ряду изящных шагреновых чемоданов с инициалами виконта.

— Я путешествовал третьим классом, — доложил он.

Рот Тибериуса сжался в тонкую линию.

— Как предсказуемо с твоей стороны, Ревелсток.

Он редко использовал полное имя Стокера. Обычно это было мерой

его неудовольствия, что виконт продемонстрировал. Стокер пожал плечами и поднял свой багаж — маленький, битый морской сундучок. Я повернулась к Тибериусу.

— Не вызовет ли неожиданный приезд Стокера затруднений у наших хозяев?

— Сомневаюсь. Я предвидел именно такое поведение с его стороны, — последовал гладкий ответ.

Стокер пристально посмотрел на него.

— Что ты имеешь в виду?

— Я имею в виду, дорогой брат, что тебя и сейчас так же легко просчитать, как в детстве. Сегодня утром я сообщил Малколму, что мой брат присоединится к нам, и я надеюсь, что его примут. Незадолго до нашего отъезда я получил утвердительный ответ. — Он обнажил зубы в подобии улыбки. — Знаю, как ты любишь играть блудного брата, поэтому заколол откормленного тельца.

С этими словами он повернулся, просигналив носильщику следовать за нами. Я взглянула на Стокера, его лицо выражало смесь обнаженного удивления с обидой.

— Почему такое раздражение? — спросила я. — Ты, очевидно, хотел приехать и теперь ты здесь.

— Верно, — медленно ответил он. — Я просто адски оскорблен, что это предрешило Тибериусом. — Он долго смотрел на меня. — Как насчет тебя? Тебя беспокоит, что я приехал?

Несмотря на легкий тон, его челюсть была сжата, губы крепко стиснуты. Стокер пытался казаться беспечным и почти достиг цели. Но я знала его слишком хорошо. Я повернулась, готовая следовать за Тибериусом.

— Пока не решила, — бросила я через плечо. — Старайся не показывать свои звериные манеры. Мы в гостях.

Было уже почти темно, прошли часы после заката, и лишь тусклый пурпурный свет освещал горизонт. Вдали на западе, на фоне фиолетового неба, виднелась черная заостренная скала, тянувшаяся вверх.

— Остров Сан-Маддерн, — объявил Тибериус, когда я присоединилась к нему. В его голосе звенела нота, которую я никогда раньше не слышала. Какие-то сильные эмоции, с которыми он боролся и усиленно скрывал. Но я это услышала и увидела в его глазах, прежде чем он отвернулся, стряхивая невидимую нитку на рукаве.

— Вернемся, Вероника. Было бы лучше сделать переход до наступления темноты.

Я последовала за ним к причалу и приняла его руку, когда он помог мне забраться в узкую лодку. Стокер проворно прыгнул в лодку с грацией опытного моряка. Местный мужчина, пожилой человек в одежде рыбака, стянул кепку и с корнуэльским акцентом приветствовал нас на борту:

— Меня зовут Трефусис. Приветствую гостей хозяина Сан-Маддерна! Я перевезу вас в одну секунду, мой добрый лорд, а также вашу леди и другого джентльмена. Ваши сумки доставит следующая лодка, но вам надо перебраться до того, как разразится буря.

— Буря? — спросила я. Небо было мягкого сливового цвета, с нежными тонкими контурами облаков, маскирующими первый проблеск звездного света.

— Точно, но не надо бояться, леди. Немного шквала, не больше. Пройдет к полуночи, и завтра будет хороший день, — пообещал он. — Мы приближаемся, держитесь левого борта, отсюда лучше видно остров Сан-Маддерн.

Я последовала его совету, и Тибериус встал позади меня. Стокер остался на корме, широко расставив ноги и засунув руки в карманы. Он поднял голову и понюхал воздух. Поднялся туман, окутывая остров и скрывая от наших взоров и его, и замок, пока мы не оказались совсем близко. А затем без прамбулы легкий вздох ветра сдул клочки тумана, и остров навис над нами. Черный, неприступный и совершенно огромный рядом с людьми на крошечной лодке в открытом море.

— Вот он, — гордо воскликнул корнишман Трефусис. — Остров!

Маленький кораблик причалил к острову. Мужчина забрался в воду, и Тибериус плавно перепрыгнул через борт лодки. Я упала в его руки, более крепкие, чем ожидала. К моему удивлению, в его объятиях не было ничего кокетливого. Виконт прижал меня к груди, с очевидной легкостью шагая по бедра в воде. На галечном берегу он поставил меня на ноги и предложил корнишману монету. Стокер согнул плечо, помогая старому Трефусису развернуть лодку к Пенкаррону. Корнишман натянул кепку и отчалил домой. Тибериус и я смотрели на замок, Стокер держался позади.

Тибериус долго стоял, пристально глядя на черную каменную громадину сверху. Он погрузился в странную задумчивость, на мгновение что-то темное и ужасное коснулось его лица.

— Тибериус? — мягко позвала я, отрывая его от мыслей.

Он встряхнулся с видимым усилием.

— Мои извинения, Вероника. Я не думал, что когда-либо вернусь сюда. У судьбы любопытные и извилистые дороги.

— Не спорю, — согласилась я бодро. — Но ветер усиливается. Разве

мы не должны идти к замку?

— Конечно. Простите мне мои неуместные манеры. Что вы должны думать обо мне — заставить вас стоять на месте! — Он снова обрел свой обычный насмешливый тон, но я подметила при свете звезд настороженное выражение его лица.

Прежде чем я успела ответить, виконт положил твердую руку на мой локоть и повел к высившемуся над нами утесу. Стокер молча последовал за ним. Когда мы подошли, я увидела, что в камень была врезана витая лестница, ведущая к замку.

— На другой стороне острова есть фуникулер, — сказал мне Тибериус, когда мы начали подниматься по ступенькам. — Но он темпераментный зверь, к тому же для этого нужно пройти несколько миль. Если вы можете выдержать подъем, мы доберемся гораздо быстрее.

— Буду счастлива размять ноги после поездки на поезде, — отказалась я, взбираясь вверх по лестнице.

— Если устанешь, подтолкнуть тебя сзади? — злобно предложил Стокер.

— Замолчи, — пробормотала я, и мы продолжили подъем.

Периодически в камень были встроены железные фонари, кто-то зажег их. Они сияли маленькими золотыми звездами на фоне огромных черных склонов скалы, указывая путь вперед. Казалось, прошли часы, пока мы поднимались по ступеням. Все дальше, все выше, пока, наконец, не достигли вершины. и последний шаг не привел нас к прочной каменной стене, оснащенной высокой аркой.

Я посмотрела наверх, когда мы подошли.

— Это порткулез?

Но ответил не Тибериус, голос был незнаком:

— Вы совершенно правы, дорогая леди.

Арка вела во внутренний двор, полный теней, освещенный сиянием звезд, светом факелов и мерцанием десятков золотых окон, установленных в черных стенах. Широкая дверь была распахнута настежь, позволяя яркому свету пролиться на брусчатку. Прямо перед дверью, на фоне теплого мерцания, стоял человек. Он подошел ближе, позволяя свету падать на его лицо.

Должно быть, когда-то это было почти красивое лицо, решила я. Черты лица были правильными и пропорциональными, телосложение как у обычного деревенского сквайра — мускулистые плечи и стройные бедра. На первый взгляд, он выглядел типичным джентльменом, одним из тех, на которых отмечено «сделано в Англии». Упорный, принципиальный, и с

духом почтительной решимости, тип мужчины, который был бы первым в атаке Азенкура[5].

Но второй взгляд обнаружил глаза, запавшие от бессонных ночей, и глубокие морщины, вырезанные от носа до подбородка, будто нарисованные недоброй рукой. Если бы это не убедило меня, что он обеспокоен, достаточно было взглянуть на его руки. Ногти были обгрызены, каждый окаймляла тонкая нить алого цвета. Тем не менее улыбка джентльмена была любезной, когда он широко развел руки:

— Добро пожаловать на остров. Вы, конечно, мисс Спидвелл. Я — ваш хозяин, Малкольм Ромилли.

— Как поживаете? — поздоровалась я, осторожно пожимая протянутую руку.

— А вы, сэр, должно быть, Ревелсток Темплтон-Вейн, — он двинулся вперед, чтобы пожать руку Стокеру.

— Зовите меня Стокер, пожалуйста, — исправил он нашего хозяина. Стокер предпочитал отзывать на свою фамилию как можно реже.

Малкольм Ромилли наконец повернулся к виконту.

— Тибериус. Давно не виделись.

— Действительно, — холодно ответил тот. — Надеюсь, у тебя все хорошо.

Мистер Ромилли слабо и безрадостно рассмеялся.

— Кажется, не так хорошо, как у тебя. Рад познакомиться с твоей невестой. — Слова были сердечными, но под ними скрывалось что-то необъяснимое.

Я чувствовала, как Стокер напрягся при этом замечании, но Малкольм Ромилли уже подталкивал нас к двери.

— Заходите, назревает шторм. Для вас всех подготовлены комнаты.

Стокер остановился позади меня.

— Невеста? — пробормотал он мне на ухо. — Мы поговорим об этом позже.

— Здесь нечего обсуждать, — отрезала я, все еще потрясенная, что он решил приехать в Корнуолл. Я ожидала, что несколько недель вдали от него помогут рассортировать мои беспорядочные чувства. Вместо этого Стокер стоял в нескольких дюймах от меня, нервируя и заставляя мои мысли скакать тревожно.

К моему удивлению, Стокер ничего на это не ответил, и мы последовали за нашим гостеприимным хозяином в главный зал замка. Именно так я представляла замок. В просторном каменном зале с одной стороны был сооружен огромный камин, достаточно большой, чтобы

зажарить в нем половину вола. В противоположном конце высилась галерея менестрелей. Сводчатый ребристый потолок покрывал сложный готический узор в виде ромбов. Каждый ромб был окрашен в алые и синие тона, ромбы окружали геральдическую эмблему семьи Ромилли — русалку. Вдоль каменных стен был развешен обычный для замка ассортимент оружия, доспехов и других безделушек, которые меня не заинтересовали. Имелся даже древний гобелен, выцветший и слегка изъеденный молью. Я прищурилась, чтобы лучше рассмотреть изображенную на нем сцену: русалки заманивают моряков к гибели.

— Я осознаю, что в наши дни все выглядит немного готично, — внес ясность Малкольм Ромилли с извиняющимся пожатием плеч. — Но большой зал — гордость Ромилли, и мы не можем его изменить. Обещаю, в остальном замке гораздо удобнее, — заверил он меня.

Я вежливо улыбнулась.

— При необходимости мне приходилось жить в походных условиях в поле. Вряд ли замок бросит им вызов.

По камню прошелестели мягкие шаги, и черный кот проскользнул в комнату.

— Геката, вернись, — приказала вошедшая следом дама. Приподняв обеими руками юбки, она спешно подбиралась к своему питомцу. Лет примерно тридцати пяти, леди была дорого, но строго одета в платье из черного атласа. Ткань переливалась на свету, подчеркивая пастельные розы на щеках. Впечатляли необычного цвета глаза: бледно-сине-серые. Привлекательная женщина, но ее главным достоинством был голос, низкий и мелодичный. Она ласково бранила кошку, подхватив животное в объятия. Кот успокоился, прихорашиваясь, пока она обнимала его.

— Малькольм, я не могу найти Мертензию. Она знает, что вы ожидаете гостей, но не явилась, чтобы приветствовать их, — пожаловалась дама.

Мистер Ромилли слабо улыбнулся ей.

— Не беспокойтесь, Хелен. Мертензия в садах, не сомневаюсь.

Он обратился к нам:

— Вы должны простить мою сестру. Мертензия — неугомонная женщина-садовод, ее сады хорошо известны. Если она не по локоть в земле, то готовит отвары в своей комнате или уговаривает луковицы, чтобы зацвели вне сезона.

Он повернулся, жестом приглашая леди выйти вперед.

— Лорд Темплтон-Вейн, мисс Спидвелл, мистер Темплтон-Вейн, моя невестка, миссис Люциан Ромилли. Хелен, это виконт Темплтон-Вейн, его

невеста — мисс Спидвелл и брат виконта.

Она приветливо улыбнулась.

— Конечно, лорд Темплтон-Вейн, я вас хорошо помню. Мы встречались здесь раньше, хотя вы еще не получили свой титул.

Тибериус низко склонился, целуя ей за руку.

— Я тоже помню, — сказал он тихо.

Прежде чем я успела разгадать неясные подводные течения, Хелен Ромилли повернулась, чтобы с приклеенной улыбкой приветствовать меня:

— Мисс Спидвелл, добро пожаловать на остров. И мистер Темплтон-Вейн. Признаюсь, если бы Малкольм не сказал, я бы никогда не догадалась, что вы брат его светлости. Вы сильно отличаетесь на первый взгляд, хотя думаю, что обнаруживаю слабое сходство в глазах.

— Вы слишком добры, — надменно отозвался Стокер, склонившись над ее рукой.

Я закатила глаза к небу, но Хелен Ромилли казалась довольной этим жестом. Стокер погладил голову кошки с практичной нежностью. Та полузакрыла глаза, низкое урчание клокотало в горле.

— А кто это прекрасное существо?

— Геката, — ответила Хелен Ромилли. — Как любопытно! Она ненавидит незнакомцев, но, похоже, вы ей понравились.

— Стокера очень любят животные и другие существа, неспособные к рациональному мышлению, — отозвался Тибериус.

Именно тогда в дверях материализовалась серая фигура.

— Мистер Малкольм, комнаты готовы.

Появившаяся женщина была одета в бомбазин, звякнувший за поясом шатлен безошибочно провозглашал ее экономкой. Волосы домоправительницы были зачесаны по обеим сторонам лица в старомодном стиле, аккуратная накладка из черного кружева прикрывала булавки для волос.

— Спасибо, Тренни. Мои дорогие гости, миссис Тренгроуз покажет вам дорогу. Ужин был отложен на полчаса ради вашего приезда. Вы услышите гонг, когда придет время присоединиться к нам в гостиной.

Он с легким полупоклоном отступил назад. Мы подошли к миссис Тренгроуз, с лампой в руке ожидающей окончания его объяснений.

— Добро пожаловать, мой лорд, мисс Спидвелл, сэр, — приветствовала она каждого из нас, ведя через узкий каменный проход, уступивший место еще более узкой лестнице, врезанной в камень. — Боюсь, в замке нет газового освещения, поэтому вам понадобится лампа или свеча, если вы собираетесь выходить вечером. Пожалуйста, следите за

ступеньками. Они очень старые и довольно неровные.

Ступеньки поднимались в темноту, и я повернулась, чтобы взглянуть на Тибериуса. Его лицо было неподвижно и выражало что-то похожее на мрачную решимость.

Я послушно следовала за миссис Тренгроуз, Тибериус следовал за мной, а Стокер следовал за ним. Все вместе мы напоминали отряд школьников.

— Ваша комната здесь, мой лорд, на первом этаже, — экономка указала на дверь на площадке. Дверь была открыта, за ней виднелась круглая спальня темно-синего цвета. — Это самый большой из люксов в башне, потому что структура сужается по мере подъема. Горячая вода только что поднята, сумки уже в пути. Ваши вещи будут распакованы до того, как вы закончите купаться, — пообещала она.

Виконт издал непонятный звук и вошел внутрь, закрыв за собой дверь.

— Мисс Спидвелл, — она жестом пригласила меня следовать. — Я разместила вас чуть выше его светлости. Это означает дополнительный лестничный пролет, но вид из окна компенсирует неудобство. Мистер Темплтон-Вейн, вас поместили на верхнем этаже в самой маленькой комнате, в холостяцкой спальне.

— Это ставит меня на место, — проворчал Стокер, когда мы поднялись на следующий этаж.

Моя спальная комната оказалась очень похожа на спальню Тибериуса, за исключением того, что была чуть скромнее, а мебель обита фиолетовым бархатом. Удивительно удобная комната с гостеприимным огнем, зажженным в очаге, и ванной с водой, испускающей ароматный пар. Высокое узкое амбразурное окно, обращенное на запад, обещало захватывающий водный пейзаж, когда встанет солнце и засверкает над морем. По бокам от камина стояла пара уютных кресел. Ложе представляло собой старомодную кровать, застеленную тяжелыми льняными простынями ослепительной белизны, с балдахином темно-фиолетового бархата. Мягкий аромат пропитал воздух. Я благодарно принялась.

— Это попури, которое делает мисс Мертензия, — пояснила миссис Тренгроуз. — И цветы, — добавила она, кивнув в сторону высокой вазы с пышными гортензиями, стоящей на полированном дубовом сундуке. — Она всегда делает букеты для гостей. Не очень разговорчива, но ей нравится, когда люди чувствуют себя желанными, — сказала она с легкой защитной нотой.

Экономка определенно была предана своей хозяйке, и я одарила женщину обнадеживающей улыбкой.

— Вы долго служите в замке? — Я вытянула шляпную булавку. (Я надела свою шляпу для путешествий и любого, потенциально опасного предприятия. Шляпные заколки один из самых эффективных видов моего оружия, но скучны до крайности, независимо от того, насколько изящно сделаны).

Миссис Тренгроуз приблизилась. Она двигалась без торопливости, но с быстрой компетентностью, которую я наблюдала во всех ее действиях.

— Мне было двенадцать. Меня наняли няней в замок, когда покойная миссис Ромилли родила мистера Малкольма. — Она взяла мою шляпу и стряхнула с нее пыль.

— Тогда вы действительно их друг!

Ее улыбка отражала одним из самых мягких укоров.

— Я бы никогда не осмелилась предположить, мисс. Вижу, вы приехали без своей горничной. Если угодно, я попрошу одну из наших девушек хорошенько почистить вашу шляпу?

— Была бы очень признательна, спасибо.

Экономка наклонила голову.

— Что бы вам не понадобилось, мисс, пока вы здесь, вам нужно только спросить. Мистер Малкольм искренне желает, чтобы его гостям предоставлялись все удобства.

— Я запомню это, — пообещала я.

Она оставила меня, осторожно закрыв за собой дверь. Я разделась и скользнула в ванну, теплая душистая вода наполнила кожу. Представляя Тибериуса в комнате чуть ниже, делающего то же самое, я задавалась вопросом: сколько пройдет времени, прежде чем он попытается совершить путешествие по узкой извилистой лестнице. Затем я подумала о Стокере в комнате чуть выше и о том, какие еще сюрпризы принесет этот вечер.

* * *

Некоторое время спустя в дверь поскреблись, и появилась горничная с яблочно-румяным лицом. Она была молода, опрятна, с безупречным фартуком и аккуратными темными косами, прикрепленными на затылке. Девушка присела, суетливо двигаясь, юбки ее накрахмаленного хлопкового платья взвились.

— Добрый вечер, мисс. Г-жа Тренгроуз сказала, что в отсутствие вашей собственной горничной я должна вам прислуживать во время вашего пребывания в замке.

— Это вовсе не обязательно, — начала я.

Она крепко сжала губы.

— Боюсь, миссис Тренгроуз настаивает, мисс.

— Конечно, настаивает, — пробормотала я. — Очень хорошо, вы можете начать с распаковки саквояжа.

Девушка была настолько же быстрой, насколько решительной. В мгновение ока она распаковала мою сумку, повесив одежду на вешалки в шкафу и разложив на умывальнике расческу, зубную щетку и банку с розовым кремом. Мое снаряжение — сосуды для образцов, кольцевая сеть, булавки, полевая тетрадь — было размещено на дне шкафа. Книги уложены в аккуратную стопку на каминной полке; ботинки, которые я носила во время путешествия, выставлены за дверь для чистильщика обуви. На умывальнике разместился огромный брусок мыла, пахнущий травами. К тому времени, когда я смыла пену и вытерлась, девушка разложила на полке заколки для волос и уже отряхивала мое вечернее платье.

Она разгладила ткань платья, когда я соскользнула в халат, завязывая пояс на талии.

— Какой прекрасный цвет, мисс, — заметила она, поворачивая ткань, чтобы поймать свет. — Как он называется?

— Портниха называла его лазурным, но для меня это точный оттенок бабочки *Morpho*.

— Что это такое, мисс?

Я уселась за туалетный столик, и она начала причесывать мои волосы.

— *Morpho didius*, — объяснила я. — ужасно красивая бабочка родом из Южной Америки.

— Южная Америка! Представьте себе, — удивилась она, собирая мои волосы свободными волнами, чтобы заколоть на макушке. — Неужели кто-то едет в Южную Америку, чтобы поймать бабочку. Какие глупцы! — добавила горничная.

Я не удосужилась сообщить, что продвинулась намного дальше в своих экспедициях.

— Как вас зовут?

— Дейзи, мисс. Если я вам понадоблюсь, днем или ночью, вам стоит только позвонить в колокольчик у камина, и я приду.

Внимательно посмотрев на нее, я решила не читать лекцию о пороках домашнего рабства в обмен на низкую заработную плату.

Она кивнула головой в сторону пола, указывая на комнату Тибериуса.

— Я видела его светлость на пути вверх, — сказала Дейзи, зажав шпильку между зубами. — Говорят, он ваш жених, мисс.

— Ну, тогда это должно быть правдой.

Дейзи слегка вздохнула. Я напредила себе, что сплетничать со слугами крайне неприлично. В то же время я предпочитала дружелюбное отношение к окружающим вместо церемонного, независимо от их положения. Мы немного поболтали, пока она закончила причесывать мои волосы, подобрав их так хитро, что не было видно ни одной булавки. Затем она помогла мне надеть платье, с силой встряхнув турнюр, и складки превратились в элегантные фижмы.

— Вот, пожалуйста, мисс, — заключила она. — Прекрасны как фазан.

Она широко подмигнула мне, когда уходила, и я поняла, что мое время на острове Сан-Маддерн может оказаться намного более развлекательным, чем я ожидала.

* * *

Вскоре после того, как я закончила одеваться, прозвучал гонг. Я осторожно спустилась по лестнице, держа юбки высоко над лодыжками, чтобы не споткнуться. Вопреки новообретенному развлечению, Тибериус не комментировал их вид, когда я достигла основания лестницы, где он поджидал меня. Виконт выглядел великолепно в черно-белой строгости вечерней одежды. Похоже, он, расчесывал свои темно каштановые волосы, пока те не заблестели. Но крошечная малиновая точка чуть ниже уха свидетельствовала, что он порезался, бреясь. Любопытное событие, учитывая, что его светлость обычно привередлив как кошка.

— Будем ли мы ждать Стокера? — рискнула спросить я.

— Стокер пошел вперед, — коротко ответил его светлость.

Тибериус вел меня через анфиладу комнат и серию проходов в лабиринте замка. Было видно, что он знает дорогу и действительно не чужой в этом замке. Виконт остановился у закрытой двери и, колеблясь, потянулся к моей руке.

— Тибериус?

Он ничего не сказал, просто повернул голову, серые глаза лихорадочно блеснули, рука схватила мою с силой утопающего. Тибериус открыл дверь в гостиную, где уже собралась четверка людей. Малкольм Ромилли был погружен в беседу со Стокером, они рассматривали предмет, похожий на древний барометр. Хелен Ромилли поднялась со своего места на диване, потеснив раздраженную кошку Гекату и вытаскивая молодого человека с поразительно привлекательной внешностью. Лицо юноши хранило

выражение острой скуки.

— Мой лорд, мисс Спидвелл, позвольте мне представить моего сына, Каспиана Ромилли. Каспиан, поздоровайся с лордом Темплтон-Вейном и его невестой.

Каспиану Ромилли исполнилось по крайней мере восемнадцать, уже не мальчик, и он прекрасно знал о своей сногшибательной внешности. У него были глаза матери и губы, как бутоны роз, но строгий лоб и превосходный нос явно выдавали Ромилли.

Он неразборчиво приветствовал нас с заметным отсутствием энтузиазма, когда кошка решительно цапнула подол моего платья. Его мать прищелкнула языком.

— Каспиан, дорогой, пожалуйста, возьми ее на руки.

Юноша тщательно вздохнул, закатил глаза, но выполнил просьбу, с удивительной нежностью забрав угрюмое животное и выставив ее за дверь.

— Милый мальчик, — пробормотала его мать. — Удивительно добр к животным, очень чувствителен.

— Ему бы не помешала порка, — прошептал Тибериус мне на ухо, когда Хелен Ромилли отвернулась к приближающемуся деверю. Они со Стокером прекратили обсуждение, чтобы присоединиться к нам. Я увидела, как взгляд Хелен излишне долго задержался на Стокере. Мне всегда казалось странным видеть Стокера в вечерней одежде, удивительно ему шедшей. Его небрежная внешность и густые черные волосы подчеркивали строгий черно-белый стиль. Одежда была куплена в магазине готового платья, но я решила, что Стокер будет хорош и в мешковине. Хелен Ромилли, похоже, согласилась.

Малкольм Ромилли выглядел бледным и напряженным в своем вечернем костюме, но его одежда была отлично пошита, а трость из тяжелого золота украшена необычным камнем.

— Вижу, вы восхищаетесь моим сердоликом, — обратился он ко мне. — Остров богат залежами таких камней. Крупные минералы со швами сердолика, яшмы, агата. Полудрагоценные, конечно, но стоят усилий. Если вам нужен сувенир на память о путешествии, посетите ювелира в деревне. У него есть ассортимент наших местных жемчужин.

— Достаточно ли велик остров, чтоб обеспечить работой ювелира? — поинтересовалась я. — Признаюсь, я позорно не ведала о существовании острова Сан-Маддерн, пока его светлость не упомянул об этом.

Малкольм Ромилли одарил меня необычайно милой улыбкой, грустной и искренней, одновременно наполняя вином бокалы для компании.

— Мы живем уединенно, мисс Спидвелл. Вы — первые гости,

которых мы пригласили за три года.

— К счастью для нас, — Стокер взял свой бокал.

— Вы были здесь раньше, мистер Темплтон-Вейн? — спросила Хелен Ромилли Стокера, принимая бокал вина от своего зятя.

Стокер поднял свой бокал, салютуя хозяину, и отпил

— Не имел такого удовольствия, миссис Ромилли. Всегда глубоко завидовал своему брату, когда он возвращался из этих мест после каникул. Считаю, мне повезло быть включенным в сей вояж.

Она с усилием рассмеялась.

— Мне будет интересно услышать ваши впечатления от острова. Когда я здесь, жизнь кажется причудливым сном. И возвращаясь на материк, затрудняюсь с уверенностью сказать: не была ли я унесена феями?

— Конечно, вы имеете в виду пикси[6], Хелен, — с улыбкой поправил Малкольм Ромилли. — В конце концов, мы являемся частью Корнуолла.

Ее ответный взгляд был ровным и долгим.

— Как скажете, Малкольм.

В комнате были странные потоки напряжения, кружившиеся и вихрившиеся вокруг нас. Но прежде чем я поняла, что все это значит, миссис Тренгроуз появилась в дверях.

— Ужин подан.

Глава 4

Стол был сервирован прекрасным серебряным сервизом. По центру стола шла линия искусных гирлянд, щедро перевитых полосатыми красно-белыми розами, наполнивших воздух благоуханием. Прежде чем я успела отметить их красоту, появилась взволнованная дама лет тридцати, с поспешным извинением скользнувшая на место рядом со Стокером.

— Мертензия, — сказал Малкольм Ромилли с намеком на обличение.

— Я знаю, Малкольм, но я собирала плоды шиповника и совсем потеряла счет времени.

— И, видимо, зеркало тоже. Ты даже не сменила платье! — съязвила ее невестка с улыбкой, которая не вполне соответствовала словам.

Мертензия Ромилли с явным удивлением посмотрела на свое хлопковое платье в полоску.

— Не заметила. Но я вымыла руки, — живо добавила она, сверкая ладонями, покрытыми царапинами и старыми шрамами, но скрупулезно чистыми.

Хелен Ромилли бросила взгляд на неопрятные волосы Мертензии и слегка вздохнула, прежде чем вернуться к своему супу — восхитительному грибному консоме, поданному в крошечных супницах. Малкольм представил нас, и его сестра посмотрела на Тибериуса.

— Я помню вас.

Тибериус наклонил голову.

— Мисс Мертензия. Всегда приятно возобновить наше знакомство

Затем мисс Мертензия пристально посмотрела на Стокера. Она сильно покраснела, и я подавила вздох. Я видела все это раньше. Женщины, особенно с оригинальными вкусами, неизменно увлекались им. На ум пришла метафора с участием мотылька и пламени. Стокер был безупречно добр в этих ситуациях.

— Догадываюсь, вы страстный садовод, — рискнул обратиться он. — Мне бы очень хотелось увидеть ваши сады, пока я здесь.

Она моргнула и снова покраснела, пробормотав что-то неразборчивое в ответ. Стокер занялся своим супом, и она повернулась ко мне.

— Вам нравятся сады, мисс Спидвелл? — спросила она, проницательно глядя на меня.

— Только потому, что они предоставляют убежище для моих бабочек.

Она шмыгнула носом и отдалась еде с энтузиазмом рабочего, который

долго и усердно трудился, в поте лица зарабатывая свой хлеб. Я поняла, что мисс Мертензия, без сомнения, делила людей на «садовых», которых стоит знать, и «несадовых», которых явно знать не стоило.

Малкольм Ромилли повернулся ко мне.

— Моя сестра отвечает за обширные сады здесь, в замке, а также следит за оранжереями и залами. Она наша собственная белая ведьма в замке, — добавил он со слегка дразнящей улыбкой.

Мисс Мертензия закатила глаза к небу, закончив свой суп.

— Это вовсе не колдовство, Малкольм. Просто лекарства, разве что более традиционные, чем у тех мусорщиков на Харли-стрит с их стетоскопами и снисходительными усами.

Хелен Ромилли наклонилась вперед, чтобы поймать мой взгляд.

— Малкольм говорил нам, что вы — лепидоптерист. Вы непременно должны исследовать сады, пока остаетесь здесь, мисс Спидвелл. Они абсолютно очаровательны. У Мертензии самые волшебные руки!

— Непременно, — заверила я.

Мисс Мертензия резко подняла голову.

— Идите, куда вам угодно; на самом деле, я даже покажу вам лучшие места для охоты на бабочек, если хотите. Маленькие мерзавцы вечно едят мои растения. Но учтите, вы не должны исследовать в одиночку! По крайней мере, не дальний участок садов.

Если я и слегка удивилась ее тону, то постаралась этого не показывать.

— Я не думала о вторжении, мисс Ромилли.

Она одобрительно хмыкнула, вернувшись к своей еде, поменяв пустое блюдо с консоме на тарелку Стокера.

— Мертензия! — потрясенно воскликнула Хелен Ромилли. — У тебя манеры крестьянки.

— Не расстраивайтесь, — лениво успокоил ее Стокер. — Мисс Ромилли может располагать остальной частью моего супа.

— Какая тебе разница? — потребовала Мертензия у своей невестки. — Мои манеры не твоя забота.

Внезапный холод воцарился над столом. В течение нескольких долгих секунд никто не заговаривал, казалось, каждое мгновение было отмечено тикающими каминными часами. Наконец, Хелен Ромилли прочистила горло.

— Ты совершенно права, Мертензия. Мне не следовало предлагать неуместную критику. Иногда я забываю, что мы на самом деле не семья, хотя в Каспиане течет кровь Ромилли, — закончила она, кивая в сторону сына.

Глаза Мертензии сузились, и она открыла рот. Однако прежде чем она успела что-то сказать, ее брат зашевелился.

— Мертензия, — Малкольм Ромилли промолвил ровным, властным голосом. — Довольно.

Его сестра пожала плечами, без сомнения больше интересуясь обедом, чем спаррингом с вдовой младшего брата.

Малкольм посмотрел на свою невестку.

— Хелен, пожалуйста, примите мои извинения. Разумеется, вы и Каспиан — семья. Вас очень любил Люциан, а мы очень любили его.

Он поднял свой бокал, темно-красное вино поймало свет свечи, засверкав словно горсть гранатов.

— Тост. В память о моем покойном брате Люциане. И за то, чтобы похоронить прошлое.

Хелен бросила на него острый взгляд, но остальная часть компании просто повторила тост и отпила. Только Малкольм Ромилли не пил. Он уставился в свой бокал, когда за столом начались разговоры между партнерами по ужину.

— Вы ворожите? — спросила я дразнящим тоном.

Он поднял глаза.

— Прошу прощения?

— Старый народный обычай: вглядываться в хрустальный шар или миску с водой, чтобы предсказать будущее. Никогда не видела, чтобы ворожили с бокалом вина, но уверена, что это возможно.

Он подарил мне изумительно привлекательную улыбку.

— Я рад, что его светлость подумал привезти вас с братом, мисс Спидвелл. Полагаю, в присутствии новых людей мы сможем вести себя лучше, чем теперь. — Малкольм снова замолчал, долго глядя в свое вино, прежде чем ощутимо встряхнуться. — Простите меня. Я, кажется, витаю в облаках, и не справляюсь со своими обязанностями. Кстати, Тибериус говорил мне, что у вас страсть к нашим Glasswings. Он упоминал о моем намерении подарить вам личинки?

— Это очень щедро с вашей стороны.

Он махнул рукой.

— Я очень рад, что их колония может найти дом в вашем виварии. Чудо, что они выжили здесь. Малейшее изменение среды обитания или климата, и мы могли бы их потерять. Фактически, в течение нескольких лет мы считали, что они вымерли. Это был самый восхитительный сюрприз, когда они снова «расцвели».

Мы перевели разговор на другие предметы — о природных красотах

острова, о трудностях проживания в столь отдаленном месте. Хотя мы порой отвлекались, чтобы перемолвиться с нашими соседями по столу, все же легко общались на разные темы. Еда была превосходной, за консоме следовали несколько блюд из рыбы. От жареного сома, деликатно приправленного лимоном, мы перешли к жареному тюрбо и омару с карри. Все это было свежим уловом, как наш хозяин заверил меня с явной гордостью.

— Наши воды одни из самых изобильных во всей Англии, — похвастался он. — К счастью для нас.

— На самом деле?

Малкольм улыбнулся.

— Мы католическая семья, мисс Спидвелл, и сегодня пятница.

Беседа возобновилась во время десерта. После того, как мы закончили, я заметила, насколько умным было кондитерское изделие.

— Умным? — переспросил он.

Я указала на хрустальное блюдо. Сорбет был подан в креманках вместе с крошечными, самыми элегантными пирожными, которые я видела за пределами кондитерских.

— Сорбет из роз. Это идеальное дополнение к розам в центре. *Rosa mundi*, не так ли? Роза мира?

* * *

К моему невезению, замечание прозвучало во время затишья, я отчетливо слышала резкий стук ложек, царапающих фарфор.

— Розамунда, — прошептала Хелен Ромилли.

Малкольм Ромилли слабо улыбнулся ей.

— Кажется, мисс Спидвелл единственная, кто заметил мою дань. Это уместно, не так ли? Масса роз в память о Розамунде.

Остальная часть компании молчала, выражения лиц варьировались от оцепенелого ужаса (Хелен Ромилли) до острой скуки (Мертензия). Только Тибериус улыбался — узкая жесткая улыбка.

Я обратилась с вопросом к нашему хозяину:

— Кто такая Розамунда?

Он не смотрел на меня, уставившись вместо этого на одну из полосатых роз. В отличие от других, цветок был расположен неправильно, его увядающие лепестки свешивались со скатерти.

— Розамунда была моей женой, мисс Спидвелл. По крайней мере,

моей невестой, — поправил он себя тихим голосом.

— Она исчезла в день их свадьбы, — прямо сказала Мертензия. — Прошло три года, и с тех пор никто ее не видел и не слышал.

Стокер повернулся к ней, его брови нахмурились.

— Вы не знаете, что с ней стало?

Слабый смех Мертензии казался вынужденным.

— Вы не знаете историю? — Она перевела взгляд со Стокера на меня и обратно. — Боже мой, где вы были? На Луне? Вы пропустили самый шокирующий скандал 1885 года.

— В 1885 году мой брат боролся за жизнь в джунглях Амазонии, — неожиданно для меня заявил Тибериус с тихой строгостью.

— И я находилась где-то в предгорьях Гималаев, — добавила я. — До сих пор не вполне уверена в точном местонахождении. Карты этого региона в лучшем случае неточны.

Мертензию было трудно запугать.

— Тем не менее, существуют газеты, — возразила она. — И бедный Малкольм был на первой странице любого бульварного листка. Не каждый день английский джентльмен теряет свою невесту.

— Довольно, Мертензия, — пробормотал ее брат.

— Я бы сказала, — вставила Хелен Ромилли. — Весь этот разговор — очень дурной тон.

— Удивительно, что ты считаешь дурным тоном говорить о мертвых, — парировала Мертензия.

Тонкий румянец коснулся щек Хелен, когда она несчастно посмотрела в свою тарелку. Что бы Мертензия не имела в виду своим колким замечанием, оно точно ударило в цель. Меня заинтриговали отношения между ними.

Каспиан тут же вклинился, стараясь защитить свою мать

— Думаю, это не совсем справедливо, тетя М...

Хелен жестом сдержала сына. Мертензия в свою очередь обуздала его:

— Не называй меня так! Само понятие «тетя» унижает. Тети — увядшие пожилые женщины семидесяти лет со спаниелями по имени Тревор. Они послушно лежат у их ног, пока дамы вяжут салфеточки.

Тибериус задумчиво глянул в сторону Малкольма.

— Мы немного отошли от темы.

Малкольм оторвал взгляд от увядающей розы. Он заставил себя улыбнуться.

— Да. Спасибо, Тибериус. Мои дорогие гости, это был утомительный день для тех, кто проделал долгий путь, чтобы добраться сюда. Думаю,

пришло время пожелать друг другу спокойной ночи. Пора расходиться. Но сначала поднимем бокалы еще раз, если вы не против. За женщину, которую я любил, за мою невесту Розамунду.

— За Розамунду, — раздались голоса вокруг стола. Малкольм Ромилли допил свое вино до дна, остальные вежливо пригубили. Мы попрощались с пожеланиями спокойной ночи и крепкого сна.

Никто, кроме меня, не заметил, что Тибериус оставил свой бокал нетронутым.

* * *

Я отлично сплю, но в ту ночь крутилась и вертелась, как на ложе из гвоздей.

— Черт побери этого мужчину, — пробормотала я, отбрасывая покрывало. Я имела в виду Стокера, конечно. Я отправилась в увлекательное место в компании обворожительного аристократа, потрясающе талантливого в искусстве флирта. Поток напряжения и таинственных вещей пришел в движение. В моей голове счастливо плясала моя собственная колония Glasswings. Мне следовало сладко дремать в объятиях Морфея, видя сны о бабочках и голубых морях. Вместо этого всякий раз, закрыв глаза, я видела только его.

С хитроумными проклятиями я обернула вокруг себя халат и поднялась по лестнице, подобно раковине улитки туго обматывавшей комнату Стокера. Я не удосужилась постучать, и он не выглядел удивленным, увидев меня. Стокер сидел у амбразуры, глядя в черную ночь. Я села рядом, восхищаясь сверканием звезд и ярким жемчужным блеском полной луны, низко повисшей над нами.

— Полагаю, ты считаешь, что я задолжала тебе объяснение, — начала я самым нелюбезным тоном.

Стокер даже не повернулся ко мне, заметив немного утомленным голосом:

— Ты мне ничего не должна. Природа наших отношений не допускает никаких требований друг к другу.

— Не надо, — приказала я, мои руки сжались в кулаки на коленях. — Не будь понимающим и любезным. Это расстраивает.

Он повернул голову, легкая улыбка играла на его губах.

— Я не был, если это тебя утешит. Я дулся большую часть времени, пока ты была на Мадейре. Нет, лгу. Я бушевал первые несколько месяцев, а

затем перешел к дутью.

— Вот почему ты не писал? Чтобы наказать меня?

— Я не писал, потому что ты намекнула мне не делать этого, — мягко напомнил он.

— С каких это пор ты поступаешь так, как тебе говорят? — потребовала я.

Стокер долго смотрел на меня.

— Ты сердишься на меня. Какой новый опыт! Мне доставалось от твоего раздражения, нетерпения, разочарования. Но никогда не наблюдал тебя в гневе. Холоднее, чем я ожидал.

— Может быть еще холоднее. Но я пришла исправить ситуацию, некоторым образом извиниться.

Он изогнул бровь в идеальном подражании Тибериусу.

— За что? За то, что умчалась на Мадейру? За то, что убежала с моим братом? Кажется, у тебя есть привычка сбегать, Вероника.

— Для женщины, склонной сверкать пятками, я, кажется, не забралась чересчур далеко. Я здесь, — возразила я.

В ответ он наклонил голову и изогнул бровь дугой. Это был вопрос и одновременно мерило нашего взаимопонимания — без всяких слов я знала, о чем он спрашивает.

— Не хочу обсуждать с тобой подробности. Но и не хочу быть в ссоре. Итак, давай придем к ясному пониманию. В конце нашего последнего приключения я позволила себе эмоции, более горячие, чем требует мой душевный комфорт. Чувства, которые почти озвучила. Если бы не своевременное прибытие Тибериуса в теплицу, я могла бы сделать признание, о котором сейчас пожалела бы.

Стокер открыл было рот, но я подняла руку.

— Я рада, что пришел Тибериус, рада, что не произнесла то, что готова была тогда сказать. И рада, что поехала на Мадейру. Нам обоим было нужно время, и думаю, все еще нужно.

— Время?

— Да, время, — твердо повторила я. — На протяжении нашего знакомства я ощущала пагубное влияние Кэролайн де Морган на твою жизнь. Какое-то злое присутствие, почти уничтожившее тебя. Благодаря силе характера ты пережил удар в первый раз; и опять-же, заслуга силы твоего духа, что пережил второй. Но я думаю, что ни одна встреча не прошла без шрамов.

Я бросила взгляд на длинную серебряную линию, которая отмечала его лицо. Шрам был оставлен когтями ягуара, но Кэролайн де Морган была

столь же ответственна за ущерб, как и обитатель джунглей, ранивший Стокера. Выражение его лица не поддавалось определению, и я продолжила:

— Мы оба признали, что наша связь не похожа на все прежние. Эта дружба, эта странная алхимия, которая нас связывает, слишком прекрасна, чтобы запятнать ее. Думаю, что между нами не может быть ничего большего, пока все призраки прошлого не будут изгнаны.

Стокер выглядел так, словно хотел протестовать, но вместо этого повернул лицо к луне, наблюдая, как серебристо-белый свет играет на черных волнах.

— Что ты предлагаешь?

— Ничего, — сказала я просто. — Я предлагаю, чтобы мы ничего не делали. Мы останемся, как в прошлом, друзьями и коллегами, не более того. Пока ты полностью не оправись от ран, которые она нанесла.

Его руки сжались, стиснув подоконник.

— Я выздоровел, — решительно отказался от моих претензий он. — Кэролайн ничего не значит для меня.

— Твои костяшки побелели при упоминании ее имени, — отметила я.

С видимым усилием Стокер ослабил хватку, поворачиваясь ко мне, его голос стал низким и опасным:

— Вероника, естественно, я должен питать ненависть к женщине, сделавшей все возможное, чтобы уничтожить меня. Она вышла за меня замуж под ложным предлогом. Совершила прелюбодеяние с моим лучшим другом и бросила меня умирать в чужой стране. Втоптала мое имя в грязь не по необходимости, а с настоящим восторгом. Она олицетворяет все подлое и испорченное в мире, и если ты думаешь, что я не заслуживаю желания разорвать ее кость за костью голыми руками...

Он прервался, его дыхание стало тяжелым.

— Не собираюсь объясняться дальше. Благодарю тебя за визит, но этот разговор перестал быть продуктивным. Спокойной ночи.

Я встала и подошла к двери. Стокер открыл ее для меня, избегая встречаться глазами.

— Ты увидишь, что я права. Ты сдерживал свою ярость слишком долго, яд отравил тебя. Отпусти ее, и ты отпустишь Кэролайн, — произнесла я.

Едва я переступила порог, как он захлопнул за мной дверь. Затем, как будто зная, что я все еще там, Стокер медленно и сознательно набросил засов, не позволяя мне вернуться.

Бессонная и несчастная, я некоторое время сидела и писала длинное письмо леди Велли. Я была немного обеспокоена тем, что бросила ее так внезапно. Будем надеяться, что обманчиво веселый рассказ о моих путешествиях и уникальной обстановке Сан-Маддерна позабавит ее. Я очень старалась поярче описать людей, которых встретила, и то, что увидела в замке:

«Это удивительно милое, домашнее место для замка. Само сооружение весьма древнее, но интерьер несколько раз ремонтировался. От тюдоровских галерей до якобинской столовой — все именно то, что ожидаешь увидеть в замке. Говорят, от видов острова захватывает дух, но мы ничего еще не видели. Прибыли в темноте, и погода, кажется, меняется чаще, чем денди меняет свои подштанники. Разразилась буря. завывающая вокруг моей комнаты в башне, как банши из легенд. Слава богу, я не нервного склада, иначе спряталась бы под покрывалом до утра, только глаза выглядывают из укрытия».

Я бросила ручку, сделав пометку закончить письмо на следующий день.

Когда я задула свечу, заревел шторм. Где-то в глубине снов я слышала раскаты грома, цимбалы богов, но все же спала. Я проснулась позже обычного. У меня не было ни работы, ни Стокера, требующего внимания, ни собак, ни корреспонденции, ни обязательств. Я поднялась, потянулась и подошла к окну, широко распахнув створку.

Передо мной раскинулось море, переливаясь на утреннем солнце, будто украшенные драгоценными камнями юбки. Вдали три скалы пересекали горизонт, нанизываясь, как бусы на цепочке, и ничего больше, кроме синевы моря и неба, простирающихся до конца вечности. Сильный ветер закрутил воду в белые волны, запах бодрящего морского воздуха пьянил. Я не осознавала в темноте, как высоко мы забрались, и сейчас чувствовала себя на вершине мира, словно могла протянуть руку и коснуться пальцами неба.

Я быстро дописала постскрипtum леди Велли о потрясающих видах. Затем вымылась, оделась и, положив письмо в карман, отправилась завтракать. Из комнаты надо мной не доносилось ни звука. Значит, Стокер либо еще спит, либо уже где-то бродит. Дверь Тибериуса была плотно

закрыта, но я не постучала.

Я наложила себе полную тарелку яиц, бекона и помидоров из горячих блюд на серванте. Когда я уселась за стол, миссис Тренгроуз проскользнула со свежим чаем и подносом с тостами.

— Доброе утро, мисс Спидвелл. Надеюсь, несмотря на шторм, вы хорошо выпались?

Крошечная морщинка появилась между ее пересыпанными серебром темными бровями. Я подумала, что она очень серьезно относится к своим обязанностям. Поскольку у Малкольма Ромилли нет жены, а Мертензия явно не заинтересована в домашнем хозяйстве, управление хозяйством легло на ее плечи. Она, казалось, нисколько не возражала против ответственности. На самом деле, я бы рискнула сказать, она этим наслаждалась. Связка ключей была отполирована до блеска, как и в предыдущий день, правда сегодня домоправительница заменила воротник и манжеты на белоснежное полотно. Бельгийское, догадалась я.

— Абсолютно, — заверила ее я.

Экономка расположила чайник и поднос с тостами в пределах моей досягаемости и переставляла различные блюда из джема, масла и меда, пока у меня под рукой не оказалось все, что можно пожелать.

— Ко времени отъезда, я стану толстой, как гусь Михаэльмаса[7], — высказала я вслух свои опасения. — Я ужасно проголодалась, а все так вкусно.

Она просияла.

— Мы гордимся нашей кухней, и морской воздух так чудесно влияет на аппетит.

— Кажется, я одна такая. Где остальные?

Она прошла взглядом по серванту, всматриваясь в каждую жаровню и расставляя содержимое как можно привлекательней.

— Г-жа Ромилли завтракает в своей комнате. Джентльмены — мистер Ромилли, мистер Каспиан, его светлость и мистер Темплтон-Вейн — поели раньше и сейчас бродят по острову. Планируют посещение гумна и рыбацких лодок. А мисс Мертензия никогда не завтракает. Сует рулет в карман и ест, пока работает в саду, — сообщила экономка тоном нежного раздражения. Она откинула занавески, чтобы впустить полный солнца утренний свет. — Боюсь, что позже пойдет дождь, поэтому, если хотите заняться спортом, вы можете утром прогуляться по саду, — посоветовала она.

— Я думала, что мисс Мертензия не одобряет подобные вещи.

Миссис Тренгроуз выглядела потрясенной.

— Небеса, нет, мисс Спидвелл! Она просто защищает свои сады. И была бы очень рада приветствовать вас. — Она подозвала меня к окну. — Видите огороженный сад? Это маленькое сокровище, посаженное четыре столетия назад для дам замка, чтобы они наслаждались воздухом и солнцем. За западными воротами находится огород, опрятный и изобильный, но вряд ли представляет интерес для случайного посетителя. Гораздо лучше, на мой взгляд, пройти к восточным воротам, — проинструктировала она, указывая на большую деревянную дверь в арке каменной стены. — Дверь не заперта, просто пройдите, и вы окажетесь в цветниках и травяных газонах. Снаружи еще одна стена, отделяющая формальные[8] сады от садов с небольшой тисовой аллеей в конце. На расстоянии от тисовой тропы находятся крепкие черные ворота с черепом и костями, вы не сможете пропустить их.

— Череп и скрещенные кости! На острове есть пираты? — поддразнила я.

— Нет, но тем не менее есть предупреждение. Это ядовитый сад, и вы не должны входить туда без мисс Мертензии, — строго предупредила она. — Растения в этом саду собирали много лет, некоторые из них действительно опасны. Даже пройти рядом может оказаться смертельным, не говоря уже о том, чтобы вдыхать воздух вокруг них.

— Боже мой, она не боится опасности для себя?

— Мисс Мертензия знает больше о растениях, чем половина западного мира, — заявила экономка с безошибочной гордостью. — С ней консультировалось невероятное количество опытных садоводов по этому вопросу. Она получает много просьб о посещении сада, но гостям разрешены визиты только по ее приглашению.

— Обязательно пройду, — заверила я. Она наклонила голову.

Я закончила завтрак, задержавшись, чтобы взять шляпу, прежде чем отправиться на прогулку. Я последовала ее совету, пробираясь через регулярные сады и сады, где плясали ветви фруктовых деревьев, заросшие темно-фиолетовыми зубцами. Густой воздух заполнял легкие запахом спелости.

Миссис Тренгроуз не сказала мне, что каждый из садов был расположен на собственной террасе, отделенной крепкими каменными стенами. Доступ к террасе проходил по лестницам, высеченным в скалах острова. Спустившись на нижний уровень сада, я повернулась, чтобы посмотреть на замок. Он гордо стоял на вершине скалы, камень, окрашенный ярким утренним светом в черное золото. Исчезла черная крепость, которая маячила над нами темной ночью. На мгновение мне

пригрезилось, что фея наложила заклятие на это место, придав ему сказочное великолепие. Расположенный среди пышных и красочных садов, замок идеально гармонировал с окружающим его ландшафтом. Над моей головой кружились и кричали чайки, напоминая мне, что это остров в сверкающем море.

В саду стояла скамейка (без сомнения, для таких медитаций), но я продолжила путь, спускаясь вокруг огороженного ядовитого сада к нижней террасе. Сквозь запретные ворота я увидела движущуюся фигуру Мертензии Ромилли. В плотных перчатках, с защитной шляпой и вуалью, в одежде, закрытой прочным холщовым фартуком, она работала среди своих опасных растений. Я махнула ей приветственно. Мертензия выскользнула из ворот, откинув назад вуаль и освободив руки от крепких кожаных рукавиц, которые прикрывали ее до локтей. На сгибе локтя она несла плетенную корзину, мятые темно-красные юбки срезанных маков, казалось, заглядывали через край. Она коротко кивнула мне.

— Доброе утро, мисс Спидвелл.

Большинство леди, делающих вид, что занимаются садоводством, довольствовались тем, что срезали розы и в живописной позе несли красивую корзину. Не Мертензия. В другой руке у нее была лопата, рукава закатаны до предплечий, исцарапанных шипами и крапивой. Юбки были перепачканы грязью, волосы покрыты потом, но она выглядела совершенно счастливой.

Я посмотрела на деревню, расположенную у подножия горы.

— Ваши сады так обширны, — заметила я. — Конечно, вы не справляетесь только собственными силами.

— Старый Тревеллан продолжает консультировать. Он был садовником еще во времена моего дедушки. Его внуки помогают с обрезкой и вскапыванием, особенно с огородом, но мне нравится заниматься цветами и травами самостоятельно. И никто не прикасается к ядовитому саду, кроме меня, — она кивнула в сторону высоких железных ворот позади нее. Они поднимались примерно на десять футов вверх, закрепленные прочной железной цепью и с надписью, строго запрещающей вход.

— Полагаю, надпись должна удерживать любопытных.

— Это для защиты людей от самих себя, — сказала она строго. — Даже вдыхать не те растения опасно.

Я задумчиво посмотрела на нее.

— Интересно, зачем вы держите их, если они так опасны?

Мертензия пожалала плечами.

— Растение вырабатывает яд как защиту от хищников. Должна ли я избегать цветов просто потому, что он лучше своих братьев научился защищаться? У роз есть шипы, но никто никогда не думает запретить в садах их колючки.

— Простой шип еще никогда не убивал человека, — отметила я.

— Этот может, — она направила взгляд к высокому растению, которое поднималось у ворот. Через его кружевные листья я могла разглядеть шипы, каждый длиной с палец и острый, как игла. — *Senegalia greggii*. Мексиканская колючая акация, — сообщила Мертензия. — Способна удерживать человека, пока он не умрет от истощения. Когда цветет, бутоны распускаются на желтых шипах. Шипы — предупреждение, что лучше дать этому растению побольше места.

— Это растение великолепно, — ответила я правдиво. — Напоминает мне об определенной бабочке: *Battus philenor*, махаон Pipevine. Отравляет птицу, которая ее съест. Яркий синий цвет ее задних крыльев — предупреждение птицам оставить эту бабочку в покое или пожинать последствия.

— Точно, — подтвердила она с явным удовлетворением. — Природа знает, как позаботиться о себе.

Я посмотрела на ее рукавицы и вуаль.

— Вижу, вы принимаете меры предосторожности для работы в своем саду.

Она кивнула.

— В ядовитом саду нельзя быть слишком осторожным. У Медичи был такой сад, знаете. Именно там они выращивали растения, которые использовали для уничтожения своих врагов.

— Это вдохновило вас на создание собственного? — рискнула спросить я.

Она пожала плечами.

— Почему нет? Это гораздо интереснее, чем вечнозеленая араукария и бордюры из травы. Правильное садоводство ужасно скучно. Опасность добавляет немного дискомфорта в смесь. И вещи становятся приятнее, когда привносится небольшой дискомфорт, только чтобы обострить край.

— Вы действительно так думаете?

— Конечно. И вы согласитесь со мной, если немного поразмыслите. Разве вы не наслаждаетесь едой больше всего, когда от голода разгорается аппетит? Разве сон не наиболее сладок, когда вы испытываете сильную усталость?

Я моргнула.

— Моя дорогая мисс Ромилли, да вы философ!

— Мертензия, пожалуйста. Мы не церемонимся здесь. И не удивляйтесь так, что я склонна к философии, — добавила она с оттенком резкости. — На этом острове нечего особо делать, кроме как читать и думать. Я много занималась и тем, и другим.

— И к какому вы пришли к выводу?

— Яд ничем не отличается от лекарства, — последовал быстрый ответ. Она указала на шелковистые алые цветы, наполнявшие корзину. — Возьмите мои маки, например. В небольших дозах препарат из макового молочка снимает сильнейшую боль, дает сон и передышку. Передозируйте, и за этим последует смерть.

— Вы делаете много лекарств из своих растений?

— Столько, сколько могу. — Она поморщилась. — Малкольм предпочел бы, чтобы я тратила свое время на варенье из ежевики и плетение лавандовых бутылок. Тем не менее ему приходилось время от времени благодарить меня за заботу о его пищеварении. На острове нет врача, так что мои лекарства выручают при небольших проблемах.

— А при больших?

Выражение ее лица испортилось.

— В Пенкарроне есть доктор, которого вызывают, когда я не могу справиться.

Я посмотрела на ее крепкие, талантливые руки.

— Не представляю, что есть что-то за пределами ваших способностей.

Впервые за наше короткое знакомство Мертензия Ромилли улыбнулась. Зубы у нее были маленькие, белые и ровные, как у брата.

— Мне многое не разрешают, так как я никогда не училась формально. Но старые пути не забыты, не на этом острове.

Внезапно она указала на мой наряд.

— Это умно, — она пристально вглядывалась в любопытный дизайн моего костюма. С правой стороны, чуть выше лодыжки был вшит глубокий карман, достаточно широкий, чтобы в нем можно было аккуратно спрятать свернутый зонтик (держа его наготове, если понадобится, не загромождая мои руки).

— Охотнику за бабочками нужна сеть, — напомнила я. — Г-н Темплтон-Вейн разработал для меня этот дизайн, чтобы я могла прятать свой зонтик, когда я на охоте. Но я считаю, что всегда полезно держать руки свободными.

— И вы не носите ридикюль, — отметила она.

Я продемонстрировала дальнейшие модификации моего ансамбля:

внутренние карманы, встроенные в швы моего платья, глубокие, но легко доступные, и одно секретное отделение, расположенное прямо под моим скромным турнюрором.

— И если я расстегну юбку, вы увидите, что под ней надеты брюки. — показала я.

У меня было несколько вариантов моей охотничьей одежды, но все они были смоделированы по одному и тому же основному принципу: узкая юбка, узкие брюки и облегающий жакет из плотного, отличного твида. К нему шла хорошо сшитая белая рубашка в талию, а ноги были защищены от колючек кожаными ботинками на плоской подошве. Ботинки напоминали мужские и были зашнурованы до колена. Оригинальный дизайн был моим собственным, но карманы были полностью делом Стокера, как в концепции, так и в исполнении. Он умел шить — часть его обучения как хирурга и таксидермиста. Тот факт, что он иногда использовал эти навыки, чтобы улучшить или починить мою одежду, доставлял мне особое удовольствие. — Это самая умная вещь, которую я когда-либо видела, — похвалила она. — На первый взгляд, вы выглядите, как любая другая наша соотечественница, но вы можете двигаться как мужчина.

— Я могу двигаться как ученый, — возразила я. — И это более важно.

Она снова улыбнулась. Я почувствовала, что она смягчилась. Мертензия раньше напоминала мне ежика, расправившего свои колючки в защите, но она явно нашла во мне единомышленника.

— Я могу прислать вам выкройки, если хотите, — предложила я. — Любая компетентная портниха может помочь вам.

Она медленно кивнула.

— Да, думаю, мне бы это понравилось.

Я воспользовалась моментом взаимопонимания, чтобы задать ей вопрос.

— Я была удивлена, узнав об исчезновении невесты вашего брата. Что вы думаете о ней?

Ее лицо немедленно закрылось. Она взяла лопату, сжимая ее опытными пальцами.

— Домыслы — прибежище для праздных умов, а мой редко бывает без работы. Простите меня, мисс Спидвелл. Я должна идти.

— Вероника, — поправила я. — В конце концов, вы здесь не терпите церемоний, — добавила я с улыбкой.

Мертензия не улыбнулась в ответ.

Глава 5

Мертензия переключилась от своей кратковременной резкости и пошла со мной на край террасы, указав путь, который в конечном итоге приведет меня к маленькой деревне, расположенной у подножия замка. Ключья тумана пронеслись по суше, тонкой вуалью обволакивая деревья.

— Если вы хотите пойти в деревню, идите сейчас. Позже начнется шторм, и вряд ли вам доставит удовольствие прогулка под дождем. Зайдите в «Русалку» попробовать наш сидр. Мы выращиваем яблоки в нижнем саду, у них совершенно уникальный вкус, — пообещала она. — Не заходите в пабы, — предупредила Мертензия. — Их посещают моряки, плывущие в Ирландию. Гостиница — единственное подходящее заведение для дам без сопровождения.

Тропинки были продуманно расположены, и до самого конца казались совершенно уединенными. Путь извивался среди роц, густо заросших деревьями во всей красе их поздней летней листвы — блестящие зеленые облака всех мыслимых оттенков. Воздух был влажным и тяжелым, прилипал к одежде, выжимая капли пота на висках. Я спустилась вниз по тропинке в окутанные туманом деревья. Регулярные сады уступили место фруктовым. Потом пошли дикие участки леса и маленькие рощи, так искусно посаженные, что создавали впечатление гораздо более роскошных.

Очень скоро я оказалась у подножия горы, на главной улице деревни. Шумное место с магазином, церковью, тремя школами, гостиницей, пабами и кузницей — все эпохи Тюдоров, судя по архитектуре. Половина деревянных построек была старой, но оштукатуренные части недавно побелены, а окна в каждом доме блестели. Улица имела аккуратный, процветающий вид. Кузнец был занят, подковывая у наковальни лошадь, приведенную фермером, стоящим рядом. Несколько островитянок собрались на почте, покупая марки или обмениваясь сплетнями в ожидании, пока их обслужат. Они погрузились в заинтересованное молчание, когда я отправляла письмо леди Велли. Незнакомцы были явно заметны в таком маленьком месте, и я сердечно кивнула им на выходе. В нижней части улицы пышная горничная вылила ведро воды на ступени одного из пабов, чистя их. Перед церковью под лучами солнца сидела пожилая женщина, плетя кружева. Кот рядом с ней изящно облизывал лапы. Это было удивительно мирное место, и я чувствовала, как странная сонливость охватила меня. Возникло ощущение, что я попала в деревню из

сборника сказок. В сонное место, где люди никогда не менялись, и жизнь однообразно текла на протяжении веков.

Даже гостиница показалась мне нетронутой временем, когда я толкнула дверь и вошла в зал с низкими потолками. На вывеске была изображена довольно похотливая русалка, но внутри все было спокойно. Разбросанные по комнате дубовые стулья и столы настолько потемнели и отполировались от времени, что стали черными как орех. Я оглянулась в поисках владельца, и, к моему удивлению, появилась пожилая женщина из церкви. Кот аккуратно рысил по пятам.

— Добрый день, мисс Спидвелл, — поздоровалась женщина скрипучим от любопытства голосом.

— Как вы... — Я остановилась и начала смеяться. — Конечно. В конце концов, это маленький остров.

Она улыбнулась, показывая удивительно красивые зубы.

— Старая Матушка Нэнс знает больше, чем вы можете себе представить, моя дорогая.

Она указала рукой с длинными пальцами.

— Войдите в гостиную и сядьте у огня. Туман поднимается, солнце скоро уйдет. Вы должны согреться и выпить немного сидра, — настаивала женщина.

Она отвела меня в маленькую гостиную, где в очаге горел веселый огонь. В этой комнате, с ее каменными стенами и крошечными окнами, было намного холоднее. Она заметила мою дрожь.

— Это самая старая часть гостиницы, — пояснила она. — Встроена наживую в камень, так-то. Вы чувствуете влажность, не так ли? Весь остров пронизан туннелями и секретными проходами.

— Неудивительно для собственности, принадлежавшей католической семье во времена Елизаветы.

Матушка Нэнс засмеялась, хриплый звук потряс ее костлявые плечи.

— Господь с вами, моя дорогая. Вы думаете, Ромилли соблюдали секретность, потому что были нонконформистами? Нет, дитя, Ромилли были контрабандистами. Вот как они сделали богачами. Они были хитрыми. На этом острове нет ни одного квадратного дюйма, который не хранил бы тайн. — Она отвернулась на мгновение, прежде чем повернуться с подносом, на котором стояла кружка. — Выпейте, — пригласила она.

— Только если вы выпьете со мной, — ответила я.

Женщина была довольна приглашением. Она принесла себе кружку, и мы чокнулись в тосте, прежде чем я отпила. Мертензия была права. Сидр был сладким и холодным, но за острым яблочным вкусом была резкая нота

чего-то темного и сложного, как у превосходного вина.

— Вы отмечаете разницу, — обрадовалась Матушка Нэнс.

— Мисс Ромилли упомянула, что местные яблоки уникальны.

— Выросшие на костях мертвеца, — торжественно объявила она.

Я в ужасе уставилась на нее. Она захрипела от удовольствия.

— Небеса благослови вас, мисс! Не настоящий покойник. Это всего лишь легенда. Остров когда-то был великаном, который прошел через семь морей, прежде чем свернуться калачиком. Говорят, море накрыло его, пока великан спал, и он больше не проснулся. Остались только его кости, вымытые чистыми на землю. Именно так появился остров.

— Полагаю, такое место полно легенд, — предположила я.

— Это так. У нас есть гигант, русалка и больше призраков, чем живых.

— Призраки... — начала я.

Нас прервал шумный приезд мальчика, его темные волосы упали на лоб, когда он впрыгнул внутрь. Он дернул кошку за усы, но та даже не пошевелилась.

— Привет, бабушка, — поздоровался мальчик, поцеловав ее в морщинистую щеку.

— Привет, крошка. Мисс Спидвелл, это мой внук Питер. Питеркин, это мисс Спидвелл из замка. Поздоровайся с леди.

Он склонил талию с такой утонченной вежливостью, что это сделало бы честь лорду. Я наклонила голову в ответ.

— Мастер Питер. Приятно познакомиться.

— Как поживаете? — серьезно вымолвил он.

Его бабушка смотрела на него с любовью.

— Маленький джентльмен, не правда ли? Мы читаем книги о высшем обществе и практикуем их манеры.

— Хорошие манеры далеко уведут в этом мире, — согласилась я.

— Да, он далеко пойдет, — мудро сказала Матушка Нэнс. — Я видела это.

— Видела?

— Бабушка — ведьма, — спокойно объяснил ребенок.

Казалось, на подобное заявление не было никакого резонного ответа, сочетавшего откровенность и вежливость. Я выбрала неопределенный, беспристрастный звук.

Матушка Нэнс еще раз хрипло рассмеялась, лаская кудри внука.

— Мисс Спидвелл думает, что ты выдумываешь, моя маленькая любовь, но она скоро обнаружит, что к чему.

Мальчик серьезно посмотрел на меня.

— Это правда, мисс. Бабушка — ведьма. Но не противная. Она не наложит на вас заклинание и не наколдует вам бородавки, — успокоил меня он. — Она видит вещи. У нее есть *зрение*.

— Зрение?

— Видения приходят ко мне, — невозмутимо растолковала Матушка Нэнс. — Я не прошу их приходить, понимаете, но они приходят. События из прошлого, вещи, которые должны случиться.

— И призраки, — напомнил ей внук.

— Да, я не однажды беседовала с ними, — призналась она. Старуха прищурилась, глядя на меня, но выражение ее лица было добрым. — Мисс Спидвелл — скептик, малыш. Она верит в то, что говорят глаза. Ей еще предстоит узнать: есть нечто большее, чем то, что можно увидеть глазами.

— Я — скептик, как вы говорите. Но я не против, чтобы меня убедили, — парировала я.

Она засмеялась и обменялась взглядом со своим внуком.

— Убеждения! Господь с вами, нет необходимости убеждать. Либо вы верите во что-то, либо нет. И ваша вера ничего не меняет. Призракам все равно, видите вы их или нет.

Я вспомнила о пропавшей невесте Малкольма Ромилли и ощутила дрожь любопытства.

— Вы видели призраков? — спросила я мальчика.

Он серьезно кивнул.

— Дважды. Я видел темного парня в забавной жестяной шапке. Он был на пляже, лежал словно мертвец. Затем он вроде как поднялся и продолжал смотреть на море, будто видел что-то ужасное.

— Испанец, — быстро пояснила его бабушка. — Корабль «Армада» потерпел крушение на этих берегах. Пару моряков смыло, они наполовину утонули и отчаялись спастись.

— Что с ними стало? — поинтересовалась я.

— Один был священником, капелланом на затонувшем судне. Семья Ромилли его приветствовала, говорят, что они тайно его прятали. Капеллан проводил мессы для них, хотя никто никогда не видел и следа священника в замке.

— А мужчина на пляже? — надавила я.

— Он выхватил меч, когда островитяне спустились на берег, — спокойно поведал ребенок. — Больше он не успел ничего сделать.

— Вы имеете в виду, что его убили?

— Он был врагом, — ответил Питер в манере *факт-есть-факт*.

— Не беспокойтесь, мисс Спидвелл, — со смехом добавила его

бабушка. — Мы гораздо более гостеприимны для большинства приезжих.

Я сделала глубокий глоток сидра.

— Рада это слышать.

— Есть еще один призрак, который ходит, — продолжил ее внук. —

Но я никогда не видел леди, потому что она не покидает замок.

Мой пульс участился.

— Призрак в замке? Дама?

Темные глаза юного Питера округлились от волнения.

— Невеста. Ночами она ходит по замку в своем свадебном платье, выжидая, когда сможет отомстить оставшимся.

По комнате прошел холодок, но прежде чем я успела ответить, мальчик вскочил на ноги.

— Я голоден, бабушка.

— В кладовой есть холодный мясной пирог. Имей в виду, сначала ты умоешься.

Он побежал прочь, и старуха сделала еще несколько стежков на своем кружеве, прежде чем заговорила.

— Конечно, он говорил о мисс Розамунде, — сказала Матушка Нэнс мягко. — Г-жа Ромилли, точнее, когда умерла.

— Вы думаете, она мертва?

Ее взгляд оставался пронзительным, пока старуха смотрела на меня в упор. Она не глядела на свою работу, но пальцы летали, будто зачарованные, ни разу не дрогнув.

— Должна быть, — настаивала она. — Иначе как мог ее призрак ходить? Нет, некоторые люди хотят верить, что она жива. Но запомните хорошенько, мисс: Розамунда Ромилли мертва. И жаждет мести.

Я уставилась на нее, но Матушка Нэнс продолжала шить так спокойно, как будто только что сообщила цену на кукурузу.

— Это одна из тех вещей, которые вы видели? — спросила я через мгновение.

Она искоса бросила на меня загадочный, непостижимый взгляд.

— Возможно.

— Вы читаете чайные листья? Или вглядываетесь в чашу с темной водой, когда луна полная?

Матушка Нэнс поджала губы.

— Вы шустрая, не так ли, мисс? Привыкли легко прыгать по жизни, независимо от того, какие опасности вас осаждают. Беда стекает с ваших плеч, как вода с утки, верно? У вас высокое мнение о своих способностях.

Я начала было возражать, но она подняла руку.

— Я не говорю, что это плохо. Слишком много женщин слишком мало думают о себе, довольствуясь жизнью под командой мужских огней, а не своих собственных. Что ж, ваши славные дела сослужили хорошую службу; и раньше курица научится по-вороньи каркать, чем вы изменитесь. Но вам не всегда будет везти, знаете. Помните, все это не более, чем благосклонность Фортуны. Если она решит повернуться к вам спиной, никто вас не спасет.

Теперь она выглядела, как Дельфийская пророчица, предупреждающая о гибели. Интересно, какой эффект это оказывает на ее посетителей.

— Спасибо за предупреждение, — сказала я искренне. — Мне перекрестить вашу ладонь серебром?

Она взмахнула рукой.

— Я не цыганка-гадалка, мисс. Сэкономьте серебро для передвижной ярмарки. Итак, второе чудо пришло в семью через столетия, это был подарок от первой леди острова.

— Жены великана?

— Боже, нет! Великан улегся спать, прежде чем эта история стала известна. Много времени спустя, когда рассказ о великане превратился в легенду, первые рыбаки Пенкаррона начали плавать в этих водах. Как-то ночью, когда луна полна и серебряный свет сияет в воде, один из рыбаков, симпатичный парень с черными как ночь волосами, поймал русалку в свои сети. Она обещала ему за свое освобождение все, что его душа пожелает. Он был бедным парнем, поэтому попросил у нее кошелек с золотом. Но русалке понравился красавец-парень. Она предложила: если он освободит ее и возьмет в жены, в течение полугода она будет плавать в море, свободная как ветер на волнах. Но другую половину года русалка будет жить с ним, принося ему сокровища, найденные под водой.

Я прервала ее на этом фрагменте повествования:

— Под водой есть сокровища?

— Конечно, есть! — воскликнула она. — Жемчуг и кораллы, сделанные рыбами. Золото и серебро с кораблей, потопленных в бурях. Все сокровища земных царей ничто по сравнению с богатством, хранящимся в море. — Матушка Нэнс слегка наклонилась ближе, понизив голос. — И еще есть слоновая кость, превращенная из костей утопленников. — Я невольно вздрогнула к ее удовольствию. — Да, мисс. Все богатство, какое вы только можете себе представить, столько же, сколько имели все владыки мира и еще раз, все это русалка пообещала своему милому. И парень взял ее в жены, но всегда помнил, что должен отпустить ее на полгода к сестрам.

— Они были счастливы? — вслух подумала я.

— Счастлив, как может быть смертный, женатый на морском создании, — мудро ответила старуха. — Русалка дала ему сына и богатство, как обещала. Разбогатец, бедный рыбак построил замок на этом острове. Замок в свое время перешел к его мальчику, сыну русалки. Поэтому в венах Ромилли, живущих на острове, течет кровь морских созданий. Они не хотят этого признавать. Но мы, те, что жили здесь на протяжении всех веков и делили их кровь, мы знаем правду. Люди в замке происходят от сына рыбака и его матери-русалки.

— Делите кровь? Тогда вы родственники семьи Ромилли? — удивилась я.

— Все на этом острове родня с Ромилли, — усмехнулась она. — Большинство с неправильной стороны одеяла. Но мы все связаны звездной кровью русалки, с которой это началось. Именно от нее исходит *зрение*.

— У всех на острове есть *зрение*? — спросила я, изумляясь, что весь остров полон ясновидящих.

Старуха тихо рассмеялась.

— Это было бы справедливо, не так ли? Нет, мисс. *Зрение* раньше было обычным подарком, но нынче все не так. Во времена моей матери оно было только у нее и моей тетки. Я последняя ведьма на острове.

— Неужели в вашей семье больше никого нет?

Ее лицо выразило легкое отвращение.

— Ни у одного из моих детей этого нет. Все пошли в своего отца, а он — в рыбака из-за Пенкаррона. Я должна была знать лучше, чем выходить замуж за чужака. Но я любила его, а кто может спорить, когда приходит любовь?

— Кто, на самом деле? — размышляла я. Я допила свой сидр и поднялась.

— Спасибо за самый интересный визит.

Старуха отложила свое плетеное кружево и медленно поднялась на ноги. Она подошла так близко, что я могла видеть едва заметные черные пятна в ее серых глазах.

— Спасибо, вы очень любезны, мисс. Имейте в виду, вы придете снова. И помните мое предупреждение. Розамунда Ромилли не успокоится. Берегите себя и всех, кого любите

— Непременно, — поклялась я.

Я вышла из маленькой гостиницы в клочья рвущегося солнечного света с головой, полной рассказов о русалках, призраках и звездных ведьмах. Мальчик Питер сидел снаружи, швыряя каштаны. Он вскочил на

ноги, увидев меня.

— Вы возвращаетесь в замок, мисс?

— Да. Наступило время завтрака, мне не хотелось бы его пропустить.

— Правильно, — подтвердил он с тоской. — Г-жа Тренгроуз управляет отменной кухней, это так. Иногда она дает мне кусочек яблочного пирога, когда я выполняю для нее одно-два поручения. Вам понравилась беседа с бабушкой? — вежливо спросил он.

— Да, спасибо. Она необыкновенно интересная женщина. Рассказала мне о русалке, которая основала клан на этом острове.

— О да? История для девочек, по-моему, — добавил он трезво. — Но русалки не годятся для мальчиков.

— У тебя сильно ограничено воображение, раз ты так считаешь, — ответила я ему с улыбкой. — Мальчик может по-настоящему полюбить русалку.

— Не думаю, — не согласился он. — Видите ли, мальчику нужна какая-то героическая история. Рассказы о русалках хороши, если вы хотите побарахтаться в море, но мне по душе истории о людях, которые делают что-то.

— Ах, как испанские конкистадоры, которых вынесло на берег?

Питер восторженно закатил глаза.

— И пираты. Я люблю пиратов.

— Конечно. Мне они тоже ужасно нравились, когда я была в твоём возрасте.

Он моргнул.

— Вы, мисс? Вам нравились пираты?

— Естественно. Не только мальчики мечтают плавать по семи морям в поисках грабежа. На самом деле, это скорее мое призвание.

— Вы были в море? По-настоящему в море? — воскликнул он, размахивая руками, чтобы охватить горизонт. — Не только кусочек моря между Пенкарроном и здешними местами?

— Не только. Я была далеко, доплыла до Китая и обратно.

— Это, — подтвердил Питер серьезно, — до конца света.

— Да, действительно.

— Вы когда-нибудь сражались с мечом?

— К огромному сожалению, нет. Но зато я попала в извержение довольно грозного вулкана и потерпела кораблекрушение, поэтому у меня было более чем достаточно приключений.

Его глаза сияли в восхищении.

— Вот это здорово! Но вы должны знать, как бороться на мечах.

Хотите, я научу вас?

— Какое галантное предложение. Ты умеешь сражаться на мечях?

— Пока нет. Но я только что встретил пирата и хочу попросить его научить меня.

— Пират! Ну, мы действительно живем в интересные времена. Он приплыл под знаменем с черепом и скрещенными костями?

Выражение лица Питера отразило мучительное терпение.

— Ну, конечно, нет, мисс. Пират не хотел бы, чтобы народ знал, что он пират, не правда ли?

— Полагаю, нет, — признала я. — Но ты был достаточно умен, чтобы разоблачить его маскировку?

— Точно. Я сказал ему, что знаю, что он пират. Если он не хочет, чтобы я выдал его секрет, он должен научить меня правильно пользоваться мечом.

Я задумчиво посмотрела на него.

— Опасно шантажировать пирата, юный Питер.

— Я не боюсь, — заверил он со стойким видом, сжав руки в кулаки. — Когда он меня научит, я расправлюсь с ним — думаю, через неделю или около того. А потом научу вас.

— Это превосходный план. С нетерпением буду ждать. — Я остановилась и протянула руку. — Спасибо, что проводил меня к воротам, мастер Питер. Ты — настоящий кавалер.

Он снял кепку и низко поклонился, грациозно, как истинный аристократ при дворе Стюартов. Я прошла через ворота и направилась к замку. Обратный путь, как и прежде, вел по тропинке от террасы к террасе, каждая образовывала небольшое пролесок или клочок дикой природы. Когда я миновала последнюю рощу, солнечный свет исчез, сменившись густыми серыми тучами. Марево, казалось, вдруг возникло из ниоткуда. Одно мгновение я бодро шла по влажным пестрым лесам, а в следующее — меня окружили пучки приближающегося тумана.

— Чертовы острова, — пробормотала я. Путь передо мной скрыли темные облака. Послышался удушающий звук, подавивший даже вопли чаек. Теперь они звучали издалека, жутко, будто плакали. Я попыталась избавиться от причудливой мысли, что птицы кричали предупреждение. Я уговаривала себя, что абсолютно нечего бояться, когда услышала шаги на дороге. Это был безошибочный звук сапог по гравию, и еще один, и еще один, приближающийся ко мне. Кто-то шел из деревни. У меня появилось внезапное, совершенно нелепое желание бежать.

— Не будь безрассудной, — приказала себе я, но ощущение покалывания между лопатками вернулось. Шаги не остановились. Каждый

звучал чуть громче, чем предыдущий, и чайки по-прежнему издавали свои приглушенные крики.

Я ускорила шаг. Конечно, кто бы ни был позади, тоже слышит меня? Я не пыталась скрыть свое присутствие. Они должны знать, что я недалеко, и все же никакого приветствия, никакого дружеского оклика сквозь туман. Я резко остановилась, и шаги остановились. Не было слышно ни звука, кроме биения крови в моих ушах. Даже чайки внезапно замолчали.

У меня пересохло во рту, руки инстинктивно опустились на запястья. Отправляясь на дальние прогулки, я прикалывала к манжетам крошечные булавки, необходимые для лепидоптериста. Полезные для монтажа образцов, они были одинаково полезны для отражения нежелательного внимания. Увы, я оставила коробочку с ними в своей комнате вместе с ножом, который обычно носила в ботинке. (Нож был подарком от Стокера, сувенир одного из наших убийственных маленьких приключений. Однажды мне пришлось воспользоваться этим ножом, чтобы защитить его жизнь). Я почти никогда не обходилась без ножа, но что-то в этом мирном маленьком острове усыпило мою оборону. Даже моей шляпы с булавками не было под рукой, вместо моих обычных огромных шляп я надела скромную шляпку. У меня не было ничего, кроме ума и смелости, и я собиралась максимально их использовать.

Я снова отправилась в путь, ускоряя темп. Должно быть, это застало преследователя врасплох; шаги не возобновились, пока я не прошла небольшое расстояние. Но потом стало слышно, что сзади тоже пошли быстрее. Я посмотрела вперед, где на очередной террасе над пеленой высилась стена сада. Если бы я добралась до него, то увидела бы, кто идет позади. Можно было закрыть ворота в случае необходимости, по пути в деревню я заметила, что ключ был в замке.

Я остановилась. В саду возле фруктовых деревьев работала Мертензия. Ежели за мной следовал злодей, склонный к насилию, я бы привела его прямо к ней, подвергнув Мертензию опасности. Конечно, цифры увеличат безопасность, вдвоем было бы проще отразить нападение. Но никто не может сказать, что Вероника Спидвелл трусит сражаться в одиночку!

Едва осознавая, что делаю, я развернулась, сжала руки в кулаки, и издав боевой клич берсеркеро-викингов, бросилась вниз по тропинке к преследователю. При столкновении наши ноги запутались в потоке движения. Каким-то образом злоумышленник взял верх и приземлился на меня, выбив воздух из моих легких. Он был весомым парнем; я толкала его с огромным усилием, но не смогла даже пошевелить. Я вскинула колено и

протаранила вверх, заработав вой боли и возмущения за свои усилия.

— Убери руки, или я разорву тебя на части, как гончая лису! — пригрозила я с последним вздохом.

— Чертовски хотел бы увидеть, как ты попробуешь, — раздался знакомый голос с тихим, раздраженным рычанием. Он сильно вздрогнул и скатился с меня на четвереньки, тяжело дыша. Я с трудом поднялась на колени и вдохнула воздух в легкие. Когда я снова могла говорить, то использовала одно из его любимых проклятий:

— Стокер, скажи пожалуйста, что, во имя чертова Иисуса, ты делаешь?

— Возвращаюсь в замок, очевидно, — он поднялся на ноги. — Пока ты не решила напасть на меня. Вероника, в самом деле, что на тебя нашло?

— Думала, это злоумышленник, — призналась я. — Ты должен был заявить о себе.

— Кому? — потребовал он. — Я понятия не имел, что ты здесь. Эта ужасная мгла все скрывает.

— Я слышала тебя достаточно ясно, — возразила я. Я была взволнована, столкнувшись с ним так неожиданно. Мы оставили наши отношения настолько в плохом состоянии, что я едва могла предвидеть сердечный разговор, и это меня раздражало. — Почему ты вернулся один? Я думала, что компания джентльменов отправилась в гранд-тур по острову.

— Да, но сколько можно любоваться каменными глыбами, пока карьер не начнет утомлять?! Я решил исследовать деревню вместо этого. Выпил пинту с трактирщиком — хозяином гостиницы. Потом кузнец, его ученик и фермеры пришли немного отдохнуть.

— Хозяин гостиницы? Полагаю, ты имеешь в виду Матушку Нэнс? Она могла бы предупредить меня, что ты скрывался в деревне. Ты, должно быть, пират, о котором мне рассказал ее внук, — добавила я, глядя на его глаз с повязкой.

— Ах, юный Питер. Этот мальчик далеко пойдет. У него естественные инстинкты преступника. Он шантажировал меня, чтобы я научил его пользоваться мечом.

— Слышала. Не знаю, почему ты решил познакомиться с местными жителями. Разве что... — я позволила своему голосу замолчать.

— Разве что? — подсказал он.

— Разве что тебе интересно узнать об исчезновении Розамунды Ромилли, и ты решил задать несколько вопросов.

— Конечно, нет, — решительно отрекся он.

Я обернулась к нему.

— Лжец! Поклянись мне самым дорогим на свете, что ее имя не всплыло в разговоре. Поклянись Гексли, — приказала я.

— Ради бога, ты танцуешь вокруг как стрекоза. Конечно, все так и было, — продолжал он ровным голосом. — Исчезновение Розамунды было чудом девяти дней. Самое интересное, что произошло здесь за три столетия, но никто ничего не знает. Никто ничего не видел. И существует столько версий того, что с ней произошло, сколько людей на этом острове.

Я встала перед ним, заставляя его остановиться, и вскинула подбородок.

— Стокер. Удовлетвори мое любопытство.

Он тяжело вздохнул.

— Вероника, ты когда-нибудь разговаривала с корнишманом? Настоящим? Более трех минут подряд? Они самые суеверные люди на Британских островах, и это что-то говорит. На каждого парня, который предлагает ей сбежать с любовником или броситься с утеса, есть еще пять, которые утверждают, что ее похитили пикси, русалки, ведьмаки или, возможно, просто великан.

Я моргнула.

— Великан?

— Корнуэльцы любят своих великанов.

— Смею ли я спросить о ведьмаках?

Стокер сложил руки на груди.

— Около двух футов ростом с синей кожей и острыми ушами, любят строить свои дома под землей. Что-то вроде ирландских лепреконов из того, что я узнал. Только человек не должен у них просить много, потому что они очень вспыльчивы и злы.

— Судя по описанию, как раз такие парни убегают с невестой в день ее свадьбы.

— Вероника, во имя семи кругов ада, поклянись, что не рассматриваешь всерьез гипотезу о ведьмаках, похитивших Розамунду Ромилли.

Я поморщилась.

— Разумеется, нет. Но то, во что верят окружающие люди, почти так же важно, как и то, что произошло на самом деле. Очень часто золотые самородки истины можно найти в самых глубоких водах.

— Это ужасная аналогия. Начнем с того, что золото обычно находится на мелководье, — возмутился он.

Я подняла руку.

— Никаких лекций по металлургической геологии, прошу тебя. Кроме

того, я не сомневаюсь, что они отлично посмеялись на твой счет. Держу пари, что разыграть туриста — хорошо зарекомендовавший себя вид спорта в этой части мира.

— Конечно, так и есть, — ответил он с неожиданно довольным видом. — Вот почему я оставался достаточно долго, чтобы купить каждому пинту пива и вытащить хотя бы немного зерен пшеничной правды из соломы сплетен. — Он посмотрел на меня озорным взглядом.

— Очень хорошо, — едко похвалила я. — Твоя лучшая метафора. Скажи мне, какие зерна правды ты открыл?

Стокер пожал плечами.

— Очень мало для всех этих неприятностей. Не считая пикси и ведьмаков...

— И великанов, — добавила я.

— И великанов, — он кивнул, — кажется, есть только две возможности.

— Смерть или побег, — догадалась я.

— Верно. Если Розамунда сбежала, как и при каких обстоятельствах? Была ли она похищена? Бежала ли одна или с чьей-то помощью? И если так, то почему с тех пор нет никаких слухов о ее местонахождении?

— А если она умерла, то от собственных рук, несчастье или убийство? — закончила я.

— Очень аккуратно. Таксономия возможностей. Практически Линней[9] в своей чистоте.

Я сделала паузу.

— Скажи мне, что ты думаешь о нашем хозяине?

Стокер ответил без колебаний.

— Азенкур, — сказал он, и я его прекрасно поняла. С той редкой симпатией, которую мы разделяли, он видел Малкольма Ромилли именно так же как и я — оплот английской предсказуемости в этой странной и потусторонней обстановке.

Прилив радости охватил меня. Это случалось так часто между нами, repartee[10] служил языком сердца для нас. Там, где другие могли шептать лирические стихи, Стокер и я подтрунивали. Оба были уверены, что никто в мире не поймет нас так же хорошо, как мы понимаем друг друга.

Но едва я начала надеяться, что его настроение улучшилось, и прошлая ночь осталась позади, как произошло почти незаметное отступление. Спина Стокера, до этого склоненная ко мне, как дуб к солнцу, выпрямилась. Он сделал полшага назад, его тон внезапно остыл.

— Лично я предполагаю, она уплыла на лодке. В конце концов, это

самое простое объяснение.

— В день ее свадьбы? — протестовала я. — Конечно, нет.

Сапфировый взгляд был ровным и твердым.

— Я не претендую на понимание женщин и мотивации их поступков.

Я проигнорировала колкость и ответила только на доводы.

— Полагаю, такое невозможно. Течения здесь должны быть опасными.

— Мои собутыльники не единожды доводили это до моего сведения.

Им также нравится думать, что она преследует остров, но это, без сомнения, история для постороннего. Они создали что-то вроде кустарной промышленности, зарабатывают на исчезновении невесты. Питер пытался продать мне заклинание, защищающее от призрака.

— Сколько это стоило? — Я слишком хорошо его знала. Он никогда бы не отказал предприимчивому ребенку в возможности заработать монету.

Он сунул руку в карман, вытаскивая подвешенную на рваной нити раковину.

— Два шиллинга.

— Два шиллинга! Грабеж на большой дороге, — возмутилась я с легкостью, которой не чувствовала, — Тем более, что ты уже согласился научить его сражаться мечом.

Стокер сунул неприглядный предмет обратно в карман.

— Он умный мальчик, и кто-то должен поощрять его инициативу.

Меня не удивило это оправдание. Стокер вечно раздавал монеты грязным беспризорникам, которые катили к нашим дверям тачки с гнилыми фруктами, полупрочитанными газетами или кусочками гадкой вышивки, сшитой туберкулезными сестрами. Он был мягчайшим из людей.

Я поравнялась с ним, и мы снова зашагали по тропинке, пройдя несколько минут молча. Мы провели много часов в спокойной обстановке друг с другом, но это молчание было новым и нежелательным. Я не знала, как все исправить, лишь знала, что не в силах вернуть слова, сказанные мной прошлой ночью. Стокер отказался согласиться с моей позицией, но я не могла изменить ее, как не могла бы изменить курс солнца.

— Надеюсь, по крайней мере, ты убедился, что мне ничто не угрожает от внимания твоего брата. Я вполне способна позаботиться о себе, как только что довольно эффективно продемонстрировала, — похвасталась я, пронзая взглядом его мужественные места.

Стокер пристально посмотрел на меня.

— Никогда не делал ошибки, предполагая, что ты нуждаешься в ком-либо. — С этими словами он ускорил шаг, оставив меня с открытым ртом позади.

— Тебе следует поторопиться, если хочешь успеть до бури, — бросил он через плечо. — Я слышал, буря будет муссонной.

Он не обернулся посмотреть, следую ли я за ним, что, вероятно, было к лучшему. Вряд ли ему бы понравился жест, направленный в спину.

Глава 6

Мы вернулись в замок, прежде чем начался потоп. Миссис Тренгроуз ждала у двери.

— Если хотите, мисс, я возьму эти ботинки, — предложила она. — И я принесла ваши домашние туфли.

Я улыбнулась

— Как мило. И отчаянно эффективно. В противном случае я бы наследила на ваших прекрасных коврах.

Она взяла мои грязные ботинки, держа их на расстоянии вытянутой руки от нетронутой белизны своего фартука.

— Остальные только что собрались в обеденном зале на ланч. Если хотите помыться, за этой панелью есть небольшой туалет. — Она кивнула в сторону длинной панели.

С целью эксперимента я нажала на нее, и панель открылась, обнаружив крошечную современную комнату, предназначенную для гигиенических целей.

— Как умно устроено. Никогда бы не догадалась, что там туалет.

Она удовлетворенно кивнула.

— Дом полон таких устройств. Не было возможным перестраивать замок или выйти за пределы его первоначальной структуры. Так что мастерам Сан-Маддерна пришлось быть изобретательными при установке шкафов, унитазов, гардеробных и тому подобного. Они установлены везде, что делает замок немного запутанным. Но если вы потеряетесь, вам нужно только крикнуть, и одна из горничных найдет вас. Маленькая столовая находится прямо вдоль этого коридора, — добавила она.

Я поблагодарила ее и, вымыв руки и прибрав волосы, направилась в столовую.

— Мисс Спидвелл! — с живостью приветствовал меня Малкольм Ромилли. — Наконец-то вся компания в сборе. Пожалуйста, садитесь, — он указал на круглый стол в центре комнаты. Наверно, это была светлая комната, с длинными окнами, выходящими на море, но надвигающаяся гроза все затемнила. В центре стола зажгли большой канделябр, и его густой свет отбрасывал тени.

Малкольм Ромилли опустил темно-синие, тяжелого шелка шторы, пряча от нас шторм, и комната стала уютной как материнское лоно.

— Намного лучше, — пробормотал он, садясь.

Сервант был накрыт всевозможными яствами: супница с испускающим пар супом, жареные цыплята и огромная ветчина, миски солений и дольки хорошего сыра. Были блюда из баранины с карри и утиным салатом, пирог с олениной, огромное блюдо с холодной говядиной, запеченные макароны и свежие булочки. Рядом с ними стояли графины и графинчики, соусники и блюда с маринадами, предлагающие всевозможные приправы от чатни до персиков, плавающих в бутылках с бренди и специями.

— Это старый обычай, — поведал мне Малкольм, когда мы без лишних церемоний наполняли тарелки. — Называется «стол, уставленный яствами». Несколько веков назад хозяин Сан-Маддерна держал накрытый стол для любого на острове, кто был голоден, с блюдами, оставшимися от семейного ужина. Каким-то образом обычай прижился, и «стол, уставленный яствами» предназначен для людей в замке. Все блюда сделаны свежими и с любопытным разнообразием.

— Выглядит восхитительно, — ответила я, добавляя ломтик ветчины на тарелку.

— Все мясо и овощи поступают с острова, а вишневый компот[11] — из кладовой Мертензии, — он с любовью взглянул на сестру. Мы заняли места за столом, но услышав свое имя, Мертензия привстала.

— Да, получилось довольно неплохо, если мне позволено сказать самой, — Она повернулась к Стокеру. — Вы должны попробовать и оценить.

— Конечно, — обрадовался он, когда она разложила достаточно вишневого компота, чтобы накормить четырех человек. Любовь Стокера к сладкому была легендарной, и похоже, Мертензия это открывала.

Каспиан Ромилли поднял свою тарелку к тете с нарочито невинным выражением лица.

— Можно мне немного тоже или это только для джентльменов, которые вам нравятся?

— Каспиан, — пробормотала его мать с мягким обличением. — Ты не должен дразнить свою тетю.

— Я ее не дразнил, — сказал юноша, расширяя свои прекрасные глаза, чтобы изобразить удивленную невинность, — просто подбадривал.

Взгляд Мертензии опустился в тарелку, на щеках появились два ярких твердых пятна.

— Замечательный вкус, — счастливо объявил Стокер, размахивая ложкой. — И неожиданный. Добавлена какая-то пряность?

Мертензия подняла голову, выражение ее лица было почти жалким.

— Кардамон.

— Семейный рецепт или ваше собственное дополнение? — интересовался Стокер.

— Мое собственное, — ответила она, наблюдая жадными глазами, как он отправлял остатки темного липкого вещества в рот.

* * *

После ланча мы разошлись. У Хелен заболела голова, и она отправилась отдыхать в свою комнату. Мертензия сказала, что у нее есть работа в кладовой. Стокер и Тибериус выбрали дурацкую игру в бильярд. Я пошла к себе дочитывать последнее приключение Аркадии Браун. Подвиги любимого вымышленного леди-детектива были захватывающими, но в тот день я чувствовала определенное беспокойство, психический зуд, который не могла расчесать рассказами о дерзких авантюрах. Мне пришло в голову, что было бы полезно подготовиться к выращиванию Glasswings, пополнить специальные знания об их естественной среде обитания на Сан-Маддерне. Я отложила книгу и направилась в библиотеку в поисках каких-то материалов: карт, журналов, которые могли бы сориентировать меня в новой области обучения.

Пройдя семейное крыло, я столкнулась с Хелен Ромилли. Она упала на пол, тяжело приземлившись на свой турнюр. Я наклонилась, чтобы помочь ей.

— Моя дорогая миссис Ромилли, пожалуйста, примите мои извинения. Она посмотрела на меня расплывающимися глазами.

— Я на полу?

Я почувствовала тяжелый запах алкоголя в ее дыхании и вздохнула.

— Боюсь, что так. Никто из нас не смотрел, куда мы идем. Позвольте вам помочь.

С двух попыток ей удалось подняться на ноги, и тут появилась миссис Тренгроуз, звенящая ключами.

— Г-жа Ромилли, — промолвила она ровным голосом. — Вы плохо себя чувствуете?

— Думаю, — неуверенно протянула Хелен, — так и есть.

Миссис Тренгроуз положила руку на талию леди.

— Что вы делаете за пределами своей комнаты?

— Я искала свою кошку, — объяснила Хелен Ромилли. Она долго смотрела на меня. — Эта молодая женщина помогала мне.

— Вероника Спидвелл, — напомнила я.

— Да, конечно. Я должна была помнить, потому что Мертензия упомянула, какое это любопытное имя. Вас зовут как растение, не так ли? — она слегка покачивалась.

Я обняла ее с другой стороны, помогая миссис Тренгроуз удерживать леди на ногах.

— Действительно, — согласилась я, когда мы начали медленно вести ее к комнате. — Без сомнения, вы видели веронику. Это симпатичное маленькое растение с фиолетовыми цветами. Самое скромное.

Я продолжала болтать о растениях, пока мы маневрировали, доставляя леди в ее спальню и затем укладывая на кровать.

— Вот так, — успокаивающе сказала миссис Тренгроуз. — Вы хорошо отдохнете.

Хелен Ромилли опустила на локти, долго и ровно глядя на меня. Потом она медленно подмигнула.

— Вы молодец. Виконт! И богатый! В наши дни у многих парней с титулами не найдется и двух шиллингов потерять друг о друга. Но вы молодец, — повторила она, ее голова кивала в такт словам, как отцветающий пион на стебле. Она приподнялась и, покачиваясь, наклонилась ко мне, ее тон был доверительным.

— Прислушайтесь к моему совету, моя дорогая. Как можно скорее ведите его к алтарю. Женщина не может выжить в этом мире без мужчины. — Она прищурилась, тяжело моргая. — Вы очень красивая девушка, красивая, на самом деле. Но это не длится долго. Вы с каждым днем стареете, моя дорогая. *Стареете с каждым днем.*

С этими словами она рухнула обратно на кровать, и миссис Тренгроуз подоткнула одеяло вокруг нее. Хелен взволнованно подняла руки к лицу.

— Мой бедный Каспиан, — бормотала она, тупо уставившись на свои руки. — Что с ним будет?

Миссис Тренгроуз издавала утешительные звуки, но Хелен не успокаивалась.

Она изо всех сил пыталась сесть в кровать.

— Геката, — начала Хелен.

— Я отправлю Дейзи найти кота, — пообещала экономка.

Хелен, казалось, была удовлетворена этим и рухнула на подушки, нежно храпя, прежде чем миссис Тренгроуз закончила подкладывать одеяло вокруг нее. Экономка бросила осознанный взгляд на умывальник и взяла стоящую на нем маленькую бутылочку.

— Шампунь для волос? — спросила я, читая этикетку, когда мы

выходили из комнаты.

— Джин, — поправила она, сунув бутылку в карман. — Хелен Ромилли всегда любила немного выпить, благослови ее Бог. Она любила мистера Люциана. Это был ужасный удар, когда он умер.

— По рассказам, интересный мужчина, — предположила я.

Она просияла.

— О, какие проделки он устраивал! Всегда веселый как сверчок, вечно наигрывающий мелодию или рисующий картину. Он отправился в Лондон, чтобы разбогатеть, наш мистер Люциан. Мы думали, он может стать известным актером, как этот мистер Ирвинг, но он никогда не получал правильных ролей. И картины, которые он писал, никогда не были достаточно хороши. Боюсь, это история его жизни, — заключила она с печальной улыбкой. — «Никогда не хорош, как требуется». Разочарования были трудными, и это на нем сказалось. Ну, — закончила она с бодрым жестом, — я должна отправить Дейзи найти кота. Спасибо за ваше беспокойство, мисс. Я знаю, вы не будете об этом говорить.

Экономка смотрела на меня с надеждой. Я поспешила клятвенно заверить, что ни с кем не поделюсь увиденным, как Хелен Ромилли растянулась на полу.

— Конечно, нет. Небольшие грешки леди — ее личное дело.

— Благослови вас Бог, мисс, — миссис Тренгроуз посуетилась прочь.

Я почти добралась до закрытой двери библиотеки, когда услышала повышенные голоса: один молодой и явно расстроенный; другой более трезвый и сдержанный, но не терпящий возражений.

— Но вы должны! — воскликнул младший. Потребовалось немного воображения, чтобы сделать вывод: говорящий был Каспианом.

Его дядя ответил категорическим отказом:

— Должен? Я ничего не должен. Не могу поверить, что у тебя хватило нахальства обратиться ко мне. Я не буду финансировать такие предприятия. Ты сам должен найти на это деньги.

Наступила пауза, и когда он снова заговорил, это был умоляющий тон такого отчаяния, что камень был бы тронут.

— Но у меня нет средств, — раздался мучительный ответ. — Я умоляю, дядя Малкольм. Ради мамы.

— Я не убежден, — ответил Малкольм Ромилли с холодом, которого я в нем не предполагала.

— Тогда вы можете идти прямо в ад, — бросил Каспиан, цедя сквозь зубы каждое слово. Раздался скрип ножек стула и затем стук отброшенного стула о пол, должно быть, молодой человек встал на ноги.

Я успела пройти несколько футов по коридору и притвориться, что глубоко погружена в изучение картины. Появился багровый от гнева Каспиан, его руки яростно сжимались и разжимались. Он прошел мимо, не заметив меня, и я подкралась к открытой двери.

Малкольм Ромилли поправлял стул или, по крайней мере, пытался. Стул был безнадежно сломан Каспианом в порыве гнева, и его дядя с сожалением смотрел на куски. Он поднял глаза. Крошечная улыбка, слегка смущенная, коснулась его рта.

— Ах, мисс Спидвелл. Пожалуйста, входите. Должно быть, вы что-то слышали об отъезде моего племянника.

— Было бы трудно не услышать, — призналась я. — Я не хочу лезть не в свои дела.

Он взял куски стула и вынес их за дверь.

— Едва ли пришлось подслушивать. Каспиан кричал так, что тряслись стропила. Несколько лет не видел своего племянника и мне жаль говорить, но я не вижу улучшения в его характере. Каспиан может быть... трудным. Он хочет поселиться отдельно. — Малкольм сделал приглашающий жест. — Входите же, мисс Спидвелл.

Это была впечатляющая комната. С плотными рядами книжных полок, обставленная несколькими группами удобных кресел, красивым письменным столом из красного дерева в комплекте с парой высоких стюартовских стульев. Стулья были обиты рубиновым бархатом, слегка изъеденным молью.

— Семейные сокровища времен королевы Анны, — сообщил он. — Ткань уже давно снята с производства, и я не мог их снова перетянуть.

Во всей комнате витал такой же потрепанный дух, как и у этих стульев. Карты, висящие на стене, выцвели и были покрыты пятнами; переплеты книг сильно изношены, позолоченные надписи протерты до кожи. Но здесь царила атмосфера безмятежности, и вид из окон был несравненным. По крайней мере был бы, не заслоняй сильный туман вид. Серый дым накидкой висел на окнах, кружась по створкам, как пальцы мертвеца в поисках выхода.

Малкольм жестом предложил мне занять одно из стюартовских стульев перед столом. Я так и сделала, плавно расправив юбки на коленях и вернувшись к теме племянника.

— Многие молодые люди его возраста хотят поселиться отдельно, — с осторожным сочувствием начала я. — Возможно, не помешало бы длительное путешествие в опасные земли. Чуть-чуть риска, только маленькая доза, что формирует характер молодого человека.

Улыбка углубилась.

— И характер молодой женщины. Как я понял, в своих экспедициях вы немало путешествовали по миру. Вы — В. Спидвелл, постоянный автор *Journal of Aurelian Contemplations*, не так ли?

— Я понятия не имела, что вы его читаете! — воскликнула я. — Вы не упомянули об этом за ужином, и Тибериус заставил меня поверить, что вы не интересуетесь бабочками.

— Должен признаться, мои знания ограничены нашими *Glasswings*. Но после вчерашней беседы я вытащил последние экземпляры журнала. Мой отец подписался в свое время, а я не удосужился отменить подписку. Я был весьма впечатлен вашими статьями.

— Вы слишком добры, — пробормотала я.

— Вовсе нет. Скажу честно, мисс Спидвелл, я подозревал, что Тибериус преувеличил ваш интерес к *Glasswings* как средство обеспечить приглашение. Он любопытный человек. Признаюсь, никогда не понимал его полностью, несмотря на многолетнюю дружбу. Трудно подружиться с человеком, который намного умнее тебя, — закончил он с самоуничижительной улыбкой.

Я издала надлежащие звуки протеста, но Малкольм поднял руку.

— Могу вас заверить, я не питаю иллюзий относительно своих способностей, достоинств или изъянов. Я осознаю свои преимущества и недостатки больше, чем большинство мужчин, мне кажется.

Дружелюбный взгляд стал задумчивым.

— Интересно, не начнет ли его светлость возражать против вашего хобби, когда вы вступите в брак? Конечно, виконтесса Темплтон-Вейн не может продолжать подобную деятельность.

Его манера была преднамеренно небрежной, но руки напряжены, когда он положил их на стол. В его взгляде была искренняя любознательность. Что-то в моих отношениях с Тибериусом, казалось, расстроило его, но я не могла представить, что это может быть.

— Никогда не откажусь от *lepidoptery*, ни для кого, — откровенно призналась я, улыбнувшись.

— Что, если он будет настаивать? — надавил он.

— Я буду настаивать усерднее.

— Да, уверен, вы бы так и сделали, — согласился он, медленно кивая.

Мгновение Ромилли молчал, а затем слегка встряхнулся, снова приняв образ радушного хозяина.

— Надеюсь, вы находите ваш визит приятным.

— Чрезвычайно. Остров — очаровательное место.

Малкольм оживился.

— Вы действительно так думаете? В таком случае я должен извиниться за туман. Если бы не тучи, вы бы могли видеть всю дорогу до Трех Сестер.

— Три Сестры?

Малкольм Ромилли снял одну из вставленных в рамку карт на стене и показал мне.

— Вот замок. На западе от этого маленького пляжа лежат один за другим три небольших острова, каждый из которых более бесплоден, чем предыдущий.

Они были отмечены густыми черными чернилами на карте, тонкая цепочка островов, расположенная совершенно прямой линией, указывающей на горизонт. Я поняла, что это маленькие островки, которые я рассматривала из своего окна этим утром.

— Почему их называют Три Сестры?

Он усмехнулся.

— Вы знакомы с корнуэльским народом, мисс Спидвелл? Мы суеверны. Мы не можем увидеть простую геологическую формацию, не прикрепив к ней миф. Но иногда, просто иногда, в этом есть больше, чем миф. История гласит, что когда был построен замок, этот остров был единственным. Но у владельца замка были четыре прекрасных дочери. Прекрасных настолько, что он ревновал и охранял их, дабы они никогда не полюбили никого, кроме него.

— Звучит, как ужасный зануда. И собственник до мозга костей.

— Именно так, — он улыбнулся. — Несомненно, его дочери согласились бы с этим заключением, потому что трое из них тайно построили лодку. Однажды, когда отец не наблюдал, они отправились в море на своем маленьком кораблике, решив покинуть остров раз и навсегда.

— Что с ними случилось?

— Говорят, что отец был так зол, что вызвал три скалы из глубин моря. Маленькая лодка разбилась о них, убив трех его старших дочерей.

— Как мог простой человек поднять острова, независимо от того, насколько сильна его ярость? — недоумевала я.

— Ах, но он не был обычным человеком, — пояснил Малкольм Ромилли. — Вы слышали о колдовских семьях?

— Я познакомилась с Матушкой Нэнс.

— Тогда вы встретили нашу ведьму-резидента, — сказал он с некоторым удовлетворением. — Конечно, все это чепуха, но легенды

привлекают моряков к нашим берегам и дают деньги предприятиям, поэтому мы должны поощрять их.

Я мысленно вернулась к историям моего детства. Вспомнились книги сказок в матерчатых переплетах и одна, с обложкой цвета морской волны, в которой шла речь о русалках, селках и прочей магии морей.

— Матушка Нэнс поведала мне, что колдовским семьям на острове даны особые таланты и полномочия, полученные в наследство от русалок.

— На самом деле! Колдовская семья — это семья, с которой нельзя шутить. В каждом случае предок спасал или влюблялся в русалку. Взамен он получал драгоценный дар. В некоторых случаях ясновидение или способность предсказать гибель. В других это целительная магия или способность понимать животных.

— А Ромилли — колдовская семья?

Он с грустью улыбнулся, теплое выражение по-настоящему согрело его лицо.

— Вы не должны верить сказкам Матушки Нэнс, — поддразнил Малкольм. — Первый Ромилли, владевший островом, пришел с Вильгельмом Завоевателем и получил этот остров в обмен на свою службу. Он женился на саксонской девушке и построил здесь надлежащий замок, чтобы поддерживать оборону. А затем приступил к разведению очень послушных потомков, которые с тех пор служат своим королям. Тупые и достойные люди, — закончил он, и улыбка стала глубже.

Я запротестовала.

— История Матушки Нэнс гораздо интереснее.

— Ах да, та, где первый Ромилли поймал русалку в свои сети. Третья история, где-то посередине, гласит, что мой предок женился на последней из волшебных дев, самой младшей из сестер, погибших на камнях. Она одна не отправилась в плавание с сестрами и выжила, принесла в семью колдовскую кровь.

— Куда более увлекательная история. Но вы должны закончить ее. Что случилось с отцом, печальным стариком, который проклял своих дочерей?

Он пожал плечами.

— Легенды не говорят. Возможно, вышел в море и утопился. Это был популярный метод прекращения страданий здесь. А может быть, допил до смерти, или был поражен молнией, или умер в своей постели в комфортной старости.

Малкольм на мгновение замолчал. Я подумала, размышлял ли он о своей пропавшей невесте и страшной судьбе, с которой она могла бы встретиться. Его глаза были затенены, и я поспешила заполнить тишину.

— Или, возможно, его младшая дочь отомстила за своих сестер и помогла ему покинуть бренный мир, — кровожадно предположила я.

Малкольм Ромилли поднял бровь.

— Моя дорогая мисс Спидвелл, какое у вас дьявольское воображение!

— Похоже на жестокую справедливость. Едва ли девушку можно винить, — утверждала я.

Его улыбка была грустной.

— Нет, ее вряд ли можно винить. Ну, хватит болтать о семейных историях. Совершенно уверен, что утомил вас рыданиями.

Он повесил карту обратно на стену.

— Возможно, вам захочется немного пройтись. Думаю, дождь прекратился.

Он вышел на террасу сразу за своим кабинетом и повел меня вниз по лестнице, пока мы не добрались до крошечного берега на западном краю острова, отмеченного на карте. Морские водоросли обильно украшали смесь камня, гальки и песка. Тяжелые капли тумана покрыли наши волосы.

— Здесь и сейчас вы можете увидеть Сестер, — сказал он мне, указывая вдаль. Сдвигающиеся пятна тумана заслоняли острова на горизонте, но время от времени ветер раздувал оборванные края облаков, и я могла различить три силуэта. Малкольм указал на маленькую гребную лодку на берегу моря.

— Штормы будут налетать и улетать еще несколько дней. Так всегда происходит на острове в конце лета, но как только погода очистится, кто-то из нас будет рад пригласить вас к Первой Сестре, если желаете. Ближайший из островов просто скала, но виды превосходны, а жизнь птиц наиболее интересна. Довольно приятная прогулка с корзинкой деликатесов от миссис Тренгроуз, — добавил он.

— Мне бы это понравилось.

— Должен предостеречь вас от самостоятельной гребли, — посоветовал он с внезапно взволнованным выражением лица. — Проход между нашим островом и Первой Сестрой обманчиво спокоен. Течения часто меняются, и только сильному гребцу по плечу справиться с проблемами.

— Я хороший гребец, но обещаю не брать лодку без разрешения.

Малкольм улыбнулся и внезапно стал по-мальчишески привлекателен.

— Хорошо. Когда море достаточно спокойно, вы можете немного повеселиться. Мой отец всегда настаивал на том, чтобы каждый хозяин дома, желающий иметь лодку, сдавал экзамен: если вы не могли грести вокруг острова, вам было запрещено садиться в лодку одному. Я не такой

драконовский правитель. Но лучше быть осторожным в этих водах, и я не позволю, чтобы вы пропустили одну из наших лучших красавиц, — добавил он, кивнув в сторону Сестер.

— На острове довольно спокойно.

— Да. Можно ожидать, что подобный остров обеспечит мир и покой, но мы — маленькое шумное место с кузнечными и сидровыми прессами, и у нас есть карьеры. На Сестрах вам составят компанию лишь чайки да случайный тюлень.

— А может быть, русалка?

— Может быть. Хотя последние пару веков у нас был дефицит русалок.

Малкольм замолчал, и я подумала о его потерянной невесте и ее судьбе. Она случайно встретила с подлым убийцей? Или искала выход от брака, который не могла принять? Если сбежала одна, это поднимало вопрос о том, как она спаслась. Поплыла на лодке с парусом, трепетавшим на ветру? Неужели гребла к одной из Сестер, чтобы с кем-то встретиться? Более того, что заставило ее отказаться от жениха в день свадьбы? Невозможно представить, что этот обаятельный мужчина мог сказать или сделать что-нибудь, что могло напугать или оттолкнуть ее.

И все же. Разве я не была свидетелем яркого проявления его темперамента, направленного на племянника? Несмотря на все свои изысканные манеры, Малкольм Ромилли способен прийти в ярость. Возможно, Розамунда когда-либо почувствовала на себе этот гнев? Он ее как-то напугал?

Это были вопросы, которые я не могла задать. Я повернулась к Малкольму, который все еще смотрел на Сестер.

— Я думаю... — прошептал он.

— Г-н Ромилли? — подсказала я.

Он встряхнулся.

— Малкольм, пожалуйста. Прошу прощения за невнимание. Боюсь, порой я строю воздушные замки. Мой главный недостаток, как вам скажут. Теперь, подозреваю, вы хотели бы узнать больше о бабочках *Glasswing*, — сказал он, поворачиваясь, чтобы направить меня обратно по лестнице в библиотеку. Он подошел к книжной полке за столом, провел рукой по ряду книг, прежде чем достать большой том, переплетенный в бутылочно-зеленую кожу. Он вручил мне книгу.

— Вот они. «*Butterflies of St. Maddern's Isle*» Евфросинии Ромилли. Она была моим предком, одной из первых aurelian[12].

Я открыла ее, обнаружив страницы с иллюстрациями, тщательно

раскрашенными вручную.

— Это оригиналы! — вскрикнула я.

— О да. Бабушка Евфросиния задумала эту книгу, чтобы хранить свою коллекцию иллюстраций в одном месте. Мало того, что документировала каждую найденную на островах бабочку, она включала наброски их мест обитания и заметки о привычках — еде, спаривании, продолжительности окукливания и другие весьма технические термины, с которыми я совершенно незнаком. Довольно всеобъемлющий труд.

— И поразительный, — выдохнула я, едва решаясь прикоснуться к книге.

— Возьмите книгу с собой, — предложил он. — Изучите на досуге.

— Вы уверены? Учтите, найти это издание почти невозможно, — честно предупредила я. — Понимаю, что это важно для вашей семейной коллекции, но экземпляры книги неисчислимо редки в английской истории lepidoptery.

— Полностью уверен. Есть заметки о том, где найти Glasswings, информация может оказаться полезна для вас. Вещи не сильно изменились на острове за столетие, — внес ясность Ромилли.

Я обильно благодарила и прижимала книгу к груди, когда уходила от него. В дверях я повернулась, чтобы поблагодарить его снова, но Малкольм не смотрел на меня. Он подошел к окну и смотрел на серое море, простирающееся до горизонта.

Глава 7

Я поспешила с моим трофеем в комнату и читала, пропустив чаепитие. Я не услышала звук гонга, настолько была поглощена. Спустя какое-то время появилась миссис Тренгроуз с Дейзи, державшей поднос.

— Мы принесли вам немного перекусить, мисс, — объявила домоправительница, вытесняя горничную из комнаты, как только девушка поставила груз на узкий письменный стол. — Чай подают внизу, но я подумала, что вам может понравиться что-то особенное.

Я поняла, что это своего рода награда за мою сдержанность в инциденте с пьяной Хелен Ромилли. Миссис Тренгроуз продолжила:

— Есть тарелка с винным печеньем и стакан нашего собственного красного вина, если вы хотите немного освежиться. Виноград выращивается здесь на острове, на вершине виноградника.

Я подняла глаза от своей книги, сильно моргая.

— На вершине виноградника?

— Коса на юго-западе. Почва и ветры делают место пригодным для выращивания винограда. Заметьте, это не прекрасный винтаж, но достаточно хорош для обеденного вина.

— Я уверена, что все будет вкусно, — поблагодарила я.

Экономка остановилась и посмотрела на огромную книгу на моих коленях и тетрадь, удерживаемую подбородком.

— Если хотите работать с комфортом, я могу попросить одного из парней принести наверх подходящий стол. Письменный стол леди годится для писем, но эта книга слишком громоздкая. Думаю, вам следует немного раздвинуть свои вещи.

Я подумала об узкой лестнице, ведущей к моей комнате.

— Боюсь, это окажется большой проблемой.

— Ни в малейшей степени.

Миссис Тренгроуз ушла. Я вернулась к своей книге, рассеянно покусывая печенье и дегустируя вино: легкое и бодрящее, с оттенком чего-то необычного, минерального, который я приписала каменистой почве острова. Я предпочитала более тяжелые винтажи, вроде тех, что пробовала на Мадейре, поэтому отставила вино в сторону, сосредоточив свое внимание на печенье. Обильно приправленное специями и сильно перченное, печенье было восхитительно, и я как раз приканчивала последние крошки, когда раздался стук в дверь. После моего приглашения

войти, в комнату вдвинулся здоровенный парень с простым столом в одной руке.

— Куда мне его поставить, мисс? — спросил он с мягким корнуэльским акцентом, характерным для местных жителей.

— Под окном, спасибо, — проинструктировала я.

Он аккуратно поставил стол на место и через мгновение вернулся со стулом, прямым, но удобным и хорошо обтянутым.

— По указанию миссис Тренгроуз, — он почесал бровь.

Я улыбнулась про себя. Кажется, я завоевала благосклонность домоправительницы.

Мгновение спустя появилась Дейзи с коробкой в руке.

— Вот еще ручки и чернила, бумага для письма, промокательная бумага и перочинный ножик на случай, если вы забыли свой. Карандаши тоже, — объявила она.

— Дай-ка угадаю, указания миссис Тренгроуз, — рискнула я.

Она улыбнулась.

— Правильно, мисс. Я слышала, вы сегодня ходили в деревню. Встретили кого-нибудь интересного?

Дейзи отвернулась от меня, стирая углом передника несуществующую пыль с угла стола. Я могла видеть только ее профиль, но что-то в изгибе губ казалось хитрым.

— Да. Я встретила Матушку Нэнс из гостиницы. Женщина утверждает, что она ясновидящая и ведьма.

Ее манера была слишком оживленной для случайного любопытства.

— О! И вас ждет удача, что она сказала, мисс?

— Всего несколько слов, — ответила я прохладным тоном.

Девушка сильнее потеряла гладкое дерево.

— Вы должны расспросить ее, мисс. Наша Матушка Нэнс знает все. Она может рассказать о том, что еще не произошло.

Я тонко улыбнулась.

— Предпочитаю немного тайны в своей жизни. — И указала на поднос с закусками. — Спасибо за ваши усилия, Дейзи. Вы можете убрать это.

Она неохотно выполнила распоряжение, взяла поднос, присев в быстром реверансе, и исчезла.

Я провела еще час в счастливом созерцании бабочек Евфросинии Ромилли, пока слова не поплыли на странице, и не затекла спина. Затем привела себя в порядок перед ужином.

Ужин проходил в напряжении. Хелен после полуденной выпивки выглядела бледной и спокойной, довольствуясь газированной водой. Она

лениво потягивала ее из бокала и кормила под столом кота. После ссоры с дядей Каспиан пребывал в подавленном настроении. Малкольм полностью игнорировал племянника. Мертензия оживленно говорила со Стокером о различных растениях и вредителях, которые питались ими. Тибериус с удовольствием уделял внимание превосходной еде и еще лучшему вину.

По мере продолжения ужина, странное настроение охватило группу — нервозность, источник которой я не могла полностью определить. Только когда мы закончили наш десерт, Малкольм сделал объявление. Разговор перешел в естественное молчание, когда Малкольм положил столовые приборы и вытер рот. Затем его взгляд обежал стол, он долго смотрел на каждого из нас.

— Чувствую, что пришло время доверить вам мои намерения. Я пригласил вас всех сюда не просто ради удовольствия провести время в вашей компании.

Малкольм сделал паузу, будто собираясь с силами.

— Я пригласил вас сюда с определенной целью, и могу только назвать необходимость в качестве оправдания. Я надеюсь, что каждый из вас выслушает меня и решит: захочет ли предложить свою помощь, потому что, Бог знает, я нуждаюсь в вас всех.

Он глубоко вздохнул, когда мы обменялись взглядами. Наши лица выдавали различные степени недоумения. Только Тибериус не казался удивленным, и именно к нему первому повернулся наш хозяин.

— За исключением тебя, Тибериус, твоего брата и мисс Спидвелл, все присутствовали здесь, когда исчезла Розамунда. Это был самый мрачный час в моей жизни. С тех пор ситуация существенно не улучшилась.

Горько кривя губы, он добавил:

— Мы с Мертензией удалились из общества, ни с кем больше не видимся. Как мы можем? Мы пытались подобрать обрывки нашей жизни, пытались вернуться к нормальному бытию. Но каждый раз при встрече с друзьями возникало неловкое молчание. Затянувшиеся паузы в разговоре. Предметы, о которых никто никогда не говорил: Розамунда, свадьбы, самоубийства. И каждый раз я чувствовал, что отдаляюсь от людей. Это было как-то безопаснее. Мне кажется, что эмоции Мертензии были практически такими же.

Малкольм сделал паузу, и его сестра серьезно кивнула. Я заметила, что она не ела, а просто теребила булочку пальцами. Он продолжил:

— В конце концов, общение стало слишком обременительным даже для семьи. Именно поэтому Хелен и Каспиан не приезжали сюда.

— Мы бы приехали... — начала Хелен Ромилли.

Малкольм поднял руку.

— Я знаю. Но все это казалось намного проще — закрыть двери и, так сказать, поднять подъемный мост. С течением времени становилось все привычнее находиться в одиночестве. Но я считаю, что пора раз и навсегда выяснить, что произошло с Розамундой. Только написав последнюю главу этой истории, мы с Мертензией можем перейти к следующей. Если мы не сделаем этого сейчас, нас замурует здесь. Думаю, что в этом и заключается безумие.

Он снова сделал паузу, позволяя своим словам успокоиться, словно камни падали на дно пруда.

— Проще говоря, я пригласил вас всех сюда, потому что мне нужна ваша помощь. — Малкольм медленно оглядел стол. — Каждый из вас обладает навыками, которые, думаю, были бы полезны в данных обстоятельствах.

Его взгляд стал извиняющимся, когда упал на нас со Стокером.

— Что касается мистера Темплтон-Вейна и мисс Спидвелл... Вы приехали сюда в ожидании мирного отпуска, и я не собираюсь нарушать ваши планы. Но возможно, свежий и наблюдательный взгляд ученых поможет в этом деле.

— Каком деле? — потребовала Хелен Ромилли.

— Он совершенно помешался на этом, — произнесла Мертензия. — У нас была прабабушка, которая полностью сошла с ума, бедный ягненок. Мне не стоит задавать вопрос, не случилось ли с ним то же самое.

— Мертензия, — оборвала ее невестка холодным тоном, — не думаю, что уместно говорить о брате в таких выражениях.

Мертензия Ромилли мрачно посмотрела на нее.

— Я забыла, насколько утомительной ты можешь быть, Хелен. Спасибо, что напомнила.

Прежде чем они смогли продолжить свою ссору, Малкольм вмешался.

— Прошло три года с того ужасного дня, но для меня это будто случилось вчера. Я думаю о ней постоянно. И всегда остается вопрос: «Что с ней стало? Она ушла и заблудилась? Она упала в море? Она сбежала?»

Голос Хелен был терпелив, как будто она говорила с отсталым ребенком.

— Полагаю, все согласны с тем, что она покинула остров по собственному желанию. Неприятно думать, что она могла изменить свое мнение о браке, но это единственное разумное объяснение.

— Это то, во что я верил, — вздохнул Малкольм. — И именно эта вера мучила меня три года. Почему она бросила меня? Это было самое

логичное, хотя и болезненное объяснение. Я пытался принять его, пытался смириться с тем, что она предпочла сбежать без денег, без перспектив, чем остаться здесь и быть моей женой. Мужчине горько верить в такое, — добавил он, покраснев. — Я знал, что сплетники так и считали, скандальные газеты часто печатали подобную версию. Последние годы были для меня пыткой. До сих пор.

Малкольм встал и пошел к серванту. Один отсек был заперт, он достал ключ, вставив его к дверной замок, провернул и вытащил громоздкий сверток, завернутый в кусок ткани.

— Мертензия, позвони Тренни.

Он держал сверток в руках. Когда появилась миссис Тренгроуз, его инструкции были краткими:

— Очисти стол, Тренни.

Она с сомнением посмотрела на сверток, плотно прижатый к его груди, но кивнула Дейзи, указывая, чтобы горничная убрала фарфор и столовые приборы.

— Портвейн... — начала миссис Тренгроуз.

— Дамы не удалятся сегодня вечером, — распорядился Малкольм. — И ты должна остаться, Тренни. В конце концов, ты часть семьи.

Экономка выставила Дейзи из комнаты и заняла пост возле двери, прикрыв ее от любопытных глаз и ушей остального персонала.

Малкольм стоял во главе стола, глядя на нас, мы выжидающе смотрели на него.

— Я предполагал, что Розамунда сбежала, как бы сильно меня ни убивала такая мысль. Я пришел к такому выводу из-за того, что она взяла свою дорожную сумку, маленький саквояж алого цвета. Ту самую сумку, которую привезла с собой, когда впервые приехала сюда. Она пометила ее своими инициалами. Факт, что сумка исчезла одновременно с ней, казался неопровержимым доказательством: Розамунда сбежала.

Он убрал руки, позволяя ткани соскользнуть в сторону, и все увидели алую дорожную сумку. Инициалы Р.И.А. были вышиты белой шерстью прямо под ручкой. Сумка расползлась от ветхости, толстый слой зеленой плесени покрывал ее, густо заляпав бока, но саквояж нельзя было перепутать.

Выражение лица Мертензии стало почти злым.

— Где ты это нашел? — потребовала она.

— В одном из тайников священника.

Я поддалась вперед в своем кресле, охваченная волнением. Тайники, «норы священника», были обычным делом в католических домах во

времена елизаветинских охотников за священниками. Устроенные таким образом, чтобы их было трудно обнаружить, эти крошечные секретные камеры могли прятать человека, возможно, в течение нескольких недель, пока агенты Короны искали беглецов. Я вспомнила, что во всех самых интересных историях о призраках присутствовали норы священника.

— С какой стати ты полез ковыряться в норах священника? — недоумевала Мертензия. — Я думала, все они были заблокированы или переделаны много лет назад.

— Готовился написать новую версию истории Сан-Маддерна, — поделился секретом ее брат. — Я никому не говорил, поскольку не был уверен, что смогу это сделать. — Выражение его лица было слегка смущенным. — Я не писатель, в конце концов. Думал, что посмотрю норы священника, возможно, сделаю некоторые предварительные заметки, а затем зимой перейду к самой рукописи. Но вместо того, что искал, нашел вот это, — закончил он, пристально глядя на сумку.

Глаза Хелен Ромилли широко раскрылись на бледном лице, ее сын выглядел изумленным.

— Что это значит?

Он задал вопрос своему дяде, но ответил Тибериус.

— Это означает, что Розамунда Ромилли никогда не покидала этот остров живой.

— Это кажется натяжкой, — возразил Каспиан.

Тибериус посмотрел на него беспристрастно.

— Разве? Если женщина убегает, она берет сумку. Даже мисс Спидвелл, которая путешествовала по свету пять раз, всегда берет сумку. — Он бросил на меня взгляд, и я медленно кивнула.

— Не могу представить, чтобы дама охотно отправилась в какое-либо путешествие даже без самого скромного ассортимента вещей, — продолжал Тибериус. — Итак, давайте доведем это до логического завершения. Если она ушла и не взяла сумку, она ушла не по собственной воле. Или она никогда не уходила вообще. Любая возможность указывает на нечестную игру.

Миссис Тренгроуз закрыла рот рукой, а Мертензия слегка застонала.

— Этого не может быть, — пробормотала она. Она потянулась вслепую, ее пальцы нащупывали какое-то утешение. От меня не ускользнуло, что они приземлились на рукав Стокера.

— Что ты хочешь от нас? — резко спросил Тибериус Малкольма.

Беглая улыбка коснулась рта нашего хозяина.

— Если честно, я знал, что могу рассчитывать на тебя, Тибериус. Мне

нужна твоя помощь в раскрытии тайны, что стало с Розамундой.

— Ты хочешь, чтобы мы помогли выследить убийцу, — подытожил Тибериус.

При этом Хелен Ромилли взвизгнула и приподнялась. Стокер похлопал ее по руке, и она снова заняла свое место. Миссис Тренгроуз печально покачала головой, Мертензия с ужасом смотрела на брата.

— Малькольм, ты не можешь быть серьезным, — начала она.

— Уверяю тебя, я вполне серьезен. Эта сумка означает, что Розамунда никогда не покидала остров живой.

— Но убийство... — сомневалась Мертензия.

— Что еще это может быть? — высказался Тибериус. — Если она не ушла, взяв с собой свой жалкий саквояж, значит, она должна быть здесь. И кто еще мог спрятать ее дорожную сумку, кроме желающего инсценировать ее побег?

Откровенно говоря, вопрос положил конец собранию. Мы все долго молчали, каждый из нас боролся с чудовищностью услышанного. Малкольм осторожно положил ветхую сумку на стул и поднял свой стакан.

— Что ты хочешь, чтобы мы сделали? — осведомился Тибериус.

— Я надеялся, что каждый использует свои навыки в расследовании судьбы Розамунды. — Он сделал паузу, его взгляд остановился на Тибериусе. — Тибериус, ты мой самый старый друг, и я нуждаюсь в поддержке. Когда-то мы были близки как братья, надеюсь, ты не откажешь мне.

Тибериус зашевелился.

— Естественно, я сделаю все, что могу. У меня есть несколько контактов в Лондоне, которые могут оказаться полезными. Я напишу утром и сделаю запросы. Конечно, осторожно, — добавил он с изящным наклоном головы.

— Спасибо, Тибериус. Я действительно благодарен, — серьезно ответил Малкольм Ромилли. — Не могу представить, каким будет дальнейшее развитие поиска, но если есть хоть малейший шанс, мы должны попробовать.

Он, казалось, собирался сказать что-то важное, но вместо этого замолчал. Между этими двумя людьми был странный подводный ток, что-то недосказанное, какое-то мерцание, но затем все прошло, когда Малкольм Ромилли двинулся дальше, глядя на нас со Стокером.

— Не думал просить вас помочь, но когда вы неожиданно присоединились к нашему небольшому собранию, мне пришло в голову, что вы натуралисты, следовательно, компетентные наблюдатели.

Наверняка, есть детали, которые остальные из нас упустили из виду. Свежие взгляды людей с опытом наблюдения, окажутся полезными, и я достаточно отчаялся, чтобы рассчитывать на вашу щедрость и умолять использовать свои навыки.

Он слегка повернул голову.

— Мертензия, Каспиан. Вы оба Ромилли. Местные жители верны нам. Возможно, кто-то что-то видел или слышал. Возможно, они захотят вам рассказать.

Малкольм глубоко вздохнул.

— Хелен, это подводит меня к вашим особым талантам.

Она тяжело сглотнула, струи бус на ее горле заплясали.

— Малкольм, конечно, есть лучшие способы...

Мертензия огорченно посмотрела на своего брата.

— Малкольм, это не очень мудро.

Он поднял руку, заставляя их замолчать.

— Я так решил.

— Какие таланты? — заинтересовался Стокер.

— Моя невестка известна своими способностями связываться с теми, кто «прошел за завесу», — пояснил Малкольм. — Она спиритуалист.

— Не просто спиритуалист, — гордо вставил Каспиан. — Мама довольно известна. Вполне вероятно, вы слышали о мадам Елене?

— Малкольм, правда, — начала она снова, но ее деверь покачал головой.

— Хелен, признаю, вы должны считать меня негостеприимным. Я не приглашал вдову и сына моего собственного брата в дом его семьи в течение многих лет. Не отвечал на письма. Выполнял свои минимальные обязательства и ничего более.

Хелен пожала плечами.

— Вы продолжали платить нам пособие и после смерти Люциана. Вы не обязаны были это делать, — сказала она тихим голосом.

Малкольм Ромилли отмахнулся от ее замечания, и на мгновение я увидела проблеск человека, которым он должен был стать до того, как трагедия и изоляция подействовали на него: решительный и непоколебимый. Кровь прилила к его щекам, придавая ему более оживленный взгляд, чем я когда-либо видела.

— Этого недостаточно. Я осознаю, что потерпел неудачу, — твердо вынес вердикт он. — Тщательно проанализировав собственное поведение, поверьте, я первый осуждаю себя за то, что позволил собственным трудностям поглотить все свое внимание, что так мало заботился о ваших.

Я искренне хочу исправить ситуацию. Но пойму, если вы не захотите принять оливковую ветвь, которую я протягиваю.

— Дело не в этом, Малкольм. Вы не должны так думать! — Она остановилась, до крови кусая губу.

Он встал и подошел к ней, протягивая руку.

— Пожмите мне руку, Хелен. Сделайте это, и пусть мы снова станем настоящей семьей.

Ее взгляд на мгновение переместился на сына, она натянула на лицо улыбку, которая не коснулась глаз. Медленно она протянула ладонь и пожала деверю руку.

— Конечно, Малкольм. Как пожелаете.

— Тогда все улажено. Сегодня мы начнем наши расследования всерьез. С сеансом.

— Нет, — резко перебила она. — То есть я не могу вызывать духов с такой маленькой подготовкой. Мне нужно время.

Ее сын нахмурился.

— Ты не обязана это делать, Малкольм слишком мало заботился о нас.

Малкольм покраснел, но не ответил. Хелен посмотрела на сына с легким упреком.

— Твой дядя прав. У нас есть шанс стать настоящей семьей. И если я могу помочь, то мой долг помочь. Я сделаю это, — она говорила более решительно, чем раньше. Но ее руки дрожали, и что-то вроде страха застряло в глазах.

Я подвинулась вперед, чтобы заглянуть в сумку, но Малкольм встретил мой взгляд с мрачным выражением лица. Я остановилась, усмиряя свой энтузиазм. То, что для меня лишь научное исследование доказательств, для него болезненное напоминание о жене, которую он потерял. Что еще хуже, не безличный предмет, а дорожная сумка леди, несомненно, с ее самыми сокровенными вещами. *У меня будет достаточно времени, чтобы спросить об этом позже*, решила я. Я отступила.

— Мы начнем завтра, — твердо объявил Малкольм, поднимая изгнившую сумку.

* * *

Как и во время моего визита в комнату Стокера прошлой ночью, я не стала стучать. Я на всех парах ворвалась в спальню Тибериуса, с удивлением обнаружив, что он уже раздевается. Он бросил на меня злой

взгляд.

— Ах, Вероника, вы внезапно решили меня совратить? Вы все еще будете уважать меня утром?

— Вы ужасный человек. Я должна была знать. Стокер предупредил меня, но я не стала слушать. Вы притащили меня сюда с какой-то гнусной целью, и я желаю знать, что это такое.

Я твердо стояла спиной к двери, ожидая его ответа. Он снял с себя вечерний пиджак и жилет и начал дергать галстук, длинные пальцы раздраженно теребили шелк.

— Притащил вас? Моя дорогая Вероника, мне оставалось только упомянуть о Glasswings, и вы умоляли привезти вас сюда.

— Семантика, — твердо пресекла я. — Теперь, о чем это все? Во что играет Малкольм Ромилли с этим собранием и что, черт возьми, случилось с Розамундой?

Виконт выгнул бровь. Это был эффектный жест, один из тех, что Стокер часто пытался воспроизвести, но редко достигал успеха.

— Отличные вопросы. Хотел бы я знать ответы.

— Что вы имеете в виду?

Он дернул запонки, вытащил каждую и бросил на умывальник, прежде чем расстегнуть воротник и манжеты.

— К счастью для вас, хозяин дома не видел, как вы пробираетесь в мою спальню, словно леди сомнительной добродетели. Знаете, Малкольм в определенной степени ханжа. Он был бы страшно шокирован, если бы знал, что вы сейчас здесь.

— Он будет куда более шокирован, когда понадобится лечить вас от травм. Травм, которые я нанесу, если вы не начнете отвечать на вопросы.

Вопреки желанию, Тибериус издал короткий смех.

— Боже, я был прав, что привез вас.

Он снял рубашку. Его мускулатура была не такой впечатляющей, как у Стокера, но сама по себе великолепна. Старший брат Стокера был длинным и изящно чувственным, как статуя Праксителя[13], и при других обстоятельствах у меня зачесались бы пальцы, чтобы обнаружить, являлось ли это мраморное совершенство столь же твердым, как и выглядело. Виконт набросил халат из черного шелка и завязал пояс вокруг талии.

Тибериус указал на кресла у камина.

— Не желаете расположиться более комфортно? Или вы бы предпочли кровать?

Для себя Тибериус выбрал кровать, устроившись на подушках и призывно похлопывая по одеялу.

Я осталась там, где была.

— Тибериус!

Он тяжело вздохнул.

— Очень хорошо. — Виконт сложил руки за головой и уставился на балдахин кровати. Ткань, скорее всего очень дорогая, была замысловато плиссированна и собрана в сложную звездную форму. — Повторю то, что вы уже узнали сегодня вечером. Три года назад Розамунда и Малкольм Ромилли поженились здесь в замке. В день их свадьбы Розамунда исчезла, по-видимому, в свадебном платье и фате.

— По-видимому?

— Никто не видел, как она ушла, — декламировал он монотонно. — Свадебный торт был оставлен портиться, гирлянды цветов роняли лепестки. Все это ужасно напоминало мисс Хэвишем[14]. Наконец Малкольм согласился принять факт: она ушла и не вернется. Теперь, обнаружив эту ужасную сумку, Ромилли решил, что хочет докопаться до истины. Он собрал единственных людей, которым, по его мнению, может доверить расследование проблемы.

— Почему бы не обратиться к полиции?

Тибериус изобразил насмешливый ужас.

— Полиция? Моя дорогая Вероника, полиция была рада повесить его за убийство, только без тела было бы довольно сложно. Они не скрывали своих подозрений, один или несколько из них говорили с прессой — с катастрофическими результатами. В то время вы и Стокер были за границей, но поверьте мне, я редко был свидетелем более жестокого потрошения со стороны газет. Довольно было прочитать одну, чтобы убедиться: Малкольм — нечестивая комбинация Синей Бороды и Генриха VIII. Скандал едва не уничтожил его. Вот почему он капризничает, требуя, чтобы я был осторожен с любыми лондонскими запросами. Из-за страха, что все грязь может быть снова вытащена.

Я не была удивлена. Подобные порочащие истории распространялись о Стокере во время его бракоразводного процесса. Поскольку его не было в Англии, чтобы защитить себя, сплетни сделали свое дело, и даже сейчас многие люди верили в худшее.

— Как ужасно, — тихо проговорила я.

— Да, налицо опасности свободной прессы. В любом случае, в результате Малькольм и Мертензия полностью удалились из общества. С тех пор ни один из них не покидал остров и никого не приглашал. Вот почему я подозревал: что-то происходит, когда получил его письмо с просьбой приехать.

— Почему он просил именно вас? Вы сказали, что не видели его несколько лет?

Тибериус долго не отвечал, и когда заговорил, я учуяла уклончивость в его ответе.

— Наши пути некоторое время не пересекались, но мы с детства были лучшими друзьями, близки как братья. Ближе, в моем случае. Вы заметили, что Стокер и я не особенно преданны друг другу.

— Думаю, вы более привязаны друг к другу, чем любой из вас хотел бы признать, — возразила я. Я наклонила голову, изучая его длинную элегантную фигуру. — Мне трудно представить вас ребенком, проводившим время с друзьями детства. Каким вы были?

— Неисправимым, — ответил виконт не без удовольствия. — Хотя и не таким диким, как Стокер. Я всегда был утонченным в своих вкусах, даже юношей.

— А Малкольм тоже был таким? Это вас сблизило?

Тибериус казался искренне удивленным этой идеей.

— Небеса, нет! Мы отличались как мел и сыр. Малькольм был превосходным гребцом, я — опытным наездником. Он любил математику, я предпочитал поэзию, желательно эротическую. Я был восторженным приверженцем Овидия, — добавил он со смутной попыткой взглянуть искоса. — И свой темперамент я лучше держал в руках, чем он. У Малкольма был довольно свирепый характер.

— На самом деле? Он выглядит довольно мягким, — удивилась я. *Помимо сцены с Каспианом*, молча внесла поправки я.

Глаза Тибериуса расширились.

— Его нрав — причина, по которой его отправили из школы, — сообщил он с явным удовлетворением. — Малькольм едва не задушил мальчика, больше и старше, чем любой из нас. Это не уменьшило моего уважения к нему, — поспешил он добавить. — Скорее увеличило.

— Он душил мальчика? Вы совершенно серьезны?

— Как могила, моя дорогая Вероника.

— У него была уважительная причина?

— Существует ли вообще веская причина душить человека? — спросил его светлость, медленно моргая.

— Я могу вспомнить как минимум дюжину.

Он посмеялся.

— Напомните мне никогда не сердить вас, хотя близость с вами, даже в случае убийства, будет желательной.

Я могла бы педальировать вопрос о том, почему Малкольм Ромилли его

пригласил, но знала Тибериуса достаточно хорошо, чтобы понять, когда погоня становилась бесполезной. Вместо этого я изменила тактику.

— Почему вы приняли приглашение Малкольма Ромилли приехать?

Снова он избегал встречаться со мной глазами, предпочитая пялиться на балдахин кровати.

— Я говорил вам: Малкольм и я были друзьями в течение долгого времени. Отсутствие нескольких лет не стирает все это. Он попросил мою помощь, я готов ее оказать.

— Я не вполне вам верю.

— Очень хорошо. Мне было скучно в Лондоне, и я подозревал, что небольшая проблема Малкольма может представить интересное развлечение.

— Попробуйте еще раз.

Выражение его лица стало насмешливым.

— Вы сомневаетесь в моей правдивости! Я ранен. Я должен требовать неустойки, — промурлыкал он, сгибаясь в локтях, его тело растянулось в томном приглашении.

— Будьте серьезны, — призвала я.

— Считаю серьезность наименее соблазнительной из всех добродетелей.

— Не думаю, что хоть какая-либо добродетель искушает вас. И вы так аккуратно уклонились от моего вопроса. *Почему вы приехали?*

— «Берегите дыхание, чтобы подуть на кашу», как говорила моя старая няня, — окрысился он со злобным блеском в глазах. — Вы больше не получите от меня никакой информации. Я замкнут, как устрица.

Как я ни старалась, он больше ничего не сказал. Начался шторм, сильный дождь застучал по окнам, ветер пронзительно взвизгнул и закружился вокруг башни. Тибериус поднялся со своего ложа.

— Вам пора отправляться спать, Вероника.

Я не двинулась с места.

— Вы привезли меня сюда с какой-то тайной целью. Не верю, чтобы просто оказать мне любезность и осчастливить несколькими бабочками Glasswings. Какова моя роль во всем этом?

Он задумчиво потер подбородок.

— Я не знаю, — признался он, и это было настолько близко к честности, насколько я рассчитывала получить от него. — Все, что могу сказать, подозреваю: у Малкольма что-то спрятано в рукаве. Я надеялся, что при вас и Стокере, среди незнакомцев, он будет вести себя немного лучше и не сделает все это чертовски неловким.

— Если вы знали, что возникнет сложная ситуация, зачем приняли приглашение?

К моему удивлению, он ответил:

— Вы когда-нибудь переворачивали камень, чтобы посмотреть, какие мерзкие вещи извиваются под ним?

— Я думаю, у каждого ребенка есть такой опыт.

Его рот сжался в жестокой улыбке.

— Я больше не ребенок. Есть более низкое слово для того, что я хочу нынче сделать. Давайте скажем, что удар по этому камню забавляет меня.

— Тогда будем надеяться, что мерзкие вещи вас не ужалят.

Глава 8

Я не была чрезмерно удивлена, обнаружив Стокера, растянувшегося в кресле перед камином в моей комнате.

— Тебе не следует здесь находиться, — указала я с излишней строгостью, закрывая дверь. — Если горничная застукнет тебя в спальне невесты брата, пойдут разговоры.

Он махнул рукой.

— Пусть сплетничают. Неплохо сбить Тибериусу колышек-другой.

Я села рядом с его креслом, прислонив промокшие ноги к очагу.

— Твоя забота о брате так трогательна.

— У Тибериуса есть противная сторона, которую ты никогда не видела, — сообщил он мне.

— Ты упоминал. Хочу отметить: хотя я прекрасно понимаю, что его светлость может быть властным и своевольным, со мной он неизменно вежлив.

— Только потому, что он чего-то хочет. Он заманил тебя сюда обещанием Glasswings, но у него есть скрытая цель, я бы поставил на это свою жизнь.

Я отказалась доставить ему удовольствие и согласиться с его подозрениями, ссылаясь на свои.

— Твой цинизм утомляет, Стокер. Вполне возможно, что его светлость просто думал оказать мне любезность. Ты забываешь, что он уже предоставил мне лунных мотыльков и грабовую рощу для вивария.

— Тем выше вероятность, что он получит твое согласие, навязывая свои условия, какими бы нелепыми они ни были.

— Например? — потребовала я.

Стокер поднял брови в жесте изящного издевательства.

— Например, нелепый маскарад притворяться его невестой.

— Ты знаешь, почему он счел ложь необходимой. Респектабельная женщина не может путешествовать наедине с мужчиной, с которым ничем не связана. Это самый простой способ предложить мне защиту от средневековых норм нашего общества. Кроме того, — легко добавила я с коварным умыслом, — мне нравится этот маскарад. Кто бы не оценил внимание такого утонченного джентльмена?

Он покачал головой, затем откинулся на спинку стула, скрестив ноги в лодыжках и забросив руки за голову.

— Я отказываюсь верить, что ты можешь купиться на фасад элегантных манер и костюмы превосходного пошива. Я верю в твою способность к правильной оценке.

— Тибериус один из самых видных мужчин в Лондоне. Только дура отказалась хотя бы рассмотреть перспективу брака с ним. У тебя явно низкое мнение о моем прагматизме, — с иронией парировала я.

— У меня низкое мнение о моем брате. Ты не знаешь его, Вероника, не совсем. Он играет джентльмена, но он не джентльмен. Тибериус точил свои когти о мою спину в детстве, и с возрастом он стал лишь хуже.

— Почему? — я не могла подавить любопытство. Мне нравился виконт, и я почти не хотела слышать, как Стокер рисует в черных красках его характер. Однако почему бы не получить дополнительную информацию при возможности.

Стокер пожал плечами.

— Он был достаточно взрослым, чтобы собрать слухи, ходившие среди слуг, и понять, что я сын матери, но не отца. — Стокер редко обсуждал тот факт, что был продуктом короткой связи матери с художником, нанятого, чтобы написать ее портрет. Это случилось в период ее брака с предыдущим виконтом Темплтон-Вейном, период, который лучше всего описать как «трудный». Выносив Тибериуса, наследника, и Руперта, запасного, она родила Стокера — яркую голубоглазую кукушку в родовом гнезде. Рождение самого младшего, Мерриуэзера, датировало период «хаоса», когда виконт и его жена пытались помириться. Стокер продолжал.

— Он пытал меня из-за этого, но через некоторое время потерял интерес.

— Он просто потерял интерес? Это не похоже на Тибериуса. Он цепкий, как росомаха. Что ты сделал, чтобы заставить его потерять интерес?

Стокер сопровождал свой ответ мягким взглядом.

— Я пообещал поджечь его кровать. Пока он находился в ней.

— Сработало как заклятие. Что тебе известно о его отношениях с Малкольмом Ромилли?

Стокер задумался.

— К тому времени, когда Тибериус подружился с Малкольмом, мы почти ничего не знали друг о друге. Тибериус был ужасно несчастлив дома, как и я. Мы оба проводили как можно больше времени подальше от семейной резиденции в Шербоях. Тибериус приехал сюда на школьные каникулы, а я в конце концов сбежал и присоединился к цирку, — добавил

он. В его случае это не было игрой слов. Стокер действительно удрал из дому с передвижным цирком, прежде чем присоединиться к флоту Ее Величества. Юность Стокера была полна приключений.

— Тибериусу сорок лет. Эти каникулы были давно.

Стокер задумчиво потер затемняющую челюсть щетину. Битва за контроль над бородой проходила с переменным успехом.

— Но оказались формирующими. Тибериус продолжал возвращаться на остров, даже после того, как покинул школу. Думаю, он был счастлив здесь как нигде. Отец не мог ругать его за каждую незначительную оплошность; не тяготили никакие высокие ожидания, возложенные на него. А когда родителей Малкольма не стало, они стали хозяевами места.

— Что случилось со старшими Ромилли?

— Погибли. Их лодка перевернулась в бурном море между островом и материком. Не могу вспомнить подробности, но родители Малкольма утонули. Ему было всего двадцать два года, когда он унаследовал имущество и опеку над Мертензией и Люцианом.

— Какая ужасная ответственность для такого молодого человека, — размышляла я.

— В самом деле. Я иногда думаю, что Тибериус ему завидовал.

— Почему?

— Мой брат провел большую часть двух десятилетий в уповании занять наследный трон. — Последний лорд Темплтон-Вейн, предполагаемый отец Стокера, умер лишь в прошлом году. С его кончиной Тибериус унаследовал титул, загородное поместье, лондонский таунхаус и семейное состояние. Неудивительно, что он раздражался от долгого, бесправного ожидания.

— Тогда у них долгая дружба с Малкольмом, — рискнула предположить я.

— Думаю, он самый старый друг в его жизни. Правда Малкольм удалился от общества, так что я не думаю, что они общались последние несколько лет.

— После исчезновения Розамунды Ромилли. — Я долго смотрела на огонь, поджав ноги и обхватив руками колени. — Что ты думаешь о плане Малкольма сыграть следователя?

— Я думаю, что он измученный человек, который не может поверить, что его жена сбежала.

— Без своей дорожной сумки? — осведомилась я, поворачиваясь к нему лицом.

— Почему нет? Если она была достаточно отчаянной, чтобы уйти, она

могла бросить все.

— Отчаянная! Что может заставить невесту сбежать с ее собственной свадьбы через считанные часы после венчания, как преступницу? — Я замолчала.

— Что? — потребовал он.

— Тибериус упомянул историю из их детства. Кажется, Малкольм Ромилли однажды чуть не задушил мальчика, его исключили за это из школы.

— Вот, пожалуйста, — провозгласил Стокер с некоторым удовлетворением. — Возможно, он напугал свою невесту демонстрацией бурного темперамента, и это заставило ее переосмыслить все свое будущее с ним.

— Но если она действительно сбежала, то куда?

— Не знаю, и, кроме того, мне все равно. Мне хватило собственных сбежавших жен, — добавил он с горечью, скривив рот. Бывшая жена оставила Стокера умирать на Амазонке, а затем протатила его имя через помойную канаву, чтобы выиграть развод. Я хорошо понимала его нежелание вовлекать себя в беды другого брака.

Он продолжал:

— Не удивился бы, если она живет где-то в Аргентине с мужем-фермером и семьей детьми. В конце концов, это самое простое объяснение.

— Бреешься *бритвой Оккама*[15] в эти дни?

— Всегда. Сколько невест поддается нервам в день свадьбы? Сколько из них холодеют от страха, думая о взятых обязательствах? Сколько не может с этим смириться?

— Довольно жестокая уловка! Так сыграть с бедным Малкольмом, если это правда, — возмутилась я.

— У меня есть собственный опыт женской жестокости.

— Как много ты знаешь о Малкольме и других?

Он смотрел в огонь.

— Не могу сказать, что знаю много о ком-либо из друзей Тибериуса. В последний раз, когда он был здесь, я был *немного* занят в Бразилии, — аккуратно намекнул он, вскользь напомнив, что оправлялся от опасных для жизни травм, брошенный неверной женой. Последующие три Стокер провел года большей частью под влиянием крепких напитков и женщин сомнительной добродетели. Иначе говоря, его утешением было дно — как бутылки, так и шлюхи. У меня была возможность испытать злобу бывшей Кэролайн Темплтон-Вейн благодаря нашему недавнему набегу на искусство дедушки.* Я содрогнулась от воспоминаний и решила вернуть

разговор в прежнее русло

— Тем не менее, это интересная головоломка.

— Если у тебя есть хоть пол-унции смысла, ты оставишь все как есть, — рекомендовал он мне необычно суровым тоном. — Тебе не нужно играть в эту игру только потому, что Малькольм хочет, чтобы ты играла.

— Игра! Я не думаю, что такой запрос можно назвать игрой. Человек явно растерян и нуждается в ответах.

— Лучше позволить мертвым покоиться в их могилах, — сказал Стокер.

— Ты был достаточно заинтересован, чтобы сегодня в таверне слушать сплетни о ее исчезновении. Кроме того, минуту назад ты сказал, что она сбежала, а теперь называешь ее мертвой. Прими решение: она своенравная невеста или жертва убийства?

— Она — не моя забота, и если ты умная, то поступишь так же.

— О, уходи прочь и прекрати командовать. Я уже говорила тебе, ты не должен быть здесь.

— О да. Репутация бедного брата Тибериуса, — сказал он ехидным тоном.

— Не забывай тот факт, что моя собственная репутация будет разодрана в клочья.

Стокер бросил на меня насмешливый взгляд.

— Твоя репутация никогда не беспокоила тебя раньше.

Я отвернулась, чтобы не встречаться с ним взглядом.

— У тебя плохое настроение, а я устала. Ты сказал все, что хотел сказать?

— На самом деле, я пришел, чтобы извиниться. Я уже извинился перед Тибериусом.

Я подняла бровь.

— Ты извинился? По собственной воле? У тебя температура? Должна ли я позвать кого-нибудь?

Стокер устало провел рукой по лицу.

— Продолжай. Я заслужил еще сотни таких же укусов.

Я повернулась к нему, почти обеспокоенная.

— Ты сокрушен и разумен. Мне это не нравится.

Он пожал плечами.

— Просто искренен. Я действовал опрометчиво, приехав сюда без приглашения и ввязавшись в вашу маленькую эскападу. Тибериус всегда умел подталкивать меня. Не знай я его лучше, решил бы, что он хотел, чтобы я приехал. Но он это отрицает.

— Вы с Тибериусом говорили?

— Не очень успешно. Он все еще безумно скрытен в своих намерениях на твой счет, но мы все знаем, что ваши брачные обязательства являются обманом.

Я закатила глаза.

— Я могу справиться с его намерениями на мой счет, и даже если бы не могла, это не твое дело.

Стокер долго молчал, и я отдала бы часть своей души, чтобы узнать его мысли. Мои собственные мысли были столь беспорядочны, что я не доверяла себе. *Это его запах*, лениво думала я. Всякий раз, когда он был рядом, я вдыхала аромат кожи, меда и что-то еще — неопределимое, но свежее и острое, как ветер с моря.

Я повернула голову, в который раз изучая знакомый профиль: гордую горбинку носа, длинную элегантную линию челюсти. Прядь черных волос упала ему на лоб, завиваясь почти над самыми глазами. Воротник был расстегнут, пульс медленно, ровно бился в дупле у основания горла. Руки Стокера лежали на подлокотниках кресла, сильные, способные руки, не раз удерживающие мою жизнь. Руки аристократа, прекрасной формы с длинными, сужающимися пальцами; и в то же время руки рабочего, тяжелые от мозолей и с широкими ладонями. Эти руки никогда не подводили меня.

Я снова посмотрела, как пульсирует вена у его горла, и услышала эхо в моих собственных ушах. Я сглотнула, мои губы приоткрылись. Теперь я поняла. В этот самый момент все замедлилось, и само время, казалось, затаило дыхание. Это был момент, чтобы исправить все, что я порвала. Мне оставалось только признаться. Три коротких слова стояли между нынешним убожеством и истинным блаженством, если б я открыла ему душу.

Я оттолкнула его ради него самого, убеждала я себя. Нет, я лгала, когда называла собственную трусость актом щедрости. Не ему нужно изгнать призрак Кэролайн, я была той, кого она преследовала, эта красавица-чудовище с душой, темной как грех. Это я дрожала при мысли, что меня будут сравнивать с ней и найдут, что во мне чего-то не хватает. Несмотря на все мои бравурные проявления уверенности, Кэролайн стала моим *bête noire*[16], разбивая веру в себя. Больше всего на свете я боялась ранить того, кого любила.

Но довольно! Огонь потрескивал в камине, часы забили полночь. Я считала удары, поклявшись себе, что когда пробьет двенадцать, и исчезнет последнее эхо, я раскрою свое сердце и наконец скажу правду.

Один. Предварять ли признание извинением за мою капризность? За случайные травмы, которые я ему нанесла?

Четыре. Как могли секунды пролететь так быстро? Мое сердце билось быстрее, каждый удар быстрее, чем бой часов.

Семь. Несколько секунд осталось, прежде чем я заговорю и навсегда изменю нашу жизнь.

Десять. Еще два удара, и я должна заговорить. Но как начать?

Одиннадцать. Стокер.

Двенадцать. Пора.

Я глубоко вздохнула, мои губы приоткрылись, радость и трепет растянули мое сердце так полно, что я едва могла удержать его в себе.

Внезапно Стокер повернул голову и встретился со мной взглядом.

— Ты была совершенно права, Вероника, — промолвил он непринужденным тоном.

— Я... извини, что ты сказал? — Я начала говорить, вытолкнув из себя несколько слов, но не более того. Его замечание плавно перерезало мои слова.

— Прошлой ночью, то, что ты сказала о Кэролайн. Я не желал слушать, и, осмелюсь заметить, продемонстрировал сорок вариантов хамства, но ты права.

Я почувствовала головокружение, тепло огня внезапно стало слишком горячим, а мои руки и ноги — очень холодными.

— Я права?

Стокер улыбнулся, это был призрак его обычной улыбки.

— Не принимай победу слишком близко к сердцу и не господствуй надо мной. Я не привык унижаться, мне это не по вкусу. Но ты была права.

Я заставила свой голос звучать легкомысленно.

— Обычное положение вещей, — заявила я с такой хрупкой улыбкой, что она казалась сделанной из стекла.

Он продолжил, не замечая мою пронзительную боль.

— Я много думал об этом прошлой ночью. Как всегда, ты знаешь меня лучше всех. Ты видишь во мне то, что я не могу видеть в себе, и это самая чистая форма дружбы.

— Дружбы, — отозвалась я слабым эхо.

Стокер наклонился вперед, пылкий в своей очевидной искренности.

— Дружбы. Я пришел к выводу: ты была права, настаивая, что мы должны сохранить нашу дружбу. Она превыше всего. Романтические наклонности, физические импульсы, это момент. Они не длятся подобно настоящему общению.

— Как собака, — сказала я удрученно. Я значу для него чуть больше, чем Гексли, послушный друг по оружию, ждущий сигнала, чтобы присоединиться к его предприятиям. И если заработаю, меня погладят по голове и дадут мозговую косточку за усердие.

— Для меня ново — считать женщину моим самым близким доверенным лицом. Я не всегда ценил дух товарищества в представительницах слабого пола. Не всегда был готов выслушать совет женщины, но иногда ты так похожа на мужчину, что я обнаруживаю желание прислушаться.

— Я похожа на мужчину, — тупо повторила я.

— Ну, конечно, не внешне, — пояснил он, все еще трезвый как пастор. — Но манерами. Ты откровенна и прямолинейна в разговоре, не играешь ни в одну из тех игр, которые так обожают дамы. Предлагаешь лишь правду, какой бы болезненной она ни была.

Я исследовала его лицо в поисках злости или сарказма, но в этом открытом, бесхитростном взгляде не было ничего, кроме убежденности.

— Я начинаю себя чувствовать фанатичной поборницей строгой дисциплины, — пробормотала я, заставляя слова преодолеть боль в груди.

Стокер мило улыбнулся.

— Нет, отнюдь. Скорее похожа на преданную гувернантку, всегда готовую дать необходимое лекарство, независимо от того, насколько оно противно.

У меня не нашлось разумного ответа на это наблюдение, поэтому я промолчала. Я лишь смотрела на огонь и желала быстрой и безболезненной смерти.

Он зевнул и потянулся.

— Господи, уже поздно, я должен позволить тебе лечь спать. Просто хотел подтвердить справедливость твоих замечаний прошлой ночью. Мне грозила опасность сделать из себя большого дурака, но ты оттащила меня от края пропасти. Спасибо за это.

— Что ж, я кое-что знаю о том, как дурачить себя, — я говорила с притворной небрежностью, пробуя на языке слова, горькие как смола.

Он встал и протянул руку.

— Итак, давайте пожмем руку нашему новому пониманию. Друзья, приятели, коллеги, партнеры в этих нелепых расследованиях, которые ты, кажется, так и притягиваешь к себе.

Я приняла его руку, и Стокер пожал мою с чрезмерной сердечностью, которая обычно наблюдается у крепко поддатых собутельников.

— Очень рад, что мы наконец поняли друг друга, — откровенно

признался он, — Я скучал по нашим разговорам.

— Как и я. — Я заставила себя улыбнуться, когда он пожелал мне спокойной ночи.

Стокер тихо закрыл за собой дверь и вышел. Я долго сидела, глядя в огонь и размышляя о том, как все было близко. Я стояла на краю пропасти, готовая прыгнуть, но обнаружила, что у меня нет крыльев.

— Умная Вероника, — мой рот скривился от разочарования. — Ты думала защитить его от битья и ран, а вместо этого отлупила себя.

Факт, что я спасла его от дальнейшей боли, оказался слабым утешением.

* * *

На следующее утро я опять плотно позавтракала. По словам миссис Тренгроуз, наши джентльмены занимались каждый своим делом. Малкольм проблемами имения, Тибериус перепиской, Каспиан какой-то ерундой (это было сказано со снисходительным видом), а Стокер описывает круги вокруг острова. Я не была удивлена последним. Стокеру никогда не нравилось находиться в помещении слишком долго; он очень ценил терапевтические эффекты физической нагрузки. Я разделяла эту склонность.

подавив порыв тоже зарядиться упражнениями, я занялась газетами, с облегчением обнаружив, что убийца Уайтчепела больше не наносил ударов. Однако от бесконечных историй об убийствах с ужасными подробностями, наводящими на отвратительные размышления, у меня скрутило живот. Я отбросила газеты в сторону и попыталась вместо этого составить план размещения моих Glasswings в лондонском виварии. Увы, все усилия были бесполезны. Я не могла прогнать тучу, спустившуюся после разговора со Стокером. Решив рассеять колючее настроение, я бросила ручку и переоделась в свой охотничий костюм. Выходя из комнаты, я столкнулась со Стокером.

— Доброе утро, — сердечно приветствовала я. — Как твоё плаванье?

Его волосы были взъерошены, а щеки вспыхнули от напряжения. Расположение духа у него заметно улучшилось.

— Поучительно. — Стокер колебался, затем улыбнулся. — Я нашел кое-что, что тебе понравится. Идем со мной.

Мне не нужно большего поощрения. В какой-то момент это напомнило мне наши старые приключения, и я охотно последовала за ним, мой

энтузиазм рос с каждым шагом. Стокер вел меня через кладовые, маслобойные, резные и другие домашние помещения, приветствуя персонал и вспугнув служанку, страстно обнимающуюся с помощником лакея в игровой комнате.

— Это ужасно негигиенично, — осудила я, когда они выскочили оттуда как ошпаренные.

Мы прошли через кухню, где Стокер забрал у поварихи бутерброд. Не один из тех деликатных сэндвичей, которые она обычно нарезала к чаю, а огромный, наполненный ростбифом, отличным чеддером и щедро намазанный горчицей. Откусив, Стокер слегка застонал от удовольствия, и она улыбнулась ему.

— Так приятно видеть джентльмена со здоровым аппетитом, — сказала кухарка, тут же щедро предлагая ему другой. — У вас хорошая фигура, поверьте. Вам нужен еще один.

Я отмахнулась от нее.

— Если он будет съедать по два таких бутерброда, у него недолго сохранится прекрасная фигура.

Стокер послал ей воздушный поцелуй и указал мне на низкую дверь в дальней стене.

— Вот куда нам надо.

— Что за ней? — любопытствовала я.

— Винные погреба, мисс, — быстро ответила кухарка. — Г-жа Тренгроуз сейчас там, но захватите фонарь, в подвалах кромешная тьма.

Я зажгла фонарь, поскольку Стокер все еще наслаждался бутербродом. Под его одобрительные возгласы я прошла через дверь и спустилась по каменным ступеням. Внизу, в кругу теплого желтого света я увидела миссис Тренгроуз с крепким мужчиной в грубой одежде островитян. Они дружно наполняли большую бочку вина, переливая содержимое из бочонка меньшего размера.

Экономка подняла голову, когда мы спустились.

— Доброе утро вам обоим. Снова исследуете туннели, мистер Темплтон-Вейн? Вы встречались с мистером Пенгирдом вчера, когда вы, джентльмены, объезжали остров?

Стокер проглотил последний кусок своего сэндвича и наклонил голову.

— Мы в самом деле встречались. Управляющий виноградником, не так ли?

Мужчина кивнул.

— Да сэр. Это я.

— Г-н Пенгирд только что принес молодое вино — первый урожай

винограда этого года, — сообщила она нам. — Боюсь, у нас не сохранились наши прекрасные островные винтажные вина. Все перемешано и оставлено бродить. Мистер Малкольм считает, что остатки старого вина придают молодому вину характер.

— Правильно, — настойчиво подтвердил мистер Пенгирд. — Мы делаем вино в этих местах со времен Елизаветы. Чем старше бочка и гуще остатки выдержанного вина, тем лучше новое вино. И виноград в этом году уродился как никогда. Только попробуйте, какой вкус!

Он поставил небольшую бочку и достал два крошечных стакана, передавая по одному Стокеру и мне.

— Вы не попробуете, миссис Тренгроуз? — любезно спросил Стокер.

Прежде чем она ответила, винодел рассмеялся, весело кивнув в сторону экономки.

— Не наша миссис Тренгроуз. Она непьющая, трезвая как судья.

Миссис Тренгроуз покачала головой.

— Экономке не годится увлекаться спиртным, мистер Пенгирд.

Он снова засмеялся, приглашая нас выпить. Миссис Тренгроуз покосилась на нас, но ничего не сказала. Вино, незрелое и неферментированное, на мой вкус, было грубым и кислым, но мистер Пенгирд налил себе щедрую порцию в мой стакан, даже не вытерев его.

— От него у вас волосы на груди вырастут, так и будет, миссис, — пообещал он.

Миссис Тренгроуз посмотрела на него с ужасом.

— Я могу закончить остальную часть бочки, мистер Пенгирд. Уверена, что у вас есть другие дела, требующие внимания.

— О, нет, миссис, — возразил он с широкой улыбкой. — У меня дел — только эти бочки, чтобы доставить хозяину. Ему очень нравится первая дегустация, — добавил он, наливая еще немного вина в стакан, который держал, и заканчивая его с громким причмокиванием. — Сладкое в этом году, — поведал он, подмигнув, — благодаря моей Анне и ее изящным ножкам.

— Прошу прощения? — слабым голосом переспросила я.

— Мисс, мы здесь давим виноград ногами, как в старые, добрые времена. Некоторые виноградники используют камень, но это не для нас, нет. Мы выбираем самых прекрасных девушек на острове, чтобы отжать виноград, и в этом году моя Анна имела честь первого отжима.

Стокер и я, испытывая легкую тошноту, обменялись взглядами. Неудивительно, что миссис Тренгроуз не пила местные вина! Она бросила на нас извиняющийся беглый взгляд, крепко заткнула пробкой большую

бочку и вернула маленький бочонок мистеру Пенгирду.

— Спасибо, мистер Пенгирд. Я обязательно передам хозяину, каким деликатесом будет вино в этом году.

— Так и сделайте, миссис, — сказал он, опять подмигивая. Затем собрал свои бочонки и направился к дальней стене, к железным воротам в камне.

Стокер взял у меня фонарь.

— Я хотел показать мисс Спидвелл туннели, мистер Пенгирд. Если вы пойдете через подземные коридоры, мы прогуляемся вместе с вами.

— Да, сэр, — ответил мистер Пенгирд, прежде чем повернуться ко мне. — Как видите, мисс, весь остров изобилует ими. Естественные пещеры. Первые поселенцы жили в них, пока не были построены замок, дома и сама деревня. После туннели служили тайниками, где можно было спрятаться в случае вторжения. Не раз корабль злодеев причаливал к этим берегам и отплывал несолоно хлебавши, не найдя ни души на всем острове.

— Для чего ими пользуются сейчас? — спросила я.

— Господь с вами, мисс, они вообще ни для чего не используются. С одним исключением: держат тебя сухим, когда льют дожди, а человеку надо добраться из одной части острова в другую.

— Куда именно идут туннели? — вставил Стокер.

Мистер Пенгирд наклонил голову, почесывая широкий живот.

— Ну-ка, дайте мне подумать. Самый большой туннель, что вел от главного пляжа к деревне, семьдесят с лишним лет как разрушен. Все обрушилось, убив нескольких хороших людей и испортив склад лучшего бренди Наполеона, так и произошло.

Он подмигнул мне.

— В те дни туннели использовались для контрабанды. Сейчас не преступление это рассказать, потому что нынешний хозяин никогда бы не потерпел такие дела. Но его дедушка не был таким добропорядочным, ему нравилось французское бренди и немного шелка для миссис. Многие грузы доставлялись через туннели.

— Но этот туннель был заблокирован большую часть столетия? — подсказал Стокер.

— Да, сэр. Остаются два небольших туннеля, один из деревни до замка, а другой от замка до западного пляжа, того, что выходит на Сестер, — пояснил он.

Миссис Тренгроуз сняла свой собственный фонарь с колышка на стене.

— Я оставлю ворота незапертыми, чтобы вы могли вернуться сюда,

когда закончите.

Мистер Пенгирд опять почесался.

— Я проведу вас к месту, где разветвляются туннели, и оттуда вы сможете найти дорогу. Прощайте, миссис Т!

Она попрощалась с ним, и ее бледное лицо казалось светящимся пятном в темноте удаляющегося погребца. Пенгирд провел нас через железные ворота в пещеру, которая почти сразу же уступила место узкому туннелю. Стокеру было достаточно места, чтобы встать прямо, но не более того, и я удивилась, как контрабандисты и моряки обходились веками.

Мистер Пенгирд, должно быть, интуитивно понял мои мысли.

— Вот почему мы берем маленькие бочки, чтобы принести вино. Больше ходок, но зато намного короче путь. Теперь берегите головы, земля на склонах осыпается.

К этому моменту туннель резко свернул, становясь крутым, перемежающимся местами с короткими ступенями, врезанными в живую скалу, и поручнями из веревок с узлами. В немногих местах пол туннеля был достаточно ровным, можно было легко идти. Между тем мы почти все время спускались, и я подумала, как чертовски тяжело для них таскать через туннели тяжелые грузы.

Еще раз мистер Пенгирд опередил мой вопрос.

— Последний хозяин порой включал гидравлический лифт, который он установил для доставки товаров с пляжа. Поднимал свою тещу. Леди была настолько толстая, что сама не могла взобраться, — добавил он с хриплым смехом. Внезапно туннель разделился, и он остановился.

— Тут я вас оставляю, — Он указал вправо. — Эта ветвь идет в деревню, прямо в кузницу. — Он указал на левую ветвь. — Вот ваш путь. Просто следуйте по нему прямо к пляжу, и вы не заблудитесь. Прилив закончился, так что вам нечего бояться, но учтите, вам надо вернуться поскорее. Прилив изменится через три часа, вряд ли вы захотите остаться на дне моря.

— Это опасно? — осведомилась я.

— Только если у вас нет ног, чтобы подняться наверх, — с улыбкой ответил Пенгирд. — Но пляж будет весь покрыт водой, и туннель затопят первые двадцать футов или около того. Дальше ничего нет кроме моря, пока не доберетесь до Первой Сестры. — Он коснулся кепки и пошел, взвалив на себя пустые бочонки и насвистывая веселую мелодию.

Стокер и я повернули к пляжному туннелю, высоко держа фонарь, чтобы освещать как можно дальше темный провал.

— Следи, куда ставишь ноги. Здесь скользко, — предупредил он.

Стокер протянул руку, и я взяла ее, чувствуя тепло всего мира в этой руке. Воздух в туннеле был свежее, чем я ожидала, пахло водорослями и солью.

— Мы приближаемся, — извещил он, когда я заметила просвет впереди. Туннель слегка изогнулся, и мы вышли на узкую каменистую гальку. В открытом море выступала вверх из воды самая маленькая из Сестер, ее бесплодная скала омывалась серыми волнами. Чайки летали над скалой, галдя и кидая на нас зловещие взгляды.

— Не очень привлекательный вид, не так ли? — кивнула я на них Стокеру. Но сам пляж был райским. Ненадолго вошло солнце, позолотив камни и согревая воздух. Я сняла с себя чулки и туфли, сев у кромки воды, и окунула пальцы ног в холодный прибой. Ноги покрылись гусиной кожей, и я вытащила их из воды.

Стокер не присоединился ко мне. Вместо этого он без слов снял одежду и шагнул в волны, бросаясь вперед сильными ударами пловца, пока не осталась видна только его темная голова. Он плавал некоторое время — вперед-назад, параллельно горизонту и течению, пока, наконец, не вышел из моря и взял штаны, натягивая их с намеренно провокационной медлительностью. Вода капала с черных кудрей, стекала по груди и плоскому животу. Я уставилась на горизонт, притворяясь, что не подсматриваю; повернувшись лицом к морю и наблюдая за чайками. Они махали крыльями, улетаая с крошечного острова, кружились над головой и издавали печальные звуки, вероятно в поиске рыбы. На скале у края гальки промелькнула птица, без сомнения, подошла осмотреть голыши в поисках несчастных крабов.

Стокер спустился на пляж, натянул рубашку, но оставил ее открытой, позволяя мне увидеть дразнящий проблеск затвердевших мышц, легкодвигающихся под кожей. Я принудительно напомнила себе, что мы только друзья, как было решено в результате разговора прошлой ночью. Никакой соблазн его мужского обаяния не должен отвлекать меня от этой резолюции.

— Ты докупаешься до смерти в такой холодной воде, — строго отчитала его я. — Получишь судороги и утонешь.

Крошечная улыбка заиграла на его губах.

— Как хорошо, что ты заботаешься о моем здоровье. Но тебе не нужно бояться, я не собираюсь тонуть.

— Говорят, это мирная смерть.

Стокер вздрогнул.

— Это неправда. — Я ничего не сказала, и через мгновение он продолжил:

— Я видел сам. Дважды. Моряки, которых смывало за борт, один раз во время шторма, это было не так страшно. По крайней мере, быстро. Мы видели, как парень бился и боролся с волнами, когда они поднимались все выше и выше, но не могли прийти на помощь. Не было никакой возможности спасти его, и поверь мне, в этом не было ничего мирного.

— И другой?

Он покачал головой.

— Такелажник соскользнул с мачты. Пролетел мимо палубы на несколько дюймов и погрузился прямо в море. В тот день море было спокойно. Если бы он умел плавать, мог бы спастись. Но он так и не научился.

Я подняла брови, и он объяснил:

— Большинство моряков никогда не учатся плавать. Они думают, что быстрая смерть — утонуть или от акул — лучше, чем долго мучиться без надежды. Парень был одним из них, он не мог удержаться на плаву. Пока мы смогли прийти ему на помощь, он утонул. Но мы слышали его, булькающего, задыхающегося, кричащего о помощи. Потом не осталось ничего, кроме молчания, ужасного молчания, которое хуже любой мольбы.

Я вздрогнула, и Стокер крепко прижался ко мне плечом.

— Больше никаких страшных историй о смерти в открытом море, — пообещал он. — Не устроить ли нам себе приключение сегодня?

— Удивительно, что вы, мужчины, не собрались вместе пострелять. Я думала, джентльмены делают это для забавы, — бросила я легкомысленно.

Он засмеялся, и теплый мед его голоса наполнил меня до костей.

— Уверен, мы установили, что я не джентльмен. Кроме того, я больше не охочусь.

— Я тоже, — призналась я с грустной улыбкой. — Нежелание ловить живые образцы казалось мне неким отклонением от нормы, результатом затянувшегося пребывания в Лондоне. Тем не менее, не было успеха и на Мадейре. Я ограничилась тем, что собирала бабочек, которые умерли от естественных причин.

— Говоря о Мадейре, — начал он медленно.

Я вломилась, безжалостно отрубая его.

— Молодой Каспиан — просто дьявол. Забыла рассказать тебе, они с Малкольмом вчера поссорились. Что-то, связанное с Каспианом, пробивающем собственный путь в этом мире. Я не знаю, в чем именно заключалась проблема, по-моему, дело в деньгах.

Я затаила дыхание, ожидая, когда он опять заговорит о Мадейре, но Стокер оставил эту тему, пожав плечами.

— Скорее всего, Каспиан требовал субсидий, которые дядя Малкольм отказался предоставить, — догадался Стокер.

— Я так предполагаю.

Стокер задумчиво потер подбородок.

— Интересно, сколько денег Малкольм выделяет Хелен, и как она делится с Каспианом. Он мог превысить пособие по мелочам. Азартные игры? Женщины?

— Это наиболее вероятные расходы для молодого джентльмена, — согласилась я. — Хотелось бы, чтобы хоть раз мужчина погубил себя экстравагантными покупками драгоценностей или склонностью к дорогой обуви.

Стокер фыркнул.

— Я видел обувь Каспиана Ромилли. Он не задолжал своему сапожнику.

— Может быть, его мать, — рассуждала я. — Не долги сапожнику. Но она может быть источником неприятностей. Я видела доказательства того, что она пьет. Или возможно, у нее есть поклонник, с которым она проявила неосторожность.

— Она все еще красивая женщина, — задумчиво сказал Стокер.

— Красивее, чем ее невестка. — Слова выскользнули из моего рта, прежде чем я смогла остановить их.

Внезапный порыв ветра всколыхнул волосы Стокера, словно ленивой рукой.

— О, не знаю, — сказал он, не отводя от меня взгляда, на его губах играла полуулыбка. — У Мертензии есть свои прелести.

Это наблюдение меня ничуть не смутило, ибо я не склонна к таким мелким эмоциям, как ревность. Незначительное раздражение, которое я не могла подавить, сделало мой голос острее обычного.

— Как и у ее брата.

— Да, — голос Стокера внезапно охладел. — Замок имеет тенденцию улучшать привлекательность человека в геометрической прогрессии.

— Я нахожу привлекательным вовсе не замок, — парировала я с жесткой улыбкой.

Стокер выпрямился.

— Нам пора возвращаться. Внезапно похолодало.

Не дожидаясь, он подобрал свои ботинки и пошагал по гальке. *Очень похолодало*, подумала я.

Глава 9

Остальная часть дня прошла медленно. Каждый раз, когда я смотрела на часы, они, казалось, останавливались, минуты застывали холодной патокой, когда я пыталась примириться с чем-то, со всем. Я не хотела видеть Стокера. Теплое общение, которое он предлагал — *товарищество, на котором я настаивала*, напомнила я себе холодно — казалось маленькой и жалкой вещью при свете дня. За несколько месяцев на Мадейре я убедила себя, что должна быть рациональной и трезвой. Но теперь, в непосредственной близости от него и с тайной, которую требовалось разгадать, старые эмоции, некогда похороненные, снова вспыхнули. Настоящий ад угрожал поглотить меня. Нисколько не помогали ни легкий дух товарищества Стокера, ни его непринужденная нагота. Припомнилось, как небрежно он обнажился передо мной, точно я один из его приятелей-моряков. Он поверил мне на слово, согласившись, что для нас лучше оставаться друзьями и партнерами.

И все же. Несмотря на мои заявления и добрые намерения, этого было недостаточно. Как будто я взяла лезвие, порезала холст прекрасной картины на куски, а потом пожаловалась, что больше не вижу картину. Некоторое время я сидела и молча ненавидела себя, прежде чем твердо взять себя в руки.

Я снова написала леди Вэлли, а также леди Корделии, составила план выставки Glasswing в лондонском виварии. Затем вознаградила себя несколькими главами последних подвигов Аркадии Браун с ее верным напарником Гарвином. Она участвовала в раскрытии кражи бесценных камней из частной коллекции Папы в Ватикане, и я только дошла до особо ужасного убийства члена швейцарской гвардии, когда внезапный удар грома едва не выбил меня из колеи. Шторм, то поднимавшийся, то стихавший, возродился, принес с собой ливень и порывистый ветер.

Я была удивлена, обнаружив, что умудрилась заполнить день, пришло время чая. Я отправилась на поиски остальных, найдя их в гостиной с Мертензией, выглядящей несчастной в роли хозяйки чайной церемонии.

— Меня заставили играть мамашу, — буркнула она сквозь стиснутые зубы. — Что вы предпочитаете? Китайский или индийский?

— Китайский, пожалуйста.

Она налила чашку дымящейся янтарной жидкости и сунула ее мне в руки, позволяя части чая выплеснуться в блюдо.

— Боже, я ненавижу все эти чайные ритуалы. Почему мы должны это делать... — Мертензия замолчала, явно раздраженная обязанностями гостеприимства. Она была колючим существом, тем не менее я была полна решимости вести с ней сердечный разговор, даже если это было бы против нашей коллективной воли.

Я отпила.

— Возможно, вам не удастся изображать хозяйку, но никто не может отказать вам в колоссальном опыте в саду.

— Хотела бы я оказаться там сейчас, — пожаловалась она. — Я понимаю растения. Люди — совсем другое дело.

Она заколебалась, затем с явным нежеланием кивнула в сторону пустого места на диване рядом с ней. Я сидела и прихлебывала чай, отказываясь поочередно от торта, бутербродов и хлеба с маслом.

— Это все так бессмысленно, — сказала она после долгого молчания и не без горечи. — Почему мы должны глупо сидеть, разговаривая с одними и теми же людьми изо дня в день? Я предпочла бы быстро выпить чашку чая в саду, а потом вернуться к своей работе.

— Конечно, не в такой день, как сегодня, — поддразнила я, глядя в окно. Ленты дождя серебрили стекло.

— Особенно в такой день, как сегодня, — возразила она. — Растения ведут себя по-другому, когда они мокрые. Каждый раз рядом с ними я узнаю что-то новое. Вы должны чувствовать то же самое в отношении бабочек, — бросила она.

— Бабочки не летают под дождем, — напомнила я ей.

Она наклонила голову, как будто эта мысль никогда не приходила ей в голову.

— Что они делают под дождем?

— Стараются прильнуть к удобному кустарнику или деревцу, укрыться под листьями. Их крылья сделаны из перекрывающихся чешуек, настолько крошечных, что они почти незаметны для невооруженного глаза. Если чешуйки собирают много влаги, крылья будут слишком тяжелыми, чтобы поднять бабочку с ее насеста. Частью очарования охоты на них является знание того, что они буйно размножаются в хорошую погоду в умеренном климате.

— Но я видела, как Glasswings порхали под дождем, — недоумевала она.

— Это их особенность. Отличие Glasswings в том, что им не хватает чешуек других сортов. Именно чешуйки придают цвет крылу бабочки. Существо без этих чешуек бесцветно, но по-своему великолепно и

способно летать под дождем. Возможно, это пример теорий мистера Дарвина об адаптивной эволюции.

— Вы имеете в виду, погода здесь настолько изменчива, что бабочка для размножения должна была адаптироваться к условиям, в которых она живет?

— Что-то вроде того.

— Вы — последователь теорий мистера Дарвина? — спросила она.

— Мне они интересны, — поправила я. — Я склоняюсь к более сдержанному подходу мистера Гексли[17]. Я эмпирик и верю тому, что наблюдаю. Стокер считает более вероятной позицию Дарвина, — добавила я.

При упоминании имени Стокера Мертензия вспыхнула. Она прикрыла румянец, жуя сэндвич с креветками. Я воспользовалась возможностью сменить тему.

— Мне жаль, если я вчера огорчила вас своим вопросом о Розамунде. Дерзость — одна из моих плохих привычек.

Она стряхнула крошки с пальцев.

— Не так уж и дерзко. Кажется, Малкольм все время собирался организовать эту встречу.

— Он поделился с вами планами ?

Ее темные глаза были осторожны.

— Нет, не делился. Похоже, он скрывал от меня свои секреты, — добавила она поспешно.

— Вы не знали о дорожной сумке?

Она покачала головой и взяла кусок пирога, но не стала его есть.

— Должно быть, у вас был шок, — предположила я. — Быть столь сомневающейся в судьбе Розамунды, а потом узнать об уверенности вашего брата, что она никогда не покидала остров живой. Это ужасно.

Ее глаза сверкнули в ответ.

— Я никогда не верила, что Розамунда покинула остров, — сказала она со жестокой окончательностью.

— Что заставляет вас думать, что она не сбежала?

— Потому что она никогда бы не оставила свои жизненные амбиции в тот момент, когда их достигла, — заявила Мертензия.

— Тогда, что вы думаете с ней случилось, раз она не покидала остров?

Ее губы шевельнулись, она посмотрела на свои руки, казалось, почти удивленно. Кусок пирога рассыпался на кусочки. Мертензия вытерла пальцы и осознанным движением отставила чай в сторону.

— Вы должны извинить меня. Я срезала гортензии утром, их надо

срочно положить в глицерин, чтобы сохранить на зиму.

Она оставила меня, и почти сразу Хелен Ромилли проскользнула на ее место.

— Могу я налить вам еще одну чашку, мисс Спидвелл?

Я согласилась, и она разыграла мать семейства. Я заметила, что ее рука была устойчивой, когда она с легкой улыбкой передавала мне чашку.

— Я должна поблагодарить вас и за вашу доброту, и за вашу осмотрительность.

— Не думайте об этом, — посоветовала я.

Она подняла руку.

— Пожалуйста. Вы были очень понимающей, и нет оправдания моему поведению, кроме того, что мне трудно находиться здесь снова.

— Вы присутствовали на свадьбе, не так ли?

Она кивнула, ее темные волосы блестели в свете лампы. У шеи была закреплена траурная брошь: прядь волос, вплетенная в узор в центре.

— Люциана, — сказала она, прикладывая палец к брошке. — Мне не нравится приезжать сюда, но здесь я чувствую себя ближе к нему, зная, как ему было дорого это место.

Я потягивала чай и наблюдала, как крошечная морщинка прорезается между ее бровями.

— Вы, должно быть, ужасно по нему скучаете.

— В Лондоне не так сильно. Здесь он присутствует всегда, потому что это был его дом, но в Лондоне мы постоянно меняли жилье, в зависимости, куда нас нес ветер странствий.

Ее голос был легок, но в манере сквозило напряжение, и я спросила себя, насколько счастлив был ее брак. Она продолжала:

— Мой муж был оптимистом, почти по-детски убежденным, что вот-вот случится счастливое событие. У него была великая сила заставить других поверить в это, по крайней мере, он заставил поверить меня, — добавила она с нежной улыбкой.

Она повернулась и поманила к себе кошку. Геката легко вскочила ей на колени и уставилась на меня глазами, похожими на лампы. Руки Хелен, красивые и изящные, гладили мурлычущее животное.

— Народ в здешних краях верит в потусторонний мир, — тихо сказала Хелен. — Они верят в пикси и фей, словом, во все, что мы перерастаем, взрослея. Как будто они никогда не оставляют детство позади.

— Они здесь удалены от всего мира, — откликнулась я. — Живут на краю света, так им должно казаться.

— Действительно. Иногда меня беспокоит мысль, что Каспиан,

возможно, отчасти унаследовал это *не-от-мира-сего* качество. У Ромилли есть некая болезненность, отказ встретиться с миром, таким, какой он есть. Это страшно. — Ее руки не останавливались, медленно лаская кошку.

— Думаю, что все матери беспокоятся о своих детях.

Она понимающе улыбнулась.

— Без сомнения, вы считаете меня глупой. Но Каспиан — это все, что осталось у меня на свете. Я хочу, чтобы он преуспел, и я хочу, чтобы он был счастлив.

— Эти вещи не являются взаимоисключающими, — заметила я.

— Нет, но у Ромили редко бывают счастливые браки.

— Похоже, ваш был.

— Так и было, — подтвердила она. — Но мой был исключением, думаю, потому что мы не жили здесь. Люциану было полезно удрать из замка. Но теперь я вернула сюда его сына и спрашиваю себя, не было ли это огромной ошибкой.

— Конечно, для него хорошо ближе познакомиться со своей семьей.

— Да, — согласилась она, но в ее голосе звучала нерешительность.

Я вспомнила сцену между дядей и племянником, которую подслушала накануне.

— Вы беспокоитесь о влиянии Малкольма на вашего сына?

Глаза Хелен расширились, и рука остановилась, заработав ей упрек от кошки. Она возобновила ласки, покачав головой.

— Определенно, нет. Малкольм — джентльмен. Они с Мертензией могут быть склонны к меланхолии, но это худшее, что можно сказать о них.

Я поспешила исправить ущерб.

— Простите меня. Видите ли, я слышала, что когда-то в школе Малкольм был несдержанным и яростно напал на другого мальчика.

— О, *это*, — ответила она со смешком. — Мальчик, которого он душил, был отвратительным маленьким мерзавцем. Он издевался над одним из младших мальчиков, а Малкольм не стал бы терпеть подобное. Он набросился на старшего парня, не позволяя себя стряхнуть. Директор настоял на его исключении из школы, но Малкольм вернулся домой героем.

— Вы совершенно уверены в обстоятельствах?

— Конечно! Люциан все это видел. Их вместе отправили в школу, и директор школы исключил их обоих одновременно. Муж рассказывал эту историю всякий раз, когда упоминалось имя Малкольма. Гордился, что старший брат дал отпор мальчику, вдвое крупнее его.

Я молчала, удивляясь, почему Тибериус не счел нужным поделиться смягчающими подробностями этой истории. Знал ли он? Или Хелен

изобрела их?

Она продолжила.

— Нет, мои опасения в отношении Малкольма не имеют ничего общего с его характером. Они скорее связаны с его последним суждением. Я боюсь, что эта домашняя вечеринка окажется бедствием.

— Как по вашему мнению, чего он хочет достичь?

Она пожала одним элегантным плечом.

— Именно то, что говорит. Чтобы раз и навсегда узнать, что случилось с Розамундой. Я только надеюсь, что он сможет жить с тем, что найдет.

— Как вы думаете, что с ней случилось?

Хелен покачала головой.

— Не знаю. Я не могу поверить, что Розамунда сбежала. Это было бы так необычно.

— Она вам нравилась? — спросила я импульсивно.

Женщина пристально посмотрела на меня.

— Вы откровенны, мисс Спидвелл. Никто не должен спрашивать такие вещи.

— Это означает «нет», — среагировала я.

Ее рот изогнулся в улыбке.

— Будь по-вашему. Я ее не любила. Розамунда была очень хороша, обворожительна. Но в ней было что-то сложное. Осторожное. Как будто она постоянно оценивала, подсчитывала, ждала, чтобы выяснить, какую маску ей надо носить, чтобы сыграть свою роль.

— Какую роль?

Хелен развела руками в кольцах.

— Хозяйки этого замка. Она была гувернанткой, мисс Спидвелл. Обучена служить, вписываться, быть ненавязчивой. Но определенная решимость улучшить положение побудила ее вести игру. Я не виню ее за это, заметьте. Женщинам в этом мире приходится соревноваться, и вокруг не так много мест. Если бы ей удалось осуществить свои претензии и добиться успеха, я была готова принять ее как жену Малкольма.

— У вас весьма современные взгляды, — заметила я.

— Я, в отличие от Ромилли, реалист. И слишком хорошо знаю, на что похож этот мир. Отсюда мой вчерашний совет: поспешить с виконтом, пока он у вас есть. Хотя подозреваю, что ваши склонности кроются в другом месте, — добавила она поглядывая в сторону, где Стокер стоял у камина, тихо опустошая блюдо булочек со взбитыми сливками.

Я пробормотала что-то неразборчивое в чашку с чаем. Она засмеялась, наклонившись вперед, чтобы одобряюще постучать по моему колену.

— Не волнуйтесь, моя дорогая. Ваш секрет в безопасности со мной. Обручена с одним братом и скачет с другим на пляже, когда тот раздет! Другая женщина была бы шокирована, но я снимаю перед вами шляпу.

Я вспомнила краткое движение, которое заметила краем глаза, когда мы были на западном пляже.

— Вы видели нас.

— Так и есть.

— Поможет ли признание: на самом деле я не обручена с Тибериусом? Это была хитрость, поскольку он беспокоился, что наше совместное путешествие оскорбит католическую чувствительность Малкольма.

— Вы — любовница виконта? — спросила она прямо.

— Конечно, нет. Тибериус — друг, не более того. Он договорился, чтобы я добавила в мою коллекцию несколько экземпляров бабочек Glasswings Роммили.

— А его брат? — спросила она, ее глаза снова устремились к Стокеру.

— Мы коллеги. Работаем у графа Роузморрана над созданием музея.

— Какое разочарование! — сказала она с улыбкой.

Я оцетинилась.

— Потому что я работаю?

Она опять постучала меня по колену костяшками пальцев.

— Отнюдь, моя дорогая. Я тоже некоторым образом работаю. Нет, я имела в виду вашу целомудренную связь с младшим Темплтон-Вейном. Я достаточно хорошо рассмотрела, что находится под его одеждой, мисс Спидвелл. Позвольте мне заметить, что вы упускаете прекрасную возможность.

Я не могла не согласиться. Это было весьма убедительное замечание.

* * *

В тот вечер за ужином мы покорно протащились через несколько блюд отличной и в основном нетронутой еды, почти не разговаривая друг с другом. Хелен не появилась.

— Мама никогда не любит оставаться в компании до *посещения*, — сообщил нам Каспиан.

— Посещение? — удивилась я.

— Так она предпочитает называть эти встречи, — объяснил он. Молодой человек был бледен и бросил несколько неодобрительных взглядов на своего дядю, но в остальном его поведение было

исключительно вежливым.

— Как ваша мать раскрыла свои способности? — любопытствовал Тибериус.

Каспиан пожал плечами.

— Она всегда была чувствительна к окружающей атмосфере. После того, как отец умер, мама была безутешна. Пошла к медиуму, чтобы поговорить с отцом, но мы так и не услышали от него ни слова.

Мертензия фыркнула.

— Ты говоришь так, как будто это был светский визит.

— Во многих отношениях это именно так, — подчеркнул он. — Медиум устанавливает связь с загробным миром, и если дух, с которым экстрасенс хочет говорить, склонен общаться, он или она ответит. Если нет, маме дают *congé*[18].

— Духа нет дома для посетителей, — сострила я.

Адресованная мне улыбка была теплой.

— Именно так.

Загадочный взгляд Тибериуса остановился на молодом человеке

— Как увлекательно. Я должен поговорить с ней на эту тему.

— Уверен, она не будет против, — любезно ответил Каспиан.

Я посмотрела на Малкольма, игравшего с блюдом фруктового заварного крема и наклонилась ближе к нему, понизив голос:

— С вами все в порядке? Я знаю, это не мое дело, но вы едва прикоснулись к еде. — Я не добавила, что по моим подсчетам его бокал наполнялся четыре или пять раз.

Он долго смотрел на меня, казалось, сосредоточившись только после значительных усилий.

— Как мило с вашей стороны беспокоиться. Признаюсь, все это дается мне сложнее, чем я ожидал.

— Могу представить. Но вам не нужно переносить все все эти мучения. Скажите лишь слово, и дело будет закончено.

— Как дело может быть закончено, пока я не узнаю правду? — Вопрос был мучительным, и я почувствовала прилив жалости к Малкольму. Он наконец пришел в себя и слегка коснулся моей руки.

— Вы очень добры, Вероника. Тибериус — счастливый человек.

Тибериус! Я была благодарна, что наш хозяин еще не обнаружил обман, тем более, что я скомпрометировала себя на пляже с мокрым и голым Стокером. Внезапно наплыли воспоминания о нем, выходящим из волн, словно сын Посейдона, морская вода скатывается с тела...

— Вероника? — голос Малкольма вернул меня к действительности.

Я поспешно улыбнулась.

— Иногда я совсем забываю, что помолвлена.

— Не удивлен. — Он прикоснулся к моему голому пальцу. — Вы не носите обручальное кольцо.

— Тибериус не подарил мне кольцо.

На лице Малкольма отразилось потрясение.

— Тогда он нарушает свой долг! Нет, не долг. Ибо было бы наслаждением надеть драгоценный камень на эту руку.

К моему удивлению, я поняла, что Малкольм Ромилли — горюющий жених с пропавшей женой — флиртует со мной. Правда, он был слегка пьян, но не так уж сильно. Тем не менее, было что-то в глубине его глаз, что мне не понравилось, какой-то расчет. Я отняла у него руку, когда вошла миссис Тренгроуз.

— Часы бьют десять, сэр, — сказала она ничего не выражающим голосом. — Время пришло.

Мы медленно поднялись и направились в гостиную. Проходя мимо миссис Тренгроуз, я увидела, что выражение ее лица было несчастным и немного нервным. Я ободряюще ей улыбнулась.

— Я уверена, что все будет хорошо.

— Да услышит вас Бог, мисс. Пойду закажу горячие напитки, могут понадобиться для поднятия духа.

— Отличная идея.

Миссис Тренгроуз последовала к двери гостиной, закрыв ее. Я слышала стук связки ключей у нее на поясе, когда экономка удалялась, скрывая тревогу о хозяине, как того требовало ее положение. Без сомнения, она считала, что гораздо лучше пойти проконтролировать подготовку обеда, чем слоняться за дверью.

Хелен уже была в гостиной, и я сразу поняла, что все было устроено немного по-другому, очевидно, по ее указаниям. Шторы были плотно задернуты, скрывая ночное небо. Две высокие свечи — церковные свечи из пчелиного воска — были зажжены в подставках, стоявших по обе стороны от крепкого деревянного стола. Круглый стол был покрыт темной тканью, его окружали стулья. Третья свеча, маленькая и низкая, покоилась на блюде в центре стола. В очаге не было огня. Удивительно, потому что шторм все еще дул, ветер тихо стонал в окнах, прося разрешения войти. Металлический стук дождевых капель на стекле был единственным звуком, не считая шороха юбок, когда леди занимали места; за нами следовали джентльмены.

Хелен указала каждому, куда сесть, сама заняв кресло между

подсвечниками. Малкольм сидел по правую руку, Каспиан по левую, Тибериус расположился напротив. Я занимала место между Малкольмом и Тибериусом, Мертензия сидела с другой стороны от Тибериуса, а Стокер выбрал стул рядом с Каспианом. Мы обменялись взглядами, похоже, никому из нас не было комфортно. Хелен была одета в свое обычное черное платье, суровое и безрадостное, за исключением траурной броши на шее. На завитых волосах лежала вуаль из черного кружева, на лице застыли огромные глаза с черными как чернила зрачками.

— Давайте начнем, — объявила она низким голосом.

Хелен протянула руки, указывая, что мы должны поступить так же. Тибериус взял мою ладонь, слегка сжав теплыми пальцами, я почувствовала вес его перстня. У Малкольма была крепкая хватка. Мою кожу слегка царапнула легкая мозоль между его средним и указательным пальцами, оставленная ручкой — он много писал. Он положил ладонь на мою, сложив пальцы, как будто мы готовились к вальсу. Я слегка стиснула его ладонь и скользнула взглядом в сторону стола. Мертензия крепко держала руку Стокера, костяшки пальцев смутно белели в тусклом свете.

— Я должна попросить вас молчать, — инструктировала нас Хелен. — Неважно, что происходит. Вы не должны вмешиваться, когда я общаюсь с духами. Это опасно и для меня, и для вас, — зловеще сказала она. Она закрыла глаза, глубоко дыша, один раз, два раза. Третий вдох продолжался долго, и она медленно выдохнула через слегка приоткрытые губы. Когда дыхание прекратилось, зазвучал гул, сначала ничего, просто вибрация. Но затем он набрал силу, наполняя воздух.

— Духи, вы слышите меня? — спросила Хелен самым громким голосом, что я когда-либо слышала у нее раньше. Этот голос заставил бы гордиться Сару Сиддонс, он взлетал мимо фонарей и уходил в стропила. Призыв прозвучал трижды, каждый раз прерываемый слабыми вздохами и гулом. Она начала раскачиваться в своем кресле.

Внезапно свечи потекли, и одна из свечей погасла. Мертензия затаила дыхание, и я почувствовала, как рука Малкольма вздрогнула в моей.

— Духи, — убеждала Хелен. — Поговорите со мной. Я чувствую, вы рядом.

Вторую свечу задул порыв прохладного ветра. Мертензия тихо застонала, и я услышала Стокера, бормочущего что-то ободряющее.

— Соблюдайте тишину! Никто не должен говорить, кроме мертвых, — упрекнула Хелен. — Придите, духи! Придите, духи, и говорите с нами сейчас. Я призываю Розамунду Ромилли. Розамунда, если ты здесь, заяви о себе.

Снова подул холодный ветер, и на этот раз последовал перестук.

— Не надо, — умоляла Мертензия.

Но Хелен продолжала, приказав Розамунде снова заявить о себе. Стук начался снова, медленно и неумолимо, теперь ближе.

— Розамунда, это ты? — требовала Хелен. — Постучи один раз, если ответ «да»!»

Тишина была бесконечной, простирающейся между нами, тьма давила со всех сторон. Мы окружали оставшуюся свечу, напоминая пещерных обитателей, сидящих вокруг костра; отчаянно нуждающиеся в утешении перед ночными ужасами. Пламя дико танцевало, отбрасывая тени на наши лица, превращая их в зловещие маски. Я поняла, что Хелен открыла глаза и смотрит на пламя, не мигая, ее черные зрачки отражали свет.

Мы ждали, тишина становилась жесткой и невыносимой, пока, наконец, не поступил сигнал.

Один стук.

Рука Малкольма судорожно сжала мою, когда Хелен почти незаметно двинулась вперед в своем кресле.

— Дух! Ответь нам еще раз. Один стук, если ты Розамунда.

Опять раздался один стук. Мертензия снова застонала и закрыла глаза. Я видела, как пальцы Стокера сжимают ее руку, поддерживая.

Хелен продолжала, ее голос молил, уговаривал.

— Розамунда, расскажи нам сейчас. Ты находишься в царстве духов. Это означает, что ты оставила свое тело. Это правда?

Еще один единственный стук.

— Розамунда, тебя убили? — Хелен выдохнула слова чуть громче шепота. Рядом Малкольм сжимал мою руку, как тонущий человек. Он неясно бормотал в знак протеста, полуумоляя, страхась услышать то, что он уже знал.

Мы ждали при мерцающем пламени свечи. Пламя выравнилось, золотой свет долго держался неподвижно. Затем, без прелюдии, пламя перекошилось, вспыхнув еще раз, прежде чем погаснуть. В внезапной темноте я услышала новый звук, сначала пробный, затем набирающий силу. Поначалу мягкий, такой далекий и тихий, что мне казалось, я галлюцинирую. Я поняла, что это был клавесин или спинет, какой-то струнный инструмент. Мелодия была старой, что-то барочное, с трелями и медленным, слегка меланхоличным ритмом.

— Это музыка, — сказала я с некоторым удивлением.

— Нет, не так, — взорвалась Мертензия. — Это Розамунда!

— Кто-нибудь зажжет чертову свечу? — потребовал Тибериус. Я

услышала шарканье спички, и лицо Стокера появилось в поле зрения, освещенное небольшим пламенем. Он поднес ее к одной из свечей, но свеча не зажглась. Она сразу оплыла, и Мертензия издала небольшой шум протеста. Стокер чиркнул другой спичкой, подняв руку, чтобы защитить крошечное пламя.

— Мама! — воскликнул Каспиан. Его мать обмякла в обмороке в своем кресле. Он нежно тряс ее, пока она не пришла в себя.

— Что случилось? — спросила она. Потом услышала музыку, подавшись вперед и сжимая рукав своего сына. — Розамунда, — выдохнула она.

Спичка Стокера догорела, и он чиркнул другой.

— В зале есть лампы, — подсказал ему Малкольм.

— Вы не можете нас оставить, — закричала Мертензия, сжав руки в кулаки у висков. — Мы должны оставаться вместе! Не уходите, — умоляла она.

Малкольм наполовину привстал на стуле.

— Музыка становится громче, — отметил он, все еще крепко держа меня за руку.

Стокер исчез с крошечным пламенем, снова погрузив нас в темноту. Спустя мгновение он вернулся с маленькой лампой, поднятой настолько высоко, что его лицо наполовину оказалось в тени.

— Музыка звучит громче в проходе.

— Музыкальная комната, — с трудом вздохнул Малкольм.

Мы поднялись как один, Малкольм, Стокер и я, впереди маленькой группы, направлявшейся к музыкальной комнате. Дверь была закрыта, но мы отчетливо слышали музыку, звучащую все громче с каждым шагом. В коридоре нас окружали трели и расцветы, музыка создавалась из ниоткуда, дразня и мучая, казалось, ее звуки танцевали вокруг нас.

— Она все еще здесь, — прошептала Хелен задуманным голосом.

Каспиан поддерживал ее, крепкой рукой обняв за талию. К моему удивлению, Мертензия поддержала ее с другой стороны, сжав руку невестки своей собственной грязной рукой. На этот раз Хелен не отстранилась, она казалась благодарной за доброту.

Мгновенно музыка прекратилась, последние ноты резко оборвались, но их эхо осталось в проходе. Малкольм ворвался в двери музыкальной комнаты и повел нас, держа лампу в воздухе. В центре комнаты стоял клавесин, крышка поднята, ноты разлетелась по полу. К клавесину был прикреплен кронштейн для канделябра с тонкими белыми конусами. Запах зажженных свечей наполнил воздух, и тонкий пучок серого дыма лениво

поднимался вверх. Стокер приложил палец к дымящемуся фитилю.

— Все еще горячий, — пробормотал он.

— Что это значит? — спросил Малкольм.

Стокер открыл рот, чтобы заговорить, но остановился, когда Тибериус вышел вперед. Он как лунатик двигался медленно, неумолимо к клавесину. Затем протянул руку и поднял что-то со своего места, повернувшись к Малкольму с выражением, которого я никогда прежде не видела.

В его кулаке была зажата одинокая полосатая роза.

Тибериус протянул ее Малкольму, но тот не притронулся к цветку. Он смотрел на розу в ужасе, его побелевшие губы раздвинулись, дыхание стало тяжелым. Вдруг, задыхаясь, Хелен соскользнула на пол, рухнув кучей черной тафты.

Каспиан наклонился к матери, когда миссис Тренгроуз ворвалась в комнату.

— Г-н Малькольм, простите. Боюсь, что шторм... — она прервалась, увидев Хелен Ромилли на ковре.

— Принеси уксус, Тренни, — устало сказал Малкольм. — Думаю, это будет долгая ночь.

Глава 10

По молчаливому соглашению мы снова собрались в гостиной, где из-за надвигающегося шторма в камине разожгли огонь. Шторы были опущены, чтобы не дать стучать дождю, но, казалось, беспокойство охватило группу. Хелен пришла в себя после обморока и устроилась на диване с пледом на коленях. Каспиан исчез и вернулся через несколько мгновений с Гекатой, уронив кошку на колени матери. Животное несколько раз потянулось, разминая когти, прежде чем сложить лапы и принять позу осторожного покоя на коленях своей хозяйки.

— Спасибо, дорогой, — пробормотала Хелен Каспиану. Он улыбнулся ей нежной улыбкой, а затем опустил голову, словно смущенный тем, что его поймали на акте доброты.

Остальные молчали, прислушиваясь к тиканью часов и потрескиванию огня в камине. Через некоторое время снова появилась миссис Тренгроуз, возглавляя Дейзи и еще одну служанку, несущих тарелки с бутербродами, хлебом с маслом и чашками дымящегося говяжьего бульона. Были также чайники с крепким черным чаем, и миссис Тренгроуз подала знак горничным обслуживать присутствующих.

— Имейте в виду, вы должны выпить по чашке говяжьего бульона. Он поддерживает, восстанавливает силы, препятствует, чтобы кто-то поддался шоку, — обратилась она к нам.

— Крепкий напиток, вы имеете в виду, — вставила Мертензия.

Она сидела на диване рядом с Хелен, не касаясь невестки, с любопытством следя за ней. Какой бы испуг Мертензия не испытала во время сеанса, она, похоже, решила прийти в себя. Я хорошо знала потребность объяснять необъяснимое. Легко забыть вещи, ждущие в темноте, когда согреешься на свету. Но напряженное выражение ее лица заставило меня задуматься, не испугалась ли она больше, чем хотела вспоминать.

— Мертензия! — резко окликнул ее племянник.

Его тетя пожала плечами, и Хелен вздрогнула.

— Не обращай внимания, Каспиан. Я в самом деле пью больше, чем следует. Это единственное, что успокаивает мою головную боль. — Она замолчала, позволив своим словам повиснуть в воздухе.

— Как бы то ни было, никто не может отрицать: произошедшего сегодня вечером достаточно, чтобы нарушить самую крепкую

конституцию, — спокойно сказал Малкольм. — Признаюсь, я сам был поражен.

Красивый рот Каспиана изогнулся от презрения.

— Поражен! Вы выглядели так, как будто увидели призрак. То есть... — он резко остановился, теплый румянец накрыл его щеки. — Вы ведь этого не ожидали? — требовательно спросил он. — Вы смеялись, думая, что мамины таланты — это шутка, но теперь она смеется над вами, когда вызвала что-то.

— Что-то? Или кого-то? — тихо спросила Мертензия.

Тишина окутала комнату, за исключением звука потрескивающего огня, восходящего ветра и Стокера, счастливо жующего кусок пирога, который он раскопал за бутербродами. Я сделала строгое лицо, но на самом деле знала, что лучше не связываться с ним, когда он потворствует своей страсти к сладкому.

— Полагаю, Розамунда играла на клавесине? — спросила я Малкольма.

Он повернулся ко мне с удивлением.

— Почему вы спрашиваете? Да. Она была весьма искусна. Старомодное времяпрепровождение для современной девушки. Она не переставала высмеивать себя, но отказывалась бросить. Розамунда могла быть довольно упрямой, — добавил он с отсутствующим выражением лица, без сомнения думая о своей прекрасной невесте.

— Это был ее инструмент?

Он рассеянно кивнул.

— Свадебный подарок, не знаю от кого. Розамунда потребовала для него почетное место в музыкальной комнате. Перед свадьбой мы устраивали прием с ужином для гостей, чтобы отпраздновать предстоящий брак. Она провела тот вечер, играя час за часом одну и ту же барочную мелодию.

— Ту, что мы слышали сегодня вечером? — заинтересовался Стокер. Малкольм снова кивнул.

— Думаю, да. Все мелодии звучат одинаково для меня, — он слегка смутился. — Боюсь, я не понимаю музыку. Никогда не понимал.

— Ромилли немзыкальны, — вставил Каспиан. — Вот почему музыкальная комната обычно закрыта.

— Это правда? — удивилась я.

Малкольм пожал плечами.

— Там есть инструменты, на которых дедушка и бабушка играли, я плохо помню. Но по прошествии времени никто не проявлял интереса,

кроме Люциана. Моего отца заставляли практиковаться в детстве, и он навсегда возненавидел музицирование. Поэтому, когда унаследовал замок, оставил комнату закрытой. На этом все закончилось, хотя Люциан пиликал в детстве. Он был единственным из нас, кто имел какое-либо отношение к музыке. Не думаю, что я заходил в музыкальную комнату более десяти раз за всю жизнь.

— До этого вечера, — заметила я.

— До этого вечера. Я, конечно, никогда не ходил туда после Розамунды...

Он не закончил предложение. Каспиан рассмеялся лающим смехом.

— Возможно, призраки знают, как выбрать мелодию, — рискнул высказаться он.

— Не будь глупым, — отрезала Мертензия. — Нам хватило разговоров о призраках этой ночью.

— Да, но мы лишь начали, это был хороший старт, — сказал Малкольм. В нем была мальчишеская искренность, которая казалась странно трогательной.

— Вы хотите повторить? — не поверила я.

— Хочу. Я считаю, что мы только царапнули поверхность. Боже мой, если Хелен опять удастся связаться с ней так быстро, представьте, что Розамунда сможет рассказать нам.

Глаза у него стали почти лихорадочными. Его сестра смотрела на него, как будто он потерял рассудок.

— Ты не можешь говорить всерьез, Малкольм. Это самое настоящее трюкачество.

Каспиан вскочил на ноги, сжав кулаки.

— Как ты смеешь...

Мертензия поднялась, стоя лицом к лицу со своим племянником, ей не доставало нескольких дюймов, но с избытком хватало смелости.

— Смею, — последовал уверенный ответ.

— Мертензия, Каспиан, у нас гости, — напомнил Малкольм.

Мертензия повернулась и посмотрела на своего брата.

— Гости? Не думаю. Тибериус приезжает сюда с детства. И потом, какие у нас остались секреты? Мы покончили с вежливостью, брат. Мы покончили с тех пор, как ты попросил их найти мертвую женщину.

Джентльмены вскочили, как только Мертензия поднялась на ноги. Только Хелен и я оставались сидеть, но теперь и она поднялась, прижимая кошку к своей груди.

— Малькольм, — сказала она своим обычным нежным голосом, — я

попробую завтра, если вы настаиваете. Но я не уверена, что это разумно. Возможно, Мертензия права. Возможно, лучше всего позволить мертвым хоронить мертвых.

Рот Малкольма застыл упрямо.

— Вы знаете, какими были последние три года? Никто из вас не представляет, — изливал он душу, обводя взглядом каждого из нас. — Я был, как бесчувственный лунатик все дни. Я не могу успокоить память о ней, потому что не знаю, что с ней стало. Я на полпути к безумию, и вы предлагаете мне остановиться?

— Но что, если правда слишком ужасна, чтобы ее вынести? — спросила Мертензия, капитулируя.

— Правда не так страшна, как неизвестность, — ответил Малкольм.

— Очень хорошо, — сказала она. — Учти, я против этого. С протестом и считая подобный сеанс крайне неразумным, я тем не менее сделаю это для тебя.

Малкольм протянул руку и сжал ее ладонь. Затем повернулся к своей невестке.

— Хелен, я настаиваю, чтобы вы попробовали еще раз завтра. После обеда мы еще раз попытаемся связаться с Розамундой.

— Как пожелаете, — пробормотала она. — Сделаю все возможное. — Но я заметила, что рука, которая гладила кошку, дрожала, ее губы улыбались, но в глазах не было улыбки.

* * *

Мы пренебрегли бутербродами, но бульон и подогретый бренди не остались незамеченными. Когда мы допили нашу порцию, вечер начал распадаться. Сначала удалилась Хелен, за ней быстро последовали ее сын и Мертензия.

Остальные из нас вышли через несколько минут, каждый взял горящую свечу у домоправительницы, стоящей у подножия лестницы. Стокер молча исчез, поднимаясь по спиральным ступеням. Тибериус низко поклонился мне с задумчивым выражением лица, закрывая дверь. Я воспользовалась возможностью и проскользнула обратно в коридор, следуя тенью за экономкой, пока та не достигла столовой.

— Г-жа Тренгроуз?

— Мисс Спидвелл. Что я могу для вас сделать?

— Мне было интересно, могу ли я что-нибудь сделать для вас. Все, что

влияет на семью, сказывается на прочих обитателях замка. И бремя управлением хозяйством ложится на ваши плечи.

— Это правда, полагаю, — подтвердила она тихим голосом. — Мне дьявольски тяжело проследить, чтобы горничные не сходили с ума. Это глупые девушки, каждая из них.

— Естественно, на них повлияла такая трагическая история.

— Трагедия в том, что он вообще влюбился в нее, — вдруг выпалила она.

Я наклонила голову.

— Так ли это?

Она всплеснула руками. Крепкие, способные руки, которые, без сомнения, были более привычны к ключам и связкам, чем к платочкам и нюхательной соли. Миссис Тренгроуз поспешила извиниться:

— Мне не следовало говорить.

Я импульсивно положила ладонь на ее руку, черный бомбазин прошелестел от моего прикосновения.

— Как вы думаете, они плохо подходили друг другу?

— Какая теперь разница? — грустно ответила женщина, и ее голос звучал так смиренно.

— Я надеялась, что ее отношения с мистером Малкольмом могли бы пролить немного света. Почему она могла убежать? Вы должны признать, что для невесты необычно сбегать с собственной свадьбы.

Миссис Тренгроуз помедлила и поманила меня в столовую. Она налила нам каждой по глотку бренди и протянула мне стакан.

— Думаю, нам простительно принять лекарственную дозу, — решила она.

Я задушила усмешку, задаваясь вопросом, как часто пьющая только чай экономка баловалась таким медицинским средством. Она проглотила бренди, приложив руку ко рту, когда закончила. Я отпила свой и ждала, пока она заговорит. Г-жа Тренгроуз на мгновение отвлеклась, снова заперев бренди в шкаф для спиртного, прежде чем повернуться ко мне. Она бросилась вперед, словно решила открыть суровые истины и хотела, чтобы задача была выполнена как можно быстрее.

— Я бы никогда не сказала ни слова против мисс Розамунды, — строго заверила экономка. — Но она и мистер Малкольм отличались как мел и сыр.

— Некоторые говорят, что противоположности привлекают.

Она взглянула на меня.

— Я выучила одну-две вещи в этой жизни, мисс Спидвелл, и узнаю

женщину с опытом, когда ее вижу. Вы когда-нибудь находили, что противоположности привлекают?

— Нет, — призналась я. Воодушевленная ее откровенностью, я пошла дальше. — В каком смысле они не подходили друг другу?

Миссис Тренгроуз покачала головой.

— Трудно объяснить, если вы не знали мисс Розамунду. Она была не похожа ни на одну женщину, с которой я когда-либо встречалась.

— Как так?

— Она была прекрасным существом. Возможно, самым прелестным из всех, кого я когда-либо видела, с этими темными волосами и глазами, похожими на терновник. Но было нечто большее, выражение, которое я не могу полностью описать. Как будто ей была известна какая-то большая шутка, которую все остальные не знают. Раньше я спрашивала себя, не смеется ли она над нами, но пожалуй, это было что-то другое. Мисс Розамунда как бы жила в своем собственном мире, чаще всего притихшая, настороженная. Я никогда не знала, о чем она думает.

— Звучит неудобно, — размышляла я.

— О, нет, мисс, не воспринимайте это как что-то дурное, — взмолилась она. — Я не говорю ни слова против нее. Но иногда я задавалась вопросом, подходит ли она для мистера Малкольма. Мисс Розамунда была очень умна, а он и мисс Мертензия, ну, они простые люди. Мои маленькие ягнята, звала я их, когда они были детьми. Меня наняли служить помощницей няни, когда они были малышами. Их матери становилось плохо после того, как она рожала каждого ребенка. Она впадала в депрессию, месяцами глядя в окна, никогда не держала в руках маленького и не интересовалась ими. Я и няня должны были заботиться о них.

— Роды действуют на некоторых женщин таким образом. — Я содрогнулась, мысленно отметив еще одну причину никогда не заниматься репродуктивной практикой.

— Это так, — кивнула она. — А после рождения мисс Мертензии хозяйка так и не пришла в себя. Лишь черные настроения и тоска. Поэтому я играла с ними, пела им песни, читала стихи и учила их писать. Со временем я переехала в замок. Няня уехала жить со своей сестрой на материк, и я заботилась о детской. Когда старый хозяин умер, а экономка уведомила, что уходит, мистер Малкольм не мог и подумать о том, чтобы кто-то еще отвечал за порядок. «Ты знаешь хозяйство лучше всех, Тренни», — сказал он мне. — «Ты должна управлять штурвалом». И я так и сделала. — Ее речь изменилась, холодная чопорность уступила место типичному

корнишскому теплу, акцент усилился, язык стал более разговорным.

— Им повезло с вами, — польстила я.

Миссис Тренгроуз выглядела довольной. Выражение ее лица стало немного хитрым.

— Очень любезно с вашей стороны. Я издавна помню вашего жениха. Его светлость впервые приехал, когда они с мистером Малкольмом были школьниками. Обаятельным он был уже тогда. Я предвидела, что он станет красивым джентльменом, когда природа-мать закончит с ним.

— Да, его светлость очень привлекателен, — подтвердила я.

— И ревнив к тому, что принадлежит ему, я должна думать, — добавила она с совершенно нейтральным выражением лица.

Я поняла, что Стокера и меня действительно видели вместе на пляже, где он нагло разделся, а я отнюдь не возражала. Прежде чем я успела что-то сказать, она наклонилась ближе. Я почувствовала острый запах лаванды на одежде домоправительницы и намек на бренди в ее дыхании.

— Это не мое место, мисс. Бог знает, это не мое дело, — горячо сказала она, внезапно схватив меня за руку. Все подобие послушной экономки исчезло, ее глаза умоляли, слезы увлажняли ресницы. — Но если вы не хотите выходить замуж за его светлость, прекратите это. Мисс Розамунда не заботилась, и вот куда она нас привела.

— Думаете, ей следовало разорвать помолвку?

— Да, — воскликнула экономка, ее пальцы сжались на моей руке. — Если у девушки были сомнения, она могла бы просто оставить его. Возможно, сберегла бы ему годы страданий и сомнений о том, что с ней случилось. Почему она не могла отменить свадьбу? Мисс Розамунда могла бы спасти его от многих мучений, если бы только крепко собрала свое мужество и честно отказалась от венчания.

— Тогда вы думаете, что она сбежала, — рискнула предположить я.

Она яростно моргнула, словно опомнившись. Отпустив мою руку, достала из кармана носовой платок, вытерла глаза и щедро высморкалась.

— Что еще это может быть, мисс?

Мне не хотелось говорить об убийстве с миссис Тренгроуз. Это было так гадко и не укладывалось в аккуратные манеры экономки. В ее мире хаос и беспорядок должны были быть исправлены. Я знала из своих собственных осторожных таксономий[19], что можно найти мир и спокойствие в порядке. Моим утешением было закрепление образцов и надписи на латинских этикетках. Это не очень отличалось от крахмальных простыней и жаренных уток. Оскорбить ее безмятежность казалось чем-то недобрым, поэтому я уклонилась.

— Уверена, что у нее были свои причины. И для брака с мистером Малкольма, и для того, чтобы его оставить.

Лицо миссис Тренгроуз выражало сомнение. Она снова вытерла глаза и деликатно промокнула нос своим носовым платком, уже немного более оживленно.

— Возможно, раз вы так говорите, мисс. Не буду просить у вас прощения за мою несдержанную речь, — сказала она формально, корнуэльский акцент сгладил что-то более манерное. — Я бы никогда не обременяла гостей, если бы ситуация не была такой...

Я хотела коснуться ее руки еще раз, но было ясно, что момент близости прошел.

— Не думайте об этом, миссис Тренгроуз. Люди часто забывают, что события в доме так же сильно воздействуют на служащих, как и на семью.

Она сделала паузу, затем медленно кивнула, свеча сверкала в серебряных нитях ее темных волос.

— Большинство людей никогда не думают об этом. Вы самый необычный человек, мисс Спидвелл.

— Спасибо, миссис Тренгроуз. Я приму это как комплимент.

* * *

Говорят, что любопытство убило кошку, но я не из породы робких кошачьих. Я подождала, пока замок не заснет, оставив единственный звук — рев ветра вокруг башни. Затем поднялась и надела халат. Я отказалась от тапочек, предпочитая холодные ноги шуму подошв, царапающих камни. Вышла на лестничную площадку башни, осторожно нащупывая путь. (Я побоялась зажечь свечу, рискуя известить Тибериуса или кого-нибудь еще о моем присутствии). Из комнаты Стокера не было слышно ни звука, и на лестнице не было света. Я поставила ногу на ступеньку... и врезалась в чью-то широкую грудь. Сильные руки обхватили меня, рука зажала мне рот. Теплое дыхание с запахом мятных леденцов взволновало воздух возле моего уха, когда он прошептал, едва шевеля губами:

— Ни звука, Тибериус бодрствует.

Я кивнула, и Стокер отнял руку от моего рта, но его руки все еще крепко сжимали меня.

— Полагаю, ты хочешь исследовать музыкальную комнату?

Я снова кивнула, и руки расслабились, когда губы снова коснулись моего уха.

— Тогда я пойду с тобой.

Хорошо, что я не должна была говорить. Его неожиданная близость вызвала во мне интересную и бурную реакцию. Я чувствовала тепло — даже жар — там, где его тело соприкасалось с моим, и невыносимый холод, когда мы не касались друг друга. Я приписала ощущение прохлады каменной лестницы, на которой я стояла, и тонкости моего ночного наряда.

Целеустремленным жестом я оттолкнула его, заметив, что в лице Стокера промелькнуло что-то вроде забавы. Должно быть, горький лунный свет, пробившийся сквозь амбразуру для стрел в башне, сыграл со мной шутку. Я молча следовала за ним по извилистой лестнице. Мы прошли мимо закрытой двери Тибериуса, и я приостановилась, не обнаружив ни звука изнутри.

У подножия лестницы в стеклянной трубе, установленной на каменном постаменте, горел ночной светильник, отбрасывая лишь слабый свет к концу широкого прохода. Держась в тени, мы пробрались в музыкальную комнату, скользя как призраки, через полузакрытую дверь. Стокер аккуратно закрыл ее, прежде чем зажечь свечу на одном из музыкальных стендов. Внезапная вспышка света почти ослепила меня, но я поспешила заняться делом. Я тщательно осмотрела клавесин — от лакированного корпуса до струн — проводя руками по слоновой кости и черным клавишам, стараясь не слышать их.

Стокер не сделал ничего, чтобы помочь мне, просто стоял спиной к двери, скрестив руки на груди, наблюдая за мной.

— Что именно ты ищешь?

— Я узнаю это, когда увижу, — огрызнулась я.

Он улыбнулся.

— Ты не знаешь, не так ли?

У меня вытянулось лицо.

— Я не разбираюсь в механике, — призналась я. — У тебя есть какие-нибудь предложения?

Стокер вышел вперед, стоя очень близко, и потянулся через мое плечо, чтобы указать.

— Наиболее вероятный способ проделать подобный трюк — установить часовой механизм для создания эффекта игры на инструменте. Его должны были разместить вот здесь, — добавил он. Рука Стокера коснулась моей, когда он потянулся к клавесину.

Я внимательно обследовала лакированный шкаф клавесина, но не увидела ничего похожего, никаких устройств или хитрых приспособлений, которые могли бы объяснить музыку. Я отступила, расстроенная.

— Как же это было сделано?

Стокер пожал плечами.

— Это и не было. Не с этим инструментом. Кто-то должен был фактически коснуться клавиш, чтобы раздались звуки музыки. — Он провел указательным пальцем по краю, заметив:

— Красивый инструмент и дорогой, хотя немного аляповатый на мой вкус.

Он не ошибся. Каждая панель корпуса инструмента была разрисована различными аллегорическими сценами страсти: Венера и Адонис, Юпитер и Европа. Я почувствовала, что они созданы кистью мастера, обладающего необычайным мастерством и деликатностью.

— Художник шутил.

Я наклонилась, чтобы показать ему козу с лавровым венком, пьяно скособоченным над одним рогом, щенка, крадущего украшенную множеством лент туфельку.

— Умно, — оценил Стокер, пристально вглядываясь. — Он сумел придать животным почти человеческое выражение.

Он притиснулся ко мне плечом. Если бы я хоть чуть-чуть повернула голову, мой рот коснулся бы щеки Стокера. Я резко выпрямилась, поспешно прижавшись к стойке над клавиатурой и рассыпав на пол нотные листы. В тишине раздалась единственная резкая нота.

— Какая я неуклюжая! — вскрикнула я, ныряя под клавишину, чтобы достать листы с нотами.

Ставя их на место, я заметила еще одну картину, которую не увидела сразу; скрытую за дисплеем нотных листов таким образом, что музыкант мог ее видеть, играя наизусть. Размещенная над клавиатурой роспись была самой красивой из всех, изящное изображение Юпитера и Леды. Бог находился в процессе превращения из лебедя в человека. Его прекрасно изваянная фигура была полностью человеческой, но вместо рук еще оставались широкие и мощные крылья, протянутые, чтобы обнять возлюбленную. Леда была увенчана розами, лицо повернуто к сильной шее Юпитера. Он был изображен в профиль, но что-то в его позе привлекло мое внимание. Я наклонилась ближе, поднося свечу к нарисованному лицу. Оно было маленьким, вся фигура бога не больше моего пальца. Мне пришлось встать совсем рядом, чтобы ясно видеть.

— Как мило! — выдохнула я.

Стокер встал позади меня, глядя на бога и его возлюбленную в муках эротических объятий.

— У меня появилась одна идея, — пробурчал он.

Я с трудом сглотнула и бросила взгляд на него, но Стокер не смотрел на меня. Скорее, его взгляд был прикован к маленькой картине. Он быстро наклонился и вдруг вскрикнул.

— Ах ты, невыразимый ублюдок, — Стокер повернулся ко мне. — Смотри.

— Я уже смотрела. Это прекрасно, — начала я.

— Нет, — проинструктировал он, крепко взяв меня за плечи и заставив наклониться ближе к картине. — *Смотри*.

На мгновение я чувствовала только его руки, сжимающие меня сквозь тонкую ткань ночной рубашки. Чувствовала тепло каждого пальца на ключицах; большие пальцы, прижавшиеся с обеих сторон, нежно поглаживая, когда он подтолкнул меня. Я сдержала непроизвольный стон, когда мои глаза упали на изображение бога, и тут до меня дошло, что он имел в виду.

— Но...

— Точно, — подтвердил Стокер с мрачным удовлетворением.

— Но это значит...

— Не сейчас, — предупредил он. — Мы можем обсудить это, когда закончим. Сейчас мы должны завершить наше расследование в этой комнате и удрать, прежде чем нас обнаружат.

— Я имела в виду только осмотр инструмента, — честно призналась я. — Что еще мы должны исследовать?

Он подумал секунду, его глаза блеснули при слабом освещении.

— Если Хелен на самом деле не вызвала мертвых заклятиями (возможность, от которой я отказываюсь), или не использовался часовой механизм (который мы не обнаружили), тогда какой-то человек изображал призрака, наигрывая эту мелодию на клавесине.

— Невозможно, — возразила я. — Как кто-нибудь мог ускользнуть так быстро? Прошло всего несколько секунд между последней нотой и нашим прибытием в пустую комнату. Никому бы не хватило времени, чтобы пройти мимо нас по коридору незамеченным.

Он взглянул на меня с холодной высокомерностью.

— Я не могу винить твою логику, Вероника, ты сумела привести ее к естественному выводу. Очевидно, фантом нашел другой способ уйти.

Я открыла было рот, чтобы возразить, но осознала бессмысленность аргументов. Он был прав. Меня раздражала собственная дрянная логика. Не могу объяснить, почему я так сплеховала, вывод был настолько очевиден. Можно лишь винить влияние беспорядочных чувств к Стокеру на мои умственные способности.

Ни минуты не проходило, чтобы он не коснулся меня каким-то образом. То положил на мой локоть руку, приседая на корточки для осмотра основания панелей. То задел мою руку, потянувшись к свече. Я отодвинулась решительным жестом, оставив несколько футов между нами. Он насмешливо посмотрел на меня, но я игнорировала его. Пока он не потянулся, чтобы прощупать панель над головой; его рубашка вздернулась над подтянутым, мускулистым животом. Брюки немного соскользнули, обнажая резко вырезанную подвздошную борозду — мои пальцы чесались ее исследовать.

— Ничего, — весело констатировал он.

Я зарычала в ответ и нагнулась к панели передо мной, пиная ее от разочарования. К моему удивлению, она отскочила от удара, обнажив узкий проход за нею.

— Ты добила своего! — похвалил Стокер. Он подошел ближе и снова положил руку мне на плечо. Проход был темным и пах холодным камнем, и я внезапно почувствовала благодарность за его присутствие.

Я остановилась, чтобы осмотреть петли, и не удивилась, увидев, что они блестят маслом.

— Кто-то недавно пользовался проходом.

— Нет сомнений, побег из музыкальной комнаты был спланирован, фокусник продумал свой трюк, — согласился он, подойдя, чтобы понюхать масло.

Стокер взял зажженную свечу и жестом пригласил меня пройти в переход. Я собралась с духом, приподняв над щиколотками подол ночной рубашки.

— Я пойду первой, мне нести свечу, — скомандовала я, беря на себя ответственность. Он согласился, передал мне подсвечник и последовал за мной послушно как ягненок.

Я ощущала его присутствие, слишком близкое для моего собственного душевного спокойствия. Я сосредоточила свое внимание на задаче: расследовании перехода. Узкий коридор, проходящий вдоль длины внутренней стены, когда-то несомненно служил средством перемещения из одной части дома в другую. Мне пришлось сильно толкнуть дверь на другом конце, чтобы открыть ее. Я вышла в библиотеку, прямо за стулом с высокой спинкой. Дверь была аккуратно скрыта футляром для карт.

— Полезно иметь такой проход, если Ромилли скрывали священников-еретиков, — прокомментировал Стокер, входя в библиотеку. — Помогал тайно переместить кого-то из одной части замка в другую. В крайнем случае, умный Ромилли мог позволить солдатам королевы обнаружить

проход. Расчет был на то, что они не станут осматривать замок дальше, и остальные тайники останутся незамеченными.

Без дальнейших обсуждений мы закрепили панель и пробрались назад тем же путем, вернувшись в музыкальную комнату. Уже собираясь закрыть панель, я услышала шаги. Мы оба повернулись и увидели, как медленно поворачивается ручка двери. В мгновение ока Стокер толкнул меня обратно в проход и закрыл за собой панель. В спешке свеча погасла, погрузив нас в полную темноту. Проход был узким, и мы не осмеливались двигаться, скрытые лишь тонкой дубовой панелью от вошедшего в музыкальную комнату. Моя спина была притиснута к каменной стене, грудь прижата к Стокеру, гораздо более теплому. Его сердце ровно билось совсем рядом, дыхание растрепало волосы у меня на лбу.

Его рот коснулся моего уха, интимный, ласковый.

— Вероника, — прошептал Стокер, низкий голос почти не был слышен в этом тесном, замкнутом пространстве.

Я повернула голову, чтобы коснуться губами его щеки, шепча слова на его коже:

— Да.

Это не был вопрос. Это была декларация, приглашение. Он двинулся ближе ко мне, и я подавила стон, прикусив губу так сильно, что ощутила на своем языке острую соленую медь собственной крови. Его рот снова шевельнулся.

— Ты стоишь на моей ноге.

Я откинулась назад, ударившись головой о камень позади меня, и задушила щедрое проклятие. Сквозь трещину на панелях из льняного драпри стал заметен слабый проблеск в коридоре. Я обратила на него внимание как раз вовремя, чтобы увидеть мерцание свечи, слабо осветившей музыкальную комнату. Свечу держала в руке миссис Тренгроуз. Экономка была одета в скромный халат и чепец. Она медленно прошла вперед, сделав лишь два-три шага, как будто готовясь к тому, что может найти. Миссис Тренгроуз высоко подняла свечу, медленно перемещая ее из стороны в сторону.

— Мисс Розамунда? Это вы? Вы здесь? — ее голос дрожал. Я затаила дыхание, зная, что ни Стокер, ни я не осмелимся раскрыть себя: как из-за страха, что она упадет в обморок, так и ввиду отсутствия какого-либо оправдания нашему присутствию. Намного лучше подождать, пока она уйдет, а затем ретироваться в наши комнаты.

Я немного отодвинулась, направляя его голову к щели, чтобы он тоже мог видеть. Стоять было неловко. Стокер наполовину согнулся, а одно

сильное бедро расположилось под моим, чтобы мы оба могли наблюдать. Я поскользнулась. Он поймал меня, положив ладонь на панель, и создавая из своего тела что-то вроде кресла для меня. Тепло его плоти было почти невыносимым. На короткий, иррациональный момент я задумалась: намеренно ли он вызывал такую физическую реакцию, дразня меня. Желая доказать, что меня этим не одурачить, я взобралась на его бедро, слегка повернувшись, прежде чем переключить свое внимание на миссис Тренгроуз.

Она долго стояла на месте, как я подозреваю, прислушиваясь. Мне казалось, я почти слышу ее сердцебиение.

— Уходите, — выкрикнула экономка с внезапной свирепостью. — Вы не навредите этой семье! — Я замерла, уверенная, что она заметила отблеск наших глаз в щели панелей. Однако она не двигалась, не приказывала нам выходить, и я поняла, что миссис Тренгроуз разговаривает вовсе не с нами.

— Уходите, мисс Розамунда, — позвала она чуть мягче. — Вам пора отдохнуть.

С этими словами она ушла, закрыв за собой дверь. Мы прислушивались, пока не стих звук ее шагов. Через несколько минут Стокер ослабил позу, подняв меня на ноги и выпустив из рук. Я чуть не упала, потому что мои ноги совсем онемели в холоде прохода. Он взял меня за руку, когда мы вышли из нашего укрытия. Мы не осмеливались снова зажечь свечу, но теперь знали путь достаточно хорошо. В коридоре не было никаких признаков экономки, и мы поспешили рука об руку. Стокер поднялся по башенной лестнице; взбираясь вслед за ним, я услышала шум позади себя. Я сделала стреляющий жест, и Стокер заторопился, поворачивая ключ. Через мгновение я услышала почти незаметный щелчок закрывающейся двери.

Шум, который я обнаружила, был своего рода сдавленным вздохом, мертворожденным в горле, звук кого-то, задыхающегося от эмоций. Я обернулась. В противоположном конце большого зала стояла Хелен Ромилли. Ночной свет у башни потух, лишь ее свеча освещала пространство. На фоне чернильной тени лестницы мой белый халат, должно быть, казался призраком. Подол тянулся по земле, словно драпировки. Мое лицо, наполовину закрытое черными волосами, словно парило над телом.

— Розамунда! — закричала она, делая полшага вперед. — Я тебя вызвала? Уходи, — взмолилась она.

Я не шевелилась. Именно тогда из открытого окна в башне подул

порыв ветра, вздымающий халат вокруг меня и подбрасывающий мои волосы.

Она еще раз вздохнула, свеча выпала из ее дрожащей руки, и пламя вспыхнуло, падая на камень с глухим стуком. Хелен снова позвала призрак в темноте, когда нащупывала свечу.

— Розамунда! Ты должна уйти, — простонала она. — Оставь нас в покое.

Я не стала ждать, чтобы услышать больше. Я едва ли могла показаться ей. Она была бы совершенно унижена, если бы обнаружила, что это не призрак. И у меня не было особой склонности подвергать себя ее импульсивным истерикам. Похоже, быстрое отступление было самым легким для нас обоих.

Без лишних раздумий я проскользнула вверх по лестнице, нащупывая ногами путь наверх. Лужа теплого света разлилась внизу, поднимаясь во тьме — Хелен зажгла свечу и направилась к башне. Твердо решив ускользнуть от нее, я спешила изо всех сил, едва не споткнувшись о край халата, когда взбиралась по лестнице.

Я подбежала к двери Тибериуса и бросилась внутрь, едва золотой свет осветил ступеньку внизу. Я беззвучно закрыла дверь; Хелен не найдет призрака этой ночью.

Успешно ускользнув и от экономки, и от Хелен, я создала для себя новую проблему. Лежа на кровати в халате из черного шелка, Тибериус осматривал меня, прищутив глаза с тяжелыми веками, рот изогнулся в совершенно непристойной улыбке.

— Ну, моя дорогая мисс Спидвелл. Какой восхитительный сюрприз, — проворковал он, отбрасывая книгу, которую читал.

Я приложила палец к губам, чтобы убедить его замолчать. Я не знала, где была Хелен, она вполне могла быть за дверью.

— О, не волнуйтесь, — шепотом заверял Тибериус, поднимаясь с кровати и направляясь ко мне. Его губы касались моего уха, он взял меня за руку. — Я буду тихим или громким, как вам нравится. Я весь в вашем распоряжении, — сказал он.

И его губы прижались к моим.

Глава 11

Я признаю определенную расположенность с моей стороны к любовным усилиям Тибериуса. Между моим собственным здоровым либидо и навязанным непривычным, затянувшимся целомудрием, я созрела как слива на дереве. Да, меня действительно могли сорвать, если бы я не пришла в себя. Как бы я ни наслаждалась стараниями Тибериуса (у него были изящные, проворные пальцы и самый искусный язык, которые я когда-либо встречала!), я при этом думала только о Стокере и наших прерванных объятиях.

Стокер. Мысль о нем подтолкнула меня к инстинктивным действиям. Без малейшего сожаления я положила руки на грудь виконта, слегка оттолкнув его. По крайней мере, толчок намечался быть легким, но виконт упал спиной на коврик перед камином. Когда Тибериус восстановил дыхание, он сложил руки на худом животе и задумчиво посмотрел на кессонный потолок.

— Вам нужно было лишь попросить меня остановиться, Вероника. Я еще никогда не брал любовника против его или ее воли, и, конечно, не начну с вас.

Я протянула руку, чтобы помочь ему подняться.

— Прошу прощения. Полагаю, я толкнула сильнее, чем хотела.

Его светлость расправил свой халат, завязав пояс, который я рванула в момент безрассудного отступления.

— Тем не менее, мы подобрались гораздо ближе к цели, чем я ожидал. Еще две минуты, и держу пари, что вы не смогли бы остановиться.

Он налил в стакан виски и протянул мне, взял себе другой.

— Еще две секунды, и я бы не смогла остановиться, — исповедовалась я.

Я сделала большой глоток, чтобы успокоить нервы и убедить настойчивую похоть успокоиться. Он посмотрел на кровать и с сожалением повернулся к стульям перед камином. Тибериус сел на стул, скрестив длинные ноги.

— Подозреваю, что в этом виноват мой брат.

Я села на другой стул, опираясь ногами на все еще теплый камин.

— В этой области нет значительного прогресса, — призналась я.

— И никогда не будет, если мы станем лучшими друзьями, не так ли?

— Что-то вроде того.

Виконт улыбнулся, любопытно, что изгиб губ был лишен обычной насмешливости.

— Вы идете по жизни с надеждой, Вероника. Боже, как я вам завидую. Жизнь — жестокий бизнес, когда не на что надеяться.

Он покатал стакан между ладонями, глядя в янтарные глубины виски.

— Не пытайтесь вызвать у меня жалость, — фыркнула я. — Вы — красивый, богатый, привилегированный, как никто другой, и у вас есть хобби, чтобы развлечь и заинтересовать вас.

Тибериус изогнул бровь в мою сторону.

— Музыка и искусство — плохая замена любви, моя дорогая.

— Я не их имела в виду, мой лорд. Я имела в виду вашу склонность к кукловодству. Боже мой, как вам нравится дергать за ниточки!

Взгляд его светлости стал поддразнивающим.

— Я не имею ни малейшего представления, о чем вы говорите.

Он не очень хорошо изображал невинность. Выдавало что-то чуточку издевательское в изгибе губ, что-то слишком знающее в выражении глаз. Я одарила его тонкой безрадостной улыбкой.

— Мы все просто марионетки для вас, не так ли? Как вам это нравится! Я знаю, что вы привезли меня сюда с какой-то целью, кроме бабочек.

Он поднял свой бокал в тосте за мое декольте.

— Моя дорогая Вероника, когда леди имеет такие достоинства, как ваши, вряд ли можно обвинять мужчину.

— И для какой-то другой цели, кроме флирта, — продолжала я, как если бы он не говорил. — Вы могли бы попытаться соблазнить меня в Лондоне. У вас была причина приехать сюда, причина, связанная с Розамундой.

Тибериус излишне долго колебался, прежде чем ответить. Это была пауза, которая сказала мне все.

— Не могу представить, что за лихорадочное воображение заставило вас думать о подобных вещах.

— Я видела клавесин.

— Конечно, вы видели, — ответил он вежливо. — Как и все мы. Он стоял в музыкальной комнате.

— Я имею в виду, что я *увидела* кое-что. В частности, я увидела панель над клавиатурой и узнала знакомое лицо.

— Боже мой, мисс Спидвелл, — изрек он после долгого мгновения, — какое у вас острое зрение.

— Помогает охотиться на бабочек. Наблюдательность при обзоре

деталей и, что важнее, понимание их значимости определяют разницу между дилетантом и профессионалом. Между прочим, отличное сходство.

— Вы так думаете?

Он провел рукой по подбородку. В отличие от Стокера, его светлость не боролся постоянно с непослушной бородой. Его челюсть была слегка затенена, придавая ему немного жуликоватый вид.

— Я позировал художнику всего один раз, но думаю, он неплохо справился с работой, запечатлев мой профиль. Правда сделал плечи Юпитера слишком тяжелыми, — задумчиво добавил он. — Мои изящнее.

Только что убрав руки с этих плеч, я могла подтвердить оценку его светлости, но ничего не сказала. Виконт вздохнул и допил виски.

— Как долго вы были влюбленны в Розамунду? — мягко спросила я.

— Начиная с двух минут после того, как впервые встретил ее, до... что сегодня? — уточнил он.

— Вы были женаты на другой женщине, — воззвала я укоризненным тоном.

— Я выполнял свой долг, — возразил он.

— Но вы все же любили Розамунду?

— С этим ничего не поделаешь. Она просто была самой очаровательной женщиной, которую я когда-либо встречал. Если нынешняя компания не станет исключением...

— Не станет, — заверила я его. — Вы расскажете мне о ней?

Тибериус пожал плечами.

— Что тут рассказывать? Она не была так классически красива, как вы, но в ней были ваша стремительность, живость, *joie de vivre*[20], что делало ее совершенно неотразимой. Я захотел ее с первого раза.

— Где вы с ней познакомились?

— Здесь. Малкольм устраивал одну из своих чертовых домашних вечеринок. Розамунда была гостьей. Мертензия и Розамунда отбывали срок вместе в одной из этих школ для жеманных девиц. Малкольм был ужасно растерян, когда его родители умерли. Он не знал, что делать со своими младшими братом и сестрой, и поэтому их обоих отправили в закрытые школы. Люциан добился успеха, но Мертензия проплакала весь первый семестр. Ей удалось подружиться с Розамундой, и вместе они разработали заговор, как забрать Мертензию из школы и вернуть домой в Сан-Маддерн.

— Довольно смело для школьниц.

— Так и было. Мертензия, вероятно, чувствовала, что осталась должна подруге за помощь. Из-за участия в затее Розамунда была опозорена. только вмешательство Малкольма убедило дирекцию позволить девочке

остаться там после отъезда Мертензии. Подозреваю, он сделал существенное пожертвование в пользу школы.

— Почему он должен был платить им?

Виконт опять пожал плечами.

— Ромилли ужасно старомодны. Преданны устаревшим понятиям, таким как лояльность и верность. Мертензия не могла вынести мысли, что Розамунда пострадает из-за нее. Поскольку девушка была стипендианткой, Малкольм весьма кстати подбросил школе немного денег.

— Значит, Мертензия вернулась домой в Сан-Маддерн, а Розамунда осталась в школе?

— Она стажировалась, чтобы стать учительницей. — На его губах играла легкая улыбка. — Вы не можете представить себе кого-то менее подходящего для этой профессии.

— Разве Розамунда не была умной?

— Умной! Девочка была умной, как обезьяна и вдвойне более озорной. Слишком живой для такой серой жизни. Но это был единственный путь, открытый для Розамунды. Ее родители умерли, и на горизонте не было ничего, кроме благородной бедности, если она бы не заработала на корку хлеба.

— Мне знакомо это чувство, — сказала я.

Улыбка на его лице углубилась.

— С тех пор, как мы познакомились, мне неоднократно приходилось вспоминать Розамунду. Это и радость, и мука.

Тибериус долго молчал, потом резко откашлялся.

— Итак, Розамунда начала карьеру учительницы, но обнаружила, что это ей не подходит. Она ушла, чтобы устроиться на частную работу.

— Была ли она более успешной в этом предприятии?

— Нет. Как я уже сказал, она была умна. Слишком умна, чтобы тратить молодость и красоту, обучая тупых детей шепелявить азбуку. Но ей надо было зарабатывать на жизнь. Розамунда делала многочисленные попытки, одна хуже другой. Наконец, три года назад она решила покинуть Англию и приняла должность в Индии. Работа не должна была начаться до осени. Образовался неопределенный период в несколько месяцев, когда она находилась в некоем лимбо, не имея ни дома, ни занятий. Она написала Мертензии, и та немедленно пригласила ее провести здесь лето. Прошло много лет с момента их последней встречи.

— Это было лето, когда вы встретили Розамунду?

Его губы скривились.

— *Встретил* — неподходящее слово. Это была не встреча, Вероника.

Меня представили ей, и это было, как если бы я нашел оторванную часть самого себя, которая каким-то образом блуждала по земле. Она была моей второй половиной, просто до этого я не осознавал свою незавершенность.

Я ничего не говорила, у меня перехватило горло.

Он продолжал далеким голосом, глядя в огонь:

— Малкольм устроился в комфортной холостяцкой жизни. И я был почти таким же, вполне довольный так называемым «непостоянным общением». Я полагаю, вы понимаете, о чем я.

Я подумала о своих собственных чрезвычайно чувственных плотских побуждениях (нет лучшего средства от дурного настроения и плохого цвета лица, чем здоровый и оживляющий акт совокупления) и кивнула.

— И все же я иногда чувствовал вспышку недовольства. Полностью наслаждался беспутным образом жизни. Практиковался в разврате так, что привел бы в замешательство самых искушенных и совершенно безнравственных. Но случались времена, когда я осознавал, что меня начинает грызть зависть.

— Зависть?

— Не то слово, которое вы могли бы сразу же ассоциировать с таким, как я. Я не вызываю жалости, как вы проницательно отметили, — вспомнил он, делая широкий жест рукой. — Богат и титулован, не очень безобразен, всегда потворствовал своим наклонностям и добивался своего почти в любой ситуации.

— Вы имеете в виду, что полностью испорчены.

— Ах, прикосновение суровости! Вы единственная из моих знакомых, которая не боится приправить свой разговор этим конкретным перцем. Одна из вещей, которые я обожаю в вас больше всего.

— Вы сейчас лишь доказываете мою точку зрения, — предупредила я его.

Тибериус лениво улыбнулся.

— Знаете ли вы, что если потереть кошачью шерсть куском шелка, можно получить искры? Маленькие блески электричества на кончиках пальцев. Самое близкое к тому, чтобы быть богом. Именно так я себя чувствую, когда спорю с вами.

— Я рада, что развлекаю вас.

— Развлекаете! Моя восхитительная Вероника, развлечение совершенно не отражает глубины моего уважения к вам.

— Вы рассказывали, как влюбились в другую женщину, — напомнила я.

— Да, влюбился. Всегда считал это нелепым выражением, и все же

именно так и было. Однажды я был собой, как и всегда. В следующее мгновение я повис над обрывом, а затем оказался в пропасти.

— И она чувствовала то же самое?

— Да, — сказал Тибериус с внезапной жестокостью в голосе. Костяшки пальцев на стакане побелели. — Я знаю, что Розамунда влюбилась тоже. Она сопротивлялась и притворялась. Запуталась и лгала. Но она любила меня.

— Зачем вообще сопротивляться? — недоумевала я. — Как вы говорили, вы — все, что женщина может хотеть в муже. Титулованный и богатый, красивый и обаятельный.

— Я никогда не претендовал на то, чтобы быть обаятельным.

— Нет, это моя личная оценка.

Виконт протянул руку, чтобы кончиком пальца коснуться моей щеки, легким как перышко движением.

— О, Вероника. Возможно, я вам все же нравлюсь.

Я повернула голову и резко щелкнула зубами.

— Осторожнее, Ваша светлость. Я не ручной котенок, с которым можно играть.

Тибериус убрал руку.

— Нет, действительно. Скорее, тигрица. — Он снова уселся в свое кресло. — Розамунда сопротивлялась чувствам ко мне, потому что хотела Малкольма.

Я задумчиво кивнула, и он ответил мне возмущенным взглядом.

— Вы не собираетесь протестовать? Вы не будете спрашивать, как это возможно, чтобы какая-нибудь женщина могла предпочесть мне Малкольма Ромилли?

Я пожала плечами.

— Но я отлично ее понимаю. Малкольм красив по-своему в стиле славного деревенского сквайра. В нем есть что-то очень веселое в духе старой Англии и ростбифа. Его можно представить в тюдоровском бархате или, скажем, с копьём и в боевых доспехах рядом с Завоевателем.

— Это самый ужасный, сентиментальный мусор...

Я перебила.

— И, конечно, у него есть *это*, — добавила я, указывая рукой на замок. — Уверена, что ваше загородное поместье впечатляет, но это не замок, не так ли? И вы унаследовали его только в прошлом году. У вас даже не было титула, когда Розамунда встретила вас. Кроме того, ваш отец, кажется, не очень щедро вас содержал.

— Я справлялся, — процедил Тибериус сквозь зубы. Он встал и

наполнил свой стакан.

— Но у вашего отца было неплохое здоровье. Он был главой семьи, и не замечалось никаких признаков того, что он оставит вам наследство еще лет двадцать. Какая женщина будет ждать, пока ее муж займет место покойного, когда она может немедленно стать хозяйкой прекрасного замка?

— Думаете, она хотела его из-за замка? — требовательно спросил он.

— О, не совсем, не только из-за замка. Я имела в виду и его личные достоинства. Конечно, в настоящее время он немного измотан, но подозреваю, что он способен на весьма приятное ухаживание. И в нем есть что-то чрезвычайно милое, старомодное, как вы говорите. Галантное.

— Галантное! — виконт буквально выплюнул слово. — Вы думаете, что Розамунда предпочитала галантность?

Я скептически пожала плечами.

— Я ее не знала. Но уверяю вас, легко понять, почему женщина предпочла отдать руку приятному, легкому и богатому джентльмену вроде Малкольма Ромилли, вместо того, чтобы рисковать своим счастьем с вами. Есть разница между прогулкой по загоу на пони и скачкой на жеребце без седла по Даунсу во время грозы.

Я искоса бросила на него взгляд, и он улыбнулся, подняв бокал.

— Запущен в воздух собственной петардой.

Я поправила халат

— Ну, что вы ожидали? Конечно, вы — очевидный выбор для любой женщины с характером и пылом. Но Малкольм восхитительно безопасен. Для многих женщин нет большей привлекательности, чем безопасность.

— Как скучно это звучит! — заметил Тибериус.

— Не скучно желать уверенности, что всегда будешь сыт-обут и имеешь крышу над головой. Только тот, кто никогда не сталкивался с призраком работного дома, может думать, что безопасность скучна. Розамунда была вынуждена зарабатывать на жизнь. Это означает, что стабильность Малкольма была для нее величайшей роскошью. Его предсказуемость успокаивала, позволяла чувствовать себя защищенной, как ничто другое в мире.

— Вы бы никогда этого не сделали, — внезапно решил Тибериус. — Вы бы выбрали молнию.

Я повернулась, чтобы посмотреть на огонь.

— Мы обсуждаем Розамунду. И она выбрала Малкольма. Я полагаю, вы предоставили ей выбор, предложили ей брак?

— Предложил. Или, по крайней мере, пытался. Она не позволила мне закончить. Мы сидели на пляже с видом на Сестер. Розамунда распустила

волосы, масса темных волос развивающихся на ветру. Она сидела, срывая лепестки с цветка и пуская их по ветру. «Любит, не любит», — дразнила она меня. Я крепко взял ее за плечи и сказал, что люблю. В ответ она сломала цветок пополам и швырнула его на гальку. «Тогда ты дурак», — заявила она с такой сводящей с ума прохладой, будто мы незнакомы. И только прошлой ночью она была в моей постели, царапая меня, как дикая кошка.

Его рука снова сжала стакан, и на мгновение я подумала, что Тибериус собирается швырнуть его. Вместо этого он с большой осторожностью поставил стакан на стол у своего локтя.

— Она сказала, что намерена выйти замуж за Малкольма, и на этом все закончится. Ничто из того, что я могу сказать, не отговорит ее. Мне стыдно признаться, но я повел себя не по-джентльменски, угрожал, что раскрою обман. Предыдущая ночь была не первой, мы были вместе четыре-пять раз в тот месяц. Вначале это было для нее игрой. Днем, в присутствии других она оставалась сдержанной и холодной, неприкасаемой, как мадонна эпохи Возрождения. Но когда мы могли украсть несколько минут наедине, становилась распутной как никто, кого я когда-либо знал, требовательной и жестокой в своих страстях.

Я молчала. Тибериус продолжал говорить скорее с огнем, чем со мной:

— Когда я пригрозил отправиться к Малкольму с правдой, Розамунда рассмеялась. Она сказала, это мое слово против ее, и кто поверит такому распутнику как я? На следующее утро за завтраком они объявили о помолвке. Никогда не забуду, как она торжествовала, как цеплялась за него. Малкольм чертовски гордился, заставлял всех смотреть на фамильное обручальное кольцо Ромилли на ее пальце. Я не мог этого вынести. Уехал в тот же день. Сказал Малкольму, якобы мой отец требует, чтобы я сопровождал его в поездке в Россию. Ромилли умолял меня остаться, быть шафером на его свадьбе, но я солгал, мол, отец настаивает, и уехал. Никогда больше ее не видел.

— Когда вы подарили ей клавесин?

Жестокая улыбка коснулась его губ.

— Я нашел его в Лондоне, перед самым отъездом в Россию. Он уже был украшен мифологическими сценами. Я счел это великолепной шуткой — пририсовать свое лицо Юпитеру и добавить полосатые розы к гирлянде на голове Леды. Художнику потребовался всего один день, чтобы внести изменения, и я послал ей клавесин, своего рода секретный подарок. Розамунда знала, что он означает. Она музицировала каждый день. Мне нравилось представлять: она играет, смотрит на нас вместе, и никто не

догадывается об этом.

— Вы поехали в Россию?

— Да. Мой отец действительно настаивал, чтобы я путешествовал с ним в расширенном туре по России с дипломатической миссией. Он был заметно рад, когда я наконец согласился. Могу сказать, он был в восторге, потому что изволил улыбнуться мне. Пока мы были за границей, я принял и другой его план. Позволил ему устроить мой брак с дочерью английского герцога, занимавшего дипломатическую должность при царском дворе.

Он сделал паузу, а затем продолжил, наконец избавляясь от груза воспоминаний.

— Я любил Розамунду каждым атомом моего существа, и все же женился на другой женщине. Простой, милой женщине, которую ненавидел и которую наказал молчанием и нелюбовными попытками зачать наследника. Не было ни одной минуты нашего брака, чтобы я не заставил ее почувствовать тяжесть моего разочарования в том, что она не Розамунда.

Тибериус продолжил, перечисляя свои грехи тихим голосом, полным ненавистью к себе.

— Я хотел быть достойным мужем, по крайней мере, пытался. Согласился на то, чтобы отец устроил договоренный брак. Играл покорного мужа любой ценой. Стиснул зубы и занялся любовью с женой. Пока не пришла телеграмма.

— Что за телеграмма?

— Та, что Розамунда отправила накануне своей свадьбы с Малкольмом. Видите ли, я не получил ее в течение месяца. Мы с женой отправились в свадебное путешествие. — Его губы искривились, когда он произнес слово «жена». — У ее семьи была вилла на Черном море, и мы поехали туда на несколько недель. Наши связи с внешним миром были ограничены. Мало писем и никаких телеграмм. Мы забрали все по возвращении в Санкт-Петербург, кучу корреспонденции, которая накапливалась в течение четырех недель. Четыре недели Розамунда верила, что я получил ее телеграмму, но не пожелал ответить.

— Что было в телеграмме? — мягко спросила я.

Тибериус пожал плечами.

— У нее был предсвадебный стресс. Мысль отозвать все и быть со мной. Мне следует лишь сказать слово, и Розамунда будет моей. Полагаю, наконец до нее дошло, что ей придется провести остаток своей жизни с парнем, настолько скучным, что его идея гедонизма — принимать ванну дважды в неделю вместо одного раза.

— Вы бы ответили? Вы бы велели ей отменить свадьбу с Малкольмом

и вернуться к вам?

— Я бы разорвал Кавказ голыми руками, чтобы добраться до нее, — просто сказал он.

— Даже если она разбила ваше сердце, отказав вам?

— Ничто не имело значения для меня, — настаивал Тибериус. — Только то, что мы были бы вместе. Но к тому времени, как я получил от нее весть, она вышла замуж за Малкольма и исчезла. Я узнал об этом из английских газет одновременно с телеграммой.

— Какая жестокая ирония судьбы! Интересно, что с ней стало?

— Это вопрос, который меня мучает. Мучил тогда, мучает до сих пор. Мысль, что я был так близок к заветному желанию, уничтожила меня. Боюсь, я сорвался с цепи. Я набросился, главным образом, на жену. В ту ночь, когда узнал об исчезновении Розамунды, я заставил жену не спать до рассвета, смакуя каждый ее недостаток. Я рассказывал ей о Розамунде подробно, мрачно, отвратительно. Она была нежным существом, и я оскорблял ее своим презрением, тщательно подбирая каждое слово, чтобы оно ранило поглубже. Я никогда не тронул ее и пальцем, но клянусь Богом, той ночью я разорвал ее до костей словами. Я сломал в ней что-то, что так и не восстановилось. Моя жена зачала ребенка. Только небеса знают, каким маленьким монстром он мог бы стать при таких обстоятельствах. Она страдала при родах, и когда врачи сказали, что ей нужно бороться за себя, просто повернулась лицом к стене. У нее не было желания жить, я отобрал его. И все потому, что не мог простить — она не та, кого я хотел.

В глазах с Тибериуса стояли слезы; и я соскользнула на пол перед ним, протягивая руки. Он упал в них, цепляясь за меня, как тонущий моряк хватается лонжерон, отчаянно, безо всякой надежды. Он не плакал, по крайней мере, не издал ни звука. Но плечи виконта вздымались один-два раза, и когда он отступил, я отвела лицо, пока Тибериус снова не взял себя в руки.

— Так что теперь вы знаете обо мне худшее, — сказал он прерывающимся голосом. Его светлость сильно откашлялся, приглаживая волосы изящной рукой, пытаясь вернуть себе какое-то достоинство.

— Должно быть, вы испытывали невыносимую боль.

Он открыл ошеломленно рот.

— Я только что вам рассказал...

— Я знаю, что вы рассказали. И знаю по собственным наблюдениям, что вы трудный, капризный человек, к тому же сексуальный хищник. Но надеюсь, вы поверите моему опыту с мужчинами. Вы вели себя чудовищно по отношению к своей жене, это так. Однако независимо от того, насколько

дьявольски хотите думать сами, вы не за гранью искупления. Вы не можете быть абсолютным негодяем и все же сожалеть о своем обращении с ней, Тибериус. Я нахожу вас теплым и щедрым. Считаю человеком чести, по крайней мере, по вашим собственным критериям. Вы, должно быть, ужасно пострадали от рук Розамунды, чтобы вымещать свою боль на невинной жене.

Тибериус потряс головой, словно прочищая ее.

— Милостивый Бог, неудивительно, Стокер... — Он замолчал. — До этого момента я никогда не знал истинной верности, Вероника.

Он схватил мою руку и поцеловал ее.

— Что бы вы ни просили у меня, с этого момента и до последнего вздоха, я клянусь быть вашим верным рыцарем.

Я забрала руку. Тибериус, как обычно, укрывался в мягких насмешках, но я знала, что он искренен.

— Что случилось после смерти вашей жены?

Он устало провел рукой по глазам.

— В то время мы еще были в России, поэтому я утешал себя всевозможными славянскими развратами. Замариновал себя в водке и переспал с половиной двора, включая брата царя. Несколько месяцев таких дебошей должны были прикончить меня.

— Но этого не случилось, — сказала я.

Он закрыл глаза

— Нет. Розамунда преследовала меня, я мечтал о ней. Я пил, чтобы одурманить себя и уснуть, потому что тогда увидел бы ее во сне.

— Малькольм когда-нибудь подозревал о вашей привязанности друг к другу?

Виконт выдержал паузу.

— Не знаю. Мы должны были быть очень осторожными из-за репутации Розамунды. Ей надо было зарабатывать на жизнь, даже простой намек на шалость разрушил бы ее карьеру. Что-либо кроме помолвки означало бы гибель для ее перспектив трудоустройства.

— Но в принципе это возможно?

Он пожал плечами.

— Все возможно. Розамунда могла признаться. Кто-то еще обнаружил наш альянс. Или ее заметили, когда она отправляла мне телеграмму.

Тибериус развел руками в жесте великодушия.

— В любом случае это не важно. Вы знаете, почему я приехал, моя дорогая. Я здесь, потому что Малькольм нуждается в моей дружбе и поддержке, и я стремлюсь ее оказать.

— Лжец, — произнесла я приятным голосом.

Его взгляд сузился.

— Извините меня, пожалуйста?

— О, не хитрите, изображая задетую гордость, Тибериус. Не сомневаюсь, что женщины называли вас куда более худшими именами. Вы неспроста приехали сюда. Вы хотите узнать, что случилось с Розамундой, и подозреваете, что Малкольм как-то связан с ее исчезновением.

— Если бы я так сделал, был бы дураком, — возразил он шелковым голосом. — Ничего хорошего не получишь, разгребая прошлое.

Я знала этот тон. Он играл в игры, как умел только Тибериус. Но я знала одну или две игры сама и ответила ему прохладно:

— У ваших скрытых целей есть мотивы, милорд. И я хочу выяснить, какие.

— Это угроза, моя дорогая мисс Спидвелл?

— Это предупреждение.

Я поднялась, чтобы уйти, открыла дверь и чуть не упала на Стокера с поднятой рукой, приготовившегося стучать.

Я запомнила на всю жизнь выражение полного шока на его лице. Оно усугублялось по мере того, как он изучал меня — от распущенных волос до растрепанного халата и босых ног, выглядывающих из-под подола. Он посмотрел мимо меня на своего брата, который лениво бездельничал в кресле у огня. Было до боли очевидно, какие выводы он сделал.

— Стокер, — запнулась я.

Он одарил меня улыбкой ледяной вежливости, подняв руку блокирующим жестом.

— Помолчи, пожалуйста, Вероника. Это между Тибериусом и мной.

Стокер резко обошел меня, осторожно вытолкнул на лестницу и закрыл за собой дверь. Если бы его сверхъестественное спокойствие не встревожило меня, звук закрываемой на засов двери сделал бы это.

Глава 12

Я не смела стучать, шум мог разбудить весь дом. Но я также не могла уйти в свою комнату, не зная точно, какой ущерб нанесут друг другу Темплтон-Вейны. Стокер обладал преимуществом в дюймах и весе, но виконт был старше и зачастую вооружен. Я обернула свою ночную рубашку вокруг ног и уселась на каменную ступеньку, ожидая результата схватки. Я не питала иллюзий, что они боролись из-за меня. Возможно, я зажгла искру, но трут был старым и сухим. Финальная битва назревала с самой колыбели, по правде говоря, я была рада, что она наконец-то разразилась.

Немного звуков проникало сквозь крепкую, дубовую дверь. Мне было слышно, как разбилось стекло. Длинный стон, чей, я не могла догадаться. Затем последовал треск расколотого дерева и странный булькающий звук, как будто кого-то душили поясом халата, решила я.

Наконец наступила тишина. Я встала, отряхивая складки ночной рубашки, и тихо постучала в дверь. Спустя невероятно долгое время на стук ответили. Стокер сидел у очага, покрытый пеплом и битым стеклом, с торчащим из плеча небольшим ножом. Тибериус пытался остановить поток крови из носа. Один глаз у него распух и почти закрылся, левая рука болталась на боку.

— Полагаю, у вас вывих, — доброжелательно указала я.

— Ничего, что он не делал со мной раньше, — простонал Тибериус, злобно глядя на брата.

— Я сказал тебе, что вправлю руку, — прохрипел Стокер.

Он перевернулся на четвереньки и через мгновение приподнялся, лишь слегка пошатываясь. Без предупреждения он схватил брата одновременно за шею и талию и ударил его светлость плечом о спинку кровати, аккуратно вернув сустав в гнездо под аккомпанемент рычания виконта.

— Теперь, что насчет этого? — потребовал Стокер, указывая на нож, все еще дрожащий в его руке.

— Просто царапина, — успокоил его виконт. — Ножик — детская игрушка.

Стокер стиснул губы и сжал кулаки, но прежде чем он смог продолжить драку с братом, я схватила нож за рукоятку и выдернула. Стокер подавил вой боли, и я увидела, как глаза Тиберия загорелись от

удовольствия.

— Сделайте это снова. Мне нравится, когда он кричит.

— Следите за своими манерами, или я задам вам обоим, — предупредила я их.

— Какое искушение, — пробормотал Тибериус.

— Когда вы закончите ваш флирт? — возмутилась я.

— Что касается вас, то никогда, — любовно заверил меня его светлость.

Я вытерла лезвие ножа о халат Тибериуса.

— Я оставляю его, — уведолив, я положила нож в карман. — Не могу быть уверена, что в следующий раз вы не заденете что-то жизненно важное.

— Моя дорогая Вероника, если бы я хотел ранить его как следует, я бы взялся за дело всерьез.

— Вы не должны были пользоваться ножом, — с негодованием упрекнула я.

— Конечно, должен, — терпеливо разъяснил Тибериус. — Это широко известный факт, что умственно отсталые люди невосприимчивы ни к чему, кроме самой острой боли.

— О, ради любви Христа и всех его милых ангелов, — начал Стокер, но я протестующе подняла руку.

— Достаточно! Я рада, что вы двое наслаждались вашей маленькой дракой. Нет ничего лучше для мужчины, чем здоровый коитус или кулачный бой, чтобы снять напряжение. Но время ссор закончено. Мы должны поговорить о результатах сеанса сегодня вечером.

Тибериус махнул не пострадавшей рукой.

— Небольшое озорство, ничего больше.

— Не уверена, — возразила я. — Хелен Ромилли кажется искренне испуганной, как и миссис Тренгроуз.

— Конечно, — хмыкнул он. — Экономка ответственна за то, чтобы держать Хелен подальше от бренди.

— Не очень учтиво. Но вы подняли отличный вопрос, Тибериус. Для того, кто должен привыкнуть к подобным вещам, Хелен выглядела слишком расстроенной. Она увидела меня в ночной рубашке и чуть не взвилась в воздух от испуга.

Тибериус зашевелился.

— Вы признались ей, что это вы?

— Пожалуй, следовало бы. Но я боялась, что если заговорю, она начнет визжать на весь дом и может впасть в истерику. Мне ее реакция

кажется наиболее любопытной.

Стокер вопросительно поднял бровь.

— Каким образом?

— Хелен делает такие вещи сплошь и рядом, зарабатывая на жизнь. Мадам Елена и все такое. Она связывается с мертвыми так же часто, как обычная женщина говорит с мясником. И все-таки события этого вечера, похоже, непомерно огорчили ее.

Стокер возмутился.

— Вероника, она не связывается с мертвыми. Она — шарлатан.

— Возможно, — подхватила я.

Его тон всегда был пренебрежительным, когда мы обсуждали что-то, не поддающееся объяснению исключительно научными исследованиями.

— Ничего возможного. Хелен зарабатывает деньги на скорби и отчаянии, заставляя страждущих верить, что совершает немыслимое. Женщина ничем не лучше обычной карманницы, практически, она крадет деньги у доверчивых людей.

— Как немилосердно, — пробурчал Тибериус.

— Милосердно! Почему я должен быть милосердным? — потребовал Стокер. — Мошенница в темной комнате произносит какие-то глупые слова, и вдруг все ведут себя так, как будто настало Второе пришествие. Это безумие.

— Безумие, но не это главное. Хелен Ромилли была глубоко потрясена. Я думаю, она была удивлена происходящим так же, как и все остальные за тем столом. Хелен казалась искренне расстроенной музыкой. Фактически, после этой конкретной манифестации всем, тесно связанным с Розамундой, стало не по себе, — намекнула я.

Серые глаза Тибериуса расширились.

— Кроме меня, вы имеете в виду. Вы серьезно предполагаете, что я имею какое-то отношение к этому детскому трюку?

Я пожала плечами.

— У вас имеется подходящий мотив.

Глаза Стокера внезапно вспыхнули от любопытства.

— Мотив?

Я сделала паузу, и Тибериус восстановил свое обычное хладнокровие.

— Очень хорошо, Вероника. Расскажите ему. Он будет искренне наслаждаться, не сомневаюсь. Но если не возражаете, я бы не хотел становиться свидетелем собственного разоблачения. Этот разговор лучше всего вести наедине.

— Другими словами, — перевел Стокер, — «Убирайтесь».

Красивый рот Тибериуса яростно сжался.

— Точно. Я закрою дверь на ключ. Или я должен попробовать святую воду? Небольшой дружеский экзорцизм поможет отправить тебя восвояси.

Я встала и разгладила подол моего халата.

— Давай, Стокер. У Тибериуса припадок раздражительности, и я не могу винить его. Должно быть, у него ужасно болит плечо.

Я повернулась к двери и послала ему воздушный поцелуй. Он пробормотал что-то неприличное. Я улыбнулась. Независимо от их частых ссор и драк, мальчики Темплтон-Вейны были вошедшими в поговорку горошинами в стручке.

* * *

Последовала неприятная интерлюдия, во время которой я зашивала рану Стокера под аккомпанемент его взыскательных инструкций. Он долго и сдержанно смотрел на мою работу, потом кивнул в знак неохотного одобрения.

— Пожалуй, сойдет, хотя было бы чертовски привлекательней, если бы я сам мог держать в руках иглу, — проворчал он.

Я заклеила рану — не слишком нежно — и уселась в кресло, пока он размешивал угли. Он долго молчал, наблюдая, как разгорается пламя, а затем повернулся ко мне, его улыбка носила оттенок озорства.

— Ты ведь понимаешь, что не сможешь объяснить мое присутствие, если меня здесь обнаружат, — высмеял он мои возражения по поводу предыдущего вечера. — Что люди подумают?

— Меня не волнует мнение провинциалов, — парировала я.

Он занял второе кресло и вытянул ноги к огню, теперь весело потрескивавшему в очаге.

— Я думал, тебе понравились Ромилли.

— Возможно. Но трудно дружить с людьми, которые живут с призраком.

Стокер фыркнул.

— Конечно, ты не веришь в эту чушь.

— Нет, — с сомнением протянула я.

— Ты не думаешь, что в коридорах этого замка оживает настоящий призрак? Клянусь саваном моей матери, если ты ожидаешь *меня* поверить, я переброшу тебя через плечо как мешок с шерстью и унесу отсюда, — предупредил он.

— Я не думаю, что призрак Розамунды скрывается в тайниках замка. Трюк с музыкой — продукт гадкого воображения, без сомнений, человеческого. Но что, если помимо этого существуют мистические силы, некое присутствие извне, побуждающее живых выполнять приказы мертвых?

Его брови сошлись.

— Ученый должен учитывать все возможные гипотезы, — сказал он серьезно. — И после того, как я тщательно обдумал эту идею, могу заявить, что это самое что ни есть лошадиное дерьмо.

— Следи за своим языком, — пробормотала я.

— Ну, честно, Вероника. Ты не можешь всерьез верить в подобную ахинею.

— Я не говорила, что верю в эти фантазии, — холодно возразила я. — Просто предположила, что это возможно.

— Это чертовски невозможно.

— Если бы все ученые были такими же упрямыми, как ты, мы бы до сих пор верили, что корабли доплывут до края света, и считали, что солнце вращается вокруг Земли.

— Я не упрямый...

— Сказано с упрямством быка. Это не твоя вина, что ты страдаешь от недостатка воображения.

— Недостаток воображения! Отказаться от идеи, что призрак играет на клавесине и задувает свечи!

— Я не имела в виду эти вещи, — сказала я, стремясь оставаться терпеливой. — Это явно были трюки. Сквозняки можно сделать с помощью вентиляторов, свечи могут быть подделаны. Что касается музыки...

Стокер поднял руку.

— Это мог подстроить только человек. Механизм часового механизма — чертовски более вероятное объяснение, чем фантом.

Я покачала головой.

— Мы обыскали клавесин «с головы до ног» и не нашли никаких свидетельств того, что с ним что-то делали. Думаю, кто-то должен был сыграть и сбежать через скрытый переход. Что означает следующее: никто из присутствующих на сеансе не мог это сделать, — закончила я.

— Или наш злодей мог спрятать музыкальную шкатулку в коридоре и оставаться с нами, — возразил он. — Любой из гостей или семьи мог бы это сделать.

— Или что-то сверхъестественное... — начала я.

Стокер презрительно хмыкнул.

— Я до сих пор не верю в это.

— Конечно, нет. Я тоже. Просто считаю, что мы должны рассмотреть каждую вероятность, прежде чем остановиться на одной. Должно быть объяснение, которое мы пока не обнаружили. Но найдем.

Он наклонил голову, чтобы с любопытством взглянуть на меня.

— Зачем?

— Что ты имеешь в виду — «зачем»?

— Почему мы должны проникать в здешние тайны? Почему это нас волнует?

Я недоуменно моргнула.

— Потому что это загадка? У тебя нет любопытства? Нет чувства, что тебе брошен вызов?

— Вероника, мы трижды участвовали в таких подвигах. Нас топили в Темзе; мы были почти обречены на заклание; гнались через самые отвратительные канализационные коллекторы Лондона; и — к сожалению, должен добавить — в меня стреляли. Объясни мне привлекательность таких действий, если сможешь.

— Ты покинул свою комнату ночью, готовый исследовать музыкальную комнату раньше меня!

— Только потому, что знал: ты собираешься это сделать, и хотел уберечь тебя от неприятностей. Я предпочитаю спокойную и тихую жизнь со своими образцами и научными исследованиями.

— Вот *это* уж точно лошадиное дерьмо, — кратко определила я.

— Следи за своим языком, Вероника, — сказал он с идеальной мимикой.

О, как я возликовала! Еще раз заняться расследованием в спарринге со Стокером — больше значило быть самой собой, чем когда-либо. Я почувствовала растущее волнение, прилив внезапной свирепой радости, такой же горячей, как и охота на бабочек. Даже поймать Kaiser-i-Hind за крыло не доставило бы мне такого удовольствия. Я радостно вскричала:

— Ты в восторге от погони так же, как я! Тебе просто нравится притворяться, что эти подвиги целиком и полностью зависят от моего подстрекательства. Так ты можешь казаться рациональным и устойчивым, пока я отдаюсь полетам фантазий и нелепым приключениям. И тем не менее, ни одна из наших эскапад не была предпринята без твоей энергичной помощи.

— Помощи? — Его голос повысился недоверчиво. — Уверен, я был главным героем наших авантюр.

Я наклонила голову, изучая его спутанные волосы и ушибленное лицо.

— Нет, я всегда думал о тебе как о своем Гарвине.

— Гарвин! Полоумный помощник Аркадии Браун, — возмутился он.

— Гарвин не глупец, — теперь негодовала я. — Он просто менее одарен, чем его напарница, и вынужден полагаться на ее мужество. И экспертизу. И интуицию.

Стокер изрек что-то еще более отвратительное, чем до этого произнес его брат, и опустил на стул.

— Какое замечательное «привет, как дела», — проворчал он. — В Гарвине нет ничего кроме мышц.

— Чепуха. На тебя тоже довольно приятно смотреть. Не сейчас, конечно, с губой, торчащей как мрачный мул, и с синяком, расцветающем на лице. Но когда ты прилагаешь усилия, то почти красив.

Это была вопиющая ложь. Стокер не был *почти* красив, он был совершенно восхитителен, и не вопреки своим недостаткам, а благодаря им. Шрам, неподстриженные волосы и признаки грубой жизни только заставляли его казаться более реальным. Тибериус представлял картину идеального джентльмена, одетого с иголочки, но Стокер был всем, что я считаю правдивым, ярким и живым в мире.

К моему удивлению, он прекратил дуться. Внезапно Стокер сел прямо, пристально глядя на меня.

— Что ты имела в виду? Как Тибериус связан со всем этим? Почему его портрет оказался на клавишине? Полагаю, он был влюблен в Розамунду.

Я повторила грустную историю Тибериуса о его злосчастных отношениях с леди и последующем разрушительном браке. На протяжении всего рассказа Стокер молчал, изучая свои ноги с непроницаемым выражением лица. Когда я закончила, он глубоко вздохнул.

— Этот невыразимый ублюдок, — пробормотал Стокер. — Кто бы мог подумать, что он заставит меня жалеть его. Никогда не догадывался, что все было так плохо. Знаешь, он был гордостью и радостью отца. Наследник королевства, — сказал он, широко размахивая руками. — Я был только кукушонком в гнезде.

— Твой отец, по-моему, был не из тех мужчин, которые легко принимают неверность жены, — размышляла я. — Почему же он признал тебя своим сыном?

Стокер невесело улыбнулся.

— Потому что знал, так ей намного больнее: я целиком в его власти, а она не может меня защитить. По закону я был его ребенком. Он мог меня бить или морить голодом, и мать ничего не могла с этим поделать. Тонкая и

изоощренная жестокость, как все, что он делал.

— Он часто тебя бил? — спросила я, старательно отводя взгляд. Некоторое время назад я узнала, что наблюдать боль Стокера невыносимо трудно.

— Нет. В том-то и тонкость. Он знал, что гораздо эффективнее делать это редко и без провокаций. Я никогда не знал, когда удар последует и почему. Он думал, что будет держать меня в цепях, и какое-то время так и было. Попытки Тибериуса были более приземленными.

— Такие как?

Стокер пожал плечами и скривил губы.

— Сломать вещи, которые Тибериус любил. Отобрать его любимую лошадь. Вытащить из школы, где он процветал, поместить в школу, которую он ненавидел. Отец практиковал это со всеми детьми. Методика была разработана, чтобы ужесточить нас, сделать истинными Темплтон-Вейнами. Руперт опустил голову и делал, как ему велели. Он никогда не восставал, никогда не сопротивлялся. Мерриуэзер был слишком молод для худших игр отца. Кроме того, у старого дьявола был полон рот забот с Тибериусом и со мной.

— Ты сопротивлялся, — предположила я.

Он улыбнулся.

— Всякий раз, когда имел шанс. А когда мне было двенадцать, ушел из дому совсем. Отец не особо возражал. Он наводил справки, отправлял детективов и в конце концов притащил меня назад. Азарт пропал, когда отец понял, что я просто уйду снова. Тибериус разработал собственные стратегии для борьбы с ним.

— Какие стратегии?

— Тибериус научился никогда не любить, чтобы это не было использовано против него. Надел маску, которую ты так хорошо знаешь. Отполированную обшивку урбанистики, настолько отстраненную и высокомерную, что мой брат вполне мог бы жить на Олимпе. Он не склоняется к нам, простым смертным. Вот почему история с Розамундой беспокоит меня. Это делает Тибериуса человеком.

— Тибериус сказал мне, что его жена умерла при родах. Что случилось с младенцем?

— Умер тоже. Почти сразу после рождения.

— Как трагично! — воскликнула я.

— Тем более, что это был мальчик. Сын и наследник Темплтон-Вейнов. Потерял его при рождении.

— Что он будет делать без наследника? — спросила я. — Как ты

думаешь, Тибериус снова жениться?

Стокер прищурился.

— Зачем? Ты собираешься продолжать эту вашу нелепую комедию обручения? Если вы намерены довести дело до конца, не устраивайте июньскую свадьбу, прошу вас. Такое cliché.

— Не будь гадким. Отлично, я расскажу тебе простую и довольно глупую правду об этой шараде с помолвкой. Малкольм Ромилли католик и несколько консервативен. Тибериус решил, что если он представит меня невестой, я буду выглядеть респектабельнее, чем женщина, путешествующая с мужчиной, с которым никак не связана.

— Я знал это, — заявил Стокер с мягким триумфом.

— Ты не знал. Ты был явно раздражен мыслью, что я могу стать твоей невесткой.

— Память мне изменяет.

Я фыркнула.

— Признаюсь, я очень привязана к Тибериусу. Но это не разубедит меня в непоколебимой решимости не выходить замуж. Однако у Тибериуса есть титул и связанные с этим обязательства. Что с ними будет?

Он снова пожал плечами.

— Руперт следующий в очереди, и у него, к счастью, четверо сыновей. Продолжение рода обеспечено, пока Тибериус не возражает против того, чтобы все в конце концов перешло к нашему племяннику.

— Подозреваю, он не захочет еще раз жениться. Он довольно горько говорил о супружестве и о том, что его сердце разбито из-за Розамунды...

Глаза Стокера округлились от изумления.

— Его сердце разбито? Ты не можешь всерьез так думать.

— Конечно, я вполне серьезна.

— Невозможно.

— Почему же?

— Чтобы разбить Тибериусу сердце, он должен обладать им. Поверь мне, у него нет сердца.

— Чушь. Ты сам только что сказал, что Тибериус научился охранять свои чувства. Люди, вынужденные прибегать к таким уловкам, как правило, испытывают сильные эмоции, когда их чувствами пренебрегают.

— Если ты так считаешь, — ответил он с безумным спокойствием.

— Как можно быть таким безучастным? Минуту назад ты сказал, что жалеешь его, — рассердилась я.

— Мои симпатии разнообразны и скоротечны. Мне слишком досталось от Тибериуса в молодости, чтобы оплакивать его боль.

— У тебя паршивое настроение, и если ты не можешь рассуждать разумно, тебе лучше уйти.

Он закатил глаза.

— Что ты хочешь от меня, Вероника? Да, Тибериус испытал боль и потерю. Как и все мы.

— Сейчас его раны самые свежие. Быть здесь — это все пережить заново.

— Его собственная вина. Не следовало принимать приглашение Малкольма. Все, что ему нужно было сделать, это отказаться и пощадить себя от повторных переживаний величайшей трагедии в жизни. Вместо этого он приезжает и сыпет соль на раны. Не говори мне, что Тибериус заслуживает жалости. Он навлек все это на себя сам, — спокойно заключил Стокер.

Я молчала долгое время, слишком долго.

Стокер вопросительно посмотрел на меня.

— Что?

— Он навлек все это на себя сам. Но зачем? Это не имеет никакого смысла.

— О чем ты сейчас болтаешь?

— Все, что ты только что сказал. Я согласна с тобой. Постарайся не дать новизне сбить тебя с ног, но ты был прав. Тибериус самый властный и контролирующий человек, из всех, кого я знаю. Он устроил каждый аспект своей жизни к собственному удовлетворению, кроме потери Розамунды. Их переписка с Малкольмом в последнее время была непостоянной. Конечно, они были лучшими друзьями на протяжении многих лет, но затем Малкольм удалился в добровольную ссылку. Они не встречались с тех пор, как Тибериус уехал в Россию. Однако, как только Малкольм попросил его приехать, он согласился. Они оба утверждают, что это ради старой дружбы. Но достаточно ли старой дружбы, чтобы Тибериус вернулся сюда, зная, что он столкнется с воспоминаниями о Розамунде? Или у него другая цель?

Стокер вскинул руки.

— Только дьяволы в аду могут ответить на это, Вероника.

Он оставался еще час, попеременно то разглагольствуя против своего брата, то лениво угрожая вернуться в комнату Тибериуса, чтобы закончить драку. Потребовался весь мой дар убеждения, чтобы удержать его, пока он не успокоился.

— Ты не выбьешь из него правду, и мне скучно зашивать тебя снова. Кроме того, это довольно лестно, если хорошенько подумать.

— Лестно? Как, во имя семи кругов ада, ты пришла к такому выводу?

— Ну, Тибериус, мог бы поручить дело профессиональному детективу. Он мог нанять частного сыщика, чтобы провести расследование. Вместо этого он полагается на нас.

— Не сообщив нам, — штурмовал Стокер. — В этом разница между *работой* с нами и *использованием* нас. Он подверг тебя риску, не задумываясь о твоей безопасности.

Этим аргументом давалось понять, что Стокер больше заботится о моей безопасности, чем о своей. Я снисходительно улыбнулась.

— Не беспокойся обо мне. Я привезла свои ножи, — весело сказала я.

Он удивился.

— Ножи? Множественное число? Я дал тебе только один, нож-малыш, чтобы привязать его к голени.

— И я ношу его, могу тебя заверить. Но леди нравится иметь и другие варианты.

Я подошла к своему саквоюжу и вытащила ложное дно, открывая отсек, который Дейзи-горничная не обнаружила. Я начала извлекать оружие, передавая Стокеру.

— Вот шляпная булавка, которую я сделала, тонкий стальной стилет с очень острым концом. Я ведь предупредила тебя, что он острый! — Я протянула Стокеру носовой платок промокнуть яркую каплю крови, выступившую на большом пальце.

— Вот булавки для манжет, — приплюсовала я, передавая пакет булавок без головок, используемых лепидоптерологами, чтобы прикреплять образцы к карточкам. Я часто накалывала их на манжеты, когда хотела немного дополнительной защиты.

Я достала тонкий фиолетовый шелковый корсет, и Стокер покраснел.

— Это мой любимый. Каждая косточка на самом деле является тонким лезвием из превосходной итальянской стали, — я продемонстрировала, как быстро могу снять лезвие с лифа.

— Что-нибудь еще? — съехидничал Стокер. — Улей, чтобы спрятаться в суе расследования? Перстень с мышьяком, чтобы подсыпать яд в чей-то чай?

Я всплеснула руками.

— Не груби. Яд — самый неоригинальный метод.

Он с любопытством покачал головой.

— Как бы ты поступила, если бы хотела прикончить кого-то?

— У меня уже есть девятнадцать стратегий, и я разрабатываю двадцатую. Не волнуйся, — приободрила его я. — Если я когда-нибудь решу убить тебя, я сделаю это быстро и творчески. Ты никогда не

догадаешься.

— Моя дорогая Вероника, как раз этого я и боюсь.

Он прервал себя, и с той специфической телепатией, которую мы иногда разделяли, я догадалась, что он скажет дальше.

— Я знаю, что ты не хочешь говорить о Мадейре, — начал он ворчливым голосом, — но думаю, мы должны расставить точки над «i».

— Нечего рассказывать, — буркнула я.

Он повернулся ко мне, его сапфировые глаза сияли от эмоций. Злость? Вызов? Я не могла определить. — Уверен, что есть. Я был с лордом Роузморраном, когда пришли счета, Вероника. Врач. Кормилица. Швея по пошиву одежды для младенца.

Он сделал паузу. Момент растянулся между нами тугой тишиной, ожидающей разрушения. Я вскинула подбородок.

— Да. Все так. Желаеть, чтоб я отчитывалась перед тобой?

— Считаю, что наша дружба требует этого, — просто сказал он.

— Я ни перед кем не отчитываюсь, — яростно ответила я.

— А я — никто? — спросил он. В его голосе звучало какое-то темное чувство, которого я никогда раньше не слышала.

Мой голос стал резким.

— Конечно, нет!

Я поспешно добавила, буквально выталкивая из себя:

— Но я не могу дать тебе объяснения.

— Понятно, — сказал он, снова поворачиваясь к огню.

Стокер замолчал. Я поднялась, мои руки сжались в кулаки.

— Знаю, это выглядит, будто я поехала на Мадейру, чтобы родить ребенка, — начала я.

Он тоже осторожно поднялся, оберегая только что перевязанную руку. Синяк на его лице медленно наливался пурпурным цветом, пышным и глубоким. Стокер подошел ко мне, отчетливо выговаривая каждое слово:

— Я не тот человек, которого ты знала раньше.

— Пора нам прочистить воздух, — я твердо встала перед ним. — Мне пришлось принять решение. И хотя я не нарушаю обещаний легко, но в долгу перед тобой.

— Леди Корделия отправилась на Мадейру, чтобы родить внебрачного ребенка? — рискнул предположить он.

— Как ты...

Стокер вздохнул.

— Вероника, помилуй. Я, конечно, мужчина, но все-таки доктор и видел признаки. Уверен, что она заставила тебя поклясться хранить все в

секрете, и ты чувствовала себя обязанной сдержать обещание. Поэтому я ничего не буду спрашивать о ребенке или его отце. Если леди К пожелает, чтобы я знал, она сама мне расскажет.

— Спасибо.

Он поднял брови в вопросе.

— Единственное, чего я не понимал, почему на счетах врачей было написано твое имя.

— Рецидив малярии, — объяснила я. — Я поехала, чтобы позаботиться о леди К, и вместо этого она ухаживала за мной. — Я улыбнулась, вспомнив время, когда Стокер заботился обо мне во время приступа лихорадки, которая таилась в моей крови и раздражалась в неподходящие моменты. — Должна заметить, что ее прикроватные манеры гораздо мягче, чем у тебя. Но ты знаешь, чьи бы я предпочла.

Что-то в его лице ослабло, и я снова улыбнулась.

— Ты действительно никогда не верил худшему обо мне?

Он пожал плечами.

— Я знал, что ты никогда не будешь так тупоумно загадочна со своим собственным ребенком. Ты не заботаешься об общественном мнении, чтобы держать это в тайне. Но ты бы сошла в могилу, защищая друга.

Я уставилась на него, улыбка расплылась на моем лице.

— Ты действительно понимаешь меня.

— Да, — согласился Стокер. — И ты чертовски сложнее, чем латынь, поверь мне. Я также верю, что если ты неожиданно останешься одна с младенцем, то откажешься от своего упрямства и обратишься ко мне за помощью.

Я наклонила голову, подвинувшись на шаг ближе, чтобы видеть серебристо-серые огни в его темно-синих глазах.

— Что бы ты сделал для меня?

Он пожал плечами и тоже шагнул ближе.

— Зависит от ситуации. Я бы отправился с тобой на край света. Принял роды. Женился на тебе и дал проклятому отродью имя, если бы ты захотела.

— Я никогда не выйду замуж.

Теперь он стоял в нескольких дюймах от меня. Я чувствовала запах сладкого дыхания — медовые леденцы, которые он всегда носил в своем кармане.

— Знаю. Я тоже. Брачный институт едва не стоил мне жизни.

Я была удивлена заявлением, но не настроением, стоящим за ним. Говорил горький опыт: он пострадал от рук своей жены. Благородная и

щедрая душа, не заслуживающая ничего, кроме верности.

— Тогда мы договорились. Мы никогда не женимся.

— Никогда. Хотя отсутствие брака не исключает определенные брачные действия, — намекнул он.

— Стокер, — пробормотала я.

Его рука поднялась, ладонь обхватила мою челюсть, большой палец погладил мочку уха. Я откинула голову назад, выгнув горло, и обвила руками его шею, стараясь не потревожить рану. Я чувствовала биение его пульса на моем горле, когда Стокер поцелуями проложил дорожку от уха до выреза ночной рубашки. Я сунула руки в его волосы, разомкнув губы, снова произнесла его имя на выдохе самого острого, самого изысканного ожидания. Его рот опустился еще ниже, зубы слегка задевали мою кожу. Между нами была только тонкая ткань ночного белья. Я крепче сжала волосы Стокера, произнесла его имя в третий раз, своего рода заклинание, молитву, очарование призыва.

Но когда я поощряюще простонала, он отступил, отпустив меня так резко, что я чуть не упала.

— Моя дорогая Вероника, — он широко распахнул невинные голубые глаза, — я должен принести самые искренние извинения за то, что позволил себе увлечься. В конце концов, именно ты сказала, что в первую очередь мы должны сохранить нашу дружбу. Такие демонстрации могут только обеспокоить и смутить нас, — закончил он с притворным сокрушением.

— Ревелстоук Темплтон-Вейн, — процедила я сквозь стиснутые зубы.

Он поднял руки.

— Нет, нет, мне очень искренне жаль. Что ты должна подумать обо мне?

— Дай мне пять минут, и я скажу тебе, — пригрозила я.

Вместо этого он погладил меня по голове. Я стукнула Стокера по руке, в точности, как до этого пнула руку его брата.

— Ну-ну. Не годится так вести себя с джентльменом, который ценит твою дружбу превыше всего, — укоризненно произнес Стокер. Он широко зевнул. — Должен признаться, я здорово устал от напряженного дня. Думаю, что пора пожелать друг другу спокойной ночи, не так ли? Спокойной ночи, Вероника.

Он оставил меня, прежде чем я смогла бросить в его сторону что-то более существенное, чем злобный взгляд, но я совершенно уверена, что слышала смех на лестнице, когда он уходил.

Глава 13

После его ухода я решила, что пора сделать антракт.

Очевидно, Стокер был полон решимости наказать меня за то, что оттолкнула его раньше, используя мое физическое желание как инструмент пыток. Вспомнились его томное раздевание на пляже, хитрый способ, которым он прижимался ко мне в переходе. Он провел большую часть дня, пробуждая мои аппетиты, и в итоге отказался насытить их. Я плеснула немного холодной воды на лицо, чтоб охладить горячую кровь. Пора выбросить из головы мысли о Стокере и его заманчивом присутствии. Я сказала себе, что он не единственный, кто может играть в такие игры.

Кроме того, размышляла я, есть более насущные проблемы. Для начала я волновалась о Тибериусе. Наша дружба была новой и непонятной вещью. Мы редко говорили о действительно значимых вопросах. По мнению Стокера, Тибериус культивировал свой холодный отстраненный вид как средство держать мир на расстоянии, и это хорошо работало.

Слишком хорошо, подумала я. Трудно проникнуть в сердце этого человека. Даже его откровенность в рассказах о случайных сексуальных эскападах предназначалась, чтобы тревожить и отталкивать, а не создавать интимность. Он говорил шокирующие вещи, чтобы возмущать, а не делиться чем-то реальным. Если кому-то удастся снять с него маску, он наверняка наденет другую, прежде чем настоящий мужчина выглянет из-за фасада. Именно эта неуловимость делала его интересным.

Должна ли я прояснить общие черты между раскрытием истинного характера его светлости и погоней по запутанному, извилистому пути за бабочкой, избегающей поимки? Их легион, могу заверить вас, дорогой читатель. Сходство моего хобби с выбранной профессией не приносило практической выгоды. Все же мало кто из знакомых виконта был более квалифицирован, чтобы раскусить его, решила я.

Я достаточно наблюдала подлинного Тибериуса, чтобы разглядеть в нем его младшего брата (гораздо больше, чем хотелось бы любому из них). Стокер и Тибериус оба были ранены, оба несли колючки и яд нападений. Стокер был отмечен неизбежными шрамами, как физически, так и психически. Но несмотря на все свое богатство и блеск, Тибериус был тоже поврежден. Разница была лишь в том, что деньги позволяли ему лучше камуфлировать следы кровавой бойни.

Слушая исповедь о Розамунде, я была поражена болью в его голосе,

тем более очевидной, что он пытался скрыть ее. Он старался говорить легким тоном, но тщательно подбирал слова. Я видела сжатый рот, напряженность рук, побелевшие костяшки пальцев. И в тот момент, когда Тиберийс догадался, что я увидела и поняла, когда он бросился в мои объятия и, наконец, открыто встретил свою боль... это было почти невыносимо. Что бы ни случилось, независимо от того, какие убийственные намерения разыграются в замке, я не оставлю его. Тиберийс не думал открыто просить помощи, потому что еще не понял, что нашел во мне друга. Но он нашел. Так мчались мои мысли до конца ночи.

Я очнулась от тяжелого сна на рассвете. Несмотря на бессонную ночь, выскочила из постели. Пора насладиться отдыхом на острове и заодно продвинуться в разгадке нашей тайны. Быстро умывшись, я оделась в свой охотничий костюм с узкой юбкой и жакетом поверх тонких брюк, взяла полевой блокнот и карманную лупу. Я прикрепila полдюжины булавок к своим манжетам и зашнуровала ботинки. Минутная остановка на кухне (пара рулетов и яблоко рассованы по карманам), и я вышла, пробираясь через покрытые росой сады.

В соответствии с моими ожиданиями, Мертензия уже была там — руки грязные, юбки испачканы, пот поблескивал на лбу.

— Доброе утро, — коротко сказала она, отвечая на мое приветствие с минимальной вежливостью.

Она была возле ворот ядовитого сада, и я присоединилась к ней, не дожидаясь приглашения.

— Я не думала встретить кого-то так рано, — соврала я.

Я предложила ей рулет. Она вытерла руки о юбки, при этом обильно покрыв ткань грязью. Мертензия неохотно взяла рулет, голод победил очевидное раздражение.

— Спасибо. Мне следовало что-то принести с собой, но я вышла до того, как кухарка проснулась, — сообщила она, отламывая большие куски рулета и засовывая их в рот.

— Тогда вы пробьете здесь некоторое время, — заметила я.

Она жевала и кивала.

— Несколько часов. Я хотела поработать с моими *Cestrums*. — Мертензия закончила рулет и двинулась к саду.

— Вы идете внутрь? Я бы очень хотела сопровождать вас, — попросила я, шагая между ней и воротами.

Мертензия сделала небольшую паузу, затем поджала губы.

— Очень хорошо. — Она вынула пару перчаток из кармана. — Наденьте их, и следуйте за мной.

— Вам они не нужны? — спросила я, натягивая перчатки.

— Я знаю, что нельзя трогать, — сказала она, закатив глаза. — Вы уже слышали предупреждения, но повторяю снова. Ничего не трогайте, ничего не нюхайте, и ради Бога, ничего никогда не ешьте за этими воротами!

Я поклялась в абсолютном послушании, и она повела меня внутрь. Сам воздух внутри ворот казался другим, наполненным почти наркотической тяжестью.

— Не дышите слишком глубоко, — предупредила она. — Это Cestrums.

— Cestrums — пасленовые, не так ли? — спросила я, когда мы углубились дальше в сад. Воздух был тяжелым от теплого вегетативного дыхания растений.

Она шла впереди, пока читала лекцию. Возможно, Мертензия не хотела моей компании, но очевидная любовь к растениям победила досаду. Она согревалась, рассказывая о них, как мать, говорящая о своих детях.

— Верно. Все Cestrums токсичны, особенно тот, чей аромат вы почувствуете. Это *Cestrum nocturnum*, ночной жасмин, — она остановилась перед массивным кустарником с маленькими белыми цветами. — Я предпочитаю разговорное имя, «леди ночи».

Кустарник, на самом деле буйное скопление лоз, сплетенных в непроходимом союзе, тянулся вверх, извиваясь усиками в спиралях высоко над головой и запутываясь в сооружении позади. Подойдя ближе к заостренным глянцевым листьям, я увидела лицо женщины, увядшее и выветрившееся, с лозами, обвитыми вокруг ее горла. Я отскочила назад, заставив Мертензию неприятно засмеяться.

— Некоторые парни в деревне зарабатывают на жизнь подъемом затонувших судов, — пояснила она. — Берут, что могут, с кораблей, затерявшихся вдоль островов. Они приносят мне свои находки, я покупаю их для сада.

С опозданием я поняла, что скульптура — лицо носовой фигуры, все, что осталось от какого-то бедного разбитого корабля, обрушившегося на камни.

— Как уникально, — заметила я вежливо.

У нее вытянулось лицо.

— Вам не нужно беспокоиться. По всему саду есть сюрпризы, но ни один из них не столь поразителен, как этот. Я зову ее Мерси. Иногда я разговариваю с ней во время работы.

Последнее было произнесено почти с неповиновением, как будто она провоцировала меня осудить ее за эксцентричность.

— Вам повезло, — с жаром сказала я.

Мертензия моргнула.

— Повезло?

Я развела руками в широком жесте.

— Жить в таком месте. Полностью управлять садами. Это как бы ваше маленькое королевство, где вы королева.

Она внезапно рассмеялась резким и ржавым смехом, словно детская сжимающаяся игрушка, которой не пользовались очень долгое время.

— Я не королева. Всего лишь пешка, движимая прихотями короля, — добавила она, бросая взгляд к окнам замка.

— Это Малкольм, — рискнула предположить я.

— Естественно. Сад, как и все на этом острове, принадлежит ему.

Она повернулась и начала подвязывать тонкий зеленый усик.

— Тем не менее, он, кажется, мало мешает вам, — изрекла я, сидя на скромной каменной скамье. Был ли это мой тон (непринужденно приглашающий) или моя поза (расслабленная и неторопливая), не знаю, что именно убедило ее: от меня нелегко избавиться. Она вздохнула и взяла секаторы, чтобы обрезать растения, пока говорит.

— Малкольм позволяет мне делать, что угодно, — призналась она. — Пока.

— Вы ожидаете, что это изменится?

— Так почти случилось. Но это в прошлом.

Было очевидно, что слова произнесены без реального желания довериться мне. Так или иначе, я подозревала, что прошло много времени с тех пор, как Мертензия наслаждалась интимной беседой с женщиной своего возраста. Можно было сманипулировать ее на дальнейшую откровенность, но мне пришло в голову, что прямой подход скорее принесет плоды.

— Мертензия, вы были достаточно сердечны, когда я впервые приехала. Однако теперь вы, кажется, настроены против меня. Если я нечаянно вас как-то оскорбила, хотелось бы знать, в чем дело. Тогда я смогу извиниться или, по крайней мере, держаться подальше от вас. В противном случае я буду сидеть здесь и ждать ваших извинений за то, что вы беспричинно грубы с гостем в вашем доме.

Я положила руки на колени, когда она уронила секаторы. Она подняла их, бросив на меня зловещий взгляд.

— Я была сердечна, поскольку думала, что вы могли бы мне понравиться.

— А теперь вы решили иначе?

Мертензия безжалостно отсекла кусок Cestrum.

— Очевидно.

— Наконец-то я вижу прогресс, — поощрила я.

Мертензия молчала долгое время, единственным звуком было щелканье ее секатора. Внезапно она повернулась ко мне, разразившись гневным:

— Хелен видела вас. Вчера на пляже с Стокером.

— Да, я знаю. Вчера мы с ней оживленно обсудили это событие за чаем.

Она открыла рот.

— Разве вы не смущены? Вам не стыдно? Я сказала, что она вас видела!

— Я слышала вас, моя дорогая. И мне не в чем упрекнуть себя. Мы со Стокером — очень хорошие друзья.

— Могу себе представить, — язвительно сказала Мертензия, ее рот сжался от настоящей горечи.

— Не настолько хорошие. Но мы знаем друг друга в течение долгого времени, мы работаем вместе.

Ее глаза подозрительно сузились.

— Вы работаете?

— Безусловно. Вы не думали, что мне нужны Glasswings для развлечения, не так ли? Я совершенствую виварий при музее в центре Лондона, который мы со Стокером создаем. Это займет десятилетие, даже больше, но мы уверены в успехе.

Я уловила неохотный интерес к моей работе, но она быстро задушила его, вновь повернувшись к своему Cestrum.

— Это не объясняет, почему вы преспокойно наблюдали его в таком виде.

— Голым? Моя дорогая Мертензия, какая вы пуританка. Я думала, что католики должны быть более разносторонними в таких вещах. В человеческом теле нет ничего постыдного, особенно в Стокере. Он особенно хорошо изваян.

Ее рука дернулась, и пышный цветок упал на траву.

— Черт, — пробормотала она. Мертензия снова повернулась ко мне. — Я имела в виду из-за вашей помолвки с его братом.

— Ах это. Ну, полагаю, не повредит, если я признаюсь: моя помолвка с Тибериусом просто выдумка. Он считал, в противном случае нам неприлично путешествовать вместе. Настаивал на том, что Малкольм довольно консервативен в таких вопросах, но подозреваю, его настоящая

цель — раздражать Стокера.

— Вы действительно не помолвлены с Тибериусом?

— Должна ли я поклясться? У меня нет под рукой Библии, возможно, моего слова будет достаточно.

— Я верю вам, — наконец решила она. — И думаю, знаю, почему Тибериус придумал такую историю. Не из-за Стокера или религии. Это из-за Малкольма. Они всегда так смехотворно конкурировали друг с другом. Невеста Малкольма исчезла, значит Тибериус появляется с красивой невестой. Дурацкий способ свести счет.

— Насколько инфантильными могут быть мужчины, — заметила я.

— Часто, — согласилась она. Мертензия отложила в сторону свои секаторы и порылась в кармане, вынимая тонкую темно-коричневую сигарету. Она зажгла ее, чиркнув спичкой о каменную скамью, глубоко затянулась острым дымом и передала мне сигарету. Я закурила, втянув достаточно дыма, чтобы выпустить элегантное кольцо.

— О! Вы научите меня, как это делать?

— Конечно. — Я провела следующую четверть часа, объясняя механику колец сигаретного дыма и руководя процессом. Первые кольца вышли кривыми, но последние получились красивее, чем мои.

— У вас врожденный талант, — отпустила я комплимент. Она потушила сигарету о подошву своего ботинка.

— Я скучаю по этому, — сказала Мертензия. — С тех пор прошло много времени... — Она замолчала, и я поняла, что она думает о Розамунде.

— Вы были школьными подругами с Розамундой, не так ли? Должно быть, это был ужасный шок, когда она исчезла.

Она покачала головой.

— Шок наступил раньше.

Мертензия посмотрела на меня, ее темные глаза долго вглядывались в мое лицо, оценивая. В конце концов она решила мне довериться, хотя бы отчасти.

— Я думала, что мы подруги. Была так счастлива, что она проведет лето с нами. У меня здесь маленькая компания. Я любила друзей Малкольма, но иметь собственного собеседника...

Оставшаяся часть предложения незавершенно повисла в воздухе.

— Розамунда изменилась. Я увидела это, как только она приехала. В ней появилось что-то жесткое. Должности, которые она занимала, оказались слишком трудными. Розамунда выдохлась, устала и было еще немного чего-то.

— Немного чего?

— Обозленная. Ничего очевидного, что бы прямо указывало на это, но в ней появилась злость. Как будто она была на грани срыва. Она была осторожна, никогда не делала никаких замечаний перед другими, кроме меня. Но Розамунда сидела на этой скамейке и присматривалась. Я знала, что она что-то замышляет.

— Что-то вроде чего?

— Выйти замуж за моего брата и стать королевой замка, — сказала прямо Мертензия.

— Мне следовало понять это раньше. Мы говорили с ней о замке в школе. Наши dormitorio были устроены так, что две девочки делили кровать; и Розамунда была моей соседкой по кровати. Мы долго лежали без сна после того, как остальные засыпали. Я слишком тосковала по дому, чтобы уснуть. Поэтому заливалась соловьем, и она поощряла истории о замке. Я рассказала ей все легенды: великан, Три Сестры, русалки, испанские моряки, — она сделала паузу. — И твердила, какой Малкольм самый милый брат на свете. Думаю, что сделала его немного королем Артуром, Зигфридом и Тесеем в одном лице. Я его обожаю, — добавила она с извиняющейся улыбкой. — Младшие сестры часто так чувствуют. Но я не отдавала себе отчет, как это звучит для девушки со столь скудными перспективами, как у Розамунды. Мне было одиноко без замка и замечательного старшего брата. У нее ничего не было, кроме пустой комнаты в школе и дополнительных обязанностей, которые она должна была выполнять как стипендиатка. Я никогда не осознавала, что это жестоко.

— Вы были ребенком, — напомнила я ей.

— Мечтательным ребенком. Я накручивала эти истории, и она верила им так же, как и я. В конце концов она помогла мне сбежать. Дала мне немного своих карманных денег и легла целый день, рассказывая директору, мол, у меня болит живот, и я осталась в постели, Розамунда влипла в ужасные неприятности. Ей повезло, что ее не исключили. Малкольм помог с этим.

Мертензия с расплывчатой улыбкой посмотрела на меня.

— Он был страшно напуган моим побегом из школы и обрадовался, что я добралась до дома невредимой. Бедняга! Ужасно молод для такой ответственности и не очень годился в опекуны. Люциан сходил с ума в своей школе, а я была на полпути к тому, чтобы моего лучшего друга исключили из школы. Малкольм сделал единственное, что знал: он платил и платил директору, пока та не согласилась оставить Розамунду.

Розамунда мельком увидела его, когда он приехал улаживать дела. Этого оказалось достаточно. Она решила, что когда-нибудь будет жить в нашем замке и выйдет замуж за принца, который появился из ниоткуда, чтобы спасти ее.

— Должно быть, он произвел на нее сильное впечатление.

— Действительно. Я не удивлена. Для кого-то вроде Розамунды, знающей только укусы лишения и никакой легкости в жизни, Малкольм, должно быть, казался откровением. Вежлив и богат. Он представлял безопасность. И когда словно мифическая фигура вступил в бой, чтобы устроить ее будущее в школе, она чуть-чуть его обожествила.

Она замолчала и через минуту продолжила с легкой улыбкой:

— Знаю, кажется смешным, что Малкольм может стать центром фантазий молодой девушки. Для меня он такой обыкновенный. Но он недурен собой, и Розамунда была полна решимости видеть его героем. Думаю, она была удивлена, когда наконец приехала на остров и нашла его довольно заурядным человеком.

— Прошло много времени между вашим уходом из школы и ее визитом сюда?

— Годы. Мы поддерживали связь какое-то время. Признаюсь, я неважный корреспондент, но Розамунда обязательно писала первое число каждого месяца. Когда она закончила школу, ей пришлось устроиться на работу. Всегда было ясно, что она должна содержать себя. Она писала о своих работодателях, обязанностях, обстоятельствах. Сначала Розамунда развлекалась, изображала все с неким лукавством, заставляя выглядеть шуткой. Но затем она оставила должность и не нашла подходящего места. Пришлось соглашаться на худшую зарплату, менее достойных нанимателей. Тон ее писем изменился. Наконец, она решила поехать в Индию, но не должна была занимать новый пост какое-то время. Это казалось прекрасной возможностью позволить ей приехать на остров немного отдохнуть.

— Позволить ей приехать? — Я ухватилась за любопытную фразу. — Она напросилась в гости?

— Почти. Она прислала отчаянное письмо, прозрачно намекнув о моем обещании помочь. Меня это немного задело, но я осознавала, что веду себя неблагодарно. В конце концов, я действительно ей обещала. Я решила, что будет приятно иметь гостью. Всего несколько месяцев, лето работы в саду и плавания в море, прогулок по острову. Хотела познакомить ее с нашей жизнью, дать немного передохнуть, прежде чем она снова вступит в бой. Но я увидела почти сразу, как Розамунда смотрела на

Малкольма, на замок, на все — на ее лице было такое обнаженное желание.

— Как ребенок в окне кондитерской?

— Не совсем. Это было что-то более темное, более решительное. Как будто она хотела или получить все, или умереть в попытке...

Она замолчала, прикрыв рот рукой, когда поняла, что сказала.

— Мертензия, что с ней стало, по-вашему? — мягко спросила я.

Она опустила руку и резко поднялась со скамейки, снова взяв секаторы.

— Не знаю. И я бы желала, чтобы люди перестали пытаться это выяснить.

— Вы не хотите узнать, что случилось в тот день?

— Нет. С какой целью? — потребовала Мертензия. — Если она сбежала — что вероятно, даже с такой уликой как сумка — это только сделает Малкольма несчастным. Если она случайно умерла, это сделает его несчастным. Если кто-нибудь...

Она замолчала, сконцентрировав внимание на растениях и упрямо стиснув рот.

— Если кто-нибудь убил ее, — закончила я фразу. — Следует признать, это могло произойти. И кто же выигрывал от ее смерти в таком случае?

Она молчала, отказываясь отвечать. В этот момент в сад вошел Стокер.

— Доброе утро, — поздоровался он. — Я знаю, что случайные посетители не должны сюда являться, но я услышал голоса.

Мертензия повернулась с заметным удовольствием. Ее рот раскрылся, когда она увидела синяки на его лице.

— Стокер! Что с вами произошло?

— Я ходил во сне, — соврал он. — Семейная болезнь. Мой брат тоже страдает от нее. — Ложь была гладкой, но никогда не одурачила бы кого-то более искушенного, чем Мертензия Ромилли.

— У меня есть арника в комнате отдыха. Это поможет с синяками, — утешила его она.

— Я очень признателен, — ответил Стокер.

Она покраснела. Я встала, понимая сигнал уйти, когда видела его.

— Мне пора идти, — пробормотала я.

— Минутку, Вероника, — сказала Мертензия. Ее лицо освещала жизненная сила, делавшая девушку почти привлекательной. — Вы должны увидеть Glasswings.

— Glasswings, — тупо повторила я. Мое сердце начало колотиться в груди. — Они здесь?

Она кивнула, ведя нас к ближайшему кустарнику.

— Раньше они питались дамой ночи. Гусеницы едят ее листья и взрослые бабочки — как вы их называете?

— Имаго, — ответила я. — Или образы, если вы предпочитаете.

— Тогда имаго. Они питаются цветами. Бутоны раскрываются только ночью, они уже начинают закрываться. Но если мы будем неподвижны и спокойны, Glasswings могут вернуться.

Мы втроем уселись на траву, дружелюбно делясь последней булочкой, пока ждали. Небо затянуло тучами, минуты растянулись в длинные промежутки времени. Маленькие звезды цветов жасмина, приняв потемневшее небо за сумерки, начали складываться, как девы на молитве, сжимая лепестки и нежно кивая на лозу. Как ни странно, их запах усиливался по мере того, как они исчезали. Как будто зная, что вот-вот задремлют, они разослали по ветру приглашение прийти, пока не стало слишком поздно. Моя голова стала тяжелой от аромата «ночной леди», когда она обвила меня своими усиками, крепко удерживая и подталкивая в состояние оцепенения. Я бы не смогла пошевелиться, даже если бы захотела, настолько стала сонливой. Мертензия выглядела точно так же, голова тихо упала на грудь, последний кусок рулета соскользнул из ее пальцев на траву. Шустрая белка выпрыгнула, чтобы забрать его, и снова поспешила обратно в тень. Стокер растянулся на траве, его руки были опущены за голову, веки опустились.

Мои собственные веки почти закрылись, когда я увидела первый трепет движения. Мгновение, не более того. Огонек на ветру, просто танцующий вне пределов моего восприятия. Я подняла голову, широко раскрыв глаза. И увидела Glasswing размером с человеческую ладонь, лениво взмахнувший к *Cestrum*, по-королевски элегантно садящийся на цветок. Я не могла дышать, не могла говорить, и даже если бы у меня были силы, я бы не разбудила Мертензию или Стокера. В тот момент *Glasswing* был моим личным маленьким чудом.

Пока я наблюдала, ошеломленная, другой выпорхнул на маленькую поляну, двигаясь с тем же медленным величием. За ним последовал еще один и еще один, пока куст не наполнился ими. Их крылья из прозрачного соборного стекла томно развевались на темно-зеленой лозе. Каждый стоял на одном сливочном цветке, глубоко втягивая влагу, черные вены на их крыльях упирались в белые цветы. Почти против воли я поднялась и двинулась к ним бесшумными шагами по мокрой траве.

Они не заметили, или если заметили, им было все равно. Они продолжали пить, потягивая нектар, как олимпийские боги. Импульсивно я

протянула руку, нежно прикасаясь к лозе. Она слегка вздрогнула, испугнув ближайшую бабочку. *Glasswing* парил в воздухе, прямо над моими кончиками пальцев, как будто решая, следует ли удостоить меня жестом. Бабочка приземлилась на мою поднятую руку, словно оказывая услугу, ее крылья дважды взмахнули в случае необходимости поспешного отступления. Но через мгновение замедлила движение, идя вперед, перебирая лапками, тонкими как чернила на странице. Она подкралась к моей руке, пока не добралась до плеча и взгромоздилась, расправив крылья, ловя лучи переменчивого солнца. Какой-то миг бабочка оставалась позолочена пламенем, идеальное живое украшение, чья красота была больше, чем я могла вынести. Она будет существовать такое короткое время, но ее существование принесло миру что-то незаменимое. Возможно, эта красота была тем более велика, что мимолетна.

Без предупреждения *Glasswing* широко взмахнул тяжелыми крыльями и улетел прочь под соленым морским ветром, исчезая над железными воротами. Вскоре за бабочкой последовали ее друзья, оставляя маленькую поляну словно монахини, отступавшие после вечерни. Я наблюдала, пока последняя из них не поднялась над воротами и не исчезла из виду.

— Великолечно, не так ли? — Мертензия встала позади меня.

Я кивнула, стараясь держаться спиной к ней, пока не успокоюсь.

— Возвращайтесь, когда захотите, — тихо сказала она. — В подсобке есть запасной ключ, если вы захотите войти.

— Это очень любезно, — хрипло ответила я.

— Это не доброта — напоить жаждущего водой, — вымолвила она. — Это человеческая порядочность.

Я склонила голову к все еще дремлющему Стокеру.

— Уверена, что он был бы признателен за экскурсию по вашему саду. Вот где самое интересное!

Она слегка покраснела. Мертензия — своеобразный человек, я была бы разочарована, если бы она оказалась убийцей.

Стокер вздрогнул, пробуждаясь.

— Мои извинения, — сказал он с огромным зевком. — Прошу снисхождения за плохие манеры.

Мертензия улыбнулась, и я увидела маленькую тень ямочки на краю ее рта.

— Неважно. Островной воздух так действует на большинство гостей. — Она смущенно опустила голову. — В качестве штрафа вы будете сопровождать меня во время утренних визитов и нести мою корзину.

Стокер вскочил на ноги, но прежде чем он успел ответить, я вышла

вперед.

— Какая восхитительная идея! Я хотела бы посмотреть остров. Как умно с вашей стороны это предложить, Мертензия.

Она бросила взгляд от меня на Стокера и обратно.

— Конечно. Отпустите меня взять все, что мне нужно. Я скоро вернусь, и мы можем идти.

Она исчезла из ядовитого сада, и Стокер пристально посмотрел на меня.

— Это было жестоко, — заметил он тихим голосом.

— Жестоко! Я думаю, что более жестоко поощрять ее, — съязвила я.

Он подскочил от возмущения.

— Я не поощряю.

Я сопротивлялась желанию закатить глаза к небу.

— Стокер, ты очень красивый мужчина, в отличие от всех, кого она, вероятно, когда-либо встречала за все свое защищенное существование. Ты разделяешь ее интересы и любезен с ней. Я не математик, но это конкретное уравнение сводится к тому, что наивная молодая женщина на полпути к влюбленности в тебя.

Стокер покраснел до ушей и пробормотал что-то неразборчивое, прежде чем прочистить горло.

— Ты правда так думаешь? — спросил он с откровенно потрясенным выражением лица. — Я всего лишь пытался быть добрым.

— Знаю, — сказала я немного мягче. — Не уверена, знаешь ли ты, какое оказываешь влияние на женщин.

— Не на всех женщин, — поправил он.

Не попадайся на приманку, велела я себе яростно. Признавая глубину своих чувств к Стокеру, я рисковала разрушить самое дорогое для меня в мире — его дружбу. Это маленькая и бледная тень того, что я хотела от Стокера, но этого должно хватить. Настаивая на отказе от чего-либо большего, я не могла теперь требовать что-либо большее как должное. Сама постелила эту особенно холодную постель, теперь мне в ней спать. В одиночестве.

Вместо этого я поджала губы, приняв тон школьный директрисы.

— Имей в виду, ты не должен привлекать ее больше, чем мог бы, — проинструктировала я.

Он казался искренне озадаченным моим руководством.

— Как, во имя семи кругов ада, я это сделаю?

— Пусть она несет свою корзину, — благоразумно подсказала я. — И ради Бога, застегни рубашку!

Его руки виновато подобрались к воротнику — и в лучшие времена не слишком опрятному. Он распахнулся, обнажая длинную колонну привлекательно мускулистого горла.

— У меня были проблемы утром, — признался Стокер. — рука одеревенела, не мог высоко поднять ее.

— О, позволь мне, — нетерпеливо приказала я. Я вывернула воротник и заколола его с безжалостной эффективностью. — Теперь, по крайней мере, ты достоин общества уважаемых женщин.

Я совершила ошибку, заглянув ему в лицо. На губах Стокера играла улыбка, а глаза блестели от удовольствия.

— Вероника, — пробормотал он.

Я отступила так резко, что чуть не потеряла равновесие.

— Она возвращается. Постарайся быть менее очаровательным.

К его чести, он попытался. Разумеется, Стокер не мог пренебречь своими джентльменскими инстинктами настолько, чтобы позволить ей нести корзину, однако он аккуратно обдумал свой реванш.

— Боюсь, сказывается травма руки, — плавно произнес Стокер, — но Вероника здорова как лошадь. Она будет только счастлива нести вашу корзину. — Он сунул корзину мне в руки и отправился с Мертензией, оставив меня тащиться сзади, нагруженную, точно вьючный осел. Корзина зловеще звякнула, и Мертензия раздраженно обернулась.

— Имейте в виду, вы должны быть осторожны, — предупредила она. — Некоторые бутылки содержат лекарства из трав, которых нет в этом сезоне.

Я поморщилась и постаралась не отставать от них. Задача не из легких, учитывая, что Стокер был полон решимости быстро справиться с поручением. Надо было помешать стратегии нашей хозяйки придержать его рядом с собой на протяжении всей экскурсии. Мертензия пыталась кокетливо болтать о любой возможной достопримечательности, указывая на каждый куст и разлом камней вдоль пути. Стокер давал искусные ответы. Не в силах заставить себя быть грубым, бросая короткие реплики, он вместо этого принялся читать ей длинные лекции такой катастрофической бессодержательности, что только святой был способен их терпеливо выслушать. Я тут и там ловила обрывки заумных фраз, кусочки непроходимой латыни, произносимые с мрачным видом уэльского священника.

Глаза Мертензии застыли, когда он превозносил достоинства скальных образований под нашими ногами.

— Правда? Понятия не имела. Боюсь, я совсем ничего не знаю о

камнях, — сказала она с некоторым отчаянием.

— О, вы говорите о камнях? — спросила я, широко раскрыв глаза и на мгновение опустив корзину. — Мне интересно обсуждение камней.

— Жаль, мы только что закончили, — Стокер посмотрел на корзину с нескрываемым удовольствием. — Поторопись, Вероника. Не мешкай. Мисс Мертензия должна наносить визиты.

Он повернулся и пошел дальше. Лишь камни слышали имена, которыми я называла его, когда взмыленная бежала за ними следом.

Несмотря на ранний час, местные жители были заняты делами. Мы сделали несколько остановок в деревне, чтобы Мертензия могла раздать лекарства, тоники, примочки и бальзамы всевозможных сортов. Местные жители были сердечны с нами и с уважением принимали указания и лекарства Мертензии. Она была уверена в себе, ни следа обычной неловкости, когда расспрашивала о кашле у ребенка или ревматизме у пожилой женщины. Врачуя островитян, Мертензия расслабилась, обсуждая различные болезни со Стокером, бывшим военно-морским хирургом. Время от времени он давал тихий совет, который она с интересом выслушивала. Я оказалась исключенной из их беседы, приняв роль стороннего наблюдателя.

Когда мы добрались до последнего из коттеджей, Мертензия обогнала нас и вошла внутрь, чтобы провести личный осмотр пожилого пациента. Мы с Стокером остались ждать на улице.

— Ты когда-нибудь скучал по этому? — спросила я.

— Скучал по чему?

Он рылся в кармане. Наконец, найдя бумажный комочек мятных леденцов, сунул один в рот и захрустел. Факт, что его зубы были ровными, белыми и без трещин от таких злоупотреблений, служил доказательством того, что мать-природа выбирала фаворитов.

— Медицинской практике. Ты учился на хирурга, и я видела тебя в этой роли не раз. Ты хорош в этом.

Он пожал плечами.

— Я хорош во многих вещах, которые больше не делаю.

Я невольно подумала о множестве женщин, с которыми он переспал в период полной распушенности, предшествовавшей добровольному целомудрию нескольких последних лет. Под моим пристальным взглядом он яростно покраснел.

— Во имя семи кругов ада, Вероника, я не *это* имел в виду. И нет, я не скучаю по ампутации конечностей и зачистке ран после порки.

— Кажется, с Наполеоном порки прекратились, — я стянула мятный

леденец с его ладони.

— Если что-то запрещено, не означает, что оно не будет процветать, — возразил он.

Стокер положил бумажный кулек на камень и резко обрушил на него другой камень, разбив последний леденец пополам. Он передал мне большую часть. В этот момент из-за угла коттеджа появилась пара — юный Питер из гостиницы и Дейзи, служанка в замке. Питер нес крытое ведро, Дейзи торопила его.

— Имей в виду, неси аккуратно да поживее, парень. Миссис Тренгроуз не будет ждать, — бубнила она, затем увидела нас и поежилась.

— Привет, Дейзи. Что привело вас в деревню? — спросила я.

Питер размахивал ведром.

— Куриный помет, мисс.

— Прошу прощения?

Дейзи цокнула языком.

— Не говори с леди о таких вещах, — отругала она мальчика. — Теперь бегом в замок и тащи ведро прямо в прачечную, не то я тебе задам.

Питер с надеждой метнул взгляд на Стокера, который наградил его последним куском леденца. Мальчик ухмыльнулся, сунув деликатес в карман грязными руками.

— Поблагодари джентльмена! — велела Дейзи.

Питер поклонился.

— Очень мило с вашей стороны, сэр.

— Не за что, мастер Питер, — ответил Стокер с вежливым наклоном головы.

Питер побежал прочь, и Дейзи с раздражением посмотрела вслед.

— С этим парнем больше проблем, чем с дюжиной обезьян.

— Осмелюсь спросить, для чего требуется миссис Тренгроуз... это?

— Куриный помет? Средство удалять следы ожогов, мисс. Меня перевели из прачки в горничные, а новая девушка гладила, неумеха, да пропалила простыню. Миссис Тренгроуз до того разозлилась, хоть связывай, клянусь. Теперь мы должны пропитать простыню смесью цыплячьего помета с небольшим количеством уксуса и сукновальной глины, чтобы привести ткань в порядок.

Именно тогда Мертензия вышла из дома.

— Привет, Дейзи. Полагаю, куриный помет?

— Да, мисс.

Мертензия повернулась к нам.

— Куры госпожи Полглаз самые плодовые на острове для такого

рода вещей. Иди, Дейзи. Миссис Тренгроуз будет искать тебя.

Горничная заторопилась, и Мертензия повернулась к нам.

— У старой госпожи Полглаз трудное утро, но она очень хотела встретиться с нашими гостями. Не окажете ли вы такую любезность?

Мы выразили готовность, и Мертензия привела нас в коттедж, аккуратный как новенькая булавка, со свежесмытыми стенами и вымытыми каменными полами. Посредине располагалась главная комната с прочным столом, стульями и набором полок, имелась мансарда, предназначенная для сна. В задней стене была вырублена голландская дверь, ведущая в курятник. Можно было слышать стук и хриплый женский голос, терпеливо утихомиривавший кур. Внутри коттеджа в очаге с дровами из хорошего лиственного дерева горел огонь. Возле него стояла кровать с ослепительно белым постельным бельем — без сомнения, заслуга превосходных цыплят миссис Полглаз. В постели крошечная пожилая женщина неопределенного возраста — где-то от восьмидесяти до ста — выглянула из кучи платков, одеял и шарфов. Маленькая голова была увенчана огромной шапкой, которую носили французские королевы и старшие горничные в прошлом веке.

— Г-жа Полглаз, это мисс Спидвелл и мистер Темплтон-Вейн, — закричала Мертензия ей в ухо.

Старуха смутно улыбнулась, и пухлая фигура влетела в дом через голландскую дверь. Мертензия представила нас младшей миссис Полглаз, женщине лет пятидесяти с открытым, симпатичным лицом и сердечным рукопожатием.

— Добро пожаловать! Как мило с вашей стороны навестить маму, — она кивнула в сторону усопшей маленькой женщины в постели.

— Я упомянула, что у нас гости, и она настояла, — пояснила Мертензия.

— Она и впрямь интересуется, — сказала миссис Полглаз. — Ее мысли блуждают чаще, чем остаются дома, но ей всегда нравится слушать о людях из замка. — Женщина повернулась к нам. — Моя свекровь раньше доставляла в замок яйца и куриные перья из собственного курятника, пока не стала слишком стара, чтобы справляться. Она очень гордилась своими петухами.

— У меня лучшие цыплята в Корнуолле, — подхватила старуха. Она смотрела на нас подозрительно. — Они пришли за курицей?

— Нет, миссис Полглаз, — повторила Мертензия. — Это наши гости из замка.

Старая миссис Полглаз немного приподнялась, выглядывая из

многочисленных одеял и платков.

— Мисс Розамунда? — спросила она, внимательно рассматривая меня слезящимися глазами.

Мертензия затаила дыхание, но младшая миссис Полглаз просто толкнула свою свекровь обратно на подушки.

— Ну-ну, мам, ты знаешь, мисс Розамунда мертва. Это мисс Спидвелл, гостя в замке.

Старуха взволнованно покачала головой.

— Я хочу мисс Розамунду. Она читала мне книгу и не закончила. Очень хорошая книга. О сбежавших любовных парочках и борделе, — добавила она, одобрительно качнув головой.

Ее невестка плотно заправила одеяло, заманивая старуху в кровать.

— Бордели и сбежавшие любовные парочки! Неприлично говорить о таких вещах в твоём возрасте, — твердо указала она. — Тебе нужна славная доза тоника мисс Мертензии и хороший сон.

— Мне нужен мужчина, — объявила старуха, сопровождая признание долгим, задумчивым взглядом на Стокера. Он резко встал позади меня.

— Спаси меня, — пробормотал он мне на ухо.

— Теперь, мам, ложись-ка, — уговаривала ее невестка. Она взглянула на Стокера извиняющимся взглядом. — Не думайте об этом, сэр. Она не в своем уме, хотя в свое время действительно была непутевой.

— Чтение «Клариссы» вряд ли помогает, — репрессивно вставила Мертензия.

Младшая миссис Полглаз рассмеялась.

— Бог с вами, мисс Мертензия. Эта книга у нее уже лет десять под подушкой. Мисс Розамунда читала Библию, когда впервые приехала, но мама сказала, что ей интереснее слушать о Ловеласе[21], чем о Лазаре[22], и мисс Розамунда не увидела в этом никакого вреда.

— Мисс Розамунда часто вас навещала? — поинтересовалась я.

Миссис Полглаз склонила голову, думая.

— По крайней мере, два раза в неделю, мисс, я бы сказала. Она заботилась о людях на острове. Как и положено будущей хозяйке Сан-Маддерна, — решительно заключила она.

Мертензия, казалось, замкнулась во время этого разговора. Она собрала свои вещи, оставив зеленую стеклянную бутылку.

— Не забывайте давать ей ложку тоника во время завтрака утром, после каждого приема пищи и еще одну дозу перед сном. Это будет сдерживать боль. Пошлите в замок, если вам нужно больше.

Она повернулась, чтобы уйти, но не раньше, чем старуха снова

поднялась.

— Где мисс Розамунда? — требовательно спросила она. Она поочередно посмотрела на каждого из нас, и наконец, сузив глаза, на Мертензию. — Вы прогнали ее? Почему вы прогнали мисс Розамунду?

Ее невестка сжала рот, избегая смотреть на Мертензию.

— Послушай, мам, ты знаешь, что это неправда.

— Я знаю, что говорит народ, — старуха с мрачным выражением лица глядела на Мертензию.

Молодая женщина оттолкнула ее и осторожно направила нас к выходу.

— Простите, мисс Мертензия. Ее разум... — начала она.

— Неважно, миссис Полглаз. — Мертензия отправилась в замок, не оглядываясь. Стокер и я медленно пошли позади, каждый из нас задумался.

Глава 14

Мы вернулись в замок, не обсуждая инцидент в коттедже. Когда мы достигли последней террасы, Мертензия повернулась к Стокеру.

— Вы должны пойти со мной в кладовую. У меня есть арника для ваших синяков, — сказала она невыразительно.

Он согласился, и я оставила их, найдя домашних в состоянии ажиотажа возле зала для завтраков. Каспиан и Хелен стояли рядом с кучей багажа, усиленно споря с миссис Тренгроуз.

— Мне очень жаль, миссис Ромилли, но боюсь, сегодня нет размещения для поездки на материк, — говорила экономка, когда я вошла.

Я встала рядом с Тибериусом, наблюдая, как Каспиан с искаженным гневом яростью лицом жестоко протестует, скандаля с экономкой.

— Что за вздор? Нет размещения? Что, черт возьми, вы имеете в виду?

— Я имею в виду, мастер Каспиан, что лодка, используемая для поездок, находится в Пенкарроне и за ней следует послать.

— Боже мой, значит пошлите за ней! — прогремел он. — Его мать стояла у локтя сына, бледная и тихая, пока Каспиан продолжал бушевать. Казалось, она была довольна, что позволила ему встать у руля. Он обнял ее защитным жестом. — Нервы моей матери окончательно расшатались. Мы не останемся здесь еще на одну ночь. Отправьте кого-нибудь за лодкой.

— Невозможно, — протянул Тибериус. Его ленивый голос обладал безошибочной властью.

— О чем вы говорите? — потребовал Каспиан. — Его непристойное поведение немного укротилось перед лицом холодного самообладания виконта, но юноша не сдавался. Миссис Тренгроуз с благодарностью посмотрела на Тибериуса. Она достойно отстаивала свою позицию, однако была заметно благодарна, что проблема привлекла внимание авторитетного человека.

— Боюсь, Каспиан, миссис Тренгроуз совершенно права. Море быстро поднимается после вчерашнего шторма. Вы можете сигнализировать, пока рука не отпадет, но никто из Пенкаррона не приедет.

— Из всей чепухи... — начал было молодой человек. Он замолчал от прикосновения маминой руки. — Очень хорошо. Что насчет местных рыбаков? У них есть лодки. Один из рыбаков может нас захватить.

— Вряд ли, — ровно сказал Тибериус. — Во-первых, их лодки провоняли до самого неба сардинами и крабами. Я не уверен, что вашей

маме это будет приятно, — добавил он, склонив голову к Хелен.

— Я не против, — возразила она слабым голосом.

Миссис Тренгроуз заговорила.

— Местные рыбаки не выйдут в такое море, не когда бегут «лошади».

— Лошади? Какие проклятые лошади? — Каспиан практически кричал.

Тибериус ответил:

— Разговорный термин, относящийся к белой пене на краю волн. Она напоминает гривы лошадей, развевающихся на ветру. Это означает, что море слишком высоко, и течения слишком сильны. Рыбаки не станут рисковать поездкой на материк, когда их лодки могут разбиться о камни.

— Но я вижу Пенкаррон! — протестовал Каспиан. — Здесь меньше часа гребли. Насколько это опасно?

— Между течениями и скрытыми камнями? Очень опасно, — сказал ему Тибериус. — Даже люди, которые плавали в этих водах всю свою жизнь, не рискуют в такой день, как сегодня. Теперь, почему бы вам не позволить миссис Тренгроуз попросить персонал забрать ваши вещи наверх и прийти на завтрак?

— Я не хочу чертов завтрак! Я хочу уехать с этого острова, — завопил Каспиан, жутко побагровев.

— О, Боже. Похоже, мы пропустили немного мелодрамы, — прошептал мне на ухо прибывший Стокер, радостно жуя тост, густо смазанный маслом.

Мертензия вошла следом, заложив прядь волос за ухо. Синяки на лице Стокера блестели от какой-то мази, от него слегка пахло травами и пчелиным воском. Стокер с удовлетворением посмотрел на радужно переливающийся синяк, который расцвел над носом Тибериуса, и небольшой отек под глазом виконта. Тибериус ответил пристальным взглядом, позволив себе довольно улыбнуться своей работе. Мертензия не пропустила обмен взглядами.

— Боже мой, Тибериус, — выпалила она. — Что с вами случилось? Вы тоже ходили во сне?

Тибериус положил руку на плечо Стокера и нежно сжал его ножевую рану.

— Полагаю, Стокер рассказал вам? Как информативно с его стороны.

Стокер не стал доставлять ему удовольствия, морщась, но зарычал. Я поспешила сменить тему, посвящая Стокера и Мертензию в курс дела.

— Хелен и Каспиан хотели бы уехать, но возникла проблема транспорта.

— Это не проблема, — возмутился Каспиан. — Это проклятый заговор, чтобы держать нас здесь!

— Каспиан, — напомнила о приличиях его мать, снова положив ладонь ему на рукав. Он стряхнул руку.

— Мне не будут указывать, что я могу и не могу делать, мама, — произнес юноша, его лицо выражало мрачную решимость. — Мы возьмем лодку у одного из этих бесполезных деревенщин, и я буду грести сам.

Мы выступали против плана в течение четверти часа, но Каспиана невозможно было отговорить. Я почти призналась, что была «призраком», который видела Хелен, но понимала, это мало что изменит. Она уступила свою власть, довольствуясь тем, что сын взял на себя инициативу. Каспиан шумел и кипятился, но под всем этим я видела твердость в уголках его рта, непоколебимую решимость, с которой его мать держала кожаную дорожную коробку с протестующей Гекатой.

Остальные из нас собрались на террасе замка, толпясь как зеваки, глазающие на железнодорожную катастрофу. Стокер прихватил еще одну пачку тостов, спокойно хрустя, когда Каспиан и Хелен спустились вниз к ряду рыбацких лодок. Они спрашивали рыбаков, но те каждый раз отмахивались. Мы могли только наблюдать: размахивание руками — предложение банкноты — резкие, презрительные отказы. С каждым разочарованием юноша становился все более взбешенным. Наконец, старый рыбак с такой же старой лодкой принял деньги и отступил, позволяя Каспиану усадить свою мать в крошечное суденышко. Тот забросил сумки в лодку больше со злостью, чем с заботой.

— Старый Трефусис, — глаза Мертензии горели весельем. — Я не удивлена. Он практически на все готов за монету.

— В том числе выпустить двух неопытных людей в бушующее море? — требовательно спросила я.

Она пожала плечами. Ее рот искривился в горькой улыбке.

— Старик не даст щенку, вроде Каспиана, одолеть его, можете на это положиться. И если мальчик промокнет, это научит его уважать море, — закончила она.

Стокер предложил мне кусочек тоста.

— Засунь себе в рот и веди себя прилично, — тихо посоветовал он.

Я взяла тост, когда Мертензия указала на что-то.

— Видите этот кусок скалы? Он отмечает переход от спокойной гавани к открытому морю между нами и материком в Пенкарроне. Если глупый мальчишка там не справится с лодкой, у него не будет ни шанса. Он вернется, обещаю вам.

Я не доверяла ее обещаниям, но она выглядела такой же равнодушной, как и Темплтон-Вейны. Стокер молчал и внимательно наблюдал за Каспианом и Хелен, очевидно оценивая, стоит ли ему вмешаться ради их безопасности. Тибериуса больше забавляла глупость: отправляться в плавание при таких погодных условиях! Он время от времени перемежал глотки кофе с резкими замечаниями по поводу интеллекта и суждений мальчика. Нашего хозяина не было, и я обратилась к Мертензии.

— Я удивлена, что Малкольм не появился здесь, чтобы остановить эту ерунду.

Она снова пожала плечами.

— Без сомнения, у него дела в поместье. Смотрите, чертов идиот пытается управлять веслами.

Мы повернулись лицом к берегу.

В течение нескольких минут Каспиан изо всех сил пытался контролировать лодку, сначала гребя по кругу, затем — медленно к устью гавани. Судно качалось как пьяный мужик. Было легко увидеть перемены в море, лишь только лодка вышла из безопасного небольшого залива. Мгновенно белые шапки вспенились на краю фальшборта. Море бросало суденышко вверх и вниз, как ребенок бросает игрушку в ванну. Каспиан боролся с ним, тяжело налегая на весла, Хелен прильнула к борту лодки, прижимая шляпу одной рукой. Лодка поднималась и ныряла, снова и снова, ничуть не продвигаясь к материку, стоящему перед этим неумолимым морем. Вода стала серой, и облака густыми и низкими, заслоняя солнце и угрожая дождем.

— Это все, что нужно бедному дьяволу, — пробормотал Стокер, отправляя в рот последний кусочек тоста.

— Ты пойдешь за ними? — спросила я.

— Если придется, но надеюсь, что у него хватит здравого смысла увидеть самому, — ответил он с безумным спокойствием. Я напряжено наблюдала, как крошечная лодка борется с волнами.

— Он должен повернуть назад, — сказала я, больше для себя, чем для кого-либо еще. Я почувствовала внезапное чувство вины за то, что не раскрыла свою роль в явном нежелании Хелен остаться на острове. Но Тибериус утешительно покачал мне головой, словно интуитивно понимая мои мысли и показывая, что признаваться в этом было бы бесполезно.

— Еще одна такая волна, и их обоих выбросит за борт, — Стокер указал на набирающую скорость и силу волну, которая обрушилась на них. Мы с растущим беспокойством наблюдали, как они цеплялись, держась друг за друга, когда волна залила лодку, накрыв их обоих и наполняя судно

водой.

Стокер сорвал с себя пальто, но прежде чем он смог спуститься к берегу, мы увидели, как Каспиан меняет курс, возвращаясь к гавани и гребя изо всех сил. Хелен помогала ему тянуть весла, забыв о своей шляпе, они трудились вдвоем, чтобы привести лодку в безопасное место.

— Как обнадеживает, — сухо произнес его светлость. — Приятно видеть сыновнюю преданность в действии.

— Заткнись, — процедил Стокер сквозь зубы,

Тибериус изучал свои манжеты. Позади нас я услышала резкий вздох.

— Пойду-ка и закажу горячие ванны, — волновалась миссис Тренгроуз. — Им сильно повезет, если они не подхватят пневмонию после этого. И еще ни один из вас не позавтракал нормально!

Я не знала, что она стояла там, но вопросительно кивнула.

— Я могу что-нибудь сделать?

— Благослови вас Бог, мисс, нет.

Миссис Тренгроуз поспешила прочь.

Когда лодка подошла к берегу, рыбаки выскочили, чтобы помочь ее поднять. Состояние Хелен можно лишь описать как водный хаос. Каспиан выглядел не лучше. Когда он топал по гальке, хвосты его плаща волочились, полные морской воды. Рыбаки протянули руки, чтобы помочь Хелен выбраться из лодки и передать сумки в замок. Каспиан яростно спорил со старым Трефусисом, который отказывался вернуть деньги. В конце концов, он оставил старика, тряся кулаками, и последовал за мужчинами, сопровождавшими его мать и их имущество в безопасное место.

Драма закончилась, зрители пошли в столовую на завтрак. Мы выбирали еду, чувствуя себя слегка сдутыми. Миссис Тренгроуз суетилась, снуя туда-сюда с чайниками и горами свежеприготовленных яиц. Каспиана и Хелен отправили наверх к горячим ваннам; спустя некоторое время они спустились вниз. Хелен держала Гекату у груди, что-то ласково бормоча, и скармливала оскорбленной кошке кусочки сала.

— Она обижена на меня, — сообщила Хелен, ни к кому конкретно не обращаясь. — Она не любит лодки.

— Я знаю, что вы только что чуть не умерли в море, но не могла бы ты убрать это животное от стола? — потребовала Мертензия.

Каспиан, как и ожидалось, вскочил на защиту своей матери.

— Как вы смеете...

Его мать заговорила более резким голосом, чем я когда-либо у нее слышала в разговоре с сыном:

— Каспиан, достаточно. Оставь это. И нет, Мертензия, — закончила она, окинув свою невестку долгим, ровным взглядом, — я не уберу животное от стола. Она ужасно расстроена и нуждается в утешении.

— Очень хорошо, — вымолвила Мертензия недоброжелательно.

Но Каспиан не мог успокоиться. Он швырнул салфетку и вышел из комнаты. Хелен скормила коту еще один кусок бекона, ничего не говоря. После этого все отошли от стола. Тибериус вернулся к своей переписке, а Мертензия в кладовую. Хелен сказала, что будет отдыхать в своей комнате, и удалилась с кошкой, все еще прижатой к груди.

— Я верю, что «отдыхать» — это деликатный эвфемизм для того, чтобы напиться до потери зрения, — едко обронил Стокер.

— Не будь таким грубым. Бедная женщина испугана, за что я частично ответственна, — напонила я. Он скривил лицо, но послушно последовал за мной из столовой. Проходя мимо полуоткрытой двери, мы слышали стук шаров и обменялись быстрыми взглядами. Каспиан укрылся в бильярдной, лениво подталкивая мяч кием.

— Ах, слава Богу! — воскликнул он, когда мы вошли. Выражение его лица все еще было грозным. — Мы можем начать игру наконец. Казалось неправильным искать партнеров, но возможно, вы не будете слишком плохо обо мне думать, раз явился по собственному желанию. Я просто хочу немного развлечься.

— Конечно, нет, — успокоила его я, приветливо улыбаясь. Стокер молча подошел к стойке и достал два кия. Пока мы намечали концы, Каспиан собрал шары и расположил их в виде треугольника.

— Сначала я сыграю с вами, мисс Спидвелл? И затем победитель может сразиться с мистером Темплтон-Вейном? Скажем, фунт за игру?

В его настроении чувствовалось что-то беспокойное. Я поняла, что азартные игры были для него таким же утешением, как спиртное для его матери.

Мы все согласились со ставкой, и Каспиан галантно настаивал, чтобы я сделала первый ход. Я выровняла свой кий и оценила диспозицию шара. Каспиан встал напротив, пристально наблюдая, как я наклонилась над столом. Одним резким движением я рассеяла шары, загнав в лузу два сразу.

Рот Каспиана оставался открытым в течение следующих десяти минут. Аккуратно загоня шары в лузы, я очистила стол и закончив, протянула руку с улыбкой.

— Мой выигрыш, мистер Ромилли?

Каспиан улыбнулся, хотя улыбка совсем не коснулась глаз.

— Моя дорогая мисс Спидвелл, вам придется принять слово

джентльмена, что я заплачу долг. Боюсь, у меня ничего не осталось в карманах после того, как этот злодей Трефусис забрал мои последние деньги.

— Я приму информацию вместо банкноты, — выпалила я. Стокер собрал шары и подготовил стол для следующей игры.

Темные глаза Каспиана сузились.

— Я всегда плачу долги чести. Кроме того, какую информацию я мог бы вам предложить?

Я ждала, пока Стокер разбил шары, и Каспиан прицелился для первого удара.

— Информацию о том, почему вы и ваш дядя так горячо ссорились, — сказала я, когда он двигался. Его рука дернулась, и кий соскользнул на зеленое сукно, разорвав его и оставив крошечную дыру в покрытии. Он выругался себе под нос и шагнул назад, уступив свое место Стокеру.

— Полагаю, глупо делать вид, что этого никогда не было, — признал Каспиан с грустной улыбкой. Одинокая прядь темных волос упала на лоб, придавая ему вид ужасно молодого и довольно угрюмого поэта.

— Очень глупо, — заверила его я.

Стокер разбил шары, сделав свой первый выстрел.

— Увалень, — сказала я. Он подмигнул мне и обошел вокруг стола, не спеша наносить следующий удар. Он сознательно двигался медленно, предоставляя мне возможность получить информацию. Я ободряюще посмотрела на молодого человека и встала рядом так близко, что пришлось откинуть голову и смотреть на него из-под ресниц.

— Скажете мне правду, Каспиан, вы не найдете меня несочувствующей.

Каспиан снова слабо улыбнулся, но это была неудачная попытка. Он смотрел на мир, как попавший в беду ребенок, неуверенный, истерика или печальное признание помогут пережить день. Я положила ладонь на его руку, и к моему удивлению, Каспиан заплакал, уткнув голову мне в плечо так сильно, что я едва не пошатнулась под его весом. Я похлопала его по спине, глядя на Стокера, который вскинул руки в смущении.

— Каспиан, — ласково начала я, но это только заставило его громче рыдать.

Он продолжал в том же духе несколько минут, а я продолжала похлопывать его по спине и издавать успокаивающие звуки. Стокер в это время загонял бильярдные шары в лузы и закатывал глаза при подобном проявлении эмоций, пока Каспиан не замер, сворачиваясь, как заводная игрушка.

— Искренне прошу прощения, мисс Спидвелл. Не знаю, что на меня нашло.

— У вас явно большая беда, — утешала я. — Возможно, если вы поделитесь, это поможет облегчить душу.

Каспиан кивнул, несколько раз глотая воздух, пока тер ладонями глаза.

— Вы очень добры. Да. Я думаю, что поможет.

Он наполовину повернулся спиной к Стокеру, который не прекращал игру, легкими ударами загоняя шары в лузу снова и снова, как будто боялся, что нарушение порядка может заставить юношу вспомнить о чужом присутствии и остановить поток секретов.

Свет лампы падал на лицо Каспиана, подчеркивая благородный лоб и красивый нос. Он выглядел как принц из трагической пьесы, собирающийся с духом, чтобы совершить акт самоуничтожения.

— Вы знаете что-нибудь о моем отце? Наверно, слышали, что он был талантлив и очень любим. Правду сказать, он был печальным разочарованием для своей семьи. Но не для нас, мамы и меня. Он был вторым сыном, лишним во всех отношениях, и оставил Сан-Маддерн, чтобы разбогатеть. Отец встретил маму в Лондоне и решил жениться, хотя мало что мог предложить. Видите ли, мой дедушка дал понять, что все будет оставлено моему дяде Малкольму. Никакого имущества, ничего для отца, но ведь Ромилли всегда подражали обычаям великих и праведных. Первородство здесь — традиция, и мой отец всегда знал: не стоит рассчитывать на то, что остров поддержит нас.

— Он кажется мне уникальным и интересным человеком, — тихо сказала я.

Большие карие глаза, мягкие как у спаниеля, потеплели от благодарности.

— Он таким и был! Знаете, Ромилли склонны к меланхолии. Но не папа. Он был весел как кузнецик, всегда готов пошутить или поддразнить. Превращал каждую ситуацию, какой бы отчаянной она ни была, в игру. Даже когда кредиторы приходили и забирали нашу мебель, он заставлял нас притворяться, что мы попали на необитаемый остров и вынуждены заново строить свою жизнь в джунглях. Это было волшебно, — вспоминал он мечтательным голосом.

Для меня это откровение звучало ужасно. В жизни мало существует вещей более утомительных, чем человек, который не выполняет свой долг. И хотя я искренне ценила оптимистический настрой, мужчина, играющий в крокодилов и дома на деревьях вместо того, чтобы обеспечить себе постоянную работу, получил бы хороший пинок под зад, если бы я была его

женой.

Я заставила себя поощрительно улыбнуться.

— Как изобретательно.

— Точно, — подтвердил Каспиан. — И отец воспитал меня в вере, что я всегда должен следовать за своей звездой, не сдаваться ради заурядных амбиций, прислушиваться к велению своего сердца.

— А что ваше сердце говорит вам, Каспиан?

— Я мечтаю о сцене, — серьезно объявил молодой Ромилли. С огромным усилием подавив смех, я притворно закашлялась. Он осторожно положил руку мне на плечо.

— Вы в порядке, мисс Спидвелл? Налить вам стакан воды?

— Спасибо, нет. Я просто поражена силой вашей страсти, Каспиан. Вы бесспорно хорошо подходите для выбранной профессии.

Он принял гордый вид, но не убрал руку.

— Вы действительно так думаете? Я чувствую это здесь, — сказал он, сильно ударяя себя в грудь кулаком. — Это место жизни актера, здесь, в его груди, — добавил он, взяв мою руку и положив ее на жилет. Я чувствовала биение его сердца под одеждой, ровное и быстрое.

— Меня иногда переполняют эмоции, — добавил он. — Понимаете, мои страсти бегут совсем близко к поверхности. Так и должно быть, если хочешь получить к ним доступ и поделиться с аудиторией.

— Совершенно верно, — пробормотала я, осторожно сняв с жилета руку. Стокер не издал ни звука, но я понимала его чувства так же ясно, как если бы он забрался на стол с зеленым сукном и прокричал их.

Каспиан скорбно покачал головой.

— Трудно реализовать свои мечты без поддержки семьи.

— Ваша мать не одобряет?

Нежная улыбка коснулась его губ.

— Ну, мама бы одобрила все мои мечты, уверен. Но она нервничает из-за небезопасной жизни актера. Существует так мало того, на что можно положиться из года в год. Для меня это совсем не важно, — поспешил он заверить меня, — но мама хочет гарантии, что я не умру от голода. Вот почему она настаивала на том, чтобы мы приехали сюда, — доверительно сказал он, понизив голос. — Она хотела обеспечить интерес дяди Малкольма.

— Его интерес?

— В моем благополучии. Дядя Малкольм — традиционалист, как дедушка. Мертензия его сестра, но я верю, что он оставит Сан-Маддерн и все имущество мне, как единственному мужчине по прямой линии. Мы

оба, мама и я, подумали, что давно пора выплачивать мне отдельное пособие. Сверх того, что он дает маме, как своему наследнику.

Я думала о повышенных голосах, страстной просьбе и прохладном расставании, а также об уверенности Каспиана в наследстве.

— Малкольм отказался?

Обида омрачила его глаза.

— Это не так уж необычно. В большинстве великих родов наследнику официально разрешается основать свое домохозяйство. Несколько сотен фунтов в год значили бы для дяди Малкольма так мало, но позволили бы мне строить карьеру на сцене, не принимая глупые, недостойные роли. Кроме того, — плавно продекламировал он, — есть несколько незначительных долгов чести, которые должны быть оплачены. Но дядя Малкольм не пожелал даже слышать об этом. Он сказал, что актерство ниже достоинства имени Ромилли, и он не будет участвовать в моей сценической карьере.

Я моргнула от головокружительного высокомерия, с которым юноша требовал денег от человека, которого едва знал, лишь потому, что он, юноша, *существовал*. Но Каспиана Ромилли едва ли можно было винить: мать с самого рождения нежила и баловала его, потворствуя всем фантазиям. Неудивительно, что в результате ее обожания и заботы он оказался таким же беспомощным существом, как и его отец.

— Совершенно естественно, что вас возмутил его отказ, — фальшивым голосом отозвалась я.

Его лицо прояснилось.

— Спасибо! Я тоже так думал. Так неразумно с его стороны, — добавил Каспиан, раздражено кривя рот. Мне было жаль его рот. Очаровательный, созданный для поцелуев, но капризное выражение лица Каспиана часто портило впечатление.

Я похлопала юношу по руке.

— Не думаю, что ссора затянется. Несомненно, Малкольм рано или поздно придет в себя. В настоящее время он сильно занят этим бизнесом с Розамундой.

— Да, — медленно промолвил Каспиан. — Полагаю, это правда.

Его лицо прояснилось.

— Я должен пойти проверить маму. Спасибо за самый интересный и приятный час, — он элегантно поклонился перед уходом.

— Боже, молодые люди так утомительно жизнерадостны, — Стокер вышел из угла, в тени которого осторожно предохранялся от обсуждения.

Я с любопытством посмотрела на него.

— Полагаю, ты все слышал.

— У меня острый слух, как ты знаешь. — Он взял кий и наклонился, чтобы прицелиться. Прервался на мгновение, затем протаранил кием шар, тот скатился в лузу с мягким щелчком. Стокер выпрямился. — Ты ведь не думаешь, что мальчик способен на убийство?

— Каспиан не мальчик. Ему восемнадцать, по закону, взрослый мужчина. Он кажется таким юным, потому что его мать обращалась с ним, как с только что отложенным яйцом.

— Конечно, это стоит обдумать, — размышлял Стокер, поглаживая иссиня-черную щетину на своей челюсти.

— Что?

— Ну, если Розамунда убита, у этого молодого человека имеется очень сильный мотив.

— Какой скачок логики привел тебя к этому нелепому заключению?

— Просто подумай, он может унаследовать значительное состояние. Ты слышала: Ромилли всегда придерживались старых обычаев. Согласно принципам первородства этот парень следующий в очереди. Если только его дядя Малкольм не станет отцом ребенка.

— Мужчины убивали и за меньшее, — неохотно согласилась я. — Но действительно, убил бы он невесту своего дяди, чтобы сохранить наследство?

Стокер пожал плечами.

— Мог бы. Мы недостаточно знаем его характер.

— Мы знаем кое-что. Он страстный, обиженный, импульсивный — качества, которые мне нравятся, если честно. И подозреваю, не совсем заслуживает доверия, когда дело доходит до денег.

— Я согласен с твоей оценкой первых трех, но как ты узнала последнее?

— Потому что маленький негодяй все еще должен мне фунт.

* * *

Не сговариваясь, мы отправились в деревню. Атмосфера замка стала удручающей, настроение позднего утра отдавало мелодраматичностью. Морской ветер разрумянил наши щеки, и резко падающая температура заставила нас быстро шагать, глубоко втягивая в себя свежий, бодрящий воздух.

— Намного лучше, — констатировал Стокер, глубоко дыша.

— Воздух здесь другой. Ты чувствуешь? — спросила я.

Он остановился и снова медленно вдохнул, наслаждаясь соленым ароматом.

— Пахнет морем, как на любом острове. И яблоками из садов. И чем-то еще? Что-то холодное и минеральное, например, легкое вино.

Я кивнула, и мы снова отправились в путь. Что-то давящее в моей груди чуть ослабло. Тайна требовала разгадки, и расследование не проявляло в нас лучшее. По мере приближения моря и снижения температуры, мое настроение поднялось, как и у Стокера. Пока мы шли, он начал читать стихи, строки из Китса:

*О, поэтов души, где бы
Ни дало Элизий небо,
Лучшей не найти наверно,
Чем Русалочья Таверна!
Было ль где хмельней дано
Вам Канарское вино?
Райский плод не слаще, нет,
Чем олений мой пахнет!
Как он сделан, словно тут
Сам пирует Робин Гуд.
С Мэриан, своей подружкой,
Пьет из рога, пьет из кружки.[23]*

— Есть ли повод, по которому ты не мог бы найти стихотворение у Китса? — поинтересовалась я, когда мы приблизились к «Русалке».

— Конечно, нет, — радостно ответил он. — Это было одно из величайших открытий в моей жизни, когда я узнал, что Китс — поэт всех времен и ситуаций. Нет человека, чувства, мгновения, к которому бы Китс не обращался.

Я остановилась лицом к нему.

— У него нет стихотворения, подходящего моему характеру, — бросила я вызов.

Стокер ухмыльнулся — дьявольское выражение, от которого у меня почти перехватило дыхание.

— Конечно, есть:

*Я встретил деву на лугу,
Она мне шла навстречу с гор.*

*Летящий шаг, цветы в кудрях,
Блестящий дикий взор.*[24]

«*La Belle Dame Sans Merci*»? — потребовала я. — Вот как ты меня видишь? Красивая женщина без пощады, которая убивает своих любовников?

Стокер задумчиво наклонил голову.

— Не то что она убивает их. Я думаю, скорее, ее не трогает, когда они умирают.

— Из всех... — я замолчала, когда увидела нечестивый блеск в его глазах. — У тебя необъяснимо приподнятое настроение.

— Я рядом с морем, — просто ответил он. Мне вспомнилось, сколько лет его жизни было проведено на кораблях: сначала в военно-морском флоте Ее Величества, затем в собственной экспедиции, когда он путешествовал в Амазонию в поисках неизведанного и немного славы возможно.

Я взглянула на вывеску над дверью — похотливая русалка, обхватившая руками грудь и манящая усталого путешественника.

— Интересно, не стоит ли тебе зайти одному, — предложила я. — Матушка Нэнс может оказаться восприимчива к твоим мужским чарам. Ты можешь расспросить ее о Розамунде, раскопать немного местных сплетен, коль повезет.

Он усмехнулся.

— Несмотря на все твои знания о мужчинах, ты до сих пор не обнаружила: мы гораздо более склонны к сплетням, только называем их сказками. Я изображу самые мужественные манеры и поговорю с рыбаками в трактире. Ты можешь созвать шабаш ведьм и вывести, что старуха знает.

Стокер повернулся, чтобы открыть дверь, и я высунула язык за его спиной. Он будет наслаждаться парой пинт вкусного, крепкого местного сидра и мужским разговором, пока меня заставляют сидеть у очага и заниматься женской болтовней. Мне хотелось быть среди мужчин, но я поняла его точку зрения. Он был одним из них — огрубевший от работы, хотя и стойкий приверженец аристократического происхождения со всеми его элегантными гласными, верный своему хорошему происхождению. Они будут откровенны с ним, как не будут с женщиной, независимо, насколько та может быть привлекательна.

Матушка Нэнс приветствовала меня в своей гостиной без признаков удивления.

— Я только что поставила сидр, чтобы согреться. Парни пьют его

холодным, но думаю, немного тепла не помешает в такой день, как сегодня. Добавьте немного огня в кости, вам понравится, — пообещала она. Я посмотрела на очаг, где стояли две медные кружки.

— Вы ожидали компанию? — спросила я, заняв место, которое она указала.

Женщина посмотрела на меня взглядом, который при других обстоятельствах можно было назвать упрекающим.

— Я ожидала *вашу* компанию, моя дорогая.

Я не ответила. Казалось, не было никакого возможного ответа на это, поэтому мы сидели в тишине, пока она не согрела сидр. Она разделила палочку корицы пополам, бросив по куску в каждую кружку, а затем пару долек чеснока, которые расщепила зубами. Когда сидр достаточно нагрелся, она осторожно разлила его поверх специй и добавила тонкую нить темно-золотого меда.

— От пчел острова Сан-Маддерн, — протянула она мне одну из кружек.

Я сделала глоток и чуть не задохнулась.

— Это не сидр, — хрипя, протестовала я.

— Конечно, сидр, — она глотала, благодарно причмокивая губами. — С небольшим количеством рома.

— Сколько здесь рома, Матушка Нэнс?

— Не больше половины чайной чашки, — пообещала она.

Половина чашки! При такой скорости я была бы пьяной как лорд к концу нашей небольшой беседы. Я сделала мысленную пометку пить медленно.

— Вы слышали, в замке приключились небольшие волнения? — рискнула спросить я. — Кое-кто верит, что призрак Розамунды появился, как вы и предсказывали.

Она покачала головой с непроницаемым выражением лица.

— Я и впрямь так предсказывала.

— Вы умудренная опытом женщина, Матушка Нэнс. Как вы думаете, что с ней случилось?

Она пожала плечами.

— Кто может сказать? Возможно, наконец пришли мерфолки[25], чтобы забрать домой одну из своих.

Я подавила вздох и сделала еще один глоток.

— Волшебная сказка. Вы на самом деле не верите, что мерфолк сошел на берег и утащил невесту Малкольма Ромилли навстречу смерти.

Матушка Нэнс взглянула на меня с жалостью.

— Сие не смерть, милая. Не тогда, когда уходят к мерфолкам. Скорее, возвращение домой.

Эта линия вопросов была явно непродуктивной, поэтому я попробовала другой способ.

— Вся история была ужасно огорчительной для хозяина острова. Конечно, жители Маддерна хотели бы получить ответ ради него.

Она ничего не сказала, просто потягивала свой сидр. Мне пришло в голову, что неразгаданная тайна с призраками, пропавшей невестой и, возможно, несколькими мерфолками, добавленными для полной меры, наверняка полезна для бизнеса. Туристы, любопытствующие и другие упыри на многие мили вокруг не смогут устоять против соблазна.

— Полагаю, Ромилли придется смириться с тем, что он трагический жених, — промолвила я.

— Как и ваш Темплтон-Вейн, — ехидно парировала она, хитро поглядывая на меня поверх своей кружки. Я подняла бровь, и она засмеялась. — Конечно, вопрос в том, который из них?

— Ни один из них не мой, — проинформировала я.

Старуха внезапно посмотрела на меня, ее любопытный взгляд ощупывал мое лицо.

— Я не думала, что вы слепы, моя дорогая. Но нет больших слепых, чем те, которые не хотят видеть.

Я ответила ей тонкой улыбкой.

— Возможно, мы могли бы вернуться к теме Розамунды.

Матушка Нэнс взмахнула рукой.

— Вы толкатель, знаете.

— Толкатель?

— Проталкиваетесь туда, где нет места, и создаете его сами, — объяснила она. Я открыла рот, чтобы возразить, но она подняла руку. — Я не говорю, что это плохо, так что успокойтесь, дорогая моя. Вы должны были это делать, не так ли? Всю свою жизнь. С тех пор как родились под тенью.

— Рожденная под тенью?

— Это виденье. Я знаю, когда человек родился в солнечном свете и когда родился в тени. Вы — дитя луны, крошка. Эта тьма никогда не покидает вас. Она ваш постоянный спутник, и так будет всегда. И вы это знаете, не так ли?

— Матушка Нэнс, — начала я терпеливо.

— Ах, вы не хотите говорить об этом, дорогая? Матушка Нэнс понимает. Для ребенка трудно принять, что она не нужна. Это проникает в

ее кровь и кости до тех пор, пока она не осознает, что должна искать свой собственный путь, потому что никто не сгладит ее дороги. Знаете, такие вещи делают женщину сильной. Вы когда-нибудь ломали кости? — внезапно спросила она.

— Да, — сказала я, вспоминая лето, когда мне было восемь лет, и я упала с яблони. — Руку. Когда была маленькой девочкой.

Старуха подняла ладонь, и я протянула руку. Она обхватила запястье на мгновение, закрыв глаза. Затем ее ладони, мягко прикасаясь к моим рукам, начали двигаться вверх, остановившись на полпути между запястьем и локтем.

— Вот здесь, — сказала Матушка Нэнс, больше для себя, чем для меня. — Именно здесь сломалась кость, а потом срослась. — Она похлопала меня по руке. — И теперь она сильнее. Вы знали это? Когда разбитое срастается, оно становится сильнее, чем прежде.

Я ничего не ответила, но когда она держала мою руку, почувствовала странное тепло, начинающее течь из ее ладоней. Благословение ведьмы, подумала я с иронией. После затянувшейся паузы Матушка Нэнс улыбнулась и отпустила меня.

— Знаете, сердца такие же, как кости, — она снова взяла свою кружку.

— Сердца?

— Да. Сердце может быть разбито на тысячу кусочков, но когда они снова соединятся и станут одним целым, любовь, которую оно дает, будет еще более неистовой.

Я подумала о Стокере, так отчаянно влюбленном в свою первую жену, и о предательстве, которое чуть не уничтожило его.

Старуха прищурилась.

— Я могу дать вам амулет, — она внимательно наблюдала за мной. — Это не требует многого, вы знаете. Просто капелька волшебства, не более чем шепот заклинания.

Она позволила своим словам стихнуть, и на мгновение я испытала искушение. Как легко было бы! Добавить немного зелья в чашку чая или стакан виски...

Я покачала головой, изгоняя мысли, навеянные ромом, и лишавшие мои суждения стойкой верности.

— Нет, спасибо, Матушка Нэнс.

Ее рот изогнулся в снисходительной улыбке, похожей на ту, которой она улыбалась внуку. Для нее я была ребенком, и притом упрямым, отказываясь от помощи, которую она любезно предложила.

— Матушка Нэнс, вы знаете что-нибудь о Розамунде Ромилли? Что-

нибудь, что могло бы объяснить ее исчезновение или что с ней стало?

Она откинулась на спинку стула, ее взгляд стал расфокусированным и мягким.

— Розамунда не успокоилась, — ответила она наконец тихим и мечтательным голосом. — Ее призрак бродит и скорбит. Она должна быть похоронена должным образом, чтобы ее дух успокоился.

— Вы знаете, где она?

Старуха слегка, почти незаметно покачала головой.

Я отложила свою кружку в сторону и приготовилась подняться.

Она взглянула на нее, огонь в очаге отражался в полированной меди.

— *Остерегайся сестры*, — сказала Матушка Нэнс внезапно, сжимая мою руку. Ее глаза округлились, зрачки расширились, став широкими и черными.

— Мертензия, — пробормотала я.

Так же внезапно, как на нее накатило, все прошло. Она опустила мою руку и откинулась на спинку стула, трясая головой, словно пытаясь ее очистить.

— Не обращайтесь внимание, дитя, — ее голос снова стал нормальным. — Эти видения иногда настигают меня, какая-то сила, проходящая сквозь меня, как ветер, несущийся сквозь деревья. Я даже не знаю, что это значит, только слова, которые я должна сказать.

Она бросила на меня хитрый взгляд.

— Хотите купить защитный амулет?

Я подавила порыв раздражения. Без сомнения, старуха разыграла меня, чтобы продать безделушку.

— Вы уверены? — надавила старуха. — Этим утром я продала один той, что говорит с мертвыми.

— Хелен Ромилли?

Матушка Нэнс кивнула, на ее губах играла улыбка.

— Глупая женщина, коль думает, что может говорить с призраками. Призраки выбирают сами, с кем говорить, — решительно пояснила она. — Представьте, пришла сюда на рассвете, чтобы купить амулет; так была напугана. Теперь она знает, как опасно вмешиваться в дела, которые не может контролировать.

— Какой амулет вы ей продали?

Она махнула рукой.

— Безделушка, предназначенная для того, чтобы держать мертвецов в страхе. — Матушка Нэнс налила еще одну порцию сидра для себя, добавив здравенную меру рома. — Не хотите еще кружечку?

— Нет, спасибо. Пора возвращаться в замок.

Она мудро кивнула.

— Да, есть вещи, которые нужно сделать. Не забудьте вернуться, если передумаете насчет любовного талисмана.

— Я не думаю, что смогу заставить себя выиграть мужчину, подсовывая ему любовное зелье, — поведала я откровенно, улыбкой смягчая кусачие слова.

Выражение ее лица было печальным.

— Нет, дитя. Зелье для вас. Нет более жалкого сердца, чем сердце, которое не может любить.

Глава 15

Я оставила Матушку Нэнс, пребывая в состоянии сильного раздражения. Ее смутные измышления были бессмысленной тратой времени, а совет «остерегаться сестры» абсурдным. Судя по значительному шуму, доносившемуся из остальной части таверны, Стокер еще не вышел из пивной. Я возвращалась в замок одна, идя быстрым шагом. Поднялся ветер, швыряя верхушки деревьев с неземным звуком. Как только я добралась до замка, полил сильный и холодный дождь.

— Святые небеса, мисс, — воскликнула миссис Тренгроуз, когда я появилась в главном коридоре. — Вы простудитесь до смерти в такую погоду!

Я ответила ей, слабо улыбаясь.

— Не бойтесь, у меня конституция осла, миссис Тренгроуз. Вы не будете сидеть с инвалидом.

Она кивнула в сторону гостиной.

— Все собираются на обед. Я приказала перенести его в гостиную, потому что погода изменилась, а там лучше разводится огонь. Будет горячий суп. Подносы только сейчас внесли, так что вы ничего не пропустили. Я пришлю Дейзи, чтобы помочь вам переодеться.

— Нет необходимости, — отказалась я, махнув рукой. — Справлюсь быстрее самостоятельно.

Я поспешила в свою комнату и сняла костюм для охоты на бабочек, надев дневной туалет: простое темно-синее платье, украшенное черной шелковой тесьмой. Оно напоминало по стилю гусарский мундир и имело преимущество в застежке спереди, поэтому мне не понадобилась помощь горничной. Я сменила ботинки на тонкие туфли и, причесав волосы, закрыла за собой дверь.

К моему удивлению, Стокер только поднимался по лестнице, его черные волосы пригладил туман, а пальто было покрыто каплями дождя.

— Ты узнал что-нибудь существенное? — любопытствовала я.

Он покачал головой.

— Ничего, кроме того, что местный сидр очень-очень крепок. Были ли твои расспросы более плодотворными?

Я пожала плечами.

— Матушка Нэнс забавлялась на мой счет. Но она упомянула, что Хелен Ромилли купила у нее заклинание.

Темные брови поднялись.

— Хелен интересуется любовными зельями? Подозреваю, леди питает слабость к Тибериусу. Но она впустую потратила свои монеты, если хочет заманить его в брак.

— Это не любовное зелье, а защитный амулет. Не знаю, чего боится Хелен, но ее чувства искренни.

Мы присоединились к остальным в гостиной, где было заключено временное перемирие. Повседневная трапеза создала атмосферу пикника с блюдами из холодного мяса и крошечными запеканками из макарон с сыром, фруктовыми компотами и огромным овощным салатом из зелени садов и огородов замка. Мертензия освежала плаун в одной из своих мисок с цветами, в то время как Хелен разливала суп из супницы, стоящей на серванте. Тибериус смотрел в окно на портящуюся погоду. Каспиан опустил на стул, потягивая чай и грызя холодную куриную ногу. Это была мирная, домашняя сцена, и любой, заглянувший из залитых ливнем садов, подумал бы о нас как об идиллической картине домашнего спокойствия.

Или так мы думали. Хелен только что налила мне в тарелку немного супа, когда вошла миссис Тренгроуз, ее глаза округлились от ужаса.

Мертензия остановилась, переставляя цветы.

— Тренни, в чем дело? Ты выглядишь так, как будто увидела призрак, — заметила она с улыбкой, которая не достигала глаз.

Тренни вцепилась в рукав Тибериуса и дикими глазами посмотрела на нас.

— Это хозяин. Его нигде не могут найти.

— Что вы имеете в виду? — потребовал Тибериус.

— Я имею в виду, что мистер Малкольм пропал без вести. Боже, помоги нам, призрак забрал его! — И с этими словами она рухнула на пол.

Произошло тихое столпотворение, и потребовалось несколько минут, чтобы привести хаос в порядок. Я сразу же подошла к миссис Тренгроуз, пока Каспиан и Мертензия обменивались резкими словами о том, кто должен взять на себя ответственность.

— Я — главный мужчина в доме в отсутствие моего дяди, — высокомерно произнес Каспиан.

Стокер силой удержал Мертензию от пощечины племяннику. Я была занята поджиганием перьев под носом миссис Тренгроуз, приводя ее в чувство, когда, к моему удивлению, Тибериус вступил в прорыв.

— Довольно! — велел он, обрывая слова с ледяной точностью. Если бы он кричал — как, несомненно, поступил бы Стокер — эффект был бы

достаточно захватывающим. Но холодной власти Тибериуса хватило, чтобы остановить их мгновенно.

— В настоящее время хватает беспорядка и без вас, ссорящихся как дети. Не можете вести себя хорошо, отправляйтесь в детскую, — приказал виконт.

Мертензия и Каспиан уставились на него со смешанным негодованием и трепетом, но притихли. Стокер опустил руку Мертензии, и она позволила руке упасть, довольствуясь лишь угрюмым взглядом на племянника. Хелен молчала, сидя очень прямо, ее кошка Геката с интересом наблюдала за происходящим.

Тибериус продолжал.

— Теперь, Каспиан, я предлагаю тебе вызвать Дейзи, чтобы помочь миссис Тренгроуз добраться в ее комнату. Стокер, ей понадобится дальнейшая медицинская помощь?

Стокер подошел к бледной и расстроенной миссис Тренгроуз, осторожно подняв экономку на ноги, обхватив крепкой рукой. Он бросил на нее быстрый оценивающий взгляд и отрицательно покачал головой.

— Уверен, она будет сильной как дождь. Ей лишь нужна чашка крепкого чая, возможно, с каплей бренди, вы не согласны, миссис Тренгроуз?

Домоправительница заговорила, ее голос звучал ровнее, чем я могла представить.

— Благослови вас Бог, сэр. Да. Приношу извинения. Не знаю, что на меня нашло.

Она отошла от Стокера, отряхивая юбки и расправляя плечи.

— Ты расстроена, Тренни, дорогая, — Мертензия взяла руку экономки в свои и неловко похлопала.

Тибериус перевел проницательный взгляд на экономку.

— Г-жа Тренгроуз. Когда в последний раз видели вашего хозяина?

Она остановилась, чтобы подумать.

— Прошлой ночью. Он был обеспокоен и не мог спать, я слышала, как он шел по коридорам.

— Во сколько это было?

Ее брови нахмурились, когда она обдумывала час.

— Полночь, милорд? Половина первого? Боюсь, я не обратила внимания.

Я держала язык за зубами. Я могла бы подсказать Тибериусу когда, основываясь на наблюдениях за миссис Тренгроуз во время обыска в музыкальной комнате, но этот разговор лучше всего вести наедине.

— У него есть камердинер или другой слуга, о котором я не знаю?

— О нет, мой лорд. Он очень самодостаточный джентльмен. Я слежу за его одеждой, но в остальном он сам заботится о себе.

— И никто не заметил, что он пропал до сих пор? — Тон Тибериуса был откровенно недоверчивым.

— Малкольм всегда встает рано, — вставила Мертензия. — У него часто возникают проблемы со сном, и даже после бессонной ночи он не лежит.

— Он не пропустил завтрак?

— У него нет постоянных привычек. Иногда Малкольм возьмет немного холодного мяса и спозаранку идет посмотреть на урожай или в карьер. В другой раз ничего не берет и перекусывает с фермерами-арендаторами. Нет ничего необычного, что он отсутствует утром, но никто в поместье не видел его сегодня.

Тибериус посмотрел на экономку которая кивала, соглашаясь с молодой хозяйкой. Он отпустил ее, и миссис Тренгроуз ушла, двигаясь медленнее, чем обычно.

— Надеюсь, с Тренни все будет в порядке, — посетовала Мертензия. — Где же Малкольм может находиться?

— Ну-ну, — подбодрил ее Каспиан на удивление добрым голосом. — Все будет хорошо. Уверен, дядя Малкольм сейчас в деревне, шутит с местными парнями.

Мертензия фыркнула над идеей, что ее брат общается с местными хулиганами, но, похоже, оценила его усилия вежливости.

— Так что, — продолжал Тибериус, как будто никто не говорил, — повода для тревоги нет. Если у него есть привычка обходить остров, то, несомненно, он просто потерял счет времени и вернется в свое время.

— Но, Тренни, — начала Хелен прерывающимся голосом. Тибериус ласково посмотрел на нее.

— Г-жа Тренгроуз, без сомнения, расстроена после всех разговоров о призраках и пришла к ложному выводу. Остальным из нас не нужно ей следовать. Тем не менее, Стокер и Вероника осмотрят замок в поисках Малкольма. Каспиан, вы можете послать сообщение в деревню и на фермы, чтобы узнать, не был ли он замечен. Мертензия может опросить персонал. Я буду в библиотеке, если кто-нибудь обнаружит его. Уверен, все это буря в стакане воды, и он появится к вечеру. Не помню, чтобы Малкольм добровольно пропустил ужин, — закончил он.

Как доказательство авторитетных манер виконта, никто не спорил. Оба Ромилли просто кивнули на прощание, и отправились выполнять

распоряжения, оставив блюда с едой. Я видела, как Стокер с тоской поглядывал на макаронную запеканку с сыром, потом мужественно отвернулся.

— Боже мой, вы были настоящим Цезарем, — восхитилась я Тибериусом, когда остальные ушли.

— Считаю, что править твердой рукой — лучшая стратегия во всех ситуациях, — с многозначительным взглядом намекнул он. Я вздохнула. Уязвимый, доверчивый человек предыдущего вечера исчез. Тибериус снова надел маску и вернул свой обычай говорить отвратительные вещи.

— Я видела миссис Тренгроуз прошлой ночью, — сказала я. — В музыкальной комнате, незадолго до того, как пришла в вашу спальню. Если она была последней, кто видел его, то, скорее всего, в это время.

— Значит, без четверти час, — заключил Тибериус.

— Что-то около того. И теперь он пропал.

— Не могу винить его, — вставил Стокер. — Он должен быть в ужасе от того, чем обернулся его план.

— Его план? — переспросила я.

— Да, план смутить своих друзей и весь этот идиотский фарс с домашней вечеринкой.

Тибериус внимательно посмотрел на него.

— Объясни.

Стокер сложил руки на груди и облокотился о каминную полку. Он выглядел расслабленным и одновременно смертельным, как лев во время полуденного отдыха.

— Ромилли пригласил многих из вас сюда, чтобы расследовать смерть Розамунды.

— Исчезновение, — быстро поправил Тибериус.

Стокер махнул рукой.

— Или то, или другое. И то, и другое. В любом случае, Ромилли собрал всех вместе и расставил цветы на столе. Организовал сеанс. Он хотел, чтобы вы говорили о ней, всколыхнули воспоминания о том, какой она была. Как все было, когда она была жива. *С какой целью?*

— Чтобы расследовать ее смерть, — терпеливо произнесла я. — Он был совершенно ясен в этом вопросе.

Стокер медленно покачал головой.

— Малкольм представил доказательства того, что Розамунда никогда не покидала остров живой. Что если у него есть другие доказательства, которыми он не поделился? Доказательства о причастности к этому одного из его гостей?

Тибериус не отрицал. Он стряхнул с отворота невидимый кусочек ворса.

— Как интересно, — мягко поощрил он. — Продолжай.

— Отлично. Что если Малкольм намеревается заманить ее убийцу на остров, чтобы отомстить?

— У тебя нет доказательств, — разумно заметил Тибериус.

— Нет, но это рабочая гипотеза, которая подходит к обстоятельствам.

— Согласен, не так сложно организовать потухшие свечи с помощью подрезанных фитилей или какой-то подобной уловки, но что насчет музыки? — потребовал Тибериус. — Малкольм не мог этого сделать. Он был с нами.

Стокер быстро объяснил про скрытый проход между музыкальной комнатой и библиотекой.

— Любой мог бы с этим справиться с помощью скрытой музыкальной шкатулки или небольшого часового механизма, который мы пока не обнаружили. Но, учитывая все обстоятельства, не думаю, что это сделал Малкольм, — медленно сказал Стокер. — Выражение его лица было искренним. Я думаю, что музыка была предупреждением для него, чтобы он остановился.

— Предупреждение? — Я резко вздохнула. — От убийцы!

— Именно, — согласился Стокер. — Предположим, Малкольм считает, что один из вас виновен в исчезновении его невесты. Приглашает сюда, чтобы докопаться до сути вещей, роняет несколько наводящих замечаний, планирует пару небольших сюрпризов, таких как цветы, чтобы все были в восторге. Тот, кто искренне любил Розамунду и невиновен, расстроится. Но только виновный примет меры.

— Поменяться ролями, — я следовала за нитью его идеи. — Заставить Малкольма думать, что призрак был действительно вызван.

— Это самое нелепое, самое абсурдное... — начал Тибериус.

Стокер поднял руку, чтобы заставить его замолчать.

— Я не говорю, что это логично. Но что если некто, ответственный за смерть Розамунды, поддался на манипуляции Малкольма? Этого могло оказаться достаточно, чтобы подтолкнуть виновного к действиям. Свечи задувают, музыка Розамунды плывет по коридору. Что остается думать Малкольму? Он будет сломлен горем и недоумением и не сможет продолжать свою маленькую игру.

Тибериус сомневался.

— Я мог бы найти дюжину дыр в этой теории, не обременяя себя воображением.

— Так и сделай. А потом придумай свою собственную теорию. Я буду счастлив послушать, — сказал ему желчно Стокер.

Выражение лица Тибериуса было вдумчивым.

— Даже если то, что ты говоришь, правда...

— Это правда.

— Даже если это правда, — продолжил Тибериус, игнорируя Стокера, — нет никаких доказательств. А что стало с Малкольмом? Он не был настолько подавлен, чтобы легко отказаться от своей домашней вечеринки.

— Если только не... — начала я. Я позволила словам погрузиться в тишину, подобрала свои юбки и выбежала из комнаты. Темплтон-Вейны следовали по пятам, когда я спустилась по коридору и поднялась по главной лестнице. Всего два неправильных поворота, и мы довольно быстро нашли спальню Малкольма.

— Вероника, — возразил Стокер. — Ты не можешь просто ворваться в комнату Малкольма.

— Могу и ворвусь, — заявила я решительно. Я резко постучала, но ответа не было. Я распахнула дверь. В кровати не спали. Покрывало с прошлой ночи все еще было аккуратно отодвинуто горничной, шторы все еще плотно закрыты. Дверь шкафа стояла открытой с несколькими предметами в беспорядке, как будто Малкольм безразлично схватил одежду.

— Он уходил в спешке, — задумчиво отметил Тибериус. — Малкольм аккуратен как монах.

— И он не ложился спать, — указал Стокер, кивая на нетронутые простыни. — Это наводит на мысль о беспорядочном состоянии ума. Возможно, он сделал что-то с собой.

Голос Тибериуса был резким.

— Думаешь, он мог покончить с собой?

— Это одна из восьми возможностей его отсутствия, — отметила я.

Глаза Тибериуса довольно распахнулись.

— *Восьми?*

Я отметила перспективы, перечисляя их.

— Я обдумывала возможности, связанные с судьбой Розамунды, но они подходят и Малкольму. Он мог убить себя. Это мог быть несчастный случай. Он оказался в ловушке и не может освободиться. Возможно, прячется. Перенес своего рода нервный срыв. Малкольм мог быть убит. Умер от естественных причин. Вспугнул контрабандистов или пиратов, и его держат против воли в логове...

Тибериус издал задушенный звук, Стокер покачал головой.

— Ты переусердствовала с этим пудингом.

— Я никогда не утверждала, что все варианты имели равную вероятность. Я просто сказала, что это возможно. И вы должны признать, что в этом месте существует история пиратства.

— Не со времен Елизаветы и ее каперов, — утверждал Стокер.

— Чушь. Пока люди плавают по семи морям, тот, кто склонен к неприятностям с законом или выгоде, способен заняться пиратством, — возмутилась я.

Тибериус поднял руку.

— За всю свою жизнь я никогда не требовал так часто, чтобы два человека срочно закрыли рот. Дело в том, что Малкольм пропал без вести, и мы должны определить наш следующий шаг.

— Наш следующий шаг, — проинструктировала я, — обыскать замок от амбразур до террас. Вперед!

* * *

Они неохотно делали, как я велела. Несмотря на все их различия, Темплтон-Вейны были по-лидерски настроены и не терпели, когда им диктовали, что делать. Что касается меня, я никогда не позволю мелочному раздражению отвернуть меня от цели. Для большинства людей потенциальный виконт-убийца, пропавший хозяин и мстительный призрак могут казаться чем-то за пределами мелочного раздражения. Но большинство людей не вели мою жизнь.

Таким образом, мы разделили задачу: Стокер взял на себя гардеробную, Тибериусу было поручено обыскать умывальник и уборную (рудиментарное устройство с водопроводной системой, не выдерживающей никакой критики), пока я тщательно осматривала кровать. В комнате не было ни сейфа, ни прочного ящика для хранения чего-либо ценного или личного. Я перебирала содержимое подушек, между матрацами и под ними, разбрасывая перья в воздухе в процессе поисков. Я даже зашла так далеко, что ползала под кроватью, и была впечатлена тем, что не нашла ни пылинки. Миссис Тренгроуз была настолько же тщательна, насколько предана.

— Это смешно, — пожаловался Тибериус, выходя из крошечного туалета с решительным отвращением. — Там нет места, чтобы спрятать булавку.

Я выползла из-под кровати, поправляя юбки и принимая руку,

предложенную Стокером. Он поднял меня на ноги и покачал головой.

— Мне больно — ты не представляешь, как глубоко! — согласиться с Тибериусом. Здесь ничего не найти. — После тщательного обыска гардероба Стокер встал у камина, проводя руками по камням и просеивая холодный пепел, пока его лицо и руки не стали черными, как шкура барсука.

Я наклонила голову, задумчиво разглядывая деревянные панели внутренней стены комнаты. Как и остальные спальни, эта была построена в башне с круглыми каменными стенами, окружавшими большую часть пространства. Но вдоль одной стороны была установлена перегородка из крепкого дуба, отделяя спальню от смежного туалета.

— Тибериус, насколько велика уборная? — спросила я.

— Шесть футов? — гадал он.

— А какой длины эта стена? — я провела руками по панели из замысловато вырезанной льняной ткани. Найдя вероятное место, я постучала по нему костяшками пальцев. Глухой стук отозвался эхом.

— Девять, — снабдил информацией Стокер, немедленно придя на помощь. Мы начали простукивать все панели поочередно.

— Что вы оба делаете? — спросил Тибериус. — Напоминаете мне фигуры на веселой ярмарке.

— Ромилли — старая католическая семья, — ответила я. — Малкольм сказал, что нашел сумку в норе священника, а миссис Тренгроуз упомянула, что в замке таких нор несколько. Многие нонконформистские семьи хвастались тайниками. Некоторые, несомненно, были пережитками тех дней, когда добрые англичане боялись вторжения из-за границы и хотели найти место для укрытия. Большинство же были специально построены для того, чтобы спрятать священника или католические реликвии во время правления Елизаветы.

— И их продолжали использовать во время гражданской войны, — добавил Стокер. — Роялист, которого прятали, поскольку «круглоголовые» безрезультатно искали тех, кто сражался за Стюартов[26].

— Спасибо за урок истории, — сухо поблагодарил Тибериус.

Мы простукивали панели еще несколько минут, прежде чем предательское пустое эхо окупило наши усилия.

— Вот! — закричала я. Стокер подошел ко мне, осматривая швы на панели.

— Это не может быть большое пространство, — размышлял он. — Там нельзя спрятать никого крупнее собаки. — Он провел пальцем по панели. Она не превышала три фута на два. Льняная складка была

окаймлена ромбами и розами, и я прижала их всех по очереди.

— Должен быть механизм, — задумалась я. — За этой панелью наверняка есть место. Но как получить доступ?

Я повторила процесс, не торопясь, проводя осторожными пальцами по каждому лепестку и листу, увы, с неутешительными результатами.

— Похоже, ваши усилия напрасны, — ехидно сказал Тибериус, осматривая свои ногти.

— И я была так уверена, — пробурчала я. Как и в музыкальной комнате, я пнула ногой плинтус — толстую панель из крепкого дуба, почти с фута в высоту. Внезапно панель бесшумно качнулась.

— Кто из нас войдет? — спросил Стокер. Я не удосужилась ответить. Вход был слишком крошечным, чтобы с комфортом впустить человека его роста. Кроме того, открытие было моим. Я бы скорее отрубила себе руку, чем позволила бы ему опередить меня.

— Эксельсиор! — закричала я, погружаясь в темное пространство головой. Сильная рука обхватила меня за талию. — Отпусти меня, Стокер, — потребовала я.

— Пообещай не создавать себе неприятностей, — ответил он. — Эта панель, возможно, была закрыта на века. Даже если проход был открыт недавно, воздух все равно будет плохим. Там нет вентиляции и нет света. Дай время проветрить и хотя бы возьми свечу.

Я поморщилась от его предосторожностей, но он был совершенно прав. В азарте расследования я не смогла даже элементарно подготовиться. Меня огорчило собственное безрассудство.

— Очень хорошо, — кротко сказала я.

Минуты тикали медленно, но через четверть часа я взяла свечу, которую Стокер любезно зажег для меня, и вернулась в крошечное пространство. Внутри было холодно. Воздух, как он предсказывал, застоялся. Пахло старым камнем и чем-то еще, я не могла определить. Темный, неприятный запах, оскорбляющий обоняние. Я закрыла рукой нос и посмотрела в тень. Свеча давала достаточно света, чтобы видеть: я сидела на корточках в пространстве, даже меньшем, чем представляла. Отверстие позади меня занимало полный размер панели — три фута в высоту и два фута в ширину. Едва достаточно, чтобы позволить мне войти, согнувшись вдвое. Задняя стенка имела еще одну панель в трех футах от передней части, размером примерно с гроб. Я вздрогнула. Мне было известно, что священники часто проводили недели в своих печальных маленьких укрытиях. Трудно представить человека, который провел бы в таком заключении более нескольких часов и не сошел с ума.

Когда я подняла свечу, тени в углу сместились, показав темный пучок. Я вытащила его и вышла из грязной маленькой дыры.

— До чего мерзко, — бормотала я, отряхиваясь. Беспольный жест. Нора священника была свободна от паутины. Только атмосфера этого места цеплялась за меня как шелк паука. Я задула свечу и протянула ее Тибериусу.

Он уставился на сверток в моих руках. Никто из нас не проверил его должным образом, когда Малкольм представил улику. Случайность, которую я могла приписать собственной деликатности. Одно из тех решений, что заставляют потом сожалеть. Но у нас был шанс сейчас, и мы не торопились. Шерстяная ткань или была ею однажды. Пахло чем-то мокрым, что никогда не высыхало должным образом, без сомнения источник вони, который я обнаружила. Я осторожно открыла сверток, грязная ткань распалась на клочки. Внутри была дорожная сумка.

— Р.И.А. — прочитала я.

Тибериус успел кивнуть.

— Розамунда Изабель Эйлсвор.

Я бросила взгляд на Тибериуса.

— Мы должны изучить это.

— Давайте, — приказал он с мрачно стиснутым ртом.

С такой же осторожностью, как если бы садилась на птичье крыло Приама, я открыла сумку и достала предметы находящиеся внутри. Футляра для туалетных принадлежностей, помеченный теми же инициалами, немного нижнего белья, красиво вышитого, два платья. Пара туфель и антология поэзии периода Реставрации. Все вещи были повреждены, одежда испачкана и пахла сыростью, книга разбухла от влаги, подошвы туфель отставали. Я откинула крышку и увидела подпись цветистым почерком : *Розамунда Эйлсворт*.

Тибериус не произнес ни звука, и я молча упаковала сумку. Закончив, я снова уселась на корточки.

— Похоже, Малкольм говорил правду, по крайней мере, в отношении дорожной сумки, — мягко сказала я. — Это действительно доказательство того, что Розамунда никогда не покидала остров в день своей свадьбы.

Не говоря ни слова, Тибериус подошел к двери, тихо закрыв ее за собой. Думаю, я бы предпочла, чтобы он хлопнул ею.

Глава 16

Малкольм не появился к чаепитию. Когда мы снова собрались в гостиной, то представляли печальную группу. Хелен не пришла, сообщив, что предпочитает чашку чая в своей комнате. Миссис Тренгроуз, бледная и хлопотливая как курица-мать, заказала более обильную еду, чем обычно: фруктовые пирожные и толстенные бутерброды с ростбифом, булочки и всевозможная выпечка. Она задержалась, пока Тибериус, Стокер, Мертензия, Каспиан и я рассаживались. У остальных из нас, похоже, был неважный аппетит, но Стокер нагрузился широким ассортиментом бутербродов и вздохнул с удовольствием, щедро откусив первый из них.

— Вам что-нибудь еще нужно, мисс? — осведомилась у Мертензии миссис Тренгроуз. Каспиан мог быть предполагаемым наследником, но ее лояльность в отсутствие хозяина была демонстративно отдана его сестре. Мертензия перевела взгляд на Каспиана, но тот, казалось, о чем-то задумался.

— Не думаю, Тренни, — ответила Мертензия, жестом отпуская ее. Когда миссис Тренгроуз осторожно закрыла за собой дверь, я повернулась к Каспиану.

— Узнали что-нибудь о Малкольме?

Он покачал головой.

— Нет, но я уверен, что он появится. Местные жители говорят, что он вечно бродит по острову. Это часть его ответственности как хозяина Сан-Маддерна.

— Является ли частью его ответственности не спать в собственной постели? — поинтересовалась я.

Каспиан слегка задохнулся, а Тибериус пробормотал:

— Моя дорогая Вероника.

Но Мертензия уставилась на меня, добавляя сахар в чай.

— Как вы узнали, где был мой брат прошлой ночью?

— Потому что мы с Тибериусом и Стокером позволили себе обыскать его комнату. Он не спал там прошлой ночью.

Мертензия положила свою ложку в блюдо, слегка задремавшую.

— Скверно, — расстроилась она.

Каспиан запротестовал.

— Не глупи, Мертензия. Погода была мерзкой прошлой ночью. Что если он отправится проверить одного из островитян? Он мог бы там

застрять из-за шторма.

— Но дождь прекратился этим утром, — указала она. — Он бы вернулся.

— Шторм снова усиливается, — Каспиан кивнул на забрызганные дождем окна. — Он вполне мог решить остаться там, где он был, в уюте и тепле.

— И не послал бы никакого сообщения? — спросил Стокер.

Мертензия кивнула.

— Он бы сообщил. Малкольм ужасно обязателен в этом смысле. Он знает, что мы будем волноваться. Кроме того, кто-то в деревне увидел бы его. Разве ты не спрашивал их, Каспиан? Откуда мы знаем, что ты его вообще искал?

— Конечно, искал!

Мертензия пожала плечами.

— Ты так говоришь. Но если у кого-то есть веская причина желать Малкольму зла, то это у тебя.

Четверо из нас взглянули на него с любопытством. Он вызывающе посмотрел на каждого из нас, после чего Каспиан театрально закатил глаза.

— Вы не можете верить, что я как-то связан с этой ерундой. Не можете! Я даже не знал Розамунду на самом деле.

— Ты мог все потерять, если бы она родила наследника Ромилли, — упрямо обвиняла Мертензия. — Убедительный повод, чтобы покончить с ней.

— Покончить с ней? — Его глаза обратились к небу, затем он посмотрел на нас с немым призывом.

— В словах леди есть смысл, — ровным голосом сказал Тибериус.

— Я был еще мальчиком, когда она исчезла, — возмутился Каспиан. — Я даже не закончил школу. Вы действительно думаете, что я убил жену моего дяди, чтобы унаследовать эту проклятую груду камней? И кто, черт возьми, сказал что-нибудь об убийстве до того, как воображение Мертензии взорвалось само собой? Нам не известно, может, Розамунда уехала по собственной воле и сейчас живет в Аргентине.

Он закончил свои возражения великолепной аркой лба, жестом, который Тибериус освоил в колыбели. Но у Каспиана не хватило духу справиться с этим. В конце тирады его голос немного дрогнул. Стокер бросил на него сочувственный взгляд.

— Успокойся, парень, никто не обвиняет тебя в убийстве.

— Она обвиняет, — Каспиан дернул головой в сторону Мертензии.

— Да, я, пожалуй, так думаю, — ядовитым тоном подтвердила она.

— Ты проклятая, чудовищная...

— Теперь, кто кого оскорбляет? — спросила она с торжествующим видом.

— Вы оба утомительны, — произнес Тибериус. — И, Мертензия, при всем уважении, больший грех лежит на вас, как на старшей.

— В значительной степени, — злорадно добавил Каспиан.

Ее верхняя губа изогнулась.

— Уколи мое тщеславие, если хочешь, мальчик, для меня это ничего не значит. Наши ценности, мой дорогой Каспиан, ничем не похожи. Я забочусь о земле и людях острова, истории и жизни, которую мы ведем. Ты никогда этого не поймешь.

— Надеюсь, я справлюсь, когда буду здесь хозяином.

Мертензия вскочила на ноги, указывая обвиняюще пальцем.

— Вот оно! Признание твоих амбиций.

Каспиан вскочил, повернувшись к ней лицом над чайным столиком, чуть не опрокинув блюдо со взбитыми сливками.

— Я просто сказал...

Некоторое время они кричали, швыряя друг в друга оскорблениями поверх булочек, пока мы с Тибериусом наблюдали. Стокер сидел, довольно поедая бутерброды, прежде чем перейти к аппетитному на вид пирогу, украшенному марципаном.

— Должны ли мы их остановить? — растерялась я.

Стокер пожал плечами.

— Зачем беспокоиться? Конфликт назревал некоторое время. Возможно, небольшая перебранка очистит воздух.

— Такие свары мешают нам искать Малкольма, — негодовала я.

— По-моему, это не является чьим-либо приоритетом, — резонно заметил он.

Мертензия и Каспиан синхронно замолчали при упоминании имени Малкольма, оба выглядели слегка смущенными.

— Бедный Малкольм, — забормотала Мертензия. — Интересно, где он может быть?

Тибериус воспользовался возможностью, чтобы ухватить бразды правления.

— Пока мы были в его комнате, осмотрели дорожную сумку. Малкольм совершенно прав по этому поводу. Саквояж определенно принадлежал Розамунде и заполнен вещами, которые она считала своим самым ценным имуществом.

Прежде чем восстанавливать панель, Стокер и я тщательно спрятали

саквояж в норе священника. Мы решили, нет причин брать улики с места их сокрытия. Там для них казалось безопаснее, чем где-либо еще.

— Где эта сумка сейчас? — потребовала Мертензия.

— В настоящее время вам ни к чему это знать, — отрезал Тибериус, каждый дюйм лорд. — Теперь, в отсутствии Малкольма, напомним, я самый высокопоставленный человек на этом острове. Кроме того, я лорд-магистрат округа, где расположено мое загородное имение, и без сомнения, более знаком с законом, чем кто-либо из присутствующих. Если только у вас не припрятан какой-нибудь констебль или судья? — он перевел взгляд с одного пустого лица Ромилли на другое. — Нет? Хорошо. Тогда давайте расставим точки над «i». Я беру на себя контроль над этим вопросом. Разрешаю поиск Малкольма Ромилли по всему острову. Ни один камень не останется на месте, пока мы его ищем. Мой брат и мисс Спидвелл будут помогать мне. Что касается вашей парочки — либо вы помогаете, либо держитесь к дьяволу подальше от меня, вам ясно?

Каспиан лишь кивнул, но Мертензия стиснула кулаки, гневные эмоции отразились на ее лице. Тон Тибериуса стал шелковистым.

— Вы должны простить меня, но боюсь, я не услышал ваши ответы.

— Да, мой лорд, — быстро сдался Каспиан.

Мертензия резко кивнула, казалось, против воли.

— Да, мой лорд. — Ее голос был хриплым, два ярких пятна горели на щеках.

— Превосходно. Теперь, когда мой брат уничтожил весь пирог, я предлагаю подготовиться и начать поиск. Нам все равно здесь больше нечего есть.

* * *

Под умелым руководством Тиберия был обыскан весь остров. Рыбаки и жители деревни осмотрели здания и поля, не пропуская различные укромные уголки и пещеры контрабандистов, неизбежные в таком месте. Мертензия и Каспиан образовали маловероятный союз и тщательно обследовали территорию замка. Тибериус остался в библиотеке, распорядившись, что любой, кто обнаружит что-либо заметное, немедленно сообщит ему. Стокеру и мне была поручена задача обыскать сам замок.

— Это нелепое занятие, — пробормотала я после того, как мы поднялись по четырнадцатой по счету лестнице и осмотрели двадцать

седьмую пустую спальню. — Он может быть где угодно. Кто-нибудь подсчитывал лодки? Возможно, он поплыл к одной из Трех Сестер.

— Невозможно, — Стокер осматривал безжалостно пустой туалет. — Малкольм знает эти воды. Он бы никогда не попытался совершить такой самоубийственный поступок.

Я остановилась, и перевела взгляд на Стокера.

— Не надо, — приказал он, интуитивно понимая мои мысли. — Даже не предлагай это.

— Мы должны рассмотреть такую возможность, — настаивала я. — Ты признаешь, что он сильно пострадал, и он кажется чувствительным человеком. Кто сказал, что дорожная сумка Розамунды не была последней каплей? Это заметно повлияло на его рассудок. Возможно, факт, что она не ушла сама, оказался невыносимым. Наверное, он размышлял об этом с тех пор, как наткнулся на саквояж, пока не смог больше терпеть. Только представь: он глубоко влюблен в Розамунду, потерять ее было душераздирающим опытом. После многих лет неуверенности Малкольм обнаруживает доказательства, что она не покидала остров, что она, должно быть, мертва. Он приглашает избранную группу гостей, чтобы те помогли узнать правду о ее исчезновении. И вместо этого он, кажется, поднял из могилы призрак. Какой ужас вспыхнул в его душе! Должно быть, он почти сошел с ума от горя и шока. Что может быть более естественным, чем решение присоединиться к ней?

— Ты забываешь две вещи, — справедливо заметил Стокер. — Во-первых, если дорожная сумка Розамунды никогда не покидала остров, значит и она тоже.

— Твоя точка зрения?

— Она была убита, — заявил он.

— Ерунда. Это мог быть несчастный случай. Она могла умереть от естественных причин. Она могла бы...

— Возможно, ее проглотил кит, но это, черт возьми, маловероятно. Я забыл твою склонность к мелодраме.

— Моя склонность к мелодраме! Ты настаиваешь на том, что Розамунда стала жертвой преступления, твоя ужасная теория не стоит и пенни.

Стокер сложил руки на груди.

— Вероника. Я понимаю, что твои чувства к Тибериусу омрачают суждение, но попытайся не быть женщиной до такой степени.

Я злобно уставилась на него.

Он продолжал вещать так безумно спокойно, что я испытала соблазн

надеть ему на голову железную подставку для дров в камине.

— Ты неоднократно убеждала меня, что женщина так же способна к рациональному мышлению, как и мужчина. Я даже могу великодушно признать: один-два раза ты была более хладнокровна, чем я сам. Но, увы, тебе не хватает логики во всем, что касается моего брата.

— Из всех дешевых и отчаянных оскорблений, атакующих мой интеллект ученого... — начала я.

Стокер поднял руку.

— Если ты хочешь злиться на меня, не могла бы это делать, пока мы ищем? Иначе мы никогда не закончим с этим замком.

Он вышел из комнаты. У меня не было другого выбора, кроме как идти за ним. Мои шаги отдавались резким звуком на каменных полах. Некоторое время мы продолжали искать в тишине, и никто из нас не говорил без необходимости.

Мы не обнаружили ничего примечательного, пока не пришли в последнюю комнату. Я указала на маленькую карточку, написанную аккуратным почерком: *Миссис Люциан Ромилли*. Я мягко постучала, но ответа не было. Мы проскользнули в комнату, бесшумно закрыв за собой дверь. Прикроватный столик был усеян банками с пастилкой, влажными носовыми платками, крошечным хрустальным бокалом, подходящим для алкоголя, и маленькой колбой зеленого стекла с аптечной этикеткой. Стокер поднял его и осторожно понюхал.

— Какое-то лекарство?

— Только для шотландца, — фыркнул он. — Довольно хороший виски.

Я вспомнила ее наполненную джином бутылку от шампуня и подумала, сколько других тайников со спиртным она сделала. Домашние туфли странного вида — на высоких каблуках, украшенные перьями и атласной оборкой — валялись там, где она их бросила. На умывальнике криво висел халат, непрактичная конфетка из лилового шелка.

— Любопытно, — я провела пальцем по водянистому шелку. — Я не подумала бы, что у нее будет шелковый халат.

— Что бы ты подумала? — поинтересовался Стокер, медленно роясь в ящиках.

— Черный атлас. Трезвый бархат в крайнем случае. Но ничего такого легкомысленного, как бледно-фиолетовый шелк.

— Она фантазерка, — безапелляционно заявил Стокер. — Скорее верит в воображение, чем в реальность.

— Откуда ты знаешь? — потребовала я.

Он поднял книгу, которую раскопал под рубашкой.

— Ее литературный вкус. Довольно крутой французский роман с лихим героем, который рискует всем ради любимой женщины. Продает себя в рабство пиратам, чтобы спасти ее, или отказывается от священных приказов, чтобы прижать даму к своей мужественной груди.

Я прищурилась.

— Откуда ты знаешь, о чем эта книга?

— Прочитал, — просто сказал он. — Я обмениваюсь книгами с горничной в Bishop Folly, и у нее есть склонность к французским романам. Тебе они не понравятся, — добавил он со злобной улыбкой.

— И почему нет?

— Потому что они всегда показывают пары, которые доверяют друг другу. — Прежде чем я успела ответить, он наклонил голову, изучая сундук. — Что он здесь делает?

— Возможно, его не вернули в кладовую. Он был, несомненно, упакован, когда они намеревались отбыть сегодня. Сундук следовало отправить следом за ними.

Стокер опустился на колени перед сундуком и попытался поднять крышку.

— Он все еще заперт. Ты видишь ключ?

Мы обыскали все подходящие места, но ключ найти не удалось.

— Видимо, она носит его при себе, — сказала я. — Многие женщины так делают.

— Дай мне пару твоих шпилек, — велел Стокер. Я послушно выполнила распоряжение, уверенная, что он быстро вскроет замок.

— Осторожно, не поцарапай его, — предупредила я. — Мы не хотим запачкать руки в преступном взломе и дать Хелен понять, что ее вещи обыскали.

Стокер посмотрел на меня с жалостью.

— Немного доверия, Вероника. Я вскрывал замки с тех пор, как родился на свет божий. Одно из многих преимуществ при наличии старших братьев, которые запирают свои карманные деньги.

— Ты имеешь в виду, что крал у них?

— Пользовался каждым случаем, который мне выпадал, — последовал веселый ответ. — Вот, — сказал Стокер с некоторым удовлетворением, когда защелка открылась. Он поднял крышку, и мы вместе уставились в сундук.

— Что на свете... — Я вытащила кусок материала, непохожий ни на что виденное раньше. Казалось, ткань вылеплена из паутины, похожа на марлю, но бесконечно легче и тоньше. Длинные нити серебристых нитей

улавливали свет, когда поднимались, легко танцуя в потоке воздуха.

— Эктоплазма, — произнес Стокер.

— Извини меня, пожалуйста? Это не что иное, как внешний слой цитоплазмы, — возразила я.

— Я не имею в виду научное определение, — поправил он. — Это совсем другое. Я только однажды видел подобное, когда работал в цирке. В течение нескольких месяцев у нас был медиум, который представлял манифестации, и одной из маленьких хитростей было заклинать хаос.

— Трюки? Тогда Хелен не общалась с духовным миром?

Стокер закатил глаза к небу.

— Вероника, нет такой вещи, как подлинное общение с духовным миром, потому что нет духовного мира. Ради всего святого, ты — ученый.

— Я достаточно ученый, чтобы верить, что мы многое не можем объяснить. Наглость полагать, что мы знаем больше, чем мы знаем. — Я взяла у него отрезок материала, пропуская изысканную мягкость сквозь пальцы. Он был настолько легкий, что, казалось, весил меньше, чем воздух, паутинный как крыло бабочки.

Стокер вздохнул.

— Отлично. Но в моем случае медиум определенно был мошенником. Он использовал масло, муслин и немного фосфоресцентной краски, однако эффект был похож на это — облако белого, исходящее из рта.

— Рта?

Он пожал плечами.

— Большинство медиумов глотают и изрыгают разные субстанции.

Стокер заглянул в сундук, указывая на любопытное устройство.

— Сжимающая коробка с ремнями для переноски между бедер, которая издает стоны во время реплик. Свечи с фитилями, подделанные, чтобы гарантировать, что они погаснут в определенное время. Все здесь предназначено для того, чтобы обманывать доверчивых. — Его рот сжался от отвращения. — Нет музыкальной шкатулки, чтобы одурачить нас звуками клавесина, но есть средства для любого другого эффекта. Хелен Ромилли — шарлатан, — вынес он окончательный приговор.

— Я вижу, вы раскрыли мой секрет, — отозвалась Хелен из дверного проема. Она стояла на фоне света из коридора, прижимая кошку к груди. Прежде чем мы успели заговорить, она вошла, закрывая дверь.

— Я не виню вас за ваше неодобрение, — сказала она спокойным голосом. — Я могу только умолять вас понять необходимость кормить себя и сына.

— Зарабатывая на надеждах и страхах скорбящих? — потребовал

Стокер.

Она наклонила голову.

— Я не оправдываюсь перед вами. Мы все живем в мире мужчин, не так ли? А вы — мужчина.

— Вы говорите, что я не могу понять ваш выбор? — он с грохотом уронил крышку сундука.

— Нет. Я говорю, что мисс Спидвелл поймет лучше. Скажите, — она повернулась ко мне, широко раскрытые глаза мерцали при свете лампы. — вы когда-нибудь беспокоились о том, чтобы не дать волку войти в дверь? Вы зарабатываете на хлеб. Вам знакомо чувство, когда вы выжаты до последней корочки?

— Да, — ответила я. Голова Стокера вскинулась, но я не сводила глаз с Хелен Ромилли. Она гладила свою кошку, снова и снова проводя белой рукой по черному меху. — Не раз, если честно.

— Тогда вы знаете. Вы знаете, каково это решать, что вы будете и не будете делать, чтобы остаться в живых.

— Я тоже был беден... — начал Стокер.

Она резко оборвала его, заставив кошку пошевелиться:

— Пока вас не заставят задуматься о продаже своего тела, вы не были бедны. Не сравнивайте свою ситуацию с нашей, — Она снова повернулась ко мне. — Представьте, насколько велики последствия выбора, когда вам приходится думать не только о себе, но и о ребенке. Я вела изнурительную жизнь, мисс Спидвелл. Моя беда — любить беспомощных мужчин, сначала мужа, а теперь сына. И не заблуждайтесь, я люблю их по-настоящему. Но быть человеком, от которого все зависит, утомительно. Если еда должна была найти путь к столу, мне ничего не оставалось, как предоставить монету. То же самое с крышей над головой и туфлями на ногах. Я знала, что делаю, когда вышла замуж за Люциана. Он не претендовал на то, чтобы быть практичным мужчиной, но осмелюсь предположить, что вы достаточно *éтансирé*, чтобы понять мою мотивацию, — рискнула она кинуть взгляд на Стокера.

— Я могу понять влечение к нему, но не брак с ним, — призналась я.

— О, мы могли бы быть друзьями при других обстоятельствах! — воскликнула Хелен.

— Разве мы не можем быть друзьями сейчас? — спросила я.

— Не тогда, когда вы подозреваете моего сына в убийстве, — Хелен посмотрела на Стокера. — Уверяю вас обоих, я знаю его недостатки лучше, чем он сам. Я каталогизировала их в характере его отца еще до рождения сына. Вы никогда не видели, чтобы двух человек выкроили так близко из

одной ткани. Их непрактичность, их сцены и мелодраматизм — не что иное, как кусочек муслина в ваших руках. Каспиан увлекается тем, что закатывает истерики просто потому, что считает — это делает его интересным. Возможно, он мог бы заняться охотой или гlockеншпилем[27], но вместо них он выбрал такое хобби. Помимо этого в нем нет ни одного злонамеренного атома.

Я не стала спорить с оценкой преданной матери своего ребенка, просто попробовала другую тактику.

— Конечно, Малкольм помог бы, если бы знал, что есть проблемы с деньгами.

— Малкольм! Благослови вас Бог, он не мог помочь себе. Когда Розамунда исчезла, он сошел с ума. Письма, которые я отправляла, оставались без ответа в течение нескольких месяцев. К тому времени, когда он смог ответить, я уже выбрала. Я не хотела продавать тело, поэтому продала душу.

— Тогда вы стали мадам Еленой? — спросила я.

— Был аннуитет из поместья Ромилли, который Люциан обеспечил для нас, но он также оставил долги, тяжелые. Я изо всех сил пыталась выплатить их. В конце концов, я подумала, что лучше всего привезти Каспиана сюда. Повидаться с дядей и заодно напомнить Малкольму, что у него есть готовый наследник, сын его брата.

— И, возможно, дать почувствовать себя виноватым, что своим браком лишал Каспиана наследства? Виноватым достаточно чтобы платить ему отдельное пособие? — рискнула спросить я.

Она пожала плечами.

— Почему бы нет? Если бы из этого ничего не вышло, по крайней мере сэкономили бы пару месяцев квартплаты и расходов на питание. Поэтому я написала, и Малкольм пригласил нас на лето. Мы остались на свадьбу. Но когда Розамунда исчезла, стало ясно, что не будет никаких дополнительных денег. Малкольм попросил нас уехать. Нам трудно жилось в Лондоне. Я перебирала все возможные методы, как смягчить наши финансовые проблемы. В отчаянии я пошла к медиуму и попыталась связаться с Люцианом. Признаю, на меня повлияли остатки прекрасного винного погреба Люциана. Но у меня хватило ума в течение первых двух минут понять, что женщина — мошенница. Я так и не получила сообщение от Люциана, но после мне пришло в голову, что ответ все-таки нашелся. Я презентабельнее и красноречивей, чем эта шарлатанка, у меня неплохие манеры общения с людьми. Понадобились всего несколько реквизитов и новая персона. Таким образом, родилась мадам Елена, — закончила она с

воодушевлением.

— Почему вы приехали сейчас? — задал вопрос Стокер.

Ее улыбка была безрадостна.

— Потому что, возможно, удержала волка от двери, но все еще слышу его вой. После исчезновения Розамунды Каспиан — единственный наследник Малкольма. Малкольму нужно было напомнить об этом. Если он пригласил меня сюда, чтобы вызвать ее дух, я счастлива подыграть.

— Вам случалось на самом деле видеть призрак? — осведомилась я.

Ее лицо помрачнело, а рука замерла на кошке.

— Только один раз.

— Розамунда, — мягко сказал Стокер.

— Не знаю, что произошло. Я начала сеанс как всегда, вызывая духов.

А потом случились вещи, которые я не могу объяснить.

— Как вы делаете постукивания? — поинтересовалась я.

— Просто, — объяснил Стокер. — Выпустила руку Каспиана и постучала по нижней части стола.

Хелен кивнула.

— Большинство людей слишком подозрительны, чтобы допустить такой легкий трюк. Но я знала, что Малкольм не сочтет странным, если Каспиан займет место рядом со мной.

— А свечи? Как они погасли? — с любопытством спросила я.

— У нас все идеально рассчитано, я точно знаю, когда задать вопрос. Внезапно свечи гаснут, и это выглядит как ответ — что наиболее эффективно при правильных обстоятельствах.

— Вы не использовали эктоплазму, — указал Стокер. — Или вы сохранили это на потом?

Хелен криво улыбнулась.

— Один из руководящих принципов моего успеха: я делаю ровно столько, сколько нужно, чтобы подготовить сцену. Малкольм был и так готов поверить в Розамунду. С моей стороны ничего не требовалось, кроме небольшой игры и свечей.

— И музыки, — напомнила я ей.

Лицо Хелен закрылось.

— Это была не я.

— С трудом верится... — начал Стокер.

Ее пальцы сжались на кошащей шерсти, вызывая у той бурный протест. Хелен отвела руки, извиняясь перед животным.

— Музыка была кульминацией вашего выступления. Конечно, это было организовано.

— Это наверняка не было, — решительно обрезала она. — Я призналась во всем остальном. Если бы мне удалось это устроить, я бы так и сказала.

— Тогда как это было сделано? — потребовал Стокер.

— Откуда мне знать? — ответила она в отчаянии. — Я была так же удивлена, как и все вы, когда услышала музыку.

— Но вы сразу связали это с Розамундой? — настаивала я.

— Да. Она была единственный музыкант в семье, кроме Люциана. Когда он уехал в школу, музыкальную комнату закрыли, и никто не играл. Но Розамунда попросила Малкольма снова ее открыть, и он был счастлив угодить ей. Она играла часами, сводя всех с ума барочными мелодиями. Я уходила гулять, просто чтобы избавиться от звуков этой музыки.

— И когда вы услышали музыку, вы поверили, что на самом деле вызвали ее призрак? — Думаю, Стокер сделал все возможное, чтобы скрыть скептицизм в голосе, но я услышала его, как и Хелен.

— Я знаю, вы мне не верите, — ее голос слегка понизился. — Но как еще можете это объяснить?

Я бросила на Стокера предупреждающий взгляд и заговорила, прежде чем он успел ответить.

— Вот почему вы купили амулет у Матушки Нэнс?

Она кивнула, подняв запястье, обвязанное цветным шнуром, на котором висел тонкий серебряный медальон с какой-то потертой надписью.

— Это монета, спасенная после испанского кораблекрушения, ее нашли на пляже.

— Довольно неудачно для парня, который носил амулет последним, — хмыкнул Стокер. — Испанские моряки никогда не чувствовали себя спокойно в этих водах.

— Лучше, чем ничего, — ответила она, задирая подбородок.

— Почему вы сегодня пытались покинуть остров? — не отставала я.

— Из-за нее. Если она ходит, кто скажет, кого она посетит? Какой вред она причинит? Она умерла в расцвете сил в день своей свадьбы. Должно быть, она злится, так ужасно злится. — голос Хелен превратился в жаркий шепот, густой от страха.

В Стокере, казалось, зашевелилась жалость. Он приложил утешительно ладонь к ее руке.

— Я уверен, что вам нечего бояться.

Она с благодарностью посмотрела на него, и я решила сыграть роль плохого полицейского.

— А я не уверена, — проговорила я медленно.

Она моргнула, паника вернулась к ней.

— Что вы имеете в виду?

— Если Розамунда возвращается, если ее дух неспокоен, значит, у призрака есть незаконченное дело. Она хочет чего-то. Мести? Чтобы мы знали, как она умерла? Правильного захоронение? Или наказать тех, кто не защищал ее в жизни?

С каждым вопросом я подходила к Хелен, наконец подойдя так близко, что могла видеть, как зрачки ее глаз расширились от ужаса.

— Мертензия, — она взорвалась именем. — Она искала бы Мертензию. Я слышала, как они ссорились в ночь перед свадьбой. В саду. Это было ужасно! Я думала, что Мертензия убьет ее... — Она внезапно оборвала себя, на белом лице горели два ярких пятна.

Я отступила назад, одарив ее утешительной улыбкой.

— Пожалуй, Стокер прав, и вам нечего бояться. Тем не менее, — рассудительно добавила я, — на вашем месте я бы не покидала эту комнату после наступления темноты.

Глава 17

— Это было несколько грубо, — заметил Стокер, когда мы выходили из семейного крыла. — Даже для тебя.

Я оцетинилась — он снова обвиняет меня в бездушном поведении.

— Я не была злой или грубой. А если б и была, она это заслужила. Если меня не подводит память, это ты бесконечно придирался к методам, которыми она спаслась от безысходной ситуации.

— О, я принципиально возражаю против занятия Хелен, но, тем не менее, в ней есть что-то плачевное.

Я ускорила темп.

— Сентиментальность мужского пола не перестает меня удивлять.

— Что такое?

— Ничего, — пробормотала я. — За исключением того, что у мужчины, который пострадал так сильно, как ты, от рук женщин, должен быть иммунитет на женские уловки и хитрости.

— Хитрости! Если ты думаешь, что у Хелен Ромилли есть хоть капля хитрости...

Мы все еще спорили, когда добрались до кладовой. У меня были надежды застать Мертензию в ее логове. Ее там не было, но кастрюля, слегка испускавшая пар на плите, означала скорое возвращение.

Мы провели время, исследуя окружение, и нашли в кладовой много любопытного. Комната была оборудована полками от каменного пола до балочного потолка, охватывающего всю длину стен. На каждой полке толпилось множество стеклянных банок: прозрачных, янтарных, зеленых, и каждая банка наполнена чем-то интересным. Были зелья и отвары, кремы и мази, эликсиры и бальзамы. С балок свисали грозди сушеных трав, в углу стоял прибор для дистилляции меди, а рядом с ним большая раковина. Рабочий стол разместился в центре комнаты, поверхность скрупулезно очищена. За столом висела книжная полка с множеством трав, книг по физике, фармакопеи и флорилегии[28]. Еще один набор полок содержал ассортимент оборудования, стеклянные мензурки, горшки, ложки, измерительные приборы.

— Будь я проклят, — восхитился Стокер вполголоса. — Это не похоже на кладовую моей няни.

— Я думала, что Темплтон-Вейны могли себе позволить кого-то еще для обслуживания кладовой, — удивилась я, пролистывая книги. Я была

все еще раздражена, но любопытство пересиливало.

— Могли, но это была первая должность няни в доме, и она охраняла кладовую как дракон. Если б она увидела такое богатство, то подняла бы святой ад, скандаля с отцом до тех пор, пока он не оборудовал ее кладовую еще лучше.

— Какие вещи готовила твоя няня?

— Средства от зубной боли и джемы, — быстро ответил Стокер, изучая полки с травяными смесями. — Ничего не трогай. Боже мой, у нее здесь микстуры из наперстянки!

Я перевела взгляд на Стокера, замороженного коллекцией Мертензии.

— Средство для лечения сердечных заболеваний?

— Или яд. Все на этой полке может убить мужчину или женщину при достаточной дозировке. — Он начал читать этикетки, каждая из которых была подписана аккуратной рукой Мертензии: «Сироп мяты перечной для пищеварения, сок салата от головной боли, сироп инжира для запора». Тут все безобидно. Но эта полка, — он вернулся к микстуре наперстянки на верхней полке, — эта партия совсем другая. — Он сделал паузу, приближаясь к бутылкам, достал одну. — Мертензия не просто балуется пищеварительными и питательными отварами, — констатировал он, поднимая бутылку к свету.

Я сняла книгу с полки. Том был толстый и переплетен темно-зеленой тканью с золотой русалкой. Я пролистала страницы, догадываясь, что это своего рода рецептурная книга. Мертензия записывала составы и способы приготовления различных смесей, добавляя пометки, когда совершенствовала рецепт. Между страницами лежали обрывки бумаги, списки белья и записки от миссис Тренгроуз, несомненно, отброшенные в сторону, тут же забытые при лихорадочном приготовлении новых порций зелья. Я наскоро пробежала их, когда наткнулась на лист дешевой бумаги с названием едва ли респектабельного отеля для женщин в Лондоне. Приветствия не было, и текст начинался с середины абзаца. Первая страница была потеряна, но я сразу же узнала этот живой почерк:

... почему я так ужасно отчаялась. Не могу описать тебе ужас этого места. Жуки в кроватях и мухи в ванной, и, о, Мертензия! Насколько легче я могла бы вынести это, если бы ты была здесь. Помнишь веселые времена в школе? Несколько коротких месяцев, самое счастливое время, что я когда-либо знала, благодаря твоей дружбе. Комки в каше и еще больше комков в кровати — ничто, когда я слушала твои истории о Сан-Маддерне! Русалки, великаны и пикси — я их всех помню, все, что ты мне

рассказывала. Как я завидовала тебе, моя дорогая: назвать такое место своим домом. Я думала, что ничто в мире не может быть прекраснее, чем жить в этом замке, хотя бы знать, что подобное великолепие существует где-то в мире. Я не должна тебе этого говорить, милая Мертензия, но мне страшно и грустно думать о будущем. Мне не нужно воображать; я знаю так же ясно, как если бы это была картина, которую кто-то нарисовал и повесил на стену. Я состарюсь в гувернантках, каждый год худея и грустя, торопясь выполнять приказы других. Никогда не имея собственного дома, ни мужа, ни детей, ни одного дюйма земли, которая принадлежит мне. Ничего моего, кроме полки с книгами и горстки платков. Какая пустынная мысль! Я знаю, что должна следовать своей судьбе, как Андромеда к Кракену, готовая быть прикованной цепью к скале и ждать моей гибели. Но нет никакого героического Персея, который спас бы меня. Я сама должна сломать свои собственные цепи. Мертензия! Ты мне поможешь? Ради нашей дружбы, я напоминаю тебе обещание, которое ты дала ...

Письмо на этом остановилось, следующих страниц я не нашла.

— Это восхитительно, — выдохнула я. Я прочитала письмо Стокеру, пока он ковырялся в склянках и банках на полке.

— Немного вымогательно, — изрек он, когда я закончила. Я сунула страницу обратно в книгу, туда, где нашла.

— Мне ее ужасно жаль. Розамунда определенно страшилась своего следующего поста в Индии. Ее перспективы были совершенно мрачными.

— Не такими мрачными, как эта, — прокомментировал Стокер, внимательно обследуя бутылку, снятую с полки.

— Что это? — поинтересовалась я.

— Белена. Используется для лечения ревматизма или проблем с дыханием, но даже капля может быть смертельна. Здесь полно смертоносных вещей: дурман, никотиана, мак. Обладают как лекарственными, так и токсичными свойствами. Она очень старалась отметить их как опасные. — Стокер указал на ряд бутылок.

Остерегайся сестры, предупредила Матушка Нэнс. Я подошла к бутылкам и осмотрела их.

На каждом из них Мертензия перечислила ингредиенты рядом с крошечным черным черепом, обведенным чернилами, настолько тонкими, что это могли быть шелковые нити, наложенные на этикетку. Я сжала губы в беззвучном свистке.

— Итак, не только время от времени сломанная кость или

расстройство желудка, — пробормотала я. — Мертензия дает жизнь и смерть людям этого острова.

— Ничего такого зловещего, — Мертензия бесшумно вошла в комнату.

Она несла корзину с дровами, и Стокер поспешил забрать их у нее.

— Спасибо. Думаю, надо подложить еще одно небольшое поленце, чтобы печь оставалась горячей, — подсказала она. Он выполнил приказ, разжигая огонь с помощью кочерги, прежде чем положить кусок дерева на вершину. Мертензия надела фартук поверх одежды, длинный, от плеч до подола, рукава были подвернуты, волосы беспорядочно заправлены в сетку.

— Я приготовила наперстянку для Матушки Нэнс. Время от времени ее сердце барахлит, и препарат был одобрен доктором на материке. У других тоже есть свое применение, — внесла ясность она, выщипывая сушеный ассортимент трав из пучков, привязанных к балкам над головой. — Больше арники для ваших синяков, — добавила Мертензия, глядя на Стокера. — И для Тибериуса. Вы вдвоем сумели использовать все мои запасы. — Она слегка улыбнулась, но улыбка не задержалась.

— Вы волнуетесь за Малкольма, — предположил Стокер.

— Не похоже, чтобы он был таким безответственным, — она собрала остальные ингредиенты. — Тренни сказала, что мне следует занять себя делом. Без сомнения, он придет к закату, как говорит Тибериус, и посмеется над нами, что мы так волновались понапрасну. — Тон был легкий, но глаза затенены.

— Мы обыскали замок и не нашли его следов, — доложила я. — Но зато обнаружили доказательства того, что Хелен мошенница, а не медиум.

Она фыркнула.

— Я могла бы вам сказать это. Она провела здесь все лето без намека на то, что у нее могут быть подобные таланты. И как только уехала отсюда, стала мадам Еленой. Гротескная шутка. — Мертензия разбив высушенную арнику на мелкие кусочки, бросила их в мелкую каменную ступку. Затем взяла пестик из того же материала и начала медленно шлифовать ломкие листья.

— Хелен сказала, что должна была обеспечивать себя и Каспиана.

— У нее есть небольшой аннуитет от Сан-Маддерна, который Малкольм организовал после смерти Люциана. Если ей нужно больше, Хелен стоило только попросить, и Малкольм приютил бы их, — проронила она. — Вдова и ребенок Люциана никогда бы не оказались на морозе.

— Вероятно, — размышляла я вслух. — Но гордыне трудно выпрашивать деньги как милостыню. Кажется, я слышала, Малкольм отказал Каспиану в просьбе о кредите только вчера. Дискуссия

обострилась.

Рука Мертензии на мгновение замерла, но она отчеканила упрямо:

— Я ничего об этом не знаю.

— Тогда, возможно, вы захотите рассказать нам о своей ссоре с Розамундой за ночь до ее исчезновения, — сладко сказала я.

Она бросила пестик с громким треском. Стокер, стоящий рядом, тут же положил руку ей на локоть, его манера говорить стала нежной.

— Мертензия, я уверен, что это была какая-то ерунда, — начал он.

Мертензия уклонилась от его руки, глядя на него с внезапным подозрением.

— Вот как вы двое играете? Она швыряет обвинения, а вы приглаживаете взъерошенные перья?

Стокер не смотрел на меня.

— Я знаю, что так может казаться...

— Казаться! Вы ее создание, — сорвалось хлестко у нее с языка. — Танцуете под ее мелодию. Притворяетесь добрым, затаившись в ожидании, как паук.

— Вы не ответили на вопрос, — я резко потребовала внимания.

Она вернулась к своей работе, взяв пестик дрожащими пальцами.

— Да, мы поссорились. Розамунда наконец-то решила показать свое истинное лицо.

— Как?

Ее сопротивление выдохлось. Мертензия заговорила, растирая травы, глаза избегали встречаться с моими, спина наполовину повернулась к Стокеру:

— Розамунда сказала мне, что после женитьбы на ней Малкольма все будет иначе. Сказала, что у нее есть планы — на деревню, на домашнее хозяйство. Я ответила, что не против, если она захочет внести изменения в замок. Это ее право хозяйки. Пока у меня есть мой сад, я счастлива.

Ее голос дрогнул, и я увидела, как побелели костяшки пальцев, когда она растирала листья в порошок.

— Розамунда хотела ваш сад, не так ли?

— Все эти годы работы, и она хотела уничтожить его. Она хотела розы и пионы в саду, — сказала Мертензия, с силой выплевывая слова. — Хотела снести весь ядовитый сад, засадить все красивыми цветами вместо отвратительных ядовитых растений, которые ей были противны.

Голос Стокера был теплым и полон сочувствия:

— Должно быть, это было похоже на предательство.

— Так и было, — призналась она. Потом она неохотно посмотрела на

него. — Я так надеялась, что у меня появится сестра. У меня никогда не было умения легко заводить друзей, а эти несколько коротких месяцев в школе мы были с Розамундой неразлучны. Но когда она приехала тем летом, чтобы остаться здесь, все отличалось от того, что я ожидала.

— Как? — мягко спросила я.

— Сложно сказать. Тибериус и Малкольм постоянно суеились вокруг нее, танцевали, катались на лошадях и соревновались в гребле. Она монополизировала их, но я не была удивлена. Между Тибериусом и Малкольмом всегда было здоровое соперничество. Типичная пара друзей, хвастающаяся победами. Когда Тибериус уехал, все стало тише. Я не замечала, что происходило с Малкольмом, все еще не верила, что из этого что-то выйдет. Он просто так гордился островом, а ей все было интересно.

Она посмотрела на грязный зеленый порошок в своей ступке.

— Я все испортила, — сказала Мертензия скучным голосом. Она бросила порошок в огонь и снова начала со свежей гроздью листьев.

— Затем они объявили о своей помолвке, и в течение нескольких недель Розамунда казалась другой, более спокойной. Я сталкивалась с ней иногда. Она часто сидела, погруженная в мысли. Когда она оставалась с Малкольмом, ее настроение менялось. В ней было какое-то безрассудство, некий дьявольский блеск в глазах, который я не могла понять. Я предполагала, что она утешится браком. У нее было все, что она когда-либо хотела. Но Розамунда никогда не была безмятежной. Или задумчивая тишина, или беспокойное веселье, ничего промежуточного. Ни настоящего счастья, ни подлинной любви к Малкольму. Я столкнулась с Розамундой за ночь до их свадьбы. Именно тогда она сказала мне, что я не должна беспокоиться о ней. У нее все было запланировано.

Руки Мертензии замерли. Когда она заговорила, ее голос был монотонным, глаза устремлены на невидимую точку вдаль.

— Розамунда говорила часами. Она рассказала мне все, что хотела сделать, каждый способ взять на себя ответственность за остров. Видите ли, я не понимала, как сильно она злилась на меня, когда мы учились в школе. Я думала, что мы были равны, несчастные маленькие девочки, связанные нашим несчастьем. Но Розамунда видела вещи по-другому. В ней была настороженность, которую я никогда не замечала, хрупкость. Это создало странную атмосферу тем летом. Воздух был тяжелым, как будто ожидался шторм. А потом я обнаружила, что она заняла мое место.

— Каким образом? — голос Стокера стал низким и уговаривающим.

— Забота о жителях острова всегда была обязанностью семьи. Моя мама делала это. После ее смерти, пока я не повзрослела, Тренни наносила

визиты. Она учила меня, как упаковать корзины, что выбрать, чем обеспечить максимальный комфорт. Бульон с вином и яичным желтком для кормящей матери, желе из телячьей стопы для сломанной ноги, как я это делала сегодня. На острове не было очага, рядом с которым я не сидела, разогревала суп и вязала носки. Однажды я приготовила немного кошачьего когтя для старой миссис Полглаз. У нее ревматизм, и кошачий коготь — лучшее лекарство. Раньше я регулярно приносила ей бутылочку, но в то лето было так много дел, что я забыла про нее. Мне стало плохо, когда я поняла, сколько времени прошло. Я пошла в коттедж Полглазов. Когда я туда попала, Розамунда уже была там и читала миссис Полглаз. Она взяла бутылку тоника, что я приготовила, и принесла с собой. Когда я приехала, они весело смеялись. Это был первый из многих подобных случаев. В конце концов я запретила ей входить в кладовую, чтобы брать мои лекарства, но это не остановило ее. Она просто улыбнулась, как кошка со сливками, и занялась своими трюками. Она уговорила кухарку разливать по бутылкам суп, вязала шали, носила с собой книги. Люди начали говорить о том, насколько она вдумчива, насколько внимательна. Она даже занялась организацией цветов в церкви, срезала мои лучшие розы, не оставляя мне ни малейшего шанса. Куда бы я ни пошла, Розамунда попадала туда первой. Казалось, будто меня стирали. Вы видели, как это было с миссис Полглаз. Жители деревни боготворили ее. Я начала понимать, на что это будет похоже, когда она выйдет замуж за Малкольма. Здесь просто не было бы для меня места.

Мы со Стокером переглянулись. Мертензия, казалось, совершенно не осознавала, что только что призналась в мощном мотиве для убийства. Я почти незаметно кивнула, и он слегка двинулся вперед, стараясь не прикасаться к ней, говоря мягким медовым тоном, который всегда вызывал у меня дрожь в позвоночнике:

— Должно быть, она разбила ваше сердце. Вы не могли оставить Сан-Маддерн. Вы такая же часть этого места, как и само море.

Мертензия медленно кивнула, пестик снова выскользнул из ее рук. Слезы стояли в ее глазах, она повернулась, как-будто почти против воли, и спрятала лицо в его рубашке. Стокер обнял ее, крепко обхватив мускулистыми руками, бормоча что-то успокаивающее. Я не могла расслышать что — слова предназначались лишь для нее. Мертензия долго рыдала; затем ее плечи успокоились, и она расслабилась в его руках.

— Извините, — сказала она, пытаясь восстановить самообладание.

Но Стокер крепко держал ее за руку, когда доставал из кармана носовой платок огромного размера из алого льна. Она взяла его с

благодарной, водянистой улыбкой.

— Мне жаль, что я была так груба с вами. На самом деле я не верю, что вы ее создание. — Мертензия даже не смотрела на меня, когда говорила. Ее глаза обожали Стокера.

— Я во многом сам по себе, — заверил ее он. — Вы когда-нибудь противостояли Розамунде? Рассказали ей, что вы чувствуете?

Она кивнула.

— Из этого мало что вышло хорошего. Розамунда просто засмеялась и сказала, что я смешна. Затем уронила несколько случайных замечаний о том, что в Сан-Маддерне все меняется к лучшему. И я пошла плакать в сад. Хелен нашла меня там, я рассказала ей, что случилось. Она отвела меня к Тренни, который дала мне теплого молока и уложила спать. Тренни сказала, что все это буря в стакане воды, и все уладится после хорошего ночного сна.

— Отличный совет, — подтвердил Стокер.

Слабая улыбка углубилась.

— Полагаю. Свадьба была тягостна для меня, невыносимо притворяться счастливой за них. Но затем она исчезла, и стало намного хуже! Я думала, самым трудным будет, когда Розамунда станет жить здесь, но это ничто по сравнению с подозрением, шепотом, газетами. Незнание — вот что дьявольски мучительно.

— Кажется, все происшедшее очень сильно повлияло на Малкольма.

При упоминании брата ее лицо закрылось. Мертензия осторожно освободилась из объятий Стокера и подняла свой пестик с вынужденной улыбкой.

— Я уверена, что у Вероники есть дела поважнее, чем слушать мои стоны о семье.

— Совсем нет, — откликнулась я. — Убеждена, что исчезновение Малкольма связано с исчезновением Розамунды. Если мы узнаем правду о ее местонахождении, без сомнения, мы можем сделать то же самое для него.

— Надеюсь, вы правы. — Она больше ничего не сказала, это был сигнал для нас уходить. Когда мы выходили из кладовой, я увидела угол алого платка, выглядывающего из кармана. Ее палец потянулся, чтобы погладить его, когда мы закрывали за собой дверь.

— Ну, это могло бы пройти лучше, — заключила я с некоторым раздражением.

Стокер пожал плечами.

— Мы узнали о способности Розамунды манипулировать благодаря этому куску письма. Подтвердили, что произошла ссора без последствий. Неизвестно, говорит ли Мертензия правду, но я склонен ей верить. Она простая, откровенная женщина. Думаю, у нее нет таланта к обману.

— И лишь она да пропавшая Розамунда — свидетели этого, так что мы никогда не узнаем.

Выражение его лица было обличающим.

— Можешь ли ты найти для нее милосердие в своем сердце? Мертензия — надежный человек.

Я не ответила на эту сентенцию и начала спускаться по коридору, каблучки моих домашних туфель раздраженно звенели на камнях. Стокер догнал меня, его руки были глубоко засунуты в карманы.

— Куда мы идем сейчас?

— Найти миссис Тренгроуз. Она видела Мертензию после ссоры с Розамундой. Возможно, она сможет пролить свет на этот вопрос.

— Отлично, — он погладил свой плоский живот. — Я не против перекусить.

— Если ты голоден, можешь не ходить со мной, — рассердилась я. — Иди и набей себе живот, как гусь Майклмас, мне все равно.

— Потому что ты можешь делать все самостоятельно — он остановился. — Прости меня. Совсем забыл, что ты отказываешься принимать чью-либо помощь, настаиваешь на том, что никогда ни в ком не нуждалась. Отлично. У меня тоже есть несколько вещей, которые нужно расследовать самостоятельно.

Я повернулась к нему лицом.

— Например? — потребовала я.

— Не беспокойся об этом, — мускулы его челюсти напряглись, когда он цедил слова сквозь стиснутые зубы. — Но думаю, что пришло время поднести элегантные пятки моего брата к огню.

С этими словами он ловко повернулся на каблучках, оставив меня озадаченно смотреть вслед.

— Что на него напало? — пробурчала я.

В этот момент Дейзи повернула за угол; ее руки были полны свежевывстиранных простыней, пахнущих — я поблагодарила Всевышнего! — отнюдь не куриным пометом.

— Прошу прощения, мисс. Вам было что-то нужно?

— Я искала миссис Тренгроуз. У меня есть вопрос насчет мисс Розамунды.

— Миссис Тренгроуз где-то здесь, без сомнения. Верно, следит за приготовлениями к обеду. — Горничная остановилась, пристально глядя на меня. — Я слышала, вы сегодня отправились в деревню, мисс, помимо посещения коттеджа Полглазов. И вам гадали по руке.

— Как вы... — я замолчала, внезапно увидев сходство с деревенской ведьмой и вспомнив, как Дейзи с некоторой фамильярностью ругала молодого Питера. — Вы родня с Матушкой Нэнс. Внучка?

— Племянница, — сказала она с усмешкой

— И полагаю, именно так она узнает обо всем, что происходит в замке? Вы прикладываете ухо к земле и скармливаете ей информацию, поэтому, когда к ней приходят гости замка Ромилли, Матушка Нэнс кажется всезнающей?

— Ах, просто небольшое развлечение, мисс! Она зарабатывает пару монет сверху, и всегда посылает мне несколько пенни за это.

Ее взгляд был нахальным, но я не могла обидеться на эту предприимчивую парочку.

— Вы сказали тетушке, что миссис Хелен боится призраков, не так ли? И вот как она знала, что стоит предложить ей защитный амулет?

Дейзи улыбнулась.

— Это и есть защитный амулет, мисс. У Матушки Нэнс завалялась эта старая монета с незапамятных времен. Миссис Хелен чувствует себя намного лучше после этого, не так ли?

Я вспомнила как отчаянно хваталась Хелен за амулет.

— Полагаю, что так. — Я осмотрела коридор, убедившись, что мы одни. — Дейзи, вы когда-нибудь говорили Матушке Нэнс о мисс Розамунде? Было ли что-то, что вы подметили, нашли любопытным?

Ее рот сжался.

— Я не хочу говорить, мисс. Не подходит такое говорить настоящим леди.

— Я не настоящая леди, — успокоила ее я. — Теперь расскажите мне. Жизнь вашего хозяина может зависеть от этого.

Ее глаза округлились.

— Хозяина? Я не могу понять, как это может быть, но хорошо, мисс. Да. Я кое-что заметила. — Она взглянула на простыни в руках. — Я каждый день меняла мисс Розамунде простыни. Я стирала все ее белье самолично, банное и личное. И за три месяца, что она была здесь, у нее были месячные только один раз.

Я моргнула.

— Извините меня, пожалуйста?

— Ее месячные, мисс. У нее шла кровь в первый месяц, но не после.

— У Розамунды должен был быть ребенок, — до меня дошло наконец.

— Да, мисс. Ее тошнило раз или два утром. Ничего такого плохого, как я видела у своих сестер, — сообщила Дейзи. — Но, тем не менее, тошнило. Я все вычистила, и она дала мне шиллинг, чтобы я об этом молчала. И я молчала, — твердо добавила она. — Я никогда не говорила Матушке Нэнс, хотя она могла бы заработать несколько шиллингов на талисманы для родов. Но все было еще более трагично, когда она исчезла, мисс. Исчезла не только она, это был сын хозяина, — Дейзи печально покачала головой.

Но у меня была совершенно другая мысль.

* * *

После разговора с Дейзи я отправилась в свою комнату, чтобы смыть все пыльные следы обыска, вытащить паутину из волос и стереть пятна с щек. Освежившись, я нашла Тибериуса в бильярдной со Стокером. Они не играли, просто сидели, глубоко погружаясь в кожаные кресла, курили и ничего не говорили.

Я подошла и села на пуфик у ног Тибериуса, полностью игнорируя Стокера. Я наклонилась вперед, положив ладони на руки Тибериуса.

— Вы знали?

Его брови изогнулись с любопытством.

— Я знал?

Я усилила хватку, не отрывая от него взгляда.

— Вы знали?

Тибериус долго молчал, и когда заговорил, ответил мне комплиментом правды:

— Знал.

— Как? Это было в телеграмме, которую она послала вам до того, как вышла за него замуж?

Он медленно кивнул. Стокер зашевелился, однако не стал вмешиваться в наш диалог.

— К тому времени, когда я получил телеграмму, она уже пропала, и мой ребенок с ней, — сказал Тибериус. Глаза Стокера блестели от вопроса, но я продолжала игнорировать его.

— Тибериус, вы не были откровенны с нами. Расскажите нам сейчас,

почему вы приехали сюда.

Выражение его лица ожесточилось.

— Малькольм женился на женщине, которую я любил, и по какой-то причине подвел ее. — подвел так сильно, что она сбежала. Или покончила с собой. Или была убита. Если кто-то преследует сейчас Малкольма, то я хотел бы знать, кто, чтобы пожать его руку и выразить благодарность.

Я никогда не слышала, чтобы он говорил так горько, и не сразу смогла сформулировать ответ.

— Вы удивили меня, мой лорд, — с мягким укором сказала я. — Я не осознавала, что вы разделяете способность Стокера к ярости.

— Разделяю? — его голос сочился сарказмом. — Моя дорогая леди, я научил его этому. Теперь мне бы очень хотелось узнать правду о том, что случилось с Малкольмом.

— И с Розамундой, — уверенно вставил Стокер.

Братья сошлись в позе, которая, без сомнения, была им знакома с драк их детства.

— Да. Я хочу точно знать, что с ней случилось.

— Ну, я рад, что ты достаточно мужчина и способен признаться, что у тебя есть скрытая цель.

Красивый рот Тибериуса изогнулся.

— Брат мой, я думал, ты давно узнал — даже мои скрытые цели имеют скрытые цели.

Стокер вернул улыбку.

— Например, убить Малкольма Ромилли?

Я моргнула.

— Стокер, ради Бога, что...

— Я обыскал комнату Тибериуса, пока ты разговаривала с Дейзи. В его сумке спрятан револьвер. Его светлость обычно не путешествует с пистолетом; и сонный остров у побережья Корнуолла не похож на улей опасной преступной деятельности. Почему он решил вооружиться на этот раз, спросил я себя. Зачем вообще приезжать сюда и страдать, для чего воскрешать пытку исчезновения Розамунды? Если только он не решил взять дело в свои руки.

— Стокер, ты не можешь...

— Обвинять моего собственного брата в заговоре с целью убийства? Конечно могу. На самом деле, я обвиняю его в этом.

— Чертов дурак, — начал Тибериус с тонкой улыбкой.

— Я? — Стокер скрестил руки на груди. — Я поставлю свою жизнь на то, чтобы ты, Ваше сиятельство, по уши в этом бизнесе.

Они стояли лицом к лицу в течение долгой, перехватывающей дыхание минуты. Не было никакого звука, кроме тиканья особенно уродливых каминных часов, пока, наконец, Тибериус не выдохнул и не опустил плечи.

— Отлично. Я приехал сюда, чтобы убить Малкольма. Достаточно ли для тебя устного признания или я должен написать это кровью моего сердца?

Выражение лица Стокера не изменилось, но я поймала торжествующее мерцание в его глазах. Я поспешила заговорить, прежде чем он бы подтолкнул своего брата к дальнейшему насилию:

— Тибериус, возможно, вам стоит рассказать все с самого начала.

Он пожал плечами.

— Нечего рассказывать. Когда Розамунда исчезла, никто точно не знал, что произошло. Теорий было предостаточно, каждая из них более дикая, чем предыдущая. Было высказано предположение, что она бросилась в море или уплыла на попутной лодке. Некоторые говорили, что ее убили, другие — что она превратилась в голубя и улетела с западным ветром. Этот последний вклад внесли более суеверные жители деревни, — добавил он с холодной улыбкой. — Ничего не было найдено: ни тела, ни записки, ни свидетелей. Так или иначе, никогда не могли объяснить, что с ней случилось. Малькольму сообщили, что он может подать заявление, чтобы объявить ее законно мертвой, если о ней не услышат в течение семи лет. В течение трех лет ничего не происходило. Затем, совершенно неожиданно, Малкольм написал мне две недели назад. Он известил, что обнаружил доказательства: Розамунда не покидала остров по собственной воле. Просил, чтобы я приехал сюда, потому что он задался целью узнать правду.

— Он сказал вам что-нибудь еще? — подтолкнула я.

— Нет. Малкольм доверял мне, поскольку я не был здесь во время ее исчезновения. Он знал, что мы с Розамундой были едва знакомы, и следовательно, у меня не было мотивов причинить ей вред. Я воспринял как насмешку его спокойную уверенность. Я перечитывал письмо снова и снова, и вдруг мне пришло в голову: *что если он знал?* Возможно, он обнаружил наши чувства совершенно случайно. Розамунда вела дневник, и не всегда была с ним осторожна. Вдруг Малкольм прочитал его и узнал о наших отношениях? Что если он намеревался заманить меня сюда под ложным предлогом? Могла ли служанка знать? Или Розамунда доверилась своей однокласснице Мертензии? Чем дольше я размышлял над этим вопросом, тем больше возможных просчетов представлял. И любой из них мог разоблачить нас.

— Поэтому вы решили приехать и открыть для себя правду.

— Больше, чем это. Меня всегда возмущало, что он не смог помешать — чтобы с ней ни случилось. Она сбежала? Тогда он, скорее всего, был источником ее несчастья. Выбирая Малкольма в мужа, она верила, что он принесет ей утешение и партнерство. Каким-то образом он подвел ее. А потом пришло письмо, в котором он утверждал, якобы у него есть доказательства, что ей был причинен вред. Именно тогда я рассердился, слепо, бешено разозлился. Я как заведенный думал лишь об одном: он смог сделать нечто, в чем мне было отказано — жениться на женщине, которую любил — и он потерял ее. Он не обеспечил ее безопасность, не защитил. Я жаждал справедливости ради Розамунды: найти убийцу и наказать человека, который позволил этому случиться. Поэтому я решил приехать сюда, и осуществить справедливость, если понадобится.

— Как мы вписались в ваш план? — спросила я.

Тибериус улыбнулся.

— Никогда раньше не совершал убийств. Я думал, что мне может быть необходим сообщник.

— И вы ожидали, что мы окажем эту помощь? Действительно, Тибериус. Вы заходите слишком далеко, — упрекнула его я.

— Неужели? Вы не слишком озабочены законом, ни один из вас, — Тибериус перевел взгляд с меня на Стокера. — Вы заботитесь о справедливости, но не о том, как она достигается. Если бы я казнил убийцу, вы бы дали показания против меня? Или помогли бы мне спрятать тело?

— Почему понадобилось притворство? — потребовала я. — Почему бы просто не объяснить, какую цель вы преследовали?

— Вряд ли подобное можно просить запросто. Нельзя приглашать людей участвовать в оправданном убийстве. Но я думал, что если бы привез вас сюда, и вы могли все увидеть сами, вы бы сочувствовали мне.

— Вы не пригласили Стокера, — напомнила я. — На самом деле, когда он спросил, нельзя ли ему приехать, вы специально сказали ему, что он не может.

Улыбка Тибериуса была терпеливо-снисходительной.

— Моя дорогая Вероника, вы еще не поняли: самый верный способ гарантировать, что Стокер сделает что-то, сказать ему, что он не может? Он в два раза больше хотел приехать из-за того, что ему отказали в приглашении.

— Из всех дьявольских, манипулятивных... — начал Стокер.

Тибериус поднял палец.

— Эффективно! Я знаю, как маневрировать с тобой с наших дней в детской. Ты не изменился.

— Как и ты, — с горечью ответил Стокер. — Мы братья, Тибериус. Ты мог бы сказать мне правду.

— Как это делал ты, когда Кэролайн де Морган пыталась накинуть петлю на твою шею? — задал вопрос Тибериус. — Ты никогда не обращался ко мне за помощью. Зачем мне возвращать услугу?

Вопрос беспокойно висел между ними, тишина была тяжела от упреков.

— Ты убил Малкольма? — прямо спросил Стокер.

Тибериус наклонил голову и с любопытством посмотрел на брата.

— Я не могу решить, какой ответ ты предпочел бы. Услышать, что твой брат так же способен на жестокое насилие, как и ты? Или услышать, что он все-таки лучше тебя и способен противостоять самому первостепенному инстинкту — убийству.

— Тиб, — почти нежно позвал Стокер. Он никогда раньше не обращался к брату, используя это прозвище. Реликвия детства? Я задавалась вопросом, сколько времени прошло с тех пор, как Стокер, или кто-то еще называл его так, этого элегантного и сломленного человека.

Тибериус глубоко вздохнул и откинул плечи назад.

— Я не убивал. Я приехал сюда с намерением убить его и еще могу это сделать. Но пока не тронул и волоска у него на голове. Даю слово — не как сын нашего отца, а как сын нашей матери.

Стокер посмотрел на него долгим, ровным взглядом и кивнул.

— Я верю тебе. И сделаю все от меня зависящее, чтобы ты не стал убийцей.

— Ты можешь пытаться остановить меня, — холодно заверил его светлость, — но у тебя ничего не получится.

— Вы должны еще раз подумать, — вмешалась я. — Убийство на совести — дело нелегкое. Говорю из опыта.

Рот его светлости ослаб, но прежде чем он успел что-то спросить, я подняла руку.

— Теперь о делах. Мы должны быть логичными и научными в нашем методе. Если вы не убили Малкольма, где он?

— Вы хотите, чтобы я дал вам слово? — прогремел Тибериус. — Я не имею никакого отношения к исчезновению Малкольма Ромилли. Но клянусь вам, клянусь всем, что мне дорого в этом мире и в следующем: если мы найдем его, и будет доказано, что он имел какое-то отношение к смерти Розамунды, я вырву его бьющееся сердце голыми руками.

Он тяжело дышал, единственный звук в тугой тишине комнаты. Именно тогда появилась миссис Тренгроуз с выражением беспокойства на

лице.

— Мой лорд! Вот вы где. Я не знаю, что делать, — воскликнула она, торопливо продвигаясь вперед.

— Я здесь. Что такое, миссис Тренгроуз?

Она колебалась.

— Это, вероятно, ничего, мой лорд, но я нашла что-то на западном пляже, за туннелями. Я не знаю, что это значит, понимаете, и поэтому боюсь, очень боюсь, вдруг это означает, что хозяин не вернется.

— Что вы нашли? — спросил Стокер в самой мягкой манере.

Она покачала головой, серебряные нити блестели в свете лампы.

— Я не могу сказать правильно. Это ничто из того, что я когда-либо видела. Но я... — ее голос прервался, она разразилась рыданиями.

Стокер успокаивающе похлопал ее по плечу.

— Мы пойдем посмотрим.

Мы последовали за миссис Тренгроуз через дом и спустились на кухню.

— Где персонал? — спросила я, когда мы пробирались через обычно шумные помещения.

— Ужинают, — сказала она. — Какао, хлеб с маслом — до того, как они закончат приготовление к обеду.

Стокер с благодарностью принялся к аромату какао, пока она вела нас к туннелям, зажигая для нас лампы и открывая ворота. Экономка взяла фонарь и пошла первой через узкий проход. Я следовала за миссис Тренгроуз, которая продолжала непрерывно болтать, пока мы шли к пляжу, а братья шли позади.

Мы вышли на пляж в тот момент, когда солнце садилось за Сестрами, темное розовое золото света превращалось в серебристо-серый флер. На берег у кромки воды была вытащена крошечная лодка, и миссис Тренгроуз направилась к ней, спеша по гальке. Волны поднимались в вечернем ветре, кружевные белые колпачки плясали на каждом на гребне.

— Внутри лодки, — указала миссис Тренгроуз, высоко поднимая фонарь, чтобы мы могли видеть. — Прямо там.

Темплтон-Вейны взобрались в маленькое суденышко, Тибериус медленнее, чем Стокер. Они стояли, какое-то мгновение оглядываясь, прежде чем повернуться к миссис Тренгроуз в растерянности.

— Теперь вы, мисс Спидвелл, — приказала она. — В лодку!

В одной руке она все еще держала высоко поднятый фонарь, освещая дорогу. А в другой она держала револьвер, направленный мне в сердце.

Глава 18

— Ну, это неожиданно, — заметил Стокер со своим старым высокомерием.

— Знаю, — сказала экономка, тонко улыбаясь. — Если бы вы ожидали этого, сэр, вы бы никогда не пришли. Теперь, в лодку, мисс. Я не буду просить второй раз.

Я выполнила приказ по той простой причине, что не видела никакой вероятной альтернативы. Я слишком далеко стояла, чтобы разоружить ее, как и Темплтон-Вейны. Стокер вытянул руку и закрепив одну ногу в сапоге на фальшборте, быстро поднял меня, чтобы я встала между ним и Тибериусом.

— Что теперь? — спросил он.

— Вы погребете к Первой Сестре, — приказала женщина, кивая в сторону скалы.

— А если мы откажемся, вы застрелите нас? — догадался он.

— Начиная с мисс Спидвелл, — заверила миссис Тренгроуз.

— Что если мы немного отплывем и повернем назад? — спросил Тибериус.

— Тогда я пристрелю ее, прежде чем вы доберетесь до пляжа, — пообещала она. — Ваш выбор прост, мой лорд. Вы и ваш брат гребете с мисс Спидвелл к скалам или рискуете ее жизнью.

Тибериус открыл рот, но Стокер сунул весло ему в руки.

— Заткнись и греби, Тибериус, — приказал он.

— У меня есть ряд вопросов, — обратилась я к миссис Тренгроуз.

Она снова улыбнулась, но это была дрожащая, тревожная улыбка.

— Уверена, что у вас есть вопросы, но я не закоренелый преступник, мисс Спидвелл. Мне не доставляют наслаждения подобные вещи, и чем дольше вы задерживаетесь на этом пляже, тем больше я нервничаю, — проиллюстрировала она свое признание, размахивая револьвером.

— Ради бога, садись, — потребовал Стокер, довольно сильно дергая мою юбку, чтобы я упала на дно лодки. Без преамбул он спрыгнул с лодки и сильно толкнул ее, спустив в воду. Он внимательно посмотрел на миссис Тренгроуз, оценивая расстояние между ними. Но она твердо держала пистолет, направленный на меня, и Стокер снова занял свое место в лодке, подняв весло.

Мы были на полпути к острову, прежде чем осмелились заговорить,

сдерживая голоса, чтобы слова не долетели через воду к злодейке, застывшей с высоко поднятым фонарем на пляже, наблюдая за нашим продвижением.

— Так помог твой арсенал ножей, — съязвил Стокер. Его лицо было маской боли, когда он греб. Он с трудом снял свое пальто, и на белом белье его рукава зацвела кровь.

— Могу только предположить, что твое плохое настроение — результат разошедшихся швов от гребли, — я холодно отразила удар. — Так получилось, что я не надела ни свои ботинки, ни свой фиолетовый корсет, и мне показалось немного чрезмерным привязывать нож к икре для чаепития. Я буду умнее в следующий раз.

— В следующий раз, — отозвался он гулким эхом.

— Теперь давайте обратим нашу значительную энергию и интеллект к рассмотрению проблемы. Что если грести вокруг острова? — предложила я. — Когда окажемся за пределами дистанции для приличного выстрела, мы могли бы рискнуть поплыть за другую сторону острова. Мы найдем там помощь.

— Течение будет нести нас в неверном направлении, — категорически забраковал мою идею Стокер. — Мы не можем грести против него вокруг острова.

— Тогда что, если мы...

Стокер дернул головой.

— Мы не можем делать ничего, кроме того, что она приказала. — Он посмотрел вниз между ног, и я поняла, что холод, который чувствовала, не был просто нервным. Морская вода просачивалась в лодку, наполняя крошечный корпус.

Тибериус выругался и сильнее налег на весла.

— Она хочет утопить нас.

— Нет, она обеспечивает наше подчинение, — поправила я. — Если бы она хотела, чтобы мы утонули, она бы сделала большую дыру. — Я осмотрела серию маленьких проколов, пробуренных в корпусе. Опилки плавали на поверхности воды, и я поняла, что она, должно быть, повредила лодку как раз перед тем, как нас найти. Несколько других гранул плавали на поверхности, и я потеряла их между пальцами, растворяя их.

— Сахар, — объявила я. — Она, должно быть, заполнила отверстия сахаром, чтобы лодка продержалась на плаву достаточно долго, и мы могли убраться подальше от пляжа.

Стокер и Тибериус гребли изо всех сил к маленькому острову, и мы достигли его, когда мои юбки начали плавать. Мы были мокрыми до пояса.

Тибериус перепрыгнул через боковую сторону на скользкую скалу, протягивая мне руки. Я подпрыгнула, опасно качнув лодку, пока Стокер переводил дух. Вода почти дошла до бортов лодки, и одним быстрым рывком Стокер прыгнул к скале, столкнув лодку под воду.

— Ну, это исключает идею, что мы сможем грести обратно, — задумчиво заключил Тибериус.

Я осмотрелась вокруг. Сплошной огромный камень, в основном плоский, немного поднимающийся из воды. Он был покрыт водорослями и насквозь продувался ветрами. Я дрожала в своей мокрой одежде и, не говоря ни слова, мы втроем сгруппировались в центре скалы. Некоторое время мы молчали, наблюдая, как гаснет последний серый свет, и начинают мигать звезды. Долгое время теплый золотистый свет фонаря миссис Тренгроуз парил через узкий канал, словно светлячок в сгущающейся темноте, прежде чем, наконец, запрыгал прочь.

Стокер повернулся к горизонту, где море простиралось до конца света, продекламировав:

— *«Огромный, соленый, страшный, вечно глубокий».*

— Китс? — спросила я.

— Байрон, на самом деле.

— В то время как вы двое болтаете о поэзии, я хотел бы отметить, что миссис Тренгроуз хорошо и по-настоящему ушла, — подпустил шпильку Тибериус. — А мы — жертвы кораблекрушения.

— И я без фляжки, — легко сказал Стокер.

Я достала фляжку из-под моей юбки.

— Возьми мою, — предложила я, передавая маленькую плоскую бутылку *aguardiente*, которую всегда носила с собой.

— Слава Богу, — Стокер сделал длинный глоток и щедро предложил фляжку Тибериусу, но тот с содроганием отказался.

— Не очень хороший план, эта идея миссис Тренгроуз, — пробурчал виконт. — Она вытащила нас сюда, что теперь? Мы проведем неудобную ночь и затем поприветствуем проходящую лодку. Она, допустим, купила себе несколько часов спокойствия, чтобы завершить любые дьявольские махинации, но не может надеяться, что избежит встречи с нами.

Стокер долго смотрел на меня в свете звезд, прежде чем взглянуть на горизонт, где поднималась луна, огромная и матово-белая как агат, проливая свет на мерцающее море.

— Полная луна, — он взял в руки кусок водорослей и пощупал его. — А водоросли влажные.

— Что это значит? — рассердился Тибериус. — Клянусь, когда я

доберусь до этой ведьмы, чертовски уверен, она отправится в Ньюгейт. Как она смеет насильственно удерживать пэра королевства?

Он продолжал в том же духе несколько минут, но я потрогала водоросли и посмотрела на Стокера.

— О, — тихо сказала я. Он кивнул.

Тибериус остановился посреди своей диатрибы.

— Что? — вскричал он раздраженно. — Достаточно плохо, что я в ловушке и изолирован, как проклятый Робинзон Крузо, так еще ваша парочка приводит меня в ярость, читая мысли друг друга.

— Прилив усиливается, — спокойно объяснила я, отмечая, насколько вода поднялась с момента нашего прибытия.

— Ну и что? Случается с приливом, — кипятился Тибериус. — Каждые двенадцать часов, как известно.

Стокер держал лицо к горизонту, лунный свет освещал его профиль, он был похож на изображение императора, вырезанное на лицевой стороне монеты.

— Это полная луна, — повторил он. — А водоросли мокрые.

Тибериус закатил глаза к небу.

— Какого черта он повторяет это? Я вижу проклятую луну и плевать хотел на мокрые водоросли.

Наконец Стокер обернулся, выражение его лица было непроницаемым.

— Сегодня первое полнолуние после осеннего равноденствия. Море поднимется выше, чем в любое другое время года. И в последний прилив оно поднялось достаточно, чтобы полностью покрыть остров.

Тибериусу потребовалось время, чтобы понять смысл того, что говорил Стокер. Даже в ярком свете я могла видеть как он побледнел, его глаза внезапно стали холодными.

— Ты имеешь в виду, что мы утонем здесь?

Стокер пожал плечами.

— Я не вижу лодок, брат. Это только вопрос времени, когда море накроет нас.

— Но другие Сестры, — начал Тибериус.

Я покачала головой.

— Слишком далеко, чтобы плыть, к тому же бессмысленно. Там нет убежища, и они еще дальше в море. Нет деревьев, чтобы обеспечить топливо для огня, и даже если бы они были, подозреваю, что спички Стокера совсем бесполезны.

Он полез в карман за спичечным коробком и открыл его. Горстка спичек внутри плавала в маленькой луже морской воды.

— Размокли, — доложил он лаконично.

— Что если мы будем шуметь и кричать о спасении? — спросил Тибериус, как мне показалось, с некоторым отчаянием.

— Ветер дует в другом направлении, — сказал Стокер с большей добротой, чем я ожидала. — Он унесет звук с острова.

Мы молчали, каждый из нас был заперт в своих мыслях. Наконец Тибериус взорвался.

— Я этого не принимаю, — вопил он, поднимаясь на ноги. Он стоял, великолепный в своем гневе. — Черт тебя подери! Это твоя вина, проклятый ублюдок, — прогремел Тибериус.

Стокер встал лицом к лицу со своим братом.

— Скажи это снова.

— Это твоя вина, — выкрикнул Тибериус с грубой ясностью.

Кулак Стокера соединился с его челюстью, прежде чем последнее слово было закончено. Я прыгнула между ними.

— Неужели вы так хотите провести наши последние часы? — бросила я. — В драке, как мальчишки? Тибериус, вы несправедливы. В этом нет вины Стокера, как и моей.

— Это так, — настаивал он, потирая челюсть. — Болван позволил ей сделать это. У него был шанс одолеть проклятую старуху на пляже.

— Я бы не стал рисковать жизнью Вероники, — просто сказал Стокер.

— Почему? Потому что ты любишь ее? — издевался Тибериус. — Очень хорошо, что твоя любовь пойдет ей на пользу, брат. Она умирает вместе с нами.

— Но пока она жива, — аргументировал Стокер. — Если бы я действовал поспешно, Бог знает, что могла сделать эта женщина.

— Возможно, ты одолел бы ее, — не отставал Тибериус. — Да, был риск, но иногда в жизни приходится рисковать, ты никогда не учился этому?

— Я узнал это лучше, чем большинство, — сказал Стокер с ледяным спокойствием. Я смотрела на него в недоумении. Я часто видела его в ярости или в высокомерном настроении, но никогда не чувствовала такого холодного самообладания, полного и безмятежного спокойствия перед лицом верной смерти.

— И все же это не принесло тебе никакой пользы, — не успокаивался Тибериус. — Ты ничем не рискуешь и поэтому ты ничто. Ты любишь ее, — повторил он, наклоняя ко мне голову. — И все же ты никогда не говорил ей, не так ли? Ну, я рад этому. Она заслуживает лучшего, чем ты, чертов дурак. Она заслуживает мужчину, который убил бы за нее.

Улыбка, медленная и ужасная, прорезалась на лице Стокера.

— Ты думаешь, это любовь, брат? Что я должен убить за нее? — Он покачал головой, его глаза встретились с моими. — Ты дурак, Тибериус, потому что все еще не понимаешь. Я не люблю ее настолько, чтобы убить за нее. — Он шагнул к краю скалы. — Я люблю ее достаточно, чтобы умереть за нее.

Не сказав больше ни слова, он исчез за краем скалы и погрузился во тьму моря.

* * *

Долгое время я вообще ничего не ощущала, будто онемела до костей. Наконец, я почувствовала, как рука Тибериуса обвивается вокруг моей талии. Я оттолкнула его, не слишком мягко.

— Отпустите меня.

— Только если вы пообещаете, что больше не попытаетесь прыгать, — предупредил он.

— Я не...

— Вы пытались.

Через мгновение я резко кивнула, и он отпустил меня, положив руку мне на плечо.

— Ничего не подделаешь, нам остается только ждать.

Я посмотрела на Тибериуса и увидела, что сейчас он выглядит старше. Луна поднялась выше, изогнув щеки и углубив тени вокруг глаз. Четыре длинные царапины прочертили его лицо от скулы до челюсти, кровь покрылась коркой.

— Это моя работа? — я указала на царапины.

— Да. Когда я не позволил вам броситься за ним.

Я тяжело опустилась на камень, засунув руки в карманы в тщетном поиске тепла, и нащупала знакомую фигурку Честера, крошечной бархатной мышки. Я старалась не думать, что это будет наше последнее совместное приключение.

— Полагаю, мне следует поблагодарить вас.

— Не надо, — приказал он, сидя рядом со мной. — Я сделал это для себя так же, как и для вас. Я бы не вынес двух жизней на моей совести сегодня вечером.

— Тогда вы думаете... — Я не закончила. Не могла.

Он пожал плечами.

— Море поднимается, туман падает, а вода холодна, как сердце женщины.

— Он хороший пловец, — упрямо возразила я. — Я видела его не раз.

— Так и есть, — согласился Тибериус. Он явно сомневался, что Стокер сможет пережить плавание к Сан-Маддерну, не с поднимающимся морем и свежезашитой раной на руке. Просто пытался утешать меня, пока мы оба не уснем на скале, замершие до костей и больные от холода. Потом море накроет и унесет нас.

— Ну, — наконец произнес Тибериус, его глаза блестели от слез. — Я не знал, что в мальчике есть это.

— Должны были, — упрекнула его я. — Вы знали его дольше всех. Вы должны были оценить его.

— Я провел большую часть своей жизни, ненавидя его, — сознался он. — Ни за какое другое преступления, кроме как быть любимцем матери. Я знал мальчика, но не мужчину. Мужчина мне незнаком.

— Он? Вы две горошины в очень специфическом стручке, Тибериус.

Он коротко рассмеялся.

— Как вы пришли к такому выводу?

— Вы оба сентиментальны.

— У меня нет ни одной сентиментальной кости во всем теле, — возмутился он.

— Неужели? Закаленному цинику вряд ли придется сдерживать свои слезы в такое время.

Виконт прижал кулаки к глазам.

— Как он мог? Я не могу этого вынести, Вероника. Я думал, что потерять Розамунду, потерять нашего ребенка, было худшим, что я мог выстрадать. Но это...

Он опустил руки и слезы смешались с кровью на его лице.

— Как мы это перенесем?

— Нам не придется, — я кивнула в сторону ползучего моря. Оно уже покрыло вершину скалы, оставив нам лишь небольшой участок, на котором можно было сидеть. С каждой минутой серебристая вода приближалась, что-то шепча.

— Звучит так, как будто оно говорит, — я не могла молчать. — Интересно, так появились легенды о русалках и сиренах?

Он пожал плечами.

— Пожалуй. Интересно, Розамунда... вы думаете, она покоится в море? Это так и случилось? Надеюсь, это был мирный конец.

Мне вспомнились истории, которые Стокер рассказывал о тонущих

моряхах, которых он видел. Я знала правду, но каким-то образом нашла в своем сердце силы лгать.

— Я тоже на это надеюсь, — утешающе сказала я, взяв его за руку. Она была большой и теплой, как и у Стокера. Мне снова пришло в голову, что там, где у Стокера мозоли и шрамы, у Тибериуса были гладкие и ухоженные руки джентльмена. Я бы продала свою душу в тот момент за грубое прикосновение Стокера.

— Итак, миссис Тренгроуз и есть наша злодейка, — Тибериус крепче сжал мою руку. — Почему, как вы думаете?

Ему все равно, подумала я. Он просто хотел, чтобы разговор отвлек его мысли от вторжения моря. Тибериус не желал встречаться со смертью один на один, в тишине. Так что я держала его за руку и говорила, пока вода поднималась и не начала покрывать наши ноги.

— Возможно, она действовала согласованно с Малкольмом, — предложила я одну из версий. — Миссис Тренгроуз всегда была предана Ромилли. Если он узнал о ребенке Розамунды, у него был мотив убить неверную невесту. И если он был причастен к ее смерти, миссис Тренгроуз могла бы быть сообщницей.

— Тогда где же этот дьявол?

Я покачала головой.

— Невозможно сказать. Он мог испугаться, что его обнаружат, и миссис Тренгроуз прячет его где-то. Он мог покончить с собой, а она это скрывает. Возможно, он сбежал на материк.

Мы обсуждали возможности, придумывая теории и отказываясь от них по мере того, как прилив рос. Мои юбки закрутились в черной воде, и я поднялась на ноги, подтягивая Тибериуса к себе.

— Мы будем стоять вместе.

— Это лишь продлит агонию, — возразил он.

— Мы будем стоять. Мы встретим наш конец с поднятой головой, — настаивала я.

— Речь настоящего английского джентльмена, — сказал он, скривив губы.

— Я не джентльмен, — я сунула руку обратно в карман, чтобы схватить Честера.

Тибериус обнял меня, когда вода достигла талии.

— Мы не можем стоять дольше. Я теряю опору.

— Я тоже. — Я посмотрела на западный горизонт, где две другие *Сестры* казались бесформенными тенями в серебряном тумане. *Берегись Сестры*, предупредила Матушка Нэнс. Я почувствовала прилив

истерического смеха, наполнившего мое горло, и с трудом проглотила его.

— Заберитесь мне на плечи, — приказал Тибериус. — Вы можете купить еще несколько минут... — В этот момент его нога соскользнула, и он выпрямился, схватившись за меня, когда мы оба поняли тщетность его плана.

Выражение его лица было мучительным.

— Вас бы здесь не было, если бы не я, — начал он.

— Не надо, — строго оборвала я. — Я приехала по собственному желанию. Сделала свой собственный выбор, как и всегда. И если я должна уйти, я рада, что уйду с вами.

Море кружило вокруг наших талий, раскачивая нас. Тибериус расправил плечи и поднял подбородок.

— И если я должен уйти, я рад уйти с вами, Вероника. Это честь для меня.

Огромная волна врезалась в нас, отрывая друг от друга и неся прочь от скалы. Пальцы Тибериуса соскользнули с моих, и я открыла рот, чтобы позвать его, но морская вода наполнила рот. Я подняла лицо как раз вовремя, чтобы увидеть луну, прекрасную жемчужную луну, плывущую над облаками и пролившую свой свет тайным благословением. Потом море закрылось над моей головой, и я не увидела ничего, кроме огромной черной пустоты, необъятности, соли, страха, вечной глубины.

Глава 19

Я проснулась от горячей полосы солнечного света на моем лице и прохладного компресса на лбу.

— Наконец-то, — сказала Мертензия с явным облегчением. — Я думала, вы никогда не придете в себя. Мы боялись, что вы, возможно, ударились головой о камни, но не смогли найти никаких повреждений.

— Я утонула, — сообщила я, опираясь, чтобы принять сидячее положение. Комната плавала вокруг меня, кружась, как детская верхушка. Мертензия не слишком осторожно толкнула меня назад.

— Вы почти утонули, — поправила она. — Дважды уходили на глубину, прежде чем они вас вытащили.

— Они? — переспросила я. Потери той ужасной ночи обрушились на меня с тяжестью горы.

— Мужчины из деревни, — пояснила Мертензия. — Они взяли лодку, чтобы снять вас и Тибериуса со скалы. Что заставило вас решиться выйти в море, за пределами моего понимания, но они спустили на воду спасательную шлюпку.

— Как они узнали? — допытывалась я в замешательстве.

— Стокер сказал им, — спокойно ответила она.

Кровь хлынула в мою голову, стуча в ушах.

— Стокер?

— Да, — промолвила она с доброжелательной медлительностью, будто говорила с умственно отсталым ребенком. — Он приплыл обратно в Сан-Маддерн. Бог знает, как ему это удалось. Выполз на пляж полумертвым, а потом разбудил людей колокольным набатом. Они дьявольски долго отказывались выходить в море — была самая высокая волна года, вы знаете. И рыбаки не любят находиться в море в такую ночь. Но Стокер ругался, издевался и угрожал им, пока они не поплыли.

— Он жив, — тупо повторила я. Я повернула голову и увидел Честера, сидящего на тумбочке. Одно ухо было немного ниже, чем раньше, посажено под острым углом, и глаза были другими. Раньше бусинки были черными, но теперь они сияли, подмигивая темно-синим в утреннем солнечном свете. Я повернулась к Мертензии.

Она закатила глаза.

— Разве это не то, что я только что говорила?

— А Тибериус?

— Внизу, ест свой второй завтрак, так как не обедал. К тому времени, как прибыл спасательный катер, вас отнесло друг от друга. Они смогли вытащить его быстрее, потому что он был прямо на их пути. К тому времени, как вас нашли, тело далеко отнесло, и вы были без сознания. Старый Трефусис сам назначил необходимые спасательные меры. Мне сказали, что они ему очень понравились, — добавила она с хитрой улыбкой. — Потом вас вырвало на него половиной моря, и он был гораздо менее очарован. Но вы все еще были без сознания, когда вас везли. Стокер приказал положить в постель горячие кирпичи и разливать вам виски по горлу до тех пор, пока вы не заснете. Он сказал, что отдых будет для вас лучшим лекарством.

— Сколько сейчас времени? — спросила я, едва в состоянии переварить услышанное.

— Почти прошел полдень. И погода наконец прояснилась, только великолепное солнце и ясное небо, — доложила она, полностью откидывая шторы. Единственное пятно золотого света вспыхнуло в невыносимой яркости, осветившей комнату.

— Я должна одеться. — Мертензия пыталась помешать мне, но я пробежала мимо нее. Она в конце концов сдалась, подняв руки вверх и что-то бормоча.

— Я могу приготовить вам общеукрепляющее, — предложила она.

Я застегнула манжеты и сунула Честера в карман.

— Где миссис Тренгроуз?

Мертензия пожала плечами.

— Не знаю. Сначала Малкольм, а теперь Тренни. Я не знаю, какие странные события здесь происходят, но надеюсь, что скоро им придет конец.

— Так и будет, — пообещала я. Я распахнула дверь и бросилась в зал для завтрака, поднявшись по лестнице так быстро, как только осмелилась.

Тибериус, как она сказала, сидел за столом, отдавая должное тарелкам с яйцами, почками и грудями тостов. Как только я появилась в дверях, он встал. Он подошел ко мне, выражение его лица было смесью облегчения и чего-то большего.

— Моя дорогая Вероника, — вздохнул он. — Вы выглядите лучше, чем когда я видел вас в последний раз.

Я улыбнулась вопреки желанию. Виконт протянул руку, но я оттолкнула ее и обняла его. Тибериус обнял меня в ответ и пробормотал мне в волосы:

— Мы теперь больше, чем семья, я думаю.

— Больше, чем семья, согласна. Где Стокер?

Его светлость возобновил завтрак, заняв прежнее место за столом и намазывая свежий кусочек тоста.

— Отправился в деревню, чтобы поблагодарить рыбаков, которые вышли в море прошлой ночью.

Я вырвала тост из его пальцев и направилась к двери.

— Больше, чем семья, — напомнила я ему, когда он запротестовал.

* * *

Я встретила Стокера на пути из замка в деревню. Я с упоением летела вниз по склону, подобрав юбки. Когда повернула за поворот, он оказался передо мной, и я шагнула к нему, не замедляя темп. Я натолкнулась на него как катаклизм; взяв лицо Стокера в свои руки, дождливо целуя его, пока у нас обоих не перехватило дыхание, как будто мы бежали дистанцию.

— Вероника, — сказал он наконец, с таким выражением эмоций, что из-за полноты чувств я не могла говорить. Я обняла Стокера и прижалась лицом к его груди.

— Не надо. Пока нет, — умоляла я. — Скажи мне что-нибудь обыденное.

Тихий смех прогремел у него в груди, и я почувствовала его губы на моих волосах.

— Отлично. Я только что виделся с деревенскими мужчинами. Чтобы поблагодарить их за мужество и умение прошлой ночью.

Я кивнула, и он продолжил говорить о вещах, которые совсем не имели значения.

— Они не хотели выходить в море, но, в конце концов, преодолели свои страхи, и если бы не они... — Стокер замолчал и сжал меня мертвой хваткой так, что я испугалась, что больше никогда не смогу дышать.

— Стокер, — Слово переполняли эмоции, все, что я хотела сказать, и не могла выразить. Я достала Честера из своего кармана. Я протянула к нему ладонь с маленькой мышкой и с вопросом в глазах.

— Ты вцепилась в него, когда они подняли тебя на борт. Одно ухо почти оторвалось, а глаза исчезли, но я все еще знаю, как пользоваться иглой, — сказал он легко. Я подумала о часах, которые он, должно быть, провел, сидя у моей кровати, медленно и методично проделывая каждый стежок в плюше, помечая их, как жемчужины, на ниточке четок.

— Стокер, — повторила я, поворачиваясь лицом к нему, предлагая,

спрашивая, ожидая.

Он наклонил голову, внезапно неуловимый. Я повернула его лицо к себе, почти в состоянии справиться со своими эмоциями.

— Думаешь, мы не будем говорить о том, что ты сделал?

— Не сейчас, — в его голосе прозвучала резкая нотка мольбы, которую я никогда раньше не слышала. — Я не могу вспоминать, а тем более говорить об этом.

— Ты рисковал своей жизнью, чтобы спасти нас, — напомнила я ему. — Ты сожалеешь о том, что сказал?

— Нет. Сожалею, что ты слышала это, — возразил Стокер.

— Ты не имел это в виду?

Он глубоко вздохнул и посмотрел на меня:

— Вероника Спидвелл, я имел это в виду тогда, имею в виду сейчас, и буду иметь в виду до последнего вдоха. Я люблю тебя.

Я открыла рот, но он положил на него палец.

— Не сейчас, — повторил Стокер. — Не здесь, с моим братом под рукой и убийцами, прячущимися за изгородями. Мы сыграли тысячу игр друг с другом, но время игр прошло. Кем бы мы ни хотели быть друг другу, мы поговорим об этом, когда не будет отвлекающих факторов. Мы поговорим об этом, когда сможем действовать, — закончил он, погладив большим пальцем мою нижнюю губу.

Его глаза обещали, и я вздрогнула от предвкушения, медленно кивая.

— Ты прав, конечно. Это вряд ли место для такого рода вещей. Значит ли это, что ты перестанешь мучить меня, демонстрируя себя в разных стадиях наготы?

— Не надейся, — Стокер усмехнулся.

Я снова поцеловала его. Я не думала о Кэролайн. Она осталась в прошлом, похоронена в тот момент, когда он нырнул в море, чтобы спасти меня. Она не будет преследовать нас снова.

* * *

Мы собрали Каспиана, его мать и Мертензию в гостиной для военного совета. Тибериус как мог деликатнее объяснил, что сделала миссис Тренгроуз. Мертензия восприняла это плохо, растворяясь в непривычном приступе плача. Хелен, чьи страхи ослабли, взяла на себя утешение невестки, обняла ее за плечи и бормотала успокаивающие банальности.

Каспиан, к моему удивлению, оказался на высоте.

— Мы должны продолжить поиски. Мы можем задействовать весь остров.

— Где вы предлагаете смотреть? — спросила я Каспиана. Он пожал плечами.

— Будь я проклят, если знаю, простите мою грубость. Мы играли в прятки по всему дому. Кроме нор священника, тут мало подходящих укрытий и ни одного места, достаточно большого, чтобы держать человека в течение какого-то времени.

Я вскочила на ноги.

— Будь мы прокляты, слепые дураки, — воскликнула я. Тиберий и Стокер шагали позади, следуя за мной, когда я направилась к спальне Малкольма.

— Мы уже смотрели здесь, — напомнил Тиберий. Я игнорировала его, нетерпеливо ища механизм для раскрытия норы священника.

— Вот. — Стокер потянулся, чтобы нажать на резьбу. Панель сместилась, и я втиснулась в укрытие. Стокер встал позади меня, держа лампу в воздухе.

— Посмотрите, — воскликнула я с триумфом. На пыли половой доски был четкий отпечаток обуви, маленький и заостренный. — Женщина! И оставлен, после того, как мы были здесь в последний раз.

— Что заставило тебя подумать об этом месте? — потребовал Стокер.

— Это, — я указала на заднюю часть норы священника. — Обшито панелями там, где должен быть камень. Я вспомнила, лишь когда Каспиан упомянул о норах священника. В то время это показалось мне странным, но я была слишком заинтересована в дорожной сумке, чтобы расследовать дальше.

Стокер нащупал панель позади норы священника и осторожно провел руками по молдингу.

Тиберий сунул голову в душный маленький отсек.

— Что, черт возьми, ты делаешь? Здесь стопроцентно никого нет.

— И это, очевидно, только прихожая, — сказал ему Стокер. — Иногда норы священника состояли из более чем одной комнаты, и мы должны были это осознать раньше.

— Откуда ты знаешь? — привычно бросил вызов Тиберий.

Я объяснила насчет панелей, когда Стокер возобновил свои исследования. Мы начали с противоположных концов панели и без победы прижались к центру, ни один из нас не обнаружил механизм. Я услышала движение позади, и оглянулась в спальню, чтобы увидеть Каспиана, Мертензию и Хелен, с тревогой наблюдающих за происходящим.

Я выбралась из клетушки. Стокер высунул голову, обращаясь к Мертензии и Каспиану:

— Не знаю, кого из вас спросить, но мне нужно разрешение, чтобы сломать стену.

Тетя и племянник обменялись взглядами и в унисон кивнули. Прежде чем кто-то успел произнести хоть слово, Стокер вернулся в дыру, и, подняв одну ногу в сапоге, с размаху врезал по панели. Раздался зловещий скрип, но панель не сломалась. Стокер сложил руки на груди и снова встал, пиная панель, наконец, она разбилась с глубоким стоном протеста. Он рвал разбитые доски, пока дыра не стала достаточно большой, чтобы впустить его. Я знала, еще до того, как услышала тихое дыхание.

— Малкольм там, — прошептала я, не желая, чтобы другие услышали. Было бы слишком огорчительно обнаружить его труп в дыре.

— Он там, — Стокер наступил ногой на сломанную панель, чтобы проникнуть в каморку.

— Должна ли я велеть им уйти? — тихо спросила я.

— Нет. Скажи им убраться с пути к черту, — приказал он. — Он все еще жив. И он не один.

* * *

Мне пришлось поверить Стокеру на слово, поскольку, когда Стокер вынес из дыры Малкольма, я подумала, что в руках у него, несомненно, труп. Мужчина был бледен, без сознания, и дыхание едва различимо. Хелен разразилась громким плачем, но Мертензия быстро восстановила самообладание. Стокер положил Малкольма на кровать и дал серию указаний по методам лечения.

— Как ты думаешь, он может умереть? — волновалась я, когда он оценивал состояние Малкольма.

— Возможно, — выражение лица Стокера было мрачным. — Я не видел там ни еды, ни воды. Он сильно обезвожен, страдает от шока и низкой температуры. Там холодно, как в могиле.

Я едва смела спросить.

— Это Розамунда... — начала я.

— Нет, — сказал он, резко вырезая каждое слово. — Г-жа Тренгроуз.

Стокер совершил еще одну вылазку в нору священника, чтобы забрать ее. Она была без сознания, и Стокер с явным отвращением передал ее Каспиану.

— Отнесите экономку в ее комнату. Она ответственна за попытку убийства Тибериуса, Вероники и меня, а также, думаю, вашего дяди. Вы будете охранять ее и следить, чтобы она не пыталась покинуть этот дом, когда очнется, — приказал он, столь же властный, как и его брат.

Если мальчик обиделся на то, что Стокер командовал, он никак этого не показал. Кивнул с умным видом и отправился выполнять распоряжение.

Мертензия зависла в дверях.

— Тренни, — тихо страдала она. — С трудом могу в это поверить.

— Поверьте, — сказал Стокер суровым голосом, возвращаясь к заботе о Малкольме. — Я также готов поспорить, что она почти убила и вашего брата.

Мертензия глубоко вздохнула.

— Я закажу все, что нужно, из кладовой, и Дейзи принесет это. Я сама позабочусь о Тренни, пока вы не осмотрите ее.

Стокер ворчливо согласился, и Мертензия ушла. Хелен великолепно справилась с ситуацией, организовав горничных. Они в рекордно короткие сроки обеспечили горячие кирпичи и воду. В очаге разгорелся огонь, яблоневые поленья бодро потрескивали и излучали желанное тепло. Толстые пуховые одеяла были нагромождены на все еще находящегося без сознания Малкольма и плотно обернуты вокруг него. Стокер пристально следил, отмечая медленное повышение температуры Малкольма, и возвращение цвета на его щеках. Все это время Тибериус сидел, как могильный бог, на стуле в углу, ничего не говоря.

Через несколько часов Мертензия вернулась. Она выглядела уставшей и очень грустной.

— Тренни пришла в себя. Она сказала очень мало, прежде чем снова уснуть. Но, мне кажется, была рада узнать, что брат найден, пока не стало слишком поздно. Как он?

— То же самое, — ответил Стокер. Мертензия задернула шторы, чтобы яркий солнечный свет не повредил глаза Малкольму, когда тот очнется. Она принесла маленький стул и уселась рядом с кроватью, наблюдая за братом, пока он спал.

— Кто-то дежурит у миссис Тренгроуз? — проверила я.

Она кивнула.

— Хелен предложила сидеть с ней, а Каспиан охраняет ее комнату с винтовкой Малкольма наперевес. Можно подумать, что она опасна, как Наполеон, — закончила она с призрачной улыбкой.

— Я не могу представить, что случилось, — присовокупила Мертензия прерывистым голосом после непродолжительной паузы. —

Должно быть, она помешалась, если причинила вред Малкольму. Это невозможно. Он был ее любимцем, мы все знали. Тренни всегда любила его больше всех.

Эти слова заставили меня задуматься, какой может быть ужасной любовь, не возвращенная должным образом, разрушаясь и превращаясь во что-то неузнаваемое и опасное.

Еще через час Малкольм проснулся, моргая от яркого света лампы на камине. В темноте он изо всех сил пытался разглядеть фигуры.

— Мертензия? — спросил он слабо. Его сестра подошла к нему, приложив руку к его щеке.

— Я здесь, Малкольм.

— Тогда это был кошмар? Ничего, кроме сна?

Мертензия посмотрела на Стокера, который резко покачал головой. Она улыбнулась своему брату.

— Ничего, всего лишь дурной сон. Засыпай. Ты в безопасности.

Но он не спал. Вместо этого из-под закрытых век просачивались слезы.

— Малкольм? — тихо позвала Мертензия.

Он повернул голову на подушку, его лицо было обращено к стене.

— Я сделал ужасную вещь, — сказал он хриплым шепотом. — Действительно жуткий поступок.

Она наклонилась к нему.

— Я уверена, что нет.

Малкольм протестовал, яростно качая головой. Стокер подошел к локтю Мертензии.

— Сохраняйте его спокойствие, — прошептал он.

Мертензия погладила руку своего брата.

— Что бы ты ни сделал, ты, должно быть, думал — это правильное решение в то время.

— Я желаю отпущения грехов. Я нуждаюсь в отпущении.

— За что? — удивилась она.

— За убийство, — взорвался он, слезы текли по его щекам. — За убийство.

Глава 20

После того как буря плача стихла, Ромилли успокоился и начал свою исповедь. Не священнику, потому что на острове никого не было, а тем из нас, кто собрался по его приглашению. Сестра сидела рядом, держа Малкольма за руку, как будто придавая ему силы во время испытания.

— Я не знаю, с чего начать.

— Начните с дорожной сумки Розамунды, — мягко подсказала я. — Это то, что положило начало всему этому печальному делу, не так ли?

Малкольм кивнул.

— Да. Я так долго не мог найти себе места. В конце концов, решил написать нечто вроде истории Сан-Маддерна. Изучал старые книги в библиотеке, решая, что включить. Тренни мне очень помогала, когда я собирал воедино легенды — все эти старые истории о русалках и великанах. И тогда я подумал, что должен включить описание самого замка. Я покопался в архивах и нашел планы. Ничего нового не произошло с первой постройкой, но в царствование Елизаветы проводились масштабные ремонтные работы.

— Норы священника, — пробормотала я.

— Верно. Несколько нор были построены там, где располагались старые лестницы. Одна-две были вырыты прямо в скале. Я думал, что было бы очень весело изучить их должным образом. Их не наносили на карту в течение многих лет, и половина тайников была забыта, — продолжал он. — Когда я открыл эту, то обнаружил за ней встроенную вторую, своего рода двойную панель: хитрость, чтобы обмануть ловцов священников. Я нажал на спрятанную панель и обнаружил еще одну нору. И именно тогда наткнулся на дорожную сумку.

Малкольм сделал паузу, и Мертензия протянула ему стакан воды, поддерживая за голову, чтобы он мог пить. Когда он закончил, то возобновил свою историю.

— Я понял, что Розамунда не покидала остров. Понимаете, до этого я был уверен, что она испугалась после свадьбы и сбежала от меня. К человеку, которого действительно любила. — Он пристально посмотрел на Тибериуса.

— Ты знал.

— Нет, только подозревал. Всегда думал: это слишком хорошо, чтобы быть правдой. Не мог поверить, что она выбрала меня, а не тебя, — просто

сказал Малкольм. — Я видел, как она смотрела на тебя, думая, что никто не замечал. Ты помнишь то лето? Как мы состязались друг с другом, чтобы произвести на нее впечатление? Подгоняя лошадей? Плавать дальше, прыгать выше? Мы были смешны. И когда она сказала, что хочет меня, меня! — я был на вершине блаженства. Только позже возникли сомнения.

— Сомнения? — переспросила я.

— Как она могла выбрать меня, когда могла иметь его?

Я ничего не сказала, ожидая ответ Тибериуса. Он предвкушал эту возможность долгими холодными ночами последние три года. Это был шанс сказать Малкольму правду, раз и навсегда, ликуя в победе.

Тибериус посмотрел на Малкольма.

— В этом нет тайны, мой друг. Она любила тебя.

Ложь, сказанная по самым благородным причинам. Я никогда не оценивала Тибериуса выше и не уважала больше, как в момент его двуличия.

— Она не сбежала ко мне, — продолжал Тибериус. — Боже мой, старина! У меня хватило бы порядочности сказать тебе, если бы она ушла ко мне. Я бы никогда не позволил тебе страдать эти годы, не ведая жива она или мертва.

— Теперь я это понимаю. Я знал, что тем летом был ее вторым выбором. Она сияла, когда смотрела на тебя, — Малкольм кивнул в сторону Тибериуса. — Но я догадывался: она хотела, прежде всего, безопасности и удовлетворения. Ты был захватывающим, но опасным. Ты никогда бы не позволил женщине управлять собой, как бы сильно ее не любил. Розамунда знала, что может справиться со мной. Я бы сделал для нее все и был бы счастлив, — настаивал он. — Она по-своему любила меня. Мы бы хорошо жили вместе, я бы заботился о ней. Я подозревал, что-то случилось, почему она внезапно решила выйти за меня замуж. Но не подвергал сомнению мою удачу. Не сначала.

Он сделал паузу. Мертензия, с благословения Стокера, предложила ему выпить что-нибудь покрепче, на этот раз глоток горячего виски. Он проглотил его и возобновил рассказ:

— По мере приближения свадьбы я видел, как она изменилась. В ней появилось беспокойное веселье, вынужденное счастье, лихорадка. И когда прибыл клавесин... — Он снова сделал паузу. — Не нужно быть гением, чтобы собрать воедино то, что произошло.

— Я не должен был отправлять клавесин, — покался Тибериус. — Это было не по-джентльменски — подарить его невесте другого человека.

— Ей понравилось, — бесстрастно сказал Малкольм. — Как она

любила тебя! Я надеялся, что смогу заставить ее забыть. Думал, у нас будут дети, мы будем счастливы вместе. И так, я женился на ней. И в тот же день она просто исчезла. Я только мог думать: она сбежала, чтобы быть с тобой. Не было записки, ее вещи исчезли. Никто не мог доказать, что ей причинили вред, так что осталась лишь эта неопределенность. Эта ужасная, ужасная неопределенность, где у меня была невеста, но не было жены. Никто не обнаружил пропавших лодок, так как она могла покинуть Сан-Маддерн? Остров был обыскан, здесь ее тоже не было. Я даже нанял частного сыщика следить за тобой, когда ты вернулся в Лондон, — признался он Тибериусу. — Но никогда не получал никаких доказательств того, что ты виделся с ней снова. Как ни искали, ее следов не было найдено. Розамунда просто исчезла.

Его губы искривились.

— Мы, корнуэльцы, верим в пикси, фей и русалок. Иногда я даже удивлялся, не было ли правды в некоторых из этих нелепых старых легенд. Казалось невозможным, что она могла бесследно исчезнуть. Но она исчезла. И поэтому я занялся делами, как мог. Делал все, что полагается делать хозяину острова, но психологически это был периода полураспада. Я понял, что такое лунатизм. Пока не нашел сумку.

Его глаза были мрачными, когда он сделал очередной глоток горячего виски.

— Когда я обнаружил саквояж, то понял, что был дураком. Розамунда, возможно, оставила бы меня, но она не сбежала бы в своем свадебном платье без перемены белья. С ней что-то случилось — несчастный случай или что-то еще хуже.

Он поднял голову, глядя на каждого из нас по очереди.

— И я начал задаваться вопросом: кто, возможно, хотел причинить ей вред? Я лежал без сна по ночам, и перебирал мотивы для всех, кто когда-либо знал ее. Довел себя до полусмерти, до безумия, воображая все возможные сценарии, каждое немыслимое преступление, которое могло быть совершено. И в итоге понял, что должен открыть истину, прежде чем незнание уничтожит меня. Поэтому я пригласил вас всех сюда, чтобы вы помогли мне. Рассчитывал, что если мы соберемся под одной крышей здесь, где все это произошло, кто-то мог бы что-то сказать или увидеть. Я думал, что правда должна быть здесь, просто вне досягаемости, мы должны ее найти.

— Вы знали, что Хелен — мошенница? — осведомилась я. — Она не разговаривает с призраками.

Он отмахнулся.

— Я так и подозревал, но хотел верить. Хотел верить в возможность, что Розамунда могла бы общаться с нами, что она могла каким-то образом заявить о себе. Если был хоть малейший шанс, что она могла это сделать, я собирался воспользоваться им.

Тибериус сидел в своем кресле с торжественностью судьи, в то время как Мертензия продолжала гладить брата по руке.

— Я никому не сказал, что собирался сделать. Я знал, что Каспиан и Хелен приедут, потому что в конечном итоге они Ромилли. Они приедут в память о Люциане. И чтобы, возможно, увеличить шансы Каспиана стать моим наследником, — добавил он с тонкой, слегка циничной улыбкой. — Знал, что ты приедешь, Тибериус, так как слишком увлечен историей Розамунды. Когда ты спросил, нельзя ли привезти невесту, я подумал, что, возможно, все-таки ошибся в твоих чувствах к Розамунде. Я сказал себе, что ты приедешь ко мне исключительно как друг. Когда я увидел тебя, понял, сколько у меня отняли последние несколько лет. Не только Розамунду, но и дружбу, которой я дорожил половину жизни.

Взгляд Тибериуса стал ярче обычного, и Малкольм грубо прочистил горло.

— В любом случае, я удивил всех своим объявлением о дорожной сумке. Наверно, было по-детски с моей стороны. Но я боялся, что никто не приедет, скажи я правду, почему хочу вас видеть. Боже, я так отчаянно пытался положить конец всему этому! Тренни была страшно расстроена. Она продолжала заламывать руки и причитать, что мертвых нужно оставить в покое. «Но, Тренни», — сказал я ей, — «мы не знаем, что она мертва». Только на следующий день я вспомнил кое-что, то, что должен был вспомнить, как только нашел сумку.

— Что именно? — насторожилась я.

— Тренни вызвалась обыскать все закоулки в замке, когда Розамунда исчезла. Она единственная, кто мог положить сумку туда, — просто сказал он. — Каждому отвели часть острова для поиска, это была ее квота.

— Есть еще кое-что, что ты забыл, — вставила Мертензия. — Люциан научил ее нескольким песням на клавесине. Должно быть, это она играла, изображая призрака во время сеанса.

Бледное лицо Малкольма побелело еще сильнее.

— Боже мой, — пробормотал он.

— За панелями музыкальной комнаты есть проход, — напомнила ему я. — Разве вы не знали?

— Мне это никогда не приходило в голову. Не думаю, что кто-то использовал его с времен моего детства. Если б я даже вспомнил о нем, то

предположил бы, что проход заблокирован.

Я покачала головой.

— Ей нужно было только проскользнуть туда, когда мы приблизились. Комната казалось пустой, никто не проходил мимо, когда мы вошли. Если бы она была быстрой и тихой, никто бы не догадался.

— И это до смерти испугало Хелен, она поверила, что действительно явился призрак Розамунды, — закончила Мертензия. — Но почему? Зачем все эти сложности, чтобы расстроить сеанс Хелен?

— Предотвратить дальнейшее расследование исчезновения Розамунды, — объяснила я. — Малкольм был готов поверить в способности Хелен. Но Тренни знала, насколько та суеверна. Она поняла, что если сможет ее напугать, они с Каспианом уедут. Разбирательство, скорее всего, будет прекращено. Отчаянный гамбит, но у нее было мало времени на планирование. Малкольм неожиданно обрушил информацию на всех нас и застал ее врасплох.

Ответ Мертензии был горьким:

— Я никогда бы не подозревала ее, не знала, что в Тренни есть *это*.

— Она сделает все для семьи, — медленно произнесла я. — Включая защиту от невесты, недостойную выйти замуж за Ромилли. Она убила Розамунду.

Я видела, как Тибериус крепче сжал подлокотники стула. Мертензия издала стон резкого протеста, но Малкольм безутешно закрыл лицо руками.

— Не могу в это поверить, — наконец заговорила Мертензия. — И все же...

Я повернулась к Малкольму.

— Когда вы узнали, что именно она убила Розамунду?

Выражение его лица стало совершенно несчастным.

— Когда она заперла меня в норе чертового священника. Она пришла ко мне с бокалом вина, как всегда, когда просила об одолжении. Тренни протестовала против сеанса, возмущалась, что все ищут-рыщут, задают вопросы. Сказала, это лишь снова разбудит страдания, которые мы только начали оставлять позади. Я ответил, что никогда не смогу нормально жить, пока не узнаю, что случилось с Розамундой, что меня замучила неопределенность. Заявил, что буду продолжать, пока не узнаю правду об убийстве Розамунды. Не успокоюсь, пока не разоблачу злодея. Я увидел, как внезапный ужас вспыхнул на ее лице. И я знал. *Я знал*.

Он сделал паузу, чтобы сделать еще один глоток виски, тяжело вздрагивая, когда виски пошло вниз.

— Мы были здесь, в этой комнате. Я противостоял ей, давил на нее, и

Тренни призналась. Она сказала, что Розамунда была беременна чужим ребенком. Нетрудно догадаться, чьим, — он взглянул на Тибериуса. — Она клялась, что пыталась принять факт: Розамунда будет хозяйкой и ей придется принимать приказы моей жены. Но сидя в часовне, слушая, как мы произносим обеты, она поняла, что не сможет. Сама мысль, чтобы позволить Розамунде хозяйкой войти в этот замок и привести ублюдка в детскую, была кощунством. Это оказалось больше, чем Тренни могла вынести.

— Детская Тренни, — вставила Мертензия. — Она пришла сюда работать нянькой. Тренни расценила намерения Розамунды как величайшее предательство.

Малкольм продолжил.

— Поэтому она спокойно заманила ее после церемонии и убила. Тренни не сказала мне, как или где. Просто факт убийства. И тогда я пошел на нее.

— Пошел на нее? — спросил Стокер.

— Я не соображал, что делаю, — искренне сказал Малкольм. — Схватил ее за горло и начал душить. Тренни собиралась позволить мне сделать это, вот что самое ужасное. Как будто была довольна, что умрет от моих рук. Но затем комната начала вращаться, и я понял, что она добавила в вино один из отваров Мертензии. У меня закружилась голова, я почувствовал слабость и потерял сознание. Пришел в себя, когда она уже втянула меня в нору священника. Я пытался подняться, но не смог. И слушал, как она закрыла за собой панель, заключая меня в тюрьму в собственном доме.

Я пыталась представить этот ужас — слышать, как закрывается дверь в собственную гробницу. Мурашки побежали по коже. Мертензия заметно вздрогнула.

— Итак, я был там, в темноте, наконец-то зная, что случилось с Розамундой. Много хорошего мне это дало! Я понял, что исчезну так же, как и она. Никто никогда не узнает, что со мной случилось ...

— Простите меня, — вмешалась я. — Но вы говорили об убийстве. Чье убийство вы совершили?

Он посмотрел на меня с удивлением, его губы дрожали, когда он произнес эти слова:

— Разве я не сказал? Тренни. К моему шоку, она вернулась, чтобы принести мне еду. Я был без сознания долгое время, думаю, много часов. Она дозировала еду и питье, чтобы у меня не было сил кричать о помощи. Я был слишком слаб, чтобы отказаться.

— Вот почему мы никогда не слышали тебя, когда с другой стороны панели открывали дорожную сумку, — заключил Тибериус. Малкольм болезненно улыбнулся. Мысль о том, что спасение было так близко, казалась слишком ужасной, чтобы задумываться.

— С какой стати она оставила сумку там? — внезапно спросила Мертензия.

Малкольм пожал плечами.

— Где же еще? Там ее прятали три года, пока я не нашел. Если бы Тренни попыталась уничтожить сумку, то могла бы попасться. Гораздо лучше вернуть сумку туда, где она была все время.

Малкольм глубоко вздохнул, приготовившись, и продолжил исповедь.

— Она сказала, что будет держать меня там, пока все не уедут, и тогда решит, что со мной делать. Тренни хотела прощения, сказала она мне. Она подошла слишком близко, что-то дикое светилось в его глазах. Я схватил ее за юбки, чтобы подтащить ближе. Когда она упала, схватил за горло. Мы случайно задели панель, она снова закрылась, заперев нас вместе.

Я посмотрела на Стокера, который вышел вперед и мягко сказал:

— Успокойте свою совесть. Г-жа Тренгроуз не умерла. Она без сознания и находится в своей комнате под охраной.

Малкольм вздрогнул, прижимаясь к подушкам.

— Что теперь с ней делать? — потребовал он.

Тибериус заговорил:

— Это решать магистратам в Пенкарроне. Она будет доставлена туда, если и когда станет в состоянии путешествовать.

— Скандал, — голос Малкольма сломался. — Это навлечет позор на нас. Несмотря на все усилия держать его в узде.

Мертензия попыталась успокоить его, но Малкольм схватился за нее, костяшки его пальцев побелели, когда он сжал ее руки.

— Какая ирония, не так ли? — глаза Малкольма сверкали лихорадочным блеском. — Она думала убить меня, но случилось наоборот. Какой фарс: мы оказались надолго заперты в этой дыре вместе. Так надолго, — добавил он, начиная смеяться. — А теперь ее повесят. Ее повесят, — повторил он, все еще смеясь.

Его голос взлетал все выше и выше в истерии, и прошло очень много времени, прежде чем я забыла звук этого смеха.

Стокер безжалостно ввел Малкольму лечебную смесь из припасов Мертензии. Он приказал одной из горничных сидеть с хозяином, и мы безмолвно спустились по лестнице в гостиную. Было много чего сказать, но вместо этого мы укрылись в тишине. Стокер разлил крепкие напитки для всех, настаивая, чтобы мы приняли их в качестве лекарства от шока. Я пошла с Мертензией, чтобы посмотреть на миссис Тренгроуз. Дейзи выбежала навстречу, когда мы приехали.

— Она только что пришла в себя, — рапортовала горничная, бросая пристальный взгляд через плечо на кровать. Сгрудившись там, лишенная звящего шателена и авторитета, экономка выглядела в точности кем была — стареющая женщина без надежды.

Она открыла глаза, когда мы подошли к кровати. Это было узкая железная койка с практичным покрывалом из зеленой шерсти. Тряпичный коврик покрывал только часть пола. Маленькое окно было единственным источником воздуха или света за затемненной лампой на ночном столике. Я задавалась вопросом: поражало ли когда-нибудь Ромилли, что женщина, отдавшая большую часть жизни служа им, жила так скромно, так целомудренно. Не удобная спальня, подумала я, а келья монахини, аскетичная и простая, лишенная тщеславия или снисхождения. Мне вдруг стало ужасно грустно из-за судьбы женщины, которая провела жизнь в этих безразличных стенах.

Внезапно миссис Тренгроуз заговорила сломанным и мягким голосом.

— Мне бы хотелось поговорить с мисс Спидвелл наедине, если можно, мисс, — обратилась она к Мертензии.

Мертензия пристально посмотрела на нее.

— Отлично. Не забудь принять лекарство, — кивнула она в сторону бутылки на ночном столике.

Миссис Тренгроуз кивнула в ответ.

— Я дала слово, — заверила она хозяйку. Мертензия бросила на нее длинный взгляд, и комната погрузилась в тишину.

— Я увидела это на вашем лице, — сказала мне миссис Тренгроуз. — Жалость. Не жалейте меня, мисс. У меня была не такая уж плохая жизнь, как у некоторых.

— Но у вас, возможно, могла бы быть собственная жизнь, — запротестовала я.

Она издала ржавый звук, мало похожий на смех.

— Моя собственная жизнь! Несбыточная мечта для женщины в услужении. Ваша жизнь принадлежит им. И я никогда не возражала, поверьте. Ни разу. Я до этого жила в коттедже за Пенкарроном. Восемь

детей в доме, вечно не хватало еды. Я была худой как грабли, когда приехала в замок, чтобы стать няней Ромилли. Мистер Малкольм был еще ребенком, так давно это было. Я заботилась о нем, как будто он был моим. Когда ему исполнилось восемь, его отправили в школу. Прошло много лет, прежде чем хозяин вернулся домой по-настоящему. И он больше не был мальчиком.

Говор домоправительницы приобрел простоватые тона ее детства.

— Я любила его, любила их всех, но мистер Малкольм всегда был моим любимцем. Бремя забот о мистере Люциане и мисс Мертензии досаждало бы другому мужчине, но не мистеру Малкольму. Он отправил их в школу, потому как боялся, что не сможет их правильно воспитать. Но когда мисс Мертензия сбежала домой, он сказал, что сестра всегда будет жить здесь, раз хочет. Самый добрый брат, которого вы когда-либо видели! Я обдирала пальцы до костей для него. Сделала бы все, что ему требовалось. Обслуживала его как камердинер, готовила для него. Подстригала его волосы и чистила его ботинки. До тех пор, пока, наконец, не была повышена до экономки этого замка.

Ее глаза сияли от гордости, освещая шатлен, лежащий холодно и бессмысленно на ночном столике.

— День, когда я прикрепила ключи к своей юбке, был самым большим днем в моей жизни. И я думала, что мы всегда будем вместе, хозяин и я. Мисс Мертензия однажды выйдет замуж, ожидала я, и оставит нас. Мы вдвоем, мистер Малкольм и я, пара холостяков, будем стареть в нашем уютном уединении. Потом появилась *она*, — сказала женщина с горечью. — И все рухнуло.

— Малкольм любил ее, — напредила я миссис Тренгроуз.

— Любил! — Слово изогнуло ее тонкие губы в нечто уродливое. — Она не была достойна любви, не была достойна его.

Я уставилась на нее, чувствуя острую жалость к самому несчастному существу, которого я когда-либо знала. Ее собачья преданность была ужасна. Любая женщина, обладающая духом или силой, испытала б отвращение при одной мысли о том, чтобы отдать себя на заклятие как жертвенного агнца. По сути, это было убийство собственных независимых мыслей и чувств. В течение десятилетий миссис Тренгроуз стирала свою личность. Пока не стала ничем иным, как автоматом, движущимся по жизни своего хозяина, не думая ни о чем, кроме как услужить ему. Завоевывать его уважение, заботясь о семье, которая никогда не была ее собственной.

— Вы уверены, мисс, что никогда не сделали бы этого ради любви, —

неожиданно сказала она. — Думаете, что выше такого унижения. Но вы не знаете, что значит любить. Любить так сильно, что ничто не имеет значения, вообще ничего. Ни ваша гордость, ни ваше достоинство, ни вы сами. Ничего, кроме малышей и их счастья. Так я чувствовала с мистером Малкольмом и мисс Мертензией.

— Это не любовь.

— Возможно, — ответила она с чем-то вроде своего старого авторитета. — Но самое близкое к ней чувство, что я когда-либо знала. И когда я думала, что она отнимет это у меня... Я не смогла этого вынести.

— Розамунда, — подсказала я, вытягивая имя как призыв.

— Она была так очаровательна, было удовольствием ненавидеть ее, — продолжала экономка свою исповедь. Я несу ответственность за ее смерть и знаю, что должна заплатить за это. Я не жалею. Буду счастлива висеть за то, что сделала с ней. Люди будут насмехаться и говорить, что я убийца, но сначала она причинила ужасное зло, она так сделала. Розамунда хотела обманом навязать мистеру Малкольму роль отца ребенка другого мужчины. Это было неправильно!

— Неправильно, — согласилась я. — Но не настолько неправильно, что ей следовало заплатить своей жизнью. Она также не должна была отвечать за свои прегрешения вам. Это дело Малкольма Ромилли.

— Я была его мстителем, карая и исправляя зло, которое ему причинили.

— Тем не менее, это был не ваш выбор, не ваше место.

— Мой выбор, мое место? — Ее смех был резким. — Мне бы не было места, если бы она жила. Она угрожала выгнать меня. Я пошла к ней ночью перед свадьбой. Розамунда поссорилась с мисс Мертензией из-за сада, изображая хозяйку поместья. Я пошла к ней, умоляя быть немного добрее. Она могла позволить себе быть щедрой, сказала я. У нее есть все: хозяин, замок, имя, титул. Она лишь зло рассмеялась и велела, чтоб я занималась своими делами. И тогда я разъярилась. Я сказала ей, что счастье мисс Мертензии — мое дело, и так будет всегда. В ответ она пригрозила, что не будет, если я не оставлю свою наглость. Заявила, что я позволила себе недопустимое нахальство, что должна знать свое место и вести себя прилично. Я вышла из себя. Сказала, что знаю о ребенке, и что церковь это исправит, но у нее нет никакого морального права говорить со мной о приличиях.

— Ей это не могло понравиться, — размышляла я.

— Нет. Розамунда сказала, если я не буду держать все в секрете, она проследит, чтобы меня отправили с острова на первой же лодке. Вот тут

меня осенило, что это не может быть ребенок мистера Малкольма. До этого я думала, они просто не дождались своих обетов, понимаете. Многие пары не дожидаются. Особенно здесь, когда священник приезжает раз в месяц провести обряды женитьбы и похорон. Но Розамунда не стала бы такой белой, не начала бы дрожать, если ребенок был его. Я вспомнила, что однажды застала ее с лордом Темплтоном-Вейном, ничего шокирующего, правда. Но когда я наткнулась на них, она смотрела на него с таким выражением на лице, как женщина смотрит на мужчину, которого любит. Тогда я поняла, что она хотела сделать. Розамунда хотела подложить кукушку в гнездо, подбросить мистеру Малкольму ребенка любви, опозорить эту семью, — с горечью закончила она. — И я знала, мне снова нужно позаботиться о своих малышах и положить этому конец.

— Вы играли призрака после сеанса, не так ли?

Крошечная улыбка заиграла на ее губах.

— Мистер Люциан научил меня немного музыке, когда был мальчиком и брэнчал аккорды. Я знала: не займет много времени, как все бросятся в музыкальную комнату. Мне понадобилось лишь мгновение, чтобы заскочить в проход и уйти через библиотеку. Я рассчитывала застать мистера Малкольма врасплох, чтобы он задался вопросом, действительно ли вызвали ее призрак. Надеялась, что тогда он все бросит.

Затем она запнулась, ее глаза помутнели от страха.

— Вы ее видели? — задала вопрос я.

Она качнула головой, одно резкое встряхивание.

— Нет, мисс. Но я знаю, она была там. Позже той ночью я пробралась в музыкальную комнату и почувствовала ее присутствие. Я знала, что она пришла.

Я могла бы сказать ей правду тогда. Было бы добрым поступком сказать ей правду, что это я была в музыкальной комнате. Но доброта не главное из моих достоинств. Я промолчала и позволила ей поверить, что дух Розамунды Ромилли был вызван в ту ночь.

Я наклонилась вперед, мой голос уговаривал:

— Г-жа Тренгроуз, что вы сделали с Розамундой после ее смерти? Если вы сообщите нам, и ее смогут похоронить надлежащим образом, возможно, его светлость замолвит за вас словечко.

У меня было мало уверенности, что виконт сделает что-нибудь подобное. Скорее, подозревала я, Тибериус сам с радостью затянет веревку на ее шее, отомстит женщине, убившей любовь всей его жизни. Но этот мост еще предстояло пересечь.

Я смотрела на нее с надеждой, но она отмахнулась от меня.

— Я устала, мисс Спидвелл. Рада, что хозяин в безопасности, и мне пора спать. — Она кивнула в сторону бутылки, которую оставила Мертензия. Я налила ложку смеси, как она указала. Подождала, пока экономка не уснула, накрыв ее одеялом в знак милосердия, прежде чем уйти.

Мертензия ждала за дверью, когда я вышла.

— Вы отослали охранника? — я глянула на пустой стул, где до этого сидел Каспиан с дробовиком, неловко переломленным на колене.

— Сейчас это больше не нужно, — просто сказала она.

Я передала бутылку, которую взяла с ночного столика. Крошечный череп был выгравирован в углу этикетки.

— Никогда больше, надо думать.

Она пристально посмотрела на меня.

— Вы скажете им?

Я медленно покачал головой.

— Это не мое дело.

— Я должна была, — яростно взорвалась она. — Вы слышали, что сказал Малкольм о скандале. Он и без того почти неуравновешен. Восстановится ли он должным образом, не знаю, но могу гарантировать, если его протащит по грязи каждая дешевая газета в Англии, его уничтожат. Это был единственный способ.

Я ничего не сказала, и она расправила плечи.

— Я предоставила выбор, а не заставила ее принимать яд. Тренни желала искупить вину, и это был единственный выход.

— Такая смерть легче, чем она заслуживает, — отметила я.

— Но это даст Малкольму шанс на лучшую жизнь, — сказала она, и я не могла возразить ее логике.

Я повернулась, чтобы оставить ее. Мертензия положила руку мне на рукав.

— Спасибо.

Я кивнула на закрытую дверь.

— Идите к ней. Даже убийца не должен умирать в одиночестве.

* * *

По дороге в гостиную я зашла в часовню замка, крошечную комнату для молитв, существовавшую с первых дней Ромилли на Сан-Маддерн. Десять шагов поперек в идеальном квадрате с крошечным алтарем,

установленным перед витражом с изображением покровителя острова. Я знала, что у святого были другие имена — Мадерн, Мадрон — и что он был отшельником, посвятившим жизнь исцелению. Я не верила в религию, старую или новую. Но на всякий случай, если старый святой наблюдал за своим островом, я выразила горячее желание, чтобы он снова использовал свои таланты и одарил добротой семью Ромилли. Небеса знали, они остро нуждаются в исцелении.

Это было успокоительное место, с единственной скамьей, обтянутой алым бархатом, плиткой из черного и белого мрамора под ногами. Древний аромат ладана висел в неподвижном воздухе. Сводчатый потолок был пронизан резьбой с фруктами и рыбами острова, напоминая молящимся, что они наслаждаются редким и чудесным изобилием. Когда я повернулась, чтобы уйти, я увидела еще одну фигуру, прикрытую узкой резьбой на перекладине двери. Русалку, языческую прародительницу Ромилли, которую увековечили здесь, в этом самом христианском из мест. Интересно, присматривает ли она за живущими на ее острове? Я надеялась на это. Я поклонилась ей, когда уходила.

Глава 21

Я нашла остальных в гостиной. Стокер приволок подставку для графинов с вином из столовой и взломал замок, щедро раздавая бренди, чтобы релаксировать потрясения дня. Я ненадолго задержалась в маленькой часовне, но времени было достаточно, чтобы миссис Тренгроуз скончалась. Когда я вошла в гостиную, Мертензия присоединилась ко мне. Она ничего не сказала остальным за исключением того, что Тренни тихо и внезапно скончалась. Стокер покосился на меня, и я кивнула осторожно, чтобы только он мог видеть. Я знала, какой молчаливый вопрос он задал, и знала, что он правильно истолковал мой ответ. Другим я не говорила ни о маленькой бутылочке с черепом на этикетке, ни о выборе, который Мертензия предоставила Тренни. Смерть старухи прошла легче, чем она заслуживала, но это избавит семью от убийственного скандала.

Атмосфера была несчастной, и причина вскоре стала очевидной.

— Что было решено? Что вы будете делать? — осведомилась я у Тибериуса.

Собравшиеся повернулись к нему в едином порыве, наблюдая за ним жадными глазами. Выражение лица его светлости было непостижимым.

— Я едва ли знаю. Малкольм наполовину сошел с ума. Миссис Тренгроуз созналась в убийстве, а Розамунда все еще пропала. Завтрак дьявола! Бог знает, что из этого получат судьи.

— Нужно ли им об этом сообщать? — нерешительно спросила Мертензия.

— Прошу прощения? — он задал вопрос с идеальным высокомерием.

— Хорошо, — начала она медленно. — Мы не знаем точно, что случилось с Розамундой, это правда. Но Тренни призналась, что убила ее, так что теперь мы знаем больше, чем раньше. Любившие Розамунду могут ее оплакивать. Что касается справедливого правосудия, убийца встретилась с ним. Пусть не веревка в тюрьме Ньюгейта, но тем не менее, ее настигла смерть. Тренни заплатила за преступления. Конечно, мы можем договориться об этом.

Она осмотрела группу, но никто долго не произнес ни слова.

— Так что вы предлагаете, Мертензия? — наконец задал вопрос Тибериус.

— Оставьте все как есть, — просто сказала она. — Не говорите с властями на материке.

Виконт иронично рассмеялся.

— Думаете, что можете скрыть убийство?

— На этом острове мы прикрывали и худшее, — сообщила она. — Ромилли промышляли контрабандой и пиратством в этих водах веками, и жители острова ничего не знали.

Каспиан поддержал тетку.

— По крайней мере, в этом деле мы находимся на правой стороне, даже вы должны это признать, — он бросил вызов, вздернув подбородок и с намеком глядя на Тибериуса.

— Я не должен ничего признавать, — хладнокровно отразил атаку виконт. — Вы забываетесь, Каспиан. И вы запомнили главное в этом деле. Розамунда. Она была началом всей эпопеи, и у нее нет надлежащего захоронения. Я непременно сообщу об этом властям, — мстительно пообещал он.

Хелен вышла вперед, присоединившись к своему сыну и невестке, заговорив нежно:

— Я понимаю, что вы пострадали. Но должны ли мы все продолжать страдать? Подумайте о скандале, который это вызовет. Для нас, а также для вас. От этого не уйдешь.

Тибериус допил последний стакан.

— Я сообщу об убийстве Розамунды и буду настаивать на поиске ее тела. Я разберу этот остров, камень за камнем, пока она не будет найдена. И если к тому времени, когда я закончу, ничего не останется от острова Сан-Маддерн, от Ромилли или самого Атлантического океана, мне все равно, черт возьми.

Каспиан шагнул вперед, стоя лицом к лицу с Тибериусом. Он выплеснул немного бренди из своего стакана, когда театрально взмахнул рукой.

— Я не позволю вам навредить моей семье, — произнес он, его голос только немного дрогнул.

Тибериус наградил его тонкой улыбкой.

— Мой дорогой мальчик, вы не можете остановить меня.

Он осторожно поставил стакан, встал, застегивая манжеты и осматривая испуганные лица.

— Я уеду утром. Считайте это моим прощанием со всеми вами.

Он повернулся на каблуках и вышел из комнаты, осторожно закрыв за собой дверь. Хелен издала тихий звук протеста, Мертензия произнесла ругательство, которое, похоже, выучила у Стокера — настолько оно было красноречиво. Каспиан пошел ставить свой бренди на каминную полку, но

стакан выскользнул из его нервных пальцев, пролив янтарную жидкость в очаг. Не заботясь о нем, он бросился на стул и закрыл лицо руками.

— Мы погублены, — трагично вымолвил юноша.

— Ты пытался, — утешала его мать. — Доблестное усилие, крошка. Я никогда не гордилась тобой больше. Ты противостоял на равных пэру королевства!

— Какая разница? — потребовал он, опустив руки. — Мы погублены.

Я смотрела на очаг, на лужу бренди на темном камне, размышляя о миссис Тренгроуз. Стокер подошел и встал рядом со мной.

— Кажется, совсем недавно я стояла с миссис Тренгроуз, потягивая бренди и болтая о призраках, — реминисцировала я.

— Колесо Фортуны вращается... Ты сказала, потягивая бренди с миссис Тренгроуз? Она пила только чай.

— Ей нравилось крепкое спиртное, — призналась я.

— Но она избегала пить островное вино, — указал Стокер. — Даже чтобы проверить его качество, прежде чем перельет его в большую бочку в подвале.

Я уставилась на него.

— Даже не предлагай этого, — прошипела я.

Он потащил меня к выходу, не обращая внимания на взгляды других. Я схватила его руку, когда мы прошли через кухню к железной двери, ведущей в подвалы. Стокер остановился, ругаясь.

— Заперто, и, без сомнения, ключ все еще у миссис Тренгроуз.

Я достала две шпильки из своего узла Психеи[29] и передала Стокеру. Он вставил шпильки в замок, и мгновенной, ловкой манипуляцией открыл его.

— Ты должен научить меня, как это делать, — предупредила я. Он открыл дверь, и я бросилась вперед, вниз по каменной лестнице, ведущей к подвалам, Стокер следовал по пятам. Мы остановились рядом с большой бочкой, уставившись на нее с немим ужасом.

— Я не могу думать об этом, — наконец удалось вымолвить мне.

— Это единственное место, где мы не смотрели. И миссис Тренгроуз получила задание искать Розамунду во всех уголках замка. Включая погреб.

— Она могла вынести тело и бросить в море, — упорствовала я.

— Это слишком далеко. Ее бы могли увидеть, — возразил он.

Я вздохнула и указал на топор, висящий на стене.

— Тебе это понадобится.

— Опасность быть замеченной, казалось, не беспокоила миссис

Тренгроуз, когда она послала нас к гибели, — припомнила я, когда Стокер поднял топор.

— Было темно, поднимался туман, и прошел всего день после сильного шторма. Маловероятно, что ее увидели бы. Розамунда исчезла в яркий летний день. — Стокер крепко сжал топор и сделал паузу. — Вероника, — сказал он, и я обернулась, увидев выражение мучительного нежелания на его лице.

— Знаю. — Я отступила назад, указав на самую большую бочку с вином. — Сделай это сам.

Он поднял топор и взмахнул им над головой. Потребовалось три удара, прежде чем Стокер разбил боковую часть бочки. Была пауза, затаивший дыхание момент, когда ничего не произошло. Затем полилось вино, темно-алые реки, точно старая кровь пролилась на пол. Наконец появилась рука, тонкая, обернутая в свадебный атлас, окрашенная в цвет виноградной кожуры. На безымянном пальце тускло светило кольцо — тонкая золотая полоска.

— Боже мой, — выдохнул Стокер.

Я знала, это не было проклятием. Это была молитва.

* * *

Мы не сказали Тиберииусу, пока не вытащили ее из бочки, не выложили и не расправили свадебное платье. Я вытерла лицо и руки Розамунды чистой тканью, смоченной в уксусе, и Стокер нашел простыню, чтобы прикрыть шею. Волосы были окрашены вином и сильно испачканы, но выражение лица казалось спокойным.

Я не люблю вспоминать о последующих часах. Тиберииус был сломлен ее видом и без слов отступил в свою комнату. Мертензии пришлось позаботиться обо всем, принять необходимые меры. Каспиан и Стокер закончили копать в полночь. Когда все было готово, Мертензия вызвала нас в ядовитый сад, дав каждому из присутствующих свечу, и мы торжественно собрались под охранной фигуры корабельного святого.

— Что это? — растерялся Тиберииус.

Мертензия вышла вперед.

— Вы сказали Каспиану, что не оставите нас в покое до тех пор, пока она не будет похоронена. Именно это я и хочу сделать.

— Это сад, — обратилась к нему я. — Первое место Божьего творения

для человечества. Столь же священное место, как любое другое. Если вы хотите гимны, мы будем петь их. Если вы хотите молитвы, мы помолимся.

Тибериус колебался.

— Малкольм должен быть здесь.

— Малкольму нехорошо, — новая властность успокоила ее голос, когда Мертензия стояла лицом к лицу с ним. — Я все объясню ему, когда он сможет это понять. Пока он будет отдыхать.

Тибериус медленно обернулся, принимая сообщение. Сразу за ним была каменная стена, увитая жасмином, аромат наполнял ночной воздух. Безмятежное лицо корабельной фигуры по имени Мерси наблюдало непрозрачными глазами.

— Очень хорошо, — хрипло сказал он. — Пусть так и будет.

У нас не было времени для гроба. Мертензия раскопала на чердаках драпировки, тяжелую золотую парчу, и Розамунду тщательно в них обернули. С бесконечной нежностью Каспиан и Стокер двинулись, чтобы бережно положить ее в могилу. Каждый из нас взял горсть земли и бросил на мерцающую ткань, предлагая мирный проход молодой женщине, которая навсегда останется в саду на берегу моря.

Наконец настала очередь Тибериуса. Мы отступили назад, чтобы дать ему уединение, когда он упал на колени у края могилы. Я слышала его голос, тихое долгое бормотание. Он в последний раз говорил с любовью своей жизни. Потом услышала глухой шум, когда земля из его руки упала на золотую ткань. Тибериус встал и взял лопату из рук Каспиана. Вместе он и Стокер завершили кропотливую задачу, заполнив землей могилу. Когда они закончили, Стокер положил руку на плечо брата, и Тибериус на мгновение накрыл его руку своей. Потом он пожал плечами и пошел к *Cestrum*, даме ночи, отрезав длинную веточку, чтобы положить на земляную насыпь. Белая и ароматная, она напоминала свадебный букет. Мы долго стояли в саду. Поднялась луна, излучая перламутровый свет, и над всем этим распространялся запах звездных цветов жасмина, летящий над морем.

* * *

К следующему утру все было решено. Когда Малкольм выздоровеет достаточно, чтобы путешествовать, Каспиан и Хелен возьмут его в длительный тур по Италии. Иностранная страна без знакомых, задающих вопросы, была идеальным выбором. Они планировали уехать минимум на

год, пока Малкольм примирится со всем, что случилось. Тем временем Мертензия будет действовать от имени хозяина острова Сан-Маддерн. Учитывая решительность и авторитет, проявленные ею в ту роковую ночь, я почти не сомневалась, что остров окажется в хороших руках.

Весть о кончине миссис Тренгроуз была принята с облегчением со всех сторон, хотя Тибериус, казалось сожалел о том, что ее конец был спокойным. Потребовалась небольшая осторожная дискуссия, прежде чем судьба миссис Тренгроуз была решена, и, в конце концов, возобладало предложение Стокера. В своих беседах с местными рыбаками он обнаружил, что на острове иногда тайно проводились похороны в море для тех, кто тихо умер дома и предпочитал утешение бездны кладбищенскому погосту. Он объяснил, что стремительное течение унесет сброшенное в исходящий поток. Поэтому ее доставили на галечный пляж на западном краю острова. Тело положили в маленькую лодку и отправили в море, наблюдая, как волна повернула, унося печальный груз за горизонт.

— Это лучше, чем она заслужила, — сказал Тибериус, следя, как крошечный кораблик подбрасывает и качает на волнах.

— Возможно, — ответила я. — Но справедливость достигнута. И мертвецы наконец могут отдохнуть.

* * *

Мы собрали вещи и приготовились покинуть замок на следующей неделе. Все были затронуты странными событиями. Мертензия и Каспиан на этот раз были благодарны компании. Я провела много времени с Мертензией в саду, готовя свои прекрасные образцы Glasswings и изучая их привычки. Стокер и я больше не разговаривали друг с другом о ночи на Первой Сестре. Ночи, когда было сказано так много вещей, о которых нельзя говорить. Предчувствие того, что лежало перед нами, кипело во мне, и я не раз ловила на себе его взгляд, согретый ожиданиями.

В последний день после обеда я отправилась в деревню проводить Матушку Нэнс, что повлекло за собой множество кружек сидра и несколько загадочных замечаний.

— За долгий путь, в который вы отправитесь, — подмигнула она, поднося ко рту свою кружку. — Вспоминайте меня по-доброму, дорогая.

Я медленно поднялась по тропинке к вершине Сан-Маддерна, последние солнечные лучи летели мне в спину. Я только прошла через ворота, ведущие к территории замка, как появился Стокер.

Поравнявшись со мной, он остановился, его глаза горели.

— Добрый день, — формально приветствовала я. Мы провели последнюю неделю в пене предвкушения, едва осмеливаясь находиться вместе в одной комнате, настолько сильными были наши желания. Я больше не спала ни одной ночи, мучая себя откровенно непристойными мыслями, и заметила, что Стокер дважды в день плавал в холодных водах Атлантики, чтобы ослабить свой пыл.

Медленная улыбка распространилась по его лицу.

Я обвила руками его шею.

— Мне жаль оставлять остров.

— А мне нет. У меня есть планы на тебя в Лондоне.

— Лондон, — выдохнула я, закрыв глаза.

— Лондон, — повторил он. — Где будем только мы вдвоем. Ни Тибериуса, ни Ромилли. Ни убийц, ни бывших жен, ни трупов. Только мы.

Стокер склонил голову, горячо демонстрируя свои намерения. Он начал добиваться значительных успехов, когда позади нас раздался легкий кашель. Зубы Стокера, сильные и острые, защемили мою мочку, он слегка зарычал от разочарования.

— *Что*, Питер? — потребовал он, глядя на маленького мальчика, который терпеливо улыбался нам, размахивая куском бумаги.

— Телеграмма для леди, — объявил он. Стокер искал у себя в кармане монетку, пока я просматривала строчки.

— Это от леди Велли. Убийца Уайтчепела снова нанес удар, — сказала я. — Она не говорит, чего хочет от нас, только, что мы должны немедленно вернуться, и что это вопрос жизни и смерти.

Я ожидала, что Стокер будет протестовать, но мне следовало знать его лучше. Приключение ревело в его крови, как и в моей. Снова отправляемся в путь!

— Итак, еще одно приключение, — на губах медленно проступила улыбка, освещающая его лицо, как языческого бога. — Начнем? Рука об руку?

— И спина к спине, — добавила я с усмешкой. — Чтобы лучше видеть наших врагов.

Спиной к спине также совокуплялись бабочки, но я подумала, что лучше сохранить такое наблюдение для более интимного момента.

— Тогда вперед, — сказал он.

Я схватила его за руку и мы помчалась к замку под лучами западного солнца.

— Excelsior!

Авторские замечания

Бабочка *Romilly Glasswing*, *Oleria romillia*, является вымышленной, изобретенной для целей этой книги, но основанной на одном из видов яснокрылых бабочек *Clearwings*, впервые описанных в 1934 году. Эти четырехногие экземпляры родом из Америки и, хотя и меньше, чем воображаемые *Romilly Glasswing*, так же красивы.

Рэйборн Диана

Убийственная связь.

Глава 1

Лондон, Октябрь 1888

— Что, во имя пылающего ада, ты имеешь в виду? Как его светлость может просить, чтобы я совершил богослужение на черепашьей свадьбе? — потребовал Стокер.

Он выглядел искренне возмущенным. Отличный вид, поскольку негодование заставило голубые глаза Стокера светиться. Мускулы соблазнительно натянулись, когда он скрестил руки на груди. Я оторвала взгляд от его плеч и попыталась снова объяснить просьбу нашего работодателя:

— Его светлость желает, чтобы Патриция вышла замуж, и спрашивает, не проведешь ли ты церемонию, - повторила я.

Факт, что граф Розморран обратился с такой просьбой, не должен был удивлять Стокера. Это далеко не самое возмутительное, что мы проделывали с тех пор как поселились в Бишоп-Фолли, поместье его светлости в Марилебоне. Мы занимались каталогизацией и приведением в порядок коллекции Розморрана (накопленной благодаря нескольким столетиям благородной алчности предыдущих графов) в надежде сделать ее настоящим музеем. Время от времени нам случалось отвлекаться на отслеживание убийц и шантажистов. Из-за этого мы немного отставали в работе, и последняя идея его светлости не способствовала улучшению ситуации.

— Вероника, — сказал Стокер с преувеличенным терпением, — Патриция — галапагосская черепаха. Ей не требуется благословение церкви.

— Я понимаю это. И даже если бы требовалось, ты не священнослужитель. Дело в том, что в последнее время Патриция очень беспокойна. Его светлость консультировался по этому вопросу. Видимо, ей нужен муж.

Патриция была подарком от Чарльза Дарвина дедушке нынешнего графа, сувенир из его путешествий на Галапагосские острова. Ее основной деятельностью было поглощать салат латук и распугивать посетителей, неуклюже передвигаясь с презрительным выражением на лице. Она походила на булыжник, насколько это возможно для живого существа.

Единственный интерес вызывали моменты, когда ей удавалось перевернуться вверх тормашками — требовалось по крайней мере три взрослых человека, чтобы исправить ситуацию.

Но в последнее время Патриция стала прятаться в кустах и печально стонать. Граф посоветовался с зоологом, который предположил, что она устала быть черепахой-девственницей. Все это, ужасно покраснев, сообщил мне его светлость.

Я объяснила проблему Стокеру, присовокупив:

— Так что его светлость заказал подходящего самца. Имеются основания полагать, что после спаривания Патриция будет в полном порядке.

Выражение лица Стокера было болезненным.

— Но почему свадьба? Черепахи не особо религиозны.

Я сопротивлялась желанию закатить глаза.

— Конечно, нет. Но леди Роуз сейчас дома и подслушала, как ее отец обсуждает партнера Патриции.

Стокер поднял подавляющую руку, не давая мне закончить. Упоминания младшего и не по годам развитого ребенка графа оказалось достаточно.

— Понятно. Но почему я должен выполнять церемонию? Почему его светлость не может?

— Потому что граф отдает невесту.

Рот Стокера дернулся, но он сохранял серьезное выражение.

— Отлично. А пока я венчаю черепах, что будешь делать ты?

— Я? — Я снисходительно улыбнулась. — Мне оказана честь быть подружкой невесты.

• • •

Хотелось бы мне сказать, что свадьба черепахи была наиболее эксцентричным заданием, которые мы выполняли, работая на его светлость. Однако я поклялась быть правдивой на этих страницах. Даже когда я уговаривала Стокер возглавить бракосочетание рептилий, я прекрасно осознавала, что мы оказались у обрыва нового опасного расследования.

Наши предыдущие вылазки в роли сыщиков-любителей были в значительной степени случайными. Результат ненасытного любопытства с моей стороны и нежелания оставить меня в одиночестве у Стокера. (Он утверждает, что участвовал в убийственных авантюрах исключительно ради моей безопасности. Но, между прочим, я спасла его жизнь по меньшей мере в одном случае. Так что этот аргумент столь же показателен,

как теория наследования Ламарка).^[1]

Едва нам удалось, пройдя преддверие ада, выбраться из рук убийцы в Корнуолле, как нас вызвала в Лондон леди Веллингтония Боклерк.

Леди Веллингтония Боклерк — пожилая двоюродная бабушка графа Розморрана и «серый кардинал» за троном. На протяжении большей части 19-го века она и ее отец взяли на себя миссию защиты королевской семьи (не в последнюю очередь от них самих). Вмешательство леди Велли носило стратегический характер. Никто, кроме королевской семьи и горстки влиятельных людей, не подозревал о силе ее власти. Она обычно дважды в месяц обедала с архиепископом Кентерберийским, регулярно пила чай с министром иностранных дел и держала под контролем главу Особого Отдела Скотланд-Ярда.

Последний — сэр Хьюго Монтгомери — когда-то был моим союзником, хотя и с зубовным скрежетом. Как и леди Велли, он знал, что мой настоящий отец — принц Уэльский. Принц меня не признал (что идеально мне подходило), но даже сам факт моего существования таил опасность. Женидьба моих родителей считалась незаконной: она была ирландкой римско-католической церкви и ему запрещалось вступать в брак без разрешения его августейшей матери, королевы Виктории.

— Берти всегда был романтиком, — однажды сказала мне леди Велли с томным вздохом.

— Есть другие слова для этого, — ответила я сухо.

Леди Велли не одобряла инакомыслия, когда дело касалось ее любимцев, а мой отец занимал особенно уютное место в чувствах этой дамы. Возможно поэтому она снисходительно относилась ко мне, закрывая глаза на мою нетрадиционную профессию лепидоптеролога. Охота на бабочек считалась приличным занятием для женщин. Разумеется, при условии, что леди имела должное сопровождение и никогда не потела. Однако я зарабатывала на жизнь сачком, путешествуя по свету в поисках самых великолепных образцов для продажи частным коллекционерам.

Вдобавок я использовала свои экспедиции для удовлетворения здорового либидо. Будь даже союз моих родителей санкционирован церковью и государством, факт, что я нередко совмещала бизнес с удовольствием, делал невозможным для принца признать меня официально. Сама леди Велли во времена юности регулярно предавалась освежающим физическим контактам, что без сомнения повлияло на ее снисходительное принятие моих действий. На самом деле она не раз поощряла их, по крайней мере в том, что касается Стокера.

Несмотря на притяжение между нами и взаимную влюбленность, мы

до сих пор сопротивлялись более примитивным побуждениям. Стокер часто плавал в любом доступном пруду или реке, чтобы охладить свой пыл. Я топила желания в усердных научных исследованиях, порой вечерами сортируя коллекцию фаллических артефактов — подарок благодарного джентльмена, нашими усилиями избежавшего петли.

В ходе последнего приключения мы наконец-то отбросили сдержанность. Приходилось признать, что любопытная умственная и эмоциональная связь, которую мы разделяли, включает также физический элемент. Во всяком случае, так я предпочитала это формулировать. Честно признаться, дорогой читатель, я была готова к соитию, как кобыла готова к жеребцу. Стоило Стокеру приблизиться, и у меня кипела кровь. Воздух трещал между нами, точно в одном из электрических экспериментов Гальвани. Слава богу, мы не оставались наедине в купе на обратном пути в Лондон. В противном случае, боюсь, настойчивое раскачивание поезда сломало бы мое ослабевшее самообладание.

Стокер, как выяснилось, обладал большей благопристойностью. Леди Велли, пожалуй, объявила бы его тоже романтиком. Он настаивал, чтобы наш первый союз был должным образом отмечен — то есть в постели.

— Удобная кровать, — добавил он твердо, — с широким матрасом, прочной рамой и изголовьем, готовым многое выдержать.

Я моргнула при этом ультиматуме, но благоразумно согласилась: действительно, потребуются время и уединенность, чтобы полностью насытить нас обоих.

В результате мы вернулись в Лондон в лихорадочном ожидании, счастливо споря, чьи апартаменты больше подходят для утонченного разврата. Лорд Розморран разместил нас в двух безумных сооружениях в своем поместье: Стокера в китайской пагоде, а меня в миниатюрной готической часовне.

— У меня кровать шире, — отметила я.

— Зато моя ближе к римским храмовым баням, — напомнил он.

Я впала в задумчивость. Меня отвлекла мысль об очень влажном, очень раздетом Стокере и горячем, тяжелом воздухе спа, их огромных бассейнах с горячей водой и удобными диванами.

— Отличный аргумент, — мне удалось проговорить.

Но прибыв в поместье, мы обнаружили, что сантехника в римских банях взорвалась, повредив храм и соседнюю пагоду Стокера.

— Не беспокойтесь, — успокоил Стокера лорд Розморран, не подозревая о нашем затруднительном положении и бодро не обращая внимания на наше смятение. — Я заставил Ламли перенести ваши вещи в

дом. Вы можете спать наверху. Рядом с детской спальней есть очень хорошая гостевая комната.

Я потратила большую часть дня, пытаюсь решить: должен ли Стокер удрать из дома той ночью или мне ворваться к нему. В итоге вопрос разрешился сам собой. Из-за подготовки к предстоящему бракосочетанию черепах в домашнем хозяйстве все пошло кувырком, и в разгар хаоса леди Велли послала за нами.

Нас вызывали депешей в Лондон по ее настоянию. Дерзкий убийца, известный как Джек-потрошитель, развязал кровавый террор, убивая свои жертвы с такой жестокостью, что привлек внимание всей нации и леди Велли. Из газет мы знали, что злодей снова нанес удар — две жертвы убиты в одну ночь. Именно это ужасное двойное преступление заставило ее отправить телеграмму, настаивая на нашем срочном возвращении.

Приключения в Корнуолле подошли к концу.

Лондон контрастировал дымными туманами с бодрящим воздухом Корнуолла, послеполуденные лампы фонарей освещали ранний октябрьский мрак. Леди Велли ждала нас в своих апартаментах с настороженным и хмурым видом. Часы на каминной полке тихо тикали, в углу стояла большая позолоченная клетка, в которой дружески болтали два попугая-неразлучника.

Леди Велли бросила многозначительный взгляд на часы.

— Наконец-то, — ворчливо сказала она вместо приветствия.

Стокер наклонился поцеловать ее в сухую щеку. Она не ухмыльнулась, как обычно, но выражение ее лица немного смягчилось.

— Прошу прощения, — извинилась я. — Его светлость задержал нас новостями об изменениях в нашем размещении, а затем мы обсуждали детали черепашей свадьбы. Патриция должна быть невестой.

Когтистая ладонь Леди Велли изогнулась поверх ее трости.

— Знаю. Меня попросили дать немного хонитонского кружева для фаты. Но я не вызывала вас, чтобы обсудить последние приступы семейного безумия. Мне нужна ваша помощь.

Леди Велли всегда была прямолинейна, но редко так откровенна. Стокер бросил на меня взгляд.

— Убийца из Ист-Энда. Мы читали последние газеты в поезде сегодня утром. У него явная склонность к проституткам, у этого парня.

— Они не проститутки, — тут же поправила она. — Газеты знают, как подогреть интерес публики. Но можно однозначно сказать о несчастных — это женщины, которые торговали собой в моменты необходимости. Ни одна из них не была профессиональной проституткой.

— Есть ли разница? — вставила я.

— Полагаю, для них есть, — ответила она.

Ее рука сжала нервно трость, и я заметила, что она не предложила нам угощения. Леди Велли следила за часами на каминной полке. Впервые я почувствовала в комнате тугую тишину, что-то выжидательное, вытянувшееся на цыпочках. Даже попугаи замолкли.

Она продолжила:

— Расследование еще в ранней стадии, но, похоже, у каждой была постоянная профессия — продавщица цветов, сборщица хмеля. Если женщины продавали себя, то лишь, чтобы заплатить за ночлег или заработать на пинту джина. Когда они нуждались в наличных и ничего не оставалось для залога, они использовали свое единственное имущество.

— Бедные дьяволы, — тихо сказал Стокер.

Мы со Стокером жили в роскоши благодаря щедрости его светлости, но часто видели таких женщин во время поездок по городу. Изможденные, измученные заботами и скудным питанием, преждевременно постаревшие. Тело было их единственным товаром. Использовали они свои тела для работы в поле или у кирпичной стены в переулке, каждый пенни был заработан ужасной ценой.

Леди Велли прочистила горло.

— Да, итак. Как вы можете себе представить, пресса беснуется. Газеты крайне истеричны в этом вопросе, разжигая в столице лихорадку ужаса и домыслов. Мне не нравится настроение в настоящее время. Все возможно.

Она прищурилась, и я договорила за нее:

— Вы имеете в виду, что республиканизм снова на подъеме.

— В каждом квартале волнения. Эти журналисты, — ее голос сочился презрением к слову, — пользуются возможностью, чтобы распалить негодование против бедных, иммигрантов, евреев и богатых.

— Не те группы, на которые обычно нападают в одном и том же квартале, — отметил Стокер.

— Сейчас нападают. Средний класс полностью готов ненавидеть в обоих направлениях. Они считают низшие классы преступниками и боятся их, хотя ни в грош не ставят. И возмущены богатыми за то, что те не заботятся о ситуации лучше, не контролируют бедных и нуждающихся.

Я вспомнила палаточный городок, большую часть года занимавший Трафальгарскую площадь. Ряды временных сооружений, приютивших тех, кому больше некуда идти. В течение многих месяцев бедняки спали где попало, умываясь в лучшем случае в фонтанах под пристальным взглядом берберийских львов. Не хватало суповых кухонь, приютов и ночлежек,

чтобы всех накормить и согреть.

Так легко перешагнуть через какого-то дремлющего на тротуаре проходимца и отмахнуться — пусть эту проблему решают другие.

— Настроение становится опасным, — продолжала она. — Доброжелательность от прошлогоднего юбилея, похоже, испарилась.

Королева Виктория, опустошенная вдовством, ушла из общественной жизни, погрузившись в каменную тишину Виндзорского замка. Минуло уже два с половиной десятилетия со дня смерти принца Альберта. И нежелание королевы показываться народу вызвало раздражение, перешедшее в откровенную дискуссию: актуальна ли вообще монархия в наше время.

Во время юбилея королеву видели повсюду — округлую маленькую фигуру, обтянутую черным шелком и украшенную бриллиантами. Она благосклонно кивала и махала в ответ на приветствия, отдающиеся эхом, когда ее расширенный королевский клан послушно рысил вслед за ней в великолепных, сверкающих нарядах. Но год — долгое время в общественной памяти. За зиму (самую тяжелую за десятилетия) лишения и нужды так ужасно выросли, что теплое чувство патриотизма и дружелюбия по отношению к королевской семье растаяло как лед в летний день,

Леди Велли крепче стиснула трость.

— Это наихудший момент для развития любого скандала.

Она сделала паузу. Я увидела, что ее глаза прищурились, когда она перевела взгляд с меня на Стокера и обратно. Внезапно я поняла это чувство напряженного ожидания.

— Кто из них? — поинтересовалась я.

— Скоро увидите, — мрачно отозвалась она.

Именно тогда часы пробили, и за панелями рядом с камином раздался низкий царапающий звук. Леди Велли посмотрела на Стокера.

— Откройте. Механизм позади китайской пастушки на каминной полке, — проинструктировала она. Стокер послушно нажал скрытую кнопку на камине. Панели за камином распахнулись на бесшумных петлях. Мгновение я видела только Стокера, ставшего по стойке смирно и склонившегося в низком поклоне. Леди Велли медленно поднялась, а затем погрузилась в глубокий реверанс. Вошла высокая стройная фигура, окутанная тяжелой черной вуалью.

Я обнаружила, что стою, бессознательно вскочив на ноги. Она оказывала такое влияние на людей.

— Ваше королевское высочество, — сказала леди Велли. — Мисс Вероника Спидвелл и мистер Ревелсток Темплтон-Вейн, младший брат

виконта Темплтон-Вейна. Вероника, Стокер, ее королевское высочество,
принцесса Уэльская.

Глава 2

Принцесса откинула вуаль. Даже без представления леди Велли я знала это лицо. Оно смотрело на меня из бесчисленных витрин магазинов, украшало бесчисленные газеты и модные журналы. Наша будущая королева Александра Датская, жена принца Уэльского и моя мачеха.

Еще одна фигура стояла позади нее в тени, и я вскрикнула от удивления:

— Инспектор Арчибонд!

Инспектор не был моим большим другом. Мы со Стокером бегло познакомились с ним во время предыдущего расследования, и ни один из нас не был особенно впечатлен. Он считал нас навязчивыми и своевольными. Мы считали его нудным и нервным.

Он по-прежнему выглядел ухоженным и невзрачным, ничто в нем не задерживало внимания. Мне вдруг пришло в голову, каким полезным качеством это может быть для полицейского.

Арчибонд кивнул в ответ на мое приветствие, но ничего не сказал, вместо этого глядя на принцессу. Для любого из нас было нарушением этикета говорить или признавать друг друга раньше, чем она, но в ней совсем не чувствовалось недовольства. Принцесса села и указала, чтобы остальные тоже сели. Изящный жест, как и все, что она делала. Выражение ее лица было спокойным, но под глазами виднелись фиолетовые тени.

Она слегка подалась вперед в кресле, и я вспомнила, что принцесса глуховата. Она подарила мне ласковую улыбку.

— Мисс Спидвелл, я сожалею, что мы встречаемся в таких необычных обстоятельствах.

Я украдкой бросила взгляд на леди Велли и снова перевела его на мачеху. Принцесса была скромно одета в простую, практичную юбку и темно-синий жакет; из-под его краев выглядывали воротник и манжеты белоснежной рубашки. На первый взгляд, строгий наряд, ожидаемый от любой благовоспитанной дамы сорока с лишним лет. Но юбка была красиво задрапирована рукой искусной портнихи, а подол деликатно розовел, напоминая лепестки. Умеренный выбор драгоценностей: тяжелый медальон, обручальное кольцо, к лацкану прикреплены эмалированные часы, под манжетами мерцал жемчуг. Шляпа была немного шире, чем требовала мода, с плотной черной вуалью, чтобы скрыть все еще красивое

лицо.

Лицо, которое я, возможно, была бы счастлива увидеть в другое время и в другом месте.

— Право, не сто́ит, Ваше королевское высочество. Это не первый раз, когда меня вызывает принцесса, желающая остаться инкогнито, — сказала я ей, мысленно возвращаясь к роковой встрече с младшей сестрой моего отца. Встрече, закончившейся кровопролитием.

Принцесса не вздрогнула.

— Луиза, — пробормотала она. — Да, она и леди Велли красноречиво говорили о ваших способностях.

Я склонила голову, никак не комментируя комплимент. Через мгновение принцесса продолжила:

— Именно по совету леди Велли я попросила устроить встречу с вами, мисс Спидвелл. И с вами, мистер Темплтон-Вейн, — добавила она, глядя на Стокера. — Мне известны ваши прошлые достижения и я надеюсь, что вы сможете помочь мне сейчас.

— Помочь вам? С чем, мэм? — осведомился любезно Стокер.

Она остановилась и посмотрела на леди Велли, которая твердо кивнула ей, словно желая укрепить ее решимость.

Инспектор Арчибонд занял кресло на небольшом расстоянии, осмотрительно спрятавшись в полутени. Предположительно, он присутствовал, чтобы охранять безопасность принцессы во время ее поездки инкогнито по улицам Лондона. Но я знала, что он внимательно слушал каждое слово, которым мы обменялись.

Принцесса глубоко вздохнула.

— Мой сын, старший принц Альберт Виктор. Мы называем его в семье Эдди.

Она протянула руку, расстегнула золотой медальон и передала его мне, нажав узкую кнопку сбоку. Медальон открылся, показывая фотографию.

Я знала и это лицо тоже. Изображения старшего сына принца Уэльского увеличивали тиражи газет. В конце концов, он был нашим будущим королем. У него были гановеровские глаза отца с тяжелыми веками, но лицо — удлинненное и худощавое — походило на мать. Темные волосы вились надо лбом, концы элегантных усов подкручены над полным, чувственным ртом. Красивый мужчина, если бы не подбородок. Он слегка отступал, придавая лицу легкомысленное выражение человека, на которого нельзя положиться в трудные времена. Но у него были добрые глаза и приятный рот.

Я вернула медальон, и принцесса держала его, с любовью глядя вниз.

Я все еще молчала.

— В чем сложность, мэм? — спросил Стокер.

— Эдди, как и большинство молодых людей, посеял немного дикого овса, — сказала она, выражение ее лица стало чуть смущенным.

— Я сама продукт дикого овса, мэм, — сообщила я ей. — Думаю, мы все знаем, что вы имеете в виду.

— Вероника, — пробормотала леди Велли. Я не знала, было ли известно Арчибонду, кто мой отец, но леди Велли и принцесса поняли намеки.

Принцесса покраснела, теплые розы зацвели на ее щеках. Более слабую женщину, возможно, отпугнула бы подобная провокация, но Александра Датская была будущей королевой и императрицей. Я поняла, что она сделана из более прочного материала. Ее осанка застыла, она посмотрела на меня свысока.

— Мисс Спидвелл, я осознаю, что обстоятельства нашей встречи необычайны. Надеюсь, по крайней мере мы можем быть вежливы друг с другом. И пусть это начнется с меня. Я приношу вам искренние извинения.

Я моргнула.

— За что, мэм?

— За высокомерную манеру обращения. Вы демонстрировали верность и честь по отношению к семье и заслуживаете похвалы. Сожалею, что к вам не отнеслись более доброжелательно.

Я думала об обещаниях, сделанных и нарушенных... и сделанных снова. Я никогда не просила, никогда не хотела ничего, кроме минуты внимания отца. Я не жаждала ни признания, ни денег, ничего, кроме простого подтверждения, что он принял участие в моем рождении, любил мою мать и я дитя этой любви.

Вместо этого я не раз подвергала себя опасности, рискуя собственной жизнью и жизнью Стокера ради них. И в награду получила лишь несколько скрытых встреч, проводимых в тени и секретности. Когда мой дядя замыслил свергнуть монархию в интриге захватывающей мелодрамы, я без колебаний и сожалений выбрала семью, которая не признала меня. Дядя предложил мне трон, и я отказалась от него — как во имя своей кровной семьи, так и ради собственных предпочтений. Но до сих пор не слышала ни слова от отца.

Горячая струя гнева закипела у самой поверхности, но я не позволила ей прорваться.

— Что вы хотите от нас, мэм? — задала вопрос я.

Понимая, что эмоциональный призыв не принесет пользы, она

надежно обернула медальон вокруг шеи и щелкнула золотой крышкой, закрыв лицо моего сводного брата.

— Я думаю, Эдди в беде. С женщиной. — Она замолчала, бросив мучительный взгляд на леди Велли, которая предоставила детали:

— Ее королевское высочество получила тайное сообщение от своего ювелира. Похоже, принц заказал драгоценность для леди.

— Драгоценность? — переспросила я. — Что за драгоценность?

— Алмазная звезда. Вы слишком молоды, чтобы помнить, но в 60-х это был крик моды. У императрицы Евгении была особенно прекрасная коллекция.

— Винтерхальтер[2] любил их рисовать, — сказала принцесса с легкой ностальгической улыбкой, чуть коснувшейся губ. — Императрице Елизавете Австрийской они также нравились.

— Верно. У меня самой был неплохой гарнитур, — подтвердила леди Велли. — Ее королевское высочество располагает самой обширной коллекцией в Европе, в частности набором ювелирного дома «Garrard». Именно они связались с ней по поводу покупки принца.

Я вспомнила имя одного из самых уважаемых и модных ювелиров в Лондоне. Время от времени член какой-то королевской семьи женился, традиционно оссыпая невесту драгоценностями. Эскизы этих украшений публиковались в газетах, и неизменно появлялось имя «Garrard», обычно прикрепленное к самым щедрым и экстравагантным иллюстрациям.

Принцесса взяла нить повествования в свои руки:

— Поскольку они так долго не выходят из моды и есть у многих женщин, на первый взгляд их трудно отличить. Все мои помечены изнутри гравировкой в виде перьев принца Уэльского.

Она сунула руку в ридикюль и достала небольшой бархатный мешочек. Принцесса открыла ладонь, как будто предложив горсть света: ограненные алмазы ловили свечение газовых ламп и отбрасывали назад. Не говоря ни слова, она перевернула звезду — на задней части были отчетливо вырезаны перья.

Эмблема из трех белых страусиных перьев была узнаваема везде. Большую часть пяти столетий принцы Уэльские гравировали, вышивали, рисовали, золочили, словом, украшали этим изображением абсолютно все, что им принадлежало. Я была удивлена, что ни одному из них еще не удалось нанести на себя татуировку.

— Из того, что мне сообщили, принц заказал звезду, иммитирующую эту, за исключением символа на обороте. Она украшена только его инициалами. АВКЭ. Альберт Виктор Кристиан Эдвард.

Принцесса снова ее перевернула, ослепив нас танцующим светом, и убрала — почти благоговейно. Затем глубоко вздохнула.

— Драгоценность можно связать с ним. Ее необходимо забрать прежде, чем это произойдет.

— Почему? — наклонив голову, задала вопрос я.

Выражение ее лица смягчилось.

— Мой сын влюблен, глубоко, и это хорошая пара.

— Его кузина, — добавила леди Велли. — Принцесса Алиса Гессенская и Рейнская.

Я никогда не слышала о ней, но это не удивительно. У королевы были десятки внуков, разбросанных по дворам Европы, словно чертополох. Я бросила взгляд на леди Велли, и та объяснила:

— Вторая дочь королевы, принцесса Алиса, вышла замуж за великого князя Гессенского. Бедная Алиса уже десять лет как умерла от дифтерии, — при этих словах уголки ее рта скорбно опустились. Она следила за королевской семьей с непоколебимой преданностью и яростью мстительного ангела на протяжении большей части семи десятилетий. Интересно, сколько потерь она насчитала за это время?

— Принцесса Аликс — младшая дочь Алисы. Ей шестнадцать, —插入了 принцесса Уэльская. — Сейчас она застенчива и слишком молода для брака. Но мой сын питает надежду, что со временем она полюбит его так же, как он ее.

— И вы полагаете, что подарок драгоценности другой женщине окажется препятствием? — спросил Стокер.

Принцесса тонко улыбнулась.

— Какой женщине понравится, что не она первая любовь своего мужа.

Она не смотрела на меня, когда говорила, но я прекрасно поняла смысл ее замечания. Мой отец любил мою мать достаточно, чтобы рисковать ради нее империей. Тот факт, что он уступил судьбе, свидетельствовал о слабости характера, а не о силе любви.

— Кроме того, Аликс — набожная лютеранка. Она была строго воспитана при маленьком и консервативном дворе. Если принцесса обнаружит, что мой сын вел себя хоть самую малость неприлично и неосмотрительно, она никогда не примет его в качестве жениха.

— Возможно, она не должна, — указала я. — Если она не знает правды, она не знает его характер. Девушка может принять предложение, плохо понимая жениха, и это не предвещает ничего хорошего для брака.

На лице принцессы отразилась боль.

— Мой сын не плохой человек, мисс Спидвелл. Эдди всего двадцать

четыре года. Его характер еще не полностью сформировался.

Я сопротивлялась желанию взглянуть на Стокера. Его характер был высечен в камне к тому времени, когда он удрал из дома в возрасте двенадцати лет. С тех пор он всегда оставался таким — твердый как земля, хозяин своей судьбы.

«Принцесса явно все еще считает сына ребенком, — размышляла я. — И это наименьшая из забот Аликс Гессенской, если она решит выйти за него замуж».

— Что ответил его королевское высочество, когда вы спросили его? — поинтересовалась я.

Выражение ее лица было ошеломленным.

— Я бы никогда не стала обсуждать это с Эдди.

— Тогда, простите мое любопытство, мэм, — мягко заметил Стокер, — откуда вы знаете, что он сделал с драгоценностью?

Инспектор Арчибонд выступил из тени.

— Ее королевское высочество попросила меня направить несколько осторожных запросов, но, боюсь, я исчерпал свои возможности в этом деле.

Он слегка покачал головой, словно предупреждая жестом и обрывистым тоном, что не предоставит неуместные подробности в присутствии принцессы.

— Принц сейчас в Шотландии, — сказала она. — Это прекрасная возможность забрать драгоценность до того, как ситуация выйдет из-под контроля.

Я моргнула.

— Вы хотите, чтобы мы украли звезду?

К ее чести, она сохранила полную невозмутимость.

— «Украсть» — не то слово, которое я бы использовала, мисс Спидвелл, но не буду спорить по поводу синтаксиса. Я хочу, чтобы драгоценность была изъята. Чтобы небольшая ошибка, допущенная моим сыном в момент юношеской импульсивности, не испортила его шансы на счастье в будущем.

Кровь хлынула в мою голову, стуча в ушах, как военный барабан.

— Да, было бы жаль, если принцу пришлось бы смириться с последствиями его действий, — тихо сказала я. Леди Велли резко вздохнула, мужчины встревоженно вскинули на меня глаза.

Взгляд принцессы сузился.

— Я пришла сюда не препираться с вами. Я надеялась, что вы отнесетесь с сочувствием к проблеме. Эдди не похож на других мальчиков,

— материнская привязанность смягчила ее тон. — Он нежный и легко ведомый. Натура, неподходящая для трудных решений, которые несет королевская мантия. Он гораздо больше мой ребенок, чем своего отца.

Она добавила с грустной улыбкой:

— Нет, мисс Спидвелл, я не слепа к ошибкам сына, несмотря на то, что я снисходительная мать. Мне известны недостатки Эдди. Будь он обычным джентльменом, они бы никого не касались, кроме него. Но его судьба — стать королем. И выбор жены будет важнейшим решением в его жизни. Эта женщина должна быть сильнее его, устойчивее. Должна поддержать Эдди, когда потребуется, дать займы силы, если ему не хватит собственных. Должна стимулировать в нем мужество и принципы. В нем есть доброта и преданность. С надлежащей женой, которая вдохновит его, он свершит великие дела. Но не без нее.

— И вы думаете, что Алиса Гессенская в силах все это сделать? — удивился Стокер. — Вы сказали, что ей всего лишь шестнадцать.

— Но ее характер сформирован, — настаивала принцесса. — Когда девушка будет готова к браку, то принесет решимость и сосредоточенность мужу. Я хочу, чтобы этот муж был Эдди.

— Что насчет нынешней владелицы звезды? — осведомилась я. — Разве она не пожалуется принцу, когда обнаружит, что драгоценность забрали?

— Он поймет, что украшение забрала я. Обсуждения и объяснения не понадобятся — я не люблю сцен. Все вернется на круги своя.

Не глядя на Стокера, я могла прочитать его мысли. Он, как и я, скептически оценивал обстоятельства. Но оставаясь джентльменом до кончиков ногтей, Стокер не стал бы вслух выражать сомнений в объективности принцессы по отношению к сыну. Она явно заблуждалась насчет своего первенца и была готова игнорировать существенные недостатки, полагаясь на способности невесты-ребенка превратить его в истинного короля.

Внезапно я почувствовала к ним ненависть.

— Полагаю, возлюбленная принца — дама сомнительной нравственности? — я спросила приятно.

Принцесса бросила на Арчибонда косой взгляд, побуждая его говорить.

— Я могу предоставить вам все детали позже, — заверил он поспешно. — Собрано вполне достаточно информации, чтобы вы могли безотлагательно приступить к делу, но ее королевское высочество не примет участия в дискуссии.

— Давайте обсудим это сейчас, — предложила я намеренно любезным тоном. — Его леди, бесспорно, девица легкого поведения. Есть ли у нее частное жилье или место для ведения бизнеса?

Леди Велли стукнула тростью, и неразлучники в углу прекратили чирикать, заикнувшись во внезапном молчании.

— Достаточно, Вероника.

Стокер поддержал меня:

— Это сложный вопрос, но в свете того, о чем вы нас просите, думаю, мы имеем право знать. В какое место вы нас отправляете?

Принцесса сжала губы, скрепив молчание. Леди Велли уставилась на нас, и Арчибонд вставил слово:

— Частное жилье, — произнес он наконец. — Своего рода клуб.

Ответ Стокера был мгновенным:

— Ни одна респектабельная женщина не войдет в такое место.

— Но я ведь не респектабельная женщина, — сказала я, улыбаясь леди Велли и ее королевской гостье. Я кивнула Арчибонду, все еще тихо сидящему в углу. — В том-то и дело, не так ли? Возможно, вы могли бы попросить Особый Отдел заняться этим исключительно неприятным делом. В конце концов, разве не их задача защищать королевскую семью? Полагаю, они могли бы заручиться поддержкой женщины, желающей помочь.

— Особый Отдел ничего не может сделать, — заторопился Арчибонд. — В настоящее время все заняты убийствами в Уайтчепеле. Даже я могу потратить только несколько минут, чтобы помочь ее королевскому высочеству. Принцесса непреклонна в отношении секретности. И чем меньше людей об этом знает, тем лучше.

— Даже его королевское высочество, отец принца? — осведомилась я.

Принцесса крепко сжала руки.

— Даже он.

— Вы меня удивляете, мэм. Мне дали понять, что принц Уэльский — любящий и снисходительный отец.

Я выдержала ее взгляд и почувствовала прилив триумфа, когда она отвернулась. Она долго молчала, но когда заговорила, то без надменности принцессы или будущей королевы. Она говорила как мать.

— Пожалуйста, мисс Спидвелл. Я заплачу любое вознаграждение, которое вы назначите. Он — мой сын, — просто сказала она.

— И я для вас никто, — я поднялась со стула. Арчибонд молча вскочил на ноги в углу. Стокер тоже встал у меня за спиной. — Я вынуждена отказаться. Вы можете положиться на мою осмотрительность, я не буду

распространяться об этом. Но моя помощь не пойдет дальше.

Она сжала подлокотники своего стула, губы казались тонкими и бледными. Леди Велли заставила себя встать, ее изогнутые пальцы побелели на трости, которую она держала в руке.

— Вероника...

Я подняла руку.

— Никакие аргументы не заставят меня передумать, леди Веллингтония. Мне жаль вас разочаровывать, но я приняла решение.

— Вы ничего не скажете, чтобы изменить ее мнение? — обратилась она к Стокеру.

— Я бы не стал пытаться, моя леди! — Стокер поклонился принцессе.

Она встала медленно, словно признавая поражение.

— Я должна была догадаться, что это бесполезно, — сказала она леди Велли. Она повернулась ко мне. — Всего хорошего, мисс Спидвелл. Это была познавательная встреча.

Она опустила вуаль, пряча лицо. Арчибонд подошел к двери. Держа ее перед принцессой, он бросил на меня длинный непостижимый взгляд, а затем исчез в темноте.

Принцесса на мгновение накрыла ладонью руку леди Велли, прежде чем спуститься по лестнице за инспектором. Она ушла без оглядки. Леди Велли закрыла дверь, закрепив кусок панели так, чтобы он плотно прилегал к стене камина. Ее молчание было многозначительным, когда она опять села на свой стул.

— Я имела в виду то, что обещала, — повторила я. — Я не буду говорить об этом никому. Элегантный маленький разврат принца — его личное дело.

— Эдди остается незащищенным перед шантажом, коль его подруге придет в голову причинить ему вред. Позор принца будет на первой странице «Times», если я не найду способ это остановить, — ответила она.

Выражение ее лица было печальным, и Стокер утешительно положил леди Велли на плечо руку.

— У принца Уэльского полно скелетов, гремящих костями вокруг шкафов, в большинстве вызванных его похотливостью, — напомнил он ей. — Его даже вызывали в суд при бракоразводных процессах как свидетеля неверности жен. Ни одна душа всерьез не верит, что немного неопрятности в личной жизни лишит его права быть королем. Принц Эдди ничем не отличается. Если разразится скандал, никто не станет раздувать из мухи слона.

Леди Велли ничего не сказала, но ее губы неистово работали. Не

похоже на нее быть такой сдержанной. Или такой взволнованной. До меня доходили слухи, что однажды она столкнулась со славянским анархистом-террористом, имея при себе лишь зонтик для защиты. Но теперь ей, казалось, было не по себе. А может быть, она просто заболела? Мне не понравилась нездоровая белизна на ее губах, лицо налилось кровью, крошечные капли пота жемчужно выступили на лбу.

— Леди Велли, возможно, вы хотели бы отдохнуть, — предложила я.

— Отдохнуть? — Ее губы сжались. — Не думаю. Слишком много поставлено на карту.

— Очень хорошо, — вздохнула я. — Но ведь Стокер совершенно прав. Драгоценность, подаренная куртизанке, вряд ли вызовет удивление в большинстве кругов. Не думаю, что епископы будут особо довольны, но уверена, что вы можете справиться с любым оскорблением из этого квартала.

Она медленно покачала головой.

— Меня беспокоит не драгоценность.

— Что тогда? — спросил Стокер с мягкой интонацией.

Леди Велли колебалась, надолго замолчав. Она погрузилась в задумчивость, выражение ее лица стало отдаленным. Я подалась вперед в своем кресле.

— В вашей телеграмме упоминались убийства в Уайтчепеле. Вы сказали, что это вопрос жизни и смерти.

— Я не могу вспомнить почему, — пробормотала она. Она почти сердито покачала головой.

Стокер бросил на меня взгляд, встревоженный ее внезапным замешательством, но когда заговорил, его голос был успокаивающим:

— Леди Велли, думаю, Вероника права. Отдохните сейчас. Мы можем поговорить утром.

— Хотела б я знать, что делать! — воскликнула она, протянув руки, обильно унизанные бриллиантами. Стокер взял ее руки в свои, и она сильно сжала их. Я могла видеть, как его пальцы побелели в ее руках.

— Вы должны помочь, — настаивала она, голос скрежетал болью.

Внезапно она свесилась вперед и приземлилась бы на пол, если бы Стокер не прыгнул к стулу. Он поймал ее, прижимая к груди. Голова леди Велли откинулась назад, глаза закатились.

— Леди Велли! — Я упала на колени, но Стокер уже взял контроль над ситуацией в свои руки. Служба в качестве хирурга на флоте ее величества сделала его чрезвычайно эффективным в условиях кризиса. Он развернул фишю, прикрепленную к декольте, и прижал голову к ее груди.

— Дышит, — произнес Стокер. Он поднялся одним движением, подхватив ее крепкую фигуру на руки.

Стокер отнес леди Велли в спальню, куда только что вошла ее горничная Уэтерби с охапкой чистого белья. Один взгляд на расprostертую хозяйку вызвал у нее истерику. Мне потребовалась громкая пощечина и почти минута, чтобы привести горничную в чувство. Когда Уэтерби пришла в себя, я отправила ее за его светлостью и врачом леди Велли.

— Что еще? — спросила я Стокера.

Он внимательно следил за ее пульсом.

— Когда Уэтерби вернется, вели переодеть леди Велли в ночную рубашку и принести горячие кирпичи, чтобы держать ее в тепле. Ей нужен стимулятор. Принеси бренди.

Я выполнила распоряжение, быстро подбежав к буфету его светлости за бутылкой. Стокер влил ложку бренди леди Велли в горло. Она сплюнула и сглотнула, но осталась бесчувственной. Он повернулся ко мне.

— Этого недостаточно. Пульс едва прощупывается. Боюсь, мы ее теряем. На умывальнике есть препарат из наперстянки. Принеси его.

Я разыскала зеленую склянку с этикеткой местного аптекаря, отмеченную черепом и скрещенными костями. Стокер вытащил пробку и влил в леди Велли тщательно отмеренную дозу, закрыв рот одной рукой, пока она невольно сглотнула. Выражение его лица было измученным, но решительным. Я знала, ему было нелегко заставить ее принять лекарство. Через мгновение дыхание леди Велли, казалось, стало немного легче, и он тяжело опустился на стул.

— Ничего не поделаешь, надо ждать, пока не прибудет врач лорда Розморрана, — сказал он трезво.

— Что с ней?

— Стенокардия, скорее всего. Возможно, апоплексия.

Моя рука подкралась к его ладони, и он крепко сжал ее.

— Насколько плохо?

Он покачал головой и ничего не сказал. Он не хотел гадать.

Мы поддерживали ее в таком состоянии в течение долгого, мучительного ожидания доктора. Лорд Розморран появился с Уэтерби, тихо плачущей в рукав. Она начала шуметь, но я пристально посмотрела на нее. Горничная снова погрузилась в тишину, вытирая глаза и держа наготове ночную рубашку хозяйки.

— Если джентльмены выйдут, я вам помогу, — сказала я.

Им не нужно было повторять дважды. Мужчины ждали за дверью, пока Уэтерби и я осторожно раздели ее хозяйку и завернули в ночную

рубашку. Мы как раз уложили леди Велли в теплую постель, когда прибыл запыхавшийся врач. У него был ярко-розовый нос любителя портвейна и уверенность успешного доктора, практикующего на Харли-стрит. Он серьезно выслушал краткое изложение событий Стокера и выгнал нас из комнаты, чтобы осмотреть больную.

Лорд Розморран показался мне растерянным, когда мы стояли снаружи.

— Я не знаю, что и думать, — наконец выдавил он. — Она всегда была рядом. С самого детства я думал о ней как о непоколебимой.

— Звучит так, будто она Гибралтарская скала, — сказала я с улыбкой.

Он улыбнулся в ответ.

— Именно так. Она — наша скала.

Часы медленно тикали. Ламли, дворецкий, принес нам стулья. Время от времени испуганная горничная заглядывала за угол, а затем убиралась, чтобы сообщить остальным об отсутствии новостей. Когда пришло время обедать, ни у кого не было аппетита. Сестра лорда Розморрана, леди Корделия, взяла на себя заботы о детях и отправила нам обед. Мы отослали еду обратно, не притронувшись. Она уложила детей спать и пришла посидеть с нами.

Мы почти не говорили, пока не появился врач с мрачным выражением лица.

— Не буду притворяться, что состояние несерьезное, милорд, — начал он. — Она действительно перенесла сильный приступ стенокардии. Худшее из кризиса прошло, но еще неизвестно, придет ли она в сознание или насколько велик — если таковой имеется — ущерб, нанесенный сердцу.

Доктор посмотрел на Стокера.

— Вы сказали, что влили в нее наперстянку?

— Да.

Он резко кивнул.

— Скорее всего, это спасло ей жизнь. Опасное решение, но в таких случаях — единственный возможный шанс.

Облегчение Стокера было невысказанным, но ощутимым.

— Могу ли я увидеть ее? — спросил лорд Розморран.

Врач покачал головой.

— Сейчас она отдыхает, с ней ее горничная. Я дал девушке строгие указания по уходу. Если будут какие-либо изменения, она предупредит вас. Я вернусь утром, чтобы осмотреть леди Велли и оценить ее состояние. Если заметите признаки ухудшения, немедленно пошлите за мной.

Когда его светлость пошел проводить врача вниз, леди Корделия поднялась, расправляя юбки.

— Я посижу с ней. Уэтерби — преданная слуга, но в кризисной ситуации пуглива, как колибри.

— Вы переутомитесь, — запротестовала я.

Она отмахнулась.

— Сделаю что-то полезное.

Ее рот искривила горечь, новая обида, которую я раньше не замечала. Леди Корделия была, безусловно, самым умным членом семьи, но ее таланты часто терялись в бытовых мелочах. С недавних пор она выглядела подавленной, не в последнюю очередь потому, что перенесла собственное мучительное испытание всего несколько месяцев назад.

— Вы пришлете за мной, если понадобится? — попросила я.

Она мне кивнула признательно. Вошел Стокер.

— Я провожу Веронику в ее комнату и вернусь спать в китайскую спальню. Разбудите меня, если я смогу что-нибудь сделать.

Корделия с благодарностью согласилась и пожелала нам спокойной ночи, прежде чем проскользнуть в комнату леди Велли. Дверь закрылась.

Стокер взял меня за руку и повел через тихий дремлющий дом. Лорд Розморран удалился в свой кабинет; тонкая полоска золотого света сияла под дверью. Мы прошли через боковую дверь в прохладный воздух ночи. Территория была тихой, спящей под звездами, кажущихся в городе булавочными головками. Между ухоженными живыми изгородями были проложены каменные дорожки, ведущие из одной части поместья в другую.

Мы подошли к двери моей маленькой готической часовни, и Стокер повернулся, его глаза блеснули в темноте. Его руки тяжело легли мне на плечи.

— Сегодняшняя ночь... — начал он.

— Не ночь для нас, — закончила я.

— Тем не менее, я не в состоянии отдыхать, — признался он. Его нервы, очевидно, были натянуты так же крепко, как мои. Он наклонил голову.

— Я думаю, что нам нужно выйти. Еще не слишком поздно.

Глава 3

К моему удивлению, через короткий промежуток времени мы отправились в Хампстед-Хит в одном из экипажей графа. В телеге за нами следовала прочная деревянная клеть.

Я не задавала вопросов. Это странно успокоительно, когда тебя просто несет как пробку в речном течении. Вечер был прохладным, свежим, но без сырости. Когда мы выбрались из мегаполиса в более чистый воздух пустоши, я обнаружила, что ко мне вернулся душевный подъем.

Стокер направил кучера в уединенный дом, виллу «Королева Анна», расположенную на значительном участке земли. Парк при доме обильно — и с отсутствием воображения — граничил с кустарником, разросшимся и запутанным. Сам дом был вполне неплохо отремонтирован, хотя кое-где нуждался в обновлении. Древесный дым выливался из дымоходов. «Старомодный дом», — подумала я удовлетворенно. Я ненавидела сгущающиеся в горле тучи угольной сажи, покрывающие город. Честно признаться, дрова в камине — роскошь, которую не слишком часто увидишь.

Стокер дал распоряжения прибывшим с телегой грузчикам и поднял руку к дверному молотку, потускневшему куску меди в форме дельфина.

Дверь почти мгновенно открылась. За ней стоял маленький человечек, близоруко щурясь сквозь мутные очки. Волосы на его голове клубились сахарной ватой, по огромному воздушному пучку над каждым виском с голой розовой кожей между ними. Под пышными, выразительными бровями мерцала пара ярких темных глаз.

— Мистер Темплтон-Вейн! — воскликнул он. — Какое неожиданное удовольствие! И вы привезли ее!

Я скромно кивнула головой, но он смотрел мимо меня на ящик, который выгружался из телеги.

— О, мои молодцы, будьте осторожны, умоляю! — закричал он.

— Г-н Пеннибейкер, — мягко сказал Стокер, переключая его внимание на нас. — Могу я представить свою спутницу, мисс Спидвелл? Вероника, это мистер Пеннибейкер, коллекционер естественной истории.

Хрупкий как эльф человечек яростно моргнул, глядя на меня сквозь очки.

— Вероника Спидвелл? Какое восхитительное имя! Отличная шутка о

ботаническом разнообразии, — он кивал в соответствии со своими наблюдениями. — Отличная шутка.

Я улыбнулась вопреки желанию. Это был не первый раз, когда мое имя послужило развлечением у знатоков ботаники, и я знала, что не последний. Мы пожали друг другу руки, точнее он взял мою и яростно покачал.

Он повернулся, хлопая хвостами фрака, и жестом велел мужчинам внести трофеи в дом.

— Давайте, давайте! — взывал он, указывая путь через ряд коридоров в подобие галереи. Каждый уголок был забит таксидермическими образцами: некоторые были довольно хорошими, большинство терпимыми и один или два откровенно ужасными.

Мужчины втащили ящик в центр комнаты, где мистер Пеннибейкер в предвкушении пританцовывал на цыпочках. Он порылся в карманах в поисках монет.

— Шиллинг каждому, — крикнул он. — Выпейте пинту-две, очень вам признателен, — сказал он грузчикам. Они обменялись взглядами, пораженные такой щедростью, кланяясь в знак благодарности.

Стокер разворачивал брезентовые покрытия для защиты ковра, пока я осматривала ближайший ко мне образец. Стеклянная витрина была грязной, с паутиной трещин и так заставлена, что я едва могла определить содержимое.

— Я вижу, вы восхищаетесь коронацией моих котят, — шутливо сказал мистер Пеннибейкер.

— Прошу прощения? — Я моргнула.

Он снял крышку и обнажил диораму во всем ее великолепии. Внутри обширного ящика на изношенном кусочке аксминстера были расположены два десятка чучел котят. Стокер обычно настаивал на более точном термине «смонтированы», но я ясно видела, как опилки высыпаются из крошечных швов.

Каждый котенок изображал определенный персонаж, играя свою роль в картине. Пухлый пятнистый епископ держал в крошечных лапах маленькую золотую корону. Перед ним на миниатюрной копии трона для коронации в Вестминстерском аббатстве сидел котенок в черную и рыжевато-коричневую полоску. На нем было платье из атласа, некогда белого, но со временем выцветшего до неаппетитного оттенка желтого. Возле престола стояли кошки-фрейлины. Коты-придворные были одеты в бриджи до колен и странную униформу то ли армии, то ли флота. Позади них развевались маленькие знамена, вышитые геральдическими значками. Пара мармеладных трубочек подносила к губам крошечные медные

инструменты.

— Как необычно, — пробормотала я.

Это было ужасно! Я почти не сомневалась, что Стокер ненавидит это так же сильно. Он испытывал сильные чувства насчет достоинства мертвых, и для мертвого котенка мало что менее достойно, чем подобное проявление сентиментальности.

Мистер Пеннибейкер внезапно отвернулся.

— О, начинается! — сказал он, сжимая руки в волнении.

Стокер взял монтировку и приготовился открыть ящик.

— Что это такое? — спросила я, заражаясь энтузиазмом мистера Пеннибейкера.

— Королевский осел! — ответил он восторженным шепотом.

— Неужели? — удалось проговорить мне.

Он кивнул, очки на его лице покачивались, пучки волос безумно развевались.

— Королевский дикий африканский осел! — воскликнул он.

Стокер вырвал последнюю доску, и содержимое предстало нашим глазам. Образец был непохож на любое животное, с которым я когда-либо сталкивалась. Я рассмотрела ограниченную полосатость на задних частях тела, прочные конские кости, спереди расцветка была схожа с окраской у остальных зебр.

— Это почти зебра, — сказала я.

— Почти, — улыбнулся Стокер.

— Это квагга, — произнес мистер Пеннибейкер восхищенно. Его брови слегка задрожали, возможно, в экстазе, подумала я.

— *Equus Quagga Quagga*, — информировал Стокер. — То же семейство, но не точно зебра. С равнин южной части Африки. Первый экземпляр в этой стране принадлежал Георгу III.

— Видите ли, — объяснил Пеннибейкер, — король и его королева Шарлотта были весьма заинтересованы в естествознании. Королева получила в качестве свадебного подарка свою собственную зебру, самку. Пара для бедняжки умер по дороге из Африки, — скорбно произнес он. — В противном случае, мы могли бы разводить их.

— Была попытка, — сказал мне Стокер. — Зебру королевы скрестили с ослом, и родилось нечто похожее на кваггу. Но королю подарили настоящую кваггу. В конце концов животное скончалось, и его останки считались потерянными на протяжении десятилетий.

— Пока я их не нашел! — вскричал мистер Пеннибейкер.

Он двигался вокруг образца, пораженно вглядываясь в его глаза.

— Я не знаю, что сказать, мой дорогой друг. Я смотрю ему в глаза, и он кажется живым!

Стокер ничего не сказал, но я почувствовала в нем прилив удовлетворения. Он получал огромное удовольствие от своей работы и этим образцом мог гордиться по праву.

— В каком состоянии он был, когда вы его нашли? — спросила я мистера Пеннибейкера.

Его лицо исказилось от шока и ужаса.

— Обломки, моя дорогая леди. Руины. Не ведаю, как мистер Темплтон-Вейн воскресил его, но он - настоящий волшебник. У меня была только шкура, да и то траченная молью. Не осталось ни одной кости, ни ресницы! И из такого хлама он вернул мне... это. — Он замолчал, снова восхищаясь своим трофеем.

Я повернулась к Стокеру.

— Когда ты это сделал?

Он пожал плечами.

— Мое основное задание, пока ты была на Мадейре. Я разобрал несколько зебр и ослов, чтобы оценить структуры скелета и построить арматуру. Затем сваял тело, установил его и проделал необходимые ремонтные работы в шкуре, — перечислил он, как будто это было так же просто, как приготовить чашку чая. — К тому времени, как ты вернулась, оставалось лишь закончить глаза.

Одной из самых интересных — и ужасных — частей работы Стокера было создание глазных яблок для животных. Он никому не доверял их раскраску, предпочитая взять тонкую соболью кисть и справиться с задачей самому. Этот особый экземпляр смотрел с настороженным видом. Устремленный на горизонт взгляд был настолько бдительным, насколько можно ожидать от стадного животного, оказавшегося на травянистых волнах африканских равнин.

— Замечательно, — сказала я Стокеру.

— Замечательно? — яростно заморгал мистер Пеннибейкер. — Это чудо! Моя дорогая леди, вы понимаете, что это существо уже вымерло?

— Правда?

Стокер развел руками.

— Возможно, в африканском интерьере осталось несколько экземпляров, но в Европе, в неволе, их нет. Последний умер несколько лет назад, а останки не сохранились.

— Трагедия! — Брови мистера Пеннибейкера гневно вздрогнули, как усики злого жука. — Преступление!

— Ну, по крайней мере, у вас есть этот образец, — утешила его я.

Он кивнул, поворачиваясь еще раз к своему трофею.

— Это намного превосходит мои фантазии, — торжественно объявил он. — И следует отпраздновать. Тост!

• • •

Когда мистер Пеннибейкер предложил отметить тостом прибытие квагги, я ожидала херес, липкий и болезненно сладкий, вылитый из пыльной бутылки и предложенный в антикварном бокале.

Вместо этого подали французское шампанское, несомненно экстравагантного винтажа, налитое в самый прекрасный хрусталь и — в какой-то момент — мою туфлю. Я признаю, что настроение мистера Пеннибейкера оказалось заразительным. Стокер наслаждался бокалом-другим освежающего напитка, остальные бутылки были поглощены Пеннибейкером и мной с головокружительным энтузиазмом.

Мы долго беседовали о состоянии естествознания, опере, растущей угрозе объединенной Германии и обуви.

— Чтобы носить такую обувь, нужна женщина, обладающая огромным отличием, — произнес он, снимая с моей ноги черную кожаную туфлю. — Монахиня в своей простоте. Но обратите внимание на деликатный изгиб каблука, строгость маленького ремешка поперек подъема. Это поэзия! Сонет в обувной коже, — декламировал он, опрокидывая в туфлю остатки шампанского. Он глотнул и причмокнул губами.

Стокер вздохнул, поднимаясь.

— Думаю, пора нам пожелать хозяину спокойной ночи, — предложил он.

Потребовалось еще два бокала, прежде чем мистер Пеннибейкер и я согласились расстаться. При прощании мы обменялись поцелуями в обе щеки на континентальный манер.

— Какой милый маленький человек! — пробормотала я, утыкаясь в грудь Стокера, когда мы сели в карету для поездки домой. — Правда, жаль его чучела котят...

Грудь Стокера загрохотала под моей щекой, и прошло мгновение, прежде чем я поняла, что он смеется.

— Спи, Вероника. Я разбуджу тебя, когда мы будем дома.

• • •

На самом деле он не разбудил меня, когда мы приехали домой. Я проснулась в одиночестве, одетая в ту же одежду, что носила прошлой ночью, с сильной головной болью. Во рту был вкус, как будто там поселилась гниющая россомаха. Я добралась до кровати уже под утро,

поэтому поднялась гораздо позже, чем обычно. Я умылась, оделась и направилась в Бельведер — просторный, отдельно стоящий бальный зал, где находилась коллекция Розморрана.

Бельведер стал и рабочим местом, и убежищем для нас со Стокером. Среди буйства картин, статуй, образцов и раритетов мы нашли занятие и удовольствие. Как я была счастлива снова потеряться среди великолепного хаоса! Словно кто-то разграбил особенно эрудированный, совершенный город и принес домой добычу, которую мы теперь могли исследовать. (Что, если честно, недалеко от истины. Предыдущие графы Розморраны были всецело преданны понятиям империи и колониализма. Идеи, которые мы теперь находим отвратительными. Это дань моему лицемерию, с которым я могу одновременно ценить коллекции и сожалеть о методе их сбора).

Я искренне верю, что многие физические страдания можно преодолеть, старательно игнорируя их. Поэтому, несмотря на головную боль и ноющий желудок, я поела. Как обычно, я завтракала за столом. Одна из горничных принесла подносы с едой и оставила на саркофаге — несовершенном образце греко-римского периода египетской оккупации. Я съела полную тарелку остывшего завтрака, просматривая утренний выпуск «Daily Harbinger».

Конечно, это была не самая возвышенная лондонская периодика. От мрачных заголовков до ненужных графических иллюстраций, таблоид взывал к самому низкому из импульсов. Но у меня была веская причина читать его. Газета часто экспонировала подпись Дж. Дж. Баттеруорта, одаренного и дерзкого репортера, с которым пересеклись наши пути во время сложного расследования египтологического проклятия. Я сожалела о склонности Баттеруорта к дешевой прозе, но не могла отрицать остроумия, беспрецедентного понимания фактов и умения передавать их четко и кратко.

Мне особенно импонировал факт, что Баттеруорт — женщина, пытающаяся сделать карьеру в откровенно мужском мире. Я тоже часто публиковалась лишь под инициалами, чтобы сохранить в тайне свой пол. Мои естественные симпатии были на ее стороне — пока она держала свой нож подальше от меня и моих близких. «Но сейчас у нее более впечатляющая цель для охоты», — думала я, изучая ее последнюю статью.

Ей не дали первую полосу. Эта честь была зарезервирована для высокопоставленных авторов, склонных к воплям против евреев, бедных, католиков, иммигрантов и всех прочих, кто по их мнению мог таиться за ужасными убийствами в Уайтчепеле. Они с очевидным восторгом осудили сэра Чарльза Уоррена, капитана Скотланд-Ярда, призывая к его отставке

перед лицом неспособности задержать преступника. Дико рассуждали о методах расследования. Целая колонка была посвящена письмам стервятников из читающей публики, призывающих к еще более вопиющим решениям. Страница за страницей газета описывала отвратительные увечья, нанесенные жертвам, в деталях, вызывающих рвотные судорги.

Статья Дж. Дж. Баттеруорта выделялась среди оргии сенсаций.

Вместо того, чтобы сосредоточиться на преступлениях и преступнике, она повернула ручку к предмету жертв. Она назвала их имена — неоднократно — и описала жизни, которые они вели. Сделала их не безликими проститутками, получивших по заслугам, как считали многие. Дж. Дж. Баттеруорт рассказала их истории, рисуя портреты обжигающей нищеты, облегчаемой лишь временной отсрочкой, которую можно найти в бутылке джина.

Она обрисовала несколько вариантов, доступных женщинам, отвергнутых обществом, их семьями, их мужчинами. Говорила о жалких остатках достоинства и самоуважения, отчаянных попытках свести концы с концами сбором хмеля или изготовлением шелковых цветов. О том, как непостоянные заработки должны увеличиваться за счет продажи единственного товара, которым такие женщины могут располагать. Этот товар — их собственные тела. Баттеруорт обратила внимание на пороки классовой системы, не дающей женщинам других возможностей. Осудила церковь, правительство и все другие учреждения, которые регулярно смотрели мимо этих женщин, как будто их не существовало.

Жесткое и резкое обвинение тех, кто имел право вносить изменения, но ничего не делал с этой властью. То, что Дж. Дж. Баттеруорт — смутьян, не было для меня неожиданностью. То, что «Daily Harbinger» решил опубликовать ее диатрибу, хотя и погребенную на заднем плане, действительно заставило меня задуматься.

Владельцы газеты гордились тем, что разжигали сенсационные огни, вызывая общественные дебаты на самые поляризующие темы дня. Они нападали на любого, кто мог вызвать реакцию читателей, и в результате продавали больше газет, чем многие солидные издания. Но они были сплетниками, не идеологами.

Они могли защищать бедных и угнетенных на этой неделе, а на следующей — призывать к изгнанию китайцев из Лаймхауза на основании, что те занимаются торговлей людьми и опиумом. (Газеты изрядно преувеличивали участие китайцев в любой из этих практик. Было гораздо больше англичан, продающих соотечественниц в публичные дома. Кстати, единственный опиумный притон, в который я когда-либо лично входила,

содержался школьным учителем в Блумсбери).

Я перешла от статьи Баттеруорта к публикациям о растущей угрозе анархизма, трагической гибели знаменитой женщины-альпинистки и подробному описанию памятника Джорджу Вашингтону. Мемориал открывался в городе, названном его именем, и представлял необычно выглядящее сооружение — обелиск слабо египетского дизайна.

— Но без единого иероглифа, — фыркнула я, когда появился Стокер с сильно затененными глазами и свежей утренней щетиной на подбородке.

За ним следовали собаки: кавказская овчарка лорда Розморрана Бетони; бульдог Стокера Гексли и его новейшее приобретение — симпатичная египетская борзая по имени Нут. Гексли и Бет уже создали помет чрезвычайно сомнительной привлекательности и были преданы друг другу. Но приняли Нут доброжелательно — она была изящным ненавязчивым существом, обожающим Стокера.

Он бросил по сосиске каждой собаке, затем взял кусок тоста и погрузил его прямо в горшок с медом.

— Как поживает леди Велли? — первым делом спросила я.

— Отдыхает, — доложил он. — Я заглядывал к ней несколько раз ночью. Она очнулась перед рассветом, приняла немного бренди со взбитым яйцом и снова погрузилась в сон.

Я начала было открывать рот, но он покачал головой.

— Еще слишком рано прогнозировать, как это скажется на ее здоровье в дальнейшем.

Он закончил свой тост и потянулся за другим куском.

— Что ты читаешь?

Я не упомянула памятник, у Стокера были очень сильные мнения об архитектуре. Однако познакомила с последними новостями об анархистах и умершей леди-альпинистке, прежде чем пересказать ему основные моменты статьи Дж. Дж. Баттеруорта.

Он поднял руку на полпути.

— Не стоит, прошу тебя. Такое слишком трудно выдержать ранним утром.

Каминные часы в Бельведере были необычайно непривлекательны: огромное уродство, которое держал в лапах сфинкс с легким косоглазием. Я ответила, многозначительно глядя на сфинкса:

— Не утро! Уже за полдень.

Он застонал и потянулся к чайнику, наливая себе большую чашку тепловатого, мутного напитка. Когда он глотнул, я поделилась размышлениями о том, что леди Велли пыталась сообщить, когда заболела:

— Как ты думаешь, она просто была дезориентирована? Сначала она призывает нас вернуться из-за убийств в Уайтчепеле, утверждает что это вопрос жизни и смерти. Затем вместо этого просит конфисковать драгоценность от имени принца. Это не имеет никакого смысла.

— Должно быть, имеет, по крайней мере, для нее. Каким-то образом эти вещи должны быть связаны в ее голове. — пожал плечами Стокер.

— Но какая связь может быть между принцем и этими ужасными убийствами? — потребовала я.

— Всем доброе утро! — раздался веселый голос из дверного проема.

Собаки поднялись, приветствуя посетителя с энтузиазмом, граничащим с нелепым: Гексли нетерпеливо обнюхивал его, Бетони издавала булькающие в глубине горла звуки ликования. Нут принялась экстатически кататься перед ним на спине.

— Морнадей! — воскликнула я со смешанным удовольствием.

Стокер был гораздо менее заинтересован.

— Морнадей, — коротко бросил он.

Морнадей — помощник сэра Хьюго в Особом Отделе — порой был то противником, то союзником. Мы столкнулись с Морнадеем во время нашего первого приключения в расследовании. Хотя мне он нравился (у него были веселые темные глаза и шарм, способный убедить птиц слетать с деревьев), Стокер находил его менее очаровательным. Эта пара вечно трепала друг другу шерсть на загривке, обычно проводя большую часть времени, кружась как дикие кошки. Они копили обиды друг на друга с безумной точностью и держали их близко к сердцу, заботливо взращивая.

— Ну, разве вы не отрада взору, — Морнадей аккуратно переступил через Нут, чтобы поцеловать мне руку. — Мы слишком долго не виделись!

Его взгляд содержал легкий упрек.

— Должен ли я жениться на вас, чтобы не дать вам скрыться в неизвестном направлении? — потребовал он.

— Я высылала вам цветные открытки, — освежила его память я.

— Ты действительно высылала? — поднял бровь Стокер.

Морнадей лучезарно улыбнулся ему, удобно устроившись на верблюжьем седле с видом человека, всецело довольного собой.

— Действительно. В чем дело, Темплтон-Вейн? Никаких писем через лазурное море? — поддразнил он.

Стокер сунул последний кусок тоста в рот и встал.

— Я собираюсь полировать глазные яблоки, — сообщил он мне. Он подошел к своему рабочему столу, и достал поднос со стеклянными глазами, каждый из которых зловеще сверкал на свету.

— Хладнокровный дьявол, это точно. — Морнадей вздрогнул.

— Вы ужасно брезгливы для полицейского, — мягко заметила я.

Он не принес извинений.

— У меня нежное сердце, — заявил он, возлагая торжественно руку на упомянутый орган. — Но, шутки в сторону, я рад снова вас увидеть.

— И я также, — улыбнулась я.

Я налила вторую чашку чая себе и еще одну для гостя. Он поставил фарфор на ладонь.

— Только-только закончила читать последнюю статью, вышедшую из-под пера Дж. Дж. Баттеруорта, — указывая на газету, ласково сказала я.

Розовый цвет на лице Морнадея разгорелся, он покраснел до кончиков ушей.

— В самом деле?

— О да. Она наиболее красноречива на тему жертв Потрошителя. Очень трогательно.

— Что ж, она талантливый писатель, — пробормотал он.

— Только пылко влюбленный мужчина старается имитировать столь непринужденный тон, — сказала я ему.

Он покраснел сильнее.

— Понятия не имею, о чем вы говорите!

Морнадей сделал большой глоток чая, уклоняясь от моего взгляда.

— Имеете. Или вы забыли тот вечер, когда перепив моего очень эффективного *aguardiente*, признались в безответной страсти к мисс Баттеруорт?

— Помню, — ответил он несколько угрюмо.

— В чем дело? Она все еще держит вас на расстоянии вытянутой руки?

Его улыбка была безрадостной.

— На расстоянии руки, ноги и полмили дальше. Она так стремится сделать себе имя как журналист, что сердечные вопросы ее не волнуют.

— Вы с ней видитеесь?

Он пожал плечами.

— Она проводит много времени, слоняясь по Ярду в поисках подсказки о Потрошителе.

— Имелось в виду в социальном смысле.

— Я пригласил ее сопровождать меня сегодня вечером в Савой. Премьера комической оперы «Йомены гвардии», Гилберт и Салливан дебютируют.

Морнадей вытащил пару билетов из жилетного кармана и сунул мне в

руки. Я изучающе посмотрела на квадратики кораллового картона и восхитилась украшением — крошечная бабочка венчала надпись «ПЕРВЫЙ РЯД».

— Многообещающий выбор, — кивнула я поощрительно.

Я попыталась вернуть билеты, но он отмахнулся от меня.

— Она говорит, что у нее есть другие дела, — сказал Морнадей кисло.
— Вы можете воспользоваться билетами.

— Но, наверное, вы могли бы пригласить кого-то еще, — начала я.

Он встал, резко поставив чашку.

— У меня нет настроения. К тому же, пожалуй к лучшему, что Баттеруорт мне отказала. Я купил билеты несколько недель назад, обстоятельства изменились. Все работают как проклятые, пока Потрошитель не будет арестован. Сэр Хьюго порвет мне кишки на подвязки, если я покину Ярл более чем на полчаса. Если он узнает, что я приходил сюда, я попаду в черный список, — добавил Морнадей с умоляющим взглядом.

— Он никогда об этом не узнает от меня, — поклялась я. — Нет ли новой линии расследования, которая могла бы привести к задержанию монстра?

Морнадей развел руками.

— Хотелось бы. Это такой изверг! Я никогда не видел ничего подобного. Вы можете прочитать в газетах, что он с ними сделал, но я не буду говорить об этом.

— Не бойтесь расстроить меня, — заверила его я. — У меня крепкий желудок.

— А у меня нет, — вздрогнул он. — Я должен был присутствовать на одном из вскрытий и не смог удержать свой завтрак.

Я не удивилась, жестокость этих преступлений была ужасающей. Однако сочла трогательным, что у лондонского полицейского, повидавшего немало злодеяний, хватило человечности испытать шок от страданий жертв.

— Вы должны позволить мне заплатить вам, — я постучала по билетам.

— Какие могут быть расчеты между друзьями, — отнекивался он. Морнадей кивнул в сторону рабочего стола Стокера. — Обещайте, что возьмете его.

— Я поражена! Вы так хотите, чтобы Стокер получил удовольствие от вечера в театре?

— О, это не доставляет ему удовольствия, — тонко улыбаясь,

напомнил Морнадей. — Вот почему я дал вам билеты.

Он отсалютовал, коснувшись рукой лба, и слегка поклонился:

— До встречи, моя дорогая мисс Спидвелл.

— До свидания, Морнадей.

Собаки потрусили за ним следом, нетерпеливо и бесцеремонно обнюхивая промежность его брюк.

— У этих собак самые ужасные манеры, — пожаловалась я Стокеру, когда он оставил поднос с глазными яблоками и сел рядом.

— Надеюсь, что они кусают, где нюхают, — мстительно ответил Стокер. — Что он хотел?

Я размахивала билетами.

— Он приходил, чтобы дать нам это.

— Театральные билеты? На сегодня?

Он тихо выругался.

— Ублюдок знает, как меня мучить. Если есть что-то, чего я не выношу, так это натянуть вечерний костюм и три часа подряд слушать песни и скороговорки.

Он прищурился.

— Полагаю, ты хочешь пойти?

— Не с тобой, — сказала я сладким голосом. — Буду счастлива пригласить Тибериуса. Я знаю, как сильно он любит театр.

Стокер выхватил билеты из моей руки.

— Будь готова к семи.

— Я так и планирую.

Глава 4

В течение следующих нескольких часов мы с комфортом работали. Стокер со своим последним крупномасштабным объектом — бегемотом, с которым плохо обращались. Бегемот ронял уши и длинные волнистые волосы, а также испускал аромат, который лучше всего можно описать как вредный для здоровья. Я занялась перепиской. Я только закончила сочинять вдохновенное опровержение критики моего последнего вклада в «The Lepidopterist's Quarterly Guide to South American Butterflies and Greater Moths», как появился еще один посетитель и также без предварительного уведомления. Мы работали в течение ланча, подкрепляясь бутербродами с холодным чаем. Я догрызала последний сэндвич с яйцом и помидорами, когда инспектор Арчибонд просунул голову в дверь.

— Добрый день, мисс Спидвелл, — начал он.

Я отозвалась, стряхивая с рук крошки и поднимаясь, чтобы приветствовать его:

— Инспектор Арчибонд. Что привело вас сюда?

Он вымучил усталое подобие улыбки.

— Я хотел провести леди Велли.

— Она держится ровно, — сообщил Стокер, выходя из-за бегемота. Как всегда, в процессе своих трудов он отказался от рубашки. Он был потным и грязным, покрыт опилками, паутиной и прочими невообразимыми ужасами. Но ничто не могло скрыть великолепие мускулатуры. Я бросила на него затаенный и благодарный взгляд, прежде чем чопорно перевести глаза на инспектора.

— Рад слышать. Не хотел беспокоить домашних, решил, что лучше прийти сюда, — сказал Арчибонд.

— Вам здесь всегда рады, — заверила его я. — Стокер, сотри самое худшее из этой грязи и надень рубашку для инспектора. Пора выпить.

Арчибонд поднял руку.

— Никакого чая для меня, — отказался он.

— Я думала о чем-то более интересном.

Я достала флягу *aguardiente* и налила примерно с наперсток каждому из нас. Он сделал глоток, его глаза расширились и лицо побагровело.

— Боже мой, — хрипло выдавил Арчибонд. Ему понадобилось несколько минут, чтобы прийти в себя, но после этого он кивнул. — Я

обычно не балуюсь спиртным до вечера, но благодарю вас, мисс Спидвелл. Это необычные времена, так что подкрепляющее приветствуется.

Я хотела налить ему еще глоток, но он положил руку поверх рюмки. Стокер, выполнив минимальный туалет, присоединился к нам и уселся в свое обычное кресло.

— Что еще привело вас в наше логово, инспектор? — спросил он.

Улыбка инспектора была внезапной и странно очаровательной. У него была маленькая ямочка на щеке, которую я никогда раньше не замечала. Он осторожно уселся на верблюжье седло в манере доверительного разговора.

— Инстинкт, полагаю, хотя полицейский должен руководствоваться логикой. Но логика бесполезна, когда дела так затуманены. — Он сделал паузу. — Интересно, знаете ли вы, что беспокоило леди Велли? Доверилась ли она вам до того, как рухнула?

— Что заставляет вас думать, что ее что-то беспокоило? — осведомилась я осторожно.

— Я знаю леди Велли в течение некоторого времени. Она была сама не своя последние несколько дней. Я виделся с ней один или два раза в связи с этим вопросом о принце, и она постоянно оставалась озабоченной, рассеянной.

— Принц Уэльский — один из ее фаворитов, — сказал Стокер. — Конечно, угроза скандала, касающегося его старшего сына, беспокоит и огорчает ее.

— Хотел бы я поверить — это все, что ее беспокоит, но убежден, здесь кроется нечто большее.

Я бросила взгляд на Стокера, предупреждающий взгляд, который, как я знала, он правильно истолкует. Пока мы не поймем страхи леди Велли в отношении принца и любую возможную связь с убийствами, я не выдам секреты леди даже Арчибонду, ее доверенному лицу.

— Вряд ли леди Велли была обеспокоена чем-то другим. Уверена, что она поделилась бы проблемами с Особым Отделом, — рассудительно сказала я.

Арчибонд посуровел.

— Я не могу адекватно передать атмосферу Скотланд-Ярда в настоящее время, мисс Спидвелл. Всегда есть чувство срочности, долга, осознание, что безопасность и мир столицы зависят от нас. Но сейчас... — Он развел руками. — Это змеиная яма. Человек против человека, отдел против отдела. Все хотят быть первыми, кто привлечет Потрошителя к ответу, поэтому нет нормального сотрудничества. Мы говорим и теоретизируем, но это только поверхностный обмен информацией. Каждый

хочет развить гипотезу, которая положит конец террору монстра. Боюсь, нездоровая конкуренция привела к настроению сильного недоверия в отделе и за его пределами.

— Леди Велли больше не доверяет своим контактам в Ярде? — Стокер спросил скептически.

— Она всегда будет доверять сэру Хьюго, — заверил нас Арчибонд. — Но сэр Хьюго борется за жизнь, просто пытается уцелеть. Каждый день в газетах звучат призывы к отставке одного из высшестоящих офицеров, связанных с расследованием. У него нет ни людей, ни желания заниматься чем-либо, кроме дела в Уайтчепеле.

— И это то, из-за чего вы пришли? — поинтересовалась я.

— Именно. Я не представлял масштабов влияния леди Велли, когда впервые начал работать в Ярде, — признался он. — Но быстро осознал ее компетентность. Она неоценима для столичной полиции и для страны. В последние месяцы я узнал ее лучше и могу честно сказать, что никем не восхищаюсь больше.

«Это что-то новое», — подумала я. Когда мы впервые столкнулись с Арчибондом, он был честолобив и суров, полон решимости подняться вверх по лестнице Скотланд-Ярда и достичь вершины Особого Отдела.

Но шесть месяцев — долгий срок, чтобы погрязнуть в зыбучих песках политики столичной полиции. Я была на Мадейре большую часть года, а Стокер был занят работой, в частности, своей кваггой. Никто из нас не поспевал за леди Велли, как следовало бы. Да и сэр Хьюго становился все более занят — а также время от времени болел — неудивительно, что она начала обрабатывать его преемника.

Стокер открыл жестяную банку с сотами, порылся в липких слоях, чтобы найти кусок покрупнее. Казалось, он жадно жевал сладость, но я видела бдительный блеск его глаз. Он не доверял Арчибонду. Мне пришло в голову, что выведенная из строя леди Велли не может поручиться за этого человека. Нам предстояло самим определить, насколько она одарила его доверием.

— Вы, несомненно, были удивлены, что ее королевское высочество обратилась к нам со Стокером за помощью, — начала я, повесив перед ним крючок с наживкой.

Он клюнул на приманку. Мягкая улыбка согрела черты его лица, делая их почти привлекательными.

— Откровенно говоря, нисколько. Мне известно, с каким уважением к вам относится леди Велли. И ваша собственная позиция, мисс Спидвелл, делает вас уникальной.

Это был идеальный ответ: достаточно точный, чтобы показать — он знает, кто я такая; но без лишней неосторожности сказать это вслух. Арчибонд, я решила, предусмотрительный человек.

— Я понимаю, почему вы отказали. Я кое-что узнал о вашей предыдущей помощи. Вас обоих, — поспешно добавил он, взглянув на Стокера. — Должно быть, трудно сделать так много и не получить заслуженную благодарность, — продолжал беречь старые раны Арчибонд.

Я вздернула подбородок.

— Я делаю это не ради благодарности. Я делаю это, потому что так правильно.

Он поерзал на верблюжьем седле. Конечно, это был в лучшем случае не очень удобный насест, и все же мне показалось, что он тщательно подбирает слова.

— И никогда в ваших собственных целях?

Ноздри Стокера побелели по краям — единственное осязаемое проявление его раздражения, но я могла сказать, что он настроился за драку. Я сунула ему еще один кусочек сот.

— Ешь, прошу тебя, прежде чем скажешь что-то, о чем мы все пожалеем.

Я повернулась к Арчибонду.

— У нас, мягко говоря, непростые отношения с Особым Отделом, инспектор. Мы часто вступали в разногласия с сэром Хьюго. И боже упаси, не произносите имя Морнадея в присутствии Стокера, если не хотите увидеть у него во рту пену, как у бешеной собаки.

Тонкий рот Арчибонда изогнулся в улыбке.

— Тогда у нас есть кое-что общее, сэр. Я давно мечтаю отлупить этого парня сам.

Тот факт, что Морнадей (с большим воодушевлением и небольшими колебаниями) приказал полностью обыскать Стокера при аресте, не способствовал восстановлению их напряженных отношений. Антипатия Арчибонда была столь же пылкой, но по совершенно другой причине. Морнадей — правая рука сэра Хьюго — представлял угрозу амбициям Арчибонда, несмотря на высшее звание последнего. (Морнадей в подпитии плакался, что Арчибонд достиг положения, благодаря усердию и строгому соблюдению правил и положений Особого Отдела. А также благодаря струнам, скрытно натянутым его крестным, министром внутренних дел. Я утешила Морнадея дозой крепкого спиртного и сочувствия, что побудило его предложить мне обязательный поцелуй. Я вежливо отказалась. Он

нисколько не оскорбился).

Тем не менее, свары в Особом Отделе не были нашей заботой. Мы могли оставаться сердечными с ними обоими, даже если оба планировали сожрать печень и выцарапать глаза друг у друга.

— Враг моего врага — мой друг? — Стокер сказал легко.

— Нечто подобное, — согласился Арчибонд.

— Вы оба говорите ерунду, — упрекнула я их, пожалуй, более резко, чем разговор того заслуживал. — Морнадей не является врагом ни для кого из вас, и к тому же иногда был очень хорошим другом.

Я бросила уничижительный взгляд на Стокера, и он закатил глаза к небу.

— Сколько раз он предлагал тебе брак?

Я поджала губы.

— Не помню, и это не относится к делу. Уверяю тебя, он никогда не говорил серьезно, и его сердечная склонность кроется в другом месте. Давайте вернемся к прежней теме, инспектор. Подозреваю, вы пытались подтолкнуть нас к каким-то действиям. Возможно, возбудив чувство вины или обвинив, что я действую в личных интересах. Тактика, обреченная на провал, — предупредила его я.

Он поднял руки в ложной сдаче.

— Вы ошибаетесь, мисс Спидвелл! Я не обвиняю вас ни в каком преступлении, в котором сам не был бы виноват. Я нахожусь здесь, потому что...

Он колебался, затем произнес, глубоко окрашивая слова:

— Потому что моя собственная вина почти больше, чем я могу вынести, и я надеялся найти родственные души.

— Почему вы должны чувствовать вину перед леди Велли? — удивленно спросила я.

— Потому что я не слушал, — покался он.

Арчибонд провел руками по волосам, слегка расстрепав их.

— Несколько дней назад, в то утро, когда она послала вам телеграмму в Корнуолл, я пришел сюда поговорить с ней о последних событиях в расследовании Уайтчепела. Неофициально, конечно, в Скотланд-Ярде все еще много людей, которые не знают о ее влиянии.

Арчибонд сделал паузу, по-видимому, ища правильные слова.

— Леди Велли находилась в ажитации. Она сказала, что послала за вами обоими. Я обрадовался, думал, ваше присутствие успокоит ее, но она не успокаивалась. Ее настроение было расстроенным, отвлеченным. Сознание леди немного блуждало, и это встревожило меня. Первый

истинный признак возраста, который я в ней заметил, — сказал он с сожалением.

— Кажется, она вечна, как сама Англия, — согласилась я.

— В лучшем смысле. Я думаю, она такая, как Англия была раньше. И какой может быть снова. Она владеет каждой добродетелью, к которой я когда-либо стремился.

Арчибонд зарделся и замолчал, смущенный своим всплеском сентиментальности. Он прочистил горло, прежде чем возобновить рассказ:

— Я настаивал, чтобы она рассказала, почему так озабочена, но леди Велли продолжала бормотать о принце Эдди.

— Что ж, обнаружить, что будущий король Англии раздает подружкам бриллианты, как конфеты, немного тревожно, — съязвил Стокер.

— Действительно, — сухо ответил Арчибонд. — Но было нечто большее. Во время беседы она попросила меня принести увеличительное стекло со стола. Зрение доставляет ей проблемы в последнее время. Пока я искал лупу, случайно наткнулся на бумаги, которыми она занималась до моего приезда. Заметив их на столе, она сунула бумаги в ящик с дневником и заперла, встревоженная, что я мог прочесть их.

Он снова переместился, ему явно было неудобно.

— Я собирался вторгаться в ее частную жизнь. Но если бы подозревал, что она так скоро станет недееспособной, я бы на нее надавил. Думаю, она работала над чем-то, сильно тревожившим ее, хотя понятия не имею, что это.

— Бритва Оккама рекомендовала бы самое простое и, следовательно, наиболее вероятное объяснение: она беспокоится о грешках принца, — предложила я.

— Конечно, — согласился Арчибонд. — Здесь может быть что-то, чего мы не знаем. Ситуация, безусловно, заслуживает некоторого беспокойства.

— Что вы знаете об этой женщине? — я спросила внезапно.

Арчибонд пожал плечами.

— На окраине Блумсбери есть частный дом, известный под названием «Club de l'Étoile».

— «Клуб Звезды». Как уместно для предприятия, связанного с ночными развлечениями.

— Верно. Это тайный клуб для дам и джентльменов, имеющих средства и определенные привычки, — промолвил он с деликатностью.

— Бордель, — грубо сказала я.

— Клуб, — твердо поправил инспектор. — Частный дом, нет штатных сотрудников, кроме домашнего персонала. Все — совершеннолетние, без

присутствия наемных «профессионалов» в строгом смысле этого слова. Клуб обслуживает разнообразные вкусы, там проводятся развлекательные мероприятия, тематические вечеринки и тому подобное. Дом превосходно меблирован, роскошен во всех деталях, с изысканной едой и напитками. Настоящий дворец разврата.

— И его королевское высочество является там завсегдатаем, — закончил Стокер. К его чести, не было ни малейшего намека на осуждение в его интонации. Поскольку Стокер провел годы, живя в значительно менее грандиозном учреждении в Бразилии, у него было мало камней за пазухой, чтобы бросать.

— Так и есть, — сознался Арчибонд. — Клубом управляет француженка с дурной славой. Она сменила много имен в прошлом. Теперь она называет себя мадам Аврора, по имени богини рассвета. Говорят, она была куртизанкой в Париже несколько лет. Дама ужасно осторожна. Ее гостей никогда не смущает полиция или журналисты. Мадам организовала несколько входов и выходов из здания, чтобы посетители не были замечены ни прибывающими, ни уходящими. В клубе не совершается ничего противозаконного, так что мы ничего не можем поделать с ее деятельностью. Она сохраняет идеальное молчание о своих посетителях.

— Похоже, вы много о ней знаете, — заметил Стокер с продуманной вялостью.

Арчибонд развел руками.

— Наш долг — следить за погодой в подобных местах, которые посещают великие и знатные. Надо всегда оставаться бдительным, когда существует возможность шантажа.

— Полагаю, если его королевское высочество пожелает удовлетворить либидо, он вряд ли сможет найти более подходящее место, — вслух подумала я.

— У вас континентальный склад мышления, мисс Спидвелл, — тон Арчибонда звучал где-то между шоком и восхищением. — Как вы говорите, если бы принц желал побаловать себя - а какой молодой человек не желает?... К сожалению, этот конкретный клуб довольно дорог.

— Насколько дорог? — любопытствовал Стокер.

— Вступительный взнос десять тысяч гиней, — ответил Арчибонд.

Я задохнулась от возмущения.

— Десять тысяч гиней! Знаете ли вы, что я зарабатываю за один экземпляр *Raryuio amynthor*? Три гиней. Три гиней за идеальный образец одного из самых красивых существ в мире. И вы говорите, это место требует за членство тысячи таких существ, чтобы люди могли устраивать

оргии в частном клубе?

— Мир, моя дорогая мисс Спидвелл, несправедливое место, — философски отозвался он, пожимая плечами. — Но я подозреваю, что вы уже это знали.

Инспектор продолжал:

— В дополнение к *nom d'amour*, владелица, мадам Аврора, всегда выглядит, как богиня рассвета. Она носит уникальную тиару, подаренную ей Наполеоном III — галактика бриллиантов. По обычаю клуба, когда кто-то наслаждается ее личными услугами, они дарят ей бриллиантовую звезду. Чем щедрее, тем лучше.

— А что может быть более щедрым даром, чем алмаз от «Garrard»? — вставил Стокер.

— Точно. Притом звезда, созданная по образцу драгоценностей матери принца? Вы можете представить газеты? — Арчибонд заметно вздрогнул. — Если они запустят в это зубы, то будут преследовать его до смерти, разбирая каждую грязную деталь.

— И вы уверены, что драгоценность у мадам Авроры? — спросила я.

— Да, конечно, — сказал Арчибонд. — Принцесса подошла ко мне с разговором об этом бедственном положении две недели назад. Она призналась, что ее фрейлина получила любопытное сообщение из «Garrard». Похоже, ювелиры стремились предупредить принцессу о возможном *mésalliance* со стороны принца.

— Немного выше и вне сферы компетенции ювелира, — заметила я.

— Принцесса — очень хороший клиент, — Арчибонд пожал плечами. — «Garrard» сделает почти все, чтобы не потерять будущую королеву Англии в качестве клиента. Она, естественно, не хотела беспокоить принца Уэльского, поэтому пришла к леди Велли и попросила о помощи. Леди Велли поручила мне узнать, что можно сделать в связи с покупкой принцем звезды и разведать ее местонахождение. У меня было мало драгоценного времени, чтобы посвятить себя этому вопросу. К счастью для меня, его королевское высочество не очень коварен, — продолжил он со снисходительной улыбкой. — Он считал, что кучеру достаточно объехать разок вокруг клуба, прежде чем войти внутрь.

— Он не носит маскировки? — удивилась я.

Арчибонд вздохнул.

— Он не только не счел нужным маскироваться, он взял одну из карет принца Уэльского.

— О боже, — пробормотала я.

Мы трое обменялись взглядами, наши губы дернулись в подавленном

веселье.

— Небеса помогают нам, — Стокер покачал головой. — Будущий король Англии — простака.

— Принц не безнадёжен, — сказал Арчибонд с теплым выражением лица, согревшим его черты. — Но я признаю, что он гораздо менее ловок в управлении своими делами, чем его отец.

Он восстановил нить своего повествования:

— В течение некоторого времени мы выяснили, что принц часто посещает это заведение. Учитывая склонность мадам Авроры к алмазным звездам, было легко догадаться, кто обладает драгоценностью. Я доложил о своих находках принцессе и леди Велли и только тогда узнал, почему ее королевское высочество так стремиться найти звезду.

— Этот бедный ребенок, — догадалась я, — принцесса Алиса Гессенская.

Арчибонд развел руками.

— Никто не заставит ее выйти за него замуж. Но она принцесса. Она выйдет замуж за кого-то из очень узкого, очень эксклюзивного круга разгильдяев и простаков. По крайней мере, если она решит отдать свою руку принцу Эдди, то будет нежно любима. Он способен на великую привязанность, если и не на большой интеллект.

— Ей шестнадцать, — напомнила я ему. — Как она может знать, чего на самом деле хочет?

— Возможно, нет, — согласился он. — Но его мать совершенно права: на ком бы принц не женился, супруга будет влиять на него. Рядом с ним необходим сильный характер.

— Довольно непростая задача для молодой девушки, — покачал головой Стокер.

— Покажите мне аристократическую девушку, которая с колыбели не знает, что предназначена для таких вещей, — возразил Арчибонд. — Но эта принцесса — идеальный вариант для него. Если она потребует, чтобы он усовершенствовал свой характер, подтянул до ее стандартов, он будет достоин ее.

— Я начинаю думать, что вы романтик, — поддразнила я.

— Мой величайший секрет в том, что я идеалист, который никогда не откажется от своих идеалов, — сказал он просто.

— Исключительно из любопытства, как вы ожидаете, мы заберем этот драгоценный камень? — рискнула задать вопрос я. — Предположительно, он защищен в банковском хранилище.

— О нет, — быстро сказал инспектор. — Это часть таинственности,

окружающей мадам Аврору. Она носит свою коллекцию звезд несколько раз в течение месяца. Каждую среду она устраивает бал-маскарад, куда ее постоянным гостям разрешается приводить посетителей в надежде привлечь новичков. Нужно только знать, когда и где, и можно легко получить доступ в клуб.

Взгляд инспектора внезапно упал на билеты в Савой.

— «Йомены гвардии»! - воскликнул он. — Люблю Гилберта и Салливана, но боюсь, очень скоро смогу потратить на них вечер. Наслаждайтесь, — сказал он, поднимаясь на ноги. — Пришлите за мной, если состояние леди Велли изменится.

Я обещала, что мы выполним просьбу, и Стокер встал пожать ему руку. Инспектор повернулся ко мне.

— Рад узнать вас немного лучше, мисс Спидвелл. Леди Велли очень высоко ценит вас, очень высоко. Я начинаю понимать, почему.

Глава 5

Его отъезд оставил тяжелую тишину. Стокер занялся поиском колбасы, чтобы скормить собакам.

— Мы начнем ссориться сейчас или позже? — я спросила приятно.

Он тяжело вздохнул и бросил Гексли немного начиненной травами свинины.

— Мы вообще не будем ссориться.

Я моргнула.

— Прошу прощения?

— Вероника, ты можешь дать мне небольшой кредит за то, что я знаю тебя, как самого себя. Мы можем спорить до бесконечности об этом нелепом стремлении. Закончится же тем, что ты будешь в опасности, а я послушно пометусь за тобой, как твой мастиф.

— Не мастиф, — запротестовала я. — Партнер.

— Помощник, как ты мне однажды сообщила, — ехидно напомнил он.

— Признаю, я была неправа. Мы — равноправные партнеры в этих предприятиях. Оба извлекли пользу из них, оба пострадали от них. Мы решили в них участвовать по обоюдной инициативе. И в равной степени заслужили и порицания, и уважения.

— Точно. И мне сейчас не очень хочется ссориться с тобой, — его глаза намекающе блеснули.

— О, — я внезапно затаила дыхание. — Я тоже предпочла бы поступить иначе.

Я сделала шаг вперед, но он быстро двинулся, оставив саркофаг между нами.

— Это не очень хорошая идея.

— Что не так?

— Близость, — процедил он сквозь стиснутые зубы. — Последние годы я провел, строго контролируя свои низменные инстинкты. Но когда я с тобой, мне трудно сосредоточиться на более высоких целях.

Я тяжело сглотнула.

— Понимаю и разделяю твои трудности, но больше нет необходимости бороться с такими импульсами. Мы уже решили, что пора разрубить этот гордиев узел.

— Вероника, я не собираюсь брать тебя на крышке заплесневелого

саркофага, — отрезал Стокер решительно. — Я обойдусь без любовных стихов и фейерверков, но любезно предоставь мне лучшую аудиторию, чем учело африканской антилопы и стая собак, воняющих колбасой.

(Ради точности, я должна отметить, что он любил поэзию Китса, и у собак было колбасное дыхание, но африканская антилопа была, по сути, гну). Я кивнула.

— Согласна. Быстрая возня среди коллекций едва ли уместна. Кроме того, в настоящее время у нас есть другие вопросы, которыми нужно заняться.

— Да, — сказал он тяжело. — Как взломать стол леди Велли и отыскать, что она скрывает от инспектора.

Я послала ему воздушный поцелуй, и Стокер достал отмычки. Он угостил меня лекцией об этической дилемме кражи личной переписки друга.

— Не кража, — негодовала я. — Мы ничего не возьмем. Мы только хотим посмотреть, что это. Кроме того, что если мы узнаем что-то важное? Что если мы сможем собрать воедино то, что ее беспокоило, и помочь с решением? Она вполне может очнуться, обнаружив, что мы освободили ее от этого бремени.

Он хмыкнул в ответ, но никому из нас не нужно было говорить дальше. Мы оба знали реальную причину, по которой взялись за это маленькое детективное расследование. Мой отказ в ее последней просьбе был быстр и суров. Если бы я могла отменить его, я бы так и сделала. Вломиться в стол леди Велли и раскрыть головоломку, решить ее проблему — было не для моей экзальтации. Это было искупление.

• • •

Оказалось довольно просто проникнуть в гостиную леди Велли.

Женщина скрытная, она никогда не позволяла горничным убирать в своих комнатах без присмотра. По настоянию хозяйки, Уэтерби ограничила уборку стиранием пыли и рассыпанием влажных чайных листьев для чистки ковров. Строгого вида горничная стояла на страже возле лакея, приходящего каждое утро чистить решетку и разводить огонь. Если ее не было под рукой, ему было приказано ждать, пока она не появится. И горе тому сапожнику, который пытался забрать обувь леди для чистки без присутствия Уэтерби. Ей также было дано указание сжигать все промокательные бумаги в камине, ежечасно меняя их на свежие, и уничтожать любую переписку, которую леди Велли распорядится сжечь.

Уэтерби выплачивали солидный бонус за ее дополнительные обязанности, но подозреваю, что она с радостью занялась бы ими и без

денег. Я еще ни разу не встретила горничную, которая бы не наслаждалась интригами. И кто мог их винить? Стирать корсеты другой женщины, зарабатывая этим на жизнь, непростая перспектива; случайные уловки и надувательства наверняка облегчат скуку.

К счастью, верная горничная отсутствовала, когда мы проскользнули в комнату. Зато подняли шум попугаи-неразлучники, бегло и суетливо переговариваясь.

Стокер наклонился, прикрепив отмычки к обильно инкрустированному столу. Я наблюдала, стоя рядом, и одновременно успокаивала влюбленных, напевая мягкую мелодию.

— Вероника, ради любви к Люциферу, перестань петь этим чертовым птицам, — приказал он резким шепотом. Он легко открыл замок и осторожно потянул центральный ящик.

— Ее дневник, — предположила я.

Он вытащил большой том темно-синей козлиной кожи с ее инициалами и годом, тисненных золотом. Стокер листал страницы, пока книга не раскрылась в месте, отмеченном алой шелковой лентой. Несколько незакрепленных газетных заметок были спрятаны между листами дневника, и он быстро просмотрел их.

— Что же это? — я подтолкнула его.

Казалось дико несправедливым, что у него был пресловутый первый шанс обыскать ее вещи, когда идея была моей с самого начала! «И все потому, что он умеет вскрывать вещи», — с горечью размышляла я, делая пометку приступить к изучению незаконного искусства взлома замков.

Внезапно Стокер закрыл книгу и сунул ее себе подмышку. Он молча закрыл ящик и снова запер его, не говоря ни слова. Я открыла было рот, но он оборвал меня одним резким движением головы. Мы выскользнули из комнаты так же тихо, как и пришли. Только когда мы вернулись в Бельведер, он заговорил.

— Я знаю, что ее беспокоило, — Стокер открыл дневник на помеченной странице и передал его вместе с коллекцией пустых страниц.

— Газетные вырезки? — спросила я.

Я пролистала их. Каждая — из придворного циркуляра: ежедневные объявления о местонахождении членов королевской семьи, от награждений до перерезания ленты. Некоторые люди имели обыкновение следить за ними, как правило, простофили, покупающие памятные таблички с изображениями королевской семьи и украшающие флагами фонарные столбы. Другие иногда использовали циркуляр для собственных целей — представляя неформальные петиции или эксцентричные планы убийства —

но таких было абсолютное меньшинство.

Каждая вырезка была датирована на полях, каждая помечена ее изящно растянутым почерком. Я снова пролистала их, сузив взгляд.

— Очень странно. Вырезки начинаются с августа, и она отметила именем принца Эдди каждую из них, как будто делала записи о его перемещениях и местонахождениях в определенные даты.

— Продолжай, — мрачно сказал Стокер.

Под циркулярами хранилась серия вырезок из «Daily Harbinger». Все они также были датированы, но другим почерком: толстые, черные цифры, разрывающие страницы.

— Каждая вырезка — краткое изложение убийств Потрошителя, — отметила я. — И не из «Times». Но леди Велли никогда бы не стала читать «Harbinger».

— Она и не читала, — Стокер снова кивнул в сторону коллекции.

Внизу лежал клочок дешевой бумаги, помеченный тем же сильным почерком, несколько простых слов черными заглавными буквами: «ГДЕ БЫЛ ПРИНЦ ЭДДИ?»

Я перевела взгляд с дат, отмеченных на вырезках, на даты циркуляров и подняла взгляд на Стокера.

— Даты убийств в Уайтчепеле. Кто-то послал ей эту записку и вырезки о Потрошителе...

— Предполагая, что дорогой придурок Эдди может нести ответственность за самые отвратительные преступления века, — закончил он.

Я почти сердито утрамбовала страницы вместе.

— Стокер, это абсурд. Она не могла поверить, что принц способен на такое злодеяние.

— Конечно, нет, — согласился он. Мы долго молчали, погружившись в свои мысли.

— А если поверила? — рискнула наконец высказаться я. — Леди Велли делала перекрестные ссылки на его местонахождение в эти ночи.

— Логичное место для начала, — кивнул он. — Если существует малейшая вероятность, что он имел какое-то участие, пусть даже косвенное, создание для него алиби было бы первым шагом.

Я снова посмотрела на вырезки.

— У него уже есть одно. В настоящее время он находится в Балморале, что исключает возможность убийства 30-го сентября.

Ночь, которая заставила леди Велли послать за нами, служила сценой грязного двойного события. Две жертвы — Элизабет Страйд и Кэтрин

Эддоус — погибли от ножа Потрошителя, и истерия охватила столицу. Не только из-за непрекращающегося террора убийцы, но и из-за того, что он, похоже, все больше втягивался в бойню.

— Поезда ходят в Шотландию, — указал Стокер.

Я нахмурилась.

— Он там с королевой. Думаю, она заметила бы, если бы принц пропал.

Стокер наклонил голову.

— Ты защищаешь его.

Я открыла рот и снова закрыла. Сосчитала до двадцати на мандаринском диалекте, затем спокойно сказала:

— Я не защищаю. Просто указываю на недостатки улики в деле против него.

Его голос был нежным.

— Нечего удивляться, если ты чувствуешь, что должна защищать его. Он твой младший брат.

Я прочистила горло.

— Простейшая случайность рождения, уверяю тебя. Кроме того, ты знаешь, я не разделяю убеждения, что кровь гуще воды. Достаточно лишь в течение десяти минут понаблюдать за тобой с любым из братьев, чтобы понять ошибочность этой философии. Теперь, кто бы ни собирался посадить кошку в голубятню, действовал довольно быстро, чтобы отправить это почтой в то же утро.

Стокер пожал плечами.

— Возможно, он разработал схему заранее и ожидал нового преступления, чтобы вовлечь принца.

Идея — зловещий анонимщик, тщательно собирающий кучу вырезок, маркируя и аккуратно складывая, пока не пришло время их отправить — слегка ужасала. Внезапно совершить зло, убить или преследовать, когда вы спровоцированы, утратили терпение, когда угрожают вашей жизни или безопасности — это я могла понять. Замышление и планирование зла — вот что я не могла понять.

— Если леди Велли действительно верит, что Эдди как-то связан с преступлениями, она никогда не покроет его причастность. Для этого она слишком сильно любит Англию, — решительно высказалась я.

— Согласен, — поддержал меня Стокер. — Но так или иначе, у нее не было доказательств. Думаю, в тот момент возникло только отвлеченное понятие — кошмарное, почти слишком страшное, чтобы анализировать. Поэтому она сопоставляла даты, чтобы убедиться, было ли это

возможно.

— Это невозможно, — протестовала я.

Он пожал плечами.

— Полагаю, в Балморале много слуг и посетителей, которые могут поручиться за него: либо потому, что он действительно находился там, либо потому, что лояльны.

— Ты только что согласился, что она не поддержит его причастность к преступлениям, — напомнила я.

— Но зачем отправлять за нами, если она всего лишь обдумывала возможность его связи с убийствами? В телеграмме упоминались преступления в Уайтчепеле. Она сказала, это вопрос жизни и смерти. Возвращение алмазной звезды вряд ли имеет такое серьезное значение.

— Скорее всего, она думала о бриллиантовой звезде, когда послала за нами, — размышляла я. — Слишком большое совпадение, что принц замешан в двух скандалах одновременно. Что если она боится, что звезда может быть как-то связана с этим? — воскликнула я, размахивая вихрем вырезок. — Что если она хочет, чтобы мы забрали звезду? Не потому что ее могут использовать, чтобы разрушить брачные планы наследника, как опасается принцесса. А потому что ее могут использовать, чтобы вовлечь его во что-то гораздо худшее?

— Думаю, это какая-то сенсационная ерунда, которую только Дж. Дж. Баттеруорт могла бы вообразить, — начал он, но в его интонацию закралась нотка сомнения.

Я ждала, и он, наконец, тяжело вздохнул.

— Отлично. Это возможно, — признал Стокер.

— Лучше, чем возможно, — сказала я убежденно. — Я уверена в этом. Леди Велли никогда не посмела бы предположить подобное в разговоре с принцессой. Ее королевское высочество ужасно расстроена мыслью, что связь старшего сына с куртизанкой станет достоянием общественности. Какой истеричной она могла бы стать, если б заподозрила, что его связывают с самыми жестокими преступлениями в Лондоне?

— Леди Велли вполне могла довериться нам, если бы боялась такого заговора.

— Чушь! — возразила я. — Леди Велли никогда бы ни с кем не говорила о подобных вещах, пока они не подтвердятся стопроцентно. Она из тех, кто играет осторожно, держа карты близко к груди. Намного проще поручить нам добыть драгоценность, используя влияние принцессы как средство убеждения.

— Но эта тактика не сработала, — ответил он ровно.

— Она не могла знать этого!

Я старалась хранить терпение, но мое раздражение росло. Я так ясно видела картину: преданный вассал решил сохранить репутацию будущего короля, спокойствие будущей королевы. Леди Велли никому не доверилась бы, разве что возникла абсолютная необходимость.

— Должно быть, она была на грани того, чтобы поделиться с нами, когда рухнула, — сказала я.

— Ну, мы ничего не можем сделать, пока леди Велли не выздоровеет, — начал он.

— Но что, если она не выздоровеет? Я знаю, что мы не хотим рассматривать такую возможность. Тем не менее, нельзя отрицать, что даже если она переживет кризис, будущее неопределенно. Есть вероятность, что нанесен какой-то урон ее умственным способностям, не так ли?

Стокер неохотно кивнул.

— Да. Еще слишком рано констатировать какой-либо тип хронической инвалидности.

— А повреждение памяти или способностей означает гипотетически, что она никогда не восстановит свои мысли и намерения по этому вопросу, — продолжила я. — И только мы знаем об этом.

Я сделала паузу, позволяя весу моих слов осесть между нами, прежде чем идти дальше.

— Мы единственные знаем о подозрениях леди Велли. Мы можем изучить факты и установить истину.

— А потом? — спросил он. — Что если мы обнаружим, что автор этой порочной записки прав? Что если Эдди замешан?

— Ты сказал, что у него есть алиби на эти ночи.

— И я сказал, что свидетелей можно подкупить. Документы могут быть подделаны. Истина может быть превращена в то, чего хотят сильные мира сего. Они делали это веками.

Я сделала глубокий вдох.

— Тогда мы вместе решим, что нужно сделать.

— Даже если то, что нужно сделать, это разоблачить старшего сына принца Уэльского как злобного убийцу? — потребовал Стокер. — Ты плаваешь в опасных водах, Вероника. Ты просишь уничтожить монархию.

— Или прошу спасти ее? — я сказала тихо. — Если мы ничего не сделаем, и этот злодей распространит свой яд дальше, он может нанести такой же ущерб, как если бы Эдди сам держал нож Потрошителя. Подумай об этом, Стокер. Эти убийства — отвратительные, жестокие преступления,

которые подожгли страну, распалили искры истерии в костры.

Я указала на «Daily Harbinger», отброшенную мной в то утро.

— Посмотри на заголовки! Каждый день появляется новый урожай, настраивающий одни слои общества против других: христиан против евреев, англичан против иммигрантов, богатых против бедных. Представь, если в этом водовороте кто-то — возможно, один из этих дьявольских владельцев газет — предположит, что наш будущий король несет ответственность? Сама возможность такой идеи была бы зажигательной. В этом году у нас случались беспорядки. Вообрази, насколько могло быть хуже, если бы люди поверили в то, что старший член королевской семьи замешан в этих преступлениях?

— Анархия, — лаконично сказал Стокер.

— Точно. Англия сгорит и погаснет в огне, все будет уничтожено.

— Огромная разница: покровительствовать такому учреждению, как «Club de l'Étoile», или резать на куски невинных женщин на улицах Уайтчепела, — возразил Стокер.

— Не в умах британской публики. Мы нация примитивных лавочников, и ты это знаешь. Дай честному среднему классу крошку скандала, и они устроят банкет, как ты тоже знаешь. За твои же деньги! — сказала я.

Он издал низкое рычание признания.

Собственный развод Стокера — новшество в полуаристократических кругах — месяцами зажигал огни сплетен. Желтая пресса раздувала их похотливыми подробностями, как жена бросила мужа в джунглях Амазонки, пока тот лежал в ожидании смерти. Последующие распутства Стокера в борделях Бразилии лишь добавили перца в похлебку скандала.

Но маятник качнулся, и я воспользовалась преимуществом.

— Мы знаем, что звезда сейчас в клубе. Это хорошее место для начала расследования. Не исключено, кто-то рассчитал, что присутствие принца в таком учреждении может стать средством подбить оппозицию королевской семьи на политические перемены.

— Это вообще возможно? — задумался Стокер.

— Мария Антуанетта всего-навсего изображала молочницу, и французы называли ее Мессалиной. Важна не реальность, а восприятие!

Я улыбнулась.

— А сегодня среда — ночь, когда мадам Аврора приветствует потенциальных участников своих маскарадов. Стоит только представиться в качестве заинтересованных клиентов, и нас радушно встретят, не сомневаюсь.

Стокер зашевелился.

— Ты понимаешь, что предлагаешь пойти в клуб, посвященный самым изошренным и замысловатым развратам, — предупредил он.

— Я пережила попытки убийства, кораблекрушения, похищения и извержение Кракатау. Не думаю, что буду нервничать из-за несколько излишней наготы.

Он тяжело вздохнул.

— Нам нужны костюмы. Кроме того, мы должны узнать все, что можем о «Club de l'Étoile» и мадам Авроре, прежде чем броситься в эту авантюру.

— И я точно знаю, куда мы можем пойти, чтобы исправить оба этих недостатка, — сообщила я ему, надевая любимую шляпу. — Тибериус.

Глава 6

— Боже, я только что избавился от вашей парочки, — проворчал его светлость.

Но на его лице промелькнула улыбка, и я знала, что он рад видеть нас. Ну, одного из нас.

— Добрый день, Тибериус, — сказала я насмешливо.

Старший брат Стокера, виконт Темплтон-Вейн, лениво проводил послеобеденные часы дома с кружкой шоколада и полупорнографическим французским романом. Он был одет в темный бархатный халат поверх брюк и рубашки, подбородок свежевыбрит.

— Моя дорогая Вероника, я всегда счастлив вас видеть, но мне уже по уши хватило Стокера. Возможно, в следующий раз вы придете одна, — предложил он, в его глазах заплесало лукавство.

Стокер пробурчал какие-то вялые ругательства. Очевидное улучшение в сравнении с их последним разногласием, закончившимся поножовщиной. Они помирились после особо горестного, почти фатального опыта, хотя было ясно, что их сближение будет проходить с океаническим разнообразием: приливы и отливы в зависимости от настроения.

Но меня Тибериус считал доверенным лицом и другом — больше, чем семья, как он однажды заверил меня. Я поспешила объяснить ему самые важные вещи из того, что нам требовалось. Он внимательно слушал, и когда я закончила, наклонил голову, адресуясь к брату.

— Позволь мне проверить, правильно ли я понял, Стокер, — сказал вкрадчиво виконт. - Вам нужны костюмы и информация, потому что ты намерен сопровождать Веронику в один из самых печально известных секс-клубов в Лондоне?

— Грубо говоря, да, — подтвердил Стокер.

Виконт скрестил ноги и откинулся на спинку стула.

— А почему вы ввязались в эту вакханалию? Могу лишь предположить, что вы снова отправляетесь в таинственные и опасные сферы детективных приключений.

— Нечто в этом роде, — призналась я. — Но мы не можем делиться деталями. Вы понимаете необходимость осмотрительности.

— Лучше, чем большинство, — заверил Тибериус с унылым выражением на лице. Его собственные грехи обнаруживались не раз в ходе

наших расследований. — Но вы явились в неурочный момент. Я как раз закрываю дом, — сообщил он, взмахнув рукой в сторону потолка. Сверху вниз шла комбинация прочно установленных ставней.

— Вы уезжаете? — рискнула спросить я.

В его улыбке не было веселья.

— Я думал, что было бы неплохо сменить обстановку после нашего последнего маленького приключения.

У Тибериуса был талант к преуменьшению. «Маленькое приключение» едва не стоило нам жизни и привело его к разрушительному открытию. Без сомнения, ему понадобится время, чтобы оправиться, но он определенно выбрал неудачное время для отъезда.

Тем не менее, сколько раз я сама использовала путь-дорогу как средство сбежать от неприятностей? Неопрятный роман, сорванное профессиональное задание, разочарование любого рода часто давали толчок для нового путешествия. Как же дух поднимался с каждой посадкой! Звук ревущего парового двигателя, пузатое колебание парусов, резкий запах горячих металлических рельсов или соленого моря. Не было ничего более обещающего, чем первый этап новой экспедиции. Все было возможно в этот момент! Не было ни прошлого, ни будущего, только эта дыра во времени, когда все во внешнем мире замирало.

Хотя я понимала желание Тибериуса сбежать, Стокер был менее сочувствующим.

— Ты должен нам, Тибериус. Я спас твою чертову жизнь, — начал он.

Его светлость поднял элегантную руку.

— После того, как ты подверг ее опасности, мой дорогой мальчик. Скорее, думаю, что в сложившихся обстоятельствах вы должны мне.

Они долго ели друг друга глазами, такие похожие и такие разные.

Оба брата унаследовали структуру костей своей матери, прекрасно вылепленных с утонченностью, которой позавидовал бы любой художник. Тибериус был шатен с темными сверкающими глазами. Стокеру досталась окраска его биологического отца: черные волосы и ярко-голубые глаза художника-валлийца, эпизодически развлекшего покойную виконтессу во время ее несчастливого брака с отцом Тибериуса.

Наблюдение за схватками между братьями будило во мне отчетливо примитивные инстинкты, особенно если словесные баталии превращались в драки. Швы Стокера от их последней битвы почти затянулись, а на лице виконта оставались едва заметные следы синяков.

Я почувствовала назревание ссоры и встала между ними, приняв свой самый гювернантский тон:

- Мальчики, достаточно. Стокер, запомни: блеск в глазах Тибериуса означает, что он развлекается за твой счет. Ему нравится наблюдать, как ты впадаешь в ярость. Не доставляй ему такого удовольствия. Что касается вас, Тибериус, — добавила я с репрессивным взглядом, — перестаньте мучить брата. Вы знаете всех в Лондоне, осмелюсь сказать. Успеете нам все рассказать быстрее, чем Коллинз сложит ваши воротнички. Не вредничайте.

— Коллинз находится в отпуске из-за прострела. По сути, еще одна причина закрыть дом, — сообщил его светлость.

Затем он улыбнулся.

— Но, как всегда, моя дорогая Вероника, я — глина в ваших способных руках.

Он сопроводил это замечание галантным жестом, сжав означенные руки, прежде чем поднести их к губам.

— Вы правы, конечно. Теперь позвольте мне продолжить с костюмами. У нас не так много времени.

Он остановился, чтобы рассмотреть телосложение брата.

— Самый очевидный выбор — буканьер.[\[3\]](#) И если он не против быть пиратом, то по крайней мере, должен выглядеть удачливым пиратом. У меня есть несколько вещей, которые подойдут, хотя опасаясь, что его бедра и плечи разорвут швы, — добавил он с отвращением. — У него мышечное развитие крестьянина.

Стокер фыркнул.

— Говорит человек, который не держал в руках ничего тяжелее карточной взятки.

— Вы оба привлекательны по-своему, — снова вмешалась я.

Стройная элегантность виконта заставила бы повернуть голову любую женщину, но я предпочитала очевидную мускулатуру Стокера.

— И телосложение Стокера не похоже на крестьянское, — исправила я. — У него праксителевские пропорции.

Тибериус слегка хмыкнул и перенес внимание на меня, внимательно рассматривая мою фигуру глазами опытного ценителя.

— Боадичея, — изрек он тоном, не допускающим споров. — Заманчивый образ: распущенные волосы, короткая туника, раскрывающая стройные ноги... — Его голос оборвался. — Очень соблазнительно.

— Я была бы очень рада стать королевой иценов, — мечтательно вздохнула я.

— Ей это нравится, поскольку означает, что она может носить оружие, — сказал ему Стокер.

Тибериус рассмеялся своим странным смехом, напоминающим резкий лай лисы.

— Не сомневаюсь. Ну, я всегда говорил, что Стокеру следует иметь телохранителя. Вы хотите таскать копье всю ночь? Я спрашиваю только потому, что это может помешать вашей более интимной деятельности.

— Никаких интимных мероприятий не будет, — пояснил Стокер. — Мы собираемся там работать, а не участвовать в оргии.

Тибериус поднял брови.

— Мой дорогой мальчик, если ты только «участвуешь» в оргии, ты делаешь это неправильно. Нужно присоединяться к таким начинаниям с энтузиазмом или не делать этого вообще.

Стокер проигнорировал насмешку.

— Мне пришло в голову, что парюра Вейнов может подойти.

— Парюра Вейнов? — с любопытством спросила я.

Тибериус вскочил на ноги.

— Прекрасная идея! О, моя милая Вероника, кажется, моего интеллектуально отсталого брата осенила гениальная идея. Следуйте за мной.

Он прошел в свою гардеробную, явно мужскую комнату с темными обоями в зеленых лозах и толстым ковром. В комнате пахло кожей, виски и ветивером. Я благодарно принялась, когда Тибериус подошел к портрету, висящему над узким камином. Это была особенно хорошая копия Буше[4].

Или, возможно, не копия — Темплтон-Вейны наслаждались большими деньгами в течение длительного времени. Я задумалась. Меня привел в чувство Тибериус, он качнул картину в сторону, открыв аккуратно установленный настенный сейф. Виконт повернул циферблат и быстро набрал шифр, открывающий сейф.

Внутри хранились несколько кожаных портфелей — без сомнения, юридические документы и сделки. Он отодвинул их в сторону и извлек целую серию коробок: шагреня, шевро, сафьян, замша. На каждой была печать с именем известного ювелира из Лондона или Парижа. Он перебирал их, пока не издал небольшое восклицание удовлетворения.

— Вот! — произнес он с триумфом. — Нашел.

Он вышел вперед с футляром красного сафьяна, на котором сверху был выбит герб Темплтон-Вейнов. Победоносно им размахивая, он протянул мне футляр.

— Я могу ее одолжить? — я спросила, колеблясь.

— Конечно, — заверил меня Тибериус. — Это именно то, что требуется для Боадицеи.

Он щелкнул золотой застежкой коробки, эффектно застыл на мгновение — с инстинктивными повадками талантливое шоумена — и поднял крышку.

Я перевела дыхание и уставилась на содержимое. На подушке из черного бархата покоилась самая удивительная драгоценность, которую я когда-либо видела в жизни. Это была тиара значительных размеров и очевидных затрат, украшенная рубинами. Она была уникальной, старинной и определенно ценной.

Это также была самая уродливая вещь, что я когда-либо видела. Я неохотно ткнула в нее пальцем.

— Из чего она сделана?

— Лисьи зубы, — ухмыльнулся Тибериус. — На Британских островах есть еще одна, но наша куда дороже.

— Никогда не видела ничего подобного, — честно призналась я. Я бросила взгляд туда, где стоял Стокер. На губах у него играла легкая улыбка.

Я наклонилась, чтобы рассмотреть парюру поближе. Ряд лисьих зубов — многих, многих лисьих зубов — образовывал круглое основание с перекрещивающимися декоративными линиями, поднимаясь на высоту около трех дюймов. Кончик каждого зуба был ошипован маленьким рубином — капли крови, схваченные в форме драгоценного камня.

— С какой стати была заказана такая вещь? — потребовала я.

Тибериус поведал мне историю:

— Наша бабушка-Вейн была наследницей, богаче Ротшильдов. Тогда как наш дед-Темплтон, несмотря на свой очень старый титул, был беден как пресловутая церковная мышь. Ему нужны были ее сундуки денег. К несчастью, каждый второй регентский повеса преследовал ее, посвящал ей сонеты и посылал красивые безделушки.

Стокер подхватил нить рассказа:

— Но бабушке не было дела до титулов, стихов или драгоценностей. Она жила, чтобы охотиться. Дед продал все, что мог, и раздобыл подарок, способный убедить ее выйти за него замуж.

— И он купил ей это? — спросила я недоверчиво.

— Боже, нет, — поправил Тибериус. — Он купил ей лучшего гунтера в Ирландии, огромного зверя, лошадь по имени Тьюксбери. Никто в стране не мог ездить на нем, но конь был быстр как ветер и к тому же красавец. Бабушка отправила обратно все остальные подарки, кроме гунтера, и сбежала с дедом в Гретну на этом самом скакуне. Как известно, у виконтессы должна быть тиара, вот наш дед и подумал, что таким образом

почтит ее любимый вид спорта. Он заказал это чудовище на ее деньги. Тиара украшена зубами каждой лисы, которую она загнала, а также последними рубинами Темплтонов.

Тибериус поднял парюру из бархатного гнезда и водрузил мне на голову.

— Посмотрите, моя дорогая, — призвал он.

Я подошла к зеркалу над умывальником. Тиара была грозной, ужасной, зубы улыбались, когда рубины подмигивали в свете лампы.

— Страшно, не правда ли? — спросил Тибериус с улыбкой.

— Это самая жуткая вещь, которую я когда-либо видела, — ответила я правдиво. — Я и ненавижу, и обожаю ее одновременно.

— Я не сомневался, — Стокер посмотрел на Тибериуса. — Ты тоже думаешь об армиллах, не так ли?

Тибериус согласно кивнул.

— Да, в них есть что-то довольно дикое.

Он рылся в ящиках, пока не обнаружил пару армилл. Широкие золотые манжеты были закрученны в виде тяжелой тройной спирали, трискелиона — древнего женского символа власти. Он надел их на мои рукава, чуть выше локтей.

— Конечно, их следует носить на обнаженных руках. Но они прекрасно подойдут.

Я наклонила голову, испытующе глядя на него.

— Вы, кажется, ужасно уверены. Вы бывали в «Club de l'Étoile»?

Тибериус пожал плечами.

— Иногда. Ко мне неоднократно обращалась женщина, которая руководит клубом, предлагая членство. Я еще не согласился, но она оставила приглашение открытым.

— Полагаю, это была бы вершина ее триумфа — обеспечить присутствие виконта Темплтон-Вейна, — сказал Стокер ласково.

— Мой дорогой мальчик, ты понятия не имеешь, — улыбнулся его брат. — Среди определенных кругов я знаменит.

— Не столько кругов, сколько ям, — парировал Стокер.

К моему удивлению, виконт рассмеялся.

— Не будь грубым, Стокер, — приказала я. — Это не первый раз, когда интересные склонности Тибериуса оказались нам полезны.

— И я, черт возьми, надеюсь, что в последний, — вставил Стокер с пылом.

Виконт и я проигнорировали его.

— Чего нам ожидать? — с любопытством спросила я.

Тибериус задумался.

— Это изысканное заведение. Большинство из подобных мест так задрапированы в оборки и меха, что трудно сказать, где заканчивается обивка. Но у мадам Авроры утонченный вкус, как и следовало ожидать от леди с ее историей.

Я положила подбородок на руки и расширила глаза, старательно имитируя школьницу.

— Расскажите, дядя Тибериус. И ничего не пропускайте.

— Нахальная девица, — сказал он с нежной улыбкой. — Отлично. Подозреваю, ничто не потрясет вас, но если Стокер хлопнется в обморок от смущения, не говорите, что я вас не предупредил.

Он откинулся на спинку стула, положив пальцы на стройную талию.

— Никто не знает, откуда она. Существует тысяча разных мифов, но она не подтверждает ни один из них. Она выскочила, полностью сформированная как Афина, на сцене Орéга, издавая не более чем сносные трели в роли Керубино. Понимаете, очаровывало не качество ее голоса. Это была стройность ног леди в костюме паж.

— Естественно, — кивнула я.

— Привлекли внимание ее формы, на что она, несомненно, делала ставку. Голос, как я говорил, был всего лишь сносным. Но она играла в более крупную игру, стараясь удержать джентльмена богатства и славы. Он отполировал ее до блеска. Аврора бросила его через несколько месяцев ради принца крови. Потом был промышленник, американец, по-моему. В течение восьми месяцев о ней говорил весь Париж. А потом пришли пруссаки.

Я вздрогнула. Никто из слышавших жуткие истории об осаде Парижа не мог их забыть. Гордый город, бомбардируемый пруссаками до тех пор, пока парижане не были так охвачены голодом и лишениями, что ели крыс и домашних животных. Семнадцать лет прошло с тех пор, но выжившие в осаде все еще вздрагивали, когда видели кролика на тарелке — из-за его неудачного сходства с кошкой.

— Почему мадам Аврора не уехала? Если у нее был американский любовник, он наверняка мог бы увезти ее? Америка сохранила нейтралитет во время этой войны.

Он пожал плечами.

— Никто не знает, что удерживало ее во Франции, но она осталась. И оставшись, страдая со своим народом, стала легендой. Леди больше никогда не пела, она заявила, что голод разрушил ее голос. Весь Париж возвысил Аврору за такую жертву. Когда город был освобожден, и жизнь

вернулась в нормальную коллею, мадам Аврора нашла новых любовников, ряды их. Она посвятила себя тому, чтобы стать самой известной куртизанкой континента. Это был титул, который она удерживала в течение десятилетия.

— И что потом? — пробудился Стокер.

— Затем по причинам, которые — как и многие другие в жизни этой леди — окутаны тайной, она покинула континент и обосновалась в Лондоне. Некоторые говорят, что для возобновления знакомства с французским императором в его изгнании. Другие говорят, чтобы избежать воспоминаний о городе, который стал слишком густым от призраков. В любом случае, мадам Аврора добилась успеха, потому что осторожна и осмотрительна. Ее дом оборудован множеством входов-выходов, так что можно входить и выходить незамеченным. Она не держит официального списка членов клуба, не ведет записей.

Я бросила взгляд на Стокера, размышляя об уязвимости Эдди. Даря дорогостоящее доказательство привязанности такой женщине, он прямоком отдавал себя в ее власть.

— Тогда она вряд ли будет шантажировать одного из своих гостей?

— Моя дорогая Вероника, это полностью противоречит ее интересам. Что называется, убить гусыню, несущую золотые яйца! Она зарабатывает тысячи на своей клиентуре. Если бы пошел малейший шепот о ее неосторожности, ей пришлось бы немедленно закрыть двери.

Его светлость сделал непродолжительную паузу и добавил:

— И учитывая количество чрезвычайно заметных правительственных деятелей, которые осчастливили эти двери, полагаю, леди получила бы длинное тюремное заключение в придачу.

Прежде чем я успела задать какие-либо дополнительные вопросы, Тибериус поднялся, оживленно потирая руки.

— Теперь давайте займемся делом. У нас не так много времени. Бог знает, сколько часов понадобится, чтобы заставить Стокера выглядеть респектабельным джентльменом.

Глава 7

В конце концов, минуло три часа, прежде чем мы подобрали подходящий гардероб для Стокера. Он решительно возражал против всего яркого в стиле Тибериуса, и поскольку виконт имел страсть к красивым тканям с драматическими разрезами, битвы были обильными и жаркими.

— Я похож на помощника чертового иллюзиониста, — протестовал он, щелкнув оборкой на манжете особенно элегантного ансамбля.

— Ты и есть иллюзионист, — откликнулась я.

— Но не профессионально, — парировал он. — И я не вижу необходимости в кружевах.

Выражение Тибериуса стало страдальческим.

— Это алансонские кружева, ты, филистер. Наряд был создан для эксклюзивной костюмированной вечеринки, устроенной королевой Богемии!

Виконт отступил, оценивая.

— Как ты это делаешь? — пробормотал он. — Ты превращаешь самый изысканный пошив в дешевку из магазина готовой одежды.

— Я чувствую себя нелепо, — с чувством вставил Стокер.

Виконт с болью вздохнул.

— Ты не сможешь носить это, мой мальчик. У тебя нет апломба. Очень хорошо, будешь пиратом. Твои собственные брюки должны подойти. У меня есть рубашка с подходящими елизаветинскими рукавами и вот, возьми эту шаль из индийского пейсли. Наденешь ее как пояс, чтобы держать абордажную саблю и пистолеты.

Стокер закатил глаза к небу.

— Я не ношу сабли и пистолеты.

— Тем более дурак, — сказал ему Тибериус. — Полагаю, Вероника будет вооружена до ее красивых зубов.

Виконт сунул одежду Стокеру и поманил меня в соседнюю гостиную.

— Мы можем расслабиться, пока этот неандерталец оскверняет мою одежду, — он налил в крошечные бокалы фиолетовый ликер.

— Скажите мне, что вы думаете о напитке, — произнес виконт прочувствованно.

Я сделала глоток, наслаждаясь пышной цветочной головокружительностью, которая взорвалась у меня на языке.

— «Crème de violette!» — воскликнула я. — Узнаю вкус. Это дело рук Жюльена д'Орланда.

Жюльен был французским жителем Карибского бассейна, строго обученным в традициях лучших кондитеров. Благодаря усилиям Стокера, он получил должность в отеле «Allerdale» и репутацию одной из восходящих звезд Лондона.

— Я не знала, что вы с ним знакомы, — сказала я Тибериусу после очередного декадентского глотка.

— Стокер представил нас. Жюльен организовал для меня ряд частных развлечений, — объяснил он.

Мне показалось, что он собирается сказать что-то еще, но его светлость затих, тень затуманила глаза.

— Тибериус? — я окликнула его тихо.

Его рот изогнулся в насмешливой улыбке.

— Ах, она хочет сыграть Флоренс Найтингейл[5], измерить температуру моей души и оценить состояние здоровья моего ума. Скажите, медсестра, каков прогноз? Буду ли я жить? Каков ваш экспертный диагноз моей болезни.

— Разбитое сердце, — грустно сказала я.

— Краткий и точный, — он допил свой фиолетовый ликер, деликатно чмокнув губами. — Я распознаю сено, свежее зеленое сено. А вы?

— Тибериус, — позвала я снова.

Он отложил свой бокал в сторону и глубоко вздохнул.

— Вероника, не просите меня сбросить маску, даже для вас.

— Так страшно быть честными друг с другом? Чего вы боитесь?

Тибериус покатал изысканный бокал между ладонями.

— Что если потеряю маску, никогда не найду ее снова.

— Это не катастрофа. Вы играли роль бесшабашного развратника достаточно долго, не так ли?

Брови снова поднялись.

— Моя дорогая Вероника, если я не такой, как вы описали, то кто я?

Я накрыла его руку своей.

— Человек, заслуживающий, чтобы его видели таким, какой он есть.

Он смотрел на наши руки, где они касались.

— Благослови вас Бог, милое дитя.

— Вы говорите так, как будто вы Мафусаил. Дедушка, принести вашу трость и тапочки?

— Я был прав, называя вас нахальной девицей! — виконт вытащил руку из-под моей. — Я привязан к вам, Вероника. Больше, чем к любой из

женщин, с которой я не спал. Не заставляйте меня сомневаться в этом.

Я слишком сильно давила на него, но учитывая все совместно пережитое, находила свою назойливость оправданной. Я откинула голову и осушила остатки великолепной фиолетовой смеси.

— Отлично. Укрывайтесь в своем маскараде, если эта иллюзия дает вам утешение. Но когда лицедейство подведет вас — и не делайте ошибку: в одну темную, одинокую ночь оно подведет вас, — мы будем здесь.

— Я почти сожалею о своем решении уехать, — сказал он мне, когда мы поднялись.

— Вам не нужно уезжать. Вы могли бы остаться и помочь. Стокер и я могли бы использовать вас. Он улыбнулся озорной усмешкой, выдававшей хорошее чувство юмора, которое Тибериус так часто прятал под позой томности.

— Если Стокер не сможет вычислить, что делать с вами в доме, полном кроватей, он не заслуживает вас.

Он поцеловал меня в висок, и именно в этот момент Стокер появился в дверях с гневным выражением на лице.

— Не заставляй меня снова ушибить тебя, брат.

Тибериус повернулся, чтобы проверить свои усилия.

— Он выглядит более джентльменом, чем я ожидал. Вы не согласны, Вероника?

— Согласна, — просто сказала я.

Брюки, его собственные, плотно облегли бедра Стокера. Белоснежная, как простыня девственницы, рубашка мягко струилась в пышные рукава, ворот раскрыт у горла. Низко надетая на бедра шаль была завязана сбоку узлом, бахрома слегка раскачивалась вдоль мощных ног. Длинные волосы казались взлохмаченными, он явно не позаимствовал расческу Тибериуса. Золотые кольца, остатки прошлого Стокера как морского хирурга, блестели в мочках. Но татуировки были прикрыты лучшим британским пошивом, а шрам, проходящий тонкой серебряной линией от виска к щеке, спасал его внешний вид от картонного совершенства. Стокер надел черную повязку — кусок шелка, предназначенный для отдыха глаза, который когда-то был поврежден когтями ягуара и все еще легко утомлялся. На плечо накинул крыло тяжелого черного плаща.

Эффект был чрезвычайно успешно пиратский.

— Ты не похож на себя, — с трудом проговорила я, хотя это было не совсем так. Стокер выглядел, как всегда, только изящнее и аристократичнее.

«В конце концов, в жилах его матери текла голубая кровь, и тысячи лет размножения иногда говорят об этом. Без сомнения, из-за преимуществ здорового питания и хорошего медицинского обслуживания», — скрупулезно отметила я.

— Сойдет, — наконец вынес приговор Тибериус.

— Действительно, высокая похвала, — насмешливо сказал Стокер.

Тибериус закатил глаза к небу.

— Располагайся у камина. Парень, подменяющий Коллинза, принесет тебе бутерброды и чай. Ешь-пей и ради бога не урони на мою одежду масло или крошки, иначе я повешу тебя на ближайшем фонарном столбе.

Он повернулся ко мне.

— Пойдемте, Золушка. Мне нужно сыграть фею и у меня мало времени.

• • •

Тибериус серьезно отнесся к роли костюмера. Ему потребовалась вечность, чтобы достичь желаемого эффекта. Для начала он немедленно отправил лакея в костюмерную лавку арендовать подходящую одежду.

— Короткая туника, — настаивал виконт. — Колготки, которые соответствуют цвету изысканной плоти мисс Спидвелл, и очень простые туфли без каблуков со шнуровкой до колен.

— Тибериус, — возмутилась я, — ни одна женщина не поведет армию в зашнурованных до колен туфлях. Я буду выглядеть, как танцовщица из кардебалета.

Он строго посмотрел на меня.

— Я не создаю воина, я создаю фантазию воина. Если вы этого не понимаете, по крайней мере молчите и сидите спокойно, пока я не буду удовлетворен.

Я повиновалась. Пока Тибериус колдовал надо мной, я читала последние приключения Аркадии Браун, леди-детектива. Когда он закончил, я едва узнала себя.

Он распустил мои волосы, тряся их, пока они свободно не упали черными волнами почти до талии. На каждом виске он вплел одну в другую косички, еще несколько косичек добавил наверху. Каждая из них была помечена крошечной рубиновой бусинкой, позаимствованной из коллекции Вейнов. Все это венчала грозная тиара с лисьими зубами, драгоценности в ней свирепо сверкали в свете ламп. Армиллы блестели на моих обнаженных руках — золотые блики под огромным алым плащом, покрытым накидкой из кожи леопарда.

Взятая напрокат туника была короче, чем хотелось бы. Хотя замечу,

отбросив ложную скромность, мои ноги вполне могут выдержать критическую проверку. Широкий кушак идеально подходил для закрепления короткого острого кинжала, заимствованного из стола, где до этого служил открывалкой для писем.

Мне было приятно узнать, что в тунике есть карман. Когда Тиберий занялся поиском лакокрасочных материалов, я быстро поместила туда свой крошечный талисман — серую бархатную мышку по имени Честер.

Сколько я себя помню, этот малыш был моим постоянным спутником, прижимаясь ко мне в кармане во время путешествий. Он приносил утешение просто от прикосновения к его мягкой ткани. Мышонок даже пережил почти смертельное потопление благодаря Стокеру, который починил его и заменил черные бусинки глаз новыми ярко-синими. Честер стал мне еще дороже из-за своих невзгод. Я успокаивающе погладила его, кладя в карман для нового грандиозного приключения.

Наконец появился Тиберий. Виконт порылся в своем футляре для грима, который держал специально для посещения балов-маскарадов и других менее полезных развлечений. Тиберий слегка коснулся моих век серебристой мазью для блеска, аналогичная смесь с рубиновым оттенком была нанесена на губы. Он взял палочку с сурьмой и очертил глаза. Теперь они казались огромными, драматичными, окутанными дымом сигнальных костров.

— Вот, — наконец произнес он. — Я сделал из вас британскую королеву, моя дорогая.

Он подвел меня к зеркалу, и я посмотрела на свое отражение.

— Тиберий, никто никогда не был менее похож на британскую королеву. Начнем с того, что у меня нет копья или короткого меча. Нет синей боевой раскраски на лице. Туника должна иметь длину до лодыжек из-за паршивого климата. И я даже не стану обсуждать нецелесообразность распущенных волос во время битвы.

— Ты выглядишь идеально, — раздался низкий голос из дверного проема. Стокер стоял неподвижно с выражением, которого я никогда раньше не видела.

Тиберий удовлетворенно улыбнулся.

— И это моя работа!

Виконт взял плащ, который лежал на стуле.

— Я прощаюсь, дети мои. Ведите себя хорошо! — Он пожал руку Стокеру и снова поцеловал меня. — Не знаю, когда вернусь.

— Вы напишете? — с надеждой спросила я.

— Вероятно, нет. Ручка — требовательная хозяйка. Я рад, что

расстроил ее ожидания.

— Иди уже, — небрежно сказал ему Стокер. Но его лоб пересекла тревожная черта. Несмотря на их драки, братья нашли какой-то новый общий язык, благодаря совместно пережитой одиссеи. Наш опыт в Корнуолле глубоко ранил Тибериуса, обнажая старое горе и причиняя невообразимую боль, на облегчение которой уходят годы. Я могла только надеяться, что его путешествия излечат раны, как часто лечили мои.

— Доброго пути, Тибериус, — попрощалась я.

Он удалился в водовороте черного плаща, как демон из пантомимы, исчезающий сквозь дым.

Стокер вздохнул — с облегчением или грустью, я не могла сказать. Он ухмыльнулся и сунул руку в карман. Достал бумажный комочек медовых леденцов и сунул один в рот, хрустя прекрасными белыми зубами.

— Некоторые вещи не меняются, — заверил меня он.

— Тогда мы отправимся в наше следующее приключение? — Я вернула усмешку.

Он взял меня под руку.

— Excelsior!

• • •

Его светлость одолжил нам на вечер свой городской экипаж на том основании, что Боадичее, королеве иценов и ее спутнику-пирату будет трудно поймать кэб. Каретные подушки были пошиты из бутылочно-зеленого бархата с осторожными отпечатками рук Тибериуса в серебре.

Мы уселись и погрузились в тишину. Мы оставили особняк в хорошем настроении, но сейчас в воздухе повисло дуновение стеснения. Интересно, это близость темноты, сжатого пространства кареты? Я чувствовала запах Стокера: теплая плоть, осветленная кожей и медом, немного бренди. Оприметчивая комбинация. Сиденье было роскошно бархатным и щедро пропорциональным. Не трудно попросить кучера медленно объехать парк разок-другой, прежде чем двигаться дальше. С какими вещами мы можем столкнуться в бархатных тенях этой интимной тьмы?

Мои пальцы подкрались к Стокеру, но когда я почти прикоснулась к нему, он поднял руку и почесал щеку. Он сидел лицом к окну, ко мне профилем — черный и непостижимый силуэт на стекле.

Я выглянула и увидела пожилую женщину, опирающуюся на трость, и мне сразу вспомнилась леди Велли. Я опустила руку на колени.

«Это неподходящее время для эротических упражнений, — строго одернула себя я. — Нам нужно разгадать тайну, и понадобится все наше остроумие. Позже будет много возможностей для любовных искусств».

Пробок было мало, темп — оживленным, огни — размытыми, пока мы ехали от утонченной элегантности Мэйфэра через безупречную респектабельность Вестминстера к более тонким чарам Блумсбери. Мы пересекли район, почти до границ Клеркенвелла.

Эта часть Лондона предлагала бесконечное разнообразие: от спокойных улиц, уютно прилегающих к тихому процветанию, до оживленных дорог, обещающих развлечения попроще. Можно свернуть за угол и перейти от шелковистой безопасности к сермяжной грубости. Тут и там прятались маленькие аккуратные зеленые квадраты — остатки дней, когда аристократические семьи владели огромными участками земли за воротами центра города. Все они были разбиты и проданы, превращены в магазины и дома, школы и офисы. Но оставались странные карманы зелени, и самые дорогие дома группировались вокруг них, защищая свои привилегии. Они могли быть резиденциями или частными клубами, предлагая уединение в городе и бóльшую анонимность, чем в аналогично расположенной собственности в Мэйфэре. И конечно, с меньшими затратами.

Это был превосходный выбор для заведения мадам Авроры. Достаточно близко к сильным мира сего, чтобы они могли провести в клубе легкий вечер. И в то же время достаточно далеко, чтобы случайный наблюдатель не узнал тех, кто желал жить в свое удовольствие без навязчивого внимания.

— Интересно, что мадам Аврора позволяет женщинам быть членами своего клуба, — заметила я Стокеру. — Полагаю, это отличает ее от других таких предпринимателей. Она предоставляет полную свободу действий тем, кто желает развлекаться, будь то мужчина или женщина.

— Как современно!

— Верно. И очень умно — не привязывать себя к одному мужчине, — заметила я.

Стокер быстро повернул голову, моргая в тусклом свете.

— Что ты имеешь в виду?

— Ограничиваясь одним покровителем, она чуть не погибла при осаде Парижа. Было мудро с ее стороны разнообразить свои интересы.

— Ты стала циничной в старости, — хмыкнул он.

— Не будь раздражительным, — приказала я. — Ты давно ел? Ты всегда так ужасно колюч, когда голоден.

Он ничего не сказал, но достал из кармана бумажный кулек медовых леденцов и захрустел ими, когда я продолжила:

— Кажется, она пыталась заполнить Тибериуса в качестве члена

клуба. Интересно, развлекала ли она когда-нибудь твоего отца?

— Интересно, развлекала она когда-нибудь твоего?

— О, у тебя плохое настроение, — сказала я с легким упреком.

Тем не менее Стокер был прав. Если оставалась хоть одна съедобная крошка непристойности, принца Уэльского обычно можно было найти сидящим за столом. Я вздохнула.

— Но ты не ошибся. Чем больше я слышу о нем, тем меньше понимаю, как его выносит принцесса.

— Потому что это традиционно то, что жены делают веками, — напомнил он мне. — Закрывают глаза и занимаются рукоделием. Или discourage.^[6] Или аранжировкой цветов. Или они растворяются в своих детях, как это сделала ее королевское высочество. Это нездорово.

— Ты не думаешь, что мать должна быть преданной детям?

— Принцу Альберту Виктору не пять лет, а почти пять плюс двадцать. Он взрослый мужчина. Какого черта заказывать безделушки для любимой женщины у ювелира своей матери? Он должен был понимать, что она узнает об этом и будет расстроена его неосторожностью. И пока мы обсуждаем эту тему, с какой стати она должна расхлебывать эту кашу? Почему просто не прикажет ему самому забрать драгоценность?

— Она объяснила. Ей было бы неловко поднимать такую тему с сыном. Кроме того, кажется совершенно очевидным, что принцесса балует его, — ответила я.

— А почему так должно быть? У нее есть другие дети, которые еще не вышли из школьного возраста, и, несомненно, нуждаются в ней. Она не должна подметать мусор после него. Она будущая королева.

Стокер почти рассердился, защищая ее, и я на мгновение замолчала, обдумывая. Принцесса все еще оставалась стройна и красива, ей только сорок четыре года. В ней было прохладное изящество, отдаленность, которая исчезала, когда она смотрела на тебя этими настойчивыми серо-голубыми глазами.

— Святые оберегают нас, — пробормотала я, — ты питаешь нежные чувства к принцессе.

— Я могу восхищаться женщиной, не заходя дальше, — холодно сказал он.

Я знала этот тон. Удар оленя копытом по земле, предупреждение, чтобы я была осторожнее. Конечно, я обычно интерпретировала это как сигнал, чтобы подтолкнуть его к дебатам. Мне доставляло удовольствие смотреть, как он свирепо вскидывается на приманку. Но в его нежности к принцессе было что-то уязвимое.

Я подумала о его матери, красивой и заброшенной, запертой в браке с человеком, которого не любила. Ее утешением были лишь прекрасные, верные сыновья. Она не смогла защитить их от гнева своего мужа. Стокер, кукушка в гнезде, был результатом ее единственного восстания, мимолетного ощущения радости, оказавшейся в итоге миражем. Я не могла высмеять его за то, что он восхищался женщиной, которая так сильно на нее похожа.

У меня сжалось горло, и я долго молчала, отвернувшись, наблюдая за проходящим за окном. Уличные фонари светились в темноте — круги теплой, золотой безопасности. Но сразу за каждым из них тени двигались и смещались; и что-то темное и грозное бродило по этим улицам.

— Ты принес оружие? — я спросила внезапно.

— В этих брюках? У меня есть только несколько отмычек, спрятанных в поясе. — Он поднял бровь, кивая на плотные швы, натягивающиеся на бедрах, и я утешительно похлопала его по колену.

— Забудь. Я приняла меры предосторожности.

— Вероника... — начал он, его голос звучал встревоженно.

— Не сейчас, Стокер, — я сунула руку в карман, чтобы быстро погладить Честера. — Мы приехали.

Глава 8

Клуб представлял собой высокий белый дом, элегантный, но ничем не примечательный. Он светился от подвалов до чердаков мягким отблеском электрического освещения позади каждого окна. Мне потребовалось мгновение, чтобы понять — абсолютная неподвижность этих огней означала, что все окна были тщательно экранированы, блокируя внутреннее пространство от нескромных взглядов. Благопристойного вида слуга, стоящий на бордюре, махнул рукой, указывая карете въезд в конюшни, запечатанный таким образом, что никто не мог обозревать приходы и уходы из клуба.

Кучер Тибериуса дотронулся до шляпы, пообещав держать лошадей свежими и медленно водить по площади, пока мы не выйдем.

— Не стоит, — сказал ему Стокер. — Мы задержимся на некоторое время. Отведи лошадей в стойло и отправляйся в постель. Мы сами найдем дорогу домой.

Кучер одарил его понимающей улыбкой.

— Да, я был с его светлостью достаточно долго, чтобы знать, что к чему. — Он свистнул лошадям ехать дальше.

Стокер и я поднялись на обочину.

Клуб располагался на границе респектабельности и привилегий. За задним садом простирался Ист-Энд и все сопутствующие ему ужасы. К западу находился каждый бастион богатства, которым могла похвастаться столица. На перекрестке стоял этот неброский дом сдержанного благородства, фасад из белого камня с полированной медной отделкой и глянцевыми черными ставнями. Черную дверь украшал молоток в форме звезды.

— Мадам Аврора — не что иное, как непоследовательность, — пробормотала я, вспоминая классическую мифологию. Аврора, богиня утренней зари, каждый день поднималась со своего ложа, когда звезды начинали тускнеть, собирая их в руки, чтобы украсить волосы и одеяния последними лучами уходящего великолепия.

Стокер не прикоснулся к молотку. Вместо этого он бросил взгляд на лакея у входа, стройную фигуру в трезвой ливрее черного цвета с аккуратными серебряными пуговицами. На пуговицах также были изображены звезды. Швейцар вытянулся по стойке смирно, постучав в

дверь условным стуком. С самого начала я поняла, что на самом деле швейцар — молодая женщина в мужском платье. Волосы скрыты под напудренным париком, на лице маска, без сомнения, чтобы задать тон вечерним развлечениям. Я внимательно посмотрела на нее, и она неуверенно склонила голову. Стокер, не глядя, ловко бросил монету в ее сторону. Я поспешно последовала за ним. Новое высокомерие пришло к нему с изменением внешности, будто он нацепил манеры Тибериуса вместе с одеждой. Я восприняла эту перемену с сожалением, в то же время найдя ее очень привлекательной.

Дверь распахнулась. За ней стоял человек в ливрее, на этот раз мужчина, на вид старше Мафусаила. Его полумаска плохо сидела, несомненно, из-за сложной комбинации усов и бороды, закрывавших лицо почти до скул. Он слегка качнул головой, указывая дорогу, при этом ни разу не посмотрев нам в глаза. Меня восхитила его осмотрительность.

— Добрый вечер, сэр, мадам, — произнес он низким голосом, пытаясь низко поклониться. Я заподозрила у него ревматизм.

— Я Рев...

Мужчина явно в ужасе поднял руку.

— Никаких имен, сэр, умоляю! Клуб незаметен, благодаря осторожности, потому что если бы мы были заметны, мы бы не были осторожны. — Он улыбнулся своей маленькой шутке, обнажая удивительно хорошие зубы. — Сюда, сэр, мадам.

Он заторопился, введя нас в небольшую гостиную, обставленную в изысканном вкусе. Стены были увешаны бледно-серой парчой с абстрактным рисунком звезд; такая же обивка украшала мебель; коллекция кресел сгруппировалась вокруг маленьких столиков. В нишах красовался фарфор чистого белого цвета, эффект казался успокаивающим. Единственное, что разбивало мягкие, пастельные тона — массивная ваза с расцветно-розовыми лилиями на буфете и картина над камином, портрет женщины в профиль. Дама была задрапирована в шелка переливчатых оттенков серебра, синего и розового, у ее ног стояла лютня. Низко на лбу покоилась звездная алмазная тиара.

— Подождите здесь, пожалуйста, — инструктировал слуга. Он вышел из комнаты, тихо закрыв двойные двери.

— Удивительно со вкусом, — оценила я.

— Как все лучшие бордели, — отметил Стокер без следа смущения.

— Вы с Тибериусом, похоже, сведущи в этом вопросе, — сказала я, осматривая узкую книжную полку. Все тома были переплетены серым шевро и отмечены буквой «А», выведенной суровой, решительной

заглавной буквой.

— Я признаю, что неправильно провел молодость, — покаялся Стокер.

— Вряд ли это можно назвать неправильным, если ты приобрел полезные навыки.

Он восхитительно покраснел, кончики ушей стали розовыми.

— Полагаю, должна указать, что это, строго говоря, не бордель, — раздался низкий мелодичный голос. Я расслышала легчайший след французского акцента, и еще до того, как обернулась, догадалась, что вошла наша хозяйка.

Она улыбалась, несмотря на мои поспешные попытки извиниться.

— Фу! Мы не должны быть провинциальны в таких вещах. Мы знаем, почему мы здесь. Мой дом всегда открыт для людей, которые понимают, чего они хотят.

В том, что она сказала, был хороший галльский смысл. Мадам Аврора вышла вперед, и я почувствовала запах ее духов, чего-то сумрачного и тяжелого с едва заметным краем густой, пышной тьмы. Она наклонила голову, изучая нас.

— Думаю, что узнаю пирата, когда увижу, но кто вы — с вашими дикими драгоценностями, мадемуазель?

— Боадицея, — объявила я.

— Ах! Королева бриттов с непроизносимым именем. Не буду даже пытаться, — серьезно сказала она, но в глазах танцевал свет. Я воспользовалась возможностью ответить ей таким же пристальным осмотром.

На ней было платье, похожее на то, что на картине: красиво драпированное и достаточно тяжелое, чтобы выдержать вес галактики алмазных звезд. Алмазная тиара сидела на лбу, отбрасывая искры света. Необычный и элегантный костюм, тщательно подобранный, максимально подчеркивая ее природную красоту. Темные брови, выразительно изогнутые, контрастировали с волосами цвета зимнего мороза, оттенка бледного серебра. Они спадали ей на бедра струящейся рекой льда.

«Итак, эта женщина завладела чувствами моего сводного брата», — сказала себе я.

Я не была удивлена. Изысканная женщина, с аурой той зрелой чувственности, которая нравится многим молодым мужчинам. Особенно выросшему в тепличной атмосфере королевского двора. Легко представить одурманенного юношу, осыпавшего ее драгоценностями в страстной попытке привлечь внимание. Некоторые любовницы держались осмотрительно, благоразумие было для них частью доблести и прибыли.

Другие разглашали триумф всему свету, не обращая внимания на скандал и возмущение. Интересно, какой окажется она по отношению к Эдди?

Она протянула руку.

— Я — мадам Аврора, ваша хозяйка сегодня вечером. Надеюсь, вы простите формальность встречи, но я всегда лично приветствую новичков. — Она командным жестом подняла бледную руку к открытой двери, и один из ее армии пажей бросился вперед с подносом и бокалами.

— Шампанское, — произнесла она, настаивая на том, чтобы каждый из нас взял бокал. Тонкий хрусталь переливался шелком в моей руке; вино было слегка шипучим, бледное золото молодой соломы. Мы сделали по глотку, и она указала на кресла у очага, приглашая нас сесть. Вечер был достаточно теплым, чтобы не зажигать огонь в камине, но на плитке стояла пара высоких фарфоровых конфорок, испускавших ароматный дым.

— Мне всегда приятно видеть новые лица в моем заведении, — дипломатично начала она, — но вы должны понимать необходимость осмотрительности.

— Естественно, — подтвердил Стокер.

Она одобрительно посмотрела на него, глазами опытной, деловой женщины оценив пошив одежды и драгоценности. Слишком длинные волосы и повязка на глазу для нее ничего не значили. Аристократические гласные и драгоценные камни - вот что было важно.

— Вы выбрали отличную ночь для первого посещения клуба. Сегодня у нас бал-маскарад, как всегда по средам, — сказала она. — Я вижу, вы принесли маски, — добавила мадам с кивком в сторону черного бархатного домино, которое держал каждый из нас. — Когда часы пробьют десять, начнутся развлечения. Можете свободно располагать домом и садами, за исключением номера на третьем этаже, который отмечен черной бархатной веревкой. Это мои частные апартаменты, и они закрыты для гостей, — предупредила она. - Если вы заблудились или вам что-то требуется, всегда есть пажи, которые могут помочь. Я щедро плачу им и оставляю на ваше усмотрение предложить им любую компенсацию, которую вы считаете целесообразной. Это не мое дело.

Она сделала паузу, достаточно долгую, чтобы я поняла, что небольшая армия чернокожих молодых людей служит не только для открытия дверей и подачи шампанского.

— О. О, — выдавила из себя я.

Она одарила меня снисходительной улыбкой.

— Как вы освежительно новы, мадемуазель! Я понимаю, почему месье привел вас сегодня вечером.

Она продолжала:

— Я не веду учет своих посетителей — для вашей защиты и для своей. Меня нельзя заставить раскрыть то, чего я не знаю и что нельзя доказать. Это частный дом, а я обычная женщина, развлекающая своих друзей — вот все, что нужно знать властям.

— Чрезвычайно ценю, — заверил ее Стокер. Она кивнула.

— Пока продолжается бал, вы можете танцевать. В вашем распоряжении еда и напитки, какие пожелаете. Беседуйте, наслаждайтесь развлечениями. Я очень горжусь оригинальностью разговорных тем и щедростью стола. Есть отдельные комнаты для более интимных мероприятий. Вы можете воспользоваться апартаментами, если дверь открыта. Можете закрыть дверь для уединения, как пожелаете. К каждой дверной ручке привязана серебряная лента. Если вы не против перспективы присоединения к вам компании, оставьте ее висеть снаружи. Если хотите полной конфиденциальности, возьмите ее с собой. Когда выходите из комнаты, пожалуйста, позвоните — придет горничная, чтобы освежить удобства для будущих гостей.

На мой взгляд, это казалось весьма цивилизованным устройством. Кто-то может располагать комнатой, полностью предоставленной его собственным целям. Кто-то может получить удовольствие от компании, если таковы его вкусы.

Она продолжила:

— В два часа ночи дом будет окутан тьмой. Свет погаснет, и некоторые гости воспримут это как сигнал удалиться. Остальные остаются, и общественные комнаты отдаются в распоряжение любым склонностям моих гостей. Вы можете обнаружить, что вам предложены приглашения, неожиданные варианты. Разумеется, ваше право отказаться от любых инициатив, но я рекомендую вам принять их. Возможно, проявите несколько своих, — добавила она, края ее рта изогнулись вверх. — То, что вы никогда не представляли осуществимым при свете, становится желанным в темноте.

Я почувствовала дрожь — предчувствие? — спазм в спине. Стокер, со своей стороны, выглядел целиком и полностью человеком светским, салютуя хозяйке фужером с шампанским.

— За силы тьмы, — сказал он.

Она улыбнулась спелой, привлекательной улыбкой и подняла свой бокал. Они выпили, и я поспешила допить свое шампанское. Мадам Аврора предложила блюдо из крошечных сахарных пастилок с мятой:

— Чтобы подсластить дыхание после шампанского.

Я взяла одну — Стокер взял семь — и встала, когда она щелкнула пальцами. Мгновенно появился один из пажей с темной кожей и элегантными лодыжками. Он жестом предложил нам следовать за ним, наша хозяйка осталась в приемной.

— Желаю хорошо провести время, — окликнула она нас. — И хотела бы напомнить вам, что Венера любит смелых. — Я обернулась, чтобы увидеть улыбку мадам Авроры — тонкую, настороженную улыбку, которая не совсем встретила с ее глазами.

Мы проследовали за пажем из маленького салона в сторону музыки.

— Угодно присоединиться к *bal masqué* или предпочитаете частную обстановку? — поинтересовался паж без малейшего следа смущения.

— Бал, — быстро ответил Стокер.

Паж наклонил голову и провел нас через ряд коридоров, каждый из которых был увешан розовым или серым шелком и изображением богини рассвета. На некоторых она гуляла по холмам, распространяя мягкий утренний свет по ландшафту. На других пробуждалась ото сна, постельное белье наводило на размышления. Иногда ее сопровождал батальон горничных, разбрасывающих цветы и росу. Порой ее изображали в процессе одевания — или раздевания — с херувимами, держащими ленты сандалий и поглаживающими ее нежные ноги. Были соски — и так много! — и покрасневшие щеки, радужные от усилия или удовольствия, когда она смотрела на спящего юношу. Это была великолепная коллекция Аврор: светлых, темных, с блондинистыми локонами, с черными и всеми оттенками между ними. Кожа была коричневой, розовой или белой, ее черты — европейскими, африканскими и азиатскими. Авроры во всех измерениях, и мне бы очень хотелось изучить их подробно.

Но паж двигался вперед, ведя нас к звукам музыки. Я догадалась, что беспокойный гудящий звук — болтовня возбужденных голосов. Я ожидала томности от толпы несомненно изощренных людей. Это скорее было похоже на скрытый гул предвкушения; потребности, которые еще предстоит удовлетворить, кричащие в крови.

Мы поднялись по парадной лестнице, застеленной ковром бархатно-серого цвета, с роскошными брызгами тепличных пионов и роз, льющих из урн у ее подножия. Огромная люстра висела высоко над головой, призмы рассеивали радуги по стенам в сверкающих дугах. Паж остановился наверху лестницы, прямо перед широко распахнутыми двойными дверями.

— Добро пожаловать, — сказал он с улыбкой, — на бал-маскарад «Club de l'Étoile». — Он широким жестом указал на вход и поклонился. Я

бросила взгляд на Стокера, но его челюсть оставалась бесстрастной. Что бы он ни думал, он не хотел делиться.

Я коснулась своей маски — убедиться, что она надежно прикрывает лицо. Стокер протянул руку, я взяла ее. Вместе мы вступили в сцену, сотворенную из мифа.

Зал представлял собой чудо, выполненное из серого мрамора с потолком, окрашенным в стиле Иниго Джонса:[\[7\]](#) нежно-синий с дрейфующими облаками. Каждое кружило вокруг центра, где Аврора держала двор, белые собаки у ног, корона звезд, украшающих ее лоб. Серые бархатные шторы закрывали высокие окна, серия электрических люстр обеспечивала освещение. Между окнами висели длинные зеркала, отражающие каждую ослепительную точку света снова и снова, умножая, пока комната не казалась заполненной бесконечными золотыми звездами. На одном конце зала оркестранты в официальной одежде играли вальс. На другом стоял длинный стол с массивным серебряным фонтаном, разбрызгивающим шампанское.

Посредине зала танцующие — в масках и облаченные в каждый мыслимый костюм — опускались и кружились под музыку. Голый мужчина, одетый только в густую золотую краску, мерцающий с головы до ног, был партнером Анны Болейн, элегантной в черном бархате с тонкой, ужасной алой лентой на шее. Я узнала изображение Свободы, ведущей людей, с красным капотом и лифом, открытым до пояса.[\[8\]](#) Она танцевала с французским кардиналом в сутане из пунцовый тафты. Ришелье или Мазарини, решила я. Две женщины в красных мундирах пехотинцев качались вместе, даже не удосуживаясь делать правильные шаги — губы прижаты в поцелуе, руки стискивают ягодицы друг друга под униформой.

Стокер тяжело сглотнул.

— Будем танцевать? — выдавил из себя он.

Я кивнула, и он закружил меня в вальсе. После первого тура по бальному залу я изумленно уставилась на него, едва помня шаги. Когда мы добрались до помоста, и Стокер повел меня в повороте, он заметил мое удивление.

— Что? Ты удивлена, что я умею вальсировать?

— Нет, я удивлена, что ты так искусен в этом, — честно сказала я.

Он улыбнулся, на мгновение сдерживавшее его напряжение немного ослабло. Рука Стокера сжала мою, и он безупречно совершил серию сложных поворотов, пронося меня мимо серебристых длинных зеркал. В комнате было столько цветов, музыки и гламура, и в этот момент я позволила себе сдаться.

Когда танец закончится, я напому себе о реальности: мы пришли сюда с определенной целью, с почти невозможной задачей и под угрозой разоблачения. «Но не сейчас», — сказала я себе. Я отдалась наслаждению, кружась и скользя в плавном движении вальса. Чтобы удержать равновесие, я не сводила глаз со Стокера, мои руки легко лежали в его крепко сжатых руках. Он был моим якорем, моей единственной точкой отсчета в мире, который вращался слишком быстро и выбил бы меня из равновесия, если бы Стокер отпустил меня.

Но он не отпустил. Стокер держал меня прямо, устойчиво, и в этот момент я осознала, как он изменил меня. Я была одна так долго, так обособлено ото всех, что не заметила, как он пронзил мое одиночество. Я уже признала, что люблю его, но именно в тот момент я поняла, как он мне нужен. Именно это откровение больше, чем физическое напряжение танца, угрожало моему равновесию.

Музыка подошла к концу; мы остановились, все еще находясь в объятиях вальса. Я резко отступила назад.

— Вероника? — пробормотал он.

— Мы никогда не найдем звезду, если будем отвлекаться. Мы должны действовать по-отдельности. Разделяй и властвуй! — Мой голос был твердым, намного более решительным, чем я чувствовала.

Рука Стокера сжала мою талию.

— Вероника, здесь тебе не гостиная королевы. Ты не можешь шагу ступить одна, тут же вызовешь проблему.

— Тогда давай посмотрим, «ответит» ли проблема на вызов, — парировала я. — Встретимся на лестнице под люстрой через час.

Я шагнула прочь, каждый дюйм древняя королева бриттов, воинственная и непримиримая. Стокер последовал было за мной, но передумал. Я увидела в зеркале пышную деву-викинга, которая подошла к нему.

В этот момент оркестр заиграл новый вальс — с цыганским акцентом, требовательный, настойчивый. Настроение в бальном зале слегка изменилось. Приглашения, сделанные глазами и губами, были приняты. Гости обменивались поцелуями и легкими ласками, звуки вздохов и слегка опьяневшего смеха наполняли воздух. У выхода дорогу мне преградила молодая женщина с прозрачными юбками и обнаженным животом, она глотала огонь для группы безудержных джентльменов.

Когда я обходила их, один из джентльменов отступил назад — без сомнения, чтобы не опалить свои усы на ее магии, — и я чуть не столкнулась с ним. Сильная рука обхватила меня за талию, вытащив с пути

опасности. Я удивленно обернулась и увидела лицо моего спасителя — молодую женщину-швейцара, которая впустила нас в дом. Голубые глаза плясали под маской. Прежде чем я успела сказать «спасибо», она обняла меня и втянула в танец, искусно ведя. Она не отводила взгляд, пока мы танцевали, музыка подталкивала нас от чувственно ленивого темпа к чему-то более быстрому и безрассудному. Ее ноги ни разу не дрогнули, и хватка не ослабла. Я не уступала ей, поворот за поворотом, едва касаясь земли пальцами, мой плащ тек за нами, как алая река.

Наконец, через несколько минут вальс закончился кульминационным грохотом цимбал и скрипок. Моя партнерша провела меня в центр комнаты, десятки пар крепко прижались к нам. Я открыла рот, чтобы поблагодарить за танец, но не успела ничего сказать. Воспользовавшись моментом, она поцеловала меня, слегка коснувшись уголка рта.

Затем откинула голову, призрачно улыбаясь.

— Спокойной ночи, Вероника Спидвелл, — сказала она хриплым шепотом. Не говоря больше ни слова, она поставила меня на ноги и растворилась в толпе, исчезнув так же быстро и таинственно, как и появилась.

Один из поклонников пожирательницы огня толкнул меня. Я пришла в себя, выбираясь из безумия бального зала и яростно размышляя. Несмотря на правила дома об анонимности, несмотря на маску, моя загадочная партнерша назвала меня по имени.

Кто-то из «Club de l'Étoile» точно знал, кто я такая.

Глава 9

Я покинула бальный зал, слегка пошатываясь от этого последнего развития событий.

Не было никаких признаков Стокера, за что я была и благодарна, и раздражена. Благодарна, так как не хотела встречаться с ним, пока не восстановлю самообладание после странного танца и тревоги, что кто-то проник в мою маскировку. И меня раздражало, что его нет под рукой, когда я нуждаюсь в нем. (Тот факт, что я с яростью отослала его, был совершенно несущественен. «Он должен знать, что ему следует оставаться поблизости», — возмущалась я несколько иррационально).

Я поднялась на следующий лестничный пролет. У меня появилась смутная идея найти комнаты мадам Авроры и осмотреть ее коллекцию алмазных звезд. «Конечно, леди не может носить их все сразу, — подумала я. — Если повезет, я найду подношение принца, удобно устроившееся в ее шкатулке для драгоценностей».

Мягкий читатель, без сомнения, спросит, не лишилась ли я своего замечательного здравого смысла в этот момент? Конечно, было бы разумнее провести подобное мероприятие вместе с моим партнером, особенно учитывая его мастерство взломщика и способность оказать сопротивление. В любом случае, две пары глаз, следящих за часами, эффективнее, чем одна. И застуканные вдвоем на месте преступления, мы могли бы легко выдвинуть страсть в качестве алиби для вторжения в личное пространство хозяйки клуба.

У меня нет оправданий моему легкомыслию. Я — ученый, который редко поддается капризам эмоций, но в ту ночь верное чутье покинуло меня. Сбивала с толку собственная реакция на приподнятую атмосферу в «Club de l'Étoile». Я привыкла признавать и поддерживать сексуальный аппетит (энергичный секс необходим для хорошего психического здоровья и физического благополучия).

Проверь я свое сердце тщательнее, нашла бы более вескую причину странного замешательства. Менее двух недель назад Стокер рисковал своей жизнью, чтобы спасти мою в дерзкой, почти безнадежной попытке вызволить из опасности. На следующее утро я проснулась с мыслью, что люблю его, как никогда никого не любила. Остаток дней в Корнуолле прошел в горячечной дымке ожидания; воспоминания окрашены в розовый,

мечтательный цвет.

Теперь, когда мы вернулись в Лондон, возникло ползучее ощущение сомнения. Я не сомневалась, что физический союз доставил бы нам наслаждение (я была осведомлена о многих достоинствах Стокера). Но эта новая, растущая привычка полагаться на него приводила меня в ужас. Я давно научилась не зависеть от самых суровых обстоятельств. Могу ли я сейчас изменить эту практику? Могу ли я действительно отбросить свою с трудом завоеванную независимость и опереться на Стокера?

Это был вопрос, заставивший меня действовать с безрассудной бравадой. Я должна была доказать себе, что все еще оставалась тем исследователем, который, упаковав юбки и зонтик, отправлялся смотреть мир. Мне пришлось заглянуть в зазеркалье моей души и еще раз увидеть бесстрашный дух, который горел внутри. Если бы я потеряла его, кем бы я стала? Просто придатком Стокера?

— Никогда! — поклялась я. Я подхватила нижний край королевской мантии и отправилась на поиски личных комнат мадам Авроры.

Коридоры были полны людей, в парах, в больших группах. Большинство разговаривали, некоторые были заняты очевидным флиртом: шепча и хихикая, прижимаясь, осыпая пылкими поцелуями восприимчивое горло. Я быстро прошла мимо них. По моим расчетам, чтобы найти святилище мадам Авроры, следовало подняться на другой этаж.

Но как только, проплутав, выбралась из одного коридора и напрасно обошла вокруг другого, я потеряла надежду. Я с апломбом могла ориентироваться в густом тропическом лесу, но «Club de l'Étoile» был задуман совершенно другим, призванным пробудить и одурачить чувства. Мадам Аврора с очевидным удовольствием спланировала самую лабиринтную конфигурацию. На этой стороне дома не было просторного холла, лишь комнаты, выходящие друг на друга в длинной анфиладе, как жемчужины, натянутые на цепочку.

Каждая из этих комнат была обставлена в особом стиле, создавая уникальное настроение. Я перешла из пышных джунглей (огромное количество пальм в горшках и тропические птицы в клетках) в элегантную — хотя и немного истеричную — интерпретацию Версаля, увешанного розовым бархатом и уставленного позолоченной мебелью с вырезанными на ней пышногрудыми сфинксами.

Воздух был густым, с характерным запахом духов мадам Авроры, пронизывающим весь дом: смесь сандалового дерева, ветивера и фиалок. Легкие облака курящегося ладана, поднимаясь из кувшинов на

каминах, создавали потусторонний эффект. Дым пах розами, и более глубокий, мускусный аромат наполнил воздух.

— Это каштан, — раздался голос прямо в моем ухе.

Я обернулась и рядом увидела гротескно выглядевшую высокую женщину. Она была одета в неидущее ей платье из грубой розовой тафты. Парик с роскошными светлыми кудрями увенчивала кружевная вуаль, огромные бриллианты — без сомнения, стразы — блестели на ее горле, ушах и запястьях. На кружевной вуали возвышалась миниатюрная корона, чуть больше блюдца с пудингом, сверкающая множеством фальшивых драгоценностей — идеальная копия юбилейной диадемы королевы. На женщине была закрывающая лицо синяя бархатная маска, что в сочетании с сурьмой, затемняющей веки, осветило глаза до цвета васильков.

— Неужели? — отозвалась я вежливо.

Она кивнула, бриллианты в ее ушах закачались, как люстры.

— Цветы каштана, — она указала веером на огромные вазы с широкими белыми цветами. — Мадам Аврора выставляет их, чтобы напомнить нам, почему мы все здесь, — сказала она с небольшим смущением. — Потому что они пахнут мужскими выделениями.

Я принялась, узнав *ambré*, сопровождающий некоторые из моих нежных и приятных воспоминаний. Мужское семяизвержение, этот запах никогда не забывается.

— Теперь, когда вы обратили на это мое внимание, запах наиболее характерен.

Она долго осматривала меня от тиары до туфель.

— Я не помню, чтобы видела вас здесь раньше. Вы новенькая?

В ее взгляде было что-то оценивающее, но не недоброе.

— Да, — ответила я правдиво. — Я здесь с компаньоном. И вы?

Я оглядела комнату, где собралось несколько десятков гостей, многие — женщины разной степени привлекательности. Я не ожидала увидеть такое количество женщин и сказала об этом своей спутнице. Она засмеялась, и я впервые заметила адамово яблоко, подпрыгивающее над алмазным воротником.

Добрые голубые глаза встретились с моими. Она протянула длинную тонкую руку, заключенную в безупречно белое шевро, и нежно сжала мои ладони.

— Вы можете называть меня Викторией.

— Вероника, — представилась я, не видя необходимости притворяться. — Остальные дамы похожи на вас?

Она улыбнулась, и я увидела крошечный кусочек помады на одном из

ее зубов, едва различимый под укрытием маски.

— Большинство. Но маскарад — это шанс стать тем, кем не являешься. Кроме того, почему только вы, дамы, должны так радостно носить что-то красивое?

— Почему, на самом деле? Извините, но у вас на зубах немного размазалась губная помада.

Она энергично облизнула зубы, прежде чем показать мне.

— Лучше?

— Нет, — сказала я. Она извлекла платок из своего декольте и сунула его мне в руки.

— Будьте добры, сотрите ее, — проинструктировала она с властным оттенком.

Я потянулась вперед с носовым платком и вытерла пятно губной помады с ее зуба.

— Вот. Намного лучше. — Я показала ей запятнанный носовой платок, и она улыбнулась.

— Вы ангел, — пропела она. Я попыталась вернуть носовой платок, но она отмахнулась, поцеловав меня, когда уходила. Я сунула платок в карман.

Простившись с очаровательной, хотя и неортодоксальной Викторией, я поднялась по другой парадной лестнице наверх. Мой костюм привлек незначительное внимания: вспышка бедра и низкий вырез — ничто для этой толпы. Корона из лисьих зубов, пожалуй, была в нем самой интересной вещью. Отклоняя основательное количество приглашений (большинство сделанные вежливо), я ускользнула по лестнице.

Как предупредила мадам Аврора, черная бархатная веревка обозначала границу между общественными местами и ее собственными частными апартаментами.

К сожалению, она не упомянула швейцара-охранника. Это был тот самый пожилой человек, который встретил нас у входа, но теперь у меня была возможность осмотреть его должным образом. Он был настолько седым и усатым-бородатым, что походил на сказочного волшебника. Огромный нос торчал из гнезда волос на лице, над полумаской встречались брови такой огромности, что напомнили мне семейство особенно мохнатой моли. Он сидел на стуле, массируя ногу в чулке. Глаза были яркими, резко настороженными. Мне показалось, что он получал удовольствие от своей работы.

Охранник расправил плечи и заговорил грубым голосом:

— Вы не пойдете дальше, мадам, и это святая правда.

Я кокетливо захлопала ресницами, промурлыкав:

— О, я забрела куда-то в запрещенное место?

Он бегло посмотрел на мою шею, его пухлые щеки яростно раздулись.

— В этом доме мало чего запрещено, уж поверьте мне, — сообщил он. — Но вы ничего не добьетесь своими женскими уловками. Я неуязвим.

— Женскими уловками? — Я расширила глаза в явном шоке. — Не думала о такой вещи! Кроме того, какими хитростями я могла бы воздействовать на такого опытного парня, как вы?

Он издал странный маленький шум, на полпути между кашлем и хихиканьем. Затем согнулся пополам, хрипло кашляя, глубоко и неприятно.

— Вы правы, шалунья, — сказал швейцар, поигрывая бровями. Он дернул плечом к закрытым дверям позади него. — Что вам понадобилось в комнатах хозяйки?

— О, это комнаты мадам Авроры? — спросила я, невинная, как девственница. — Я просто искала место для женских потребностей. — Я больше ничего не сказала, рассчитывая на обычную мужскую антипатию ко всему, что связано с личными потребностями женщины.

Но он просто снова задвигал бровями.

— У вас пошли месячные? Очень неудобно в этом доме. Хотя лучше, чем альтернатива, и это Божья истина.

Я уставилась на него. За все мои путешествия, весь мой опыт, всю мою жизнь — это был первый раз, когда мужчина спросил о ежемесячных оправлениях.

— Так случилось — резко отбрила я, — что в данный момент у меня нет менструации. Большое спасибо за ваше любезное расследование. Я просто искала место попудрить нос и подтянуть подвязки.

Он надувал щеки взад-вперед, явно думая. Внезапно он толкнул свою большую ногу в грязном чулке ко мне.

— Потри мне мозоли, и я дам тебе пройти.

Я посмотрела на омерзительный чулок. В шве была дыра, из нее выглядывал злокачественный ноготь. Он дернул в мою сторону пальцами ног, и я отшатнулась от запаха.

— Думаю, я отклоню ваше предложение, — сказала я ему вежливо. — Возможно, мозольный пластырь от аптекаря поможет. Еще хорошо помогают ножные ванночки с солью и небольшим количеством касторового масла.

Он обиженно вытянул нижнюю губу.

— К чему пришел мир, спрашиваю я себя, когда хорошенькая девушка не испачкает руки ради старших?

Я наклонила голову. Швейцар был преднамеренно возмутительным.

Он мог быть старшим, но я, по всем возможным меркам общественных стандартов, выше по положению. Меня осенило: может, он находится в состоянии алкогольного опьянения? Я наклонилась ближе, несмотря на вонь. Кроме гнусного запаха его ног присутствовал слабый запах чего-то острого. Лакрица.

Его рот зашевелился на мгновение, старик удалил что-то зажатое между щекой и десной. Он плюнул на ладонь, подняв ее, чтобы предложить мне обсосанный леденец:

— Хотите, миссис?

— Вы не смеете так себя вести по отношению к одному из гостей мадам Авроры! — отчитала я швейцара. - Вы — старый слуга из ее прошлой жизни? Вы знали ее в Париже?

Его уса́тый рот яростно задержался.

— Может знал, а может нет. Кто вы такая, чтобы задавать нескромные вопросы? Лезущая не в свое дело нахалка, — пропыхтел он.

— Вы ужасно грубый старик, — сказала я ему.

— А если вам действительно нужны удобства, спуститесь вниз по этой лестнице и поищите уборную, - самодовольно сообщил мне он, скрестив колени и указуя́ще взмахнув отвратительной ногой.

Он был вполне прав. Я не могла больше продолжать притворяться заблудившейся гостьей. Дальнейшие вопросы гарантировали бы, что меня запомнят. Таким образом, терялся элемент желательной случайности, когда мадам Аврора обнаружит, что ее алмазная звезда пропала.

Я оскалила зубы в улыбке.

— Отлично. Я ухожу. Это был довольно интересный опыт — познакомиться с вами. — Я надменно наклонила голову.

Он снова топнул ногой, властный, как лорд, и уставился на меня своим нелепым носом. В этот момент позади меня прозвучал мелодичный голос:

— Роберт, ты утомляешь одного из моих гостей?

Я обернулась и увидела, что мадам Аврора улыбается нам. Она произнесла его имя по-французски, уголки ее рта лукаво дернулись.

Он придиричиво пробубнил себе что-то под нос, но она отмахнулась от него.

— Отправляйся на кухню, чтобы немного освежиться. Я хотела бы поговорить с моей гостьей наедине.

Старик поспешил прочь своей странной крабьей походкой. Мадам Аврора повернулась ко мне.

— Вы должны простить его. Он — новое приобретение и не совсем в ладах с вежливостью.

— Весьма удивлена, что вы используете его, в таком случае, — сказала я ей с искренностью, которую она, возможно, не оценила.

Но, к ее чести, она улыбнулась.

— Его рекомендовал другой член персонала. Кроме того, я верю, что каждому человеку следует дать шанс, мадемуазель. Не угодно ли посидеть со мной недолго? Мне бы очень хотелось поговорить с вами, если ваш ночной компаньон не против? — спросила она с уговаривающим наклоном головы.

Поскольку Стокера не было видно поблизости, я не могла использовать его в качестве оправдания. Я кивнула, улыбаясь под маской. Она открыла дверь в свое святилище, пригласив меня следовать за ней. Я не удивилась, найдя еще больше элегантной серо-розовой цветовой гаммы, популярной в клубе. Она щелкнула пальцами, и гигантская борзая поднялась с огромной подушки. Подбежав, она принялась тереться головой о бедро хозяйки.

— Добрый вечер, любовь моя, — пропела Аврора собаке. Затем мадам повернулась ко мне. — Присядьте. Устраивайтесь поудобнее.

Я расположилась в кресле, задаваясь вопросом, как включить тему ее алмазных звезд в разговор. Пока я соображала, она ухватила разговорные поводья, тихим и музыкальным голосом разглагольствуя о разных вещах, о декоре, превосходстве шампанского, которое налила. Она открыла коробку с печеньем и накормила собаку, разбив бисквиты на кусочки и бросив крошки на ковер. Борзая с радостью слизнула их.

— Это Веспертин.

— Назван в честь самого сладкого часа вечера, — заметила я. — Прекрасная параллель с вашим собственным выбранным именем.

Она долго смотрела на меня, оценивая.

— Веспертин — мой верный компаньон, не так ли, дорогой? — мадам почесала его за ушами. Он в восторге закатил глаза. - У него латинское имя, но он очень британский пес.

— Шотландская борзая, дирхаунд? — я спросила.

— Именно так. Он был подарен мне поклонником, потому что собака выглядит, как на одной из моих картин богини зари. «У каждой богини должен быть верный спутник», — сказал он.

Аврора снова почесала Веспертина, и тот счастливо вздохнул. Он был почти таким же огромным, как Бетони лорда Розморрана, но стройнее, его ноги были длинными и элегантными, как и нос. Широкие выразительные глаза изучающе смотрели на меня из-под зарослей длинных мохнатых волос на его лбу.

Через несколько минут царапанье в двери озвучило пажа с тарелкой кондитерских изделий: разные пирожные, каждое из которых было более изящным и сложным, чем предыдущее. Некоторые были заполнены кремом, другие покрыты блеском шоколада.

— Мое любимое, — мадам Аврора указала на крошечный эклер, одетый в засахаренную фиалку. Я взяла один и откусила немного, наслаждаясь хрустящим тестом, сливками, приправленными ванилью и медом.

— Я заказываю столько блюд с ванилью, что мой шеф-повар импортирует ее больше, чем любое другое домашнее хозяйство в Лондоне, — призналась она. — Но это афродизиак.

— В самом деле? — Я высунула язык, чтобы слизнуть последнюю крошку теста.

— Мадам де Помпадур, великая любовница Людовика XV, использовала ваниль, чтобы вызвать у себя пылкость.

— Был ли он так требователен?

Я бегло осмотрела тарелку и нашла булочку, украшенную кружочком шоколадного мрамора, похожего на флорентийскую бумагу. Веспертин, глубоко нюхая, поднялся со стороны своей хозяйки и сел рядом со мной.

Она пожала плечами по-галльски.

— Не больше, чем большинство мужчин, подозреваю. Но маркиза де Помпадур страдала болезненной холодностью. Ее страсти не хватало, чтобы удовлетворить короля. Поэтому она обратилась к афродизиакам.

— С успешным результатом? — Веспертин опустил голову ко мне на колени, всем весом налегая на бедро.

Мадам Аврора улыбнулась, обнажив крошечные жемчужные зубы.

— Не совсем. Но маркиза была умна. Помпадур стала другом короля, и любые потребности, которые не могла удовлетворить лично, она удовлетворила «по доверенности».

Я против воли была заинтригована.

— Как? — Я опустила руку на голову Веспертина, поглаживая его мех. Он был грубее, чем я представляла, упругий под пальцами. Пес еще раз вздохнул и расположился более комфортно.

— Создав такой дом, как этот. Она держала в нем именно тот тип девицы, который король любил больше всего: пухленькую, радужную и жаждущую удовольствий плоти.

— Она была сутенершей.

— Она была деловой женщиной, — быстро поправила Аврора.

— Как вы. — Несмотря на решимость оставаться объективной, мне

начинала нравиться мадам Аврора. Она не питала иллюзий относительно того, кем была и чем занималась, и не собиралась за это извиняться.

Мадам Аврора снова пожала плечами.

— Меня сравнивали с намного худшими женщинами, поверьте. Но думаю, вы не имеете это в виду как оскорбление? — Она остановилась, чтобы улыбнуться мне, прежде чем продолжить. — Я в конечном счете предприниматель, как вы сказали. Я вижу необходимость и предоставляю лекарство.

— Необходимость в чем? — Я откусила шоколадную булочку. Она была менее сладкой, чем ванильное пирожное, с чем-то темным и почти горьким. Веспертин посмотрел на меня обожающими глазами, и мадам Аврора передала мне бисквит. Взяв его у меня нежно, как ягненок, он положил лакомство на широкий язык.

Мадам продолжила:

— Удовольствие, побег, сытость. Некоторые люди приходят сюда, чтобы вспомнить, некоторые - забыть. Моя задача создать фантазию, дать им место для игры.

— Игры? — спросила я. Я взяла еще одну булочку — наполненный кремом рожок — и при поддержке мадам предложила ее Веспертину. Он съел все это за один укус, облизывая губы, когда закончил.

— Игры, — повторила Аврора. — Вы не задумывались, что это за место? Это детская комната для взрослых! Это то, что все хотят — возвращение в детскую.

— Разве? — вставила я. Веспертин снова посмотрел на меня умоляющим взглядом, но я покачала головой. Он уселся у моих ног и положил голову на большие лапы.

— Вы выглядите скептической, — глаза мадам прищурились, когда она улыбнулась. — Но подумайте о жизни, моя дорогая. Она опасна и требовательна, особенно в таком городе, как этот. С каждым годом все больше людей попадают в столицу. Все больше трамваев, повозок, вагонов. Под нами грохочет подземная железная дорога. Дым извергается над городом, превращая все в сажу и черноту. А на улицах такой шум! Такой хаос! Мы должны быть воинами, чтобы просто перейти улицу.

Она нарисовала яркую картину, но Аврора не ошиблась. Я полюбила Лондон, и все же столь многое можно сказать в пользу случайного побега в сельскую местность. Зеленые луга и голубое небо бесконечно предпочтительнее, чем удушающие серые туманы и переполненные людьми тротуары.

Она оборонялась и наступала одновременно.

— Даже в уединении дома всегда есть некоторая ответственность, какие-то новые проблемы. Горничная предупредила, что уходит, стоки забились, шумные соседи. Где человек может освежиться? Отдаться радости того, что о нем заботятся?

— Это то, что вы думаете об этом месте? — с любопытством спросила я. — Забота о клиентах?

— Гостях, — мягко поправила она. — Но, конечно, это так! Здесь к ним относятся с любовью и нежностью любимой няни. Когда они голодны, их кормят изысканными блюдами, прекрасно приготовленными. Когда они устали, отдыхают в самых мягких кроватях. Музыка, ласкающая слух, лучшие вина для услады вкуса. Все сделано для удовлетворения чувств.

— А когда гость хочет больше, чем хороший сон и бланманже? — поинтересовалась я.

— Им предоставляют все, что они желают. Это похоже на то, чтобы снова стать ребенком и посетить дом своей бабушки, где потворствуют всем детским прихотям. Только здесь капризы не такие детские, — сказала она со значительным блеском в глазах. Первый настоящий проблеск чувства юмора, которым она одарила меня. Я нашла эту легкость свойской.

— Не рассматривала это в таком свете, — призналась я. — Но то, что вы говорите, имеет смысл.

Она улыбнулась.

— Я лишь хочу дарить радость, мадемуазель. Чтобы помочь привнести свет, гламур и удовольствие в жизнь людей. Таких, как вы и ваш любовник.

Я сунула в рот остатки шоколадной булочки и ничего не сказала. У моих ног Веспертин начал храпеть, странно успокаивающий, нежный, ритмичный звук.

Она посмотрела на меня с упреком.

— Вы думаете, что я перехожу границы. Но почему женщины должны иметь секреты от друзей?

— А мы друзья? Вы даже не знаете моего имени. — Я сознательно остановилась, гадая, выдаст ли она, что знает, кто я. Но если она и знала, то была более осторожна, чем ее швейцар. Она просто снова улыбнулась.

— Я знаю ваше сердце, мадемуазель. Этого достаточно.

Я потягивала шампанское, прежде чем ответить.

— Что вы знаете о моем сердце?

— Я знаю, что вы хотите полностью отдать себя своему спутнику, но боитесь.

В ее голосе был вызов, но я не могла отрицать правдивость того, что

она сказала.

— Возможно, — медленно произнесла я.

Мадам Аврора сделала пренебрежительный жест.

— Давайте будем откровенны! Вы и этот человек все, только не любовники. Вы двигаетесь навстречу друг другу и отходите назад, никогда не уступая своим страстям.

— Как вы можете сказать?

— Соблазнение было делом моей жизни, мадемуазель. Я знаю, как мужчина смотрит на женщину, когда он ею обладал. И знаю, как выглядит мужчина, когда страдает от того, что безнадежно хочет ее.

По причинам, которые я никогда не пойму, я выпалила правду женщине, которую едва знала:

— Интересно, упустили ли мы наш шанс?

Она кивнула, ее глаза были теплыми от сочувствия.

— Я знаю, что вы имеете ввиду. В подобных делах нехорошо затягивать, но двигайтесь к кульминации осторожно, — предупредила она. — Такие вещи следует делать деликатно, с изяществом. И без лишней задержки. Мужчина может потерять самообладание, и если его нервы сдадут... — Ее голос затих, и уголки рта опустились.

— Да, вы правы. Не хотелось бы увидеть, как сдают его... нервы, — согласилась я.

Она наклонилась вперед с серьезным выражением лица.

— Время пришло, моя дорогая. Вы не должны допускать, чтобы дальнейшие проволочки нанесли ущерб вашей страсти.

— Что вы предлагаете?

— Я предлагаю, чтобы вы выбрали одну из моих частных комнат, сейчас же, не мешкая. Прежде чем поддаться сомнениям. Прекрасной женщине нет нужды соблазнять. Она должна только предложить себя, - доброжелательно посоветовала Аврора.

— А если он меня оттолкнет?

— Тогда вы должны играть самца! Вы должны доминировать в этой схватке.

Я учла ее рекомендации. Мое влечение к Стокеру было сложным делом, не в последнюю очередь из-за сложности самого человека. Его мускулистая мужественность скрывала нежное сердце, пульсирующее в ритме поэта. Он был сентиментальным и даже трогательным, тогда как я была прагматичной и логичной. Несмотря на ум и талант ученого, Стокер был самой восхитительно романтической душой, которую я когда-либо знала. Музыка могла пробудить в нем страсть или жалость, и несколько строк

Китса были ему необходимы как хлеб.

Напротив, мои собственные эмоции приходилось так часто застегивать на пуговицы, вставлять в корсет и связывать, что я едва знала, как порой отпустить их с поводка, предпочитая аккуратные таксономии моей работы и здоровые несентиментальные связи свободным чувствам. Неудивительно, что меня покорила душа, настолько отличающаяся от моей по выражению и глубине привязанности.

Но к чему лицемерить? Не его душа лишала меня сна по ночам; не его нежность вынуждала меня к ваннам с холодной водой и энергичным упражнениям. Как я ни пыталась, в крови не утихал шум. Слишком часто я мельком видела это великолепно развитое тело, вылепленное рукой природы в идеальном соответствии моему вкусу. Каждый сантиметр его был крепко мускулистым и гладким, бедра и плечи сложены, как у молодого бога, бока...

Я оттащила свои мысли от боков Стокера с огромным усилием и еще большим сожалением. Я желала его во всех смыслах слова. Именно его мужественность — абсолютно противоположная моей собственной форме, ярко выраженная и определенная — очаровала меня. Сила этой мужественности была не малой частью притяжения. Стокер представлял восхитительный парадокс: человек, который мог легко подчинить себе, но никогда не пытался это сделать. С ним я могла отказаться от контроля, за который так тяжело боролась. Могла бы расстегнуть застёжки, развязать веревки, могла бы просто быть. И эта мысль была самой соблазнительной из всех.

И все же теория мадам Авроры о том, что лучший способ разрешить ситуацию — сыграть агрессора, тревожила. Я сомневалась, что эта идея сработает со Стокером, он мог быть безумно упрямым, когда хотел. И если бы сработала, хотела бы я его на этих условиях?

— Вы заставили меня о многом задуматься. Спасибо.

Она пожала плечами.

— Конечно.

Я спешно перетянула свои мысли обратно к причине нашего визита в клуб. Мой взгляд упал на алмазы, разбросанные по ее платью.

— Ваши звезды потрясающе красивы, — сказала я непринужденным тоном. — Я в полном восторге от них.

Она сверкнула ямочками на щеках.

— Дары моих щедрых поклонников.

— Они все так похожи, интересно, как вы можете их отличить друг от друга, — рискнула я, надеясь, что она предложит мне взглянуть на них

поближе.

Но она просто улыбнулась своей непостижимой кошачьей улыбкой.

— Поверьте мне, мадемуазель, я знаю их всех и каждую. Конечно, я не могу носить одновременно все звезды. Их слишком много. Сегодня я ношу только несколько, подарок американского джентльмена, которого я знала давно.

Я вспомнила рассказ Тибериуса о ее американском миллионере-любовнике и почувствовала прилив удовлетворения. Звезды принца от «Garrard» не было видно.

Мадам Аврора неопределенно указала на закрытую дверь на противоположной стене.

— Моя гардеробная. Остальные спрятаны в сейфе. Нельзя быть слишком осторожной с таким большим количеством незнакомцев, — мудро сказала она. Выражение ее лица тронула грусть. — Ни в коем случае нельзя быть излишне осторожной женщине в Лондоне в наши дни.

— Убийства в Уайтчепеле, — пробормотала я.

— Ужасающе. Стоит подумать о тех бедняжках... — она замолчала.

— И каждая думает, как легко это могла быть она, — закончила я. Ее глаза встретились с моими, и я знала, что мы поняли друг друга. Как легко это могли быть мы.

— Мне сказали, что вы выдержали осаду Парижа, — тихо сказала я. — Это, должно быть, было ужасно.

— Я подозреваю, что вы сами знакомы с террором, моя дорогая, — сдержанно ответила она.

Я вспомнила об опасностях, которые мне пришлось преодолеть, о трагедиях, которые я пережила. Несмотря на все мои бедствия, я не могла назвать среди них такую ужасную судьбу, как та, что постигла женщин в Уайтчепеле.

— Мне повезло, — просто сказала я.

— Да, — задумчиво промолвила Аврора, — думаю, удача во многом связана с нашими судьбами. Воистину, судьба лежит в звездах. — Она провела пальцем по одной из своих алмазных звезд.

— Но довольно мрачных разговоров! Вы пришли сегодня вечером, чтобы веселиться. Не будем думать о грустном.

Она встала, отряхивая складки шифонового платья и проводя рукой по распущенным волосам.

— Надеюсь, вы освежились, мадемуазель? — Она кивнула в сторону тарелки крошечных пирожных. Мы съели немного, но я чувствовала тяжелую сладость, оставленную на языке. Я поднялась, осторожно

оттолкнув Веспертина. Дирхаунд зевнул, широко раскрыв челюсти, и я попрощалась с ним.

— Вы ему нравитесь, — сказала Аврора. — Веспертин не всех принимает

— Подозреваю, не все дают ему булочки с кремом. Я полностью наслаждалась, мадам. Спасибо за уделенное время.

Она наклонила голову и пожала мне руку, прежде чем проводить к двери.

— Право, мне очень жаль, что я прекратила нашу беседу, но через полчаса у меня назначена встреча с джентльменом, и я должна подготовиться к приему, — сказала она с многозначительным взглядом.

— Конечно, — пробормотала я. Я осознала надежду, которая укоренилась во время нашего разговора. Надежду, что мадам Аврора не окажется слишком большой злодейкой. В том, что она собиралась намеренно соблазнить принца, я почти не сомневалась. Достаточно было взглянуть на поразительно дорогое окружение, чтобы понять — гиней должны течь сквозь ее пальцы как вода. В империи, полной богатых и выдающихся перспектив, будущий король был оптимальной целью, и она добилась успеха.

Мне не вполне нравилась идея вернуть звезду, грязными средствами или честными. Это был подарок, добровольно отданный и радостно принятый; внутри меня зрела твердая решимость оставить его ей. Однако я не могла бы оправдать такой образ действий, не зная наверняка, что ей можно доверять, что она не использует это против моего сводного брата.

Глубоко погрузившись в мысли, я вышла. Кресло снаружи снова было занято благоухающим Робертом.

— Изучила что-нибудь полезное? — справился он, взмахнув бровями.

— Какой вы отвратительный старый дьявол, — я безжалостно бросила ему. Сильный запах лакрицы по-прежнему цеплялся за него, смешиваясь с чем-то другим — химическая добавка, которую я не могла распознать.

— Неправда! — надулся он, явно обиженный. Его ноги погрузились в таз с горячей мыльной водой, и он взмахнул рукой. — Тогда идите. Или вы хотите наблюдать, как старик отмокает ноги? Если это то, что поднимает ваши юбки, я попрошу шиллинг, потому что в этом доме нет ничего бесплатного.

Я безразлично скривила лицо и спустилась по лестнице с накидкой в руке.

Глава 10

Этажом ниже я некоторое время бродила по комнатам в поисках Стокера, стремясь рассказать ему о своем скромном триумфе — раскрытии местонахождения звезды. Я свернула за угол и оказалась в длинном коридоре, застеленном толстым ковром в темно-плюшево-серых тонах, стены драпированны шелком. Стояла тишина, музыка из бального зала на таком расстоянии не была слышна. В коридор выходила серия плотно закрытых дверей. Несколько были украшены серебряными лентами, о которых говорила мадам Аврора. Знак, что пары внутри приветствуют присоединение к своей вечеринке.

Я сделала паузу, прикидывая дальнейший маршрут. Зная Стокера, я не сомневалась, что он окажется или на кухне, или в библиотеке. На этом этаже не обнаружилось ни того, ни другого. Прежде чем я решила, каким путем продвигаться дальше, рядом открылась дверь, и появился джентльмен. Его темные каштановые волосы напоминали шкуру лисы. Он остановился, увидев меня, и долго разглядывал, подойдя ближе.

— Боже мой, — пропел мужчина с протяжным акцентом американца из южного штата, — похоже, мадам Аврора скрывала своих самых привлекательных гостей.

Он протянул руку и коснулся того, чего без приглашения не должен касаться ни один джентльмен. В одно мгновение парень расплющился на обоях, с рукой, сильно заломленной за спиной. Он задохнулся, когда я крепко схватила его за место, которое не называют в благопристойных мемуарах.

— Вероника, что во имя семи кругов ада ты делаешь? — вежливо поинтересовался за спиной Стокер.

— Этот джентльмен оскорбил меня, — негодовала я.

Человек, о котором шла речь, зашевелился, издав слабый протест.

— Что это было? — спросила я. Он издал еще один звук, почти мяукнув, слезы собрались в уголках его глаз. Я повернулась к Стокеру.

— Он коснулся меня. Без моего согласия.

— Хамство, — согласился Стокер.

— Но это честное недоразумение, — захныкал парень в обои. — Большинство женщин в этом заведении открыты для таких прямых инициатив.

Я моргнула.

— Неужели? Как нецивилизованно! — Я приподнялась на цыпочках, слегка усилив хватку. — Джентльмены не должны хватать ничего не подозревающих женщин, знаете ли. Даже если они открыты для эротических свобод. Это невежливо.

Он кивнул, слезы теперь свободно падали, и я отпустила его. Он пошатнулся, затем опустился на колени, издавая глубокие стоны. Стокер наклонился, чтобы посмотреть ему в лицо.

— Кажется, он в порядке. Полагаю, несколько минут на коленях не принесут ему особого вреда.

Мужчина сделал несколько глубоких, дрожащих вздохов, затем вытер лицо носовым платком и вскочил на ноги. Его лицо приобрело тревожный оттенок. Я взглянула на него, затем ткнула Стокера в бок.

— Ты уверен, что он в порядке? Он выглядит так, словно у него сейчас случится припадок.

Парень взмахнул носовым платком.

— Абсолютно в порядке, — он умолк на мгновение, переводя дыхание. — Я должен принести свои извинения, мадам. Сэр, эта леди в вашем распоряжении?

Стокер посмотрел на него сузившимися глазами.

— Для вас так и есть. Хотя, как вы только что видели, она более чем способна позаботиться о себе.

Мужчина вздрогнул, сжав колени, и его глаза немного закатились.

— Верно. Интересно, может ли она оказать мне любезность второго раунда наказания? — Он посмотрел на меня с надеждой.

— Прошу прощения? — не поняла я.

— Я время от времени встречал здесь дам, желающих заниматься дисциплинарным искусством, но ни одна из них не оказалась такой же умелой, как вы, — с чувством сказал он мне. — У вас редкий талант.

Я бросила взгляд на Стокера, которому едва удавалось сдержать смех. Я вежливо улыбнулась.

— Это очень мило с вашей стороны, уверена. Но я обычно не занимаюсь такой практикой, мистер...?

Он достал бумажник и извлек визитную карточку.

— Фрэнсис Клэй Хиллиард, Чарльстон Хиллиардс. К вашим услугам, мэм.

Я взяла предложенную карточку и представилась:

— Здравствуйте. Я Боадичея, королева бриттов.

Мы обменялись рукопожатиями так же вежливо, как будто нас

представили на чаепитии, и мистер Хиллиард отряхнул колени своих брюк носовым платком.

— Как я понимаю, вы здесь с целью удовлетворения, мистер Хиллиард? Физического удовлетворения? — любопытствовала я.

— Действительно, мэм. Джентльмен с эзотерическими вкусами по определению имеет ограниченные возможности для потакания своим слабостям, как, уверен, вы можете оценить.

— Конечно. А гости мадам Авроры не смогли удовлетворить ваши желания?

Он поднял руки, свет искрился от перстня на мизинце. Теперь я могла рассмотреть его как следует: тридцатилетний мужчина, чрезвычайно процветающий на вид и не лишенный привлекательности.

— Поверьте, мэм, я не подразумевал ничего подобного. Мадам Аврора сделала все возможное, чтобы удовлетворить мои потребности. Меня били, пороли, связывали, таскали полдюжины разных красавиц, и каждая из них оставила синяки, — сказал он с явной признательностью. — Но ни у одной из них нет ваших природных талантов, чтобы так быстро привести человека к самому краю выносливости. Я был уверен, что упаду без сознания, — закончил он с восхищенным кивком.

Стокер, видимо, уже достаточно наслушался похвал мистера Хиллиарда.

— Да, у нее легион талантов, — согласился он, крепко взяв меня за локоть. — Но к сожалению, она уже занята. Боюсь, что у нас есть другие дела.

Не дожидаясь ответа, Стокер твердо толкнул меня в комнату по коридору. Он решительно закрыл за нами дверь.

— Это было совершенно излишне. Я отлично разобралась с этим делом... Мой Бог, что это за место? — потребовала я. Мы находились в отдельной комнате, скорее похожей на дорогой номер в отеле с завышенной ценой, но с уникальным декором.

— Должно быть, сад в аду, — Стокер указал на карточку, прикрепленную к двери: «Jardin d'Enfer». Я медленно обернулась, осматривая окрестности с раскрытым ртом.

Каждая поверхность была обита тканью алого оттенка. Малиновые занавесы покрывали стены, кроваво-красные подушки амортизировали стулья. Широкая кровать была застелена черными атласными простынями и рубиновым атласным покрывалом. Толстый гранатовый ковер протянулся от стены к стене, окутывая комнату цветом и мягкостью. Даже мраморный камин был цвета хорошего бордо.

— Очень необычно, — заключила я правдиво.

Я внезапно осознала, что Стокер стоит позади меня, не прикасаясь, но достаточно близко, чтобы поднять волосы на моей шее. Я сняла маску и вошла в комнату. «Навстречу судьбе», — решила я.

— Вполне подходит для нашей цели, — сказал Стокер.

Меня восхитила произошедшая в нем перемена. Он внезапно понял, что мы собирались делать. Я облизнула губы, когда он снял маску и сверился с карманными часами.

— Уже почти время, — произнес он с удовлетворением. — Он должен приехать в любой момент.

— Он? — Я моргнула. — Я скорее думала, что мы будем наедине в первый раз.

Стокер уставился на меня в недоумении.

— Вероника, о чем ты? Я имею в виду визитера мадам Авроры.

— Какого визитера?

Он закатил глаза.

— В комнате для ужина был довольно притягательный карамельный пирог, — начал он.

— Мы говорим о еде?

— Я проголодался, — буркнул он обиженно. — У меня маковой росинки во рту не было, кроме бутербродов на завтрак, если помнишь. Мужчине требуется хлеб насущный. Как оказалось, остался только один жалкий пирог и тарелка крошек. Я спустился вниз, чтобы посмотреть, могут ли предложить что-то еще. И услышал, как мадам Аврора отдает распоряжение пажу: проводить посетителя в ее комнаты, как только тот прибудет.

— У меня был с ней tête-à-tête. Она выпроводила меня на том же основании. Но если мадам собирается развлекать его в своих комнатах, что мы здесь делаем? Ее апартаменты на другом этаже.

Стокер поморщился.

— Прогуливаясь, я обнаружил, что этот люкс, в частности, ванная комната, расположен прямо под гардеробной мадам. Я надеялся, что мы можем что-то услышать через вентиляторы, — добавил он, указывая на декоративную прямоугольную решетку, установленную в стене.

— О, — пробормотала я, чувствуя себя немного сдутой.

Я сделала паузу, а затем рискнула высказать сомнения, одолевавшие меня после беседы с Авророй.

— Стокер, я не совсем уверена, что мы вообще должны красть звезду, — начала я.

Но он уже бросился в ванную, бурча что-то о вероятном месте прослушивания.

—Позже, — пробормотала я.

Я сказала себе: «Это к лучшему». Моя обычная решительность улетучилась. Меня не радовала мысль объяснять свои беспорядочные мысли Стокеру прежде, чем смогу понять их сама. Все в моей жизни, казалось, перевернулось вверх тормашками за последние несколько дней, оставив странное ощущение гребли вслед за парусником, исчезнувшим за горизонтом. «Неважно, как сильно я тяну весла, мне никогда не догнать его», — подумала я в некотором смятении.

Но смятение в деле не помощник! Я резко встряхнулась и осмотрела номер. Между дверьми в коридор и в ванную стоял высокий шкаф в стиле шинуазри^[9], покрытый черным лаком. Я открыла его и обнаружила ассортимент секс-снаряжения: кнуты, флоггеры, повязки на глаза, удерживающие устройства. Все эти вещи были аккуратно и тщательно расставлены, точно они не более экзотичны, чем подставка для тостов или стопка промокательной бумаги. Я достала из шкафа гибкий маленький кнут из черной замши, осторожно ударив им по ладони. Он был изящно сделан, оставив жгучее ощущение, но никакого следа.

В верхнем ящике шкафа я нашла коллекцию бутылок, каждая аккуратно маркирована элегантной рукой, мази и афродизиаки, все для усиления ощущений. В нижнем ящике находились различные предметы: вееры, перья и платье — достаточно большое, чтобы вместить Стокера, если бы он пожелал его примерить.

Воздух, как и везде в доме, пах розами, ветивером и еще чем-то темным, чувственным, кипящим прямо под поверхностью. Я слегка вздохнула от чистого восторга, размышляя, нельзя ли договориться со Стокером разделить комнату, совсем ненадолго. Я заметила, что кровать здесь большая и очень крепкая.

— Это довольно приятный дом, — позвала я его.

— Чертовски неприятный, — возразил Стокер. — Возможно, такая мелочь ускользнула от твоего внимания, но это станция Паддингтон для извращенцев.

— Извращение — в глазах смотрящего, — мягко ответила я. — Взрослые люди могут свободно выбирать развлечения. Твои суждения и архаичны, и недобры.

Стокер громко фыркнул.

— В этих комнатах бродят мужчины, готовые платить вымогательские суммы за безумно дикие вещи для сексуального удовлетворения. А ты

ведешь себя так, будто это воскресный пикник у Серпентина.[\[10\]](#)

— Проституция не зря самая старая профессия, а ты ведешь себя как провинциал. Какая разница, что человек готов платить за обслуживание, если другой весьма любезный человек согласен его обеспечить? Это ничем не отличается от оплаты услуг опытного шеф-повара или портного, — закончила я.

— Интим не должен быть транзакционным, — категорически опроверг Стокер.

— Провинциал, — пробурчала я себе под нос. Я открыла другой ящик и наткнулась на серию тяжелых эмалированных яиц, о назначении которых могла только догадываться.

— Что ты сказала? — возмутился Стокер.

— Ничего, — отозвалась я, захлопнув ящик.

— Честно, Вероника, что ты за женщина? Ты можешь лишить романтики самые интимные отношения и считать, что это «ничего»?

— Зато ты романтик, — воскликнула я в ответ. — Неизлечимой разновидности.

— Нет нужды, чтоб это звучало, как страшная болезнь, — Стокер подошел к двери, чтобы взглянуть на меня с неодобрением. — Чертовски приятно, что кто-то все еще верит в такие вещи, как любовь и чувства и... — он замолчал, яростно покраснев. — Не знаю, почему я беспокоюсь, ради святого Сатаны.

Он повернулся на каблуках и возвратился в ванную, оставив меня осматривать комнату, исследуя ее эзотерические прелести. Я собиралась сказать, что получасовой перерыв в следственной деятельности не будет нарушением долга, но услышала шум из коридора, душное хихиканье и звук руки, нащупывающей дверную ручку. Я нырнула в ванную, быстро закрыв за собой дверь. Дверь из коридора открылась.

Полностью одетый Стокер стоял в сухой ванне, прислонив ухо к вентилятору в стене. Он бросил на меня вопросительный взгляд.

— Я говорю... — начал он, но не успел продолжить. Я бросилась к нему, крепко хлопнув ладонью по рту и дернув головой в сторону спальни. Стокер кивнул, сразу поняв, что я имею в виду.

Через закрытую дверь мы могли слышать звон бокалов — видимо, шампанское — и рокот голосов. Мужчина и женщина. Прозвучал веселый смех, несколько стонов, затем раздался отчетливый скрип пружин. Я посмотрела в замочную скважину и увидела нашего нового знакомого, мистера Хиллиарда. Он разделся до длинных фланелевых подштанников в полоску. Его усы дрожали от предвкушения, когда леди, одетая в костюм

Елены Троянской, связала ему руки и подняла маленькую плетъ, кошку-девятихвостку. Он счастливо вздохнул и перекатился — задом вверх, лицо в подушках.

Я отвернулась до того, как упал первый удар, но услышала пение кнута, изгибающегося в воздухе, и резкий хлопок кожи по фланелевой драпировке. Хиллиард издал вздох блаженства, и его компаньонка бойко проинструктировала:

— Если почувствуешь, что с тебя довольно, достаточно только сказать, моя любовь.

Я дала понять Стокеру, что парня дисциплинируют в соседней комнате, и он снова закатил глаза. Он яростно жестикулировал, предлагая уйти, но я покачала головой. Чтобы подслушать встречу мадам Авроры, придется прятаться в этой фарфоровой тюрьме. Я убрала руку с его рта, предупреждая глядя на него.

Он склонил голову, затем прижал губы к моему уху, заставив пульс в горле участиться:

— Мы могли бы переговариваться шепотом. Они здорово увлечены.

Еще больше ударов и стонов, крики ободрения мистера Хиллиарда его мучительнице. Я рассматривала туалетную комнату, любясь фарфоровой фурнитурой, яркими латунными светильниками, современными и тщательно полированными. Стокер сделал резкий жест пальцами, и я поняла, что он что-то услышал через вентилятор.

Я подобрала плащ и присоединилась к нему в ванной, прижимая щеку к металлической решетке. Голоса были приглушены (к тому же непросто расслышать что-нибудь с обильным шумом, исходящим из соседней спальни), но все же я смогла разобрать. Женщина — мадам Аврора, как я догадалась — произнесла несколько неясных слов. Мужской голос возразил, быстро и довольно энергично.

— Кто бы он ни был, он зол. — Я немного сдвинулась, пытаюсь устроиться комфортнее. Боковые стенки ванны были наклонены, неловко сбивая нас вместе, заставляя меня прижаться спиной к груди Стокера, чтобы мы оба могли слушать через вентилятор.

Стокер кивнул, его подбородок коснулся моего виска. В другой комнате мистер Хиллиард достиг пика возбуждения, сопроводив кульминацию резким криком, похожим на лай лисицы. Я встревожилась, что он и его спутница захотят воспользоваться ванной комнатой, где мы прятались. Но уже через мгновение раздались характерные звуки, и я поняла, что они схватились в другом бою.

Мы вернули наше внимание вентилятору. Обсуждение наверху

продолжалось, голос женщины звучал ровно и спокойно, мужчина продолжал бушевать. Послышался треск пробки и резкий, чистый звон хрусталя.

— Тост, — прошептал Стокер, его рот касался края моего уха.

Я неловко пошевелилась, сгибая лодыжки, чтобы попытаться вернуть чувство в ноги.

— Прекрати это, — приказал он резким шепотом. Его руки внезапно стиснули мои бедра, заставляя меня стоять на месте.

— Ничего не могу поделать, — запротестовала я. — Я наполовину оцепенела от холодного фарфора.

Он ничего не ответил, но снова повернулся, чтобы слушать, долго качая головой.

— Я думаю, что они закончили, — начал он.

Была моя очередь поднять руку.

— Они все еще говорят, — прошипела я.

Голоса стали низкими и быстрыми, как будто им не хватало времени. Мадам Аврора, должно быть, в какой-то момент приблизилась к вентилятору, потому что я услышала, как она сказала:

— Он прислал записку. Мы должны встретиться здесь через час, чтобы я могла передать звезду. Доверьтесь мне. — Потом долгое время ничего не говорилось.

Последовал безошибочный обмен приборами, мужской голос стал спокойнее, и женщина рассмеялась. А затем — странный маленький шум, наполовину удушье, наполовину стон, закончившийся жуткий вздохом. Долгое затишье, потом несколько толчков и ударов. Наконец, хлопанье двери и тишина.

— Она передает звезду заговорщику! — с подавленной яростью я прошептала в ухо Стокера. — Намерена использовать ее против Эдди! Без сомнения, договорилась с журналистом или другим сомнительным типом продать ее вместе со своей историей.

Мы обменялись осмысленными взглядами. Если мадам Аврора планирует встречу в гардеробной через час, нам надо войти, забрать драгоценность и удалиться незамеченными до ее возвращения. Стокер постучал по карманным часам, показывая, сколько у нас осталось времени. Я закатила глаза к спальне, где наши друзья все еще резвились. Можно было попробовать выползти из ванной комнаты в коридор. Но шанс ускользнуть без задержки был невелик, и успешный исход зависел от того, что нас не вспомнят, когда звезда исчезнет.

Мы пожали плечами, и молча согласясь — делать нечего, устроились

ждать, пока мистер Хиллиард и его спутница не закончат бурную деятельность. Спустя сколько-то нестерпимо долгих минут изобильного шума мы все еще сидели в ванне, полностью одетые, совершенно сухие и очень расстроенные друг другом.

— Это самая нелепая ситуация, — прошипела я.

Стокер поднял руку и прошептал мне в ответ:

— Если ты не против, выскажешь свое разочарование в другой раз, у нас есть работа.

— Уже полночь, — волновалась я.

В этот момент наши приятели в соседней комнате достигли крещендо. Различные стоны, визги и трели поднялись до немыслимого уровня, который оскорбил бы уши любой респектабельной собаки в округе. «Бедный Веспертин», — подумала я. Затем наступила какая-то измученная тишина. Молчание длилось еще несколько минут, и мои пальцы снова начало колоть, точно булавками и иголками.

— Как ты думаешь, они заснули? — рискнула спросить я.

Стокер приложил палец ко рту и освободился из ванны. Он подкрался к двери и опустил на колени, приставив глаз к замочной скважине. Затем поднялся, улыбаясь.

— Они ушли.

— Благодарю за это милостивые небеса, — возрадовалась я.

Мое ликование, пожалуй, было несколько преждевременным. Я попыталась выпрыгнуть из ванны, но свинцовые ноги не держали, колени подкосились, и я рухнула на Стокера, сбив его с ног. Я приземлилась на него сверху, раскинув ноги, его бедра аккуратно поселились под моими.

— Ну, не совсем такое начало, как я ожидала, — сказала я, его рот — в одном дыхании от моего.

Я замерла, и земля перестала вращаться. Яркий сапфировый взгляд Стокера долго держал мой, я чувствовала медленные, устойчивые удары его сердца на моей груди. Его руки крепко сжали мои руки, я выжидающе раздвинула губы.

— О, хорошо, — воскликнул Стокер бодро, сталкивая меня и вскакивая на ноги. — Никто не пострадал.

Он побежал к двери, и я медленно последовала за ним, размышляя с некоторым раздражением, что мне придется разгадать более чем одну загадку в «Club de l'Étoile».

Глава 11

Мы поспешно спустились в общие комнаты. Следовало разведать дислокацию мадам Авроры, прежде чем пытаться проникнуть в ее частные апартаменты. Кроме того нам нужно было сравнить результаты нашего расследования без очередной любовной помехи. Логика диктовала, что чем позже мы предпримем попытку кражи, тем лучше. Если мы осуществим завершающий побег, как только гости устремятся к поглощающим их внимание наслаждениям, вряд ли кто-то последует за нами. Тем временем мы должны вести себя неотличимо от других гостей в клубе, танцевать или посетить зал для ужинов.

Пока мы шли, я размышляла над новым увлечением Стокера детективной деятельностью. Он часто был добровольным участником наших расследований, но никогда не пылал таким энтузиазмом, как в этот раз. Такая полная самоотдача моим маленьким авантюрам была новым явлением, и я не могла отделить его от очевидной — и совершенно новой — стеснительности Стокера.

Стокер никогда не был застенчив. Он предпочитал работать *déshabillé*[\[11\]](#), полностью стаскивал с себя одежду при возможности поплавать в пруду или искупаться в бассейне с подогревом, редко обращая внимание на то, что кто-то может его увидеть. И меньше всего на меня. На самом деле, во время нашей корнишской интерлюдии он иногда преднамеренно раздевался передо мной, зная, что вид его обнаженной мужественной, совершенно восхитительной фигуры...

Мой разум бродил. Я снова заострила внимание на вопросе: почему теперь, когда мы решили перевести наши отношения на более интимную основу, он решил сыграть роль «дамы без кавалера».

«О, ты глупая корова! — упрекнула я себя. — Он робеет, потому что знает - сейчас это имеет значение. Бедный дорогой, — размышляла я с улыбкой. — Мадам Аврора ударила пресловутый гвоздь точно по шляпке своей пронизательной оценкой. Задержка принесет дискомфорт, но это чувство обоюдное. Притяжение между нами настолько мощное и ожидание следующего шага так затянулось, неудивительно, что он внезапно начал сопротивляться. Без сомнения, он обеспокоен своей способностью оправдать мои явно амбициозные надежды. Конечно, мало кто мог бы, но это меня ничуть не тревожит. В конце концов, я истинная

дочь Британии, — напомнила я себе. — Воплощение британского духа — сконцентрировать усилия и продолжать дело. Просто надо объяснить это Стокеру: чем раньше мы переспим, тем лучше. Последнее, что ему нужно — больше времени, чтобы беспокоиться об этом».

Не ведая о направлении моих мыслей, он провел меня через бальный зал, затем через серию поворотов, пока мы не вышли в столовую, похожие на любую другую пару в поисках отдыха. Запас карамельных пирогов пополнился, и Стокер щедро угостился с порывистым вздохом удовольствия. Он сложил их горкой на тарелке и полил густым английским соусом. Наконец Стокер нашел незаметный, занавешенный альков, там можно было сесть и спокойно обсудить планы.

Я передала ему, где именно, по моему мнению, находится алмазная звезда, и все, что узнала от мадам Авроры во время нашей интимной беседы.

— Безусловно, — сказала я вполголоса, — трудно сказать, сколько времени уйдет на поиски нужной звезды. Возможно, она спрятала десятки чертовых звезд.

Он пожал плечами.

— Коробка из алой кожи.

— Как, во имя семи адов, ты знаешь это? — потребовала я.

Он откусил пирог с безумным спокойствием.

— Мой отец всегда покупал маме что-то в «Garrard» после того, как они ссорились. Коробки алые.

— Сейф Тибериуса полон алых коробок, — я пробормотала, наморщив лоб.

— Они довольно много ссорились.

Он продолжал безмятежно есть, всецело наслаждаясь дегустацией пирогов. Я смотрела, как его язык высовывается, чтобы слизать крошку с губ, и подавила стон.

— Вероника, с тобой все в порядке? — спросил он, глядя на меня с некоторым беспокойством.

— Абсолютно. — Я сделала пометку, как можно скорее посетить бассейн с холодной водой в поместье лорда Розморрана. — Существует определенная сложность в получении доступа к частным помещениям мадам Авроры. Ее комнаты охраняет лакей — пожилой человек, который сидит на страже. Нам придется пройти мимо него и любых других слуг, которые могут оказаться рядом.

Стокер на мгновение задумался.

— Там будет лестница для слуг. Давай попробуем. При необходимости,

полагаю, мы всегда сможем связать старика и засунуть его в шкаф.

— Он воняет грязными ногами и лакрицей. Мы окажем мадам Авроре услугу, — согласилась я.

Я шла впереди, медленно, стараясь не выделяться среди прочих гостей. Развлечения становились более откровенными: мужчины и женщины в разных стадиях обнаженности бродили по залам в поисках партнеров. Кружевные юбки пенились на коленях; над вышитыми корсетными верхушками поднимались сочные изгибы обнаженных плеч и полуоткрытых грудей. Мужчины были одеты во всевозможные наряды, предназначенные для демонстрации их лучших достоинств: восточные кафтаны, баньяны, [\[12\]](#) халаты. Я обзрела ни одну голую мужскую голень или сильную, гибкую грудную мышцу.

— Будь добра, попробуй сосредоточиться на текущей ситуации, — резко сказал Стокер.

— Я поклонник мужских форм, — ответила я с высокомерным презрением.

Узкий проход вел через ряд укромных беседок, оборудованных кушетками. В них сплелись руками и ногами пары — а иногда и больше. Вздохи наполняли воздух. Слабое освещение и прозрачные драпировки создавали ощущение уникального театрального развлечения. Пройдя влюбленных, мы направились к концу коридора.

Совершенно обычная дверь вела в служебные помещения клуба. Мы очутились в просторном холле для пажей с уютными нишами, скамьями и вешалками для ливрей. Темнокожий парень, сидя с расслабленным видом, читал газету и курил крошечную сигарету, пахнущую очень хорошим французским производством.

Он сразу встал. Его жакет был накинут на подлокотник стула, но рубашка была безупречна, бриджи и жилет прекрасно сшиты. Он наклонил голову, в его голосе слышался акцент с нотками гаитянских гласных.

— Прошу прощения, сэ, мадам. Эта часть дома обычно недоступна для гостей, но, если вы желаете, думаю, мы могли бы сделать исключение, — выжидающе начал он.

— Нет необходимости, — сказала я ему. — Хотя нам бы не помешала ваша помощь.

Паж не шевельнул и ресницей. Позже мне пришло в голову, что он, без сомнения, решил, что мы ищем напарника для каких-то сексуальных излишеств.

— Мы хотим знать, есть ли укромный выход на второй этаж, — спросила я.

Он почесал подбородок.

— Полагаю, вы имеете в виду частную лестницу. — Парень указал на чулан, дверь была открыта, внутри виднелась узкая лестница. — Лестницы для слуг.

Я подошла к ступеням, но паж аккуратно встал между мной и открытой дверью.

— Боюсь, что гостям не разрешен вход на служебные лестницы. — Его тон был извиняющимся, но манера решительной. Мы не сможем просто обойти его и получить доступ к лестнице. Приятное выражение на лице пажа не дрогнуло.

— Разумеется, мои обязанности требуют, чтобы я всегда появлялся в лучшем виде. Это влечет за собой самую тщательную чистку моего сюртука. И если бы я занимался такой задачей, я бы, конечно, делал это спиной к двери. В этом случае я не мог бы заметить, если кто-нибудь проскользнет вверх по лестнице.

Я бросила взгляд на Стокера, который вздохнул и вытащил денежную купюру из своего пояса. Он достал банкноту и поднял ее между двумя пальцами.

Паж удрученно щелкнул языком.

— Сожалею, сэр, но я пока не чувствую, что могу повернуться спиной.

Стокер извлек еще две банкноты и аккуратно положил их в карман вымогателя.

— Естественно, я бы отвернулся только один раз, — предупредил нас паж. — Если кто-то должен вернуться таким же образом, я, несомненно, должен вспомнить подобную вещь.

Стокер кисло улыбнулся и сунул ему в карман еще две банкноты.

Паж поднял свою одежную щетку.

— Боже, что за грязные пятна на этой ткани! Полагаю, я буду занят чисткой сюртука в течение полных пяти минут и окажусь совершенно забывчив об всем, что случится в доме.

Он принялся чистить сюртук. Стокер схватил меня за руку и потащил к лестнице.

— Ты не должен был давать ему так много, — прошипела я. — Мы могли бы вернуться другим путем, и ты вряд ли можешь позволить себе такую сумму.

— Не беспокойся, — он ухмыльнулся в тусклом свете лестницы. — Это был бумажник Тибериса.

Мы поспешили вверх по лестнице, помня, что взятка купила нам всего пять минут. Мы поднимались целую вечность, всползая тихими шагами на

третий этаж. Перед лестницей располагалась узкая площадка, определенно ведущая к квартирам слуг. Мы остановились, прислушиваясь — нет ли шума, выдающего чье-то присутствие в соседней комнате.

Молчание окружило нас, мягко прижимаясь со всех сторон. Я тихонько отворила дверь и обнаружила лишь черноту. Через мгновение я осознала, что мы стоим за длинной бархатной шторой. Я опасливо откинула ткань двумя пальцами, в комнате никого не было.

Я метнулась внутрь, поманив рукой Стокера. Как только мы оба вошли, движение с дивана остановило нас. Огромная темная голова поднялась с другой стороны, и прозвучало низкое рычание.

— Привет, Веспертин, — проворковала я. — Стокер, дай мне что-нибудь из еды. Поторопись!

Не дожидаясь объяснения, Стокер что-то сунул мне в руку. Я подкралась вперед, протягивая ладонь к Веспертину. В ней лежал раскрошившийся карамельный пирог.

— Ты действительно самый невозможный человек, — проворчала я. Собака наклонила голову и смела угощение одним движением.

— Я, кажется, спас тебя от опасности быть проглоченной этим адским животным.

— Чепуха. Веспертин и я понимаем друг друга, не так ли, дорогой? — я аккуратно почесывала собаку за ушами.

Пес перевернулся на спину, размахивая длинными ногами в воздухе.

— Не сейчас, — твердо отказала я. Веспертин откатился назад с отчетливым выражением обиды на морде и вернулся на св—ое место на диване.

— Он выглядит обиженным, — беспокоило обратилась я к Стокеру.

— Он — собака, — ответил Стокер.

— Ты, как никто другой, должен уважать эмоции животных, — начала я.

Он успокаивающе поднял руку.

— Сейчас не время для оживленной дискуссии о сомнительной практике антропоморфизации домашних животных,[\[13\]](#) Вероника. Теперь, направь меня в гардеробную мадам, чтобы я мог поиграть в грабителя.

Я не успела шевельнуться, как ручка наружной двери начала поворачиваться. Мы успели броситься на пол за диваном, прежде чем дверь приоткрылась. Я приземлилась поверх Стокера. Веспертин, чрезвычайно сконфуженный, приземлился на меня. Если бы дирхаунд не искал еще один карамельный пирог, мы могли бы остаться скрытыми. Обнаружив местонахождение кармана Стокера, борзая принялась за тщательное

изучение его содержимого. Стокер издал приглушенный вой боли, и я услышала тихий возглас из дверного проема:

— Там есть кто-нибудь?

Нотка страха в голосе незнакомца решила за меня. Кем бы ни был наш посетитель, он определенно не был мадам Авророй. Он явно боялся нас больше, чем мы его. Я с некоторым усилием оттолкнула Веспертина и поднялась. Прямо за дверью стояла знакомая и нерешительная фигура.

— Виктория! — вскрикнула я.

Я поспешила поднять на ноги Стокера, стряхивающего россыпь щедрых крошек, которую Веспертин оставил на его рубашке.

Мой друг из обеденного зала нервно улыбнулся.

— Привет. Полагаю, вам интересно, почему я пришел сюда.

Я любезно наклонила голову, радуясь, что Виктории не пришлось в голову оспаривать наше присутствие.

— Нисколько. Уверена, любой может потеряться в этом доме. Он так обширен.

Я могла бы и дальше актерствовать в том же духе, но подойдя ближе к Виктории, рассмотрела ее в ярком свете газового света. Я еще раньше заметила адамово яблоко, но теперь, без маски, ясно увидела ярко-синий цвет выпуклых глаз, полный изгиб щедрого рта. И усы, которые маска прежде скрывала. Я застыла в шоке. Стокер двинулся вперед, делая паузу, чтобы изящно и правильно склонить голову:

— Ваше королевское высочество, разрешите мне представить мисс Веронику Спидвелл. Вероника, это его королевское высочество принц Альберт Виктор Уэльский.

Пауза после слов Стокера, казалось, продолжалась вечно, наконец я заговорила с большим усилием.

— Виктория, — чинно поправила я. — Леди представилась мне раньше как Виктория. Невежливо проникать в инкогнито человека.

Виктория внимательно посмотрела на Стокера.

— Я вас знаю.

— Это зависит от того, сэр, говорю ли я с женщиной по имени Виктория, — невозмутимо ответил Стокер, — или с принцем Альбертом Виктором. Я действительно встречал последнего.

Я уставилась на Стокера в немом изумлении. Он забыл упомянуть эту интересную подробность, и я мысленно отметила, что должна допросить его по этому вопросу в более благоприятное время.

Принц помедлил, затем сорвал корону и вуаль.

— Кажется, я обнаружен. Я действительно Альберт Виктор.

Плечи сразу стали квадратными, подбородок властно поднялся, как положено будущему императору.

— Все это часть маскарада, — он указал на бальное платье. — Я думал, что если появлюсь как женщина, меня не узнают, но вы меня разоблачили. Честная игра, сэр, — он протянул руку Стокеру.

Я тупо уставилась на принца, на моего сводного брата. Он не смотрел на меня, его внимание было приковано к Стокеру. Я не могла говорить. Осознание факта, что я оказалась менее чем в футе от сводного брата, нанесло удар по моему самообладанию. Стокер не выказал признаков беспокойства. Он пожал руку принца, и тот продолжал так приятно, как будто мы беседовали за ужином:

— Теперь, где именно мы встречались — а, вспомнил! Я пошел с моим наставником, чтобы осмотреть корабль после Александрийской битвы, о, как он назывался, черт возьми?

— «Луна», сэр, — спокойно подсказал Стокер.

— Ну конечно, естественно! Вы были помощником хирурга с привычкой к таксидермии. Я помню, вы работали над тем, чтобы набить довольно гламурного попугая ару, мне он очень понравился.

— У вас отличная память, сэр, — ответил комплиментом Стокер.

Принц улыбнулся.

— Что ж, кто не вспомнит ару. Один из мальчиков лорда Темплтон-Вейна, не так ли?

— Отец умер в прошлом году, — сообщил Стокер. — Мой старший брат унаследовал титул.

— Ах, соболезнования и все такое, — пробормотал принц, явно теряя интерес. Он перевел взгляд на меня. — Мисс... Спидвелл, не так ли?

— Да, Ваше королевское высочество, — призналась я.

— Но мы уже встречались! Внизу, — сказал он с плутовской усмешкой. — Вы были очень полезны.

Стокер бросил на меня насмешливый взгляд.

— Небольшой инцидент с губной помадой, — объяснила я.

Часы на каминной полке пробили, и принц вздрогнул.

— Надеюсь, вы меня извините, но я ожидаю частной встречи с мадам Авророй, и настало время, — он сделал вежливый жест увольнения.

— Мы бы оставили вас, сэр, — смело сказала я, — но мы здесь по распоряжению принцессы Уэльской.

Круглые глаза стали огромными, рот дрогнул в смятении:

— Моя дражайшая матушка? Что вы имеете виду?

— Она попросила нас забрать подарок, который вы преподнесли

мадам Авроре, — пояснил Стокер.

Принц тяжело вздохнул в усы.

— Не могу поверить, что она сделала это! Дорогая матушка. Должно быть, она была жутко расстроена, — пробормотал он. — Но как же она...

Сознавая, что время не терпит, я поторопила его:

— Думаю, детали можно обсудить позже, сэр. Дело в том, что ее королевское высочество настойчиво требовала, чтобы мы забрали драгоценность от вашего имени.

— Но именно поэтому я здесь, — возразил он. — Я проехал весь путь из Шотландии на ужасно неудобном поезде — вы представляете состояние третьего класса в поезде из Шотландии? У меня есть записка от Авроры, где она обещает вернуть звезду. — Он рассмеялся. — Похоже, мама и я работаем в перекрестных целях.

Мне вспомнился фрагмент разговора, подслушанного через вентилятор, и мы со Стокером обменялись быстрыми взглядами.

— Возможно, сэр, это была уловка с ее стороны заманить вас сюда с какой-то неизвестной целью.

— Это невозможно, — отрезал он со значительным высокомерием. — Я хорошо знаю качества моих друзей, мисс Спидвелл, и мадам Аврора — одна из них. Она никогда не предаст мое доверие. Она набожная женщина.

— Сэр, — начал Стокер, но принц поднял властную руку.

— Я покажу вам. Проходите, — обрывисто приказал он, ведя к гардеробной.

Я ничего не сказала, но острый бунтарский край еще более заострился на точильном камне моей обиды. Принц действительно был невероятно наивным существом. Он открыл скандальный секрет, полагаясь лишь на мою доброту в такой ерунде, как стереть немного губной помады. У него не было реальной причины доверять нам, кроме того, что он знал о семье Стокера. Находясь на вершине привилегированной пирамиды, он просто не мог представить, что другая душа из этого мира может иметь склонность к республиканским тенденциям. Более того, он понятия не имел, что я была с ним более тесно связана, чем Стокер.

Он прошел мимо, и я почувствовала прикосновение его пышных розовых юбок к моим, легкий аромат духов. Эдди не ощущал странного родства со мной? Никакого зова крови?

— Вероника, — тихо позвал Стокер от входа в покои мадам Авроры. — Ты идешь?

— Конечно, — сказала я, торопясь присоединиться к ним.

Дверь была не заперта, и Стокер толкнул ее. На мгновение мы застыли

в молчании, как живописная группа на табло.

— Это не то, что я ожидала, — тихо вымолвила я.

Обстановка была абсолютно не похожа на роскошную элегантность остальной части дома. Здесь на стенах не висел шелк, не стояла бархатная мягкая мебель. По сути дела, мебели вообще не было, кроме узкой койки, застеленной белым льняным покрывалом. Единственным украшением была непритязательная картина Девы Марии, написанная тяжелыми ренессансными маслами. Комната была странной формы, несовершенный восьмиугольник, из нее открывалась еще одна дверь.

— Я был поражен такой простотой, когда Аврора впервые пригласила меня сюда, — принц кивнул в сторону закрытых дверей. — Это ее частный выход, — объяснил он. — Ведет к конюшням, поэтому она может приходить и уходить с полным усмотрением. Я тоже так иногда ухожу.

Стокер взглянул на маленькую невзрачную комнату.

— Здесь чисто, как в монашеской келье.

— Она воспитывалась в приюте за пределами Дьеппа, — сказал принц. — По крайней мере, я так думаю. Аврора может быть немного неопределенной насчет своего прошлого.

Мы подошли к картине Девы Марии. Под ней на полке стояли свеча, часы и маленькая ваза с цветами. В букете не торжествовали тепличные красавицы из общественных комнат, это были цветы скромного дачного сада — дельфиниумы и гвоздики. Я почувствовала неприятный запах и удивилась. «Сколько времени прошло с тех пор, как вода в цветах менялась? Очевидно, у мадам Авроры больше проблем с домашним персоналом, чем один наглый швейцар», — подумала я.

— Я не церковный человек, но прикосновение к нему кажется осквернением, — заметил Стокер, кивнув в сторону импровизированного алтаря.

Я сделала паузу, мысленно просчитывая.

— Так и задумано. Большинство людей в той или иной степени религиозны. Они не посмеют трогать что-то священное.

— У тебя, полагаю, нет таких сомнений? — он бросил вызов.

У меня вытянулось лицо.

— У тебя тоже. И если мы ошибаемся, то можем извиниться перед Богом.

Я сунула вазу с цветами в руки встревоженного принца, и Стокер снял картину с гвоздя. Позади, аккуратно установленный в стене, скрывался маленький сейф.

— Какого дьявола? Что вы себе позволяете? — начальственно

потребовал принц.

— Спасаем вас от того, чтобы вы приложили руку к собственному уничтожению, — я разочарованно оглянулась на него. — Если вы ошибаетесь насчет мадам Авроры, она может разрушить ваше счастливое будущее с Аликс Гессенской вашими же руками.

Казалось, он согласился при упоминании своей любимой.

— Как вы узнали об Аликс?

— Ваша дорогая матушка сказала нам, — огрызнулась я. — Кстати, вы знаете комбинацию к сейфу?

Он моргнул широкими водянисто-голубыми глазами.

— Вы самая дерзкая молодая женщина, которую я когда-либо встречал. Нет, конечно, я не знаю кода.

Я повернулась к Стокеру.

— Сможешь справиться с этим?

Он снисходительно улыбнулся.

— Отец всегда держал нас без карманных денег. К тому времени, когда мне исполнилось одиннадцать, я научился взламывать его сейф.

— Подозрительный талант, — с сомнением заметил принц.

— Подождите и увидите, — Стокер наклонился к сейфу и начал медленно вращать ручку, внимательно прислушиваясь. После нескольких минут подобных усилий он сделал пару быстрых движений, и сейф ответил мягким щелчком. Стокер потянул за узкий рычаг, дверь послушно открылась.

Его королевское высочество восхищенно уставился на Стокера.

— Вы сделали это! Вы действительно сделали это.

— Сейф моего отца был в два раза изоощреннее, чем эта хитрость. Держу пари, что у мадам Авроры есть банковское хранилище. Этот сейф — просто, чтоб убереечь слуг от мелкого воровства, — ответил Стокер. — Я мог бы открыть его десертной ложкой.

— Ты — седьмое чудо света, — сказала я ему, в экстазе схватив за руку. Он отшатнулся назад под натиском похвалы.

— Ну, я не знаю об этом...

— Да, — решительно подтвердила я. — Теперь давайте вернемся к тому, ради чего мы пришли, и — в путь. — Я полезла в сейф и достала серию кожаных коробочек. Первые две были голубыми, а третья из алого шевро. Я открыла ее и была мгновенно ослеплена блестящим бриллиантом. Я почти боялась к нему прикоснуться, так светила его красота. Я перевернула его, и гравировка оказалась совершенно правильной: инициалы АВКЭ и эмблема ювелирного дома «Garrard».

— Это она, - выдохнула я, прижимая сверкающую драгоценность к ладони. Алмазы ярко горели даже в тусклом свете. — Я права, не так ли, сэр? — спросила я принца.

Он угрюмо взглянул на драгоценность.

— Да.

— Необыкновенно, — пробормотал Стокер, когда алмазы осветили его лицо.

— И почти бесценно, — напомнила я.

Стокер аккуратно завернул звезду в носовой платок и сунул в карман, драгоценный камень образовал довольно непристойную выпуклость в брюках.

Принц поднялся на весь рост.

— Я верю, это моя собственность, Темплтон-Вейн, — сказал он, протягивая руку.

Стокер посмотрел на него спокойно.

— Ее высочество поручила нам изъять драгоценность, и именно принцессе она будет передана.

— Я действительно должен настаивать на этом, — приказал принц. Прикосновение мороза окутало его манеру, напряженность, которая выдавала его раздражение, почти срыв.

— Вы не будете настаивать, — возразила я.

— Из всей нахальной чепухи, — протестовал принц. — Кто вы такая, черт возьми, что бросаете вызов своему будущему королю?

— Кто я такая, черт возьми? — Три простых слова раскрыли бы все. Они дрожали на моих губах, но едва я успела вымолвить: «Я — ваша...», — Веспертин появился в дверях, скуля и подвигаясь к кровати.

Он оскалил зубы, рычание поднималось из глубины его горла. Пес начал сильно трястись, горящий взгляд устремился на принца.

— Веспертин, — изумился принц, — в чем дело? Мы ведь старые друзья. — Внезапно Веспертин подкрался вперед, низко опустившись к земле, грубое рычание превратилось из угрозы в звуки траура.

— Что, черт возьми, с ним не так? — потребовал принц, глядя на нас. — Он болен?

Но я следила за вниманием собаки и поняла, что Веспертин смотрит не на принца — пес зафиксировал взгляд на месте под кроватью. Дирхаунд остановился возле узкой койки, бросился на пол и, подняв огромную мохнатую голову, издал звук такой душераздирающей печали, что пронзил меня до мозга костей.

Я опустила на колени рядом с ним, собравшись с духом перед тем

как заглянуть под кровать, потому что слишком хорошо знала, что я найду. Под матрацем, едва заметное за вздымающимися юбками принца из розовой тафты, лежало тело мадам Авроры.

Глава 12

Принц тихо застонал и закрыл лицо руками.

— Есть ли шанс... — начала я, но Стокер, который наклонился, чтобы убедиться в этом, покачал головой.

— Начинается цианоз, она мертва. У нее перерезано горло. — Он не упомянул резкий запах испражнений кишечника и мочевого пузыря, сопровождающих ее смерть, которые я приписывала застойной воде. Было слишком унижительным для его чувствительности упомянуть об этом.

Принц снова застонал. Я не слишком осторожно взяла его запястья в свои руки, классический акт *lèse-majesté*,^[14] бездумно совершенный импульсивным жестом.

— Ваше королевское высочество, сейчас не время. Мы должны увести вас отсюда, — сказала я ему.

Он опустил руки, яростно моргая.

— Что?

— Вас не должны обнаружить здесь, — вмешался Стокер. — Мы вернули звезду. Ради любви Христовой, пойдете.

— Мы не можем просто бросить ее так, — произнес принц, и в тот момент он мне понравился больше, чем когда-либо. — Она была моей подругой, мы должны убедиться, что с ней обойдутся должным образом.

— И мы вернемся, чтобы убедиться, что это произойдет, — заверила я его. — Но Стокер совершенно прав, вам здесь нельзя оставаться, особенно в вашем нынешнем виде, — добавила я, посмотрев на его платье.

— Конечно, — пробормотал он. Он вдруг схватил меня за руки. — Вы вернетесь? Вы не позволите ей остаться там, как... как... — Его голос сломался, и я положила ладонь на его руку:

— Даю вам слово.

Принц утвердительно кивнул.

— Отлично. Мы должны подняться по задней лестнице к конюшням, — он указал на дверь напротив той, которую мы использовали. Он крепко держался за вуаль, прижимая ее к груди — так ребенок цепляется за любимое одеяло.

Стокер вытянул белое льняное покрывало, оно коснулось пола, скрывая от нескромных глаз труп мадам Авроры. Веспертин обосновался возле тела своей хозяйки, его длинный нос покоился на передних лапах,

глаза были глубоко опечалены.

— Мы скоро вернемся, — пообещала я Веспертину, погладив его.

— Пойдем, нельзя медлить, — приказал Стокер. Он остановился, взялся за ручку двери, и в этот момент началось столпотворение. Дверь распахнулась, сильно ударив его по лицу. Стокер отшатнулся, кровь потекла из разбитого носа. Он разразился потоком ненормативной лексики — настолько грязной, что джентльмен мог научиться этому только в самой эксклюзивной школе для мальчиков.

В открытую дверь протянулась огромная цепкая рука, но Стокер бросился вперед, используя вес своего тела, чтобы прищипить руку к месту. Вой боли наполнил воздух. Нападавший вытащил руку, позволив Стокеру захлопнуть дверь и набросить засов.

— Другой путь, — распорядился он, подталкивая нас к гостинной.

Мы пересекли ее быстро, как могли. Я шла впереди нашей маленькой группы, за мной следовал принц, Стокер охранял тыл. Я отворила дверь из апартаментов мадам Авроры и выглянула, ожидая увидеть пожилого швейцара, сидящего на страже. Но коридор опустел. Я подозвала остальных и предложила надеть маски. Мы молча поспешили вниз по лестнице. Едва моя ступня коснулась последней ступеньки, я услышала крик.

— Вот они! — Человек, одетый в костюм пажа, указывал на нас, а еще двое в таких же костюмах смотрели в нашу сторону. Они направлялись прямо к нам, и я поняла: нас «запустили в полет», но кто — не имела ни малейшего представления. Тем не менее было необходимо увести принца из окрестностей как можно быстрее. Я вытащила кинжал из кушака, приготовившись, если необходимо, прорываться с боем, и именно тогда здание погрузилось во тьму.

— Они рано приглушили свет! — объявил хихикающий голос, в ответ раздался стон удовольствия.

Я бы сказала, что это счастливое совпадение: свет погас в тот момент, когда нам требовался побег. Но я не верю в совпадения. Как бы то ни было, я не из тех, кто придирается, когда надо спастись. Мы со Стокером были полны решимости благополучно вывести принца из клуба. Я схватила принца за одну руку, Стокер взял другую. В крошечной тьме зала я доверила Стокеру быть нашим навигатором. Наделенный совершенно кошачьим зрением в темноте, он сумел галопом провести нас. Наш выход не был элегантным. Мы столкнулись с мебелью, несколько раз запутались в драпировках-кисточках и споткнулись о диванную подушку, которая, по-видимому, оказывала поддержку троим, занимающимся томной любовью. Я рухнула в чьи-то загибающиеся руки, освободившись за счет таяния

Темплтон-Вейнов, которая свалилась, когда я вырывалась. Я выругалась: как, черт возьми, объяснить эту потерю Тибериусу, но у нас было более неотложное дело.

Мы спустились по лестнице, кружа и поворачивая через многочисленные комнаты и коридоры. Я была совершенно дезориентирована, пока не услышала внезапное дуновение каштана и не остановилась, заставив принца врезаться в меня, протестуя.

— Скажу вам... — начал он.

Я ткнула его, призывая к молчанию, когда услышала восторженный голос в нескольких футах от нас: «Да, перекрути его, именно так, только сильнее».

— Стокер, не то направление, — пробормотала я, толкая его прочь от мистера Хиллиарда и его последней возлюбленной.

— Через сады, — прошептал он в ответ, подтягивая нас вперед.

Мы перебежали в своеобразном маленьком «крокодиле»: Стокер во главе, я в тылу, и принц прижался между ними. Мы пересекли затемненный балльный зал, сопровождаемые эхом отрывистых стонов и звуков ласк, исключительно своевременных для нашего исхода. Дверь в палисадник была приотворена, мы быстро проскользнули через нее в сады. Сады казались холодными, освещенные лишь звездным светом и тончайшим убывающим полумесяцем в окружении рассеянных звезд. Эмблемы мадам Авроры вспыхивали алмазной россыпью на дверной задвижке из черного бархата. Слабый ветерок шевелил деревья, угрожая их увядающим ветвям. Летом это было бы прекрасным местом для развлечений в удобной беседке. Теперь, когда вползала осень, сад был полон теней и слабого опасного воздуха.

Стокер шел впереди, не замедляя темпа, пока мы не достигли стены.

— Что теперь? — я потребовала.

— Мы перелезем, — коротко сказал он. Не дожидаясь консенсуса, Стокер взобрался на стену, вставляя носки ботинок и кончики пальцев в маленькие щели между разрушающимися кирпичами. Через несколько секунд он сидел верхом на вершине стены, склонившись вниз.

— Сэр? — он призвал.

Принц повернулся ко мне, протестуя:

— Я едва ли одет для этого.

— Думайте об этом как о приключении. Теперь возьмите Стокера за руки, а я придам вам ускорение сзади, — ободрила его я. — Или мы оставим вас здесь, и вы можете попытаться спастись сами.

Он быстро сдвинулся с места — либо опасаясь быть обнаруженным,

либо из-за наглости, с которой я с ним говорила — и последовал приказу. Стокер обхватил его за длинные запястья и потянул на себя. Принц едва успел поставить ноги на стену, как Стокер поднял его вверх и перетащил, розовые юбки вздымались, когда принц спустился. Я уже влезла наверх, ловко качаясь вверх-вниз, опускаясь на тротуар.

— Это было великолепно сделано, — вымолвил принц, приземлившись рядом со мной. Стокер бросил его не слишком мягко, но он воспринял это как настоящий мужчина. — Что теперь?

Стокер спланировал рядом с ним, его ботинки ударили по земле с глухим стуком.

— Вы прибыли с каретой?

— Мой дорогой друг, я так не думаю, — промолвил принц с легким упрёком. — Я нанял кэб и отослал его, когда приехал.

— Ад и проклятие, — пробормотал Стокер. — Мы должны будем найти другой. Тогда пошли.

Мы поспешно обошли стену снаружи и подошли к углу. Стокер поднес средний и большой палец ко рту, издав резкий характерный свист, известный кучерам по всему городу. Пока мы ждали, Стокер стащил с себя огромный черный плащ.

— Вы не можете ехать в таком виде, — обратился он к принцу. Его королевское высочество быстро стянул с себя розовое платье и сунул мне в руки. Под платьем были брюки, но принц не носил рубашки. Обволакивающий плащ Стокера скрыл ее отсутствие. Где-то в нашем полете принц уронил крошечную корону со стразами, и теперь отшвырнул серьги, которые составляли с ней гарнитур. Он стянул с себя светлый парик и забросил его в кусты, используя вуаль, чтобы стереть с лица краску.

— Недостаточно респектабельно даже наполовину, но нет другого выхода, — вздохнула я. — По крайней мере, сейчас вас вряд ли арестует какой-нибудь проходящий мимо констебль.

Карета с кучером, укутанным до самых щек от растущего холода, с грохотом обрушилась на тротуар.

— Слава Богу, — пробормотала я.

Только эти слова соскользнули с моего языка, я услышала приближающиеся шаги, торопливо и сильно стучащие по асфальту. К нам подбирались с обеих сторон. Я обернулась, чтобы посмотреть. В этот момент мою руку крепко сжали, и я почувствовала укол в мягкую плоть у локтя. Я закричала — скорее в ярости, чем от боли — и увидела, как другая фигура подносит шприц к поднятой руке Стокера, вонзая иглу в его плечо. Принц вскрикнул, но тотчас же рухнул, когда один из нападавших вогнал

иглу в его руку. Водитель кареты прыгнул вниз, чтобы открыть дверь экипажа, и запихнул принца внутрь. Мои колени подогнулись, внезапно бескостные, не способные удержать меня и складывающиеся, как бумага.

Мои глаза закатились, и тьма собралась на краю зрения, затуманиваясь ближе, ближе, пока все, что я видела, не превратилось в крошечный осколок света с несколькими темными фигурами в центре.

— Наконец-то, — произнес чей-то голос. И это было последнее, что я слышала в течение многих часов.

• • •

Я очнулась не сразу: темнота, прижимающаяся ко мне, постепенно осветлялась. Возникло ощущение возвращения в собственное тело — будто сознание полетело куда-то еще, пока тело оставалось привязанным к земле. Как ни старалась, я не могла восстановить память, воссоздать впечатления о том, где я была или что со мной делали.

Лишь через несколько минут я смогла определить, что сижу. Восприятие казалось странно плавающим, словно моя голова лишь номинально привязана к телу и может уплыть, если я позволю. Я не могла открыть глаза, поэтому просто сидела, приходя в себя и вытягивая самосознание наподобие дрожащих антен мотылька Atlas, чтобы изучить окружение.

Я ощутила сырость в воздухе, пронизывающую прохладу перед рассветом. И еще что-то прибрежное, но не свежую речную воду сельской местности, скорее тяжелый, грязный мускус Темзы. Я слегка сдвинулась, нащупывая туфлю на полу. Он был каменным, и холод проходил сквозь атлас моей обуви. Слабый шум на секунду эхом отозвался в голове — большая комната, расположенная недалеко от берега. Склад? Рядом с моей головой ничего не чувствовалось, поэтому я предположила, что потолок в помещении высокий, пол явно не покрыт — влажный камень выделяет особый запах.

Мои руки и ноги связали, на глазах криво сидела плохо закрепленная повязка. Мягкая ткань, вероятно, платок. Слегка болело место на руке, куда проникла игла, но в остальном единственной жалобой был туман в голове. Я оценила обстоятельства с некоторым облегчением. Моя одежда казалась неповрежденной, и не было никаких болезненных ощущений, указывающих на то, что я подверглась насилию или дурному обращению каким-либо иным образом, кроме вколотого седативного средства.

Еще через мгновение я поняла, что крепкий стул, на котором я сижу, приставлен спиной к другому стулу. Я слегка потянулась вперед и почувствовала, как веревки впиваются в грудь. Глубокий стон ответил на

мои действия. Меня охватил прилив радости, такой безумной, что я едва не упала.

— Стокер, — прокаркала я, проверяя свой голос.

Мучительный момент ответа не было. Наконец, раздалось ответное рычание:

— Что происходит, во имя сочащихся ран Христа?

— Похоже, — медленно проговорила я, — нас похитили. Ты ранен?

— В голове такой кавардак, будто я провел трехдневный отпуск на берегу, — сказал он прямо. — Ты?

— У меня все отлично, за исключением любопытной легкости в голове.

— Седатив, — объяснил он мне. — Успокоительный эффект должен скоро пройти. Было бы быстрее, если б у нас был стимулятор.

— Ты имеешь в виду кофе или бренди?

— Или хороший раствор кокаина, — напомнил он. Однажды Стокер пробудил меня от ступора, используя именно такой метод.

Я повернула голову и почесала лицо надплечником моего прозрачного платья. Жеста было достаточно, чтобы стащить повязку с глаз. Я покрутила головой, и платок упал на землю. Я мигнула от внезапного яркого света, но минутная передышка показала, что свет был слабым — одинокая масляная лампа, расположенная в углу, далеко от того места, где находились мы. Рядом с ней стояла узкая кровать, сверху виднелась стройная фигура принца с открытым ртом, издающим легкий храп. Факт, что мы сыграли роль в похищении будущего короля, являл собой проблему гораздо большую, чем я была готова осмыслить в данный момент. Я лишь отметила его присутствие - регулярное, ровное дыхание — и решила побеспокоиться о нем позже.

Стокер и я сидели на деревянных стульях спиной к спине. Каждый из нас был связан индивидуально, а затем привязан друг к другу, чтобы держать нас в вертикальном положении. Вывернув голову как можно дальше, я сумела разглядеть Стокера, одетого в брюки и рубашку; сапоги и оружие забрали, я не сомневалась. Я немного поизвивалась, прежде чем произнести одно из ругательств Стокера себе под нос.

— Оружие? — коротко спросил Стокер.

— Забрали, — ответила я. — Твое?

Он замер на мгновение, сдвинувшись на своем стуле.

— У меня в поясе были только отмычки, — напомнил он мне. — Пропали, как я могу сказать.

— И драгоценность? — я спросила. Но я уже знала ответ.

— Также исчезла.

Он слегка вздохнул, что могло означать смирение.

— Что ж, для этого потребуется вся наша изобретательность, — я заявила твердо.

— Тебе не нужно звучать так воодушевленно, — хмыкнул Стокер.

— Почему бы и нет? Попадали ли мы когда-нибудь в ситуацию, с которой не могли справиться? Это требует лишь тщательного рассмотрения и чуточку воображения, — настаивала я.

— Вероника. Мы были похищены. Наше оружие исчезло. Мои ботинки и вся наша верхняя одежда были конфискованы. Эта чертова комната промерзла, и мы, без сомнения, умрем, оставленные на произвол судьбы, через сколько-то часов. Если они не вернутся, чтобы прикончить нас до этого.

— Склад, — поправила я.

— Прошу прощения?

— Сними повязку и посмотри сам.

Следующие несколько минут Стокер неловко боролся, чтобы снять повязку. Наконец, он стащил ее и поднял голову, моргая при тусклом свете, как я перед этим.

— Это действительно склад, — подтвердил он.

— Берег Темзы? — предположила я.

— Судя по запаху, недалеко. — Он поднял подбородок и глубоко вдохнул. У Стокера было обоняние блаухаунда, и я доверяла его наблюдениям в этом отношении гораздо больше, чем собственным. — Но скорее похоже на Уайтчепел. Табак. Хлопок, — приносиваясь, добавил он.

Когда я встретила его, Стокер жил в помещении таксидермической студии — огромного и ветхого склада на берегу Темзы, находящегося на поздних стадиях распада. Склад был уничтожен в результате пожара, унося с собой обломки жизни Стокера. Среди многочисленных берлог Уайтчепела у реки было множество подобных зданий.

— Принц тоже здесь, — уведомила его я.

Стокер напрягся.

— Чертов ад. Где? Как он?

— С другой стороны комнаты есть кровать. Он мирно спит, без сомнения под воздействием препарата, который нам вкололи, чтобы лишить сознания. Подозреваю, он скоро очнется, — закончила я, пытаясь скорее убедить себя, чем Стокера. Я не могла даже представить судьбу, которая нас постигнет, если произойдет несчастный случай с наследником престола.

В этот момент дверь открылась. Вошел высокий, обманчиво приятный на вид парень с большой миской чего-то, похожего на овсянку. Он не казался обеспокоенным тем, что я сдвинула повязку с глаз и моргала. Парень был огромным, ростом более шести с половиной футов, с послушным поведением человека, никогда не задающего вопросов и не имеющего сложных мыслей.

В руках он держал оловянную кружку. Когда он поднес ее к моим губам, я почувствовала запах кислого пива. Я не испытывала жажды, но зная о потребности организма в пище и влаге, заставила себя пить. Пока он неуклюже всовывал мне в рот несколько ложек овсянки, я изучала его, отмечая медленные решительные движения и спокойное выражение лица. Он не был вдохновителем. Работяга, на которого возложены черновые обязанности и ничего более. Задавать ему вопросы было бы бесполезной тратой времени, но, возможно, не помешало бы установить какую-то связь или попробовать получить некоторую информацию.

Я мягко посмотрела на него из-под ресниц.

— Спасибо, вы очень добры, — прошептала я.

Он хмыкнул и добавил еще одну порцию каши. Я поспешно проглотила.

— Как вас зовут? Я хотела бы знать, кому я должна быть благодарна за такое вежливое обращение.

Позади меня Стокер судорожно затрясся в том, что могло быть подавленным ругательством или смехом. Невозможно сказать.

Наш захватчик долго обдумывал подходящий ответ, но в конце концов проронил:

— Тихий Дэн.

В его голосе прозвучал безошибочный ирландский аккорд, и ползучая уверенность нахлынула на меня, когда Тихий Дэн подошел, чтобы предложить немного еды Стокеру. Закончив, он посмотрел на принца. Эдди все еще мирно спал, испуская крошечные храпы. Парень ушел, забирая с собой свою мерзкую миску с кашей.

— Овсянка подгорела, — проворчал Стокер. — Он мог бы, по крайней мере, положить туда немного меда.

— Думаю, наши проблемы могут оказаться более щедрыми, чем угощение, — сказала я. — Ты понимаешь, что наш похититель всего лишь приспешник?

— Понимаю. Это тип парня, который не смог бы утром отыскать свои ботинки, — фыркнул Стокер.

— И ты догадался, что он ирландец?

— Акцент безошибочный. Думаю, между Дублином и Лимериком.

— Как, черт возьми, ты это сделал? — потребовала я.

— Когда родился Мерриуэзер, его кормилица была из графства Оффали. Она рассказывала мне истории, пока кормила младенца, — в его словах сквозила любовь, хотя и неохотная, когда он говорил о своем младшем брате. — Я был загипнотизирован размером ее груди, — присовокупил он.

— И если ты сможешь оторваться от плавания по реке ностальгии, то поймешь: ирландский похититель открывает одну самую нежелательную возможность для автора нашего небольшого несчастья.

Он тяжело вздохнул.

— Дядя де Клэр.

— Дядя де Клэр.

В последний раз мы видели Эдмунда де Клэра, когда он выбил окно в мастерской Стокера и свалился в реку. Его плоть горела, когда он погрузился в грязные воды Темзы. Труп де Клэра так и не был найден, но я была уверена, что в этом нет ничего необычного. Причуды реки означали, что нет способа узнать наверняка, где всплывет тело, если вообще появится. Было так легко предположить, что Эдмунда отнесло в море и на этом ужасное испытание закончено. Слишком легко, как оказалось.

— Я думал, он мертв, — сказал Стокер. — Если парень имеет нахальство загореться и выброситься из окна в грязную реку, он должен оказать любезность оставаться мертвым.

— Ты думал, — откликнулась я с оттенком подлинной горечи. — Но меня всегда терзали сомнения. Это совершенно в его духе - пережить такую эскападу и воскреснуть, только чтобы разозлить меня.

— Успокойся, — посоветовал Стокер радужно. — Героем нашей истории может быть совершенно другой злодей. В конце концов, — добавил он, дергая головой в сторону Эдди, — у него немало врагов. Совсем не обязательно, что происшедшее имеет отношения к тебе. Или ко мне.

Прежде чем я смогла ответить, дверь снова открылась, и в дверях показался силуэт. Я не встречала его два года, но узнала сразу.

— Привет, дядя, — сказала я приятно. — В последний раз, когда я вас видела, вы были в огне. Я вижу, вы погасли.

Мой дядя вышел вперед на свет, тяжело опираясь на малаккскую трость. Эдмунд де Клэр был красивым мужчиной — когда-то. Он медленно прошел в комнату. Одна нога казалась искривленной, и он двигал ею с большим усилием; рука покоилась на шелковой перевязи, прикрытая

перчаткой. Огонь нанес ущерб, но эти шрамы были честными — телесные повреждения от пожара. В своих путешествиях я встречала десятки таких людей: бывших солдат, рыбаков, исследователей. Инциденты широко распространены и среди натуралистов. Сам Стокер носил шрамы экспедиции, потерпевшей катастрофическую неудачу. Но в случае с де Клэром все обстояло по-другому. Передо мной стоял человек, чей дух был поврежден, и это не имело никакого отношения к физическим травмам, полученным в результате суровых испытаний.

— Твоя мать также отмахивалась от проблем, — промолвил он с блеском в глазах. — Или, по крайней мере, пыталась, прежде чем покончила с собой.

— Ну, это было невежливо, — обвинила его я, стараясь не дать дяде услышать дрожь в моем голосе. — Но, полагаю, сама виновата. Должна ли я приветствовать вас с распростертыми объятиями? Поблагодарить за вкусный ужин? Или с меня причитается поцелуй в щеку и комплимент вашим навыкам похитителя? Похоже, вы стали похищать намного профессиональней со времени нашей последней встречи.

— Боже, у тебя язык как у гадюки, — сказал де Клэр.

Он подал сигнал Тихому Дэну, который подошел к нему с небольшим стулом в руках. Де Клэр осторожно уселся, как человек, привыкший к боли.

— Годы не были добры к вам, — медленно, с удовольствием сказала я.

— Нет, — согласился он более доброжелательно, чем я ожидала. — Не были.

Он долго изучал меня.

— Ты так похожа на нее. Беседовать с призраком неприятно, племянница.

— Я — не моя мать, — сказала я, мои руки сжались в кулаки под веревками. — Я сама по себе.

— Это точно, — согласно кивнул он, откинувшись на спинку стула. — Ты выглядишь как она, но в тебе нет ее мягкости. Она была гибкой как ива, наша Лили. Красивая как фея и вдвойне дикая, но она была слабой.

— Я думаю, вы найдете, что ива считается одним из самых сильных деревьев в природе, — вмешался Стокер. — Род *Salicaceae*...

- Хватит, — приказал Стокеру де Клэр, снова подзывая Тихого Дэна. — Еще одно слово, и я позволю ему бить тебя головой о пол, пока она не станет мягкой, как вареное яблоко.

Стокер ошетинился, но больше ничего не сказал. Де Клэр снова обратил внимание на меня.

— Когда принц Уэльский оставил ее, Лили позволила эмоциям взять

верх. Она уступила отчаянию вместо того, чтобы подняться над ним. Она покончила с собой, потому что была слишком слаба, чтобы жить.

— Возможно, — ввернула я, изо всех сил пытаюсь сохранить спокойствие в голосе, — она слишком завязла в трясине отчаяния, чтобы увидеть другой путь.

Он пристально посмотрел на меня.

— Да, был другой путь. Она могла бы обнародовать свои притязания, заставить принца исполнить долг.

Я коротко рассмеялась.

— Вы действительно думаете, что ей бы позволили? Ее бы заставили замолчать, и вы это отлично знаете. Советники, юристы и министры проследили бы, чтобы эта история никогда не стала публичной. Ей бы назначили содержание и отправили со мной за границу.

Отправлена кем-то вроде леди Велли, пришла в голову нелояльная мысль. Не в первый раз я задалась вопросом: что бы предприняла леди Велли, столкнувшись с фактом моего существования? Когда я была еще достаточно мала, чтобы от меня избавиться.

Де Клэр слегка наклонился ко мне.

— Или она бы потрясла монархию, поставила ее на колени. Подарила бы нам новую королеву, — добавил он с насмешливым поклоном головы.

— Итак, тот же замысел, что и в прошлый раз? Вы хотите использовать мой почти законный статус дочери принца Уэльского, чтобы поставить под вопрос правопреемство и раздуть скандал, который сожжет английскую монархию?

— Более или менее, — признал он.

— Я думала, что вы могли сдаться, учитывая, что едва не погибли в последний раз, — сказала я.

— И тем не менее не умер, — отчеканил он. — Я пережил испытание, потому что таков был замысел Провидения.

Я закатила глаза к небу.

— Вы не можете говорить всерьез. Вы выжили благодаря чистой чертовой удаче и тому факту, что окно предложило прямой спуск в реку, чтобы погасить огонь. Больше ничего.

— Ты видишь только совпадение, а я вижу руку Бога, — пророчествовал он.

— Если вы действительно верите, что Бог сохранил вам жизнь ради преступного заговора, то вы еще более безумны, чем я представляла, — выпалила я в сильном раздражении. — Невозможно спорить с умом, не признающим научного факта; полагающимся на догму, созданную рукой

невидимого автора.

— Это научный факт, что я выжил, — он скривил рот в улыбке. — Как и ты. Я изучил твои путешествия, племянница. Я знаю, в каких ситуациях ты выживала. Кораблекрушения, вулканы, оползни. Если ты не видишь, как тут разворачивается воля Божья, мне жаль тебя.

— Итак, это воля Божья, когда вы получаете то, что хотите; но вы отказываетесь ее принимать, когда это противоречит вашим целям? — я бросила вызов. — Откуда вы знаете, что самоубийство моей матери не было намерением Бога? Преемственность наследников нынешней королевы? Подчинение Ирландии? Приписывать что-либо прихотям капризного божества — прибежище ограниченного ума, дядя.

Де Клэр долго смотрел на меня и наконец проговорил:

— Ты сама увидишь это в свое время.

Я взглянула на кровать, где еще спал принц.

— Вы ответственные за убийство мадам Авроры?

— На самом деле, — медленно сказал он, — не я.

Несмотря ни на что, я поверила ему. Главной задачей было вырваться из лап де Клэра вместе с моими спутниками. Чувство вины захлестнуло меня, когда я взглянула на стройную фигуру Эдди, растянувшуюся на узкой кровати. Мой дядя случайно захватил его по ходу дела, во время моего похищения. Муки совести чуть не поставили меня на колени. Слабая надежда, что де Клэр увез его, не ведая, кто он такой, была разбита.

— Вижу, принц спит как младенец, хотя и не так уж невинен, учитывая его выбор занятий, — задумчиво посмотрел на него дядя.

— Что вы имеете в виду? — я потребовала. — Почему он здесь?

— Ты тоже это увидишь, — пообещал он.

— Меня не интересует корона, — ровно сказала я. — Думаю, я ясно дала это понять, когда мы в последний раз говорили, дядя.

— Ты, может быть, не заинтересована, и это хорошо. У женщины не должно быть собственных амбиций.

— Счастлива получить ваше одобрение, — я оскалила зубы в подобии улыбки.

Дядя продолжал, как будто я не говорила:

— Но ты должна иметь какое-то уважение к своей семье, к своей вере, к своей стране.

— Под семьей вы имеете в виду де Клэров, которых я никогда не встречала, кроме вас. Под верой вы подразумеваете католицизм, религию, которую я никогда не исповедовала. А под страной вы понимаете Ирландию, остров, на который я никогда ногой не ступала.

Он моргнул.

— Никогда ногой не ступала? Все твои безрассудные шатания, галопирование по свету, и ты никогда не видела Ирландию, свою родину?

— Население бабочек там бедное, — пожала плечами я.

Ирландец ругнулся себе под нос.

— У тебя нет чувства к своему наследию, — прогремел он.

— Мое наследие — мой выбор, — ответила я. — И я выбираю Англию.

С помощью трости он с трудом поднялся на ноги.

— Ты вернешься к этому решению, племянница, прежде чем все будет сказано и сделано.

Он бросил быстрый взгляд на принца, все еще мирно спящего.

— Возможно, ты захочешь немного узнать своего брата, пока еще есть время.

С этими зловещими словами он оставил нас. Тихий Дэн закрыл за собой дверь, и я немного опустилась на спину Стокера.

— Ну, похоже, дядя де Клэр не отказался от своей мечты увидеть тебя на троне, — сухо сказал он.

— Он сумасшедший... — не закончив фразу, я посмотрела туда, где лежал Эдди, удивленно уставившись на меня широко открытыми глазами.

Глава 13

Принц медленно сел, качая головой из стороны в сторону.

— Темплтон-Вейн, — сказал он, фокусируя взгляд на Стокере.

— Да, Ваше королевское высочество. И мисс Спидвелл.

Эдди несколько раз моргнул, глядя на меня.

— Вы оба привязаны к этим стульям?

— Как вы к кровати, — ответила я услужливо.

Его взгляд упал на железную манжету на лодыжке, прикрепившую его к кровати длинной цепью.

— Кто, черт возьми, имел дерзость такое сделать? — принимая вертикальное положение, потребовал он.

— Это довольно сложно объяснить, — начала я.

— Попробуйте, — приказал он.

— Отлично. Человек, взявший нас в плен — ирландец по имени Эдмунд де Клэр. Он мой родственник, и именно мое похищение он намеревался осуществить.

Интерес загорелся в его глазах.

— Что же вы сделали? Украли его деньги? Убежали с неподходящим человеком? — Он бросил взгляд на Стокера и имел совесть слегка покраснеть.

— О, я действительно неподходящий, как говорят, — мягко сказал Стокер, — но де Клэр пытался похитить Веронику задолго до того, как она встретила меня.

Я бросила ему репрессивный взгляд через плечо.

— Ты говоришь не то.

Он пожал плечами, и я продолжила.

— Ничего из перечисленного, — заверила я принца.

— Что это за пустая болтовня о вас и о троне? — нахмурился он.

— Мой дядя довольно решительно выступает за самоуправление. Он считает, что Ирландия должна принадлежать ирландцам, — объяснила я.

— О, один из них, — заметил Эдди, акцентируя свой комментарий потрясающим зевком. — Интересно, есть ли еда?

— Только немного овсянки, которую они принесли раньше, но очень скверной, — скривился Стокер.

— Осталось что-нибудь? — спросил Эдди, его нос дрожал, как у

полного надежд кролика.

— Нет, — разочаровал его Стокер.

— Вы совершенно уверены... — начал Эдди.

— Вы перестанете говорить о чертовой овсянке! — я потребовала, заставляя его замолчать.

Он откинулся назад, явно удивленный.

— Никто, кроме моего папы, никогда не говорил со мной так, — обиделся он, его голос стал угрюмым.

— Именно о вашем папе я и хочу поговорить, — холодно сказала я. Я глубоко вздохнула и медленно выдохнула. — Он также и мой папа.

Эдди долго смотрел на меня.

— Вы уверены? Я имею в виду, вы гораздо лучше выглядите, чем мои другие сестры.

— Стопроцентно, — припечатала я, резко отрезав слово.

Выражение его лица смягчилось.

— Папа не скупился на нежные чувства. Осмелюсь сказать, что у него больше детей, рожденных не с той стороны одеяла, чем мы знаем.

— Я не родилась с неправильной стороны одеяла, не совсем.

Он быстро моргнул.

— Что вы имеете в виду? Папа не может взять вторую жену. Моя мать — его жена и он не мусульманин. Англиканская церковь никогда не допустит этого.

Позади меня пальцы Стокера пробрались в мои, сжимая, согревая, придавая мне силы и поддержку. Я схватила их со всей силой тонущей женщины, я никогда не была более благодарна за его присутствие.

Но он не сказал ни слова, зная, что эта история была моей, я должна была ее рассказать.

— Моя мать была актрисой по имени Лили Эшборн, — начала я.

— Я знаю ее! — воскликнул Эдди. Оживление придало детское выражение его обычно апатичному лицу. - Я видел ее фотографии — о, она была красавицей. Вы действительно похожи на нее.

— Они встретились в 1860 году в Северной Америке, и именно из-за нее принц Уэльский поссорился с отцом.

— Да, я помню рассказы об этом событии, — взволнованно сказал Эдди. — Папа повел себя ужасно плохо, и дедушка приехал его распекать. Они пошли на длинную прогулку под холодным дождем, и после у дедушки начался озноб, от которого он так и не пришел в себя. — Принц доверительно понизил голос. — Бабушка все еще винит папу в этом, вы знаете. Она никогда полностью не простила его за любовную связь.

— Да, ну, это был не простой роман, — объяснила я. — Мои родители были женаты. Из-за этого брака ваш дед отчитывал нашего отца, когда приехал к нему.

Эдди качал головой, как будто это движение могло привести в порядок его хаотичные мысли, привнося в них в какой-то смысл.

— Но этого не может быть! Бабушка никогда бы не дала разрешения на брак.

— И поэтому брак не признается законным в Англии, — согласилась я. — Но они были женаты в Ирландии. Священником.

Он откинулся назад.

— Католиком?

— Моя мать была членом Римско-католической церкви, священник ее конфессии соединил их в браке и руководил моим крещением.

— Тогда вы тоже католик? — спросил он с сомнением.

— Только в самом техническом смысле. Но у меня не было конфирмации, и я ее не хочу.

— Но вы были крещены, — настаивал он. — Конечно, это должно что-то значить.

Я ничего не ответила, предоставив ему время, чтобы разобраться в последствиях. Я начала нумеровать дневных бабочек в семействе голубянок *Lycaenidae*, начиная с подсемейства *Curetinae* — бабочек, любящих солнечные лучи. Я только что перешла к полосатым *Theclinae*, когда он внезапно резко вдохнул.

— Трон — для вашего дяди! Вот что имел в виду старый дьявол. Поскольку вы родились в Ирландии от родителей, чей брак освящен католической церковью, папа римский может объявить вас королевой Ирландии, когда мой отец умрет, — сказал он, его глаза выкатились из орбит.

— В этом суть его плана, — призналась я. Я не видела смысла объяснять худшее. Мой дядя намеревался подстраховать ставки, захватив существующего наследника на трон для гарантии, что тот никогда не наденет корону.

— Ваше королевское высочество, — мягко начала я, но Эдди просто поднял руку.

— Только не сейчас, — сказал он, и это была не команда, а просьба.

Я кивнула, и он лег на узкую кровать. Принц сунул руку в карман брюк и вытащил маленький предмет. Когда он увидел, что я смотрю на него, он печально улыбнулся.

— Я знаю, это ужасно по-детски, но приносит мне утешение.

Он открыл ладонь, чтобы показать мне крошечную серую бархатную мышку.

— Подарок отца по случаю моего рождения, — объяснил он. — Его зовут Честер.

Глава 14

Принц спал или, по крайней мере, делал вид, что спит. Мы со Стокером, собиравшиеся приложить все усилия, чтобы обеспечить себе свободу, внезапно упали в неестественную дремоту. Я проснулась с рывком, смутно осознавая, что прошло какое-то время.

— Хорошо, — сказал Стокер. — Я начал думать, что ты проспишь собственный побег.

Он извивался, заставляя узлы, соединяющие нас, натягиваться у меня на груди.

— Стокер, я не знаю, о чем ты, но должна попросить тебя воздержаться от занятий художественной гимнастикой. Это очень неприятно.

— Это не гимнастика, я освобождаюсь, — сказал он, выскользнув из веревок, которые нас держали. Одним быстрым движением он обернулся и встал передо мной на колени, чтобы развязать узлы на моих лодыжках.

— Как, черт возьми, тебе это удалось?

— Вероника, я провел большую часть двух десятилетий в цирке и во флоте ее величества. Еще предстоит изобрести узел, который я не знаю!

Чтобы проиллюстрировать свою точку зрения, он отбросил веревки, которые связывали мои лодыжки и начал развязывать запястья. Тусклый свет упал на лицо Стокера, и я увидела реки подсохшей крови на его коже, глубокий фиолетовый синяк на скуле и неестественный отек под глазом.

— Да, скула сломана и не суетись. Меня больше беспокоит, что мог сделать с тобой этот злодей.

— Я сказала тебе, что со мной все в порядке. И ты мне говорил, что тоже не пострадал, — упрекнула я.

— Нет, не вполне. Я сказал, что у меня болит голова, — напомнил он.

— Ты солгал по умолчанию.

— Я не хотел, чтобы ты волновалась о моем благополучии, как я о твоём, — просто сказал он.

Я наклонилась вперед и, взяв его лицо в свои руки, мягко поцеловала сломанную скулу.

— Не играй со мной в великого защитника, — попросила я. — Я могу отомстить за свои травмы.

— И за мои тоже, — фыркнул он с внезапной усмешкой, вызвавшей

стеснение у меня в груди. Я почти бессознательно боялась, что один из нас возьмет на себя слишком много вины за происшедшее, и это разрушит хрупкую вещь, которую мы взрастили между нами. Но улыбка, осветившая лицо Стокера, была знакомой. Она обещала, что мы вернем себя до того, как закончатся эти похождения.

— Как ты думаешь, куда они подсыпали наркотики? Овсянка или пиво?

— Или-или. В оба. Небольшая доза. Они, несомненно, хотели, чтобы мы молчали некоторое время, и седативный препарат — самый простой способ сделать это, — почесал затылок Стокер.

— Очень возможно, — согласилась я.

Я осмотрела помещение. Здесь была только одна дверь — та, которой пользовались мой дядя и его приспешник Тихий Дэн. Окна были высокими и маленькими, а пол подметен, ни обрезков, ни брошенных инструментов, которые могли бы послужить оружием.

Мы перешептывались, пока Эдди все еще спал.

— Как ты думаешь, мы должны развязать его? — Я отважилась предложить.

Погрузившись в недолгие раздумья, Стокер покачал головой.

— Пусть бедный дьявол спит, пока мы сформируем план.

— Есть ли при тебе что-нибудь, что мы могли бы использовать? — с надеждой спросила я.

Стокер тщательно огладил себя.

— Нет, и они приняли меры предосторожности, сняв мои ботинки.

Я пожала плечами — мол, нет так нет.

— Можешь ли ты взломать замок? Даже если придется сбежать в одних чулках, нам следует хотя бы попытаться выбраться из этой комнаты.

Пока я обследовала комнату, Стокер осмотрел замок. Он встал, качая головой.

— Без инструментов нет шансов. Здесь два тяжелых замка, совершенно новые.

— Новые? Установлены ради нас? — заинтересовалась я.

— Вполне возможно.

Он выпрямился и немного потянулся, морщась, выпрямил руку. Темно-малиновое пятно осело на белом хлопке рукава.

— Эти паршивые швы снова лопнули, — сказал Стокер с раздражением.

Во время нашего расследования в Корнуолле он получил легкое колющее ранение — дело рук Тибериуса, а швы — мой вклад — уже

однажды расходились после неожиданного плавания. Еще одно подтверждение, что мой дядя и его злодеи не были особо деликатны при попытке доставить нас в нынешнее место. Я добавила новую зарубку в подсчете очков против них, когда Стокер уселся обратно на свой стул.

— Что ты делаешь? — я потребовала, когда он сложил руки на груди и закрыл глаза.

— Отдыхаю.

— Отдыхаешь? Стокер, нам необходимо найти способ сбежать! — возмутилась я.

Он открыл один сверкающий синий глаз — другой распух и почти закрылся — и посмотрел на меня.

— У нас нет средств. Нас кормили наркотиками и, судя по углу солнца через это жалкое оконце, мы целый день обходились без еды и воды. Моя голова болит. Моя рука болит. Моя щека болит. Когда де Клэр соизволит появиться еще раз, я расчленю его своими проклятыми зубами, если должен, но до тех пор я собираюсь бороться с силами. И предлагаю тебе сделать то же самое.

— Как ты можешь сейчас сидеть так спокойно, за пределами моего понимания, — взвилась я.

Глаз принял мошенническое выражение.

— Ты можешь придумать что-нибудь еще, чтобы занять наше время?

— Ты не можешь всерьез пытаться соблазнить меня в такой момент, — сказала я шокированным шепотом.

— Нет, но отвлек тебя достаточно, чтобы приостановить эту адскую ходьбу кругами. — Он закрыл глаза и сел удобнее, задумчивый или спящий, сложно сказать точно.

Через некоторое время я задремала сама. Я как раз наслаждалась довольно приятным сном с участием Стокера и корзиной для пикника — почему-то в гребной лодке в сверкающем море, — когда ключ заскреб в замке. Шум разбудил всех нас. Вошел Тихий Дэн, на этот раз с компаньоном. Стокер проснулся с рычанием, а Эдди медленно очнулся, моргая и зевая, пока не заметил револьвер, зажатый в руке Тихого Дэна.

— Вы указываете им на меня, сэр? — спросил Эдди с безошибочным негодованием.

Тот ничего не сказал, продолжая держать пистолет нацеленным на Эдди, пока более низкий ирландец вносил поднос, наполненный посудой. Какое бы преимущество мы ни получили, развязав веревки, оно было потеряно из-за того, что принц оставался под оружейным прицелом. Де Клэр предвосхитил тот факт, что мы освободимся при первой же

возможности, и не рисковал шансом нашего побега.

Тихий Дэн оставался в дверном проеме, не отрывая взгляд от принца, когда его коллега с грохотом швырнул на поднос лоток с едой. Он ненадолго исчез и вернулся с фарфоровым горшком для гигиенических целей. Ирландец безмолвно поставил его в угол и убедительно дернул головой в ту сторону, показывая, что принес горшок для нас. Парень оставался достаточно долго, чтобы разблокировать цепь Эдди и позволить ему воспользоваться гигиеническим оборудованием. Затем удалился так же бесшумно, как входил. Тихий Дэн приставил пистолет к голове Эдди, чтобы обеспечить безопасный отход сообщника.

— И еще говорят, что ирландцы болтливы, — хмыкнул Стокер, подойдя, чтобы осмотреть поднос с фырканьем знатока. — Там нет пудинга.

— Не будь таким ребенком, — любовно отругала я. — Смотри, есть перезрелая груша. Можешь съесть ее на десерт.

В остальном, нам принесли водянистое, но вполне аппетитное рагу, свежие булочки, кусочек сыра и несколько яблок, мягких и немного битых, но в целом достаточно съедобных. Я протянула одно Эдди.

— Ешьте, — проинструктировала я. — Нам понадобятся все наши силы, если мы хотим пробиться отсюда.

Он взял яблоко слегка дрожащими пальцами.

— У этого парня был револьвер, — медленно произнес он. — Он наставил его на меня.

— Да, — согласилась я так любезно, как только могла.

— Как вы думаете, они хотят меня убить? — спросил Эдди. Принц вздернул подбородок со всей надменностью персоны его статуса.

— Вероятно, — пробухтел Стокер с полным ртом рагу.

— Стокер, подавляй свой инстинкт быть таким откровенным, умоляю тебя. — Я повернулась к принцу. — Это возможно, но думаю, что если бы они хотели вас убить, то уже убили бы. Полагаю, гораздо вероятнее, что они хотят задержать вас для выкупа.

— Вы действительно в это верите? — Эдди заметно просветлел. Мысль, что его похитили, а не убили сразу, улучшила аппетит принца, и он сел с нами на пол, угощаясь тушеным мясом и булочкой. Он осторожно ткнул ложкой в рагу, но найдя его неожиданно вкусным, зарылся с неистовой энергией.

Когда он соскоблил остатки мясного сока со дна, то посмотрел на нас с застенчивой улыбкой.

— Честно говоря, это почти приятно. Я имею в виду, что человеку,

естественно, не нравится, когда его похищают, но уж коль его похитители, то могут попасться худшие спутники.

— Спасибо, — поблагодарил Стокер тоном сухим, словно монгольская пустыня.

— Кажется, вы отлично адаптировались, — заметила я, жуя булочку.

Эдди кивнул.

— Да, конечно, я готов к такого рода вещам.

Стокер подавился крошками.

— Готов?

— Конечно. Существует вероятность похищения или убийства со дня моего рождения. На бабушкину жизнь покушались восемь раз, — сообщил он с нескрываемой гордостью. — В основном ирландцы. — Выражение его лица стало задумчивым. — Если подумать, в моего дядю Альфреда тоже стрелял ирландец в Австралии. Но дядя выздоровел, а парня повесили, — весело закончил он.

Он задумчиво жевал какое-то время.

— Конечно, не всегда следует остерегаться только ирландцев. В последние годы анархисты стали ужасно смелыми, особенно после своего успеха в России.

Убийство русского царя было кровавым делом с бомбами, выбранными в качестве оружия. В то время я отправилась в путешествие на Соломоновы Острова в поисках довольно впечатляющих образцов *Rapilioninae*. Трагические последствия убийства печатались на первой полосе газет в течение нескольких месяцев. Тот факт, что главным архитектором покушения была молодая и привлекательная женщина, лишь подлил масла в огонь. Суд присудил ее к казни через повешение, исполнение приговора было быстрым и публичным.

— Это были анархисты? — спросил Стокер, с признательностью вгрызаясь в грушу. — Я думал, что они русские реформисты.

Эдди махнул рукой в изящном жесте отклонения.

— Реформисты, революционеры, анархисты. Все они вырезаны из одной ткани, не так ли? Они разрушат наш мир и построят свой, лучший.

— Ну, у нас был шанс, — указал Стокер. — Возможно, эти люди могли бы сделать лучшую работу.

Принц уронил яблоко из ослабевших пальцев.

— Вы симпатизируете этим дьяволам, Темплтон-Вейн?

— Нет, — решительно отмел предположение Стокер. — Засвидетельствовал это с близкого расстояния. Так что не являюсь сторонником насилия ради достижения целей. Но я также не убежден, что

наша нынешняя система правильна или справедлива. Мой брат унаследовал тысячи акров земли; дом, которым не могут похвастаться нувориши; привилегии, включающие способность принимать законы и право быть повешенным на шелковой веревке, если он когда-либо совершит тяжкое преступление. И почему? Он более способен, чем кто-либо из других братьев? Чем могла бы быть его сестра? Нет. Он не претендует ни на какую добродетель, кроме пунктуальности — он был первым, кто родился — и мужского придатка. Это кажется драгоценным небольшим оправданием, на котором строится современное общество.

Эдди откусил яблоко и медленно кивнул.

— Я понимаю, о чем вы говорите, Темплтон-Вейн. Знаете, моя тетя Вики родилась первой. Она совсем непохожа на папу. Острая, как булавка, умная и красноречивая. Она способна понять идею, прежде чем папа успеет открыть книгу. Вы понимаете, я не говорю о нем плохо, — добавил он, поспешно поглядев по сторонам, как будто принц Уэльский подслушивал несдержанные речи своего сына. — Но я знаю, что она была любимым ребенком дедушки, его старшим. Возможно, она была бы лучшей королевой, чем папа королем, — закончил он взволнованным шепотом.

Это была явно смелая линия разговора для него. Он повернулся ко мне, глядя с любопытством.

— Конечно, люди могут сказать то же самое о нас, — размышлял он. — Вы — старшая, и в глазах некоторых людей у вас больше прав на трон.

— Я не хочу трон, — твердо сказала я ему. — Я последний человек, который оценил бы корону.

Он раздробил пальцами булочку на части, роняя крошки на пол.

— Могу я рассказать вам очень большой секрет? Я чувствую, что могу.

Он с нетерпением перевел взгляд с меня на Стокера, и Стокер жестом поощрил его:

— Это чрезвычайные обстоятельства.

На лице Эдди отразилось искреннее облегчение.

— Да, вы тоже это чувствуете, не так ли? Здесь можно что угодно сказать и все понять. Это совершенно отдельное от внешнего мира, самое нереальное место. — На мгновение он замолчал, спрессовывая крошки вместе. — Иногда я боюсь всего того, что мне предстоит.

— Так и должно быть, — сказала я.

Он с некоторым удивлением вскинул голову.

— Вы так думаете?

— Да. Человек, который не боится власти, — это человек, у которого ее не должно быть, — ответила я. — Власть — большая ответственность.

На мой взгляд, слишком большая для одного человека. Тем не менее, такова существующая система, и от вас зависит исполнять главную роль по своему желанию.

— Но какой она будет? — тихо спросил он.

— Что вы любите? — вставил Стокер.

Эдди надолго задумался.

— Я люблю лошадей. Очень люблю поло. — Он подумал еще немного. — Мне нравится Аликс Гессенская, моя кузина, — добавил он, покраснев. — Она прекрасная девушка, какой и должна быть королева.

- Очень мило, - сказала я ободряюще. - А политика? Какие изменения вы хотели бы видеть в мире?

Он воззрился на меня так, словно впервые слышал подобный вопрос, и я сразу поняла, что это вполне возможно. Принца по прямой линии преемственности не столько спрашивали о его мнении, сколько диктовали это мнение. Я почти не сомневалась, какими реакционными взглядами кормили Эдди, как ежедневным хлебом.

К моему вечному изумлению, он заговорил с внезапной властью:

— Я хотел бы видеть Ирландию свободной.

Стокер уронил грушу.

— Вы поддерживаете гомруль?[\[15\]](#)

— Да, — сказал Эдди с еще большей убежденностью. — Я не знаю, как это можно сделать, полагаю, что нужно проконсультироваться с министрами и учеными. Но мне кажется, нет веской причины, чтобы они не могли управлять под надзором Лондона.

Я подавила улыбку. Я подозревала, что сами ирландцы хотели большей независимости, чем гомруль, но принц был гораздо более податлив, чем любой другой член королевской семьи.

Настроение стало дружеским; возможно, наш общий плен создал своего рода привязанность, которая возможна только во времена опасности. Во время моих путешествий я часто обнаруживала, что так оно и есть. (Вынужденная интерлюдия с корсиканским бандитом огромного обаяния закончилась тем, что он поклялся отказаться от злодейской жизни и принять святыя обеты. Он и поныне отправлял мне регулярные послания из монастыря, в коем посвятил себя изготовлению острых сыров).

Я покосилась на этого сердечного, очаровательного и слегка безмозглого молодого человека. Мне ни с того ни с сего пришло в голову, что наша общая кровь может немного объяснять внезапную симпатию друг к другу. Он неожиданно повернулся ко мне, словно интуитивно понимая мои мысли.

— Вы не возражаете, если я буду ужасно груб? Немножко?

Я смахнула крошки с пальцев и откинулась назад.

— Что бы вы хотели узнать?

— Как давно вы знаете? О папе. Я имею в виду, что он ваш отец.

— Неделя юбилея королевы, — сказала я ему. — Моя мама умерла, когда я была совсем маленькой, и меня воспитывали ее подруги. Когда умерла вторая из них, я узнала правду о своем рождении. Некоторые люди уже знали об этом.

— Ваш дядя де Клэр? — догадался он.

— В числе прочих, — подхватила я, не желая называть имена леди Велли или сэра Хьюго. — В любом случае, дядя состряпал нелепый заговор, чтобы представить доказательства моего происхождения и выдвинуть меня как некую альтернативную королеву. Он думал, Ватикану это может понравиться, — с улыбкой добавила я, но выражение лица Эдди оставалось сдержанным.

— А вы отказались?

— Естественно. Я ни перед кем не отвечаю, — мягко объяснила я. — Но если бы я была королевой, даже марионеточной, притворной королевой, у меня не было бы собственной жизни.

— Как у меня, — закончил он, полный рот изогнулся в печальной улыбке. Он внезапно протрезвел.

— Подождите минутку — какие доказательства?

— Существовали документы. Брачный договор, страница реестра, свидетельство о крещении. Что-то в этом роде, — внес ясность Стокер.

— Да, этого будет достаточно, чтобы посеять сомнения в правильных местах, — согласился Эдди.

— Мы сожгли их, — успокоил принца Стокер.

Я не выдала его ложь. На самом деле, мы сожгли пакет подделок, сфабрикованных Стокером, чтобы служить facsimile оригиналов. Втайне от меня он подменил документы. Эта хитрость позволила мне устроить публичное, убедительное представление со сжиганием страниц перед дядей, при этом сохранив доказательства идентификации моей личности.

Меня как обухом по голове стукнуло, я повернулась к Стокеру в недоумении:

— Дядя де Клэр видел, как я сожгла то, что он считал оригинальными бумагами. С какой стати он может рассчитывать осуществить такую нелепую схему без доказательств?

Стокер пожал плечами.

— Без сомнения, он изобрел какую-то свежую чертовщину.

Эдди осторожно откашлялся.

— Интересно, вы когда-нибудь встречали папу?

— Нет. Я встретила вашу тетю Луизу в прошлом году и вашу мать... когда это было? Вчера? Днем раньше? Я потеряла счет времени.

Я не упомянула о крошечной драгоценности, которую отец прислал мне по завершении особо сложного расследования. Самое близкое к признательности, что я получила от него; впрочем, я не была уверена, хочу ли большего. Мои чувства к отцу были двойственны до крайности: я колебалась между жадой его внимания и надеждой никогда больше не слышать его имени. Любовь и ненависть вовсе не являются несовместимыми эмоциями. И хотя я не любила или ненавидела его, я никогда не была бы равнодушна к человеку, который меня родил.

Эдди снова заговорил:

— Я позабочусь, чтобы вы встретились с ним, когда это закончится. Даю слово.

Я сопротивлялась желанию улыбнуться. Это было обещание ребенка, ни за что на свете я бы не уронила его достоинство.

— Спасибо, сэр.

— Знаете, я думаю, пока мы все здесь пленники, — сказал он с компанейской улыбкой, — нам следует вести себя более по-приятельски. Ты можешь называть меня Эдди. А тебя — Вероника?

Я кивнула — я не могла говорить, у меня перехватило горло.

Стокер стащил последнее яблоко с подноса.

— Превосходно. Теперь, когда мы перекусили и познакомились, давайте создадим план.

— Для чего? — Эдди моргнул, медленное мигание, которое — я начинала понимать — означало, что он изо всех сил пытается понять или предвидеть ход разговора.

— Для побега, — сказала я ему с усмешкой. — Для побега.

• • •

— Это никогда не сработает, — категорически возразила я Стокеру.

Он скрестил руки на груди и уставился на меня с вызовом.

— У тебя есть идея получше?

— Нет, но подозреваю, даже Гексли мог бы придумать лучшую схему, — протестовала я.

Закончив нехитрую трапезу, мы совместно потрудились над обустройством максимально возможного уединения при посещении фарфорового аппарата в углу (еще одно обстоятельство, которое приводит к более близкой дружбе). Затем приступили к созданию и отбрасыванию

двенадцати различных планов побега.

Последний вариант был, на мой взгляд, абсолютно наихудшим.

Обыскав нашу одежду на предмет возможных инструментов или оружия, Стокер обнаружил бумажный пакетик с успокаивающим средством, который он подумывал дать охраннику в «Club de L'Étoile». Ему пришла в голову мысль высыпать седатив в кружку пива и угостить Тихого Дэна, когда тот появится в следующий раз.

— Для чего? — потребовала я. — Это поможет нам пройти через дверь, если повезет. Нельзя предугадать, какие еще препятствия лежат на другой стороне.

— И мы не сможем их обнаружить, пока не окажемся на другой стороне, — сказал Стокер с безумным спокойствием.

— Ты, как и я, знаешь, что заставить его выпить пиво практически невозможно. Но предположим, ты справишься с задачей, как обеспечить, чтобы он рухнул с этой стороны двери? А его спутник?

Он пометил ответы на пальцах:

— Нам просто нужно быть умнее, чем Тихий Дэн. И я уверен, что был бы умнее даже находясь в полной коме. Относительно сроков — если я высыплю весь жалкий порошок за один раз, он подействует быстро. Будем надеяться, что достаточно быстро. Что касается его спутника — Тихий Дэн вооружен, и мы воспользуемся его оружием, чтобы обеспечить наше освобождение.

— Нет смысла обеспечивать наше освобождение из комнаты, пока мы не знаем, что находится на другой стороне, — не соглашалась я.

— Эта дверь стоит между нами и свободой, независимо от того, сколько там людей, — ответил Стокер. — И если мы перейдем на другую сторону, у нас будет меньше препятствий.

— Если мы не войдем прямо в их гнездо! Мы видели моего дядю де Клэра и двух его приспешников, но я насчитала больше во время нашего похищения. Их сообщники могут скрываться снаружи, готовые к такой возможности. Тихий Дэн, несомненно, сказал им, что мы развязали наши веревки.

— Они бы сделали это в любом случае, когда нас кормили, — возмутился Стокер.

Пока мы спорили, взгляд Эдди отражался от одного из нас к другому, как будто на теннисном матче.

— Я считаю, что мы не мужчины, если не попытаемся, — неожиданно перебил он. — Мои извинения дамам, Вероника. Хотя, осмелюсь сказать, ты можешь сравниться отвагой с любым мужчиной, — галантно добавил

он.

Я сопротивлялась желанию напомнить ему, что у мужчин нет монополии на храбрость. Это только смутило бы его.

Прежде чем мы смогли договориться о плане, дверь внезапно открылась. Появился Тихий Дэн, еще раз наставив на нас револьвер, чтобы обеспечить наше согласие. Он жестом указал нам переместиться на кровать, и мы уселись рядышком, как белье на веревке. Когда мы устроились, он отошел в сторону.

Я ожидала, что дядя скоро появится снова. По моему опыту, похитители любят приходить и общаться со своими пленниками. После предыдущего обсуждения я с нетерпением ждала его визита. Дядя Эдмунд был не слишком умен, но это помогло бы убить время. Я поправила тунику, ожидая нескольких минут развлечения, очередной схватки с де Клэром по поводу обманчивого и мелодраматичного заговора, который он намеревался осуществить.

Однако фигура, вышедшая из тени дверного проема в свет, не была моим дядей. И когда я увидела знакомое лицо, я поняла, что мы в гораздо большей опасности, чем могли себе представить.

Глава 15

— Инспектор Арчибонд! — воскликнул Эдди, пытаясь подняться, облегчение отразилось на его лице. Я схватила его за плащ и потянула назад, когда Тихий Дэн поднял пистолет.

— Садись, Эдди. Уверена, что инспектор Арчибонд в любом случае не является для нас другом.

Арчибонд вышел вперед.

— Должен ли я извиниться, мисс Спидвелл? Прошу прощения за примитивные условия, но надеюсь, вы понимаете, что они только временные.

С другой стороны от меня Стокер издал низкий угрожающий звук.

— Морнадей упоминал, что ваш приятель всегда такой, когда ему брошен вызов, — сказал мне Арчибонд. — Совершенно нецивилизованный парень.

— Полагаю, что это зависит от представления человека о цивилизованности, — отметила я.

Наш визитер вежливо посмеялся:

— Должен сказать, я очень уважаю вашу браваду. У вас крепкие нервы, мисс Спидвелл.

Он опустил на колени, приблизив свое лицо к моему.

— Откровенно говоря, я глубоко заинтригован возможностями, которые вы предоставляете. Думаю, что в ближайшие недели мы довольно хорошо узнаем друг друга. Эти ребята позаботятся о том, чтобы вы не затеяли ничего неразумного, — предупредил Арчибонд, дергая головой в сторону Тихого Дэна и его напарника, проскользнувшего в комнату вслед за инспектором.

— Где вы отыскивали таких помощников? — сладко спросила я. — Судя по их носу и ушам, они бывшие боксеры. И судя по их аромату, они также незнакомы с мылом.

Арчибонд пожал плечами.

— Они принадлежат вашему дяде, моя дорогая.

— Не могу поверить, что вы связали свою судьбу с буйным сумасшедшим, — сказала я ему. — Вы мне никогда не были особо симпатичны, но по крайней мере, я считала, что вы обладаете здравомыслием. Вижу, что ошибалась.

Эдди заговорил:

— Я должен настаивать на том, чтобы вы немедленно освободили нас, инспектор! — Я удивилась, как ему удалось создать впечатление, что он смотрит свысока на человека, находящегося на уровне наших глаз, но это было сделано смело.

Арчибонд покачал головой.

— Боюсь, что это невозможно, сэр. Не сейчас.

— Вы отправили записку о выкупе моей семье? — потребовал Эдди.

Выражение Арчибонда было непостижимым.

— Нет.

— Что ж, займитесь этим, сэр! — Эдди взорвался. — Вы не можете ожидать, что мы останемся здесь навсегда.

— Уверяю вас, это совсем не то, что я ожидаю, — ровно сказал Арчибонд.

— Что именно вы ожидаете? — учтиво спросила я. — Пожалуйста, сообщите нам, это личное похищение или ваши мотивы носят политический характер? Вы присоединились к плану моего дяди, поэтому я лишь могу предположить, что вы симпатизируете делу Ирландии.

Арчибонд заметно вздрогнул.

— Боже упаси.

— Тогда вы анти-монархист. Решили сотрудничать с ирландцами, чтобы полностью свергнуть трон и позволить нам возродить Англию как республику? — предположила я.

Арчибонд скривил губы.

— Боюсь, ничего похожего. Но вы правы в том, что нынешний правитель засиделся на троне. Все здравомыслящие англичане... и ирландцы, — добавил он в ответ на низкое ворчание одного из головорезов, — наконец готовы покончить с тем, что нами правит немецкая hausfrau и ее банда ленивых и безответственных родственников. Пришло время заменить их. Пришло время, чтобы вас всех сменили — многозначительно глядя на Эдди и Стокера, объявил он.

— Я говорил вам, — пробормотал Эдди. — Анархисты.

— Достаточно близко, — позволил Арчибонд. — Существующая система создает видимость, что берет служить достойных людей, но это ложь. Без надлежащих связей, без правильного имени, без соответствующих школ в своем résumé даже самый способный человек не может пробиться наверх. Настало время изменить это.

— Вы должны попробовать Америку, — посоветовала я. — Там с энтузиазмом относятся к самородкам.

Арчибонд слегка улыбнулся мне одними губами.

— Я бы предпочел реформировать свою страну, спасибо.

Я недоуменно покачала головой.

— Вы жалуетесь, что не сделали карьеру, но ваше восхождение по служебной лестнице в Ярде было стремительным, как мне говорили.

— Не за свои достоинства, — промолвил он с горечью. — Я получил повышение по рекомендации моего крестного отца, который в то время был министром внутренних дел.

Я вспомнила, что слышала нечто подобное, когда мы впервые познакомились с Арчибондом. Что-то еще тронулось в уголке моей памяти, небольшой скандал, просочившийся в английские газеты, когда я была за границей на Мадейре.

— Министр внутренних дел, не так ли? Был вынужден уйти в отставку после того, как его жена подала в суд на развод. Она утверждала, что он прячет другую семью — где, не подскажете?

— Барнстейпл, — сообщил он. Выражение лица Арчибонда было мрачным. — Его падение затронуло всех нас. Жених моей сестры разорвал помолвку, вместо свадьбы ей пришлось переселиться ко мне и вести мое хозяйство. Моя собственная карьера в Ярде фактически разрушена. Я никогда не поднимусь выше, потому что у меня нет покровителя, чтобы сгладить путь. Сэр Хьюго недвусмысленно дал понять, что я достиг всего, на что могу надеяться под его эгидой.

— Тем не менее, быть вторым в Особом Отделе — проявление большой ловкости. Почему вам этого недостаточно?

— Потому что все, ради чего я работал, было разрушено грешками другого! — протестовал он. — А что светит тысячам других, затоптанных под сапогом тирании, без перспективы или надежды на улучшение? Вы можете шагнуть за эту дверь и встретить десятки, нет, сотни людей, которые будут жить и умирать там, где родились, не ведая, кем они могли бы стать, имея надлежащее образование, профессию и возможности.

Я посмотрела на него с жалостью.

— Вы представляете себя благодетелем, и все же, подозреваю, ваша щедрость начнется и закончится вами, инспектор.

— Я хочу видеть эту страну преобразованной на благо всем, — хладнокровно отбил удар Арчибонд.

— Это мечта подростка. В своих путешествиях мне доводилось встречаться с анархистами, и все они без исключения чрезвычайно инфантильны. Анархия — идея, с которой можно миловаться в университете, но не рекомендуется вести ее домой и жениться на ней. Их

заговоры всегда заканчивались катастрофическими неудачами. Никто еще не разрушил цивилизацию, чтобы переделать мир, — сказала я ему.

— Это лишь вопрос времени, когда кто-то преуспеет, — настаивал он. — И я намерен быть этим человеком.

— Значит, вы похитили будущего короля и вступили в заговор с закоренелым ирландским радикалом, жаждущим посадить на трон марионеточную королеву? Едва ли это союз единомышленников, — указал Стокер.

Арчибонд отвел взгляд, он не ответил.

— Как убийство мадам Авроры вписывается в вашу схему? — поинтересовалась я.

Он не повел и бровью.

— Необходимая жертва и не особо прискорбная. Есть еще вопросы?

— Могу задать десятки вопросов, — дружелюбно сказал Стокер. — Для начала, как де Клэр нашел вас?

— Это я нашел его, — ответил Арчибонд. — Де Клэр едва не умер в последний раз, когда встретил вас обоих. Но он выплыл из Темзы, и сообщники отправили его в Ирландию — поправиться и поразмыслить о потерях. Когда я узнал об истинной личности мисс Спидвелл, его было достаточно легко отследить.

— Как вы узнали о моем рождении? — потребовала я.

Арчибонд невозмутимо приподнял бровь.

— В архивах Особого Отдела хранятся всевозможные секреты, и сэр Хьюго слишком занят, чтобы следить за моими перемещениями. Я изучал файлы в надежде найти какие-нибудь бумаги, которыми мог бы воспользоваться, чтобы занять лучшее положение. Эти ящики с документами полны скверных скандалов: прелюбодеяний, спекуляций, мошенничества в картах и азартных играх. Но представьте мой восторг, когда я узнал ваш секрет, мисс Спидвелл. Уверяю вас, это повергло все остальные во мрак.

— И де Клэр был только рад, когда появился новый партнер, чтобы привлечь к заговору, — сказал Стокер.

— Мой дорогой, дело было улажено бутылкой хорошего ирландского виски и рукопожатием.

— Он — нераскаявшийся безумец, — коротко определила я.

— Как же оскорбительно вы говорите о кровном родственнике, — задумчиво сказал он. — Я предпочитаю думать о нем, как о непоколебимо преследующим свои цели.

Арчибонд сделал рассчитанную паузу.

— Ваш дядя очень много бранится — сползает в эти мрачные настроения, сидя всю ночь с бутылкой довольно хорошего торфяного виски, и сердито твердит о вас что-то недоброе. Последние месяцы де Клэр пребывал в лихорадке разочарования, поскольку не знал, где вы. У него была дюжина прожектов похитить этого человека и заставить его замолчать, — Арчибонд дернул головой в сторону Стокера. — Можете поблагодарить меня за то, что он отказался от этой идеи. — Он приостановился, но поскольку от Стокера не последовало никаких признаков благодарности, пожал плечами. — Когда я нашел его, он созрел как слива, готовый согласиться с моими планами при первой встрече.

Арчибонд встал, быстро потирая руки.

— Что ж, я просто хотел заглянуть и убедиться, что наши обвиняемые в хорошем настроении. Я вернусь позже.

Он подошел к двери, и тут они совершили ошибку. Тихий Дэн и его компаньон вышли первыми, оставив Арчибонда незащищенным.

Стокер вскочил с кровати одним плавным движением. Схватив стул и разбив его ловким ударом, теперь он держал в каждой руке нечто вроде шпинделей, размахивая ими, как укротитель львов. Он двинулся вперед, стремительно направляясь к Арчибонду. Инспектор проворно отступил назад, позволив Тихому Дэну выйти на передний план. Ирландец поднял пистолет, но Арчибонд вскрикнул, протестуя:

— Не стреляйте, кретин! Если вы промажете, пуля срикошетит.

Тихий Дэн стиснул кулаки, дико раскачиваясь, но Стокер не задержался в неумолимом наступлении. Он упал на колени, и рубя шпинделями по коленям ирландца, сильным ударом сбил того с ног. Тихий Дэн взвыл, но захлебнулся криком, когда Стокер врезал ему обломком в солнечное сплетение. Ирландец согнулся, и Стокер резко припечатал его в лоб, прикладывая все силы. Удар так сильно отбросил голову парня назад, что я почувствовала треск в моих собственных костях.

Из дверного проема Арчибонд выхватил револьвер и прицелился в меня, останавливая Стокера на взлете.

— На колени, Темплтон-Вейн, — процедил он сквозь стиснутые зубы.

Стокер колебался, и Арчибонд медленно поднял пистолет.

— Я не де Клэр, — сказал он холодным, как зимний ветер, голосом. — Поверьте, меня волнует гораздо меньше, чем вас, если она умрет. На колени.

На этот раз Стокер подчинился, закинув пальцы за голову.

— Теперь на лицо, — скомандовал Арчибонд.

Стокер лег лицом вниз и посмотрел на меня долгим взглядом. Я

кивнула в ответ, чтобы показать, что все поняла. Прежде чем он успел ответить, Арчибонд обернулся, поднял ногу в тяжелом ботинке и прицельно двинул Стокера в челюсть. Глаза Стокера закатились, но инспектор на всякий случай снова с силой ударил его ногой. Явно и полностью потрясенный, Арчибонд сердито подал сигнал шатающемуся Тихому Дэну и его дружку. Вместе они подхватили Стокера под мышки и вытащили его из комнаты.

— Куда вы его забираете? — потребовала я.

Арчибонд слабо улыбнулся и захлопнул за собой дверь.

Я соскользнула обратно на кровать, когда ключ повернулся в замке. Эдди издал сочувствующий шум:

— Бедный храбрец. Бог знает, что они сделают с ним. Он не должен был атаковать их. Это было глупо.

Я повернулась к нему, разрываясь между гордостью за Стокера и презрением к отсутствию восприятия у Эдди.

— Глупо? Он только что вышел из этой комнаты, не взломав замок. Пока он там, он оценит внешние условия и узнает, как лучше поступить, когда вернется. На мой взгляд, мы только что удвоили наши шансы на побег, — сообщила ему я.

Выражение его лица было жалким.

— Он может даже не выжить. Мы не знаем их, Вероника.

Я стиснула руки в кулаки, упрямо цепляясь за свой оптимизм.

— Ты не знаешь Стокера.

• • •

Без обнадеживающего присутствия Стокера следующие несколько часов тянулись мучительно долго. Мы с Эдди сделали все возможное, чтобы скоротать время, но я была озабочена нюансами визита Арчибонда и грозившими последствиями. Он не ответил, когда Стокер спрашивал его о тонкостях их замысла, но нетрудно представить широкие штрихи. Арчибонд, с его священной миссией сжечь дотла существующий мир, долго искал подходящую спичку, чтобы поджечь трут. Он нашел ее во мне, осознавая, что разразится скандал на всю империю. Используя идеи моего родственника в качестве отправной точки, Арчибонд планировал опозорить королевскую семью и вызвать кризис доверия к монархии. Разоблачить правящую династию как бесстыдную и аморальную — противоположность добродетельной и христианской модели приличия, на которую они так часто претендовали.

Затем, когда империя еще не оправилась от шока, он позволил бы де Клэру представить миру меня с моими верительными грамотами и

провозгласить свою племянницу королевой. Это повергло бы Ирландию в хаос. Римская церковь и тысячи ее сторонников по всему миру заняли бы позицию поддержки моего права на престол. Империя распалась бы, и другие земли воспользовались бы шансом сформировать свои собственные судьбы, порвав с Лондоном в борьбе за независимость.

Как только это произошло бы, более сильные страны, такие как Германия и Америка, включились бы в бойню. Нападая на Британию, как хищные птицы, стремясь вырвать уязвимые и многообещающие сборы, они бы перегрызлись между собой при разделе добычи. В конце концов, Арчибонд получил бы то, что хотел: анархию. Мир в огне, где родословная человека ничего не значила бы по сравнению с тем, что он мог сделать.

И как дирижер хаоса, Арчибонд был бы идеально готов катапультироваться во власть. Он может вещать сколько угодно насчет угнетенных и обездоленных, но я пересекла земной шар и в пути повстречала несколько святых. Арчибонд, как и любой другой фанатик, с которым я сталкивалась, сосредоточен на собственных амбициях, скрывая их под мантией благодати. Тощие компенсации государственной службы, даже если бы он достиг вершины Особого Отдела, никогда не удовлетворили бы его чаяния. Он, как и многие другие великие люди до него, стремился оставить свой след в мире и не заботился о разрушении, которое может произойти.

Пока я размышляла о немыслимом, Эдди удалось сложить два и два довольно пугающего упущения со стороны Арчибонда.

— Они не отправили записку с требованием выкупа, — тихо сказал он. — Это означает, что они собираются убить меня.

— Ты не можешь этого знать, — возразила я более резким тоном, чем хотела. — Кроме того, ты не умрешь здесь. Я запрещаю!

— Ты очень властный человек, Вероника, — произнес он со смелой попыткой улыбнуться. — Я бы боялся не повиноваться тебе.

— Как вижу, нет, — хмыкнула я.

Его улыбка увяла.

— Не могу поверить, что они действительно убили ее. Она была прекрасной женщиной. Доброй и щедрой, начитанной и остроумной.

— Ты любил мадам Аврору?

Эдди пожал плечами.

— Полагаю. Нет-нет, я не был влюблен в нее, — сказал он быстро. — Ты не должна думать, что мы были больше чем друзья.

— Большинство ее знакомых были не просто друзьями, — заметила я. Он смущенно покраснел.

— Знаю. И я проводил время в ее комнатах, приватно. Но только для разговора! С ней было очень легко общаться.

Я скептически подняла бровь.

— Этим действительно ограничивались все твои подвиги там?

— Это правда! — настаивал Эдди. — По крайней мере, это все, чем я занимался с Авророй. Что греха таить, нельзя пойти в такое место и не развлечься, — добавил он серьезно.

— Интересно, как бы оценила принцесса Аликс такие занятия? — усмехнулась я.

Он выпрямился.

— Джентльмен обязан быть опытным в браке. Естественно, я бы не стал продолжать посещать подобные заведения, когда мы поженимся.

— Тогда ты будешь отличаться от остальных членов вашей семьи, — съязвила я. Я вернулась к теме мадам Авроры. — О каких вещах ты говорил с ней?

Эдди сплел свои длинные пальцы вместе.

— В основном об Аликс. Она советовала мне, как правильно ухаживать за ней. Аврора была очень добра.

— Мне она, пожалуй, понравилась, — задумчиво сказала я. — Мы не были такими уж разными.

— Раньше мы играли в карты, — разговорился Эдди. — Обычно в двуручный вист. Пол-пенса за взятку. В конце концов, я должен был ей немало денег.

— Если вы были только друзьями, почему ты подарил Авроре звезду? — с любопытством спросила я.

Он пожал плечами.

— Ей нужны были деньги, как она сказала. Управление клубом обходилось ужасно дорого. Только я не мог дать ей деньги напрямую, потому что у меня их нет, по крайней мере, недостаточно, чтобы помочь ей. Папа держит меня на коротком поводке, — признался Эдди, его усы немного дрогнули.

— Как ты рассчитывал заплатить за алмазную звезду?

— О, ну, у матери есть счет в «Garrard». Я думал, что если закажу у них безделушку, то Аврора сможет продать ее по своему усмотрению. Когда ювелиры отправят счет, стряпчий матери просто оплатит его.

Казалось, он искренне не подозревал, как это нелепо: ожидать, что его мать заплатит за драгоценность, подаренную им своей подруге. У меня не хватило духу насмехаться над ним. Вместо этого я утешительно улыбнулась.

— У тебя щедрое сердце, Эдди.

Он снова покраснел, на этот раз, по-моему, от удовольствия.

— Мама часто так говорит. Папа думает обо мне менее лестно.

— Вы не ладите с ним?

Он изо всех сил пытался найти слова:

— Я не уверен, что кто-то действительно ладит с папой. Он ужасно пугает при личном общении. — Я видела своего отца только один раз на расстоянии, но этого было достаточно, чтобы понять, что оценка Эдди справедлива. — Правда, одна из его подруг дала ему прозвищу Принц Живот[16]. И когда я думаю об этом, он становится менее страшным, — с усмешкой признался Эдди.

— Я уверена, он не хотел бы, чтобы ты его боялся, — я приободрила его.

— О, я не знаю. Он цепенеет при виде собственной мамы. Думаю, он считает, что так и должно быть. Даже Джордж боится его, а он никого не боится.

— Джордж? Твой брат?

— И мой лучший друг, — сказал он быстро. — Он хороший парень, наш Джордж. Умнее меня, лучше учится и тому подобное. Он довольно популярен, помимо прочего. Людям он всегда нравится, — добавил он с задумчивым видом. Я почувствовала прилив симпатии к этому добродушному молодому человеку, зажатому между динамичным отцом и превосходящим младшим братом.

— Люди не всегда видят меня, ты знаешь. На самом деле, нет. Они видят сына принца Уэльского, будущего короля. Большинство людей не видят Эдди.

— Я вижу, — заверила его я.

— Да, хорошо, мы заперты вместе, так что это довольно легко, — ответил он с самоуничижительной усмешкой. Он снова протрезвел. — Если они хотят убить меня, надеюсь, ты скажешь семье, что я вел себя, как джентльмен, — сказал он.

— Эдди...

— Я говорю серьезно, — он схватил меня за руку. Его ладонь была теплой и широкой, а пальцы длинными и изящными. — Я не оставил следов в мире, Вероника. Если я умру, то как я повел себя в момент гибели - единственная история, которая у меня есть. Я постараюсь сделать ее хорошей.

Я сжала его руку в ответ.

— Мы не позволим этому случиться, Эдди. Даю тебе слово.

Глава 16

Несколько часов спустя дверь открылась. Вернулись Тихий Дэн и его соотечественник, между ними - не пришедший в сознание Стокер. Они уронили его на пол и внесли поднос с едой. Я бросилась к покрытому кровью Стокеру. Он дышал равномерно, но на голове напухла неприятная шишка, а швы на руке разошлись еще дальше. Я оглянулась на мужчин в ярости.

— Вы, по крайней мере, могли принести немного воды и бинтов, негодяи.

У Тихого Дэна хватило совести смутиться, он ушел, но быстро вернулся с кувшином воды. Ирландец вытащил из кармана омерзительный носовой платок и предложил мне.

— Спасибо, но я бы предпочла не заражать его сепсисом. Можете идти, — велела я.

Выслушав мои распоряжения, он пошаркал прочь и запер за собой дверь. Эдди смотрел недоверчиво.

— Он выполнил твой приказ, — промолвил он благоговейным тоном.

— Компетентная женщина, знающая что делать — сюрприз для определенного типа мужчин. Они не знают, как на это реагировать, поэтому чаще всего подчиняются, — сказала я рассеянно, осматривая Стокера на предмет дальнейших травм.

— Если это твоя идея соблазнения, я обречен, — пробормотал он.

— Ты в сознании? — от облегчения я говорила почти легкомысленным тоном.

— Как же не очнуться с твоим ковырянием кулаком в ранах, — пожаловался он. — Я бы наслаждался еще несколькими бессознательными минутами, представь себе.

— Представляю! — Мои глаза внезапно увлажнились. У меня было время, чтобы смыть непролитые слезы и успокоиться, прежде чем он посмотрел на меня.

Эдди подкрался поближе.

— Вам что-нибудь нужно, Темплтон-Вейн?

— Доза морфия и хорошее односолодовое пиво — как раз то, что нужно, — ответил Стокер. — И немного торта.

Мой смех был безрадостным и хрупким.

— Ну, здесь их нет. Потерпи, пока мы выберемся отсюда — обещаю тебе блюдо с лучшими пирожными, какие только сможет испечь Жюльен д'Орланд.

— Я напомню тебе, — сказал он, снова ускользая в забытье.

— Стокер, — тихо позвала я.

Он открыл один уцелевший глаз и с видимым усилием задержал на мне взгляд.

— Что ты обнаружил? Возможен ли побег через остальную часть склада?

Он медленно покачал головой и тихо зарычал от боли:

— Нет. По крайней мере четыре запертые двери между нами и улицей. Найди другой путь.

Он глубоко застонал, перекатился на четвереньки и его вырвало. Я протянула руку к плащу, который Стокер дал Эдди раньше, и он вручил его, не сказав ни слова.

— Выбрось еду из миски и принеси пустую миску сюда, — поручила я. Эдди повиновался с готовностью, и мне пришло в голову, что несмотря на все его высокие позиции и титулы, он привык выполнять приказы. Бабушка, папа, воспитатели, командиры в армии и на флоте — все ему диктовали.

— Заверни миску в плащ и разбей ее, — сказала я. Он моргнул.

— Плащ приглушит звуки, — объяснила я с некоторой досадой. — Нам ни к чему оповещать бандитов, что мы создали возможное оружие.

— О, это умно, — оценил Эдди. Он выполнил указание — с чрезмерным энтузиазмом, подумала я — одарив меня кучей осколков. Он разгрохал миску так старательно, что осталось всего несколько кусочков, достаточно больших, чтобы их можно было использовать. Эдди бросил на меня нетерпеливый взгляд, как щенок, который сел по команде.

— Очень хорошо, Эдди, — похвалила я. Я вытащила самый большой кусок из плаща. Оставшиеся осколки фарфора застряли в ткани.

— Это был шелк, — сказал он скорбно. — И единственное, что у меня оставалось для тепла.

— Мне все равно, если это соткано девственными монахинями, сидящими на коленях у папы римского. Он нуждается в этом больше, чем ты. Дай мне эту воду. — Мой платок исчез куда-то во время вечерних приключений, поэтому я разрежала ткань с помощью осколка, а затем оторвала длинную полоску. Я смачивала ее и вытирала худшее из крови и рвоты у Стокера.

Стокер очнулся и тихо заносил в каталог свои травмы, наблюдая за

нашим скудным лечением. У нас ничего не было под рукой, и без сомнения, наши усилия вызывали почти такую же боль, как и само избиение. Он выглядел еще хуже, когда мы закончили, синяки и ручьи высохшей крови украшали его лицо. Когда мы завершили наш акт безжалостного милосердия, Стокер лежал неподвижно. Его глаза были закрыты, но дыхание оставалось ровным.

— Он сейчас без сознания? — спросил Эдди с любопытством.

— Не знаю. Лучше, если без сознания, потому что у нас нет ничего, чтобы облегчить боль, — вздохнула я. Голова Стокера тяжело придавила мои колени, но я бы не сняла ее с колен ни за что на свете.

Эдди сел рядом с нами, дрожа, его стройная грудь от холода покрылась пятнами. Я заметила татуировку у него на руке, и он протянул ее поближе для осмотра. Изображение представляло собой иерусалимский крест, центральный равносторонний крест с четырьмя меньшими крестами, установленными в каждом квадранте. Все это увенчивали три короны.

— Мы с Джорджем сделали татуировку в Иерусалиме. Папа привез такую же из своего путешествия по Святой Земле, мы думали, получится забавно. — Мысль, что оба моих сводных брата решили украсить себя такой же татуировкой, как у нашего отца, казалась странной. Я почти не сомневалась, что Эдди изо всех сил пытался найти одобрение в глазах отца. Он надеялся, что этот жест поможет?

Эдди повернулся, показывая мне свою спину.

— Эту татуировку мы с Джорджем сделали в Японии, — сказал он. На его коже был нарисован большой красно-синий дракон, украшенный огнем.

— Очень красиво, — похвалила я.

Он обернулся, выражение его лица стало настороженным.

— Имей в виду, не рассказывай об этом матери. Понимаешь, она может не одобрить такие вещи.

Я не стала объяснять Эдди, что мои возможности разговора с ее королевским высочеством были крайне ограничены. Затем он вздрогнул от холода, и я подняла руку, открывая плащ.

— Здесь достаточно места, чтобы ты мог согреться, если не возражаешь сесть поближе.

Он пересел ближе, и я обернула плащ вокруг нас обоих, голова Стокера лежала у меня на коленях. Мы все еще сидели, когда появился Арчибонд. Он выглядел несколько осунувшимся.

— Кажется, вы расстроены, инспектор, — холодно сказала я. — Контролировать душевнобольного, должно быть, утомительное занятие.

Его улыбка была вымученной.

— Мисс Спидвелл. Я вижу, что вы и ваши спутники чувствуете себя комфортно.

— Насколько возможно в сложившихся обстоятельствах. Хотя, признайте, вряд ли подобная обстановка подходит для будущей королевы. Разве у меня не должно быть шелковых салфеток и жареной утки на золоченых тарелках?

Он проигнорировал насмешку. Его взгляд беспокойно метался, в нем появилась новая встревоженность. Интересно, он теряет самообладание? Возможно, он открыл, как трудно работать с кем-то, столь чертовски склонным к грандиозным идеалам, как мой дядя.

— Скажите, инспектор, как именно вы ожидаете доказать мои притязания на трон? Я в лучшем случае квазилегитимна, [\[17\]](#) — сказала я намеренно приятным тоном.

— Ваша бабушка скончалась в начале этого года. Перебирая свое наследство, де Клэр обнаружил письмо от сестры, в котором сообщались подробности ее брака, а также детали вашего зачатия и рождения. — Он нервно дернулся, типичная для него манера при остром дискомфорте. — В письме она доверила вашей бабушке заботу о ребенке. Она ясно дала понять, что намеревается покончить с собой.

— У вас есть предсмертная записка моей матери? — потребовала я.

— Именно так, — подтвердил он.

— Если я была отдана бабушке на попечение, то почему осталась с тетями?

Арчибонд пожал плечами.

— Очевидно, ваша бабушка была доброй католичкой. Она не простила дочь за ее акт самоуничтожения. Несмотря на все усилия де Клэра, она не смогла увидеть потенциальную выгоду от вашей опеки. И скорее всего, была довольна, что подруги вашей матери взяли на себя эту ответственность. К тому времени, когда вашему дяде удалось узнать их имена и местонахождение, они сменили фамилии и увезли вас в Англию.

— Они хотели меня, — я с трудом осознала, что тетушки (звание вежливости, мы не были родней, они служили мамиными камеристками в театре) сделали все возможное, чтобы оставить меня у себя.

— Судя по всему, они были преданы вашей матери, — тихо сказал Арчибонд. — Подозреваю, она написала вашей бабушке в момент слабости. Позже, без сомнения, раскаялась и убедила подруг забрать вас до того, как де Клэры найдут ребенка.

Я задумалась, пытаюсь воссоздать мысленную картину произошедшего. Мама, красивая и сломленная предательством моего отца,

его женитьбой на датской принцессе, обратилась к своим подругам за помощью. Какое горе, какое разочарование она должна была испытать! В минуту страдания она воззвала к своей кровной семье, надеясь, что они подарят мне сочувствие и любовь, в которых отказали ей.

Что заставило ее пожалеть о своей просьбе? Должно быть, это был поступок, рожденный отчаянием. Неужели она действовала от безысходности и осознала тщетность своей мольбы только в холодном утреннем свете? Поддалась ли она моменту безумия? Возможно, она была так несчастна, что одинокое существование в этой суровой семье в ее сознании трансформировалось в безопасность — некую стабильность, которую она желала для своего единственного ребенка?

В конце концов, она выбрала семью своих друзей, чтобы воспитывать меня.

Мы часто переезжали, всегда чего-то избегали. Я никогда не понимала призрака, который преследовал мое детство. Слух, шепот, проблеск знакомого лица — и тети снова срывались с места, покидая коттедж или скромную квартиру, которую мы снимали, отыскивая неизвестные места. В театральном мире все знакомы друг с другом, и нам нередко приходилось ускользать от тех, кто мог разоблачить тетушек. Кто в свое время в свете огней рампы разглядел знакомый профиль джентльмена, поджидающего возлюбленную за кулисами. Кто, возможно, видел меня, подсчитал и догадался, чьим ребенком я была.

Нельзя сказать, что тетушки обделили меня лаской. Были сказки перед сном, и первая кольцевая сеть для бабочек, и доза касторового масла, когда я болела. Но в них всегда сохранялась какая-то настороженность.

Однажды во время охоты в Коста-Рике мне довелось обнаружить уникальную золотистую куколку — необычайную вещь, которую я когда-либо видела в путешествиях. Я старательно заботилась о ней и в конечном итоге стала свидетелем рождения *Tithorea tarricina*, самого экзотичного и красивого экземпляра, что мне когда-либо приходилось ловить. Мне следовало ее поймать — такая находка стоит полугодового заработка. Я могла бы диктовать цену любому коллекционеру в Европе. Но я не могла заставить себя вмешаться во что-то такое прекрасное, такое дикое — она принадлежала природе, а не человеку.

Я наблюдала, как бабочка пробует влажные и дрожащие крылья на легком ветерке, ерошившим мои волосы. Без усилий, одним взмахом огромных крыльев она поднялась над моей головой вне досягаемости и скрылась за горизонтом, прежде чем я поняла, что происходит. Это было все равно как наблюдать за чудом творения! Я не чувствовала потери, а

только радость, что, хотя и мимолетно, была к этому причастна.

Лишь намного позже я поняла, что такое отношение иногда обнаруживала у тетюшек. Время от времени им было легко общаться со мной. Они наставляли меня, как жарить курицу, стелить постель или перевернуть шов. Но потом я видела бы в них что-то бдительное, будто они пригласили тигра на чай и теперь удивлены и встревожены тем, что он развалился на коврик перед камином. Я была с ними, но ни одной из них.

Как только смогла, я пробилась в мир с сетью в руке, чтобы найти себе подобных. Я встречалась с некоторыми из них во время путешествий. Большинство, как выяснилось, были недрагоценным металлом, их очарование оказалось подделкой. Но один-два, как Стокер, остались ярко-золотыми и чистыми до конца. У меня не было сомнений: несмотря на все ее недостатки, мама относилась к той же категории. Бесполезно пытаться объяснить такие вещи людям вроде Арчибонда или, что еще хуже, моему дяде. Невежество не может оценить культуру. Мы говорили на разных языках.

И поэтому я не пыталась. Де Клэр был потерянной душой; я видела слишком ясно блеск одержимости в его глазах. Выражение, присущее фанатикам и евангелистам во всем мире — упрямая решимость принимать только свою точку зрения и лелеять не истину, а фантазию. Дядя доведет дело до конца, независимо от того, сколько людей оно уничтожит. Я задавалась вопросом: окажется ли холодная отчужденность Арчибонда более поддающейся убеждению.

Чем больше я взвешивала шансы, тем маловероятнее это выглядело. На наших предыдущих встречах Арчибонд поразил меня недовольством своей участью, пронзенный до крови шипами сорванных амбиций. Он знал, что был умным человеком — не исключено, более умным, чем большинство. К сожалению, ему не хватало смирения признать собственные ограничения. Он боялся их, но не мог их осмыслить. Может быть, иногда в бессонную ночь его преследовал страх, что люди никогда не поймут, насколько он умен. Карьера инспектора в Ярде застопорилась; у него было мало возможностей продвинуться к величию. Я почувствовала в нем запах тоски. Несмотря на все его протесты против элитаризма и провозглашение эгалитарных идеалов, он жаждал почестей, рыцарства или баронетства, какого-то титула. Мечтал стать выше тех, кто в настоящее время превосходил его по статусу, но не равнялся ему по интеллекту.

Арчибонд решил бросить жребий так же безрассудно и решительно, как азартный игрок делает ставку. Я подметила слабую струйку пота в его волосах и поняла, что он отчаянно боится, но зашел слишком далеко, чтобы

отступать. Страх быть загнанным в угол делал его безжалостным. Он не мог вернуться, поэтому должен идти вперед, какой бы ни была цена.

Я обдумала все это за несколько секунд, прежде чем заговорить.

— Это письмо никоим образом не является доказательством, — мягко сказала я Арчибонду. — Мама могла бредить, в конце концов, она вскоре совершила самоубийство. И вы, как никто другой, должны понимать необходимость подтверждения.

Его руки судорожно сжались в кулаки.

— Я не могу говорить о душевном состоянии вашей матери, но де Клэр может. Он клянется в этом.

— Его там не было, — сказала я.

— Да, но кто знает это? — Арчибонд ответил откровенно.

— Принц Уэльский будет отрицать, — не сдавалась я.

— Принц Уэльский? Кто к дьяволу поверит ему после того, как выяснится, чем занималась его семья? — Арчибонд щелкнул пальцем в сторону Эдди.

Но я увидела проблеск сомнения в глазах Арчибонда. Он спланировал эту схему в мельчайших деталях, однако выполнение — другой вопрос. Находясь в гуще событий, он мог видеть недостатки, я была уверена. Он все еще верил, что сможет осуществить заговор. Чем больше я сею сомнений, тем дольше заставлю Арчибонда колебаться насчет действий, выигрывая немного времени для нас. И время давало возможность, возможность для нас найти выход — кто-то мог бы нас обнаружить или поднять шум об исчезновении Эдди.

Я заставила мой голос звучать легко, когда спросила небрежно:

— Интересно, как вы намерены продолжать шараду, объявив меня королевой, но периодически не выводя в свет? Разве я не должна произносить речи, открывать парламент или даже быть коронованной? Люди захотят видеть меня. И как вы можете гарантировать, что я не призову их освободить королеву из ее красивой позолоченной клетки?

— Ваш дядя верит, — медленно проговорил он, — что вас убедят выполнять инструкции. — Он не посмотрел туда, где лежал Стокер, но мы оба точно поняли значение его слов.

— Я видела методы убеждения моего дяди, — фыркнула я. — Он сказал вам, что однажды меня похитил? Втащил на лодку, чтобы плыть в Ирландию. Видимо, он не предвидел, что я прыгну в Темзу и не позволю себя увезти. Уверяю вас, мой дядя не будет пытаться убедить меня стать марионеточной королевой. Если вы еще не обнаружили, у него довольно низкое мнение обо мне.

Против воли Арчибонд слегка улыбнулся.

— Он мог упомянуть вашу непримиримость раз или два.

— Точно. Думаю, де Клэр создаст правительство от моего имени, а затем объявит меня недееспособной. Вероятно, меня одурманят, это самый простой способ. Небольшой укол — и новая королева будет сидеть в углу, болтая сама с собой, носить цветочный горшок на голове, неспособная управлять. Легко устроить, чтобы ее дядя был назначен регентом, твердо удерживая власть во время недееспособности племянницы.

— Достаточно правдоподобный сценарий, — допустил Арчибонд.

— И тот, который вы обсуждали? — предположила я.

— Возможно.

— Какова будет ваша роль при дядя-регенте, контролирующим империю? Там не будет офиса выше, чем его. Вы действительно хотите получать приказы от пациента Бедлама?

Арчибонд наклонил голову с глумливой улыбкой на лице.

— Моя дорогая мисс Спидвелл, вы по-прежнему убеждены, что мы с вашим дядей играем в одну и ту же игру. Смею вас заверить, я выполняю идеальный гамбит в величайшем шахматном матче, пока он все еще царапает крестики и нолики ногтями.

Его улыбка внезапно стала дикой.

— Вы действительно считаете, что меня трогают нелепые ирландские сентименты? Он пьет и плачет, когда говорит о де Клэр, королеве Ирландии. Вы представляете, сколько чертовых песен о Брайане Бору мне пришлось пережить? Но проявите немного уважения, умоляю. Я точно знаю, что собирается делать ваш дядя. Более того, точно знаю, что я буду делать. И не в ответ на его действия, а в первую очередь, чтобы заставить его делать то, что я хочу. Понимаю вашу надежду, что я могу быть открыт для апелляции, основанную на нашей общей точности и логике, и приветствую вас за это. Я бы сделал то же самое в ваших обстоятельствах. Но вы должны прозреть, моя дорогая. Я гораздо опаснее, чем ваш дядя. Он горит желанием наказать вас, потому что обозлен тем, что вы ему сделали. Я причиню вам вред, чтобы научить вас повиноваться.

Он сопровождал слова лаской — медленно проведя по моей щеке кончиком пальца.

— Я избыю вас там, где никто не увидит, нанесу шрамы, которые никогда не заживут. Не противьтесь мне. Не бросайте мне вызов. И самое главное, не стоит недооценивать меня.

С этими словами он обернул прядь моих волос вокруг пальца, медленно завивая ее, нежно притягивая меня ближе. Я чувствовала запах

его масла для волос и знала, что не забуду этот запах, пока живу.

— Немедленно освободите мою сестру, — приказал Эдди, поднимаясь на ноги с жесткой точностью, рожденной обучением в качестве офицера 10-ого гусарского.[\[18\]](#)

Арчибонд посмотрел на него с удовольствием. Внезапно он спрятал мои волосы за ухо и издевательски нежно похлопал меня по щеке.

— Будьте хорошей девочкой, Вероника. Что случится с вами — и с ними, — добавил он, кивнув в сторону моих двух спутников, — полностью ваш выбор.

С этими словами он оставил нас, и я повернулась к Эдди.

— Молодец, Эдди!

Он ощетинился.

— Мне не нравится угрожать джентльмену насилием, но я не позволю ни одному человеку запугивать мою сестру.

Затем он немного сдулся.

— Хотя должен сказать, что он ужасный монстр, не так ли? Я сначала думал, что ты сможешь обвести его вокруг мизинца.

Я медленно покачала головой.

— Нет. Не такого человека, как Арчибонд. Это невозможно.

— Тогда почему ты подыграла ему? Ты вела себя так, будто он единственный истинный джентльмен, а твой дядя де Клер опасный безумец, которого нужно остановить?

— Де Клер опасный безумец, которого нужно остановить. Но Арчибонд настоящий дьявол в их сделке. Он гораздо хитрее и безжалостнее, чем Эдмунд де Клэр. У дяди — старое ирландское недовольство, ненависть к англичанам в сочетании с тем типом мономании, что присущ людям с низким интеллектом.

— Что заставляет тебя так говорить?

— Полагаю, ты никогда не встречал коллекционера бабочек, Эдди. Завязтого. Большинство довольны обширной коллекцией, собирающей как можно больше разных типов. Фанатик хочет каждый экземпляр, десятки особых видов, качество не имеет значения. Он готов заплатить почти столько же за разваливающееся старое барахло, которое рассыпается в прах, как за что-то свежее и все еще пахнущее лугом. Такие люди хотят все, поскольку не могут вынести, что другой коллекционер имеет что-нибудь. Они могут вести разумную беседу, казаться нормальными, но царапни поверхность и обнаружишь абсолютного мерзавца, неспособного делиться с ближним, сочувствовать или рационально рассуждать. Такими одержимыми движет только одно желание — накопить больше, чем кто-

либо другой.

— Но как это перевести на низкий интеллект?

— Чтобы обладать действительно высоким интеллектом, нужно понимать и ценить других людей, уметь сопереживать и общаться.

— Полагаю, что так и есть, — сказал он, кивнув в сторону Стокера.

Я сделала паузу.

- Ревелсток Темплтон-Вейн мог быть избит до бессмысленности, одурманен и наполовину лишен ума, и он все равно будет вдвое большей личностью, чем Арчибонд в лучший день своей жизни.

Через мгновение Эдди кивнул.

— Я понимаю. И что теперь?

— Мы выждем, — сказала я ему. — Арчибонд, без сомнения, поговорит с моим дядей. Если повезет, они поссорятся и дадут нам достаточно времени.

— Достаточно времени для чего? — упорствовал он.

— Времени сотворить чудо.

Глава 17

Я готова признать, что следующие часы были самыми мрачными из когда-либо проведенных в этом месте. У Стокера проявились тревожные признаки потребности в квалифицированной медицинской помощи. Наиболее тревожным симптомом было его согласие, когда я предлагала такую вещь.

— Ты никогда не думаешь, что тебе нужен врач, — волновалась я.

Он слабо улыбнулся мне.

— Возможно, только в этот раз.

Мой разум вернулся к аналогичной ситуации, когда Стокера подстрелили из-за меня. Мы тогда провели часы в ожидании помощи, которая могла никогда не прийти. В этот раз была виновата не пуля, а сапоги на ногах головорезов, которые сломали ему ребра и не исключено, что пробили легкое. Время от времени Стокер выплевывал кровь, его дыхание было затруднено. Когда он улыбнулся, это был призрак улыбки, которую я так хорошо знала. Только ощущение его ладони в моей руке было все тем же.

Я использовала последние капли воды в кувшине, чтобы протереть его лоб.

— Я собирался выпить это, — слабо протестовал Эдди. — Но разумеется, ему вода необходима больше, — добавил он поспешно, глядя на убийственное выражение моего лица.

Он явно задумался, потому что, когда снова заговорил, рискнул задать вопрос:

— Как ты думаешь, что они хотят сделать, чтобы опозорить меня? Как они будут чернить мое имя?

Я подумывала выдать очередную порцию удобной лжи. Но он уже не раз затрагивал эту тему во время нашего испытания, и я решила сделать комплимент его стойкости, открыв правду:

— Ожидая, все началось с мадам Авроры и звезды. Ты подарил ей дорогую безделушку, которую легко отследить.

— Но она собиралась вернуть ее, — воспротивился он. — Как только я рассказал Авроре о своих надеждах по поводу Аликс, она поклялась, что отдаст звезду.

— Собиралась ли она? — я спросила, давая ему время подумать.

— Ну, — медленно произнес он, — она так сказала, но, полагаю, она могла солгать.

— Давай предположим, что в самом деле собиралась, — любезно согласилась я. — Прежде всего, она сама попросила драгоценность?

— О да, вплоть до точной гравировки сзади, — подтвердил он.

— Гравировки, которая окончательно связала бы подарок с тобой.

— Черт! Ты совершенно права, — сказал он несчастно. — Тогда мне это не пришло в голову. Я просто хотел помочь другу. Но как только отдал звезду, понял, что недобросовестные люди могут использовать ее, чтобы устроить скандал. Я тревожился, что это может дойти до Аликс. Моя семья не новички в сплетнях, — мрачно добавил он.

— Не сомневаюсь, — пробормотала я. — В любом случае, ты попросил вернуть драгоценность, правильно?

— Да, и она не отказывалась, но тянула резину. Сказала, что отдала алмаз на хранение и что понадобится немало усилий, чтобы вернуть его.

— Мадам Аврора хранила все свои драгоценности в личном сейфе, — напомнила я ему.

— Так она и делала! Я должен был вспомнить это, — огорчился он, дергая кончики усов.

— Когда она дала знать, что вернет звезду?

— О, в день маскарада. Аврора прислала мне зашифрованную телеграмму в Балморал. Написала, что если я хочу вернуть звезду, я должен за ней приехать. Она назначила время и подчеркнула срочность встречи, мол, если я не заберу звезду, она не несет ответственность за судьбу алмаза.

— И ты не рассматривал это как угрозу? — потребовала я.

— Как я мог? — Выражение его лица было откровенно ошеломленным. — Аврора сказала, что возвращает драгоценность. Я думал, что у нее просто какие-то проблемы. Поэтому я пошел к Луизе, моей сестре, и сказал, что мне нужен костюм для маскарада. Она одолжила мне платье, несколько фальшивых безделушек, краску для лица, и я бросился на экспресс до Лондона.

— Когда пришла телеграмма от мадам Авроры?

Он пожал плечами.

— Прямо перед обедом.

Я быстро прикинула. Как только мы со Стокером решили принять участие в бал-маскараде, Эдди была отправлена телеграмма, заманивающая его на вечерние развлечения. Я не верила в совпадения. Судя по всему, это — осторожное маневрирование Арчибонда. Сначала нас пригласили сыграть роль сыщиков для принцессы. Когда мы отказались, именно

косвенные намеки Арчибонда, в том числе на болезнь леди Велли, побудили нас обыскать ее стол. В результате мы раскопали ее дневник и записи о местонахождении Эдди во время убийств Потрошителя.

— Полагаю, инспектор Арчибонд внес большую лепту в этот сценарий, — заключила я. — Первоначальным намерением, бесспорно, было вовлечь тебя в скандал самого отвратительного характера у мадам Авроры. Но убийства Потрошителя дали ему возможность придумать что-то гораздо более коварное.

— Убийства Потрошителя? Какое отношение они имеют ко мне?

Я торопливо объяснила про анонимную записку и попытки леди Велли установить его алиби.

— Бедная леди Велли, — тихо проговорил Эдди. — Какой ужас она должна была испытывать.

— Ты не обвиняешь ее в том, что она осмелилась даже подумать о таком? — удивилась я.

— Как я могу? Она заботилась о нас всю свою жизнь. И все еще присматривала за мной. Леди Велли сочла своим долгом очистить мое имя, — твердо сказал он. — Если бы она не заболела, то доказала бы со всей очевидностью, что меня и близко не было возле Уайтчепела во время этих ужасных преступлений.

Я не развенчивала иллюзий Эдди. Доказательство его невиновности помогло бы в суде, но не в суде общественного мнения. Один шепот, приписывающий его имя зверским убийствам, и он войдет в историю как маньяк-убийца.

Я продолжала теоретизировать:

— Серия преступлений Потрошителя оказались удачей для Арчибонда. Ничто иное не могло так сильно отвлечь Особый Отдел от интриг инспектора. Он, несомненно, вел тщательные записи о твоих посещениях клуба мадам Авроры, чтобы представить тебя причастным к ее убийству.

— Думаешь, это был его план? — Эдди побледнел от ужаса.

— Думаю. Вот почему ты должен был оказаться в ее доме в определенное время — чтобы обеспечить присутствие Арчибонда и его людей для осуществления их замысла. Стокер и я тоже должны были находиться там в тот же вечер, чтобы Арчибонд мог убить трех очень специфических птиц одним камнем.

Эдди пометил их на пальцах:

— Устранение соучастника — Авроры. Мое присутствие в доме во время ее убийства. И возможность похитить нас, чтобы мы оказались во

власти заговорщиков.

— Точно.

— Не могу одобрить подобные действия, но признаю, они были выполнены эффективно, — отметил он.

— По-моему, ограниченность числа участников способствовала эффективности действий. Мы видели моего дядю де Клэра, Арчибонда, Тихого Дэна и еще одного. Думаю, они решили держать свой маленький заговор как можно тише, чтобы не просочилось ни слова.

— Это было бы разумной мерой предосторожности, — согласился Эдди.

В этот момент дверь открылась, и появился мой дядя де Клэр, опираясь на трость. Его миньон — Тихий Дэн — скрывался позади.

— Добрый вечер, племянница, — дружелюбно обратился ко мне он.

Я склонила голову.

— Дядя. Как мило с вашей стороны. Инспектор Арчибонд любезно разрешил это?

Он подскочил.

— Это что?

Я широко открыла глаза.

— Право, мне совершенно ясно, что он является руководителем этого маленького предприятия. Человек, сажающий на трон королей. Или, полагаю, в нашем случае, королев, хотя этот титул звучит похуже, не так ли?

Эдди внимательно следил за де Клэром, но ничего не говорил, позволив мне болтать, провоцируя моего дядю, поддразнивая — что, я знала, он никогда не примет от женщины.

— Это понятно, — с лицемерным сочувствием добавила я. — В конце концов, вы всего-навсего ирландский обыватель, а он инспектор Скотланд-Ярда, сотрудник Особого Отдела, не меньше. Было очень мудро с вашей стороны назначить руководителем кого-то умнее, чем вы сами.

Он вышел вперед, его губы растянулись в тонкой линии.

— Думаешь, я бы сыграл вторую скрипку с этим задницей, англичанином? — потребовал де Клэр.

Я пожала плечами, нанося еще один удар.

— Кажется, он принимает все решения. А почему бы и нет? Вы лишь подчиняетесь его требованиям.

Дядины глаза выразили изумление.

— Подчиняюсь! Будь проклята твоя наглость, девочка. Весь этот план мой.

— Неужели? Возможно был, когда вы начали. Но вы дали ему слишком много власти, и он ускользнул. Он сейчас не нуждается в вас, не так ли? Он знает, что вы намерены делать, и он получил меня. Какая от вас польза?

Я остановилась, чтобы позволить сказанному просеять мутные воды его мыслей.

— Это неправда, — ошетинился он.

— Возможно, нет, — сладко сказала я. — Возможно, он не против, чтобы вы оба оставались партнерами до конца. Но если вы готовы рискнуть, значит, вы более крупный игрок, чем я думала.

— Это не риск, — сопротивлялся он упрямо. — Мы работаем вместе, и он получает от меня приказы.

— Разве? — Голос Арчибонда был шелковым.

Де Клэр не видел, как он приближался, но я заметила тень, падающую на дверной проем, когда формулировала последнее замечание. Де Клэр обернулся, выражение его лица было темным.

Арчибонд вошел, явно намереваясь успокоить его.

— Вы слушаете ее? Она хитрая женщина, признаю. Она пытается разделить нас, посеяв раздор, де Клэр. Конечно, вы это понимаете.

Его тон был разумным, но выражение глаз — настороженным. И не без причины. Тихий Дэн и его сообщник стояли наготове. Если они были готовы похитить принца и напасть на брата пэра, небеса знают, они не постесняются избить полицейского чиновника по первому приказу де Клэра.

Де Клэр медленно кивнул.

— Да. Она хитрая сука, не буду спорить. Ее мать была такой же. — Он улыбнулся безрадостной улыбкой. — Тем не менее, в ее словах есть смысл.

— Действительно? — сжал губы Арчибонд.

— Она права. Кто сказал, что вы не перережете мне горло, когда получите то, что хотите?

Арчибонд вздохнул.

— Де Клэр, мы это уже проходили. У каждого из нас есть роль в этой маленькой драме. Сейчас не время отказываться от доверия между нами.

— Доверие! Вы слишком многого хотите от человека, чья жизнь в опасности, — не соглашался де Клэр. — Нас всех могут повесить, если что-то пойдет не так. И даже если это не произойдет. Почему вы должны держаться нашего договора до конца, а не стать слишком алчным? У вас могут быть недостатки характера, которых я не предвидел.

— Недостатки характера? Боже мой, старина, вы слышите себя? —

взвился Арчибонд. — Мы собираемся совершить государственную измену, а вы решили, что настало время беспокоиться о недостатках характера? Конечно, у меня есть недостатки характера! Я согласился перерезать горло женщине ради нашего плана. Разве это не доказывает мою приверженность?

— Согласился, — кивнул де Клэр. — Но перерезал-то горло Дэнни, — добавил он, слегка дергая головой в сторону Тихого Дэна. — На ваших руках нет крови, мистер Арчибонд. Они лилейно-белые.

Арчибонд бросил на меня взгляд чистой ненависти.

— Если вы еще раз попытаетесь разжечь ссору между нами, я заткну вам глотку кляпом, вы меня поняли?

Я недвусмысленно посмотрела на дядю.

— Вы замечаете, что он не спрашивает вашего разрешения?

Де Клэр скривил губу.

— Она моя племянница, Арчибонд. Троньте хоть волосинку на этой красивой голове, и я подарю ей ваши яйца, чтобы она носила их в кармане.

Арчибонд поморщился.

— Мой дорогой де Клэр, мы должны опуститься до грубых угроз насилием?

— Если ирландец научился насилию, то от рук англичан, так что избавьте меня от лекций, инспектор, — промолвил де Клэр тоном холодного финала. — Она маленькая извилистая сука, в этом нет сомнений, но она права: у меня нет причин доверять вам. И я буду следить за вами. Остерегайтесь!

С этими словами он вышел, оставив нас. Арчибонд медленно улыбнулся.

— Похоже, я недооценил вас, мисс Спидвелл. Я не повторю ту же ошибку снова. У нас с вашим дядей джентльменское соглашение, и мы будем его соблюдать.

Он повернулся, тихо насвистывая, когда уходил. Остальные последовали за ним, и он все еще свистел, когда за ними закрылась дверь. Только услышав скрип ключа в замке, я поняла, что инспектор насвистывал «Боже, храни королеву».

Я села на пол, прислонившись головой к стене.

— Слава Богу. Я думал, что эти болтающие ублюдки никогда не уйдут, — произнес Стокер.

Я посмотрела вниз и увидела, что он улыбается мне. Он осторожно двигался, пытаясь встать.

— Я боялся, что вы умираете, — сказал Эдди с явным облегчением.

— Чтобы убить Темплтон-Вейна, понадобилось бы больше, чем ирландские бандиты. Тибериус отделал меня сильнее только за то, что я взял без разрешения его лошадь. Но они так сильно наслаждались избиением, а я не люблю боль. Я решил, что если притворюсь, будто упал в обморок, они потеряют интерес. Так и вышло. У них нет воображения, — констатировал он. — Им нравится тебя избивать, только если ты кричишь.

— Этого вполне достаточно, — попросила я, содрогаясь.

Стокер быстро потерял руки.

— Тогда все в порядке. Я хочу выбраться из чертового места, пора раз и навсегда положить конец этому безумию.

— Согласна, — сказала я более оживленно, чем чувствовала. — Что ты посоветуешь?

Он уставился на меня.

— Посоветую?

— Послушай, Стокер. Ты единственный из нас, кто знает обстановку, что имеет решающее значение при побеге. А что еще ты делал, когда лежал без дела со всей лихорадочной активностью карликового ленивца? Вероятнее всего, ты разрабатывал схему нашего освобождения.

— Моя схема состояла в том, чтобы попытаться выйти через дверь. И это не закончилось успехом, — сухо ответил он. — По крайней мере, вы двое могли бы разработать другой план. Не знаю, что ты думаешь о моей прежней жизни, Вероника, но до встречи с тобой мне крайне редко приходилось ускользать от похитителей и убийц.

— Чушь, — ополчилась я, раздраженная его внезапным безразличным отношением. — Тебе просто трудно, потому что больно. Я точно знаю, что ты участвовал в настоящей войне.

— Если ты имеешь в виду осаду Александрии, могу ли я напомнить, что стоял на палубе корабля, когда он обстреливал пушечным огнем берег? Я не то чтобы скакал через кольца с саблей в зубах, — сказал он.

— Тем не менее, это детская игра по сравнению с войной.

— Черт побери, нет! На моей стороне была мощь военно-морского флота ее величества, располагающего довольно жестокими орудиями плюс несколько тысяч моряков. Здесь у меня есть...

— У тебя есть я! — Заносчивые слова сопровождались вскинутым подбородком.

Он замолчал, потом ухмыльнулся.

— Ну, полагаю, ты бы дьявольски напугала египтян — больше, чем орудия военно-морского флота.

— И есть я, — Эдди поднялся, с видимым усилием пытаясь обрести

мужество.

Теперь я догадалась, во что играл Стокер. Отказавшись принять мантию руководства, он заставил Эдди отложить в сторону свои страхи и вступить в прорыв. «Необходимость всегда пробуждает дерзость в человеке с характером», — мелькнула у меня мысль.

Стокер посмотрел на него с тихим одобрением.

— Очень хорошо, что вы предлагаете?

Эдди неторопливо ходил по комнате, изучая ее со всех сторон. Это тянулось мучительно долго из-за его медлительности, но в конце концов он добрался до идеи. Когда он указал на иллюминаторные окна, я чуть не вскрикнула.

— Окна? — предложил он нерешительно.

Стокер и я обменялись взглядами.

— Это возможно, — наконец сказал Стокер.

— Ты сможешь взобраться? — я спросила Эдди.

Он кивнул.

— Шесть лет на кораблях Королевского флота. Хотя там были веревки, а не камни, — добавил он с сомнением.

— Что ж, начало положено, — Стокер теперь не колебался. — Должен ли я идти первым?

— Первой должна быть я, — настаивала я.

— Я лучший альпинист, — возразил он.

Я снова посмотрела на окна, отметив их тонкие перегородки, а затем оценила взглядом мощный торс Стокера.

— Твои плечи никогда не пройдут.

— Черт, я не подумал об этом, — сказал Эдди, его усы отвисли в унынии.

— Это проблема на потом, — подогнал нас Стокер. — Пока давайте беспокоиться о том, как туда добраться.

Я согнулась, разшнуровала туфли, и надежно связав, повесила на шею. Скрутила юбки туники, скромно прикрывающей колени, и завязала их высоко на бедрах.

Стокер стащил рубашку, обтягивающую широкие плечи. Я затаила дыхание при виде внушительных темно-фиолетовых синяков, цветущих над ребрами. Кое-где кожа была разорвана и покрыта липкой, темной кровью.

— Будет больно, — предупредила его я.

— Не сомневаюсь, — ответил Стокер и наградил меня улыбкой ослепительной преданности и доброты.

Я поклялась себе: что бы ни случилось в моей жизни, я никогда не забуду этот момент. Несмотря ни на что — мою настойчивость, вовлекшую нас в очередное рискованное предприятие, мои смертоносные связи — он без страха и упрёка погрузился в эту опасную авантюру. Глядя на него, я дала себе слово: будь что будет, не поддамся испытаниям, которые жизнь швыряет нам в лицо, рвану им навстречу, как Стокер.

Он протянул свою грязную рубашку Эдди.

— Не очень элегантно, но сегодня вечером холодно, и осмелюсь сказать, я не чувствую холод так остро, как вы.

Это была правда, но не вся правда. При везении, нам вскоре предстоит пересечь неблагоприятные улицы столицы с будущим королем, имеющим подозрительный вид преступника, только что совершившего серию нападений. По крайней мере, рваная рубашка Стокера скроет отличительные татуировки принца, кроме того, что обеспечит ему чуточку тепла.

Эдди не колебался. Он — привыкший к тончайшему белью и чистой одежде — взял испачканную кровью и потом рубашку и с благодарностью надел ее.

Стокер встал в стойку и зафиксировал бедро. Хлопнув по нему, он посмотрел на меня и скомандовал:

— Забирайся.

Я встала на его ногу. Стокер обхватил меня за талию, поднимая к окну, пока я не смогу найти за что зацепиться. Я толкнулась вверх ногами, цепляясь за камень, как моллюск, вытянула руку и вслепую ощупала место для захвата.

— Нет никакого поручня, — доложила я. Стокер поднялся, разводя руки и ноги углом, чтобы удержаться на месте.

— Есть я, — сказал он. — Используй меня, чтобы добраться, куда надо.

Я так и сделала. Даже сейчас я не могу думать об ужасной боли, которую он, должно быть, испытывал, когда я карабкалась с его помощью, двигаясь все выше и выше, ненадежно поднимаясь над каменным полом склада. Эдди наблюдал снизу за нашим медленным и устойчивым восхождением.

Стокер использовал себя как человеческую подставку, пока мы оба не приблизились к окну. Я не сводила глаз с цели — маленького фонарного окна над нами. Именно тогда я осознала, что все наши усилия напрасны. Узкая балка выдавалась из внутренней стены параллельно окну, идеальный способ выбраться. Но окно было расположено в добрых семи футах над

балкой — мучительно, душераздирающе недоступно.

— Слишком высоко, — сказала я Стокеру. — Я не могу достать.

— У меня есть план, — Стокер встал на балку, его ноги напряглись от усилия. Он протянул руку. — Давай!

— У меня нет места, чтобы обойти тебя.

— Я позабочусь об этом, — пообещал он.

Я остановилась, чтобы встретиться с ним глазами. Я не боюсь высоты — для ловли бабочек требуются случайные набег на скалистые обрывы или скалы в джунглях, но это было необычайно нервирующим опытом. Мы находились примерно в тридцати футах над каменным полом, и наши жизни были подвешены на балке, не превышающей ширину ладони Стокера. Он встал на колени и скрестил руки.

— Лезь на спину, — приказал он. — Это единственный способ добраться до окна.

Я не колебалась. Как он велел, я осторожно взобралась ему на спину, уцепившись за его талию ногами и обеими руками обхватив плечи Стокера. Он сделал паузу, позволяя моему весу опуститься на него, затем начал подниматься, проталкиваясь бедрами, чтобы поднять нас обоих в воздух. На мгновение у меня возникло любопытное ощущение полета, точно бабочка впервые взмыла вверх в струе ветра. Я не касалась земли, Стокер был моей точкой опоры, моя жизнь полностью находилась в его руках.

Я вытянула руки и схватилась за край окна. Стокер ждал. Медленно, обливаясь потом, с бесконечным усилием я карабкалась по нему, и, перенеся вес с его спины на плечи, толкнула оконное стекло. Я чувствовала ладони Стокера под моими ногами — твердые, как земля внизу. Затем он сделал легкий толчок, я поднялась, выскользнула через окно и села на крышу.

Я пыталась отдышаться, прежде чем маневрировать, и оглянулась назад. Стокер уже был на полпути вниз, двигаясь с ловкостью жителя джунглей. Он опять принял ту же стойку и инструктировал Эдди, как начать. Их продвижение было тяжелым, болезненным. Каждая прошедшая секунда казалась вечностью, пока я сидела на крыше.

Эдди споткнулся на полпути, и Стокер наполовину втолкнул, наполовину втоцил его на балку. За этим последовало одно из самых страшных переживаний моей жизни: безопасность наследника престола, висящего на огромном расстоянии от каменного пола, полностью зависела от нас. Стокер выругался с новой силой, когда Эдди забрался на его спину для последнего этапа восхождения.

— Извини, — пробормотал Эдди, схватив меня за руки.

Я откинулась назад, опираясь ногами на удобный уступ и отталкиваясь, чтобы освободить его. Он вылетел с треском, как пробка от шампанского, подпрыгивая на крыше, задыхаясь от удивления.

Внизу я слышала приглушенный рев и заглянула через окно внутрь, ожидая увидеть Стокера на балке, но она была пуста. Совершенно и душераздирающе пуста.

Глава 18

— О, Господи! — воскликнул Эдди. — Стокер!

Я бесцеремонно толкнула его, напоминая об осторожности.

— Мы не должны привлекать к себе внимание. Посмотри!

Я заметила руки Стокера, обернутые вокруг балки. Заглянула в темное помещения и увидела, что он висит внизу, поддерживаясь только ушибленными запястьями. Я больше ничего не сказала и схватила Эдди за руки, предупреждая его замолчать — Стокер не мог позволить себе отвлекаться.

Используя свой вес, он раскачивался, набирая обороты, и запрыгнул на балку. Маневр, искусно выполненный с легкостью человекообразной обезьяны. Я и не подозревала о талантах Стокера в брахиации.[\[19\]](#) Он выглядел спортивным и гибким, как обезьяна, когда раскачивался. Или по крайней мере, выглядел бы, если бы не сильная боль в ребрах. В последний момент боль, похоже, застала его врасплох, отняв у него дыхание и импульс, когда он перемахнул на балку. Стокер пролетел слишком далеко, взвившись над балкой и почти снова опустился, схватившись за нее рукой и ногой. Силой воли он восстановил положение и лежал на балке, тяжело дыша. Он поднял голову, увидел меня и, быстро кивнув, усмехнулся.

— Слава Богу, — прошептал Эдди из-за моего плеча. Он махнул Стокеру.

— Я хотел бы знать, — сказал он преувеличенным шепотом, — как именно вы хотите выбраться сюда?

— Дай мне минуту, — Я жестом попросила Стокера подождать. Он был заметно доволен, поскольку пауза дала ему возможность отдышаться и собраться для последнего подъема.

Я огляделась, пока шнуровала туфли. Крыша оказалась довольно плоской — за что я была ей бесконечно благодарна — и ограждена невысоким парапетом. Торопливый обыск выявил тайник со строительными материалами, среди которых нашлась веревка.

Я передала один конец Эдди.

— Обвяжи побыстрее вокруг дымовой трубы морским узлом, — инструктировала я. Казалось, он был рад получить задание и двинулся его выполнять, набрасывая веревку серией сложных маневров, пока она не была безопасно укреплена. Следуя дальнейшим указаниям, он сделал ряд

простых узлов по всей длине, и я перекинула веревку в окно Стокеру. Он схватил ее и поднял голову, у него было задумчивое выражение лица.

— Я говорил, что мы решим проблему моего прохода через окно, когда придет время. Считаю, что время пришло, — заметил он. Но я уже обдумывала затруднительное положение, решение было несложным.

— Отвернитесь, — сказала я им. Я взяла сломанный кирпич и, завернув в край туники, разрушила одну из панелей окна, соединенную с фонарем. Разделительный провод проржавел почти насквозь, и удар по нему куском кирпича вызвал ужасный грохот.

— Тебе следует шуметь громче, в Грейвсенде тебя плохо слышно, — посоветовал Стокер вежливо.

— Береги дыхание, чтобы подуть на кашу, — приказала я. Я была почти легкомыслена от облегчения, что наш план работает.

Но я ликовала слишком рано. То ли звук разбитого стекла насторожил похитителей, то ли просто был злосчастный момент, но именно тогда дверь внизу отскочила назад на петлях. Появились Тихий Дэн и его мерзкий дружок. Негодяй выхватил пистолет и наугад выстрелил, пуля отколола кусок от балки возле стопы Стокера. Стокер не задержался после этого. Он взмыл вверх по веревке, быстрый, как гиббон, и просунул свой торс в окно, когда еще одна пуля просвистела мимо.

Не дожидаясь третьего выстрела, я сунула руки под плечи Стокера и изо всех сил потянула на себя, вызвав у него рев боли. Он ворвался в окно, как дьявол из ада, опрокинул меня на спину и приземлился сверху, выбивая воздух из моих легких.

Я лежала, ошеломленная, пока он не поднял меня на ноги одной рукой, а Эдди — другой. Мы вскочили, свалив кучу кирпичей, и помчались к парапету. От края склада до крыши соседнего дома был фут или около того. Мы бросились к парапету и, не колеблясь, перепрыгнули. Мы благополучно приземлились, но эта крыша оказалась гораздо круче, и каждый из нас несколько раз терял опору. Я осмелилась разок взглянуть вниз, но отступила, как только Тихий Дэн выстрелил из своего оружия, выкрикивая что-то в толпу людей на улице.

Похоже, внизу находился редко посещаемый мной квартал Лондона, населенный моряками, нищими и старьевщиками. Под нами мерцали огни, но ползущий со стороны реки туман заслонял обзор, за что я была искренне признательна. Если мы не могли разглядеть их, они не могли видеть нас.

К сожалению, они могли слышать нас. При беге мои туфли глухо стучали, выдавая местонахождение. Стокер все еще оставался в чулках, он неслся молча, но из-за повреждений в ребрах хрипел, как астматичный осел.

Эдди издавал небольшие вздохи — возбуждения или боли, я не была уверена.

Далеко под нами я услышала голоса наших преследователей, к ним добавилась ругань Арчибонда. Он бранился, гневно крича Тихому Дэну, что де Клэр вряд ли его похвалит за стрельбу по племяннице. Выстрелы прекратились. Но все же заговорщики отметили наше движение по улице. Мы остановились, чтобы перевести дух. Прислонившись к дымовой трубе, мы вдыхали полной грудью закопченный сажей ночной воздух. Едва Стокер осмелился взглянуть через край крыши, сразу же раздался крик одного из ирландцев: «Вот он!»

Мы подождали еще немного, а затем раздался безошибочный звук тяжелых сапог, подбитых гвоздями, поднимающихся по внешней лестнице здания. Это был коротышка, второй приспешник дяди. Эдди согнулся вдвое, его узкая грудь вздымалась, когда он пытался отдышаться. Я поняла, что он не сможет бежать дальше.

— Должны ли мы противостоять? — я спросила, расправив плечи и готовая встать спиной к спине с моими доблестными спутниками.

— Боже, нет, — горячо сказал Стокер, взяв меня за руку. Он поманил Эдди. Мы прыгнули на соседнее здание, успев приземлиться в безопасности. Нашему преследователю не так повезло. Я видела дикий свет в его глазах, руки царапали пустой воздух, когда он падал. Мгновение спустя я услышала глухой стук и протяжный стон. Эдди остановился, но Стокер подтолкнул его к дымовым трубам и к узкой деревянной двери, ведущей к шаткой лестнице. Мы сбежали по ступенькам в тупик, прорвались через двери и выскочили в задний двор. На мгновение задержка Эдди и созданное замешательство приостановили преследование. Мы воспользовались этой возможностью, чтобы исчезнуть в переулке, держась в тени, пока не вышли на более широкую улицу.

— Где, черт возьми, мы находимся? — пробормотала я. Эдди недоуменно оглядывался, словно удивляясь, что в его столице может существовать такое грязное и злобное место.

— Это не может быть правдой, — выдавил из себя он. Стокер посмотрел вверх и улыбнулся.

— Я точно знаю, где мы находимся, и точно знаю, куда идти.

Мы были довольны, что он взял на себя руководство, предоставив нам шанс на отдых и давая ему возможность установить темп. Бегать по крышам с набором раненых ребер — подвиг не для слабонервных, и Стокер принял вызов, как воин. Но сейчас бег привлек бы к нам внимание, было гораздо лучше смешаться с людьми на улице. По крайней мере,

насколько это возможно, учитывая, что Стокер — полуголый и босой, а Эдди одет в окровавленную рубашку. Я была самым пристойным представителем нашей маленькой группы, и даже я напоминала беглеца из ближайшего бедлама. Но мы похромали дальше, надеясь отыскать убежище.

Как я и предполагала, мы находились в беднейшей части города, где можно купить трубку опиума так же дешево, как добродетель женщины или кусок шелка. Если бы был шелк. Женщины, которых я видела, были одеты в дешевую мишуру, гордые своими с трудом завоеванными оборками и скудными радостями. Их лица казались шальными от джина и безнадежности, с прищуренным взглядом, присущим тем, кто знал бедность — близкого спутника на протяжении всей жизни. Мужчины мало отличались, они всматривались в бокалы с пивом и хвастались друг другу воображаемыми победами.

Стокер вел меня за собой с видом человека, претендующего на свою собственность, и у меня хватило ума не перечить. Здесь действовали другие правила. Ожидалось, что ночью одинокая женщина зарабатывает на жизнь, поднимая юбки, и вряд ли может рассчитывать на какую-то безопасность. Мысль, что мне нужна защита, ужасно раздражала. Я утешалась тем, что так легче присматривать за Стокером, исподтишка изучая окружающих и следя за погоней. Эдди молча следовал за нами. Я почти не опасалась, что кто-то свяжет его с лихим молодым человеком, чья фотография украшала окна многих заведений. Мы привлекли внимание — в основном это были шутливые комментарии о наших костюмах. Выражение лица Стокера положило конец чему-то большему. Здесь уважали силу, а синяки на его лице демонстрировали, что он не тот человек, который испугается драки. Немногие рискнули бы бросить ему вызов, да и те глубоко утонули в своих стаканах, так что пока нам удалось избежать проблем.

После нескольких головокружительных поворотов и получасового блуждания по лабиринту (я никогда не смогла бы найти их на карте) мы пришли в небольшой трактир на углу, блестящий светом огней, шумный от разговоров и веселой музыки. Веселья поубавилось, когда двери распахнулись, и две женщины, схватившие друг друга за волосы, вывалились на улицу. Остальные посетители кинулись за ними, заключая добродушные пари на последовавший кулачный бой.

Между ударами был выдвинут ряд встречных обвинений, и вскоре стало ясно, что они ссорились из-за работы — одна из них воспользовалась возможностью другой.

— Я не найду другое такое хорошее место, ты, сука криворукая! — орала меньшая из двух. Я волновалась за ее хрупкую фигуру, но она оказалась победителем, выбив противницу в канаву. Она принимала похвалы толпы, взорвавшейся одобрением. Проигравшие отдавали монеты, кто-то сунул ей в руки стакан джина. Она начала потягивать джин и тут увидела нас.

— Г-н Стокер! — воскликнула она. — Необычно видеть вас здесь!

— Привет, Элси, — сказал он, протягивая руку.

Она встряхнула ее с гордостью. Несколько собравшихся завак восхищенно глазели, раззинув рты.

— Вы только гляньте! — я слышала шепот одного из зрителей. — Рукопожатие с поклонниками, ну, дает, наша Элси. Она сейчас в гуще событий, не так ли?

Элси дернула в их сторону подбородком.

— Держите языки повежливее, вы там! Рада вас видеть, мистер Стокер. Вас тоже, мисс, — добавила она, кивая мне.

Я узнала ее — беглое давнишнее знакомство возле Карнак-Холла. В последний и единственный раз, когда я встретила Элси, она обслуживала джентльмена в переулке. Она была в восторге от Стокера, хотя моя встреча с ней была в лучшем случае мимолетной.

— Элси, давно не виделись, — поздоровалась я вежливо. — Надеюсь, у вас все хорошо.

— Лучше, чем у вас, судя по всему, — сказала она. — Кто ваш друг?

Выражение лица Эдди казалось безумным, и у меня появилось самое ужасное предчувствие, что он собирается раскрыть свою истинную личность.

— Это Эдди, — вмешалась я, аккуратно наступая ему на ногу. — Он немой, не говорит ни слова, — добавила я. — Ни единого слова, — закончила я с предупреждающим взглядом на принца. Он энергично кивнул.

Элси тепло улыбнулась.

— Любой друг мистера Стокера приветствуется здесь.

— Это очень мило с вашей стороны, Элси. Боюсь, мы столкнулись с проблемой сегодня вечером, — начал Стокер.

Она пристально осмотрела нас.

— Узнаю людей в бегах, когда вижу их. Давайте-ка заберем вас внутрь, подальше от посторонних глаз.

Элси затащила нас в питьевое заведение и подвела к угловому столику. Другие посетители просочились внутрь, вернувшись на прежние места за

столами и у барной стойки. Наша хозяйка крикнула трактирщику, обслуживающего завсегдатаев:

— Не забудь закрыть дверь, Том. Нам не нужны посторонние.

Он выполнил указание, пока Элси усаживала нас с заботливостью курицы-наседки о своих цыплятах.

— Итак, мои утята. Пойду принесу бутылку. Располагайтесь с комфортом. Я вернусь через секунду.

Она торопливо ушла. Я с любопытством посмотрела на Стокера, Эдди пристально следил за нами.

— Это не то, что ты думаешь, — начал Стокер.

— Думаю, что пока я была на Мадейре, ты решил найти Элси и убедиться, что она не пострадала от последствий нашего последнего расследования, — спокойно сказала я.

Стокер быстро моргнул.

— Ты понимаешь, что раньше тебя бы сожгли как ведьму?

— О, без сомнения, — согласилась я. — Было трудно найти ее?

Он пожал плечами.

— Не очень. Я начал расспрашивать вокруг Карнак-Холла и в конце концов отыскал ее недалеко отсюда. Купил ей горячую еду, и мы долго разговаривали. Я вернулся опять через несколько недель, и у нас сложилась своего рода дружба, хотя она никогда бы это так не назвала.

Когда Элси вернулась, он замолчал. За ней следовала худенькая барменша со свежей бутылкой джина и четырьмя чистыми стаканами.

— Вот и мы, мои дорогие. Выпейте капельку. За ваше здоровье! — настаивала Элси, поднимая стакан.

Должна признать, спиртное не помешало. Эдди выпил с энтузиазмом. Я нашла напиток оживляющим после злключения и надеялась, что джин окажет обезболивающее воздействие на многочисленные травмы Стокера. Элси рассматривала его с понимающим взглядом.

— Попали в переделку, мистер Стокер, а? Я вижу следы. Ну, вам не о чем беспокоиться. Вы среди друзей, — сказала она тепло. Она кивнула мне. — Вы тоже, мисс.

— Спидвелл, — сообщила я ей. — Хотя вы можете называть меня Вероникой.

Она приподнялась, пучок шелковых фиалок на ее шляпе с негодованием покачнулся.

— Не думаю! Это неприлично! Я буду вас называть «мисс Вероника», но дальше этого никогда не зайду.

— Очень хорошо, — подчинилась я дисциплинированно. Эдди

протянул руку, чтобы налить себе еще одну порцию джина. Ухмыляясь залихватски, он прикончил второй стакан большими глотками.

— Помедленнее, парень, — добродушно посоветовала ему Элси. — Джин — напиток не для джентльменов, и ты, осмелюсь сказать, не готов к этому.

Эдди моргнул и прижал пустой стакан к груди, слегка сплетаясь на стуле. Он пил слишком быстро, и пережитые несчастья начали сказываться. Повернувшись к Элси, я увидела, как рука Эдди змеей потянулась к бутылке, и попыталась отбить ее, но Стокер заступился.

— У Эдди был долгий и утомительный день, Вероника, — намекнул он уклончиво. — Возможно, для всех будет неплохо, если он выпьет на сон грядущий.

Эдди энергично кивнул и налил себе еще одну порцию джина. Он нежно, как новорожденного ребенка, лелеял стакан. Я пожала плечами. Пожалуй, Стокер прав. Если Эдди напьется до бессознательного состояния, это исключит вероятность публичного раскрытия его личности.

Я повернулась к Элси.

— Стокер говорит, что вы встречались прошлой весной.

Она покраснела от удовольствия.

— Что есть, то есть, мисс. Он хороший человек.

— Он хороший человек, который не возражает против посещения удобств наверху, — сказал Стокер, поднимаясь. Элси направила его к ближайшему сортиру с осторожными инструкциями на предмет капризов темпераментного водопровода. Когда он зашагал, она откинулась назад, оглядывая его любящим взглядом.

— Мне нравится наблюдать, как он уходит, — она пристально следила за его спиной, пока он не поднялся по лестнице. Она бросила взгляд на Эдди, сползшего в кресле, его пальцы провисли вокруг стакана. Затем повернулась ко мне. — Знаете, у меня не было свиданий с мистером Стокером в профессиональном смысле, — она внезапно посерьезнела. — Он никогда и пальцем ко мне не прикоснулся.

— Я знаю.

Она кивнула и наполнила мой стакан.

— Так что мы прояснили это. Он хороший парень, невинный как ягненок, и у меня нет намерения сбить его с пути.

Я закашлялась, чуть не задохнувшись от джина и еще больше от ее оценки характера Стокера.

— Вы считаете его невинным?

Она расширила глаза.

— Господи, мисс. Если есть на свете, что я знаю от и до, так это мужчины. И этот — золото. Он никогда не поднимет руку на женщину и никогда не подумает о худшем. Он ставит нас на пьедестал, это точно.

Я подумала и решила, что Элси права в своей оценке. Она продолжала:

— Он посылает мне пособие, знаете. Анонимно. Я не собираюсь раскрывать личность благодетеля, но он не настолько умен, как думает. Шлет деньги через работницу из общества воздержания, она приносит каждый раз по двадцать шиллингов. Благослови его Бог, он хочет убедиться, что мне хватает на кровать и горячую еду.

— Он мог бы найти вам работу, — заметила я. — Лучше работать, чем то, что у вас есть.

Она моргнула.

— Мне нравится моя работа, мисс. Я делаю шелковые цветы, когда могу получить материалы. Я сделала это, — добавила она, касаясь пальцем маленького букета шелковых фиалок. Каждая имела изящную форму с крошечной золотой бусинкой в сердцевине и листом зеленого бархата. Букетик был перевязан лентами из зеленого и фиолетового шелка и добавил элегантности ее черной шляпе.

— Очень красиво, — сказала я правдиво. — Разве вы не можете получить работу у шляпочника?

Она взмахнула рукой.

— Куда там, мисс. Это для девочек, а я не весенний цыпленок. Я делаю цветы старомодным способом, моя бабушка научила меня. Но в наши дни пошла мода на огромных чертовых птиц, и я не стану набивать птицу на голову. Это неестественно. — заявила она яростно.

Я вынуждена была согласиться. Мода на дамские шляпы с чучелами птиц была отвратительна.

Она продолжала:

— Нет, мисс. Я делаю цветы для менее дорогих поставщиков, когда в руках есть ловкость. Как задует восточный ветер, пальцы раздуваются, точно камберлендские сосиски. Гожусь разве что застегнуть ботинки. — Она вытянула руки. Костяшки пальцев распухли, помеченные ревматизмом — следствием бесчисленных изъязнов жизни бедняков: скверным питанием, сырыми кроватями и холодными ночами, проведенными на туманных улицах.

— Вот тогда я ищу себе парня на вечер чтобы заработать пару монет, — пояснила она, как будто это было так же естественно, как и все остальное.

Стокер вернулся, тяжело опустившись на стул. Элси дала знак подать

другую бутылку. Мы потягивали мерзкий напиток, будто лучшее винтажное шампанское. Не стоило оскорблять нашу хозяйку, и врожденная вежливость Стокера стала легендой.

Он взглянул на ее руки и слегка коснулся кончика пальца.

— Ревматизм. Наступает ноябрь, Элси. Тебе нужно спать внутри.

— Это не всегда получается, мистер Стокер, — ощетинулась она, ее рот сжался упрямо.

— А как насчет пособия от общества воздержания о котором ты мне говорила? — мягко спросил он.

Мы с Элси обменялись быстрыми взглядами. Ни одна из нас не хотела говорить Стокеру, что его маленькая выдумка раскрыта. (Знаю из собственного опыта: мужчины бывают сбиты с толку — если не сбиты с ног — правдой. В таких обстоятельствах добрее позволить им продолжать верить в то, что им нравится).

— Иногда я помогаю другим девушкам, — сказала она, вскидывая подбородок. — На прошлой неделе Лонг Бет были нужны новые ботинки, а Мэри Джейн не хватило несколько шиллингов заплатить за комнату. У нее есть маленькое уютное место прямо за углом, — добавила она. Мечты в этой части города были такими же тощими и сжатыми, как лица. Четыре стены, чтобы назвать своей. Горячая еда, пара туфель с целой подошвой.

Я подумала о маленьком готическом храме, который лорд Розморран отдал мне в полное распоряжение, убежище, где я жила в уюте и безопасности. Мне готовили еду на графской кухне, платили щедрую зарплату. Многие ошибочно приняли бы Элси за отброс общества, а меня часто принимали за леди, но ни то, ни другое не было полностью правдой. Мы обе были женщинами, которые работали, прокладывая свой путь в мире. У меня был профессионализм и знания, но главное преимущество заключалось в том, что мне повезло родиться в привилегированном классе. Я могла бы немного упасть, но Элси, что бы ни делала, не могла подняться.

Стокер продолжал, стараясь не ругаться.

— Где вы спите, когда делитесь своими монетами?

Она пожала костлявым плечом.

— Угол двора иногда. Тихий дверной проем.

— Спать там опасно, — сказал ей Стокер. — Особенно сейчас.

Он не произнес имя монстра, не было необходимости. Все в Лондоне знали об убийственном дьяволе, преследовавшем с изуверской жестокостью жительниц Уайтчепела.

Элси с любовью посмотрела на Стокера и похлопала его по руке.

— Господь с вами, я могу позаботиться о себе, мистер Стокер. Не

тревожьтесь.

Но между его бровями прорезалась морщина. Я знала, что он думает об Элси, упрямой, неисправимой, щедрой Элси, делящей свою скудную награду с друзьями.

Она внезапно поднялась.

— Давайте, утята. Вы не можете шастать по городу в этой одежде. Я поговорила с друзьями. Мы скинулись, чтобы вас одеть прилично и раздобыть немного перекусить.

Она поднялась наверх и показала нам ночлег — небольшую комнату с узкой кроватью и умывальником с потрескавшейся раковиной. Под грубоватое подбадривание Стокера Эдди кое-как справился с лестницей и плюхнулся на кровать.

Элси посмотрела на него с теплом.

— Симпатичный парень, верно? Думаю, у него есть мать, которая его нежно любит. Только взгляните на эти усы! — Она покачала головой. — Но он не умеет пить, и это — божья истина.

У Эдди вырвался храп, и Элси ушла, чтобы найти нам одежду. Мы со Стокером, дрожа, по очереди мылись из кувшина с холодной водой, но были счастливы стать хотя бы немного чище. Я сняла с себя наряд Боадицеи, а Стокер чистил рубашку, которую одолжил Эдди, тонкий хлопок потрескался от засохшей крови. Появилась Элси, ее руки были полны одежды, и она закудаhtала вокруг ран Стокера.

— Я принесла кое-что для ваших синяков. Видела, моряки часто этим пользуются после драк, — добавила Элси. Она приготовила полоски бинтов и бутылку зверски едкого линимента.[\[20\]](#) — Это поможет. — Не дожидаясь разрешения, она наклонилась к Стокеру, и взяв пригоршню мази в руку, принялась втирать ему в кожу.

Стокер взвыл в знак протеста, но Элси не дала ему сорваться с крючка. Она крепко удерживала его, пока гадкая смесь не впиталась.

— Разве это не типично для мужчин? — она потребовала. — Поднимают такую шумиху из-за хорошего лошадиного противовоспалительного. Я меньше шумела, когда рожала.

— У вас есть дети? — спросила я, встряхивая юбки, которые она принесла для меня.

— Да, мисс. Двое. Молли на службе у торговца вином, а Джемми палубный матрос на одном из этих огромных кораблей Кунарда,[\[21\]](#) — сообщила она с безошибочной гордостью.

— Вы часто их видите? — Я влезла в юбки и крепко подвязала их вокруг талии.

— Небеса нет, мисс. Это ни к чему, — сказала она без малейшего сожаления. — Они моя плоть и кровь, и я люблю их. Однако черта с два позволю им жить так, как я. Их жизнь будет лучше моей! Ежели поймаю их в этой части города, задам им трепку, уж будьте уверены.

Я не сомневалась. Большинство матерей в ее ситуации позволили бы детям идти по своим стопам, их будущее было бы ограничено бедностью и недостатком воображения. Но Элси увидела мельком лучший мир, и я восхитилась тем, что ей удалось запустить в него своих детей.

Она по-хозяйски впихнула Стокера в комплект одолженной одежды (вплоть до сапог).

— Получила от Тома из бара, — объявила она гордо. — Говорит, что продаст их вам за три шиллинга.

Стокер вручил ей пустой бумажник Тибериуса, превосходную вещицу из бутылочно-зеленой кожи, украшенную серебром.

— В нем нет и двухпенсовика, но могу обещать: Том получит за нее в ломбарде намного больше, чем три шиллинга.

Она поспешила совершить обмен, пока Стокер упорно боролся, чтобы всунуть Эдди в умеренно чистую рубашку из полосатого хлопка. Завязав теплый шарф вокруг его шеи, он уронил дремлющего принца обратно на кровать. Через пару минут вернулась Элси с сообщением, что Том принял бартер. Тут же появилась другая фигура: молодая женщина, блондинка с высоко поднятыми волосами в попытке создать романтический ореол.

— Это мой друг, — представила ее Элси, — Мэри Джейн.

Девушка протянула руку.

— Я предпочитаю Мари Жанетт, — сказала она с легким упреком.

Элси слегка толкнула приятельницу в бок, ее голос звучал снисходительно:

— Ты — Мэри Джейн Келли. Не задирай нос, моя дорогая.

Девушка сунула мне платье.

— Элси сказала, вам нужно что-нибудь надеть. Вот, мое второе лучшее.

— Это очень мило с вашей стороны, — начала я, но она отмахнулась от меня.

— Любой друг Элси. Если б не она, у меня не было бы комнаты, — гордо сказала женщина. Принесенное платье было слишком коротким и того ядовито-зеленого цвета, который можно найти только в роскошных джунглях. Но это было намного лучше моего собственного наряда, и я снова поблагодарила ее.

Мэри Джейн застегнула платье на спине, а Элси сняла усыпанную

фиалками шляпу со своей головы и крепко пришпилила к моим волосам.

— Так-то лучше, мисс. Теперь вы прилично одеты, хотя эти ботинки не идут к платью. Сюда надо черное шевро.

Я посмотрела на смелые алые сапоги, которые она нашла для меня.

— Неважно. Я очень благодарна вам, Элси. И вам, Мэри Джейн. Позвольте нам заплатить за одежду.

Она отмахнулась от меня.

— Неважно, мисс. Мы рады помочь вам, все мы.

Меня глубоко тронули ее слова. У людей, которые зарабатывали на жизнь в Уайтчепеле, имущества имелось раз-два и обчелся, но они охотно делились последним. Это было место, где заваренные чайные листья с радостью передадут другу на секунду. Я не стала обижать девушку, снова предлагая деньги, но пристально посмотрела на Стокера, и он незаметно кивнул. Мы знали, что ничто так не позволяет человеку чувствовать себя богатым, как возможность давать другим. Лишать Элси ее щедрости — вовсе не благодущие. Со временем Стокер позаботится, чтобы Элси получила небольшую сумму, и она, несомненно, разделит награду. Одежда в этом квартале служила товаром и могла продаваться либо закладываться по цене еды или ночлега. Отданные нам богатства были свидетельством щедрости Элси с друзьями в трудные времена.

Одежда оказалась наименьшим из щедрот, которыми нас одарили той ночью. Элси отправила мальчика в харчевню на соседней улице, и он принес две накрытые тарелки, все еще исходящие паром.

— Я не заказала ничего для вашего парня, Эда, — она удовлетворенно кивнула на тарелки. От густой подливки, пузырящейся через отверстия в корках золотого теста, шел восхитительный запах. — Сомневаюсь, что он захочет есть какое-то время, но вы двое должны поесть сейчас.

Стокер уже втыкал вилку в тесто, посылая на тарелку реки густого соуса.

— Пирог с угрем, — радостно сказал он, с энтузиазмом атакуя еду.

Я ела свой пирог почти так же быстро — голод не тетка! — и от страха, что Стокер набросится на него, если я промедлю. У нас была маленькая миска для выплевывания костей; и пока мы ели, Элси суежилась, аккуратно складывая нашу старую одежду в корзину.

— Имейте в виду, я бы предпочла все это хорошенько отстирать. Только ваша туника не годится ни для чего, кроме тряпичной корзины, — она хлопотливо предупредила меня.

— Не могу представить, что мне это когда-нибудь понадобится. Оставьте, чтобы продать тряпичнику, — успокоила ее я. Костюм был взят

напрокат, и Тиберий дал поручительство. К сожалению, наряд превратился в лохмотья, а твара каталась где-то в темноте «Club de l'Étoile». «По крайней мере, я смогу вернуть армиллы», — мрачно подумала я.

Элси кудахтали и беспокоились с привередливостью старой девы. Мы подобрали остатки соуса хлебом. Еда была сытной и горячей — это все, что можно сказать в ее пользу. Несмотря на восхитительный аромат, пирог с угрем был жирным, а хлеб имел странный, неприятный привкус,

— Это штукатурка Парижа, — сказала Элси, произнеся «Пари-и».

— Штукатурка? — недоумевала я.

— Пекари добавляют ее в муку, — объяснила она с уверенностью человека, не ожидающего лучшего.

— Они фальсифицируют хлеб?

— И молоко, и мясо, и консервы, — вставил Стокер. — Между этим местом и Гернси нет ведра молока, в котором нет мела.

— Господь знает только, как мне удалось вырастить на нем моих малышей, — согласилась Элси.

— Бессовестно, — возмутилась я, делая мысленную пометку послать ей буханку хорошего белого хлеба, всегда в изобилии имеющегося на столе в Марилебоне. Многие вещи, живя в доме графа, я считала само собой разумеющимися. Иногда мы обедали с графом, в остальное время — кухня его светлости снабжала нас едой, и профессиональная честь кухарки гарантировала первоклассный стол даже сотрудникам хозяина.

Элси пожалала плечами.

— Так было всегда, мисс. Не беспокойтесь об этом. Теперь, мистер Стокер, доедайте пирог и я провожу вас вниз по лестнице.

Стокер сунул последний кусок пирога в рот и поднялся на ноги. Слишком тесные ботинки явно жали, но это лучше, чем пересекать Лондон в чулках. Он разбудил Эдди, плеснув ему в лицо холодную воду.

Эдди вздрогнул, яростно моргая. Однако увидел Элси и в самый последний момент подавил протесты, довольствуясь хмурым взглядом. Он заметил чистую рубашку и погладил ее благодарно. Элси одарила его улыбкой, проговаривая:

— Носи на здоровье, парень. Эта полоска тебе идет, еще как идет! — Он склонил голову со всей добротой, которую позволяло его происхождение.

Элси торопливо вела нас по узкой лестнице, предназначенной для служанок. Единственная желобная свеча освещала грязное замкнутое пространство, пока мы нащупывали путь вниз. Остановившись у маленькой двери, Элси повернулась к Стокеру. Она сунула руку под юбку и

вытянула длинный тонкий клинок.

— Вам понадобится оружие, мистер Стокер, — заявила она.

Он покачал головой.

— Оставьте себе. Если вы предпочитаете спать на улице, вам нужно оружие защищаться.

— Благослови вас Бог, сэр, у меня есть кое-что получше, — Элси усмехнулась, доставая зловещий нож с острыми зубцами. Она убрала нож и взмахнула указующе рукой:

— Этот проход ведет во двор. Пересеките его. В задней стене увидите дверь, выходящую на Флауэр и Дин-стрит. После себя не забудьте надежно закрыть дверь и поверните налево к Брик Лейн. Следуйте по ней к реке до Уайтчепел Хай-стрит. Вокруг еще полно народу, так что вы не привлечете к себе внимания, но все равно лучше держаться в тени.

Мы пообещали, что выполним ее указания. Последовали изъявления благодарности с нашей стороны и многочисленные смущенные протесты с ее стороны. Наконец, мы ступили в темноту. Следуя инструкциям, пересекли двор дворца джина, нашли дверь в стене и проскользнули на улицу. Небольшая проезжая часть, скорее переулок, соединяла две большие дороги. Кое-где тротуар пронизывали лужи теплого желтого света от фонарных столбов. В мерцании ламп я увидела, что мягкая вуаль тумана поднимается над рекой в прохладном ночном воздухе. Когда мы шли, он кружился и густел, приглушая одни звуки и приближая другие.

Не говоря ни слова, я взялась за руки со Стокером и Эдди в жуткой прогулке по лондонским улицам той ночью. Передвигаясь от тени к золотому свету и обратно, вкатывался туман, скрывая лица и фигуры тех, кого мы обгоняли. Меняющаяся погода загнала многих людей внутрь. Было тише, чем я ожидала, лишь иногда рядом раздавались шаги. Наши шаги резко прижимались к тротуару — обнадеживающий и твердый Стокера рядом с моим, быстрым и легким. Эдди почти молчал в своих вечерних туфлях. Я начала узнавать прохожих по звуку их шагов. Колеблющиеся птичьи шумы принадлежали пожилой женщине, склонной к ревматизму. За ними следовала медленная, тяжелая поступь здорового парня. Он был навеселе, но не совсем пьян, бредя с преувеличенной заботой человека, уверенного только в своей неуверенности.

Ночные путники проходили мимо, неясные как фантомы. Мгла рассеивалась ненадолго, мы успевали выхватить часть морщинистого лица или дородную фигуру, и снова оставались одни в темноте. Наши уши заострились, как у сторожевой собаки, напрягаясь от любого возможного звука преследователей.

Мы сделали еще один поворот, но, должно быть, ошиблись, потому что вместо широкой главной дороги Уайтчепел Хай-стрит оказались в узком и зловещем переулке. Сломанные бордюрные камни и грязные желоба были едва различимы в свете единственного уличного фонаря.

— Стокер, — начала я. Я не успела закончить.

— Знаю. Нам лучше повторить наши шаги, — Его тон был полон раздражения, но я понимала, что это не из-за меня. - Я не уделял достаточно внимания, — сказал он. — Эти адские ботинки жмут. Дай мне минуту.

Стокер шагнул в сторону и согнулся, срывая их от ног. Он вытащил нож, который дала ему Элси, чтобы подрезать подьемы на ботинках. Эдди выбрал этот момент, чтобы щедро опустошиться в канаву, извергая остатки дешевого джина. Я отодвинулась подальше и ждала, стоя в одиночестве под светом уличного фонаря.

Я ощутила его присутствие, прежде чем увидела. Просто еще одна тень в ночной мгле. Он отделился из мрака, направляясь ко мне, темнее темноты за ним. Ничем не примечательный рост, пальто черное как крыло ворона. Шляпа надвинута к носу; плотно обмотанный вокруг нижней части лица шарф скрывал все остальное. Он целенаправленно двигался, подходя ближе ко мне, когда я обернулась.

Я представляла, как это должно выглядеть — одинокая женская фигура, стоящая под уличным фонарем в этом конкретном квартале. На мне было бросающееся в глаза платье: короткое, с низким вырезом, из дешевого кружева, пошитое, чтобы привлечь внимание. На лице все еще оставались следы краски от костюмированного бала; на голове аляповатая шляпа с фиалками, также бросающаяся в глаза.

Долгие годы я думала об этом моменте. Мне угрожали бесчисленное количество раз, я сталкивалась со смертью чаще, чем хотела бы сосчитать. Но никогда за всю свою жизнь я не чувствовала такого хищного присутствия, как это! Он не пытался причинить мне вред, ничего не сказал, мне ничего не угрожало. Я даже не уловила насилия в нем. Не это заставило меня похолодеть до мозга костей. Единственное, что я ощутила — предвкушение, нарастающее волнение при учащении его шага, резкое дыхание.

В этот момент Стокер выпрямился позади меня.

— Вот, это должно помочь с чертовыми ботинками, — воскликнул он, его голос звенел в тумане. Эдди присоединился к нам, вытирая рот тыльной стороной ладони.

— Прошу прощения, — сказал он устало. — Думаю, возможно,

спиртное было не самого высокого качества.

Темный человек не ослабил движения. Он просто изменил курс, быстро свернув в сторону, но все еще приближаясь ко мне. Его рука коснулась моих юбок, когда он проходил мимо. Когда его перчатка задержалась на дешевой ткани, я услышала его дыхание. Медленный, стонущий выдох слегка взъерошил свисающую на щеку прядь моих волос.

А потом он исчез, растворился в тени. Стокер и Эдди даже не заметили, как он проходил мимо, такими легкими и тихими были его движения. Но я не забуду его, пока жива — зло коснулось меня той ночью.

Эдди пришел в себя. Ботинки Стокера больше ему не мешали. Он с ясной головой подошел к проблеме навигации, и вскоре мы взяли правильный курс. Мы шли по темным улицам, пока не достигли Уайтчепел Хай-стрит и длинной дороги к дому.

Глава 19

Мы двигались медленно — из-за густого тумана, травм Стокера и пьяной усталости Эдди. Теперь, когда волнение полета ослабло, у нас ломило в костях от утомления. Наши шаги вспугнули несколько влюбленных пар, амурничающих в переулках, и случайный бродяг, обосновавшихся на ночь под кустарником. Полицейские пару раз бросали на наше трио проницательный взгляд, но никто не остановил нас.

Когда мы пересекали улицу, колокола церкви Непорочного Зачатия в Мэйфэре пробили четыре утра.

— Я совсем забыл, — сонно спросил Эдди, — куда мы направляемся?

— Дом моего брата, — ответил Стокер.

— О, действительно? — Эдди моргнул, чтобы проснуться. — А почему мы идем туда? Лорд Темплтон-Вейн ждет нас?

— Не тот брат, — коротко сказал Стокер.

Он привел нас к мирной площади в нескольких улицах от адреса Тибериуса. Дома здесь были немного скромнее, но не уступали в цене. Держась в тени, мы спустились по лестнице к скромному входу для прислуги. Стокер тихо постучал в дверь. Через какое-то время появился дворецкий с крепко завязанным халатом и таким аккуратным ночным колпаком, что мне стало интересно: не спит ли он стоя. Он с хмурым видом открыл дверь. Увидев Стокера, дворецкий от удивления отпрянул.

— Мистер Стокер! Добрый вечер, сэр, — поклонился он. — Все ли в порядке?

— Пока нет, но будет, Дирсли. Не могли бы вы разбудить сэра Руперта и сообщить ему, что я здесь.

— Конечно, сэр, но разве вам и вашей компании не будет удобнее в гостиной?

Легкая улыбка заиграла на губах Стокера.

— Думаю, не помешает немного осмотрительности, — сказал он заговорщицким шепотом.

Дирсли снова поклонился.

— Как пожелаете, сэр. Это займет лишь мгновение. Могу я предложить угощение вам и вашим друзьям? — Он посмотрел на Эдди, который еле плелся. — Возможно, немного крепкого черного кофе?

— После того, как вы разбудите моего брата, — попросил Стокер.

— Очень хорошо, сэр. — Дирсли поспешил прочь.

Мы прошли на кухню и усадили Эдди на стул. Он немедленно задремал, уронив голову. Прошла минута или две, прежде чем появился хозяин дома с Дирсли в арьергарде.

— Стокер, что за дьявол... о, простите меня, мисс Спидвелл. Я не видел вас.

В отличие от дворецкого, Руперт выглядел неприбранным: халат явно завязывался спешке, каштановые волосы взлохмачены. Произнося все это, он пригладил их и натянул халат на голые голени. Я успела заметить, что у него, как у Тибериуса и Стокера, довольно красивые ноги.

— Добрый вечер, сэр Руперт, или следует сказать «Доброе утро»? — спросила я вежливо.

Он оглядел мой костюм с его обильным дисплеем на груди и сразу же отвел взгляд, яростно покраснев.

— Стокер, надеюсь, у тебя есть отличная причина прогуливаться с мисс Спидвелл в такое время.

Вместо ответа Стокер указал на Эдди, сгорбившегося и дремлющего в кресле. Сэр Руперт посмотрел мельком, затем вздрогнул и уставился на спящего принца.

— Это...

— Да, — подтвердил Стокер.

Руперт глубоко вдохнул.

— Был ли он...

— Да, он перепил, но это вполне понятно в данных обстоятельствах, — извиняющимся тоном сказала я.

Выражение лица сэра Руперта стало болезненным. Он жестом предложил Дирсли закрыть кухонную дверь и принялся готовить кофе, прежде чем снова повернуться к нам.

— Я не хочу никого обидеть, поймите меня правильно. Надеюсь, вы простите бестактность вопроса: вы случайно не похитили этого молодого человека?

— Мы никого не похищали, — заверил его Стокер.

— Хотя его похитили, — сказала я. — Но не мы.

— Мы как раз освободили его, — сказал Стокер.

— Это самое меньшее, что мы могли сделать. Он был частично похищен из-за нас, — вставила я.

— Я не уверен, — задумчиво возразил Стокер. — Думаю, они захватили б его с нами или без нас, хотя наше присутствие определенно сыграло роль в их плане. Было удобнее похитить нас вместе.

— О да, — согласилась я.

Руперт ущипнул себя за переносицу.

— Не могли бы вы начать с самого начала? — призвал он.

— Конечно, — сказал Стокер.

По невысказанному соглашению мы все замолчали, пока Дирсли не закончил варить кофе. Он поставил на стол кофейник и различные приборы и осторожно удалился, оставив нас созывать военный совет. Я играла в маму: налила дымящийся кофе в чашки для братьев и еще одну для Эдди. Его чашку я отставила в сторону немного остудить, пока он отдыхал.

— Ничего нет перекусить? — Стокер спросил брата с надеждой.

Сэр Руперт развел руками.

— В буфете есть бананы, но в остальном, боюсь, не могу помочь. Я понятия не имею, где хранится ключ от кладовой.

Я не была удивлена: многие джентльмены не знали, где находятся их кухни. Стокер только открыл рот — без сомнения, чтобы предложить взломать замок, — как дверь кухни открылась и появилась высокая статная фигура. На женщине был надет пеньюар исключительно тонкого фиолетового шелка, ночной чепчик из бельгийского кружева аккуратно завязан под подбородком. Она несла себя с таким достоинством, словно ее украшало придворное платье.

— Стокер! — воскликнула леди с подлинным удовольствием. Она вышла вперед, протягивая к нему руки. Стокер вскочил на ноги.

— Привет, Лавиния. Мне жаль, что я разбудил весь дом.

Она подставила щеку для поцелуя, и Стокер подчинился.

— Не беспокойся, дорогой мальчик. Мы не видим тебя достаточно и наполовину, — сказала она тихим и музыкальным голосом.

Она увидела меня и улыбнулась.

— Вы, должно быть, мисс Спидвелл. Тибериус говорил о вас с величайшим восхищением.

— Это очень мило с вашей стороны, леди Темплтон-Вейн, — сказала я.

Она посмотрела на стол.

— Я вижу, Дирсли справился с кофе, но на столе должна быть еда, и насколько я знаю Стокера, она должна быть сладкой. — Лавиния вытащила ключ из кармана, открыла кладовую и извлекла оттуда большой кекс, сыр, кусок холодной ветчины и немного чатни. Она быстро нарезала ветчину и разложила на тарелки.

— Перекусите! И когда закончите, попробуйте объяснить, почему будущий король Англии спит пьяный на моей кухне, — закончила она тем

же ласковым тоном.

Руперт вздохнул.

— Полагаю, не стоит просить тебя вернуться в постель и притвориться, что ты его не видела?

— Нет, — признала она. - Стокер, уверена, тебе есть что рассказать?

— Есть, Лавиния. — С поразительной ясностью он информировал брата и невестку о ситуации, опустив только подробности моего происхождения как полулегальной дочери принца Уэльского.

— Вы говорите, что ваш дядя вовлечен? — спросил сэр Руперт.

Будучи участником нашей первой встречи с де Клэром, Руперт уже знал мой секрет, но как адвокат считал себя обязанным хранить тайну. Проницательный взгляд, брошенный на меня при рассказе Стокера, удостоверил: он отлично понял цель похищения.

— Вовлечен, — подтвердила я. — Было ли какое-нибудь сообщение в прессе об исчезновении принца?

Леди Темплтон-Вейн покачала головой, взмахнув кружевными оборками.

— В газетах ничего не было. И думаю, мы б слышали шепот или два, если бы что-то стало известно.

— Прошло всего двадцать четыре часа с тех пор, как вас похитили из заведения мадам Авроры, — отметил Руперт. — Вероятно, сестра принца сочинила убедительную историю, чтобы в Балморале его не хватились.

— Тогда мы должны вернуть его в Балморал, прежде чем это произойдет, — сказала его жена безмятежно.

Сэр Руперт изумленно посмотрел на нее.

— Прошу прощения, Лавиния! — Это был не вопрос. Сэр Руперт был явно и полностью потрясен.

Но его супруга двадцати лет брака оставалась невозмутима.

— Руперт, это довольно легко сделать. Принц здесь, на нашей кухне. Что может быть проще - вывести его в конюшню, погрузить в карету и доставить на станцию? Он бы выделялся в нашей компании в одежде ремесленника, — продолжала она, — К счастью, Люциус оставил несколько костюмов в гардеробе, прежде чем отправиться в Кембридж. Осмелюсь предположить, что-нибудь из его коллекции подойдет принцу.

— Меня не волнуют портновские тонкости, — начал сэр Руперт.

— А должны бы, — отмела его реплику Лавиния Темплтон-Вейн. — Стокер, есть еще кекс. Я знаю, как тебе нравится этот рецепт. Третье яблоко — его секретный ингредиент.

Сэр Руперт прочистил горло.

— Моя дорогая...

— О, только не надо «моих дорогих»!» — Его жена вспыхнула, поразив всех нас. — Я вечно слышу от вас с Тибериусом о грандиозных приключениях Стокера и мисс Спидвелл. Тебе никогда не приходило в голову, что мне самой нравятся грандиозные приключения?

Сэр Руперт открыл рот и снова молча закрыл его.

Леди Темплтон-Вейн умоляюще положила ладонь на рукав мужа.

— Мы не слишком стары для побега, Рип, — сказала она нежно. — Я попрошу Дирсли собрать чемодан, пока мы одеваемся. Дадим его высочеству побольше кофе, еды и подберем соответствующий костюм. Затем отвезем его на станцию и сядем на первый поезд в Шотландию.

— И что потом? — спросил ошеломленным тоном сэр Руперт.

— У нас полно времени, — она пожала плечами. — В поезде сочиним убедительную историю на случай, если отсутствие принца заметили. Вряд ли возникнет какой-то шторм. [xmlns:l="http://www.w3.org/1999/xlink"](http://www.w3.org/1999/xlink) l:id20201002194216_22Разве что буря в стакане воды, когда он вернется в компании солидной пары средних лет с безупречной репутацией. Ты — один из самых выдающихся адвокатов страны, Руперт, а я покровительница семи благотворительных организаций. Никто не поверит, что принц вел себя скандально, находясь в нашем обществе.

— Лавиния высказала здравую мысль, — вставил Стокер. — На самом деле, несколько.

— Я прекрасно это знаю, — мягко ответил Руперт. — И давно говорю, что единственный человек, когда-либо превзошедший меня в споре, это моя жена. Она могла бы стать гораздо лучшим адвокатом, чем я.

— Не говори о ней так, как будто ее здесь нет, — сказала его жена, улыбаясь и наливая еще одну чашку кофе Стокеру. Она посмотрела на меня.

— Интересно, мисс Спидвелл, это платье вам по вкусу?

— Нет, — призналась я.

— Тогда мы найдем для вас что-то более подходящее, — пообещала она.

— Я думаю, лучше, если мы одолжим им карету, — предложил сэр Руперт. — Она доставит их к Марилебон и вернется к тому времени, когда нам понадобится. По крайней мере, их не арестуют за бродяжничество, если они будут блуждать по улицам в этот час.

К моему удивлению Стокер согласился, и Руперт послал Дирсли разбудить кучера. Через несколько минут карета стояла наготове в конюшне. Мы потратили полчаса, чтоб закончить импровизированную

трапезу и обмениваться любезностями. Леди Темплтон-Вейн не переступила тонкую грань между естественным в этой ситуации любопытством и врожденной вежливостью, задавая мне вопросы, но стараясь не быть назойливой.

Когда в дверь кухни раздался тихий стук, сигналивший о прибытии кареты, она протянула мне руку:

— Было очень приятно познакомиться с вами, моя дорогая. Надеюсь, вы придете на чай, чтобы мы лучше познакомились.

— С удовольствием, — сказала я и была удивлена, осознав, что действительно имела это в виду.

Стокер крепко поцеловал ее в щеку, а я пожала руку сэру Руперту.

— Мисс Спидвелл, это, как всегда, самая интересная встреча.

Я улыбнулась.

— Очень надеюсь, сэр Руперт, что когда-нибудь мы встретимся не только из-за нужды в вашей помощи.

— Не беспокойтесь, мисс Спидвелл, — заверила меня его жена. — Он счастлив, когда оказывается полезен.

Они обменялись понимающими улыбками и заговорили со Стокером. Мне поручили разбудить Эдди. Я нежно коснулась его плеча, и он вздрогнул. Я передала ему кофе и объяснила, где мы находимся и что будет дальше:

— Темплтон-Вейны увезут тебя в безопасности в Балморал, и на этом дело закончится.

— А Арчибонд? — он потребовал.

Я пожала плечами.

— Он мало что может сделать без кого-либо из нас в его власти. Не сомневаюсь, как только мы сбежали, он удрал со всех ног. Такой человек никогда не оставит свое выживание на волю случая, несомненно, у него был план побега. Думаю, де Клэр залег в какой-то дыре в Ирландии или, возможно, даже за границей. Тем не менее для гарантии, что их преступления известны властям, Стокер и я все объясним сэру Хьюго Монтгомери.

— Если кто-либо когда-либо ступит на британскую землю или попытается использовать алмазную звезду против вас, он будет привлечен к ответственности, Ваше королевское высочество, — поручилась я.

Его усы немного поникли.

— Ты называла меня Эдди, но полагаю, время для этого прошло.

— Да.

Он взял мою руку в свою.

— Я не знаю, увидимся ли мы снова, Вероника. Папа... — он замолчал, пытаясь найти слова.

— Твоему папе это может не понравиться, — закончила я за него. — Я должна идти, Эдди. Карета подана.

Эдди шел с нами до двери, не отпуская мою руку. Я уже уходила, когда он внезапно обхватил меня своими длинными руками и притянул, его голова прижалась к моей шее. Я помедлила, затем яростно вернула объятия. Он был избалован и порой бестолков, легковесен и инфантилен для своего возраста. Но его доброта и детская искренность тронули меня. Я не заблуждалась — пожалуй, это была моя единственная возможность в жизни обнять младшего брата.

После долгой минуты я ушла. Я забралась в карету и услышала, как Стокер захлопнул за нами дверь, постучав по крыше. Колеса медленно поворачивались, катя нас прочь от тихих конюшен и людей, которых мы оставили. Я не оглядывалась назад.

Глава 20

Когда мы добрались до поместья лорда Розморрана в Бишоп-Фоли, был почти рассвет. Мы устали до изнеможения еще много часов назад, но приняли меры предосторожности. Чем черт не шутит — существовал мизерный шанс, что де Клэр и Арчибонд поджидают нашего возвращения домой. Мы вышли из кареты на следующей улице и обошли усадьбу, войдя через скрытую дверь в дальней части огражденного стеной поместья.

Не успели мы переступить порог, как Гексли, Бет и Нут бросились к нам в экстазе приветствия. Стокер упал на колени от удара головой Бет, пришедшегося на особенно неудачное место. Я обильно почесала Гексли и Нут вокруг ушей.

— Собаки бы предупредили о чужих, — сказала я.

Слишком утомленный, чтобы говорить, Стокер просто кивнул. Я помогла ему встать на ноги. Забросив его руку себе на плечи, повела в готическую часовню. Сняла с него ботинки, распадавшиеся в клочья, но не помогла ему раздеться. Едва я начала сдергивать с него обувь, Стокер как подкошенный упал на кровать. К тому времени, когда второй ботинок свалился на пол, Стокер уже спал. Собаки защитно расположились вокруг него. Я накрыла его одеялом, сшитым из кусочков клерикальной одежды.

Наконец, стащила с себя одолженные «перья» — платье, шляпу и туфли. Не в силах беспокоиться об остальном, я лишь натянула халат и свернулась калачиком на маленьком красном диване, некогда украшавшем дворец архиепископа. В часовне стоял холод. И моей последней мыслью было: хорошо бы зажечь огонь...

Меня разбудил струящийся по лицу солнечный свет, ночной туман сгорел в пламени осеннего золота. Я сразу посмотрела на кровать. Стокер сидел, оставляя на простынях следы крови и сажу вместе с обильным количеством собачьей шерсти.

— Ты рано проснулся, — радостно сказала я.

Он бросил на меня кислый взгляд.

— Только посмей веселиться, и я разделаю тебя как пикшу. У меня был омерзительный ночной кошмар. Я чувствую себя, будто умер и забыл, что покойник.

— Ты получишь сорок видов заражения крови, если мы не обработаем эти раны, — сказала я ему. — Позволь мне просто...

— Я ухажу мыться, — известил он коротко. — Я могу справиться сам.

Он ушел, забрав с собой собак, прежде чем я смогла найти подходящий ответ.

Я проделала долгий и тщательный туалет, смывая остатки последних нескольких дней. Одела любимый ансамбль — мой охотничий костюм. Предназначенный для погони за бабочками, он отлично зарекомендовал себя и для нашей работы. Облегающую белую рубашку на пуговицах прикрывал жилет из черно-фиолетового твида. Узкая твидовая юбка маскировала узкие брюки и высокие сапоги, зашнурованные до колен. Поверх всего этого одевалась куртка, строгая, но элегантная, удобная в движении. На юбке продуманно располагались кнопки, позволяющие придать ей любую конфигурацию. Я воткнула в манжеты горсть крошечных безголовых булавок, используемых лепидоптеристами, чтобы обезопасить добычу, и сунула любимый нож в ботинок. «Я не дам себя застигнуть врасплох», — подумала я мрачно.

Приведя себя в порядок, я отправилась в комнаты леди Велли и обнаружила, что туда пожаловал лорд Розморран. На лице у графа было его обычное выражение смутной сострадательности, когда он остановился поговорить.

— Как поживает леди Велли? — я спросила с тревогой.

— Никаких заметных изменений. Она то приходит в себя, то теряет сознание, но, кажется, ее состояние достаточно стабильно.

— Я рада, что ей не хуже, — сказала я.

Он моргнул и поднял брови, просто, чтобы сфокусировать зрение.

— Вы и Стокер отсутствовали? Я приходил поговорить с вами вчера, но вас не было в Бельведере.

— Прошу прощения, мой лорд. Мы оценивали возможное приобретение для коллекции, — солгала я.

— Ах, неважно. Не могу вспомнить, что я хотел. Думаю, что-то связанное с доставкой.

— Уверена, вы вспомните позже, — я успокоила его.

Я подумала о де Клэре и Арчибонде: не исключено, что они могут попытаться проникнуть в поместье. Ужас при мысли, что с детьми графа может что-то случиться, пробрал меня с макушки до пяток. Однако я не видела необходимости порождать необоснованные страхи, поэтому постаралась выиграть время.

— Мне пришло в голову, мой лорд, поднять вопрос о мерах безопасности. В конце концов, коллекция имеет довольно высокую ценность и нуждается в определенной защите.

Его брови снова поднялись.

— Дорогая, разве вы не знали? В поместье всегда есть охранники. Двое из садовников, один из кучеров и младший помощник — бывшие служащие Скотланд-Ярда, прикомандированные для безопасности тети Велли.

Теперь пришла моя очередь моргать.

— Вы серьезно?

— Они по очереди патрулируют имение ночью. Это идея тети Велли. Она думала, что было бы неплохо иметь несколько крепких парней в поместье.

— Как давно она привела их в дом? — вдруг спросила я с подозрением.

Граф погладил макушку, подсчитывая.

— Небеса, когда это было? Как раз со времени юбилея, по-моему. Когда вы и Стокер пришли сюда жить.

Я долго ничего не говорила. «Эта невозможная старуха», — подумала я. Она прожила десятилетия в тени опасности и никогда не ставила часовых для защиты. Только когда я приехала жить в Бишоп-Фолли, она заказала охрану. Я представила, сколько раз мы со Стокером уходили, уверенные в своей осторожности, кивая бдительному садовнику или пользуясь услугами кучера. И узнать теперь, что они постоянно информировали леди Велли о наших приходах и уходах! Это в равной мере и раздражало, и трогало.

— Очень мудро с ее стороны, — сказала я ему.

Я простилась с его светлостью и направился в Бельведер. Стокер уже прибыл. Он выглядел наиболее постыдно, чем когда-либо. Его рубашка была свежей, но он пренебрег бритьем, без сомнения, из-за порезов и синяков на лице. Стокер надел на глаз повязку и двигался с большой осторожностью.

— Не полностью разложился, значит? — сладко спросила я.

Он, очевидно, еще не желал обсуждать наши приключения. Так было всегда. В пылу опасности Стокер был воином, храбрым до безрассудства. Но когда все заканчивалось, на него почему-то нападала мрачность. «Острая неудовлетворенность повседневной жизнью», — меня осенила догадка.

Мгновение я колебалась, раздумывая, стоит ли заговорить об этом, но в конце концов ограничилась нашим обычным подшучиванием. Его единственным ответом было рычание. Я махнула рукой.

— Тебе нужен хороший завтрак и движение, чтобы растянуть мышцы,

— посоветовала я.

Я направилась прямо к саркофагу, где был накрыт наш завтрак. Тарелки, с лихвой наполненные яйцами с грибами, почками и колбасками, выстроились в ряд под крышками. Горшки с чаем и тосты стояли плечом к плечу рядом с джемом, маслом и даже маленьким горшочком с овсянкой. Я щедро намазала кусочек тоста и сбрызнула его медом, размахивая им перед Стокером, как красным плащом перед быком.

— Иди и поешь, - приказала я, протягивая тост. Он откусил кусочек и наклонил голову.

— Что это, во имя семи кругов ада, за запах?

Я подняла нос, принюхиваясь.

— Ты тоже чуешь душок? Я подумала, что сосиски пропали. — Я проткнула сосиску для эксперимента.

Стокер взял ее пальцами и откусил приличный кусок. Он прожевал с задумчивым выражением лица.

— Это просто хорошая камберлендская колбаска. Ничего, кроме свинины и трав.

— Почки?

Я откусила, пробуя. Почки никогда не были моей любимой едой, но Стокер покачал головой.

— Я уже съел одну. Они очень полезны, кстати.

Я пожала плечами.

— Тогда, без сомнения, это один из твоих мерзких образцов.

Он осторожно, щадя поврежденные ребра, скрестил руки на груди.

— Тебе следует знать, что мои образцы безупречны! Я держу идеально чистую мастерскую.

— Из всей лжи... — начала я. Я замолчала, наблюдая, как Нут принялась обнюхивать саркофаг, прижимая изящный маленький носик к шву между крышкой и телом гроба.

Я посмотрела на Стокера, выражение его лица стало настороженным.

— В этом саркофаге нет мумии. Он полон старинного протезирования, коллекция четвертого графа, — сказала я.

— Я забрал их, пока ты была на Мадейре, — сообщил Стокер. — Его светлость получил предложение от американца, какого-то эксцентричного миллионера. Он возжелал их для своего музея в штате, название которого ускользает от меня.

— Тогда саркофаг должно быть пустым? — спросила я.

Он кивнул, но на его лице отразилось сомнение. Пытливость Нут превратилась в рвение; она поднялась на задние лапы, царапая гроб и

оставляя краску на лапах. Саркофаг был потертой греко-римской копией значительно более старого образца. Тем не менее это был артефакт, и я с трудом оттолкнула ее.

Стокер вздохнул. Не говоря ни слова, он достал монтировку. Я поспешно убрала с саркофага завтрак и протянула руку к инструменту.

— Дай мне. Ты не сможешь справиться с твоими треснутыми ребрами.

Он не спорил — верный признаком того, насколько сильно Стокер ранен. Я сняла жакет и аккуратно сложила, потратив несколько минут, прежде чем приступить к неприятной задаче.

— Можешь откладывать как угодно долго, но все равно придется это делать, — сказал Стокер.

— Не груби!

Я вставила узкий конец стержня в щель между крышкой и гробом и толкнула, отодвигая планку. Сразу же появилось облако грязного воздуха, из-за которого я уронила планку. Нут сильно заскулила и отползла, зажав хвост между ног. Гексли и Бет спрятались за кариатидой, слишком мудрые, чтобы рисковать из-за глупого любопытства. Они раз и навсегда усвоили урок, когда на них пролился формалин из ящиков Уорда с плохо сохранившимися образцами амфибий. Бедняг насильно искупали, чтобы удалить химические вещества и останки лягушек.

— Труссы, — упрекнул Стокер.

Они остались там, где были, и я снова установила планку на место. Я толкнула раз-другой и... не сдвинула.

— Ради Божьей благодати, упрись спиной, — приказал Стокер.

Я уперлась, толкая изо всех сил. Крышка поехала и наполовину сдвинулась, обнажая внутреннюю часть саркофага. Мгновение мы не двигались. Никто из нас не хотел заглядывать внутрь. Но, конечно, мы уже знали.

Внутри саркофага лежало тело мадам Авроры.

Глава 21

— Черт побери, черт побери, — тихо выругался Стокер. Нут привстала на задние лапы, вглядываясь в саркофаг. — Ради бога, слезай, о, дьявол.

— Я хочу немного выпить, пожалуй, — я посмотрела на него.

— Это вряд ли время для чаепития, — вскинулся он.

Я потянулась к фляжке *aguardiente*, которую обычно привязывала изнутри к юбке.

— Думала, ты знаешь меня лучше!

Я от души хлебнула и передала флягу Стокеру. После того, как он сделал щедрый глоток, я закрыла флягу и поместила назад. Маленькие обыденные жесты вносили ощущение нормальности в ситуацию, которая казалась самой провокационной.

— Ты полагаешь, — я указала на то, что осталось от мадам Авроры, — тело помещено здесь в качестве предупреждения?

Стокер почесал подбородок.

— Возможно. Или это заговор, чтобы обвинить нас. Если аноним предупредил власти, у нас обнаружат жертву убийства. — Он изучал тело. Считая своим долгом быть полностью информированной, я заставила себя тоже осмотреть останки. Бросалось в глаза изменение в трупe с момента, когда мы впервые нашли ее.

— Они пытались прикрыть рану, — заметила я.

Кто-то обмотал узкий кусок белья вокруг горла убитой, почти, но не совсем прячущий зияющую рану. Все было покрыто кровью, несмотря на определенные усилия привести тело в порядок. Лицо было вытерто, но алые пятна все еще пятнали кожу. Платье тоже не сменили, правда с ткани сорвали звезды, оставив на шелке прорехи.

— Убитую впихнули в саркофаг на скорую руку, — возмущался Стокер. — Она не была должным образом подготовлена, отсюда и запах. Тело даже не было тщательно обмыто. Безобразие.

Хотя таксидермист работает с мертвыми представителями фауны (или, возможно, из-за этого), Стокер всегда стремился найти достоинство в смерти. Отсюда его отвращение к экспозиции коронационных котят мистера Пеннибейкера.

Я заглянула в саркофаг и тяжело вздохнула.

— По крайней мере, тот, кто привез ее к нам, любезно вернул тиару

Темплтон-Вейнов. Я могу возвратить ее Тибериусу.

— Сначала следует почистить ее, — мягко подсказал Стокер. — Эта кровь не сойдет легко.

— Итак, еще одна вещь, чтобы объяснить сэру Хьюго, — закончив осмотр, подвела итог я.

Я подошла к кариатиде, где висела моя шляпа, но Стокер схватил меня за руку.

— Не сейчас, умоляю.

— Ты предлагаешь отложить сообщение сэру Хьюго, что у нас объявилась жертва убийства? Что если дети найдут ее? Или хуже, собаки?

— Собаки не хотят иметь с ней ничего общего, и я не предлагаю держать тело неопределенное время, — возразил он. — Но сэр Хьюго будет чрезвычайно утомителен, не сомневаюсь. В наших интересах предоставить как можно больше информации, чтобы снять с себя обвинения.

Я не могла винить его логику. Время от времени нам доставалось от взрывчатого характера сэра Хьюго. Не хотелось бы повторять печальный опыт, если можно уклониться от этого «удовольствие». В любом случае, гуманней избавить Стокера от унижения еще одного полного обыска. Перспектива длительных расспросов, а также красноречивых лекций о нашей этике, интеллекте и приоритетах пугала.

Сэр Хьюго разгневался, узнав, что мы провели двадцать четыре часа с принцем в плену и не доложили ему об этом немедленно. Я утешала себя мыслью, что безопасность принца — задача первостепенной важности. К тому же расследование дела Потрошителя имеет приоритет над парой негодяев и головорезов, наверняка сбежавших, когда мы ускользнули от них. Сколько ни оправдывайся, сэр Хьюго начнет бурлить эмоциями, и я была рада увиливать от противостояния как можно дольше.

Я снова повернулась к трупу в недоумении.

— Интересно, как они могли проникнуть сюда?

Последовал мой рассказ о стражах леди Велли. Лицо Стокера приобретало все более интересные оттенки красновато-коричневого.

— Ты знал! — обвинила я.

— Узнал недавно, — он поднял руки, сдаваясь. — У меня возникло подозрение, когда я попросил у одного из помощников садовника молочай для личинок, а он принес мне вербену. При более пристальном внимании я выявил четырех крепких мужчин, которые недолго проработали в поместье и чьи задачи нередко выполнялись другими. Я задал несколько осторожных вопросов. Однажды вечером, когда леди Велли и я глубоко нырнули в стаканы, она призналась. Она заботится о твоей безопасности и имеет

веские основания, — подчеркнул он.

— Ее охранники не слишком эффективны. Нас посетили странные визитеры, один-два были склонны к шалостям.

Он пожал плечами.

— Несовершенная система. Она опасалась, что ты догадаешься, и приказала им быть ненавязчивыми. Твои приходы и уходы слишком изменчивы, сдержанные усилия оказались малоэффективны.

Мне пришлось признать разумность доводов Стокера. Я кивнула в сторону трупa.

— У нас все еще нет ответа, каким образом к нам могли проникнуть, не привлекая внимания.

Стокер задумался, проводя рукой по шероховатому подбородку. Через мгновение он нажал на звонок, вызывая посыльного, Джорджа. Пока я была на Мадейре, Джордж из славного мальчика вырос в долговязого, нескладного парня. В горле покачивалось адамово яблоко, а голос часто прерывался в середине слога.

— Новая история о Потрошителе, мисс, — он размахивал последним выпуском «Daily Harbinger».

Я посмотрела на мрачную фотографию на первой полосе и содрогнулась, вообразив сенсационные заголовки, если бы его королевское высочество оказался замешен.

— Я прочитаю позже, — пообещала я. — Пока мы отсутствовали, не случилось ли что-нибудь любопытное? Посетители? Поставки?

Он кивнул, уставившись на жестянку с помадкой патоки Стокера. Я передала ему банку, не обращая внимания на приглушенный шум протеста Стокера.

— Угощайся, бери кусок побольше — нет, возьми еще один. Ты растешь, мой мальчик, — я с улыбкой поощряла Джорджа.

— Спасибо, мисс, — прошепелявил он сквозь липкую помадку.

Стокер нелюбезно отобрал банку, отщипнув несколько кусков для себя. Джордж продолжал счастливо жевать. Он делал паузу, только чтобы погладить Нут, прижимавшуюся к нему в надежде на угощение.

— Джордж, — мягко подтолкнула я. — Посетители?

— О да, мисс, — он проглотил последний из кусков патоки. — Чертовски здорово! Извините, мисс, я имею в виду довольно большой ящик, пришедший вчера утром.

Стокер оглядел упорядоченный хаос Бельведера.

— Где же именно этот ящик?

Джордж посмотрел влево-вправо, вперед-назад и почесал затылок.

— Я не знаю, сэр. У этого парня была ручная тележка, и он сам катил ящик.

— А не оставлял ли ты его в какой-то момент одного? — осведомилась я.

Джордж покраснел.

— Это не моя вина. Мне было велено оставаться с ним, но леди Роуз начала визжать. Вы знаете, какая она, — обреченно сказал мальчик. Я и впрямь знала. Младший ребенок лорда Розморрана был крошечным чудом природы. Когда она орала, вся деятельность в поместье прекращалась.

— В чем была проблема с леди Роуз? — поинтересовался Стокер.

Джордж пожал плечами.

— Черт ее возьми, если я знаю, — сказал он с некоторым отвращением. — Она просто рыдала почти добрых десять минут, громко, сплошной вой. Все собрались вокруг нее, но она не сказала, в чем дело. Кричала во всю глотку, пока не пришла леди Корделия.

— А что потом?

Он пожал плечами.

— Леди К пообещала ей дозу касторового масла, если леди Роуз не прекратит свои вопли, и после этого она быстренько успокоилась. Просто покачала головой и занялась своими делами. Сказала, уверена, что не понимает, о чем идет речь. — У него вытянулось лицо. — Женщины.

— Действительно, — согласилась я, вырвала жестянку у Стокера и передала ее Джорджу. — Спасибо, Джордж. Прикончи ее, если хочешь.

— Если хочу? — он загоготал. — Я должен так думать, мисс. — Он сжимал банку под мышкой, нежно, как младенца, когда уходил. Собаки счастливо сопели позади него.

Стокер угрюмо посмотрел на меня.

— Это был весь запас помадки патоки.

— Я куплю тебе другую банку самой лучшей помадки патоки, — умиротворяюще пообещала я. — Важно платить своим информаторам.

— Информаторам, — он скривил губы.

— Информаторам, — подтвердила я. — Джордж дал неплохую наводку..

— Я не понимаю, о чем ты ... — Он внезапно замолчал. — Ты не думаешь, что леди Роуз...

— Не думаю? - сказала я мрачно. — Пойдем, Стокер. Мы должны застать маленькую львицу в ее логове.

• • •

Мы обнаружили леди Роуз в ее домике для игр. У нее была

возможность выбрать любой из крошечных павильонов, разбросанных вокруг поместья: миниатюрный французский замок, японская пагода, вигвам восточных племен алгонкинов. Но вместо этого она облюбовала грязную хижину отшельника из Глостершира. Когда-то в ней нашел приют знаменитый затворник. Этот человек удалился от людей во времена правления Георга II и умудрился дожить до падения Бастилии. Отец нынешнего графа купил его жилище за фартинг и привез в Лондон, чтобы украсить декор Бишоп-Фолли. Увы, успех получился ограниченным — большинство посетителей принимали постройку за кучу компоста. Хижина была соткана из ивы и выгнута до высоты ребенка среднего возраста. Ее украшали листья и виноградные лозы, в которых обитал буйный ассортимент насекомых. Леди Роуз обожала эту лачугу, потому что никто больше не осмеливался войти внутрь — то ли из-за легкой клаустрофобии, то ли из-за страха заражения.

У Стокера не было подобных сомнений. Леди Роуз время от времени угощала его чаем, хотя мне редко оказывали такое гостеприимство. Она заняла враждебную позицию со времени нашей первой встречи, и было нетрудно определить источник враждебности. Обманчиво херувимное лицо осветилось при виде Стокера, входящего в ее маленькое королевство. Приветствие, адресованное мне, было явно менее теплым:

— Это вы.

Ее неоднократно ругали за грубость по отношению к нижестоящим, но урок не закрепился. Со своей стороны, я проигнорировала насмешку. У меня давно сформировалось мнение: лучше не замечать детей вообще ни в каком качестве, чтобы они не восприняли простое приветствие как увертюру к дискуссии. Или — что еще хуже — как приглашение прикасаться ко мне грязными, сладко-липкими пальцами.

На этот раз я сделала исключение и одарила ее своей лучшей улыбкой.

— Доброе утро, леди Роуз. Я вижу, у вас новый чайный сервиз.

Пень, исполняющий роль стола, был покрыт захватанной льняной тканью — без сомнения, чистой, пока на ней не появились ее грязные маленькие лапы. На нем стояла миниатюрная коллекция Веджвуда. Роуз скривила лицо и налила по чашке чая себе и Стокеру. Я подняла бровь. Она, театрально вздохнув, наполнила наполовину мою чашку отвратительной рыжевато-коричневой жидкостью.

Стокер сделал мужественный глоток и тут же поставил чашку, задыхаясь.

— Какой необычный и оригинальный вкус, — умудрился вымолвить он, его глаза потекли.

— Я взяла помои от вчерашнего чая, — сказала она непринужденно.

— И добавила? — подсказал Стокер.

— Немного корицы и молотой гвоздики.

— И? — надавил Стокер.

Она пожала плечами.

— Горчичное семя.

— Вот теперь все, — он вытер лоб одним из своих огромных носовых платков.

Леди Роуз искоса посмотрела на меня с хитрым видом.

— Вы не пьете.

— Возможно, позже, — сказала я, отталкивая чашку на некоторое расстояние.

Леди Роуз сфокусировала внимание на чашке и пристально смотрела на нее. Это выражение на ее лице я видела слишком часто.

— Очень хорошо. — Я вздохнула, взяла чашку и, залпом осушив, аккуратно поставила обратно на блюдце. Я задержала взгляд леди Роуз своим, не выдавая никакой реакции на мерзкую смесь.

Она выплеснула остаток ядовитого варева.

— Тогда мне нужно что-то более сильное, — проворчала она.

— Зачем? Вы пытаетесь кого-то отравить? — я спросила приятно.

— Не совсем яд, — ответила она, задумчиво приподняв брови. — Но небольшой дискомфорт не помешает.

— Чей дискомфорт? — я любопытствовала.

— Чарльза, — сказала она, придавая словам темный акцент.

Чарльз был вторым сыном его светлости. Он также был самым коварным существом, с каким я когда-либо сталкивалась. Беда заключалась в том, что у него был вид святого с картины Боттичелли. Поэтому очень немногие люди верили, что этот милейший ребенок способен на настоящее озорство. Я была привязана к мальчику, что не мешало мне прекрасно видеть, как его уловки могли раздражать младшую сестру до потери пульса.

— Теперь, леди Роуз, — твердо начал Стокер.

Я толкнула его ногой.

— Стокер, леди Роуз и мне неплохо остаться вдвоем на минутный разговор. Только мы, женщины.

Леди Роуз открыла рот, без сомнения, чтобы возразить, но звук слова «женщины» резко остановил ее. Она посмотрела на меня с неохотным уважением.

— Да, пожалуйста, Стокер. — Ее глаза следовали за ним, когда он

уходил. Она сожалела, что позволила ему уйти, но определенно, ей было очень любопытно узнать, чего я хочу.

Я перешла прямо к делу.

— Я уверена, что вчера в Бельведер доставили ящик.

Ее глаза ускользнули от моих. Она была ловким лжецом, но я застала ее врасплох. Я откинулась на пень, плавно расправляя юбку поверх брюк, пока ждала.

— Сюда? — невинно спросила она.

Я раздраженно вздохнула.

— Прекращайте, леди Роуз. Как правило, ложь вам удастся лучше, чем сейчас, и мы обе это знаем. Ваша фраза прозвучала слишком поздно, и голос повысился.

Она немного вытянула нижнюю губу.

— Очень хорошо. Был ящик.

— Большой ящик, доставленный в Бельведер.

Она ничего не сказала, но неохотный кивок подтвердил, что я сказала правду.

— Джордж или другой сотрудник должен оставаться с доставщиками до тех пор, пока они не покинут помещение. Но Джордж, вместе со всеми остальными, был отстранен от своих обязанностей. Из-за вашей — как мне дали понять — довольно впечатляющей демонстрации темперамента.

— Возможно, я немного переборщила, — скрепя сердце, признала она.

— Леди Роуз, — нажала я, позволяя предупредительной ноте проникнуть в мой голос.

Она отбросила красивые кудри.

— Вы думаете напугать меня? — потребовала Роуз. — Вы не посмеете ударить меня.

Я выдала ей тонкую улыбку.

— Моя милая Роуз, мне не нужно бить вас, чтобы заставить страдать. А теперь расскажите мне, что вы знаете. За это я поведаю вам, что именно нужно положить в чай вашего брата, чтобы он очистил себя.

Улыбка ослепительного сияния осветила ее лицо, когда она плюнула себе в руку и протянула мне.

— Слово чести?

Я плюнула себе в ладонь и крепко пожала ее руку.

— Слово чести.

Глава 22

Четверть часа спустя я покинула эрмитаж, владея нужной информацией. В награду я сообщила леди Роуз точную дозу ревения, которую следует подсыпать Чарльзу, с инструкциями бросать его для максимального эффекта в заварной чайник.

Стокер отдыхал в уютной, маленькой комнате наверху лестницы в галерее Бельведера. Комната была обставлена для комфорта, а не для гламура. Это место мы облюбовали для размышлений или отдыха, особенно когда решали запутанную проблему. Он лежал на диване, читая «Daily Harbinger», ту самую газету, которую Джордж принес этим утром.

— Что-нибудь актуальное? — спросила я, усаживаясь в большое кресло. В кресле просочилась начинка, предоставляя небесный рай для очень вежливой семьи мышей.

Стокер отшвырнул газету в сторону. Он скинул ноги на пол и осторожно поднялся, слегка морщась от травм.

— Все тот же старый вздор. — Он переплел пальцы, положил на них подбородок и возмущенно посмотрел на меня. — Когда это закончится? Эти несчастные души, живущие на помойках на краю цивилизованного существования. Они страдают больше, чем худшие мерзавцы в тюрьмах. А какое преступление они совершили, кроме того, что родились бедными и забытыми?

Знакомый рефрен. Стокер был дитя привилегий и богатства, но в молодости он сбежал. Отец всегда находил его и снова тащил домой. В итоге эти мальчишеские приключения сформировали человека, которым он стал. Стокер жил бок о бок с разными людьми, принимая их знания, изучая их образ жизни. Некоторые философии — большинство на самом деле — он отверг. Стокер не уважал учреждения просто потому, что они гордились древностью. Он считал, как все хорошие радикалы, что всё должно быть заново изучено каждым поколением. То, что служит на благо обществу, должно быть сохранено, а что не служит - отброшено без сентиментальности и оговорок. Он был очень современным человеком, чьи жизненные принципы полностью соответствовали моим собственным. Иногда мы могли спорить о специфике, но оба хотели сделать этот мир лучше.

Я взяла отброшенную газету и быстро просмотрела ее.

— У них нет реальной симпатии к жертвам, — огорчилась я. — Они не понимают, что заставило женщин продавать себя за несколько медяков. Их не заботит, что люди рождаются в отвратительнейших трущобах и должны прожить всю жизнь, связанную с трущобными ограничениями. В этом отношении я поистине завидую американцам. Они позволяют мужчине «делать себя самому» и не стоят у него на пути. Женщине тоже.

Стокер долго молчал, а потом спросил:

— Что сказала леди Роуз?

— Ей заплатили, чтобы устроить этот маленький спектакль, как мы и ожидали.

Он выпрямился.

— Заплатили? Кто?

— Мужчина с большим количеством волос на лице и сильным запахом лакрицы.

Его глаза зажглись.

— Этот чертов старый швейцар в клубе.

— Без сомнения, — согласилась я.

— Он без посторонней помощи справился с ящиком, в котором находилось тело мадам Авроры. Можно предположить, что старик обладает значительно большей физической силой, чем притворяется. Что ты о нем знаешь?

Я пожала плечами.

— Мы говорили дважды. Оба раза он вел себя возмутительно — нагло и фамильярно до оскорбления. Совершенно отвратительный старик. Я не хотела ничего, кроме как уйти... — Я замолчала, и Стокер подождал, пока я не сказала озадаченно:

— Ну, конечно! Нахальное поведение - такой же маскарад, как и притворная немощь. Предположим, он проник в клуб шпионить или причинить вред Авроре. Идеальный маневр, чтобы его оставили в покое — вести себя, как утомительный старый негодяй.

— Единственный вопрос: почему она разрешала подобное поведение в своем клубе, — размышлял Стокер. — Аврора была элегантна и изысканна, как и ее окружение.

— В разговоре с ней я спросила об этом. Она ответила, что он новичок, как бы благотворительность с ее стороны, так я поняла. Аврора сказала, что верит в то, что каждому человеку следует дать шанс.

Я снова замолчала, задумавшись.

— Было в нем что-то еще. Запах, помимо лакрицы, который я не могла распознать. Что-то однозначно химическое.

— А ты не знаешь, что это было?

Я разочарованно покачала головой.

— Нет, что-то неуловимое, просто дуновение. Лакричный запах был настолько сильным, как будто он использовал его, чтобы замаскировать другое. Если бы я только могла сообразить!

— Когда ты это заметила? — Стокер спросил настойчиво.

— Я уловила странный запах, когда впервые говорила с ним, прежде чем войти в ее комнаты, — медленно сказала я. — Но я не осознавала этого, пока не остановилась, чтобы поговорить с ним снова.

— О чем ты думала?

Я закрыла глаза.

— Стрижка овец.

— Ланолин? — предположил Стокер.

Я отрицательно покачала головой, все еще держа глаза закрытыми.

— Не это. Пучки шерсти, которые лежат небольшими сугробами, когда кто-то стрижет овец. И еще переодевалки.

Я открыла глаза и увидела, что Стокер улыбается мне. Я застонала:

— Спирт. Фальшивая борода и брови.

— Их густая белизна вызвала ассоциации со стрижкой овец.

— И спирт для грима напомнил об актерских гардеробных, где приклеивают бороды и усы, — закончила я. — Невероятно. Как ты это сделал?

— Когда я изучал латынь, мне было дьявольски трудно запоминать склонения. Я обычно читал вслух на ходу. Меня всегда больше интересовали птицы и растения, чем слова. Я случайно обнаружил: вспоминая то, на что смотрел или осязал, я часто мог вспомнить, что читал в тот момент.

— Как любопытно! Ты должны написать об этом, — посоветовала я.

Он заметно вздрогнул.

— Ты знаешь мое мнение об общественных науках. И — если это ускользнуло от твоего внимания — у нас не решена проблема с трупом.

— Но зачем привозить ее сюда? — недоумевала я.

Стокер задумчиво потер подбородок.

— Она была доставлена сюда до нашего побега, пока все шло в соответствии с планом твоего дяди и Арчибонда. Инспектору Особого Отдела довольно легко организовать, чтобы тело обнаружили у нас. Но это не имеет смысла.

— Потому что у них не было причин дискредитировать нас, — я продолжила ход его мыслей:

— Арчибонд подтвердил: тело должно было быть обнаружено в клубе, чтобы вовлечь Эдди в убийство. Распространяются слухи, что Эдди убил куртизанку так близко к Уайтчепелу. Один короткий прыжок — и они подбрасывают к его двери подозрение в преступлениях Потрошителя. Вообрази фурор! В империи или за границей нет газеты, которая бы не выкрикивала скандальные заголовки. Даже если бы было доказано, что принц невиновен, он не избежал бы несмывающегося пятна на репутации. Я убеждена, что мадам Аврору втянули участвовать в заговоре как средство заманить Эдди. А потом в какой-то момент Арчибонд или дядя де Клэр решили, что ей недостаточно играть роль проститутки. Она должна сыграть роль жертвы тоже.

Стокер дополнил:

— Итак, она была убита Тихим Дэном и оставлена для Эдди, чтобы тот нашел ее в назначенный час. Помнишь, они были на лестнице, готовые ворваться и обнаружить, что он стоит над ее окровавленным телом.

— Когда мы сбежали, они потеряли время на преследование. Достаточно времени, чтобы кто-то еще мог проникнуть сюда и вернуть ее тело, — перебила я.

— Кто-то, кто с самого начала внимательно следил за мадам Авророй и был готов действовать быстро и решительно, чтобы расстраивать как можно большую часть заговора, — сказал Стокер. — Ирландцы висели у нас на хвосте, похитили у клуба, затем им пришлось отвезти нас на склад в Уайтчепеле. Без сомнения, прошло некоторое время, прежде чем они могли вернуться в клуб и обнаружить, что труп исчез.

— Какой ужасный шок для них, — подумала я вслух. — Создать такую сложную интригу только для того, чтобы она была разрушена, сначала нашим бегством, а затем кем-то неизвестным, похитившим ее тело.

— Но зачем приносить тело сюда? — недоумевал Стокер. — И кроме того, кто знал, что мы находились в клубе, кроме участников заговора? — потребовал он.

У меня возникло ощущение кружения, как будто я танцевала. Я вспомнила сильную хватку женщины-швейцара, моего партнера на балу. Спокойной ночи, Вероника Спидвелл.

— Был кто-то еще, — медленно сказала я. — Женщина-швейцар, которая впустила нас.

Стокер покачал головой.

— Мы не называли имен, у них нет списков.

— Но она знала меня, — настаивала я. — Позже тем вечером мы танцевали.

Одна бровь приподнялась.

— Вы танцевали?

— На самом деле вальсировали. Она довольно хороший партнер, немного легче в поворотах, чем ты. И когда танец закончился, она сказала: «Спокойной ночи, Вероника Спидвелл».

— И ты только сейчас говоришь мне это? — спросил он убийственно спокойным голосом.

— С тех пор я была немного занята, — холодно ответила я. — Прости, если похищение вытеснило из моей головы такой мелкий инцидент.

— Вряд ли это мелочь, Вероника, — возразил Стокер. — Наши личности были известны по крайней мере двум швейцарам в этом клубе: одному, который танцевал с тобой, и тому, кто притащил труп Авроры в наш дом. Меня не очень радуют возможные перспективы.

— Я понимаю, — сказала я, отчасти смирясь. — Но, пожалуй, перспективы не так плохи, как ты опасаясь. Ты прав: если бы мы нас хотели подставить с убийством Авроры, стоило лишь отправить анонимную записку в Скотланд-Ярд, и ее тело было бы обнаружено в нашем доме. Но этого не произошло. Я думаю, что кто-то привез ее сюда на хранение.

— Ты полностью распрощалась со здравым смыслом?

— Отнюдь. Это совершенно логично, если подумать. Швейцары знали что-то о происходящем в клубе. Возможно, мадам Аврора доверилась им. Возможно, они подслушали ради удовольствия или денег. В любом случае, они знали, кто мы, и когда обнаружили мертвое тело своей хозяйки, привезли ее сюда, доверив нам.

— Это самый надуманный, фантастический...

— У тебя есть лучшая теория? — рассердилась я.

Он замолчал, грызя нижнюю губу.

— Нет, — наконец сказал он. — Логично.

— Спасибо.

— Мне все еще не нравится, — прорычал он. — Это заводит нас на опасный путь.

— Опасный путь? — откровенно недоверчиво переспросила я. — Мой дорогой Стокер, в последние два дня нас похищали, удерживали против воли, преследовали, расстреливали и, в твоём случае, жестоко избивали. Мы не столько ступили на опасный путь, сколько стоим посреди опасности, окруженные ею со всех сторон.

— Что объясняет мое раздражение, — мрачно закончил он.

— Это — и отсутствие пищи, — сказала я твердо. — Мы пропустили

обед, но я закажу чай, а потом ты отдохнешь. Пройдет время, прежде чем ты восстановишь свои силы.

Он спорил со мной всего четверть часа, прежде чем сдаться — повторяющийся признак переутомления.

— А как же сэр Хьюго? — спросил Стокер через некоторое время, приканчивая последние лепешки и с удовольствием слизывая сливки и джем с пальцев.

— Отправлю ему записку с просьбой о встрече, как только он сможет уделить нам время, — пообещала я. — Думаю, предпочтительнее поговорить с ним лично. За неимением лучшего, сэр Хьюго будет счастлив увидеть синяки на твоём лице. Будем надеяться, он пожалеет нас.

— Тогда, пожалуй, мы должны показать ему мои ребра, — он громко зевнул и устроился на диване. Пошло в ход спрятанное от моли старое покрывало, я натянула его на Стокера, аккуратно подоткнув. Обычно я сопротивлялась побуждениям ухаживать и баловать (плохая идея позволить людям привыкнуть к твоим услугам), но Стокер заслужил немного доброты.

Пока он спал, я написала короткую записку сэру Хьюго с просьбой о встрече в удобное для него время и отослала, приложив монету для Джорджа. После этого я занялась маркировкой ящика с бабочками *Papilio buddha*, Малабар полосатый павлин, в котором обнаружили перепутанные наклейки. Я только убрала милого маленького самозванца, приютившегося среди них (дневная бабочка рода графиум, *Graphium sarpedon*, часто ошибочно принятая за более неуловимых полосатых павлинов), когда появился Стокер. Он выглядел немного лучше после отдыха.

— Почта пришла? — потребовал он, наливая себе чашку чая из холодного как камень чайника.

— Телеграмма от Руперта, зашифрованная сложным кодом, — отчиталась я. — «Посылка благополучно доставлена в Шотландию без проблем. Конец», — сказала я, прочищая горло.

Я провела напряженные двадцать четыре часа в компании Эдди и была рада, что его быстро вернули в лоно семьи. Видимо, уловки его сестры не вызвали никаких подозрений, и он снова бодро устроился в замке нашей бабушки. Наверно, проводит дни, топча охотничьи уголья, растекающиеся вереском и колокольчиками. Возвращается поздно к уютному чаю у костра с истекающими маслом сдобными пышками; они делятся лишь им понятными шутками и сплетнями о других членах семьи.

— Вероника? — мягко позвал Стокер.

Я поднялась и, махнув рукой в сторону остальной части почты, вернулась, чтобы расположить мою маленькую *Graphium sarpedon* в более подходящей коллекции. Стокер пролистал кучу писем и циркуляров, накопившихся за время нашего отсутствия, и бросил большинство из них на пол с обычной небрежностью. Он вытащил одно письмо из стопки, разорвал конверт и пробежал содержимое.

— Черт побери, черт побери, — в бешенстве бормотал он.

— Беда?

— Это Пеннибейкер, — кипел Стокер. — Он утверждает, что есть проблема с кваггой. Моей кваггой.

— Что за проблема? — я спросила, пытаюсь звучать заинтересованно. Честно говоря, я была гораздо более взволнована обнаруженным дисморфным образцом в коллекции полосатых павлинов. Встретить бабочку с мужскими и женскими характеристиками в таком хорошем состоянии было действительно редкой находкой, и я завидовала коллекционеру, который ее поймал.

— Он говорит, что клей оказался неадекватным, — сказал Стокер, разгневанно сжимая челюсти.

— Можно получить плохую партию клея, — отметила я. Мое спокойствие только усилило его ярость.

— Я сам делаю каждую партию клея, — возмутился он. — Ты знаешь, что моя формула точна, мои методы отвечают самым высоким стандартам. Я никогда, никогда не возвращал образец в несовершенном состоянии коллекционеру. Он угрожает судебным иском.

— Судебный иск! — Я наконец отвернулась от моих бабочек. — Этот милый маленький человечек? Вздор. Он пил шампанское из моей туфли. Я не верю ни на минуту.

— И тем не менее, он угрожает, — настаивал Стокер, размахивая письмом как флагом. — И я не допущу этого! Ты идешь со мной?

— Иду? Ты хочешь навестить его?

— Он приглашает меня. Говорит, что мы можем договориться, как джентльмены. Дескать, он не лишен здравого смысла и ожидает, что с помощью небольшого ремонта мы решим проблему. Скромный ремонт! — повторил он, пробормотав несколько других избранных фраз, которых нет места в вежливых мемуарах.

Я вздохнула и убрала коллекцию полосатых павлинов. Стокер был не в том состоянии, чтобы тащиться по городу, особенно в настроении шипучей ярости. Я потянулась за шляпой.

— Очень хорошо, я поеду. Снова похолодало, но мы можем взять кэб

на углу.

— Мы захватим одну из повозок его светлости, — сказал он, запуская руки в растрепанные волосы. — Если Пеннибейкер не ценит мою работу, я заберу кваггу обратно.

— Я не стану соучастницей в краже осла, — предупредила его я.

— Никогда не говори «никогда», Вероника.

Глава 23

Нам потребовалось больше часа, чтобы добраться до дома Пеннибейкера. Я смирилась с возможностью участвовать в преступной краже как соучастница Стокера. Признаться, это было далеко не самым худшим, что я делала. Стокер сидел в напряженной и безмолвной ярости — ничто так не разжигало его гнев, как осязаемое оскорбление его работы. Чтобы скоротать время, я решила перечислить по памяти виды бабочки *Papilio* в порядке их открытия.

Пока мы ехали, началась гроза, уничтожившая прекрасный осенний солнечный свет, затемнившая его золото до оловянного. Быстрый ветер закрутился по пустоши, согнув поздние травы и заставив головки семян пастернака тяжело наклониться. Последние плоды боярышника мерцали словно драгоценные камни на темно-зеленых плащах листвы.

Я как раз добралась до *Papilio laglaizei* (относительно нового экземпляра, идентифицированного только в 1877 году), когда мы наконец приехали по адресу. Кучер слегка потянул поводья, и лошадь начала почти ползти. Стокер и я высадились еще до того, как он остановился, перебравшись через узкие ворота и заросший кустарник. Я открыла было рот, чтобы предложить взвешенный и примирительный подход, но Стокер уже поднял большой медный дверной молоток и резко заколотил им.

— Мистер Пеннибейкер! — он позвал, прижимая ухо к крепкой двери. — Мистер Пеннибейкер, вы здесь?

Дверь на древних петлях распахнулась, и комичная физиономия мистера Пеннибейкера выглянула из-за круглых линз.

— Это вы, мистер Темплтон-Вейн?

Я не была удивлена, подметив выражение острого страдания на его лице. Маленький человечек, безусловно, был нежно привязан к своим трофеям. Провал в установке квагги так скоро после ее доставки был печальным событием.

— Это я, — объявил Стокер тоном арктического гнева. — Я получил записку и приехал по вашей просьбе, чтобы исследовать кваггу.

— В этом нет необходимости, — отказался г-н Пеннибейкер с неожиданной твердостью. — На самом деле, я прошу вас немедленно удалиться. Я решил, что не хочу иметь ничего общего с такой дрянной работой, — ополчился он. — Вы — шарлатан, сэр!

Его брови дрожали от эмоций, когда он умоляюще смотрел на нас.

Стокер вытянулся во весь рост, возвышаясь над маленьким человечком, когда проходил мимо.

— Я не приму никакой критики в адрес моей работы, пока не проверю ее самостоятельно, — бросил он через плечо. — Я абсолютно уверен, что в клее нет недостатка... — Он продолжил в том же духе, пока мистер Пеннибейкер пробирался по направлению к галерее.

— Сэр, — противился Пеннибейкер, дергая его за пальто, — я действительно должен настаивать...

— Успокойтесь, старина, — приказал Стокер. — Что бы ни случилось с кваггой, я исправлю это, даю вам слово.

Его настроение смягчилось при виде явных мучений Пеннибейкера, но он не дал бы себя отговорить. Целостность его работы была поставлена под сомнение — ситуация невыносимая для Стокера.

— Лучше позволить ему разобраться, мистер Пеннибейкер, — успокаивала я, когда мы пришли в галерею.

Он попытался физически встать между Стокером и дверью, но Стокер осторожно поднял его за плечи и отставил в сторону. Он открыл дверь и застыл на месте. Пеннибейкер тихо застонал.

— Что там такое? — потребовала я, задаваясь вопросом, какой ущерб мог быть нанесен квагге? Я втиснулась в дверь и увидела их: Арчибонд стоял перед полосатым ослом.

— Простите меня, — пробормотал мистер Пеннибейкер. — Я пытался вас предупредить.

— Что за черт... — Стокер уставился на Арчибонда в откровенном изумлении.

Я бросила на нашего бывшего похитителя взгляд откровенной ненависти.

— Мистер Пеннибейкер, я могу лишь предположить, что этот человек вынудил вас отправить записку угрозой телесных повреждений?

— Хуже, — с горечью сетовал добряк, — он угрожал сжечь квагу! — Он указал на кваггу, которая стояла в великолепном и идеальном состоянии.

— Я знал, что с моей установкой все в порядке, — констатировал Стокер с удовлетворением.

— Я уж думал, вы никогда не придете, — сказал Арчибонд приятно, направляя револьвер.

Мистеру Пеннибейкеру потребовалось время, чтобы понять последствия.

— Это револьвер?

— Да, — сказала я ему.

— Почему этот парень указывает им на нас?

— Потому что он хочет, чтобы мы поступили именно так, как он говорит. И это хорошая идея, — ответил ему Стокер.

Я посмотрела на Арчибонда моим самым суровым взглядом.

— Прекратите размахивать пистолетом! Вы пугаете бедного мистера Пеннибейкера.

— Напротив, ожидание оказалось наиболее тревожным. Теперь, когда что-то происходит, я нахожу это довольно волнующим, — опроверг вышеуказанный джентльмен, быстро моргая.

Арчибонд улыбнулся.

— Благодарю вас за скорое прибытие. Я пользовался гостеприимством нашего хозяина в течение более короткого времени, чем ожидал.

Драпированные портьеры не были задернуты, и за окном зашуршали кусты. Комната была бы уютней с закрытыми шторами и веселым пламенем, но в нынешних обстоятельствах это казалось неуместным. Трофеи стояли в каждом углу, их глаза светились в тени, создавая атмосферу потустороннего. Возможно, суеверная душа почувствовала бы, что они за нами наблюдают, но такие фантазии мало практичны. Я сообразила, что чем дольше мы можем заставить говорить Арчибонда, тем больше у нас шансов разоружить его.

«Конечно, это также увеличит риск, и мистер Пеннибейкер может быть ранен. Мы должны действовать с исключительной осторожностью», — сказала себе я.

— Вы рассчитывали, что Стокер тут же примчится в ответ на предположение, что его работа никуда не годится, — заговорила я, привлекая внимание Арчибонда.

— Естественно. Первая мысль была забрать вас из Бишоп-Фолли, но похищение из-под носа наемного охранника леди Велли — задача нелегкая. Я решил, что гораздо проще заманить вас сюда и закончить дело подальше от любопытных глаз, — пояснил он.

— Но как вы узнали о мистере Пеннибейкере?

Стокер почти незаметно сместился в сторону, расширив возможную дугу огня, если Арчибонд попытается застрелить одного или всех нас.

Улыбка Арчибонда была слабой, без тени юмора.

— Несколько осторожных запросов в правильных кругах о ваших последних комиссионных.

— А где мой дядя? И те головорезы, что на него работают?

Я отошла от Стокера, еще больше расширяя дугу.

— Удрал, — последовал жесткий ответ. — Бежал либо обратно в Ирландию, либо в какое-то другое темное место. Видите ли, довольно сложно отследить его без ресурсов, обычно находящихся в моем распоряжении.

— Возложив ответственность за совместные преступления только на ваши плечи, — заключил Стокер. — Лучше бы вы сбежали с ним.

Мышца в челюсти Арчибонда дернулась.

— Нет никаких доказательств преступления, — сказал он надменно. — Нет тела.

— Тела? — вопрос Пеннибейкера прозвучал как писк.

— Не беспокойтесь, — успокоила его я. — А инспектор совершенно неправ. Было тело, а следовательно, доказательства преступления, но он его потерял.

— Я его не потерял, — сердито сопротивлялся Арчибонд. — Оно было украдено.

— Из-под вашего носа. Какая небрежность с вашей стороны! — Мне ужасно хотелось сбить с него спесь.

Он повернул пистолет ко мне.

— Довольно, мисс Спидвелл. Ваши комментарии не требуются.

— Но это, действительно, было небрежно, — вступил Стокер, переключая Арчибонда на себя. — Я имею в виду: вы приложили такие усилия, чтобы убить мадам Аврору, и все же не смогли проследить, чтобы ничего не случилось с ее телом. Я называю это небрежным.

Арчибонд стабилизировал свое оружие.

— Я думаю, что мы вполне закончили здесь, — сказал он тоном запретной окончательности.

Я сделала осознанный шаг и встала перед Стокером.

— Даже не думайте стрелять в него.

Я чувствовала тепло Стокера за моей спиной; его спокойствие, расслабленная невозмутимость почти расстраивала в такой накаленной атмосфере. В самом деле, ничто не мешает его хладнокровию?

Арчибонд посмотрел на меня откровенно недоверчивым взглядом.

— Я держу в руках револьвер, мисс Спидвелл, если вы заметили. Что, полагаю, делает меня решающим лицом в происходящем.

— Вас, неужели? — внезапно раздался голос из длинных створчатых окон, акцент со знакомой ирландской картавостью.

Мой дядя настезь распахнул оконную створку, чтобы его приспешник вошел в комнату с оружием наготове. Ирландец стоял, опираясь на трость и

глядя исподлобья на Арчибонд.

— Действительно думаете, вы тот человек, который дергает за веревочки, мой добрый друг?

Арчибонд вздохнул.

— Я думал, что вы уехали, де Клэр.

— Сперва надо довести дело до конца, — запальчиво сказал ему дядя.

— В таком случае, возвращайтесь на склад и ждите меня, — приказал Арчибонд.

— О, вам бы это понравилось, уверен! Полиция обнюхивает все вокруг и готова арестовать любого, кто ступит ногой в помещение, — прорычал де Клэр.

Арчибонд насторожился как пойнтер.

— Что, черт возьми, вы имеете в виду?

— Я имею в виду, там ошивается полиция. Вы думаете, я не опознаю парня в штатском, когда он воняет Скотланд-Ярдом? Я знаю, что я видел. И один из моих парней следил за вами. Как только он сказал мне, что вы направились в Хампстед-Хит, я понял, в чем дело. Вы хотели заполучить этих двоих и вырезать меня из плана, — озлобленно заявил ирландец.

— Я был уверен, что вы сбежали, — спокойно сказал Арчибонд. — А если нет, то, взяв этих двоих обратно на свое попечение, я получу гарантию, что меня не обойдут.

— Обойдут! И что заставило вас подозревать подобное? — издевался де Клэр.

— Возможно, тот факт, что вы забрали тело мадам Авроры из помещения, — оцетинился Арчибонд.

Де Клэр вспыхнул глубоким пятнистым румянцем.

— Не играйте со мной в игры, английский мерзавец. Я знаю, что вы украли тело, и знаю почему. Вы хотите подставить меня в убийстве и держать девушку под своим контролем, — сказал он, дергая подбородком в мою сторону

Тон Арчибонда был арктическим.

— Мне вряд ли понадобится подставлять вас в убийстве Авроры, поскольку ваш человек перерезал ей горло по вашему приказу. А что касается игр, едва ли вы вправе даже заикаться об этом после кражи тела.

Они приняли боевую стойку, вспыхнул характер каждого: холод Арчибонда и пламя де Клэра. Предмет для интересного исследования. Я оглянулась на Стокера, и он выразительно пожал плечами. Я отлично знала, как интерпретировать этот жест: он ничего не будет делать, пока сообщники ссорятся. Если ссора закончится обоюдной расправой, тем

лучше для нас. У нас появляется шанс сбежать во время заварушки вместе с бедным мистером Пеннибейкером. Как он, кстати?

Вышеупомянутый джентльмен широко раскрытыми глазами уставился на пару комбатантов. Он наблюдал за их схваткой с пылким интересом зрителя, поставившего последнюю гвинею на скачки. Стокер передвинулся, встав щитом перед Пеннибейкером, чтобы оградить его от любого возможного насилия.

Де Клэр подпрыгнул от обвинений Арчибонда.

— Говорю вам, я ничего не делал с телом! Это вы перепрытали ее бог весть куда.

Арчибонд закатил глаза к небу.

— А когда именно у меня была возможность сделать это? Я был с вами, или вы в своих параноидальных фантазиях все забыли? Совершенно очевидно, что вы должны знать, где находится тело.

— Я не знаю!

К этому моменту де Клэр уже вибрировал от ярости. Он наставил пистолет на Арчибонда; Арчибонд в ответ нацелил револьвер на де Клэра. На мой вкус, в комнате было слишком много пистолетов. Я решила вмешаться и, миротворчески подняв руки, потребовала:

— Немедленно прекратите эту перебранку! Я знаю, где находится тело. Поэтому предлагаю вам обоим успокоиться и обсудить это рационально, прежде чем начнется стрельба.

Арчибонд посмотрел на меня с подозрением.

— Вы знаете, где находится тело?

— Да, кто-то спрятал тело у нас, мы его нашли. Мы рассудили, что это сделали вы с целью уведомить полицию и арестовать нас по подозрению в убийстве.

Тон Арчибонда звенел холодным презрением:

— Почему, черт возьми, мы хотим, чтобы вас обвинили в убийстве, когда вы — стержень всего замысла?

Я пожала плечами.

— Возможно, вы хотели поймать Стокера в вашу маленькую ловушку. Это один из способов исключить его из уравнения.

— Есть и другие способы, — усмехнулся он.

И прежде чем я поняла, что он хотел сделать, Арчибонд изменил свою позицию, повернулся к Стокеру и нажал на курок.

Время остановилось, когда алый узор расцвел на рубашке Стокера, и он медленно опустился на колени. Он посмотрел на меня с выражением недоверия на лице.

— Только не снова, — сказал Стокер, наполовину смеясь. — Я, черт возьми, не могу поверить.

А потом он рухнул на ковер у моих ног.

Глава 24

В тот момент, когда Стокер упал, произошло несколько вещей. Де Клэр, веря, что Арчибонд выстрелил в меня, немедленно выстрелил в Арчибонда. Его прицел был не очень верным, и он просто зацепил инспектора за руку. Арчибонд поднял вторую руку, чтобы ответить на огонь, но прежде чем он успел что-то сделать, через окно впрыгнула фигура.

— Морнадей! — закричала я, когда наш старый знакомый вскочил в комнату с револьвером руках.

— Инспектор, сдайте оружие, — приказал он. — Остальные находятся под арестом, кроме мисс Спидвелл.

Арчибонд не опустил пистолет.

— Я не знаю, в какие игры вы играете, Морнадей, но довольно. Как ваш начальник, я приказываю вам опустить оружие и взять этих людей под стражу.

— Боюсь, что нет, сэр, — мятежно отказался Морнадей. — У меня есть свои собственные приказы, и они получены от высших вас по званию.

Лицо Арчибонда искривилось в рычании, но прежде чем инспектор успел нажать на курок, раздался выстрел. Он наклонился вперед, на его лице отразилось изумление. Де Клэр и Морнадей не двигались, Тихий Дэн застыл безмолвно. За Арчибондом, широко распахнув глаза, ошеломленный, как и все мы, с дымящимся мушкетом какой-то древности в руке, стоял мистер Пеннибейкер.

— О, господа, — воскликнул он, уронив мушкет на землю. — Кажется, я попал в его заднюю полую вену. Уверен, это смертельная рана.

— Христос в цепях, — пробормотал Морнадей. Он взмахнул револьвером на де Клэра. — Вы и ваши ребята. Бросьте оружие и — лицом к стене!

Де Клэр насмешливо улыбнулся.

— Думаю, нет, парень. Посчитай сам: против одного ваших — двое наших.

Маленькие часы на камине начали бить, но я не могла осознать этот нелепый звук — время замерзло. Мы застыли драматической картиной. Пеннибейкер, в ужасе от собственных действий, оторопело стоял в твердом неверии. Де Клэр и Тихий Дэн напряглись в стойке против Морнадея —

одинокой фигуры, пытающейся их задержать.

И что самое важное, Стокер, лежащий на коврик у камина, с лужей крови под ним.

Легко предсказать, что будет дальше. Де Клэр и его любимчик сначала откроют огонь по Морнадею, а затем по Пеннибейкеру. Они прикончат Стокера и возьмут меня в плен, и это будет конец — конец моей жизни, конец моей любви.

Я наклонилась, якобы взглянуть на Стокера, но почти сразу выпрямилась. Жест был просто способом скрыть мои движения, когда я вынула нож из ботинка. Однажды Стокер уже лежал с кровотечением от пули, и я метнула нож прямо в сердце его нападающего. На этот раз я не бросила нож, я кинулась вперед с лезвием в руке. Моя рука не дрогнула, когда я прицельно вонзила нож в грудь де Клэра, резко потянув лезвие вверх и влево. Дядя уставился на меня, на его лице отразилось изумление. В течение долгого момента мы замерли вместе, как в замке, его руки поднялись, чтобы сжать мои — почти объятия. Затем он медленно ослабил хватку, выскользнув из моих рук с небольшим содроганием, уступившим место совершенной и окончательной неподвижности.

Тихий Дэн выстрелил, попав Морнадею в плечо. Выстрел отбросил его на пол. Я увидела, что за тем местом, где прежде высился Морнадей, в обрамлении оконной рамы стоит моя партнерша по танцам на маскараде у мадам Авроры. Винтовка вскинута к плечу, дирхаунд Веспертин — на заднем плане. Не медля ни секунды, она дважды разрядила ружье в Тихого Дэна, убив ирландца наповал.

Морнадей с трудом сел на ковре, схватившись за кровоточащее плечо. Он возмущенно ел глазами женщину-швейцара, которая хладнокровно осматривала комнату, все еще держа винтовку наготове.

— Я сказал вам подождать в карете, — брызгал слюной Морнадей.

— И я сказала вам, что это моя история. — Женщина сняла напудренный парик и маску. Она поклонилась в мою сторону:

— Мисс Спидвелл, как приятно познакомиться еще раз.

Дж. Дж. Баттеруорт взглянула на Стокера.

— Мистер Темплтон-Вэйн не очень хорошо выглядит.

— Ему нужен доктор, — крикнула я, падая на колени.

Мистер Пеннибейкер поспешил к нам.

— Дайте-ка посмотреть.

Он осторожно оттолкнул меня в сторону и начал прощупывать рану.

— Какого дьявола, что вы делаете? — я потребовала. — Ему нужен доктор.

Его взгляд был безмятежным, как запруда у мельницы, когда он начал приказывать Дж. Дж. Баттеруорт подать приборы и инструменты. Я продолжала таращиться на него, мои руки были в крови Стокера. Через мгновение он оглянулся на меня.

— Разве я не говорил вам, моя дорогая? Я бывший профессор хирургии в Эдинбургском университете. Изучил свою профессию на полях сражений Крыма, так что довольно хорошо знаком с такими вещами.

Я облегченно опустила на пол. Виногато перенеся внимание на Морнадея, все еще сжимающего окровавленное плечо, я сказала:

— Вы тоже ранены. Вам нужна медицинская помощь.

— Царапина. Чертова пуля прошла насквозь, не задев кость. — Он покосился на расprostертую фигуру моего дяди. — Чего не могу сказать о нем. Жертва Потрошителя не так сильно пострадала, — хмыкнул он, выражение его лица выражало смешанное отвращение и одобрение.

— Я хотела, чтобы он знал — я не шучу, — сказала я тупо.

Он положил тяжелую руку мне на плечо, и тут до меня дошло, что брови Морнадея торчат белыми, густыми и неестественными пучками. Запах спиртового клея и лакицы все еще цеплялся за него.

— Из всех злобных хитростей, — выдохнула я. — Вы были швейцаром у комнат мадам Авроры! Вы принесли ее тело в Бельведер.

— Да, есть много чего рассказать. Но позже. Когда он тоже это услышит, — добавил он, кивнув в сторону Стокера.

Я вернула кивок и пошла помогать мистеру Пеннибейкеру, пытаясь справиться с трясущимися руками и скучной уверенностью, что если что-то случится со Стокером, жить не стоит.

Следующие часы были не из тех, что я вспоминаю с большой любовью. У Стокера открылось сильное кровотечение, чему сопутствовал поток обильных ругательств — тоже Стокера. Он отключался несколько раз, прежде чем Пеннибейкеру — талантливому и смелому хирургу — удалось применить анестетики. Он сумел дать ему эфир свободной рукой, и Стокер наконец уснул спокойным, неподвижным сном, имитировавшим смерть.

Мистер Пеннибейкер получил подготовку на поле боя во время Крымской войны. По его признанию, оперируя на обеденном столе, он чувствовал себя так же комфортно, как оперируя в больнице.

— Человек может умереть от ран, дизентерии или брюшного тифа в любом месте, — спокойно заявил он. — Мы прооперируем его здесь, если вы сможете ассистировать мне с твердой рукой и без истерик.

Я слепо подчинялась его командам. Передавала инструменты, недавно

прокипяченные и еще горячие, вытирала ему лоб, не задавала вопросов и не осмеливалась смотреть за пределы собственных рук. Я двигалась как автомат, лишь выполняя его приказы.

Морнадей терпеливо ожидал своей очереди, Дж. Дж. Баттеруорт тоже осталась с нами. Мы работали как единое целое, любопытная группа с удивительным мистером Пеннибейкером-лидером, отдающим приказы в спокойной, авторитетной манере. Он был терпелив с нами, и поскольку он не нервничал, мы сумели сделать невообразимое. В какой-то момент Джей Джей вырвала в горшок в углу, но собралась с силами и вернулась. Именно тогда я осознала, что нам суждено стать союзниками на всю оставшуюся жизнь. Морнадей, чья лояльность так часто проверялась, был самой большой помощью из всех. Пока на Стокера не подействовал наркоз, он пытался сопротивляться. Морнадей удерживал его, даже когда рана на плече открылась и потекла кровь.

Наконец все было закончено, последняя повязка наложена и последняя лужа крови вытерта. Стокер лежал бледный и безразличный, неподвижный, как одно из творений мадам Тюссо. Эфир, этот великолепный эликсир бесчувственности, медленно выкачивался из бутылки через резиновую маску на его лицо. Задачей Джей Джей было регулярно сжимать баллон на бутылке, чтобы обеспечить доставку анестезии.

Я посмотрела на лицо Стокера — странный мраморный налет, который я никогда раньше не замечала.

— Это эфир, — компетентно сказала Джей Джей. — Он пройдет, когда мистер Пеннибейкер снимет маску.

— Откуда вы знаете?

Она пожала плечами.

— У меня есть опыт медсестры.

Я не спрашивала, и она не уточняла. Я решила, что наша жизнь, возможно, не так уж и отличается: мы обе были женщинами, вынужденными пробиваться без посторонней помощи. Под влиянием момента я подумала, что если когда-нибудь расскажу свою историю, то ей.

Травмы Морнадея были проворно обработаны — всего лишь несколько швов и повязка, которую он демонстрировал со значительной гордостью, когда прибыл его начальник из Скотланд-Ярда.

— Сэр Хьюго, — приветствовала я главу Особого Отдела, вошедшего с несколькими младшими офицерами.

— Мисс Спидвелл, — сухо ответил он. — Почему я не удивлен, обнаружив вас посреди этого разгрома? — Он перевел свой пронизывающий взгляд на Морнадея. — И вам удалось получить ранение, я

вижу.

— Только слегка задело, — ответил Морнадей с улыбкой.

Сэр Хьюго не был впечатлен.

— Несколько минут наедине, Морнадей. Вы проинформируете меня, а потом я отдам приказы.

Мистер Пеннибейкер поспешил показать им дорогу в небольшой кабинет, где они заперлись. Один из подчиненных сэра Хьюго стоял на страже, другой отправился в галерею осмотреть сцену действий. Завершив расследование, он проскользнул в комнату к сэру Хьюго и Морнадею. Через минуту все трое с невозмутимыми лицами вышли из кабинета. Сэр Хьюго повернулся к своим людям:

— В галерее три смертельных последствия происшедшего. Инспектор Морнадей покажет вам, где.

Морнадей посмотрел на сэра Хьюго с просветлевшим лицом.

— Инспектор Морнадей?

— Что ж. Если вы еще не заработали звание, заработаете сегодня ночью, — сэр Хьюго добавил мрачную улыбку для акцента.

— Да, сэр. — Морнадей салютовал с шиком.

Мистер Пеннибейкер заговорил, обращаясь к сэру Хьюго:

— Я должен протестовать, сэр. Этот человек был ранен и нуждается в отдыхе.

— Отдохну, когда работа будет закончена, — сказал Морнадей, получив одобрителный кивок сэра Хьюго.

Морнадей пошел проводить коллег, Джей Джей осторожно последовала за ними — без сомнения, вынюхивая, что еще можно найти для печати.

Мистер Пеннибейкер извинился и удалился, чтобы принести еще горячей воды и чистых бинтов, оставив меня наедине с сэром Хьюго. Глава Особого Отдела пристально посмотрел на меня. Его глаза были глубоко затенены, на щеках появились новые впадины, свежие серебряные нити виднелись в темных волосах. Дело Потрошителя явно забирало у него все силы. Я знала, он чувствовал поражение от того, что не может его наконец закрыть.

— Хотела бы я сказать, что вы хорошо выглядите, — начала я.

На его лице медленно проступила улыбка.

— Было бы не по-джентльменски с моей стороны заметить, что вы сами не выглядите как картинка, мисс Спидвелл.

— Совершенно не по-джентльменски, — согласилась я. — Вы получили мою записку?

— Получил. Она прибыла одновременно с неотложным вызовом Морнадея. По счастливой случайности, в тот момент я находился в офисе. Я хотел бы отметить, что вы пропустили несколько ключевых элементов информации, — сказал он со своей обычной строгостью.

— Я думала, что вы всецело заняты расследованием Потрошителя. Наши дела казались менее важными. — Я улыбнулась ему, но он не вернул улыбку.

— Ваша любезность заслуживает похвалы.

— Что теперь будет? — спросила я.

Он вздохнул.

— Как вы думаете?

— Вы не можете рисковать, начав расследование, — просто сказала я. — Публичное разбирательство все выявит — планы моего дяди, мою личность. Это бы почти осуществило то, что де Клэр намеревался совершить в первую очередь, не так ли? — Я не стала ждать ответа. — И что еще ужаснее, представит Арчибонда — офицера ваших собственных сил — анархистом, когда вы не можете позволить себе осуждение публики.

— Они уже ненавидят и боятся нас за то, что мы не предаем этого монстра суду, — сэр Хьюго явно не желал произносить всуе имя демона. — Нас обозвали некомпетентными и коррумпированными, заклеили как неудачников, потому что мы не можем решить неразрешимое. Мы не можем допустить, чтобы ваш случай стал достоянием гласности. Это воистину будет ударом, от которого достоинство королевской семьи — даже самой империи — никогда не восстановится.

— У Арчибонда остались родные?

Он пожал плечами.

— Сестра, которая вела его хозяйство. Она единственная, кому будет не все равно, когда он не вернется домой.

— Что вы ей скажете? — хотела знать я.

— То же, что мы расскажем остальным в Ярде: Арчибонд преследовал преступника и погиб при попытке задержания. Преступник сбежал. Врачи в Ярде подтвердят смерть Арчибонда, и он будет тихо похоронен... как герой. Это лучше, чем он заслуживает.

— А де Клэр и его человек?

Сэр Хьюго задумался.

— Темза несет в море все виды мусора, — сказал он через мгновение. — И то, что унесено, не возвращается.

Я кивнула.

— По-моему, это доброе дело — сохранить фикцию

респектабельности Арчибонда ради его сестры.

— Это прежде всего ради моих людей, — признался он с большей искренностью, чем я ожидала. — Их боевой дух в настоящее время упал, ниже не бывает. Я не мог допустить, чтобы он совсем сломался. Те, кто сегодня присутствовали здесь — мои самые доверенные юниоры. Они умрут, но не выдадут, кем был Арчибонд. Этот секрет будет похоронен вместе с ним.

Он улыбнулся мне устало.

— И вы будете продолжать свою жизнь, — твердо велел он. — Не вмешиваясь в дела, в которые не должны.

— Конечно, — сказала я молочным тоном, чья мягкость не обманула его ни на минуту. Выражение лица сэра Хьюго стало суровым.

— Вам до сих пор везло, пожалуй, у вас не меньше жизней, чем у кошки. Можно сказать, вы родились под счастливой звездой.

Он полез в карман и вытащил алмазную звезду — источник всех наших неприятностей. Он протянул ее мне. Я взяла украшение, удивляясь его тяжести. Освещение вспыхнуло по всей поверхности, сверкая в газовом свете.

— Где вы это нашли?

— У Арчибонда в кармане. Мой человек передал ее, когда мы с Морнадеем совещались.

Я вернула ему звезду. Он рассматривал меня с нескрываемым удивлением.

— Я думал, что вы захотите вернуть ее сами.

— Нет, спасибо, — твердо отказалась я. — Мне хватило приключений.

Сэр Хьюго загадочно посмотрел на меня.

— Рад слышать. Хотя поверю в это, когда увижу, мисс Спидвелл.

Он пожал мне руку и отчалил. Вернулся Морнадей, слегка позеленевший из-за своих недавних усилий. Мистер Пеннибейкер вошел со свежей банкой горячей воды. Его глаза были омрачены усталостью, но он не собирался отдыхать, пока оставались незаконченные дела.

— Как насчет вас, мисс Спидвелл?

— А что насчет меня? — удивилась я.

Он выразительно указал глазами на мою руку.

— Дорогая, вы не поняли? Вы были ранены.

Я посмотрела вниз на рукав жакета, где аккуратная дыра образовала черное сердце в розе крови.

— Морнадей, — сказала я отчетливо. — Надеюсь, вы не поранитесь, когда поймаете меня.

И прежде чем он успел ответить, я с головой погрузилась во тьму.

• • •

Когда я очнулась, первым восхитительным ощущением было, что я плыла, нежно опираясь на золотое облако, которое перемещалось по золотому морю. Я слегка сдвинулась, и мою руку пронзила боль.

— Осторожнее, двигайтесь медленно, — произнес знакомый голос. — Если у вас разойдутся швы, Пеннибейкер порвет мои кишки на подвязки. Он велел мне присматривать за вами.

Я открыла глаза и увидела Дж. Дж. Баттеруорт, сидевшую на стуле — глаза глубоко затенены, но рот изогнут в улыбке. Луч солнечного света падал на ковер у ее ног.

— Стокер, — я с трудом выдавила слова сквозь губы, настолько высохшие, что я едва могла говорить.

— Проснулся перед вами, а теперь уснул снова, — Она поднялась и поднесла чашку к моим губам. Вода, самое ценное, самое вкусное возлияние. Я жадно пила, пока она не забрала чашку. — Не так быстро. Вы потревожите рану, если не будете осторожны. Это эфир вызывает жажду. Я дам вам еще попить через десять минут, если вы не заснете.

Я с усилием распахнула глаза и повернула голову — этот странный и плавающий шар, который казался странно оторванным от моего тела. Я пыталась пошевелиться, но мои ноги отказались отвечать, отяжелевшие и мертвые.

— Я парализована, — прошептала я, закрывая глаза.

Джей Джей фыркнула.

— Вы не парализованы. Веспертин лежит на ваших ногах.

Я снова открыла глаза и увидела огромного косматого зверя, накрывшего мои нижние конечности, с тяжелой головой, удобно расположенной на моем животе, взирающего на меня в тревожном обожании.

— Он отказался покинуть вас, — сообщила Джей Джей, ласково трепля его уши. — Я хотела оставить его себе, но он предпочел вас.

— Я не хочу собаку, — запротестовала я, произнося слова медленно и отчетливо. Мой язык все еще не совсем подчинялся мне.

— Ну, у вас теперь есть, — твердо сказала она. — Дирхаунды — ужасно верная порода, и он уже потерял одну хозяйку на этой неделе.

Я подняла руку и положила на голову Веспертина. Он глубоко вздохнул и придвинулся ближе, закрыв глаза, как и я. Возможно, иметь собаку не было такой уж немыслимой идеей.

Через мгновение я снова открыла глаза и осмотрела свое окружение. Я

лежала на узкой кровати, плотно прикрытая покрывалом, на котором были изображены слоны. Я с усилием моргнула и снова закрыла глаза.

— Вы видите слонов или у меня галлюцинация? — требовательно и хрипло прокаркала я.

— Они также и на стенах, — поведала она мне. — Вас уложили спать в детскую спальню наверху дома.

— Ради Бога, почему?

— Поскольку в комнате уже были три кровати, ее превратили во временную палату. Намного удобнее вас всех выхаживать.

Я снова открыла глаза и посмотрела налево. Морнадей занимал узкую кровать, идентичную моей, за исключением того, что его покрывало было разрисовано танцующими медведями. Ночной колпак на голове сидел под насмешливым углом, рот был открыт, когда он издал похотливый храп. С большой заботой о моей больной голове я повернула ее направо. Стокер.

Я села на локоть и остановилась, когда комната развернулась, как карусель. Моя вторая рука была привязана к боку петлей. Я мягко толкнула Веспертина, и он грациозно выпрыгнул из кровати, бесшумно опустившись на ноги.

Джей Джей выругалась, но подошла ко мне и помогла подняться.

— Идите не спеша, — распорядилась она. — Вы ничего не ели, и довольно долго находились под эфиром. Кстати, с вашей рукой все будет в порядке. Пеннибейкер тщательно прощупал рану и обнаружил кусочек или два пули, которые, должно быть, откололись, но остальная часть прошла насквозь. Он зашил вас, и теперь это место напоминает созвездие Ориона.

— Мне все равно, если он отрежет эту чертову штуку, — пробормотала я, пробираясь через несколько ярдов ковра к кровати Стокера. Он лежал в точности так же, как я видела его в последний раз, бледный и тихий. Единственным изменением была темная щетина на челюсти.

— Вы сказали, что он не спит, — упрекнула я Баттеруорт, мой голос звучал более чем обвинительно.

— Он не спал, — подчеркнула она. — И я сказала, что он снова уснул. Ему нужен отдых. Как и вам, — добавила Джей Джей. Я долго смотрела на него, прежде чем позволила уговорить себя вернуться в кровать. Я упала в нее и заснула. Уже засыпая, я пробормотала слова благодарности.

— Не за что, принцесса, — сказала она с ноткой веселья.

• • •

Только в следующий раз, когда я проснулась, до меня дошла ее небольшая колкость. Я пробудилась ото сна и сразу поняла, что она имела в

виду.

— Черт побери, черт возьми, — проговорила я, открывая глаза.

— Ну, вот пациент, явно чувствующий себя лучше, — сказал мистер Пеннибейкер своим мягким голосом. Он приложил палец к моему пульсу, когда я изо всех сил пыталась подняться.

— Минутку, пожалуйста, мисс Спидвелл.

— Как другие?

— Мистер Морнадей охвачен лихорадкой. Ничего серьезного, однако он действительно перенапрягся, и мне хотелось бы присматривать за ним в течение дня или около того. Вы свободны вставать и двигаться, если хотите, моя дорогая. Я осмотрел рану. Нет никаких признаков инфекции, но боюсь, останется серия маленьких шрамов. Когда наденете вечернее платье, вам будет что рассказать.

Я оттолкнула Пеннибейкера в сторону. Стокер сидел в постели, отросшая щетина была откровенно неприличной, но он улыбался. Эта прекрасная, неподражаемая улыбка. Его грудь была роскошно перевязана и сияла синяками всевозможных оттенков, но цвет лица был хорошим.

Я полетела к нему, приземлившись на его кровать со стуком, не обращая внимания на предостережения Пеннибейкера. Я обхватила лицо Стокера руками, мой голос был нежным и обманчиво сладким:

— Стокер, надеюсь, ты хорошо запомнишь, что я скажу: если ты когда-нибудь снова сделаешь такое, я сама пристрелю тебя и избавлю злодеев от забот.

• • •

Несколько дней спустя Морнадей и Джей Джей присоединились к нам для своего рода постморта с известиями о том, что происходит в мире. Баттеруорт сияла феерическим светом, когда триумфально отнесла свои последние приключения в «Daily Harbinger».

— Потрошитель снова нанес удар, — сказала она. — И они позволили мне помещать статьи на первой странице, — добавила она, указывая на подпись.

Но мой взгляд упал на имя его последней жертвы.

— Мэри Джейн Келли, — медленно произнесла я, вспоминая дерзкую девушку с красивыми светлыми волосами и дешевым платьем, которое я так и не вернула.

Я заставила себя прочесть статью, пока Джей Джей продолжала свой рассказ:

— Эта жертва была убита в ее комнате в Миллер-Корте.

Лицо Стокера на подушке стало пепельным. Я вспомнила темного

человека, прошедшего мимо нас в ту ночь, когда мы блуждали в тумане Уайтчепела в поисках Хай-стрит. От него исходило дурное предчувствие.

Я сунула газету обратно Джей Джей. Подробности преступления перевернули мои внутренности.

— Очень хорошо написано, — похвалила я ее правдиво. — Как если бы я была там.

— Надеюсь, это в конечном итоге докажет идиотам в парламенте, что нужно что-то сделать для бедных и нуждающихся, — сказала она, раскрасневшись.

Морнадей смотрел на нее с отблеском эмоций в глазах. Интересно, знает ли он, что на его чувства никогда не ответят взаимностью? Дж. Дж. Баттеруорт не будет мужней женой. Она всецело предана карьере, ее призвание раскрывать правду в суровом свете дня. Она — крестоносец, а в крестоносцах всегда есть немного фанатизма. Был также вопрос вальса, который мы разделили, и крошечный поцелуй, подаренный мне в конце. Я посмотрела на Джей Джей и встретила с ней глазами, легкая непроницаемая улыбка играла на ее губах. Я знала, что некоторые женщины склонны к сафизму, и вполне вероятно, Баттеруорт была одной из них. Но я подозревала, что она скорее очарована фактом собственной возмутительности, умно калькулируя маленькие хитрости, предназначенные лишить всех, кого она встречала, равновесия. В стремлении стать известным журналистом она столкнулась с многими препятствиями. Я не сомневалась, что она воспользуется любым имеющимся в распоряжении оружием для достижения цели.

Стокер протянул руку за газетой и читал в тишине. Когда он закончил, его челюсть закаменела.

— Вам было бы интересно взять интервью у женщины, которая ее знала? Кто-то, кто мог бы рассказать, каково это - жить на улице? Спать где придется и зарабатывать на хлеб, лежа на спине?

Она наклонилась вперед с нетерпением.

— Было бы, действительно!

Морнадей выглядел оскорбленным.

— Это слишком опасно, — начал он.

Джей Джей отмела его возражения с присущим ей эпатажем.

— То, что я делаю, не ваша забота, — сказала она ему кусачим голос. Я почти не сомневалась, что это был разговор, который они вели не один раз. — Кроме того, у вас не было возражений, когда я работала на мадам Аврору, чтобы написать разоблачение о делах, творящихся в ее клубе.

— У меня были самые серьезные возражения, — холодно напомнил он

ей.

— И посмотрите, что из этого вышло, — парировала она. — Я все равно это сделала. Кстати, вы никогда не получили бы свое назначение без меня.

— Это то, как вы оказались под рукой? — я спросила Морнадея. — Мы благодарны за помощь, но вы могли бы сказать нам.

У него хватило совести самую малость смутиться.

— Я не был уверен. Я подслушал обрывки разговора инспектора и держал ухо прижатым к земле. Мне удалось проследить за ним пару раз и обнаружить, что он встречался с де Клэром. Я не забыл, как в последний раз этот конкретный человек привлек наше внимание. Арчибонд проводил большую часть времени у мадам Авроры. Слишком много времени даже для любителя всяких штучек-дрючек, — добавил он с насмешкой, которая могла бы сделать честь сатиру. — Я пришел к выводу, что «Club de l'Étoile» — больше, чем просто место для разврата. Это было место встречи, центр какого-то подлого плана. Поэтому я убедил Джей Джей помочь мне устроиться туда на работу, поскольку у нее там уже была должность, — неохотно признал он.

Я повернулась к Джей Джей.

— Как случилось, что вы уже работали у мадам Авроры?

— Морнадей, — сказала она, не задумываясь. — Он был настолько любезен, что добровольно поделился информацией. Клуб являлся богатым источником материала для истории о сильных мира сего.

— Добровольно! - фыркнул Морнадей. — Вы выудили это у меня вашими женскими хитростями.

Джей Джей моргнула, широко раскрыв глаза в притворной невинности.

— Я понятия не имею, на что вы намекаете.

Морнадей проворчал:

— Несколько недель она обнюхивала клуб. Делала заметки к истории, которую собиралась написать. Когда я попросил ее найти для меня какое-то место, это было наименьшее, что Баттеруорт могла сделать.

— Думаю, Морнадей имеет в виду, — холодно сказала она, — что он вымогал у меня рекомендацию. обещая рассказать мадам Авроре, чем именно я занимаюсь в клубе. Бесстыдно угрожал, что разрушит мою историю, если я не помогу ему.

Улыбка Морнадея была самодовольной.

— Око за око, моя дорогая. — Он повернулся ко мне.

— Я замаскировался, чтобы Арчибонд не узнал меня.

— И сохранил свою маскировку, даже разговаривая с друзьями, — укоризненно вставила я.

— Откуда я мог знать, что вы не были частью заговора, — ответил он. — Я должен был быть уверен. Мне даже пришло в голову предложить вам билеты в театр, чтобы проверить вас. И вы, черт возьми, провалились! Невинные люди использовали бы билеты.

— Мне нет дела до Гилберта и Салливана, — освежил его память Стокер.

Морнадей издевательски заявил:

— Какому англичанину наплевать на Гилберта и Салливана? Они являются национальным достоянием, не так ли? В любом случае, ваше появление в клубе в ту ночь вызвало у меня подозрения. Я дал вам идеальный выход, невинные люди им бы воспользовались. Вместо этого вы оказались в гуще самого ужасного заговора, что я видел с тех пор, как де Клэр затемнил здешние берега в последний раз. Мне было трудно представить, что вы не замешаны.

— Что вас убедило? — Стокер потребовал.

Морнадей заерзал.

— Я обнаружил тело мадам Авроры сразу после того, как сделка была завершена. Я видел, как де Клэр и один из его людей входили в раздевалку, и слышал повышенные голоса. Когда они вышли, парень де Клэра положил запятнанный кровью носовой платок обратно в карман. Я проскользнул в комнату и нашел ее там. В этот момент я уловил звуки — кто-то зашел — и спрятался за дверью в ванной.

— Так вы слышали все, когда мы вошли с принцем? — догадалась я.

— Большую часть, — подтвердил он. — Достаточно, чтобы понять — никто из вас не имеет ничего общего с заговором. Поэтому я решил помочь.

— Помочь? — Стокер окинул его скептическим взглядом.

Морнадей глубоко покраснел.

— Да, я так и сделал. Оказал вам прекрасную услугу: спустился к генератору и отключил электричество, чтобы вы могли убежать в темноте. Я хотел найти вас и самому вывести из этого места, но... — Он замолчал, ему явно было неудобно.

— Но? — Я надавила.

— Но он упал, — вклинилась Джей Джей, едва подавляя веселье. — Он споткнулся о чью-то ногу в темноте и с головой упал в чашу с пуншем. Вышел увенчанным ликерными фруктами.

Он насупился, без сомнения сожалея о менее чем романтической картине, которую она нарисовала. Он хотел верить в себя, как

бесстрашного героя, и все же для Джей Джей был всего лишь Морнадеем, неуклюжим обаятелем из Скотланд-Ярда.

Я потянулась к нему и поцеловала в щеку.

— Молодец, Морнадей. Вы всегда проходите в конце. Вопреки своим желаниям!

Он значительно прояснился, и Стокер сложил газету с безумной точностью.

— Да, в самом деле. Полагаю, я должен поблагодарить вас за то, что вы пришли во время. Еще несколько минут и я мог бы получить опасную травму, — он выразительно посмотрел на повязки, все еще покрывающие его туловище.

Улыбка Морнадея увяла.

— Ну, что же. Я сделал все возможное, не так ли? Между прочим, провел половину ночи, подчищая за вами и таская за собой трупы, чтобы скрыть причастность принца.

Стокер открыл рот, чтобы поспорить, но я подняла руку.

— Если хотите ссориться, подождите, пока оба придете в норму. Вот тогда сделаете это как полагается: с пистолетами на рассвете. Мисс Баттеруорт и я будем вашими секундатами.

— Нет уж, увольте, мисс Спидвелл, — возразила Джей Джей. — Я считаю, мы должны позволить им убить друг друга. Это сэкономило бы нам всем кучу времени и усилий.

— С меня достаточно пистолетов, — сухо сказал Стокер. Он пристально посмотрел на Морнадея. — Полагаю, мы действительно в долгу перед вами. Не только за своевременное прибытие, но и защиту принца.

— Я до сих пор не убежден, что он того стоит, — сказал Морнадей с призрачной улыбкой. — Но не за что. — Момент понимания, совершенный и дружелюбный, повис между ними. Я догадывалась, что он не продлится долго.

— Тем не менее, вы пришли к нам на выручку довольно поздно, — опять завел волюнку Стокер.

Морнадей сунул руки в волосы.

— Вы знаете, как тяжело было вас найти? Вы исчезли из клуба посреди ночи, и я понятия не имел, куда Арчибонд мог отвести вас и куда вы могли деться после.

— Мы были в Бишоп-Фолли, — сказала я ему беспомощно.

— Вы. Ушли. Домой, — он умудрился разделить произнести каждое слово.

— Мы доставили принца в безопасное место и предположили, что

Арчибонд слишком умен, а де Клэр слишком встревожен, чтобы остаться в Англии. Это казалось вполне резонным прогнозом, — защищалась я.

Морнадей покачал головой.

— Если бы только я пошел к вам тогда, — сказал он печально.

— Но тогда у вас, скорее всего, не было бы возможности задержать заговорщиков, — указала Джей Джей с непогрешимой логикой.

Она повернулась ко мне и к Стокеру.

— Бедный Морнадей пребывал в полном недоумении, когда вы исчезли из клуба. Он обнаружил записи, связывающие Арчибонда со складом в Уайтчепеле, но на то, чтобы сложить все вместе, ушло больше суток. К тому времени вы сбежали, Арчибонд скрылся. Морнадей и я не могли распутать следующий фрагмент сюжета, пока не сравнили информацию и не просчитали последний отчаянный гамбит Арчибонда — заманить вас сюда.

Она удовлетворенно улыбнулась.

— Пока Морнадей суетился, гоняясь по городу за Арчибондом, я тайком проследила за вами, Вероника. Я подозревала, что вы — ключ ко всей схеме, как Морнадей ни пытался утаить от меня эти сведения. Узнав вас в клубе, я сообразила, что когда мне надо отыскать ваш след, он всегда приведет в Бишоп-Фолли.

Я изучающе на нее посмотрела.

— Вы знаете цель заговора?

Она кивнула.

— Знаю. Они хотели использовать серию скандалов, чтобы скинуть правителей с трона и посадить вас на их место.

— Вы не уважаете власти, — мягко прокомментировала я, — и все же готовы их защитить. Вы не написали об этом в своей газете. Амбициозный репортер, спокойно сидящий на истории века. Это невероятно.

Она сжала руки в кулаки.

— Я честолюбива и хочу сделать себе имя, но не таким образом, не с таким разрушением. Стоимость слишком высока! Мир не готов к подобной анархии.

— В конце концов, вы роялист, — тихо сказала я.

— Я прагматик, — поправила она. — Я хочу писать истории, которые действительно принесут пользу, подтолкнут общество к целеустремленным изменениям. Как интервью с женщинами, живущими в Уайтчепеле, — напомнила она, кивнув в сторону Стокера.

— Я все устрою, — пообещал он.

— И вы будете хранить мою тайну? — спросила я.

Она посмотрела на меня оценивающим взглядом.

— Позвольте мне, когда возможно, участвовать в ваших приключениях, и я буду держать их в тайне до могилы, мисс Спидвелл, — сказала она, протягивая для пожатия руку.

— Договорились, мисс Баттеруорт.

• • •

Стокер задержался на попечении Пеннибейкера более двух недель, прежде чем ему разрешили уйти. Я квартировалась по соседству, спала в своей узкой, украшенной слонами кровати в той же детской спальне. Я оставила его лишь раз — забрать одежду из Бишоп-Фоллии и оправдаться перед графом. Мне удалось набросать смутную историю о несчастном случае. Его светлость, отвлеченный новым прибытием коллекции камей из полированной везувийской лавы, издал подходящие звуки сочувствия и велел нам решать свои проблемы, ни о чем не беспокоясь. Я была рада найти леди Велли идущей на поправку и выпила с ней чай перед отъездом.

— Ну, — она неодобрительно поглядела на мою перевязь, — вижу, вы озорничали, пока я вам не мешала.

— Немного, — призналась я. За чаем из веджвудского сервиза я поведала ей нашу эпопею, включая мучительное приключение с Эдди и его тайное возвращение в Шотландию.

— Я знаю, — спокойно сказала она.

Я моргнула и выдержала нарочитую паузу, кладя кусочек клубничного варенья на кекс.

— Знаете?

Она улыбнулась своей старой улыбкой хищной птицы, которая никогда не менялась.

— Мое дорогое дитя, меня регулярно посещали большинство членов семьи.

Ей не нужно было говорить, какой семьи. Сердце заколотилось, глухо стуча по ребрам. Я осторожно пристроила ложку на блюде.

— Был...

— Ваш отец? Нет, но приходила принцесса Уэльская. И Эдди. — Она пристально посмотрела на меня. — Он вам понравился, не так ли?

— Понравился. Вопреки моему желанию. В нем неожиданно есть что-то славное.

Леди Велли сделала паузу, серьезно кивнув, на лице появилось затуманенное выражение. Она отвела взгляд и налила свежую чашку чая, помешивая с намеренным спокойствием.

— Кстати, вы можете вернуть мой дневник, когда у вас будет время.

Вот как вы и Стокер обнаружили, что у меня на уме, не так ли?

Я не стала отрицать.

— Мы были обеспокоены, и Арчибонд мастерски сыграл на этом.

— Как и со мной. Анонимная записка и вырезки были от него, он подбросил эту чудовищную идею.

— Это было зло с его стороны, — начала я.

— Зло! Это было дьявольски, — процедила она с настоящим ядом. — Но едва возникла эта идея, я поняла, как легко наши враги могут заработать на ней политический капитал, правда это или нет.

— Он не виноват, вы знаете, — твердо сказала я ей. — Эдди не мог совершить убийства в Уайтчепеле.

Мерцание эмоций забродило на ее лице. С другим человеком я бы назвала это виной. Но я совершенно уверена, что леди Велли не знакома с таким чувством.

— Я не поверила, — сказала она мне. — На самом деле, нет. Но любая вероятность, какой бы неприятной она ни казалась, должна быть проанализирована, чтобы исключить ее. Я не верила в это.

Я могла бы принять за чистую монету ее монолог, если бы она не повторилась. По какой-то причине — плохое здоровье, усталость, рассеянность — она позволила воображению одолеть ее, сомневаясь в человеке, которого знала с рождения, недостатки и добродетели которого были ей знакомы, как собственное лицо. Она не простит себя легко и никогда не забудет.

У меня не хватило духу подталкивать ее дальше. Я вернула свое внимание к маффину, и она внезапно сказала, ярко блестя глазами:

— Я рада, что у вас была возможность провести с ним время.

— Как и я. Вы могли рассказать нам о своих подозрениях до того, как принцесса обратилась с просьбой забрать драгоценность. Это помогло бы избежать многие неприятности.

Леди Велли поставила свою чашку в блюдце, только слегка гремя.

— Не думайте, что я не знаю, насколько сплеховала на сей раз. Этот Арчибонд должен... — Она замолчала, собираясь минуту с силами. — Я решила взять отпуск. Погода в Англии не годится для моей невралгии, мне нужно солнце. Я уезжаю на следующей неделе в Египет.

— Нам будет вас не хватать, — сказала я ей.

— Даст мне возможность завершить выздоровление и созерцать мои грехи, — вырвалось у нее.

— Это не имеет значения сейчас. Все закончено.

Она улыбнулась мне с жалостью.

— Дорогой мой ребенок, это никогда не кончается. Наши враги хитры и осторожны. И их легион.

— На этот раз они проиграли, — заверила я. — Морнадей и сэр Хьюго никогда не раскроют мою личность.

— А этот репортер? — спросила она, ее губы покраснели от неудовольствия.

— Мисс Баттеруорт и я пришли к пониманию, — холодно ответила я.

— В самом деле?

— Да, мы пожали друг другу руки, и я ей доверяю.

Ее рот сжался.

— Джентльменское соглашение?

— Нет, — сказала я. — Лучше. Женское соглашение.

Глава 25

Другой порядок дел в Бишоп-Фолли был не таким уж приятным. Выяснилось, что во время интервью с сэром Хьюго Морнадей пропустил одну существенную деталь — убийство мадам Авроры.

— С какой стати вы не сказали ему об этом? — потребовала Джей Джей.

Морнадей выглядел откровенно упрямым как осел.

— Мне не очень хотелось рапортовать боссу, что я таскался по Лондону с трупом на буксире, не так ли? Есть законы о таких вещах.

— Почему бы и нет? — спросила она с презрением. — Вы скрываете преступление, и сэру Хьюго это кажется вполне удобным.

— Я не имел права работать в «Club de L'Étoile», — напомнил он ей. — Арчибонд был моим начальником. Если сэр Хьюго обнаружит, что я шпионил за ним, следил просто из-за неясных подозрений, он выбьет меня из Ярда. Мое новое продвижение повиснет на стиральной веревке. Кроме того, сэр Хьюго сделал то, что он сделал, по необходимости, для блага нации. Нет, для блага империи.

Она фыркнула.

— Вы имеете в виду для блага своей собственной задницы. Если бы кто-то знал, что анархист похитил королевского наследника под самым носом людей, которым поручена их защита, он бы лишился должности, прежде чем вы щелкнули бы пальцами, — сказала она, щелкая пальцами для выразительности.

Морнадей горячо покраснел.

— Сэр Хьюго Монтгомери никогда бы не поставил себя на первое место в такой ситуации. И если вы думаете, что он способен на такое, вы самый циничный...

Я подняла руку.

— Мир, дети. Теперь, независимо от того, почему у нас на руках труп, дело в том, что он оказался у нас. И нам придется позаботиться о мадам Авроре.

Поздно ночью в детской спальне, временно превращенной в восстановительное отделение для Стокера, состоялся тайный военный совет. Мы решили, что ей пора спокойно отдохнуть. У Авроры не было семьи, чтобы ее оплакивать, мы не обнаружили близких друзей. Морнадей

ушел, чтобы сделать осторожные запросы в клубе. Но клуб закрылся, персонал рассеялся, и ее адвокат не мог предложить никакой дополнительной информации. Мадам Аврора построила карьеру на секретах и забрала их с собой в могилу.

Следуя подробным инструкциям Стокера, Морнадей, Джей Джей и я избавились от тела мадам Авроры. Поздно вечером мы вернулись к Бишоп-Фолли, чтобы завершить грязное задание. Мы завязали полоски ткани, пропитанные камфарой, на наших ртах и носах, чтобы противостоять зловонию. Но Джей Джей снова начало тошнить, когда Морнадей снял крышку саркофага. Я достала тиару Темплтон-Вейнов. Тщательно очистив, завернула в кусок бархата и для сохранности положила вместе с армиллами в ржавую коробку от печенья. «Только Стокер может туда заглянуть, — подумала я. — И пока там нет печенья, тиара будет себе преспокойно лежать в тайнике».

— Лучше избавиться от тела, пока есть возможность, — Морнадей вытащил охапку розовой тафты из груды тряпок возле ног труп.

— Это платье, которое носил принц, — сразу угадала я. Я достала сверток, только немного испачканный. из-за близости к телу. — Как вам удалось найти его? — потребовала я.

Он поднялся, слегка раздуваясь от гордости.

— Я xmlns:l="http://www.w3.org/1999/xlink"
l:id20201002194216_23">висел у вас на
xmlns:l="http://www.w3.org/1999/xlink" l:id20201002194216_24
xmlns:l="http://www.w3.org/1999/xlink" l:id20201002194216_25хвосте в ту
ночь. Недостаточно близко, чтобы остановить их, когда они выдернули вас с обочины, — сказал он, явно раздраженный своими неудачами. — Но мне удалось отыскать платье. Оно все еще было у меня, когда я пошел забрать тело мадам, — добавил Морнадей, дергая подбородком в сторону бывшей работодателяницы. — Я сунул платье в ящик с телом, чтобы оно не попало в чужие руки. Между этим платьем и этой чертовой ужасной тиарой я весь вечер только и разгребал мусор после вашей парочки, — добавил он с усмешкой.

Вместе мы втроем удалили мадам Аврору из саркофага, осторожно накрыв льняным саваном. Морнадей притащил ящик, который использовал для перевозки тела — простую коробку подходящих размеров — и мы поместили туда тело, укрыв пачками белья. Щедрое применение негашеной извести отогнало наихудший запах, и Морнадей прибил крышку на место. Он наклеил наверху ярлык с указанием ближайшего морга.

— У меня есть знакомый доктор, который подпишет свидетельство о

смерти по естественным причинам за несколько фунтов, — сказал он, тяжело вздыхая. — Она будет похоронена как Джейн Доу.

— Ужасный конец для такого гламурного существа, — огорченно добавила Джей Джей.

— По крайней мере, это христианское погребение, — ошетинился Морнадей. — Мы обнаружили, что она познакомилась с Арчибондом несколько месяцев назад, и он вовлек ее в заговор де Клэра. Арчибонд наблюдал за принцем, чтобы раскопать скандал, который можно было бы использовать против него. Когда он понял, что принц часто посещает «Club de l'Étoile», он решил завербовать мадам Аврору, обнаружив ее уязвимость.

— Что это было? — с любопытством спросила я.

— Деньги, — последовал краткий ответ Джей Джей. — Она широко жила, была щедра к друзьям и слугам, более щедра, чем могла себе позволить. Аврора исчерпала кредит в этой стране и начала чувствовать давление долгов. Арчибонд пообещал ей новый старт в Аргентине, если она поможет ему. Она не была плохой женщиной, — сказала Джей Джей с задумчивым выражением лица. — Мне хочется думать, что она, возможно, отказалась бы предать Эдди в конце.

Губы Морнадея сжались.

— Аврора была пешкой в схемах Арчибонда, но давайте не будем забывать: она участвовала в заговоре, преследовавшем свержение монархии. Она получила то, что заслуживала.

Джей Джей и я обменялись взглядами. Как типично для мужчин не понять.

Прежде чем мы ушли, я собрала почту, которая пришла в наше отсутствие. Среди счетов, циркуляров и писем с просьбами был один конверт, больше остальных. Жесткий и украшенный гербом, с моим именем, но без адреса. Конверт был доставлен курьером. Внутри не было записки, только фотография. Его королевское высочество, принц Альберт Виктор, блистательный в форме 10-го Гусарского полка, усы вожденные и завитые, пристальный взгляд, устремленный вдаль. Наш будущий король. Я перевернула фото и увидела надпись:

«Веронике Спидвелл, самой смелой женщине из всех, кого я знаю. Если ты нуждаешься во мне, тебе нужно только спросить. Эдди».

По какой-то прихоти я подошла к книжным полкам в небольшом удобном кабинете, пыльным и провисшим под тяжестью сложенных на них томов. Потребовалось лишь мгновение, чтобы найти том, который я искала. Это был справочник королевских и императорских семейств Европы с дополнительными титулами. Я пролистывала страницы, пока не добралась

до его королевского высочества Альберта Эдварда, принца Уэльского. Я проследила меньшие титулы, водя по ним кончиком пальца. Герцог Корнуолла. Герцог Ротсей.

Граф Честер.

Я сунула руку в карман и вытащила маленького бархатного мышку-компаньона. «Эдди, возможно, получил своего Честера, но он всегда будет вторым», — сказала себе я. Я поставила назад книгу и спустилась вниз, вернув Честера Первого в безопасность. Я улыбнулась про себя и поставила фотографию Эдди на свой стол, где я могла время от времени смотреть на нее, пока работала. Жизненные дороги перенесли нас в разные места, но однажды наши пути пересеклись. И этого было достаточно.

• • •

Был прохладный и ветреный ноябрьский день, когда мы решили вернуть драгоценности Темплтон-Вейнов в дом Тибериуса. Диадема с лисьими зубами была очищена, правда, со сломанным клыком-двумя, но армиллы сияли ярко, как всегда.

Мы оба наслаждались нашим пребыванием в доме мистера Пеннибейкера. Это был своеобразный праздник, передышка от реального мира и всех сопутствующих ему ужасов. Мы отдыхали в комфорте и покое, пока наши раны заживали. Стокер занялся проектом рукоделия, а я читала ему вслух последние журналы по естествознанию. Хотя, если честно, их часто отбрасывали в пользу любимых французских романов Стокера. Мистер Пеннибейкер проводил с нами много времени, повествуя занимательные истории своих приключений, большинство из которых были совершенно неожиданными для такого неуверенного в себе человека. (И одна или две — настолько восхитительно непристойными, что меня отправили из комнаты с поручением во время рассказа. Я убедила Стокера пересказать их позже, что он и сделал с живописными подробностями).

Мы оставили его с угрызениями совести, но пришло время. Поднялся ветер, резкий и пронизанный первыми заморозками сезона. Паутину в живых изгородях усеяли жемчужинки льда, и каждая прекрасная рубиновая ягода была обшита тонким слоем с твердым алмазом. Весь мир сверкал тем утром, и мы вернулись в Бельведер с чувством, что вернулись домой.

Конечно, место превратилось в абсолютный бедлам. Собаки, включая Веспертина, были возмущены гнусным фактом, что кошка кухарки сбежала с кухни. Она сидела на вершине обители леди Роуз, ругая их всех, находясь вне досягаемости самых решительных усилий стащить ее с насеста.

Черепашу Патрицию — ее день свадьбы наконец наступил — постигло

разочарование, когда наконец ящик с женихом был освобожден от таможи. Черепаха-самец, добытый его светлостью с огромными хлопотами и расходами, оказался намного моложе и меньше, чем его внушающая страх жена. Патриция перевешивала его примерно на шестнадцать стоунов. Он был таким крошечным, что она могла нацепить его на шляпу.

Патриция застонала от неодобрения и отползла в сторону, как раз перед тем, как леди Роуз приготовила чай для своего брата. Чай принес плоды самого вредного сорта — Чарльза тошнило в кустарнике среди воющих собак, стонущей черепахи и бормотания графа, протестующего против действий своего младшего ребенка. Стокер крепко взял меня за руку. Он достал банку от бисквитов с тиапой и армиллами и свистнул, подзывая кэб. Кучеру был продиктован адрес Тибериуса.

Мы прибыли, чтобы найти дом в темноте.

— Дверь заперта накрепко, как барабан, — проникательно подметил кэбмен. — Кажется, некому будет присматривать за вами.

— Неважно, — сказал Стокер, вытаскивая меня из кареты. — У меня есть ключ. — Он заплатил парню и отослал его. Я последовала за Стокером, но не к входной двери, которая была заколочена и заперта, а вниз по лестнице к служебной. Он вставил ключ в замок, и через мгновение мы оказались внутри спящего дома, даже воздух казался приглушенным.

— Голодна? — спросил он, когда мы проходили через кухни.

— Не было бы ничего хорошего, если бы и была, — заметила я, заглядывая в кладовку. — Кладовые пустые. Должно быть, Тибериус приказал убрать припасы, чтобы не завелись мыши, пока его нет.

Стокер ухмыльнулся.

— Но держу пари, что винный погреб полон. — Стокер исчез на узкой лестнице, ведущей в маленький погреб, где Тибериус хранил свои дорогие вина. Он появился с пыльной бутылкой древнего вида.

— Чембертин, 1803, — сказал он с чувством.

— Это хорошо?

— Не имею малейшего представления. Но он держал его взаперти, так что вино должно быть ценное.

— Похоже, ты намереваешься ограбить Тибериуса, — критически заметила я.

Он отмахнулся.

— Думаю, что после наших эскапад в Корнуолле он скорее должен нам.

— Я совершенно согласна, — признала я, когда он достал нож. Через

мгновение он разрезал сургучную печать и вытащил пробку. Стокер налил нам по бокалу вина — оно было красным как рубины, и пахло ягодами и дымом.

— За еще одно успешное приключение! — провозгласил он.

Мы чокнулись и стали потягивать бургундское. Это вино не походило ни на какой напиток, что я когда-либо пробовала. В нем было шелковое качество и зрелость, которая билась в крови как крылья. Я посмотрела на Стокера через край бокала и поняла, что мы одни, совершенно одни, без возможности нас прервать, ни долга, ни обязательств.

Он осушил свой бокал и поднял бутылку. Я ничего не сказала, в этом не было необходимости. Я пошла за ним следом, когда он пробирался через дом, городской дом, который знал с детства. Он не нуждался в освещении, чтобы найти дорогу, и только когда мы достигли комнаты для гостей, Стокер зажег свечу.

— Тибериус всегда приказывает ограничить подачу газа, пока его нет, — пояснил он. — Но есть свечи, и будет горячая вода, если ты хочешь принять ванну. — Сантехнику в римских банях в Бишоп-Фолли все еще не отремонтировали, и я жаждала хорошенько отмокнуть, но Стокер выигрывал время. Он немного нервничал, как и я. У нас не было никаких оправданий, кроме усталости, чтобы оставаться врозь. Это был момент, когда мы должны были выбрать — двигаться вперед вместе или оставаться навсегда друзьями, но не более того.

Я тоже решила выиграть время. Я вошла в ванную — роскошную маленькую комнату, облицованную плиткой, в которой стояла огромная медная ванна. Она быстро заполнилась, и я дрожащими руками швырнула в нее полные пригоршни ароматических солей. Я знала о новом пробуждении, срочности, которая заставила мои конечности дрожать. Сняла одежду и заметила свежие розовые шрамы, похожие на крошечные звездочки на моем плече. «Следы воина», — решила я. Огромные клубы пара катились по комнате, когда я откалывала волосы, позволяя им падать до тех пор, пока концы не упали в пенящуюся воду.

Я откинулась в ванне, вода обвалакивала мои плечи. Я закрыла глаза. Воспоминания и мысли неслись вскачь — обо всех мрачных временах, что мы со Стокером пережили вместе: о риске, на который мы шли ради друг друга; о пулях и ножах; о том, как мы почти утонули; о пожарах и ярости, с которыми столкнулись. Мы всегда будем стоять спиной к спине против всего мира. Не думаю, что смогла бы пережить утрату, если бы когда-нибудь потеряла эту стойкую преданность. Никогда в жизни я не знала такого идеального общения, ссор и смеха, моментов полного и

невысказанного понимания. Он не был моей другой половиной, потому что я была целой сама по себе. Он был моим зеркалом. В нем я видела, как отражалось все, что мне нравилось больше всего в себе: честность и гордость; верность и готовность выстоять, как ни трудно, в служении своим принципам. Он был моей близнецовой душой. Если бы я не любила его так сильно, я бы так сильно не боялась потерять его.

Мои щеки были влажными от пара и слез, я взяла мочалку, чтобы вытереть их.

«Слезы не помогут. Ничего не достигнешь в жизни, лежа на диване, — твердо сказала я себе. — Я никогда не пряталась от проблем, я боролась. — Я встала на ноги, вода стекала по стенкам ванны и на пол. — Довольно ожиданий и колебаний. Мы принадлежим друг другу и будем вместе во всем». Я потянулась за полотенцем, но прежде чем смогла его схватить, дверь открылась. Сквозь облака пара я могла видеть Стокера, нагого — в чем мать родила — самая великолепная вещь, которую я когда-либо видела. Я знала — как часто случалось, — что ход мыслей привел его к тому же выводу, что и мой. Время для допроса и сомнений прошло. Мы выбрали.

Стокер не сказал ни слова — нечего было говорить. Он просто прошел по мраморному полу, уверенный, как король. Он пришел за мной.

• • •

Хорошо информированный читатель, вероятно, знает о львах африканских саванн. Эти благородные звери, спариваясь, консультируют свой союз много раз в течение нескольких часов; пока самец не будет полностью истощен, а самка удовлетворена. Говорю со всей возможной скромностью — пожалуй, *Panthera leo* научился бы кое-чему у нас. Я всегда испытывала тревожное удовольствие, когда мы со Стокером целовались, но это была просто прелюдия к тому, чего мы достигли той ночью.

Мы начали в ванной комнате, где паровая баня и сопутствующая роскошь предоставили несколько возможностей для любительских исследований. Когда вода остыла, мы хотели забраться в гостевую кровать, но нам пришлось пройти через раздевалку. Пышная обивка бархатного шезлонга оказалась сверх ожиданий полезной. Потом, припоминая, нам подвернулось кресло нужной высоты для особенно приятного занятия, даже сейчас привлекающего к моим щекам румянец. Мы закончили в кровати, проложив путь скромного разрушения из ванной — вода заливала пол — к письменному столу (промокашка выдавала совершенно непристойный отпечаток чьей-то филейной части). На самой большой кровати с балдахином — балдахин перекосялся, и планки ослабли.

Мы лежали, сплетаясь, сердца, бьющиеся друг о друга, одна из его рук

обернута моими волосами, когда рассветное солнце позолотило края драпировок.

— Это утро, — пробормотал он сонно. — Первое утро.

Больше он ничего не сказал, но я поняла. Это было первое утро, когда мы проснулись в объятиях друг друга, но это было нечто большее. Это было первое утро, начало всего творения, насколько я могла судить. Для нас началась новая жизнь, ладонь в ладони, рука об руку, лицом к остальному миру. Какие приключения нас ждут!

Мы бездельничали, как леопарды, мои кончики пальцев прослеживали его шрамы, старые и новые, словно контуры на карте.

— Но это конец, Вероника, — строго сказал Стокер. — Больше никаких подвигов, никаких пуль, никаких расследований. Сколько раз мужчина может стерпеть, чтоб его застрелили, зарезали или наполовину утопили прежде чем начнет принимать это на свой счет? Пообещай мне, что с этим покончено.

Я широко раскрыла глаза.

— Обещаю.

Он прищурился.

— Твои пальцы скрещены за спиной?

Я улыбнулась.

— Конечно.

Он вздохнул.

— Очень хорошо, тогда. Полагаю, я должен смириться со своей судьбой. Потому что ты определенно предназначена для приключений. И я предназначен для тебя.

Я крепко поцеловала его, благодаря за понимание. Маленькое, добропорядочное существования не для нас. Куда бы мы ни шли, мы будем идти бок о бок, прокладывая себе путь, как равные в каждом приключении.

Excelsior!

АВТОРСКИЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Мэри Энн Николз, Энни Чэпмен, Элизабет Страйд, Кэтрин Эддоус, Мэри Джейн Келли. Таковы имена пяти «канонических» жертв Джека-потрошителя. Широкая известность и загадочность преступника сделали его знаменитым во всем мире, тогда как имена его жертв часто остаются забытыми. Существует заблуждение, что жертвами невероятных по своей жестокости убийств были проститутки из трущоб. Предвзятое отношение полицейских в XIX веке к жертвам убийцы повлекло за собой историческую неточность, которая поддерживается на протяжении 130 лет. По утверждению историков, убитые женщины принадлежали к рабочему классу и трудились служанками и прачками. Нищета вынудила многих женщин заниматься проституцией. Их жизнь была слишком сложна, чтобы автор могла описать ее в кратких заметках. Заинтересованным в деталях читателям стоит рекомендовать книгу британского историка Холли Рубенхольд «Пять».

Упоминание лондонских бездомных, спящих на улице или в палатка на Трафальгарской площади в 1888 году — факт.

Истерия, окружившая убийства Потрошителя, привлекла внимание и негодование общественности. Мишенью стали эмигранты, бедные, богатые, больные, еврейские переселенцы. Газеты наводнили письма с требованиями социальных реформ, призывающих аристократию признать вину в существующей системе нищеты, алкоголизма, безграмотности и — часто — насилия среди низших слоев населения.

Теории, что его королевское высочество принц Альберт Виктор — возможный подозреваемый в убийствах, не было в анналах «рипперологии» до 1970 года. Однако такие утверждения несостоятельны, поскольку современные документы доказывают, что Альберт Виктор отсутствовал в Лондоне во время убийств. Принц был избалован и, возможно, не слишком умен, но в нем не было ни капли жестокости. Его чаще всего описывали как обаятельного и милого, но не склонного напрягаться интеллектуально или социально. Некоторые современники утверждали, что он был неспособен к обучению или унаследовал от матери глухоту (что также не подтверждено доказательствами).

Ходили другие слухи, что принц был вовлечен в скандал на Кливлед-стрит. В июле 1889 года лондонская полиция обнаружила мужской бордель

на Кливленд-стрит, и среди клиентов был трансвестит, отзывавшийся на имя Виктория. Поскольку я не смогла отыскать надежные источники этой истории, я использовала женское платье принца как маскарадный костюм, а не как его личные предпочтения. Что касается его сексуальной ориентации, нет убедительных доказательств за или против участия принца в гомосексуальных отношениях.

Из писем Эдди к родным осенью 1888 известно, что он был глубоко влюблен в свою кузину, принцессу Алису Гессенскую — первую из наиболее сильных влюбленностей его жизни.

Он получил титул герцога Кларенса в 1890 и умер в январе 1892 от осложнений после гриппа в возрасте 28 лет, оставив свою мать безутешной.

Невеста принца, Мария Текская вышла замуж за его брата, Джорджа, в 1893 году. Они вместе правили Великобританией во время первой мировой войны как король Георг V и королева Мария.

Первая любовь Эдди, Алиса Гессенская, несмотря на давление со стороны семьи, отказалась от этой помолвки, мотивируя тем, что влюблена в русского цесаревича Николая. Позднее Алиса приняла православие и вышла замуж за кузена Альберта Виктора — русского императора Николая II. В браке Алиса сменила имя и стала зваться Александра Федоровна; она была убита вместе с Николаем и пятью детьми в русской революции 1918 года в Екатеринбурге. Императрица была канонизирована Русской православной церковью в 2000 году. При канонизации Александра Федоровна стала Царицей Александрой Новой.

Ее королевское высочество, принцесса Уэльская — позже королева Александра — действительно имела коллекцию алмазных звезд ювелирного дома «Garrard». Насколько известно, в настоящее время она включена в коллекцию британской королевской семьи.

Хотя викторианцы называли древнюю британскую королеву Боадичея-властительница иценов, в настоящее время считается правильным произношение этого имени как Боудикка.

Предыдущие книги серии: «
l:id20201002194216_26Интригующее начало», «
xmlns:l="http://www.w3.org/1999/xlink" l:id20201002194216_27Опасное
предприятие», «
xmlns:l="http://www.w3.org/1999/xlink" l:id20201002194216_28Зловещее проклятье» и «
xmlns:l="http://www.w3.org/1999/xlink" l:id20201002194216_29Опасное
сотрудничество».

notes

Эволюционная концепция, основывающаяся на теории, выдвинутой в начале XIX века Жаном Батистом Ламарком в трактате «Философия зоологии». Взгляды Ламарка достаточно сложны для понимания, поскольку базируются на ряде совершенно неинтерпретируемых в рамках современной науки концепций XVIII века.

Франц Ксавер Винтерхальтер - Franz Xaver Winterhalter (1805-1873) - немецкий живописец и литограф, один из моднейших портретистов середины XIX века. Мастер светского и придворного портрета, создал галерею принцесс и аристократок практически всех стран Европы.

Буканьеры - пираты, нападавшие на испанские флотилии в Карибском море во второй половине XVII века.

Франсуа Буше - Francois Boucher (1703–1770) - французский живописец, гравёр, декоратор.

Флоренс Найтингейл - Florence Nightingale (1820-1910) - сестра милосердия и общественный деятель Великобритании.

Découpage - искусство или ремесло украшать предметы бумажными вырезками.

Иниго Джонс - Inigo Jones (1573-1652) - английский архитектор, дизайнер, художник и сценограф, стоявший у истоков британской архитектурной традиции.

«Свобода, ведущая народ» или «Свобода на баррикадах» - «La Liberté guidant le peuple» (1830) - картина французского художника Эжена Делакруа.

Шинуазри - использование мотивов и стилистических приемов средневекового китайского искусства в европейской живописи, декоративно-прикладном искусстве, costume и оформлении садово-парковых ансамблей преимущественно XVIII века.

Серпентин - Serpentine - озеро в лондонском Гайд-парке.

Déshabillé - небрежно одетый, полурасдетый, расдетый.

Баньян - похожая на кимоно домашняя просторная одежда мужчин и женщин в европейской моде на рубеже XVII-XVIII веков.

Антропоморфизация - наделение человеческими качествами животных, предметов, явлений, мифологических созданий и т. п.

Lèse majesté - оскорбление его королевского величества, за которым могла последовать смертная казнь.

Гомруль - Home Rule, «самоуправление» - движение за автономию Ирландии на рубеже XIX-XX веках.

Альберт, принц Уэльский (Эдвард VII) из-за своей полноты среди друзей получил прозвище Prince Tum-Tum - Принц Живот.

Квази - quasi - псевдо, ложно.

10-й Королевский гусарский - личный полк принца Уэльского, кавалерийский полк британской армии, сформированный в 1715 году.

Брахиация - способность животных передвигаться, раскачиваясь на руках, с одного уступа на другой (например, с одной ветки дерева на другую).

Линимент - лекарственная форма, предназначенная для наружного применения (чаще путем втирания).

«Кунард Лайн» - Cunard Line - крупнейшая судоходная компания на североатлантической линии, основанная в середине XIX века.